This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 361.70 (15-16)

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

This is Кн. 16, тур. 1-3 (1902)

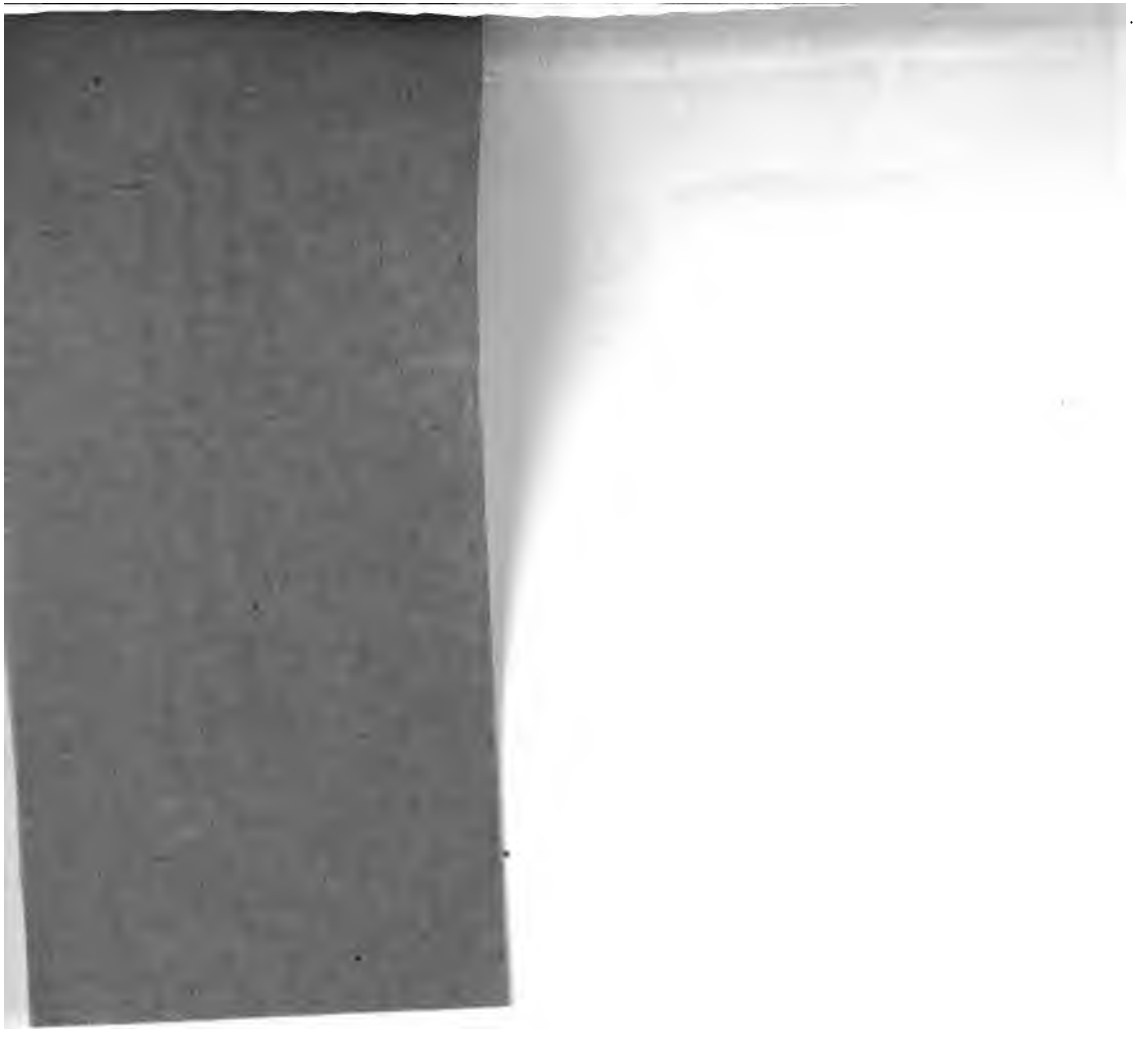
Памяти Рогоза

Научно-литературный сборникъ изданный историческимъ обществомъ

Нестора Лѣтописца

1902

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.



Кн. 1 (

Содержаніе XVI-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца".

Отдѣлъ I.

Вып. 1—3-й. Стр.

Чествованіе памяти Н. В. Гоголя Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца 1

Вып. 4-й.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ ноября 1901 г. по мартъ 1902 г. включительно 1

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О семьѣ Борецкихъ въ Новгородѣ и о Маревѣ-посадницѣ—*В. С. Иконникова* 2
О княжеской діадемѣ и бармахъ—*Н. И. Петрова* . . 3
О дѣленіи Византійской имперіи на осмы—*Ю. А. Кулаковскаго* 4
Декабристъ С. Д. Волконскій и его записки—*Н. П. Василенка* 6
Записка готскаго топарха—*Ю. А. Кулаковскаго*. . . 12
Взглядъ М. М. Сперанскаго на систему государственнаго управленія—*М. В. Довнаръ-Запольскаго* . . 15
О дневникѣ и депешахъ герцога Лирійскаго—*В. К. Пискорскаго* 17
Высшее начало, положенное въ основу западно-русскихъ братствъ, и причины стремленія послѣднихъ къ ставропигіальности—*В. З. Завитневича* . . . 24
О русскихъ былинахъ и „сказителѣ" ихъ И. Т. Рябининѣ—*Н. П. Дашкевича* 29
Русскія былины въ ихъ прошломъ и настоящемъ—*А. М. Лободы* 30

Отдѣлъ II.

Вып. 1—3-й.

Стр.

Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя—*А. М. Лазаревскаго* . . 3
Юношеская идиллія Гоголя—*П. В. Шаровольскаго* . . 13
Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Н. В. Гоголя—*Н. И. Петрова* 53
Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи—*И. М. Каманина* 75
Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ душъ“—*М. Н. Марковскаго* 133
Н. В. Гоголь, какъ эпическій писатель—*В. Н. Малинина* 227
Комедіи Гоголя (литературный этюдъ)—*К. Н. Бокадорова* 258
Комедіи Н. В. Гоголя въ связи съ развитіемъ русской комедіи и другими его произведеніями—*А. М. Лободы* 288
Гоголь объ искусствѣ—*Г. Г. Павлуцкаго* 304
Религіозно-нравственное состояніе Н. В. Гоголя въ послѣдніе годы его жизни—*В. З. Завитневича* . . 338
Значеніе мысли и творчества Гоголя—*Н. П. Дашкевича* 425

Вып. 4-й.

Рыцарство на Руси—въ жизни и поэзіи. II.—*Н. П. Дашкевича* 1
Счисленіе суточнаго времени въ Западной Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв.—*М. Н. Ясинскаго* . . 24

Отдѣлъ III.

Вып. 1—3-й.

Семейная хроника Гоголей—*В. А. Чаговца* (съ приложеніемъ писемъ Гоголя, Шевырева, Кулиша, Аксакова и о. Моисея) 3

Вып. 4-й.

Гетманскіе универсалы о Кіевскомъ городскомъ хозяйствѣ (1677—1719 гг.)—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій* . . 73
Свидѣтельство стародавнихъ людей—Сообщилъ *В. А. Чаговецъ* 84
Письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь (1859—1863).—Сообщилъ *В. А. Чаговецъ* 102

Отдѣлъ IV.

Вып. 1—3-й.

Гоголь и Бѣлинскій—*Г. В. Александровскаго* 3

Отдѣлъ V.

Вып. 1—3-й.

На родинѣ Гоголя—*В. А. Чаговца* 3
Одинъ изъ пріятелей Гоголя (А. М. Марковичъ)—*А. М. Лазаревскаго* 39
Гоголевская выставка (каталогъ)—*В. А. Чаговца* . . 44

Вып. 4-й.

Библіографическія рѣдкости—*А. И. Соболевскаго* . . 51
Н. М. Карамзинъ, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“—*П. В. Голубовскаго* 55
„Письма русскаго путешественника“—*А. М. Тободы* 62
Основная идея труда Н. М. Карамзина и его воспитательное значеніе—*В. З. Завитневича* 75
Л. Ранке о Н. М. Карамзинѣ—*В. С. Иконникова* . . 77
Извѣстіе о новыхъ книгахъ—*М. Д.—З.* 78

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя.—*Гавріила Ласкина* 65 - 96

— —

ПАМЯТИ
ЛОЛОЛЯ.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАННЫЙ

Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца,

подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Тип. Р. К. Лубковскаго, Б.-Владимірская ул., № 49.
1902.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

Содержаніе.

ОТДѢЛЪ I.

Стр.

Чествованіе Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца памяти Н. В. Гоголя по случаю 50-тилѣтія со дня его смерти—*М. Н. Ясинскаго* I - X

Поэзія Гоголя. Стихотвореніе *В. А. Чаговца* . . . XI-XII

ОТДѢЛЪ II.

I. Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя—*А. М. Лазаревскаго* 3-12
II. Юношеская идиллія Гоголя—*И. В. Шаровольскаго* 13-52
III. Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя—*Н. И. Петрова* . . . 53-74
IV. Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи—*И. М. Каманина* . . 75-132
V. Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ Душъ"—*М. Н. Марковскаго* 133-226
VI. Гоголь, какъ эпическій писатель—*В. Н. Малинина* 227-257
VII. Комедіи Гоголя (литературный этюдъ)—*Н. К. Бокадорова* 258-287
VIII. Комедіи Гоголя въ связи съ развитіемъ русской комедіи и другими его произведеніями—*А. М. Лободы* 288-303
IX. Гоголь объ искусствѣ—*Г. Г. Павлуцкаго* . . . 304-337
X. Религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни—*В. З. Завитневича* 338-424
XI. Изображеніе душевно-больныхъ въ творчествѣ Гоголя—*И. А. Сикорскаго* 425-430
XII. Значеніе мысли и творчества Гоголя—*Н. П. Дашкевича* 431-453

ОТДѢЛЪ III.

Семейная хроника Гоголей—*В. А. Чаговца* (съ приложеніемъ писемъ Гоголя, Шевырева, Кулиша, Аксакова и о. Моисея) 3-71

ОТДѢЛЪ IV.

Гоголь и Бѣлинскій—*Г. В. Александровскаго* . . . 3-51

ОТДѢЛЪ V.

На родинѣ Гоголя—*В. А. Чаговца* 3-38
Одинъ изъ пріятелей Гоголя (А. М. Марковичъ)—
А. М. Лазаревскаго 39-43
Гоголевская выставка (каталогъ) *В. А. Чаговца* . . 44-49

Поправки и дополненія къ статьямъ *И. В. Шаровольскаго*, *В. А. Чаговца* и *Г. В. Александровскаго* . 1-14

Перечень портретовъ и рисунковъ.

I. Заглавная виньетка.
II. Портретъ Н. В. Гоголя (съ копіи портрета, писаннаго Ѳ. Моллеромъ въ Римѣ въ 1841 г.).
III. Марья Ивановна Гоголь (мать поэта) въ молодости.
IV. Марья Васильевна Трушковская (ур. Гоголь), сестра поэта, 8 лѣтъ.
V. Ольга Васильевна Головня (ур. Гоголь), сестра поэта.
VI. М. А. Максимовичъ.
VII. А. М. Марковичъ.
VIII. Рисунокъ Н. В. Гоголя, приложенный къ письму изъ Нѣжина.
IX. Снимокъ съ автографа письма Гоголя 1827 или 1828 г.
X. Прудъ въ Яновщинѣ (Васильевкѣ).
XI. Картина Брюллова: „Послѣдній день Помпеи" (отд. II, стр. 304).
XII. Домъ, въ которомъ протекло дѣтство Гоголя (отд. III, стр. 3).

ЧЕСТВОВАНІЕ

Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца

памяти Н. В. ГОГОЛЯ

по случаю 50-тилѣтія со дня его смерти.

Еще въ засѣданіи 27-го февраля 1900 г. предсѣдатель Общества Нестора-лѣтописца Н. П. Дашкевичъ обратилъ вниманіе сочленовъ, что чрезъ два года, 21-го февраля 1902 года, исполнится 50 лѣтъ со дня смерти великаго русскаго писателя Н. В. Гоголя, и сдѣлалъ по этому поводу предложеніе посвятить памяти его первый изъ имѣющихъ выйти въ 1902 году выпусковъ „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца.“ Присутствовавшіе въ означенномъ засѣданіи Общества одобрили предложеніе Н. П. Дашкевича и постановили разослать всѣмъ членамъ приглашеніе доставить имѣющіеся у нихъ матеріалы и статьи для изданія, посвященнаго памяти Гоголя.

Такъ было положено начало участія Общества Нестора-лѣтописца въ предстоявшихъ въ 1902 г. чествованіяхъ по всей Руси памяти великаго писателя.

Приблизительно черезъ годъ, въ засѣданіи Общества 11-го марта 1901 г., по предложенію его предсѣдателя Н. П. Дашкевича, рѣшено было образовать особую коммиссію для выработки подробной программы чествованія. Въ эту коммиссію, подъ предсѣдательствомъ Н. П. Дашкевича, были приглашены для участія въ ея занятіяхъ Г. В. Александровскій, В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, А. М. Лазаревскій, А. М. Лобода, В. Н. Малининъ, Н. И. Петровъ, А. І. Степовичъ и нѣкоторыя другія лица [1]). Первое засѣданіе коммиссіи состоялось 18-го марта 1901 г. Въ этомъ засѣданіи была выработана программа чествованія памяти Н. В. Гоголя, а именно предположено было: 1) устроить вечеромъ 20-го февраля 1902 г. торжественное засѣданіе Общества Нестора-лѣтописца, въ коемъ поч. чл. Н. П. Дашкевичъ и д. чл. В. Н. Малининъ и А. М. Лобода произнесутъ соотвѣтственныя случаю рѣчи; 2) открыть ко дню чествованія памяти Н. В. Гоголя въ зданіи университета „Гоголевскую выставку", т. е. выставку сочиненій Н. В. Гоголя, его автографовъ, портретовъ его и близкихъ ему лицъ и различныхъ иныхъ предметовъ, связанныхъ съ памятью о немъ, и 3) посвятить памяти Н. В. Гоголя 1-й и 2-й выпуски книги „Чтеній" за 1902 г., куда должны войти какъ вышеупомянутыя рѣчи, такъ равно статьи и матеріалы, обѣщанные гг. Александровскимъ, Завитневичемъ, Каманинымъ, Лазаревскимъ, Петровымъ, Степовичемъ и нѣкот. др. лицами.

Эта программа, одобренная совѣтомъ Общества Нестора-лѣтописца, получила дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ засѣданіяхъ какъ Гоголевской коммиссіи, такъ и совѣта Общества. Такъ, торжественное засѣданіе Общества въ честь Н. В. Гоголя

[1]) Нѣкоторыя изъ не названныхъ здѣсь, но приглашенныхъ къ участію въ коммиссіи, лица не откликнулись на приглашеніе и по тѣмъ или инымъ причинамъ въ засѣданіяхъ ея вовсе не участвовали.

рѣшено было обставить пѣніемъ и музыкой, для чего былъ приглашенъ между прочимъ хоръ университетскихъ студентовъ. Далѣе, приняты были мѣры относительно обезпеченія полноты Гоголевской выставки, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Наконецъ, рѣшено было посвятить памяти Н. В. Гоголя не только первые два выпуска XVI книги „Чтеній“, но, въ случаѣ надобности, и третій выпускъ, а всѣ вошедшіе туда статьи и матеріалы выпустить, кромѣ того, отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ „Гоголевскаго сборника“, снабженнаго фототипическими снимками съ автографовъ Гоголя и съ портретовъ его и нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ [1]).

Выпускъ Гоголевскаго сборника въ видѣ отдѣльнаго изданія и притомъ въ объемѣ и по программѣ, значительно расширенныхъ сравнительно съ первоначальными предположеніями [2]), и вообще болѣе широкая программа чествованія Н. В. Гоголя сдѣлались возможными послѣ того, какъ Совѣтъ университета св. Владиміра, по ходатайству Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, горячо поддержанному ректоромъ университета, почетн. членомъ и казначеемъ Общества Ѳ. Я. Фортинскимъ, нашелъ возможнымъ (въ засѣданіи 27-го апрѣля 1901 г.) ассигновать Обществу субсидію на предметъ чествованія памяти Гоголя въ размѣрѣ 500 руб.

Весною и осенью того же 1901 г. былъ принятъ рядъ мѣръ въ видахъ обезпеченія полноты Гоголевской выставки. Такъ, Общество вступило въ сношенія съ В. П. Горленкомъ, полтав-

---

[1]) Для Сборника было заказано клише заглавного листа по рисунку д. чл. Г. Г. Павлуцкаго.

[2]) Сверхъ статей авторовъ, упомянутыхъ выше, оказалось возможнымъ напечатать также статьи и матеріалы, доставленные дѣйствительными членами И. А. Сикорскимъ, В. А. Чаговцемъ, М. Н. Марковскимъ и стипендіатомъ по каѳедрѣ западно-европейскихъ литературъ И. В. Шаровольскимъ.

скимъ фотографомъ Хмелевскимъ и нѣкот. другими лицами по вопросу о доставленіи на Гоголевскую выставку коллекціи портретовъ Н. В. Гоголя и нѣкот. другихъ предметовъ, а равно напечатало въ газетахъ приглашеніе о присылкѣ на выставку подходящихъ предметовъ всѣми лицами, которыя располагаютъ означенными предметами.

Этимъ, однако, не ограничились заботы Общества о выставкѣ. По иниціативѣ предсѣдателя Общества Н. П. Дашкевича, д. чл. В. А. Чаговецъ взялъ на себя трудъ съѣздить на родину Гоголя, въ с. Васильевку (Яновщину), находящуюся въ 40 верстахъ отъ Полтавы. Поѣздка эта (лѣтомъ 1901 года) болѣе или менѣе оправдала возложенныя на нее надежды. Любезно встрѣченный сестрой поэта, Ольгой Васильевной Головней, и ея сыномъ Василіемъ Яковлевичемъ, В. А. Чаговецъ былъ допущенъ къ осмотру семейнаго архива, значительная часть котораго была затѣмъ передана Ольгой Васильевной и ея сыномъ въ даръ Обществу Нестора-лѣтописца. Кромѣ того, у О. В. Головни оказалось не малое количество реликвій, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ именемъ Н. В. Гоголя, а именно: рядъ предметовъ, составлявшихъ его собственность (тѣльный крестъ-складень, снятый съ поэта послѣ смерти, золотое кольцо съ прядью русыхъ волосъ, заплетенныхъ вокругъ него, печать, трость и т. д.), портреты, рисунки, картины и письма, среди которыхъ оказались и неизданныя. Всѣ эти реликвіи были любезно предоставлены хозяевами Васильевки для помѣщенія на Гоголевской выставкѣ, устроенной Обществомъ Нестора-лѣтописца [1]). Наконецъ, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Яновщинѣ, В. А. Чаговецъ сдѣлалъ

[1]) Подробный перечень упоминаемыхъ здѣсь реликвій сдѣланъ въ каталогѣ Гоголевской выставки, помѣщенномъ ниже, въ настоящемъ Сборникѣ.

цѣлый рядъ фотографическихъ снимковъ съ лицъ и предметовъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ поэта [1]).

Въ благодарность за предоставленіе Обществу ряда цѣнныхъ для выставки предметовъ и пожертвованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ музей Общества, а также желая тѣмъ почтить память Н. В. Гоголя, Общество Нестора-лѣтописца, по предложенію его предсѣдателя, единогласно (въ засѣданіи 20-го января 1902 года), избрало въ свои почетные члены родную сестру писателя О. В. Головню.

Осенью того же 1901 г. явилась мысль къ указаннымъ выше формамъ чествованія памяти великаго русскаго писателя (торжественное засѣданіе съ рѣчами, изданіе юбилейнаго сборника и устройство выставки) присоединить еще одну, а именно открыть рядъ публичныхъ платныхъ лекцій, касающихся личности и произведеній Н. В. Гоголя. Иниціатива этихъ лекцій исходила отъ предсѣдателя Общества Н. П. Дашкевича, который выступилъ съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ въ засѣданіи совѣта Общества 25-го сентября 1901 г. Этотъ проектъ встрѣтилъ полное сочувствіе, какъ со стороны совѣта, такъ равно и со стороны нѣкоторыхъ членовъ Общества, выразившихъ свое согласіе выступить въ качествѣ лекторовъ. Въ теченіе октября и первой половины ноября были выработаны программы будущихъ 6-ти лекцій, которыя предполагалось прочесть въ декабрѣ 1901 и январѣ 1902 г. въ одной изъ университетскихъ аудиторій. Вслѣдъ за этимъ, а именно 19-го ноября 1901 г., Общество обратилось съ установленнымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи означенныхъ лекцій какъ къ г. Попечителю учебнаго округа, такъ и къ г. Губернатору. Ходатайство это не встрѣтило никакихъ пре-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о поѣздкѣ В. А. Чаговца и ея результатахъ сообщены самимъ г. Чаговцемъ въ помѣщенной ниже статьѣ: „На родинѣ Гоголя“.

пятствій со стороны учебнаго начальства, которое уже въ концѣ ноября (предложеніе отъ 26 ноября 1901 г. за № 14184) дало просимое разрѣшеніе на прочтеніе всѣхъ 6-ти намѣченныхъ публичныхъ лекцій въ зданіи университета. Разрѣшеніе же со стороны г. Губернатора послѣдовало только въ отношеніи отъ 7-го декабря (за № 7103) послѣ нѣкоторой переписки, обусловленной требованіемъ предварительнаго представленія конспекта (вмѣсто доставленныхъ программъ) двухъ лекцій изъ числа шести намѣченныхъ.

Получивъ разрѣшеніе на лекціи лишь въ исходѣ первой трети декабря и не имѣя до того возможности слѣлать нужныя публикаціи, Общество вынуждено было отложить начало лекцій на январь. Вскорѣ, однако, судьба публичныхъ лекцій о Гоголѣ значительно осложнилась полученнымъ извѣстіемъ, что высшее мѣстное учебное начальство, въ силу мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ, находитъ неудобнымъ чтеніе публичныхъ лекцій о Гоголѣ въ зданіи университета. Приходилось или отказаться отъ предположенныхъ лекцій или подумать о пріисканіи подходящаго для этихъ лекцій помѣщенія, о чемъ и разсуждалъ совѣтъ Общества въ засѣданіи 29-го декабря, уполномочившій г. предсѣдателя Общества обратиться къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ съ ходатайствомъ о предоставленіи помѣщенія.

Долго не удавалось найти подходящаго и притомъ безплатнаго помѣщенія. Одно время даже казалось, что въ такомъ большомъ и богатомъ общественными зданіями городѣ, какъ Кіевъ, не найдется гостепріимнаго крова для задуманныхъ лекцій. Но въ концѣ-концовъ такой кровъ нашелся, благодаря любезности предсѣдателя биржевого комитета, С. С. Могилевцева, безвозмездно предоставившаго Обществу для указанной цѣли небольшой, но уютный биржевой залъ. Здѣсь, въ этомъ залѣ, въ не совсѣмъ обычной обстановкѣ, и были, наконецъ, прочтены нижеслѣдующія

шесть лекцій, начало которыхъ пришлось отодвинуть на конецъ января [1]): 1) лекція В. А. Чаговца: „Семейная хроника Гоголей“ (26 января), 2) И. В. Шаровольскаго: „Первые литературные дебюты Гоголя“ (27 января), 3) Г. В. Александровскаго: „Гоголь и Бѣлинскій“ (2 февраля), 4) И. М. Каманина: „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи“ (3 февраля), 5) Н. К. Бокадорова: „Комедія Гоголя“ (9 февраля) и 6) В. З. Завитневича: „Религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни“ (10 февр.) [2]).

Означенныя лекціи [3]) прошли совершенно спокойно [4]), но, къ сожалѣнію, по независѣвшимъ отъ Общества и лекторовъ обстоятельствамъ привлекли сравнительно ограниченное количество слушателей. Благодаря тому, Историческое Общество, организовавшее лекціи о Гоголѣ, получило, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, лишь дефицитъ.

---

[1]) Причиной отсрочки послужили какъ упомянутыя мытарства по пріисканію помѣщенія для лекцій, такъ равно и необходимость испросить у г. Губернатора разрѣшеніе на прочтеніе лекцій въ новомъ помѣщеніи—въ биржевомъ залѣ. Разрѣшеніе послѣдняго рода дано было во второй половинѣ января (отношеніе отъ 19 января 1902 г. за № 167).

[2]) Предполагалась еще одна лекція (И. Ф. Кожина), разрѣшенная къ прочтенію г. Попечителемъ учебнаго округа еще въ концѣ ноября, сверхъ 5-ти первыхъ, перечисленныхъ выше, а именно: „Гоголь и Мицкевичъ“, но она по различнымъ обстоятельствамъ не состоялась. Что же касается указанной лекціи проф. Завитневича, то она не предполагалась раньше и была поставлена на очередь лишь въ первой половинѣ января (см. представленіе Общества отъ 11-го января за № 151 и разрѣшеніе г. Попечителя учебн. округа отъ 16 января за № 533).

[3]) Всѣ эти чтенія (за исключеніемъ второй половины лекціи г. Шаровольскаго) напечатаны ниже, въ настоящемъ Сборникѣ.

[4]) Уличныя демонстраціи и студенческіе безпорядки, имѣвшіе мѣсто въ концѣ января и въ началѣ февраля, не проникли въ стѣны биржевого зала, чего вначалѣ сильно опасались.

Злоключеніями, выпавшими на долю лекцій о Гоголѣ, не ограничились неудачи Общества въ дѣлѣ организаціи торжественнаго чествованія памяти великаго русскаго писателя. Какъ уже извѣстно, въ программу чествованія входило между прочимъ устройство въ день кончины Гоголя въ актовомъ залѣ университета торжественнаго засѣданія съ рѣчами, а въ одномъ изъ университетскихъ помѣщеній — Гоголевской выставки. Означенный день (21 февраля) былъ уже близокъ, когда Общество Нестора-лѣтописца было поставлено въ извѣстность, что мѣстное учебное начальство, „въ виду положенія дѣлъ", или, говоря яснѣе, въ виду происходившихъ тогда студенческихъ безпорядковъ, не находитъ возможнымъ разрѣшить Обществу Нестора-лѣтописца „празднованія въ стѣнахъ университета 50-тилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя".

Совѣтъ Общества, не раздѣляя вышеприведенныхъ опасеній и затрудняясь пріисканіемъ въ городѣ приличнаго и удобнаго для указаннаго празднованія помѣщенія, постановилъ въ своемъ засѣданіи 11-го февраля 1902 г. обратиться къ ректору университета съ просьбой внести на разсмотрѣніе совѣта университета нижеслѣдующее ходатайство. Напомнивъ, что совѣтъ университета св. Владиміра уполномочилъ въ апрѣлѣ 1901 года Общество Нестора-лѣтописца чествовать память Н. В. Гоголя также и отъ имени университета св. Владиміра, и указавъ, что подобное, т. е. отъ имени университета, торжественное чествованіе не можетъ и не должно имѣть мѣста внѣ стѣнъ университета, совѣтъ Общества обратился къ университетскому совѣту съ просьбой исходатайствовать разрѣшеніе на устройство торжественнаго засѣданія въ память Гоголя и Гоголевской выставки въ актовомъ залѣ университета; вмѣстѣ съ тѣмъ Общество Нестора-лѣтописца считало нужнымъ поставить совѣтъ университета въ извѣстность, что, въ случаѣ отказа въ просимомъ разрѣшеніи, оно вынуждено

будетъ совсѣмъ отмѣнить предположенное празднованіе, за невозможностью отыскать въ городѣ въ данное время (контрактовой ярмарки) приличное и удобное для указанной цѣли помѣщеніе.

Совѣтъ университета, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ съ полнымъ сочувствіемъ означенное ходатайство Историческаго Общества и, не находя, со своей стороны, препятствій къ его осуществленію, постановилъ (въ засѣданіи того же 11 февраля) ходатайствовать передъ г. попечителемъ учебнаго округа о разрѣшеніи на устройство торжественнаго засѣданія въ память Гоголя и Гоголевской выставки въ зданіи университета. Но ходатайство это не увѣнчалось успѣхомъ: уже 15-го февраля г. ректоръ университета извѣстилъ предсѣдателя Ист. Общества, что „Г. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа отъ 14-го сего февраля за № 135 увѣдомилъ“ его, ректора, „что въ виду настоящаго положенія дѣлъ, онъ не призналъ возможнымъ разрѣшить Обществу Нестора-лѣтописца праздновать въ стѣнахъ университета 50-тилѣтіе со дня кончины писателя Н. В. Гоголя“ [1]).

Получивъ такой отвѣтъ на свое ходатайство, Обществу Нестора-лѣтописца ничего иного не оставалось, какъ отказаться отъ устройства предположеннаго на 21 февраля торжественнаго засѣданія и ограничиться напечатаніемъ составленныхъ для него рѣчей въ издаваемомъ „Гоголевскомъ сборникѣ“. Что же касается Гоголевской выставки, т. е. предметовъ (въ количествѣ 125), собранныхъ Обществомъ для этой выставки, то они нашли пріютъ въ одной изъ залъ Кіевскаго городского музея древностей и искусствъ и сдѣлались, такимъ образомъ, доступными для обозрѣнія всѣхъ желающихъ. Выставка имѣла большой успѣхъ.

Въ заключеніе остается сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ къ сказанному выше замѣчаній о выпускаемомъ нынѣ въ свѣтъ Гоголевскомъ сборникѣ, изданіемъ котораго всего полнѣе выра-

[1]) Отношеніе ректора университета отъ 15 февраля 1902 года, за № 331.

зилось участіе Общества Нестора-лѣтописца въ чествованіяхъ по всей Руси памяти великаго писателя. Сборникъ этотъ, потребовавшій отъ Общества большого труда и большихъ матеріальныхъ затратъ, нѣсколько запоздалъ своимъ выходомъ въ свѣтъ. Причиной тому послужили какъ нѣкоторая неаккуратность со стороны типографій, печатавшихъ сборникъ [1]), такъ равно и его обширный объемъ, значительно превысившій тотъ, какой имѣлся въ виду первоначально. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется между прочимъ и значительность матеріальныхъ затратъ, вызванныхъ изданіемъ Сборника. Эти затраты столь велики, что онѣ рѣшительно были бы не подъ силу Обществу Нестора-лѣтописца, если бы на помощь къ нему не пришелъ университетъ св. Владиміра, ассигновавшій въ два пріема свыше тысячи рублей на изданіе Гоголевскаго сборника [2]). За такую щедрую субсидію Историческое Общество Нестора-лѣтописца считаетъ своею нравственною обязанностью принести глубокую благодарность Императорскому университету св. Владиміра, при которомъ оно имѣетъ честь состоять.

Секретарь Историческаго
Общества Нестора-лѣтописца *М. Ясинскій.*

---

[1]) Сборникъ начатъ печатаніемъ въ одной изъ кіевскихъ типографій, но вслѣдствіе ея неаккуратности пришлось продолжать печатаніе въ другой типографіи.

[2]) Въ общемъ этотъ Сборникъ обошелся свыше 2000 руб. (точныхъ подсчетовъ еще не сдѣлано). По ходатайству Общества, совѣтъ и правленіе университета св. Владиміра ассигновали на покрытіе части расходовъ Общества по изданію Сборника сперва 530 руб., а затѣмъ (въ ноябрѣ 1902 г.) 516 р. 22 к. Такимъ образомъ на собственныя средства Общества пала примѣрно лишь половина расходовъ по изданію Сборника.

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Николай Васильевичъ Гоголь.

(Съ копіи портрета, писаннаго Ѳ. Моллеромъ въ Римѣ 1841 года).

Въ той странѣ, гдѣ ивы надъ водой толпятся,
Гдѣ русалки въ полночь весело рѣзвятся,
Оглашая воздухъ трелью серебристой;
Гдѣ подъ лѣтній вечеръ раздается чистый,
Полный грусти, голосъ молодой дивчины;
Тамъ въ воображеньи юнаго поэта
Проносились живо дивныя картины,
Полныя свободы, радости и свѣта...
Грезилось поэту: надъ широкой степью
Козаки несутся безконечной цѣпью
На борьбу съ врагами своего народа...
Имъ дороже жизни правда и свобода!
И, могучимъ звукомъ воздухъ потрясая,
Полная отваги пѣсня молодая
Отъ Днѣпра до моря степи оглашала...
И пѣвца-поэта сердце трепетало...
. . . . . , ...
. . . . . .
—Вдругъ раскрылись очи: грезы улетѣли!
„Гдѣ же тѣ, что раньше гимнъ свободѣ пѣли,

XII

Гдѣ же тѣ, что раньше жизни не жалѣли?“
—Нѣтъ былыхъ стремленій, нѣтъ высокой цѣли!
Вмѣсто нихъ, изъ царства непробудной лѣни,
Изъ пустыни тощей, бѣдной и безплодной
„Мертвыя“ все души тянутся, какъ тѣни,
Медленно шагая поступью холодной.....
И поэтъ заплакалъ горькими слезами
И будилъ ихъ долго грозными рѣчами—
Не проснулись „Души“: мертвыхъ сонъ глубокій!
И затихъ поэта голосъ одинокій;
И, роняя слезы, онъ смыкаетъ вѣжды,
И закрылись очи, полныя надежды;
Полныя надежды, что настанетъ время—
Пошлости и лѣни разорвемъ мы бремя,
И вольются силы свѣжею волною,
И засвѣтитъ солнце надъ землей родною!

Всеволодъ Чаговецъ.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ ноября 1901 г. по мартъ 1902 г. включительно.

I. Засѣданіе 11-го ноября 1901 г.

а) Г. Предсѣдатель Общества Н. П. Дашкевичъ сообщилъ о смерти д. чл. *Н. В. Шугурова*.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. Товарищъ предсѣдателя А. М. Лазаревскій подѣлился съ собраніемъ своими воспоминаніями о скончавшемся Н. В. Шугуровѣ, какъ ученомъ и судьѣ.

По предложенію г. Предсѣдателя, память почившаго было почтена вставаніемъ членовъ.

б) Поч. чл. **А. М. Лазаревскій** прочелъ сообщеніе: „*Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя*“ (напечатано въ 1—3 вып. настоящей книги „Чтеній“).

По поводу этого сообщенія нѣсколько дополненій было сдѣлано В. А. Чаговцемъ.

в) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** представилъ докладъ „*Объ исчисленіи суточнаго времени въ Западной и Южной Россіи въ XVI—XVII вв.*“ (напечатанъ во второмъ отдѣлѣ настоящаго выпуска).

По поводу этого доклада послѣдовало нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній со стороны А. М. Лазаревскаго, В. З. Завитневича, Н. П. Дашкевича и В. С. Иконникова.

II. Засѣданіе 25 ноября 1901 г.

а) Поч. чл. **В. С. Иконниковъ** сообщилъ *„О семьѣ Борецкихъ въ Новгородѣ и о Марѐѣ-посадницѣ“*.

Референтъ обратилъ вначалѣ вниманіе на возникновеніе боярскаго класса въ Новгородѣ, благодаря сначала торговымъ предпріятіямъ, а потомъ землевладѣнію, которое выдѣлило рядъ фамилій, извѣстныхъ въ исторіи Новгорода. Пользуясь этими средствами, онѣ успѣли получить власть и въ управленіи Новгорода. Такимъ образомъ важнѣйшія должности достаются въ руки лишь нѣкоторыхъ фамилій. Какъ посадникъ Борецкій, такъ и его жена Марѳа (изъ семьи Лошинскихъ) принадлежали къ боярскимъ фамиліямъ Новгорода; они обладали значительными средствами и между прочимъ землями въ Заволочьѣ, гдѣ сосредоточивались обширныя земли многихъ бояръ. Въ значительной степени этими условіями опредѣляется и послѣдующая роль фамиліи Борецкихъ, когда возникла борьба между сторонниками Московской и Литовской партій, отъ исхода которой зависѣла и независимость Новгорода. Въ рефератѣ авторъ прослѣдилъ имѣющіяся данныя относительно положенія фамиліи Борецкихъ, ея матеріальныхъ средствъ, отношеній къ другимъ боярскимъ фамиліямъ къ Москвѣ и Литвѣ; сообщилъ характеристику отдѣльныхъ членовъ фамиліи и закончилъ указаніемъ на дальнѣйшую судьбу какъ этихъ послѣднихъ, такъ и ихъ вотчинъ. (Сообщеніе это будетъ напечатано въ отдѣльной статьѣ).

б) Поч. чл. **Н. И. Петровъ** въ своемъ чтеніи указалъ на *„Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Н. В. Гоголя“* (напечатано въ 1—3 вып. настоящей книги).

Замѣчаніе по поводу этого чтенія было представлено В. А. Чаговцемъ.

в) Кромѣ того, **Н. И. Петровъ** сообщилъ о недавней археологической находкѣ, хранящейся теперь въ коллекціи Б. И. Ханенка,—*„о княжеской діадемѣ и бармахъ“*.

Краткія свѣдѣнія объ этихъ предметахъ сообщены Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ въ его „Археологической лѣтописи Южной Россіи“ за октябрь 1901 года, съ приложеніемъ раскрашенной фототипіи діадемы, состоящей изъ 7-ми большихъ пластинокъ и двухъ конечныхъ меньшихъ. На средней пластинкѣ изображенъ Александръ Македонскій, поднимаемый на небо двумя грифонами, а остальныя пластинки украшены только орнаментомъ. Бармы не изданы. Отъ нихъ сохранились 4 овальныхъ медальона, украшенныхъ перегородчатою эмалью. На среднемъ сравнительно большемъ медальонѣ изображенъ Спаситель, по сторонамъ его Богородица, Предтеча (такъ называемый Денсусъ) и одинъ архангелъ; медальона съ другимъ архангеломъ не достаетъ. Время происхожденія діадемы и бармъ приблизительно указывается найденными вмѣстѣ съ ними двумя золотыми Византійскими монетами XII вѣка. На одной изъ нихъ діадема обозначена на челѣ императора семью точками, а бармы—на верху груди—пятью точками; на шеѣ императора виднѣется гривна. Отъ краевъ діадемы къ плечамъ спускаются длинныя подвѣски въ видѣ бусъ. Сохранились въ кладѣ и эти подвѣски, невѣрно опредѣленныя г. Бѣляшевскимъ. Это, во первыхъ, такъ названная у него „золотая“ шейная повязка, состоящая изъ 50-ти штампованныхъ полуцилиндриковъ и раздѣлявшаяся на двѣ части, по 25 полуцилиндриковъ въ каждой, и, во вторыхъ, такъ названная у него „золотая цѣпь“, изъ 20-ти звеньевъ и также раздѣлявшаяся на двѣ части, по 10-ти звеньевъ въ каждой (по описанію Бѣляшевскаго, №№ 11 и 21). Такія лицевыя діадемы и бармы, судя по монетнымъ изображеніямъ, появляются въ Византіи по возстановленіи иконопочитанія; почти въ томъ же видѣ употреблялись они и русскими князьями въ дотатарскую эпоху.

Дополненія къ этому сообщенію были сдѣланы А. А. Дмитріевскимъ.

III. Засѣданіе 16-го декабря 1901 г.

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** представилъ свои соображенія по вопросу *„О дѣленіи Византійской имперіи на ѳемы"*.

Отмѣтивъ оживленіе вопроса о ѳемахъ въ новѣйшей ученой литературѣ, референтъ остановился на выясненіи исторіи слова τὸ θέμα у Византійцевъ. Сопоставленіе подлежащаго матеріала приводитъ къ заключенію, что терминологическое значеніе этого слова—конный военный отрядъ—древнѣе другого: область, правленіе. Писатели IX и X вѣковъ употребляютъ это слово въ обоихъ указанныхъ значеніяхъ. Исторія слова позволяетъ сдѣлать выводъ, что дѣленіе имперіи на ѳемы въ смыслѣ областей есть результатъ территоріальнаго дѣленія арміи. Французскій ученый Диль, въ спеціальной работѣ о происхожденіи ѳемнаго строя, обратилъ вниманіе на документъ 687 года, въ которомъ съ полной ясностью выступаетъ существованіе въ ту пору въ Византіи дѣленія арміи (кромѣ гвардіи) на слѣдующія части: Опсикіи (obsequium), анатолики, ѳракійцы, арменіаки, войско Италіи, караблеіаны (т. е. флотъ.), Septensiani seu Sardinia и войско Африки. Отстраняясь отъ рѣшенія вопроса, когда командиры отдѣльныхъ частей арміи получили функціи гражданской власти, Диль старался обосновать положеніе, что Византійскіе стратиги стоятъ въ преемственной связи съ *magistri militum* Юстиніанова времени, когда продолжался порядокъ, извѣстный намъ изъ *Notitia Dignitatum* (mag. mil. per Orientem, per Thraciam, per Illyricum). Не оспаривая самаго преемства, референтъ полагалъ, что по существу здѣсь не дано никакого объясненія „происхожденія ѳемнаго строя", такъ какъ та армія, къ которой имѣли отношеніе древніе *magistri militum*, исчезла къ началу VII вѣка. Стратиги Византійскихъ ѳемъ командовали военными силами совсѣмъ иного состава: то были *ополченія* обязанныхъ военной службой за пользованіе земельнымъ надѣломъ стратіатовъ. Такимъ обра-

зомъ, ѳемный строй имѣетъ отношеніе, во первыхъ, къ измѣненію состава имперской арміи, и, во вторыхъ, знаменуетъ собою водвореніе принципа соединенія военной и гражданской власти на территоріи провинцій. Не даетъ отвѣта на вопросъ по существу и Гельцеръ въ своемъ интересномъ и богатомъ по матеріалу изслѣдованіи: Die Genesis der themenverfassung (1899). Онъ лишь повторяетъ апріорное утвержденіе, что начало ѳемнаго строя восходитъ къ Ираклію, а полное его водвореніе относится ко времени Льва Исавра. Отмѣтя отсутствіе у Гельцера даже намека на доказательство этого утвержденія, референтъ указалъ на цѣлый рядъ ошибочныхъ положеній въ этомъ изслѣдованіи и на преувеличеніе значенія матеріала арабскихъ свидѣтельствъ, которое допустилъ Гельцеръ, оставивъ въ сторонѣ вполнѣ доступный и надежный матеріалъ Византійскихъ свидѣтельствъ отъ X вѣка для выясненія военнаго строя имперіи. Столь же мало даютъ для разъясненія вопроса о началѣ ѳемнаго строя и замѣчанія Ѳ. И. Успенскаго въ его статьѣ „Военное устройство Византійской имперіи“ (Изв. Конст. Инст., VI, вып. 1, 1900 г.). Положенія автора находятся во внутреннемъ противорѣчіи между собою, а нѣкоторыя изъ нихъ прямо ошибочны. Въ заключеніе референтъ представилъ сопоставленіе матеріала для уясненія вопроса о ѳемномъ строѣ и о ѳемѣ, какъ ополченіи, въ X вѣкѣ изъ „Тактики“ имп. Льва Мудраго и трактата *De velitatione bellica*.

Этимъ докладомъ были вызваны нѣкоторые вопросы со стороны А. Н. Грена и В. З. Завитневича.

б) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** разсмотрѣлъ съ историко-литературной точки зрѣнія *„Одинъ изъ памятниковъ полемической литературы XVI в. (Посланіе прота Аѳонской горы 1534 г.“* (напечатано въ 4-мъ вып. XV-й книги „Чтеній“).

Въ обсужденіи этого доклада приняли участіе А. А. Дмитріевскій, В. З. Завитневичъ и Н. И. Петровъ.

в) Д. чл. **А. Н. Гренъ** сообщилъ *„Нѣкоторыя свѣдѣнія о народномъ правѣ и словесности Ингушей, Кумыковъ и Осетинъ“*.

Въ закрытой затѣмъ части засѣданія избраны въ дѣйствительные члены Общества акад. *Алексѣй Александровичъ Шахматовъ* и *Иванъ Матвѣевичъ Стешенко*, а въ члены-корреспонденты *Семенъ Андроновичъ Гатцукъ*.

IV. Засѣданіе 20 января 1902 г.

Настоящее засѣданіе было посвящено слушанію одного обширнаго доклада д. чл. **Н. П. Василенка**: *„Декабристъ С. Г. Волконскій и его записки“*.

Изданныя княземъ М. С. Волконскимъ записки его отца представляютъ богатый матеріалъ для характеристики какъ самого автора, такъ и той эпохи, въ которую онъ жилъ. Трудно указать другія такія правдивыя записки, какъ записки декабриста С. Г. Волконскаго. Это чувствуется на каждомъ шагу. Самъ авторъ точно боится, что ему могутъ не повѣрить, и на каждомъ шагу готовъ приносить какія угодно клятвы въ правдивости имъ сказаннаго.

Личность декабриста С. Г. Волконскаго поражаетъ своею цѣльностью. Можно не соглашаться съ его мнѣніями, оцѣнкой времени и личностей, но изъ каждой строки встаетъ предъ вами убѣжденный человѣкъ, который вѣренъ своимъ убѣжденіямъ до гроба, пострадалъ за нихъ. С. Г. Волконскій родился въ 1788 году, получилъ свѣтское домашнее образованіе, рано поступилъ на службу и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ противъ французовъ въ Пруссіи и Австріи, затѣмъ въ русско-турецкой войнѣ, въ войнѣ 1812 года, въ походахъ русскихъ въ Западную Европу въ 1813—1814 годахъ. Записки Волконскаго, какъ участника и очевидца, представляютъ собою много интереснаго и важнаго для исторіи походовъ, причемъ авторъ нерѣдко критикуетъ оффиціальныя военныя исторіи, стараясь придать должное освѣщеніе фактамъ или внести существенныя поправки въ изложеніе самыхъ событій. Авторомъ даны характеристики цѣлаго ряда военныхъ дѣятелей, напр. генерала Кульнева, Каменскаго, Раевскаго, Винцегероде и другихъ. Кульнева Волконскій характеризуетъ, какъ замѣчательнаго генерала,

вѣрнопреданнаго своему долгу, рѣдкаго начальника; графа Каменскаго Ник. Мих., подъ начальствомъ котораго Волконскій служилъ въ турецкую войну,—какъ самолюбиваго, взбалмошнаго, жестокаго человѣка, у котораго самолюбіе и желаніе облагодѣтельствовать своихъ близкихъ нерѣдко брали верхъ надъ чувствомъ долга. Къ Винцегероде Волконскій относится съ большою любовью, выставляетъ его съ симпатичной стороны, что́ и понятно: большая часть служебной карьеры Волконскаго прошла подъ начальствомъ Винцегероде. Отзывы Волконскаго о графѣ Чернышевѣ, бывшемъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта при Николаѣ I, чрезвычайно рѣзки. Онъ называетъ его „шарлатаномъ", безъ всякихъ дѣльныхъ „способностей", и обвиняетъ „въ упречныхъ, эгоистическихъ дѣйствіяхъ" (стр. 4).

Придворную жизнь, въ которой Волконскому, благодаря своимъ связямъ, приходилось принимать близкое участіе, онъ рисуетъ съ очень неприглядной стороны. Дворъ, по его словамъ, былъ очагомъ интригъ, часто чрезвычайно вредныхъ для государственной жизни. Волконскій былъ дежурнымъ во дворцѣ въ тотъ день, когда палъ Сперанскій, и разсказъ его объ этомъ, построенный съ чрезвычайной осторожностью, въ высшей степени любопытенъ. Причиной паденія Сперанскаго, по мнѣнію Волконскаго, было нерасположеніе къ нему лицъ высшаго управленія и дворянства, первыхъ—за нововведенія Сперанскаго, грозившія паденіемъ могущества высшихъ чиновъ государственнаго управленія; вторыхъ—за „лишеніе ихъ правъ, не совмѣстныхъ ни съ духомъ времени, ни съ началами истинъ христіанскихъ и справедливости гражданской" (стр. 143). Интригами противъ Сперанскаго руководилъ шведъ Армфельдъ, перешедшій въ русскую службу послѣ присоединенія Финляндіи. Сперанскаго подозрѣвали Богъ вѣсть въ какихъ измѣнахъ. Его бумаги были опечатаны, и разсмотрѣніе ихъ было поручено съ большими предосторожностями князю Григорію Ивановичу Гагарину, который впослѣдствіи говорилъ Волконскому, что „онъ перебралъ ихъ по листкамъ и строкамъ" и не нашелъ въ

нихъ ничего подозрительнаго. Интересно, что де-Сангненъ, одинъ изъ участниковъ паденія Сперанскаго, подозрѣвалъ министра полиціи Балашева въ томъ, что, въ его присутствіи, Сперанскій сжегъ компрометирующія бумаги. Балашеву, какъ извѣстно, принадлежала также видная роль въ исторіи паденія Сперанскаго.

Волконскій принималъ участіе въ Отечественной войнѣ, затѣмъ въ походахъ 1813—1814 г. заграницу, состоя въ корпусѣ Винцегероде. Послѣднимъ сраженіемъ, въ которомъ участвовалъ Волконскій, было Лаонское. Послѣ этого онъ оставилъ армію и отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ цѣликомъ окунулся въ свѣтскую жизнь, которая тѣмъ болѣе занимала его, что онъ являлся героемъ дня, какъ человѣкъ, только что возвратившійся изъ арміи. Въ концѣ концовъ это, впрочемъ, утомило его, и онъ захотѣлъ „узнать Европу не съ обзора съ козачьяго сѣдла или съ этапнаго маршрута, а съ точки зрѣнія туриста и съ подробнымъ изученіемъ ея быта". „Надо сказать, прибавляетъ Волконскій, что вообще все, что мы хоть мелькомъ видѣли въ 13-мъ и 14-мъ годахъ въ Европѣ, породило во всей молодежи чувство, что Россія въ общественномъ, внутреннемъ и политическомъ бытѣ весьма отстала, и во многихъ вселило мысль поближе познакомиться съ Европой". Волконскій выѣхалъ чрезъ Краковъ въ Вѣну, гдѣ въ то время засѣдалъ Вѣнскій конгрессъ. О немъ собственно Волконскій мало сообщаетъ, за то характеризуетъ Вѣнскую жизнь, того времени веселую, шумную. Встрѣтившись съ Александромъ I, Волконскій сразу-же замѣтилъ перемѣну въ обращеніи императора съ русскими: со всѣми иностранцами онъ обращался вѣжливо, учтиво, съ русскими-же круто, „и казалось намъ, замѣчаетъ Волконскій, что онъ полагалъ, что мы въ образованіи свѣтскомъ отстали отъ европейцевъ" (стр. 332).

Изъ Вѣны Волконскій отправился въ Парижъ и здѣсь вращался въ высшихъ салонахъ, познакомился съ Шатобріаномъ, который, впрочемъ, не произвелъ на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Въ Парижѣ Волконскому впервые

пришлось быть свидѣтелемъ движенія толпы, которая заставила правительство сдѣлать ей уступку. Дѣло было при похоронахъ артистки Рокуръ, которую духовенство отказывалось внести въ церковь. Народъ заставилъ это сдѣлать.

Изъ Парижа Волконскій отправился въ Лондонъ, гдѣ опять-таки знакомился съ Лондонской жизнью преимущественно въ высшихъ салонахъ, между прочимъ въ салонѣ своей соотечественницы О. А. Жеребцовой. Пришлось Волконскому побывать въ Лондонѣ и въ парламентѣ, гдѣ въ это время шли пренія объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ.

Узнавъ о возвращеніи Наполеона во Францію, Волконскій поспѣшилъ въ Парижъ и здѣсь сталъ свидѣтелемъ того энтузіазма, съ которымъ былъ встрѣченъ въ своей столицѣ возвратившійся императоръ. Послѣ вторичнаго паденія Наполеона, начался возмутительный, пристрастный судъ надъ его приверженцами. Присутствовавшій въ судѣ въ качествѣ зрителя, Волконскій не удержался однажды и громко выразилъ свое сочувствіе обвиняемому, чѣмъ едва не вызвалъ большихъ для себя непріятностей.

Изъ заграницы Волконскій возвратился совершенно уже инымъ человѣкомъ. „Зародышъ сознанія обязанностей гражданина, говоритъ онъ, сильно уже началъ высказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ, причиной чего были народныя событія 1814 и 1815 годовъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, вселившія въ меня, вмѣсто слѣпаго повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими“ (стр. 387).

Волконскій былъ назначенъ начальникомъ 2-й уланской дивизіи въ Новградъ-Волынскъ, затѣмъ въ Сумы. Скучая въ Россіи, Волконскій взялъ-было отпускъ, чтобы отправиться заграницу, но доѣхалъ только до Одессы. Здѣсь онъ пріобрѣлъ за безцѣнокъ громадное имѣніе, и эта покупка задержала его отъѣздъ. Вмѣсто заграницы Волконскій попалъ на контракты въ Кіевъ, и тутъ встрѣтился съ своимъ това-

рищемъ по воспитанію Михаиломъ Орловымъ, который былъ тогда начальникомъ штаба при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ.

„Благодаря тому, говоритъ объ этой встрѣчѣ самъ Волконскій, что я остановился въ квартирѣ Орлова, вошелъ въ этотъ замѣчательный кружокъ людей, а чувства мои давно уже клонились къ проповѣдуемымъ въ ономъ истинамъ. Болѣе, нежели когда, я понялъ тогда, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества. Сожитіе со столь замѣчательнымъ лицомъ, какъ Михаилъ Орловъ, кругъ людей, съ которыми имѣлъ я ежедневныя сношенія, оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій".

„Съ этого времени началась для меня новая жизнь, я вступилъ въ нее съ гордымъ чувствомъ убѣжденія и долга гражданина, и съ гордымъ намѣреніемъ исполнять во чтобы то ни стало мой долгъ исключительно изъ любви къ отечеству. Избранный мною путь привелъ меня въ Верховный уголовный судъ, въ каторжную работу и къ тридцатилѣтней жизни въ ссылкѣ" (стр. 401—402).

Поѣздка на масляницу въ Тульчинъ къ Потоцкой сблизила Волконскаго съ Пестелемъ, Юшневскимъ, фонъ-Визинымъ и др. декабристами, причемъ о Пестелѣ Волконскій выражается, какъ о выдающемся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ: это былъ, говоритъ онъ, „человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ его гнѣздились вѣскія и пылкія чувства патріотизма" (стр. 418).

Сблизившись съ этими лицами, Волконскій вошелъ въ тайное общество и сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ его. Участію его въ обществѣ, доносамъ Шервуда и Майбороды и описанію ареста посвящена послѣдняя часть записокъ Волконскаго. Онъ рѣшительно возстаетъ, между прочимъ, противъ утвержденія Ник. Ив. Тургенева, будто онъ никогда не былъ членомъ тайнаго общества, и рядомъ фак-

товъ доказываетъ, что Н. И. Тургеневъ очень близко стоялъ къ декабристамъ.

На допросѣ Волконскаго императоромъ Николаемъ I обрываются записки. Верховнымъ судомъ Волконскій былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена ссылкою въ каторжную работу на 20 лѣтъ и потомъ на поселеніе, по уваженію совершеннаго раскаянія". Возвращенъ онъ былъ обратно въ Россію по коронаціонному манифесту императора Александра II 26 августа 1856 г. Благодаря враждебному отношенію къ Волконскому шефа жандармовъ кн. Долгорукова, къ нему долгое время относились чрезвычайно подозрительно и готовы были ставить массу преградъ въ жизни, если-бы его не отстаивалъ всесильный Московскій генералъ-губернаторъ Закревскій.

Впослѣдствіи положеніе Волконскаго было облегчено, и ему стали дозволять поѣздки заграницу для поправленія здоровья. Волконскій умеръ 28 ноября 1865 года и похороненъ въ с. Воронькахъ Черниговской губ. въ церкви, рядомъ со своей женой Маріей Николаевной, урожденной Раевской. Княжескій титулъ не былъ возвращенъ С. Г. Волконскому, но онъ былъ признанъ за его дѣтьми.

По поводу этого доклада поч. чл. В. С. Иконниковъ сдѣлалъ нѣсколько существенныхъ дополненій къ запискамъ Волконскаго, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ, а равно отмѣтилъ нѣсколько ошибокъ въ самыхъ запискахъ кн. Волконскаго.

В. З. Завитневичъ, съ своей стороны, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній.

Въ настоящемъ засѣданіи избраны въ почетные члены Общества *Ольга Васильевна Головня* (сестра Н. В. Гоголя) и въ дѣйствительные: *Михаилъ Николаевичъ Марковскій* и *Николай Константиновичъ Бокадоровъ*.

V. Засѣданіе 2 февраля 1902 г.

а) Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** представилъ разборъ „*Записки Готскаго топарха*“ (по поводу изслѣдованія г. Вестберга: „Die Fragmente des Toparcha Goticus“).

Загадочный по своему содержанію памятникъ, извѣстный подъ именемъ „Записки Готскаго топарха“, былъ открытъ эллинистомъ Газе на пустыхъ страницахъ одного сборника писемъ св. Василія Вел., Фаларида и Григорія Назіанзина въ Парижской Національной Библіотекѣ въ началѣ истекшаго столѣтія. Написанный въ разныхъ мѣстахъ этой рукописи, которую Газе пріурочилъ по характеру письма ко второй половинѣ X или началу XI вѣка, текстъ этотъ представляется въ видѣ трехъ отрывковъ, не связанныхъ непосредственно другъ съ другомъ, безъ начала и, вѣроятно, безъ конца. Газе напечаталъ его съ латинскимъ переводомъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ тексту Льва Діакона, изданному имъ въ Боннскомъ корпусѣ Византійцевъ въ 1818 году. Содержаніе отрывковъ таково. Въ первомъ подробно описана переправа путниковъ черезъ Днѣпръ въ зимнюю снѣжную пору по льду, отдыхъ ихъ въ селеніи „Боріонъ“ и начало ихъ дальнѣйшаго пути въ направленіи къ „Маврокастрону“, причемъ они страдали отъ жестокой снѣжной мятели. Второй и третій отрывокъ тѣснѣе связаны между собою по содержанію. Рѣчь идетъ о войнѣ съ „варварами“, которые, въ противоположность прежнему своему отношенію къ своимъ подчиненнымъ, стали проявлять крайнюю жестокость. Авторъ этого разсказа пришелъ къ мысли оказать имъ сопротивленіе, отстроивъ разрушенное укрѣпленіе, которое онъ называетъ τὰ Κλήματα. Ему удалось собрать небольшія силы и отстоять себя отъ набѣга „варваровъ“. Затѣмъ онъ собралъ для совѣщанія представителей туземнаго населенія и привелъ ихъ къ мысли подчиниться „сосѣднему“ съ ними „царствующему на сѣверъ отъ Истра“. По порученію собранія, авторъ разсказа совершилъ путешествіе къ этому властителю, былъ

имъ хорошо принятъ, утвержденъ въ своемъ владѣніи на родинѣ и получилъ, кромѣ того, цѣлую „сатранію“ въ его землѣ.—Хотя, по утвержденію Газе, текстъ отрывковъ написанъ почеркомъ болѣе позднимъ, чѣмъ сама рукопись, но онъ самъ не затруднялся искать историческаго объясненія ихъ содержанія въ отношеніяхъ Крыма къ Руси въ X вѣкѣ и, въ частности, въ событіяхъ, связанныхъ съ взятіемъ Корсуня Владиміромъ Святымъ. Многіе русскіе ученые занимались съ тѣхъ поръ этимъ памятникомъ и дѣлали попытки разгадать и точнѣе изъяснить его содержаніе, приводя въ связь упоминаемыя въ немъ событія съ фактами русской исторіи X вѣка. Существеннымъ затрудненіемъ въ изслѣдованіи этого памятника является и то обстоятельство, что рукопись, въ которой открылъ его Газе, исчезла и доселѣ не найдена, несмотря на многократные поиски многихъ, что не даетъ возможности какъ провѣрить самый текстъ, такъ и палеографическое опредѣленіе хронологіи, данное Газе. Наиболѣе важными изслѣдованіями объ этомъ памятникѣ въ нашей литературѣ являются работы Куника (въ 1874 г.) и Васильевскаго (въ 1876 г.). Оба эти ученые пріурочиваютъ упоминаемыя въ отрывкахъ событія ко времени Святослава; но Васильевскій отклонился отъ Куника и всѣхъ предшественниковъ по разработкѣ этого памятника въ опредѣленіи территоріи войны съ „варварами“ и тѣмъ самымъ родины автора. Изъ Крыма онъ перенесъ мѣсто дѣйствія на средній Дунай и пытался обосновать связь упоминаемыхъ событій съ дѣятельностью Святослава въ Болгаріи во время ея завоеванія этимъ княземъ. — Слабыя стороны предложеннаго Васильевскимъ топографическаго и историческаго объясненія были отмѣчены въ спеціальной работѣ г. Бурачкова (Жур. Мин. Нар. Просв. 1877 г., августъ), предложившаго свое весьма произвольное толкованіе. Неубѣдительность изъясненія Васильевскаго, независимо отъ богатства и достоинства привлеченнаго имъ впервые матеріала, вызвала попытки новыхъ общихъ объясненій, каковы предложенныя Ѳ. И. Успенскимъ (Кіевская Старина 1889 г.) и П. Н. Милюковымъ (Труды Моск.

Арх. Съѣзда 1890 г., т. III). Оба они датировали событія, о которыхъ идетъ рѣчь, началомъ X вѣка и разрывали связь ихъ съ русской исторіей, перенося мѣсто дѣйствія—первый въ Хазарію, второй—на территорію низовьевъ Днѣстра. Авторъ новаго изслѣдованія объ этомъ памятникѣ, г. Вестбергъ, возвращается къ тому объясненію, какого держался Куникъ. Вступая въ полемику съ Васильевскимъ, г. Вестбергъ отстаиваетъ Крымъ, какъ мѣсто дѣйствія, и считаетъ большой своей заслугой окончательное, какъ онъ думаетъ, установленіе хронологіи описанной въ первомъ отрывкѣ переправы черезъ Днѣпръ, а именно: январь 963 года. Этотъ послѣдній выводъ основанъ на точномъ астрономическомъ объясненіи помянутаго въ текстѣ обстоятельства: планета Сатурнъ находилась въ началѣ созвѣздія Водолея. Не подвергая сомнѣнію точности астрономическихъ вычисленій, но признавая эту точность излишней и отчасти произвольной, референтъ выяснялъ, что такая хронологія не только не помогаетъ историческому толкованію памятника, какого держался г. Вестбергъ, но скорѣе затрудняетъ его и даже опровергаетъ возможность связать описываемыя событія съ эпохой Святослава. Остановившись на топографическомъ изъясненіи, предложеннымъ г. Вестбергомъ, референтъ отмѣтилъ его локализацію переправы черезъ Днѣпръ, столь краснорѣчиво описанной въ первомъ отрывкѣ, въ области пороговъ и подробно доказывалъ, что г. Вестборгъ пошелъ здѣсь по ложному слѣду г. Бурачкова. Въ текстѣ отрывка рѣчь идетъ объ *организованной* переправѣ, каковой въ области пороговъ никогда не бывало и быть не могло. Путники шли зимой, въ пору метелей; тѣмъ необходимѣе предположить, что они держались хожаго пути. Таковой существовалъ между Кіевомъ и Херсономъ въ X вѣкѣ, и мы знаемъ о немъ изъ точнаго описанія Константина Порфиророднаго, De admin. imperio, cap. 9. Крарійская переправа, о которой говоритъ Константинъ, находилась въ мѣстности нынѣшняго Кичкаса, ниже пороговъ. Это отожествленіе сдѣлано еще Лербергомъ и съ тѣхъ поръ общепринято. Коснувшись вопроса количе-

ства и качества ученаго матеріала, который былъ привлеченъ г. Вестбергомъ для историческаго объясненія памятника, референтъ не находилъ возможнымъ признать въ его изслѣдованіи шага впередъ въ уясненіи загадочныхъ по своему содержанію отрывковъ [1]).

б) Д. чл. **М. В. Довнаръ-Запольскій** изложилъ *„Взглядъ М. М. Сперанскаго на систему государственнаго управленія“*.

Молодость и самый ходъ служебной карьеры М. М. Сперанскаго способствовали тому, что этотъ государственный дѣятель хорошо ознакомился съ русскою дѣйствительностью. Поэтому, обвиненія въ крайнемъ схематизмѣ, направленныя противъ Сперанскаго, являются преувеличенными. Въ его проектахъ, при обширномъ знакомствѣ съ западно-европейской наукой, видно и пониманіе русской жизни въ ея прошломъ и настоящемъ.

Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ изложенію государственныхъ взглядовъ Сперанскаго, насколько они выясняются изъ представленныхъ имъ проектовъ и записокъ. Докладчикъ разсмотрѣлъ общее направленіе идей Сперанскаго по слѣдующей схемѣ: Для того, чтобы доказать необходимость установленія въ Россіи „истинной монархіи“, Сперанскій критикуетъ современный ему государственный строй. Онъ приходитъ къ очень безотраднымъ выводамъ: строй требуетъ исправленія. Далѣе, Сперанскій излагаетъ свою теорію государственнаго устройства; основная его мысль та, что наиболѣе цѣлесообразно обратиться ко введенію „истинной монархіи“; это своевременно по состоянію русскаго общества, выражающемуся въ его образованности и либеральности настроенія умовъ, наконецъ, примѣръ Западной Европы приводитъ къ убѣжденію, что къ такому же строю влечетъ народно-историческая необходимость и противиться ей не слѣдуетъ, въ виду возможныхъ затрудненій. Доказавъ теоретически основанія „истинной монархіи“ и необходимость ея для Россіи, Сперанскій разрабатываетъ отдѣльные

[1]) Рефератъ напечатанъ въ видѣ рецензіи на книгу г. Вестберга въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* за 1902 г., мартъ.

вопросы, напр., о положеніи въ истинной монархіи властей законодательной, судебной и исполнительной; о распредѣленіи государственныхъ правъ по сословіямъ; о раздѣленіи правъ гражданскихъ и уголовныхъ; о законѣ и нѣк. др.

По поводу этого доклада поч. чл. В. С. Иконниковъ сдѣлалъ рядъ замѣчаній, клонившихся къ необходимости разсматривать взглядъ Спиранскаго въ связи со взглядомъ на этотъ вопросъ въ XVIII в. (какъ, напр., въ Наказѣ императрицы Екатерины II) и въ послѣдующее время (въ эпоху реформъ императора Александра II).

По поводу того же доклада д. чл. М. Н. Ясинскій указалъ на то, что главная суть прочтеннаго реферата давно уже сдѣлалась достояніемъ нѣкоторыхъ курсовъ по русскому государственному праву и, главнымъ образомъ, проф. Коркунова.

Референтъ представилъ объясненія по поводу сдѣланныхъ ему возраженій.

VI. Засѣданіе 17 февраля 1902 г.

Д. чл. **М. Н. Марковскій** изложилъ „*Исторію созданія „Мертвыхъ душъ*“ (напечатана въ 1—3 вып. настоящей книги).

По поводу этого изложенія представилъ нѣсколько возраженій и дополненій поч. чл. Н. П. Дашкевичъ; между прочимъ онъ возразилъ противъ мнѣнія референта, что „Мертвыя души“ относятся къ разряду такъ называемыхъ „плутовскихъ“ романовъ. Это вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній между референтомъ и оппонентомъ.

Противъ мнѣнія г. Марковскаго о малообразованности Н. В. Гоголя возражали Н. П. Дашкевичъ и М. В. Суринъ.

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избранъ *Иванъ Дмитріевичъ Шишмановъ*, профессоръ Софійскаго университета въ Болгаріи.

Затѣмъ г. Предсѣдатель сообщилъ, что, въ виду отказа г. Попечителя Кіевскаго учебнаго округа разрѣшить чество-

ваніе памяти Н. В. Гоголя въ стѣнахъ университета, означенное чествованіе не можетъ состояться.

VII. Засѣданіе 3-го марта 1902 г.

а) Д. чл. **А. М. Лобода** указалъ въ своемъ сообщеніи на *„Мѣсто Гоголя въ исторіи русской комедіи“* [1]) (напечатано въ 1—3 вып. настоящей книги).

По поводу этого сообщенія между поч. чл. Н. П. Дашкевичемъ и референтомъ произошелъ обмѣнъ мнѣній по вопросу о вліяніи на Гоголя и въ частности на „Ревизора“ иностранныхъ образцовъ.

Д. чл. В. Н. Малининъ возбудилъ вопросъ о соотношеніи между „Ябедой“ Капниста и „Ревизоромъ“ Гоголя. Въ продолжительныхъ дебатахъ по этому вопросу принялъ участіе также и поч. чл. Н. П. Дашкевичъ.

б) Д. чл. **В. К. Пискорскій** сдѣлалъ докладъ *„О дневникѣ и депешахъ герцога Лирійскаго (испанскаго посла при русскомъ дворѣ въ 20-хъ годахъ XVIII в.“)*.

Герцогъ Лирійскій былъ первымъ испанскимъ посломъ въ Россіи, въ періодъ отъ мая 1727 по ноябрь 1730 г. Сынъ французскаго маршала, герцога Бервикскаго, и побочный внукъ короля англійскаго Іакова II Стюарта, онъ (Іаковъ-Францискъ-Фицъ-Джемсъ-Стюартъ) родился 28 октября 1696 года во Франціи, въ Saint Germain en Laye, при чемъ крестнымъ отцомъ его былъ англійскій ex-король, его дѣдъ. Въ 1710 году онъ поступилъ въ военную службу, подъ начальство своего отца. Послѣдній во время войны за испанское наслѣдство одержалъ побѣду надъ австрійцами при Альмансѣ въ 1707 г., за что Филиппъ V, король испанскій, наградилъ его титуломъ герцога Лирійскаго и Херикскаго и испанскаго гранда перваго ранга. Но, не пожелавъ остаться

[1]) Это сообщеніе предназначалось для торжественнаго засѣданія въ честь Н. В. Гоголя, назначеннаго на 21 февраля, но несостоявшагося по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ.

въ Испаніи, маршалъ Бервикъ выхлопоталъ у Филиппа V право передать эти титулы своему сыну, тогда же вступившему въ бракъ съ испанской герцогиней де-Верагуа-доньей Вентура де-Колонъ. Просьба маршала была уважена, и сынъ его сталъ титуловаться герцогомъ Лирійскимъ и Херикскимъ, продолжая оставаться на службѣ у испанскаго короля. „Я французъ—по мѣсту рожденія, англичанинъ—по крови, но служу королю, моему господину, и не знаю другихъ интересовъ, кромѣ его интересовъ". Такъ характеризуетъ самого себя герцогъ Лирійскій, произведенный въ 1724 году въ чинъ фельдмаршала. Къ этой характеристикѣ надо прибавить, что интересы короля испанскаго и герцога Лирійскаго совпадали. И тотъ и другой желали видѣть на англійскомъ престолѣ Іакова III Стюарта, первый—надѣясь получить обратно, при его помощи, Гибралтаръ, послѣдній—питая родственныя чувства къ претенденту, которому однажды уже помогалъ въ его неудачной экспедиціи въ Шотландію въ 1715 г., желая пособить Іакову III овладѣть англійскимъ тономъ и въ награду за это получить Гибралтаръ. Такова была задача внѣшней политики Филиппа V въ двадцатыхъ годахъ XVIII в. Въ 1725 г. Испанія заключила союзъ съ Австріей, а въ 1726 г. Австрія—съ Россіей, между тѣмъ какъ Франція, Англія и Пруссія, съ своей стороны, составили коалицію, такъ наз. Ганноверскій союзъ. Филиппъ V, современникъ возвышенія Россіи при Петрѣ Великомъ, пожелалъ завязать съ нею непосредственныя дипломатическія сношенія и воспользоваться ея могуществомъ для союза противъ Англіи. Для этой цѣли онъ и отправилъ ко двору императрицы Екатерины I, въ качествѣ своего уполномоченнаго, герцога Лирійскаго. Болѣе удачнаго выбора нельзя было сдѣлать, если бы успѣхъ предпріятія зависѣлъ только отъ личныхъ качествъ и симпатій посла. Въ Россію онъ прибылъ уже послѣ смерти Екатерины I и оставался тамъ въ теченіе всего царствованія Петра II и начала правленія Анны Іоанновны. Дипломатическая миссія его не удалась, но за то онъ оставилъ любопытный дневникъ о своемъ пре-

бываніи въ Россіи, который, по общему признанію изслѣдователей русской исторіи, является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія той эпохи.

Знакомство съ произведеніями герцога Лирійскаго основывается у насъ на трудахъ Д. И. Языкова и К. Кустодіева. Языковъ въ 1845 г. перевелъ на русскій языкъ „Записки дюка Лирійскаго", изданныя, по его словамъ, въ Парижѣ въ 1788 г. подъ заглавіемъ: „Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui même", причемъ переводъ, по собственному признанію Языкова, сдѣланъ неполный.—Кустодіевъ, состоявшій въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка священникомъ при русской дипломатической миссіи въ Мадридѣ, нашелъ въ частномъ архивѣ потомковъ герцога Лирійскаго подлинныя письма его о Россіи, написанныя по-испански, и познакомилъ съ ними русскую публику частью въ дословномъ переводѣ, частью въ пересказахъ, помѣщенныхъ въ 1869 году въ сборникѣ П. Бартенева „Осмнадцатый вѣкъ" (книга 2 и 3).—Хотя трудъ Кустодіева и стоитъ несравненно выше перевода Языкова, но ни тотъ, ни другой не отличаются необходимой полнотой и не даютъ вполнѣ точнаго и яснаго представленія объ испанскомъ оригиналѣ. Кромѣ того, оба они заключаютъ въ себѣ рядъ ошибокъ и недоразумѣній, которыя возможно исправить и разъяснить на основаніи испанскаго изданія „Дневника герцога Лирійскаго". Дневникъ и депеши его изданы были въ подлинномъ видѣ въ 93 томѣ „Собранія документовъ испанской исторіи" въ Мадридѣ, еще въ 1889 г. [1]), но это изданіе несмотря на свою важность, прошло незамѣченнымъ среди русскихъ историковъ.

Испанскій текстъ занимаетъ 503 страницы въ 8-ю долю листа. Изъ нихъ 376 занимаетъ дневникъ, озаглавленный „Diario del Viaje á Moscovia del embasador duque de Liria y

[1]) Coleccion de documentes iréditos para la historia de España por de Marqúes de la Fuensanta del Valle, D. Iosé Sancho Bayóo y D. Francisco de Zabalburu.

Хéгіса (1727—1730)", а остальныя—приложенія: 1) инструкція, данная Филиппомъ V герцогу Лирійскому, какъ послу испанскому въ Московіи (стр. 379—389); 2) письма герцога Лирійскаго къ маркизу де-ля-Пасъ и др. лицамъ отъ 28 апр. 1727 по 28 авг. 1730 гг. (стр. 390—474); 3) Варшавскій дневникъ (стр. 474—486) и 4) бумаги, относящіяся къ пребыванію герцога Лирійскаго въ Италіи отъ 1734 по 1738 г. Нѣкоторыя мѣста дневника иллюстрируются планами и рисунками тѣхъ зданій, которыя имѣли то или другое отношеніе къ излагаемымъ событіямъ: къ стр. 117 приложенъ планъ собора, гдѣ короновался Петръ II; къ стр. 120—планъ аудіенцъ-залы, гдѣ происходилъ царскій обѣдъ въ день коронаціи, и снимокъ съ медали, изготовленной для раздачи народу по этому случаю; къ стр. 142 и 144 снимки павильоновъ, гдѣ герцогъ Лирійскій давалъ банкеты по различнымъ торжественнымъ случаямъ. Весь томъ составленъ и изданъ подъ редакціей A. Paz y Melia, завѣдывающаго рукописнымъ отдѣломъ Мадридской Національной Библіотеки. Матеріалъ для изданія почерпнутъ былъ частью изъ фамильнаго архива герцоговъ Лирійскихъ, частью изъ Симанкскаго архива, гдѣ Кустодіевъ не работалъ. Редакторъ предпослалъ документамъ введеніе (стр. V—XX), въ которомъ дается краткій біографическій очеркъ и характеристика дипломатической дѣятельности герцога Лирійскаго.

Дневникъ раздѣленъ герцогомъ Лирійскимъ на двѣ части или тома: 1-й томъ обнимаетъ время отъ 1727 до 1-го янв. 1729 г. (стр. 1—204), 2-й—остальное время пребыванія его въ Россіи, до 30 октября 1730 г. (стр. 205—376) и, кромѣ того, заключаетъ въ себѣ рядъ характеристикъ различныхъ членовъ царской фамиліи и государственныхъ дѣятелей, при чемъ противъ именъ тѣхъ изъ нихъ, которые умерли во время пребыванія его въ Россіи, онъ поставилъ крестики. Дневникъ составлялся самимъ герцогомъ Лирійскимъ, а не его секретаремъ, какъ это думаетъ Кустодіевъ,—въ Россіи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ описываемыхъ событій, а не за границей, по окончаніи дипломатической миссіи, какъ

это утверждаютъ г. Корсаковъ и др. Что дневникъ велся въ Россіи и самимъ герцогомъ Лирійскимъ, это видно изъ его же вступленія ко второму тому дневника.

„Начинаю, говоритъ онъ, этотъ второй томъ съ началомъ 1729 г., не зная, окончу ли его въ Россіи, но со страстнымъ желаніемъ поскорѣе выбраться изъ страны, гдѣ нѣтъ ни общества, ни развлеченія, и гдѣ я рискую потерять свое здоровье и ту малую долю терпѣнія, которая у меня остается“ (р. 205).

Заканчиваетъ же онъ свой дневникъ слѣдующимъ признаніемъ: „Я окончилъ характеристики и реляцію о моемъ посольствѣ въ Россію и заявляю, что этотъ трудъ я предпринялъ единственно съ цѣлью доставить себѣ развлеченіе, дѣтямъ же моимъ — поученіе“. Сличеніе дневника съ его депешами приводитъ насъ къ тому выводу, что первый воспроизводитъ, иногда буквально, содержаніе послѣднихъ, что составленіе дневника замѣняло для герцога Лорійскаго до извѣстной степени отсутствіе общества, на что онъ жалуется, и предпринято было имъ безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякого намѣренія представить событія и лица въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ представлялись они ему на самомъ дѣлѣ, и что, наконецъ, соображенія о сравнительной цѣнности дневника и депешъ, высказанныя г. Кустодіевымъ, К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и Д. А. Корсаковымъ, не выдерживаютъ критики, и вотъ почему. Депешамъ, какъ историческому источнику, они отдаютъ рѣшительное предпочтеніе передъ Дневникомъ, приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ отдается предпочтеніе Politische Correspondenz Фридриха Великаго передъ его Histoire de la guerre de sept ans, произведенію, написанному подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ описываемыхъ событій, передъ произведеніемъ, составленнымъ позже, подъ вліяніемъ размышленій надъ пережитымъ временемъ. Но названные писатели сравниваютъ не подлинный текстъ дневника съ его депешами, а переводъ его, сдѣланный Языковымъ. Между тѣмъ къ послѣднему

слѣдуетъ отнестись съ большою осторожностью, прежде всего по тому, что, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ статьи „Записки герцога де-Лирія", напечатанной въ „Русской Старинѣ" (1873 г., VШ, стр. 30), „увѣреніе его (т. е. Языкова) о существованія иностраннаго изданія (объ исп. изданіи, разбираемомъ нами, тогда еще не могло быть рѣчи) записокъ де Лирія—непонятная для насъ выдумка". Языковъ сдѣлалъ свой переводъ не съ печатнаго французскаго изданія, а съ французской рукописи позднѣйшаго времени, по списку, доставшемуся Бестужеву-Рюмину; по цензурнымъ, а, можетъ быть, также и по другимъ соображеніямъ, Языковъ перевелъ эту рукопись не цѣликомъ, а съ сокращеніями, о которыхъ можно судить на основаніи сдѣланныхъ дополненій въ цит. статьѣ въ „Русской Старинѣ". Кромѣ того, какъ замѣтилъ г. Корсаковъ, „поправки, сдѣланныя въ „Русской Старинѣ", не всегда отличаются полнотой и правильностью перевода". Сличеніе же послѣдняго съ испанскимъ текстомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ неполнотѣ французской рукописи, съ которой сдѣлалъ свой переводъ Языковъ. Такимъ образомъ, если французская рукопись по своей полнотѣ уступаетъ испанскому оригиналу, то еще болѣе слѣдуетъ сказать это о русскомъ переводѣ ея, къ которому, замѣтимъ, г. Кустодіевъ отнесся съ полной вѣрой, хотя тоже не считаетъ его полнымъ. Во французской рукописи, описанной г. Корсаковымъ, допущена ошибка въ заглавіи дневника: составленіе его приписано не герцогу Лирійскому и Херійскому, а герцогу Лирійскому и Бервикскому (extrait du journal du duc Lihria et Berwick, ambassadeur de Philippe V), и это обстоятельство, быть можетъ, и навело Языкова на мысль, что изданные въ Парижѣ 1788 г. Мемуары составлены были испанскимъ посломъ въ Россіи; на самомъ же дѣлѣ никакого отношенія къ Россіи они не имѣютъ, и авторомъ ихъ былъ отецъ послѣдняго—маршалъ Бервикъ. Смѣшеніе идетъ еще дальше: даже годъ смерти отца (1733) приписывается Д. И. Языковымъ сыну, между тѣмъ

какъ послѣдній умеръ въ 1738 г. [1]), 2-го іюня, въ Неаполѣ, отъ болѣзни, начавшейся еще въ Россіи.

Испанское изданіе даетъ возможность не только провѣрить переводы Языкова и Кустодіева, но и дополнить ихъ интересными данными, относящимися къ русской жизни начала второй четверти XVIII в.: таковы, напр., описаніе С.-Петербурга, сообщеніе о состояніи русскаго войска и флота, русской промышленности и о цѣнахъ, по которымъ произведенія ея могли быть предметомъ торговли съ Испаніей, характеристика политическихъ партій, полное изложеніе проекта генерала Матюшкина и т. д. Дневникъ герцога Лирійскаго отличается большими литературными достоинствами и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ; начиная съ того момента, когда экипажъ герцога Лирійскаго недалеко отъ Петербурга завязъ въ грязи и посолъ испанскій, послѣ долгихъ безуспѣшныхъ попытокъ освободить его, принужденъ былъ сѣсть на неосѣдланную и неподкованную клячу, и въ такомъ видѣ, съ веревочкой въ рукахъ вмѣсто уздечки, въѣхать въ русскую столицу, и кончая отъѣздомъ его изъ Россіи, когда, издержавшись на поддержаніе пышнаго представительства тамъ, онъ не имѣлъ бы на что выѣхать изъ Москвы, если бы не любезность импер. Анны Ивановны, предложившей ему взаймы изъ государственнаго казначейства 25.000 рублей,--разсказъ ведется на всемъ протяженіи дневника живо и занимательно и обнаруживаетъ большую наблюдательность автора.

Въ заключеніе референтъ замѣтилъ, что характеристики нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей (ген. Гюктера, ген. Матюшкина, графа Ягужинскаго, ген. Чернышева, князя Юсупова, ген. Ушакова, гр. Салтыкова), помѣщенныя въ изд. Д. И. Языкова, опущены въ изд. Par y Melia; это объясняется, тѣмъ, что послѣдній работалъ въ архивѣ герцоговъ Лирійскихъ послѣ двухъ пожаровъ (1831 и 1843 г.), уничтожившихъ

[1]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ошибочно относитъ этотъ фактъ къ 1735 г.

значительную часть хранившихся тамъ документовъ, въ томъ числѣ, вѣроятно и тѣ „характеристики", которыя остались ему неизвѣстными. Отсюда слѣдуетъ, что переводъ Языкова не вполнѣ утратилъ свое значеніе; не утратилъ своего значенія и трудъ Кустодіева, который также сообщилъ кое-какіе документы, оставшіеся неизвѣстными испанскому издателю. Короче говоря, разсмотрѣнные три труда взаимно дополняютъ другъ друга, но основнымъ источникамъ, несомнѣнно, должно признать изданіе Pag у Melia, какъ самое полное и самое близкое къ подлиннику.

Въ обсужденіи этого доклада приняли участіе В. С. Иконниковъ и В. А. Кордтъ.

VIII. Засѣданіе 17-го марта 1902 г.

а) Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** разсмотрѣлъ мнѣнія *„Гоголя объ искусствѣ"* (напечатано въ 1—3 вып. настоящей книги).

Замѣчанія и дополненія къ этому докладу были сдѣланы поч. чл. Н. П. Дашкевичемъ.

б) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** указалъ въ своемъ сообщеніи на *„Высшее начало, положенное въ основу западно-русскихъ братствъ, и причины стремленія послѣднихъ къ ставропигіальности"*.

А. А. Папковъ въ своемъ *Очеркѣ*, посвященномъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ, вопреки мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые привыкли въ нашихъ братствахъ видѣть явленіе заносное и въ этомъ смыслѣ случайное, выдвинулъ мысль, что корней этого замѣчательнаго учрежденія слѣдуетъ искать въ самомъ духѣ Русскаго народа, при чемъ указалъ на древнюю русскую общину, какъ на ту среду, въ которой слѣдуетъ искать источника нашихъ братствъ. Эта мысль, близкая къ истинѣ, нуждается въ восполненіи. Древне-русскій общественный бытъ несомнѣнно былъ прекрасной почвой для произрастанія брошеннаго въ нее зерна; но самое зерно дало христіанство съ его православнымъ ученіемъ о церкви, какъ о нравственномъ инсти-

тутѣ, построенномъ на началѣ любви. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пробѣжать уставъ Виленскаго братства. Этотъ уставъ — не просто кодексъ постановленій, опредѣляющихъ права и обязанности членовъ братства: нѣтъ, это цѣлый литературный памятникъ, устанавливающій прежде всего самое *начало* братской жизни и затѣмъ послѣдовательно проводящій его во всѣхъ постановленіяхъ своихъ отъ начала до конца. Такимъ началомъ уставъ ставитъ *любовь*. Братство, по этому уставу,—союзъ любви, созданный для религіозно-нравственнаго воспитанія личности и въ то же время это простѣйшая истинно-христіанская форма человѣческаго общежитія; братство—это та первичная органическая клѣточка, которая лежитъ въ основаніи церковнаго организма. Братство можетъ ставить и дѣйствительно ставило себѣ самыя широкія задачи: оно строило школы, заводило типографіи, защищало церковь отъ ея враговъ и т. д. Но мы можемъ представить себѣ братство существующимъ и внѣ этихъ задачъ, и все же оно не утратитъ ни одного изъ своихъ существенныхъ признаковъ, ибо, независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ задачъ, оно въ самомъ себѣ имѣетъ достаточное основаніе для своего существованія: братство прежде всего есть спеціальная единица, осуществляющая на дѣлѣ, въ самомъ жизненномъ фактѣ, христіанскую формулу примиренія интересовъ личности и человѣческаго общежитія; а такъ какъ по этой же формулѣ построена и церковь, какъ общественный организмъ, то братство съ этой точки зрѣнія есть не что иное, какъ воплощеніе церковнаго начала въ народномъ бытѣ.

Но что бы еще лучше вникнуть въ самое существо нашихъ западно-русскихъ братствъ, необходимо понять причину ихъ настойчиваго стремленія къ ставропигіальности и вытекавшей отсюда ихъ борьбы съ высшей іерархіей. Историка не можетъ не поражать то обстоятельство, что братства, это чистѣйшее порожденіе христіанства, почти постоянно находятся въ натянутыхъ отношеніяхъ къ своимъ высшимъ духовнымъ пастырямъ, отношеніяхъ, переходящихъ

нерѣдко въ настоящую борьбу. Спрашивается: чего не подѣлили эти люди, которымъ, казалось бы, совершенно естественно слѣдовало бы мирно, рука объ руку, идти къ одной и той же цѣли? Не подѣлили они, конечно, власти; но произошло это не вслѣдствіе случайнаго столкновенія двухъ властолюбиво настроенныхъ эгоизмовъ, а вслѣдствіе существеннаго различія во взглядѣ на источникъ власти въ церкви, различія, которое обусловливалось, въ свою очередь, неодинаковостью взгляда на взаимное отношеніе въ церкви іерархіи къ мірянамъ. Не смѣшивая іерархіи съ мірянами и не отказывая первой въ правѣ управлять церковью, братства, твердо держась соборнаго начала, ставятъ соборъ выше отдѣльныхъ представителей іерархіи и поэтому признавали за собою право контроля надъ послѣдними. Словомъ, въ глазахъ членовъ братства, послѣднее являлось какъ бы постоянно функціонирующимъ соборомъ и, какъ таковое, совмѣщая въ себѣ іерархію и мірянъ, было полноправнѣе тѣхъ и другихъ, по одиночкѣ взятыхъ.

На иной точкѣ зрѣнія стояли представители высшей іерархіи. Предъ ихъ глазами былъ строй жизни католической церкви, въ которой іерархія играла другую роль. Тамъ бискупы, опираясь на силу полноправнаго и непогрѣшимаго папы, какъ бы выйдя изъ состава церкви, понимаемой въ православномъ смыслѣ, сами себя объявили церковью и, захвативъ власть въ свои руки, стали управлять мірянами такъ, какъ управляютъ правительственные чиновники въ деспотическомъ государствѣ. Такая завидная доля латинскихъ бискуповъ не могла не соблазнять нашихъ епископовъ. Отсюда ихъ постоянное тяготѣніе къ папизму, отсюда ихъ борьба съ ставропигіальностью братствъ. Борьба эта, такимъ образомъ, не была случайностью; здѣсь боролись два существенно различныя начала: соборное начало здѣсь боролось съ началомъ папизма. Представителями перваго были братства, представителями второго—высшая іерархія. Пока епископы оставались въ нѣдрахъ православной церкви,

перевѣсъ въ борьбѣ былъ на сторонѣ братствъ по слѣдующей понятной причинѣ. Начиная съ конца XVI вѣка, съ легкой руки братствъ Львовскаго и Виленскаго, подъ напоромъ папизма, вся территорія западно-русской церковной области стала покрываться густою сѣтью церковныхъ братствъ, которыя, вступая во взаимное общеніе, сливались какъ бы въ одно общее церковное братство, въ одинъ великій церковный соборъ. На это знаменательное явленіе нельзя смотрѣть иначе, какъ на реакцію восточно-православнаго начала *соборности* противъ наступавшаго на него съ Запада начала римскаго *папизма*. Легко представить себѣ то положеніе, въ какомъ оказались представители высшей іерархіи при данныхъ условіяхъ. Закипѣвшая жизнь выбрасывала ихъ изъ своихъ нѣдръ такъ, какъ выбрасываетъ живой организмъ несродные ему элементы. Тѣ изъ владыкъ, которые оказались полегковѣснѣе, сразу перевалили за барьеръ церковной ограды и ушли въ родственный имъ по духу папизмъ. Такъ поступила первая генерація архіереевъ-измѣнниковъ во главѣ съ Ипатіемъ Потѣемъ и Кирилломъ Терлецкимъ, а потомъ Іосифъ Шумлянскій со своими единомышленниками. Другіе же владыки, которые больше дорожили связью съ родною церковью, но въ тоже время не хотѣли отказаться отъ своихъ тенденцій, бросились на Греческій Востокъ, надѣясь тамъ встрѣтить себѣ поддержку. Такъ раскрывается истинный смыслъ похожденій Мелетія Смотрицкаго, котораго поддерживалъ м. Іовъ Борецкій и стремленіямъ котораго потомъ сочуствовалъ Петръ Могила. Но надежды на восточныхъ патріарховъ не оправдались. Греческая церковь, освободившаяся послѣ паденія Византійской Имперіи отъ опеки государства, оказалась приблизительно въ томъ же положеніи, въ какомъ была и наша Западно-русская церковь, находившаяся въ предѣлахъ государства съ иновѣрною властью. Не находя опоры во внѣ, Греческая іерархія естественно должна была черпать свои силы въ тѣсномъ единеніи съ народомъ. Такъ выработа-

лась на Востокѣ точка зрѣнія, выраженная въ § 17 извѣстнаго *Окружного посланія* Восточной церкви 1848 года, подписаннаго 4-мя патріархами, 29 епископами и изданнаго и въ Россіи по распоряженію Св. Синода (1850 г.). „У насъ—писали представители Восточной Церкви — ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть *самое тѣло Церкви*, т. е. *самый народъ*, который всегда желаетъ сохранить вѣру неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцовъ его, какъ то испытали многіе изъ папъ и латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія нисколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ". Вотъ та точка зрѣнія, которая роднила наши братства съ Греческою Церковью и о которую разбились всѣ происки западно-русскихъ владыкъ. Восточные патріархи потому такъ сочувственно отнеслись къ нашимъ братствамъ, что видѣли въ нихъ проявленіе начала истиннаго православія, того самаго начала, которое, по сознанію тѣхъ и другихъ, во всей своей чистотѣ проявилось въ первые три вѣка историческаго существованія церкви, жизнь которой они и ставили для себя идеаломъ...

По поводу этого доклада произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе Н. П. Дашкевичъ, О. И. Левицкій, А. В. Стороженко, Ѳ. И. Титовъ и А. С. Крыловскій.

По закрытіи засѣданія было доложено отношеніе Москов. Археологическаго Общества отъ 21 февраля 1902 г. за № 407 съ приглашеніемъ командировать въ Харьковъ на XII Археологическій Съѣздъ къ 14 августа этого года представителей отъ Общества Нестора-лѣтописца.

Опредѣлили: Увѣдомить Московское Археологическое Общество, что депутатами Общества Нестора-лѣтописца на означенномъ съѣздѣ имѣютъ быть д. члены: Б. И. Ханенко, Н. Ѳ. Бѣляшевскій, О. И. Левицкій, Вс. Г. Ляскоронскій, А. І. Степовичъ, Г. Г. Павлуцкій и М. Н. Ясинскій.

IX. Засѣданіе 31-го марта 1902 г.

При громадномъ стеченіи посторонней публики, наполнявшей XIV-ю аудиторію, засѣданіе открылось печальнымъ сообщеніемъ г. Предсѣдателя о кончинѣ Товарища предсѣдателя Общества Нестора-лѣтописца и поч. чл. *А. М. Лазаревскаго*, послѣдовавшей за три часа до засѣданія; при этомъ г. Предсѣдатель указалъ на тяжесть потери, понесенной Обществомъ въ лицѣ покойнаго А. М. Л—го, и на его научныя заслуги вообще и для Общества въ частности.

а) Затѣмъ г. Предсѣдатель объявилъ:

„Въ настоящимъ собраніи намъ придется отступить отъ обычнаго порядка нашихъ занятій. Мы не начнемъ со слушанія очередныхъ сообщеній, а удѣлимъ вниманіе иному предмету, полному для насъ интереса особой новизны. Намъ предстоитъ выслушать извѣстнѣйшаго изъ современныхъ „сказителей старинъ“ (такъ называютъ былины и ихъ пѣвцовъ на нашемъ сѣверѣ), Ивана Трофимовича Рябинина. По мысли нѣкоторыхъ авторитетныхъ ученыхъ, чтителей нашего эпоса, И. Т. Рябининъ, въ сопутствіи П. Т. Виноградова, предпринялъ путешествіе въ юго-славянскія земли и по пути остановился въ нашемъ городѣ, куда, какъ говорилъ онъ мнѣ, онъ издавна стремился мыслью, повторяя не разъ въ „старинахъ“ имя стольнаго города Кіева. Наше Историческое Общество, среди котораго И. Т. Рябининъ ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ Кіева, перескажетъ нѣкоторыя изъ былинъ, думаю—съ чувствомъ живѣйшей отрады выслушаетъ пѣсни, которыя, послѣ 700-лѣтняго перерыва, вновь раздадутся въ живомъ наложеніи пѣвца въ стѣнахъ матери городовъ русскихъ. Для историческаго общества, носящаго имя Нестора-лѣтописца, эти пѣсни представляютъ высокій интересъ. Онѣ являются въ своей основѣ древнею и вмѣстѣ всенародною живою лѣтописью тѣхъ временъ, когда „многовѣчный“ Кіевъ стоялъ во главѣ всей Русской земли. Мы будемъ внимать живому слову нашей общенародной поэзіи, подобнаго кото-

рому по древности мало найдется въ современной Европѣ. Отъ древняго германскаго и французскаго эпоса теперь имѣются лишь старыя записи, да и то большею частью въ искусственной отработкѣ. Устное же изложеніе того и другаго давно замолкло. Правда, еще и теперь поются пѣсни Каролингскаго цикла въ Сициліи, но то—не произведенія чисто народнаго *итальянскаго* пѣснотворчества. Восхваляютъ Зигурда на Фарерскихъ островахъ, но—въ пѣсняхъ хороводныхъ; въ нихъ нѣтъ той величавости, которая присуща нашему эпосу. Еще распѣваются настоящія былевыя пѣсни у нашихъ соплеменниковъ Сербовъ, но онѣ моложе нашихъ „старинъ". Есть у Кавказцевъ нѣчто, похожее на послѣднія, а равно и у тюркскихъ народцевъ Сибири, но это скорѣе баллады, чѣмъ истинно-историческія національныя пѣсни, какими являются сѣверно-русскія „старины" и южно-русскія „думы". Эти послѣднія замѣняли и оттѣсняли собою постепенно здѣсь, на югѣ, древнѣйшій слой нашего эпоса, который, можно думать, сохранялъ еще въ XVI-мъ столѣтіи полную свѣжесть въ Кіевѣ и Западной Руси. Но о древности пѣсенъ, которыя сейчасъ мы услышимъ, и объ исконной связи ихъ съ нашимъ югомъ предоставляю болѣе подробное слово нашему сочлену, спеціалисту по этому вопросу, А. М. Лободѣ".

б) Д. чл. **А. М. Лобода** сказалъ слѣдующее:

„Подобно тому, какъ зрѣлый и много испытавшій человѣкъ часто возвращается мыслью къ прошлымъ днямъ, когда на зарѣ своей юности, полный силъ и порывовъ, окрыленный надеждой и вѣрой, вступалъ онъ въ жизнь, заманчиво манившую его въ неизвѣданную даль, такъ точно и цѣлый народъ имѣетъ свои золотыя мечты, которыя онъ свято лелѣетъ, какъ лучшее свое достояніе. Тѣ мечты—воспоминанья о сѣдой старинѣ, о быломъ, „старины" или былины... Нашему Кіеву и старому Владиміру стольно-Кіевскому въ этихъ воспоминаніяхъ принадлежитъ первенствующее мѣсто. Кіевъ въ своихъ стѣнахъ собираетъ лучшихъ богатырей русскихъ и для всѣхъ ихъ постоянно готовъ веселый пиръ у Влади-

міра, Краснаго Солнышка; для враговъ также здѣсь средоточіе и опора земли Русской, такъ что, когда врагъ собирается покорить себѣ Русь, онъ устремляется прямо на Кіевъ; но тщетны его усилія, потому что у князя Владиміра всегда оказывается богатырь, способный постоять за свою родину, и если кто-либо изъ враговъ и получитъ пощаду, то лишь для того, чтобъ уцѣлѣвшій разносилъ всюду „такову славу",

Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны-могучи богатыри.

Иногда одинъ только слухъ о подготовляющемся нападеніи на Кіевъ вызываетъ богатырей и бранные подвиги:

Чѣмъ тѣхъ богатырей на себя ждати къ Кіеву,
Мы поѣдемъ въ стрѣчу къ нимъ
И тамъ съ ними сведемся...

И это не единственный случай, что изъ Кіева исходятъ удары, отражающіеся далеко за предѣлами земли Русской.

Въ Кіевѣ же нашелъ себѣ послѣднее успокоеніе и славнѣйшій богатырь русскій Илья Муромецъ, тѣло котораго, по народному преданію, и понынѣ нетлѣнно почиваетъ въ пещерахъ, а въ 1594 г. Эриху Лассотѣ указывали, что въ придѣлѣ церкви св. Софіи была гробница Ильи Муромца, знаменитаго героя или богатыря, о которомъ разсказываютъ много басенъ. Гробница его нынѣ (т. е. въ 1594 г.) разрушена, но въ томъ же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища.

Съ Кіевомъ связаны и другія названія, упоминаемыя въ былинахъ; такъ, напримѣръ, Пучай или Почай-рѣка есть наша родная Почайна и обозначена она въ нѣкоторыхъ пересказахъ довольно подробно и близко къ дѣйствительности: начало ея чуть по-ниже Мала-Кіевца—Вышгорода, гдѣ, какъ извѣстно, находились мощи кн. Бориса и Глѣба, что отмѣчается и въ былинѣ: „на Почай-рѣкѣ, у креста Леванидова, у святыхъ мощей у Борисовыхъ".

Такая былинная роль Кіева и Владиміра князя, пріуроченье къ этимъ именамъ весьма значительнаго содержанія былинъ, даже такихъ, которыя первоначально едва ли имѣли какое-нибудь отношеніе къ Кіеву и Владиміру, является

поэтическимъ отзвукомъ давней славы матери городовъ русскихъ, отзвукомъ, быть можетъ, нѣсколько смутнымъ и не во всѣхъ деталяхъ точнымъ, но зато полнымъ глубокой внутренней правды, воскрешающей предъ нами золотыя времена первыхъ князей русскихъ. Въ лицѣ Владиміра Краснаго Солнышка донеслась до насъ память не объ одномъ лишь Владимірѣ Святославичѣ; какъ старый Владиміръ на горахъ Кіевскихъ для автора Слова о полку Игоревѣ, такъ и въ былинахъ Владиміръ Красное Солнышко Стольнокіевскій сталъ какъ бы символическимъ олицетвореніемъ вообще идеи единства, величія, счастья Руси. Этой идеѣ служатъ богатыри, воплощеніе и опоэтизированіе лучшихъ силъ Руси; она, эта идея, соединяетъ ихъ въ одно братство и направляетъ къ одной общей цѣли, во славу родной страны.

Придать подобное значеніе Кіеву въ былинахъ тѣмъ легче было, что ядро русскаго богатырскаго эпоса образовалось еще въ пору высшаго процвѣтанія Кіева и какъ разъ въ предѣлахъ, близкихъ къ Кіеву. По наиболѣе обоснованнымъ даннымъ, начало былинъ относятъ къ вѣкамъ X—XI, а мѣстомъ ихъ преимущественнаго возникновенія были южные, юго-восточные и юго-западные предѣлы древней Руси. Здѣсь шла упорная, непрестанная борьба съ сосѣдами, главнымъ образомъ кочевниками, и на почвѣ ея особенно и развился богатырскій эпосъ, какъ поэтическое прославленіе удалыхъ подвиговъ и героическаго стоянія за родину. Но, конечно, теперь намъ трудно возстановить всѣ подробности этой борьбы: какъ извѣстно, сосѣдей у Руси было не мало, да и самые безпокойные изъ нихъ, сосѣди-степняки, не разъ мѣнялись; такимъ образомъ, нашимъ историческимъ сказаніямъ приходилось служить отраженіемъ столкновеній Руси съ Византіей, съ Хозарами, съ Печенѣгами, Половцами, Татарами, съ Польшей и Литвою, если даже не считать спорныхъ отношеній къ Скандинавамъ. Устное сказаніе не точная запись, и всѣ, съ кѣмъ волею или неволею приходилось Руси имѣть дѣло, съ теченіемъ времени смѣшивались въ народной памяти, былые удары заслонялись свѣжими.... Та-

кова канва былины, уже сама по себѣ довольно сложная. Съ другой стороны, уже прошла пора, когда былины считались плодомъ безыскусственнаго коллективнаго народнаго творчества; есть много данныхъ заключать, что онѣ слагались, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, въ средѣ профессіональныхъ пѣвцовъ, о которыхъ не разъ упоминаетъ и наша лѣтопись; пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ не былъ одинокъ, какъ онъ самъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, и ядро нашихъ былинъ составляетъ одно изъ звеньевъ цѣпи, въ древней письменности рельефно выразившейся начальными преданіями лѣтописи да Словомъ. Если это такъ, то содержаніе нашихъ былинъ должно было пройти чрезъ извѣстныя искусственныя формы, присущія всякому личному творчеству; послѣднія же, при несомнѣнномъ общеніи древней Руси съ Западомъ, едва ли могли вырабатываться безъ всякаго вліянія западнаго эпоса, преимущественно германскаго, героическія саги котораго въ своихъ общихъ чертахъ уже сложились къ X в., приблизительному началу русскихъ героическихъ сказаній. Сюда отчасти могли примѣшаться и нѣкоторыя восточныя черты.

Мало-по-малу пѣсни дѣлались достояніемъ народа въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого послѣдняго слова; здѣсь, какъ отчасти еще у самихъ слагателей пѣсенъ, къ нимъ примѣшивалось кое-что изъ сказокъ, бытовыхъ пѣсенъ и иного подобнаго словеснаго матеріала народнаго.

Затѣмъ онѣ переживали съ народомъ все, что тотъ переживалъ; пріобрѣтали окраску среды, въ которой жили, осложнялись вліяніемъ бродячихъ повѣстей, книжныхъ чертъ, входившихъ въ обиходъ народа. Сказанія объ одномъ лицѣ перепутывались со сказаніями о другомъ, дробились; по аналогіи съ прежними сказаніями, создавались новыя...

На ряду съ подобными переживаніями былинамъ пришлось пройти чрезъ другія испытанія. Югъ больше всего пострадалъ отъ татарскаго разгрома, и на уцѣлѣвшихъ обломкахъ потомъ возникла новая жизнь, но уже среди иныхъ условій, въ кругу иныхъ интересовъ и заботъ. Почва,

на которой выросъ старый эпосъ, измѣнилась, и ему оставалось лишь медленно умирать, уступая мѣсто козацкому эпосу, думамъ и т. п. И въ настоящее время лишь слабые слѣды его сохранились въ малорусской народной поэзіи.

Счастливѣе была судьба былевого эпоса въ средней Россіи, въ которой онъ сталъ извѣстенъ едва-ли многимъ позже, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя по преимуществу питали его. Въ средней Россіи еще въ половинѣ XIX ст. не мало уцѣлѣло былинъ, но главными хранителями послѣднихъ явились сѣверныя окраины Россіи, особенно губерніи Олонецкая и Архангельская, гдѣ наиболѣе благопріятно сложились обстоятельства для сохраненія и даже процвѣтанія этого отрывка нашей старины. Эти обстоятельства — *свобода* и *глушь*. Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Сознавая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что грамотный человѣкъ между крестьянами этого края не такъ давно былъ весьма рѣдкимъ исключеніемъ. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное, въ возможность всего того, о чемъ разсказывается въ былинахъ.

Свято хранясь подъ покровомъ этихъ условій жизни и передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, былины болѣе или менѣе извѣстны всему крестьянскому населенію Заонежья и отчасти Архангельской и Вологодской губ. Распѣваются онѣ или сказываются, гдѣ придется и какъ придется. Однажды въ пути Рыбникову пришлось заночевать подъ открытымъ небомъ у костра; „я незамѣтно уснулъ, передаетъ Рыб-

никовъ; меня разбудили странные звуки; до того я много слыхалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого пѣнія не слыхивалъ. Живой причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами, и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличныхъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варіанты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтья на Шуйноволокѣ".

Особенно обычно пѣніе былинъ за какой-нибудь не утомительной, но однообразной работой въ родѣ плетенья сѣтей, сапожнаго или портняжнаго дѣла. Характерно также, что распространено знаніе былинъ преимущественно между болѣе исправной частью крестьянскаго населенія; исключеніе составляютъ только слѣпые, которые поставлены въ безпомощное состояніе своимъ физическимъ недостаткомъ. Среди нашихъ сѣверянъ есть много людей старой вѣры; они также знаютъ былины и пожалуй даже лучше другихъ.

Пѣвцовъ по профессіи, подобныхъ, напримѣръ, тѣмъ, которые распѣваютъ духовные стихи ради подаянія, не встрѣчается, за единичными исключеніями; но среди общей массы сказителей, какъ называютъ пѣвцовъ былинъ въ Заонежьѣ, или сказателей, по произношенію нѣкоторыхъ мѣстъ Архангельской губ., выдѣляются отдѣльные пѣвцы,

которые считаются какъ бы сказителями по-преимуществу, благодаря и большему знанью былинъ и лучшему умѣнью ихъ пѣть. Эти послѣдніе обыкновенно люди пожилые и старики; встрѣчаются среди нихъ и женщины, которыя, однако, въ общемъ болѣе слабыя сказительницы, чѣмъ мужчины.

Въ настоящее время лучшіе сказители знаютъ обыкновенно около 10 номеровъ и въ единичныхъ случаяхъ до 20 и болѣе, но въ прежнія времена количество №№ было гораздо больше. Въ каждомъ же номерѣ въ среднемъ можно считать стиховъ до 600, такъ какъ есть и покороче, стиховъ въ 300, и подлиннѣе.

Къ числу самыхъ выдающихся Олонецкихъ сказителей того времени, когда изслѣдователи познакомились съ былинами на сѣверѣ, принадлежалъ старикъ Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, знавшій до 23 №№, научившійся былинамъ у нѣсколькихъ сказителей, изъ которыхъ два были самыми знаменитыми въ свое время Олонецкими сказителями, передававшій свои былины съ рѣдкой точностью, мастерствомъ изложенія. Онъ умеръ въ 1885 г. 94 лѣтнимъ старикомъ. Отъ отца унаслѣдовалъ его даръ Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, которому теперь также лѣтъ подъ 60. Передаваемыя имъ былины по полнотѣ и художественной экспрессіи принадлежатъ къ лучшимъ во всемъ былинномъ репертуарѣ извѣстныхъ намъ пѣвцовъ. Каждый стихъ носитъ на себѣ слѣды вдумчивости и неторопливости; въ противоположность нѣкоторымъ сказителямъ у Ивана Трофимовича нигдѣ не встрѣчается явной несообразности или пустого набора словъ,—богатая память и чутье спасаютъ его отъ этого. Поетъ онъ былины, по установившемуся въ Онежскомъ краѣ обычаю, тремя, нѣсколько отличными другъ отъ друга напѣвами; если былина очень длинна, или въ случаѣ усталости И. Т. съ пѣнія переходитъ на т. н. сказываніе. Предъ большой публикой переходъ отъ пѣнія къ „сказу“ кажется нѣсколько рѣзкимъ, вслѣдствіе того, что приходится при большой аудиторіи сильно возвышать голосъ. Но у себя дома его пересказъ носитъ совершенно иной характеръ.

Это тихая, естественно-мѣрная рѣчь, произносимая чуть-чуть приподнятымъ тономъ, который такъ же выдержанъ и своеобразно гармониченъ, какъ и въ пѣніи. Духовные стихи. которыхъ онъ знаетъ нѣсколько, поются имъ также на свой особый ладъ.

Таково, въ краткихъ чертахъ положеніе русскаго былевого эпоса, такова среда выславшая теперь намъ своего лучшаго пѣвца, въ передачѣ котораго наше древнее достояніе какъ бы вновь возвращается къ намъ, къ подножію славнаго князя Владиміра, къ стольному граду Кіеву.

в) „Сказитель" былинъ **И. Т. Рябининъ** пропѣлъ первую часть былины объ Ильѣ-Муромцѣ и Соловьѣ-Разбойникѣ, а при передачѣ второй, перешелъ на „сказъ". Далѣе онъ пропѣлъ часть былины о Микулѣ Селяниновичѣ и Вольгѣ Всеславьевичѣ, затѣмъ—духовный стихъ и, наконецъ, былину о Добрынѣ Никитычѣ.

Пѣніе и сказъ означенныхъ былинъ сопровождались долго несмолкавшими рукоплесканіями.

Въ закрытой затѣмъ части засѣданія постановлено избрать *Ивана Трофимовича Рябинина* въ члены-корреспонденты Общества Нестора-лѣтописца, что тотчасъ же было и объявлено.

Отдѣлъ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя.

Печатныя свѣдѣнія о предкахъ Гоголя до сихъ поръ не точны, потому что единственнымъ ихъ источникомъ служитъ показаніе дяди Гоголя, Аѳанасія, о своемъ происхожденіи, представленное имъ въ Кіевское дворянское депутатское собраніе въ 1788 г. и сохранившееся въ „дѣлѣ“ о дворянствѣ Гоголей, хранящемся въ Полтавскомъ дворянскомъ архивѣ. На основаніи данныхъ этого „дѣла“ мы когда-то напечатали (Русск. Арх. 1875 г., I, 451) краткое родословіе Гоголей, съ поясненіями къ нему, взятыми изъ показанія Аѳанасія Гоголя. Въ этомъ краткомъ родословіи значится, что родоначальникомъ Гоголей былъ козацкій Могилевскій полковникъ Евстафій Гоголь, получившій въ 1674 г. за свою службу отъ польскаго короля с. Ольховецъ: что у Евстафія былъ сынъ Прокофій, а у Прокофія—Янъ, которые оба были „польскими шляхтичами,“ и что, наконецъ, у Яна былъ сынъ Демьянъ, священникъ Лубенскаго села Кононовки, и отъ этого Демьяна и родился самъ „показатель“—Аѳанасій Гоголь. Новѣйшій біографъ Гоголя, В. И. Шенрокъ

(„Ученическіе годы Гоголя“) это краткое родословіе распространяетъ болѣе подробными свѣдѣніями. Онъ говоритъ, что „родъ Гоголей, подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію и въ лицѣ двухъ своихъ представителей (разумѣются Прокофій и Янъ) вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Украинѣ. Временное уклоненіе въ католицизмъ (!), очевидно, было вызвано щедрымъ королевскимъ даромъ Остапу (т. е. Евстафію) Гоголю, которымъ предоставлялось ему право наслѣдственнаго владѣнія надъ помѣстьемъ Ольховцами, съ женой и сыномъ“. Г. Шенрокъ не указываетъ особаго источника для своего категорическаго извѣстія о католичествѣ предковъ Гоголя, но такъ какъ на той же страницѣ, гдѣ говорится о „временномъ уклоненіи въ католицизмъ“ Прокофія и Ивана Гоголей, упоминается о дѣдѣ и прадѣдѣ Гоголя и сдѣлана ссылка на „Русск. Арх. 1875 г., стр. 439,“ [1]) то мы, повидимому, безошибочно можемъ заключить, что наше коротенькое извѣстіе о „польскомъ шляхетствѣ“ Прокофія и Яна Гоголей было единственнымъ для г. Шенрока источникомъ для извѣстія объ ихъ католичествѣ. Интересно, что тутъ же г. Шенрокъ приводитъ и мотивъ для послѣдняго: „щедрый даръ“ короля отцу Прокофія, полковнику Евстафію Гоголю, „помѣстья“ Ольховца... [2])

Разумѣется, эта догадка почтеннаго біографа Гоголя — о католичествѣ его предковъ — не имѣетъ ни малѣйшаго историческаго вѣроятія.

Тенденція производить себя изъ польскаго шляхетства явилась у малорусской козацкой старшины въ началѣ второй

[1]) Здѣсь, на стр. 439, помѣщена наша статья о Гамалѣяхъ, а свѣдѣніе о Гоголяхъ помѣщено *вслѣдъ за нею*, на стр. 451.

[2]) Т. е. сынъ полковника благодарилъ короля за „щедрый даръ“ отцу — принятіемъ католичества. или—отецъ-полковникъ въ благодарность—перемѣнилъ религію сына?..

половины XVIII в., когда эта старшина вспомнила о старомъ шляхетствѣ Украины, уничтоженномъ порядками Хмельницкаго. До Хмельницкаго существовала на ряду съ шляхтою польскою и шляхта русская, т. е. русскіе люди православной вѣры, получившіе шляхетство (нобилитацію) отъ польскихъ королей. Остатки этой русской шляхты существовали еще въ XVIII в., въ лицѣ Сулимъ, Пироцкихъ, Бакуринскихъ... [1]) Предки ихъ были русскими шляхтичами, что доказывалось юридическими актами. Какъ же было не вспомнить объ этомъ шляхетствѣ тому классу малорусскаго общества, который, по своимъ достаткамъ и по своему образованію, давно выдѣлился изъ народа... А тутъ подоспѣла Екатерининская Коммиссія 1767 г., для которой въ Малороссіи требовался особый наказъ отъ „благороднаго шляхетства и рыцарства“. Кто же могъ явиться представителемъ этого сословія, какъ не козацкая старшина, давно уже получившая среди народа названіе „пановъ“, т. е. людей высшаго положенія. Этому нарождавшемуся сословію очень естественно было отождествлять себя съ старинною шляхтою.

Введеніе въ Малороссіи общерусскихъ учрежденій въ 1782 г. вело за собою установленіе здѣсь уже настоящаго, юридическаго дворянства. Но для полученія патента на это дворянство козацкая старшина должна была доказать свое „благородное происхожденіе“, а послѣднее доказывалось какъ разнаго рода юридическими актами, такъ и „свидѣтельствомъ двѣнадцати дворянъ о благородной жизни отца и дѣда“ лица, искавшаго дворянства. Юридическіе акты, доказывавшіе „благородное происхожденіе“, были только у ближайшихъ наслѣдниковъ чиновной старшины, генер. урядниковъ, полковниковъ, бунчуковыхъ товарищей и проч. Лицамъ, происходившимъ отъ худородныхъ

[1]) См. наши „Замѣчанія на монографію Д. П. Миллера о Малор. Дворянствѣ и Статут. Судахъ“ (Харьковъ, 1899), стр. 7 и слѣд.

отцовъ и дѣдовъ, приходилось обращаться къ „свидѣтельству 12-ти дворянъ“. Но и здѣсь нужно было связать себя съ „благородными“ предками, нужно было хотя голословно указать по крайней мѣрѣ отца и дѣда, „службу, жизнь и состояніе благородно продолжавшихъ“. Вотъ тогда-то и явилась на подмогу память о старинномъ шляхетствѣ, т. е. найдено было приличнѣе всего и правдоподобнѣе указывать на *шляхетство* своихъ предковъ. Но малорусское общество привыкло связывать *шляхетство* съ Польшею, потому что оттуда шелъ этотъ общій титулъ „благороднаго состоянія“. Словами: „польское шляхетство“ „польскій шляхтичъ“, козацкая старшина опредѣляла то „благородное состояніе“, которое она такъ сильно желала себѣ присвоить. Но при этомъ съ понятіемъ о польскомъ шляхетствѣ вовсе не связывалось католичество; „польское“ шляхетство могло быть пріобрѣтено человѣкомъ и православнаго вѣроисповѣданія. Поэтому малорусская козацкая старшина, присвоивая себѣ „польское“ шляхетство, разумѣется, не отождествляла послѣдняго съ католичествомъ. Это лучше всего видно изъ показаній лицъ, искавшихъ дворянства, когда они, называя какого-нибудь своего предка „польскимъ шляхтичемъ“, тутъ же добавляли, что онъ долженъ былъ оставить Польшу (собственно правобережную Малороссію, теперешній „Юго-Западный край“) и переселиться въ „Россійскіе предѣлы“ вслѣдствіе-де тамошнихъ гоненій на православіе...

Вотъ такими „польскими шляхтичами“ были и два указанные въ родословіи Прокофій и Иванъ Гоголи. Ни на какое католичество ихъ Аѳанасій Гоголь указывать, разумѣется, не могъ, а хотѣлъ только сказать, что это были люди не простые, а шляхтичи, получившіе это шляхетство въ Польшѣ и отъ Польши.—Доказывать свое „дворянство“ происхожденіемъ отъ польскаго шляхетства Аѳанасію Гоголю собственно не представлялось и надобности, такъ какъ на это дворянство

онъ имѣлъ и безъ того неоспоримое право, какъ по своему майорскому чину, такъ и по рангу своего пра-прадѣда, Могилевскаго полковника Гоголя, который кромѣ того былъ еще и владѣльцемъ пожалованной ему королемъ маетности. Документъ о полковничествѣ Гоголя былъ на лицо [1]). Поэтому, упоминаніе о польскомъ шляхетствѣ Прокофія и Ивана являлось въ показаніи Афанасія Гоголя, такъ сказать, уже роскошью.

О представленной при „доказательствѣ“ дворянства королевской грамотѣ скажемъ нѣсколько словъ, потому что она служитъ единственнымъ юридическимъ доказательствомъ происхожденія Полтавскихъ Гоголей отъ козацкаго полковника Гоголя. Этотъ документъ требуетъ нѣкотораго обслѣдованія въ виду того, что, при доказательствахъ дворянства, такихъ документовъ было представлено козацкою старшиною множество—*подложныхъ*. Но документъ Гоголей несомнѣнно подлинный. Во-первыхъ, для подлога этого документа не было особой нужды, потому что у Аѳанасія Гоголя и безъ него было несомнѣнное право на дворянство по его чину. А затѣмъ и по своему содержанію королевская грамота 1674 г. не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. По этой грамотѣ король жалуетъ въ 1674 г., Гоголю, полковнику Могилевскому, „wieś“ Ольховецъ за то, что тотъ, во-первыхъ, снова *вернулся* къ нему на службу, и во-вторыхъ, за то, что онъ, Гоголь, сдалъ полякамъ Могилевскую крѣпость (Могилевъ здѣсь разумѣется Подольскій). Эти факты исторически безус-

[1]) Приводимъ здѣсь конецъ этой грамоты по копіи, представленной въ дворянское депут. собраніе и находящейся при „дѣлѣ“ о дворянствѣ Гоголей. Мотивъ пожалованія Ольховца объясняется такъ: „za życzliwość ku nam y Rzpltey urodzonego Hohola, . pólkownika naszego Mohilewskiego, którą nam w teraznieyszych wyswiadczył czasiech, powróciwszy do obozu naszego, posłuszenstwo nam poprzysiągł y fortece Mohylewską oddał Rzpltey; zachecając go do uslug, wies Olchowiec nazwana... dajemy jemu, tak samemu, jak y teraznieyszey małżonce jego, a po smierci ich, syn ich urodzony Prokop Bałacko (или—Batacko) Hohol takze prawem dozywotnim zażywać będzie .. („Dan w obozie pod Kalniekiem, dnia 6 m-ca grudnia 1674 r.“).

ловно вѣрны, такъ какъ извѣстно, что этотъ самый Гоголь, передъ тѣмъ именуясь полковникомъ Подольскимъ, присягалъ, въ числѣ прочей правобережной старшины, въ мартѣ 1674 г. (въ Переяславѣ) на вѣрность царю, а въ іюнѣ того же года, Самойловичъ доносилъ въ Москву уже о „злыхъ поступкахъ" Гоголя, заключавшихся въ томъ, что онъ, „оставя къ царскому величеству свои склонности, на тѣхъ дняхъ вдался и *ввелъ къ себѣ въ Могилевъ* на заставу (т. е. дозволилъ занять Могилевъ польскому отряду) нѣкоторого Александра Совецкаго, городничего Кіевского" [1]). Вотъ за эту отдачу Могилевской „фортецы", король и наградилъ Гоголя селомъ Ольховцемъ, въ которомъ слѣдуетъ видѣть теперешнее мѣстечко Ушицкаго уѣзда; оно дѣйствительно могло быть жалуемо королемъ въ 1674 г., потому что въ это время значится въ числѣ *королевскихъ имѣній* [2]). Въ виду этихъ данныхъ, представленная Аѳанасіемъ Гоголемъ королевская грамота 1674 г. и должна быть признана достовѣрнымъ актомъ [3]). Потому же вѣрно въ ней указаніе и на сына полковника—Прокофія, о которомъ другихъ упоминаній, кромѣ королевской грамоты, мы не знаемъ [4]). Да вѣроятно о Прокофіи Гоголѣ и

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, XI, 408—411 и 469.

[2]) Труды Подольск. епарх. ист.—статистит. комитета, вып. IX, стр. 988.

[3]) Любопытно, что, представляя эту грамоту, Аѳанасій Гоголь называетъ полковника не Евстафіемъ, а Андреемъ („предки мои фамиліею Гоголи, пра-прадѣдъ *Андрей* Гоголь былъ полковникомъ Могилевскимъ"...) Дѣло въ томъ, что въ грамотѣ имя полковника Гоголя не обозначено, но въ началѣ ея говорится, что прежнимъ владѣльцемъ Ольховца былъ *Андрей*, и послѣ этого слова слѣдуетъ пропускъ (можетъ быть переписчикъ не прочелъ подлинника). По этому основанію Аѳанасій Г-ль и призналъ, что Андреемъ звался самъ полковникъ... Такимъ образомъ пра-правнукъ уже *не зналъ* имени своего пра-прадѣда, хотя это былъ человѣкъ видный, о которомъ можно было справиться и въ книгахъ... Кстати, мы можемъ объяснить, какого Андрея разумѣетъ грамота: это былъ „*Adryan* Jaczymirski, podczaszy podolski"; онъ указанъ, какъ владѣлецъ Ольховца въ 1616 г., по одной изъ люстрацій. См. Źródła Dz., V, 66.

[4]) При упоминаніи о Прокофіи, грамота указываетъ и другое его прозвище кромѣ Гоголя—Батачко (или Балачко?) Вѣроятно, это было *личное* Прокофія прозвище.

не было никакихъ другихъ письменныхъ свѣдѣній и у его правнука Аѳанасія Гоголя: иначе онъ бы не приминулъ ихъ представить туда же, въ депутатское собраніе. Аѳанасій Гоголь говоритъ, что Прокофій умеръ въ „Польшѣ“ (т. е. въ Подоліи) и что, только по смерти Прокофія, сынъ его Янъ Гоголь, „оставя въ Польшѣ имѣнія свои, вышелъ въ Россійскую сторону“ и оселился въ Лубенщинѣ, въ с. Кононовкѣ, „считаясь шляхтичемъ“. О выходѣ дѣда и Яна изъ правобережной Малороссіи въ Лубенщину Аѳанасій Гоголь конечно могъ помнить (Аѳанасій род. въ 1738 г., а „Янъ“ умеръ не позже 1723 г.) и потому показаніе его объ этомъ „Янѣ“ слѣдовало бы считать точнымъ. Но другія данныя заставляютъ предполагать, что Аѳанасій Гоголь о своемъ дѣдѣ сообщаетъ свѣдѣнія неточныя. Неточность заключается въ томъ, что Аѳанасій Г. называетъ „Яна“ сыномъ Прокофія и что онъ, называя „Яна“ шляхтичемъ, не говоритъ о томъ, что этотъ дѣдъ его былъ такимъ же священникомъ с. Кононовки, какъ и отецъ. (На священство послѣдняго Аѳанасій Г. точно указываетъ въ своемъ „доказательствѣ“). Случайно встрѣтились намъ юридическіе акты, свидѣтельствующіе, что Янъ Гоголь по отцу назывался не Прокофьевичемъ, а *Яковлевичемъ*, и что онъ же, Янъ, въ 1697 г. былъ викаріемъ Лубенской Троицкой церкви, а въ 1723 г. священникомъ с. Кононовки. Эти данныя находятся въ трехъ „ставленныхъ“ грамотахъ, хранящихся у священника с. Олефировки, Миргородскаго уѣзда, о. Владиміра Яновскаго [1]). На основаніи этихъ грамотъ родословіе Гоголей, напечатанное въ Русск. Арх. 1875 г., измѣняется и пополняется такимъ образомъ.

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ „ставленныхъ“ грамотахъ приведены О Владиміромъ Яновскимъ при описаніи имъ церковныхъ памятниковъ с. Олефировки, составленномъ въ 1887 г. по программѣ Академіи Художествъ (для собранія свѣдѣній объ архитектурныхъ церковныхъ памятникахъ). Записка о. Вл. Яновскаго, въ числѣ прочихъ была прислана на Кіевск. археологич. съѣздъ 1899 г. Здѣсь мы ю и пользовались.

1. Иванъ („Янъ“)—не сынъ Прокофія, какъ было сказано на основаніи показанія Аѳанасія Г., а сынъ Якова, и не „польскій шляхтичъ“, а священникъ—сначала, викарій Лубенской Троицкой церкви, въ 1697 г., а позже—священникъ с. Кононовки, въ 1723 г.

2. Демьянъ Ивановичъ (по ставленной грамотѣ—Яновскій), сынъ Ивана Яковлевича и священникъ того же с. Кононовки, въ 1731 г.

3. Кириллъ Яновскій, священникъ с. Кононовки, сынъ Демьяна.

4. Аѳанасій, дѣдъ Н. В. Гоголя, второй сынъ Демьяна.

5. Меркурій Яновскій, священникъ с. Кононовки, сынъ Кирилла.

6. Савва Яновскій, священникъ с. Олефировки, второй сынъ Кирилла.

7. Василій, сынъ Аѳанасія и отецъ Н. В. Гоголя.

Отсюда мы видимъ, что дѣдъ Аѳанасія Г. жилъ и священствовалъ еще въ 1723 г.; этого факта Аѳанасій Г. едва ли могъ не знать. Могъ онъ не знать, что дѣдъ его былъ сыномъ не Прокофія, а какого-то Якова, но почти несомнѣнно, что зналъ онъ о его священничествѣ въ томъ же селѣ, гдѣ священствовалъ и отецъ Аѳанасія—Демьянъ. Можно думать, что Аѳанасій Г. умышленно скрылъ фактъ священничества своего дѣда Ивана, потому что не любила перерождавшаяся въ дворянство козацкая старшина связывать свое происхожденіе съ лицами духовнаго и посполитаго состоянія. Поэтому, священники превращались въ „польскихъ шляхтичей“, а какіе-нибудь бургомистры—въ сотниковъ. Это обычное явленіе въ старинныхъ родословіяхъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что родоначальникомъ Гоголей долженъ считаться Евстафій Гоголь, полковникъ сначала Подольскій, а потомъ Могилевскій. Онъ

былъ живъ еще и въ 1674 г. имѣлъ въ это время уже взрослаго сына Прокофія. Затѣмъ въ концѣ XVII в. является священникъ Иванъ Яковлевичъ, котораго связываетъ съ полковникомъ Гоголемъ только семейное преданіе, преданіе не совсѣмъ точное уже и потому, что оно отцомъ этого Ивана называетъ сына полковника—Прокофія, а не Якова, указываемаго въ „ставленной“ грамотѣ. Былъ ли этотъ Яковъ сыномъ или братомъ Прокофія—остается неизвѣстнымъ. Слѣдуетъ полагать, что Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ происходить отъ полковника Гоголя, потому что у него повидимому сохранилась королевская грамота на Ольховецъ, представленная затѣмъ внукомъ его въ депутатское собраніе. Иванъ Яковлевичъ имѣлъ одного сына Демьяна, а у Демьяна, *именовавшагося уже не Гоголемъ, а Яновскимъ*, было два сына, Кириллъ и Аѳанасій. Первый изъ нихъ, Кириллъ, унаслѣдовалъ отъ отца Кононовскій приходъ, а второй, Аѳанасій, пошелъ по другой дорогѣ. Аѳанасій разсказываетъ о себѣ, что родился онъ въ 1738 г. (этотъ годъ виденъ изъ показанія возраста Аѳанасія въ 1788 г.), учился въ Кіевской академіи, послѣ которой поступилъ, въ 1757 г., въ гетманскую канцелярію: въ той же канцеляріи оставался онъ и при Румянцовѣ (П. А.), наградившемъ Аѳанасія Г., по его словамъ *въ 1782 г.* (годъ введенія въ Малороссіи общерусскихъ учрежденій), *чиномъ* полковаго писаря. Все это факты обычные для того времени, но необычнымъ фактомъ была женитьба „поповича“ Аѳанасія Г. на дочери бунч. тов. Семена Семеновича Лизогуба, человѣка, принадлежавшаго къ „высшему“ мѣстному обществу. С. С. Лизогубъ былъ, во-первыхъ, родной внукъ гетмана Скоропадскаго, получившій богатыя дѣдовскія маетности (сс. Буровку, Выхвостовъ, Невклю, Ловинь...), а во-вторыхъ, это былъ зять Переяславскаго полковника Василія Танскаго; на дочери этого Лизогуба, Татьянѣ Семеновнѣ, и женатъ былъ Аѳанасій Гоголь.—Такъ какъ въ 1788 г. сынъ отъ этого

брака, Василій, имѣлъ уже чинъ корнета, то Аѳанасій Г. женился на Лизогубовнѣ приблизительно въ 1770 г., т. е. тогда, когда онъ, Аѳанасій, былъ совсѣмъ еще незамѣтнымъ человѣкомъ среди Глуховскихъ канцеляристовъ... Во всякомъ случаѣ, бракъ Аѳанасія Г. съ дочерью Лизогуба былъ фактомъ необычнымъ. За женою Аѳ. Г. въ „посагъ“ получилъ, по его собственнымъ словамъ, нѣсколько десятковъ крестьянскихъ дворовъ (изъ материнскаго имѣнія) въ с. Келебердѣ и Купчинѣ, въ которыхъ, по вѣдомости 1782 г., считалось 268 крестьянъ, м. и ж. [1]). Какъ видимъ, „посагъ“ былъ не малый для ничѣмъ незамѣтнаго канцеляриста. Быть можетъ, эта женитьба и дала возможность Аѳанасію Г. подняться выше прежней среды: получивъ въ 1782 г. чинъ полкового писаря, онъ черезъ шесть лѣтъ былъ уже секундъ-майоромъ. Правда, Румянцевъ не скупился на чины при раздачѣ ихъ малороссіянамъ, желая тѣмъ скорѣе замѣнить козацкую старину великорусскими порядками, но все-таки чинопроизводство Аѳан. Г. прошло быстро. Единственный сынъ послѣдняго—Василій, родился въ то время, когда отецъ его еще не вышелъ изъ сѣрой массы Глуховскихъ чиновниковъ, но выросталъ уже въ обстановкѣ состоятельнаго „пана“, а послѣ смерти отца, имѣлъ уже полную панскую обстановку, съ достаточнымъ количествомъ земли и крестьянскихъ „душъ“... Въ такой же обстановкѣ родился и авторъ „Мертвыхъ Душъ“.

14 октября, 1901 г.

Ал. Лазаревскій.

[1]) По вѣдомости о населеніи Малороссіи въ 1780 г., составленной при раздѣленіи послѣдней на три намѣстничества, въ сотнѣ Шишацкой, Миргородскаго полка, показанъ „*Хуторъ Купчинскій бунч. товар. Лизогуба*“, а въ немъ 16 двор. съ 16-ю хатами. Отсюда видно, что женинъ „посагъ“ Аѳанасій Г. получилъ гораздо позже женитьбы. Этотъ хуторъ Василій Аѳанасьевичъ Г. переименовалъ въ *Васильевку*. Здѣсь и родился Н. В. Гоголь.

Юношеская идиллія Гоголя.

I. Объ изученіи идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ".

Самымъ раннимъ изъ сохранившихся произведеній Гоголя, если не считать мелкихъ, является его юношеская идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ" [1]). Не обладая эстетическими достоинствами знаменитыхъ созданій нашего великаго писателя и какъ бы совершенно потерявшись въ ихъ блескѣ, она не только мало извѣстна широкой читающей публикѣ, но и не пользуется особеннымъ вниманіемъ со стороны людей науки; для подтвержденія послѣдняго мнѣнія достаточно указать на слѣдующіе факты: „Г. К." помѣщенъ далеко не во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Гоголя; нѣтъ ни одной работы, посвященной спеціально его изученію [2]).

---

[1]) Ниже обозначается черезъ „Г. К."

[2]) Важнѣйшими пособіями для изученія „Г. К." являются болѣе или менѣе обширныя замѣчанія въ слѣдующихъ трудахъ: анонимныя статьи П. А. Кулиша: „Нѣсколько черть для біографіи Н. В. Гоголя"—въ „Отечественныхъ Запискахъ", 1852 г., № 4, отд. VII, стр. 199 сл.; „Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ" -въ „Отеч. Зап.", 1853 г., № 2, отд. VII, стр. 111, 117; его же

Но какъ ни бѣдна эта идиллія достоинствами, сколь ни кажется она ничтожной въ сравненіи со многими другими произведеніями нашего поэта, все-таки ей нельзя отказать въ полномъ вниманіи со стороны изслѣдователя: въ ней ярко отразились юношескія стремленія ея автора, сказались нѣкоторыя характерныя черты его творчества, проявилось вліяніе иностранной и русской литературы. Значитъ, изучая ее, можно добыть нѣкоторыя данныя для біографіи Гоголя и для исторіи развитія его творчества, а также уяснить себѣ характеръ и степень вліянія, которому онъ подвергся со стороны нашихъ и западныхъ писателей въ періодъ созданія „Г. К.“.

Выясненіе всего этого и является цѣлью предлагаемой статьи.

Однако, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію интересующей насъ идилліи въ указанныхъ отношеніяхъ, необходимо разрѣшить трудный вопросъ о времени ея созданія: вся работа, несомнѣнно, будетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если мы укажемъ, къ какой именно порѣ жизни Гоголя нужно отнести добытыя на основаніи изученія „Г. К.“ свѣдѣнія, а это, въ свою очередь, возможно только послѣ точнаго опредѣленія момента, когда создано поэтомъ названное произведеніе.

II. Время возникновенія идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“.

Эта идиллія вышла въ свѣтъ въ іюнѣ 1829 г. подъ заглавіемъ: „Ганцъ Кюхельгартенъ. Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова. (Писано въ 1827 г.). СПб. 1829. Въ тип. А. Плюшара“.

(подъ псевдонимомъ Николая М.) „Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“, СПб. 1854, стр. 37—40; его же (подъ тѣмъ же псевдонимомъ) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, СПб. 1856, стр. 66 сл.; А. Кояловичъ, „Дѣтство и юность Гоголя“—въ „Московскомъ Сборникѣ“, 1887 г., стр. 243—245; „Собраніе сочиненій Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 541—545; В. И. Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. I, Москва 1892, стр. 154—168; его же, „Ученическіе годы Гоголя“, изд. II, Москва 1898, стр. 115—128, 138.

Тексту произведенія предшествовало слѣдующее предисловіе: „Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восьмнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданіемъ юнаго таланта“.

Вскорѣ послѣ появленія „Г. К.“ въ печати, о немъ были даны два неблагопріятныхъ отзыва—Полевымъ въ 12 № „Московскаго Телеграфа“, вышедшемъ въ концѣ іюня, и неизвѣстнымъ лицомъ въ 87 № „Сѣверной Пчелы“ отъ 20 іюля. Къ послѣднему отзыву присоединено извѣстіе, что „Г. К.“ продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Это извѣстіе важно въ томъ отношеніи, что имъ подрывается совершенно мнѣніе Кулиша [1]), согласно которому Гоголь сжегъ свою идиллію сейчасъ послѣ рецензіи Полевого [2]): Гоголь, очевидно, не придалъ ей особаго значенія, а выжидалъ, что будутъ говорить дальше: съ этой же цѣлью онъ тайно разослалъ нѣкоторымъ знакомымъ экземпляры своей книги. Но такъ какъ послѣдніе безмолствовали или давали плохіе отзывы, то онъ мало-по-малу убѣждался въ слабости своего созданія, а рецензія „Сѣверной Пчелы“ имѣла въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе. Убѣдившись окончательно, что его произведеніе неудачно, онъ собралъ оставшіеся отъ продажи экземпляры и сжегъ ихъ.

---

[1]) „Отеч. Зап.“, 1852 г., № 4, отд. VIII, стр 199; „Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“, стр. 37; „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 66.

[2]) „Сочин. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 542.

Изъ сообщенныхъ выше данныхъ ясно видно, какъ ревниво Гоголь оберегалъ тайну, что „Г. К.“—его созданіе: такъ, онъ скрываетъ себя подъ псевдонимомъ, придумываетъ довольно туманное предисловіе, выслушиваетъ мнѣніе знакомыхъ, ни словомъ не обмолвившись о своемъ авторствѣ [1]); наконецъ, потерпѣвъ неудачу, старается уничтожить даже слѣды существованія своей идилліи. Уже въ виду этого обстоятельства подрывается довѣріе къ авторскому заявленію на заглавномъ листѣ: „писано въ 1827 г.“; быть можетъ, отодвигая на два года назадъ время возникновенія издаваемаго сочиненія, Гоголь надѣялся совершенно уничтожить существовавшія, по его мнѣнію, подозрѣнія сожителя Данилевскаго и часто посѣщавшихъ его пріятелей, которые могли заставать его за письменной работой.

Во всякомъ случаѣ, не имѣя никакой возможности непосредственно опредѣлить, правдиво ли упомянутое сообщеніе, или оно придумано съ какой-нибудь цѣлью, мы не будемъ принимать его въ разсчетъ при разрѣшеніи вопроса о времени возникновенія „Г. К.“.

Послѣднее наше замѣчаніе получитъ еще бо́льшую силу, если мы припомнимъ, что два наиболѣе близкихъ пріятеля Гоголя: А. С. Данилевскій [2]) и Н. Я. Прокоповичъ [3]) высказались противъ возможности созданія „Г. К.“ въ 1827 г. Оба они утверждали, что, если бы идиллія была написана во время пребыванія Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ въ Нѣжинѣ, то, навѣрно, объ этомъ знали бы его товарищи.

Такимъ образомъ выходитъ, что у насъ совершенно нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ прямыхъ указаній на время возникно-

---

[1]) Только одинъ человѣкъ кромѣ Якима, неграмотнаго слуги Гоголя, зналъ что „Г. К.“—произведеніе Гоголя; это былъ его пріятель Н. Я. Прокоповичъ (см. „Отеч. Зап.,“ 1852 г., № 4, отд. VIII, стр. 199—200).

[2]) Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 119, прим.

[3]) Николай М., „Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“, стр. 37, прим.; его же „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, т. I, стр. 66, прим.

венія „Г. К.", вслѣдствіе чего приходится довольствоваться при опредѣленіи даты заключеніями, какія можно извлечь изъ побочныхъ данныхъ.

Несмотря на это, наиболѣе авторитетные ученые при разрѣшеніи интересующаго насъ вопроса обнаружили полное согласіе: и Н. Тихонравовъ, и В. И. Шенрокъ [1]) держатся того мнѣнія, что „Г. К." написанъ въ 1827 г. [2]). Однако, согласиться съ ними нѣтъ никакой возможности, что мы и постараемся сейчасъ показать, приведя и разобравъ аргументы, на которыхъ они основываютъ свое мнѣніе.

Во-первыхъ, оба названные ученые ссылаются на то, что въ Ганцѣ, героѣ идилліи, замѣчаются тѣ же порывы и стремленія, которые одушевляли Гоголя въ 1827 г. [3]).

Для доказательства Шенрокъ сопоставляетъ родственныя по своимъ мыслямъ мѣста „Г. К." и писемъ поэта, относящихся къ 1827 г., при чемъ, желая усилить значеніе такого довода, подчеркиваетъ также и сходство встрѣчающихся тамъ и здѣсь выраженій. Однако, мы съ своей стороны должны замѣтить, что и близость мыслей, встрѣчающихся въ „Г. К." и въ письмахъ 1827 г., и сходство выраженій ничего не доказываютъ: тѣ порывы и стремленія, носителемъ которыхъ является Ганцъ, не оставили Гоголя и съ переселеніемъ его въ столицу: разсматривая внимательно письма, отправленныя имъ

[1]) „Соч. Н. В. Гоголя", изд. X, т. V, стр. 544—545; Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя". стр. 119 сл.

[2]) Кулишъ по этому вопросу опредѣленно не высказался, равно какъ и Кояловичъ; съ точки зрѣнія послѣдняго, „Г. К." могъ быть написанъ или въ 1827 г. или въ періодъ 1827 1829 гг. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что и у В. И. Шенрока нѣтъ на этотъ счетъ устойчиваго мнѣнія: съ одной стороны онъ приводитъ доказательство въ пользу того, что „Г. К." созданъ въ 1827 г., съ другой —въ прим. на 120 стр. („Учен. годы Гоголя") заявляетъ: „можно бы еще допустить, что она (идиллія) была писана во время полугодовой жизни Гоголя въ деревнѣ въ 1828 г." Въ концѣ концовъ получается полная неопредѣленность,—не знаешь, какое же предположеніе кажется автору болѣе вѣроятнымъ.

[3]) Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя", стр. 119 сл.; „Сочин. Гоголя", изд. X. т. V, стр. 544.

отсюда, точно также можно найти и въ нихъ параллели къ различнымъ мѣстамъ идилліи и письмамъ школьнаго періода.

Изъ „Г. К.“.	Изъ школьныхъ писемъ.	Изъ Петербургскихъ писемъ.
1) Все рѣшено. Теперь ужели Мнѣ здѣсь душею погибать? И не узнать иной мнѣ цѣли? И цѣли лучшей не сыскать? Себя обречь безславью въ жертву? При жизни быть для міра мертву! („Сочин. Гоголя“, изд. X. т. V, стр. 22) [1]).	Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ. населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться. („Соч. и письма Н. В. Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 56). [1])	Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего. гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно! („Соч. и письма Н. В. Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 85).
2) ...мысль и крѣпка. и бодра Его одна объемлетъ, мучитъ Желаньемъ блага и добра; Его трудамъ великимъ учитъ. Для нихъ онъ жизни не щадитъ (стр. 38).	А что еще болѣе, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми я прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставляю, пока совершенно не окончу. („Русск. Старина“, 1876 г., № 1, стр. 44).	Вы не ошиблись, почтеннѣйшая маминька: я точно сильно нуждался въ это время. но впрочемъ это все пустое.... Знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всетеро разъ было болѣе нуждъ, и тогда онѣ бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дорогѣ (стр. 78).
3) И онъ спадетъ, покровъ неясный, Подъ коимъ знала васъ мечта. И міръ прекрасный, міръ прекрасный Отворитъ дивныя врата. (Стр. 22).		Но, какъ много еще и отъ меня закрыто тайной, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ (стр. 79).

[1]) Шенрокъ, „Ученич. годы Гоголя“. стр. 120.

Такимъ образомъ выходитъ, что, сопоставляя отдѣльныя мѣста „Г. К.“ и писемъ, нельзя прійти ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. На основаніи такого сопоставленія можно съ одинаковымъ правомъ относить возникновеніе этого произведенія и къ школьному періоду жизни Гоголя, и ко времени пребыванія его въ Петербургѣ.

Правда, слѣдуетъ отмѣтить, что намъ не удалось найти въ письмахъ Гоголя изъ столицы параллели къ одному изъ приведенныхъ В. И. Шенрокомъ отрывковъ „Г. К.“, который очень собою напоминаетъ письмо къ Косяровскому [1]), но зато выше мы указали сходство между однимъ мѣстомъ идилліи и письмомъ изъ Петербурга отъ 30 апрѣля 1829 г., которому нѣтъ соотвѣтствія въ ученическихъ письмахъ Гоголя. Любопытно при

[1]) Вотъ эти отрывки изъ „Г. К.“ и письма къ Косяровскому:

Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью неостывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?
(„Соч. Гоголя“. изд. X, т. V, стр. 22).

Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ, при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія это было для меня ужасно. („Русск. Старина“, 1876 г., № 1, стр. 41. Въ цитату Шенрока вкрались ошибки, которыя мы, конечно, здѣсь устранили).

Весьма интересна параллель къ отрывку, приведенному изъ письма къ Косяровскому—параллель, находящаяся въ „Авторской исповѣди“: „мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра“ („Соч. Н. В. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 795). Изъ нея ясно видно, что даже спустя долгое время Гоголь для выраженія своихъ завѣтныхъ мыслей пользовался весьма сходными словами, а это обстоятельство, въ свою очередь, лишній разъ показываетъ намъ, какъ шатки тѣ выводы, какіе дѣлаются на основаніи упомянутыхъ сопоставленій.

этомъ, что оба упомянутые отрывка довольно тѣсно связаны между собою, являясь составными частями восьмой картины, гдѣ изображаются мечты Ганца. Если этотъ фактъ—отсутствіе соотвѣтствія первому отрывку въ письмахъ изъ Петербурга, а второму въ школьныхъ письмахъ—объясняется вполнѣ удовлетворительно простой случайностью, то нахожденіе самыхъ отрывковъ въ одной и той же картинѣ, которая могла быть написана въ теченіе очень непродолжительнаго времени, особенно сильно подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что на основаніи приведенныхъ выше параллелей нельзя добыть сколько-нибудь точныхъ выводовъ.

Во-вторыхъ, стараясь подорвать значеніе свидѣтельства Прокоповича, который говоритъ: „Если бы Гоголь написалъ свою поэму (?) въ гимназіи, то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому-нибудь изъ его тогдашней публики. Нѣтъ, эта поэма была написана именно въ то время, когда онъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ“, Тихонравовъ приводитъ отрывокъ изъ письма къ Косяровскому отъ 3 октября 1827 г.:

„Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ; недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не говорилъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя. Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ. Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ“ („Русская Старина“, 1876 г., № 1, стр. 42) и затѣмъ добавляетъ: „въ этихъ строкахъ заключается объясненіе, почему даже ни одинъ „отрывокъ“ изъ „Ганца Кюхельгартена“ не былъ извѣстенъ „кому-нибудь изъ тогдашней (1827) публики“ Гоголя“ [1]).

[1]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 544 сл.

Однако, и этотъ аргументъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не выдерживающимъ критики.

Правда, приходится признать вполнѣ доказаннымъ фактомъ, что Гоголь въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Нѣжинѣ отличался скрытностью: объ этомъ онъ самъ неоднократно заявляетъ въ своихъ письмахъ[1]), объ этомъ же свидѣтельствуетъ и прозвище „таинственный Карла", какое ему дали товарищи[2]). Но несмотря на это, есть основаніе предполагать, что въ упомянутомъ письмѣ онъ слишкомъ преувеличиваетъ свою замкнутость и несообщительность: „Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался", говоритъ онъ, а между тѣмъ изъ писемъ къ Высоцкому ясно видно, что послѣдній зналъ о „высокихъ начертаніяхъ" своего друга и, вѣроятно, оказалъ не малое вліяніе на ихъ выработку[3]). Ему-то и могъ Гоголь сообщить хоть что-нибудь о своей идилліи, но ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ, которыя, кстати замѣтить, всѣ относятся къ 1827 г., не говорится о ней ни слова.

Наконецъ, въ „Г. К." можно найти много такихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ и помину о „высокихъ начертаніяхъ и долговременныхъ думахъ" автора; Гоголь могъ „опубликовать" ихъ, вовсе не рискуя раскрыть глубины своей души. Принявъ это во вниманіе и припомнивъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе сооб-

---

[1]) „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя", изд. П. А. Кулиша, т. V, СПб. 1857, стр. 47. 71; П. В. Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", Кіевъ 1890, стр. 41 сл.

[2]) „Воспоминанія А. С. Данилевскаго о дѣтствѣ и школьной жизни Гоголя"—въ „Ученическихъ годахъ Гоголя" В. И. Шенрока, стр. 41.

[3]) Срв., напримѣръ, хотя слѣдующій отрывокъ изъ письма отъ 17 января 1827 г.: „Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ" (Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", стр. 39 сл.).

щать свои юношескія произведенія товарищамъ, приходится признать вполнѣ основательность заявленія Прокоповича [1]).

Итакъ, если, разбирая первый аргументъ названныхъ выше ученыхъ, мы не добыли никакихъ данныхъ для опредѣленія времени возникновенія „Г. К.“, зато на основаніи критики втораго [2]) мы пришли къ вполнѣ вѣроятному выводу, что эта идиллія не могла быть написана Гоголемъ, когда онъ еще жилъ въ Нѣжинѣ; слѣдовательно, созданіе ея относится къ послѣдующему времени.

Теперь ближайшая наша задача состоитъ въ томъ, чтобы болѣе точно опредѣлить періодъ, когда было написано это произведеніе.

---

[1]) Таково же заявленіе А. С. Данилевскаго. Согласіе въ показаніяхъ этихъ лицъ имѣетъ для подтвержденія нашего мнѣнія не малое значеніе, которое еще болѣе возрастаетъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что упомянутое согласіе не основывается на простой случайности. Гоголь, Прокоповичъ и Данилевскій составляли, какъ можно видѣть изъ разсказовъ послѣдняго (см. В. И. Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 41), тѣсный литературный кружокъ,—на общія средства выписывали они книги и вмѣстѣ читали ихъ. Вполнѣ естественно, что при этомъ оба товарища могли близко познакомиться съ Гоголемъ. Результатомъ такого знакомства и является согласіе въ ихъ показаніяхъ.

[2]) Здѣсь приходится еще разсмотрѣть одинъ доводъ, мимоходомъ приведенный В. И. Шенрокомъ въ пользу защищаемаго имъ мнѣнія („Матеріалы“, т. I, стр. 121 прим.): указавъ на слѣдующія слова „Авторской исповѣди“: „Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мною въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“ („Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 248), Шенрокъ добавляетъ: „Этимъ признаніемъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается .... предположеніе.... Прокоповича, что „Ганцъ Кюхельгартенъ“ принадлежитъ будто бы времени переѣзда автора въ Петербургъ“. Подобный выводъ является довольно неожиданнымъ и даже непонятнымъ: неужели изъ того, что Гоголь получилъ навыкъ къ „серьезному роду“ сочиненій (къ которымъ принадлежитъ и „Г. К.“) въ послѣднее время пребыванія въ школѣ, слѣдуетъ, что онъ не могъ писать такихъ же и по выходѣ изъ нея? Впрочемъ, самъ В. И. Шенрокъ противорѣчитъ (что далеко не рѣдкость въ его работѣ, срв. Ѳ. А. Витбергъ, „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“. СПб. 1892) такому толкованію словъ „Авторской исповѣди“, находя возможнымъ въ примѣчаніи на 159 стр. отнести возникновеніе идилліи ко времени пребыванія Гоголя въ деревнѣ по окончаніи гимназіи.

Мы уже упоминали (а ниже еще подробнѣе будемъ говорить объ этомъ), что Ганцъ является носителемъ высокихъ стремленій, одушевлявшихъ Гоголя какъ въ послѣдніе годы пребыванія въ гимназіи, такъ и послѣ переселенія его въ Петербургъ; кромѣ того, изъ писемъ видно, что поэтъ поставилъ цѣлью своей жизни осуществленіе этихъ стремленій [1]) и вѣрилъ въ возможность такого осуществленія [2]): даже письмо Высоцкаго, въ которомъ послѣдній старался изобразить всѣ трудности и неудачи, грозящія его другу, не охладило послѣдняго и не поколебало его вѣры: „Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде", отвѣчаетъ Гоголь на это письмо: „и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны: или— странное свойство человѣка!—чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе" [3]).

Обратимъ теперь вниманіе на то, что Гоголь въ концѣ идилліи (XVII—XVIII карт.) заставляетъ своего героя отказаться отъ идеальныхъ стремленій, возвратиться въ родную деревню и

. . . . въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать [4]).

Если сопоставить всѣ сообщенные выше факты, то кажется просто невѣроятнымъ, чтобы конецъ „Г. К." былъ на-

[1]) „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя", изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 44, 47—48, 50 и, въ особенности, 67: „Русск. Старина", 1876 г., № 1, стр. 41, 44.

[2]) Правда, Гоголь зналъ, что его ожидаютъ впереди многія препятствія, но онъ надѣялся одолѣть ихъ при помощи своего трудолюбія и твердой воли. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій отрывокъ изъ письма къ матери отъ 15 декабря 1827 г.: „развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать?" („Сочиненія и письма Н. В. Гоголя", изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 69).

[3]) П. В. Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", стр. 41.

[4]) „Сочин. Гоголя", изд. X, т. V, стр. 38.

писанъ Гоголемъ до пріѣзда въ Петербургъ: неужели, несмотря на все одушевленіе высокими стремленіями, несмотря на всю вѣру въ ихъ осуществленіе, Гоголь могъ заставить Ганца, въ которомъ онъ изобразилъ самого себя, сдѣлавъ его носителемъ этихъ стремленій, отступить передъ трудностями, разочароваться, отказаться отъ желанія привести свои завѣтныя думы въ исполненіе? Нѣтъ, повторяемъ, это невѣроятно.

Между тѣмъ, подобный переворотъ въ своемъ героѣ могъ изобразить Гоголь именно въ первое время пребыванія въ столицѣ: это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ въ жизни нашего писателя: неудачи за неудачами сыпались на его голову; всѣ обстоятельства, какъ нарочно, сложились такъ, что его повсюду встрѣчали однѣ препятствія и непріятности. Вполнѣ естественно, что Гоголя, смотрѣвшаго уже на самый пріѣздъ въ Петербургъ, какъ на огромный шагъ къ осуществленію „высокихъ начертаній“, должна была постигнуть страшная реакція: все, что прежде влекло къ себѣ, что казалось такимъ прекраснымъ, поблекло и потеряло свою притягательную силу [1]); и наоборотъ — должно было явиться невольное сожалѣніе о жизни въ далекой родной деревнѣ, съ которой, видно, Гоголь разставался безъ особой скорби [2]), всецѣло поглощенный мечтами о своей будущей дѣятельности въ столицѣ [3]).

---

[1]) Лишь отчасти отразилось подобное настроеніе въ первомъ письмѣ изъ Петербурга, гдѣ говорится о хандрѣ, о неудачахъ, „которыя совершенно обравнодушили ко всему“ Гоголя, о разочарованіи столицей („Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 77).

[2]) Въ письмѣ къ Косяровскому отъ 8 сентября 1828 г. говорится: „Признаюсь, меня самаго не беретъ охота ворочаться когда-либо „домой“ („Русская Старина“, 1876 г., № 1. стр. 43).

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что подобное настроеніе не было особенно продолжительно; уже изъ письма отъ 30 апрѣля 1829 г. видно, что Гоголь вновь ободрился: въ словахъ его опять слышится твердая вѣра въ свои силы, надежда на достиженіе цѣли („Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 78 сл.).

Вотъ подъ вліяніемъ этого настроенія и были созданы послѣднія картины „Г. К.“, гдѣ Гоголь заставилъ своего героя отказаться отъ осуществленія прежнихъ стремленій и предпочесть тихую жизнь въ кругу своей семьи.

Кромѣ этого общаго доказательства можно привести еще нѣкоторыя частныя соображенія въ защиту высказаннаго выше положенія.

Обратимъ вниманіе на слѣдующій отрывокъ XVII картины:

Дивится самъ онъ [1]) суетѣ:
Какъ былъ измученъ онъ судьбою,
И зло смѣется надъ собою:
Что повѣрялъ своей мечтой
Свѣтъ ненавистной, слабоумной;
Что задивился въ блескъ пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смѣло онъ
Симъ людямъ кинулся въ объятья
И, околдованъ, охмеленъ,
Въ ихъ злыя вѣрилъ предпріятья.
Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки:
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги, и близки.
Они позорятъ дивный даръ:
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье;
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье.
О, кто бъ нетрепетно проникъ
Въ ихъ усыпительный языкъ!
Какъ ядовито ихъ дыханье!
Какъ ложно сердца трепетанье!
Какъ ихъ коварна голова!

[1]) Возвращающійся домой Ганцъ.

Какъ пустозвучны ихъ слова!

И много истинъ онъ, печальный,
Теперь извѣдалъ и узналъ,
Но самъ счастливѣе ли сталъ
Во глубинѣ души опальной?
Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава,
Но ложенъ чадъ ея густой,
Горька блестящая отрава [1]).

Въ этомъ отрывкѣ выражено полное разочарованіе и въ мечтахъ, и въ людяхъ, и въ славѣ, при чемъ по самому тону рѣчи видно, что авторъ живо перечувствовалъ все то, что вылилось въ приведенныхъ строкахъ. У насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Гоголь испыталъ подобное разочарованіе до пріѣзда въ Петербургъ—наоборотъ: даже тѣ скудные источники, по которымъ можно судить о внутренней жизни нашего поэта во время пребыванія въ деревнѣ [2]), позволяютъ думать, что и передъ самымъ отправленіемъ въ столицу онъ стремился, какъ и прежде, осуществить свои мечты.

Лишь съ пріѣздомъ въ Петербургъ впервые постигло его такое разочарованіе (см. выше, стр. 24 сл.); тогда же у него могло явиться и сильное раздраженіе противъ людей, которое послужило причиной столь суроваго ихъ осужденія. Правда, слѣдуетъ сказать, что Гоголь рано сталъ подмѣчать въ людяхъ недостатки [3]), что порой давало ему поводъ къ презрительнымъ о нихъ отзывамъ; однако, присматриваясь внимательнѣе къ его письмамъ, можно вывести заключеніе, что эти презрительные отзывы касались не всѣхъ вообще людей, а скорѣе опредѣленныхъ личностей, близко знакомыхъ

---

[1]) „Соч. Н. В. Гоголя". изд. X. т. V, стр. 36—37.

[2]) Два письма къ Косяровскому—въ „Русской Старинѣ". 1876 г., № 1, стр. 43—45.

[3]) „Сочиненія и письма Н. В Гоголя", изд. П. А. Кулиша. т. V, стр. 44.

поэту. Такъ напр., высказавъ въ одномъ изъ писемъ къ Высоцкому рѣзкое сужденіе о „существователяхъ“ Нѣжина, о своихъ наставникахъ и товарищахъ, которые „задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка,“ [1]) онъ въ другомъ письмѣ заявляетъ: „Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ [2]), уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ“. Изъ этихъ словъ видно, что жители Петербурга представлялись Гоголю людьми достойными, которые не живутъ въ сферѣ узкихъ, личныхъ интересовъ, какъ „существователи“ Нѣжина, но заботятся о благѣ общемъ и въ состояніи оцѣнить заслуги человѣка передъ отечествомъ [3]). Послѣ сказаннаго легко себѣ представить тяжелое чувство обманутаго въ своихъ надеждахъ Гоголя, когда онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, убѣдился, что и здѣсь люди такъ же ничтожны, какъ и въ Нѣжинѣ [4]). Подъ вліяніемъ этого чувства у него и вылились противъ всѣхъ вообще людей тѣ жестокіе упреки, которые мы находимъ въ XVII картинѣ.

Можно привести еще одно доказательство въ пользу защищаемаго нами мнѣнія о времени возникновенія „Г. К.“

Въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1829 г. Гоголь сообщаетъ своей матери: „Но впрочемъ мои работы повернулись, и я, наблюдая внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть же что-нибудь“ [5]). Такъ какъ Гоголь тогда не имѣлъ никакого опредѣленнаго занятія, то не безъ основанія можно думать, что подъ „работами“ нужно разумѣть „литературныя

[1]) Тамъ же, стр. 56.

[2]) Г. И. Высоцкій служилъ въ то время въ Петербургѣ.

[3]) Не только эти отрывки, но и вообще всѣ письма къ Высоцкому могутъ служить подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія.

[4]) Срв. „Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“. изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 79. 85.

[5]) Тамъ же, стр. 89.

работы"; въ это время поэтъ могъ приготовлять къ печати „Г. К." или приступить къ сочиненію повѣстей изъ малорусскаго быта. Спрашивается, на какую же именно изъ этихъ двухъ работъ намекаетъ письмо. Намъ кажется—на первую: для повѣстей тогда Гоголь еще собиралъ только матеріалы [1]) и не предполагалъ издавать ихъ скоро, [2]) а между тѣмъ въ письмѣ сказано, что благодаря своимъ работамъ онъ надѣется „въ недолгомъ времени добыть" кое-что.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ выше доказательствъ, мы приходимъ къ заключенію, что конецъ идилліи былъ написанъ Гоголемъ въ Петербургѣ; что же касается I—XVI картинъ ея, то онѣ были созданы поэтомъ во время жизни въ деревнѣ, по окончаніи гимназіи: въ нихъ всюду [3]) сильно даютъ себя чувствовать увлеченіе широкими планами, увѣренность въ ихъ осуществленіи, и не замѣтно еще того разочарованія, которое такъ рѣзко бросается въ глаза при чтеніи послѣдней части.

Принявъ во вниманіе все сказанное выше, можно представить исторію созданія „Г. К." въ слѣдующемъ видѣ.

Чтеніе „Луизы" Фосса [4]) произвело на Гоголя сильное впечатлѣніе, вѣроятно, своими описаніями природы [5]) и деревенской жизни [6]),—этимъ только и можно объяснить, почему онъ рѣшился написать произведеніе въ подражаніе ей.

[1]) Тамъ же, стр. 81

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) За исключеніемъ XIII картины (см. ниже. стр. 30, прим. 1).

[4]) Съ „Луизой" Гоголь познакомился по переводу Теряева (С.-Пб. 1820; оригиналъ не былъ ему доступенъ, потому что онъ зналъ нѣмецкій такъ же плохо, какъ и другіе иностранные языки (см. статью Лавровскаго въ „Извѣст. Ист.-Фил. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ", 1871 г., т. III, стр. 153 сл.).

[5]) Гоголь любилъ описанія природы, какъ можно заключить изъ того факта, что, будучи еще въ гимназіи, самъ сочинялъ такія описанія (см. „Воспоминанія Данилевскаго"—въ „Ученическихъ годахъ Гоголя" В. И. Шенрока, стр. 41, прим.).

[6]) Гоголь въ своихъ письмахъ неоднократно съ восторгомъ вспоминаетъ о жизни въ деревнѣ („Соч. и письма Гоголя", изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 60. 63).

Весьма вѣроятно, такое рѣшеніе состоялось не сразу: сначала поэтъ могъ набросать нѣсколько отрывковъ, сдѣлать нѣсколько описаній, весьма напоминающихъ Фоссовы; потомъ мало-по-малу пришелъ къ мысли создать собственную идиллію и, отступая отъ оригинала, выдвинуть на первый планъ жениха героини, изобразивши въ немъ самого себя.

Исходя изъ того факта, что картины „Г. К." отрывочны и мало связаны между собою, можно думать, что авторъ не представлялъ себѣ ясно плана всего произведенія, но, постепенно сочиняя подъ вліяніемъ того или другого впечатлѣнія картину за картиной, старался внѣшнимъ образомъ связать ихъ между собою. Да это и понятно: тогда еще у Гоголя не было достаточно силъ для созданія цѣльнаго художественнаго образа,—онъ способенъ былъ вдохновляться лишь отдѣльными представленіями. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Гоголь въ деревнѣ могъ написать часть идилліи (I—XVI), не зная при этомъ вовсе, какъ закончить свое произведеніе.

Когда же, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ испыталъ рядъ неудачъ, заставившихъ его на время охладѣть къ своимъ „начертаніямъ" и съ сожалѣніемъ вспоминать о тихой жизни въ деревнѣ, тогда-то и былъ созданъ конецъ идилліи, гдѣ разсказывается, что разочарованный герой возвращается на родину и, отказавшись отъ широкихъ плановъ, замыкается въ тѣсномъ семейномъ кругу; при этомъ, конечно, Ганцу были приписаны, какъ и прежде, тѣ мысли и чувства, которыя волновали самого автора въ то тяжкое для него время.

Однако удрученное состояніе духа у Гоголя не было продолжительно (см. выше, стр. 24, прим. 3): вскорѣ онъ благодаря собственной энергіи пріободрился. „Если въ одномъ неудача", говорилъ онъ: „можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и т. д."[1]). Вотъ онъ и поступилъ со-

[1]) Тамъ же, стр. 82.

образно этому правилу: потерпѣвъ неудачу въ служебной карьерѣ, онъ рѣшилъ попытать счастья, какъ писатель—къ его услугамъ была идиллія. Подвергнувъ ее пересмотру и исправленію [1]) съ цѣлью придать ей хоть сколько-нибудь законченный видъ (на эту работу и намекаетъ Гоголь въ письмѣ къ матери отъ 30 апрѣля 1829 г.; см. выше, стр. 27 сл.), онъ сдаетъ ее въ началѣ мая въ типографію [2]).

Итакъ, значитъ, „Г. К.“ былъ написанъ въ теченіе второй половины 1828 и первой половины 1829 г.

III. Данныя для біографіи Гоголя въ идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“.

Приступая къ разсмотрѣнію „Г. К.“ съ біографической точки зрѣнія, необходимо напередъ отмѣтить, что въ этой идилліи найдется мало новыхъ данныхъ, которыя не были бы уже извѣстны изъ другихъ источниковъ; но все-таки значеніе ея для жизнеописанія нашего поэта несомнѣнно: она—въ I-XVI картинахъ—является весьма важнымъ источникомъ для знакомства съ внутренней жизнью Гоголя за время пребыванія его въ деревнѣ, по окончаніи гимназіи, такъ какъ изъ двухъ относящихся къ этому періоду писемъ [3]) лишь одно сообщаетъ кое-какіе факты, интересные въ этомъ отношеніи. Кромѣ

[1]) Во время этой переработки были съ одной стороны выпущены нѣкоторыя картины (V, XII, XIV, XV), съ другой—вставлены; такова, вѣроятно, XIII картина: въ ней уже слышатся разочарованіе и грусть.

[2]) Весьма вѣроятно, что въ составъ „Г. К.“ входило и стихотвореніе „Италія“, которое было напечатано Гоголемъ въ № 12 „Сына Отечества и Сѣвернаго Архива“ 1829 г., вышедшемъ 23 марта. Гоголь опубликовалъ раньше часть своей идилліи, желая узнать, удостоятся ли его стихи печати (см. Николая М. „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 65).

[3]) „Русская Старина“. 1871 г., № 1, стр. 43 сл.

того, изучая внимательно конецъ идилліи, можно представить все нравственно пережитое Гоголемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ яснѣе, чѣмъ только на основаніи скудныхъ сообщеній А. С. Данилевскаго [1]) и писемъ [2]).

Обращаясь послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ изложенію біографическихъ данныхъ, какія можно найти въ „Г. К.“, мы должны прежде сообщить вкратцѣ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. Дѣло въ томъ, что въ I — XVI картинахъ названнаго произведенія отразился планъ будущей дѣятельности, который поэтъ долго носилъ въ своей душѣ. Правильно понять и оцѣнить то, что сообщается относительно этого плана въ идилліи, мы будемъ въ состояніи только послѣ предварительнаго ознакомленія съ его зарожденіемъ и послѣдующимъ развитіемъ.

Рано началъ Гоголь задумываться о своей будущей дѣятельности—еще тогда, когда его сверстники интересовались играми [3]). Можно довольно точно опредѣлить это время: въ письмѣ къ Косяровскому отъ 3 октября 1827 г. поэтъ говоритъ о себѣ, что онъ уже „около трехъ лѣтъ держится одной цѣли“, т. е., какъ видно изъ контекста, намѣренія посвятить свою жизнь служенію государству и общему благу; перенесясь мысленно почти на три года назадъ [4]) отъ указаннаго выше момента, мы наталкиваемся на одно весьма важное событіе въ жизни Гоголя—на смерть отца: оно-то и послужило первымъ толчкомъ къ выработкѣ плана будущей жизни. Нужно замѣтить, что мать нашего писателя была слишкомъ

[1]) В. И. Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя,“ стр. 114 и прим.

[2]) Ниже мы не будемъ касаться этого вопроса, такъ какъ уже въ предыдущей главѣ достаточно охарактеризовали нравственное состояніе Гоголя по пріѣздѣ его въ Петербургъ.

[3]) „Сочиненія Гоголя“, изд. X, т. IV, „Авторская Исповѣдь“, стр. 795.

[4]) Точнѣе на 2½ г.: отецъ Гоголя умеръ въ апрѣлѣ 1825 г.

поражена кончиной своего мужа: она не предполагала долго прожить послѣ такого удара и писала своему сыну, что онъ скоро долженъ будетъ занять мѣсто отца по отношенію къ малолѣтнимъ сестрамъ [1]); понятно, такое сообщеніе „поселило печальныя предчувствія въ сердцѣ“ [2]) юнаго Гоголя: предъ нимъ во всей грозной силѣ предсталъ вопросъ, да что же онъ будетъ дѣлать, когда умретъ еще и его мать; разсчитывать вѣдь на наслѣдство особенно не приходилось, такъ какъ родителямъ поэта принадлежало всего 80 душъ крестьянъ, да и тѣ онъ долженъ былъ бы раздѣлить между собою и сестрами.

При разрѣшеніи этого труднаго вопроса ему пришли на память наставленія, какія неоднократно онъ слыхивалъ отъ своихъ родителей: не разъ они могли указывать сыну, что онъ въ будущемъ долженъ поступить на должность, приносить своей службой пользу отечеству и т. п.; не даромъ же Гоголь впослѣдствіи называетъ отца своимъ вдохновителемъ, внушающимъ ему благородныя стремленія служить государству и благу себѣ подобныхъ [3]).

Вполнѣ естественно, что Гоголь въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ увидѣлъ въ государственной службѣ свое будущее поприще. Правда, вначалѣ онъ не надѣялся

[1]) „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 26.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 50. В. И. Шенрокъ отрицаетъ вліяніе родителей на развитіе честолюбивыхъ намѣреній Гоголя—вліяніе, на которые указалъ Кояловичъ („Московскій Сборникъ“, 1887 г., стр. 210 сл.), такъ какъ родители Гоголя были „люди самые скромные... и весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было честолюбивыхъ грезъ“ („Матеріалы“, т. I, стр. 129). Однако съ этимъ мнѣніемъ согласиться никакъ нельзя: ему противорѣчитъ какъ указанное письмо, такъ и тотъ фактъ, что мать писателя слишкомъ негодовала на наставниковъ, благодаря которымъ ея сынъ получилъ чинъ 14 класса вмѣсто ожидаемаго 12 (См. ея письмо въ „Ученическихъ годахъ Гоголя“ Шенрока, стр. 112).

достигнуть здѣсь какихъ-либо особенныхъ результатовъ [1]), что было впослѣдствіи, а скорѣе всего смотрѣлъ на службу съ практической точки зрѣнія, т. е., какъ на средство, могущее вывести его изъ затруднительнаго положенія.

Однако, взглядъ такой не былъ продолжителенъ. Почти каждый, достигнувъ извѣстной цѣли, не останавливается на этомъ: въ его головѣ раждаются новые, еще болѣе широкіе планы, которые онъ стремится осуществить. Если это можно сказать почти о всякомъ человѣкѣ, то тѣмъ болѣе такое правило приложимо къ личностямъ геніальнымъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и нашъ великій писатель. Не удивительно поэтому, что, придумавъ средство для выхода изъ затрудненія, онъ очень скоро пересталъ довольствоваться этимъ,—къ чему-то большему, а не только къ достиженію личнаго обезпеченія влекло его теперь.

Между тѣмъ для точнѣйшаго опредѣленія этого „большаго“ было не мало данныхъ. Выше мы уже упомянули, что сами родители поэта могли указывать ему на обязанность служить отечеству и благу ближнихъ. Подобную же мысль онъ могъ часто встрѣчать на лекціяхъ профессоровъ и въ бесѣдахъ товарищей,—среди послѣднихъ многіе начали еще на школьной скамьѣ задумываться надъ будущей своей дѣятельностью [2]); на нее же онъ могъ наталкиваться и въ книгахъ, которыхъ, кстати сказать, онъ прочелъ не малое количество [3]).

---

[1]) „Что касается до меня“, отвѣчаетъ онъ на опечалившее его письмо матери (см. выше): „то я совершу свой путь въ семъ мірѣ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человѣку, по крайней мѣрѣ буду стараться сколько возможно быть таковымъ“ („Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 26).

[2]) Ѳ. А. Витбергъ, „Н. В. Гоголь и его новый біографъ“, стр. 33 сл.; Кояловичъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1887 г., стр. 212 сл.

[3]) Еще въ очень раннихъ письмахъ Гоголя къ родителямъ то и дѣло встрѣчается просьба о высылкѣ книгъ „на прочетъ“. См. „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 10, 11, 13, 14, 17, 18 и многія другія.

Но еще большее значеніе въ этомъ отношеніи могъ имѣть примѣръ родственника поэта—Д. П. Трощинскаго, который, будучи по своему происхожденію простымъ козакомъ, добился сана министра, благодаря своему уму и трудолюбію [1]). Къ этому вельможѣ, съ которымъ довольно часто приходилось встрѣчаться, Гоголь долгое время относился съ глубокимъ уваженіемъ, видя въ немъ человѣка, оказавшаго величайшія услуги родинѣ [2]).

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и сложился у нашего писателя новый, возвышенный взглядъ на службу: онъ хочетъ теперь уже занять государственную должность не изъ чисто практическихъ цѣлей—нѣтъ, благодаря ей онъ надѣется принести пользу отечеству, сдѣлать многое для блага своихъ ближнихъ [3]) и пріобрѣсть себѣ славу, а живой примѣръ, который онъ имѣлъ въ лицѣ Трощинскаго, подкрѣплялъ его надежды, ясно указывая на возможность ихъ осуществленія. Конечно, наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для такой широкой дѣятельности являлся Петербургъ; вотъ почему Гоголь вмѣстѣ съ Высоцкимъ рѣшилъ поселиться здѣсь по окончаніи образованія [4]).

Таковъ былъ планъ будущей дѣятельности, выработанный юнымъ поэтомъ незадолго до выхода изъ гимназіи. Однако, необходимо указать на одно весьма важное обстоятельство для полной характеристики очерченнаго выше плана: послѣдній не былъ обдуманъ, взвѣшенъ со всѣхъ сторонъ, а являлся скорѣе продуктомъ горячей юношеской мечты. Самъ Гоголь говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Высоцкому отъ 26 іюня 1827 г.:

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно жить въ этакомъ райскомъ мѣстѣ (т. е. въ Петербургѣ),

---

[1]) Кояловичъ въ „Московскомъ Сборникѣ", 1887 г., стр. 211 сл.

[2]) Срв. „Сочиненія и письма Гоголя", изд. П. А. Кулиша, стр. 36, 40, 41.

[3]) Тамъ же, стр. 41, 50, 67, 71.

[4]) Срв. Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", стр. 39 сл.

или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ. Но покуда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни" [1]).

Не удивительно поэтому, что въ планѣ Гоголя было много фантастическаго, много неяснаго и неопредѣленнаго. Не находя удовлетворенія въ окружающей обстановкѣ, онъ хотѣлъ вырваться поскорѣе изъ нея: его влекло изъ презрѣннаго Нѣжина и изъ безвѣстной родной деревни куда-то вдаль, въ „страну чуждую льдистаго сѣвера" [2]), въ Петербургъ; но это не былъ реальный Петербургъ: Гоголю городъ этотъ, въ противоположность Нѣжину, казался обѣтованной землей, „райскимъ мѣстомъ", — тамъ онъ надѣялся осуществить „высокія начертанія" о служеніи благу ближнихъ, встрѣтить свое счастье, испить какія-то особенныя удовольствія [3]).

Чтобы подобная обрисовка плана Гоголя не показалась голословной, мы приведемъ для ея подтвержденія одинъ особенно характерный отрывокъ изъ письма къ Высоцкому отъ 17 января 1827 г.:

„Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ... а я... [4]) зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастье? зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь—нетерпѣніе.

[1]) Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", стр. 44 сл.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

[3]) „Сочиненія и письма Гоголя", изд. П. А. Кулиша, т. V, стр. 44. 45, 47. 50, 55. 58; Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", стр. 25, 29.

[4]) Многоточіе въ подлинникѣ.

Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ" [1]).

Въ чемъ же заключалось благо ближнихъ, которому хотѣлъ служить Гоголь, счастье, удовольствія, которыя онъ предполагалъ найти? На подобный вопросъ мы не можемъ отвѣтить ничего опредѣленнаго; самъ поэтъ не имѣлъ объ этомъ точнаго представленія: то онъ мечтаетъ о государственной службѣ вообще, то хочетъ посвятить себя юриспруденціи [2]), то вдругъ соглашается ѣхать за границу [3]). Отсюда можно вывести заключеніе, что Гоголя увлекали общія, неясныя, хотя и высокія идеи, но какъ реализировать ихъ въ жизни, этого онъ и самъ не зналъ [4]).

Послѣ характеристики плана будущей дѣятельности, выработаннаго Гоголемъ въ концѣ школьнаго періода, мы попытаемся на основаніи I—XVI картинъ „Г. К." рѣшить слѣдующіе вопросы: остался ли нашъ поэтъ вѣренъ этому плану во время пребыванія въ деревнѣ, по выходѣ изъ гимназіи, или отказался совершенно отъ него, или же, наконецъ, только подвергъ его нѣкоторымъ измѣненіямъ?

Замѣтимъ прежде всего, что Гоголь изображаетъ своего героя Ганца недовольнымъ окружающей его дѣйствительностью:

Ему (Ганцу) казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ, [5])

т. е. въ родной деревнѣ; остаться здѣсь, съ его точки

---

[1]) Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", стр. 40.

[2]) „Русская Старина", 1876 г., № 1, стр. 41.

[3]) Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя", стр. 42.

[4]) Увлеченіе, мечтательность, неопредѣленность, дающія такъ сильно себя чувствовать при разсмотрѣніи плана жизни Гоголя, обязаны въ немалой степени своимъ происхожденіемъ романтическимъ произведеніямъ, съ которыми нашъ писатель былъ довольно хорошо знакомъ (см. ниже, стр. 46 и слѣд.).

[5]) „Сочиненія Гоголя", изд. X, т. V, стр. 15.

зрѣнія, все равно, что „погибнуть душою“, „при жизни быть для міра мертву“ [1]). Вполнѣ понятно, что, разъ онъ не находилъ удовлетворенія въ жизни на родинѣ, то, значитъ. съ одной стороны, онъ выработалъ какіе-то планы, которыхъ нельзя было осуществить у себя дома, съ другой—стремился удалиться отсюда, подыскать болѣе подходящее мѣсто для приведенія ихъ въ исполненіе. Однако, если бы мы захотѣли ближе познакомиться съ этими планами и мѣстомъ, куда стремился Ганцъ, то намъ бы не удалось прійти ни къ какимъ положительнымъ выводамъ: герой идилліи—мечтатель; онъ не въ состояніи чисто разсудочно обдумать все это: его просто влечетъ въ какую-то „дальнюю, дальнюю сторону“, „въ земли роскошные края“: тамъ онъ думаетъ осуществить „свои неясныя мечты“ о служеніи міру, о пріобрѣтеніи славы, о наслажденіи прекраснымъ и т. п.

Сравнивая эту краткую характеристику Ганца съ тѣмъ, что сообщено было выше о планахъ Гоголя, мы приходимъ къ двумъ важнымъ заключеніямъ: 1) здѣсь находитъ себѣ подтвержденіе та мысль, которая неоднократно была высказываема нами: въ героѣ идилліи Гоголь изобразилъ самого себя,—въ Ганцѣ мы замѣчаемъ недовольство окружающимъ, мечтательность, стремленіе куда-то вдаль, увлеченіе высокими, но неопредѣленными идеями, т. е. тѣ же черты, которыя отмѣтили мы и въ самомъ авторѣ: 2) планъ будущей дѣятельности, выработанный Гоголемъ въ гимназіи, остался безъ измѣненія и во время созданія I—XVI картинъ „Г. К.“, за однимъ, впрочемъ, существеннымъ исключеніемъ. Гоголь, какъ видно изъ писемъ, до самаго выхода изъ гимназіи мечталъ о государственной службѣ, а между тѣмъ герой идилліи, желая „отмѣтить свое существованіе“, не поступаетъ на службу, а отправляется въ далекіе чужіе края. Это обстоятельство имѣетъ біографическое

[1]) Тамъ же, стр. 22.

значеніе, указывая на происшедшую въ планѣ поэта перемѣну. Еще въ 1827 г. Высоцкій сообщилъ своему другу изъ Петербурга, что далъ отъ его имени согласіе на предполагаемую поѣздку за границу; Гоголь съ своей стороны не протестовалъ, хотя, очевидно, и не придалъ особаго значенія этому проекту за его отдаленностью во времени [1]). Однако, впослѣдствіи мысль его, вѣроятно, все чаще и чаще останавливалась на чужихъ краяхъ, и, наконецъ, онъ рѣшаетъ отправиться туда [2]). Окончательно могло состояться такое рѣшеніе во время пребыванія Гоголя въ деревнѣ, въ чемъ легко можно убѣдиться на основаніи письма къ Косяровскому отъ 8 сентября 1828 г., гдѣ впервые Гоголь поѣздку въ чужіе края называетъ своимъ намѣреніемъ [3]). Вполнѣ понятно, что это нашло отраженіе и въ написанныхъ тогда картинахъ „Г. К.“.

Какъ же вязалось новое рѣшеніе о поѣздкѣ за границу съ прежними планами Гоголя? Отвѣтить на этотъ вопросъ лучше всего можно словами самого поэта; въ письмѣ изъ Петербурга отъ 24 іюля 1829 г. онъ говоритъ: „Онъ (Богъ) указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“ [4]).

Такимъ образомъ, на основаніи сообщенныхъ выше данныхъ, мы вправѣ заключить, что и во время полугодовой жизни въ деревнѣ Гоголя увлекали, какъ и раньше, высокія, но неясныя идеи; только было придумано для осуществленія ихъ новое средство, правда, еще болѣе неопредѣленное, чѣмъ прежнія.

---

[1]) Владиміровъ, „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, стр. 42.
[2]) Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 106 сл.
[3]) „Русская Старина“, 1876 г., № 1, стр. 43 сл.
[4]) „Сочиненія и письма Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, стр. 85.

IV. Данныя для исторіи развитія творчества Гоголя въ идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ".

По созданія „Г. К." Гоголь написалъ нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ произведеній, но о нихъ мы знаемъ лишь по разсказамъ школьныхъ товарищей поэта, потому что самыя произведенія не сохранились. Такимъ образомъ „Г. К" является наиболѣе ранимъ источникомъ для знакомства съ характеромъ и направленіемъ творчества нашего великаго писателя. Отсюда уже само собой становится понятнымъ, сколь важно указать свойства творчества, какія нашли свое выраженіе въ этой идилліи.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ „Г. К." ясно проявилась та черта Гоголя, которая имѣла огромное значеніе при опредѣленіи дальнѣйшаго направленія его творчества, хотя и не относилась непосредственно къ послѣднему — это именно убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ не долженъ подавлять „корой своей земности, ничтожнаго самодовольствія свое высокое назначеніе", что онъ обязанъ жить и дѣйствовать не только для собственнаго блага, но также и „для блага себѣ подобныхъ."

Подъ вліяніемъ этого убѣжденія въ различное время жизни поэта, нашли и различное примѣненіе двѣ самыя характерныя стороны его таланта: лиризмъ и комизмъ;[1]) въ годы мужества, въ годы наибольшаго расцвѣта силъ, Гоголь написалъ рядъ великихъ произведеній, въ которыхъ осмѣивалъ людей, уклонившихся отъ „высокаго назначенія," тогда какъ въ предшествующую эпоху своей жизни, въ дни юности, онъ

[1]) П. В. Владиміровъ, „Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя", Кіевъ 1891, стр. 5; Кояловичъ въ „Московскомъ Сборникѣ", 1887 г., стр. 201 сл.

отразилъ въ своихъ созданіяхъ увлеченіе завѣтными мечтами о своемъ будущемъ служеніи счастью ближнихъ [1]).

Такова именно и была идиллія „Г. К.“ [2]): герой ея въ которомъ Гоголь изобразилъ, какъ это уже было нѣсколько разъ упомянуто, самого себя, всецѣло поглощенъ высокой мыслью о томъ, чтобы не быть при жизни „для міра мертву“, чтобы „обозначить свое существованіе“, и ради приведенія ея въ исполненіе покидаетъ родину и невѣсту. Правда, въ концѣ концовъ, онъ отказывается отъ осуществленія своей мечты, но это обстоятельство не имѣетъ особаго значенія для характеристики Гоголя: подобный переворотъ въ героѣ допустилъ поэтъ, какъ было указано выше, подъ вліяніемъ сильнаго, но быстро миновавшаго разочарованія, постигшаго его тотчасъ жепо пріѣздѣ въ столицу.

Но кромѣ лиризма и убѣжденія въ высокомъ назначеніи человѣка въ „Г. К.“ отразились и другія характерныя черты нашего великаго писателя. Къ таковымъ относится прежде всего художественная фантазія, т. е. то свойство, благодаря которому поэтъ получаетъ возможность придумать извѣстный сюжетъ, создать тѣ или другіе типы, ярко обрисовать картину природы или человѣческой жизни.

Правда, обращаясь къ интересующему насъ произведенію, приходится сказать, что это свойство въ слишкомъ небольшой степени обнаружилось здѣсь: сюжетъ и дѣйствующія лица „Г. К.“ заимствованы Гоголемъ, какъ это будетъ показано въ слѣду-

---

[1]) Подобное распредѣленіе произведеній различныхъ родовъ по эпохамъ жизни Гоголя не имѣетъ безусловнаго значенія: еще во время пребыванія въ гимназіи поэтъ сочинилъ „Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ“, гдѣ осмѣялъ жителей этого города; кромѣ того, есть лирическія произведенія, относящіяся къ позднѣйшимъ годамъ его жизни.

[2]) Нашла ли свое выраженіе мысль о высокомъ назначеніи человѣка въ предшествующихъ потерянныхъ сочиненіяхъ Гоголя, на подобный вопросъ вполнѣ опредѣленно отвѣтить, конечно, нѣтъ возможности; но во всякомъ случаѣ есть основаніе утверждать это о сатирѣ „Нѣчто о Нѣжинѣ“ и отрицать, говоря о балладѣ „Двѣ рыбки“, кажется, первомъ произведеніи нашего писателя.

ющей главѣ, у Фосса [1]): уклоненіе отъ идилліи названнаго нѣмецкаго поэта, носящей заглавіе „Луиза“, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что нашъ писатель измѣнилъ образъ жениха героини и, выдвинувъ его на первый планъ, сдѣлалъ центральной личностью; впрочемъ, и этотъ образъ не былъ придуманъ имъ, а навѣянъ со стороны (подробнѣе объ этомъ ниже).

Только въ описаніяхъ природы, гдѣ Гоголь часто отступаетъ отъ своего оригинала, сказалась его художественная фантазія. Многія изъ такихъ описаній очень красивы и обнаруживаютъ опытность автора [2]); обстоятельство это объясняется тѣмъ, что, будучи еще въ гимназіи, Гоголь сочинялъ стихотворенія, въ которыхъ изображалъ природу (см. выше, стр. 28, прим. 5).

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ „Г. К.“ нашла свое выраженіе еще одна важная сторона творчества Гоголя: это наблюдательность, т. е. то свойство, благодаря которому поэтъ подмѣчаетъ трудно уловимыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ важныя черты въ природѣ и въ людяхъ: сохраняя ихъ въ памяти, онъ потомъ обрабатываетъ ихъ въ цѣльные образы при помощи художественной фантазіи. Разсматривая внимательно идиллію, приходится вывести заключеніе, что наблюдательность была очень развита въ юномъ поэтѣ: это доказываютъ не только описанія природы, но, въ особенности, разсѣянныя по всему произведенію мѣткія изображенія психическихъ состояній

---

[1]) Шепрокъ, „Ученическіе годы Гоголя“, стр. 119, 138.

[2]) Въ картинахъ I, IV, X, XI, XIII, XIV, XVII, XVIII и другихъ: напр.:

Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ.
Чуть дышетъ ночь; земля сквозь сонъ
Мечтательно пѣвцу внимаетъ.
Лѣсъ не колышется; все спитъ,
Лишь вдохновенна пѣснь звучитъ (стр. 29).

дѣйствующихъ лицъ, свидѣтельствующія, что авторъ ихъ былъ уже не малымъ знатокомъ человѣческой души [1]).

Итакъ, въ эпоху созданія „Г. К.“ Гоголь обладалъ уже весьма важными для будущаго великаго поэта качествами: убѣжденіемъ въ высокомъ назначеніи человѣка, лиризмомъ (а также комизмомъ) и тонкой наблюдательностью: только одна художественная фантазія не была у него еще достаточно развита: этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется, что, описывая очень удачно природу и отдѣльныя психическія состоянія, онъ не могъ въ то же самое время создать цѣльнаго художественнаго образа: поэтому ему и пришлось дѣйствующихъ лицъ своей идилліи позаимствовать у другихъ.

V. Вліяніе иностранной и русской литературы въ идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ“.

Въ предыдущихъ главахъ было нѣсколько разъ упомянуто, что „Луиза“ Фосса послужила во многихъ отношеніяхъ образцомъ для идилліи Гоголя. Здѣсь мы постараемся подтвердить это положеніе, опредѣливъ болѣе точно степень зависимости „Г. К.“ отъ названнаго произведенія нѣмецкаго поэта.

Обратимся прежде всего къ разсмотрѣнію сюжетовъ.

Хотя идиллія Фосса и довольно велика по своему объему [2]), но сюжетъ ея очень не сложенъ и можетъ быть переданъ въ нѣсколькихъ словахъ: слишкомъ ужъ много мѣста

[1]) Срв. изображеніе дѣтства героевъ и перехода ихъ въ юношескій возрастъ (II картина); состояніе Ганца при прощаніи съ Луизой (IX); тоска ея послѣ удаленія жениха (X, XI); встрѣча героевъ послѣ разлуки (XVIII) и др.

[2]) Въ изд. J. Kürschner'a, Deutsche National-Litteratur, B. 49. она занимаетъ болѣе 60 стр.

въ ней отведено самымъ подробнымъ, часто крайне утомительнымъ описаніямъ домашней обстановки, обѣдовъ и пр. [1]).

Дочь пастора Луиза любитъ молодого человѣка по имени Вальтера, который отвѣчаетъ ей взаимностью; родители героини покровительствуютъ сердечному влеченію своей дочери; чрезъ нѣкоторое время она объявлена невѣстой Вальтера, а вскорѣ становится и его женой.

Обращаясь къ идилліи Гоголя, приходится отмѣтить разительное сходство ея сюжета съ очерченнымъ выше: главныя дѣйствующія лица ея Ганцъ и Луиза любятъ взаимно другъ друга, пользуются сочувствіемъ родителей и, въ концѣ концовъ, вступаютъ въ бракъ, т. е. все такъ же, какъ и у Фосса. Но на ряду съ этимъ сходствомъ замѣчается весьма существенное различіе: центральной личностью въ произведеніи нашего великаго писателя является не Луиза, а ея женихъ; онъ— носитель завѣтныхъ думъ своего создателя и, какъ таковой, отправляется для ихъ осуществленія въ чужіе края, покинувъ свою невѣсту; только лишь послѣ того, какъ имъ овладѣло разочарованіе, онъ возвращается домой и женится на Луизѣ. Такимъ образомъ Гоголь осложнилъ сюжетъ своей идилліи, заставивъ ея героя удалиться изъ родины и скитаться по свѣту въ погонѣ за идеалами.

Такая перемѣна въ сюжетѣ „Г. К." не могла не отразиться на его содержаніи: послѣднее во многихъ отношеніяхъ отступаетъ отъ того, что разсказано въ „Луизѣ". Гоголю пришлось придумать рядъ картинъ, гдѣ съ одной стороны говорится о мечтахъ Ганца, его путешествіи и возвращеніи на родину, съ другой - изображается состояніе невѣсты и ея родныхъ послѣ отъѣзда жениха; для этихъ картинъ, онъ не могъ найти данныхъ въ идилліи Фосса.

---

[1]) Срв. Hillebrand, „Die Deutsche Nationallitteratur seit Lessing bis auf Gegenwart", Hamburg und Gotta 1850. B. I., S. 352 ff.

Зато во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ остался вѣренъ своему образцу, порой чуть не слово въ слово повторяя его [1]). Такъ, празднованіе дня рожденія героини (въ „Г. К.“— ея матери), вообще обстановка жизни—все это изображено весьма близко къ „Луизѣ“. Впрочемъ, нужно отмѣтить, что и сюда Гоголь внесъ кое-какія измѣненія: онъ произвелъ значительныя сокращенія, опустилъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, не игравшихъ существенной роли (графиня, Карлъ и др.), и ввелъ новыхъ; среди послѣднихъ заслуживаетъ упоминанія мызникъ Вильгельмъ Баухъ, выступающій въ роли отца Луизы, благодаря чему героиня въ „Г. К.“ оказывается не дочерью „достойнаго“ пастора, какъ у Фосса, а его внучкой по матери

Что касается характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (за искл. Ганца), то и они воспроизведены Гоголемъ по нѣмецкому образцу, но обрисованы гораздо блѣднѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Правда, нашъ писатель пытался и ихъ измѣнить до нѣкоторой степени, но это не привело ни къ какимъ результатамъ. Такъ, пасторъ, судя по его же словамъ, произнесеннымъ въ полуснѣ, не былъ простой священникъ, съ юныхъ лѣтъ посвятившій себя служенію Богу, какъ у Фосса, а „злой воинъ“, которому „лютыя дѣла не новость“. Казалось бы, что это обстоятельство должно было оказать нѣкоторое вліяніе на дальнѣйшую характеристику названнаго лица. Однако, подобное предположеніе не оправдывается, и въ слѣдующихъ картинахъ передъ нами выступаетъ довольно точная копія достойнаго пастора von Grünau. Далѣе, въ образѣ героини, какъ онъ представленъ Гоголемъ, не достаетъ одной важной черты Фоссовой Луизы: нѣмецкій поэтъ изображаетъ

[1]) Срв. напр. описаніе возвращенія домой послѣ прогулки у Гоголя (стр. 19) и у Фосса (Deutsche National-Litteratur, B. 49, S. 23). Для надлежащей провѣрки высказаннаго выше замѣчанія о близкомъ, порой почти буквальномъ воспроизведеніи нѣмецкаго образца слѣдовало бы сравнить „Г. К.“ съ „Луизой“ въ переводѣ Теряева, которымъ пользовался Гоголь (см. выше, стр. 28, прим. 4), но мнѣ не удалось добыть этой рѣдкой книги.

ее помощницею матери, обѣщающею въ будущемъ сдѣлаться такой же „смышленной“ хозяйкой, какъ и послѣдняя. Лишенная этого характернаго свойства, личность невѣсты Ганца теряетъ въ значительной мѣрѣ ясныя очертанія, особенно въ началѣ идилліи. Простота, любовь къ жениху и порой печаль при мысли, что онъ боленъ—вотъ и все, что можно сказать о ея духовномъ мірѣ. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи поэтъ пытается нѣсколько точнѣе охарактеризовать Луизу, изобразивъ ея сонъ и ночныя видѣнія, изъ которыхъ мы должны, очевидно, вывести заключенія о ея впечатлительности и мечтательности. Но оба эти свойства какъ-то не вяжутся съ представленіемъ о простенькой деревенской дѣвушкѣ, какое мы получаемъ изъ первыхъ картинъ.

Итакъ, резюмируя сообщенное выше, мы должны сказать, что Гоголь заимствовалъ сюжетъ, содержаніе и дѣйствующихъ лицъ своей идилліи у Фосса, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія и добавленія; только лишь образъ Ганца, разсказъ о его странствованіи и возвращеніи, а также о томъ, что стоитъ въ непосредственной связи съ послѣдними, присочинены имъ.

Теперь невольно возникаетъ вопросъ, дѣйствовалъ ли самостоятельно нашъ писатель, создавая своего героя и повѣствуя о его судьбѣ, или, быть можетъ, и въ этомъ случаѣ онъ воспользовался чьимъ-либо произведеніемъ, какъ образцомъ.

Характеризуя въ одной изъ предыдущихъ главъ Ганца, мы отмѣтили въ немъ слѣдующія черты: мечтательность, недовольство окружающей обстановкой, томительное стремленіе вдаль, въ какую-то чудную страну, гдѣ можно осуществить широкіе, но неясные идеалы. Особенно ярко обрисованъ нравственный обликъ Ганца въ слѣдующемъ отрывкѣ:

. . . . . но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ думою неясной,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,

Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ будто міръ желалъ обнять,—
Того и самъ не могъ понять.
Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ.
Тогда когда бъ вы повидали,
Какъ возлымалась буйно грудь,
Какъ взоры гордо трепетали,
Какъ сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, мечтѣ неясной;
Какой въ немъ пылъ кипѣлъ прекрасной;
Какая жаркая слеза
Живые полнила глаза![1])

Прочитавъ даже только приведенный отрывокъ, кажется, никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что Ганцъ заключаетъ въ себѣ типичныя черты героевъ романтическихъ произведеній. Значитъ, и этотъ образъ созданъ Гоголемъ не вполнѣ самостоятельно, а подъ вліяніемъ знакомства съ романтиками.

Въ началѣ XIX вѣка романтизмъ на Руси былъ довольно широко распространенъ: въ журналахъ 20-хъ годовъ печатались переводы Тика, Ж. П. Рихтера, Шатобріана и другихъ[2]); раньше и въ тоже время появились произведенія русскихъ писателей такія, какъ „Людмила", „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ", „Свѣтлана" Жуковскаго, многія главы „Евгенія Онѣгина" и т. п. Выписывая со своими товарищами,[3]) а также и независимо отъ нихъ,[4]) выдающіяся новинки тогда-

[1]) „Соч. Гоголя", изд. X, т. V, стр. 15.

[2]) С. Весинъ, „Очеркъ исторіи русской журналистики", С.-Пб. 1881, стр. 179 сл.

[3]) В. И. Шенрокъ, „Ученическіе годы Гоголя", стр. 40 сл.; Витбергъ, „Н. В. Гоголь и его новый біографъ", стр. 34 сл.

[4]) „Сочиненія и письма Гоголя", изд П. А. Кулиша. т. V, стр. 51 (здѣсь, между прочимъ, Гоголь сообщаетъ матери, что выписалъ изъ Лемберга соч. Шиллера), 55 и др.

шней литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаясь сильной любовью къ чтенію, Гоголь, несомнѣнно, долженъ былъ хорошо познакомиться съ романтиками. Другимъ источникомъ такого знакомства могли явиться классныя занятія: у профессора Зингера воспитанники Нѣжинской гимназіи переводили Шиллера, Ж. П. Рихтера, Виланда и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Какъ ни былъ невнимателенъ Гоголь въ классѣ, все же невозможно допустить, чтобы онъ не вынесъ ничего изъ этихъ переводовъ [1]).

Но сказать, что Гоголь только читалъ или переводилъ романтическія произведенія, слишкомъ мало: знакомство съ ними не прошло безслѣдно для его духовнаго міра. Подъ ихъ вліяніемъ усилилось его желаніе вырваться изъ окружающей обстановки, принявъ характеръ какого-то сильнаго, но неопредѣленнаго влеченія вдаль: Петербургъ, а потомъ чужіе края, которыхъ онъ совершенно не зналъ, стали казаться ему обѣтованной землей, гдѣ онъ долженъ найти свое счастье и испытать необыкновенныя удовольствія, а планы о поступленіи на государственную должность превратились въ какія-то неясныя мечты о широкомъ служеніи благу человѣчества (срв. выше, стр. 34 сл.).

Мы уже знаемъ, что это недовольство окружающимъ, стремленіе вдаль и проч. отразились въ героѣ идилліи. Отсюда вытекаетъ весьма важное слѣдствіе: нѣтъ никакого основанія искать для Ганца прототипа въ русской или иностранной литературѣ,—хотя онъ и заключаетъ въ себѣ черты, общія романтическимъ героямъ, но это объясняется не непосредственнымъ литературнымъ заимствованіемъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ, испытавшій на собственной личности сильное вліяніе романтизма и переживавшій его, изобразилъ самого себя въ героѣ идилліи.

---

[1]) „Лицей князя Безбородко", С.-Пб. 1859, отд. I, стр. 107.

Но если для образа Ганца нельзя найти соотвѣтствующей параллели, то, несомнѣнно, при изображеніи нѣкоторыхъ событій изъ его жизни и жизни Луизы, Гоголь подражалъ чужимъ произведеніямъ.

Такъ, герой идилліи—больной почитатель античнаго міра грековъ: онъ восторгается ихъ произведеніями искусствъ, великими дѣлами, вольностью жизни и, въ концѣ концовъ, покидаетъ невѣсту, чтобы посѣтить мѣста, гдѣ они жили. Если преклоненіе передъ древними греками могло возникнуть у нашего писателя подъ вліяніемъ Шиллера, то самая мысль заставить Ганца отправиться въ ихъ страну явилась у него, по всей вѣроятности, при чтеніи повѣсти Шатобріана „Ренэ“,[1]) гдѣ говорится, что герой, оставивъ единственную любимую сестру, уѣзжаетъ въ Грецію и Италію, страны древнихъ, не существующихъ уже народовъ: сравнивая разсказъ о томъ, что увидѣлъ и перечувствовалъ Ренэ въ Греціи, съ XIII карт. „Г. К.“, можно подмѣтить значительное сходство: тамъ и здѣсь мы находимъ изображеніе руинъ произведеній античной архитектуры, ихъ запустѣнія и упоминаніе о порожденномъ картиной ихъ грустномъ настроеніи путника и явившейся у него мысли о бренности человѣка[2]).

Нужно сказать, что Гоголь ужъ слишкомъ увлекся въ этомъ случаѣ примѣромъ Шатобріана; онъ и не замѣтилъ, что такое путешествіе не согласуется съ сообщенными имъ же планами Ганца: вѣдь послѣдній, какъ видно изъ VIII картины, мечтаетъ о дѣятельности на пользу міра, о пріобрѣтеніи славы, и вдругъ оказывается (XIII карт.), что онъ попалъ въ Грецію и созерцаетъ ея древности. Очевидно, здѣсь—противорѣчіе, устранить которое нѣтъ возможности.

---

[1]) Переводъ ея былъ напечатанъ въ V ч. „Московскаго Вѣстника“ за 1827 г.

[2]) Срв. „Московскій Вѣстникъ“, 1827 г., ч. V, стр. 19 сл. и „Соч. Гоголя“, изд. X, т. V, стр. 31 сл.

Такъ какъ Шатобріанъ въ своей повѣсти слишкомъ мало останавливается на изображеніи развалинъ, то вполнѣ понятно, что при описаніи ихъ Гоголь, которому личный опытъ не давалъ въ этомъ случаѣ ничего, долженъ былъ имѣть подъ руками еще какой-нибудь источникъ; таковымъ является стихотвореніе Гёте въ переводѣ Жуковскаго „Путешественникъ и Поселянка“ [1]); довольно близкое сходство обнаруживаютъ слѣдующіе отрывки обоихъ произведеній:

„Г. К.“	„Путешественникъ и Поселянка“
Колоннъ, статуй рядъ обветшалый Среди глухихъ стоитъ равнинъ. Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ. Изящный памятникъ разбитъ. Изломленъ немощный гранитъ, Одни обломки уцѣлѣли. Еще донынѣ величавъ, Чернѣетъ дряхлый архитравъ, И вьется плющъ по капители (стр. 31).	Покрытый мохомъ архитравъ! . . . . . . И плющъ обвѣсилъ Твой ликъ, божественно-прекрасный. Какъ величаво Надъ этой грудою обломковъ Возносится чета столбовъ! А здѣсь ихъ одинокій братъ. О, какъ они — Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны— Скорбя величественно, смотрятъ На раздробленныхъ У ногъ ихъ братій! (стр. 86)

Далѣе, обрисовка восточныхъ странъ, какъ она представлена въ IV картинѣ „Г. К.“, была навѣяна начальной строфой поэмы Байрона: „Абидосская Невѣста“. [2])

[1]) „Соч. В. А. Жуковскаго“, изд. IX, т. II, С.-Пб. 1895, стр. 84 сл.

[2]) Переводъ этой поэмы вышелъ въ свѣтъ въ 1826 г.: Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть лорда Байрона. Перевелъ съ англійскаго Иванъ Козловъ. С.-Пб. 1826. Цитаты приведены по изд. Гербеля: „Соч. Лорда Байрона“, т. I, С.-Пб. 1874. Находясь въ Гимназіи Высшихъ Наукъ, Гоголь легко могъ познакомиться съ произведеніями Байрона: англійскій поэтъ былъ въ большомъ почетѣ среди учениковъ этого заведенія (см. Н. И. Петровъ. „Очерки исторіи украинской литературы XIX в.“. Кіевъ 1884, стр. 200).

„Г. К“	„Абидосская Невѣста“.
Въ странѣ, гдѣ сверкаютъ живые ключи, Гдѣ, чудно сіяя, блистаютъ лучи; Дыханіе амры и розы ночной Роскошно объемлетъ эоиръ голубой, И въ воздухѣ тучи куреній висятъ; Плоды Мангустана златые горятъ; Луговъ Кандагарскихъ сверкаетъ коверъ; И смѣло накинутъ небесный шатеръ; Роскошно валятся дождь яркій цвѣтовъ, То блещутъ, трепещутъ рои мотыльковъ; Я вижу тамъ Пери . . . . (стр. 14).	Кто знаетъ край, гдѣ небо голубое Безоблачно, какъ счастье молодое, Гдѣ кедръ шумитъ, и вьется виноградъ, Гдѣ вѣтерокъ, носящій ароматъ, Подъ ношею въ эоирѣ утопаетъ, Во всей красѣ гдѣ роза расцвѣтаетъ Гдѣ сладостна олива и лимонъ, И лугъ всегда цвѣтами испещренъ, И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ? (стр. 135).

Изображая ночныя видѣнія Луизы, Гоголь многое позаимствовалъ изъ „Людмилы“ Жуковскаго.

„Г. К.“	„Людмила“. [1])
1) Въ небѣ чудныя вотъ тѣни Развилися и свились, И чудесно понеслись На небесныя ступени (стр. 28).	1) Слышатъ шорохъ тихихъ тѣней: Въ часъ полуночныхъ видѣній, Въ дымѣ облака, толпой, Прахъ оставя гробовой Съ позднимъ мѣсяца восходомъ, Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ, Въ цѣпь воздушную свились; Вотъ за ними понеслись (стр. 101).
2) И покойники съ покою Страшной тянутся толпою (стр. 30).	2) Вдругъ усопшіе толпою Потянулись изъ могилъ (стр. 103).

Здѣсь выписаны только такіе отрывки изъ „Г. К.“ и „Людмилы“, въ которыхъ встрѣчаются сходныя слова и выраженія; но сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что изображеніе наступающаго вечера (стр. 28), кладбища, встающаго изъ гроба мертвеца (стр. 30) въ идилліи Гоголя навѣяны чтеніемъ названнаго произведенія Жуковскаго.

Начало I картины „Г. К.“ представляетъ подражаніе одному мѣсту повѣсти Марлинскаго (Бестужева) „Ревельскій Турниръ“.

---

[1]) „Соч. В. А. Жуковскаго“, изд. VII, подъ ред. Ефремова, т. I, С.-Пб. 1878, стр. 95 - 103.

„Г. К."

. . . . Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ, и домъ, и садикъ въ ней
такіе жъ;
Все движется въ серебряной водѣ.
(стр. 5).

„Ревельскій Турниръ."

Свѣтлые спицы колоколень Ревельскихъ горѣли по заливу, и сѣрыя бойницы Вышгорода, опершись на утесъ, казалось, росли въ небо—и будто опрокинутыя, вонзались въ глубь зеркальныхъ водъ... все было оживлено, все дышало радостью, все праздновало возвращеніе весны, воскресеніе природы. [1])

Наконецъ, въ VIII картинѣ встрѣчаются стихи, весьма напоминающіе одно мѣсто прощальной пѣсни Чайльдъ-Гарольда или, вѣрнѣе, элегіи Пушкина: „Погасло дневное свѣтило" [2]).

„Г. К."

Шуми жъ, мой океанъ широкій!

Неси корабль мой одинокій! (стр. 23).

Элегія Пушкина.

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ.

На основаніи сообщенныхъ въ этой главѣ данныхъ, можно весь процессъ созданія Гоголемъ „Г. К." представить себѣ въ такомъ видѣ.

Изображая дѣйствующихъ лицъ названнаго произведенія и рисуя въ немъ картины природы и человѣческой жизни, Гоголь оперировалъ, большею частью, при помощи своей памяти, а художественная фантазія его при этомъ играла вто-

[1]) „Русскіе повѣсти и разсказы" А. Марлинскаго, ч. III, С.-Пб. 1838. стр. 159. „Ревельскій Турниръ" впервые былъ напечатанъ въ альманахѣ „Полярная звѣзда", 1825 г., стр. 35—102. Кстати, говоря о произведеніяхъ Марлинскаго, необходимо исправить ошибку В. И. Шенрока, могущую ввести въ заблужденіе: въ „Учен. годахъ Гоголя" сказано, что „хронологія произведеній Марлинскаго почти совсѣмъ не выяснена" (стр. 136), а между тѣмъ еще въ 1860 году въ „Отеч. Запискахъ" (т. CXXX, стр 121 сл., 299 сл.; т. CXXXI, стр. 43 сл.) была помѣщена статья М. И. Семевскаго, гдѣ сочиненія Марлинскаго расположены по годамъ.

[2]) Элегія эта впервые была напечатана въ „Сынѣ Отечества", 1820 г., ч. 65, № 46. стр. 271.

ростепенную роль [1]): въ душѣ поэта подъ вліяніемъ обильнаго чтенія скопилось множество различныхъ образовъ, которые онъ и переносилъ, по мѣрѣ надобности, въ свою идиллію [2]). Исключеній изъ этого общаго правила очень немного: сюда могутъ быть отнесены, прежде всего, личность Ганца и нѣкоторыя черты изъ его жизни.

Конечно, одни изъ упомянутыхъ образовъ сохранились въ памяти нашего писателя съ большей ясностью, другіе—съ меньшей; вотъ почему выше приходилось указывать то весьма близкое сходство отдѣльныхъ мѣстъ „Г. К.“ съ тѣмъ или инымъ произведеніемъ, подчеркивая даже порой одинаковыя выраженія (личность пастора, возвращеніе съ прогулки, видѣнія Луизы и пр.), то довольно отдаленное, заключающееся лишь въ общности представленій объ одномъ и томъ же предметѣ, неизвѣстномъ Гоголю по личному опыту (развалины памятниковъ античной архитектуры, изображеніе восточныхъ странъ).

И. Шаровольскій.

---

[1]) Срв. выше, стр. 40, 42.

[2]) Есть основаніе думать, что при созданіи „Г. К.“ Гоголь подражалъ не только указаннымъ выше произведеніямъ, но и нѣкоторымъ другимъ; къ сожалѣнію, для надлежащаго доказательства этого предположенія мы не имѣли свободнаго времени.

Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Н. В. Гоголя.

Важнѣйшими своими произведеніями Н. В. Гоголь принадлежитъ общерусской литературѣ и, по общему почти признанію, положилъ начало новому реально-историческому направленію ея. Но первоначальными и вообще болѣе ранними произведеніями своими онъ непосредственно примыкаетъ къ своей родной южно-русской литературѣ, только-что начинавшей свое особое развитіе подъ вліяніемъ литературъ сосѣднихъ народовъ. Несмотря на сравнительную слабость этихъ первыхъ опытовъ художественнаго творчества Н. В. Гоголя, они, тѣмъ не менѣе, имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи развитія таланта этого поэта, такъ какъ постепенно обнаруживаютъ въ себѣ проблески того реальнаго направленія русской литературы, главнымъ представителемъ котораго онъ явился съ теченіемъ времени. Для юга Россіи, или Малороссіи, раннія произведенія Гоголя имѣютъ и спеціальное мѣстное этнографическое значеніе, поскольку въ нихъ отразился племенной малороссійскій элементъ, дающій особенную окраску и всей новѣйшей украинской литературѣ.

Но мнѣнія о достоинствѣ раннихъ произведеній Н. В. Гоголя, почерпавшихъ свое содержаніе изъ украинскаго быта и украинскихъ народныхъ воззрѣній, расходились и расходятся въ разныя, противоположныя стороны. Великорусская читающая публика и критика, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, встрѣтили раннія произведенія Н. В. Гоголя съ восторгомъ. По выходѣ въ свѣтъ „Вечеровъ на хуторѣ", А. С. Пушкинъ писалъ о нихъ слѣдующее: „сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность. Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les prècieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ,—и все это слогомъ камердинера, профессора Тредьяковскаго" [1]). Да и въ украинской литературѣ появились талантливые подражатели украинскимъ произведеніямъ Гоголя, а именно, Евг. Павл. Гребенка и Ал. Петр. Стороженко [2]). Но впослѣдствіи времени нѣкоторые украинскіе писатели пытались умалить значеніе украинскихъ повѣстей Н. В. Гоголя. „Конечно—говоритъ Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ)—Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ; но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое тоже самое, будь оно на природномъ языкѣ, еще было бы лучше". А Кулишъ,

[1]) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ 1884 г., стр. 189.

[2]) Тамъ же, стр. 203 и 211.

въ предисловіи къ историческому роману своему „Черная Рада“ и въ „Обзорѣ украинской литературы“ въ журналѣ „Основа“, произнесъ строгій приговоръ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта. Сущность этого приговора состоитъ въ томъ, что Гоголь не зналъ, будто-бы, въ достаточной мѣрѣ своего народа и невѣрно изобразилъ его въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ, и что онъ подкупилъ сѣверно-русское общество въ свою пользу блескомъ зиждущей фантазіи, аффектаціею и, пожалуй, новостью предмета. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь сквозь театральность и искусственность только какъ-бы случайно, какъ будто мимо вѣдома самого автора. Поэзія простонародной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню онъ изучилъ далеко невполнѣ. Отъ этого любовники простолюдины почти всегда объясняются у него такъ, какъ будто поютъ, а иногда и просто-напросто словами извѣстныхъ каждому пѣсенъ.—Суровый приговоръ г. Кулиша надъ произведеніями Н. В. Гоголя изъ малорусской жизни нашелъ себѣ энергическій отпоръ въ статьяхъ М. А. Максимовича, который, самъ будучи другомъ—пріятелемъ Гоголя и глубокимъ знатокомъ украинскаго языка и быта, утверждалъ, что Гоголь зналъ свое украинское нарѣчіе основательно и владѣлъ имъ въ совершенствѣ, и что онъ очень достаточно зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа и всю народную жизнь ея, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей малороссійскихъ. Тѣмъ не менѣе, и послѣ апологіи Максимовича нѣкоторые украинскіе писатели продолжаютъ недружелюбно смотрѣть на произведенія Гоголя изъ малорусскаго быта и малорусской исторіи. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ малороссійскихъ писателей, коснувшись „Тараса Бульбы“, безъ церемоніи называетъ Гоголя „нетямущимъ“, т. е. почти-что безтолковымъ [1]).

[1]) Оч. ист. укр. лит. XIX ст., Н. И. Петрова, стр. 189—194.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, когда Н. В. Гоголь выступалъ на литературное поприще, фольклоръ едва только начиналъ прививаться на русской почвѣ, и самъ Гоголь былъ однимъ изъ первыхъ его піонеровъ и прошелъ нѣсколько стадій своего развитія въ этомъ направленіи. При своей геніальности и громадной наблюдательности, Н. В. Гоголь еще съ дѣтства впиталъ въ себя впечатлѣнія окружавшей его южной природы, украинскаго быта и украинской народной поэзіи, сохранившіяся въ его душѣ на цѣлую жизнь. Но это дорогое наслѣдіе не осталось у него мертвымъ капиталомъ, а получило значительное приращеніе и дальнѣйшее развитіе. Отецъ нашего писателя, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь написалъ, какъ извѣстно, двѣ комедіи изъ малороссійскаго народнаго быта: „Овца—собака“ и „Романъ и Параска“, которыя весьма рано стали извѣстны и его знаменитому сыну, и тѣмъ предрасположилъ послѣдняго къ сознательному художественному воспроизведенію простонародной украинской жизни. Ближайшими причинами проявленія художественной дѣятельности Н. В. Гоголя въ этомъ направленіи послужили, съ одной стороны, переводная (а можетъ быть, и оригинальная) новоромантическая литература, въ лицѣ такихъ видныхъ представителей ея, каковы Коцебу, Гофманъ, Бюргеръ, Тикъ, Фоссъ и др., съ элементомъ мечтательнаго, таинственнаго и чудеснаго, а съ другой стороны—симпатіи и интересъ тогдашняго столичнаго общества къ Малороссіи, какъ неисчерпаемому родному источнику чудеснаго и таинственнаго въ романтическомъ вкусѣ. Въ 1829 году Н. В. Гоголь, проживая въ Петербургѣ, проситъ свою мать выслать ему малорусскія комедіи своего отца „Овца—собака“ и „Романъ и Параска“, для представленій на сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ прислать ему описаніе обычаевъ, обрядовъ и повѣрій малорусскихъ, по опредѣленной программѣ. Плодомъ литера-

турной переработки этихъ матеріаловъ были „Сорочинская ярмарка", „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала" и др. [1]).

Такимъ образомъ, Н. В. Гоголь первоначально обратилъ свое вниманіе на малорусскій этнографическій элементъ чисто въ литературныхъ видахъ, какъ на источникъ чуднаго и таинственнаго въ романтическомъ вкусѣ. При этомъ онъ строго не различалъ между чисто народными произведеніями и между легендами. Но съ теченіемъ времени Н. В. Гоголь въ своемъ изученіи и пониманіи малорусскаго этнографическаго элемента сталъ приближаться къ позднѣйшему научному фольклору. Въ 1831 году. г. Сомовъ (Порфирій Крайскій) писалъ М. А. Максимовичу слѣдующее о Гоголѣ: „у Гоголя есть много малороссійскихъ пѣсенъ, побасенокъ, сказокъ и проч. и проч., коихъ я еще ни отъ кого ни слыхивалъ,—и онъ не откажется поступиться пѣснями доброму своему земляку... Онъ—человѣкъ съ отличными дарованіями и знаетъ Малороссію, какъ пять своихъ пальцевъ" [2]). Пріѣзды Гоголя въ Малороссію, по лѣтамъ, въ 1832 и 1835 годахъ, дали ему возможность расширить имѣвшійся у него запасъ свѣдѣній о Малороссіи новыми непосредственными впечатлѣніями [3]). Въ 1834 году Н. В. Гоголь печатаетъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" свою статью „О малороссійскихъ пѣсняхъ", въ которой сравнительно вѣрно понимаетъ и объясняетъ литературное значеніе пѣсеннаго народнаго творчества и такимъ образомъ является однимъ изъ раннихъ представителей малороссійскаго фольклора [4]). Нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ Гоголемъ или другими для него, впослѣдствіи вошли въ составъ сборника Метлинскаго: „Народныя южно-русскія

[1]) „Матеріалы для біографіи Гоголя", В. И. Шенрока, т. I, 1892 г., стр. 175, 176 и 258.

[2]) Тамъ же, т. III, 1895 г., стр. 537.

[3]) Тамъ же, I, 256.

[4]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", изд. подъ редакціей Н. С. Тихонравова, Москва, 1889 г., т. V, стр. 286—294 и 601—602.

пѣсни", 1854 года [1]). Въ 1838—1839 годахъ Гоголь опять занимается изученіемъ малорусскихъ пѣсенъ и историческихъ думъ по сборнику Лукашевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и письменными источниками по исторіи Малороссіи [2]). Плодомъ этого новаго и болѣе тщательнаго изученія малорусскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ, въ связи съ изученіемъ малорусскихъ лѣтописей и хроникъ, въ литературномъ отношеніи является главнымъ образомъ поэма „Тарасъ Бульба", въ позднѣйшей его редакціи. Во всякомъ случаѣ, Н. В. Гоголь является однимъ изъ передовыхъ и видныхъ дѣятелей по южнорусскому фольклору.

Но на всѣхъ ступеняхъ своего развитія и усовершенствованія въ малорусскомъ фольклорѣ, Н. В. Гоголь всегда пользовался источниками малорусской народной словесности и поэзіи, лишь только какъ служебными вспомогательными средствами для своихъ литературныхъ работъ и сознательно подвергалъ ихъ значительной переработкѣ. Вслѣдствіе этого, малорусскій этнографическій элементъ встрѣчается въ раннихъ произведеніяхъ Н. В. Гоголя въ разрозненномъ, отрывочномъ видѣ, такъ что указать въ нихъ частичныя блестки малорусской народной поэзіи и уловить ихъ подлинное происхожденіе иногда не очень легко. Но такіе пріемы въ творчествѣ Гоголя нужно оцѣнивать уже не съ этнографической точки зрѣнія, а съ чисто художественной.

Къ малорусскимъ повѣстямъ Гоголя относятся: „Сорочинская ярмарка", „Басаврюкъ" или „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", „Майская Ночь или утопленница", „Пропавшая грамота", „Ночь предъ Рождествомъ", „Страшная месть", „Заколдованное мѣсто", „Тарасъ Бульба" и „Вій". Къ нимъ можно бы отнести еще повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его

---

1) „Матеріалы"... Шенрока, т. III, стр. 533.

2) Тамъ же. стр. 212 и 254.

тетушка" „Старосвѣтскіе помѣщики" и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ; но послѣднія три повѣсти примыкаютъ уже къ бытовымъ повѣстямъ изъ мелкопомѣстнаго, а не простонароднаго быта.

1. Первое печатное литературное произведеніе Гоголя „Ганцъ Кюхельгартенъ" написано было по образцу идилліи Фосса „Луиза" и, какъ извѣстно, не имѣло успѣха. Неуспѣхъ этой подражательной идилліи побудилъ Гоголя обратиться къ отечественнымъ малорусскимъ сюжетамъ и, прежде всего, къ готовымъ уже малорусскимъ литературнымъ произведеніямъ, и въ нихъ искать себѣ элементовъ малорусской романтики. Получивъ отъ своей матери рукописныя комедіи своего отца „Овца—собака" и „Романъ и Параска", Н. В. Гоголь и воспользовался ими въ своихъ „*Сорочинской ярмаркѣ*" и „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала", дополнивъ заимствованное отсюда нѣкоторыми извлеченіями изъ извѣстныхъ тогда печатныхъ малорусскихъ произведеній, какъ напр. „Энеиды" Котляревскаго и стихотвореній Гулака-Артемовскаго. Всѣ почти эпилоги къ разнымъ главамъ „Сорочинской ярмарки" Н. В. Гоголя взяты именно изъ сочиненій его отца, Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, а частью изъ народныхъ малорусскихъ преданій, сказокъ, пословицъ, пѣсенъ и т. п. Но все заимствованное Н. В. Гоголь подвергалъ значительной переработкѣ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такой переработки. Въ комедіи Гоголя отца—„Романъ и Параска"—выводится на сцену дьякъ Хома Григорьевичъ, въ качествѣ деревенскаго ловеласа, согласно съ бродячими малорусскими преданіями о дьякахъ [1]). Подобный дьячекъ-ловеласъ является и у Н. В. Гоголя, но или съ другимъ именемъ [2]), или вовсе безъ имени [3]),

[1]) „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, Н. Петрова, 1884 г., стр. 33 и 34.

[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", подъ ред. Тихонравова. т. I. стр. 109.

[3]) Тамъ же, стр. 138 и 139.

а любовная роль Хомы Григоровича у Гоголя-сына приписывается поповичу Аѳанасію Ивановичу [1]). Но у Гоголя-сына дьячекъ Ѳома Григорьевичъ является не ловеласомъ, а занимательнымъ разсказчикомъ повѣстей изъ украинскаго быта: онъ упоминается и въ предисловіяхъ къ обѣимъ частямъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", и въ началѣ повѣстей „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", „Пропавшая грамота" и „Заколдованное мѣсто". И роль занимательнаго разсказчика придана Н. В. Гоголемъ Ѳомѣ Григорьевичу, какъ сельскому дьячку, небезосновательно. По старымъ преданіямъ, сельскія громады, при выборѣ себѣ дьяковъ, требовали отъ нихъ юмора въ простонародномъ духѣ; для этого кандидатъ во дьячка долженъ былъ произнесть съ колокольни передъ своими избирателями юмористическую рѣчь [2]). Романа и Параску въ повѣсти Гоголя-отца подъ этимъ названіемъ Н. В. Гоголь замѣнилъ въ своей „Сорочинской ярмаркѣ" супругами Солопіемъ и Хиврей, имена которыхъ заимствованы, впрочемъ, Гоголемъ изъ басни Гулака-Артемовскаго „Солопій та Хивря, або горохъ при дорози". Эпизодъ въ „Сорочинской ярмаркѣ" о томъ, какъ у Солопія Черевика, вмѣсто выведенной на продажу кобылы его, въ рукахъ оказалась только узда [3]), по всей вѣроятности, появился подъ вліяніемъ превращенія овцы въ собаку въ комедіи Гоголя-отца „Овца—собака" [4]). Вліяніе „Энеиды" Котляревскаго на „Сорочинскую ярмарку" покойный П. А. Кулишъ усматривалъ въ изображеніи Н. В. Гоголемъ парубка Голопупенка, лихо пьющаго горѣлку, и прототипъ этого гуляки видѣлъ въ Энеѣ Котляревскаго, который—

Сивуху такъ, мовъ брагу, хлыще [5]).

---

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I, стр. 20 и слѣд.

[2]) „Кіевская Старина", іюнь, 1892 г., стр. 456 и 457.

[3]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", подъ ред. Тихонравова, т. I. стр. 29 и 30.

[4]) „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія", Н. И. Петрова, 1884 г., стр. 78 и 79.

[5]) Тамъ же, стр. 199.

Вообще о „Сорочинской ярмаркѣ“ нужно замѣтить, что въ ней весьма мало видно непосредственнаго знакомства Н. В. Гоголя съ народною жизнію и поэзіею, свѣдѣнія о которыхъ позаимствованы имъ, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ, у предшествовавшихъ ему малорусскихъ писателей.

2. Сильнѣе пробивается народная струя въ слѣдующей, по времени, повѣсти Н. В. Гоголя: *„Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“*. Въ основѣ этой повѣсти лежитъ бродячее преданіе о чародѣяхъ, представителемъ которыхъ является у Гоголя Басаврюкъ; это преданіе сходно, по содержанію, съ повѣстью Тика: „Чары любви“ [1]); но оно обставлено у Гоголя подробностями изъ малорусскаго быта, малорусскихъ народныхъ преданій и вѣрованій, о которыхъ сообщала ему, по его просьбѣ, мать его Марья Ивановна. Въ 1829 году, во второмъ письмѣ изъ Петербурга, Гоголь просилъ мать прислать ему описаніе костюма и указать точное и вѣрное названіе платья временъ до-гетманскихъ, особенно костюма дьячка, далѣе— самое подробное описаніе свадьбы и, наконецъ, разсказы о повѣрьяхъ, духахъ и домовыхъ, при чемъ прежде всего указывалъ на обряды коляды и объ Иванѣ Купалѣ [2]). Въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 г. Гоголь уже благодарилъ свою мать за доставку этихъ матеріаловъ, которые отчасти и вошли въ составъ новой его повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. Здѣсь мы находимъ и описаніе народныхъ костюмовъ на Петрусѣ и Пидоркѣ [3]), и различныя повѣрья, напр., о цвѣтеніи папоротника въ ночь на Ивана Купала, о добываніи, при его посредствѣ, кладовъ [4]), о необходимости человѣческой головы для добыванія клада [5]), и, наконецъ, изображеніе свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ [6]), и повѣрья о колдунахъ и

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, подъ ред. Тихонравова, т. I, стр. 526—535.
[2]) „Матеріалы“, Шенрока, т. I, стр. 176 и 258.
[3]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр 40 и 41.
[4]) Тамъ же, т. I, стр. 43—45.
[5]) Тамъ же, I, стр. 45. См. „Кіевскую Старину“, ноябрь 1884 г., стр. 547.
[6]) Тамъ же, т. I, стр. 46 и 47.

колдуньяхъ, о превращеніи чертовскихъ денегъ въ черепки [1]) и проч. Въ двухъ мѣстахъ „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ г. Шенрокъ видитъ почти буквальный перифразъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Таковы слова Цидорки: „и родной отецъ врагъ мнѣ; неволитъ идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ: не пойду танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня. Темная, темная моя будетъ хата!—изъ кленового дерева, и вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ“. Разнымъ образомъ и Петрусь выражается словами народныхъ пѣсенъ и думъ: „Будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ—воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною; гладкое поле будетъ моя хата“, и проч. [2]).

3. Повѣсть „*Майская ночь или утопленица*“, главнымъ образомъ, изображаетъ весенніе ночные гулянья парубковъ и дивчатъ и развитіе нѣжныхъ отношеній между ними, съ различными перипетіями и препятствіями. Въ общихъ чертахъ эта повѣсть вѣрна малорусской дѣйствительности, хотя и разбавлена литературными вымыслами въ романтическомъ духѣ. Но гвоздемъ этой повѣсти служатъ малороссійскія народныя преданія и повѣрья о русалкахъ. Русалками становятся или утонувшія, или же мертворожденныя и некрещенныя дѣти [3]). Въ повѣсти Гоголя русалкою становится дѣвица, дочь сотника, преслѣдуемая своею злою мачихою-вѣдьмой и выгнанная изъ дому своимъ роднымъ отцомъ; она кинулась въ воду и сдѣлалась русалкою [4]). Отношенія мачихи къ падчерицѣ рисуются у Гоголя согласно съ народнымъ представленіемъ о

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I. стр. 49—50.
[2]) „Матеріалы“, Шенрока, т. I, стр. 167, и т. III, стр. 533—535.
[3]) „Кіевская Старина“, мартъ 1899 г., стр. 206 и 207.
[4]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 55 и 56

нихъ [1]). Мачиха, преслѣдуя свою падчерицу, превращается у Гоголя въ страшную черную кошку [2]), что вполнѣ согласно съ повѣрьями малороссовъ о превращеніи вѣдьмъ въ разныхъ животныхъ и особенно въ кошекъ [3]). Русалки, по народнымъ представленіямъ, живутъ въ подводныхъ палатахъ и появляются на землѣ на зеленыхъ святкахъ, пасутся на островахъ, болотахъ, поляхъ и лѣсахъ, чаще всего бываютъ у воды, купаются здѣсь, бѣгаютъ, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши и проч. Онѣ „голы скрызь, зъ осоки косы“ [4]). Соотвѣтственно этимъ представленіямъ, и въ повѣсти Гоголя русалки водятъ хороводъ на берегу пруда и грѣются на мѣсяцѣ. „Въ тонкомъ серебрянномъ туманѣ мелькали дѣвушки легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны: тѣло ихъ было какъ будто сваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ“. Между прочимъ, русалки начинаютъ игру въ ворона [5]); а описаніе этой народной игры доставила Н. В. Гоголю его мать [6]).

4. „*Пропавшая грамота*“ есть фантастическая повѣсть, основанная съ одной стороны на легендарныхъ, съ другой на чисто народныхъ малорусскихъ преданіяхъ и повѣрьяхъ. Завязку чудеснаго элемента въ повѣсти составляетъ легендарное сказаніе о продажѣ человѣкомъ своей души чорту [7]), ведущее начало свое отъ сказанія о св. Василіи и Евладіи [8]). Къ нимъ при-

---

[1]) „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Петрова. стр. 132 и 133.

[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова. т. I. стр. 56.

[3]) „Кіевская Старина“, февраль 1901 г., стр. 220.

[4]) Тамъ же, апрѣль 1890 г., стр. 83, и августъ 1899 г., стр. 207 и 208.

[5]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 76.

[6]) „Матеріалы“. Шенрока, т. I, стр. 262.

[7]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 38 и сл.

[8]) „Кіевская Старина“, декабрь. 1884 г., стр. 617 и слѣд.

бавлены еще Гоголемъ эпизоды изъ народныхъ повѣрій о шабашѣ вѣдьмъ, о поѣздкѣ запорожца на чортовомъ конѣ, о пляскѣ по хатѣ печки, выгонявшей вонъ лопатою горшки, лоханки и т. п. [1]), эпизоды, въ цѣльномъ видѣ встрѣчающіеся и въ народныхъ малорусскихъ разсказахъ и воспроизведенные въ извѣстномъ стихотвореніи А. С. Пушкина „Гусаръ“ [2]). Мотивы продажи души чорту и ѣзды на чортовомъ конѣ встрѣчаются и въ нижеслѣдующей повѣсти Гоголя.

5. „*Ночь передъ Рождествомъ*“. По содержанію своему эта повѣсть довольно сходна съ балладой Л. Боровиковскаго подъ заглавіемъ „Кузнецъ“. Въ нихъ обѣихъ повсюду встрѣчаются разсѣянными черты малорусскихъ народныхъ преданій, повѣрій и предразсудковъ. Въ началѣ повѣсти Гоголя „Ночь передъ Рождествомъ“, въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ даже съ этнографическою точностію описываетъ малорусское колядованіе, отдѣльные моменты котораго изображаются затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ повѣсти [3]). По народнымъ повѣрьямъ, всякая нечисть становится безсильною въ Рождественскіе праздники [4]). Н. В. Гоголь въ своей повѣсти говоритъ, что наканунѣ Рождества чорту „послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, „побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу“ [5]). И у Гоголя, и въ малорусскихъ народныхъ представленіяхъ чортъ является въ видѣ пана, одѣтаго по-нѣмецки [6]). На свиданіе съ чортомъ у Гоголя

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 88, 90 и 91.

[2]) „Матеріалы“, Шенрока, т. I, стр. 290 См. сказку „Музыкантъ и Чортъ“ тамъ же, II, 77.

[3]) „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Петрова, стр. 194—196; „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 99, 107. 108. 114, 115, 118, 119. Сн. „Кіев. Старину“, январь, 1889 г. стр. 236—242, августъ, стр. 410—417 и др.

[4]) „Кіевская Старина“, январь, 1896 г. стр. 5 и 6.

[5]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 101 и 102.

[6]) Тамъ же, стр. 100. См. „Кіев. Стар.“, апрѣль 1890, стр. 83.

вылетаетъ изъ печной трубы вѣдьма, верхомъ на метлѣ, и по дорогѣ снимаетъ звѣзды съ неба и прячетъ ихъ, какъ вѣритъ этому и простой народъ Малороссіи [1]). Согласно съ повѣрьями народа, чортъ влетаетъ въ хату къ вѣдьмѣ на любовное свиданіе черезъ печную трубу [2]). Гоголевская вѣдьма Солоха—вдова кузнеца [3]), а къ кузнецамъ, особенно же старымъ, народъ по преимуществу прилагаетъ названіе колдуновъ [4]); слѣдовательно, признаніе Солохи вѣдьмою было какъ бы унаслѣдованнымъ отъ мужа. Соперниками чорта въ любовныхъ отношеніяхъ къ Солохѣ являются обыкновенные смертные, ея односельчане: голова, дьякъ и казаки Чубъ и Свербигузъ; первыхъ троихъ, по ихъ просьбѣ, Солоха прячетъ въ двухъ угольныхъ мѣшкахъ [5]). Источниками этого эпизода въ повѣсти Гоголя могли служить народные разсказы „Дьякъ Титъ Григоровичъ“ и „Гибель четырехъ поповъ“ [6]).

6. „*Страшная месть*“. Фабула этой повѣсти слѣдующая. При Стефанѣ Баторіи жили въ Седмиградской странѣ два казака Иванъ да Петро, ставшіе побратимами между собою. Но Петро, позавидовавъ геройскому подвигу Ивана, по пути черезъ Карпаты, измѣннически столкнулъ Ивана съ его сыномъ-младенцемъ и съ конемъ въ провалъ, а когда Иванъ, схватившись за сукъ, хотѣлъ вылѣзть съ младенцемъ изъ провала, Петро столкнулъ его пикою на самое дно и затѣмъ воспользовался имуществомъ погубленнаго имъ побратима. Когда умеръ, въ свое время, и Петро, Богъ призвалъ обоихъ побратимовъ на судъ къ себѣ и предоставилъ Ивану выбирать казнь для своего вѣроломнаго побратима. Иванъ пожелалъ,

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I, стр. 99 и 100. См. „Кіев. Стар.“ январь, 1890. стр, 8. и 60; сентябрь 1896 г. стр. 47; февраль, 1901 г., 224 и 225.

[2]) Тамъ же, стр 108. Ср. „Кіев. Старину“ сентябрь, 1889 г., стр. 398.

[3]) Тамъ же, стр. 107, 108 и 109.

[4]) См. „Кіевскую Старину“, декабрь 1889 г., стр. 583.

[5]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 115—118 и др.

[6]) „Матеріалы“ Шенрока, т. I, стр. 290.

чтобы все потомство Петра не имѣло на землѣ счастія, чтобы послѣдній въ его родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и отъ каждаго его злодѣйства чтобы дѣды и прадѣды его не находили покоя въ гробахъ, и чтобы, наконецъ, этотъ неслыханный злодѣй пришелъ на самую высокую гору къ нему Ивану, и чтобы онъ, Иванъ, бросилъ его съ той горы въ самый провалъ, гдѣ будутъ грызть его возмущенные его злодѣяніями предки и увеличивать его мученія невозможностію отомстить Ивану. Такъ и случилось. Послѣдній представитель рода Петра былъ колдунъ, запятнавшій себя безчисленными неописанными злодѣяніями. Онъ зарѣзалъ свою жену, обасурманился въ чужихъ краяхъ, измѣнилъ своему отечеству, убилъ зятя своего пана Данила Урульбаша и затѣмъ своего внука, хотѣлъ соблазнить родную свою дочь, довелъ ее до сумасшествія и наконецъ убилъ и ее. Видя приближеніе грозной развязки, колдунъ спѣшитъ въ Кіевъ къ святымъ мѣстамъ, чтобы тамъ спасти свою душу, но вмѣсто того увеличиваетъ сумму своихъ преступленій и убиваетъ святого схимника, признавшаго его неслыханнымъ грѣшникомъ, не заслуживающимъ помилованія. Невидимая сила влечетъ колдуна на Карпаты, гдѣ побратимъ Иванъ, въ видѣ таинственнаго всадника, поднимаетъ колдуна на воздухъ и бросаетъ въ глубокое провалье. „И до нынѣ стоитъ на Карпатѣ, на конѣ, дивный рыцарь и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю“. [1])

Значительную аналогію этой повѣсти Гоголя представляетъ, по своему содержанію, поэма послѣдователя Гоголя—А. П. Стороженка, подъ заглавіемъ „Марко Проклятый“. Но народной легенды о своемъ героѣ г. Стороженко не нашелъ

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. I, стр. 144 и слѣд.

въ цѣльномъ видѣ и по крупицамъ собиралъ обрывки ея въ теченіи болѣе 30-ти лѣтъ, воспользовавшись,[1]) повидимому, и повѣстью самого Гоголя. Равнымъ образомъ, и въ основѣ повѣсти Гоголя „Страшная месть“ мы не видимъ какого-либо одного цѣльнаго апокрифическаго или легендарнаго сказанія, а тѣмъ болѣе какого-либо чисто народнаго южнорусскаго произведенія. Основной мотивъ ея встрѣчается въ древне-греческихъ сказаніяхъ объ Эдипѣ, которыя въ христіанскомъ мірѣ примѣнены были, въ легендарныхъ сказаніяхъ, къ Андрею Первозванному, Андрею Критскому и Григорію Двоеслову, получившимъ якобы прощеніе въ своихъ тяжкихъ преступленіяхъ послѣ раскаянія въ нихъ и подвиговъ поста и молитвы, а также выразились въ безъименной южнорусской легендѣ о кровосмѣсителѣ[2]). Черта душегубства, приписываемая Гоголемъ герою своей повѣсти, находитъ параллель себѣ въ народной южнорусской сказкѣ о „великомъ грѣшникѣ“, который разбойничалъ и убивалъ народъ въ теченіе 12 лѣтъ, затѣмъ, покаявшись, лѣтъ пять носилъ на себѣ 12 тяжелыхъ каменьевъ и прощенъ былъ за убіеніе народнаго притѣснителя—„сипаки“[3]). Но въ повѣсти Гоголя нѣтъ преступнику прощенія ни въ земной жизни, ни въ загробной, и въ этомъ отношеніи она имѣетъ другія литературныя параллели. Завязкою и центральнымъ пунктомъ въ Гоголевской повѣсти является заключеніе побратимства между двумя козаками и вѣроломное нарушеніе этого побратимства однимъ изъ нихъ. Сказанія же о побратимствѣ особенно развиты у южныхъ славянъ и преимущественно у сербовъ[4]). Подобный разсказъ существуетъ и въ малорусской народной литературѣ, подъ названіемъ „Живая могила“. Въ

[1]) „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Петрова, стр. 210.
[2]) Тамъ же, стр. 247 и 219.
[3]) „Кіевская Старина“, сентябрь 1884 г., стр. 174 и 175.
[4]) „Историч. пѣсни Малорусскаго народа“, Антоновича и Драгоманова, т. 1, Кіевъ, 1874 г.

ней тоже выводятся на сцену два побратима, сдѣлавшіеся отъявленными врагами другъ другу; развязка ихъ вражды тоже происходитъ въ могилѣ, и притомъ на Карпатскихъ горахъ [1]). Вѣроятно, этотъ или подобный бродячій разсказъ и легъ въ основаніе повѣсти Гоголя „Страшная месть"; но онъ обставленъ у Гоголя нѣкоторыми подробностями изъ малорусской жизни и поэзіи, каковы, напр., отрывки изъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ [2]), описаніе старинной малорусской свадьбы [3]), описаніе Кіева [4]) и Днѣпра [5]), повѣрья о колдунахъ [6]), мавкахъ и русалкахъ [7]), свѣдѣнія о бандуристахъ и ихъ пѣсняхъ [8]) и др.

7. Въ повѣсти „*Заколдованное мѣсто*" художественно изображеніе заколдованнаго поля съ лѣсомъ, съ неяснымъ очертаніемъ голубятни за нимъ, гумномъ, сѣрѣющимъ въ слабомъ освѣщеніи безлунной ночи, и дорожкой, затерянной среди могилъ. Здѣсь долго блуждалъ бѣдный дѣдъ, разыскивая кладъ, пока не откопалъ наконецъ какую-то гадость въ „казанѣ" (котлѣ). Съ этимъ же мѣстомъ повѣсти связанъ и этнографическій ея интересъ, такъ какъ заколдованное поле Гоголя тождественно съ проклятыми или „обморочными" мѣстами народныхъ разсказовъ. Обморочныя мѣста, по народнымъ понятіямъ, обладаютъ особой силой потемнять сознаніе случайно зашедшаго на нихъ человѣка до невозможности найти выходъ. Случается, что человѣкъ кружитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ всю ночь или ищетъ воловъ, которые лежатъ здѣсь же возлѣ повозки. Обморочное мѣсто—проклятое, потому что на немъ „або виналь-

---

[1]) „Кіевская Старина", октябрь, 1888 г., стр. 70 и слѣд.
[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", ред. Тихонравова, т. 1, стр. 149, 175 и 555.
[3]) Тамъ же, стр. 144 и 145.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, стр. 169—170; см. „Матеріалы", Шенрока, т. 1, стр. 167.
[6]) Тамъ же, стр. 145, 158 и др.
[7]) Тамъ же, стр. 175 и 176.
[8]) Тамъ же, стр. 181—184.

нык, або утопленык захованъ", „на ему по-ночи шапка у гору йде и у день суморочно". Въ народныхъ разсказахъ обморочныя мѣста не связаны необходимо съ кладами, которыхъ можетъ въ нихъ и не скрываться, и что на такія мѣста чаще наводятъ особые полночные духи — полуничка, мара или черти въ различныхъ образахъ [1]).

8. Повѣсть „*Тарасъ Бульба*" основана, главнымъ образомъ, на письменныхъ источникахъ, а именно лѣтописяхъ и историческихъ сочиненіяхъ Боплана, Туманскаго, псевдо-Конискаго, Стрыйковскаго, князя Мышецкаго, Шерера и др. [2]); но при новыхъ передѣлкахъ этой повѣсти Н. В. Гоголь въ значительной мѣрѣ воспользовался и малорусскими народными думами и пѣснями. Такъ, напр., о сборѣ охочекомонныхъ козаковъ Гоголь говоритъ такъ: „кромѣ рейстровыхъ козаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во вякое время, въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочекомонныхъ: стоило только есауламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу: „эй, вы, пивники, броварники! полно вамъ пиво варить, да валяться позапечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцепасы, баболюбы! полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои желтые чоботы, да подбираться къ жинкамъ и губить силу рыцарскую! пора доставать козацкой славы" [3]). Это мѣсто представляетъ переложеніе, съ необходимыми сокращеніями, въ прозу начальныхъ стиховъ думы о Коновченкѣ по тексту, изданному Лукашевичемъ въ его сборникѣ „Малороссійскія и червонорусскія народныя

[1]) „Кіевская Старина", сентябрь 1897 г., стр. 55 и 56.

[2]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", ред. Тихонравова, т. 1. 569—576. 655, и 656, 661—664.

[3]) Тамъ же, стр. 252 и 253.

думы и пѣсни“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ „Тараса Бульбы“, въ новой его редакціи, Гоголь такъ выражается о народныхъ источникахъ своей повѣсти: „свѣтлица была убрана во вкусѣ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ, да въ народныхъ думахъ, уже не поющихся болѣе на Украйнѣ бородатыми старцами слѣпцами въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа“ [2]). Разсказъ о томъ, какъ Закрутыгуба (Мосій Шило) притворнымъ принятіемъ магометанства освободилъ своихъ товарищей козаковъ изъ неволи, съ галеры, выступившей изъ Трапезонта [3]), основанъ на обширной думѣ о Самойлѣ Кишкѣ, по сборнику Лукашевича [4]). Въ концѣ первой главы „Тараса Бульбы“ прощаніе матери съ сыновьями, отправляющимися на войну [5]), заимствовано изъ народной пѣсни [6]). Въ восьмой главѣ, въ изображеніи козацкой славы [7]), есть нѣкоторые мотивы козацкой думы „Походъ на поляковъ“ [8]). Въ девятой главѣ „Тараса Бульбы“, въ позднѣйшей редакціи, прибавлены Гоголемъ слѣдующія слова: „и какъ грянула она (пушка), а за нею слѣдомъ три другія, четырекратно потрясши глухо-отвѣтную землю,—много нанесли онѣ горя! Не по одному козаку взрыдаетъ старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ-ли между ихъ одного, милѣйшаго всѣхъ; но много пройдетъ че-

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. 1, стр. 570 и 571.
[2]) Тамъ же, стр. 249 и 572.
[3]) Тамъ же, стр. 333.
[4]) Тамъ же, стр. 652.
[5]) Тамъ же, стр. 257.
[6]) „Матеріалы“, Шенрока, т. 1, стр. 167.
[7]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, ред. Тихонравова, т. 1, стр 327.
[8]) Тамъ же, стр. 688.

резъ городъ всякого войска и вѣчно не будетъ между ними одного, милѣйшаго всѣхъ“ [1]). Эта прибавка представляетъ обработку отрывковъ изъ разныхъ малорусскихъ думъ и пѣсенъ. Начало ея обнаруживаетъ подражаніе слѣдующимъ стихамъ пѣсни „о выходѣ на линію“:

У Глуховѣ у городѣ стрельнули въ гарматы;
Не по одномъ козаченьку заплакала мати.

Конецъ прибавки напоминаетъ пѣсню „Иванъ Коновченко“, которою Гоголь уже воспользовался для характеристики охочекомонныхъ [2]). Въ десятой главѣ вѣрный товарищъ Тараса Бульбы, спасая его отъ смерти въ степи [3]), выражается при этомъ словами южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ [4]).

9. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ заглавію своей повѣсти „*Вій*“ Гоголь говоритъ слѣдующее: „*Вій*“ есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнять его и разсказываю *почти* въ такой же простотѣ, какъ слышалъ“ [5]). Впрочемъ, въ началѣ повѣсти Гоголя обнаруживается нѣкоторое вліяніе „Бурсака“ Нарѣжнаго; но главная часть повѣсти, разсказывающая о ѣздѣ бурсака на вѣдьмѣ, смерти вѣдьмы, чтеніи надъ ней бурсакомъ псалтири въ церкви и о гибели бурсака дѣйствительно основана на народныхъ сказаніяхъ. Въ основѣ повѣсти Гоголя лежатъ собственно два народныхъ преданія: объ упырѣ или вѣдьмѣ и о Віи.

Преданія о смерти вѣдьмы и чтеніи надъ ней псалтыри, легшія въ основаніе „Вія“, принадлежатъ къ числу весьма

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, ред. Тихонравова, т. I, стр. 332.
[2]) Тамъ же, стр. 653 и 654. См. „Матеріалы“ Шенрока, т. II, стр. 152 и 133.
[3]) Тамъ же, стр. 342.
[4]) Тамъ же, стр. 689.
[5]) Тамъ же.

популярныхъ, встрѣчающихся у разныхъ европейскихъ народовъ [1]). Въ южнорусской народной литературѣ наиболѣе приближаются, по своему содержанію, къ Гоголевской повѣсти „Вій" народные разсказы „о дьячкѣ и вѣдьмѣ", „Упирь и Миколай" и „Видьма та видмакъ" [2]), послѣдняя преимущественно въ редакціи, записанной г. Ивановымъ [3]).

Но въ повѣсти Гоголя „Вій" есть та особенность, отличающая ее отъ параллельныхъ южнорусскихъ разсказовъ, что герой ея, бурсакъ Хома Брутъ, погибаетъ во время чтенія псалтыри надъ вѣдьмой, и при томъ не отъ самой вѣдьмы непосредственно, а отъ страшнаго Вія, эпизодически введеннаго въ эту повѣсть. Въ народныхъ преданіяхъ этотъ Вій составляетъ предметъ особаго сказанья и представляется приземистымъ, коренастымъ существомъ, у котораго вѣки опущены до земли. Когда ихъ насильно поднимаютъ, отъ глазъ Вія летятъ молніи и вихри [4]). Въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ эти черты Вія приписываются полуисторическому, полулегендарному шелудивому Буняку [5]). Въ повѣсти же Гоголя Вій является въ своемъ первоначальномъ, миѳическомъ, стихійномъ значеніи и подготовляетъ трагическую участь бурсаку, герою повѣсти.

Мы далеко не исчерпали всего южнорусскаго этнографическаго элемента въ произведеніяхъ Гоголя и ограничились только указаніемъ наиболѣе крупныхъ проявленій его въ ран-

[1]) „Параллели къ повѣсти Н. В. Гоголя Вій, Н. Ѳ. Сумцова, въ „Кіевской Старинѣ", мартъ 1892 г., стр., 472 и слѣд. См. Матеріалы Шенрока, II, стр. 14 и слѣд.

[2]) „Матеріалы", Шенрока, т. 1, стр. 291.

[3]) „Кіевская Старина", мартъ 1892 г.. стр. 473—475.

[4]) „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", Аѳанасьева, т. 1, глава 4.

[5]) „Кіевская Старина", августъ 1887 г., стр. 691, и августъ 1891 г. стр. 302 и слѣд.

нихъ произведеніяхъ нашего писателя. Какое же значеніе имѣетъ этотъ элементъ въ общемъ развитіи художественнаго творчества Гоголя?

По нашему мнѣнію, повѣсти Гоголя изъ малорусскаго быта или съ малорусскимъ этнографическимъ колоритомъ представляютъ собою только цвѣтъ въ поэтической дѣятельности Гоголя, совершенно, однакоже, необходимый для вызрѣванія плода. Это—такъ называемый романтическій періодъ юности въ творчествѣ Гоголя. Лучшій изъ біографовъ Гоголя—Шенрокъ говоритъ, что эпизоды изъ произведеній южнорусской народной фантазіи даже въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя являются лишь внѣшнею, позаимствованною совнѣ декораціею, тогда какъ самое оригинальное въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя есть элементъ описательный, или бытовой. „Все, что относится къ обрисовкѣ типовъ и характеровъ - говоритъ онъ—всѣ подробности въ изображеніи обыденной малоросійской жизни, описанія ярмарокъ, вечерницъ, уличныхъ сценъ, домашнихъ бесѣдъ, наконецъ всѣ безъ исключенія картины природы являются несомнѣнно плодомъ вполнѣ самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнородныхъ впечатлѣній жизни.“

Современная критика не безъ основанія указывала въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя и особенно въ „Вечерахъ“ на изображеніе довольно узкой и низменной сферы; но за то эту сферу Гоголь изучилъ глубоко, и въ каждомъ, брошенномъ мимоходомъ, тонкомъ и характеристическомъ сравненіи являетъ себя истиннымъ знатокомъ ея. Нѣтъ пока у Гоголя и глубоко-художественнаго, психологическаго анализа, которымъ блещутъ его позднѣйшія произведенія; комизмъ его пока чисто внѣшній и устремленъ на вещи несущественныя. „Не ожидайте здѣсь характеровъ сильныхъ или слишкомъ глубокихъ—писалъ рецензентъ „Сѣверной Пчелы“,—потому что передъ вами раскрывается простой, сельскій бытъ; но за то бытъ сей харак-

теренъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ; все движется, все рисуется передъ вами въ истинно-козацкомъ костюмѣ“ [1]).

Но слѣдить за бытовою стороною въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя уже не входитъ въ нашу задачу.

Н. Петровъ.

1-го октября 1901 года.

[1]). „Матеріалы“, Шепрока“, т. 1, 266 и слѣд.

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ

(съ фотографіи 1865 года).

Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи.

I.

Бытописатель, воспроизводя прошлую жизнь народа, можетъ ставить своей задачей или художественное изображеніе этой жизни или научное изслѣдованіе причинъ и слѣдствій историческихъ явленій; исторія стоитъ такимъ образомъ на рубежѣ двухъ областей умственной дѣятельности человѣка: области искусства и области науки, и примыкаетъ болѣе то къ первой, то ко второй, смотря по тому, какую цѣль и какой методъ изслѣдованія и изложенія избираетъ бытописатель; такое положеніе исторіи служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему во всѣ времена великіе міровые поэты, видящіе „въ памяти своей народы, вѣки и державы", живо представляя себѣ давно прошедшія времена и истинно чувствуя и сознавая характеръ пережитыхъ эпохъ, обращаются къ исторіи и заимствуютъ изъ нея сюжеты для своихъ произведеній, воспроизводя прошлую жизнь со всею художественностью. Общеизвѣстность этого факта избавляетъ насъ отъ необходимости приводить примѣры и доказательства.

Указанное положеніе исторіи дѣлаетъ также понятнымъ и естественнымъ, почему обращался къ научному изслѣдованію исторіи и нынѣ чествуемый нами великій русскій бытописатель Н. В. Гоголь; но врожденное геніальное дарованіе только предрасполагаетъ поэта къ разработкѣ исторіи; любовь же, интересъ и знакомство съ родной старинной можетъ развиться исключительно подъ вліяніемъ окружающей среды сначала въ семьѣ и школѣ, а потомъ и въ жизни. Обращаясь къ разсмотрѣнію жизни Н. В. Гоголя, мы видимъ, что всѣ условія, окружавшія его молодость, благопріятствовали развитію въ немъ необходимыхъ для бытописателя свойствъ, указанныхъ нами выше.

Семья Гоголя, какъ по отцу, такъ и по матери, принадлежала къ старымъ козацкимъ родамъ, и многія имена ихъ предковъ связывались съ именами славныхъ дѣятелей въ исторіи Малороссіи, начиная отъ Хмельницкаго; сказаніями о нихъ были наполнены семейныя преданія будущаго поэта; такъ, напр., въ семьѣ его не могли не упоминать о Подольскомъ полковникѣ, а потомъ гетманѣ Евстафіи Гоголѣ: не могли не говорить о Лизогубахъ: не могли не вспоминать о Трощинскихъ и ихъ простомъ бытѣ; не могли не указывать на дѣятельность Танскихъ, князя Безбородка и другихъ. Разсказы о старой козацкой жизни, о Запорожьѣ и Сѣчи были тогда слишкомъ еще свѣжи: со времени разоренія „козацькои матери“ не прошло и 50 лѣтъ; въ дѣтство Гоголя много жило и очевидцевъ и участниковъ въ былыхъ подвигахъ запорожцевъ; да, наконецъ, и само Запорожье, со всѣмъ своимъ старымъ общественнымъ строемъ, продолжало еще существовать на Дунаѣ и несомнѣнно пополнялось выходцами изъ Малороссіи; такимъ, напр., выходцемъ былъ и уроженецъ Полтавской губ. Осипъ Махайловичъ Гладкій, избранный въ 1822 году въ кошевые атаманы, а въ 1828 году возвратившійся съ запорожцами въ подданство Россіи; громки были подвиги и болѣе близкихъ къ Ма-

лороссіи Черноморскихъ козаковъ, съ ихъ вождями: Сидоромъ Бѣлымъ, Антономъ Головатымъ и Захаріемъ Чепѣгой; разсказовъ о нихъ не могъ не слышать въ семьѣ Гоголь и потому не могъ не ознакомиться съ исторіей Малороссіи по этимъ преданіямъ, прежде чѣмъ прочелъ ея исторію, написанную какъ разъ въ дѣтскіе его годы Н. Бантышемъ-Каменскимъ; вся атмосфера, окружавшая Гоголя была, такъ сказать, насквозь проникнута этими козацкими традиціями, а какое впечатлѣніе производили они на чуткую и нѣжную душу поэта, онъ высказываетъ словами дьячка Ѳомы Григорьевича въ „Пропавшей грамотѣ“: „Эхъ старина, старина! Что за радость, что за раздумье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года и мѣсяца ему нѣтъ, дѣлось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ,—ну тогда и рукой махни . . . . . чудится, что вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ“.

Родственныя отношенія Гоголя съ бывшимъ министромъ Д. П. Трощинскимъ и частыя посѣщенія юношей-поэтомъ резиденціи этого магната, села Кибинецъ, должны были, въ свою очередь, поддерживать въ Гоголѣ интересъ не только къ мѣстной старинѣ, но и къ исторіи вообще. Въ с. Кибинцахъ находилась богатая библіотека бывшаго министра, имѣніе котораго П. А. Кулишъ называетъ „Аѳинами временъ Гоголева отца“. Она принадлежала къ числу богатѣйшихъ: что Гоголь пользовался ею, видно изъ его писемъ къ родителямъ; такъ, напр., въ октябрѣ 1823 г. онъ проситъ ихъ прислать ему „Вѣстникъ Европы“: такія же просьбы его повторяются и въ послѣдующихъ его письмахъ въ 1824 г., при чемъ онъ выражается о библіотекѣ Трощинскаго, какъ о своей собственной: „пришлите книги изъ Кибинецъ“. Обиліе прочтенныхъ книгъ не могло не расширить умственнаго кругозора юноши и не возбудить его генія къ творчеству: намъ кажется, нельзя отрицать

также и того, что, „Вѣстникъ Европы", издававшійся вначалѣ знаменитымъ русскимъ историкомъ Карамзинымъ, а позже поэтомъ Жуковскимъ, и заключавшій въ себѣ большое количество статей по русской, часто по южно-русской и западно-европейской, исторіи, долженъ былъ положить свою печать на впечатлительную душу и горячее воображеніе Гоголя и возбудить въ немъ интересъ къ разработкѣ какъ родной, такъ и всеобщей исторіи.

Въ это же время поэтъ знакомится съ народнымъ творчествомъ: легендами, сказками, думами и пѣснями. Извѣстенъ, напр., фактъ, что князь Н. А. Цертелевъ, выпустившій въ 1819 году въ свѣтъ свое первое этнографическое изданіе: „Опытъ собранія малороссійскихъ пѣсней", посвятилъ его Д. П. Трощинскому, „который, говоритъ А. Н. Пыпинъ, живя на покоѣ въ Малороссіи, былъ своего рода центромъ для любителей малорусской старины" [1]). Эта книга не могла остаться безъ вліянія на Гоголя и, быть можетъ, только благодаря ей, поэтъ очень рано сталъ собирать этнографическій матеріалъ.

Указанное вліяніе семьи было поддержано и школой; въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, куда Гоголь былъ опредѣленъ, онъ встрѣчаетъ и профессоровъ и товарищей, которые, въ свою очередь, внѣдряли въ немъ любовь и наклонность къ литературной работѣ. Изъ профессоровъ Гоголь ближе всѣхъ сталъ къ проф. Бѣлоусову, заслуживающему того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Покойный проф. Н. А. Лавровскій въ своей работѣ: „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородка въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.г.)", даетъ характеристику тогдашнихъ преподавателей этого перваго высшаго въ краѣ русскаго учебнаго заведенія; характеристика эта, къ сожалѣнію, не можетъ быть названа отрадной и свѣтлой и ярче всего выражается въ дѣлѣ по доносу о вольнодумствѣ нѣкоторыхъ

[1]) Ист. рус. этнограф., т. III., стр. 12.

профессоровъ гимназіи. Н. Г. Бѣлоусовъ принадлежалъ къ числу лучшихъ преподавателей, имѣвшихъ на молодежь благотворное вліяніе; онъ происходилъ изъ Кіево-подольскихъ гражданъ, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ и готовился занять въ немъ юридическую каѳедру, а до того былъ учителемъ единственной въ то время въ Кіевѣ (теперь первой) гимназіи: перезванный директоромъ Нѣжинской гимназіи Орлаемъ на должность старшаго профессора, онъ преподавалъ здѣсь естественное, государственное и народное право, а также и римское съ его исторіей: слушатели Бѣлоусова составляли по его лекціямъ записки, дѣлая извлеченія изъ сочиненій Вольтера, Руссо, Монтескье, Канта, Юма и друг. великихъ мыслителей конца XVIII в.: когда возникло дѣло о вольнодумствѣ профессоровъ, Бѣлоусовъ оказался однимъ изъ главныхъ виновниковъ: записки учениковъ по естественному праву были признаны экспертами и слѣдственною коммиссіей вредными по своему направленію: само собой разумѣется, дѣло это въ ту пору, т. е. послѣ событій 1825 г., не могло окончиться благополучно для Бѣлоусова: лишенный мѣста, онъ былъ высланъ на родину, т. е. въ Кіевъ, подъ надзоръ полиціи.—Лекціи Бѣлоусова по содержанію своему должны были касаться западно-европейской исторіи и могли еще въ ту пору направить мысль и желаніе Гоголя изучить обстоятельно тотъ періодъ исторіи Европы, когда личное и государственное право только что зарождалось; этимъ объстоятельствомъ, по крайней мѣрѣ, онъ впослѣдствіи, на лекціяхъ, объяснялъ важность исторіи среднихъ вѣковъ. Что Гоголь несомнѣнно близко стоялъ къ Бѣлоусову, находясь въ гимназіи высшихъ наукъ, и подчинялся его вліянію, показываетъ его благопріятное для Бѣлоусова показаніе въ слѣдственной коммиссіи и позднѣйшія ихъ отношенія; такъ, напр., въ письмѣ къ Максимовичу (въ 1833 г.) Гоголь совѣтуетъ ему, по пріѣздѣ въ Кіевъ, отыскать экс-профессора Бѣлоусова и сойтись съ нимъ по-ближе: то же

повторяетъ онъ и въ послѣдующихъ письмахъ; Максимовичъ отмалчивался, конечно, потому, что онъ, близко стоя къ кружку славянофиловъ, не могъ сойтись во взглядахъ съ Бѣлоусовымъ — крайнимъ западникомъ. Максимовичъ, кажется, даже не совсѣмъ дружелюбно относился къ Бѣлоусову: напр., въ 1835 году, когда Гоголь самъ собрался въ Кіевъ, чтобы повидаться со своими друзьями, Максимовичъ въ своихъ „Письмахъ о Кіевѣ“ [1]) замѣчаетъ: „Гоголь уѣзжалъ съ утра къ своимъ Нѣжинскимъ лицейскимъ знакомымъ и съ ними странствовалъ по Кіеву; возвращался лишь вечеромъ, и только тогда начиналась наша бесѣда“. Въ это время такими знакомыми Гоголя въ Кіевѣ былъ одинъ Бѣлоусовъ; вліяніемъ послѣдняго, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить, почему Гоголь никогда не могъ сойтись вполнѣ во взглядахъ съ славянофилами.

Изъ другихъ Нѣжинскихъ профессоровъ вліяніемъ на молодежь пользовался еще проф. Соловьевъ, преподававшій естественную исторію. „Эти молодые ученые обворожили насъ совершенно контрастомъ съ нашими наставниками, педантами стараго времени“, говоритъ одинъ изъ товарищей Гоголя въ своемъ дневникѣ, не давшій однако разрѣшенія назвать себя біографу Гоголя г. Шенроку [2]).

Въ средѣ школьныхъ товарищей на Гоголя оказывали вліяніе Несторъ Кукольникъ, будущій писатель, поражавшій своей начитанностью и товарищей и учителей; К. М. Базили, „не безъизвѣстный впослѣдствіи дѣятель въ области литературы и политики, свидѣтель и разсказчикъ ужасовъ Константинопольской рѣзни грековъ въ 1821 году“; П. Г. Рѣдкинъ, бывшій потомъ профессоромъ университета и задумавшій, вмѣстѣ со своими товарищами въ Нѣжинѣ, „составить изъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей полный курсъ всеобщей ис-

[1]) „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“. Спб. 1871, стр. 55 и 56.
[2]) Матер. для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, т. I, стр. 381.

торіи по самой подробной программѣ“ [1]). Слѣдуетъ вспомнить и другихъ товарищей Гоголя, какъ напр. Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко. Вмѣстѣ съ Гоголемъ они издавали школьный журналъ и развивали въ себѣ вкусъ и навыкъ къ литературной работѣ, что и дало потомъ право Гоголю сказать въ своей „Авторской исповѣди“, что онъ „въ послѣднее время пребыванія въ школѣ получилъ навыкъ къ сочиненіямъ, которые были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ“.

Семейное и школьное вліяніе на влеченіе Гоголя къ историческимъ работамъ было поддержано и по выходѣ изъ школы и переѣздѣ въ Петербургъ Пушкинымъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Погодинымъ, Максимовичемъ и друг.

Гоголь познакомился съ Пушкинымъ лѣтомъ 1831 года, когда послѣдній весь былъ поглощенъ занятіями по всеобщей и русской исторіи. Онъ составляетъ замѣтки и программы по средневѣковой исторіи, задается цѣлью приложить выводы западныхъ историковъ къ событіямъ отечественной исторіи и проч. Пушкинъ не упускаетъ изъ виду и южно-русской исторіи, для изученія которой составляетъ даже такую программу: „Что такое Малороссія? Что составляла прежде Малороссія? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго-ли находилась подъ владычествомъ татаръ? Отъ Гедемина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго“. Эта программа, при всей своей краткости, охватываетъ всю исторію Малороссіи и свидѣтельствуетъ о широтѣ взглядовъ писателя. Въ томъ же 1831 г. Пушкинъ получилъ разрѣшеніе заниматься въ архивахъ и „предался своей новой работѣ, говоритъ его біографъ, съ жаромъ, почти со страстью“ [2]). Въ это время онъ собиралъ ма-

[1]) Матеріалы Шенрока, т. I, стр. 88—92.

[2]) „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина,“ изданные г. Анненковымъ. Спб. 1855, стр. 269—270.

теріалъ для исторіи Пугачевскаго бунта". Увлеченный самъ этими занятіями, онъ не могъ не возбуждать интересъ къ исторической работѣ и въ своемъ молодомъ даровитомъ другѣ. И Гоголь работалъ и надъ исторіей Малороссіи и надъ сочиненіемъ историческихъ повѣстей. Пушкинъ же одинаково входилъ въ научные и художественные интересы Гоголя, побуждая его къ труду и служа для него лучшимъ образцомъ и совѣтникомъ, что̀ и выразилъ Гоголь при извѣстіи объ убійствѣ Пушкина.

Изъ извѣстныхъ русскихъ историковъ наибольшую поддержку въ своихъ работахъ Гоголь находилъ въ Погодинѣ и Максимовичѣ: съ первымъ его связывала всеобщая исторія, со вторымъ—исторія Малороссіи.

Въ 1833 году онъ, напр., пишетъ Погодину: „По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, замѣтьте, и у Васъ и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее—стороннее" [1]). Въ перепискѣ съ Погодинымъ онъ дѣлится съ нимъ мыслями по всеобщей исторіи [2]), пишетъ разборы сочиненій по этому предмету [3]), проситъ обмѣниваться лекціями по исторіи среднихъ вѣковъ [4]) и наконецъ спрашиваетъ объ источникахъ по исторіи славянъ вообще и Галиціи въ частности [5]). О всемъ же, что касалось исторіи Малороссіи, Гоголь переписывался съ Максимовичемъ; объ этой перепискѣ намъ придется говорить ниже, при разборѣ произведеній его по исторіи Малороссіи, научныхъ и литературныхъ.

Указывая вліяніе на Гоголя окружавшей среды и отдѣльныхъ близкихъ къ нему лицъ на его творчество въ области

[1]) Зап. о жизни Гог. т. V, стр. 166.
[2]) Ibid. 159, 196.
[3]) Ibid. 168, 225—228.
[4]) Ibid., стр. 221.
[5]) Ibid., 249, 252.

исторіи и литературы, мы не могли, какъ въ виду краткости нашей работы перечислять всѣ имена и входить во всѣ подробности, скорѣе умѣстныя въ обстоятельной его біографіи; такъ и въ виду большей или меньшей извѣстности фактовъ, относящихся къ вопросу объ указанномъ вліяніи.

II.

Но если впечатлѣнія дѣтства и тогдашнее настроеніе южно-русскаго общества обусловливали влеченіе Гоголя къ исторіи вообще и малорусской въ частности; то состояніе разработки этой послѣдней и количество матеріала какъ изданнаго въ свѣтъ, такъ и скопившагося къ тому же времени въ частныхъ фамильныхъ архивахъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ, долженствовало отразиться на полнотѣ и точности работъ нашего великаго бытописателя.

Какъ извѣстно, бурныя историческія событія и коренные общественные перевороты привлекаютъ къ себѣ вниманіе современниковъ, вызываютъ въ немъ потребность отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ, понять причину совершившихся перемѣнъ и приподнять завѣсу ближайшаго будущаго. Болѣе пытливые умы берутъ на себя трудъ удовлетворить назрѣвшей потребности общества; они составляютъ мемуары, пишутъ лѣтописи, собираютъ историческіе матеріалы, изслѣдуютъ ихъ и знакомятъ съ ними современниковъ. Прошлое Малороссіи представляетъ собой именно такой непрерывный рядъ бурныхъ событій и слѣдовавшихъ за ними глубокихъ измѣненій въ общественномъ строѣ и настроеніи: безъ нихъ не проходило ни одно полустолѣтіе.

Эпохи Хмельницкаго, Руины, Мазепы, уничтоженіе и возстановленіе гетманства въ Малороссіи, разореніе Запорожской сѣчи, а затѣмъ постепенное сліяніе Малороссіи съ остальною Россіей—всѣ эти событія необходимо должны были рождать

вопросъ о прежнихъ правахъ, преимуществахъ и особенностяхъ козачества и побуждать къ уясненію смысла пережитыхъ эпохъ, къ изученію южно-русской исторіи; и мы, дѣйствительно, видимъ, что это изученіе не прерывалось; о многихъ, недошедшихъ до насъ, „духовныхъ и мірскихъ лѣтописцахъ“, „козацкихъ кроничкахъ“, „діаріушахъ“ и проч., относящихся ко времени до Хмельницкаго, упоминаютъ въ своихъ ссылкахъ позднѣйшіе историки: изъ сохранившихся лѣтописей къ этому времени, т. е. къ XVII вѣку, можно причислить Кіевскую, Межигорскую, Хмельницкую и Львовскую; вслѣдъ за эпохой Богдана Хмельницкаго появились лѣтописи Самовидца, Синопсисъ Ин. Гизеля, Черниговская, Густынская и друг.; первой половинѣ XVIII в. принадлежатъ лѣтописи: Грабянки, Самуила Величка, Ѳеофана Прокоповича, Лизогуба; ко второй половинѣ того же вѣка и первой половинѣ XIX в., князя Мышецкаго, Миллера, Рубана, Зуева, Симоновскаго, Зарульскаго, Ригельмана, псевдо-Конисскаго, Григорія Полетики, Чепы, Туманскаго, Я. Марковича, Антоновскаго, Василія Полетики, Ломиковскаго, митр. Евгенія, Д. и Н. Бантышей-Каменскихъ, М. Ф. Берлинскаго, А. П. Мартоса, А. М. Марковича, А. Маркевича [1]). и друг. изслѣдователей болѣе частныхъ историческихъ или историко-географическихъ вопросовъ, касавшихся Южной Россіи.

Въ періодъ наибольшей научной и художественной продуктивности Гоголя начала развиваться и мало-русская этнографія; хотя интересъ къ ней сталъ проявляться еще съ конца XVIII вѣка, но „первый этнографъ, говоритъ г. А. Н. Пыпинъ [2]), обратившійся къ изученію народной малорусской поэзіи, былъ князь Н. А. Цертелевъ“; его книга: „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“, вышла въ свѣтъ въ въ 1819 году и была посвящена, какъ мы уже сказали, Д.

[1]) А. М. Лазаревскій: Оч., зам. и докум. II, 60

[2]) Ист. рус. этногр., т. III, стр. 12.

П. Трощинскому, чрезъ котораго скоро стала извѣстна и Гоголю. За изданіемъ Цертелева слѣдуютъ изданія Максимовича, Зоріана Доленги-Ходаковскаго, Срезневскаго, Бодянскаго, Лукашевича, Евецкаго и Метлинскаго; одновременно съ русскими этнографами изученіемъ малорусской народности занимаются и польскіе; Вацлавъ Залѣскій, Жегота Паули, Войцицкій и друг. и галико-русскіе: Шашкевичъ, Головацкій и Вагилевичъ. Гоголь былъ увлеченъ этимъ научнымъ движеніемъ по изученію родной исторіи и этнографіи гораздо раньше, чѣмъ онъ лично узналъ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей науки и литературы. Онъ началъ еще въ 1826 году, т. е., за два года до окончанія Нѣжинской гимназіи, заниматься собираніемъ историческаго и этнографическаго матеріала; сохранилась его записная книжка отъ этого года, въ которую Гоголь, между прочимъ, помѣстилъ: „Лексиконъ малороссійскій: виршу, говоренную гетману Потемкину запорожцами; выговоръ гетмана Скоропадскаго Василію Скалозубову: декретъ Миргородской ратуши 1702 года: чертежи сельскихъ заборовъ: игры, увеселенія малороссіянъ; имена, даваемыя при крещеніи; мысли объ исторіи вообще: малороссійскія загадки; малороссійскія преданія, обычаи, обряды; пѣсня (малорусская): обычаи малороссіянъ; пословицы, приговорки и фразы малороссійскіе: о свадьбахъ малороссійскихъ“ [1]); по переѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь каждый разъ писалъ матери и сестрамъ и просилъ ихъ о доставленіи ему этнографическаго матеріала: но онъ собиралъ не только этотъ послѣдній, но и археологическій; такъ, напр., въ письмѣ отъ 12 ноября 1829 года читаемъ: „Ради Бога, если будете имѣть случай, собирайте всѣ попадающіяся вамъ древнія монеты и рѣдкости, какія отыщутся въ нашихъ мѣстахъ, стародавнія старопечатныя книги, другія какія-нибудь

[1]) Зап. о жизни Н. В. Гоголя, т. I, стр. 54—57 Вотъ заглавіе записной книжки Гоголя: „Книга всякой всячины, или подручная энциклопедія, составлен. Н. Г.—Нѣжинъ 1826“.

вещи-антики, а особливо стрѣлы, которыя во множествѣ находимы были въ Полѣ. Я помню, ихъ цѣлыми горстями доставали. Сдѣлайте милость, пришлите ихъ . . . . . Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ какихъ записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, — рукописей стародавнихъ про времена гетьманщины и прочаго подобнаго?“ [1]).

Количество историческаго, археологическаго и этнографическаго матеріала, особенно послѣдняго, у Гоголя было для того времени необыкновенно велико; онъ имъ дѣлится съ Максимовичемъ и часто говоритъ въ перепискѣ съ нимъ объ обмѣнѣ пѣснями.

Обработка Гоголемъ собраннаго матеріала также начинается весьма рано, еще на школьной скамьѣ. Но въ какой формѣ начата была имъ раньше обработка, беллетристической или научной, трудно теперь рѣшить; о первой формѣ, что Гоголь пользовался ею тогда, намъ положительно извѣстно изъ письма самого поэта къ матери, въ которомъ онъ говоритъ, что посылаетъ ей книжку со своей статьей, писанной имъ въ Нѣжинской гимназіи: „она подписана четырьмя 0000“, [2]) а подъ этой подписью извѣстенъ уцѣлѣвшій отрывокъ сожженнаго авторомъ историческаго романа: „Гетманъ“. Другой отрывокъ другого романа озаглавленъ „Плѣнникъ“. Что Гоголь рано сталъ заниматься и исторіей, объ этомъ свидѣтельствуетъ близкій другъ Гоголя А. С. Данилевскій, да и самъ поэтъ, указывая Максимовичу на статью свою, напечатанную въ Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія за 1834 г.: „Взглядъ на составленіе Малороссіи“, пишетъ въ письмѣ къ нему: „тамъ же (въ журналѣ) находится и кусокъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ писанный мною *очень давно*“; въ другомъ письмѣ, отъ 29 мая 1834 г., Гоголь называетъ свою

[1]) Зап. о жизни Н. В. Гоголя, т. V, стр. 93.
[2]) Ibid., стр. 134.

исторію Малороссіи надъ которою онъ тогда работалъ, „новой", потому что это сочиненіе „начато писаться послѣ того (т. е. послѣ первой редакціи исторіи) гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ".

Указазанные нами выше отрывки романовъ показываютъ, что Гоголь основательно въ студенческую пору зналъ исторію Малороссіи, и основательность эта, быть можетъ, была пріобрѣтена имъ вслѣдствіе работы надъ исторіей, а къ этой работѣ могъ побуждать его столько же примѣръ Н. Бантыша-Каменскаго, сколько къ сочиненію историческихъ романовъ могло влечь его желаніе сравняться или превзойти авторовъ, бравшихъ сюжеты изъ малорусской исторіи для своихъ литературныхъ произведеній; изъ такихъ произведеній мы знаемъ одно, помѣщенное въ „Соревн. Просв." (№№ 1, 2, 4 и 6) за 1819 г., подъ заглавіемъ: „Зиновій-Богданъ Хмельницкій или освобожденная Малороссія" [1]) и другое—Нарѣжнаго: „Бурсакъ", вышедшее въ свѣтъ въ 1824 году, и, наконецъ, знаменитое твореніе Пушкина „Полтава", напечатанное въ 1828 г. По общему признанію эти произведенія оказали вліяніе на творчество Гоголя по исторіи Малороссіи, и глубже другихъ—романъ Нарѣжнаго.

III.

Указанныя выше обстоятельства, т. е. окружавшая поэта среда, его личная геніальность и влеченіе, а равно и успѣхи разработки къ тому времени исторіи и этнографіи,—все это необходимо побуждало Гоголя къ собиранію и изслѣдованію собраннаго матеріала, и фактъ написанія имъ исторіи Малороссіи, о которомъ неоднократно говоритъ самъ

[1]) Указ. источниковъ для изученія Малорус. края, составл. Ал. Лазаревскимъ, вып. I, Спб. 1858, стр 19.

поэтъ, для насъ не представляется сомнительнымъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, нѣкоторые современные біографы и изслѣдователи произведеній Гоголя отрицаютъ фактъ существованія написанной имъ исторіи Малороссіи, считаютъ его увѣренія въ написаніи этой исторіи похвальбой, хвастовствомъ: такъ напр., думаютъ гг. А. Н. Пыпинъ, В. И. Шенрокъ и покойный Н. С. Тихонравовъ; въ своемъ отрицаніи написанія Гоголемъ исторіи они опираются лишь на то, что эта исторія не дошла до насъ ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ.

Но съ этимъ мнѣніемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться, имѣя въ виду особенности характера Гоголя. Хорошо извѣстно каждому, какъ строго и требовательно относился Гоголь къ своимъ произведеніямъ и историческимъ и литературнымъ. Вотъ что, напр., онъ пишетъ Погодину 20 февраля 1833 г.: „Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ раждается совершенно новая система и рушитъ старую“ [1]); Позже, именно 14 декабря 1834 г. Гоголь опять пишетъ Погодину о томъ же: „Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки“ [2]). Въ 1833 г. на вопросъ Погодина, что онъ пишетъ, Гоголь съ сердечной болью отвѣчаетъ ему: „Сколько я поначиналъ, сколько пережегъ, сколько бросилъ! Понимаешь-ли ты ужасное чувство: быть не довольнымъ самимъ собой . . . . . Человѣкъ, въ котораго вселилось это адъ-чувство, весь превращается въ злость“ . . . . [3]). Въ это же время и почти тоже Гоголь писалъ и Максимовичу (9 ноября 1833 г.): „Еслибъ вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня!

[1]) Зап. о жизни Гог. V, 174.
[2]) ibid., V, 228.
[3]) Н. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина“, IV, 145 и 146.

Боже, сколько я пережогъ, сколько перестрадалъ!“ [1]). Хорошо извѣстно также, что въ письмахъ Гоголя это были не пустыя слова; онъ начинаетъ уничтожать и жечь свои произведенія съ самаго начала своей литературной дѣятельности. Онъ сжегъ написанную въ юности идиллію: „Ганцъ Кюхельгартенъ“. Онъ сжегъ свой романъ изъ Малорусской исторіи: „Гетманъ“. До насъ не дошли его лицейскія произведенія, въ которыхъ онъ изображаетъ смѣшныя стороны Нѣжинскаго общества времени его пребыванія въ гимназіи; они въ рукописи ходили по рукамъ, и Гоголь старался собирать ихъ и уничтожать. До насъ не дошла его комедія: „Владиміръ 3-й степени“ и трагедія „Выбритый усъ“; не дошло и его сочиненіе: „Земля и люди“, о которомъ онъ пишетъ Погодину:, я не знаю, отчего на меня нашла тоска. . . . корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе“ [2]). Не дошла до насъ и вторая часть „Мертвыхъ душъ“. А сколько напечатано отрывковъ повѣстей, которые не сохранились въ цѣльномъ видѣ! Что же удивительнаго, что до насъ не дошла и исторія Малороссіи, начатая имъ, быть можетъ, еще въ Нѣжинѣ и позже въ 1834 году передѣлывавшаяся на-ново. Но о томъ, что исторія Малороссіи была написана Гоголемъ, говоритъ онъ самъ въ письмахъ къ Максимовичу и Погодину; такъ, напр., по поводу „Взгляда на составленіе Малороссіи“, онъ сообщаетъ Максимовичу, что сама исторія писана „очень давно“, что это введеніе въ исторію Малороссіи „не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ“. Въ 1834 году онъ опять пишетъ о своей работѣ: „Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно но-

[1]) „Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу“ Отд. брошюра, 26.
[2]) Зап. о жизни Гог. V, 174.

вая“ [1]). Отсюда мы видимъ, что существовали двѣ редакціи Гоголевской исторіи Малороссіи; когда имъ начата первая—мы не можемъ рѣшить, не имѣя для этого прочнаго основанія; вторая же редакція начата, по всей вѣроятности, во второй половинѣ 1833 года: 9 ноября этого года Гоголь пишетъ Максимовичу: „Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украины. Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили“ [2]). Онъ указываетъ въ письмахъ и объемъ своей исторіи: „она будетъ или въ шести малыхъ или въ четырехъ большихъ томахъ“ [3]); въ другомъ письмѣ прибавляетъ, что его исторія состоитъ изъ 80 главъ [4]). Содержаніе Малороссійской исторіи Гоголя намъ неизвѣстно, и лишь въ письмѣ къ Максимовичу отъ 29 мая 1834 г. мы встрѣчаемъ слабый намекъ на него: „Кстати, пишетъ Гоголь, ты просилъ меня сказать о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и, вѣрно, приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раздѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что сдѣлалось уже нашимъ, и твоимъ и моимъ вмѣстѣ“ [5]).

Здѣсь, намъ кажется, умѣстно напомнить то дѣленіе Малорусской исторіи на періоды, которые принялъ Максимовичъ; онъ различалъ:

1) „эпоху татарской власти надъ всей Украиной“ (1240—1320 г.г.) въ 80 лѣтъ.

---

[1]) Подлинники писемъ, стр. 34 и 35
[2]) Ibib., 26.
[3]) Ibid., 29.
[4]) Ibid., 35
[5]) Ibid.,

2) „эпоху литовской власти“ (1320—1569 г.г.) въ 249 лѣтъ.

3) „эпоху польской власти“ (1569—1654 г.г.) въ 85 лѣтъ.

4) эпоху раздвоеннаго бытія Украины: восточной—постоянно подъ властью русскою; западной—сперва въ колебаніи между Россіею и Польшей, въ продолженіе 57 лѣтъ; потомъ, послѣ договора Прутскаго 1711 года, въ постоянной принадлежности Польшѣ до конца ея королевства (1795 г.)“. „Въ предѣлахъ этой исторической рамы, говоритъ Максимовичъ, и не смѣшивая эпохъ, мы можемъ рисовать картину Украинской жизни, исторически вѣрную“ [1]).

О необходимости изученія исторіи по первоисточникамъ, „а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, написанныхъ Богъ вѣсть кѣмъ“, Гоголь высказывается въ одномъ изъ писемъ къ Бѣлинскому [2]). Наконецъ, изъ письма Гоголя къ Погодину, отъ 11 января 1834 г., мы узнаемъ, каковъ былъ стиль его исторіи: „Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена; да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней ужь слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!“ [3]). Вотъ сколько подробностей о своей Малорусской исторіи сообщаетъ Гоголь въ письмахъ къ разнымъ лицамъ и въ разное время! Неужели же все это ради хвастовства? Эти письма поэтъ пишетъ вѣдь въ ту пору, когда начались его душевныя страданія, о которыхъ онъ, въ свою очередь, упоминаетъ. Намъ кажется противоестественнымъ явленіемъ въ душевной жизни человѣка рядомъ страданіе и хвастовство. Какъ можно сомнѣваться въ написаніи Гоголемъ исторіи намъ, когда въ нее вѣрили современники и близкіе друзья

[1]) Собр. сочин., т. I, стр. 250.

[2]) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 383 и 384.

[3]) Ibid., т. V, стр. 196.

поэта. Погодинъ еще въ 1832 году, познакомившись съ Гоголемъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Говорилъ съ нимъ о Малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье“ [1]), а Максимовичъ въ 1834 году, въ „Предисловіи“ къ своимъ „Украинскимъ народнымъ пѣснямъ“, называетъ Гоголя „новымъ историкомъ Малороссіи“. Наконецъ, упреки Гоголю за его бѣшеный и жгучій стиль ясно свидѣтельствуютъ, что его исторію знали уже нѣкоторые друзья, именно Аксаковы.

Геній Гоголя точно предвидѣлъ, что любители читать чужія письма, будутъ копаться въ его чистой душѣ и, не понявъ ея состоянія, назовутъ хвастуномъ; это предвидѣніе онъ выражаетъ въ письмѣ къ Погодину отъ 6 декабря 1835 года; сообщая ему объ оставленіи университетской каѳедры и о томъ, что уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ его свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали его, Гоголь прибавляетъ: „я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!“ [2]).

Сказанное нами о содержаніи Гоголевской исторіи Россіи еще болѣе разъясняется напечатаннымъ имъ въ 1834 году объявленіемъ „Объ изданіи исторіи Малороссійскихъ козаковъ“ въ „Сѣверной пчелѣ“ (№ 35), „Московскомъ Телеграфѣ“ (№ 3) и „Молвѣ“. Изъ него мы видимъ что Гоголь излагалъ въ своей исторіи жизнь народа, а не описывалъ подвиги однихъ его вождей. Онъ ставилъ такіе вопросы, разрѣшенію которыхъ посвящалъ свой трудъ: „какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи (т. е. Малороссія); какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней во-

[1]) Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина. VI, 113 и 114.
[2]) Соч. и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 246 и 247.

инственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ, наконецъ, навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезло воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало-по-малу вся страна получила новыя взамѣнъ прежнихъ правъ и, наконецъ, совершенно слилась въ одно съ Россіею". Такъ широки были задачи Гоголя въ исторіи! „Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, большею частью неполныхъ и не указавшихъ до нынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра". Вотъ чего хотѣлъ Гоголь: указать мѣсто Малорусскаго народа въ міровой исторіи! Для 1834 года это была задача невыполнимая. Требовалась огромная масса матеріала, о собираніи котораго еще только подумывали; требовалось огромное количество предварительныхъ историко-юридическихъ и экономическихъ изслѣдованій, а они не закончены и до сихъ поръ, и до сихъ поръ нѣтъ достаточнаго количества силъ и средствъ для ихъ выполненія. Неудивительно, если Гоголь былъ подавленъ великостью своей задачи, если онъ былъ всегда недоволенъ своими историческими трудами, и они не увидѣли свѣта. Мы сомнѣваемся, чтобы даже въ наши дни могла появиться такая исторія, въ которой бы героемъ былъ народъ, а не отдѣльныя лица, хотя мы значительно приблизились уже къ написанію такой исторіи.

Если мы сравнимъ теперь программу Пушкина по исторіи Малороссіи, приведенную нами выше, съ указанной Гоголевской, то должны отдать преимущество послѣдней. Гоголь глубже Пушкина понималъ исторію Малороссіи, хотя одинаково оба они находились въ это время подъ вліяніемъ появившейся незадолго передъ тѣмъ въ свѣтъ „Исторіи Русскаго народа" Поле-

вого. Соглашаясь съ основной мыслью Полевого объ исторіи народа, Пушкинъ тогда же указывалъ въ своей критической статьѣ по поводу этой „Исторіи", что она не отвѣчаетъ своей задачѣ, конечно, потому, что въ ту пору и для Полевого и для Гоголя трудно было написать исторію народа. По мнѣнію Максимовича, болѣе вѣрно опредѣлившаго значеніе труда Полевого „появленіе I-го тома „Исторіи Русскаго народа", — какъ явленіе фаэтона въ троническомъ поясѣ для мореходцевъ—было главнымъ показателемъ поступленія Русской исторіи въ поворотный кругъ систематизма, въ первую—общую или созерцательную ступень онаго" [1]) послѣ Карамзина, „перваго русскаго историка и послѣдняго лѣтописца". Неудача Полевого дѣлаетъ понятнымъ и неудачу Гоголя.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого научнаго труда Гоголя по исторіи Малороссіи, къ его „Взгляду на составленіе Малороссіи". Это заглавіе для насъ уже кажется странно звучащимъ; но несомнѣнно, что подъ „составленіемъ" Гоголь разумѣлъ возникновеніе, образованіе новой народности. Это станетъ яснымъ изъ разсмотрѣнія содержанія этой статьи, въ которой онъ даже употребляетъ выраженіе: „и вотъ составился народъ".

Къ рѣшенію вопроса о „составленіи Малороссіи" Гоголь подходитъ постепенно. Онъ изображаетъ сначала бѣдственное положеніе Южной Руси, въ которое она была приведена княжескими усобицами: далѣе рисуетъ грозу татарскаго нашествія, бѣгство населенія на сѣверъ и западъ и возвращеніе его на старыя мѣста; подчиненіе литовцами Южной Руси онъ приписываетъ предпріимчивости и завоевательнымъ стремленіямъ Гедимина, а упроченіе власти литовскихъ князей надъ Русью—мудрой политикѣ этого князя и его сыновей Ольгерда и Ягайла, уважавшихъ и сохранявшихъ права и обычаи покореннаго народа.

[1]) Собр. сочиненій, т. I, стр. 88.

Утрату политической самостоятельности Южною Русью Гоголь объясняетъ географическими условіями страны—равнины, не дававшей народу никакой естественной защиты. Образованіе козачества складывается, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ рыцарскихъ идей, господствовавшихъ въ то время въ Европѣ, и относится къ періоду между концомъ XIII и началомъ XIV вѣка, т. е. ко времени между татарскимъ и литовскимъ завоеваніемъ. Первое зерно козачества представляется ему „пестрымъ сборищемъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй", хотя большая часть этихъ людей состояла изъ первобытныхъ коренныхъ обитателей Южной Россіи. Непрерывная война съ татарами придала разбойническій характеръ козацкой общинѣ. Подъ защитой ея къ концу XV в. колонизація Южной Руси усилилась; страхъ грозы татарскаго набѣга вырабатывалъ воинственный характеръ у поселенцевъ; онъ видитъ въ ихъ общинахъ „зародышъ политическаго тѣла". Такъ „составилась" Малороссія по Гоголю.

Разсматривая вышеизложенныя положенія, мы не можемъ не признать, что Гоголь, благодаря историческому чутью своего генія, близко подходилъ къ истинѣ. Онъ вполнѣ основательно считалъ, что запустѣніе Южной Руси было кратковременно, и возвратившееся населеніе заняло свои прежнія мѣста жительства. Это положеніе впослѣдствіи было прочнѣе обосновано проф. Максимовичемъ и Антоновичемъ. Гоголь вѣрно также угадывалъ время возникновенія козачества, для опредѣленія котораго, лишь 40 лѣтъ спустя, положилъ прочный фундаментъ проф. Н. П. Дашкевичъ въ своей извѣстной работѣ о „Болоховской землѣ и болоховцахъ", работѣ, дающей возможность вмѣстѣ съ тѣмъ просто и естественно объяснять внутренними условіями тогдашней политической жизни тотъ общественный строй, который мы находимъ позже у козаковъ, но который Гоголь ошибочно считалъ развившимся подъ вліяніемъ западно-европейскаго рыцарства и внѣшнихъ условій жизни Запорожья. Весьма важенъ былъ также и взглядъ Гоголя на козачество, какъ на „поли-

тическое тѣло", стремившееся къ выработкѣ собственныхъ органовъ власти и управленія, къ полной автономіи, изъ-за которой, главнымъ образомъ, и происходила его борьба съ Польшей. Неизвѣстно, проводилъ-ли Гоголь этотъ взглядъ чрезъ всю свою исторію Малороссіи, или онъ только мимоходомъ его высказалъ. Недовольство самого автора отчасти уже говоритъ, что онъ не въ силахъ былъ одолѣть эту задачу, конечно, вслѣдствіе указанныхъ нами выше причинъ: отсутствія актоваго матеріала и предварительныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ сторонъ козацкой исторіи.

Мы видимъ, наконецъ, что Гоголь отвергъ ни на чемъ неосновавныя предположенія и басни о происхожденіи козачества, какія встрѣчаются у прошловѣковыхъ лѣтописцевъ, которыми онъ пользовался, и его „Взглядъ на составленіе Малороссіи" несомнѣнно сложился подъ вліяніемъ критическаго отношенія къ тогдашнимъ первоисточникамъ. Гоголь какъбы угадалъ ту правду о козакахъ, которую мы теперь принимаемъ.

Разобранная нами научная работа Гоголя лишній разъ даетъ поводъ редактору и изслѣдователю его сочиненій Н. С. Тихонравову отрицать написаніе нашимъ поэтомъ своей „Исторіи Малороссіи" и утверждать, что эта работа составлена изъ замѣтокъ, оказавшихся въ записной книжкѣ Гоголя, которую г. Тихонравовъ отмѣчаетъ № 3. [1]). Основаніе для такого утвержденія болѣе чѣмъ странно. Если записная книжка № 3 сохранилась, то это позволяетъ лишь предполагать дѣло случая, а не того, чтобы больше занисныхъ книжекъ не существовало. Частые переѣзды Гоголя, долгое пребываніе за границей и его страсть сжиганія своихъ рукописей вполнѣ дѣлаютъ понятной случайность сохраненія книжки № 3; наконецъ, сочиненіе по исторіи Малороссіи могло существовать и безъ всякаго отношенія къ запис-

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X-е, редактированное Н. С. Тихонравовымъ, т. V, стр. 576—579.

нымъ книжкамъ: могло писаться, какъ большой трудъ, въ особыхъ тетрадяхъ, уничтоженныхъ потомъ, быть можетъ, въ огнѣ камина.

IV.

Но если научныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи были малочисленны, то они выигрывали въ качествѣ, въ глубокомъ пониманіи исторической правды, которое свойственно лишь необыкновенно чуткой и впечатлительной душѣ поэта; это глубокое пониманіе правды сказалось не только во „Взглядѣ на составленіе Малороссіи", но еще болѣе въ повѣстяхъ, рисующихъ быть козачества. Такія новѣсти сохранились или въ отрывкахъ или въ цѣльномъ видѣ; повѣсти, сохранившіяся въ отрывкахъ, имѣютъ болѣе права назваться историческими, чѣмъ сохранившіеся въ цѣльномъ видѣ. Въ нихъ или выводятся на сцену историческія лица (гетманъ Остраница, король Янъ-Казимиръ), или они пріурочиваются къ опредѣленному году, какъ, напр., „Плѣнникъ"—къ 1543-му. Повѣсти, сохранившіяся въ цѣльномъ видѣ, имѣютъ характеръ не строго исторической, но историко-этнографическій; таковы: „Пропавшая грамота", „Вій", „Страшная месть" и, наконецъ, „Тарасъ Бульба".

Въ „Нѣсколькихъ главахъ изъ неоконченнаго историческаго романа", напечатанныхъ уже послѣ смерти ихъ творца, изображается вождь козацкаго возстанія 1638 г.—Остраница. Возстаніе это было тогда подавлено и, по показанію лѣтописей, Остраница замученъ тяжкой мучительной казнью въ Варшавѣ. Изъ актовыхъ же данныхъ мы, наоборотъ, знаемъ, что Остраница ушелъ со многими козаками на Донъ и тамъ поселился въ Чугуевѣ. Гоголь также представляетъ Остраницу живымъ и возвратившимся въ 1645 г. на родину; здѣсь онъ старается скрываться, чтобы не быть схваченнымъ поляками и выражаетъ намѣреніе бросить боевую жизнь запорожца, жениться на

любимой дѣвушкѣ и зажить спокойно. Имѣлъ-ли Гоголь въ рукахъ акты, говорившіе о существованіи Остраницы въ 1640-хъ годахъ или это ясновидѣніе художника въ прошедшемъ, потерявшаго вѣру въ противорѣчивыя лѣтописи? Во всякомъ случаѣ, въ отрывкѣ судьба Остраницы изображена ближе къ истинѣ, чѣмъ въ лѣтописяхъ. Даже самое возвращеніе его на родину могло быть возможно съ тѣми козаками, которые ушли съ Дона обратно на Днѣпръ, о чемъ свидѣтельствуютъ тогдашніе акты. Небольшая лишь ошибка у поэта въ опредѣленіи времени. Въ этомъ отрывкѣ романа есть еще другая очень замѣчательная подробность, именно: Гоголь заставляетъ Остраницу возвратиться на родину въ самый первый день Пасхи и быть свидѣтелемъ, какъ евреи-арендаторы собираютъ налогъ за освященіе пасокъ въ церкви и какъ при этомъ начальники жолнеровъ жестоко обижаютъ женщинъ и бьютъ столѣтнихъ старцевъ. Читая описаніе этихъ фактовъ у Гоголя, можно подумать, что онъ пользовался извѣстнымъ универсаломъ самого Остраницы, въ которомъ описываются имъ перенесенныя отъ поляковъ и евреевъ насилія и, между прочимъ, причиненіе Остерскимъ подстаростой Гердовскимъ мучительнаго наказанія отцу Остраницы только не на Пасху, а въ 1-й день Рождественскихъ святокъ. Эти подробности отрывка романа невольно возбуждаютъ вопросъ, не были-ли извѣстны Гоголю новые матеріалы, касающіеся Остраницы, или, по крайней мѣрѣ, универсалъ этого послѣдняго, появившійся въ свѣтъ уже послѣ смерти Гоголя, въ половинѣ 50-хъ годовъ.

Въ главѣ изъ историческаго романа „Гетманъ“, напечатанной при жизни Гоголя въ 1-мъ изданіи „Арабесокъ“, представлено смутное время, послѣдовавшее въ Украинѣ за смертью Богдана Хмельницкаго; поэтъ изображаетъ въ этомъ отрывкѣ затрудненія въ пути посла, отправленнаго изъ Варшавы королемъ Яномъ-Казиміромъ къ Миргородскому полковнику Глечику. Такъ какъ сношенія польскаго правительства

съ видными дѣятелями Лѣвобережной Украины начались только въ это время, то, я думаю, мы въ-правѣ относить этотъ отрывокъ къ гетманству Выговскаго, т. е. до 1659 года; Миргородскимъ полковникомъ былъ тогда не Глечикъ (это—имя, вымышленное поэтомъ), а Лѣницкій; имя же польскаго посла Ланчинскаго—дѣйствительное: оно взято Гоголемъ лишь изъ болѣе поздняго времени: Ланчинскій былъ посломъ отъ Подольскаго воеводства къ воеводамъ Шереметеву и Ромодановскому въ 1706 г.[1]).

Что касается отрывкаа романа „Плѣнникъ", то онъ, вопреки утвержденію біографовъ Гоголя, долженъ быть признанъ остаткомъ несохранившагося романа съ совершенно отдѣльнымъ сюжетомъ[2]). „Плѣнникъ" ничего общаго въ своемъ содержаніи не имѣетъ съ отрывкомъ романа „Гетманъ". Въ „Гетманѣ" изображался, какъ мы сказали, Выговскій и отношенія его и сочувствовавшей ему партіи козацкой старшины къ польскому королю Яну-Казиміру въ 1658—59 годахъ; въ „Плѣнникѣ" авторъ самъ относитъ описываемое событіе къ 1543 году: судя по уцѣлѣвшему содержанію, сюжетомъ этого романа должна быть борьба козачества съ Польшей, пораженіе козачества и взятіе въ плѣнъ его вождя, съ которымъ, обремененнымъ непосильной ношей и съ закованной въ клѣтку головой, жолнеры являются на ночлегъ въ тихій православный монастырь близъ маленькаго городка Лукомья (Лубенскаго уѣзда):

[1]) Арх. Ю.-З. Руси, ч. III. т. 2, стр. 696.

[2]) Этотъ отрывокъ („Плѣнникъ") при жизни Гоголя не былъ напечатанъ и внесенъ уже въ посмертныя изданія сочиненій Гоголя; а первый отрывокъ романа „Гетманъ" напечатанъ самимъ Гоголемъ въ альманахѣ: „Сѣверные Цвѣты" 1831 г.; почему Гоголь, перепечатывая отрывки „Гетмана", говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи",—теперь рѣшить трудно; можно, пожалуй, предполагать, что примѣчаніе оставлено по недосмотру, такъ какъ или двѣ главы слиты здѣсь авторомъ въ одинъ общій отрывокъ, или напечатана только одна глава, а вторая не была дана. Не могъ же разумѣть тогда Гоголь подъ второй главой отрывокъ „Плѣнника", такъ какъ онъ не былъ особо ни напечатанъ, ни перепечатанъ въ общемъ „собраніи" своихъ произведеній самимъ авторомъ.

врываются туда силой, оскорбляютъ иноковъ и бросаютъ въ подземелье обезсилѣвшаго плѣнника; личность плѣнника не выясняется совершенно изъ этого отрывка. Дата событія не позволяетъ видѣть въ немъ Остраницу, дѣйствовавшаго въ 1638 году.

Второй главой отрывка романа „Гетманъ“ мы болѣе склонны считать не „Плѣнника“, а небольшой безвѣстный отрывокъ, изображающій ставку козацкаго полковника; [1]) передъ ставкой стоитъ сторожевой козакъ, не допускающій молодого человѣка въ кунтушѣ проникнуть къ полковнику; въ ставку входятъ въ это время есаулъ и писарь; съ ними проникаетъ къ полковнику и юноша; въ отрывкѣ этомъ описывается боевая жизнь козачества, а изображенное въ ней время и обстоятельство скорѣе должны напоминать эпоху „Гетмана“, чѣмъ „Плѣнника“. Быть можетъ, эту главу и разумѣлъ Гоголь, говоря о двухъ напечатанныхъ отрывкахъ „Гетмана“.

Въ первомъ отрывкѣ „Гетмана“ изображенъ простой бытъ козацкаго полковника въ своемъ домѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ обыкновеннаго крестьянскаго; вооруженный, что было въ обычаѣ того времени у козаковъ, онъ погоняетъ своихъ воловъ, возвращаясь съ навьюченнымъ возомъ съ ярмарки: дома онъ также обходится безъ прислуги, дѣлая все самъ для себя и семьи. Въ другомъ отрывкѣ полковникъ изображенъ въ лагерѣ, въ военное время; какъ военачальникъ онъ строгъ; какъ человѣкъ, ведетъ себя просто и самъ чинитъ свое сѣдло. Такая характеристика козацкихъ полковниковъ въ половинѣ XVII в. совершенно соотвѣтствуетъ тому времени, когда „дуки-срибленники“ до времени Хмельницкаго должны были уступить свое мѣсто „козакамъ-нетягамъ“, выдвинутымъ войнами Хмельницкаго и не успѣвшимъ еще выдѣлиться изъ народной массы и стать въ ряды малорусской аристократіи.

---

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, изд. X-е, редактированное Н. Тихонравовымъ, Спб 1889, т. V, стр. 99 и 100.

Цѣльныя повѣсти Гоголя, изображающія козачество: „Вій", „Пропавшая грамота", „Страшная месть" и „Тарасъ Бульба", рисуютъ, съ одной стороны, внутренній бытъ Малороссійскаго козачества Лѣвобережной Украины, съ его вѣрованіями и преданіями, съ другой,—бытъ Запорожья, его походы и войны.

Какъ мы сказали уже выше, эти произведенія не могутъ быть названы строго историческими повѣстями, и самъ творецъ никогда не считалъ ихъ таковыми, а просто называлъ повѣстями и былями. Дѣйствительно, они не могутъ быть пріурочены къ какому-либо опредѣленному времени; дѣйствующія въ нихъ лица не историческія, а типы той или другой эпохи; поэтому перечисленныя повѣсти имѣютъ лишь историко-этнографическое значеніе.

Мы не будемъ касаться религіозныхъ воззрѣній и вѣры Малорусскаго народа въ духовъ, демонологіи его, а извлечемъ лишь тѣ черты, которыя воскрешаютъ предъ нами жизнь Малороссійскаго вообще, и Запорожскаго въ частности козачества, при чемъ воспользуемся и тѣми отрывками, которые имѣютъ болѣе историческій характеръ и разсмотрѣны нами выше съ исторической точки зрѣнія.

Характеристика Гоголемъ козачества и изображеніе имъ жизни Малороссіи прошлыхъ вѣковъ вытекали и всецѣло обусловливались основнымъ взглядомъ поэта на ту историческую роль, которую козачество призвано было выполнить на исторической аренѣ и которую оно, дѣйствительно, выполнило съ великою честью. Герои Гоголевскихъ повѣстей часто выражаютъ ясно свой взглядъ на эту роль. Данило Бурульбашъ говорилъ о себѣ: „Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну". Тотъ же взглядъ выражаетъ и Тарасъ Бульба: „теперь благослови, мать, дѣтей своихъ: моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то— пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ".

Гуляютъ-ли козаки, они пьютъ „за вѣру“, „за Сѣчь“, „за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ“! Умирающіе на войнѣ козаки, при послѣднемъ вздохѣ своемъ, заботятся только о родинѣ: „Пусть же станетъ на вѣчныя времена православная Русская земля и будетъ ей вѣчная честь!“. Гоголь весь былъ ироникнутъ благоговѣніемъ предъ идеаломъ козачества, и это благоговѣніе онъ вынесъ изъ изученія его исторіи по лѣтописямъ, народнымъ пѣснямъ и тѣмъ немногимъ историческимъ документамъ, какіе были въ ту пору доступны для историка.

Въ изображеніи жизни и характеристикѣ козачества Гоголь никогда не смѣшивалъ двухъ составныхъ его частей: Малорусскаго козачества вообще, разселившагося въ городахъ и селахъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и Запорожскаго въ частности, жившаго общей военной жизнью въ своей, защищаемой одной храбростью, крѣпости-Сѣчи. Трудящійся заботливый хозяинъ-козакъ, когда живетъ въ своемъ хуторѣ, является у него и добрымъ, хотя часто грубымъ, мужемъ и нѣжно любящимъ отцомъ, ни на минуту не забывающимъ ни цѣли своей жизни—борьбы за вѣру и родину съ врагами ея, ни своего долга внушить сыну тѣже понятія о своемъ назначеніи. Жена Данила въ „Страшной мести“ обращается къ мужу съ такими словами: „погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по козацки?“ Но образцомъ заботливаго отца является Бульба: онъ отдаетъ своихъ сыновей въ школу, заботится объ ихъ успѣхахъ и грозитъ Остапу, что онъ „не увидитъ Запорожья во вѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ“ (вспомнимъ ученье Сагайдачнаго, Хмельницкаго). Когда же сыновья окончили академію, Бульба самъ ведетъ ихъ въ Запорожье, хлопочетъ о томъ,чтобы они прошли военную школу на практикѣ, создаетъ даже для этого поводъ къ войнѣ противъ

Польши и Турціи, самъ убиваетъ родного сына за измѣну и жестоко мститъ за казненнаго въ Варшавѣ. Въ этомъ изображеніи домовитости козаковъ и личныхъ высокихъ качествъ семьянина нѣтъ ни одной черты, которая не могла бы быть подтверждена или документами, или лѣтописями, или народными пѣснями.

Точно также вѣрно представлена и домашняя обстановка козаковъ: описаніе ихъ жилищъ, внутренняго устройства и убранства, пищи, одежды, вооруженія, хозяйства—все это можетъ быть провѣрено по люстраціоннымъ актамъ, документамъ юридическимъ и запискамъ современниковъ.

Чтобы не быть голословными, приведемъ изъ люстраціи 1545 г. описаніе жилища князя Романа Сангушка, великаго Литовскаго гетмана, старосты Житомірскаго, воеводы Брацлавскаго, въ селѣ Черногородкѣ (теперь Городокъ, Луцкаго уѣзда). „Во первыхъ, когда войдешь во дворъ, то на лѣвой сторонѣ находится свѣтличка съ сѣнями; въ ней печь простая, окна заклеены бумагой; за этой свѣтличкою кухня; подлѣ этой кухни другая свѣтличка, въ которой печка простая, окна заклеены бумагой; напротивъ этой свѣтлички кладовая, въ которую ходъ изъ сѣней; подлѣ этой кладовой—клѣть для храненія имущества; подлѣ клѣти черная изба съ сѣнями; подлѣ избы—двѣ конюшни подъ одною кровлею. Всѣ исчисленныя строенія покрыты дранью“.[1]) Въ описаніяхъ другихъ свѣтлицъ этого князя упоминаются лавки (услоны) вокругъ стѣнъ и столы. Вспомнимъ малый и низкій замокъ князя Константина Острожскаго въ г. Острогѣ, сохранившійся до сихъ поръ: лучшій въ городѣ для своего времени и вполнѣ удовлетворявшій своего могущественнаго и богатаго владѣльца, онъ сооруженъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. Въ концѣ этого вѣка

[1]) Памятники, изд. Кіев. Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1852 г., т. III отд. 2-й, стр. 17 и 18.

обстановка состоятельныхъ людей улучшилась немногимъ; вотъ напр., описаніе панскаго двора вблизи Кіева: „въ селѣ Демидовѣ дворъ польскаго полковника Станислава Лозинскаго, а на томъ дворѣ строенія: свѣтлица съ двумя комнатами; въ свѣтлицѣ пекарня съ комнатами; на дворѣ амбаръ большой да погребъ съ выходомъ; за дворомъ баня съ прибанникомъ, конюшня, въ забору винокурня, а въ той винокурнѣ солодовня и овинъ со всякимъ заводомъ, а дворъ огороженъ заборомъ, а на томъ дворѣ живетъ староста.... въ томъ же селѣ жителей 19 человѣкъ.... въ селѣ Демидовѣ церковь деревянная во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, а въ той церкви попъ Алексѣй Ивановъ да дьяконъ“ [1]). Это описаніе с. Демидова составлено 28 іюля 1686 года по распоряженію Кіевскаго воеводы послѣ присоединенія Кіева къ Россіи и при обозначеніи русской и польской границы.

Для знакомства съ домашней обстановкой козаковъ укажемъ на духовное завѣщаніе („духовницу“) козака Тишка Волевача, отъ 8 августа 1600 года; раздѣливъ свои обширныя земельныя владѣнія и табуны коней между сыновьями, онъ распредѣляетъ и движимое имущество: „петдесятъ дежокъ меду—тотридцать женѣ моей изъ синомъ малимъ (Іванцемъ), а по десетъ большимъ: Антону и Андрею; янчарокъ добрих подъ сребромъ по две, а по пет ручницъ куждему сину; одежою и сребними чарками ровне меютъ поделити; невесткамъ моимъ Вотце... и Гапце по ярмаку хвалендиповом изъ злоцѣстими потреби и по едамашко(вому), да по злоцѣстому поесу, единой изъ червоними, а другой изъ зеленими..... [2]) Въ 1650 году другой запорожскій козакъ Иванъ Водяникъ жалуется о захватѣ у него въ г. Вильскѣ старостой, боярами, слугами и мѣщанами, подъ

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. VII, т. 1-й, стр. 521 и 522.
[2]) Чтенія въ Ист. Общ Нестора-лѣт кн., VIII, отд. III, стр. 14.

предлогомъ неплатежа „мимоходщины", лошадей, рогатаго скота, суконныхъ одеждъ (сукни), денегъ и другихъ вещей [1]).

Описывая Сѣчь, занятія козаковъ въ мирное время, ихъ общественный строй, обычаи на войнѣ, Гоголь также строго и близко держится названныхъ нами источниковъ, о которыхъ мы скажемъ обстоятельнѣе ниже. Поэтому представлять подробно изображеніе хуторной и сѣчевой жизни козаковъ мы полагаемъ излишнимъ: кто же въ наше время не читалъ „Страшной мести", „Тараса Бульбы", и другихъ Гоголевскихъ произведеній, живо воскрешающихъ эту жизнь? Мы хотѣли лишь указать, что изображеніе козацкой жизни исторически вѣрно у Гоголя, и онъ съ полнымъ правомъ говоритъ объ этомъ въ одномъ мѣстѣ своей повѣсти „Тарасъ Бульба", котораго „свѣтлица была убрана во вкусѣ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ да въ народныхъ думахъ, уже не поющихся болѣе на Украинѣ бородатыми старцами-слѣпцами въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа,—во вкусѣ того браннаго, труднаго времени, когда начали разыгрываться схватки и битвы на Украинѣ за унію". Повтореніе нами этого описанія, какъ предмета всѣмъ и каждому давно и хорошо извѣстнаго, утомило бы только вниманіе читателей.

Но, изображая вѣрно и согласно съ имѣвшимися у него источниками мирную и боевую жизнь козачества, Гоголь не избѣжалъ и ошибокъ; одна изъ нихъ видна въ представленіи имъ условій отдачи въ аренду и на откупъ церквей и церковныхъ доходовъ за требы. Въ 1-й главѣ „Неоконченной повѣсти", въ которой представлена имъ характеристика гетмана Остраницы, Гоголь говоритъ: „это постановленіе правительства (объ арендѣ церквей) было уже объявлено; народъ съ ропотомъ, но покорился силѣ". Слѣдовательно, Гоголь представлялъ себѣ

[1]) Ibi d., стр. 21.

аренду церквей совершавшеюся такимъ же образомъ, какъ совершалась откупная питейная аренда, откупъ, въ его время, т. е. посредствомъ торговъ. Но это крупное недоразумѣніе, которое несомнѣнно передается и современнымъ читателямъ Гоголя. Между тѣмъ дѣло обстояло далеко иначе. Постановленія объ отдачѣ на откупъ церквей польское правительство никогда не дѣлало и не могло дѣлать по той простой причинѣ, что церкви и монастыри разсматривались, по польскому и русскому праву, какъ частная собственность, въ право пользованія которою казна не имѣла основанія вмѣшиваться. Церковь считалась собственностью или того лица или того сословія, которое воздвигало ее. Мы имѣемъ немало актовыхъ свидѣтельствъ продажи церквей и монастырей частными лицами и передачи ихъ по завѣщанію. При отдачѣ въ аренду имѣнія владѣльцемъ, и церковь переходила въ арендное владѣніе; но въ XVII и XVIII вв. евреи никогда не были арендаторами имѣній, а только доходныхъ статей въ имѣніи (мельницы, корчмы, плотины, става, рыбной ловли и проч.), къ числу которыхъ никогда не принадлежала церковь. И до сихъ поръ не найдено ни одного документальнаго доказательства аренды церкви евреемъ. Правда, существуетъ единственная арендная запись на имѣніе Слущъ-Черборскій, въ Холмскомъ повѣтѣ, выданная паномъ Якубомъ Лысаковскимъ пану Якубу Миклашевскому и еврею Песаху, отъ 1-го января 1596 года, „съ церквами и подаванемъ ихъ“, т. е. съ правомъ лишь патроната надъ церковью; [1]) но что въ арендѣ села Слущъ-Черборскаго принадлежало п. Миклашевскому (христіанину) и что еврею Песаху, рѣшить нѣтъ данныхъ; если же еврею и принадлежало право патроната, что весьма сомнительно, то оно ограничивалось участіемъ въ этомъ правѣ Миклашевскаго. Во всякомъ случаѣ, въ настоящемъ договорѣ рѣчь

[1]) Памятники Кіев. коммисіи для разбора древнихъ актовъ, изд. 2-е. Кіевъ, 1898 г. т. I, стр. 166 и слѣд.

идетъ лишь о передачѣ владѣльцемъ права патроната надъ церковью арендаторамъ, а не объ арендѣ церковныхъ доходовъ. Объ арендѣ послѣднихъ говорится лишь въ козацкихъ лѣтописяхъ да въ одной изъ народныхъ думъ, которымъ, какъ историческому источнику, Гоголь отдавалъ всегда предпочтеніе. Но, откуда заимствованъ этотъ фактъ лѣтописцами и составителемъ думъ—народомъ, намъ неизвѣстно. Очень возможно, что когда-то и гдѣ-нибудь подобный фактъ церковной аренды имѣлъ мѣсто; онъ на столько тогда поразилъ умы современниковъ, что они распространили молву о немъ по всей Украинѣ, воспользовались имъ, какъ наиболѣе сильнымъ и возбуждающимъ страсти средствомъ противъ обѣихъ національностей, и занесли этотъ фактъ въ лѣтописи: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распространился и въ народѣ, перенесшемъ его въ свои думы.

Съ полнымъ безпристрастіемъ рисуетъ Гоголь разбойническій характеръ козачества въ военное время, о чемъ онъ упоминаетъ и въ своемъ „Взглядѣ на составленіе Малороссіи“, объясняя этотъ характеръ условіями тогдашней непрерывной кровавой борьбы съ сосѣдями: „Дымомъ всталъ бы нынѣ волосъ, говоритъ онъ, отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы“. . . . . „пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. . . . . скирды неубраннаго хлѣба сжигались, а на нивы, еще не тронутыя серпомъ, выпускались табуны коней“. Эти свирѣпства тѣмъ ужаснѣе, что они падали на голову беззащитныхъ православныхъ же поселянъ и горожанъ, изъ среды которыхъ выходили и сами запорожцы. Еще большія жестокости постигали польскую шляхту, католическое духовенство и евреевъ. Картинами такихъ ужасовъ особенно богаты лѣтописи эпохи Хмельницкаго.

Изображая свѣтлыя стороны козачества и не закрывая глазъ отъ его печальныхъ, темныхъ сторонъ, Гоголь еще въ „Страшной мести“ отмѣчаетъ происшедшій въ козачествѣ

расколъ, когда многіе вліятельные и богатые козаки стали тянуть въ сторону Польши. „Порядку нѣтъ въ Украинѣ; полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою; нѣтъ старшей головы надъ всѣми. Шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство . . . . продало душу, принявши унію.“ Тоже повторяетъ онъ и въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу это было не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь козаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ Варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ“.

Такимъ образомъ, Гоголь, представляя точно духъ козачества, важнѣйшія стороны его жизни, отмѣтилъ и важнѣйшія эпохи въ ней; но мы напрасно искали бы въ его произведеніяхъ буквальной исторической точности. Гоголь рѣшительно избѣгалъ ея и тѣмъ сдѣлалъ свои произведенія не старѣющими. Онъ писалъ въ то время, когда точная исторія козачества была еще невозможна: собираніе актоваго матеріала, не говоря объ изученіи его, только что начиналось; Гоголь не могъ согласить противорѣчивыхъ лѣтописей, уклонялся поэтому отъ характеристикъ и именъ историческихъ дѣятелей и не дѣлалъ никогда точнаго опредѣленія времени и мѣста изображаемыхъ событій. Пользуясь народными пѣснями, онъ отражаетъ вполнѣ ихъ вліяніе на своихъ произведеніяхъ: послѣднія, какъ и пѣсни, неточны; какъ и пѣсни, они изображаютъ лишь духъ и характеръ своихъ героевъ: какъ и пѣсни, они проникнуты горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ вѣчно свѣжимъ и живымъ, глубоко проникающимъ въ сердце читателя. Не лицъ и событія представляетъ изъ исторіи Малороссіи Гоголь, а воспѣваетъ козацкую славу: „не погибнетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ

малая порошинка съ ружейнаго дула, козацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ еще полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ (козаковъ) свое густое, могучее слово." Это густое, могучее слово и сказалъ лучше другихъ самъ Гоголь; онъ истинный бандуристъ, поющій съ горячей любовью о подвигахъ козачества; „и", скажемъ словами народной думы, „вже ёго слава", благодаря произведеніямъ Гоголя, „не вмре, не поляже: буде слава помижъ царями, помижъ панами, помижъ православными хрестіянами .... отъ ныни до вика!"

V.

Гдѣ же черпалъ Гоголь это истинное и глубокое пониманіе прошлой жизни своего народа, какими источниками пользовался онъ для своихъ художественныхъ произведеній историко-этнографическаго характера?—Отвѣтъ на это самъ поэтъ даетъ въ своемъ опредѣленіи значенія малороссійскихъ пѣсенъ, какъ историческаго матеріала: „Пѣсни для Малороссіи, говоритъ онъ,—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникалъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи". Гоголь считаетъ малороссійскія пѣсни вполнѣ историческими, потому что онѣ, по его мнѣнію, „не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ, вездѣ въ нихъ дышетъ эта широкая воля козацкой жизни". Конечно, Гоголь не могъ не признавать и онъ признаетъ, что „историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи: въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему". Но нельзя не согласиться съ поэтомъ, что пѣсни вполнѣ сохраняютъ въ себѣ „духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго." Дѣй-

ствительно, „исторія народа разоблачается въ пѣсняхъ въ ясномъ величіи.“ Въ родныхъ пѣсняхъ Гоголь слышитъ музыку грусти, „невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень, ибо, заключаетъ Гоголь, „такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее унія.“ Высоко цѣня народныя пѣсни, какъ историческій матеріалъ, собирая и изучая пѣсни, Гоголь ведетъ переписку о нихъ съ Максимовичемъ, который, въ свою очередь, придавалъ важное научное значеніе пѣснямъ, изслѣдовалъ и издавалъ ихъ въ свѣтъ. Извлекая изъ пѣсенъ характерныя черты для обрисовки быта козачества, Гоголь находилъ возможность изъ каждой взять что-нибудь для своей цѣли, не заботясь объ ихъ сортировкѣ. Для Максимовича же, какъ издателя пѣсенъ, вопросъ о сортировкѣ былъ главнымъ, и онъ устанавливаетъ разряды для болѣе правильнаго дѣленія и изученія ихъ. Гоголь въ томъ, то касается дѣленія пѣсенъ на разряды, дѣлаетъ совершенно основательное возраженіе Максимовичу, различавшему три рода ихъ: гулливыя, козацкія и любовныя. „Развѣ, [1]) пишетъ онъ, козацкія не гулливыя и гулливыя не всѣ-ли козацкія? . . . . Развѣ нѣтъ такихъ пѣсенъ, у которыхъ одна половина любовная, а другая гулливая?“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь предлагаетъ, собственное дѣленіе: „мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ—обрядовыя. Много если на три разряда: 1-й—историческія, 2-й—всѣ, выражающія различныя оттѣнки народнаго духа, и 3-й—обрядныя. Впрочемъ, какъ бы то ни было, выражается онъ въ утѣшеніе Максимовича, раздѣленіе вещь послѣдняя.“ [2]) Хотя дѣленіе пѣсенъ у Гоголя

[1]) Письмо отъ 26 марта 1834 г. (Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу).
[2]) Ibid.

и болѣе опредѣленно, чѣмъ у Максимовича, все-таки оно грѣшитъ еще туманностью.

Отсюда мы видимъ, что Гоголь гораздо выше ставилъ значеніе пѣсенъ, какъ историческаго матеріала, чѣмъ значеніе лѣтописей, и въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября 1833 г. онъ пишетъ: „что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими живыми лѣтописями“! [1]) Болѣе опредѣленное мнѣніе Гоголя о лѣтописяхъ мы находимъ въ письмахъ его къ И. И. Срезневскому; такъ, напр., 6 марта 1834 г. онъ пишетъ послѣднему; „я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ бы отыскать [2]). Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями“. Гоголь сомнѣвается даже, можно-ли называть лѣтописями „не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступала мѣсто забвенію“. По его мнѣнію, „эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда лошади уже были украдены“; онъ считаетъ ихъ пустыми и безцвѣтными; „вмѣсто того, чтобы дослушиваться къ умирающему голосу послѣднихъ воспоминаній, они (лѣтописцы) обезьянски переписывали другъ у друга вырванные листки не происшествій, а развѣ оглавленія происшествій“ [3]). Съ мнѣніемъ Гоголя о малороссійскихъ лѣтописяхъ нельзя не согласиться; они, дѣйствительно, или противорѣчивы или повторяютъ другъ друга; установить ихъ большую или меньшую достовѣрность въ цѣломъ или частяхъ Гоголю трудно было, не имѣя опоры для своей исторической критики въ актовыхъ данныхъ; его преподавательская дѣятельность и художественное творчество не оставляли ему времени для анализа достовѣрности лѣтописей, анализа, котораго мы

[1]) Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу, отд. оттискъ, стр. 26.
[2]) Рус. Старина 1892 г., № 3.
[3]) Ibid.

не имѣемъ и до сихъ поръ для всѣхъ лѣтописей. Болѣе обстоятельно Гоголь высказывается въ письмахъ къ Срезневскому только объ „Исторіи Руссовъ“ Конискаго, котораго онъ считаетъ историкомъ „съ рѣзкою физіономіей, съ характеромъ, который выхватилъ хоть горсть преданій и зналъ, о чемъ онъ пишетъ.“ Этотъ отзывъ о Конискомъ вполнѣ справедливъ. Когда же Срезневскій въ отвѣтномъ письмѣ замѣтилъ, кажется (письмо Срезневскаго не напечатано), о ложности многихъ фактовъ у Конискаго, то Гоголь замѣчаетъ ему: „Конискому я также, какъ и Вы, во многомъ не вѣрю; но я говорилъ совсѣмъ не касательно достоинства лѣтописца. Всѣ происшествія со времени Петра записаны. Справедливость многихъ я узналъ, нашедши доказательства въ здѣшнемъ архивѣ.“ И дѣйствительно, въ своемъ письмѣ Гоголь говоритъ лишь о рѣзкой физіономіи, о характерѣ историка, который зналъ, о чемъ онъ пишетъ, а не о точности и достовѣрности его исторіи. Срезневскій не вчитался и не понялъ письма Гоголя. Поэтому-то послѣдній въ слѣдующемъ письмѣ поясняетъ, что онъ, въ свою очередь, мало вѣритъ Конискому въ изложеніи имъ древнѣйшаго періода исторіи Малороссіи, но заявляетъ, что малорусскія событія послѣ-петровскаго періода всѣ подтверждаются архивными данными и потому заслуживаютъ довѣрія. И это мнѣніе Гоголя также теперь принято всѣми историками. Еще менѣе эту переписку Гоголя со Срезневскимъ понялъ новѣйшій біографъ нашего поэта г. Шенрокъ, старающійся при всякомъ удобномъ случаѣ подорвать значеніе Гоголя, какъ историка; онъ говоритъ по поводу отзыва поэта о Конискомъ: „Гоголь не могъ не сознавать своей научной некомпетентности и потому также быстро спѣшитъ признать болѣе справедливымъ мнѣніе своего авторитетнаго корреспондента о Конискомъ.“ Все въ этихъ словахъ г. Шенрокъ неосновательно. Срезневскій, мало вѣря достовѣрности Конискаго, тѣмъ не менѣе пользовался его „Исторіей Руссовъ“ безъ критики и повторилъ всѣ его ошибки и вымыслы въ

своей „Запорожской Старинѣ". Но Гоголь, вѣрно понявъ Конискаго, нигдѣ не пользуется сообщаемыми имъ историческими фактами, а усваиваетъ себѣ лишь ту „рѣзкую физіономію," тотъ „характеръ," которымъ проникнута „Исторія Руссовъ;" и Гоголь, подобно Конискому, „зналъ, о чемъ онъ пишетъ." Оба они стараются въ яркой картинѣ представить страданія своей горячо любимой родины; эти страданія, „невыносимый вопль," поэтъ чувствуетъ въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ и свою скорбь о судьбѣ Малороссіи выражаетъ въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября 1833 г.: „теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украины".

Приведенные нами выше историографическіе взгляды Гоголя достаточно ясно объясняютъ, почему онъ отдавалъ предпочтеніе пѣснямъ предъ лѣтописями, противорѣчивыми и сухими. Изъ пѣсенъ, думъ и народныхъ преданій онъ заимствуетъ факты, характеризующіе духъ народа, а изъ лѣтописей черты, обрисовывающіе военный бытъ Запорожья.

Какими же именно народными думами и преданіями, какими писанными лѣтописями пользовался Гоголь для своихъ произведеній?

Мы выше уже указали на то, что первые юношескіе историческіе романы и повѣсти поэта основаны, главнымъ образомъ, на лѣтописяхъ; эти произведенія подверглись опалѣ впослѣдствіи, когда Гоголь извѣрился въ лѣтописяхъ, какъ незыблемомъ источникѣ для исторіи, и были безжалостно сожжены самимъ авторомъ, оставившимъ лишь небольшіе отрывки ихъ, которые казались ему лучшими: только болѣе позднія произведенія изъ прошлаго Малороссіи, основаны на малорусскихъ повѣрьяхъ, преданіяхъ, думахъ и пѣсняхъ. Отчасти эти основанія уже указаны въ изслѣдованіяхъ г.г. Тихонравова, Шенрока и Петрова, и намъ слѣдуетъ дополнить работу нашихъ предшественниковъ разбо-

ромъ лишь тѣхъ мѣстъ въ повѣстяхъ Гоголя, которыя остались неопредѣленными ими. Въ этихъ произведеніяхъ изображаются, съ одной стороны, повѣрья козаковъ и ихъ домашняя обстановка; съ другой, разсѣяны черты, по которымъ можетъ быть опредѣленъ историческій моментъ изображаемаго поэтомъ событія. Такъ, напр., въ „Віи“ обрисована Гоголемъ школьная жизнь воспитанниковъ Кіевской академіи и домашняя обстановка сотника, являющагося богатымъ и вліятельнымъ землевладѣльцемъ и начальникомъ, окруженнымъ многочисленной дворпей, какими сотники становятся только въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.в.

Въ „Пропавшей грамотѣ“ историко-этнографическія черты выражаются въ сопоставленіи рядомъ двухъ козацкихъ типовъ: малорусскаго и запорожскаго, и изъ этого сопоставленія кратко, но ярко выясняется все сходство и различіе этихъ типовъ къ первой половинѣ XVIII в., къ которому должна быть отнесена эта быль по факту сношенія гетмана (конечно, Разумовскаго) съ царицей (т. е. съ императрицей Елисаветой). Сопоставленіе даетъ также поводъ Гоголю выразить тѣ высокія чувства, которыя волновали его душу при изображеніи прошлаго быта козачества: „Нѣтъ, прошло времячко—не увидать больше запорожцевъ!“ какъ бы мимоходомъ, съ грустью восклицаетъ поэтъ.

Въ „Ночи предъ Рождествомъ“ представленъ, между прочимъ, пріемъ императрицей Екатериной II, въ присутствіи князя Потемкина, запорожцевъ, не требующихъ, а смиренно умоляющихъ уже о сохраненіи за ними ихъ вольностей (земель), что, какъ извѣстно, имѣло мѣсто въ 1765—1767 годахъ.

Въ „Страшной мести“ изображена общая картина, хотя лишь въ наброскѣ, повседневной борьбы съ польскими отрядами, нападающими на козацкіе хутора; эта картина, безъ пріуроченія къ опредѣленному мѣсту и времени, нарисована авто-

ромъ и по народнымъ пѣснямъ, изображающимъ столкновенія козаковъ съ жолнерами, и по малорусскимъ лѣтописямъ, богатымъ фактами изъ боевой жизни.

Герой повѣсти Данило Бурульбашъ, полковникъ или сотникъ козацкій (поэтъ не опредѣляетъ), напоминаетъ намъ черты характера гетмановъ Петра Сагайдачнаго и Ивана Сулимы, разорившаго крѣпость Кодакъ въ 1635 году; дѣйствующія лица повѣсти прямо говорятъ или словами народныхъ пѣсенъ или пѣсеннымъ размѣромъ. Что касается до подробностей борьбы козаковъ съ жолнерами, то онѣ описаны поэтомъ чрезвычайно вѣрно; древнія актовыя книги по Юго-Западному краю даютъ огромную массу документовъ, содержащихъ въ себѣ картины подобныхъ столкновеній козаковъ съ жолнерами; нѣсколько такихъ документовъ помѣщены нами въ приложеніи къ „Очерку гетманства Петра Сагайдачнаго“[1]).—„Страшная месть“, по мѣткому замѣчанію Бѣлинскаго, составляетъ теперь pendant къ „Тарасу Бульбѣ“. Дѣйствительно, въ этой повѣсти поэтъ представляетъ обыденную жизнь малорусскаго козачества, жившаго въ городахъ, и совершенно не касается Запорожья, воскрешенію котораго посвященъ „Тарасъ Бульба“.

Въ „Страшной мести“, между прочимъ, отмѣченъ поэтомъ практиковавшійся тогда способъ сообщенія старшинами своихъ распоряженій подчиненнымъ имъ козакамъ—въ фактѣ писанія паномъ Даниломъ Бурульбашемъ „листовъ“ (универсаловъ) къ своимъ козакамъ; о писаніи „листовъ“ говорятъ и думы и лѣтописи (листы Сагайдачнаго, Остраницы, Хмельницкаго и друг. гетмановъ первой половины XVII в.): многіе изъ этихъ листовъ сохранились до сихъ поръ и въ недавнее время изданы въ свѣтъ; этими же листами козаки созывались и на войну.

---

[1]) Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт. кн., XV, вып. III. №№ VIII, XX и друг.; см. также и Архивъ Ю.-З. Руси. ч. III, т. I.

Съ такой же неопредѣленностью изображены лица и событія въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Самъ герой повѣсти старый козакъ Тарасъ могъ быть очерченъ Гоголемъ по нѣсколькимъ историческимъ малорусскимъ думамъ. Борьба его и сыновей съ поляками и татарами, измѣна одного изъ нихъ и горе стараго отца, по всей вѣроятности, заимствованы Гоголемъ изъ малорусской думы объ отступникѣ Тетеренкѣ: въ этой думѣ молодой сынъ козака Тетери, побывавшій въ плѣну въ Варшавѣ вмѣстѣ съ отцомъ, борется потомъ опять противъ татаръ и поляковъ и, наконецъ, переходитъ на сторону послѣднихъ; горе отца безгранично: но молодой Тетеренко не остается безъ наказанія; его ловитъ запорожецъ Случай, не смотря на то, что польскій отрядъ пытается защитить отступника: Случай перебиваетъ всѣхъ поляковъ, связываетъ Тетеренка и привозитъ въ Сѣчь, гдѣ виновнаго постигаетъ уже казнь [1]). Гоголь, какъ мы знаемъ изъ содержанія его повѣсти, видоизмѣняетъ эту думу: даетъ Бульбѣ двухъ сыновей; одинъ изъ нихъ измѣняетъ, какъ и въ думѣ объ отступникѣ Тетеренкѣ; другой замученъ поляками въ Варшавѣ, и за него-то мститъ горячо любящій его отецъ; этотъ фактъ сближаетъ уже Бульбу съ Хмельницкимъ, у котораго одинъ сынъ былъ засѣченъ на базарѣ Чигиринскимъ подстаростой Даніломъ Чаплицкимъ, а другой убитъ при осадѣ г. Сочавы въ Молдавіи. Здѣсь Хмельницкій, подобно Бульбѣ, выступаетъ мстителемъ за смерть любимаго сына. Другая черта, сближающая Бульбу съ Хмельницкимъ— это размѣры поднятаго имъ противъ Польши возстанія. У Бульбы собралось сто двадцать тысячъ козацкаго войска. „Это уже не была, говоритъ поэтъ, какая-нибудь малая часть или отрядъ, выступившій на добычу или на угонъ за татарами. Нѣтъ, поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа. Такіе размѣры возстаніе, какъ извѣстно, при-

[1]) „Запорожская Старина“. ч. I, кн. 1-я, стр. 42—53.

няло только въ эпоху Хмельницкаго. Хотя Гоголь и называетъ предводителемъ народа Остраницу и его товарища и совѣтника Гуню, а Бульбу понижаетъ до ранга полковника: но это не уменьшаетъ его сходства съ Хмельницкимъ.

„А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ со своимъ полкомъ.... и уже доходилъ до Кракова". Это новая черта приближаетъ также Бульбу ко времени войнъ Хмельницкаго, когда многіе полковники, дѣйствительно, были почти независимыми вождями, каковы, напр., Богунъ, Перебійносъ и др. Черты характера своего главнаго героя поэтъ беретъ, какъ и въ „Страшной мести", изъ пѣсни о Сагайдачномъ, который все время проводитъ на войнѣ, съ презрѣніемъ относится къ домашней жизни, грубо обходится со своей женой и высоко цѣнитъ лишь тютюнъ да люльку, изъ-за которой, и погибаетъ, не желая, чтобы она осталась у его враговъ.—Ко времени Хмельницкаго повѣсть Гоголя можетъ быть пріурочена и по факту неудачной осады козаками г. Дубна, такъ какъ до того времени нѣтъ извѣстій въ лѣтописяхъ объ осадѣ города.—Но почему вниманіе Гоголя было привлечено именно Дубномъ, а не какимъ-либо другимъ городомъ? Намъ кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь предположеніемъ, что Гоголю, кромѣ лѣтописнаго факта, было извѣстно и существующее до сихъ поръ на Волыни преданіе, будто козацкій отрядъ подъ начальствомъ Шолудиваго Боняка напалъ на г. Дубно, долго производилъ страшное вокругъ него разореніе и причинялъ мученія людямъ. Города Бонякъ не успѣлъ однако взять и погибъ во время осады. Подъ Дубномъ до сихъ поръ указываютъ могилу, гдѣ погребенъ Шолудивый Бонякъ [1]). Предводителю этого козацкаго отряда дано народомъ имя половецкаго хана; это обстоятельство заставляетъ думать, что въ преданіи сохраняется память о двухъ осадахъ г. Дубна, изъ коихъ одна относится къ незапамятнымъ временамъ, а другая—къ періоду

[1]) Костомаровъ: Богданъ Хмѣльницкій, т. I, 342.

войнъ Хмельницкаго.—Обѣ эти осады памятны стали народу по тѣмъ жестокостямъ, которыми онѣ сопровождались.

Народное преданіе объ осадѣ г. Дубна въ эпоху Хмельницкаго подтверждается и актовыми данными; въ Дубенской магистратской книгѣ за 1648 г., хранящейся въ Центральномъ архивѣ, мы встрѣтили приговоръ магистратскаго суда надъ крестьяниномъ Ѳедоромъ изъ села Клекотова, который, сдѣлавшись сотникомъ козацкаго отряда, велъ осаду города, разорялъ окрестности и мучилъ людей [1]). Любившій все таинственное и страшное, Гоголь могъ знать это преданіе и воспользоваться имъ для своей повѣсти.

Г.г. Тихонравовъ и Шенрокъ отмѣчаютъ, въ свою очередь, другія мѣста „Тараса Бульбы, которыя онъ могъ заимствовать изъ народныхъ думъ и пѣсенъ; напр., разсказъ о сборѣ охочекомонныхъ козаковъ составляетъ переложеніе въ прозу начальныхъ стиховъ пѣсни о Коновченкѣ по тексту, изданному Лукашевичемъ въ его сборникѣ: „Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни". Плачъ матерей и женъ по козакамъ, убитымъ на войнѣ, представляетъ обработку разныхъ пѣсенъ и въ частности пѣсни „о выходѣ на линію". Прощаніе матери съ сыновьями, отправляющимися на войну, заимствовано также изъ народной пѣсни. Товарищъ Тараса, спасающій послѣдняго отъ смерти въ степи, выражается словами народныхъ пѣсенъ. Козацкая слава изображается на основаніи думы „о походѣ поляковъ". Характеристика Закрутыгубы въ первоначальной редакціи, и Мосія Шила, въ позднѣйшей передѣлкѣ, представляетъ собой пересказъ думы о „Самойлѣ Кишкѣ", также напечатанной въ сборникѣ Лукашевича. Наконецъ г. Шенрокъ распространяетъ на Гоголя вліяніе духовныхъ стиховъ и былинъ. По его мнѣнію, изображеніе Днѣпра представлено поэтомъ подъ

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. 4, стр. 179—184; этотъ томъ въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

вліяніемъ стиха о Голубиной книгѣ, а обращеніе Тараса къ козакамъ въ битвѣ съ вопросомъ, есть-ли порохъ, остры-ли сабли и не утомились-ли руки, представляетъ подражаніе былинѣ о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси, и т. д.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ, что вліяніе на творчество Гоголя было весьма разнообразно, что, кромѣ думъ, въ его произведеніяхъ могли быть заимствованія не изъ однихъ былинъ и духовныхъ стиховъ, но и изъ древлерусскихъ литературныхъ произведеній, какъ „Слово о полку Игоревѣ", подъ вліяніемъ котораго изображенъ поэтомъ исходъ изъ тѣла благородной козацкой души и проч.

Пользуясь историческими малороссійскими народными думами, пѣснями и преданіями, собранными не только имъ самимъ, но и его современниками, о которыхъ мы выше упомянули; считая произведенія народнаго творчества самымъ богатымъ и благодарнымъ матеріаломъ при изображеніи быта и подвиговъ Запорожскихъ козаковъ; отводя имъ первое мѣсто между всѣми другими источниками для исторіи Малороссіи,— Гоголь, когда ему казалось необходимымъ это, заимствовалъ факты или бытовыя черты и изъ малороссійскихъ лѣтописей. Изслѣдователь произведеній Гоголя, покойный проф. Н. С. Тихонравовъ, предполагаетъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ только „Исторію Руссовъ" Конискаго, „Описаніе Украины" Боплана и „Исторію о козакахъ Запорожскихъ" кн. Мышецкаго, хотя допускаетъ, что съ этой послѣдней онъ могъ познакомится по книгѣ Шерера: „Annales de la Petite-Russie" etc., изданной въ Парижѣ въ 1788 году. Нельзя не согласится съ Тихонравовымъ, что лѣтопись Конискаго служила для Гоголя не только источникомъ, изъ котораго онъ изрѣдка лишь бралъ политическіе факты, но и образцомъ: изъ нея поэтъ заимствовалъ ту тенденцію, которой она проникнута,—„любовь къ родинѣ, часто увлекавшую его (автора) за предѣлы строгой справедливости",

какъ отзывается объ этой лѣтописи Пушкинъ [1]). Что же касается до пользованія поэта лѣтописью кн. Мышецкаго, мало тогда распространенною въ рукописи и не появлявшеюся еще въ печати, то это мнѣніе проф. Тихонравова не можетъ быть принято. Еще въ началѣ 1834 г. (6-го марта) Гоголь пишетъ И. И. Срезневскому [2]), что изъ всѣхъ означенныхъ имъ въ своей „Запорожской Старинѣ“ рукописей ему неизвѣстна „Пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти Богдана Хмельницкаго“ (т. II, стр. 10), и проситъ снять съ этой лѣтописи копію для него или сообщить ему, „имѣется ли въ ней что-нибудь новое противъ лѣтописей Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана?“ [3]). При этомъ Гоголь заявляетъ: „я имѣлъ случай многія (лѣтописи) перечесть и, къ сожалѣнію, пропустилъ случай многія переписать“.... „Печатныя есть у меня почти всѣ тѣ, которыми пользовался Бантышъ-Каменскій“, [4]) а въ числѣ ихъ были: „Лѣтописецъ Малыя Россіи“, изданный Ѳ. Туманскимъ; „Краткая лѣтопись Малыя Россіи“, изданная В. Рубановъ; „Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи“ Н. Бантыша-Каменскаго и др. Но разъ въ рукахъ Гоголя былъ Ригельманъ, Рубанъ, Туманскій, Бантышъ-Каменскій,—то „Исторія о Запорожскихъ козакахъ“ кн. Мышецкаго была для него уже не нужна. Всѣ подробности о строѣ козачества, о куреняхъ, о выборѣ кошевого, о судѣ, наказаніяхъ и проч. поэтъ могъ заимствовать у Ригельмана, Рубана и др.: наконецъ, онъ все это могъ взять и изъ народныхъ разсказовъ, потому что при жизни Гоголя запорожскіе порядки хорошо сохранялись въ памяти стариковъ и практиковались еще въ Дунайской сѣчи, какъ ска-

[1]) Сочиненія П. В. Гоголя, изд. X-е, т. I. стр. 654.
[2]) „Русская Старина“ 1892 г., №№ 1—8, стр. 757.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid, стр. 758.

зали мы объ этомъ раньше. Несомнѣнно, у Гоголя былъ обширный историческій и этнографическій матеріалъ, и нельзя не вѣрить ему, что его исторія Малороссіи могла занять шесть томовъ и состоять изъ 80 главъ.—Поэтому, если еще въ 1833 году, когда Гоголь приготовлялъ къ изданію первую редакцію своего „Тараса Бульбы“ въ сокращенной формѣ, у него было большое количество историческаго матеріала и всѣ тѣ данныя, касающіяся внутренняго и военнаго строя Запорожской общины, которыя внесены имъ въ болѣе полную редакцію 1842 г., то естественно думать, что дополненія имъ сдѣланы не потому, что онъ знакомился съ новыми источниками, а вслѣдствіе того, что поэтъ, по напечатаніи въ 1835 г. первоначальной редакціи „Тараса Бульбы“, понялъ, какъ удобно расширить нарисованную имъ картину козацкой жизни и выразить сильнѣе и ярче духъ южно-русскаго рыцарства.—Выше мы также показали, что не одними лѣтописями и пѣснями пользовался Гоголь для воскрешенія былой жизни Запорожья а, вѣроятно, и документами; ему, напр., могъ быть извѣстенъ универсалъ Остраницы, который и иллюстрируетъ онъ въ нѣсколькихъ главахъ изъ романа, имѣвшаго заглавіемъ имя этого героя, и событія въ нихъ изложены вовсе не по „Исторіи Руссовъ“ Конискаго, какъ думаетъ г. Тихонравовъ, равно какъ не Конискимъ руководился Гоголь, при изображеніи распространенія уніи и гоненій на православіе, а „Историческимъ извѣстіемъ о возникшей въ Польшѣ уніи“ Д. Бантыша-Каменскаго. Вообще, вліяніе сочиненій Н. и Д. Бантышей-Каменскихъ на Гоголя совершенно упускаютъ изъ виду его біографы и комментаторы, а между тѣмъ это вліяніе было и болѣе раннимъ, и болѣе сильнымъ, и болѣе продолжительнымъ, такъ какъ Бантыши-Каменскіе пользовались для своихъ сочиненій драгоцѣннымъ архивнымъ матеріаломъ, а Д. Бантышъ-Каменскій писалъ, кромѣ того, свою „Исторію Малой Россіи“, вышедшую въ свѣтъ въ 1822 году, въ имѣніи князя Репнина м. Яготинѣ, гдѣ находилось богатое собра-

ніе историческаго документальнаго матеріала; этихъ условій работы малорусскаго историка не могъ не знать Гоголь, и потому книга Бантыша служила для поэта настольной и справочной; не выяснили также біографы отношеній семьи Мартосовъ къ семьѣ Гоголя: существуетъ письмо Ивана Мартоса къ отцу поэта: сынъ этого Мартоса Алексѣй (1790—1842) былъ авторомъ малорусской исторіи и потому собралъ большое количество историческихъ источниковъ, которые могли быть извѣстны и Гоголю. Но все-таки среди нихъ историко-юридическіе документы занимали очень ограниченное мѣсто.

Недостаточное знакомство Гоголя съ архивнымъ матеріаломъ тяжеле всего отразилось на изображеніи имъ судьбы южно-русской женщины въ XVI, XVII и даже въ XVIII в.в.; эту судьбу онъ представляетъ и въ „Страшной мести“, и въ „Остраницѣ“, и въ „Тарасѣ Бульбѣ“ такой, какой она сложилась уже въ его время. Между тѣмъ въ указанные вѣка положеніе женщины не было ни такимъ зависимымъ въ бракѣ, ни сама женщина не была такъ далека отъ интересовъ общественныхъ, какъ въ XIX-мъ вѣкѣ: архивныя изысканія гг. О. И. Левицкаго и О. А. Фотинскаго показываютъ, что не только въ XVI, но даже въ XVIII в., не только въ средѣ высшаго южнорусскаго общества, но и въ средѣ Запорожскаго козачества, бракъ разсматривался какъ гражданскій договоръ, и правомъ развода южноруссы пользовались широко, безъ участія въ этомъ актѣ церкви. Женщина, сказали мы, не оставалась тогда безъучастна и къ общественнымъ дѣламъ; напр., въ началѣ XVII в., въ эпоху народнаго движенія при Сагайдачномъ, выдвигается не мало женщинъ, имена которыхъ фигурируютъ въ актахъ того времени[1]): особенно извѣстна жена Виленскаго каштелляна Софья Ходкевичъ, сама предводительствующая отрядомъ и ведущая осаду

[1]) „Приложенія къ очерку гетманства Петра Сагайдачнаго“, см. Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. XV, вып. 3-й, отд. III-й.

и штурмы замковъ; вспомнимъ жену Сагайдачнаго, а также и ея современницъ Хлусовичеву, Щенiевскую, Сынгаевскую, производящихъ нападенiя на своихъ сосѣдей. Въ эпоху войнъ Хмельницкаго женщины также не оставались равнодушными къ тогдашнему ходу дѣлъ; въ собранныхъ нами актахъ изъ этой эпохи встрѣчается болѣе десятка именъ женщинъ, то участвующихъ въ рядахъ воюющихъ, то предводительствующихъ отрядами крестьянъ; среди этихъ именъ нѣтъ ни одного шляхетскаго; всѣ эти воинственныя женщины—крестьянки. Можно думать, что Гоголю не были извѣстны и народныя пѣсни о дѣвушкахъ-козакахъ [1]). Иначе онъ не изобразилъ бы только нѣжную мать, преданную и любящую жену, всецѣло уходящую въ заботы о семьѣ и хозяйствѣ, какими являются у него жена стараго Пудька въ „Остраницѣ", Катерина въ „Страшной мести" и, наконецъ, жена Тараса Бульбы.

Итакъ, если Гоголь пользовался для изображенiя героевъ козачества не одними народными думами и пѣснями, если въ его распоряженiи находились не одни лѣтописи и цѣльные курсы исторiи Малороссiи, но также и кое-какой актовой матерiалъ, чтобы быть болѣе точнымъ въ передачѣ фактовъ и характеристикѣ историческихъ дѣятелей,—то почему же мы встрѣчаемъ въ его произведенiяхъ, подобно тому, какъ и въ историческихъ думахъ и пѣсняхъ, частую путаницу фактовъ [2]), замѣну историческихъ

[1]) Историческiя пѣсни Малорус. народа, т. I, стр. 314.

[2]) Для образца такой путаницы укажемъ, напр., на то, что отца той польской панны, которую полюбилъ Андрiй Бульба, Гоголь называетъ сначала Ковенскимъ, а потомъ Дубенскимъ воеводой; но, какъ извѣстно, должностей въ Польшѣ ни Ковенскаго, ни Дубенскаго воеводы не существовало никогда, и Гоголь, имѣя въ рукахъ соч. Каспра Нѣсецкаго „Korona Polska", не могъ этого не знать.

Или вотъ еще примѣръ: пріѣзжаютъ въ Сѣчь изъ Украины козаки, разсказываютъ о гоненiяхъ на православныхъ; между тѣмъ Бульба, только что пріѣхавшiй оттуда же съ сыновьями, ничего о такихъ гоненiяхъ не знаетъ и не говоритъ, тогда какъ онъ не могъ не знать этого—фактъ былъ очень важный и громкiй и совершался давно, медленно и постоянно возростая.

Такихъ примѣровъ путаницы въ историческихъ повѣстяхъ Гоголя можно было-бы указать не мало.

именъ вымышленными, а самихъ дѣятелей упоминающимися для приблизительнаго показанія одной только эпохи, къ которой могутъ быть относимы описываемыя событія?—Отчасти мы отвѣтили на этотъ вопросъ раньше, сказавъ, что Гоголь ставилъ своей задачей, главнымъ образомъ, характеристику козачества, его идеаловъ и вѣрованій, [1]) а теперь прибавимъ, что для такой характеристики одна опредѣленная эпоха или извѣстное историческое лицо не могли быть достаточны: въ одной эпохѣ или въ одномъ историческомъ лицѣ не заключались, какъ въ фокусѣ, всѣ черты, предста ляющія козачество въ отвлеченіи, и поэту приходилось ихъ собирать крупицами изъ разныхъ эпохъ, у нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей и изъ многихъ источниковъ. Недаромъ же Гоголь и не называетъ своихъ повѣстей изъ быта козачества—историческими. Увлеченный думами и пѣснями, которыя онъ весьма высоко цѣнилъ, повторяя въ письмахъ къ друзьямъ о своей любви къ нимъ: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю!“ и говоря въ въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“, что „онѣ—надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ:

[1]) Гоголевскую мысль о возсозданіи въ повѣсти, какъ въ думѣ, лишь духа прошлаго времени, безъ точнаго представленія въ ней историческихъ дѣятелей той или другой эпохи, ясно и прямо выразилъ товарищъ и послѣдователь Гоголя Н. Кукольникъ въ своей исторической повѣсти: „Вольный гетманъ панъ Савва.“ Подобно Гоголю, въ основаніе своей повѣсти онъ не только кладетъ народную думу о панѣ Саввѣ, но и указываетъ, что заимствуетъ ее изъ собранія пѣсенъ Линницкаго и изъ сочиненія г. Скальковскаго о гайдамакахъ, а уклонясь отъ опредѣленія времени, къ которому относится разсказываемый имъ фактъ, онъ говоритъ: „Въ какое время происходило все то, что буду разсказывать—опредѣлить трудно Было себѣ когда-то. Были тогда и татары и турки и было козачество. Украина простиралась отъ Кавказа до Карпата, а на югъ до Балкановъ. Была себѣ Украйной вольной землей..... тогда на просторѣ свободно и безнаказанно разыгрывалось козацкое молодечество..... и теперь въ Малороссіи тяжба въ модѣ, но только на бумагѣ, а тогда тоже вѣчная тяжба, только на шабелькахъ.“ И хотя Кукольникъ старается слѣдовать въ изложеніи своего сюжета Гоголю, но у него нѣтъ ни той высокой идеи, ни того чувства любви къ родинѣ, какими проникнуты повѣсти Гоголя, нѣтъ тѣхъ яркихъ красокъ и размашистой кисти, какими рисовалъ своихъ героевъ Гоголь. У Кукольника вышло все блѣдно и безжизненно и только сильнѣе оттѣняетъ превосходство повѣстей его геніальнаго товарища.

камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью— ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи" (т. е. пѣсни), Гоголь пытается самъ создать такую же думу, такую же пѣснь въ прозѣ.-- И онъ создалъ ее!— Это сейчасъ почувствовалъ своимъ высокимъ геніемъ Бѣлинскій. „Если, говоритъ онъ о Тарасѣ Бульбѣ, въ наше время возможна гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеалъ и прототипъ!"....

VI.

При выходѣ своемъ въ свѣтъ первыя произведенія Гоголя изъ быта козачества были встрѣчены всеобщимъ восторгомъ. Пушкинъ писалъ о нихъ: „Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился": онъ находилъ, что автора надо поддержать, „если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч."

Съ такимъ же восторгомъ писалъ о произведеніяхъ Гоголя и Бѣлинскій: „И какая кисть широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая! какія краски яркія и ослѣпительныя!.... И какая поэзія энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь, то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и козачество на всю Украину!" [1])

Въ частности, онъ говоритъ: „Страшная месть" составляетъ теперь pendant къ „Тарасу Бульбѣ", и обѣ эти огромныя картины показываютъ, до чего можетъ возвыситься талантъ Гоголя" [2]),

Въ 1842 году, когда появилось измѣненное и дополненное изданіе „Тараса Бульбы", Бѣлинскій замѣчаетъ, что въ первомъ изданіи этой повѣсти „на многое только намекнуто

[1]) Соч. В. Г. Бѣлинскаго, изд. В. Фукса, Кіевъ 1901 г., т. III, стр. 80.
[2]) Ibid., стр. 77.

и что многія струны остались въ немъ незатротутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, пѣвецъ Бульбы не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы ей чуждо, но только развилъ многія, уже заключавшіяся въ ея идеѣ, подробности. Онъ исчерпалъ въ ней всю жизнь исторической Малороссіи и въ дивномъ художественномъ созданіи навсегда запечатлѣлъ ея духовный образъ" [1])... Мы сдѣлали, быть можетъ, нѣсколько длинную цитату изъ произведеній Бѣлинскаго, но потому, что его оцѣнка Гоголевскихъ произведеній наиболѣе вѣрна. Она такъ же истинна, такъ же поэтична и такъ же безсмертна, какъ и разобранныя авторомъ историческія повѣсти Гоголя. Трудно опредѣлить значеніе творчества Гоголя яснѣе и сильнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Бѣлинскій.

Среди этого громкаго восторга и ликованій отъ произведеній Гоголя заглохли, почти неслышны были голоса противниковъ поэта, Полевого, Булгарина и друг., руководившихся болѣе партійными счетами и симпатіями, чѣмъ требованіями истины и справедливости, руководившихся болѣе мелочной злостной придирчивостью, чѣмъ спокойнымъ безпристрастіемъ.

Но и послѣ смерти поэта не переставали время отъ времени раздаваться враждебные голоса. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ его поклоннику и горячему почитателю, но до крайности непостоянному и нетвердому въ своихъ взглядахъ П. А. Кулишу. Въ „Эпилогѣ" къ своей „Черной радѣ", Кулишъ [2]) не признаетъ, „чтобы произведенія Гоголя объясняли Малороссію", хотя допускаетъ, что они „дали новое сильное побужденіе къ ея объясненію". Гоголь не въ состояніи былъ будто-бы „изслѣдовать родное племя въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кон-

[1]) Соч. В. Бѣлинскаго, изд. Б. Фукса. Кіевъ, 1901, т. III, стр. 84.
[2]) „Рус. Бесѣда". Москва 1857, III, стр. 129 и слѣд.

чилъ все это „Тарасомъ Бульбою", въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о Малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ". [1]) По его мнѣнію, „Тарасъ Бульба" только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины" [2]).

На защиту Гоголя выступилъ Максимовичъ, другъ поэта, и въ письмѣ къ Г. П. Галагану, отъ 12 января 1858 г., писалъ: „Что Гоголь очень достаточно зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа, и всю народную жизнь ея понималъ онъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей малороссійскихъ; то извѣстно мнѣ положительно и достовѣрно, какъ по прежнимъ его занятіямъ, особенно 1834 и 1835 г.г., такъ и по его бесѣдамъ со мной 1849 и 1850 г.г. Но свойство его поэтическаго генія было уже таково, что дѣйствительную жизнь онъ своевольно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое" [3]). Такъ смотрѣлъ Максимовичъ на творчество Гоголя, а это—мнѣніе глубокаго знатока южно-русской исторіи и этнографіи. Находимъ излишнимъ излагать подробнѣе полемику изъ-за Гоголя между Кулишемъ и Максимовичемъ, такъ какъ она обстоятельно передана уже А. Н. Пыпинымъ въ его „Исторіи Русской этнографіи" [4]).

Не будемъ говорить также и о другихъ критикахъ, то совѣтовавшихъ Гоголю писать трагедіи изъ малорусской исторіи или изображать высшіе классы южно-русскаго общества, то прямо изрыгавшихъ на поэта хулу и брань въ самыхъ грубыхъ вы-

---

[1]) „Рус. Бесѣда", Москва, 1857, III, стр. 129 и слѣд.
[2]) Ibid.
[3]) Собр. сочиненій, т. I, стр. 517.
[4]) т. III (Этнографія Малорусская), стр. 204 и слѣд.

раженіяхъ[1]); о такихъ критикахъ съ полнымъ правомъ можно сказать то же, что сказалъ О. М. Сомовъ о критикѣ Полевого въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября 1834 года: „Не правда-ли, что Полевой совершенно оправдалъ басню Крылова: „Оселъ и Соловей“ [2]).

Разбору произведеній Гоголя изъ быта козачества не мало мѣста удѣлилъ г. А. Скабичевскій въ своемъ трудѣ: „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ“ [3]). Разборъ этотъ не подвергался еще оцѣнкѣ, и мы разсмотримъ его главнѣйшія положенія. Сущность взгляда г Скабичевскаго заключается въ слѣдующемъ:

Разсказъ „Страшная месть“, по его мнѣнію, при всей прелести отдѣльныхъ мѣстъ въ родѣ знаменитаго описанія Днѣпра, въ историческомъ отношеніи представляетъ рядъ общихъ стереотипныхъ мѣстъ, не обнаруживающихъ еще въ молодомъ авторѣ особенно глубокаго знанія малорусской старины“. Эта оцѣнка разсказа кажется намъ слишкомъ неопредѣленной и бездоказательной, чтобы можно было возражать противъ нея, а примѣръ грубости и лубочности будто бы красокъ въ изображеніи польскаго пира мы считаемъ прямо неудачнымъ; все въ этомъ изображеніи исторически вѣрно.

Въ отрывкахъ романовъ „Гетманъ“, „Плѣнникъ“, „Остраница“ онъ видитъ лишь предварительныя пробы пера предъ написаніемъ исторической эпопеи „Тарасъ Бульба“; и критику слѣдовало бы прибавить для большей справедливости своего отзыва, что эти пробы показали, какъ хорошо пишетъ Гоголевское перо, какъ вѣрно поэтъ понимаетъ характеръ изображаемой эпохи и какимъ необычайнымъ ясновидѣніемъ въ прошедшемъ отличается онъ.

---

[1]) См. брошюру генерала Герсеванова: „Гоголь предъ судомъ обличительной литературы“, Одесса, 1861 г.

[2]) Собр. сочиненій, т. I, стр. 517.

[3]) Сочиненія А. Скабичевскаго, т. II, стр. 675—681.

Сопоставляя „Тараса Бульбу“ съ произведеніями Пушкина, г. Скабичевскій находитъ прежде всего, что языкъ у Пушкина доведенъ до послѣдней степени простоты, у Гоголя же онъ „крайне цвѣтистъ“, отличается витіеватостью и напыщенностью, забывая, что „le stile c'est l'homme“ и что, въ частности, Гоголю присущъ былъ лиризмъ, отмѣченный еще Бѣлинскимъ, признававшимъ его однимъ изъ достоинствъ Гоголевскихъ произведеній.

Далѣе, г. Скабичевскій считаетъ преувеличеніемъ у Гоголя изображеніе „бѣшенаго разгула веселости“ у козаковъ, предполагая, что при такой жизни козаки были бы одержимы бѣлой горячкой, стали бы пропойцами, и Сѣчь скоро бы прекратила свое существованіе. Но критикъ забываетъ, что запорожецъ гулялъ лишь тогда, когда „въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки шинкарей и торгашей“; въ другое время онъ или занимался рыбной ловлей или охотой; прекратить же свое существованіе отъ разгула Сѣчь не могла уже потому, что пополнялась не естественнымъ приростомъ „безженныхъ рыцарей,“ а выходцами изъ Украины. Наконецъ, самъ поэтъ поясняетъ, какъ слѣдуетъ понимать его слова: „это не былъ черный кабакъ . . . это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей“, говоритъ онъ.

Сравнивая содержаніе историческихъ произведеній Пушкина и Гоголя, г. Скабичевскій замѣчаетъ, что Пушкинъ все необычайное, выдающееся старается свести къ будничному, тогда какъ у Гоголя всѣ образы освѣщены въ его романѣ-поэмѣ бенгальскимъ огнемъ, „пестрота красокъ и яркость колорита слѣпитъ ваши глаза. . . . и вы не обернетесь здѣсь самыхъ рѣзкихъ преувеличеній“. Здѣсь критикъ упускаетъ изъ виду, что Гоголь рисуетъ козачество въ моменты его высокаго патріотическаго возбужденія, когда все будничное принимаетъ характеръ торжественнаго и необычайнаго, что онъ рисуетъ не то козачество, которое мирно жило въ своихъ семьяхъ по хуто-

рамъ и занималось хлѣбопашествомъ, а выходцевъ изъ Украины, искавшихъ простора для своей удали, ставившихъ цѣлью своей жизни борьбу за вѣру и родину, подвижничество за идею. И въ произведеніяхъ Гоголя мы не видимъ не только „самыхъ рѣзкихъ", но и какихъ бы то ни было преувеличеній, самыхъ малыхъ.

Что же касается до отмѣчаемаго г. Скабичевскимъ вполнѣ будтобы архаическаго взгляда Гоголя на женщину, то мы его находимъ совершенно естественнымъ въ общинѣ, не допускавшей въ свою среду женщинъ; отсюда уже онъ, конечно, могъ проникать и въ козацкія семьи, жившія далеко отъ Запорожья. Совершенно естественны также въ дѣйствительной жизни и крайнія отклоненія отъ этого взгляда въ противоположную сторону, создавшія, вмѣстѣ съ польскимъ вліяніемъ, болѣе независимое и высокое положеніе украинской женщины.

Отсюда мы видимъ, какъ слаба критика г. Скабичевскаго, показавшаго и свое неглубокое проникновеніе въ высоко поэтическія произведенія Гоголя, и свое недостаточное знаніе условій козацкой жизни, и свое незнакомство съ духомъ и обстановкой Запорожья.

Подробнымъ изученіемъ произведеній Гоголя вообще и по исторіи Малороссіи въ частности занялся редакторъ X-го изданія сочиненій Гоголя, проф. Н. С. Тихонравовъ. Онъ поставилъ своей задачей подобрать ссылки къ историческимъ повѣстямъ Гоголя, но ограниченное знакомство его съ южно-русской исторіографіей привело къ невѣрности многихъ изъ этихъ ссылокъ. Онъ или преувеличиваетъ значеніе нѣкоторыхъ источниковъ, какъ напр., „Исторіи Руссовъ" Конискаго и „Описанія Украины" Боплана, или указываетъ на такіе малораспространенные источники, безъ которыхъ Гоголь легко могъ обходиться, какъ, напр., безъ „Исторіи" князя Мышецкаго, на что мы и указали выше, или умалчиваетъ о такихъ, которые ярко отразили свое вліяніе

на повѣстяхъ Гоголя. Мнѣніе же его о томъ, что Гоголь никогда не писалъ исторіи Малороссіи, не имѣетъ прочнаго основанія.

Гораздо дальше въ отрицаніи научнаго значенія произведеній Гоголя по исторіи Малороссіи идетъ его недавній біографъ г. Шенрокъ. Онъ не только безъ провѣрки принимаетъ ошибочныя предположенія г. Тихонравова относительно источниковъ, которыми пользовался Гоголь при своихъ работахъ, но даже доходитъ до искаженія смысла писемъ Гоголя; такъ, напр., онъ поступаетъ съ письмами Гоголя къ Срезневскому [1]). Мы умалчиваемъ уже о томъ, что ни г. Тихонравовъ, ни г. Шенрокъ даже не пытаются провѣрить историческіе взгляды поэта, забываютъ о мнѣніяхъ такого знатока и Гоголя, и его произведеній, и южно-русской исторіи, какимъ былъ Максимовичъ, и отказываются принять во вниманіе положеніе (а Гоголь находился въ немъ) историка, имѣющаго въ своихъ рукахъ слишкомъ мало документальныхъ данныхъ, кромѣ неточныхъ лѣтописей, повторявшихъ ошибки одна другой, и недостаточныхъ для строгой критической оцѣнки сообщаемыхъ ими фактовъ, оцѣнки, къ которой всѣми силами стремился поэтъ, но въ концѣ долженъ былъ отказаться отъ своей попытки разобраться въ противорѣчіяхъ лѣтописей.

Ко взгляду гг. Тихонравова и Шенрока примыкаетъ и мнѣніе А. П. Пыпина объ историческихъ трудахъ Гоголя. [2])

VII.

Изъ разсмотрѣнія критическихъ отзывовъ о научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ Гоголя по исторіи Малороссіи, мы приходимъ къ заключенію, что эти произведенія вѣрно поняты и правильно оцѣнены только Пушки-

[1]) „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. II, стр. 183.

[2]) Исторія рус. этнографіи. т. III (Этнографія Малорусская) А. Н. Пыпина. Спб. 1891, стр. 30.

нымъ, Бѣлинскимъ и Максимовичемъ; но ихъ отзывы болѣе или менѣе общи и не касаются подробностей; тѣ же изслѣдователи, которые занялись болѣе обстоятельнымъ изученіемъ историческихъ статей и повѣстей Гоголя, приступили къ нимъ безъ достаточной подготовки и знакомства съ источниками южно-русской исторіи и съ недобрымъ чувствомъ подозрительности къ поэту. Такимъ образомъ, произведенія Гоголя ждутъ еще безпристрастной оцѣнки и всесторонняго изученія, и мы надѣемся, что исполнившееся нынѣ 50-лѣтіе со дня смерти геніальнаго творца „Тараса Бульбы" и приближающееся празднованіе столѣтія со дня его рожденія въ 1909 году, побудятъ кого-либо изъ знатоковъ южно-русской исторіи къ заполненію этого пробѣла, безъ предвзятой мысли и съ должнымъ вниманіемъ къ тому высокому назначенію, исполнить которое выпало на долю южно-русскаго рыцарства, а изобразить его „въ дивномъ художественномъ созданіи"—на долю Гоголя; и пусть такой изслѣдователь, подобно самому поэту, „скажетъ про нихъ (про повѣсти Гоголя) свое густое, могучее слово; и пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ".

Но намъ могутъ, и не безъ основанія, возразить словами слѣпаго бандуриста (Божьяго Человѣка):

„Суета суетъ! Слава нужна міру, а не тому, кто славенъ. Міръ пускай учится добру, слушая, какъ жертвовали жизнью за общее благо; а славному слава у Бога!" [1]).

И. Каманинъ

[1]) „Русская Бесѣда. Москва, 1857 г., III, стр. 122. „Черная рада, хроника 1663 г." П. А. Кулиша.

Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ Душъ“.

I.

Сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, какъ и сюжетъ „Ревизора“, былъ данъ Гоголю Пушкинымъ. Пушкинъ разсказалъ Гоголю, какъ одинъ аферистъ, воспользовавшись недосмотромъ въ положеніи о залогѣ помѣщичьихъ имѣній въ опекунскій совѣтъ, скупилъ сотни крестьянскихъ душъ, давно исчезнувшихъ со свѣта, но скоро былъ пойманъ.[1]) Но о самомъ фактѣ передачи сюжета существуютъ противорѣчивыя показанія, въ которыхъ довольно трудно разобраться. Тогда какъ одни говорятъ, что Пушкинъ добровольно уступилъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголю, другіе утверждаютъ, что Гоголь только ловко воспользовался довѣрчивостью своего друга, который въ откровенной бесѣдѣ разсказалъ ему и самый анекдотъ, и то, что онъ думалъ изъ него сдѣлать. Такъ Гоголь въ своей „Авторской исповѣди“ прямо говоритъ: „Пушкинъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе... и отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ

[1]) См. Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 564; ср. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. III, 73 и Сочиненія Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 490.

хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“. [1]) Но другіе источники представляютъ дѣло нѣсколько иначе. Такъ Анненковъ прямо заявляетъ, что Пушкинъ не совсѣмъ охотно уступилъ свое достояніе, [2]) и приводитъ затѣмъ отзывъ поэта о Гоголѣ, который „въ кругу своихъ домашнихъ говорилъ смѣясь: съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣй: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя.“ Изъ разсказа Павлищева, сына любимой сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, также выходитъ, что Гоголь своевольно воспользовался анекдотомъ, разсказаннымъ ему Пушкинымъ. Сообщивъ Гоголю анекдотъ, Пушкинъ прибавилъ, что воспользуется имъ для прозаическаго разсказа. Гоголь будто не подалъ никакого вида, что заинтересовался разсказомъ, а между тѣмъ, не теряя времени, принялся за дѣло, и когда познакомилъ Пушкина съ первыми набросками романа, то послѣдній былъ такъ очарованъ, что примирился или долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ. Сестрѣ своей Пушкинъ показывалъ даже программу задуманной повѣсти, жалуясь на лукавство Гоголя и съ досадой называя его хитрымъ малороссомъ. Впрочемъ—прибавляетъ онъ—я не написалъ бы лучше. Въ Гоголѣ бездна наблюдательности и юмору, которыхъ въ иныхъ нѣтъ. [3])

Но эти сообщенія противорѣчатъ тому, что занесла Смирнова въ свой дневникъ: „Пушкинъ провелъ четыре часа у Гоголя и далъ ему сюжетъ для романа, который, какъ Донъ-Кихотъ, будетъ раздѣленъ на пѣсни. Герой объѣдетъ провинцію. Гоголь воспользуется своими путевыми записками.“ [4]) Если вспомнить при этомъ слова Гоголя, что Пушкинъ для того, чтобы убѣдить его приняться за большое со-

[1]) Сочиненія, изд. X, т. IV, 249. Ниже постоянно цитуется это изданіе.

[2]) Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, 1877 г., т. I, стр. 184.

[3]) Шенрокъ, III, 73; ср. Рус. Старина, 1880, V, 79—80, Историческій Вѣстникъ, 1888 г.; т. II, стр. 296 и Шенрокъ IV, 237—239.

[4]) Шенрокъ III, 72; Сѣверный Вѣстникъ 1893, III, 141.

чиненіе, приводилъ ему въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за Донкишота, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, [1]) то такое почти буквальное совпаденіе словъ Гоголя и Смирновой, кажется, ясно говоритъ о томъ, что Гоголь вовсе не похищалъ сюжета у Пушкина. Если и было у Пушкина добродушное негодованіе на Гоголя зато, что онъ его обираетъ, то оно возникало не потому, что Гоголь хитро пользовался неосторожно оброненными мыслями Пушкина, а потому, что онъ быстро пользовался указаніями своего друга и претворялъ ихъ въ дѣло, возбуждая тѣмъ невольную, добродушную зависть въ Пушкинѣ, который видѣлъ такое быстрое осуществленіе своихъ сюжетовъ. Иначе трудно объяснить, какъ могъ Пушкинъ, при всемъ своемъ добродушіи и незлобивости, такъ восторженно встрѣтить первыя главы „Мертвыхъ Душъ“ и такъ участливо слѣдить за дальнѣйшимъ созданіемъ поэмы и вообще находиться въ прекрасныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ.

Кромѣ того, недавно появилось сообщеніе, что сюжетомъ для „Мертвыхъ Душъ“ могло послужить событіе, случившееся во времена Гоголя на его родинѣ и ему извѣстное. „Мысль написать „Мертвыя Души“ взята съ моего дяди Пивинскаго, разсказывала Гиляровскому Марья Григорьевна Анисимо-Яновская, это я навѣрно знаю и знаю, какъ это произошло. Самую мысль „Мертвыхъ Душъ“ далъ Пивинскій. Исторія „Мертвыхъ Душъ“ такова: у Пивинскаго было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Вдругъ, это еще до меня было, начали разъѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ 50 душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались тогда мелкопомѣстные: хоть погибай безъ винокурни! А Харлампій Пе-

[1]) Авторская исповѣдь, соч. IV, 249.

тровичъ Пивинскій хлопнулъ себя по лбу и сказалъ: „Эге! не додумались!“ И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто за живыхъ. А такъ какъ своихъ, даже съ мертвыми, далеко до 50 не хватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ, и накупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ къ себѣ и, сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ 50 душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ у Пивинскаго, да кромѣ того и вся Миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго.“ [1]) Приведши этотъ разсказъ, Гиляровскій добавляетъ: „біографы Гоголя доказываютъ, что Пушкинъ далъ ему тему для „Мертвыхъ Душъ“. Нисколько не отрицая этой версіи, я смѣю полагать, что, можетъ быть, Гоголь въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ разсказалъ ему, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, происшествіе съ Пивинскимъ, и Пушкинъ ему посовѣтовалъ воспользоваться этимъ матеріаломъ“. [2]) Можетъ быть, было и такъ, что разсказъ Пушкина о ловкомъ аферистѣ, который скупалъ мертвыя души, напомнилъ Гоголю о происшествіи, случившемся на его родинѣ, и Гоголь сказалъ объ этомъ Пушкину. Тогда Пушкинъ и посовѣтовалъ ему заняться этимъ сюжетомъ и воспользоваться путевыми записками, въ которыхъ, быть можетъ, находился и самый разсказъ о Пивинскомъ.

Кромѣ заимствованія—что, какъ извѣстно, является неважнымъ при оцѣнкѣ достоинства произведенія—и пользованія совѣтами и указаніями Пушкина, Гоголь имѣлъ еще и нѣкоторыхъ литературныхъ предшественниковъ, которые такъ или иначе помогли ему при созданіи его поэмы. Прежде всего, мы должны сказать, что „Мертвыя Души“ являются совершеннѣйшимъ образцомъ, такъ называемаго, „плутовского романа“ (picaresco, schelmenroman). Прототипомъ подобнаго романа является извѣстное произведеніе испанской литерарури XVI вѣка „Жизнь Лазарильо

[1]) Русская Мысль 1902, I, 85—86.
[2]) Ibid., 86.

изъ Тормесъ, его удачи и неудачи,“ которое несправедливо приписывается одному изъ выдающихся государственныхъ людей царствованія Карла V, именно Діего Гуртадо де Мендоза. [1]) Уже при первомъ своемъ появленіи плутовской разсказъ былъ романомъ нравовъ, а не приключеній. Кромѣ того это въ высшей степени сатирическій романъ [2]). Испанскій плутовской разсказъ оказалъ вліяніе на всю западно-европейскую литературу, и лучшимъ его отраженіемъ во французской литературѣ является „Histoire de Gil Blas de Santillane“ Лесажа. Безконечныя, необычайныя приключенія Жильблаза, стягивающія интересъ романа къ испытаніямъ одного человѣка, даютъ возможность пересмотрѣть всѣ показныя стороны и всѣ закоулки французскаго быта; не навязывая читателю прѣсной морали, не дѣлая героя образцомъ добродѣтели, гонимой порокомъ, а, напротивъ, выдвигая въ немъ сильную примѣсь продувного плутовства, помогающаго ему извиваться среди превратностей и всегда находить выходъ, Лесажъ предоставляетъ фактамъ говорить за себя, юморъ освѣжаетъ трезвость его наблюденій, заставляя отгадывать у мнимо безпечнаго, добродушнаго разсказчика благородное и негодующее сердце. [3])

Кромѣ этихъ образцовъ западно-европейскаго плутовского романа, мы еще можемъ обратить вниманіе на италіанскія герои-комическія поэмы XVII и XVIII вв., которыми увлекался Гоголь тогда, когда писалъ „Мертвыя Души“. Вотъ что онъ говоритъ о нихъ: „Намъ извѣстна только одна эпическая литература итальянцевъ, т. е. литература умершаго времени, литература XV и XVI в., но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII в. у итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то

[1]) Объ этомъ см. Лазарильо изъ Тормесъ, переводъ съ испанскаго И. Гливенко, предисловіе Морель Фасіо къ его переводу, стр. XXI.

[2]) Ibid., XII.

[3]) Коршъ-Кирпичниковъ, Исторія всеобщей литературы, французская литература XVIII в., стр. 8.

нужно изучать ихъ въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собраніе autori burleshi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ." [1])

Было и въ русской литературѣ такое произведеніе, которое примыкаетъ къ серіи плутовскихъ романовъ и которое, несомнѣнно, оказало свое вліяніе на „Мертвыя Души",—это „Россійскій Жиль-Блазъ или похожденія князя Гаврилы Семеновича Чистякова"—Нарѣжнаго. Произведенія Нарѣжнаго хорошо были извѣстны Гоголю; изъ нихъ онъ заимствовалъ сюжеты и даже многіе факты для своихъ сочиненій, напримѣръ, въ „Віѣ" и „Тарасѣ Бульбѣ" изъ „Бурсака", въ „повѣсти объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ" изъ „Двухъ Ивановъ или страсти къ тяжбамъ", даже въ „Ревизорѣ"—изъ комедіи Нарѣжнаго „Заморскій принцъ". [2]) Несомнѣнно, и „Россійскій Жиль-Блазъ" не остался неизвѣстнымъ Гоголю. Въ виды Нарѣжнаго входило постепенно обозрѣть всѣ закоулки русской жизни, но онъ не успѣлъ выполнить своей задачи; отдѣльные эпизоды у него иногда чрезмѣрно разростаются, онъ принужденъ бываетъ прибѣгать къ аллегоріи, но тамъ, гдѣ ему удается прямо подойти къ русскимъ житейскимъ фактамъ онъ пролагаетъ дорогу Гоголю, вводя читателя въ помѣщичьи усадьбы, на деревенскую улицу, въ захолустный городъ, старый судъ. Можно было бы найти даже нѣсколько мелкихъ чертъ совпаденія между обоими романами, говоритъ Ал. Веселовскій. [3])

---

[1]) Письма, V, 318; новое изданіе писемъ (Шенрока). I, 496. Я не могъ заняться сравненіемъ этихъ герои-комическихъ поэмъ съ произведеніемъ Гоголя, хотя это сравненіе, быть можетъ, дало бы богатые результаты для выясненія генезиса „Мертвыхъ Душъ".

[2]) Въ этой комедіи Нарѣжнаго есть майоръ Прилуцкій, который въ хвастовствѣ не уступаетъ Хлестакову, см. Бѣлозерская, Нарѣжный, Рус. Старина, 1891 г., VI, 541—542.

[3]) Этюды и характеристики, стр. 574; ср. Бѣлозерская, Нарѣжный, Рус. Старина, 1891 г., VIII, 236. О вліяніи романа Булгарина „Выжигинъ" на изображеніе уѣзднаго города, чиновничьей среды и провинціальныхъ помѣщиковъ см. Историческій Вѣстникъ 1902 г., II, 577.

Въ другомъ произведеніи Нарѣжнаго — „Аристіонъ или перевоспитаніе“ (1822) встрѣчается скаредъ Тарахъ, иронически называемый „бережливымъ“, который очень напоминаетъ Плюшкина. [1]) У него слуга ходитъ въ лохмотьяхъ, а служанка босикомъ; онъ по каплямъ наливаетъ льняное масло въ яшную кашу; въ болѣзни не рѣшается ѣсть похлебку съ курицей и печеныя яблоки, хотя богаче всѣхъ своихъ сосѣдей; не платитъ доктору за визиты и лѣкарство, и даже продаетъ зайца, подареннаго ему гостемъ. Ради скопидомства, онъ заманиваетъ крестьянскихъ коровъ, овецъ, куръ и гусей на свой кормъ, а потомъ сгоняетъ ихъ къ себѣ на дворъ, какъ вознагражденіе за потраву. Наконецъ, панъ Тарахъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою. [2])

Кромѣ этихъ воздѣйствій отъ западно-европейскаго плутовского романа, идущихъ или непосредственно, какъ, напримѣръ, отъ „Жиль-Бляза“ Лесажа, или посредствомъ такихъ его русскихъ отраженій, какъ „Россійскій Жильблазъ“ Нарѣжнаго, „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина, въ западно-европейской литературѣ мы можемъ указать еще два произведенія, которыя оказали свое вліяніе на „Мертвыя Души“ — это „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса и „Сентиментальное путешествіе“ Стерна. Мы знаемъ, что для побужденія Гоголя приняться за большое сочиненіе, Пушкинъ приводилъ ему въ примѣръ Сервантеса. Смирнова говоритъ, что „Пушкинъ далъ Гоголю сюжетъ для романа, который какъ „Донъ-Кихотъ“ будетъ раздѣленъ на пѣсни. Гоголь воспользуется своими путевыми записками“. Итакъ, Гоголь долженъ былъ обратить особенное вниманіе на „Донъ-Кихота“ и тщательно его изучить. Само

[1]) Ср. Семевскій, Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в., Русская Старина, 1887 г., XI, 104—105.

[2]) Галаховъ, Исторія русской словесности, т. II., стр. 183; см. Нарѣжный, Сочиненія. т. V, стр. 151 и далѣе; ср. Бѣлозерская, Нарѣжный, Рус. Старина, 1891, 6, стр. 533.

собою разумѣется, что изученіе „Донъ-Кихота“ вызывало въ сочиненіи Гоголя прямо противоположныя черты. Донъ-Кихотъ покидаетъ свое мирное дѣдовское гнѣздо ради осуществленія рыцарскаго идеала, всѣми забытаго и попраннаго, для защиты угнетенныхъ и слабыхъ. Чичиковъ стремится къ прямо противоположному идеалу: онъ не желаетъ освобождать гонимыхъ, а желаетъ самъ угнетать и разорять, хотя и говоритъ, что страдалъ за правду. Въ концѣ своей жизни Донъ-Кихотъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ; такъ и Чичиковъ, послѣ долгихъ злоключеній, рѣшаетъ наконецъ оставить плутни и сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. [1]) „Сентиментальное путешествіе“ Стерна принадлежитъ къ типу, т. н. reiseroman, романовъ-путешествій. Характерными чертами этого вида произведеній является отсутствіе какого-нибудь устойчиваго плана, быстрая, неожиданная смѣна картинъ, обиліе лирическихъ изліяній автора. Все это мы находимъ и въ „Мертвыхъ Душахъ“. Вмѣшательство автора въ разсказъ, особенно часто повторяющееся въ первоначальной редакціи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ и вообще непривычное въ тогдашнихъ литературныхъ нравахъ“, говоритъ Ал. Веселовскій, [2]) могло опираться и на примѣръ Пушкина, сдѣлавшаго въ этомъ отношеніи починъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, и на еще болѣе подходившій по складу таланта юморъ Стерна. Для рѣзкихъ переходовъ изъ одного душевнаго настроенія въ другое, замѣтныхъ и въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя, но особенно учащенныхъ въ поэмѣ, точно также англійскій юмористъ могъ служить ободряющимъ образцомъ.“

Впрочемъ, мы не особенно стоимъ за воздѣйствіе на Гоголя указанныхъ выше двухъ выдающихся произведеній западно-европейской литературы. За нихъ стоитъ Ал. Веселовскій. Кромѣ того,

---

[1]) См. Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 567—568; ср. его же Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, изд. 2, стр. 213, и Le roman russe, par Vogüe, который думаетъ, что „le veritable père des Ames mortes est Cervantes“, p. 106.

[2]). Ibid., 571—572.

по мнѣнію Веселовскаго, на идею и планъ „Мертвыхъ Душъ“, но только не раньше начала 40-хъ годовъ, оказала большое вліяніе „Божественная комедія“ Данте. „По толкованію Данте, которое мы находимъ въ его посвященіи „Рая“ Кану-Гранде делла-Скала, герцогу Веронскому, его поэма есть opus docstrinale, смыслъ котораго многоразличенъ. Сверхъ смысла буквальнаго, три прочіе смысла—аллегорическій, моральный и анагогическій, по объясненію Данте, подчинены еще болѣе общему смыслу—духовному или, по Данте, аллегорическому въ болѣе широкомъ смыслѣ. Предметомъ „Божественной комедіи“, по буквальному смыслу ея содержанія, является различное состояніе душъ въ загробной жизни: по аллегорическому же, человѣкъ вообще, заслуживающій награду или кару со стороны Божественнаго Правосудія своими, по свободной волѣ совершаемыми, добрыми или злыми поступками. Задачу поэмы составляетъ приведеніе людей отъ тяготящаго ихъ на землѣ зла и несчастій въ состояніе вѣчнаго блаженства. Заключающаяся же въ ней философія—чисто нравственная, такъ какъ преслѣдуемая ею цѣль не спекулятивная, а практическая: исправленіе погрязшаго въ грѣхахъ человѣка. Такимъ образомъ, Божественная комедія заключаетъ въ себѣ развитіе нравственно-религіозной идеи въ аллегорической формѣ видѣнія или посѣщенія загробнаго міра съ дидактическою, назидательною цѣлью“. [1]) Такая же нравственно-религіозная идея возрожденія, возможнаго для самаго презрѣннаго изъ людей, начала, какъ увидимъ ниже, занимать и Гоголя въ концѣ его работы надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“. Самое дѣленіе произведенія на три части, съ особымъ назначеніемъ для каждой изъ нихъ, напоминаетъ намъ поэму великаго флорентійца. Въ первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ“, подобно Аду, мы находимъ только пошлыхъ людей; во второмъ томѣ, въ pendant Purgatorio, обрисованы люди, представляющіе смѣсь добра и зла, и наконецъ въ третьемъ томѣ должны были выступить вполнѣ совершенныя, идеальныя лица [2]).

[1]) Коршъ-Кирпичниковъ, Исторія всеобщей литературы, II, 822.
[2]) См. подробно объ этомъ Веселовскій. ibid., 591—605.

Но больше всего, конечно, внесъ Гоголь въ свое произведеніе изъ своихъ личныхъ наблюденій. Смирнова говоритъ, что на совѣщаніи Пушкина съ Гоголемъ относительно „Мертвыхъ Душъ“ рѣшено было, что Гоголь воспользуется своими путевыми записками. Записки эти могли относиться къ поѣздкѣ Гоголя въ Малороссію и обратно въ 1832 и 1835, но эти записки до насъ почти не дошли. Онѣ могли дать Гоголю много матеріала для его поэмы, такъ какъ Гоголь любилъ вообще собирать свѣдѣнія и разныя наблюденія и заносить ихъ въ свои записныя книжки. Затѣмъ современники и позднѣйшая критика указали въ „Мертвыхъ Душахъ“ много чертъ и образовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, окружавшей Гоголя. По свидѣтельству Данилевскаго, многіе изъ Гоголевскихъ типовъ создавались подъ впечатлѣніями, производимыми первоначально кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ. Погодинъ указывалъ, что въ личности Констанжогло отразились нѣкоторыя черты богатаго откупщика Бенардаки. [1]) Интересно, что въ одномъ отрывкѣ изъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“ вмѣсто Костанжогло—стоитъ Берданжогло. [2]) Въ Муразовѣ нѣкоторые узнавали родственника Лермонтова—Столыпина. [3]) Въ профессорѣ, забрасы-

[1]) Шенрокъ, III, 429; Русскій Архивъ, 1865, стр. 895.

[2]) Сочиненія Гоголя, 3, стр. 583.

[3]) Сочиненія Лермонтова, изданіе Рихтера, т. VI, стр. 245, примѣчаніе: „Есть указанія на то, что Гоголь Муразова отчасти списалъ съ..... Столынина.“ Но можно думать, что на образѣ Муразова въ значительной степени отразились и черты Бенардаки, знаменитаго Петербургскаго милліонера и откупщика. На это важныя указанія даетъ намъ письмо Гоголя къ Нащокину, промотавшемуся помѣщику, который много походитъ на Хлобуева. По описанію Гоголя въ этомъ письмѣ, Бенардаки является человѣкомъ, „понимающимъ глубже вещи, нежели другіе, владѣющимъ яснымъ, вѣрнымъ взглядомъ и умомъ глубоко практическимъ,“ онъ „пріобрѣлъ богатства силою одного ума и глубокихъ соображеній, а не удачами и слѣпымъ счастьемъ,“—все это такія черты, которыя напоминаютъ Муразова. А главное, Бенардаки, совмѣстно съ Гоголемъ, желалъ спасти Нащокина отъ того критическаго положенія, въ какомъ онъ находился съ семьей, совершенно разорившись, и предлагалъ ему мѣсто учителя своихъ дѣтей. Письма Гоголя, новое изданіе, т. II, стр. 188—194.

вавшемъ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній, видѣли злобный намекъ на Грановскаго, а въ недоучившемся рѣзкаго направленія студентѣ—Бѣлинскаго. [1]) Въ Кошкаревѣ нѣкоторые видѣли намекъ на Викулина (знакомаго Жуковскаго) [2]), въ Маниловѣ—Василія Ивановича Юрьева, женатаго на двоюродной сестрѣ Данилевскаго, въ Пѣтухѣ—отставного полковника 12 года Ѳ. А. Данилевскаго, въ эманципированной женщинѣ, въ которую влюбленъ Платоновъ, [3]) авторъ предполагалъ изобразить Смирнову, въ генералъ-губернаторѣ—графа А. П. Толстого или мужа Смирновой, Калужскаго губернатора, который энергично боролся со взяточниками. [4]) Коробочка, по словамъ Анисимо-Яновской, „прямо, кажется, списана съ ея тети Пивинской“. [5])

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя лица дали Гоголю только лишь первоначальныя впечатлѣнія, отправившись отъ которыхъ и переработавъ которыя, онъ впослѣдствіи создалъ типы. Гоголь самъ говоритъ въ „Авторской исповѣди,“ что онъ никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. „У меня только то и выходило хорошо, что взято было изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности“. [6]) Но портретовъ онъ никогда не писалъ: „я никогда не писалъ портрета,“ продолжаетъ

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1872, VII, 434. Ср. статью Шевырева въ первой книгѣ Москвитянина за 1842 г., гдѣ онъ называетъ Бѣлинскаго недоучившимся студентомъ; Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 137.

[2]) Загаринъ, Жуковскій и его произведенія, стр. 363.

[3]) См. у меня ниже.

[4]) Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 580.

[5]) Русская Мысль, 1902, I, 85.

[6]) Сочиненія, 4, 256. О подобномъ-же процессѣ творчества и у Тургенева см. его сочиненія т. X, стр. 101: „я долженъ сознаться, что никогда не покушался „создавать образъ,“ если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Не обладая большою долею свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой я бы могъ твердо ступать ногами.“

онъ, „въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе я вещей принималъ въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Но воображеніе мое не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ". [1])

Затѣмъ въ „Мертвыхъ Душахъ" мы находимъ отраженіе многихъ чертъ личнаго характера Гоголя, его привычекъ, странностей и т. д. Самъ Гоголь неоднократно заявлялъ, что его сочиненія—исторія его собственной души, что своимъ героямъ онъ придавалъ свои личныя качества. „Прямо скажу все," говоритъ онъ въ одномъ письмѣ: „герои мои потому близки моей душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія —исторія моей собственной души." [2]) „Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться." [3]) Современники подтверждали эти слова Гоголя, напримѣръ, Арнольди, братъ Смирновой, который ссылался въ этомъ отношеніи „на всѣхъ, кто зналъ Гоголя коротко." [4]) И дѣйствительно, въ „Мертвыхъ Душахъ" мы находимъ много автобіографическаго. Кудрявая витіеватость рѣчей Чичикова въ сильной степени напоминаетъ застарѣлый у самого Гоголя недостатокъ, отъ котораго онъ постоянно стремился избавиться,—склонность къ отборнымъ, красивымъ фразамъ, полнымъ многословія и реторики. Въ юности его почти всѣ письма, кромѣ дружескихъ, написаны этимъ слогомъ. Но еще отроческія письма Гоголя полны Маниловскихъ оборотовъ, напримѣръ: „Позвольте, дражайшая маменька, позвольте поздравить васъ съ днемъ ангела вашего, съ симъ блаженнѣйшимъ днемъ для каждаго нѣжнаго и благороднаго сына. Ваша родительская любовь и нѣжность, ваши благодѣянія, ваши о мнѣ попеченія,—все сіе побуждаетъ меня приняться за

[1]) Сочиненія, 4, 257.
[2]) Переписка, сочиненія, IV, 86.
[3]) Ibid., 91.
[4]) Русскій Вѣстникъ, 1862, № 1, стр. 72—74.

перо, чтобы изъявить вамъ свою благодарность. Но, къ несчастью, оно столь не твердо, силы мои такъ слабы, а о благодарности я и думать не могу; она не что иное есть, какъ слабая тѣнь, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я вамъ долженъ.“ [1])

Гоголю стоило вспомнить слогъ своихъ писемъ этого пошиба, чтобы схватить вѣрный тонъ для рѣчей Манилова; отъ первыхъ строкъ приведеннаго письма такъ и вѣетъ „майскимъ днемъ“ и „именинами сердца,“ говоритъ Веселовскій. [2])

Любилъ Гоголь и покушать, подобно Собакевичу, находилъ онъ въ себѣ что-то „Хлестаковское,“ [3]) сближающее его съ Ноздревымъ и т. д.

Наконецъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ есть черты, сохранившіяся въ памяти Гоголя изъ школьной и вообще изъ его личной жизни, напримѣръ, разсказъ о гусарѣ, о провинившемся школьникѣ, о состояніи человѣка передъ отъѣздомъ, когда все уже уложено, а лошадей нѣтъ, и т. д., и т. д.

Встрѣчается въ „Мертвыхъ Душахъ“ и повтореніе какъ-бы старыхъ образовъ, уже извѣстныхъ читателю по прежнимъ произведеніямъ Гоголя, напримѣръ, Ноздревъ, полицеймейстеръ, дама просто пріятная, напоминающая Анну Андреевну и др.

Изъ такихъ разнообразныхъ матеріаловъ должны были создаться „Мертвыя Души.“ Посмотримъ теперь, какъ онѣ создавались.

II.

Начало созданія „Мертвыхъ Душъ“ должно быть отнесено ко второй половинѣ 1835 года. 7 октября 1835 года Гоголь извѣщалъ Пушкина: „Началъ писать „Мертвыя Души“. Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хоро-

[1]) Письма V, стр. 15; новое изданіе I, 22.

[2]) Этюды и характеристики, 576.

[3]) Письма, VI т., 350—351.

шаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хоть съ одного боку всю Русь." [1]) Но есть основанія предполагать, что лѣтомъ 1835 года Гоголь еще не писалъ своей поэмы. Въ основаніе „Мертвыхъ Душъ," какъ извѣстно, должны были лечь путевыя записки Гоголя. Эти путевыя записки Гоголь велъ лѣтомъ 1835 года, когда ѣздилъ домой на отдыхъ. Сохранились только отрывки этихъ путевыхъ записокъ, и нѣкоторыя описанія ихъ буквально совпадаютъ съ подобными же мѣстами „Мертвыхъ Душъ." [2]) Итакъ, начало поэмы Гоголя должно быть отнесено къ осени 1835 года. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, „Пушкинъ погибъ, зная только наброски первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ." [3]) Гоголь-же выѣхалъ за границу въ половинѣ 1836 года. Слѣдовательно, почти за годъ Гоголь мало написалъ изъ своего произведенія. [4]) Причиной этого было слѣдующее обстоятельство. По словамъ Гоголя, первыя главы (или наброски первыхъ главъ, по словамъ Аксакова) были прочитаны Пушкину. „Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ" въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде (т. е. первоначально написаны), то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ-же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда-же чтеніе окончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!" „Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, прибавляетъ Гоголь какъ-то неясно, что значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе

[1]) Письма, новое изданіе I т., стр. 353—354.

[2]) Объ этомъ см. подробно Сочиненія Гоголя, VII, стр. 487.

[3]) Русскій Архивъ, 1890 г., VIII, 27—28; ср. Сочиненія Гоголя, VII, 577.

[4]) Шенрокъ думаетъ, что до отъѣзда за границу было набросано не болѣе шести главъ, Сочиненія Гоголя, VII, 498.

свѣта. Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ-бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвесть „Мертвыя Души“. [1]) Такимъ образомъ, на первыхъ-же порахъ созданія поэма Гоголя подверглась переработкѣ въ сторону смягченія удручающаго впечатлѣнія. Но, очевидно, и въ первоначальныхъ наброскахъ ея не было каррикатуры, когда Пушкинъ, такъ хорошо знавшій Россію, пришелъ въ восторгъ отъ нея. Вотъ какъ передаетъ Смирнова то впечатлѣніе, какое произвело на Пушкина чтеніе Гоголемъ первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ“: „Пока Гоголь читалъ, Пушкинъ, по своей привычкѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился передъ Гоголемъ, положилъ ему обѣ руки на плечи, долго смотрѣлъ на него и наконецъ сказалъ ему: „Умница,“ затѣмъ поцѣловалъ его въ лобъ, въ знакъ одобренія. Онъ снова заходилъ по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Невеселая штука—Россія.“ Надъ нѣкоторыми сценами онъ отъ всей души хохоталъ, потомъ сдѣлался чрезвычайно задумчивъ и наконецъ сказалъ Жуковскому: „А маленькій-то хохолъ, каковъ!“ Пушкинъ также поцѣловалъ и Плетнева, который всегда откроетъ какой-нибудь кладъ.“ Мужъ Смирновой говорилъ ей, что Гоголь вѣрно описываетъ помѣщиковъ и чиновниковъ, Пушкинъ-же заявилъ, что Гоголь ничего не выдумываетъ, что всѣ его описанія совершенная правда, страшная правда. Послѣ чтенія Пушкинъ, обратившись къ Смирновой, сказалъ, что она должна взять Чичикова подъ свое крылышко, хоть онъ и неказистъ. [2]) Очевидно, Гоголь просто смутился отъ того тяжелаго впечатлѣнія, какое произвели на Пушкина его правдивыя описанія, и началъ ослаблять мрачный колоритъ. Это, вѣроятно, и было причиной замедленія въ работѣ, такъ что за годъ Гоголь мало могъ написать для своего произведенія.

Сначала у Гоголя не было никакого плана при созданіи „Мертвыхъ Душъ.“ „Я началъ было писать, не опредѣливши

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, 89.
[2]) Шенрокъ, III, 74.

себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичикова, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры, что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными." [1]) Не всему, что здѣсь говоритъ Гоголь, мы повѣримъ на слово. Едва-ли съ самаго начала поэмы не ясно было Гоголю, что Чичиковъ у него будетъ обрисованъ, какъ плутъ. Что-же касается трогательныхъ явленій, съ которыми онъ хотѣлъ перемѣшать смѣшныя, то мысль о нихъ, хотя и зародилась у Гоголя при самомъ началѣ созданія „Мертвыхъ Душъ", какъ показываетъ и другое мѣсто изъ „Авторской исповѣди," [2]) но она еще не настолько укрѣпилась, чтобы сбить Гоголя съ его истинной дороги. Даже оканчивая первую полную редакцію своей поэмы, онъ защищаетъ свое сатирическое направленіе въ извѣстномъ отрывкѣ VII главы—„Счастливъ писатель;" [3]) онъ признаетъ великое значеніе и другого, идеальнаго направленія, онъ хотѣлъ бы „ударить въ возвышенныя струны, но это ему запрещаетъ сдѣлать „суровый, неумолимый голосъ, предъ кѣмъ блѣднѣетъ человѣкъ," и онъ

[1]) Сочиненія Гоголя, X, IV, 250. Аксакову Гоголь лично говорилъ, что началъ писать „Мертвыя Души", какъ любопытный и забавный анекдотъ.—Сочиненія VII, 489; Русскій Архивъ, 1890, VIII, 46.

[2]) „Послѣ „Ревизора" я почувствовалъ болѣе, нежели когда либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было-бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться." Ср. еще слѣдующія строки, которыя вписалъ Гоголь въ 1835 году (т. е. въ то время, когда онъ началъ „Мертвыя Души"), въ свою записную книгу, возмущенный тогдашнимъ фальшивымъ состояніемъ русской литературы: „Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ! Что намъ французы и весь заморскій людъ! Развѣ мало у насъ нашихъ *плутовъ*, которые тихомолкомъ употребляютъ во зло благо, изливаемое на насъ нашимъ правительствомъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые, подъ личиною кротости, подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ хорошія. Изобразите намъ нашего честнаго, прямого человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, остается не поколебимъ въ своихъ положеніяхъ." Артистъ, 1890 г., 5, стр. 85—86.

[3]) Сочиненія Гоголя, VII, 80—81.

остается вѣренъ своему направленію; онъ признаетъ, что „и его подвигъ не менѣе почтенъ,“ и „отталкиваетъ прочь раболѣпную просьбу, жажду людей самозабвенія,“ не желаетъ „окуривать головы“ и льстить „человѣческой гордости.“ [1])

Прочитавши первыя главы „Мертвыхъ Душъ“ Пушкину и оставшись недоволенъ тѣмъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, какое онѣ на него произвели, Гоголь принялся ихъ передѣлывать. Но эта работа производилась, очевидно, уже за границей. Тревоги, связанныя съ постановкой „Ревизора“, мѣшали ему работать надъ „Мертвыми Душами“ въ Россіи, и онъ рѣшилъ уѣхать за границу. „Ѣду за границу“, писалъ онъ Погодину 10-го мая 1836 года, „тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники;“ [2]) и въ другомъ письмѣ къ нему-же: „Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія“. [3]) Но много времени ушло у Гоголя на выясненіе своихъ авторскихъ обязанностей, и работа надъ поэмой шла въ прежнемъ направленіи, хотя, быть можетъ, и нѣсколько смягченномъ послѣ чтенія Пушкину.

Вновь, послѣ чтенія Пушкину первыхъ главъ, принялся Гоголь за свое произведеніе только за границей. „Я началъ въ Веве писать и продолжать моихъ „Мертвыхъ Душъ“, которыхъ было *оставилъ*“, пишетъ онъ Данилевскому отъ 23 октября 1836 года изъ Лозанны. [4]) Работа скоро опредѣлилась, и 12-го ноября 1836 года Гоголь уже писалъ Жуковскому: „Я принялся за „Мертвыя Души“, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь

[1]) Сочиненія Гоголя VII, 80—81.

[2]) Письма, V, 255; новое изданіе, I, 370.

[3]) Письма, V, 261; новое изданіе, I, 378.

[4]) Ibid. V, 282; новое изданіе I, 412. У Шенрока ошибочно сказано, что Гоголь даже за продолженіе „Мертвыхъ Душъ“ вновь принялся только въ Швейцаріи глубокой осенью 1837 года, а потомъ въ Парижѣ, III 447; ср. ibid. стр. 133—134.

веду его спокойно, какъ лѣтопись. Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь,— вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро, въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день". [1]) Очевидно, въ это время планъ у Гоголя значительно расширился, такъ какъ раньше онъ хотѣлъ показать всю Русь только „съ одного боку". [2]) Но скоро въ Вевѣ стало холодно, онъ началъ грустить. „Меня не веселили мои „Мертвыя Души", говоритъ онъ дальше въ своемъ письмѣ: „я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ". Докторъ посовѣтовалъ перемѣнить мѣсто, и Гоголь отправился въ Парижъ. Тамъ онъ нашелъ теплую квартиру, и работа снова пошла хорошо. „Мертвыя текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Вевѣ, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи", продолжаетъ онъ сообщать Жуковскому: „передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы,—словомъ, вся православная Русь". Онъ даже замышляетъ новое произведеніе, кое-что „слышитъ изъ него", но пока „погруженъ весь въ „Мертвыя Души". „Огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его", продолжаетъ Гоголь; „еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что-жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе! Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ-же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни". [3]) Вотъ когда уже Гоголь начинаетъ говорить

[1]) Письма Гоголя; новое изданіе, I, 414.
[2]) См. у меня выше.
[3]) Письма Гоголя; новое изданіе, I, 415—416.

о важности своего произведенія, и эту важность онъ видитъ пока въ томъ сатирическомъ направленіи, которому и раньше служилъ, и которое породило ему много враговъ, а въ будущемъ пріобрѣтетъ ему ихъ еще больше. Въ этомъ-же письмѣ Гоголь проситъ Жуковскаго сообщить ему „какіе-нибудь казусы, которые могутъ случиться при покупкѣ „Мертвыхъ Душъ“. Ему „хочется страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ“. Онъ проситъ и Пушкину сказать о томъ, не найдетъ-ли и онъ чего-нибудь съ своей стороны для его сюжета. Въ это время Гоголь до того увлекается величіемъ „Мертвыхъ Душъ“, что всѣ свои прежнія произведенія, даже „Ревизора“, считаетъ пустыми мараніями. „Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараніяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ... И если-бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора“, а съ нимъ „Арабески“ и „Вечера“, и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіе долгаго времени, ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова,—я бы благодарилъ судьбу“, пишетъ онъ Прокоповичу 25 января 1837 года изъ Парижа. [1])

Наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1837 года первыя двѣ главы были настолько обработаны у Гоголя, что онъ рѣшился прочесть ихъ Смирновой и ея кружку. Смирнова жила тогда въ Баденѣ. Туда-же пріѣхалъ и Гоголь. Онъ объявилъ ей, что пишетъ романъ подъ заглавіемъ „Мертвыя Души“ и желаетъ прочитать вечеромъ ей и ея небольшому кружку. Онъ прочелъ двѣ первыя главы въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣ явились въ печати. Всѣ очень много смѣялись и были въ восторгѣ. [2]) Но уже лѣтомъ 1837 года Гоголь чувствовалъ себя плохо за границей. Въ Баденѣ онъ часто былъ такъ задумчивъ, что его звали и не могли дозваться. Онъ отказывался отъ всякаго общества и одинъ бродилъ по лугу возлѣ Стефанибада. Болѣзненные припадки усиливались, и съ августа 1838 года начинаютъ раздаваться жалобы на болѣзненное

[1]) Письма Гоголя; новое изданіе, I, 425.
[2]) Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 239—240.

состояніе и плохую работу. „О себѣ ничего не могу сказать слишкомъ утѣшительнаго“, пишетъ онъ Погодину 20-го августа 1838 года. „Увы! здоровье мое плохо, и гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья!... Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь: я писалъ тебѣ о немъ, но работа моя вяла, нѣтъ той живости... Болѣзнь моя говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія“... [1]) Онъ продолжаетъ питать гордые замыслы относительно своей поэмы и говоритъ Погодину, что сочиненіе его велико. [2]) Еще хуже дѣло обстояло въ концѣ 1838 года. „Ничего не сдѣлалъ я!“ пишетъ Гоголь 5 декабря 1838 года тому-же Погодину. „Какъ бѣденъ мой талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье!“ [3]). Пострансствовавши за границей, проживши довольно долго въ Римѣ, Гоголь пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ, по словамъ Панова, задумалъ трагедію изъ малорусской жизни. [4]) Эта трагедія, вѣроятно, задержала на нѣкоторое время работу надъ его поэмой. По крайней мѣрѣ въ это время мы почти не находимъ въ письмахъ Гоголя указаній на ходъ его работы надъ „Мертвыми Душами“. Онъ, кажется, поглощенъ былъ своей трагедіей. Но и трагедія подвигалась плохо вслѣдствіе наступившихъ болѣзней. „Трудъ мой, который началъ, нейдетъ“, сообщаетъ онъ Шевыреву изъ Вѣны 10-го августа 1839 года. „А чувствую, вещь можетъ быть славная! Или для драматическаго творенія нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ установившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во время оно? Подожду, посмотримъ. Я надѣюсь много на дорогу“. [5]) Но уже 25 августа 1839 года изъ той-же Вѣны онъ сообщаетъ Шевыреву, что его посѣтило

[1]) Письма Гоголя V, 332; новое изданіе I, 519—520.
[2]) Ibid. 333.
[3]) Ibid., V, 424—425; новое изданіе II, 88—89.
[4]) Ibid., новое изданіе I, 549.
[5]) Письма Гоголя, V, 381; новое изданіе, I, 620.

вдохновеніе, и, если онъ ничего не сдѣлаетъ, то будетъ большой дуракъ. [1]) Но скоро опять наступила реакція. Гоголь чувствовалъ себя плохо. Въ это время приближался выпускъ его сестеръ изъ института, и Гоголь рѣшилъ возвратиться въ Россію, чтобы устроить судьбу ихъ. Сначала онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, въ гостяхъ у Прокоповича, Гоголь прочиталъ первыя четыре главы изъ „Мертвыхъ Душъ“. [2]) Изъ Петербурга, въ самомъ исходѣ 1839 года, онъ пріѣхалъ въ Москву. [3]) Гоголь остановился у Погодина и ожидалъ матери, чтобы, повидавшись съ нею, возвратиться въ Римъ. Устроивши свои домашнія дѣла и добывши денегъ на поѣздку за границу, Гоголь 18 мая 1840 года выѣхалъ въ Римъ. Въ Москвѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, по словамъ Аксакова, Гоголь также читалъ первые четыре главы, затѣмъ въ мартѣ, въ одну изъ субботъ, пятую главу, а 17 апрѣля въ субботу на Свѣтлое Воскресенье, передъ заутреней, шестую, на которой чтеніе и остановилось. [4]) Вѣроятно, слѣдующія главы еще не были обработаны. По дорогѣ въ Римъ, Гоголь остановился въ Вѣнѣ, чтобы попить водъ. Воды сначала помогли ему, но онъ слишкомъ увлекся работой, и снова себя разстроилъ: онъ слегъ и могъ вскорѣ сколько нибудь стать на ноги, благодаря заботамъ и попеченіямъ о немъ Боткина. 17-го октября 1840 года онъ сообщаетъ Погодину, что Маріенбадская вода въ Вѣнѣ было ему помогла. Онъ началъ чувствовать, что въ головѣ его мысли пробуждаются, воображеніе становится чутко. „Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мной въ ве-

---

[1]) Письма, V, 383; новое изданіе I, 622.

[2]) Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, стр. 173—174.

[3]) Шенрокъ, т. III, 300.

[4]) Сочиненія Гоголя, VII, стр. 580, ср. Русскій Архивъ, 1890 года, VIII, 34; ср. Шенрокъ, т. III, 331, гдѣ говорится, что Гоголь прочиталъ передъ заутреней Свѣтлаго Воскресенія 7 главу; срав. еще новое изданіе писемъ Гоголя, II, стр. 92, примѣчаніе 2.

личіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не былъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу, позабывъ, что это вовсе не годилось во время питія водъ, и именно тутъ-то требовалось спокойствіе головы и мыслей". [1]) Ему дѣлалось все хуже и хуже, онъ боялся даже умереть на чужбинѣ. Тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ своему единственно цѣлебному средству—къ дорогѣ. [2]) Онъ отправился въ Италію, въ Римъ. Въ Римѣ первое время Гоголь чувствовалъ себя хорошо, но потомъ опять наступили болѣзненные припадки. И вотъ онъ со страхомъ глядитъ на себя; онъ думалъ, что въ этомъ году у него будетъ готова вещь, которая за однимъ разомъ его выкупитъ, сниметъ тяжесть, которая лежитъ на его „безсовѣстной совѣсти". [3]) Состояніе Гоголя было ужасно. „И такъ хорошо было началось дѣло! Я началъ такую вещь, какой, вѣрно, у меня до сихъ поръ не было—и теперь изъ подъ самыхъ облаковъ да въ грязь", жалуется онъ Плетневу въ письмѣ изъ Рима отъ 30-го октября 1840 года. У него является даже мысль о самоубійствѣ. „Если-бы я зналъ, что изъ меня рѣшительно ничего не можетъ быть (страшнѣе чего, конечно, ничего не можетъ быть на свѣтѣ), тогда бы натурально дѣло кончено. У меня нѣтъ никакой охоты увеличивать всемірное населеніе своею жалкою фигурою, и за жизнь свою я не далъ-бы гроша и не сталъ бы изъ-за нея биться". [4]) Но опасность миновала, Гоголь поправился и 28-го де-

[1]) Письма Гоголя V, 417; новое изданіе писемъ, II, 80.

[2]) О значеніи дороги для здоровья и творчества Гоголя см. во многихъ его письмахъ и также въ I т. „Мертвыхъ Душъ": „Боже! какъ ты хороша подъ часъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала. А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!" Сочиненія III, 222; ср. новое изданіе писемъ, III, 95, 98 и др.

[3]) Письма Гоголя, V, 419; новое изданіе писемъ, II, 82.

[4]) Ibid., V, 423; II, 86—87.

кабря 1840 года онъ уже извѣщалъ С. Т. Аксакова, что онъ здоровъ и главное приготовляетъ „къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“. „Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія“. Подъ перечисткой и обработкой „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь разумѣлъ здѣсь черновую работу, предшествовавшую первой полной редакціи, [1]) которая и была, вѣроятно, вскорѣ-же вполнѣ закончена и переписана, т. е. въ самомъ началѣ 1841 года. [2]) „Между тѣмъ“, пишетъ онъ въ томъ-же письмѣ, „дальнѣйшее продолженіе его (1-го тома) выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, со временемъ, выйдетъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете“. [3]) По поводу этого письма С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ, что „оно написано совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что много чудеснаго совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ, но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже не совмѣстимо съ тѣлесною оболочкою человѣка“. [4])

---

[1]) См. ее въ сочиненіяхъ Гоголя, VII, 3—152.
[2]) Сочиненія Гоголя, VII, 581, ср. III, 522.
[3]) Письма Гоголя, V, 426; новое изданіе писемъ, II, 91—92.
[4]) Русскій Архивъ, 1890, 8, 45—46.

Съ этого времени можно, кажется, начинать поворотный пунктъ въ работѣ надъ „Мертвыми Душами“. Гоголь, очевидно, думаетъ уже о дальнѣйшемъ продолженіи своей поэмы, т. е. о 2-мъ и, можетъ быть, 3-мъ томѣ, и притомъ въ новомъ направленіи. По крайней мѣрѣ, въ тотъ-же день (т. е. 28 декабря 1840 года) онъ пишетъ Погодину: „Утѣшься! Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ, чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“ (т. е., можетъ быть, 2-мъ томомъ). Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Даже собираюсь въ наступающемъ году печатать 1 томъ, если только дивной силѣ Бога, воскресившаго меня, будетъ такъ угодно“. [1]) Въ это время ему такъ хорошо работалось, что онъ надѣялся приготовить къ лѣту еще что-нибудь, кромѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. [2])

Хотя болѣзненный умственный и нравственный процессъ начинаетъ сильно развиваться въ Гоголѣ, какъ видно изъ его писемъ къ друзьямъ, но онъ еще мало тормозитъ работу. Такъ Данилевскому отъ $^{26}/_{14}$ февраля 1841 года Гоголь пишетъ: „Жизнь моя давно уже происходитъ вся внутри меня, а внутреннюю жизнь не легко передавать. Тутъ нужны томы. Да притомъ результатъ ея явится потомъ весь въ печатномъ видѣ“. [3]) Аксакову (отъ 5-го марта 1841 года) онъ сообщаетъ, что ему тягостно и на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю его душу, [4]) и все больше и больше приходитъ въ мистическій восторгъ отъ своей поэмы: „несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои.

[1]) Письма Гоголя, V, 428; новое изданіе писемъ, II, 94, ср. Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, I, 218.

[2]) Ibid., новое изданіе писемъ, II, 94.

[3]) Письма Гоголя, V, 434.

[4]) Ibid., V, 435; новое изданіе II, 96.

Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета“. [1]) Гоголь начинаетъ вѣрить въ силу своего слова и говоритъ Данилевскому въ письмѣ отъ 7 августа 1841 года: „Но слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому-бы ни было, неслушающему моего слова... Властью высшею облечено отнынѣ мое слово“. [2]) Такъ постепенно Гоголь пришелъ къ мысли, что имъ руководитъ какая-то высшая сила, что онъ можетъ учить другихъ. Это настроеніе сказалось и во второй полной редакціи 1-го тома „Мертвыхъ Душъ“. „Русь! чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?“ [3]) Этого мѣста нѣтъ въ первоначальной редакціи 1-го тома, [4]) но во второй полной редакціи оно уже находится. [5]) И дѣйствительно, въ это время у Гоголя уже была готова вторая полная редакція 1-го тома его поэмы, [6]) отличающаяся между прочимъ отъ предыдущей внесеніемъ въ нее размышленій по поводу дѣйствующихъ лицъ и лирическими отступленіями, совершенно въ духѣ тѣхъ резонирующихъ наставленій, которыя начинаютъ въ это время встрѣчаться и въ его письмахъ къ друзьямъ. Такъ, только въ этой редакціи мы находимъ извѣстное лирическое отступленіе по поводу Плюшкина.—„И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ?“ [7]) моралистическое разсужденіе относительно Коробочки, [8]) которыхъ

[1]) Письма V, 436; новое изданіе II, 98.
[2]) Ibid., V, 447; новое изданіе II, 110—111.
[3]) Сочиненія Гоголя III, 221.
[4]) Ibid., VII, стр. 138.
[5]) Ibid., 349.
[6]) См. ее въ сочиненіяхъ Гоголя, VII, 152—372.
[7]) Ibid., VII, 268—269.
[8]) Ibid., 200.

нѣтъ въ первоначальной редакціи, [1]) и др. Эта вторая полная редакція выработалась изъ тѣхъ поправокъ и дополненій, какія были сдѣланы въ первой бѣловой рукописи, и въ одинъ изъ первыхъ мѣсяцевъ 1841 года Пановъ началъ уже переписывать въ другія тетради первыя пять главъ поэмы. Лѣтомъ 1841 года Анненковъ приступилъ къ продолженію дѣла и сталъ писать „Мертвыя Души“, начиная съ шестой главы, въ тѣ-же тетради подъ диктовку автора. [2]) Въ августѣ того-же года переписка романа была совсѣмъ приведена къ окончанію. [3]) Въ это время, говоритъ Анненковъ, Гоголь „стоялъ уже на рубежѣ новаго направленія, принадлежа двумъ различнымъ мірамъ. По тайнымъ стремленіямъ своей мысли, онъ уже относился къ строгому, исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ художнической независимости—къ прежнему направленію. Послѣднее еще преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и ея славы!“ [4]) И дѣйствительно, во второй полной редакціи мы встрѣчаемъ уже такія лирическія отступленія, которыя заключаютъ въ зародышѣ славянофильскія идеи, [5]) сбившія отчасти Гоголя съ истиннаго пути и не давшія

[1]) Сочиненія Гоголя, VII, 74—75 и 33.

[2]) Ibid., III, 522—523.

[3]) Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, 218.

[4]) Ibid., I, 196.

[5]) С. Т. Аксаковъ говоритъ, что „безъ сомнѣнія пребываніе въ Москвѣ, въ ея русской атмосферѣ, дружба съ нами (семействомъ Аксаковыхъ) и особенно вліяніе Константина (Сергѣевича), который постоянно объяснялъ Гоголю, со всею пылкостью своихъ глубокихъ, святыхъ убѣжденій, все значеніе, весь смыслъ Русскаго народа, были единственныя причины того, что Гоголь обратилъ большое вниманіе на національныя основы Русскаго народа, что и сказалось въ Московской редакціи 1-го тома „Мертвыхъ Душъ“ (сказалось это, какъ мы видимъ, и во второй полной редакціи, оконченной за границей послѣ почти годичнаго пребыванія Гоголя въ Москвѣ, когда у него съ Аксаковыми завязалась самая „тѣсная дружба“). „Я самъ замѣчалъ много разъ“, продолжаетъ Аксаковъ, „какое впечатлѣніе производилъ онъ (Константинъ) на Гоголя, хотя послѣдній старательно

ему возможности окончить его великое произведеніе. Такъ уже въ этой редакціи мы находимъ то лирическое отступленіе, въ которомъ Гоголь говоритъ объ особенной мѣткости слова русскаго человѣка и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи сравнительную характеристику всѣхъ націй: „Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца, легкимъ щеголемъ блеснетъ и разле-

скрывалъ свое внутреннее движеніе“... „Есть доказательство этого русскаго движенія, образовавшагося въ Москвѣ именно въ 1840 году: въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ многія мѣста въ этомъ духѣ, очевидно, вставлены и даже не совсѣмъ гармонируютъ съ прежними рѣчами“ (Русскій Архивъ, 1890 г., 8, 46—47). Ср. Владиміровъ, Очеркъ развитія творчества Гоголя, 34—35. Даже религіозное настроеніе Гоголя, хотя оно ему было свойственно съ дѣтскихъ лѣтъ, усилилось у него со временемъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ славянофильскаго ученія. Славянофилы, какъ извѣстно, полагали, что только Русскій народъ принялъ и сохранилъ у себя истинное христіанство, тогда какъ западно-европейскіе народы его извратили (Пыпинъ, Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-50 годовъ, стр. 258). Точно также и Гоголь въ своемъ письмѣ къ графинѣ Віельгорской говоритъ, что „высокое достоинство русской породы состоитъ въ томъ, что она способна глубже, чѣмъ другія, принять въ себя высокое слово евангельское, возводящее къ совершенству человѣка“. Сѣмена Небеснаго Сѣятеля съ равною щедростью были разбросаны повсюду, но принесли плодъ тогда, когда попали на добрую почву. „Эта добрая почва—русская воспріимчивая природа: хорошо взлелѣянныя въ сердцѣ сѣмена Христовы дали все лучшее, что ни есть въ русскомъ характерѣ. Итакъ, для того, чтобы сдѣлаться русскимъ, нужно обратиться къ источнику, прибѣгнуть къ средству, безъ котораго русскій не станетъ русскимъ въ значеніи высшемъ этого слова. Можетъ быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значеніе жизни“ (Новое изданіе писемъ, IV, 239, письмо 30 марта 1849 года). Гоголь былъ увлеченъ православіемъ именно въ древне-русскомъ духѣ, какъ его понимали и нѣкоторые славянофилы. Такъ въ томъ-же письмѣ онъ находитъ, что въ „Домостроѣ“ „поражаютъ глубокая опытность жизни и полнота обниманія всѣхъ обязанностей, какъ сохранить домоправителю образъ благости Божіей въ обращеніи со всѣми“ (ibid, 240). Самъ Гоголь слѣдующимъ образомъ говоритъ о томъ значеніи, какое имѣло для него пребываніе въ Москвѣ въ 1839 году. „Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, котораго значенія я даже не понималъ вначалѣ“, пишетъ онъ С. Т. Аксакову отъ 28 декабря 1840 г., „заключалось много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу во мнѣ, сильно“. Новое изданіе писемъ, II, 92.

тится недолговѣчное слово француза, затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ смѣтливо бы вырвалось и вмѣстѣ такъ бы кипѣло и живо трепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово", [1])—хотя мы должны сказать, что зародыши этихъ взглядовъ уже находятся и въ первой заграничной редакціи. [2]) Затѣмъ во второй редакціи Гоголь, согласно нѣкоторымъ таинственнымъ выраженіямъ своихъ писемъ этого времени, уже придаетъ какое-то особенное значеніе своему произведенію, хотя и продолжаетъ попрежнему защищать свое сатирическое направленіе. „Почему знать", говоритъ онъ, „можетъ быть, сіи-же низкія страницы предстанутъ потомъ въ незамѣченномъ нынѣ свѣтѣ, и, можетъ быть, будущій поэтъ (о, какая чудная награда!) смятенный остановится передъ ними; грозная вьюга вдохновенья обовьетъ главу его, и неслышанныя пѣсни освѣжатъ міръ"... [3]) Но въ этой редакціи нѣтъ еще и помину объ изображеніи идеальныхъ лицъ [4]), хотя авторъ и говоритъ, что ему предстоятъ еще „двѣ части впереди". [5])

Въ началѣ сентября 1841 года Гоголь оставилъ Римъ и отправился въ Россію печатать свою поэму. Пріѣхалъ Гоголь въ Москву въ половинѣ октября. Первыя 6 главъ были уже извѣстны, какъ мы знаемъ, его Московскимъ друзьямъ. Послѣднія же главы, написанныя болѣе торопливо и не такъ отдѣланныя, должны были подвергнуться переработкѣ. Отдавъ первыя главы для переписки набѣло, Гоголь принялся отдѣлывать послѣднія четыре. Дѣлалъ онъ дополненія и поправки и въ первыхъ 6 главахъ. Изъ дополненій, сдѣланныхъ Гоголемъ во второй части перваго тома, особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ эпизодъ, гдѣ разсказана

[1]) Сочиненія Гоголя VII, 250; ср. ibid., 58—59.
[2]) Ibid., 137—138.
[3]) Ibid., 274.
[4]) Ibid., 352.
[5]) Ibid., 370.

исторія дѣтства и первыхъ служебныхъ подвиговъ Чичикова, [1]) и то мѣсто, гдѣ выступаетъ Кифа Мокіевичъ и Мокій Кифовичъ. [2]) Передѣлана была также совершенно и повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ; [3]) въ Москвѣ она была значительно сокращена, съ тѣмъ чтобы смягчить впечатлѣніе разсказа: была отброшена вся вторая часть изъ опасенія цензуры. Но и въ такомъ видѣ повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ была запрещена цензоромъ. Тогда Гоголь снова началъ передѣлывать этотъ эпизодъ, смягчая по возможности всѣ мѣста, которыя могли показаться рѣзкими, и онъ былъ разрѣшенъ. Запрещенная цензоромъ редакція повѣсти существенно отличается отъ той, которая появилась въ печатномъ изданіи „Мертвыхъ Душъ“. Новая редакція для цензуры была выработана въ теченіе 3—4 дней. [4]) Извѣщая Прокоповича о передѣлкѣ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ, Гоголь говоритъ: „Выбросили у меня цѣлый эпизодъ—„Копѣйкина“, для меня очень нужный, болѣе даже, нежели думаютъ они. Я рѣшился не отдавать его никакъ. Передѣлалъ его уже такъ, что никакая цензура не можетъ придраться. Генераловъ и все выбросилъ“... [5]), и въ письмѣ къ Плетневу: „я выбросилъ весь генералитетъ. Характеръ Копѣйкина означилъ сильнѣе, такъ что теперь видно ясно, что онъ всему причиною самъ, и что съ нимъ поступили хорошо“. [6]) Въ Москвѣ составлена также новая редакція разсказа о томъ, какъ Чичиковъ совершалъ купчія крѣпости на мертвыя души, и введено новое дѣйствующее лицо —Иванъ Антоновичъ Кувшинное Рыло. [7])

Обработавши послѣднія пять главъ, Гоголь прочелъ ихъ С. Т. и К. С. Аксаковымъ и Погодину, „какъ тремъ различнымъ характе-

[1]) Сочиненія Гоголя, III, 417. Въ предыдущихъ редакціяхъ она была разсказана слишкомъ кратко.

[2]) Ibid., 432.

[3]) Ibid., 434.

[4]) Ibid., 523, 531, 532.

[5]) Новое изданіе писемъ. II, 164.

[6]) Ibid., 165.

[7]) Сочиненія Гоголя, III, 434, 436.

рамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія". [1]) Хотя слушатели не сдѣлали почти никакихъ замѣчаній, но Гоголь снова принялся отдѣлывать нѣкоторыя частности своего произведенія. „То, что я увидѣлъ въ замѣчаніи слушателей, въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеніи недоумѣнія, ненарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мнѣ несравненно большую пользу, если бы застѣнчивость не помѣшала каждому разсказать вполнѣ характеръ своего впечатлѣнія", [2]) говоритъ онъ въ письмѣ. Впрочемъ, первыя шесть главъ поэмы были оставлены безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій, но зато онѣ запестрѣли мелкими стилистическими поправками. Послѣднія же пять главъ подверглись по мѣстамъ усиленной переработкѣ въ нѣсколько пріемовъ. Нѣкоторыя страницы послѣдней части рукописи, которыми не былъ доволенъ взыскательный глазъ автора, были передѣланы, другія дополнены. [3])

Нѣкоторыя изъ этихъ передѣлокъ и дополненій представляютъ большой интересъ, такъ какъ онѣ выдаютъ тогдашнее настроеніе автора. Прежде всего Гоголь очень много работалъ надъ отдѣлкой того мѣста второй редакціи своего произведенія, гдѣ онъ придаетъ какое-то таинственное значеніе своей поэмѣ и, защищая свое сатирическое направленіе, ожидаетъ иныхъ пѣсенъ отъ другого поэта. Въ новой редакціи, послѣ долгихъ колебаній и попытокъ найти подходящія выраженія, Гоголь уже не отъ будущаго поэта ожидаетъ пѣсенъ, которыя освѣжатъ міръ,—онъ надѣется, что эти пѣсни потекутъ нѣкогда изъ его собственныхъ устъ: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вздохновенья подымется

[1]) Письма Гоголя, V, 486; новое изданіе II, 204.
[2]) Ibid., V, 486—487; II, 204.
[3]) Подробности см. сочиненія Гоголя III, 438 и далѣе.

изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей“... [1])

Точно также трудно давалось автору и то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о продолженіи своего произведенія въ новомъ духѣ и о своемъ желаніи изобразить идеальныя лица. Наконецъ послѣ долгихъ передѣлокъ это мѣсто приняло слѣдующую форму: „Но... можетъ быть, въ сей-же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ...“ [2]) Наконецъ, не менѣе труда потратилъ авторъ и на окончательную обработку того лирическаго отступленія во второй редакціи, гдѣ онъ говоритъ о страстяхъ, къ которымъ „влечется человѣкъ“. Во второй полной редакціи это мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: „безумно, слѣпо мы всѣ влечемся къ какой-нибудь одной страсти и слѣпо жертвуемъ для нея всѣмъ; но есть что-то упоительное, восторженное, вѣчно зовущее въ самомъ влеченіи“. И далѣе авторъ говоритъ, что и у него есть страсть „заключать въ ясные образы приходящія къ нему мечты и явленія“. [3]) Но въ передѣлкахъ этого мѣста, которыя были сдѣланы авторомъ въ Москвѣ (въ 1841 г.), мы уже находимъ мистическое толкованіе страстей, которыя овладѣваютъ человѣкомъ. „Для высшихъ начертаній, ему непостижимыхъ, обречены онѣ (страсти), и есть въ нихъ что-то вѣчное, зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще

[1]) Сочиненія Гоголя III, 132.
[2]) Ibid., 223, 224, ср. VII, 731.
[3]) Ibid., VII, 366.

суждено совершить имъ,—все равно, въ образѣ ли злодѣйства, или явленія, возрадующаго міръ". [1]) Но и эта редакція не удовлетворила Гоголя, и для печати это мѣсто было передѣлано въ слѣдующемъ видѣ: „Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленіемъ, возрадующимъ міръ,— одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ быть, въ семъ-же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ". [2]) Эти строки ясно указываютъ на тѣ мысли, какія начали занимать Гоголя во время его пребыванія въ Москвѣ въ 1841 г. Это было то время, когда предметомъ изученій Гоголя сдѣлался человѣкъ вообще и его душа. [3]) Плетневъ, который вообще довольно близко стоялъ къ Гоголю и хоть отчасти былъ посвященъ въ его авторскіе планы, уже въ 1842 году заявилъ, что „на первый томъ нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, влекомаго страстями жалкими". [4]) И отнынѣ идея, которая будетъ занимать автора, и которую онъ желаетъ страстно воплотить въ свое произведеніе, заключается въ томъ, что иногда Промыселъ ниспосылаетъ человѣку разныя страсти, чтобы человѣкъ, изстрадавшись и очистившись отъ нихъ, выходилъ на дорогу труда обновлен-

[1]) Разнообразные варіанты этого мѣста см. VII, стр. 746; ср. ibid., 575, III 455.

[2]) Сочиненія Гоголя III, 244.

[3]) Ibid., IV, 252—253.

[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, 1885 г., I, 478.

нымъ, просвѣтленнымъ. Эта идея просвѣтлѣнія самаго низкаго человѣка, вмѣстѣ съ изображеніемъ идеальныхъ лицъ, въ которыхъ бы заключались лучшія человѣческія качества, которыя, по мнѣнію славянофиловъ, обрѣтаются только лишь у русскаго народа, [1]) и сдѣлалась отнынѣ мечтой автора, которую онъ хотѣлъ осуществить въ дальнѣйшихъ частяхъ своей поэмы.

Наконецъ, послѣ многихъ передѣлокъ рукопись поступила въ Московскій цензурный комитетъ. Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ злоключеніяхъ, какія она претерпѣла, странствуя по разнымъ мѣстамъ. [2]) Скажемъ только, что состояніе автора во время этихъ передрягъ было ужасное. Онъ даже рѣшаетъ отложить печатаніе I-го тома и видитъ въ немъ недостатки. „Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего“, пишетъ онъ Плетневу 6 февраля 1842 года, „и теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣютъ быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить“. [3]) Уже въ это время у него является недовольство своимъ произведеніемъ, и не только вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, такъ какъ въ письмахъ этого времени уже ясно начинаютъ выступать идеи мистицизма и аскетизма. 10-го февраля 1842 года онъ уже

[1]) „Философія славянофиловъ стремится къ тому, чтобы открыть истинно-народныя начала русской жизни, развить ихъ и дать имъ мѣсто въ нашемъ образованіи и практическомъ быту“ (Пыпинъ, Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20—50 г., стр. 254). Эти начала въ то же время самыя совершенныя, „начала же западно-европейской образованности ложны, потому что отвергли общее сознаніе вселенской церкви“ (ibid., 259).

[2]) Интересующіеся могутъ объ этомъ прочесть въ сочиненіяхъ Гоголя, III, 458—476, и у Шенрока, III, 364—387. Любопытно, между прочимъ, что цензура называла поэму Гоголя произведеніемъ безбожнымъ, такъ какъ авторъ говоритъ о „мертвыхъ душахъ“; „а душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертія“: считали его произведеніе и опаснымъ для государства, такъ какъ авторъ идетъ противъ крѣпостного права, и т. д.

[3]) Письма Гоголя, V, 458; новое изданіе II, 142.

пишетъ Языкову, что „нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха". [1]) Это настроеніе Гоголя вполнѣ соотвѣтствуетъ тому аскетическому его воззрѣнію на художественное творчество, какое у него около этого времени выработалось и какое отразилось во второй редакціи его повѣсти „Портретъ". [2]) Гоголь до конца своей жизни былъ убѣжденъ, что „законъ Христовъ... можно исполнять и въ званіи писателя", [3]) но для того, чтобы исполнить этотъ законъ въ званіи писателя, какъ слѣдуетъ, ему нужно отказаться отъ всего низменнаго, житейскаго и усовершенствовать себя въ монашескихъ подвигахъ. Такъ и поступаетъ тотъ художникъ въ повѣсти Гоголя, который нарисовалъ портретъ ростовщика. Этотъ портреръ принесъ много несчастій, какъ самому художнику, такъ и всѣмъ вообще людямъ, которые только приходили въ какое-нибудь соприкосновеніе съ этимъ таинственнымъ портретомъ. Тѣ мятежныя чувства, которыя возбуждалъ этотъ портретъ во всѣхъ людяхъ, имѣвшихъ его у себя, художникъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при созданіи его онъ былъ „безумно вѣренъ природѣ". А между тѣмъ въ процессѣ художественнаго творчества нужно „во всемъ находить внутреннюю мысль и пуще всего стараться постигнуть высокую тайну созданья". Тогда и „въ презрѣнномъ у художника уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души". И тогда художникъ „можетъ дать чудные звуки успокоенья, ибо для успокоенья и примиренья всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданье искусства". [4]) Съ этого времени религіозно-аскетическое настроеніе Гоголя, свой-

[1]) Письма Гоголя, V, 459; новое изданіе, II, 144.

[2]) Новая редакція „Портрета" вчернѣ была окончена въ началѣ 1841 года; потомъ она подверглась, по обычному пріему Гоголя, значительнымъ передѣлкамъ, когда онъ уже находился въ Москвѣ; объ этомъ см. сочиненія Гоголя, II, 597 и далѣе. Послана она была для напечатанія Плетневу 17 марта 1842 года, см. Письма, V, 464.

[3]) Письма Гоголя, VI, 425.

[4]) Сочиненія Гоголя, II, 82—83.

ственное ему и въ молодости, [1]) но усилившееся съ годами, не покидало его до конца его жизни. Онъ предпринимаетъ разные духовные подвиги, между прочимъ, путешествіе въ Іерусалимъ, чтобы сдѣлаться лучше и написать такую картину жизни человѣческой, которая была бы „плодомъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли“. [2]) Съ этихъ поръ помыслы автора направлены на душевное дѣло, на усовершенствованіе своего нравственнаго міра, и даже въ концѣ 1847 года, въ письмѣ къ Жуковскому, Гоголь высказываетъ тѣ-же взгляды на искусство, какіе мы находимъ въ его повѣсти „Портретъ“: „искусство есть примиреніе съ жизнью, истинное созданіе искусства имѣетъ въ себѣ что-то успокаивающее и примирительное, искусство есть водвореніе въ душу стройности и порядка, а не смущенья и разстройства“. [3])

Наконецъ 5-го апрѣля 1842 года рукопись поэмы была получена Гоголемъ. Обрадованный авторъ, передѣлавши зачеркнутую цензоромъ повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ и получивши разрѣшеніе печатать и ее въ смягченномъ видѣ, тотчасъ-же приступилъ къ печатанію и самъ нарисовалъ оригиналъ для обертки. [4]) На оберткѣ, подъ несущимся быстро тарантасомъ, изображены съ лѣвой стороны часть деревни, съ правой—верстовой столбъ; между ними съ той и другой стороны бутылки съ рюмками и бокалами, закуски въ видѣ рыбъ на блюдѣ, солонка. Бутылка сверху какъ бы вѣнчаетъ этотъ рядъ изображеній, которому внизу соотвѣтствуютъ также бутылки съ бокалами и блюдо съ большимъ осетромъ и мелкими рыбками, можетъ быть, то блюдо, которое украшало трапезу полицеймейстера, и къ которому пристроился Собакевичъ. Изображеній живыхъ людей немного—только два: на правомъ полѣ читатель видитъ пьянаго мужичка, пляшущаго подбоченившись съ чаркою въ рукѣ, и танцующую, очевидно, на

[1]) См., напр., письмо Гоголя по поводу смерти его отца, V, 19; ср. Шенрокъ, I, стр. 33.

[2]) Сочиненія Гоголя, II, 61.

[3]) Письма Гоголя; новое изданіе, IV, 140.

[4]) Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 299.

балу пару. Зато эмблемы смерти въ обиліи разсыпаны по всей картинѣ въ верхней ея половинѣ; смерть, кажется, вездѣсуща на картинѣ: черепа выглядываютъ изъ затѣйливыхъ завитковъ, окаймляющихъ верхнюю половину рисунка, на одной вертикальной линіи помѣщены принадлежности закуски (бутылки вина и рыбы) и черепъ. Два скелета расположены симметрически, справа и слѣва, въ полулежачемъ положеніи; третій, на черномъ фонѣ, изображенъ сидящимъ и простирающимъ впередъ руки, какъ-бы призывая кого-то въ свои объятья. [1]) Лучшимъ объясненіемъ идеи, выраженной на рисункѣ, можно считать слѣдующія строки, въ которыхъ Гоголь намѣтилъ впослѣдствіи планъ и идею первой части „Мертвыхъ Душъ“: „Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни. При бальномъ (освѣщеніи), при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти“. [2]) Въ рисункѣ брошенъ намекъ на ту идею, которая стала въ Москвѣ занимать автора „Мертвыхъ Душъ“, и которую онъ началъ прозрѣвать въ печатавшейся поэмѣ. Болѣзни духа и тѣла, мучившія Гоголя въ Москвѣ, устремили помыслы его къ иному міру, и идеалъ аскетизма предсталъ ему съ неотразимою силою. [3]) Наконецъ 22 мая 1842 года „Мертвыя Души“ вышли изъ печати. Гоголь чувствовалъ себя спокойно и хорошо и 23-го мая выѣхалъ въ Петербургъ. 5-го іюня онъ отправился снова за границу. Новое направленіе, которое, какъ мы указывали выше, постепенно овладѣвало Гоголемъ, только слегка отразилось на I томѣ „Мертвыхъ Душъ“ кое-какими вставками, которыя мы уже привели выше. Но вскорѣ оно сдѣлалось чревато многими бѣд-

[1]) Сочиненія Гоголя, III, 477—478.
[2]) Ibid., 255.
[3]) Ibid., 478.

ствіями для нашего автора. Уже вскорѣ по выходѣ I-го тома „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь не совсѣмъ доволенъ имъ. 26 іюня 1842 года, посылая I-ю часть „Мертвыхъ Душъ“ Жуковскому, Гоголь пишетъ: „Я передѣлалъ ее много съ того времени, какъ читалъ вамъ первыя главы, но все однакоже не могу не видѣть ея малозначительности въ сравненіи съ другими, имѣющими послѣдовать ей частями“. [1])

Но рѣшительный приговоръ надъ I томомъ еще не произнесенъ. Даже въ 1843 году Гоголь, признавая всѣ несовершенства первой части, говоритъ, что она свое дѣло сдѣлала, разнесла нѣкоторую ему нужную тоску и поселила отвращеніе отъ его героевъ. [2]) Но постепенно, съ усиленіемъ его новыхъ идей и выясненіемъ того, что должно было явиться во II-мъ и III-мъ томѣ, это недовольство росло и перешло даже въ прямое отвращеніе къ I-му тому.

III.

Мысль написать „Мертвыя Души“ въ трехъ частяхъ явилась у Гоголя еще за границей, въ концѣ работы надъ I томомъ. По крайней мѣрѣ, уже во второй полной заграничной редакціи Гоголь говоритъ, что ему предстоятъ еще „двѣ части впереди“. [3]) II томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ начатъ еще до полнаго окончанія I-го тома. На это мы имѣемъ слѣдующія до-

[1]) Письма Гоголя, V, 480; ср. въ письмѣ Данилевскому отъ 9 мая 1842 года: „Черезъ недѣлю послѣ сего письма ты получишь отпечатанныя „Мертвыя Души“, предверіе немного блѣдное той великой поэмы, которая строится во мнѣ и разрѣшитъ, наконецъ, загадку моего существованія“ (Новое изданіе писемъ, II, 168), и въ письмѣ къ Иннокентію: „посылаю вамъ трудъ мой! Взгляните на него дружелюбно. Это блѣдное начало того труда, который свѣтлой милостью небесъ будетъ много не безполезенъ“ (ibid., II, 174).

[2]) Переписка съ друзьями, Сочиненія, IV, 89.

[3]) Сочиненія Гоголя, VII, 370; ср. Авторскую исповѣдь, IV, 274: въ окончательной редакціи прибавлено: двѣ *„большія“* части, Сочиненія, III, 248.

казательства. 28-го декабря 1840 года Гоголь пишетъ Погодину: „Чувствую свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“. Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Даже собираюсь въ настоящемъ году печатать первый томъ, если только дивной силѣ Бога, воскресившаго меня, будетъ такъ угодно“. [1]) Такъ какъ первый томъ вчернѣ былъ уже готовъ, то подъ продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“ надо разумѣть работу надъ вторымъ томомъ. [2]) И дѣйствительно, сообщая впослѣдствіи (въ 1846 году) о сожженіи второго тома, Гоголь говоритъ, что „не легко было сжечь пятилѣтній трудъ“, и далѣе: „вѣрю, что, если придетъ урочное время, въ нѣсколько недѣль совершится то, надъ чѣмъ провелъ пять болѣзненныхъ лѣтъ“. [3]) Затѣмъ въ записной книжкѣ Гоголя 1841—1842 г. слова: „развить статью о воспитаніи во второй части“, [4])—несомнѣнно, относятся къ началу второго тома „Мертвыхъ Душъ“ и имѣютъ въ виду именно воспитаніе Тентетникова, самое имя котораго находимъ также въ одной изъ записныхъ книгъ. [5]) Наконецъ, въ Московской редакціи знаменитой характеристики двухъ поэтовъ Гоголь надѣется, что новыя пѣсни потекутъ уже не изъ другихъ устъ, а изъ его собственныхъ. Между тѣмъ въ началѣ второго тома мы находимъ оправданіе того сатирическаго изображенія жизни, которому былъ вѣренъ Гоголь въ I-мъ томѣ, [6]) и которое онъ отстаивалъ въ началѣ

[1]) Письма Гоголя, V, 428.

[2]) Ср. Сочиненія, VII, 585.

[3]) Сочиненія Гоголя IV, 92, 94; ср. Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, I, 202.

[4]) См. Сочиненія Гоголя, VI, 457.

[5]) См. ibid., 538.

[6]) „Зачѣмъ-же выставлять на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что-жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства!“ Сочиненія Гоголя, III, 280.

VII главы заграничной редакціи. Итакъ, можно думать, что II томъ былъ начатъ еще за границей, до полнаго окончанія I-го тома, и въ томъ-же направленіи, что и I томъ, и только впослѣдствіи въ немъ начали раздаваться новыя рѣчи. Сохранились даже слѣды позднѣйшихъ вставокъ во II-мъ томѣ въ томъ же духѣ, въ какомъ были сдѣланы нѣкоторыя вставки въ концѣ перваго тома, о которыхъ Тихонравовъ говоритъ, что, „читая ихъ, чувствуешь, какъ мысль автора уже занята работой надъ нѣкоторыми подробностями второго тома“. [1]) Къ числу такихъ вставокъ относится и мѣсто о воспитаніи Тентетникова.

Начатый въ 1840 г. второй томъ сначала довольно быстро подвигался. 5-го марта 1841 года Гоголю казалось достаточнымъ трехъ лѣтъ „съ свѣжими минутами“ для полнаго окончанія „Мертвыхъ Душъ“, которыя должны были состоять изъ трехъ томовъ. [2]) Анненковъ даже говоритъ, что вторая часть въ первоначальномъ очеркѣ была готова у Гоголя около 1842 г.; „есть слухи, будто она даже переписывалась въ Москвѣ въ самое время печатанія первой части романа.“ [3]) Имѣлъ-же какое-нибудь основаніе Погодинъ объявить въ Москвитянинѣ, что „два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года“. [4]) 21-го мая 1842 г. на прощальномъ обѣдѣ у Аксаковыхъ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Гоголь „въ третій разъ обѣщалъ. что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ, вдвое толще перваго.“ [5]) Но не прошло и года, какъ Гоголь уже оттягиваетъ срокъ окончанія второго тома. Въ февралѣ 1843 года Шевыревъ, завѣдывавшій продажею экземпляровъ „Мертвыхъ Душъ“, убѣждалъ Гоголя приступить ко второму изданію книги, но съ тѣмъ, чтобы къ нему былъ присоединенъ и второй томъ. На это Гоголь 28 февраля 1843 г. отвѣчаетъ

[1]) Сочиненія, III, 417.
[2]) Письма Гоголя, V, 436.
[3]) Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, 231.
[4]) Русская Старина, 1875 г., IX, 126.
[5]) Записки о жизни Гоголя, I, 301.

слѣдующее: „Ты говоришь, что пора печатать второе изданіе „Мертвыхъ Душъ“, но что оно должно выйти необходимо вмѣстѣ съ II томомъ. Но если такъ, тогда нужно слишкомъ долго ждать. Еще разъ я долженъ повторить, что сочиненіе мое гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ можно предполагать по его началу. И если надъ первою частью, которая оглянула *едва десятую долю того, что должна* оглянуть вторая часть, просидѣлъ я почти пять лѣтъ... разсуди самъ, сколько долженъ просидѣть я надъ второй... Нужно знать и то, что горизонтъ мой сталъ... шире и пространнѣе, что мнѣ теперь нужно обхватить болѣе того, что... не вошло прежде. Если предположить самую безпрерывную и ничѣмъ не останавливаемую работу, то два года—это самый короткій срокъ,“ [1]) заканчиваетъ онъ. Очевидно, опять работа начала итти плохо. 28 мая 1843 года Гоголь пишетъ Прокоповичу, что „Мертвыхъ Душъ“ не только не приготовленъ II-й томъ къ печати, но даже не написанъ, и раньше двухъ лѣтъ (если только мои силы будутъ постоянно свѣжими въ это время), не можетъ выйти въ свѣтъ.“ Правда, медленность своей работы Гоголь объясняетъ колоссальностью труда. „Загляни въ жизнеописаніе сколько-нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго, продолжаетъ онъ поучать Прокоповича, что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя. и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Гдѣ жъ ты видѣлъ, чтобы произведшій эпопею, произвелъ сверхъ того пять-шесть другихъ.“ [2]) 24 іюня 1843 года Гоголь пишетъ Аксакову, что онъ почти ничего не сдѣлалъ во всю зиму. выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову.“ [3]). Что-же касается слуховъ, которые дошли до Аксакова о „Мертвыхъ Душахъ“, то „все ложь и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ“, говоритъ тутъ же

[1]) Письма Гоголя, новое изданіе, II, 263.
[2]) Ibid., 306.
[3]) Письма Гоголя, VI, 22; новое изданіе, II, 330.

Гоголь. Въ теченіе двухъ лѣтъ, которыя Гоголь предполагалъ употребить на окончаніе II-го тома, онъ думалъ пересмотрѣть и исправить также и первый томъ, чтобы вмѣстѣ со вторымъ напечатать и исправленное изданіе перваго тома. Онъ просилъ Языкова (письмо 28 мая 1843 г.) перечесть еще разъ первый томъ и сообщить ему свои замѣчанія. [1]) Но никто изъ друзей не прислалъ ему такихъ замѣчаній. Тогда Гоголь рѣшаетъ напечатать I томъ безъ всякихъ измѣненій и 6 октября 1843 года пишетъ объ этомъ Шевыреву, прося его сдѣлать только лишь незначительныя стилистическія поправки. Самъ-же онъ ничего не можетъ прибавить: поправки могутъ быть произведены тогда, когда онъ будетъ умнѣй. [2]) Въ это время въ Гоголѣ поднимается уже внутренняя работа, которая мѣшаетъ ему писать его поэму. „Я знаю“, пишетъ онъ Плетневу того-же 6 октября 1843 года, „что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣй, но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ новыхъ сочиненій“. [3])

Съ этого времени начинается поворотный пунктъ въ исторіи созданія II тома: авторъ рѣшается вынести глубокое внутреннее воспитаніе, отъ котораго ожидаетъ творчества болѣе полнаго и даже болѣе быстраго. Все, прежде созданное, въ теченіе 1840—1843 г., кажется ему недостаточнымъ, неудачнымъ, и онъ его какъ бы уничтожаетъ. По крайней мѣрѣ 2 декабря 1843 года Гоголь пишетъ Жуковскому, что онъ продолжаетъ работать, но „набрасываетъ на бумагу хаосъ,“ изъ котораго должно произойти созданіе „Мертвыхъ Душъ“. [4]) Анненковъ думаетъ, что около

[1]) Письма Гоголя, VI, 17—18.
[2]) Новое изданіе писемъ, II, 348.
[3]) Письма Гоголя VI, 29; новое изданіе II, 345.
[4]) Письма Гоголя VI, 38; новое изданіе II, 366.

этого времени произошло первое уничтоженіе рукописи „Мертвыхъ Душъ“ изъ трехъ, какимъ она подвергалась. „Если нельзя съ достовѣрностью говорить о совершенномъ истребленіи рукописи II тома въ это время, то, кажется, можно допустить предположеніе о совершенной передѣлкѣ его, равняющейся уничтоженію. Набрасываніе хаоса, изъ котораго должно произойти созданіе „Мертвыхъ Душъ“ (послѣ трехлѣтней работы надъ ними), не можетъ относиться ни къ продолженію поэмы, ни къ отдѣлкѣ какой-либо части ея. Не о постепенности въ творчествѣ или обыкновенномъ ходѣ его говоритъ это мѣсто, а о новой творческой матеріи, изъ которой должно получиться произведеніе“. [1]) Но академикъ Тихонравовъ, признавая переворотъ, обозначившійся въ концѣ 1843 года въ исторіи созданія поэмы, не видитъ основанія предполагать уничтоженіе рукописи „Мертвыхъ Душъ“: о немъ не говоритъ и авторъ, ясно опредѣлившій въ письмѣ къ Плетневу необходимость остановки въ созданіи поэмы. [2])

Постепенно, съ выясненіемъ новаго плана II тома, Гоголь дѣлается недоволенъ и I томомъ поэмы. Онъ уже не желаетъ перепечатывать его въ прежнемъ видѣ и 2 февраля 1844 года проситъ Шевырева не торопиться съ этимъ дѣломъ и пріостановить второе изданіе I тома.

Очевидно, онъ хотѣлъ его передѣлать въ духѣ новыхъ идей. Но смута, поднявшаяся въ Гоголѣ, парализовала его творчество. „Всякій часъ и минуту надо себя приневоливать“, пишетъ онъ Жуковскому 8 генваря 1844 года, „и не насильно почти ничего нельзя сдѣлать“. [3]) Поэтъ приписываетъ это тому, что его воспитаніе еще не кончилось, что ему надо поумнѣть. [4]) 2 апрѣля 1845 года Гоголь пишетъ Смирновой, что „онъ мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ,

---

[1]) Воспоминанія и критическіе очерки, I, 233.

[2]) Сочиненія, III, 540.

[3]) Письма, VI, 42.

[4]) Ibid., VI, 87; новое изданіе, II, 464.

видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно“. [1]) Въ тяжелыя минуты онъ пробовалъ писать даже такъ, какъ писалось въ молодости, т. е. какъ попало, куда ни поведетъ перо, но ничего не выходило. [2]) Такое нервическое состояніе продолжаться долго не могло, и Гоголь заболѣлъ лѣтомъ 1845 года. Болѣзнь едва не свела его въ могилу. Онъ сожигаетъ вторую часть поэмы (въ началѣ іюля 1845 года), пишетъ завѣщаніе. Объясняя въ 1846 году, почему былъ сожженъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь говоритъ: „вывести нѣсколько прекрасныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, ни къ чему не поведетъ. Оно возбудитъ только одну пустую гордость и хвастовство. Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвалиться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ на показъ и сказать Европѣ: „Смотрите, нѣмцы, мы лучше васъ!“ Это хвастовство—губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну“. [3]) Но извѣстно, что Гоголь погрѣшилъ въ этомъ отношеніи еще въ первомъ томѣ, что и замѣтилъ ему Бѣлинскій въ своей критической статьѣ 1842 года. [4]) Такъ въ первомъ томѣ Гоголь превозноситъ мѣткость слова русскаго человѣка, говоритъ о томъ, что передъ Русью сторонятся и даютъ ей дорогу другіе народы и государства. [5]) Очевидно, это національное самохвальство было еще болѣе развито въ сожженной редакціи второго тома. Теперь-же, послѣ сож-

[1]) Новое изданіе писемъ, III, 37.

[2]) Сочиненія, IV, 264.

[3]) Сочиненія Гоголя, IV, 92—93.

[4]) „Авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними. Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ“: Сочиненія, VI, 414.

[5]) Сочиненія Гоголя, III, 106, 249.

женія, Гоголь думаетъ, что „бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество и даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ“. [1]) Можно думать на основаніи этихъ, не совсѣмъ, впрочемъ, ясныхъ словъ, что Гоголь былъ недоволенъ именно отсутствіемъ реальности въ своихъ изображеніяхъ, и потому подвергъ рукопись сожженію. Недоволенъ онъ былъ также и тѣмъ, что не указалъ средствъ для исправленія падшему человѣку. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ одномъ изъ его писемъ къ Смирновой отъ 20 апрѣля 1847 г. „Богъ не даромъ отнялъ у меня на время силу и способность производить произведенія искусства, чтобы я не сталъ произвольно выдумывать отъ себя, не отвлекался-бы въ идеальность, а держался бы самой существенной правды“. [2]) Начиная поправляться послѣ своей тяжкой болѣзни, Гоголь уже рѣзко выражаетъ свое недовольство I томомъ и набрасываетъ планъ переработки I и II тома. „Я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно „Мертвыхъ Душъ“, пишетъ онъ Смирновой 25-го іюля 1845 года. „Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ“. Это покамѣстъ еще тайна автора, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ мой“. [3])

---

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, 93.

[2]) Письма Гоголя VI, 372; новое изданіе писемъ, III, 437.

[3]) Письма Гоголя VI, 204—205; новое изданіе, III, 80. Но еще раньше, вскорѣ послѣ отпечатанія I тома, въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ $^{18}/_{8}$ августа 1842 года, Гоголь говоритъ ему: „Ваше

Тѣ замѣтки относительно переработки I-го и II-го тома, какія въ это время набросалъ Гоголь, и какія для насъ сохранились, [1]) приподымаютъ передъ нами хоть немного завѣсу съ той таинственной идей, которая „въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ“ предстала въ 1845 году передъ авторомъ. Это была та же идея, которая уже и раньше занимала мысли писателя (съ 1841 года) [2])—идея нравственнаго возрожденія, возможнаго для самаго презрѣннаго человѣка, только лишь она въ это время еще болѣе усилилась, какъ бы совершенно овладѣла писателемъ [3]) и, кромѣ того, осложнилась еще нѣкоторыми другими планами. Что

мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго раза „Мертвыя Души“, совершенно справедливо и должно распространиться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ“: новое изданіе писемъ Гоголя, II, 205. Ср. мнѣніе Бѣлинскаго, высказанное въ томъ же 42 г., что „Мертвыя Души“, какъ всякое глубокое созданіе, не раскрывается вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. „Мертвыя Души“ требуютъ изученія“: Сочиненія, VI, 411. Но въ отрывкѣ чернового письма, неизвѣстно кому писаннаго, Гоголь, требуя критики на „Мертвыя Души“, говоритъ: „творенія мои тѣмъ отличаются отъ другихъ произведеній, что въ нихъ всѣ могутъ быть судьи,—всѣ читатели—отъ одного до другого, потому что предметы взяты изъ жизни, обращающейся вокругъ каждаго“: новое изданіе писемъ, II, 228; письмо 1842 года, ср. ibid., 265. Это мнѣніе Гоголя о своемъ произведеніи и можно считать единственно вѣрнымъ, всѣмъ же его мистическимъ толкованіямъ, подобно толкованію „Ревизора“, не надо придавать никакого значенія.

[1]) Замѣтки эти см. въ Сочиненіяхъ Гоголя, 3, 254—255.

[2]) См. между прочимъ письма Гоголя VI, стр. 139.

[3]) „Душа и дѣло душевное меня занимали“, пишетъ онъ Плетневу отъ $^{20}/_{8}$ февраля 1846 года, „и трудную задачу нужно было разрѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставилъ на видъ“. Всѣ испытанія „посланы мнѣ были для того, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во-вѣки. Вотъ все, что могу тебѣ сказать впередъ; остальное все договоритъ тебѣ мое же твореніе“: Письма Гоголя VI, 237. 8 іюля 1847 года Гоголь пишетъ Погодину: „У меня предметомъ былъ человѣкъ и душа человѣка. А теперь еще болѣе, чѣмъ когда либо прежде, это сдѣлалось моимъ предметомъ“; новое изданіе писемъ, IV, 13.

Гоголя въ это время очень сильно интересовало нравственное совершенствованіе человѣка, это мы можемъ видѣть и изъ того толкованія, какое онъ даетъ своему „Ревизору“ въ „Развязкѣ Ревизора“, написанной въ 1846 году. По толкованію Гоголя, данному имъ своей знаменитой комедіи, городъ, изображенный въ ней, есть „нашъ душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ“. Гоголь совѣтуетъ всякому побывать „въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ“ и „съ проснувшеюся совѣстью“—истиннымъ ревизоромъ — пересмотрѣть „все, что ни есть въ насъ“, чтобы „страсти, обитающія въ душѣ нашей, не подкупили насъ“, такъ какъ „наши страсти—лицемѣры,—говорю вамъ, лицемѣры, прибавляетъ Гоголь, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло“. Здѣсь Гоголь также говоритъ что „душевный нашъ городъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ“. [1]) Что идея нравственнаго возрожденія человѣческой души особенно въ это время занимала Гоголя, на это мы имѣемъ и другое, въ высшей степени любопытное доказательство. Какъ извѣстно, во второмъ письмѣ къ Языкову, помѣщенномъ въ „Перепискѣ съ друзьями“, находится слѣдующее выраженіе: „О если бы ты могъ сказать ему (дремлющему русскому человѣку) то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома „Мертвыхъ Душъ!“ [2]) Этого выраженія нѣтъ въ подлинномъ письмѣ къ Языкову, написанномъ 26-го декабря 1844 года; [3]) оно было вставлено въ него только лишь въ 1846 году, въ то время, когда Гоголь перерабатывалъ всѣ свои письма для изданія ихъ отдѣльной книгой.

Но, кромѣ того, что идея нравственнаго возрожденія человѣческой личности окрѣпла въ 1846 году въ Гоголѣ, [4]) она еще

---

[1]) Сочиненія Гоголя, II, 350—351. Такое объясненіе идеи „Ревизора“ встрѣтило самое энергическое возраженіе со стороны С. Т. Аксакова (см. Русскій Архивъ, 1890 г., 8, 160).

[2]) Сочиненія Гоголя, VI, 73.

[3]) См. Письма Гоголя, VI, 149; новое изданіе писемъ, II, 581.

[4]) Вотъ какъ опредѣляетъ Гоголь въ концѣ 1846 года, что такое поэзія: „Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искус-

осложнилась около этого времени другими планами, еще болѣе грандіозными. „Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ“, писалъ Гоголь 25 іюля 1845 года Смирновой. „Это покамѣстъ еще тайна автора, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ“... [1]) Этому не суждено было сбыться, но тайну автора хоть нѣсколько открываютъ намъ тѣ замѣтки, относительно переработки I-го и II-го тома, какія набросалъ Гоголь въ 1845 году послѣ сожженія второй части своей поэмы. „Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней“ отнынѣ ему представляется „прообразованіемъ бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ, которая смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Противоположное ему прообразованіе во второй (части), занятой разорваннымъ(?) бездѣльемъ“. Авторъ даже намѣчаетъ планъ, какъ „низвести всѣ міра бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ, и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья

ства или хотѣнія человѣческаго: поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ. Опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первокласснѣйшихъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла; но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе“: Письма Гоголя VI, 305; новое изданіе, III, 279. Ср. въ письмѣ къ Анненкову въ августѣ 1847 года: сношенія съ разными людьми дали ему возможность „любоваться красотой души, которая есть перлъ и жемчужина Божьихъ твореній. Я ловилъ всѣ оттѣнки ея и движенія, разбросанныя по частямъ во многихъ изъ тѣхъ людей, съ которыми я встрѣчался душевно. Плодъ этого наблюденія вы, можетъ быть, встрѣтите въ „Мертвыхъ Душахъ“, если Богъ поможетъ, какъ слѣдуетъ, имъ написаться“: новое изданіе писемъ, IV, 70.

[1]) Письма VI, 204—205; новое изданіе писемъ, III, 80; ср. въ письмѣ къ Языкову отъ 2 января 1846 года, гдѣ Гоголь говоритъ, что большая часть его соотечественниковъ впала въ глупую ошибку, принявъ „Мертвыя Души“ за портретъ Россіи, Письма VI, 229.

міра", и говоритъ, что для этого нужно „включить все сходство и внести постепенный ходъ(?)". [1]) Основываясь на этихъ, нѣсколько, впрочемъ, неясныхъ намекахъ, мы можемъ себѣ представить теперь во всей широтѣ ту грандіозную идею, какую хотѣлъ Гоголь провести въ своемъ II томѣ. Отнынѣ исторія возрожденія падшей русской души будетъ служить прообразомъ возрожденія всего человѣчества въ массѣ. Первый томъ, въ которомъ изображены только лишь пошлые люди, теперь, по новому толкованію Гоголя, является „преобразованіемъ бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ", поэтому для него, „вслѣдствіе уже давно принятаго плана, требовались именно люди ничтожные", заявляетъ Гоголь, заднимъ, конечно, числомъ въ 1843 году. [2]) Во второмъ томѣ должно было изобразить „разорванное" бездѣлье, то-есть, вѣроятно, Гоголь намѣревался изобразить людей, смутившихся отъ своихъ пороковъ и устремившихся къ истинѣ, какъ Чичиковъ, Хлобуевъ и всѣ чиновники, которые должны были проникнуться чувствительною рѣчью генералъ-губернатора. И наконецъ, въ третьемъ томѣ Гоголь думалъ изобразить полное просвѣтлѣніе и возрожденіе всѣхъ этихъ лицъ, даже Плюшкина, указавъ имъ „прочное дѣло" въ жизни и заставивъ ихъ увлечься этимъ дѣломъ. Все это возро-

[1]) Сочиненія Гоголя, III, 255.

[2]) Сочиненія Гоголя, IV, 89. „Прототипы этого и другихъ трехъ писемъ по поводу „Мертвыхъ Душъ", отправленныхъ Плетневу для напечатанія 12 сентября новаго стиля 1846 года, не указаны", говоритъ Тихонравовъ. „Можетъ быть, ихъ и не было, и „четыре письма" относятся къ числу тѣхъ немногихъ статей по литературѣ, которыя были прибавлены къ перепискѣ съ друзьями" (Ibid., 521.), и которыя, прибавимъ отъ себя, своимъ возникновеніемъ обязаны болѣе позднему времени, чѣмъ 1843 годъ. На это мы находимъ намекъ въ письмѣ Гоголя къ Языкову отъ 22-го апрѣля 1846 года: „я попробую издать (свои письма), прибавивъ кое-что вообще о литературѣ": письма VI, 246. Что касается плана при созданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ", то мы должны сказать, что съ самаго начала онъ былъ одинъ и тотъ-же: всѣ четыре полныя редакціи сохраняютъ одинъ, державшійся въ головѣ автора планъ; см. сочиненія Гоголя, III, 511.

жденіе должно было произойти на почвѣ природныхъ русскихъ добродѣтелей и послужить урокомъ не только для русскихъ людей, но и для всего человѣчества. [1]) Съ этихъ поръ всѣ безобразныя

[1]) Видя сумятицы, происходящія въ Европѣ, Гоголь говоритъ, что въ Россіи всетаки легче, лучше, что „въ Россіи еще брежжетъ свѣтъ, есть еще пути и дороги къ спасенію“; „уже незримо образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десять лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на Европейскихъ рынкахъ. Я бы назвалъ вамъ многихъ такихъ, которые составятъ когда-нибудь красоту земли русской и принесутъ ей вѣковѣчное добро“ (Сочиненія, IV, 144, письмо 1846). Эти прекрасные люди, конечно, всѣ друзья Гоголя и между ними славянофилы (о сходныхъ мнѣніяхъ славянофиловъ относительно гніенія Запада и о стремленіи послѣдняго позаимствовать мудрости у восточной образованности см. у Пыпина, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20—50 годовъ, стр. 260). Извѣстны опасенія Бѣлинскаго еще въ 1842 году, что „въ этомъ кружкѣ (т. е. въ томъ, въ которомъ вращался тогда Гоголь), онъ (Гоголь) какъ разъ сдѣлается органомъ „Москвитянина“ (Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 147). Но нужно помнить, что Гоголь, воспринимая идеи славянофиловъ, при своей оригинальности и нѣкоторой самомнительности, не всегда имъ вполнѣ слѣдовалъ и развивалъ ихъ нѣсколько самостоятельно, такъ что и славянофилы не всегда имъ были довольны. Гоголь, напримѣръ, порицалъ переряживаніе славянофиловъ, ихъ внѣшнее подражаніе всему русскому. „А они—надѣлъ кафтанъ да запустилъ бороду, да и воображаютъ, что распространяютъ этимъ русскій духъ по русской землѣ“ (Письма, VI, 267, письмо 1846 г., 5 октября); о томъ же онъ пишетъ и К. С. Аксакову, хотя, конечно, мягче (Новое изданіе писемъ IV, 148). Въ статьѣ своей „Споры“ Гоголь говоритъ, что и славянофилы, и западники одинаково не правы, но, разумѣется, „правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ, потому что они всетаки видятъ весь фасадъ и, стало-быть, всетаки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ“ (Сочиненія, IV, 53, письмо 1844 г.). „Перепиской“ своей съ друзьями, какъ извѣстно, Гоголь не удовлетворилъ ни западниковъ, ни славянофиловъ. Онъ, напр., даетъ совѣтъ Языкову (письмо 5 апрѣля 1845 г.) перетряхнуть нашу старину, особенно времена царей. „Они живѣй и говорящѣй, и ближе къ намъ,—и ты въ нѣсколько разъ выиграешь болѣе, когда тѣ русскія стихіи и чисто славянскія струи нашей природы, изъ-за которыхъ идетъ споръ, выставишь въ живыхъ и говорящихъ обра-

явленія русской жизни приводятся имъ въ связь съ той сумятицей, какая вообще существовала, по его мнѣнію, въ то время среди человѣчества, и авторъ хочетъ дать лѣкарство отъ этой болѣзни не только своимъ землякамъ, но и всему міру. „Приходитъ такое время", говоритъ онъ въ письмѣ отъ 16 марта 1846 года, „когда появленіе моей поэмы есть существенная необходимость для теперешняго положенія дѣлъ и мыслей". [1]) „Все, и молодость, и старость, до того запуталось въ понятіяхъ, что не можетъ само себѣ дать отчета. Одни въ полномъ невѣжествѣ дожевываютъ Европейскіе уже выплюнутые жеваки; другіе изблевываютъ свое собственное несваренье. Рѣдкіе, очень рѣдкіе слышатъ и цѣнятъ то, что въ самомъ дѣлѣ составляетъ нашу силу". [2]) Онъ желаетъ „произвести свой трудъ такъ, чтобы онъ имѣлъ доброе вліяніе, чтобы образумились многіе и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и незыблемо". [3]) „Все, что разсказываетъ Анненковъ, какъ очевидецъ, о Парижскихъ происшествіяхъ, просто страхъ", пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: „совер-

захъ" (Письма, VI. 181). Уже въ началѣ 1845 года въ творческой фантазіи Гоголя мелькалъ образъ такого человѣка, который могъ быть потребенъ его времени. Такъ Языкову отъ 2 января 1845 года Гоголь говоритъ, что „нынѣшнему человѣку среди нынѣшняго вѣка предметомъ восхваленій долженъ быть мужъ, потребный современнымъ обстоятельствамъ." Такимъ мужемъ можетъ быть или тотъ, который и „среди унынія другихъ не предается унынію, но сѣетъ бодрость въ души, подъемлетъ всюду падшаго и воздвигаетъ духъ въ человѣкѣ", или тотъ, который отдалъ себя на служеніе Богу и переноситъ твердо всѣ несчастія, или тотъ, который раньше велъ порочную жизнь, но отрезвился и сталъ такимъ образомъ „возвышеннѣе даже того, кто всю жизнь провелъ въ честности", или наконецъ тотъ, который „отъ бездѣльной и лежебокой жизни обращается вдругъ къ дѣятельности и превращается такимъ образомъ изъ бабы въ мужа" (Письма, VI, 162—163). Здѣсь мы видимъ то идейное содержаніе, которое хотѣлъ Гоголь воплотить въ такихъ своихъ образахъ, какъ Муразовъ, Констанжогло, Хлобуевъ, Тентетниковъ.

[1]) Письма Гоголя, VI, 241.

[2]) Ibid., 496, письмо отъ 14 декабря 1849 года.

[3]) Ibid., 462—463.

шенное разложеніе общества! Тѣмъ болѣе это безотрадно, что никто не видитъ никакого исхода и выхода и отчаянно рвется въ драку затѣмъ, чтобы быть только убиту. Никто не въ силахъ вынесть страшной тоски этого рокового переходнаго времени, и почти у всякаго ночь и тьма вокругъ“. [1]) Впрочемъ, мысль о томъ, что человѣчество часто заблуждалось въ теченіе своей исторіи, уже давно занимала Гоголя. Такъ, еще во второй заграничной редакціи I тома мы находимъ у Гоголя лирическое отступленіе, въ которомъ онъ говоритъ, какъ часто отшатывалось отъ прямого пути человѣчество и шло по косвенной, невѣрной дорогѣ: „разверните гремящую лѣтопись міра, что въ ней? Сколько въ ней предстанетъ очамъ столѣтій, которыя бы всѣ уничтожилъ и изгладилъ, какъ ненужныя; видишь, какъ не одинъ разъ отшатнулось человѣчество и пошло по косвенной, невѣрной дорогѣ, тогда какъ истина сіяла яснѣе солнца, и, кажется, весь открытъ былъ прямой путь, по которому бы должно было потечь оно; но отшатнулось ослѣпленное человѣчество, не замѣчая, и, разъ попавши на ложную дорогу, пошло столѣтіями блуждать и теряться, пока не очутилось вдругъ въ невѣдомой глуши, вопрошая испуганными очами: „Гдѣ выходъ? гдѣ дорога?“ И родились, какъ посыпавшіеся листья, какъ черви въ дождь, неслыханныя слѣдствія отъ незаконныхъ причинъ, и произошли дѣла, которыхъ не признали бы своими сами сотворившіе ихъ, а отъ которыхъ бы со страхомъ

[1]) Письма Гоголя, новое изданіе, IV, 219, письмо отъ 24 сентября 1848 года. Ср. въ письмѣ къ Бѣлинскому въ августѣ 1847 года: „Хоть-бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ европейской цивилизаціи! Тутъ и фаланстеры, и красные, и всякіе, и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи“ (ibid., IV, 35—36). Ср. также письмо 1846 года „Страхи и ужасы Россіи“: „Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что не поможетъ никакое человѣческое средство, когда они вскроются“ (Сочиненія Гоголя IV', 142).

отвратились отдаленные отцы ихъ, какъ отвращается мать отъ чудовища, подкинутаго на мѣсто сына. И видитъ все это текущее поколѣніе, и видитъ ясно, и дивится, какъ можно было подобнымъ образомъ заблуждаться, и смѣется надъ неразумiемъ своихъ предковъ, смѣется, не видя, что огненными письменами начертаны сіи страницы, что кричитъ въ нихъ каждая буква, что отвсюду устремленъ изъ нея пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки". [1]) И вотъ, все болѣе и болѣе задумываясь надъ этими печальными явленіями, Гоголь полагалъ, „что о многомъ существенномъ и главномъ слѣдуетъ напомнить человѣку вообще и русскому въ особенности". [2]) Онъ, конечно, сознавалъ всю трудность взятой на себя задачи, но надѣялся, что Богъ ему поможетъ ее совершить. „Какое полное знаніе жизни, сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы создать такіе живые образы и характеры, которые пошли бы *навыки* въ урокъ людямъ, которыхъ никто бы не назвалъ въ то же время идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же русской природы! Какъ много нужно сообразить, чтобы создать такихъ людей, которые были бы истинно нужны нынѣшнему времени". [3]) Эта необъятная идея, которой отдался Гоголь съ 1845 года, и была причиной того, что работа его тормозилась, и не могла быть приведена къ желанному концу. Кромѣ того, и религіозныя сомнѣнія много ему мѣшали работать. Не смотря на то, что религіозность была свойственна Гоголю съ самыхъ малыхъ лѣтъ, не смотря на то, что поддержку ей онъ нашелъ и въ славянофильскомъ ученіи, и въ кругу такихъ лицъ,

---

[1]) Сочиненія Гоголя, VII, стр. 340—341; ср. въ печатной редакціи III, 210—211. Этого мѣста нѣтъ въ первой полной редакціи: см. VII, 130.

[2]) Письма, новое изданіе, IV, 342, письмо 1850 года.

[3]) Письма Гоголя, VI, 417, письмо отъ 24 августа 1847 года; новое изданіе, IV, 60.

какъ Смирнова, графъ Толстой и въ особенности о. Матвѣй, но религіозныя сомнѣнія, очевидно, часто мучили Гоголя, и онъ къ ужасу своему убѣждался, что „вѣры у него совсѣмъ нѣтъ“, и что ему далеко до нравственнаго совершенства. Такъ, въ началѣ 1848 года онъ пишетъ о. Матвѣю: „Признаю Христа Бога человѣкомъ только потому, что такъ велитъ мнѣ мой умъ, а не вѣра. Я изумился Его необъятной мудрости и съ нѣкоторымъ страхомъ почувствовалъ, что невозможно земному человѣку вмѣстить ее въ себѣ, изумлялся глубокому познанію Его души человѣческой, чувствуя, что такъ знать душу человѣка можетъ только самъ Творецъ ея. Вотъ и все, но вѣры у меня нѣтъ“. [1]) И онъ постоянно проситъ своихъ знакомыхъ помолиться о немъ, чтобы Богъ его вразумилъ. Мы согласны съ мнѣніемъ Елисеева, который думаетъ, что Гоголь „смотрѣлъ на себя какъ на Божьяго избранника, котораго Богъ возлюбилъ съ дѣтства, чтобы совершить черезъ него внесеніе истиннаго свѣта въ Россію, черезъ то чудное созданіе, которое творилось и совершалось въ его душѣ. Созданіе это было „Мертвыя Души“. Такъ какъ оно могло осуществиться въ этомъ внушенномъ свыше идеалѣ, въ какомъ предносилось уму Гоголя, только по мѣрѣ нравственнаго очищенія своей души и приближенія ея къ идеалу христіанской чистоты, то Гоголя непрестанно должны были колебать сомнѣнія прежде всего и больше всего насчетъ его нравственной чистоты: такъ ли хорошо очистилъ онъ свою душу, чтобы былъ достоинъ продолжать свою работу, настолько ли онъ ясно понимаетъ божественное внушеніе и настолько ли умѣло прилагаетъ его къ русскому обществу, какъ это предносится въ находящемся въ душѣ его идеалѣ?“ [2]) Сомнѣнія въ томъ, что онъ

[1]) Письма Гоголя, новое изданіе, IV. 154; у Кулиша это мѣсто опущено.

[2]) Русское Богатство, 1902 года, I, 48—49. Такое мессіанистическое настроеніе Гоголя легко можетъ быть объяснено. При своей врожденной религіозности, усиленной еще вліяніемъ тѣхъ лицъ, среди которыхъ онъ вращался, при своей мистической склонности

достигъ совершенной нравственной чистоты, что онъ вполнѣ постигъ предначертанія Божества, мучили Гоголя до конца его

еще съ юныхъ лѣтъ видѣть вмѣшательство Промысла въ свою личную жизнь, Гоголь могъ легко прійти къ заключенію, что онъ, какъ великій поэтъ (о чемъ ему неоднократно говорили и устно, и печатно, напримѣръ, Бѣлинскій, который еще въ 1842 году высказалъ мнѣніе, что „Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія": Сочиненія, VI, 545), избраннаго Богомъ народа, призванъ въ міръ для того, чтобы сказать людямъ новое слово. Это мессіанистическое настроеніе могло поддерживаться и примѣромъ польскаго поэта Мицкевича, который говорилъ, что „главный ключъ, изъ котораго струится высшее поэтическое вдохновеніе *есть религіозность, есть откровеніе правды души, смиреніемъ проникнутой и расположенной къ ея воспріятію*" (Спасовичъ, Исторія польской литературы, изданіе 2, томъ II, 637). О дружественныхъ отношеніяхъ Гоголя къ Мицкевичу мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Но намъ извѣстно, что во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1836 году Гоголь сблизился съ Мицкевичемъ и другимъ польскимъ писателемъ Богданомъ Залѣсскимъ. Что отношенія эти были довольно близки, это намъ показываетъ одна записка Гоголя къ Залѣсскому, въ которой онъ называетъ польскаго поэта „дуже блызькимъ землякомъ, а по серцю ще блыжчымъ, чымъ по земли" (см. Кіев. Старина, 1899 г., X, стр. 284; новое изданіе писемъ Гоголя, I, 431). Затѣмъ съ Мицкевичемъ Гоголь очень часто видѣлся осенью 1837 года въ Женевѣ (Шенрокъ, III, 201). 11-го апрѣля 1838 года Гоголь проситъ Данилевскаго прислать ему „Пана Тадеуша" Мицкевича, „удивительнѣйшую вещь" (Письма, I, 483) Въ апрѣлѣ 1839 года Гоголь проситъ Данилевскаго, проживавшаго тогда въ Парижѣ, познакомить съ Мицкевичемъ Погодина и Шевырева, которые тоже ѣхали въ Парижъ (ibid., 278). Въ маѣ 1839 года Гоголь проситъ Шевырева „крѣпко обнять за него Мицкевича" (ibid., 289; ср. новое изданіе писемъ Гоголя, I, 603). По всей вѣроятности, и позднѣйшая дѣятельность польскаго поэта, когда онъ съ половины 1841 года „умственно свихнулся, оступился въ мистицизмъ, котораго обильные задатки имѣлись въ его душевной организаціи, когда онъ вмѣсто науки сталъ (съ каѳедры въ Парижѣ) преподавать религіозное ученіе и политику" (Спасовичъ, Исторія польской литературы, II, 669), когда онъ, наконецъ, началъ проповѣдывать ученіе Товянскаго,—не осталась неизвѣстной Гоголю. Даже между злосчастной „Перепиской съ друзьями" Гоголя и „Книгами польскаго народа и странничества" Мицкевича (изданной въ Парижѣ въ 1832 году), чувствуется какое-то родство: „Księgi narodu

жизни, [1]) хотя иногда ему и казалось, особенно послѣ тѣхъ споровъ, какіе поднялись по поводу изданія „Переписки съ друзьями“, что „дѣло можетъ пойти хорошо“, [2]) и что все, случившееся съ нимъ. „Божьей милостью обратилось для него въ душевное добро и въ предметъ созданій точно художественныхъ, если только дастъ Богъ силы физическія совершить то, что уже вызрѣло въ душѣ и въ умѣ“. [3])

Новая редакція II-го тома начата была въ 1846 году; по крайней мѣрѣ, 20-го февраля 1846 года Гоголь извѣщаетъ Смирнову, „что голова и мысль у него вызрѣли“, конечно, относительно новой редакціи II-го тома, [4]) а 16 марта того-же года Гоголь уже пишетъ Жуковскому, что ему „удалось кое-что написать изъ „Мертвыхъ Душъ“ (въ новомъ направленіи), которое все будетъ ему въ скорости прочитано“. [5]) Работа сначала, повидимому, подвигалась. Черезъ нѣсколько дней послѣ письма къ Жуковскому (23 марта 1846 года), Гоголь извѣщаетъ Аксакова, что онъ работаетъ: „Богъ даетъ ему минуты, за которыя онъ не знаетъ и не находитъ словъ, какъ благодарить“. [6]) Но вскорѣ Гоголь почувствовалъ, что у него нѣтъ почвы подъ ногами, нѣтъ матеріала, необходимаго для созданія II-го тома и для исправ-

---

polskiego i pielgrzymstwa polskiego“ написаны „библейскимъ слогомъ, прозою“ и по своимъ идеямъ много напоминаютъ широковѣщательныя письма Гоголя.

[1]) См., напримѣръ, письмо къ іеромонаху Оптинской пустыни Филарету (около 21 іюня 1850 года), гдѣ Гоголь проситъ игумена помолиться о немъ, чтобы „Богъ удостоилъ его недостойнаго повѣдать славу имени Его, несмотря на то, что онъ всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій“. Богъ можетъ его чернаго, какъ уголь, убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ“ (Новое изданіе писемъ, IV, 328).

[2]) Новое изданіе писемъ, IV, 97 (письмо 20 ноября 1847 года).

[3]) Ibid., 107 (письмо 7 декабря 1847 года).

[4]) Ibid., VI, 239; новое изданіе, III, 152.

[5]) Ibid., VI, 241, и III, 155.

[6]) Ibid., VI, 243.

ленія I-го. Чтобы добыть эти матеріалы, онъ рѣшается обратиться къ широкой публикѣ, пишетъ предисловіе ко 2 изданію I-го тома и печатаетъ книгу „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями".

„Переписка съ друзьями" имѣетъ самую тѣсную, самую непосредственную связь со II томомъ „Мертвыхъ Душъ". [1]) Прежде всего, Гоголь, говоря о ея значеніи, употребляетъ такія-же слова, какъ и тогда, когда онъ говоритъ о значеніи II тома: „это первая моя дѣльная книга, нужная у насъ многимъ, а можетъ быть, если Богъ будетъ такъ милостивъ, принесущая имъ дѣйствительную пользу". [2]) Еще яснѣе это видно изъ другого письма Гоголя: „видя, что еще не скоро я совладаю съ моими „Мертвыми Душами", и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился развить или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ"; [3]) видно также и изъ „Авторской исповѣди": „изъ боязни, что мнѣ не удастся окончить того сочиненія моего, которымъ занята была постоянно мысль моя въ теченіе десяти лѣтъ, я имѣлъ неосторожность заговорить впередъ кое о чемъ изъ того, что должно было мнѣ доказать въ лицѣ вывыденныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія". [4]) О связи и значеніи „Переписки" для II-го тома академикъ Тихонравовъ говоритъ слѣдующее: „Гоголь набрасываетъ въ письмѣ къ Языкову рукою учителя программу предметовъ для лирическаго поэта въ нынѣшнее время и предлагаетъ въ ней лирическому поэту разработать сюжеты, надъ которыми трудился для

[1]) Тихонравовъ говоритъ, что „Переписка" приподняла передъ публикой завѣсу съ того новаго направленія, которое должно было выразиться полно и рельефно въ новой редакціи второго тома „Мертвыхъ Душъ",—Сочиненія Гоголя, III, 545—546.

[2]) Новое изданіе писемъ, III, 213.

[3]) Ibid., IV, 66.

[4]) Сочиненія, IV, 243.

второй части „Мертвыхъ Душъ“. „Переписка съ друзьями“ идетъ не столько параллельно съ созданіемъ *въ новомъ* видѣ второй части „Мертвыхъ Душъ“, сколько подготовляетъ ее: отдѣльныя письма нерѣдко предшествуютъ главамъ поэмы, какъ очеркъ, какъ этюдъ для картины. Это пропилеи, которыя вели Гоголя къ величественному храму, виднѣвшемуся вдали сквозь застилавшій его туманъ“. [1]) Несмотря на признаніе самого Гоголя, что „Переписка съ друзьями“ нанесла ему пораженіе, [2]) онъ никогда вполнѣ не отказывался отъ тѣхъ взглядовъ, которые въ ней выражены. [3]) И дѣйствительно, многія идеи „Переписки“ нашли себѣ поэтическое воспроизведеніе во II томѣ новой редакціи, не говоря уже о болѣе ранней. Такъ мысль о томъ, что плута можно возродить, попрекнувши его достоинствами, имъ употребленными во зло, [4]) нашла себѣ примѣненіе во вновь написанной проповѣди Муразова, въ которой онъ попрекаетъ Чичикова „имъ же, его достоинствами, имъ опозоренными“. Этой проповѣди нѣтъ въ первой редакціи второго тома „Мертвыхъ Душъ“. [5]) Затѣмъ въ письмѣ „Русскій помѣщикъ“ высказываются такіе взгляды на великое призваніе помѣщика, какіе не разъ Гоголь проводитъ и во второмъ томѣ. [6]) Точно также тотъ идеалъ генералъ-губернатора,

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, 473.

[2]) „Она мнѣ позоръ“, говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Аксакову отъ 28 августа 1847 г.; новое изданіе писемъ IV, 66.

[3]) „Вывести вполнѣ вѣрнаго заключенія о всей книгѣ вообще никто не могъ; не смотря на все ребячество и незрѣлость этой книги, въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго, чѣмъ, у тѣхъ, которые дѣлаютъ на нее замѣчанія и критики“ (28 августа 1847 г.; см. новое изданіе писемъ, IV, 65). Существуютъ и теперь поклонники „Переписки съ друзьями“. Такъ, Волынскій называетъ эту книгу „оклеветанной, великой“ (Русскіе критики, 697), говоритъ: „это оклеветанная, замѣчательная книга, которою Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ“ (Ibid., стр. 713).

[4]) Мысль эта выражена въ письмѣ „Къ занимающему важное мѣсто“, Сочиненія IV, 150.

[5]) Сочиненія, IV, 518 и примѣчаніе.

[6]) Ibid., 298 (Тентетниковъ), 349 (Констанжогло).

который Гоголь рисуетъ Толстому въ письмѣ „занимающему важное мѣсто“, олицетворенъ во II томѣ въ князѣ генералъ-губернаторѣ, дѣйствующемъ подъ вліяніемъ Муразова. Доказываетъ это найденный въ бумагахъ Гоголя академикомъ Тихонравовымъ набросокъ рѣчи генералъ-губернатора, набросокъ, который относится къ послѣднимъ годамъ жизни Гоголя и который напечатанъ въ VII томѣ его сочиненій. [1])

Гоголь придавалъ большое значеніе и своему предисловію ко 2-му изданію I-го тома и „Перепискѣ съ друзьями“. [2]) Но онъ скоро горько былъ разочарованъ. И предисловіе, и переписка сурово были встрѣчены Бѣлинскимъ и мало принесли Гоголю требуемыхъ имъ замѣчаній. На него посыпались только упреки, сѣтованія на то, что онъ оставилъ искусство. Гоголю нужно было оправдаться, особенно передъ С. Т. Аксаковымъ, и вотъ въ 1847 году онъ берется за перо, чтобы написать исторію своего творчества и доказать, по его словамъ, что онъ всегда придерживался одного и того-же направленія. „Авторская исповѣдь“ [3]) вызвана письмами о „Выбранныхъ мѣстахъ“ и въ особенности письмомъ Аксакова. Второй томъ въ это время, по необходимости, отходитъ на второй планъ.

Окончивъ „Авторскую исповѣдь“ въ 1847 году, Гоголь въ началѣ 1848 года совершилъ давно задуманное путешествіе въ Іерусалимъ, чтобы „много, много обдумать у гроба самого Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все“. [4]) Но своимъ

---

[1]) Сочиненія, VII, стр. 446—450; ср. ibid., 802. Подробнѣе говорить о совпаденіи идей „Переписки“ со II т. „Мертвыхъ Душъ“ мы не будемъ; объ этомъ см. между прочимъ у Шенрока, IV, 891, 901.

[2]) Работая надъ „Перепиской съ друзьями“ и оцѣнивая ея значеніе для общества, Гоголь говоритъ слѣдующее о себѣ: „*одинъ*, можетъ быть, человѣкъ нашелся *на всей Руси*, который именно подумалъ болѣе всѣхъ о самомъ существенномъ, заставилъ себя серьезно подумать о томъ, чѣмъ прежде всего слѣдовало бы каждому заняться изъ насъ“, Новое изданіе писемъ, III, 192, письмо отъ 20 іюля 1846 г.

[3]) Работалъ надъ ней Гоголь въ маѣ и іюнѣ 1847 года.

[4]) Письма, VI, 285.

путешествіемъ Гоголь остался недоволенъ: „никогда еще такъ ощутительно не видѣлась ему его безчувственность, черствость и деревянность“. [1]) Возвратился онъ въ Россію весною 1848 года и лѣто провелъ у себя въ деревнѣ Васильевкѣ. Въ деревнѣ его не покидала мысль о сочиненіи, [2]) но работалось плохо. Осенью онъ отправился въ Москву, но и тутъ работа шла не лучше. 18-го ноября 1848 года онъ извѣщаетъ Смирнову, что „серьезно принимается обдумывать тотъ трудъ, для котораго далъ Богъ средства и силы, чтобы смерть по крайней мѣрѣ застала за дѣломъ, а не за праздникомъ бездѣльемъ“. [3]) Въ то же время (20-го ноября) онъ извѣщаетъ Плетнева, что „соображаетъ, думаетъ и обдумываетъ II томъ „Мертвыхъ Душъ“. Онъ занимается больше чтеніемъ, и прежде, чѣмъ примется серьезно за перо, хочетъ назвучаться русскими звуками, такъ такъ боится погрѣшить противъ языка“. [4]) Не лучше дѣло подвигалось и въ слѣдующемъ 1849 году. 3-го апрѣля того года Гоголь извѣщаетъ Жуковскаго, что на него напало какое-то оцѣпенѣніе, онъ ничего не издалъ, и ничего не готовитъ издать, что и приготовляетъ, то идетъ медленно и не можетъ никакъ выйти скоро, и Богъ одинъ знаетъ, когда выйдетъ“. [5]) Къ маю, впрочемъ, у Гоголя кое-что уже было написано, и онъ ждетъ нетерпѣливо прочесть Жуковскому все, что среди колебаній и тревогъ удалось создать. [6]) Чтобы разсѣяться, Гоголь рѣшилъ поѣхать въ гости къ Смирновой—сначала въ ея имѣніе Бѣгичево, а потомъ въ ея загородный домъ въ Калугѣ. Здѣсь въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ читалъ ей нѣсколько главъ новой редакціи II тома. По словамъ очевидца (родственника Смирновой—Арнольди), „первая глава новой редакціи начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержаніе

[1]) Письма VI, 461.
[2]) Ibid., 462; новое изданіе писемъ IV, 190.
[3]) Письма, VI, 475; новое изданіе писемъ, IV, 230.
[4]) Ibid., 476; новое изданіе, IV, 232.
[5]) Письма VI, 482; новое изданіе, IV, 243.
[6]) Ibid., 487, IV, 255.

ея было то-же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанецъ или португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ и не извѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, неправильной наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по цѣлымъ днямъ, и только безпрерывно вертѣла глазами въ разныя стороны съ глуповопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хситендонъ, или что-то въ этомъ родѣ: но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто— Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ, и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, безпрерывно повторялъ: „полюби насъ бѣленькими...“ „Черненькими, ваше превосходительство“, перебивалъ его Чичиковъ. „Да, повторялъ генералъ, полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: „полюби насъ бѣленькими“, и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ смѣясь повторялъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затруднялъ генерала своими ходами, и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ

тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привезти съ собою Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ разсказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается, и чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Улиньку, разумѣется, радуется предлогу, и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра-же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это одобряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову,—что совралъ, разсказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометтировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала; встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Улинькой, и наконецъ обѣдъ. Описаніе этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто второго тома. Генералъ сидѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Улинька, подлѣ Тентетникова испанецъ, а между испанцемъ и Улинькой англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Улинька, съ которой онъ по

временамъ встрѣчался взглядами: Улинька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и наконецъ, Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, испанецъ глядѣлъ въ тарелку, и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучшій кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на тарелку. Послѣ второго блюда генералъ заговорилъ съ Тентетниковымъ о его сочиненіи и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ, и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчателенъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно, по его мнѣнію, то, что весь народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества; что всѣ расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что желалъ онъ описать въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ брильянтъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Улинька? Она вся впилась глазами въ Тентетникова, она, казалось, ловила съ жадностію каждое его слово, она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами, она любила его, она

гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку, англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая. Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы.... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе. „Да, сказалъ онъ, страшные холода были въ 12-мъ году!“—„Не о холодахъ тутъ рѣчь,“ замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его; но Тентетниковъ былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Улиньки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ.—Послѣ этого, я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня Улинька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серьезно о Тентетниковѣ. Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери, и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы, вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генералъ долго колебался и наконецъ согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ, и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентетниковъ, внѣ себя отъ счастья, оставилъ на минуту Улиньку, и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному, съ самимъ собой: счастье его душило!... Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы.—Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомыя, и наконецъ все то, что чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимый!—Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно! Въ избыткѣ чувствъ,

отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи, показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. „Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастіемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?.. всей моей жизни мало для этого....“ У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль. „Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай, отвѣчалъ онъ, я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня!“ „Чѣмъ, чѣмъ?“ повторилъ Тентетниковъ, „скажите скорѣе, и я все сдѣлаю.“ Тутъ Чичиковъ разсказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ, и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. „Да зачѣмъ же непремѣнно мертвыхъ?“ говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. „Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую.“ Чичиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія! „Какъ, вы не боитесь сдѣлать это?.. вы не боитесь, что я могу васъ обмануть... употребить во зло ваше довѣріе?“ Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. „Какъ? воскликнулъ онъ, сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ болѣе чѣмъ жизнію.“ Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или черезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень безпокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и другіе знакомые его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объѣхать всѣхъ родныхъ генерала, и извѣстить о помолвкѣ Улиньки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣ же мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностію. Чего лучше? думалъ генералъ, онъ человѣкъ умный, приличный; онъ сумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что

всѣ будутъ довольны. Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты, на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ генерала Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку, и объявилъ имъ, чтобы они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ, съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока, осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда и не бываетъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску. [1])

„Вотъ все, что читалъ при мнѣ Гоголь изъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, говоритъ Арнольди. Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ. Она разсказывала мнѣ послѣ, что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная свѣтомъ, кокетка, проведшая свою молодость въ столицѣ, при дворѣ и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за тридцать пять лѣтъ, она начинаетъ это чувствовать, ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1862 г., I, 74—79; ср. Шенрокъ, IV, 777, 893, 897, 911 и примѣчаніе 3.

вездѣ и всегда скучающимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостинымъ. Имъ обоимъ показалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей, ихъ окружающихъ, какимъ-то великимъ счастіемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга, и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживленіе, это счастіе было только на минуту, и черезъ мѣсяцъ послѣ перваго признанія, они замѣчаютъ, что это была только вспышка, капризъ, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе, опять скука и скука, и они, разумѣется, начинаютъ скучать въ этотъ разъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Сестра увѣряла меня, а С. П. Шевыревъ подтвердилъ, что характеръ этой женщины и вообще вся ея связь съ Платоновымъ изображены были у Гоголя съ такимъ мастерствомъ, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до насъ, потому что мы всѣ остаемся теперь въ томъ убѣжденіи, что Гоголь не умѣлъ изображать женскіе характеры; и дѣйствительно, вездѣ, гдѣ они являлись въ его произведеніяхъ, они выходили слабы и блѣдны. Это было замѣчено даже всѣми критиками". [1])

Арнольди не говоритъ, на сколько главъ было распредѣлено то, что читалъ при немъ Гоголь изъ второго тома. Но изъ его разсказа можно сдѣлать заключеніе, что Гоголь прочелъ при немъ только первыя двѣ главы новой редакціи второго тома поэмы: послѣдняя изъ слышанныхъ Арнольди главъ оканчивалась разсказомъ о сборахъ Чичикова для объѣзда родственниковъ генерала Бетрищева съ цѣлью увѣдомить ихъ о помолвкѣ Улиньки; въ предшествующей редакціи, преданной не сожженію, а забвенію, и сохранившейся для насъ, третья глава передаетъ читателю начало этого путешествія. [2]) Первая глава новой редакціи, по словамъ

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1862, I, 79—80.

[2]) См. Сочиненія Гоголя, III, 321 и IV, 327.

Арнольди, заканчивалась хохотомъ генерала Бетрищева, т. е. тѣмъ, чѣмъ въ первоначальной редакціи оканчивалась вторая глава. [1]) Такимъ образомъ, первая глава новой редакціи, если она по своему содержанію даже вполнѣ соотвѣтствовала сохранившимся для насъ 1 и 2 главамъ первоначальной редакціи (Арнольди говоритъ, что содержаніе 1-й главы было то же, что и въ прежней редакціи, только лучше обработано), по своему объему была довольно велика. [2]) И дѣйствительно, С. Т. Аксаковъ, слышавшій ту же новую редакцію 1-й главы, говоритъ, что она была очень длинна, и чтеніе ея продолжалось часъ съ четвертью. [3]) Также велика была, судя по тому, что даетъ намъ разсказъ Арнольди, и вторая глава. Но она вся для насъ утеряна. Арнольди говоритъ, что въ это время (въ іюнѣ 1849 года) второй томъ новой редакціи вчернѣ былъ уже почти готовъ. [4]) Это показаніе отчасти подтверждается тѣми свѣдѣніями, какія мы находимъ въ письмѣ И. С. Аксакова къ его отцу. Послѣдній писалъ своему отцу изъ Рыбинска отъ 30 августа слѣдующее: „Я получилъ на дняхъ письмо отъ А. О. (Смирновой), которой до смерти хочется разболтать свой секретъ, но говоритъ, что не велѣно; однако же кое-что сообщаетъ. Гоголь читалъ ей второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, не весь, но то, что написано. Она въ восторгѣ, хоть въ этомъ отношеніи она и не совсѣмъ судья. „Какъ жаль, пишетъ она, что я не смѣю вамъ проболтаться о Муратовѣ (м. б., Муразовѣ), Хлобуевѣ, Улинькѣ, Чаграповой, генералѣ Быстрищевѣ?“... и еще какая то фамилія, которую я не могъ разобрать. Говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что написано и что только набросано, совершенно поблѣднѣлъ“. [5])

Въ августѣ 1849 года Гоголь читалъ первую главу новой редакціи въ семьѣ Аксаковыхъ въ ихъ имѣніи Абрамцево. Когда

---

[1]) Сочиненія Гоголя, III, 321 и IV, 326.

[2]) Въ 38—42 страницы.

[3]) Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 217.

[4]) Русскій Вѣстникъ, 1862, 1, 64.

[5]) Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 216.

Гоголь предложилъ прочесть имъ изъ второго тома, то Аксаковъ пришелъ въ большое смущеніе, онъ боялся за Гоголя, но съ первыхъ же страницъ увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ. [1]) Послѣ этого чтенія Гоголь уѣхалъ въ Москву, и С. Т. Аксаковъ подъ вліяніемъ своего восторга написалъ ему письмо, въ которомъ говоритъ, что послѣ всего случившагося въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ онъ потерялъ-было вѣру въ дальнѣйшее существованіе творческаго таланта Гоголя. Ему показалось несовмѣстнымъ духовное направленіе Гоголя съ искусствомъ. Теперь онъ видитъ, что ошибся. Талантъ Гоголя не только живъ, но и созрѣлъ. Онъ у Гоголя сталъ выше и глубже, что Аксаковъ и сказалъ сейчасъ же послѣ чтенія. Затѣмъ С. Т. Аксаковъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія относительно прочитаннаго и признаетъ, что ему показался нѣсколько длиннымъ и натянутымъ разсказъ объ Александрѣ Петровичѣ. Тутъ же Аксаковъ говоритъ, что, по его мнѣнію, второй томъ написанъ, и что теперь остается послѣдняя отдѣлка. [2])

Такимъ образомъ работа у Гоголя подвигалась, хотя и медленно. 20-го октября 1849 года Гоголь извѣщаетъ Смирнову, что время у него летитъ въ занятіяхъ, и онъ не чувствуетъ, что хворъ, хотя онъ больше читаетъ, чѣмъ пишетъ". [3]) Но уже 28 ноября онъ ей же пишетъ, что у него „все лѣниво и сонно. Работа движется медленно". [4]) То же онъ пишетъ и Жуковскому отъ 14 декабря: „творчество мое лѣниво", хотя у него и является желаніе прочесть что-нибудь изъ „Мертвыхъ Душъ" своему другу, чтобы ободриться. [5]) Въ январѣ 1850 года Гоголь опять читалъ первую главу въ семьѣ Аксаковыхъ, воспользовавшись

[1]) Записки о жизни Гоголя, II, 228—229.

[2]) Русскій Архивъ, 1890, VIII, 187.

[3]) Письма, VI, 492.

[4]) Ibid., 493. Въ концѣ 1849 года Гоголь извѣщаетъ Жуковскаго, что скотина Чичиковъ едва добрался до половины своего странствованія (Новое изданіе, IV, 285).

[5]) Письма, VI, 496—497; новое изданіе, IV, 288.

тѣми замѣчаніями, какія ему были сдѣланы послѣ перваго чтенія, и она показалась слушателямъ еще лучше. [1]) И. С. Аксаковъ, возвратившись изъ Москвы въ Ярославль, писалъ отцу отъ 9-го января 1850 года: „Какъ же вы провели ночь эту послѣ чтенія Гоголя и моего отъѣзда?... Спасибо Гоголю! Все читанное имъ выступило передо мною отдѣльными частями во всей своей могучей красотѣ... Если бы я имѣлъ больше претензій, я бы бросилъ писать: до такой степени превосходства дошелъ онъ, что всѣ другіе передъ нимъ пигмеи“. [2]) И затѣмъ въ письмѣ отъ 12-го января, соглашаясь съ тѣми замѣчаніями, какія сдѣлалъ отецъ Гоголю, Ив. Аксаковъ восклицаетъ: „такъ все глубоко, могуче и огромно въ поэмѣ, что духъ захватываетъ“. [3]) 19-го января Гоголь прочелъ С. Т. Аксакову и его сыну Константину вторую главу. Въ письмѣ къ своему сыну Ивану—Сергѣй Тимофеевичъ говоритъ, что вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три онъ не могъ удержаться отъ слезъ. „Такого высокаго искусства показывать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ, способнаго что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь я только убѣдился вполнѣ, что Гоголь можетъ выполнить свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говоритъ въ первомъ томѣ“. [4]) Третью и четвертую главу Гоголь прочелъ С. Т. Аксакову въ періодъ времени съ конца января 1850 года по 13 іюня того же года. [5]) Но можно думать, что вчернѣ въ это время у него былъ набросанъ весь томъ. Такъ, отъ 21 января

---

[1]) Записки о жизни Гоголя, II, 230.

[2]) Ив. С. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 266—267.

[3]) Ibid., 268.

[4]) Ibid., 272—273; ср. Русскій Архивъ, 1890, VIII, 188, гдѣ Аксаковъ говоритъ, что 2-я глава была *довольно* отдѣлана и не уступала первой въ достоинствѣ.

[5]) Записки о жизни Гоголя, II, 230—231.

1850 года Гоголь пишетъ Плетневу: „всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ набросаны (принимая во вниманіе требовательность Гоголя), собственно написанныхъ двѣ-три, не больше, и потому конецъ дѣлу еще не скоро.“ [1]) Также и Данилевскому Гоголь отъ 25 февраля 1850 года пишетъ, что не скоро II тому до печати. [2]) Но 20 августа онъ извѣщаетъ Смирнову, что „если только милосердный Богъ приведетъ его силы въ состояніе полнаго вдохновенія, то второй томъ эту зиму будетъ готовъ“. [3]) Тутъ же онъ высказываетъ надежду, что осенью 1851 года будетъ печатать II томъ. Того же 20 августа онъ извѣщаетъ Толстого, что ему нужно зиму хорошо поработать, чтобы „приготовить второй томъ къ печати, приведя его окончательно къ концу. Покуда, слава Богу, дѣло идетъ еще не дурно. Когда я передъ отъѣздомъ изъ Москвы прочелъ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которымъ знакомы были, какъ и вамъ, двѣ первыя главы, оказалось, что послѣдующія сильнѣй первыхъ, и жизнь раскрывается, чѣмъ далѣ, глубже. Стало быть, не смотря на то, что старѣю и хирѣю, тѣ же умственныя силы, слава Богу, еще свѣжи“. [4]) 20-го сентября, поздравляя С. Т. Аксакова съ днемъ рожденія, Гоголь напоминаетъ ему объ ихъ взаимномъ уговорѣ—одному окончить къ осени 1851 года „Записки ружейнаго охотника“, а другому „Мертвыя Души“. [5]) 7-го ноября онъ пишетъ Шевыреву, что къ выходу второго тома нужно позаботиться о второмъ изданіи его сочиненій, которыхъ потребуютъ тогда очень много. [6]) 2-го декабря Гоголь уже сообщаетъ Плетневу, что въ концѣ весны или въ началѣ лѣта

[1]) Письма, VI, 500; новое изданіе, IV, 294.

[2]) Письма, VI, 500.

[3]) Ibid., 513; новое изданіе, IV, 348.

[4]) Новое изданіе, IV, 348.

[5]) Сочиненія Гоголя, найденныя послѣ его смерти (изд. Трушковскаго, М., 1855 года), стр. VI; ср. Ив. Сер. Аксаковъ въ его письмахъ, II, 272—273.

[6]) Письма, VI, 515; новое изданіе, IV, 357.

1851 года онъ думаетъ приступить къ печатанію II-го тома, если будетъ на то Божья воля. Онъ находитъ даже, „что время, кажется, уже нѣсколько угомонилось, головы хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ, но, по крайней мѣрѣ, уже, вѣрно, отрезвились настолько, чтобы имѣть терпѣніе и хладнокровіе выслушать, въ чемъ дѣло, а до сихъ поръ не подымались даже и руки къ изданію чего-нибудь“. [1]) Къ этому же времени, вѣроятно, относится и его письмо къ Жуковскому, въ которомъ Гоголь его извѣщаетъ, что работа идетъ съ прежнимъ постоянствомъ, и хоть еще не кончена, но уже близка къ окончанію. [2]) 23 декабря 1850 года Гоголь пишетъ Смирновой, что утро (у него) проходитъ въ занятіяхъ: „не тороплюсь и осматриваюсь. Художественное созданіе и въ словѣ то-же, что и въ живописи, то-же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить къ ней, смотрѣть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь рѣзкое и не нарушается ли нестройнымъ крикомъ всеобщаго согласія“. [3]) Очевидно, наступилъ послѣдній періодъ работы — окончательной отдѣлки всего произведенія. [4]) Весь 1851 годъ уходитъ на поправки и упо-

[1]) Новое изданіе писемъ, IV, 361.

[2]) Письма, VI, 499.

[3]) Новое изданіе писемъ, IV, 366.

[4]) Въ черновомъ прошеніи на имя Наслѣдника (въ іюлѣ 1850 г.) Гоголь говоритъ, что имъ написана только 1-я часть „Мертвыхъ Душъ“, вторая-же часть, гдѣ русскій человѣкъ выступаетъ не однѣми пошлостями, но всей глубиной своей богатой природы, еще не вполнѣ законченъ“; новое изданіе писемъ, IV, 338. Въ письмѣ къ Шевыреву по поводу этого прошенія Гоголь говоритъ, что „Мертвыя Души“ долженствуютъ обнять природу русскаго человѣка во всѣхъ ея силахъ. Изъ этого сочиненія вышла въ свѣтъ только одна часть, содержащая въ себѣ осмѣяніе всего того, что несвойственно нашей великой природѣ, что ее унизило; вторая-же часть, гдѣ русскій человѣкъ является уже не пошлою своею стороной, но всей глубиной своей природы, со всѣмъ величіемъ своего характера, не могла быть такъ скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созрѣть самому“ (ibid., 339; ср. ibid., 342: „въ остальныхъ частяхъ „Мертвыхъ Душъ“, надъ которыми теперь сижу, выступаетъ русскій человѣкъ

рядоченіе отдѣльныхъ частей поэмы, и смерть застигаетъ писателя за трудомъ, не получившимъ послѣдняго удара кисти. Хотя иногда въ теченіе 1851 года раздаются и радостныя ноты, напримѣръ, о томъ, что „второй томъ умнѣе перваго“, [1]) но грустныхъ извѣстій болѣе. На основаніи письма Шевырева къ Гоголю отъ 27-го іюля 1851 года, мы можемъ сказать, что около этого времени Гоголь прочелъ ему 5 и 6 главу II-го тома. Вскорѣ послѣ прочтенія ихъ Шевыреву, Гоголь, въ виду какихъ-то слуховъ, начавшихъ циркулировать въ Москвѣ, пишетъ ему коротенькую записку: „Убѣдительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанномъ, ни даже называть мелкихъ сценъ и лицъ героевъ. Случились исторіи. Очень радъ, что двѣ послѣднія главы, кромѣ тебя, никому не извѣстны. Ради Бога никому“... [2]) Шевыревъ на это ему отвѣчаетъ: „Успокойся. Даже и женѣ я ни одного имени не назвалъ, не упомянулъ ни объ одномъ событіи. Только разъ при тебѣ же назвалъ штабсъ-капитана Ильина, и только. Тайна твоя для меня дорога, повѣрь. Съ нетерпѣніемъ жду 7 и 8 главы“. [3]) Итакъ, въ іюлѣ были уже окончательно готовы 5 и 6 главы, [4]) но вскорѣ Гоголь заболѣлъ, и работа

уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями, но всей глубиной своей природы и богатымъ разнообразіемъ внутреннихъ силъ, въ немъ заключенныхъ“. Здѣсь-же Гоголь говоритъ, что онъ могъ бы имѣть средства, если бы издалъ свое сочиненіе въ неготовомъ и неоконченномъ видѣ, но на это онъ никогда не рѣшится.

[1]) Письма, VI, 530; новое изданіе, IV, 382.

[2]) Письма, VI, 551.

[3]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ, стр. 68, письмо XXII.

[4]) Есть указанія, что зимою 1851 года у Гоголя было написано 11 главъ второго тома (Русская Старина, 1872 г., I, 126—127). Ср. слова Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому отъ 17-го марта 1852 года: „лѣтомъ Гоголь читалъ многимъ главы (до 7-ми) изъ II-го тома „Мертвыхъ Душъ“ и самъ просилъ напечатать извѣстіе въ журналѣ о скоромъ его изданіи вмѣстѣ съ умноженнымъ первымъ“; Плетневъ, Жизнь и переписка, III, 734. „Смирнова сказывала мнѣ (Плет-

затормозилась. 15-го іюля Гоголь пишетъ, что хотѣлъ заняться дѣлами по части приготовленія къ печати II-го тома и разболѣлся. [1]) 2-го сентября онъ извѣщаетъ мать, что болѣзнь, постигшая его, отдаляетъ окончаніе его труда на годъ, а можетъ быть, и на два. [2]) Но зимою Гоголь чувствовалъ себя лучше и 30-го ноября извѣщалъ Плетнева, что скоро надѣется печатать II томъ: „что до печатанья новыхъ сочиненій, то, впрочемъ, въ нихъ, кажется, все такъ ясно и должно быть отчетливо, что я думаю, и они пойдутъ въ дѣло“. [3]) Данилевскому отъ 16-го декабря онъ пишетъ, что, „если не будетъ помѣшательствъ, то онъ, можетъ быть, привезетъ ему лѣтомъ или въ началѣ весны II томъ. [4]) Наконецъ, 1-го января 1852 года Арнольди видѣлъ Гоголя, и Гоголь говорилъ ему, что имѣетъ намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, „когда окончится новое изданіе его сочиненій, и когда выйдетъ въ свѣтъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, который, по его словамъ, былъ совершенно оконченъ“. [5]) Но еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1851 года Гоголь былъ недоволенъ II томомъ и сказалъ женѣ С. Т. Аксакова, что онъ не будетъ печатать второго тома, что въ немъ все никуда не годится, и что надо все передѣлать. [6]) Очевидно, въ немъ происходили колебанія, и 2 февраля 1852 года, какъ бы чувствуя себя безсильнымъ, Гоголь проситъ Жуковскаго помолиться о немъ, чтобы онъ „хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной“. [7]) Этого гимна небесной красотѣ Гоголь, по его мнѣнію, не сумѣлъ пропѣть и передъ смертью сжегъ свой

неву, что только Кашписту, который хотя любилъ Гоголя, но терпѣть не могъ его сочиненій, онъ прочелъ 9 главъ, желая воспользоваться строгою критикою безпощаднаго порицателя своихъ сочиненій“; ibid., прим. 1.

[1]) Письма, VI, 536; новое изданіе, IV, 391.

[2]) Ibid., 538.

[3]) Письма, IV, 547; новое изданіе, IV, 413.

[4]) Ibid.

[5]) Русскій Вѣстникъ, 1862, I, 93.

[6]) Русскій Архивъ, 1878, II, 54.

[7]) Письма, VI, 533.

трудъ. Сожженіе было, конечно, актомъ мгновенной сильной вспышки, хотя оно и подготовлялось раньше, и раньше Гоголь высказывалъ недовольство II томомъ. Послѣ сожженія онъ сожалѣлъ о томъ, что сдѣлалъ, и говорилъ: „А я думалъ разослать друзьямъ на память по тетрадкѣ. Пусть бы дѣлали, что хотѣли. Теперь все пропало". [1])

IV.

Является вопросъ, былъ ли оконченъ вообще II томъ, къ какой эпохѣ относится то, что мы имѣемъ изъ него въ настоящее время, и что было причиной его уничтоженія авторомъ?

По мнѣнію Шенрока, II томъ остался недовершеннымъ: „во всѣхъ редакціяхъ, сохранившихся для насъ и почти совпадающихъ между собою, много противорѣчій и полное отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго плана". [2]) Но академикъ Тихонравовъ думаетъ, что въ исходѣ 1850 года II томъ уже былъ оконченъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ отдѣланъ „начисто", — онъ только не получилъ послѣдняго удара кисти, и имъ былъ недоволенъ взыскательный художникъ. [3]) И это вѣрно, какъ мы могли убѣдиться изъ указаній Гоголя, разсѣянныхъ въ его письмахъ. [4])

---

[1]) Отечественныя Записки, 1856, XII, стр. 409. Ср. Плетневъ, Сочиненія и переписка, III, стр. 736: „иное надо было сжечь, сказалъ Гоголь, подумавъ, а за другое помолились бы за меня Богу; но Богъ дастъ, выздоровѣю и все поправлю". Поутру онъ сказалъ Толстому: „я хотѣлъ сжечь бумаги, давно уже на то опредѣленныя, а сжегъ главы „Мертвыхъ Душъ", которыя хотѣлъ оставить друзьямъ на память послѣ моей смерти".

[2]) См. Шенрокъ IV, 894, 898, 900, 905, 910.

[3]) Сочиненія Гоголя III, 571, ср. ibid., 535.

[4]) Ср. Арнольди, Мое знакомство съ Гоголемъ: „Чтобы разсѣять ее (Смирнову), Гоголь самъ предложилъ прочесть окончаніе второго тома „Мертвыхъ Душъ", но та по болѣзни отказалась; Арноль-

Что-же касается того, что „въ сохранившихся для насъ редакціяхъ, почти совпадающихъ между собою, много противорѣчій и полное отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго плана“, то вѣдь это редакціи, какъ увидимъ ниже, ранней эпохи, и что представляла самая послѣдняя редакція, уничтоженная авторомъ передъ смертью, мы знаемъ только лишь отчасти и то по отзывамъ современниковъ Гоголя.

Но даже изъ того, что было написано и обработано авторомъ, не все для насъ сохранилось. [1]) То, что мы имѣемъ въ настоящее время изъ II тома „Мертвыхъ Душъ“, было найдено послѣ смерти Гоголя въ его бумагахъ Шевыревымъ, переписано имъ и издано уже въ 1855 году племянникомъ великаго писателя Трушковскимъ. Всѣхъ главъ II тома сохранилось, какъ извѣстно, пять, причемъ послѣдняя (пятая по счету), въ изданіяхъ не имѣетъ нумераціи, такъ какъ между нею и предыдущею (четвертою) чувствуется большой пропускъ. Вся эта послѣдняя глава восходитъ къ 1841 году, когда начальныя четыре главы II-го тома „Мертвыхъ Душъ“ были уже настолько обработаны, что авторъ могъ, въ концѣ 1841 или въ началѣ 1842 года, приступить къ перепискѣ ихъ набѣло, а дальнѣйшія главы набрасывались начерно. Текстъ этой тетради Гоголь началъ, на ея же страницахъ, передѣлывать въ новую редакцію не ранѣе 1848 года. Эта передѣлка на самой тетради не была кончена. Въ 1843 году Гоголь былъ недоволенъ переписанными набѣло первыми четырьмя главами и началъ ихъ исправлять, дѣлая многочисленныя измѣненія, которыя образовали „хаосъ“, по его мнѣнію, изъ котораго должны были возникнуть „Мертвыя Души“. Въ 1845 году эти главы были обработаны, переписаны набѣло, но Гоголь остался ими недоволенъ и сжегъ. Отъ этой редакціи (1845 года)

ди былъ въ большомъ горѣ, что ему не удалось дослушать II тома до конца, хотя онъ и ожидалъ тогда скораго его появленія въ печати, Русскій Вѣстникъ, 1862, I, 91.

[1]) Ср. Шенрокъ, IV, 876.

сохранилось очень мало—всего 1 1/2 листа. Тѣ четыре главы II тома „Мертвыхъ Душъ", которыя мы имѣемъ въ настоящее время, представляютъ ту редакцію этого произведенія, которая была переписана набѣло въ 1841 или 1842 году, которой Гоголь остался недоволенъ въ 1843 году и на которой онъ вырабатывалъ текстъ новой редакціи, сожженной имъ въ 1845 году. При этомъ мы должны замѣтить, что Шевыревъ, нашедши четыре разрозненныя и подвергшіяся вырѣзкамъ тетради, восполнилъ ихъ кое-гдѣ листами изъ тетрадей другой редакціи того же произведенія (1 1/2 листа изъ редакціи 1845 года). [1])

Что касается плановъ Гоголя относительно III-го тома „Мертвыхъ Душъ", то мы на этотъ счетъ не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Извѣстно только, что въ немъ Гоголь хотѣлъ изобразить возрожденіе Плюшкина, подобно тому, какъ во второмъ томѣ мы имѣемъ ясные намеки на начавшійся духовный переворотъ въ Чичиковѣ. По крайней мѣрѣ, обращаясь въ письмѣ къ Языкову съ просьбой пробудить дремлющаго русскаго человѣка, Гоголь говоритъ: „О, если бы ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома „Мертвыхъ Душъ". [2]) Веселовскій предполагаетъ, что въ третьемъ томѣ должно было появиться еще и духовное лицо, именно, о. Матвѣй.[3]) По крайней мѣрѣ, когда Гоголь читалъ Смирновой свой второй томъ, и она спросила у него: неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія, онъ отвѣчалъ: „погодите, будутъ у меня еще лучшія вещи, будетъ у меня священникъ, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ". [4]) Веселовскій говоритъ, что ни у кого изъ знакомыхъ со вторымъ томомъ друзей автора нѣтъ указаній на то, чтобы въ немъ выведено было духовное лицо. [5])

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. сочиненія Гоголя III, 576—602.
[2]) Сочиненія, IV, 73.
[3]) Веселовскій, Этюды и характеристики, 603.
[4]) Записки о жизни Гоголя, II, 227.
[5]) Этюды и характеристики, примѣчаніе, стр. 603—604.

Является вопросъ, почему Гоголь остался недоволенъ своимъ произведеніемъ, и если онъ его не довершилъ, то почему: въ силу-ли внутренней работы, которая не давала ему творить спокойно, или же вслѣдствіе оскудѣнія таланта. Шенрокъ думаетъ, что къ концу 40-хъ годовъ талантъ Гоголя вообще оскудѣлъ. „Во второмъ томѣ не разъ встрѣчаются повторенія прежнихъ мыслей и образовъ, представляющія большею частью слабые намеки на былыя яркія картины, что ясно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ таланта Гоголя, исключая возможность предположенія о его возрожденіи“. [1]) Но тотъ примѣръ, который приводитъ Шенрокъ, рѣшительно ничего не говоритъ объ упадкѣ таланта Гоголя. Шенрокъ указываетъ на то, что Гоголь, по его мнѣнію, слишкомъ вяло изобразилъ тѣ воспоминанія, какимъ предавался Тентетниковъ, думая объ Улинькѣ, тогда какъ раньше, напримѣръ, въ „Тарасѣ Бульбѣ“, онъ живо рисовалъ обаятельное впечатлѣніе, производимое женщиной. При этомъ Шенрокъ прибавляетъ: „все, что въ юности было озарено въ глазахъ Гоголя какимъ-то чуднымъ сіяніемъ, является теперь обыденнымъ и прозаичнымъ“. [2]) Тутъ же Шенрокъ приводитъ и другой примѣръ того, какъ съ лѣтами измѣнились воззрѣнія Гоголя на нѣкоторые предметы, и примѣръ этотъ взятъ изъ I-го тома, когда талантъ Гоголя находился въ полномъ расцвѣтѣ. Значитъ, дѣло не въ упадкѣ та-

[1]) Шенрокъ, III, стр. 407; ср.: „Послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя представляетъ печальную картину медленнаго, но тяжелаго и упорнаго процесса физическаго разрушенія на ряду съ явнымъ упадкомъ таланта и болѣзненнымъ напряженіемъ религіознаго экстаза“, (IV, стр. 1). Князь Вяземскій также полагалъ, что подъ конецъ своей жизни Гоголь совершенно лишился таланта: „нѣтъ сомнѣнія, что если бы Гоголь не прекратилъ своей авторской дѣятельности, то уже не возвратился бы на дорогу „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“; въ этомъ отношеніи онъ высказалъ все, что могъ высказать; образы и краски были истощены до-нельзя“; см. примѣчаніе Вяземскаго къ письму Гоголя,—новое изданіе писемъ Гоголя, III, 484.

[2]) Шенрокъ, IV, 408.

несмотря на то, что старѣю и хирѣю, тѣ же силы умственныя, слава Богу. еще свѣжи". [1])

Итакъ, говорить объ оскудѣніи таланта Гоголя до самой его смерти, кажется, нѣтъ основанія, въ виду такихъ неопровержимыхъ доказательствъ. Конечно, въ послѣдніе годы, особенно въ 1850—1852 годахъ, Гоголь работалъ плохо и вяло, но здѣсь, помимо другого обстоятельства, на которое мы сейчасъ укажемъ, главную роль играло его болѣзненное состояніе. Что же касается вліянія о. Матвѣя, то, конечно, оно было пагубно, но только больше, такъ сказать, съ физической стороны. Подъ вліяніемъ строгаго аскетизма о. Матвѣя, Гоголь изнурялъ себя разными духовными подвигами, постомъ, и тѣмъ расшатывалъ свое и безъ того слабое здоровье. Что-же касается его внутренняго міра, то, хотя Шенрокъ и указываетъ на то, что побѣда относительно разныхъ взглядовъ, между прочимъ взгляда на писательство, осталась на сторонѣ о. Матвѣя, [2]) но мы съ этимъ не можемъ согласиться. Гоголь рѣшительно отстаиваетъ свои права на писательство и напримѣръ, говоритъ о. Матвѣю слѣдующее: „признаюсь вамъ,

[1]) Письма, новое изданіе, IV, 348. Здѣсь можно, кажется, видѣть отзывъ Аксакова о 3 и 4 главахъ II тома; ср. слова Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому отъ 21 марта 1851 года: „Смирнова читала съ нимъ (Гоголемъ) вторую часть „Мертвыхъ Душъ", и говоритъ, что лучше этого ничего вообразить нельзя" (Сочиненія и переписка Плетнева, III, 691), хотя мы должны оговориться, что особенно полагаться на судъ Смирновой нельзя.

[2]) Шенрокъ, IV, 598—599; ср. новое изданіе писемъ Гоголя, III, 312. См. также у Шенрока, въ предисловіи къ изданію писемъ Гоголя: „Въ одномъ письмѣ къ отцу Матвѣю (отъ 24 сентября 1847 года) читаемъ: „Вотъ вамъ (скажу откровенно) причина моего писательства", тогда какъ прежде было написано: „*была* причина моего писательства". Здѣсь чрезвычайно любопытно видѣть во-очію, какъ совершалась борьба между прежними взглядами Гоголя и тѣми, на которыхъ настаивалъ о. Матвѣй. Защищая свое литературное призваніе, Гоголь колеблется и уже на минуту готовъ уступить, отказываясь отъ своего прежняго убѣжденія, какъ тотчасъ же оно снова беретъ верхъ и слово „*была*" зачеркивается" (стр. IX); ср. ibid., IV, 90.

я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ..... можно исполнять также и въ званіи писателя“. [1]) Въ другомъ письмѣ, отвѣчая на обвиненіе отца Матвѣя въ томъ, что онъ взялся за учительство, Гоголь совершенно вѣрно опредѣляетъ задачи художника и говоритъ, что „Переписка съ друзьями“ (на основаніи которой о. Матвѣй и обвинялъ его въ учительствѣ), „не его родъ,“ „что его издавна занимало изобразить въ большомъ сочиненіи добро и зло, какое есть въ нашей Русской землѣ, послѣ котораго русскіе читатели узнали бы лучше свою землю“, [2]) и заканчиваетъ это письмо чуднымъ лирическимъ изліяніемъ, въ которомъ слышатся благороднѣйшія струны поэта—гражданина: „скажите мнѣ: зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ прежнихъ грѣховъ моихъ, хочется молиться о спасеніи русской земли, о водвореніи въ ней мира, на мѣсто смятенія, и любви, на мѣсто ненависти къ брату? Зачѣмъ я помышляю объ этомъ, на мѣсто того, чтобы оплакивать собственные грѣхи мои? Зачѣмъ мнѣ хочется молиться еще о томъ, чтобы Богъ далъ силы мнѣ загладить новымъ, лучшимъ дѣломъ и подвигомъ мои прежніе худые, даже и въ дѣлѣ писательства“. [3]) Въ письмѣ 1850 года къ о. Матвѣю, онъ откровенно говоритъ о своей работѣ, которой и не думаетъ бросать: „Хотѣлъ бы живо, въ живыхъ примѣрахъ, показать темной моей братіи,живущей въ мірѣ—и играющей жизнью, какъ игрушкою, что жизнь не игрушка. И все, кажется, обдумано и готово, но перо не подымается. Нужной свѣжести для работы нѣтъ, и (не скрою передъ вами), это бываетъ предметомъ тайныхъ страданій, чѣмъ то въ родѣ креста. Впрочемъ, можетъ быть, все это происходитъ отъ изнуренья тѣлеснаго. Силы физическія мои ослабѣли. Я всю зиму былъ боленъ“. [4]) Въ этомъ письмѣ мы слышимъ тѣ же рѣчи, что и въ письмахъ ко всѣмъ вообще друзьямъ и знакомымъ Гоголя.

[1]) Письма VI, 425; новое изданіе, IV, 89.
[2]) Письма VI, 442—443; новое изданіе, IV, 152.
[3]) Ibid., 444; IV, 154.
[4]) Письма VI, 502; новое изданіе IV, 313.

Даже въ вопросахъ религіи Гоголь не особенно-то подчинялся о. Матвѣю, хотя и слѣдовалъ его указаніямъ, чтобы развить и укрѣпить въ себѣ религіозное чувство, котораго у него, по его мнѣнію, было очень мало. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (12 января 1848 года), Гоголь откровенно говоритъ, что „вѣры въ немъ нѣтъ вовсе". [1]) Даже въ послѣднія минуты жизни у Гоголя вышло какое-то недоразумѣніе съ о. Матвѣемъ. Когда о. Матвѣй нарисовалъ ему картину великой отвѣтственности на страшномъ судѣ за грѣховныя дѣла, Гоголь, прервавъ его рѣчь, сказалъ ему: „довольно! оставьте, не могу далѣе слушать, слишкомъ страшно". Такъ разсказываетъ Тарасенковъ, лѣчившій Гоголя. [2]) Не извѣстно, этотъ-ли случай разумѣетъ Гоголь, когда въ своемъ коротенькомъ письмѣ къ о. Матвѣю говоритъ, что хотѣлъ „просить у него извиненья въ томъ, что оскорбилъ его", [3]) но все-таки на основаніи этого письма мы видимъ, что между Гоголемъ и о. Матвѣемъ полнаго согласія во взглядахъ не было, и говорить о томъ, что Гоголь совершенно подпалъ подъ вліяніе о. Матвѣя, кажется, нѣтъ основаній. [4])

Причиной сожженія II тома передъ смертью было, по нашему мнѣнію, сознаніе Гоголя, что онъ не разрѣшилъ той задачи, которую онъ поставилъ себѣ, какъ художникъ. [5]) Мы знаемъ, что

---

[1]) Новое изданіе писемъ IV, 154.

[2]) Шенрокъ, IV, 851.

[3]) Новое изданіе писемъ IV, 423.

[4]) Есть еще указаніе на то, что въ послѣдніе дни жизни Гоголя о. Матвѣй потребовалъ у него отреченія отъ Пушкина. „Нѣтъ еще примиренія", сказалъ о. Матвѣй Гоголю: „отрекись отъ Пушкина и любви къ нему. Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ". Гоголь затрепеталъ, говоритъ очевидецъ (Міръ Божій, 1902, II, 66), и, конечно, не могъ отречься отъ своей святыни; Пушкина Гоголь любилъ, по его собственнымъ словамъ, больше матери. Можетъ быть, этотъ случай имѣетъ въ виду Гоголь, прося у о. Матвѣя извиненія за то, что онъ его оскорбилъ, не отказавшись отъ своей любви къ Пушкину.

[5]) Ср. мнѣніе ак. Тихонравова: „послѣднее сожженіе II тома „Мертвыхъ Душъ" вызвано было тѣмъ же строгимъ отношеніемъ художника къ своему труду, какимъ и первое; въ основѣ того и

Гоголь уже давно былъ занятъ выясненіемъ своихъ авторскихъ обязанностей. Послѣ изданія „Переписки“, когда онъ получилъ отъ Бѣлинскаго письмо, исполненное такого гражданскаго негодованія, [1]) авторскія обязанности, кажется, для него окончательно выяснились. По крайней мѣрѣ, въ „Авторской исповѣди“, которая представляетъ profession de foi воззрѣній Гоголя въ эту эпоху, мы находимъ такіе взгляды, которые имѣютъ большое значеніе для выясненія поэтической дѣятельности Гоголя въ это время, и на которые до сихъ поръ, кажется, не обращали вниманія. Еще до полученія письма Бѣлинскаго, а только послѣ прочтенія его статьи въ Современникѣ, въ которой онъ такъ неодобритель-

---

другого приговора лежало справедливое недовольство „выдуманными образами и особенно тою идеальностью, неестественностью образовъ, которая ненавистна была Гоголю въ произведеніяхъ Кукольника и Полевого. Предсмертное сожженіе многолѣтняго труда не было у Гоголя слѣдствіемъ болѣзненнаго порыва, нервнаго разстройства; всего менѣе можно въ немъ видѣть „жертву, принесенную смиреннымъ христіаниномъ“: оно было сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ“ (Сочиненія, III, 576). Ср. мнѣніе Шенрока, высказанное имъ въ 1896 году, Сочиненія Гоголя, VII, 796; ср. ibid., 801. С. Т. Аксаковъ думаетъ, что „смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій духа Гоголя, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ“ (Русскій Архивъ, 1890, VIII, 13). Это мнѣніе имѣетъ, конечно, свою долю правды. Пушкинъ, при своемъ вліяніи на Гоголя, при своемъ широкомъ, свѣтломъ умѣ, могъ бы удержать Гоголя, по крайней мѣрѣ, на высотѣ чисто художественнаго творчества, и тогда Гоголь, отдаваясь только лишь своему инстинктивному творческому таланту, рисовалъ бы такія же поразительныя картины русской жизни, какія мы находимъ въ произведеніяхъ первой свѣтлой половины его литературной дѣятельности.

[1]) Письмо это было напечатано въ Полярной Звѣздѣ, 1855 года, т. I, изданіе 2-е, стр. 63—79; въ извлеченіи въ Вѣстникѣ Европы за 1872 годъ, VII, стр. 439—443; наконецъ, въ книгѣ Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. VIII, стр. 596—607.

но отозвался о „Перепискѣ“, [1]) Гоголь въ письмѣ къ Вяземскому начинаетъ, очевидно, подъ вліяніемъ статьи Бѣлинскаго, говоритъ о томъ, что писатель въ настоящее время долженъ разъяснять для общества „государственные предметы“, т. е. внутреніе общественные вопросы. [2]) Послѣ же письма Бѣлинскаго, въ которомъ онъ говоритъ о томъ великомъ общественномъ значеніи, какое имѣлъ Гоголь для русскаго народа, выясняя ему его соціальное положеніе, Гоголь все болѣе и болѣе приходилъ къ сознанію тѣхъ авторскихъ обязанностей, [3]) которыя теперь предъявляются всякому крупному художественному дарованію. Правда, въ отвѣтномъ письмѣ Бѣлинскому, Гоголь все еще какъ-то путается и стоитъ на точкѣ зрѣнія личнаго исправленія и усовершенствованія, отвергая всякія реформы, [4]) но мы знаемъ, въ какомъ состояніи писалъ Гоголь это письмо, и какъ ему, въ пылу раздраженія, хотѣлось отстоять свою точку зрѣнія. Но колебанія въ совершенно противоположную сторону у него уже начались, какъ мы видѣли, и вотъ въ „Авторской исповѣди“, онъ, какъ бы повторяя слова Бѣлинскаго, говоритъ, что „писатель творецъ— долженъ постигнуть современность и стать въ уровень съ вѣкомъ (по образованію), [5]) что онъ долженъ быть разрѣшителемъ со-

[1]) См. Сочиненія Бѣлинскаго, XI, 84—108; она была первоначально напечатана въ Современникѣ за 1847 годъ, II, отд. 3, стр. 103—124.

[2]) Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ, стр. 399.

[3]) Послѣ рецензіи Бѣлинскаго въ Современникѣ на „Переписку съ друзьями“ Гоголь пишетъ Прокоповичу слѣдующее о Бѣлинскомъ: „какъ бы то ни было, человѣкъ этотъ говорилъ обо мнѣ съ участіемъ въ продолженіе десяти лѣтъ, человѣкъ этотъ, несмотря на излишества и увлеченія, указалъ справедливо однакожъ на многія такія черты въ моихъ сочиненіяхъ, которыхъ не замѣтили другіе, считавшіе себя на высшей точкѣ разумѣнія передъ ними“ (Новое изданіе писемъ, III, 496). Слова такого человѣка не могли остаться безъ всякаго вліянія на Гоголя.

[4]) Письма, VI, 379—386.

[5]) Сочиненія, IV, 266.

временныхъ вопросовъ“. [1]) Далѣе Гоголь еще яснѣе говоритъ объ обязанностяхъ писателя своего времени: „Если онъ, при всѣхъ великихъ дарахъ, при картинной живописи въ словѣ, при орлиной силѣ взгляда, при возносящей силѣ лиризма и поражающей силѣ сарказма, (и) пріобрѣтетъ полное познаніе земли своей и своего народа въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, воспитается, какъ гражданинъ своей земли и какъ гражданинъ всего человѣчества, и какъ кремень станетъ во всемъ томъ, въ чемъ повелѣно быть крѣпкой скалой человѣку, тогда онъ выступай на поприще“. [2]) Но бѣда Гоголя и заключалась въ томъ, что онъ не могъ разрѣшить всѣхъ современныхъ вопросовъ, на которые наталкивала его жизнь, познаніе людей,—онъ не имѣлъ того критеріума, съ высоты котораго могъ бы правильно освѣтить разные жгучіе вопросы, затронутые имъ въ его второмъ томѣ; отсюда и выходило ходульное изображеніе Костанжогло, откупщика и т. д., чего онъ, конечно, не могъ не понимать, [3]) и что, конечно, въ сильной степени тормозило его работу. Уже по поводу обѣщанія Гоголя въ I томѣ—изобразить такихъ добродѣтельныхъ русскихъ людей, какихъ „нигдѣ не сыскать въ мірѣ“, и передъ которыми „мертвыми покажутся всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ“, — Бѣлинскій говорилъ, что „много, слишкомъ много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими — по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣ-

[1]) Ibid., 267.

[2]) Сочиненія, IV, 267.

[3]) „Гоголь поставилъ себѣ задачу, которая была невыполнима, потому что невыполнимо было создать произведеніе въ духѣ „Выбранныхъ мѣстъ“ и сохранить въ немъ тѣ особенности его художественнаго творчества, которыя дали ему славу и составили его дѣйствительную силу“: Пыпинъ, Исторія литературы, IV, 496, ср. 499.

стахъ". [1]) И слова эти были пророческія. Не „царственное" впечатлѣніе производитъ Костанжогло, [2]) второе, нѣсколько облагороженное изданіе Собакевича, Костанжогло, который умѣетъ извлекать доходы изъ „всякой дряни" [3]) и который вооружается

[1]) Сочиненія, VI, 535.

[2]) „Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ Костанжогло, и казалось, какъ-бы лучи исходили изъ лица его" (IV, 355), когда онъ говорилъ объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ сельскимъ хозяйствомъ.

[3]) Костанжогло нѣсколько грубъ и рѣзокъ на слова, но это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому идеалу, какой имѣлъ Гоголь о помѣщикѣ. Такъ въ своей статьѣ „Русскій помѣщикъ" Гоголь совѣтуетъ своему пріятелю ругать лѣнивыхъ мужиковъ „невымытыми рылами", дрянью, а то „выкопать слово еще похуже" (IV, 120—121). Затѣмъ въ этой-же статьѣ Гоголь говоритъ: „относительно всякихъ нововведеній ты уменъ и смекнулъ самъ, что не только слѣдуетъ придерживаться всего стараго, но всмотрѣться въ него насквозь, чтобы изъ него же извлечь для него улучшеніе" (ibid., 120). Всему этому, какъ извѣстно, вполнѣ слѣдуетъ Костанжогло. Кромѣ того, Гоголь убѣжденъ, что можно вести христіанскую жизнь и собирать богатства. „Богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ—синонимы. И въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро" (ibid.). Точно также и Костанжогло былъ богатымъ хозяиномъ, увлекался сельскимъ хозяйствомъ, заботился о своихъ крестьянахъ, видѣлъ въ этомъ исполненіе своей гражданской обязанности, и по состоянію его деревни видно было, „что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой" (IV, 339). Что теоретическія воззрѣнія Костанжогло вполнѣ совпадаютъ съ взглядами самого Гоголя, подтвержденіе этому мы находимъ и въ его частной перепискѣ: Гоголь пишетъ матери, „что все, что ни есть вокругъ насъ, все создано для нашего обогащенія, нѣтъ предмета, изъ котораго нельзя было бы извлечь выгодъ, которыя не дали бы потомъ процентъ на процентъ, нѣтъ малѣйшей статьи, которая не дала бы пользу, ибо ничто не создано Богомъ безъ пользы" (Новое изданіе писемъ, IV, 126, письмо 1847 года). Сельское хозяйство онъ считаетъ „слишкомъ важнымъ и серьезнымъ дѣломъ" и совѣтуетъ своимъ домашнимъ вести его именно такъ, какъ ведетъ его во второмъ томѣ Костанжогло (ibid.).

противъ школъ и больницъ для крестьянъ. [1]) Правда, мы должны сказать, что Костанжогло собственно вооружается какъ-бы не противъ просвѣщенія и благотворительности, а противъ неумѣлаго ихъ примѣненія, примѣромъ чего является Кошкаревъ. Но рѣчи его во всякомъ случаѣ двусмысленны, и самъ Гоголь, очевидно, колебался, принесетъ-ли просвѣщеніе пользу или вредъ крестьянамъ. Такъ въ рукописи, гдѣ находится рѣчь Костанжогло о просвѣщеніи, сдѣлана слѣдующая приписка: „Конечно, въ грамотѣ ничего нѣтъ дурного, скорѣе хорошее“, [2]) но уже самая возмож-

[1]) По мнѣнію Энгельгардта на образъ Костанжогло повліялъ идеальный помѣщикъ Россіяниновъ, который выведенъ въ романѣ Булгарина „Выжигинъ“. „Булгаринскій господинъ Россіяниновъ, идеальный помѣщикъ-практикъ, несомнѣнно, перекочевалъ во вторую часть „Мертвыхъ Душъ“, явясь тамъ въ облагороженной, но столь-же фальшиво-деревянной фигурѣ Костанжогло“. Вотъ откуда, по мнѣнію Энгельгардта, идетъ родовая струя фальши, отразившаяся впослѣдствіи и на Штольцѣ Гончарова, и такимъ образомъ просочившаяся изъ литературной трясины на вершину нашего Парнаса“ (Историческій Вѣстникъ, 1902, II, 578—579). Кое-какія *внѣшнія* совпаденія въ описаніи усадьбъ Россіянинова и Костанжогло, дѣйствительно, указать можно, но основныя конценціи этихъ двухъ помѣщиковъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. Россіяниновъ является приверженцемъ западно-европейской образованности, въ его кабинетѣ стояли огромные шкафы съ книгами на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ (Иванъ Выжигинъ, стр. 124); Россіяниновъ старается обучать своихъ крестьянъ грамотѣ и говоритъ: „нынѣ всѣ молодые люди въ моемъ имѣніи знаютъ грамоту... Безъ грамоты, господа, не возможно посѣять ни нравственности въ народѣ, ниже возбудить понятія о его обязанностяхъ къ властямъ, для собственнаго же его блага“ (ibid., 128); наконецъ, Россіяниновъ признаетъ, что надо быть прежде человѣкомъ, а потомъ уже русскимъ или французомъ (125), хотя „всѣ нововведенія не иначе приводимы имъ были въ исполненіе, какъ послѣ многихъ опытовъ“ (128). Костанжогло же учился на мѣдныя деньги, книгами не интересовался и о просвѣщеніи своихъ крестьянъ не думалъ. Романъ Булгарина „Выжигинъ“ былъ извѣстенъ Гоголю, но въ 1831 г. онъ отзывался о немъ неодобрительно; см. Письма, новое изданіе, I, 186—187.

[2]) Сочиненія, IV, 577.

ность сомнѣнія относительно такого яснаго дѣла для того писателя, который всю свою жизнь отдалъ литературѣ, показываетъ, что Гоголь скорѣе былъ противъ просвѣщенія крестьянъ, чѣмъ за ихъ образованіе, да и Костанжогло говоритъ, что сперва надо сдѣлать мужика „богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а потомъ уже его просвѣщать". [1]) Такъ колеблется мысль Гоголя о пользѣ просвѣщенія во II томѣ, но въ „Перепискѣ съ друзьями" онъ высказываетъ въ высшей степени странныя мнѣнія какъ относительно этого, такъ и относительно другихъ вопросовъ. „Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову, и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ. Ты и самъ будешь дѣлать то же, когда станешь почаще выходить на работы. Деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки. Если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и притомъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку,—тогда другое дѣло. Воспитай его, какъ сына, и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу. Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной

[1]) Ibid., 35С. Точно также Гоголь былъ и противъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Когда Костанжогло предложилъ даже деньги въ-займы крестьянамъ сосѣдняго помѣщика, чтобы они откупились у него, то крестьяне этого не пожелали, сказавши, что на волѣ они только совершенно испортятся (Сочиненія, IV', 341). Согласно съ такимъ своимъ воззрѣніемъ на этотъ вопросъ, Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что „крестьяне, исполняя дѣло помѣщичье, съ тѣмъ вмѣстѣ исполняютъ и Божіе дѣло" (новое изданіе писемъ, III, 176; ср. Сочиненія Гоголя, IV', 118).

бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ“. [1]) Точно также „въ Перепискѣ“ Гоголь вооружается противъ всякихъ усовершенствованій, изобрѣтеній. „Зачѣмъ эта скорость сообщеній? Что выиграло человѣчество чрезъ эти желѣзныя и всякія дороги, что пріобрѣло оно во всѣхъ родахъ своего развитія, и что пользы въ томъ, что одинъ городъ теперь обѣднѣлъ, а другой сдѣлался толкучимъ рынкомъ, да увеличилось число праздношатающихся по всему міру?“ [2]) Правда, впослѣдствіи, въ „Авторской исповѣди“, но, очевидно, уже подъ вліяніемъ рѣзкаго письма Бѣлинскаго, [3]) Гоголь говоритъ, что его мысль поняли невѣрно, и такъ разъясняетъ это недоразумѣніе: „Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне-земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго—это показалось мнѣ очень странно, тѣмъ болѣе, что я полжизни думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умному для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу... Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщеніе народное“. [4]) Но и здѣсь онъ говоритъ, что „землепашецъ нашъ всегда казался ему нравственнѣе всѣхъ другихъ и менѣе другихъ нуждающимся въ наставленіяхъ писателя. [5])

Нѣкоторые критики, напр., Ал. Веселовскій, не считаютъ Костанжогло идеальнымъ лицомъ въ духѣ тѣхъ идей, которыя

---

[1]) Сочиненія, IV, 121—122.

[2]) Сочиненія, IV, 151—152.

[3]) Письмо Бѣлинскаго было послано не позже 3 іюля 1847 года Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 289, прим. 1. Надъ „Авторской исповѣдью“ Гоголь работалъ въ маѣ и іюнѣ 1847 года и при жизни его она напечатана не была.

[4]) Сочиненія, IV, 244.

[5]) Ibid.

исповѣдывалъ Гоголь въ концѣ своей жизни; [1]) вообще Веселовскій думаетъ, что во второмъ томѣ должны были явиться люди, представляющіе смѣсь добра и зла, но и онъ указываетъ на „одиночные лучи“ свѣта, мелькающіе во второмъ томѣ: таковъ „несравненный, чудесный воспитатель Александръ Петровичъ“ (онъ былъ и въ послѣдней редакціи II тома, сожженной Гоголемъ передъ смертью, о чемъ мы узнаемъ изъ письма къ Гоголю Аксакова, въ которомъ послѣдній сдѣлалъ ему замѣчаніе относительно неестественности всего разсказа объ Александрѣ Петровичѣ); таковъ блѣдный и удрученный заботами генералъ-губернаторскій чиновникъ, который беззавѣтно преданъ службѣ; таковъ, наконецъ, Муразовъ, о которомъ Ал. Веселовскій говоритъ слѣдующее: „во второмъ томѣ Гоголю хотѣлось изобразить людей добрыхъ, вѣрующихъ, живущихъ въ законѣ Божіемъ, но, кромѣ Муразова, подъ это опредѣленіе не можетъ вполнѣ подойти ни одинъ изъ героевъ“. [2]) Такимъ образомъ, и Веселовскій отмѣчаетъ присутствіе во II томѣ „Мертвыхъ Душъ“ добродѣтельныхъ, идеальныхъ лицъ. Это указаніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ перепискѣ Гоголя. Въ письмахъ 1850 г., когда второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ уже вчернѣ оконченъ и только ожидалъ послѣдняго удара рѣзца, Гоголь ясно говоритъ, что „во второй части русскій человѣкъ выступаетъ не однѣми пошлостями, но всей глубиной своей богатой природы“, [3]) или „русскій человѣкъ является уже не пошлою своею стороною, но всей глубиной своей природы, со всѣмъ величіемъ своего характера“. [4]) Итакъ, во второмъ томѣ, несомнѣнно, должны были явиться добродѣтельныя лица, подъ вліяніемъ которыхъ и начинается просвѣтлѣніе такихъ порочныхъ и свихнувшихся людей, какъ Чичиковъ, Хлобуевъ и др. Правда, мы не знаемъ вполнѣ

[1]) Этюды и характеристики, стр. 597.
[2]) Ibid., 603.
[3]) Новое изданіе писемъ, IV, 333.
[4]) Ibid., 339.

содержанія второго тома въ послѣдней его формаціи. Но изъ отрывка рѣчи генералъ-губернатора, отрывка, который относится ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, [1]) затѣмъ изъ той передѣлки, какой подвергъ Гоголь послѣ своего путешествія въ Іерусалимъ (возвратился въ Россію весною 1848 года) послѣднюю, дошедшую до насъ главу II тома „Мертвыхъ Душъ“, и наконецъ изъ тѣхъ немногихъ поправокъ, какія онъ сдѣлалъ въ первыхъ четырехъ главахъ въ послѣдніе годы своей жизни, [2]) видно, что творческая фантазія Гоголя, создавая въ эту эпоху идеальныя лица, работала въ томъ же направленіи и тѣмъ же методомъ, что и до 1845 года, только лишь еще болѣе сгущая и усиливая краски. Это было то же резонерски-моралистическое творчество, которое не могло создавать правдивыхъ образовъ. Очевидно, основное содержаніе II т. въ первой его редакціи удовлетворяло Гоголя и въ послѣдній періодъ его работы, передѣлки же и поправки клонились только лишь къ тому, чтобы яснѣе выступила основная идея произведенія, представшая ему послѣ 1845 года въ „свѣтломъ, очищенномъ видѣ“, чтобы еще рельефнѣе обрисовалось то „душевное дѣло“, которое занимало въ это время Гоголя. Такъ передѣлка послѣдней главы, которая въ дошедшей до насъ рукописи коснулась только лишь начала ея, представляетъ совершенно новую редакцію первыхъ ея страницъ и направлена къ тому, чтобы, по возможности, ярче обрисовать всѣ тѣ приманки, которыя шли въ Россію съ Запада и губили русскаго человѣка: „наѣхали (на ярмарку) истребители русскихъ кошельковъ, французы съ помадами и француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ—эта египетская саранча, по выраженію *Костанжогло*;“... французъ открылъ новое заведеніе, какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи воксалъ.... Рѣдко гдѣ видны были бородачи (купцы)... Все было европейскаго вида съ бритыми подбородками... и съ гнилыми зубами“. Купца, который по-

[1]) См. Сочиненія Гоголя, VII, 800.
[2]) Ibid., IV, 564—565.

казывалъ Чичикову сукно, Гоголь иронически называетъ „европейцемъ“. [1]) Въ первоначальной редакціи, при описаніи ярмарки, мы не видимъ такого преднамѣреннаго враждебнаго нерасположенія со стороны Гоголя ко всему европейскому. [2]) Обращаемъ вниманіе и на то, что самъ Гоголь заявляетъ свое согласіе съ мнѣніемъ Костанжогло о вредѣ западно-европейскихъ приманокъ для русскаго человѣка, хотя, конечно, не однѣ же губительныя приманки шли къ намъ съ Запада! Все это, какъ мы видимъ, является повтореніемъ идей „Переписки съ друзьями“, отъ которой Гоголь не отказался вполнѣ до конца своей жизни, что, между прочимъ, доказываетъ и его „Авторская исповѣдь“, въ которой онъ хотѣлъ разъяснить тѣ недоразумѣнія, какія, по его мнѣнію, возникли совершенно неосновательно по поводу его книги. Итакъ, если между воззрѣніями Гоголя, высказанными и въ его „Перепискѣ съ друзьями“, и въ его частныхъ письмахъ, мы находимъ буквальное совпаденіе съ тѣми взглядами, какіе проповѣдуютъ нѣкоторыя лица, обрисованныя во II т., мы, кажется, вправѣ сказать, что самъ авторъ гласитъ ихъ устами, и можемъ, кажется безъ всякой натяжки, считать ихъ если не вполнѣ идеальными людьми, то во всякомъ случаѣ такими, какихъ русскій человѣкъ можетъ взять себѣ за образецъ.

Подобно Костанжогло, не менѣе грустно-комическое впечатлѣніе производитъ другое добродѣтельное лицо II тома — откупщикъ Муразовъ, который будто бы нажилъ свои милліоны „самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами“, но „въ рукахъ котораго находилась почти половина Россіи“, и который, надо замѣтить, по изображенію самого же автора, безчестно пользуется своими капиталами: „съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и остается: некому перебить“. [3])

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, 377—378.
[2]) Ibid, III, 381—382.
[3]) Сочиненія, III, 354.

Не могъ, конечно, и Гоголь, при своемъ великомъ артистическомъ талантѣ, не видѣть всей ходульности такихъ образовъ, [1]) а другого теоретическаго содержанія для своихъ идеальныхъ лицъ онъ не имѣлъ; вотъ почему имъ и былъ сожженъ II томъ „Мертвыхъ Душъ“. Слишкомъ глубоко вкоренились въ Гоголѣ Домостроевскіе взгляды, такъ рѣзко выступившіе въ его „Перепискѣ“, чтобы онъ могъ отъ нихъ отказаться и въ концѣ своей жизни. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ Гоголь граф. Віельгорской отъ 30 марта 1849 г. по поводу „Домостроя“, въ то время только-что изданнаго: „въ Домостроѣ является не политическое устройство Россіи, но частный семейный бытъ, и въ немъ жизнь, *освѣщенная тѣмъ свѣтомъ, которымъ она должна освѣщаться.* Въ наставленіяхъ и начертаніяхъ, какъ вести домъ свой, какъ быть съ людьми, какъ соблюсти хозяйство земное и небесное, кромѣ живости подобныхъ обычаевъ старины, *поражаютъ глубокая опытность жизни и полнота обниманія всѣхъ обязанностей, какъ сохранить домоправителю образъ благости Божіей въ обращеніи со всѣми; какъ быть его женѣ и хозяйкѣ дома съ мужемъ, съ дѣтьми, съ слугами и съ хозяйствомъ; какъ воспитать дѣтей, какъ воспитать слугъ...*“ И Гоголь рекомендуетъ граф. Віельгорской изучать „Домострой“, чтобы „сдѣлаться русской на самомъ дѣлѣ“. [2])

Сгубило Гоголя отсутствіе широкаго образованія, обладая которымъ, онъ смѣло могъ бы бороться и, конечно, поборолъ бы всѣ тѣ темныя силы, которыя къ нему привязались, и, кромѣ того, исполнилъ бы хоть отчасти ту высокую задачу, которую

[1]) Такъ Чичиковъ называетъ Костанжогло „загребистой лапой“; несоотвѣтствіе художественнаго образа Муразова той идеѣ, какую онъ долженъ былъ воплощать въ себѣ, мы указывали выше въ текстѣ.

[2]) Новое изданіе писемъ, IV, 239—240.

ему подсказалъ его великій талантъ, и которой онъ не могъ совершить, стоя по своему образованію почти наравнѣ съ отцомъ Матвѣемъ. [1]) *)

М. Марковскій.

---

[1]) О скудости теоретическихъ воззрѣній Гоголя объ общественной жизни см. у Пыпина, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ, стр. 348—425, и въ его же Исторіи русской литературы, т. IV, стр. 475.

*) Не находимъ достаточныхъ данныхъ для этого утвержденія. *Прим. Ред.*

Н. В. Гоголь, какъ эпическій писатель.

21-го февраля 1852 года, послѣ тяжкихъ физическихъ и душевныхъ страданій, скончался въ Москвѣ одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ Н. В. Гоголь, скончался всего 43 лѣтъ. когда русское общество съ твердой надеждой ожидало отъ него новыхъ блестящихъ трудовъ, какъ отъ писателя испытанной опытности и созрѣвшаго до высокаго самобытнаго творчества.

50 лѣтъ, протекшихъ со дня смерти великаго поэта, должны были успокоить страсти, неизбѣжныя въ сужденіяхъ о писателяхъ и произведеніяхъ, живо затрогивающихъ явленія современной эпохи. Насколько горячи, а порой и страстны были эти сужденія, всего лучше можно видѣть изъ того, что самъ Гоголь, болѣзненно жаждавшій слышать судъ о своихъ твореніяхъ, иногда изнемогалъ подъ тяжестію суровости этого суда. Особенно тяжелы были замѣчанія на знаменитыя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. „Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово“, пишетъ Гоголь въ своей „Исповѣди“... „Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ“ [1]). Гоголь на бѣду не

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, подъ ред. проф. Н. С. Тихонравова, 1889 г., т. IV, стр. 241.

обладалъ и такимъ счастливымъ сложеніемъ. Отсюда становится понятнымъ, почему геніальный писатель, нѣкогда твердо вѣровавшій въ достоинство своихъ произведеній и значеніе ихъ для современниковъ, потомъ сталъ искать безпристрастнаго суда и памяти въ потомствѣ. Время этого суда настало. Мы еще не можемъ окончательно подвести итога сдѣланному Гоголемъ для послѣдующей русской литературы; но не можетъ быть двухъ сужденій о высотѣ дарованія Н. В. Гоголя и художествѣ его произведеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголь—одинъ изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ, гордость и краса русской литературы, могучій выразитель думъ и чувствъ русскаго народа и своей эпохи, высокій воплотитель генія русскаго племени.

Какъ всѣмъ необыкновеннымъ людямъ, съ инстинктивнымъ чутьемъ своихъ дарованій, Гоголю еще на школьной скамейкѣ казалось, что онъ успѣетъ совершить нѣчто достойное памяти его соотечественниковъ, что жизнь его не пройдетъ безслѣдно, что онъ не умретъ ничтожностью на ряду съ „существователями“, а сможетъ послужить всей Россіи, сдѣлается даже извѣстнымъ. Ему только не ясно было, чѣмъ и какъ онъ послужитъ своей родинѣ. Ему сначала казалось, что онъ выдвинется по службѣ, что государственная служба и есть его истинное призваніе [1]). На такой исходъ молодыхъ его стремленій не безъ вліянія, конечно, осталась судьба его родственника, Д. П. Трощинскаго. Пышный и окруженный почетомъ старческій покой „благодѣтеля Малороссіи“ не могъ не поражать молодого воображенія юноши, полнаго порывовъ. Другою причиною могъ служить безотрадный взглядъ Гоголя на состояніе современнаго ему правосудія [2]). Го-

[1]) Соч. Гоголя, IV, стр. 248.

[2]) Вотъ что говоритъ Гоголь устами генералъ-губернатора во II т. „Мертвыхъ душъ“: „Знаю, что никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды... Безчестное дѣло—брать взятки, сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными... Гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ язы-

голю поэтому думалось, что каждый истинный сынъ родины долженъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія, какъ чиновникъ, содѣйствовать водворенію правды въ Россіи и показать примѣръ честнаго и неуклоннаго исполненія долга. Поэтому же онъ избралъ Петербургъ мѣстомъ своей дѣятельности. Въ этомъ центрѣ государственной жизни Россіи онъ надѣялся встрѣтить наиболѣе благопріятныя условія для примѣненія своихъ дарованій. „Здѣсь только человѣку можно достигнуть чего-нибудь; тутъ тысячи путей для него", писалъ Гоголь своей матери [1]).

Карьера чиновника однако не удовлетворила его, какъ она не удовлетворила Карамзина, Пушкина, Тургенева и многихъ другихъ, выдающихся нашихъ писателей. Ясно, что природныя дарованія Гоголя влекли его на иной путь, на которомъ ему дѣйствительно суждено было послужить своей родинѣ и обезсмертить свое имя въ потомствѣ. Это былъ „трудный и тернистый жизненный путь" писателя [2]). И въ этомъ случаѣ Петербургъ былъ счастливо избранъ Гоголемъ, какъ мѣсто, гдѣ скорѣе всего могло быть оцѣнено его геніальное дарованіе. Здѣсь поселился Пушкинъ послѣ тревогъ своего недавняго прошлаго. Здѣсь жилъ Жуковскій, столько же чуткій къ поэтическимъ дарованіямъ, сколько готовый отозваться на голосъ нужды и оказать свое вліятельное покровительство. Одному и другому поэту суждено было имѣть рѣшительное вліяніе на жизненную судьбу Гоголя и на его творчество. Связующимъ звеномъ выступали П. А. Плетневъ и А. О. Росетти, блестящая и остроумная фрейлина сначала императрицы Маріи Ѳеодоровны, а потомъ императрицы Александры Ѳеодоровны и прекрасная чтица „Вечеровъ на хуторѣ" въ присутствіи императора Николая I.

ковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго управленія образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякого законнаго" (Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 410–411).

[1]) Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. В. И. Шенрока, Спб., изд. Маркса, т. I, стр. 152.

[2]) Ibid., т. II, стр. 152.

Знакомство началось, какъ нужно думать, съ Жуковскаго, въ 1830 году. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ Гоголь тотъ моментъ, когда онъ впервые предсталъ предъ Жуковскимъ: „Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ“, пишетъ онъ Жуковскому въ декабрѣ 1847 года, „какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ къ тебѣ, уже свершившему полдороги на этомъ поприщѣ... Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему подвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ! Что насъ свело, неравныхъ лѣтами? Искусство!“ [1]) Еще важнѣе было знакомство съ Пушкинымъ. „Подвести его подъ благословеніе Пушкина“ стремился Плетневъ. Своимъ орлинымъ взглядомъ Пушкинъ скоро замѣтилъ въ скромномъ и застѣнчивомъ юношѣ великое дарованіе и съ тѣхъ поръ не спускалъ съ Гоголя глазъ, руководилъ его чтеніемъ, хлопоталъ объ успѣхѣ его произведеній, слѣдилъ за его творчествомъ. Гоголь, въ свою очередь, выражаетъ рѣшительное благоговѣніе предъ Пушкинымъ, называетъ его геніемъ, [2]) ввѣряетъ ему просмотръ своихъ работъ, проситъ замѣчаній, указаній, [3]) видитъ въ немъ примѣръ и поощреніе своего творчества [4]). Послѣ этого не трудно

---

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 679.

[2]) См. Письмо его къ Дмитріеву отъ 30 ноября 1832 г.—Письма Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 228.

[3]) См. письмо къ Пушкину отъ декабря 1834 г.—Письма Гоголя, т. I, стр. 329. Тамъ-же другое письмо по поводу „Арабесковъ“, отъ 7 октября 1835 г.

[4]) Въ 1830 г., когда вышелъ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, Гоголь писалъ по поводу этого творенія: „Великій! Надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь... еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и мелкаго самолюбія не заронилось въ мою душу... Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія,—если презрѣнная ничтожная лѣнь окутаетъ меня, если дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ *тобой исторгнутые звуки*,... о, тогда пусть обольется оно немолчнымъ ядомъ,... неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу...“ (Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 70).

понять, какое впечатлѣніе должна была произвести на Гоголя смерть Пушкина. Гоголь былъ въ это время за границею. Въ отвѣтъ на письмо Погодина онъ пишетъ: „Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь, какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ... Свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ предъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ я, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой (рѣчь идетъ о „Мертвыхъ Душахъ“) есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслію, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему; и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди. Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?“ [1]) „О, Пушкинъ, Пушкинъ!“ пишетъ Гоголь Жуковскому. „Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!“ [2]) Такъ Гоголь самъ лично характеризуетъ свои отношенія къ Пушкину.

Говоря такъ, мы хотѣли лишь указать тѣ литературныя воздѣйствія, которыми началось и сопровождалось творчество Гоголя. Еще юношей вступалъ онъ въ кругъ такихъ испытанныхъ и извѣстныхъ писателей, какъ Пушкинъ и Жуковскій, а потому неизбѣжно долженъ былъ подчиниться ихъ критическимъ и теоретическимъ воззрѣніямъ; но существо дарованія и творчества Гоголя было слишкомъ сильно и самобытно, чтобы уступить какому

[1]) Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 424.
[2]) Ibid., стр. 459.

бы то ни было давленію. Отсюда произошло то, что при всѣхъ воздѣйствіяхъ Гоголь оставался самъ собою, занялъ въ литературѣ свое, ему одному принадлежащее мѣсто, никѣмъ неоспариваемое. У него свой литературный матеріалъ, который онъ самолично открываетъ даже тогда, когда тема произведенія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“, была дана ему тѣмъ же Пушкинымъ; у него свой, ему одному свойственный, способъ освѣщенія жизненныхъ явленій, вслѣдствіе чего Гоголь и доселѣ остается въ своемъ родѣ единственнымъ писателемъ, ни разу не повторился, не смотря на то, что у него есть цѣлая школа учениковъ, усердно обращавшихся къ тому литературному матеріалу, который онъ впервые затронулъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ своеобразности, а слѣдовательно и геніальности его дарованія. Мы коснемся особенностей дарованія Гоголя, насколько оно выразилось въ его эпическихъ произведеніяхъ.

Гоголь былъ истинный поэтъ. Художественное творчество составляло весь смыслъ, все значеніе его жизни, поглощало всѣ его чувства; все остальное, какъ стороннее, отступало на задній планъ. Онъ всю жизнь свою провелъ бездомнымъ холостякомъ, всецѣло отданный созданію своихъ высокихъ произведеній. Онъ отказался отъ работъ въ журналахъ, порой чуть не умиралъ съ голоду, но своему высокому призванію измѣнить не хотѣлъ и не могъ. Онъ считалъ преступленіемъ отнять отъ своихъ творческихъ трудовъ даже нѣсколько дней, видѣлъ въ призваніи художника служеніе самому государству, самому народу. Въ пору высшаго развитія его дарованія и творчества ему казалось, что кратковременная служба его въ качествѣ чиновника, учителя и профессора была только сонъ, только подготовительный шагъ къ его жизненному призванію—писательству. Въ послѣдніе годы жизни, когда тѣлесные недуги стали его одолѣвать, когда минуты художественнаго вдохновенія и производительнаго творчества стали посѣщать его все рѣже и рѣже,—онъ страдалъ безконечно; ему казалось, что смыслъ жизни его исчерпанъ. Это былъ въ полномъ

смыслѣ художникъ-мученикъ, привѣтствовавшій благодарными слезами каждую минуту творчества, какъ приближавшую его къ исполненію задачи его жизни—окончанію „Мертвыхъ Душъ“. Отсюда ясно, почему такъ величественны и художественны его высокія созданія и такъ слабы его произведенія прозаическія, почему наброски его по исторіи Малороссіи отличались огненнымъ языкомъ, почему въ очень немногихъ удачныхъ профессорскихъ чтеніяхъ виденъ больше поэтъ, чѣмъ ученый.

Гоголь—художникъ пластикъ. Онъ созерцаетъ типъ или явленіе въ совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ особенностей, какъ живописецъ или ваятель, у которыхъ духовная жизнь человѣка въ самый моментъ созерцанія ея нераздѣльно сливается съ внѣшностью человѣка, его лицемъ, мимикой, выраженіемъ глазъ, складкой одежды, положеніемъ тѣла, походкой и т. п. Для живописи и ваянія, такъ сказать, нѣтъ прошедшаго и будущаго, а только настоящее; потому что, по свойству самого матеріала, эти искусства могутъ изображать только одинъ моментъ. Гоголь обыкновенно беретъ свой типъ уже сложившимся, въ опредѣленное время, но за то рисуетъ его предъ нами съ исчерпывающею полнотою душевныхъ и тѣлесныхъ состояній, движеній и положенія. Такъ онъ беретъ Плюшкина въ тотъ моментъ, когда пагубная страсть скупости сдѣлала свое разрушительное дѣло, когда онъ утратилъ чувство отца, чувство чести своего положенія, обратился въ „заплатаннаго“, въ „рыболова“, по выраженію крестьянъ, готовъ былъ стащить ведро зазѣвавшейся бабы, когда онъ утратилъ свой обычный видъ и былъ принятъ Чичиковымъ за ключницу. При этомъ Гоголь знакомитъ насъ съ малѣйшими особенностями его лица, костюма, движеній, со всѣми мелочами обыденности, опредѣлившимися подъ вліяніемъ господствующей страсти. Словомъ, бери полотно и рисуй: художникъ далъ все необходимое для картины. Эта пластичность не оставляетъ Гоголя и тогда, когда онъ беретъ своего героя въ разныхъ моментахъ его жизни, какъ Чичикова. Вспомнимъ, напр., Чичикова во фракѣ изъ сукна

Наваринскаго пламени съ искрой, когда онъ впервые примѣряетъ костюмъ. Описаніе своего героя самъ Гоголь заканчиваетъ восклицаніемъ: „Художникъ, бери кисть и пиши!“ [1]) Послѣ этого легко понять, почему еще на школьной скамейкѣ Гоголю не трудно давалась живопись, почему произведенія архитектуры и пластики были любимымъ предметомъ его наблюденій дома и за границею.

Въ связи съ пластикой творчества Гоголя находится объективность его творчества. Она являлась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тщательнаго наблюденія человѣка и жизненныхъ явленій „до воспріятія всего прозаическаго существеннаго дрязга жизни“, „всего тряпья до малѣйшей булавки, что кружится ежедневно вокругъ человѣка“ [2]). Благодаря этому, человѣкъ и явленія природы возникали въ сознаніи поэта въ такой полнотѣ сущности и внѣшнихъ проявленій, что исключался личный произволъ автора въ ихъ освѣщеніи. Съ цѣлію обезпечить себѣ возможность спокойнаго созерцанія предмета, Гоголь иногда старался отдалиться отъ него, чтобы предохранить себя отъ волненій и увлеченій, неизбѣжныхъ при созерцаніи предметовъ, близкихъ не по одной пространственности. „Настоящее слишкомъ живо“, говоритъ Гоголь, „слишкомъ шевелитъ, слишкомъ раздражаетъ, перо писателя нечувствительно переходитъ въ сатиру“ [3]). Въ этомъ обстоятельствѣ Гоголь ищетъ оправданія, между прочимъ, и для своей поѣздки за границу. Онъ находитъ, что въ близкомъ соприкосновеніи съ изображаемой средой „видишь передъ собою только тѣхъ людей, которые стоятъ близко отъ тебя: всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь“. Поэтому Гоголь хочетъ стать „на такое мѣсто, откуда онъ могъ бы увидать всю массу..., какъ бы отдалившись отъ настоящаго, обратить его нѣкоторымъ образомъ для себя въ прошедшее“ [4]). Здѣсь, повидимому, находитъ себѣ

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 392.
[2]) Ibid., т. IV, стр. 263.
[3]) Ibid., т. IV, стр. 259.
[4]) Ibid., стр. 259—260.

объясненіе самый процессъ писанія Гоголя. Какъ извѣстно, онъ не любилъ спѣшить изданіемъ сочиненій, любилъ, чтобы они „отлежались", медленно переходилъ отъ набросковъ и передѣлокъ къ окончательной редакціи. Такой процессъ продолжительнаго созерцанія предмета давалъ ему возможность „сообразить все отъ мала до велика, ничего не пропустивши" изъ того, что касается не только крупныхъ чертъ характера, но и мельчайшихъ подробностей его проявленія. Такъ получалось „полное воплощенье въ плоть", „полное округленье характера" [1]) и съ тѣмъ вмѣстѣ сглаживалось отраженіе личности самого автора въ воспроизведеніи лицъ и явленій: предъ читателемъ выступалъ типъ или предметъ, какъ одинъ и другой существуютъ внѣ насъ.

Съ пластикою и объективностью творчества Гоголя находится въ органической связи его реализмъ. Какъ живописецъ или ваятель нуждаются въ такъ называемыхъ натурщикахъ, чтобы идеи и образы, созданные фантазіею, нашли болѣе жизненное и правдивое воплощеніе, такъ и поэтъ-пластикъ только чрезъ внимательное наблюденіе жизни и ея явленій можетъ достигать истинной художественности или жизненной правдивости своихъ созданій. Эта черта, наблюдаемая у каждаго поэта-художника, выступаетъ у Гоголя съ особенною очевидностью. Гоголь замѣчаетъ о себѣ: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности". Это, конечно, не значитъ, что Гоголь давалъ лишь голую копію дѣйствительности; нѣтъ, онъ творчески преобразовывалъ ее, одухотворялъ и обобщалъ разрозненное общею идеею, какъ онъ самъ говоритъ: „Я никогда *не писалъ портрета,* въ смыслѣ простой копіи. *Я создавалъ портретъ,* но создавалъ его вслѣдствіе сообра-

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 263.

женья, а не воображенья. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображенье, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ; потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображенье,—и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого" [1]). Эта личная исповѣдь Гоголя объясняетъ намъ существеннымъ образомъ то, почему въ своемъ творчествѣ онъ останавливался преимущественно на явленіяхъ современной жизни. „У меня не было влеченія къ прошедшему", говоритъ Гоголь. „Мой предметъ была современность, жизнь въ ея нынѣшнемъ быту" [2]). Даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Тарасъ Бульба", „Вій", „Страшная месть", Гоголь затрогиваетъ такую старину, которая еще была жива въ современномъ преданіи, была доступна постиженію съ живой ея стороны, поддавалась уразумѣнію, „угадыванію" въ живыхъ типахъ, во внутреннемъ значеніи явленій. Въ этомъ смыслѣ Гоголь водворялъ въ русской литературѣ пріемъ творчества, который далеко не можетъ быть понимаемъ, какъ обычный, исторически установившійся и строго выработанный. Его предшественникомъ, учителемъ, но и современникомъ можетъ быть названъ лишь Пушкинъ.

Указанныя особенности творчества Гоголя неизбѣжно порождали собою національзмъ его поэзіи. Въ повѣстяхъ Гоголя, начиная съ его „Вечеровъ", выпукло и отчетливо выступаютъ бытовыя особенности русскаго племени, особенности народнаго міровоззрѣнія и не только традиціоннаго, унаслѣдованнаго отъ старины, какъ преданія о Купальской ночи, утопленницахъ, колдунахъ и колдуньяхъ и т. п., но понятія и воззрѣнія новыя, сложившіяся не безъ вліянія западно-европейской образованности. Въ этомъ отношеніи Гоголь можетъ и долженъ быть названъ національнымъ поэтомъ въ томъ же значеніи, какъ и Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Гончаровъ и др.,

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 256—257.

[2]) Ibid., стр. 259.

какъ писатели, связанные съ своимъ народомъ всѣми особенностями своей личности, своего творчества, и какъ выразители отличительныхъ чертъ русскаго народнаго быта въ своихъ твореніяхъ, какъ воплотители русскаго народнаго генія, его языка, доведеннаго ими до высокаго совершенства.

Но въ изображеніи русской жизни у Гоголя есть своя особенность, которая рѣшительнымъ образомъ выдѣляетъ его въ ряду великихъ русскихъ писателей. Особенность эта—юморъ. Смѣхъ Гоголя не сатира Некрасова или Щедрина, ни даже Островскаго, еще менѣе Тургенева и Достоевскаго. Сатира названныхъ писателей обозначаетъ каждую вещь собственнымъ именемъ, безъ прикрасъ и смягченія рисуетъ предъ нами рядъ непригляднихъ явленій русской дѣйствительности, такъ что читателю становится иной разъ тяжело до нестерпимой боли, напр. при чтеніи нѣкоторыхъ сценъ у Достоевскаго. Не то у Гоголя. Смѣхъ, по вѣрному пониманію Гоголя, имѣетъ примиряющее значеніе. Поэтому даже тогда, когда изображаемая сцена тяжела, невольный смѣхъ, являющійся у читателя, какъ слѣдствіе принятаго авторомъ освѣщенія, умѣряетъ горечь впечатлѣнія и ставитъ читателя выше раздраженія противъ людей. Возьмемъ хотя бы сцену, когда Чичиковъ въ роскошномъ фракѣ изъ сукна Наваринскаго пламени съ искрой валяется въ ногахъ генералъ-губернатора или въ ногахъ Муразова при посѣщеніи послѣднимъ тюрьмы. Постоянное напоминаніе объ этомъ фракѣ вызываетъ у васъ невольную улыбку, хотя самая сцена тяжела: на вашихъ глазахъ человѣкъ, подавленный грозою грядущаго правосудія и безпомощный, и умоляетъ о пощадѣ и не находитъ ея. Юморъ Гоголя дѣлаетъ и то, что предъ читателемъ какъ бы невольно исчезаетъ привлекательная сторона жизненныхъ явленій и выступаетъ лишь ихъ пошлость. Предъ вами дамы пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятная. Это лестное названіе ими было, конечно, заслужено, но Гоголь оставляетъ въ тѣни то, что было въ нихъ привлекатель-

наго, и выставляетъ лишь пошлое и притомъ съ такою силою и осязательностію, что читатель не можетъ удержаться отъ смѣха.

Но въ юморѣ Гоголя есть и другая сторона: нравственное страданіе отъ сознанія несовершенствъ нашего общественнаго строя, несовершенствъ отдѣльныхъ представителей общества. И страдаетъ прежде всего самъ авторъ, которому суждено было „идти рука объ руку съ своими странными героями". Его страданія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ любитъ своего ближняго, чѣмъ сильнѣе желаетъ содѣйствовать нравственному совершенствованію своей родины. Прекрасно выразилъ это душевное состояніе Гоголя Пушкинъ, назвавши его „великимъ меланхоликомъ" [1]). Это сочетаніе меланхоліи и смѣха составляетъ отличительную черту личности и творчества Гоголя и проходитъ красною нитью чрезъ всю его жизнь. Помимо сознанія и воли Гоголя оно проявляется у него довольно рано. Вотъ, напр., что онъ говоритъ о происхожденіи смѣха въ своихъ первыхъ повѣстяхъ: „На меня находили *припадки тоски*, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала" [2]). Отсюда происходитъ то, что уже въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя встрѣчаются лирическія отступленія, исполненныя глубокой грусти.

Вполнѣ естественно и то, что юморъ Гоголя углубляется съ лѣтами. Опытъ жизни, знакомство съ печальными общественными явленіями, ускользавшими отъ наблюденія юноши, созрѣваніе ума

[1]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. II, Москва, 1898 г., стр. 186.

[2]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т IV, стр. 248.

и творчества, сближеніе съ людьми болѣе развитыми и лучшей школы неизбѣжно вели къ тому, что сатира Гоголя шире и глубже захватывала комическую сторону русской общественности. Въ первомъ его литературномъ опытѣ, „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“, нѣтъ ни русской дѣйствительности, ни основъ творческаго дарованія геніальнаго юноши. Иначе пошло дѣло, когда Гоголь коснулся родной почвы любимой имъ Малороссіи. По собственному признанію Гоголя, онъ остановился на явленіяхъ быта Малороссіи потому, что замѣтилъ большой интересъ къ нему въ образованныхъ кружкахъ Петербурга, но это не мѣшало ему разомъ произвести своего рода переворотъ въ исторіи русской литературы. Бытовыя явленія народной жизни уже раньше Гоголя съ разнымъ успѣхомъ затрогивались нашими писателями, особенно романтической школы. Изъ людей, близко стоявшихъ къ Гоголю, слѣдуетъ при этомъ назвать Жуковскаго и Пушкина. Но ни у кого изъ предшественниковъ народный бытъ не былъ предметомъ столь полнаго и нарочитаго воспроизведенія, какъ у юнаго Гоголя. Это его рѣшительная заслуга. Его „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и отчасти „Миргородъ“ существенно расширяли содержаніе тогдашней русской литературы и закрѣпляли существованіе повѣсти, какъ формы эпоса. Самый пріемъ освѣщенія предмета особенный, для поры Гоголя исключительный.

Про эти разсказы изъ быта Малороссіи мало сказать, что въ нихъ видна его горячая любовь къ своей ближайшей родинѣ: Гоголь влюбленъ въ нее и невольно заражаетъ читателя своимъ чувствомъ. Нужно быть сѣверянином, чтобы судить, на сколько очаровательна Малороссія, нынѣшняя и эпическая, въ очеркахъ Гоголя; сколько искренняго и неотразимаго восторга возбуждаетъ Гоголь въ читателѣ предметомъ своихъ разсказовъ. Повѣсти изъ Малорусскаго быта—это романтическій періодъ творчества Гоголя и не потому только, что онъ затрогиваетъ въ нихъ народныя преданія и козацкую старину, но еще болѣе потому, что въ нихъ сказывается столько молодого увлеченія прошлымъ и

настоящимъ родины. Изъ далекаго и холоднаго Петербурга созерцаетъ онъ влюбленными очами чудное небо Малороссіи, упоительную украинскую ночь, сады вишень и черешень, красоту дѣвицъ и удаль паробковъ, онъ погруженъ въ преданія родной старины и за этими прелестями былого и настоящаго какъ бы не хочетъ видѣть того тяжелаго и скорбнаго, которымъ преисполнена человѣческая жизнь. Вспомнимъ только Петруся и Пидорку, жизненное счастіе которыхъ разбито деспотизмомъ разбогатѣвшаго и зазнавшагося мужика; вспомнимъ самодурство головы, соперничающаго съ сыномъ въ ухаживаніи за любимой и любящей дѣвушкой. А несчастная судьба падчерицы, доведенной до самоубійства истязаніями мачихи и безхарактерностію отца? А одичалая любовь колдуна-отца къ своей дочери Катеринѣ? Но очарованный авторъ проходитъ мимо печальныхъ явленій, какъ будто не хочетъ разрушить очарованія картины. И достигаетъ своей цѣли. Онъ владѣетъ секретомъ парализовать тажелое впечатлѣніе отъ обычныхъ и непривлекательныхъ проявленій малорусскаго общежитія. Вспомнимъ хотя бы фигуру пьянаго Каленика, какъ онъ въ своемъ винномъ упоеніи никакъ не можетъ протанцовать гопака, ни распознать своей хаты и отважно водворяется въ хатѣ головы къ полному смущенію послѣдняго. Нѣтъ, въ русской литературѣ нѣтъ рѣшительно никого, кто могъ бы соперничать съ Гоголемъ въ заразительномъ и искреннемъ смѣхѣ. Пушкинъ, конечно, былъ правъ, когда сказалъ, что Гоголь выучилъ насъ искренно смѣяться. По сообщенію современниковъ, смѣяться начинали раньше, чѣмъ принимались за чтеніе новой повѣсти Гоголя, какъ будто были увѣрены заранѣе, что она должна быть непремѣнно смѣшна.

Въ „Миргородѣ“ смѣхъ глубже. Въ сочиненіяхъ, вошедшихъ въ сборникъ этого имени, вниманіе поэта поглощено не событіемъ, а личностью. „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Вій“, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: таково заглавіе повѣстей

этого сборника. Это былъ большой шагъ впередъ въ исторіи творчества Гоголя. Событіе давалось преданіемъ, наблюденіемъ, но личность приходилось создавать, „угадывать“ и изъ отрывочныхъ наблюденій возсоздавать живыя черты ея. Чтобы охарактеризовать юморъ Гоголя этого періода, мы остановимъ вниманіе читателей не на похожденіяхъ Хомы Брута и не на личности живописнаго Ивана Никифоровича Довгочхуна; нѣтъ, мы попросимъ вспомнить личность Ивана Ивановича съ его прелестной бекешей, этого Миргородскаго краснобая, человѣка учтивѣйшаго, какъ сама учтивость. Былъ жаркій іюльскій день. Иванъ Ивановичъ отдыхаетъ подъ навѣсомъ, осматриваетъ свои владѣнія и думаетъ: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строенія, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ.. Чегожъ еще нѣтъ у меня?... Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?“ [1]) Въ этомъ размышленіи Иванъ Ивановичъ весь на лице; здѣсь исчерпанъ весь міръ его помысловъ и желаній. Итакъ, дальше сливъ, грушъ, перегонной и капусты не простираются его порывы. Когда перечитываешь это мѣсто повѣсти, то невольно спрашиваешь себя, да гдѣ же тутъ человѣкъ съ его стремленіями, порывами, возвышающими его надъ матеріальнымъ міромъ? Этого человѣка нѣтъ здѣсь, и напрасно вы будете искать его на страницахъ повѣсти: онъ весь подавленъ матеріальностью и не только подавленъ, но и чувствуетъ себя прекрасно, считаетъ себя счастливымъ и вполнѣ удовлетвореннымъ. Жизнь Ивана Ивановича—это сонъ,—сонъ безъ пробужденія, безъ прозрѣнія, сонъ съ открытыми глазами, которымъ однако не суждено усмотрѣть смысла и назначенія жизни человѣка.

Перевернемъ лучше нѣсколько страницъ „Миргорода“ и раскроемъ чудную эпопею Гоголя „Тарасъ Бульба“. Тарасъ только что въѣхалъ въ Сѣчь. По самой срединѣ дороги спитъ запорожецъ.—„Эхъ, какъ важно, развернулся! Фу ты, какая пышная

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 410.

фигура! вырвалось замѣчаніе Тараса“ [1]). Если бы мы наткнулись на такую картину на одной изъ Кіевскихъ улицъ, то, конечно, не пришли бы отъ нея въ восторгъ. Все это такъ; но посмотримъ этого запорожца въ другой моментъ, когда онъ выступаетъ въ походъ за праотеческую вѣру и за свою родину. Въ эту минуту онъ весь проникнутъ чувствомъ долга и всего менѣе думаетъ о себѣ, объ удобствахъ, о самой жизни своей. Онъ даже не понимаетъ, какъ можно въ такую пору думать о себѣ, когда родина съ надеждой смотритъ на него.—Ивана Ивановича мы, конечно, никогда не увидимъ растянувшимся среди дороги и улицы: онъ для этого слишкомъ благовоспитанъ; но мы не увидимъ его и въ ряду защитниковъ отечества. Иванъ Никифоровичъ купилъ ружье, когда *собирался* въ милицію [2]); Иванъ Ивановичъ даже и не собирался въ милицію и ружье покупаетъ исключительно для охоты.

Да, поразительна сила дарованія Гоголя—прозрѣвать высокое въ средѣ, поражающей насъ наружною неприглядностью, и безконечно пошлое въ людяхъ, по внѣшнему виду благопристойныхъ.

Но эта сила дарованія Гоголя съ особенною очевидностію проявилась въ повѣстяхъ изъ Петербургскаго быта и въ поэмѣ „Мертвыя души“. На произведеніяхъ этой поры главнымъ образомъ покоится слава Гоголя, какъ эпическаго писателя; съ ними же въ органической связи стоитъ цѣлый рядъ явленій послѣдующей русской литературы. Въ свою очередь, вліяніе Гоголя на общество и его самосознаніе опять таки опредѣлилось прежде и болѣе всего повѣстями того же періода его литературной дѣятельности. Съ глубиною, неизвѣстною раньше, воспроизведены здѣсь общественная пошлость и разныя общественныя нестроенія. Пора юношескихъ иллюзій, очевидно, миновала для Гоголя безвозвратно. Для созрѣвающаго автора открылись такія стороны русской дѣйствительности, которыя прежде ускользали отъ вниманія. Нельзя отрицать

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 266.
[2]) Ibid., стр. 415.

и того, что Гоголь на сѣверѣ былъ сторонній наблюдатель. Между нимъ и бытовыми явленіями не стояло дѣтскихъ привязанностей, всегда скрашивающихъ окружающую обыденность. Поэтому изощренный наблюденіемъ глазъ Гоголя видѣлъ вещи въ нхъ подлинномъ видѣ, безъ прикрасъ. Картины просились на бумагу и находили на ней выразительное воспроизведеніе. Сила красокъ здѣсь такъ велика, юморъ такъ безпощаденъ, смыслъ затронутыхъ общественныхъ явленій такъ очевиденъ, что обществу не возможно было оглянуться на себя. Дѣйствіе картинъ общественной жизни тѣмъ сильнѣе, что авторъ видимо не употребляетъ нарочитаго усилія сгущать краски или навязывать свои личныя воззрѣнія. Этого мало. Еще при жизни Гоголя общество далеко не всегда и раздѣляло теоретическія его воззрѣнія, но это нисколько не ослабляло впечатлѣнія великихъ его твореній. Бывало время, когда Гоголь, смущенный дѣйствіемъ своей сатиры, неожиданнымъ для него самого, готовъ былъ отречься отъ лучшихъ своихъ произведеній, составляющихъ гордость русской литературы [1]); но и это нисколько не поколебало высокаго общественнаго значенія литературной дѣятельности Гоголя, ни вѣры въ его творчество.

Съ историко-литературной точки зрѣнія наиболѣе важно уяснить, что̀ въ повѣстяхъ этого періода привнесено Гоголемъ новаго въ русскую литературу въ значеніи литературнаго матеріала и способа его обработки. Гоголь отвоевалъ здѣсь себѣ особый уголокъ, мало затронутый его предшественниками. То была традиціонная чиновничья и помѣщичья Русь, въ которую довольно слабо проникалъ свѣтъ истиннаго образованія, куда не проникали высокіе идеалы жизни, выработанные совокупными усиліями культурныхъ народовъ, куда даже слабо проникало пониманіе истиннаго христіанства,—міръ людской пошлости, ничтожности, мелкихъ стремленій, опутывающихъ жизнь человѣка. По замѣчанію Пушкина, высказанному имъ самому Гоголю, „еще ни у одного пи-

[1]) Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 425 т. III, стр. 80—81.—Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 3, 4.

сателя не было дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ". Гоголь и самъ признавалъ, что это его „главное свойство, одному ему принадлежащее, и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей" [1]). Значеніе затронутыхъ Гоголемъ общественныхъ явленій заключалось въ томъ, что они господствовали въ русской жизни, давали тонъ времени, производили столь сильное давленіе на жизнь меньшинства, что порой требовалось не мало силы воли и выработанности воззрѣній, чтобы не уступить общему теченію.

Гоголь не разъ называетъ свое время переходнымъ, смущенно смотритъ на современную растерянность и колебаніе умовъ и призываетъ людей дарованія встать на стражѣ общественныхъ интересовъ и громкимъ кличемъ будить тѣхъ, въ комъ еще не погасло живое чувство любви къ русскому народу и его будущему. Самъ онъ старался достигнуть этой цѣли изображеніемъ общественной пошлости и угрожающихъ размѣровъ ея. Нѣкоторыя картины достигаютъ у Гоголя глубокаго трагизма и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнены теплой любви къ забитымъ людямъ. Какъ въ подтвержденіе нашей мысли, такъ и для характеристики Гоголевскаго творчества этой поры, мы остановимся на небольшой повѣсти Гоголя „Шинель". Тургеневъ, ученикъ и поклонникъ Пушкина, выразился объ этой повѣсти: „Мѣднымъ всадникомъ" нельзя было любоваться въ одно время съ „Шинелью" [2]). Безъ преувеличенія можно сказать, что направленіе творчества Достоевскаго опредѣлилось прежде всего „Шинелью" Гоголя.

Новое въ повѣсти—герой ея, маленькій и даже невзрачный чиновникъ одного изъ Петербургскихъ департаментовъ, вѣчный титулярный совѣтникъ, Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ. Наша

[1]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 87.

[2]) Полное собр. соч. И. С. Тургенева, посмертное изд., 1883 г. т. I, стр. 40.

литература догоголевскаго періода не любила вѣдаться съ такими маленькими людьми. Гоголь замѣтилъ ихъ и освѣтилъ съ такою любовью, съ такою силою гуманности, глубокаго проникновенія во внутреннюю жизнь маленькаго человѣка, до которыхъ до-гоголевская литература не поднималась; не поднимался раньше „Шинели“ и самъ Гоголь.

Башмачкинъ—бѣдное, забитое существо, до того придавленное канцелярской дисциплиной добраго стараго времени, до того смирившееся, что даже департаментскій сторожъ не вставалъ, когда проходилъ мимо Акакій Акакіевичъ, и не снималъ съ него капота, въ который превратилась его развалившаяся шинель. Товарищи обращались съ нимъ грубо-добродушно, сыпали ему на голову бумажки, толкали подъ руку и мѣшали работать. Все безропотно сносилъ Башмачкинъ, никого не обидѣвшій въ своей жизни не только дѣломъ, но и словомъ, и только иногда, когда шутки становились невыносимо грубы, скажетъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ Это былъ вопль безсилія и беззащитности противъ жестокости собратьевъ. А жизнь дома? Получая ничтожное жалованье, онъ еле-еле сводилъ концы съ концами, ѣлъ впроголодь и съ такой приправой, которую не принято называть. Нужда, отсутствіе общества и умственнаго интереса сдѣлали то, что Акакій Акакіевичъ какъ будто утратилъ чувство жизни, ни на улицѣ, ни въ департаментѣ никого не замѣчалъ, занятый исключительно своимъ дѣломъ. Къ довершенію бѣдствій его шинель отказывалась служить. Самая скромная стоимость новой—80 рублей, разумѣется, ассигнаціями, или около 20 рублей сер. на наши деньги. Лакей богатаго дома дороже платитъ за свое пальто, а бѣднаго Башмачкина эта цѣна окончательно обезоружила. Гдѣ онъ достанетъ денегъ? Часть ихъ онъ надѣялся получить къ празднику въ видѣ обычной награды; но гдѣ достать остальныя? И вотъ бѣдный труженикъ отказывается отъ ужина, вечерняго чая, занятія по вечерамъ, чтобы сдѣлать экономію на свѣчахъ, ходитъ по улицѣ чуть не на цыпочкахъ, чтобы не износить лиш-

ней пары сапоговъ и подметокъ. По замѣчанію автора, даже испытанному въ лишеніяхъ Башмачкину трудновато было привыкать къ такой дисциплинѣ жизни. И пусть не подумаетъ кто-нибудь, что Башмачкинъ утратилъ различіе между красивымъ и некрасивымъ, что у него нѣтъ вкусовыхъ ощущеній. Онъ хорошо знаетъ разницу между куньимъ и кошачьимъ воротникомъ, но осужденъ довольствоваться кошачьимъ; хорошо знаетъ преимущества шелка предъ коленкоромъ, но долженъ ограничиться послѣднимъ.

Но вы взгляните на него въ новой шинели. Какъ дитя, радовался онъ своей обновкѣ, снималъ съ нея каждую пушинку, въ праздничномъ настроеніи, давно ему незнакомомъ, шелъ онъ въ новой шинели къ своему сослуживцу и вотъ въ одномъ большомъ и освѣщенномъ магазинѣ увидѣлъ картину, изображавшую привлекательную женщину. Акакій Акакіевичъ усмѣхнулся. „Почему онъ усмѣхнулся?“ спрашиваетъ авторъ. „Потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой однакоже все-таки у каждаго сохраняется какое-то чутье?“ Да, не суждено было Башмачкину счастье семьи. Бездомнымъ бобылемъ, безъ участія, среди тяжелаго покровительства и насмѣшекъ короталъ онъ свой вѣкъ. На бѣду уличные грабители стащили съ него шинель. Не нужно красокъ, чтобы изобразить отчаяніе Башмачкина. Попытка найти покровительство у значительнаго лица и некстати выраженное подозрѣніе на счетъ господъ секретарей повели къ тому, что онъ заподозрѣнъ былъ въ вольнодумствѣ (Башмачкинъ и вольнодумство!) и разнесенъ такъ, какъ еще никто не разносилъ его, чуть не упалъ въ обморокъ, съ трудомъ по морозу добрался домой въ одномъ вицъ-мундирѣ, схватилъ горловую жабу, слегъ въ постель и скоро угасъ. Справедливость требуетъ прибавить, что значительное лицо, непредвидѣнно ускорившее смерть Акакія Акакіевича, было въ душѣ человѣкомъ добрымъ, и вся сцена распеканія, къ тому же неподвѣдомственнаго чиновника, произошла только потому, что хотѣлось пустить пыль въ глаза товарищу своей молодости.—Такъ, по словамъ автора, „исчезло

и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествоиспытателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,... существо... для котораго все-таки, хотя предъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь" [1]). Ужаснѣе всего то, что ищешь и не находишь виноватыхъ и въ тяжелой судьбѣ бѣднаго Акакія Акакіевича, и въ грустной его смерти.

По нашему личному мнѣнію, Гоголь ни раньше, ни послѣ не создавалъ такого гуманнаго произведенія, какъ его „Шинель". Изъ-подъ пера его вышли творенія болѣе широкаго замысла и цѣли, болѣе совершенныя по художественному исполненію, но по силѣ сердечнаго отношенія къ судьбѣ маленькаго человѣка произведеніе это осталось непревзойденнымъ.

„Шинель" окончена въ 1840 году; въ декабрѣ 1841 года представленъ въ цензуру первый томъ „Мертвыхъ душъ", начатый, какъ нужно думать, еще въ 1834 - 1835 г. [2]). Это была горячая пора литературной дѣятельности автора. Онъ чувствовалъ, что его творческое дарованіе созрѣло. „Львиную силу чувствую въ своей душѣ", пишетъ онъ въ іюнѣ 1836 года Жуковскому, „и за-

---

[1]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 111—112.

[2]) Гоголь въ письмѣ къ Плетневу отъ 7 января 1842 г. пишетъ: „Дѣло клонится къ тому, чтобы вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный *семью годами* самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ" (Полн. собр. соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 460—461). Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 28 февраля 1843 года, Гоголь говоритъ иначе: „если надъ первою частью, которая едва оглянула десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидѣлъ я *почти пять лѣтъ*" (Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 263. См. также Вѣстн. Евр. за 1891 г., т. II, стр. 62 и прим. 1;- Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, примѣчанія проф. Н. С. Тихонравова. стр. 414, 510 и др.;—„Матеріалы для біографіи Гоголя", В. И. Шенрока, М. 1895 г., стр. 58, 74—75, 392; ср. Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 88).

мѣтно слышу переходъ изъ дѣтства... въ юношескій возрастъ“ [1]). По замыслу автора, въ „Мертвыхъ душахъ“ должна явиться вся Русь. Это будетъ первая порядочная вещь, которая вынесетъ его имя [2]). Это—„святой его трудъ“ [3]), „подвигъ цѣлой жизни, посильный даръ родинѣ“, купленный цѣною великихъ лишеній [4]). Углубленіе въ предметъ, расширеніе наблюденія на новыя лица и явленія жизни вызывали у Гоголя увѣренность, что въ своемъ окончательномъ видѣ это будетъ произведеніе колоссальное.

Общая задача произведенія —вызвать благодѣтельный нравственный переворотъ въ русскомъ обществѣ. Какъ нѣкоторымъ изъ романтиковъ, Гоголю казалось, что уврачеваніе общественныхъ недуговъ заключается въ возвращеніи общества къ идеаламъ христіанства, въ личномъ самоусовершенствованіи. Нужно было только какою-нибудь силою создать въ обществѣ живое сознаніе этого идеала, подвигнуть его на дѣятельное стремленіе къ осуществленію этого идеала въ жизни. Такую силу онъ видѣлъ въ словесномъ художествѣ. Онъ думалъ, что „заговори только съ обществомъ, на мѣсто жаркихъ разсужденій, живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей,—и двери сердецъ растворятся сами на встрѣчу къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, что они (образы) взяты изъ нашей природы, изъ нашего тѣла“ [5]).

На основаніи собственныхъ указаній Гоголя необходимо думать, что „Мертвыя души“ должны были явиться въ 3 томахъ [6]). Первый томъ имѣлъ цѣлію вызвать въ русскомъ обществѣ сознаніе его пошлости и нравственной ничтожности [7]); во второмъ должны были выступить типы, стремящіеся къ нравственному воз-

[1]) Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. I, стр. 384.
[2]) Ibid., т. I, стр. 414.
[3]) Ibid., т. II, стр. 99—100.
[4]) Ibid., т. II, стр. 151.
[5]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 267.
[6]) Ibid., т. IV, стр. 274.
[7]) Ibid., т. IV, стр. 89.

рожденію, къ правдѣ и добру и призванные служить указателями „путей и дорогъ къ высокому и прекрасному“ [1]): томъ этотъ долженъ быть свѣтлѣе по впечатлѣнію, чѣмъ первый [2]); въ послѣднемъ, третьемъ, томѣ предполагалось въ рядѣ живыхъ типовъ представить съ одной стороны нравственное просвѣтленіе, воскресеніе порочныхъ типовъ, въ родѣ Чичикова и Плюшкина, съ другой стороны—людей добродѣтельныхъ, какъ вѣрилъ Гоголь, несомнѣнно существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества и на разныхъ поприщахъ русской государственной и общественной дѣятельности. Жизнь этихъ людей, какъ живыхъ носителей высокаго христіанскаго идеала, должна была одновременно и уяснять этотъ идеалъ и поощрять къ осуществленію его въ личной жизни. Этотъ томъ долженъ былъ служить какъ бы апоѳеозомъ Руси, быть гимномъ небесной красотѣ. Замыслъ автора „Мертвыхъ душъ“, какъ видимъ, былъ дѣйствительно грандіозенъ. Послѣ этого можно понять, почему Гоголь въ минуты созерцанія этого величественнаго цѣлаго приходилъ въ священный трепетъ и умиленіе отъ раскрывавшейся впереди картины. Планъ этотъ наводитъ на сближеніе схемы цѣлаго творенія Гоголя со схемою знаменитой Божественной комедіи Данте, съ дѣленіемъ ея на адъ, чистилище и рай. Знакомство Гоголя съ этимъ твореніемъ великаго Флорентинца сомнѣнію не подлежитъ.

Въ этомъ планѣ „Мертвыхъ душъ“ мы видимъ также ясный переходъ къ отраженію не только *прежняго*, но и *настоящаго* Гоголя [3]),—Гоголя періода самоуглубленія и самовоспитанія. Уже извѣстное лирическое отступленіе въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“ неясно указывало на предстоящую перемѣну въ предметѣ и характерѣ творчества Гоголя, предрекало въ продолженіи труда откровеніе „несмѣтнаго богатства русскаго духа“, обѣщало воплощеніе въ художественномъ образѣ „мужа, одареннаго божескими

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 93.

[2]) Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. Шенрока, т. II, стр. 365.

[3]) Ibid., т. III, стр. 36—37.

доблестями", и „чудной русской дѣвицы, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ" [1]). Эти строки писались уже тогда, когда общее содержаніе по крайней мѣрѣ второго тома опредѣлилось болѣе или менѣе окончательно. Перемѣна настроенія сопровождалась и подкрѣплялась измѣненіемъ взгляда на задачи и средства современнаго поэта, направленіе и задачи поэзіи. Гоголю стало казаться, что по состоянію русскаго общества настала пора дѣятельности лирическихъ поэтовъ [2]), что средства сатиры исчерпаны, что только „лирическій поэтъ имѣетъ теперь законное право какъ попрекнуть человѣка, такъ съ тѣмъ вмѣстѣ воздвигнуть духъ человѣка" [3]). Цѣлями „упрека и ободренія" и опредѣлился подборъ дѣйствующихъ лицъ второго и третьяго томовъ, а „лирическая сила, которой у Гоголя былъ запасъ", казалось, вполнѣ обезпечивала ему такое изображеніе достоинствъ человѣческой личности, что русскій человѣкъ возгорится любовію къ воплощенію ихъ въ своей жизни [4]).

Намѣренію автора однако не суждено было осуществиться. При его жизни вышелъ одинъ первый томъ, составляющій „только крыльцо къ тому дворцу", который предполагалось возвести" [5]); второй томъ, какъ нужно думать, также былъ готовъ. По сообщенію С. Т. Аксакова Гоголь читалъ ему четыре первыхъ главы II тома, при чемъ привелъ въ полный восторгъ и изумленіе

[1]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 223.

[2]) Письма Н. В. Гоголя, изд. Маркса, т. II, стр. 517.

[3]) Ibid., т. II, стр. 581.—Сравн. слѣдующее мѣсто въ „Тарасъ Бульбѣ": „еще небольшая мудрость сказать укорительное слово, но бóльшая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ" (Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т I, стр. 307). Этого мѣста не было въ редакціи 1835 года.—„Я не знаю выше подвига", говоритъ Гоголь въ „Исповѣди", „какъ подать руку изнемогшему духомъ" (Ibid., т. IV, стр. 278).

[4]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 252.

[5]) Письма Н. В. Гоголя, изд. Маркса, т. II, стр. 156.

силою и широтою творчества [1]). По свидѣтельству Арнольди, Гоголь читалъ А. О. Смирновой, какъ ему припоминалось, девять главъ II тома [2]). Имѣются свѣдѣнія, что послѣднія двѣ главы того же тома были читаны С. П. Шевыреву [3]). Въ октябрѣ 1851 года Гоголь, прощаясь съ женою С. Т. Аксакова, сказалъ, что онъ не будетъ печатать II тома, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать [4]). Это замѣчаніе не предвѣщало ничего добраго: предъ смертію взыскательный авторъ, не хотѣвшій оставить послѣ себя незрѣлаго труда, сжегъ его. Это было уже второе сожженіе: первое произошло въ 1845 году. Такъ погибъ трудъ, надъ которымъ авторъ работалъ 11 лѣтъ. Тотъ второй томъ, который обыкновенно печатается въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя, представляетъ одинъ изъ черновыхъ и первоначальныхъ набросковъ (какъ полагаютъ, 1841—1842 гг.[5]), неполныхъ и неоконченныхъ, и потому не даетъ твердыхъ основаній для сужденія ни о типахъ, тамъ выведенныхъ, ни о художественности выполненія работы. Остается, слѣдовательно, одинъ первый томъ, какъ основа сужденія о высотѣ творчества Гоголя и силѣ его дарованія. Это, конечно, одно изъ великихъ произведеній не только Гоголя, но и всей русской литературы. Какъ живые, возникаютъ предъ нами типы Чичикова, Коробочки, Ноздрева, Манилова, Собакевича, Плюшкина, дамъ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятной, высшихъ и низшихъ чиновниковъ губернскаго города. Трудно сказать, насколько эти типы дореформенной Руси окончательно отошли въ исторію, и не найдутся ли гдѣ-либо по захолустьямъ Коробочки, Собакевичи, Плюшкины, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ.

Для насъ впрочемъ гораздо важнѣе уяснить, достигъ ли великій поэтъ хотя части той великой задачи, которую онъ поста-

[1]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 565—568.
[2]) Ibid., т. III, стр. 561.
[3]) Ibid., т. III, стр. 574.
[4]) Ibid., т. III, стр. 575.
[5]) Ibid., т. III, стр. 602.

вилъ себѣ при созданіи „Мертвыхъ душъ“. Произвелъ ли онъ то благотворное воздѣйствіе на русское общество, о которомъ мечталъ? Несомѣнно. Лучшій судъ въ этомъ отношеніи—судъ современниковъ. Гоголь самъ сообщаетъ намъ о впечатлѣніи, какое произвело на Пушкина чтеніе первыхъ набросковъ перваго тома: „Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи, началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, и наконецъ сдѣлался совершенно мрачонъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ [1]) Это впечатлѣніе изумило самого Гоголя, особенно потому, что Пушкинъ самъ хорошо зналъ Русь и ея недостатки, а потому, казалось, изумить его было мудрено. С. Т. Аксаковъ, въ свою очередь, сообщаетъ, что по выходѣ I тома „Мертвыхъ душъ“ наиболѣе образованное общество и лучшіе цѣнители литературы были въ восторгѣ. Такихъ было однако меньшинство, большая же часть читателей, не исключая и людей интеллигентныхъ, „обозлилась на Гоголя: она узнала себя въ разныхъ лицахъ поэмы и съ остервенѣніемъ вступилась за оскорбленіе цѣлой Россіи“ [2]). Не говоримъ уже о бранчивой, безсильной и притязательной критикѣ Греча, Булгарина, Сенковскаго и отчасти Полевого: здѣсь въ значительной степени сказалась литературная отсталость. Изъ этого возбужденія, произведеннаго въ русскомъ обществѣ „Мертвыми душами“, ясно слѣдуетъ, что онѣ имѣли далеко не одно литературное, но и глубокое общественное значеніе. Гоголь и самъ понималъ причину этого. „Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ“, говорилъ онъ [3]). Эти изверги, которыхъ такъ усердно рисовала до-гоголевская и современная ему литература, давали русскому обществу пріятное сознаніе, что оно на нихъ не похоже. Иное представляла картина русскихъ нравовъ у Гоголя. Зеркало было такъ совершенно, что не узнать

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 88.

[2]) Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 66—67.

[3]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 87.

себя было не возможно. „Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки“ [1]). Не остался безъ вліянія и самый способъ Гоголя рисовать картины общественныхъ нравовъ. Ничтожные люди, выведенные въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“, по собственнымъ словамъ Гоголя, „ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ“ [2]). Дѣйствительно, мы напрасно искали бы у Гоголя того, что принято называть подонками общества. Маниловы, Собакевичи, Ноздревы, Иваны Григорьевичи, дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятныя принадлежатъ къ лучшему губернскому обществу. Здѣсь же находитъ себѣ пріемъ и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, какъ человѣкъ умный, воспитанный и пріятный. Его принимаютъ повсюду съ распростертыми объятіями, не знаютъ, какими услугами выразить ему свое вниманіе, считаютъ его человѣкомъ благонамѣреннымъ. Нужна была геніальная кисть Гоголя, чтобы, не нарушая внѣшняго благоприличія губернскаго общества, показать ему во-очію, сколько фальшиваго, непривлекательнаго, лицемѣрнаго и эгоистическаго кроется въ немъ, какія темныя личности, въ родѣ Чичикова, принимаются въ немъ за людей порядочныхъ и благонамѣренныхъ. А картина развѣнчиванія недавняго идола? Трудно сказать, когда роль общества была болѣе сомнительна, въ пору ли незаслуженнаго вниманія къ Чичикову, или въ пору ожесточеннаго его преслѣдованія? Къ сказанному прибавимъ, что въ I томѣ „Мертвыхъ душъ“, какъ и въ „Ревизорѣ“, тяжелое впечатлѣніе усугублялось полнымъ отсутствіемъ привлекательныхъ типовъ, на которыхъ могъ бы отдохнуть читатель. Гоголь и самъ хорошо понималъ это. „Пошлость всего вмѣстѣ“, говоритъ онъ, „испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ

[1]) Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 87.

[2]) Ibid., стр. 89.

перевести бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ“ [1]).

Еще важнѣе было вліяніе Гоголя на послѣдующую русскую литературу. Вліяніе это было рѣшительное и продолжается до нашихъ дней. Заслуга Гоголя состоитъ въ закрѣпленіи реализма и народности въ русской литературѣ, въ расширеніи содержанія литературнаго творчества, въ утвержденіи господствующаго значенія за нѣкоторыми эпическими и драматическими формами литературы, въ закрѣпленіи употребленія прозаическаго стиля въ произведеніяхъ эпоса и драмы. Въ этомъ смыслѣ Гоголь былъ истиннымъ и величайшимъ продолжателемъ литературнаго дѣла своего учителя Пушкина, не мало содѣйствовалъ расширенію общественныхъ задачъ художественнаго творчества. Не маловажное значеніе въ данномъ случаѣ имѣли свойства его могучаго дарованія и принятый имъ способъ освѣщенія явленій дѣйствительности, его юморъ. Въ исторіи попытокъ привнесенія національнаго содержанія въ литературу и сближенія послѣдней съ существенными вопросами современности сатирѣ и комедіи принадлежитъ выдающаяся роль. Такъ было у насъ; такъ было и на западѣ Европы. Уже въ сатирѣ Кантемира мы встрѣчаемъ нѣсколько живыхъ картинъ русской общественности. Императрица Екатерина II, хорошо сознававшая формальныя несовершенства своихъ комедій, признавала за ними то достоинство, что содержаніе ихъ почерпнуто изъ „моря естества“, т. е. изъ современной русской жизни. Фонъ-Визинъ силою своего дарованія умѣлъ воспроизвести нѣсколько русскихъ типовъ, поразившихъ его современниковъ силою жизненной правды. И это въ то время, когда въ эпосѣ, лирикѣ и трагедіи господствовала самая крайняя ложноклассика. Даже Державинъ, въ силу присущаго ему сатиризма, привнесъ въ свои оды нѣсколько блестящихъ картинъ современнаго русскаго быта, осо-

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, IV, стр. 87.

бенно великосвѣтскаго. Онъ же дѣлаетъ попытку привнесенія элементовъ русской народной рѣчи въ возвышенную лирику, въ эту заповѣдную область, по господствовавшей тогда теоріи литературнаго стиля. Нельзя также не вспомнить добрымъ словомъ земляка Гоголя—Капниста и его „Ябеды", этой предшественницы „Ревизора" по затронутому общественному явленію. Крыловъ и Грибоѣдовъ, первый своими баснями, а второй—своею безсмертною комедіею, существенно подвинули впередъ сближеніе русской литературы съ явленіями дѣйствительности и русскою народною рѣчью. Сатира Гоголя превосходитъ, разумѣется, все, что было сдѣлано раньше его въ этой области, а своими художественными картинами, выпуклыми, какъ пластика, и втиснутыми въ строго соразмѣрныя рамы, своимъ поразительно образнымъ языкомъ Гоголь рѣшительно подавляетъ все, что дала намъ до сихъ поръ русская сатира. Щедринъ, Некрасовъ и Островскій, его ученики, расширили кругъ наблюденія русскаго сатирика, углубили пониманіе смысла общественныхъ явленій, но, какъ художники, остаются позади его.

Вліяніе творчества Гоголя, впрочемъ, далеко выступаетъ изъ границъ той литературы, которую мы обычно относимъ къ сатирической по принятой литературной теоріи. Въ генетической связи съ творчествомъ Гоголя стоитъ направленіе, а отчасти и содержаніе литературной дѣятельности Достоевскаго. Замѣтно бросается въ глаза аналогія между исторіею творчества Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. У одного и другого религіозные вопросы сдѣлались преобладающимъ предметомъ мысли и творчества въ послѣдніе годы ихъ жизни. Впрочемъ, въ одномъ и другомъ случаѣ можетъ и не существовать генетической связи, а сказываться лишь свойство дарованія обоихъ писателей и значеніе эпохи, которая выдвигаетъ извѣстные вопросы. Точно также трудно сказать, въ какой мѣрѣ „Война и миръ", эта эпопея изъ русской исторіи XIX вѣка, была навѣяна эпопеей Гоголя „Тарасъ Бульба"; но едва-ли можно оспаривать, что реализмъ Толстого опредѣлился

не безъ вліянія творчества Гоголя. Даже такіе представители нашей литературы, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, считавшіе своимъ учителемъ Пушкина, испытали на себѣ вліяніе творчества Гоголя. Иначе и быть не могло: послѣдующія явленія литературы и жизни есть порожденіе совокупности явленій предшествующихъ. Геній Гоголя, своеобразность и съ тѣмъ вмѣстѣ высокая жизненность его произведеній такъ очевидны для людей, одаренныхъ художественнымъ чутьемъ, что остаться внѣ вліянія ихъ было прямо не возможно. Тургеневъ говоритъ о себѣ, что сочиненія Гоголя онъ зналъ чуть не наизустъ. Онъ же прибавляетъ, что „нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда имя Гоголя [1]). Поэтому возможно допустить, что „Записки охотника“ Тургенева, какъ обращеніе къ воспроизведенію народнаго быта, остались не безъ вліянія „Вечеровъ на хуторѣ“. Мы говоримъ не объ идеѣ „Записокъ“, а объ ихъ формѣ и народномъ бытѣ, какъ предметѣ разсказовъ Тургенева. По словамъ послѣдняго, „между міросозерцаніемъ Гоголя и его лежала цѣлая бездна“ [2]).

Указывалось на связь типа Обломова съ типомъ Тентетникова, выступающимъ во II томѣ „Мертвыхъ душъ“. Нѣкоторое соотношеніе между ними, пожалуй, дѣйствительно существуетъ, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что второй томъ „Мертвыхъ душъ“ впервые появился въ печати лишь въ 1855 году, „Обломовъ“ же Гончарова вышелъ въ свѣтъ въ 1859 году и писался авторомъ свыше 10 лѣтъ. Но если трудно установить непосредственную связь между типами Гончарова и Гоголя, то школа послѣдняго, его трезвый реализмъ замѣтно сказывается у Гончарова. Не говоримъ о дарованіяхъ второстепенныхъ, связанныхъ непосредственно съ литературною дѣятельностью Гоголя. Отсюда можно видѣть, какъ мощно было литературное вліяніе чтимаго нами поэта.

[1]) Полное собр. сочин. Тургенева, изд. 1883 г., т. I, стр. 70.
[2]) Ibid., стр. 71.

Исполнилось горячее желаніе его сердца: онъ не только не умеръ въ потомствѣ, но и породилъ это потомство.

Великій поэтъ! Въ Кіевѣ, куда такъ часто рвалось твое сердце, въ матери городовъ русскихъ и въ центрѣ любимой твоей родины, собрались мы почтить твои заслуги для отечественной словесности и отечественнаго просвѣщенія, почтить твой геній—гордость Русской земли, выразить чувство благодарности признательнаго потомства за твои труды и лишенія, которые ты понесъ, какъ любящій и благородный сынъ своей матери-Россіи, за твои добрые уроки, на которыхъ воспитались и воспитываются цѣлыя поколѣнія русскихъ людей. Поклонъ тебѣ, славный сынъ родины!

В. Малининъ.

Комедіи Гоголя.

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТЮДЪ).

Обыкновенно Гоголя называютъ самымъ лучшимъ представителемъ юмора. И совершенно справедливо. Но что надо понимать подъ юморомъ и юморомъ Гоголя, въ частности? На этотъ вопросъ даются самые разнообразные отвѣты. Наиболѣе распространено слѣдующее толкованіе юмора, вообще, и Гоголевскаго, въ частности. Юморомъ называютъ добрый смѣхъ, противоположный злой иронiи, т. е. смѣхъ, соединяющійся съ благодушнымъ отношеніемъ къ осмѣиваемому человѣку или предмету. При такомъ толкованіи юмора, Гоголя считаютъ представителемъ добраго или въ сущности благодушнаго смѣха. Въ этомъ представленіи объ юморѣ и объ юморѣ Гоголя въ частности, справедливо лишь то, что благодушный смѣхъ существуетъ и наблюдается у Гоголя, но дѣйствительно ли этотъ благодушный смѣхъ есть юморъ и исчерпывается ли имъ опредѣленіе Гоголевскаго смѣха, еще большой вопросъ. Благодушнымъ смѣхомъ смѣется Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ, когда говоритъ Пульхеріи Ивановнѣ, что онъ пойдетъ на войну, или когда спрашиваетъ ее, что̀ они будутъ дѣлать, если ихъ домъ сгоритъ, или, наконецъ, когда разсказываетъ о томъ, что европейцы выпустятъ на Россію Наполеона. У Марка Твена, у Джерома-Джерома, у Гоголя можно найти множество подобныхъ

примѣровъ. Всѣ они будутъ примѣрами совершенно благодушнаго смѣха. Но нѣтъ никакого основанія называть этотъ смѣхъ юморомъ, а тѣмъ болѣе юморомъ Гоголевскимъ. Это—смѣхъ Аѳанасія Ивановича, вполнѣ благодушный смѣхъ, и въ русской критикѣ для подобнаго смѣха уже установленъ особый терминъ: „безобиднаго смѣха".

Рядомъ съ безобиднымъ смѣхомъ есть въ сочиненіяхъ Гоголя много забавнаго, много смѣха надъ приключеніями. Забавна, напр., сценка съ Селифаномъ, когда онъ выворачиваетъ экипажъ и барина въ грязь, есть доля забавнаго и въ первой встрѣчѣ Городничаго съ Хлестаковымъ и въ прыганьи Подколесина въ окошко. Забавное наиболѣе легкій видъ смѣшного. Этотъ видъ смѣха въ большой степени свойственъ такимъ писателямъ, какъ Боккачіо и авторы новеллъ и фабліо. Но безобиднымъ и забавнымъ смѣхомъ далеко не исчерпывается смѣхъ Гоголя. Можно даже сказать, что, не взирая на мастерство въ этомъ отношеніи, Гоголь рѣдко прибѣгалъ къ такому виду смѣшного.

Въ произведеніяхъ Гоголя можно найти смѣшное съ самыми разнообразными оттѣнками чувства, начиная отъ старосвѣтскаго благодушія и кончая смѣхомъ, полнымъ злобы и презрѣнія. Авторъ „Ревизора" несомнѣнно очень любилъ иронію. Самые сюжеты его комедій ироничны. Развѣ не назовемъ мы ироніей ту ошибку, которую допустили чиновники, принявши Хлестакова за ревизора? Это горькая иронія въ отношеніяхъ чиновнаго міра, подмѣченная Гоголемъ и существующая въ самой жизни. Періодическая пресса время отъ времени даетъ свѣдѣнія о проѣздахъ Хлестакова, о томъ, что „Ревизоръ" Гоголя цѣликомъ вновь разыгрался въ дѣйствительной жизни. Едва ли не болѣе ироническаго смысла въ сюжетѣ „Игроковъ", гдѣ талантливый плутъ становится жертвой своего же оружія плутовства.

Если мы обратимся къ школьному понятію объ иронiи, т. е., если мы вспомнимъ, что иронія есть подведеніе даннаго представленія подъ противоположное понятіе, и попробуемъ провѣрить,

насколько присущъ Гоголю этотъ оборотъ, то замѣтимъ, что онъ часто встрѣчается въ его произведеніяхъ. Артемій Филипповичъ, напр., такъ характеризуетъ запуганнаго и похожаго на овцу смотрителя училища: „Вотъ и смотритель здѣшняго училища. Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу на бумагѣ?“ [1]) Чувство презрѣнія вызываетъ этотъ ироническій оборотъ къ наушнику, обратившему наушничество въ profession de foi своей службы. И ни у автора, ни у зрителя, ни у актера при этихъ словахъ не можетъ шевельнуться добраго чувства. Въ характеристикѣ прогрессивныхъ стремленій купечества стать на ряду съ дворянствомъ, Городничій также допускаетъ образцовый ироническій оборотъ: „Онъ купецъ, его не тронь. „Мы, говоритъ, и дворянамъ не уступимъ“. „Да дворянинъ“, но тутъ онъ не оканчиваетъ и кричитъ: „Ахъ ты, рожа! Дворянинъ наукамъ учится“ [2])... Словомъ „рожа“ Городничій подводитъ почтеннаго купца съ его стремленіями прямо подъ противоположное понятіе. Иногда иронія въ произведеніяхъ Гоголя обращается въ язвительную насмѣшку, въ сарказмъ; такъ напр., голодный Осипъ язвительно подводитъ своего барина, лицо неприкосновенное, подъ понятіе о наказанномъ школьникѣ: „Эхъ, говоритъ онъ, если бы узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявъ рубашенку [3]), такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался“. Иронія свойственна какъ самому Гоголю, такъ и его дѣйствующимъ лицамъ. Она богата у поэта самыми разнообразными оттѣнками и достигаетъ въ его произведеніяхъ изумительной тонкости. Какъ на образчикъ изумительно тонкой иронін, можно указать на разговоръ Чичикова съ генераломъ Бетрищевымъ, котораго Чи-

[1]) Гоголь, Ревизоръ, дѣйств. IV, явлен. VI.
[2]) Ibid, дѣйств. V, явлен. II.
[3]) Ibid., дѣйств. II, явлен. I.

чиковъ надуваетъ вымышленнымъ обѣщаніемъ дяди и котораго онъ заставляетъ хохотать надъ глупымъ вымышленнымъ дядей; и генералъ хохочетъ, не чувствуя, что смѣется надъ самимъ собою. Тонкая иронія встрѣчается у автора „Мертвыхъ душъ“ нерѣдко. Вчитываясь въ его произведенія, можно найти много примѣровъ такой иронiи.

Несомнѣнно въ произведеніяхъ Гоголя можно найти и образцы школьнаго юмора, будемъ ли мы считать юморомъ, вмѣстѣ съ русскими историками литературы, соединеніе „веселости, возбуждаемой противорѣчіями жизни, съ горькимъ сожалѣніемъ объ уклоненіяхъ человѣка отъ высокаго его назначенія“, [1]) т. е. такъ называемый смѣхъ сквозь слезы, или признаемъ за юморъ, вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ, смѣхъ, скрывающій за собою серьезное содержаніе. [2]) Какъ горько было Гоголю смѣяться надъ своими современниками, это видно уже изъ тѣхъ его блестящихъ замѣтокъ о писателяхъ положительнаго направленія, о Пушкинѣ, въ которыхъ едва-едва не проглянула зависть, а въ особенности изъ того страшнаго душевнаго переворота, который былъ пережитъ авторомъ „Мертвыхъ душъ“ въ послѣдніе годы его жизни. Чтобъ сразу почувствовать, до какой степени серьезное содержаніе скрывалось въ произведеніяхъ Гоголя за смѣхомъ, достаточно вспомнить, что осмѣянные Гоголемъ Акакіи Акакіевичи, наново переработанные подъ перомъ Достоевскаго при свѣтѣ идей свободы воли, Страшнаго суда и Второго пришествія, потрясаютъ чувство состраданія читателя и зрителя, вызывая на глазахъ его слезы глубокаго сожалѣнія о погибающемъ подъ бременемъ жизни человѣкѣ.

Гоголю одинаково доступны самые разнообразные виды смѣха, начиная отъ горькаго смѣха, достойнаго пророка Іереміи, и кончая

[1]) Зелинскій, Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, Москва 1896. часть III, стр. 228.

[2]) Шопенгауеръ, Міръ какъ воля и представленіе. Дальнѣйшія доказательства пессимистической доктрины, Петербургъ, 1893, гл. VIII, стр. 117—120.

добродушной и забавной шуткой. И, мнѣ кажется, нѣтъ никакого преувеличенія въ словахъ академика Давыдова, который такъ оцѣнивалъ еще въ 1852 году достоинство Гоголя, какъ юмориста: „Внесеніемъ въ отечественную словесность новой юмористической *стихіи* пріобрѣлъ Гоголь литературное у насъ значеніе“ [1]). Смѣхъ Гоголя—цѣлая стихія. Слишкомъ смѣло, поэтому, съ одной стороны, стараться подвести его подъ теоретическую формулу, а съ другой стороны, считать смѣхъ Гоголя общимъ свойствомъ всякаго русскаго человѣка.

Однако, можно опредѣлить до нѣкоторой степени границы Гоголевскаго смѣха, если сопоставить Гоголя съ представителями смѣха въ исторіи всемірной литературы и обратить вниманіе на ученіе о смѣхѣ, созданное самимъ Гоголемъ.

Какъ юмористъ, Гоголь отличается отъ западныхъ представителей смѣха въ литературѣ и по выбору жертвъ для осмѣянія, и по способу ихъ осмѣянія.

Надъ чѣмъ смѣется Сервантесъ, разсказывая приключенія Донъ-Кихота? Онъ смѣется надъ рыцаремъ, воспитаннымъ на литературныхъ образцахъ рыцарства, имѣющимъ опредѣленный идеалъ служенія дамѣ, защиты угнетенныхъ и слабыхъ, надъ рыцаремъ, готовымъ всегда лично выступить на бой во имя рыцарской чести и доблести, не взирая ни на какія опасности. Сервантесъ смѣется надъ благородными рыцарскими порывами Донъ-Кихота лишь потому, что они устарѣли, не имѣютъ никакого приложенія въ жизни, потому что на сцену жизни выступили новые типы людей изъ низшихъ сословій, Санчо-Пансы, которые не прочь играть роль людей благородныхъ, но къ которымъ совсѣмъ не прививается рыцарская старина. Санчо-Пансы—чувственны, грубы, большіе плуты и могутъ быть только каррикатурой благородства. Донъ-Кихотъ—благородный безумецъ, которому самъ авторъ глубоко сочувствуетъ. Такимъ образомъ, Сер-

[1]) Зелинскій, Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, Москва 1896, часть III, стр. 233.

вантесъ смѣется надъ пылкими увлеченіями и надъ слѣпой вѣрой въ идеалъ. Совсѣмъ иная тема для насмѣшки у Мольера. Мольеръ смѣется надъ ханжествомъ и лицемѣріемъ благочестивыхъ людей XVII вѣка, надъ безшабашной распущенностью, прикрывающеюся маской свободомыслія, надъ жеманностью, скрытой подъ знаменемъ художественнаго вкуса, надъ псевдоученостью, надъ искусственнымъ воспитаніемъ, надъ стремленіемъ къ внѣшнему образованію и лоску. Мольеръ гораздо ближе къ Руссо, чѣмъ это кажется при первомъ взглядѣ. Руссо какъ бы продолжаетъ дѣло Мольера, обвиняя весь цивилизованный міръ въ глубокой испорченности. Руссо срываетъ маски съ типовъ Мольера и старается показать, что цивилизованные люди безъ маски хуже, чѣмъ дикари. Дикари близки къ животному, но цивилизованные люди безъ маски хуже животныхъ, они извращенныя животныя, звѣри. Руссо—Мольеръ, потерявшій самообладаніе. Улыбка какъ бы соскользнула съ его лица, и онъ дышетъ однимъ лишь чувствомъ негодованія. Изъ этого видно, что Мольеръ смѣется надъ ошибками цивилизаціи, надъ испорченностью культурнаго человѣка, получившею во Франціи особый терминъ „depravation“.

Свифтъ злобно издѣвается надъ ничтожествомъ человѣка со всѣми гордыми успѣхами его культуры. По стопамъ Свифта пошелъ Вольтеръ. Смѣхъ его можно назвать дьявольскимъ и не потому лишь, что онъ осмѣивалъ священные предметы, а потому что Вольтеръ, по крайней мѣрѣ въ повѣстяхъ, смѣялся надъ человѣческимъ сердцемъ. Будучи противникомъ Руссо, Вольтеръ, какъ авторъ повѣстей, какъ представитель своеобразнаго смѣха въ этихъ повѣстяхъ, является антиподомъ Мольера: онъ вывелъ въ своихъ произведеніяхъ цѣлый рядъ простодушныхъ и добрыхъ людей и подвергъ ихъ самому безпощадному осмѣянію. Онъ осмѣялъ нравственность во имя торжества разума и цивилизаціи: и первый положилъ начало Мефистофелевскому хохоту [1]).

[1]) Мысль о томъ, что Дидро и Вольтеръ были борцами противъ нравственности, проведена въ этюдѣ Рене Думика „Les statues

Гоголь же потрудился на той почвѣ, на которой работали до него Фонъ-Визинъ и Капнистъ, изъ которыхъ первый занялся осмѣяніемъ русскаго невѣжества, а второй—гражданской безчестности. Но въ смѣхѣ Гоголя нѣтъ такой рѣзкой и узкой цѣли, какая наблюдается у Фонъ-Визина и Капниста. Гоголь глубже заглядывалъ въ природу человѣка. Онъ смѣялся не надъ невѣжествомъ и взятками, а надъ глупостью и забитостью человѣка, съ одной стороны, и, съ другой, надъ лукавой его совѣстью. Коробочка забита и глупа, но хитра, и хитрость ея не изворотливость живого ума, а скорѣе лукавство совѣсти, готовой на всякую выгодную сдѣлку. Чичиковъ хотя и большой плутъ, но очень ограниченный человѣкъ. И вся русская жизнь въ изображеніи Гоголя проникнута отъ этого невыразимою пошлостью. Есть, правда, и у Гоголя намеки на типъ умнаго плута, своего рода Мефистофеля, въ образѣ юрисконсульта и на Донъ-Кихота бумажнаго дѣлопроизводства и педантичной законности въ образѣ полковника Кошкарева, но преобладающей темой насмѣшки Гоголя была глупость забитаго человѣка и лукавая его совѣсть. Гоголь поэтому менѣе благодушно относился къ своимъ героямъ, чѣмъ Сервантесъ, менѣе уважалъ ихъ, чѣмъ Мольеръ, но болѣе, чѣмъ Свифтъ, и не имѣлъ почти ничего общаго съ Вольтеромъ. Онъ далеко ушелъ въ глубинѣ пониманія человѣческой природы отъ Фонъ-Визина съ его вѣрой въ просвѣщеніе, и *въ естественности* смѣха отъ Капниста, съ его негодованіемъ противъ взятокъ, какъ будто взятки и есть единственное зло совѣсти. У Гоголя судья Аммосъ Ѳедоровичъ „всѣмъ открыто говоритъ, что беретъ взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло“. Гоголь чувствовалъ, какъ широка какъ извилиста человѣческая натура, какъ далека она отъ той грубости, съ которой у Капниста чиновники поютъ: „Бери, большой въ томъ нѣтъ науки“. Лукавую совѣсть недалекаго человѣка, то, что называется пошлостью жизни, осмѣ-

de Paris“: René Doumic, Études sur la littérature Française, Paris, 1898, p. 308.

ивалъ Гоголь въ своихъ произведеніяхъ и этимъ отличался, какъ отъ западныхъ представителей смѣха, такъ и отъ своихъ предшественниковъ.

Но еще болѣе характеренъ самый способъ осмѣянія у Гоголя, такъ сказать, творческая сущность его смѣха. Вотъ что говоритъ самъ Гоголь о своемъ смѣхѣ: „Говорю Вамъ: вѣрьте этимъ словамъ... Онъ добръ, онъ честенъ этотъ смѣхъ". Добръ его смѣхъ не потому, что онъ прощаетъ недостатки человѣка, какъ смѣхъ Сервантеса надъ безумными увлеченіями героя, а потому, что онъ не эгоистиченъ, онъ смѣхъ надъ тѣми недостатками, которые каждый, присмотрѣвшись внимательно къ себѣ, можетъ найти въ своей собственной душѣ. „Онъ (т. е. смѣхъ), говоритъ Гоголь, данъ на то, чтобы посмѣяться надъ самимъ собой. И въ комъ уже нѣтъ духа посмѣяться надъ собственными недостатками, лучше тому вѣкъ не смѣяться. Дастъ онъ за него отвѣтъ". Смѣхъ Гоголя казнитъ не личность и не отдѣльное общество, а общечеловѣческія свойства, присущія всякому человѣку. „Не возмутимся духомъ, говоритъ Гоголь, если бы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣе, самъ нечистый духъ шепнулъ его устами: Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь! Гордо ему скажемъ: „Да, надъ собой смѣемся". Съ этой точки зрѣнія смѣхъ Гоголя добръ, но говоритъ Гоголь [1]), это „не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея, потому что на днѣ его заключенъ вѣчно-бьющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота не испугали бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы предъ нимъ въ

[1]) Гоголь, Театральный Разъѣздъ, Монологъ автора.

такой страшной, почти каррикатурной силѣ и онъ не вскрикнулъ бы, содрагаясь: неужели есть такіе люди". Гоголь вовсе не считаетъ свой смѣхъ благодушнымъ или индифферентнымъ къ добру и злу, нѣтъ! онъ прямо признаетъ, что его задача вызвать смѣхомъ презрѣніе и ужасъ предъ порокомъ. Смѣхъ этотъ чутокъ къ различію между добродѣтелью и порокомъ, казнитъ безпощадно порокъ, и поэтому онъ честенъ. Насколько высокъ смѣхъ Гоголя, это видно изъ того, что въ его сочиненіяхъ трудно найти примѣръ, въ которомъ была бы видна несправедливость насмѣшки. Итакъ, смѣхъ Гоголя добръ, и въ то же время честенъ. И добръ онъ, потому что честенъ, потому что онъ не смѣшиваетъ порока и добродѣтели; а не смѣшиваетъ онъ порока и добродѣтели, потому что онъ истинно добръ и имѣетъ цѣлью помочь людямъ разобраться въ вопросѣ добра и зла. Гоголь уже въ комедіяхъ предъявилъ къ жизни настолько строгія требованія, что въ нихъ едва-едва не прозвучали аскетическія нотки дальнѣйшаго его нравственнаго развитія. Авторъ называетъ свой смѣхъ также благороднымъ, потому что онъ безстрашно выступилъ въ роли обличителя.

Какъ же сочетать съ такимъ мужественнымъ пониманіемъ своей задачи неоднократныя повторенія Гоголя о томъ, что его смѣхъ соединяется со слезами, что его смѣхъ есть смѣхъ сквозь незримыя невѣдомыя міру слезы. Чего же плакать самоотверженному служителю добра и честности? Давыдовъ и многіе другіе историки литературы такъ толковали это соединеніе. Въ смѣхѣ Гоголя слышится и веселость, возбуждаемая противорѣчіями жизни, и горькое сожалѣніе объ уклоненіяхъ человѣка отъ высокаго его назначенія. Такъ сливаются у Гоголя смѣхъ и слезы. Гоголь, по установившемуся въ критикѣ воззрѣнію, плакалъ и надъ тѣмъ, что ему и его современникамъ не доступенъ идеалъ, и отъ сожалѣнія, что люди несчастны и далеки отъ идеала. Такое толкованіе смѣха Гоголя очень распространено. Но оно невѣрно.

Со смѣхомъ у Гоголя соединяются слѣдующіе два вида слезъ: слезы передъ созданіемъ комедіи и слезы послѣ ея созданія. Разсмотримъ сначала слезы Гоголя передъ созданіемъ комедіи.

„Истинная поэзія, говоритъ Гете [1]), отличается тѣмъ, что она, какъ всесвѣтное евангеліе, проникнута внутренней ясностью и внѣшней плѣнительностью и что она умѣетъ облегчать намъ перенесеніе житейскихъ печалей и невзгодъ. Подобно воздушному шару, увлекаетъ она насъ съ балластомъ нашихъ горестей въ высшія сферы и показываетъ намъ земныя заблужденія въ перспективѣ съ высоты птичьяго полета. Произведенія поэзіи, какъ веселыя, такъ равно и трагическія, преслѣдуютъ одинаковую цѣль: умѣрить ощущенія нашихъ земныхъ невзгодъ помощью искуснаго воспроизведенія ихъ передъ нашими глазами". Этотъ взглядъ Гете раздѣлялъ Гоголь. „Многое бы возмутило человѣка, говоритъ Гоголь [2]), бывъ представлено въ наготѣ своей, но озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. Смѣхъ примиряетъ человѣка съ горемъ". Гоголь при этомъ ясно говоритъ, что его смѣхъ свѣтелъ и не возмущаетъ души. Какъ же съ нимъ могутъ соединяться слезы? Очевидно, слезы предшествуютъ смѣху. Видя неустройство, пошлость и пустоту жизни, поэтъ страдаетъ и проливаетъ слезы надъ жизнью, и если онъ одаренъ трагическимъ талантомъ, онъ изобразитъ горе своей жизни въ возвышенныхъ образахъ трагедіи, если же комическимъ, то онъ предастъ осмѣянію нестроенія жизни, приводившія его въ слезы и въ уныніе, т. е. создастъ комедію. Какъ трагедія, такъ и комедія освобождаетъ поэта отъ горя, примиряетъ его съ жизнью, осушаетъ его слезы. Несомнѣнно, эти слезы, предшествующія творчеству, имѣлъ въ виду Гоголь, когда говорилъ [3]): „кто льетъ часто душевныя глубокія слезы тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется

[1]) Гете, Правда и поэзія, Собр. Сочин., т. X, стр. 507.
[2]) Гоголь; Театральный Разъѣздъ. Монологъ автора.
[3]) Ibidem.

на свѣтѣ!“ Въ этомъ нѣтъ ничего истерическаго, это естественный процессъ творчества, но стараться совмѣстить слезы и смѣхъ, въ видѣ одновременнаго сожалѣнія объ идеалѣ и смѣха надъ дѣйствительностью, нельзя, да и самъ Гоголь не говоритъ объ этомъ. Даже Сервантесъ лишь въ концѣ своего романа счелъ нужнымъ открыть читателю свое благоговѣніе предъ Донъ-Кихотомъ. И къ нему надо относиться осторожно, утверждая, что онъ совмѣстилъ смѣхъ съ чувствомъ грусти. Равнымъ образомъ, когда Гоголь утверждаетъ, что въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви, надо думать, что искры любви являются въ душѣ поэта не во время смѣха, а до него; и чѣмъ болѣе поэтъ страдалъ со своимъ чувствомъ любви, тѣмъ холоднѣе его примирительный смѣхъ. Такъ какъ эти слезы предшествуютъ смѣху, то естественно, что Гоголь ихъ называетъ незримыми и невѣдомыми. Словомъ, смѣхъ осушаетъ глаза поэта. Здѣсь дѣло въ теоріи творчества, а не въ психологическомъ одновременномъ соединеніи слезъ и смѣха, и выраженіе: „смѣхъ сквозь слезы“ надо признать фигуральнымъ. Таковы слезы Гоголя передъ смѣхомъ, тѣ слезы, которыя онъ называетъ незримыми и невѣдомыми. Толкованіе же Давыдова и его единомышленниковъ объ одновременности ихъ со смѣхомъ едва ли вѣрно, такъ какъ не подтверждается текстомъ Гоголя.

Совершенно другими слезами плачетъ Гоголь, плачетъ понимающій его артистъ, послѣ того какъ вдоволь насмѣется надъ человѣческими пороками. Онъ плачетъ тогда вовсе не потому, что ему жалко городничаго, и не потому, что ему грустно сознавать недоступность идеала, а совершенно по *противоположнымъ* причинамъ. И авторъ, и артистъ проливаютъ слезы послѣ комедіи, потому что смѣхъ низводитъ въ ихъ душу сознаніе близости къ нимъ *идеала*. потому что, насмѣявшись надъ порокомъ, они видятъ, какъ должна быть направлена жизнь человѣка, какія высокія задачи открываются ему послѣ осмѣянія порока. Дочитаемъ вышеприведенный отвѣтъ Гоголя Городничему

злому духу, упрекнувшему и автора, и артиста, и зрителя въ томъ, что они надъ собой смѣются. „Да, надъ собой смѣемся", говоритъ Гоголь отъ лица автора, артиста и зрителя городничему, „смѣемся, потому что *слышимъ* приказаніе высшее быть лучшими другихъ". „Соотечественники! вѣдь у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ у Васъ", продолжаетъ Гоголь отъ лица артиста, обращаясь уже ко всѣмъ русскимъ людямъ. „Смотрите: я плачу!.. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей" и т. д. Авторъ и артистъ плачутъ, потому что они чувствуютъ, какъ смѣхъ возвышаетъ ихъ душу, открывая имъ велѣнія свыше, сознаніе идеала, сознаніе, что и они близки къ идеалу и могутъ назваться „чиновниками великаго Божьяго государства". Слезы послѣ комедіи, послѣ смѣха,—это слезы умиленія, онѣ рождаются у представителей смѣха, потому что смѣхъ открываетъ имъ высокій идеалъ жизни, потому что онъ сводитъ въ ихъ душу видѣніе, грёзу лучшей жизни. И эти слезы вполнѣ равносильны съ тѣми слезами, которыя проливалъ на молитвѣ, склонившись до земли, Фра Анджелико, когда чувствовалъ, что надъ нимъ стоитъ лучезарный ангелъ; или съ тѣми слезами, которыя полились изъ глазъ Жанъ-Жака Руссо, когда онъ испыталъ притокъ ослѣпительныхъ идей, ясно раскрывавшихъ ему всѣ противорѣчія общественнаго строя, злоупотребленія учрежденій, испортившихъ добраго по природѣ человѣка [1]). Слезы Гоголя послѣ смѣха, это слезы сознанія, что мы, пока бываемъ способны смѣяться, еще близки къ идеалу жизни, еще ощущаемъ въ себѣ могучія силы для борьбы съ пороками и недостатками жизни.

Такимъ образомъ, смѣху Гоголя предшествуютъ слезы обиды и оскорбленія лучшихъ человѣческихъ чувствъ, а слѣдуютъ за нимъ слезы умиленія отъ сознанія близости идеала, слезы прими-

[1]) Rousseau, Petits chefs-d' œuvre de J.—J. Rousseau, Paris, Lettres à M. de Malesherbes p. 503.

ренія съ жизнью. Смѣхъ Гоголя съ предшествующими и послѣдующими слезами несомнѣнно представляетъ собою смѣхъ, свойственный поэтамъ, такъ сказать, школы Гёте, школы чистаго возвышеннаго искусства. И всякія сближенія его съ обыденнымъ смѣхомъ простыхъ не одаренныхъ свыше людей не можетъ привести изслѣдователя къ плодотворнымъ заключеніямъ о роли смѣха въ комедіи Гоголя.

Послѣ того какъ мы убѣдимся въ исключительности Гоголевскаго смѣха, въ его необыкновенной высотѣ, въ его недоступности въ обыденной жизни, мы будемъ въ силахъ понять, какую серьезную задачу взялъ на себя Гоголь въ своихъ комедіяхъ. Онѣ написаны имъ не для того, чтобы смѣяться, по извѣстному изреченію: „смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно“, не для того также, чтобы бичевать смѣхомъ, озлобляя осмѣяннаго человѣка и вооружая противъ него зрителя, а для того, чтобы разбудить въ зрителѣ самую благородную сторону его души, заставивъ его засмѣяться надъ тѣмъ, что даже не кажется смѣшнымъ въ обыденной жизни, заставить зрителя найти въ самомъ себѣ грѣхи осмѣяннаго героя комедіи и сознать въ душѣ велѣніе свыше. Принимая во вниманіе такую задачу комедіи Гоголя, можно сказать, что Гоголь былъ истинный художникъ, въ самомъ возвышеннomъ смыслѣ слова. Онъ думалъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ и Лессингомъ, что драматическое произведеніе должно вызвать опредѣленное впередъ глубоко продуманное авторомъ впечатлѣніе въ зрителѣ, такъ называемый катарзисъ; вмѣстѣ съ Гёте онъ понималъ, что комедія, на одинаковыхъ правахъ съ трагедіей, должна очистить душу зрителя отъ горя, примирить его съ жизнью, вызвать въ немъ возвышенный подъемъ духа и чувство умиленія и благоговѣнія предъ идеаломъ.

Ученіе о томъ, что и трагедія и комедія должны вызывать однородное впечатлѣніе или однородный катарзисъ, въ древности вѣроятно было у Аристотеля, теорія комедіи котораго, къ сожа-

лѣнію, не дошла до нашихъ дней [1]). Въ эпоху расцвѣта французскаго театра XVII и XVIII вѣкѣ драматурги догадывались о томъ, что комедія должна не только показывать зрителю пороки и недостатки, но и пробуждать въ зрителѣ сознаніе идеала. Но французская школа грубо понимала эту задачу комедіи. Французскіе драматурги думали, что въ каждой комедіи добродѣтель должна торжествовать, а порокъ долженъ быть наказанъ. Съ этой цѣлью въ комедіи выводились на сцену, сверхъ отрицательныхъ типовъ, благородные герои, которые обязаны были какъ произносить нравственныя сентенціи, такъ и наказать въ концѣ пьесы несчастныхъ осмѣянныхъ представителей порока и такимъ образомъ заставить восторжествовать добродѣтель. Такой взглядъ на задачи комедіи усвоили себѣ Фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ. Фонъ-Визинъ въ комедіи „Недоросль“ вывелъ на сцену цѣлый рядъ благородныхъ резонеровъ, начиная съ типа Стародума, который представлялъ собою какъ бы ходячую энциклопедію нравственныхъ, политическихъ и воспитательныхъ идей. Стародумъ въ союзѣ съ такими же безцвѣтными героями, какъ самъ, долженъ былъ прикончить царство Простаковщины. Въ XVIII вѣкѣ зрители и читатели ловили на лету каждое слово героевъ, подобныхъ Стародуму. И это происходило вслѣдствіе того, что изреченія Стародума были своего рода программой политическихъ и общественныхъ реформъ XVIII вѣка, а также и отъ того, что въ типѣ просвѣтителя XVIII вѣка было много реторики, начиная отъ самихъ кориѳеевъ, Вольтера и Руссо, и кончая самыми скромными ихъ послѣдователями. Съ художественной же точки зрѣнія типы стародумовъ нарушали единство дѣйствія. Чтобы убѣдиться въ томъ, что они были излишнимъ балластомъ въ комедіи, достаточно вспомнить, что въ наше время роль Стародума сокраща-

[1]) Во всякомъ случаѣ Аристотель широко понималъ очистительную силу художественнаго произведенія, какъ это видно изъ упоминаній Аристотеля о катарзисѣ въ другихъ его сочиненіяхъ, помимо поэтики.

ется безъ всякаго ущерба для цѣльности впечатлѣнія отъ комедіи. Грибоѣдовъ уже старался избѣжать пріема Фонъ-Визина. Онъ придалъ Чацкому въ высшей степени правдивый и жизненный колоритъ, поручивши пылкую проповѣдь новыхъ идеаловъ юному герою и оставивъ его въ концѣ пьесы въ трагическомъ положеніи. Грибоѣдовъ приблизился къ геніальному первообразу, Мольеру, и Чацкій, подобно Альцесту, остался загадкой для критика, который и теперь съ трудомъ лишь можетъ прійти къ твердому убѣжденію, считать ли Альцеста и Чацкаго положительными типами, или до нѣкоторой степени комическими и отрицательными.

Генію Гоголя принадлежитъ честь совершеннаго уничтоженія стараго предразсудка о необходимости въ комедіи положительныхъ героевъ и грубаго торжества добродѣтели. Гоголь понялъ, что въ самомъ смѣхѣ заключается торжество добродѣтели надъ порокомъ. „Если я въ силахъ смѣяться, значитъ во мнѣ еще жива искра Божія, значитъ мнѣ доступенъ идеалъ". Вотъ почему на упрекъ въ отсутствіи въ его комедіи положительныхъ героевъ, Гоголь говоритъ: „Странно, мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ— смѣхъ" [1]). Какъ бы уступая духу времени, Гоголь называетъ смѣхъ, очищающій душу зрителя, честнымъ лицомъ комедіи. Такое пониманіе смѣха и его возвышеннаго значенія ставитъ Гоголя въ числѣ первоклассныхъ представителей комедіи и драмы. Въ своемъ взглядѣ на смѣхъ, какъ на катарзисъ, какъ на побѣду идеала надъ порокомъ въ душѣ зрителя комедіи, Гоголь даже превзошелъ самого Гёте, который хотя и близко подошелъ къ сознанію единства катарзиса въ трагедіи и комедіи, однако

[1]) Гоголь, Театральный Разъѣздъ, заключительный монологъ.

на практикѣ не воздержался отъ стараго французскаго предразсудка торжества добродѣтели [1]).

Полагая, что въ самомъ смѣхѣ торжествуетъ добродѣтель надъ порокомъ, Гоголь естественно вывелъ во всѣхъ комедіяхъ только отрицательные типы, только людей порочныхъ, а при построеніи миѳа, или плана комедіи, совершенно воздержался отъ развязки съ торжествомъ добродѣтели. Вслѣдствіе этого его комедіи отличаются поразительнымъ единствомъ дѣйствія, цѣльностью и простотой. Онѣ, подобно картинамъ Ѳедотова, не взирая на смѣшное содержаніе, прекрасно выписаны въ техническомъ отношеніи. И до Гоголя, и послѣ него комедія рѣдко достигала такой ясности очертаній, такой выпуклости фигуръ. И, кажется, не будетъ ошибкой считать Гоголя завершителемъ эволюціоннаго процесса въ развитіи чистой комедіи, какъ считаютъ Крылова завершителемъ развитія басни, Данте завершителемъ развитія религіозно-церковнаго сказанія и Сервантеса завершителемъ развитія рыцарскаго романа. Уже у Островскаго нельзя найти подобной тонкой пластической работы; въ самыхъ лучшихъ его комедіяхъ, какъ напр. въ „Лѣсѣ“, сквозь смѣхъ слышны мотивы трагедій Шиллера и Шекспира.

Гоголь зналъ теорію французской и нѣмецкой комедіи. Въ „Театральномъ разъѣздѣ“ онъ выводитъ двухъ литераторовъ, изъ которыхъ одинъ критикуетъ его комедію съ точки зрѣнія старой французской теоріи, а другой—съ точки зрѣнія новыхъ воззрѣній на комедію XVIII вѣка.

Онъ зналъ, что французы требовали, чтобы драматургъ не выводилъ на сцену „низкихъ людей“, чтобы плоская шутка и грубость типовъ, взятыхъ изъ жизни, была смягчена, чтобы въ комедіи непремѣнно была любовная завязка, и при этомъ такъ

[1]) Самымъ яркимъ примѣромъ такой приверженности Гёте къ старымъ пріемамъ является небольшая его комедія „Генералъ національной гвардіи“. Да и въ другихъ пьесахъ онъ любилъ показать торжество добродѣтели.

построенная, что зрителю даже трудно догадаться, какъ окончится комедія, и, наконецъ, чтобы языкъ комедіи былъ приспособленъ ко вкусу высшаго общества. Вмѣсто всѣхъ этихъ правилъ Гоголь провозгласилъ своимъ девизомъ „живость и наблюденіе“ [1]). Онъ не придумывалъ, какъ французы, никакихъ изворотовъ въ построеніи драмы, не сочинялъ смѣшного, а старался подслушать и подглядѣть смѣшное въ самой жизни. За это его комедіи удостоились сначала наименованія реальнаго [2]), а затѣмъ объективнаго творчества [3]).

Гоголь зналъ также новыя теченія XVIII вѣка въ комедіи, основанныя Вольтеромъ, Дидро и Лессингомъ. Онъ зналъ ихъ ученія о замѣнѣ романической завязки соціальною, о коллизіи богатства и бѣдности, о необходимости въ драмѣ одного героя, управляющаго всѣми дѣйствующими лицами, т. е. о единствѣ лица, каковаго ученія придерживался авторъ „Геца“ и „Фауста“ [4]). Но онъ смягчилъ эти требованія, оставивъ въ комедіи полный неподдѣльнаго комизма флиртъ Хлестакова съ женой Городничаго и перемѣстивъ его въ центръ комедіи, онъ показалъ вмѣсто богатства и бѣдности алчность чиновниковъ, а вмѣсто единаго лица вывелъ нѣсколько преобладающихъ типовъ, въ „Ревизорѣ“: Городничаго и Хлестакова, въ „Женитьбѣ“: Подколесина и Кочкарева, въ „Игрокахъ“: Ихарева и Утѣшительнаго. Но суть комедіи, суть сюжета, мнѣа ея, Гоголь усматривалъ въ общественной идеѣ комедіи. Казалось бы, что въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Вѣдь и Фонъ-Визинъ, и Капнистъ, и Грибоѣдовъ были провозвѣстниками

---

[1]) Въ этомъ отношеніи Гоголь напоминаетъ Сервантеса, который сказалъ: „когда я собираюсь писать комедію, я запираю подъ шестью замками всѣ правила поэтики“. E. Faguet, Drame ancien, drame moderne, Paris, 1898 p. 122.

[2]) Чернышевскій, Очерки Гоголевскаго періода русской литературы, Петербургъ, 1892 года; его-же Критическія статьи, Петербургъ, 1893 г., стр. 120—169.

[3]) Пыпинъ, Исторія русской литературы, Петербургъ, 1899, т. II.

[4]) Геттнеръ, Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, т. III, М. 1875 г., стр. 133—134.

общественныхъ идей. Однако между ними и Гоголемъ есть глубокое различіе. Фонъ-Визинъ свои идеи проповѣдывалъ устами Стародума, Капнистъ выразилъ свое отвращеніе къ безчестности, давъ образцы циническихъ характеровъ, Грибоѣдовъ выразилъ ихъ въ міросозерцаніи Чацкаго, Гоголь же свои идеи выражалъ въ самомъ дѣйствіи, въ построеніи сюжета, который у него такъ же смѣшонъ, какъ и характеры дѣйствующихъ лицъ.

Сюжеты комедій Гоголя имѣютъ два свойства: они носятъ въ себѣ общественную идею и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ комическое построеніе.

Всѣ три комедіи имѣютъ каждая свою идею. Въ „Ревизорѣ“ Гоголь подчеркнулъ коренные недостатки организаціи чиновнаго міра, показалъ, что государственная служба чиновниковъ его времени является не поприщемъ долга и самоотверженія при довольствѣ дарованнымъ по статьѣ закона обезпеченіемъ, а поприщемъ легкой наживы и своекорыстія. Дѣло не во взяткахъ. Взятки были заклеймены Капнистомъ. Гоголевскій взяточникъ Замухрышкинъ говоритъ: „Ну да, вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названіе поблагороднѣе: пожертвованіе тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что́ такое. А на дѣлѣ выходитъ: такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ“. Гоголь нападалъ на всевозможныя злоупотребленія своекорыстныхъ чиновниковъ, не усвоившихъ смысла закона объ обезпеченіи чиновъ, состоящихъ на государственной службѣ. И въ этомъ отношеніи онъ явился провозвѣстникомъ тѣхъ реформъ, какія были совершены въ царствованіи Императора Александра II. Какъ „Мертвыя души“ были ласточкой освобожденія крестьянъ, такъ „Ревизоръ“ былъ вѣстникомъ скораго, праваго и милостиваго суда, земскихъ учрежденій и другихъ мѣръ къ подъему честности и гражданскаго долга чиновниковъ.

Не менѣе велика идея „Женитьбы“. Въ этой комедіи Гоголь показалъ, какъ былъ низокъ уровень семейной жизни въ среднемъ классѣ общества. Вмѣсто любви—чувственность, вмѣсто

союза умовъ и сердецъ—инвентарь приданаго и доходовъ, вмѣсто уваженія къ личности—погоня за званіемъ и общественнымъ положеніемъ. Женитьба какъ бы дополняетъ насмѣшку Грибоѣдова надъ условными воззрѣніями на бракъ высшаго общества того времени. Вмѣстѣ съ комедіей „Горе отъ ума", Женитьба Гоголя открыла дорогу героическимъ идеаламъ романа Тургенева и трогательнымъ идеаламъ драмъ Островскаго.

Наконецъ „Игроки" дали характеристику общественной жизни того времени. Въ этой комедіи выведенъ цѣлый рядъ „проворныхъ господъ", какъ выражается слуга. Идея комедіи ярко видна въ словахъ Ихарева: „Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ, проживетъ всякій, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обманутымъ самому—вотъ настоящая задача и цѣль". Гоголь въ Игрокахъ старался показать, что жизнь людей свободныхъ профессій насквозь проникнута плутовствомъ, своекорыстный обманъ—ихъ идеалъ. Комедія „Игроки" достойна особеннаго вниманія. Эта комедія менѣе извѣстна, чѣмъ „Ревизоръ". Но только при сопоставленіи ея съ „Ревизоромъ" можно понять Гоголя. Гоголь мало возлагалъ надеждъ на всѣхъ тѣхъ, кто не причастенъ къ грѣхамъ Сквозника-Дмухановскаго. Гоголь все видѣлъ въ темныхъ краскахъ. Онъ не былъ человѣкомъ партіи. Его смѣхъ и въ этомъ отношеніи безусловно честенъ.

И со всѣмъ этимъ Гоголю надо было примирить зрителя и читателя, надо было заставить ихъ засмѣяться, когда въ сущности хочется плакать. Однако Гоголю это удалось, благодаря необыкновенному таланту въ комическихъ построеніяхъ.

Онъ взялъ цѣлый рядъ безчестныхъ людей и поставилъ ихъ въ комическое положеніе. Секретъ построенія комедіи Гоголя въ томъ, что каждый безчестный человѣкъ поставленъ у него въ глупое положеніе. Городничій и его сослуживцы знаютъ, что такое ревизоръ, знаютъ даже, что онъ пріѣдетъ къ нимъ инкогнито.

и къ своему понятію о ревизорѣ подводятъ совершенно неподходящее представленіе, именно Хлестакова. Уже къ концу перваго дѣйствія всѣ дѣйствующія лица попадаютъ въ положеніе героя сказки о набитомъ дуракѣ. Во второмъ дѣйствіи Гоголь ставитъ въ такое же положеніе легкомысленнаго, обладающаго беззаботной совѣстью Хлестакова, когда онъ почему-то увѣренъ, что хозяинъ долженъ ему дать ѣсть. Въ такое же положеніе становится и трактирщикъ, когда вмѣсто ожидаемой благодарности встрѣчаетъ ругань со стороны Хлестакова. Еще комичнѣе встрѣча съ Городничимъ. Въ этой сценѣ двойной комизмъ, взаимное непониманіе другъ друга, а такъ какъ и Городничій, и Хлестаковъ оба заподазриваютъ дѣйствительность, помимо того, что не понимаютъ ея, подъ вліяніемъ чувства самосохраненія, то эта сцена ставитъ, и Хлестакова, и Городничаго въ образцовое комическое положеніе. Авторъ заставляетъ ихъ продѣлывать умышленную глупость.. Это ядовитая насмѣшка надъ жизнью примѣнительно къ идеѣ самосохраненія. Монологъ Хлестакова производитъ впечатлѣніе остроумной продѣлки: это—неправильное обобщеніе радушнаго пріема, хорошаго угощенія, хотя и въ немъ мѣстами прорывается глупость, когда Хлестаковъ оговаривается и открываетъ свои карты, когда онъ говоритъ о томъ, что онъ живетъ на четвертомъ этажѣ и допускаетъ другіе промахи. Вообще Гоголь отчасти сочувствуетъ Хлестакову, отчасти нѣтъ, и, соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ Хлестаковъ остроумно доходитъ до безсовѣстности, понемногу мажетъ его грязью глупости. Наиболѣе симпатиченъ Осипъ. Осипъ не безчестный человѣкъ, а грубый и не различающій по невѣжеству добра и зла. Онъ смотритъ на жизнь, какъ на поживу, и авторъ оставилъ его въ смѣшномъ, но не глупомъ положеніи. Онъ даже допустилъ его издѣваться надъ городничимъ. Сцена взятокъ опять построена съ двойнымъ комизмомъ. А въ сценѣ объясненій съ Марьей Антоновной и Анной Андреевной Хлестаковъ попадаетъ въ глупѣйшее положеніе и даже не можетъ удержаться отъ того, чтобы не запу-

тываться все болѣе и болѣе въ это положеніе. Здѣсь ярко выступаетъ глупость Хлестакова. Наконецъ, долго наматывавшійся клубокъ комизма какъ бы лопается при чтеніи письма Хлестакова, и въ комедіи совершается полная катастрофа. Гоголь такъ талантливо развилъ грезы Городничаго, что его пробужденіе при чтеніи письма, по сравненію съ ошибкой въ первомъ дѣйствіи, кажется паденіемъ въ бездну. Сознаніе глупаго положенія героевъ комедіи и есть тотъ моментъ, которому въ трагедіи соотвѣтствуетъ узнаваніе. Но Гоголь не оставилъ его только теоріей, онъ выпустилъ на сцену Жандарма, вѣстника настоящаго ревизора, чтобы окончательно свалить безчестныхъ людей въ бездну уничтоженія.

Такимъ образомъ Гоголь, изображая человѣческую испорченность, одѣлъ ее покровомъ глупости, заставилъ зрителя хохотать надъ нею и чрезъ осмѣяніе выносить ужасы безнравственности.

Сдѣлаемъ при этомъ нѣсколько существенныхъ замѣчаній, не только ограничивающихъ, но и поясняющихъ нашу мысль.

Конечно, Гоголь не доходилъ до указаннаго только-что пріема осмѣянія *теоретически*, т. е., онъ не сознавалъ сначала этого пріема отвлеченно, а потомъ примѣнялъ его; словомъ, онъ не поступалъ подобно Корнелю, который развилъ теорію Обиньяка и примѣнилъ ее на практикѣ; Гоголя съ его пріемомъ осмѣянія порока можно скорѣе сопоставить съ Мольеромъ, о которомъ Фердинандъ Брюнетьеръ совершенно справедливо сказалъ, что его пріемы были „внутреннимъ закономъ творчества“ [1]). И у Гоголя пріемъ осмѣянія въ комедіи „Ревизоръ“ былъ „внутреннимъ закономъ творчества“. Это станетъ ясно, если мы отыщемъ одинъ изъ нервовъ „Ревизора“, приводившій въ комическое положеніе дѣйствующихъ лицъ. Вѣдь дѣйствующія лица „Ревизора“ даже умны по-своему, если не считать жены Городничаго. Боб-

[1]) F. Brunetière, Les ennemis de Racine au XVII siècle. Etudes critiques. Paris, p. 172—176.

чинскаго и Добчинскаго, этихъ типовъ русскихъ сатировъ, пошлыхъ, ограниченныхъ, но вѣчносущихъ. Городничій одинъ беретъ на себя инициативу труднаго дѣла обойти начальство и даже не дослушиваетъ, что по этому вопросу Аммосъ Ѳедоровичъ вычиталъ въ „Дѣяніи Іоанна Масона“. Городничій работалъ безъ пособій и источниковъ, на основаніи лишь практическаго пониманія жизни и успѣвалъ не разъ добиться своей цѣли: „Трехъ губернаторовъ обманулъ! Что губернаторовъ!“ Аммосъ Ѳедоровичъ почитываетъ: „У него, что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ“. Артемій Филипповичъ, хотя и „совершенная свинья въ ермолкѣ“, тѣмъ не менѣе онъ очень ядовитъ, когда характеризуетъ обывателей и смотрителя училищъ и когда вставляетъ въ разговорѣ замѣчанія. Почмейстеръ имѣетъ своего рода эстетическіе интересы и читаетъ письма, отыскивая въ нихъ интересныя исторіи. Словомъ Городничій—типъ провинціальнаго дѣльца, Аммосъ Ѳедоровичъ—провинціальный мыслитель, Артемій Филипповичъ—моралистъ, Почмейстеръ—эстетикъ. Всѣ они представляютъ общество дружное, хорошо сплоченное, понимаютъ другъ друга на полусловѣ. И всѣ они попадаютъ въ глупое положеніе. А почему? Да потому что всѣ они очень грѣшны, безсовѣстны. Лукавая совѣсть сбила ихъ съ толку и оставила въ дуракахъ. Самъ городничій, этотъ массивный художественный типъ, великолѣпно понимаетъ, въ чемъ дѣло. „Вотъ подлинно, говоритъ онъ, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ“. Онъ чувствуетъ, что лукавая совѣсть попутала ихъ всѣхъ. На Бобчинскаго и Добчинскаго онъ нападаетъ только потому, что ему нуженъ козелъ отпущенія. Такимъ образомъ Гоголь естественно поставилъ чиновниковъ въ глупое положеніе, оно явилось прямымъ слѣдствіемъ ихъ лукавой и низкой совѣсти. Оно было подсмотрѣно имъ въ жизни, но вылилось въ той технической формѣ, которую я описалъ выше.

Отсюда также ясно видна основная мысль „Ревизора“ Гоголя, а именно: безнравственный человѣкъ неизбѣжно клонится въ сво-

ихъ стремленіяхъ къ глупости. Эта мысль „Ревизора“ въ „Женитьбѣ“ выразилась нѣсколько иначе, а именно: ограниченному человѣку не свойственны высокіе идеалы; онъ способенъ лишь къ пародіи на идеалъ. А въ „Игрокахъ“ эта же мысль выражена въ слѣдующей формѣ: безсовѣстный человѣкъ въ самомъ себѣ носитъ мздовоздаяніе. Здѣсь дѣло идетъ о нравственномъ законѣ. Истинно умный человѣкъ есть честный человѣкъ. Гоголь отрицательнымъ методомъ (reductio ad absurdum) провозгласилъ союзъ совѣсти и ума, честности и образованія, самоотверженія и геніальности. Это и есть тотъ идеалъ, сознавая высоту котораго Гоголь проливалъ слезы умиленія, называлъ себя избранникомъ свыше.

Нѣсколько иначе, чѣмъ „Ревизоръ“, построена „Женитьба“. Здѣсь авторъ выводитъ цѣлый рядъ ограниченныхъ людей и показываетъ, какъ они въ силу своей забитости едва-едва не совершили непристойнаго дѣла, какъ они едва не подвергли профанаціи священные законы любви и брака. Но то же умственное уродство, которое вызвало въ нихъ охоту устроить свадьбу, обратилось противъ нихъ самихъ, когда Подколесинъ, уступая своей трусости, выпрыгнулъ въ окошко передъ самымъ вѣнчаніемъ. „Женитьба“—преимущественно комедія нравовъ и характеровъ, тогда какъ „Ревизоръ“ болѣе подходитъ къ типу комедіи ошибокъ. Въ „Женитьбѣ“ авторъ подвергъ самому ѣдкому осмѣянію свойственныя среднему классу общества черты: стремленіе этого класса усвоивать себѣ идеалы выше своего положенія, претензіи этого класса на героизмъ, на благородство чувствъ, разрѣшающіяся просто пародіей на идеалъ. Комедія „Женитьба“ есть пародія женитьбы. Можно указать въ этой комедіи цѣлый рядъ пародій на высокія чувства, проистекающихъ изъ невѣжества и ограниченности дѣйствующихъ лицъ. Извѣстно, что платоническій идеалъ слагается изъ разныхъ чертъ, наблюдаемыхъ въ дѣйствительной жизни у различныхъ лицъ и въ различное время. Сложность этого процесса идеализаціи прекрасно передана въ стихо-

твореніи Лермонтова: „Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“. Этотъ сложный процессъ обрисовывается въ комедіи во всей грубости, свойственной такимъ примитивнымъ натурамъ, какъ невѣста Агафья Тихоновна. „Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича—я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди подумай! просто голова даже стала болѣть“. Это какая-то лубочная чувственная передѣлка платонизма. „Такое несчастное положеніе дѣвицы, говоритъ героиня, особливо еще влюбленной“ [1]). Вмѣсто свободнаго выбора сердца въ душѣ невѣсты совершается какая-то безтолковщина. Она бросаетъ жребій и отдается на волю гаданья. Грубое суевѣріе замѣняетъ у нея свободную волю. Въ особенности смѣшна невѣста, когда она, подобно Памелѣ Ричардсона, отдается тихому мечтательному раздумью. „Прощай прежняя моя дѣвичья жизнь! (плачетъ). Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ! Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ дѣвочки пойдутъ, подрастутъ выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ! (Начинаетъ рыдать). Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ“ [2]). Этотъ монологъ напоминаетъ разсказъ о томъ, какъ цыганъ началъ бить цыганенка за то, что тотъ хотѣлъ сѣсть верхомъ на жеребенка, котораго они съ отцомъ еще только собирались купить, если разбогатѣютъ, укравши гдѣ-нибудь сто рублей. Приведенный монологъ невѣсты настоящая сантиментальность въ дурномъ смыслѣ слова.

---

[1]) Гоголь, Женитьба, дѣйств. II, явл. I.

[2]) Ibidem, дѣйств. II, явлен. XVIII.

Женихъ старый холостякъ, совершенно остановившійся въ развитіи. Это типъ русскаго чиновника, филистера до такой степени, что Кочкаревъ, желая обрисовать его въ выгодномъ свѣтѣ передъ невѣстой, не нашелся ничего сказать ей, кромѣ слѣдующихъ словъ: „Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто, удивительный человѣкъ!“ [1]) Подколесинъ слышалъ гдѣ-то когда-то, что женитьба серьезное дѣло, и потому готовится къ женитьбѣ. Но въ немъ лѣта и годы настолько измѣнили пылкій юношескій жаръ, что онъ принимаетъ за подготовку къ женитьбѣ чистку сапогъ, заказъ фрака и т. п. Кочкаревъ, какъ Мефистофель, вводитъ этого чиновника въ тайны семейныхъ радостей: „Ну, говоритъ Кочкаревъ Подколесину, какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье и вообрази ты сидишь на диванѣ—и вдругъ“ [2]) и т. д. У Подколесина смутно проносится въ головѣ видѣнье. Но стоитъ только ему заняться туалетомъ, все испаряется, и онъ говоритъ Кочкареву: „Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что! Поѣзжай-ка ты одинъ“. И только, когда его выругали „деревяннымъ чурбаномъ“, онъ, не желая выносить крики и ругань, примирился со своей участью. Подколесинъ непробудно заснувшая натура. Это уже зародышъ знаменательнаго русскаго типа Обломова.

Подколесинъ смѣшонъ, потому что онъ имѣетъ въ высшей степени ограниченные филистерскіе интересы. Смѣхъ Гоголя надъ Подколесинымъ и есть лучшій образчикъ смѣха надъ пошлостью ограниченнаго человѣка. Совершенно иной характеръ у Кочкарева. Кочкаревъ совмѣщаетъ въ себѣ двѣ черты: дѣятельный темпераментъ и полную праздность, проистекающую отъ пустоты ума и сердца. Онъ такъ же смѣшонъ, какъ сваха, такъ же безтолково старается хлопотать, бѣгать, вмѣшиваться въ чужую жизнь. Но

[1]) Ibidem, дѣйств. II, явлен. I.
[2]) Ibidem, дѣйств. I, явлен. XI.

онъ еще болѣе забавенъ вслѣдствіе того, что занимается сватовствомъ не по нуждѣ, не для пропитанія, а изъ любви къ искусству. Онъ даже чувствуетъ, что женитьба Подколесина безсмысленна, но хочетъ непремѣнно добиться своей цѣли и удовлетворить свою жажду успѣха въ предпріятіи; есть ли смыслъ въ послѣднемъ или нѣтъ, это для него не важно. Въ его натурѣ есть какая-то безпринципность, которая дѣлаетъ его пародіей на типы подобные Мефистофелю; есть даже пародія на демонизмъ; онъ знаетъ, что ставитъ Подколесина въ жалкое и глупое положеніе, и съ удовольствіемъ дѣлаетъ свое дѣло, разсуждая приблизительно такъ: со мной поступили нехорошо, обманомъ заставивши жениться, почему жъ бы мнѣ не устроить ту же непріятность для своего друга. И онъ даже почерпаетъ удовольствіе въ этомъ нехорошемъ чувствѣ, а для его удовлетворенія готовъ пережить цѣлый рядъ непріятностей, до потасовки включительно. Смѣхъ надъ Кочкаревымъ есть смѣхъ надъ пошлостью житейской суеты.

Женихи являются представителями различныхъ неблаговидныхъ мотивовъ женитьбы. Яичница—это типъ человѣка, который получилъ въ обыденной русской жизни прозвище „матерьялиста“. Въ сущности это цѣльная натура съ отчетливымъ представленіемъ о задачахъ своей жизни. Девизъ его женитьбы - приданое. А девизъ жизни—деньги. Остальное для него можетъ свободно не существовать, хотя онъ и не лишенъ понятія о комфортѣ и удобствахъ жизни. Это—Чичиковъ, но совсѣмъ съ убогой фантазіей. Жевакинъ, наоборотъ, чистая фантазія, но совсѣмъ безъ всякихъ другихъ дарованій. Гоголь показалъ его лишь съ одной стороны въ комедіи. Онъ подчеркнулъ феноменальную склонность Жевакина ко лжи и хвастливому самообману. Достоевскій впослѣдствіи нѣсколько иначе взглянулъ на типъ такого небокоптителя, показанный Гоголемъ въ „Женитьбѣ“. Достоевскій старался отыскать что-то болѣзненное въ подобныхъ людяхъ, онъ считалъ ихъ ложь слѣдствіемъ потрясающаго разлада жизни, остаткомъ разрушеннаго человѣческаго достоинства.

Всѣ типы, разсматриваемые выше, со свахой и Анучкинымъ включительно, не способны ни на какое дѣло, даже и на то, чтобы сыграть свадьбу. Они способны только на скандалъ, которымъ и разрѣшается комедія къ удовольствію зрителя. Послѣ этой комедіи Гоголь съ полнымъ правомъ могъ воскликнуть: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ какъ воскликнулъ въ концѣ повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Въ „Женитьбѣ“ Гоголь раскрылъ глаза зрителю на одну изъ самыхъ неприглядныхъ пародій. Обыкновенно въ такихъ моментахъ жизни, какъ женитьба, человѣкъ привыкъ искать значительнаго содержанія. Весь обрядъ свадьбы, сложившійся вѣками, указываетъ на то, что человѣчество привыкло уважать моментъ образованія новой семьи. Это доказываютъ и свадебныя пѣсни народа, и трогательныя церемоніи въ семьѣ, такъ нравившіяся безсмертному создателю оперъ „Жизни за Царя“ и „Руслана и Людмилы“, и та важная роль свадебныхъ мотивовъ, какая наблюдается въ лучшихъ трагедіяхъ любви у Шекспира и Шиллера. Философы и писатели сумѣли даже связать ученіе о бракѣ съ тайной смерти и рожденія, какъ, напр., Шопенгауеръ, Толстой, сумѣли показать этотъ мотивъ при свѣтѣ поэзіи міровой скорби, какъ Шекспиръ въ типѣ Офеліи, Гете въ „Вертерѣ“ и „Фаустѣ“, Шатобріанъ въ „Рене“. Въ комедіяхъ до Гоголя мотивомъ женитьбы завершалось торжество добродѣтели, какъ, напр., у Бомарше. И вотъ, Гоголь, послѣ всѣхъ вышеуказанныхъ взглядовъ на бракъ, показалъ, что ничего значительнаго иногда нѣтъ въ дѣйствительности тамъ, гдѣ идетъ дѣло о женитьбѣ. Нѣсколько глупцовъ профанируютъ подъ знаменемъ женитьбы человѣческое достоинство, а публика рукоплещетъ ихъ вѣрности законамъ своего отечества. И, что особенно замѣчательно, Гоголь взялъ темой женитьбу въ среднемъ классѣ общества, т. е. въ томъ классѣ, въ которомъ вслѣдъ за Лессингомъ цѣлая плеяда писателей искала семейныхъ добродѣтелей и семей-

наго героизма въ противоположность высшему свѣтскому обществу. Женитьба Гоголя нанесла могучій ударъ сантиментальнымъ идеаламъ средняго класса въ началѣ XIX столѣтія. Какъ Достоевскій, слѣдуя за Гоголемъ, сдѣлался истолкователемъ жизни ненужныхъ людей; такъ Островскій, по стопамъ Гоголя, пошелъ къ глубокомысленнымъ толкованіямъ комедіи и трагедіи брака. И не одинъ Островскій. Гоголь побудилъ русскихъ писателей поглубже вглядѣться въ этотъ вопросъ. Но никому не удалось заставить зрителя такъ много посмѣяться надъ женитьбой, какъ Гоголю.

Если „Ревизора“ можно назвать комедіей ошибокъ, „Женитьбу“ —комедіей нравовъ и характеровъ, то „Игроковъ“ Гоголя, въ отличіе отъ первыхъ двухъ комедій, можно назвать комедіей борьбы. Въ этой пьесѣ два плута съ довольно опредѣленными воззрѣніями на жизнь, какъ на арену обмана, стараются перехитрить одинъ другого. Пьеса написана совершенно по-французски. Зритель не знаетъ въ началѣ, кто побѣдитъ, и вмѣстѣ съ Ихаревымъ остается въ невѣдѣніи относительно подставныхъ лицъ комедіи. Французскіе теоретики вмѣняютъ въ особое достоинство драмѣ невѣдѣніе зрителя о томъ, къ чему сведется дѣйствіе. Равнымъ образомъ и зритель комедіи „Игроки“ отчетливо чувствуетъ наростаніе любопытства, каковой процессъ въ душѣ зрителя Патэнъ и Фаге [1]) считали яркимъ признакомъ французской драмы борьбы. Взаимныя признанія Ихарева и Утѣшительнаго на нѣкоторое время прерываютъ любопытство зрителя, давая ему отдохнуть и посмѣяться. Но за то дальше любопытство наростаетъ еще съ большей силой. Когда выступитъ на сцену подложный отецъ семейства съ сыномъ, комедія достигаетъ того серьезнаго напряженія, которое свойственно было пьесамъ Мольера. Зритель забываетъ, что онъ пришелъ посмѣяться. Наконецъ пьеса разрѣшается тѣмъ, что одинъ плутъ побѣждаетъ другого. О добродѣтели нѣтъ ровно никакого помину,

[1]) Émile Faguet, Drame ancien, drame moderne, Paris, 1898, p. 159--163.

въ чемъ опять сказалась оригинальность Гоголя. Ихаревъ вспоминаетъ о томъ, что есть на свѣтѣ законъ и правда, но долженъ сразу убѣдиться, что эти понятія совершенно не примѣнимы къ его личной драмѣ. Онъ падаетъ жертвой своего же плутовства. Въ этой пьесѣ чувствуется даже нравственный урокъ, который также считался необходимой принадлежностью французской комедіи.

Комедія „Игроки“ пополняетъ идею „Ревизора“. Во-первыхъ, она показываетъ, что безчестные и лукавые люди не только должны глупѣть и стать пошлыми и потому смѣшными, но и въ самихъ себѣ носятъ мздовоздаяніе; она показываетъ, что плутовство совсѣмъ ненадежный якорь самосохраненія. Во-вторыхъ, изъ нея можно заключить, что не одни чиновники — горе-богатыри въ русской жизни, и что есть совсѣмъ иные еще избранники фортуны, люди безъ всякихъ значковъ, передъ которыми Дмухановскіе кажутся лишь шутами гороховыми. Если смѣхъ въ комедіи „Ревизоръ“ можно признать холоднымъ смѣхомъ огорченной души; смѣхъ въ „Женитьбѣ“ смѣхомъ болѣе добродушнымъ, чѣмъ холоднымъ, то смѣхъ въ „Игрокахъ“ не будетъ ошибкой назвать саркастическимъ.

Изъ всего этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ: во-первыхъ, Гоголь, какъ представитель самобытнаго и своеобразнаго смѣха, можетъ считаться однимъ изъ возвышенныхъ поэтовъ; онъ показалъ, откуда надо начинать русскому человѣку стремленіе къ идеалу; онъ заставилъ его смѣяться и каяться. Во-вторыхъ, какъ представитель идейной комедіи, Гоголь явился провозвѣстникомъ „великихъ реформъ“ средины XIX столѣтія и выразителемъ лучшаго идеала русской литературы, идеала совѣсти. Въ третьихъ, наконецъ, онъ возвелъ русскую комедію на истинно классическую ступень развитія, сообщивъ ей въ трехъ образцахъ почти все богатство литературныхъ типовъ комедіи, завершилъ долгій процессъ развитія ея отъ Фонъ-Визина до Грибоѣдова и пополнилъ пробѣлъ въ школѣ Пушкина, прибавивъ къ литературнымъ формамъ, созданнымъ Пушкинымъ, новую художественную форму ко-

медіи, т. е. того литературнаго рода произведеній, великое значеніе котораго можно считать историко-литературной аксіомой.

Въ заключеніе, можно сказать, что такой поэтъ возвышеннаго смѣха, какъ Гоголь, дорогъ для всякаго русскаго человѣка, любящаго свою родину. Гоголь звалъ всѣхъ русскихъ искателей правды къ ея первоисточнику, къ чистой совѣсти, и мнѣ кажется, что Гоголя вкратцѣ могутъ характеризовать слѣдующіе два стиха Алексѣя Толстого:

Онъ правды алчущее стадо
Къ ея источнику ведетъ.

Н. Бокадоровъ.

Комедіи Н. В. Гоголя

въ связи съ развитіемъ русской комедіи и другими его произведеніями.

Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь—вотъ имена, съ которыми неразрывно связано все лучшее и наиболѣе характерное, что представляется намъ въ нашей комедіи до второй половины XIX столѣтія! Каждое изъ этихъ именъ знаменуетъ эпоху въ развитіи не только комедіи русской, но и всей вообще русской литературы; съ каждымъ изъ нихъ у насъ соединяется своеобразное представленіе, и всѣ вмѣстѣ они служатъ показателями послѣдовательнаго роста нашего самосознанія, поскольку онъ выражается въ литературѣ, частнѣе въ комедіи.

Наша комедія съ самаго начала получила характеръ по преимуществу комедіи нравовъ, или сатиры на нравы. Интрига въ ней—дѣло второстепенное, и потому эта интрига не поражаетъ насъ своими хитросплетеніями, которыхъ такъ много, напримѣръ, въ новѣйшей комедіи. Дѣйствіе старыхъ русскихъ комедій XVIII в. вообще несложно, а въ частности любовь иногда вводится скорѣе въ силу только извѣстной литературной традиціи. Добродѣтельный молодой человѣкъ любитъ добродѣтельную дѣвицу; злые люди имъ мѣшаютъ, но любовь и добродѣтель торжествуютъ,

а порокъ посрамленъ—такова шаблонная канва для большинства пьесъ XVIII в. Но, введя эти лица для завязки и развязки пьесы, авторъ затѣмъ нерѣдко удѣляетъ имъ совсѣмъ мало вниманія, такъ что главный интересъ пьесы сосредоточивается вовсе не на трогательной исторіи двухъ любящихъ сердецъ, а на той средѣ, которая ихъ окружаетъ, и на тѣхъ разсужденіяхъ, которыя авторъ излагаетъ при семъ. Для примѣра, стоитъ вспомнить *Ябеду* Капниста, Милона и Софью Фонвизина, комедіи Екатерины II, Сумарокова и др. Эта черта сохранилась и дальше. Какъ ни смотрѣть на значеніе любви Чацкаго къ Софьѣ у Грибоѣдова, все же не здѣсь центръ тяжести пьесы, какъ равно и у Гоголя любовныя похожденія Хлестакова—лишь частное дополненіе общей картины. Въ *Игрокахъ* Гоголя любви и вовсе нѣтъ. Вообще же, узелъ дѣйствія въ *Ревизорѣ* запутанъ остроумно, но просто, и герои пьесы, Хлестаковъ, съ одной стороны, городничій съ товарищами съ другой, попали въ заколдованный кругъ взаимнаго недоразумѣнія, не вслѣдствіе какого-либо особаго стеченія обстоятельствъ, а исключительно по винѣ собственной опрометчивости и своеобразнаго перетолковыванія самыхъ обыкновенныхъ явленій. „Всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы... пришли, понюхали, и пошли прочь“—очевидно, не къ добру [1]). Проѣзжій „престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копейки не хочетъ платить... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ“,—значитъ, ревизоръ. „Кому же бъ быть, какъ не ему?“ [2]) Съ подобной проницательностью и догадливостью можно, подобно пошехонцамъ, между трехъ сосенъ заблудиться. Еще проще фабула *Женитьбы*, и только *Игроки* представляютъ нѣкотораго рода отступленіе: но *Игроки*

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 15, III, 179.

[2]) Ibid. 187.

для творчества Гоголя не столь характерны, какъ *Ревизоръ* и *Женитьба*.

Незамысловатость интриги, быть можетъ, плохо отзывалась на сценичности нѣкоторыхъ изъ прежнихъ русскихъ комедій, но она съ лихвой выкупалась другими достоинствами.

Екатерина II сама признавалась въ томъ, что „не знаетъ театра", т. е., другими словами, не умѣетъ придавать сценичность своимъ комедіямъ, запутывать интригу; но вмѣстѣ съ тѣмъ она не безъ гордости прибавляла, что зато характеры въ ея комедіяхъ взяты изъ жизни, и автору извѣстенъ народъ [1]), подобно тому какъ и *Живописецъ* въ особенную заслугу автору комедіи *О Время!* ставитъ то, что онъ „сочинилъ комедію точно въ нашихъ нравахъ... съ такимъ искусствомъ и остротою заставилъ слушать ѣдкость сатиры... съ такой благородной смѣлостью напалъ на пороки, въ Россіи господствовавшіе"... Призывая его къ продолженію, *Живописецъ* намѣчаетъ ему такую задачу: „Взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія, и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось" [2]). Равнымъ образомъ и Сумароковъ такъ опредѣлялъ сущность и назначеніе комедіи:

Свойство комедіи—издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.

---

[1]) Письмо къ Вольтеру $^{6}/_{17}$ окт. 1772 г. „Здѣсь судятъ, что хотя безымянный сочинитель сихъ новыхъ россійскихъ комедій и открываетъ свои дарованія, однако имѣетъ великія погрѣшности, что онъ не знаетъ театра и что его завязки слабы; но что касается до изображенныхъ имъ характеровъ, то они всегда выдержаны и отъ предстоящихъ предъ глазами его примѣровъ нисколько не удаляются... что нравоученіе его чисто и что онъ въ познаніи одноземцевъ своихъ силенъ". Переписка, ч. II, 1802 г., 129—130. Ср. Грота „Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ", 252—253, 256.

[2]) Живописецъ, ч. I, по изд. Суворина, стр. 3—4.

Представь бездушнаго подъячаго въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ,
Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ,
Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру,
Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такую-жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ *ergo* ничего;
Представь мнѣ гордаго, раздута, какъ лягушку,
Скупого, что готовъ въ удавку за полушку;
Представь картежника... [1])

Такимъ образомъ, русская комедія сознательно ступила на путь критики нравовъ, и этой своей конечной цѣли—„издѣвкой править нравъ, смѣшить и пользовать“ она была неизмѣнно вѣрна. Она, эта цѣль, двигала перомъ Екатерины; ей служилъ Сумароковъ; во имя ея Фонвизинъ обличалъ тупость, пустоту, злонравіе провинціальнаго „благороднаго“ общества, а Капнистъ изливалъ свою гражданскую скорбь по поводу приказныхъ крючкотворствъ. Даже т. н. трогательная комедія, или мѣщанская драма, не осталась ей чужда; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ представителей трогательной комедіи, Лукинъ, писалъ, что „принялся онъ за перо, слѣдуя единому только сердечному побужденію, которое заставляетъ его искать осмѣяніемъ пороковъ и своего собственнаго въ добродѣтели удовольствованія и пользы его согражданамъ“ [2]); не заблуждаясь на счетъ своего таланта, онъ, однако, „не отчаевается, чтобы его предпріятіе хотя нѣкоторыя не сдѣлало пользы и не исправило сердецъ, подвластныхъ порокамъ, имъ обличеннымъ“ [3]).

Критика же нравовъ вдохновляла и обличителя дворянской старой Москвы, Грибоѣдова, и бытописателя дореформенной ста-

[1]) Епистола о стихотворствѣ. Соч. 1787 г., ч. I, стр. 342—3.
[2]) Сочиненія 1868 г., стр. 6.
[3]) Ibid., 7.

рой провинціальной Руси, Гоголя, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ самые типы и положенія въ комедіяхъ Гоголя, такъ и собственное признаніе автора: „Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ,— не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей;—но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не воскликнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди?“ тогда какъ, по собственному сознанію его, бываютъ хуже люди... Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противъ которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ“ [1]). Смѣхъ и для Гоголя—бичъ, „котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти“ [2]); но звучитъ онъ у Гоголя иначе, чѣмъ звучалъ у его предшественниковъ. „Нѣтъ, несправедливы тѣ“, восклицаетъ онъ: „которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей, но, озаренное си-

[1]) Сочин. Н. В. Гоголя, изд. 15, т. IV, стр. 226–7.
[2]) Ibid., т. IV, стр. 68.

лою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу“ [1]). Смѣхъ Гоголя—„не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, *родившійся отъ любви къ человѣку*“ [2]). Въ XVIII в. „любви къ человѣку“ въ смѣхѣ не существовало; была, пожалуй, снисходительность, за которую, напримѣръ, ратовала Екатерина [3]), да безсознательные проблески неяснаго участія автора къ осмѣиваемымъ имъ лицамъ, какъ это замѣтилъ Достоевскій по поводу бригадирши [4]). Но надъ всѣмъ царила спа-

[1]) Сочиненія Гоголя, т. IV, стр. 226—7.

[2]) Ibid., т. IV, стр. 68.

[3]) См. полемику „Трутня“ и „Всякой всячины“.

[4]) Этотъ человѣкъ (говоритъ про Фонвизина авторъ „Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“) по своему времени былъ большой либералъ. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней Потемкина, но только-что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что „разсудка французъ не имѣетъ“ да еще имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастіе... Почему именно не Софьѣ, представительницѣ благороднаго и гуманнаго европейскаго развитія въ комедіи, вложилъ Фонвизинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ „Бригадирѣ“, а дурѣ бригадиршѣ, которую онъ до того ужъ поддѣлывалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя та говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой дурой, даже дурной женщиной сдѣлалъ, а все таки какъ будто боялся и даже художественно невозможнымъ почелъ, чтобы такая фраза изъ устъ благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобы ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить; это чрезвычайно любопытно и интересно тѣмъ, что написано безъ всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже, можетъ быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

...„У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ по прозванію Гвоздиловъ; жена у него такая была изрядная молодка. Такъ,

сительная вѣра въ то, что людскіе пороки происходятъ отъ злой воли и недостатка разума, просвѣщенія. Неразуменъ, злонравенъ,— слѣдовательно виноватъ и заслуживаетъ наказанія; смѣхъ—есть казнь, возмездіе, и чтобы это возмездіе сильнѣе дѣйствовало, злонравные непремѣнно должны видѣть крушеніе своихъ замысловъ и присутствовать при торжествѣ добродѣтели. А чтобъ еще меньше было сомнѣній относительно пороковъ и добродѣтели, чтобъ еще яснѣе было, за что публикѣ надлежитъ негодовать на злонравныхъ и сочувствовать добродѣтельнымъ, въ пьесѣ выводился резонеръ, который все это обстоятельно разъяснялъ.

Отъ такой постановки вопроса далеко ушелъ Грибоѣдовъ, но кое-что сохранилъ и онъ. Злу противопоставлена добродѣтель: Фамусову съ единомышленниками—Чацкій [1]; у Чацкаго также мѣстами проглядываетъ резонерство [2]. Но добродѣтель здѣсь воплощена въ живое лицо, а резонерство скрашено чувствомъ неудержимой горечи, такъ и рвущейся наружу, и волненьемъ оскорбленной любви. Затѣмъ, торжества добродѣтели на первый взглядъ почти не видно: Чацкій сталъ жертвой сплетни и принужденъ бѣжать съ разби-

---

бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной; такъ, вѣришь ли, мать моя, что гвоздитъ ее, бывало,—въ чемъ душа останется, а не дай, не вынеси за што. Ну, мы, наше сторона дѣло, а ино поплачешься, на нее глядя".

Софья. „Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество".

Бригадирша. „Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково же было терпѣть капитаншѣ". Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у Фонвизина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и.... нечаяннѣе. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, 262—3.

[1]) Даже съ точки зрѣнія взгляда, ведущаго свое начало съ извѣстнаго замѣчанія А. С. Пушкина, Чацкій не можетъ быть отнесенъ къ типамъ отрицательнымъ.

[2]) См. напр. Чернышева „Лишніе люди"... Спб. 1896 г., стр. 26.

тымъ сердцемъ и оскорбленнымъ чувствомъ. Чацкій бѣжитъ; однако, и противникамъ его не приходится торжествовать побѣду. Застоявшаяся вода всколыхнута; вся муть поднялась со дна, гдѣ она таилась подъ покровомъ наружной тиши да благодати, и ничѣмъ ужъ не прикрыть того нравственнаго убожества и растлѣнія, съ которыхъ сорвалъ маску Чацкій. Въ этомъ великая нравственная побѣда Чацкаго, въ этомъ торжество лучшихъ началъ нашей жизни! Впрочемъ, значеніе этого торжества нѣсколько умаляется тѣмъ, что личность Чацкаго всегда предъ нами какъ бы двоится: то—предъ нами смѣлый боецъ за свободу и просвѣщеніе, то-отвергнутый влюбленный, вымещающій Московскому обществу пренебреженіе Софьи.

Еще дальше пошелъ Гоголь. Отъ резонерства у него не осталось и слѣда, ибо резонерство городничаго, о которомъ упоминаетъ Гоголь,—совершенно иного рода, жизненное, а не такое, изъ-за котораго проглядываетъ самъ авторъ; добродѣтельныхъ героевъ вовсе нѣтъ; нѣтъ даже негодованія противъ пороковъ, которымъ, напримѣръ, такъ сильно *Горе отъ ума*. О торжествѣ добродѣтели въ смыслѣ русской комедіи XVIII в. и говорить нечего: въ *Игрокахъ* такое торжество, по крайней мѣрѣ, можетъ быть усмотрѣно въ наглядномъ подтвержденіи истины, что зло въ самомъ себѣ носитъ возмездіе; но едва-ли бѣгство Подколесина въ окно способно представлять побѣду высшихъ идеаловъ любви надъ профанаціей брака, а развязка *Ревизора* въ сущности оставляетъ большой просторъ предположеніямъ, вывернутся ли городничій и его сотоварищи изъ бѣды или попадутъ, наконецъ, въ яму, вырытую ихъ злонравіемъ. Очень можетъ быть, что и вывернутся, такъ какъ не даромъ же городничій тридцать лѣтъ прослужилъ на службѣ, „трехъ губернаторовъ обманулъ! Что губернаторовъ! Нечего и говорить про губернаторовъ!!“ Въ такомъ случаѣ сходство между пьесами Гоголя и Грибоѣдова было бы еще замѣтнѣе, и пріѣздъ ревизора, подобно появленію Чацкаго, имѣлъ бы лишь значеніе того толчка, который развоpотилъ му-

равейникъ и выказалъ его во всей наготѣ. Бѣгство Чацкаго и безсиліе, или хотя бы только возможность безсилія закона предъ плотной стѣной порока, роднятъ *Горе отъ ума* съ *Ревизоромъ* также и тѣмъ, что накладываютъ на нихъ отпечатокъ уже не комедіи, а тяжелой драмы, и въ *Ревизорѣ* этотъ драматическій элементъ, пожалуй, еще сильнѣе—именно вслѣдствіе особаго отношенія автора къ своимъ героямъ, отличающагося какъ отъ разсудочнаго обличенія XVIII в., такъ и отъ страстной вспышки Грибоѣдова.

Городничій, напримѣръ, „грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ“ [1]). „Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота!“ [2]) „Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ ты татаринъ!“ Ей Богу! Если бы то есть чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало, ей-ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мнѣ“. Ну, и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ... Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ ужъ по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь... Ей-ей! А попробуй прекословить,

[1]) III, 191.
[2]) III, 188.

наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери. „Я тебя", говоритъ, „не буду", говоритъ, „подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать: это", говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!" [1]) Однако, и у городничаго нашлись возраженія: „Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь" [2]). Слѣдовательно, беря взятки, городничій до извѣстной степени бралъ ихъ за дѣло, какъ тогда понимали, и хотя это все же было въ ущербъ казнѣ и справедливости, но „сами извольте посудить", оправдывается не безъ основанія городничій: „казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ" [3]). „Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и волтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ" [4]). —„Я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки..." [5]) такъ пишетъ городничему его другъ, и конечно, не онъ одинъ такъ думалъ въ то время.

Съ этой точки зрѣнія было бы несправедливо дѣлать городничаго отвѣтственнымъ за грѣхи всего общества его времени, и у Гоголя мы не видимъ ни враждебнаго отношенія къ городничему, ни односторонне сгущенныхъ красокъ въ изображеніи его, подобныхъ, напримѣръ, тѣмъ, какія наложилъ на своихъ судейскихъ Капнистъ. Городничій, кромѣ отрицательныхъ чертъ, надѣленъ и положительными: онъ грубовато-добродушенъ, не злопа-

[1]) III, 232—233.
[2]) III, 245.
[3]) III, стр. 200.
[4]) III, 181—182.
[5]) III, 179.

мятенъ (за свою жалобу купцы отдѣлались сравнительно дешево); хотя и мечтаетъ о генеральствѣ, но чуждъ заносчивости и для старыхъ знакомыхъ „готовъ съ своей стороны, готовъ стараться“ [1]), чѣмъ вызываетъ даже неудовольствіе жены, для которой, къ слову, какъ и для дочери, онъ далеко не грозенъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ всѣмъ говоритъ открыто, что беретъ взятки, „но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло“ [2]). И онъ говоритъ съ такимъ убѣжденіемъ, что прежде чѣмъ рѣшить, иное это дѣло или не иное, невольно возникаетъ вопросъ, да откуда же взялось такое убѣжденіе? У Луки Лукича педагогическій составъ не въ порядкѣ; но что жъ онъ подѣлаетъ, если „таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ — или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси!“ [3]). Точно также можно ли требовать, чтобъ отъ засѣдателя не пахло такъ, „какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода“, если „въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою!“ [4]). Затѣмъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, „въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами“, а въ присутствіи „высушивается всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ“ [5]); но и замѣчанія по этому новоду городничаго, дѣлавшіяся болѣе для формы, и вялое согласіе Аммоса Ѳедоровича убрать все къ пріѣзду ревизора наводятъ только на мысль, что не ими такой порядокъ созданъ, и что сами они скорѣе рабы его, безсильные что-либо подѣлать съ въѣвшимися въ жизнь привычками. Городничій и его товарищи не злы по природѣ: „Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно

[1]) III, стр. 250.
[2]) III, 182.
[3]) III, 183.
[4]) III, 181.
[5]) Ibid.

то, что говоритъ пословица: „не душой худъ, а просто плутъ“ [1]). Они—заурядные провинціальные средніе люди, которые жили и поступали, какъ тогда принято было въ ихъ обществѣ жить и поступать; ихъ міросозерцаніе, гдѣ хаотически смѣшивается добро со зломъ, нравственное съ безнравственнымъ, подчасъ принимаетъ характеръ такой наивной непосредственности, что не знаешь, негодовать на нихъ или дивиться имъ. Вспомните своеобразнаго любителя пріятнаго и полезнаго чтенія, почмейстера, который такъ неподражаемъ въ своей трогательной защитѣ распечатыванія чужихъ писемъ: „Это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь—такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ!“ [2]).—„Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это“, замѣчаетъ Аммосъ Ѳедоровичъ. „Ахъ, батюшки!“ восклицаетъ въ отвѣтъ почмейстеръ, и больше даже говорить не хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за преступленіе въ его невинномъ занятіи и можно ли его за это преслѣдовать!

Характеристика служебныхъ отношеній, представленная *Ревизоромъ*, дополняется соотвѣтствующими картинками частной жизни въ *Женитьбѣ* и въ *Игрокахъ*. Ихаревъ, человѣкъ не безъ средствъ, съ пренебреженіемъ бросаетъ хозяйство и въ погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ берется за карты; карточный шулеръ мечтаетъ объ образованіи, съ помощью плутовства стремится „стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка“ [3]). Завѣдомый мошенникъ, запутавшійся въ собственныхъ же сѣтяхъ, взываетъ къ правосудію, клеймитъ своихъ противниковъ мошенниками, обманывающими „довѣріе и честность добро-

[1]) Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи, т. IV, стр. 217.

[2]) III, 184.

[3]) IV, 157.

душныхъ людей“ [1]), къ числу которыхъ, очевидно, причисляетъ себя. *Женитьба* названа авторомъ „совершенно невѣроятнымъ событіемъ“, и къ этому названію поразительной по своей пошлости картины сватовства отъ нечего дѣлать, кажется, ничто такъ не подходитъ, какъ Гоголевское же восклицаніе надъ Плюшкинымъ: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду?—Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ“ [2]), и не оттого, что человѣкъ по своей природѣ никуда негоденъ и наклоненъ ко злу; нѣтъ, ибо Гоголь вѣрилъ въ человѣка: иначе самый смѣхъ его потерялъ бы то высокое, облагораживающее значеніе, которое неоднократно подчеркивалъ Гоголь, и обратился бы въ простое глумленіе, а незлобное отношеніе къ героямъ, которыхъ онъ самъ же называетъ плутами и подлецами, носило бы характеръ безразличія въ вопросахъ чести, справедливости, добра иль зла. Въ этомъ отношеніи характеристика одного изъ самыхъ печальныхъ типовъ Гоголя—Плюшкина весьма существенно дополняетъ то, что не такъ очевидно въ обрисовкѣ другихъ лицъ. Трудно себѣ представить что-нибудь отвратительнѣе Плюшкина, „а вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ... Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій глазъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы;

[1]) IV, 159.
[2]) V, стр. 127.

выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманіе на то, радъ ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза,... на антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты" [1]). Но вотъ, его постигаетъ рядъ утратъ и семейныхъ потрясеній, повлекшихъ за собою массу мелкихъ дрязгъ и отразившихся на Плюшкинѣ развитіемъ безпокойства, подозрительности, скупости; одиночество и пустота въ домѣ, смѣнившія былое веселое оживленіе, доканали Плюшкина; и погибъ человѣкъ, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что *„человѣческія чувства не были въ немъ глубоки"* [2]). Точно такъ же Гоголь глубоко правдиво оттѣняетъ личность Чичикова, рисуя то воспитаніе и ту обстановку, среди которыхъ вырабатывались подобные хищники и подъ вліяніемъ которыхъ „не разъ не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разросталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое" [3]).

Такимъ образомъ, Гоголю ясно было видно все значеніе среды и условій окружающей жизни, на счетъ которыхъ онъ нисколько не заблуждался. „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа", гдѣ счастье даже въ видѣ „низменной буколической жизни" [4]) такъ непрочно и зависитъ „отъ самаго маловажнаго случая" [5]), гдѣ люди, подобно Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу, навсегда портятъ свою жизнь „за вздоръ", за пустяки, гдѣ низменные

[1]) V, 116—117.
[2]) V, 118.
[3]) V, 244.
[4]) Старосвѣтскіе помѣщики, II, 6.
[5]) Ibid. II, 18.

инстинкты, невѣжество, пошлость властвуютъ повсюду и подавляютъ все, какъ это особенно ярко изображено въ *Мертвыхъ душахъ* и въ комедіяхъ. „Кто же онъ?“ съ горькой ироніей задаётся вопросомъ Гоголь по поводу Чичикова [1]): „Стало быть, подлецъ? Почему жъ подлецъ? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели“. Приведенныя слова можно полностью примѣнить также къ героямъ *Ревизора* или *Игроковъ*.

Воспитаніе, среда, конечно, затрагивались писателями до Гоголя. Такъ, еще Фонвизинъ представилъ намъ яркій типъ недоросля, какъ продуктъ нелѣпаго, „злонравнаго“ воспитанія, а у Грибоѣдова за Фамусовыми въ бо́льшемъ или меньшемъ отдаленіи виднѣется вся старая Москва. Но для Фонвизина, какъ вообще для писателей XVIII в., условія, среди которыхъ живутъ и дѣйствуютъ выведенные ими герои, служатъ болѣе поводомъ къ общимъ разсужденіямъ въ духѣ господствующей морали и караются обличеніемъ, постоянно сбивающимся на сухое разсудочное резонерство, что отчасти сказывается также въ *Горѣ отъ ума* [2]). Затѣмъ, безпощадно развѣнчавъ старую Москву въ ея представителяхъ, Грибоѣдовъ, однако, не рѣшается еще видѣть жертвы, заслуживающія не одного лишь негодованія или презрѣнія, но и сожалѣнія. Его укоръ Софьѣ, брошенный въ послѣднемъ дѣйствіи устами Чацкаго, не въ мѣру жестокъ и несправедливъ, такъ какъ въ увлеченіи Софьи Молчалинымъ было не мало искренняго чувства, вовсе не похожаго на желаніе завести пошлую интрижку, и не вина Софьи, если она ошиблась въ своемъ избранникѣ. *Горе отъ ума*—это вспышка возмущеннаго человѣка; смѣхъ Гоголя—тоже протестъ противъ лжи, пошлости, протестъ, далекій отъ того,

[1]) V, 243—4.

[2]) Ср. что упомянуто выше о Чацкомъ.

чтобы мирволить пороку, но и полный сердечнаго участія къ жертвамъ этого порока, отчего еще рѣзче бросается въ глаза ужасное положеніе, когда нѣтъ злодѣевъ, подлецовъ, а жизнь такъ полна и злодѣйствъ, и подлости, и лжи!

Если же при всемъ томъ Гоголь не былъ такъ прямолинеенъ и безпощаденъ, какъ, напримѣръ, многіе писатели шестидесятыхъ годовъ, и даже самъ умалялъ общественное значеніе своего *Ревизора,* то поступалъ такъ въ силу общаго склада своего міровоззрѣнія и особенно потому, что какъ ни больно ему было за порядки, при которыхъ человѣку съ „неглубокими человѣческими чувствами“ легко и образъ человѣческій потерять, но выше всего онъ ставилъ самое углубленіе человѣческаго духа, когда никакіе порядки ему не страшны. Вотъ почему и городъ въ *Ревизорѣ*, этотъ типичный провинціальный захолустный городъ, какими полна была въ то время Русь, обращается у Гоголя въ „нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ“, а ревизоръ — это „наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя... Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ“ [1]). Углубляется, слѣдовательно, и смыслъ борьбы: борьба съ временными, преходящими недостатками, которые Гоголь обнажилъ съ такою силой и правдивостью, что вызвалъ цѣлую бурю негодованія, становится также однимъ изъ проявленій вѣчно повторяющейся борьбы добра и зла въ самой природѣ человѣка; а высокое символическое значеніе, которое Гоголь придалъ лучшей изъ своихъ комедій, опять сближаетъ эти послѣднія съ поэмой *Мертвыя души* и заставляетъ лишь жалѣть, что мы имѣемъ только отдѣльныя части одного общаго, величественнаго, но недоконченнаго зданія...

А. Лобода.

---

[1]) IV, 66—67.

Гоголь объ искусствѣ.

Сужденія Гоголя объ искусствѣ снискали себѣ въ критикѣ не совсѣмъ лестную репутацію. Бѣлинскій называлъ ученыя статьи въ „Арабескахъ“ просто „дѣтскими мечтаніями“ [1]). Стасовъ говорилъ, что „Гоголь вообще мало разумѣлъ въ искусствѣ, не взирая на всю свою геніальность, и въ 40-хъ годахъ понималъ Иванова едва ли еще не менѣе того, чѣмъ въ 30-хъ годахъ—Брюлова“ [2]). Причина этого за-

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, ч. 1, стр. 234, примѣч.

[2]) В. В. Стасовъ, „О значеніи Иванова въ русскомъ искусствѣ“ (Собраніе сочиненій, т. II, стр. 98).

ключается прежде всего въ томъ, что въ статьѣ о Брюлловѣ Гоголь не сумѣлъ освободиться отъ взглядовъ своего времени и, какъ человѣкъ прогресса, пойти по пути новыхъ идей, такъ что, когда удалось наконецъ повалить Брюллова, этого бога, колосса своего времени, дитя привитаго намъ академическаго итальянскаго искусства, то во мнѣніи критики, разумѣется, унизился и Гоголь. Вторая причина заключается въ томъ, что Гоголь совершенно не могъ спокойно и хладнокровно говорить объ искусствѣ: отличительное свойство его—восторженное преклоненіе передъ произведеніями искусства. Отсутствіе спокойной критической мысли и, въ замѣнъ того, страстная восторженность Гоголя позволили біографу его, В. Шенроку, сдѣлать ему упрекъ въ томъ, что эстетическія сужденія Гоголя неустойчивы и нерѣдко зависятъ отъ минутнаго настроенія или случайной вспышки восторга. „Гоголь—замѣчаетъ г. Шенрокъ—чувствовалъ потребность въ передачѣ не столько какихъ-нибудь оригинальныхъ, выработанныхъ имъ взглядовъ, сколько собственнаго настроенія, собственныхъ пылкихъ восторговъ, которые и стремился излить на бумагу при помощи сильно приподнятаго стиля“ [1]).

Эти восторги волновали, воспламеняли, воодушевляли Гоголя; въ нихъ отразилась душа романтика, таящая въ себѣ неизсякаемый родникъ пламени. Было-бы несогласно съ истиной полное осужденіе Гоголя. Статьи въ „Арабескахъ“ имѣютъ самостоятельное значеніе и до сихъ поръ еще не утратили своего интереса. Правда, въ своихъ взглядахъ на новѣйшее искусство Гоголь былъ сыномъ той эпохи, когда живопись проникласъ эклектизмомъ и стала метаться, примыкая къ самымъ различнымъ школамъ. Но, когда Гоголю удавалось освободиться отъ непосредственнаго вліянія времени, онъ высказывалъ такія мысли и наблюденія, въ которыхъ впервые отразился новый духъ и которыя можно назвать ультра-современными.

[1]) Н. В. Гоголь и пенсіонеры С.-Петербургской Академіи художествъ въ Римѣ („Артистъ“, 1894, ноябрь, стр. 63).

I.

Въ 1831 году Гоголь написалъ свои первыя статьи объ искусствѣ, напечатанныя въ „Арабескахъ“ подъ заглавіемъ: „Скульптура, живопись и музыка“ и „Объ архитектурѣ нынѣшняго времени“. Въ критикѣ о повѣстяхъ Гоголя уже указывалось на связь его съ нѣкоторыми западно-европейскими писателями. Нельзя не замѣтить также аналогіи первой изъ названныхъ статей въ „Арабескахъ“ съ тѣми разсужденіями о скульптурѣ, живописи и музыкѣ, которая мы находимъ у Тика [1]), Фридриха Шлегеля [2]) и Гегеля (Эстетика). Но Шлегель, а за нимъ и Гегель говорятъ о символикѣ искусства. По Шлегелю, какъ человѣческое существо составляютъ тѣло, душа и умъ, такъ и искусство состоитъ изъ скульптуры, музыки и живописи. У Гегеля скульптура выражаетъ форму жизни, а живопись показываетъ душу. Гоголь-же разсматриваетъ искусства съ культурно-исторической точки зрѣнія. Базисомъ его служитъ тотъ взглядъ, что искусство есть зеркало культурной жизни человѣчества. Сопоставляя скульптуру и живопись, какъ два искусства двухъ различныхъ міровъ, онъ опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ духъ языческій и духъ христіанскій, и отмѣчаетъ основныя черты, которыя ихъ отдѣляютъ.

Въ эпоху первобытныхъ цивилизацій преобладающее мѣсто въ заботахъ человѣчества занимаютъ вопросы чисто матеріальные,—забота о пищѣ, пристанищѣ и защитѣ. Сначала человѣкъ

[1]) „Deutsche Nationalliteratur“, herausgegeben von Jozeph Kürschner. Bd. 145: Tieck und Wackenroder, herausg. von J. Minor, „Phantasieen über die Kunst für Freunde der Kunst“.

[2]) Фридрихъ Шлегель изложилъ свои эстетическія идеи въ главномъ сочиненіи послѣдняго періода своей дѣятельности, въ лекціяхъ о „философіи жизни“ (Vorlesungen über die „Philosophie des Lebens). См. Zimmermann, Geschichte der Aesthetik als philophischer Wissenscanft. Wien 1858. S. 596 fgde.

главнымъ образомъ нуждается въ томъ, чтобы быть сильнымъ физически; вотъ почему какъ литература, такъ и искусство древняго міра преимущественно направлены на прославленіе силы [1]). Но, по мѣрѣ того, какъ разрѣшаются эти матеріальные вопросы, человѣкъ болѣе свободно посвящаетъ себя развитію ума, культу наукъ и искусствъ. Онъ начинаетъ сознавать, что все то, что касается души, заключаетъ въ себѣ болѣе величія, чѣмъ то, что касается только тѣла, и что истинное превосходство вовсе не связано съ силою мускуловъ. Правда, эта идея очень рано родилась во всѣхъ цивилизаціяхъ (она расцвѣла уже въ доктринахъ Сократа и Платона), но вполнѣ она овладѣла міромъ и дѣйствительно преобразовала соціальный строй только тогда, когда появилось христіанство. Можно, слѣдовательно, въ принципѣ опредѣлить двѣ цивилизаціи, языческую и христіанскую, говоря, что одна интересуется преимущественно міромъ физическимъ, а другая міромъ умственнымъ; въ одной господствуетъ форма, а въ другой—мысль. Искусства краснорѣчиво выражаютъ эту истину.

Повидимому, такъ думалъ Гоголь, когда поднималъ свой первый кубокъ за здравіе античной скульптуры. „Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю. Она мгновенное явленіе. Она оставшійся слѣдъ того народа, который весь заключился въ ней, со всѣмъ своимъ духомъ и жизнію; она ясный призракъ того свѣтлаго, Греческаго міра, который ушелъ отъ насъ въ глубокое удаленіе вѣковъ, скрылся уже туманомъ и до котораго достигаетъ одна только мысль поэта. Міръ, увитый виноградными гроздіями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычествомъ; міръ, несущійся въ стройной пляскѣ, при звукѣ тимпановъ, въ порывѣ вакхическихъ движеній, гдѣ чувство красоты проникло всюду—въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви платана, подъ мраморъ колонъ, на площадь, кипящую живымъ своенравнымъ народомъ, въ рельефъ, украшающій чашу

[1]) Иліада Гомера есть наиболѣе полное выраженіе этого состоянія человѣческаго общества.

пиршества, изображающій всю вьющуюся вереницу граціозной миѳологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ стыдливо выходитъ богиня красоты, тритоны несутся, ударяя въ ладони, Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной стихіи серебряный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религія заключалась въ красотѣ, въ красотѣ человѣческой, въ богоподобной красотѣ женщины;—этотъ міръ весь остался въ ней, въ этой нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло такъ живо выразить его свѣтлое существованіе. Бѣлая, млечная, дышущая въ прозрачномъ мраморѣ красотой, нѣгой и сладострастіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человѣка. Въ какомъ бы ни было пылу страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней человѣкъ является прекраснымъ, гордымъ, и вольно становится атлетическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красоту и чувственность: съ ея страдающими группами не сливаешь страдающій вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самымъ ихъ страданіемъ,—такъ чувство красоты пластической, спокойной пересиливаетъ въ ней стремленіе духа!“

Облагороженная красотою чувственность, какъ понималъ ее языческій міръ, должна была исчезнуть съ появленіемъ христіанскаго ученія. Подъ вліяніемъ христіанства идея прекраснаго одухотворяется, обожаніе физической красоты уступаетъ культу нравственной красоты, чистоты, святости: культъ Венеры смѣняется культомъ Св. Дѣвы. Это опредѣлило назначеніе живописи. „Великій Зиждитель міра повергъ насъ въ нѣмѣющее безмолвіе, своею глубокою мудростью... Древнему, ясному, чувственному міру послалъ онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту—и весь древній міръ обратился въ фиміамъ красоты... Вѣкамъ неспокойнымъ и темнымъ, гдѣ часто сила и неправда торжествовали, гдѣ демонъ суевѣрія и нетерпимости изгонялъ все радушное въ жизни, далъ онъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ... Да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень

въ богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей—ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно-земныя черты, вглядываясь въ которыя, слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое"...

Архитектура — тоже лѣтопись міра; по словамъ Гоголя, „она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и пѣсни, и преданія, и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ".

Свои воззрѣнія на архитектуру Гоголь выразилъ во второй статьѣ въ „Арабескахъ": „Объ архитектурѣ нынѣшняго времени". Здѣсь, какъ и въ предыдущей статьѣ, обращеніе въ глубину прошлыхъ вѣковъ свидѣтельствуетъ объ увлеченіи романтизмомъ. Возвращеніе къ старинѣ было протестомъ противъ безцвѣтной, сѣрой дѣйствительности. „Старинный германскій городокъ, говоритъ Гоголь, съ узенькими улицами, съ пестрыми домиками и высокими колокольнями имѣетъ видъ несравненно болѣе говорящій нашему воображенію, чѣмъ современная архитектура. Даже видъ какого-нибудь восточнаго города, съ высокими, тонкими минаретами, съ восточными пестрыми куполами, потонувшими въ садахъ, имѣлъ болѣе характера, болѣе дышитъ поэзіей и воображеніемъ, нежели наши европейскіе города позднѣйшей архитектуры". Романтическое теченіе открыло обширное поле для науки и искусства. Еще теперь въ долинахъ Рейна оживаетъ это царство романтизма. Сколько грозныхъ замковъ разбросано здѣсь на сѣрыхъ утесахъ! Многіе изъ нихъ полуразрушены, другіе грозно торчатъ на одинокихъ горныхъ шпицахъ словно разбойничьи притоны. Все это остатки далекой средневѣковой жизни. Рейнъ и романтизмъ неразлучны. Поэтому Гоголя болѣе всего привлекаетъ готическая архитектура: Кельнскій и Страсбургскій соборы.

Готика есть вѣрное отраженіе средневѣковья. Изъ всѣхъ причинъ, благопріятствующихъ развитію готики, самая важная,

это—положеніе городовъ, гдѣ развивается муниципальная жизнь. Въ этихъ-то городахъ, дѣятельныхъ и могущественныхъ, начинаютъ воздвигаться огромные готическіе соборы. Они не служили только для отправленія церковныхъ службъ,—во многихъ городахъ въ нихъ часто собирались горожане, члены общины, для обсужденія своихъ дѣлъ. Этимъ объясняется энтузіазмъ, съ которымъ населеніе принимало участіе въ постройкѣ соборовъ, жертвуя свои деньги и трудъ: общественное самолюбіе побуждало ихъ къ этому столько-же, какъ и религіозность. Многіе современники описали зрѣлище, которое представляла собою цѣлая толпа, приносящая съ радостнымъ пѣніемъ на мѣсто постройки всевозможные матеріалы и съѣстные припасы. Всѣ эти красивые храмы воздвигались въ началѣ съ невѣроятной быстротою; со всѣхъ сторонъ они выростали, точно изъ земли, и возвышались затѣмъ надъ цѣлымъ городомъ. Но впослѣдствіи многіе изъ нихъ оканчивались съ большою медлительностью или оставались совсѣмъ неоконченными: иногда увлеченіе, съ которымъ начинали постройку, остывало, горожане принимались за постройку ратуши и не интересовались уже по прежнему соборомъ. „Они прошли—тѣ вѣка, восклицаетъ Гоголь, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра, устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣйно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія окна, столпы, своды тянулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шпицъ, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла“.

Существенная особенность готической христіанской архитектуры состоитъ въ ея стремленіи вверхъ: въ готическомъ соборѣ всѣ члены стремятся къ небу. „Я предпочитаю, говоритъ Гоголь, потому еще готическую архитектуру, что она болѣе дастъ раз-

гула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе стремится въ высоту, нежели въ ширину; и потому готическую архитектуру нужно употреблять только въ церквахъ и строеніяхъ, высоко возносящихся. Линіи и безкарнизные готическіе пилястры, узко одна отъ другой, должны летѣть черезъ все строеніе. Горе если они отстоятъ далеко другъ отъ друга, если строеніе не перевысило по крайней мѣрѣ вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его такимъ, какимъ оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стѣны, чтобы гуще, какъ стрѣлы, какъ тополи, какъ сосны, окружали ихъ безчисленные угольные столбы! Никакого перерѣза, или перелома, или карниза, давшаго бы другое направленіе или уменьшившаго бы размѣръ строенія! Чтобы они были ровны отъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму, колоссальнѣе ихъ высоту! Воздушнѣе, легче шпицъ! Чтобы все, чѣмъ болѣе подымалось кверху, тѣмъ болѣе бы летѣло и сквозило. И помните самое главное: никакого сравненія высоты съ шириною. Слово ширина должно исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея—высота".

Вступая въ священный мракъ готическаго храма, естественно, по словамъ Гоголя, „ощутить въ душѣ невольный ужасъ присутствія святыни, которой не смѣетъ и коснуться дерзновенный умъ человѣка". Въ огромныя окна вставлены разноцвѣтныя стекла съ изображеніемъ святыхъ, сценъ изъ священной исторіи, религіозныхъ легендъ, гербовъ и узоровъ. Сквозь нихъ свѣтъ пробирается въ храмъ какими-то фантастическими полосами, играетъ на золотѣ, на фигурахъ святыхъ и сгущаетъ еще болѣе тѣни тѣхъ углубленій и нишъ, куда онъ не достигаетъ, превращая громадный храмъ въ какое-то волшебное капище, въ которомъ похоронено столько вѣковъ, столько вѣрованій, человѣческихъ радостей и слезъ.

Послѣ готики Гоголя привлекаетъ къ себѣ особенно восточная архитектура. Байронъ первый познакомилъ Европу съ кра-

сками и благоуханіемъ Востока. Произведенія Шатобріана, Виктора Гюго, греческое возстаніе и главнымъ образомъ завоеваніе Алжира возбудили въ романтикахъ интересъ къ восточнымъ странамъ, и Востокъ сталъ для романтиковъ тѣмъ, чѣмъ для классиковъ былъ Римъ. Восточные дворцы полны фантастическаго сказочнаго волшебства арабской поэзіи; это истинныя мѣста рыцарской романтики арабовъ съ пѣсней и игрою на лютнѣ, съ роскошными танцами и страстнымъ любовнымъ наслажденіемъ. Въ своей архитектурѣ арабы далеко ушли отъ фанатическаго усердія къ вѣрѣ и непреодолимой жажды подвиговъ, которые позволили имъ завоевать половину міра. Ихъ дворцы, это—только чудныя мѣста для роскошнаго наслажденія жизнью, это земное осуществленіе мечты о раѣ, какъ онъ представляется магометанамъ.

„Восточная архитектура дворцовъ, говоритъ Гоголь, есть царство азіатской роскоши... Она именно создалась для жизни, отданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣтлыхъ жилищъ человѣка. Она рѣшительно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очаровательно, какъ восточная красавица съ черными, яркими какъ молнія глазами, въ пестромъ своемъ убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ“.

Ученыя статьи Гоголя въ „Арабескахъ“ написаны подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ эстетиковъ-романтиковъ, что съ очевидностью подтверждается при ближайшемъ сравненіи. Обратившись къ прошлому, романтики не могли пройти равнодушно мимо готической архитектуры. Классики относились къ готикѣ съ предубѣжденіемъ вслѣдъ за итальянцами, которые, въ XVI вѣкѣ, преклоняясь предъ античнымъ искусствомъ, видѣли въ памятникахъ среднихъ вѣковъ только варварскія произведенія. Гёте первый обратился къ средневѣковой архитектурѣ, увлеченный Страстбургскимъ соборомъ [1]). Однако нѣмецкой литературѣ о средне-

[1]) Goethe, „Von deutscher Baukunst“ (Werke, Weimar 1896, Bd. 37. S. 139).

вѣковомъ зодчествѣ предшествовала обширная англійская литература: Голь (Hall), Warton, Bentham, Grase, Milner, Whitington и особенно John Britton посвятили себя изслѣдованію средневѣковыхъ отечественныхъ древностей. На помощь имъ пришли романы Вальтеръ-Скотта и литографія. Въ Германіи явилось подобное же увлеченіе готикой. Уже Гёте и Георгъ Форстеръ, на котораго большое впечатлѣніе произвелъ въ 1790 году Кельнскій соборъ, видѣли въ готикѣ выраженіе извѣстной идеи, а именно: внутренность готическихъ церквей, покрытыхъ стрѣльчатыми сводами, казалась имъ идеализированнымъ лѣсомъ. Съ тѣхъ поръ въ нѣмецкой литературѣ стало господствовать убѣжденіе, что средневѣковые зодчіе, понимая, съ одной стороны, насколько архитектура вліяетъ на возбужденіе нравственныхъ чувствъ, а, съ другой стороны, насколько природа дѣйствуетъ на возвышенныя впечатлѣнія, дѣлали христіанскіе храмы подобными первобытнымъ дремучимъ лѣсамъ, въ которыхъ древніе германцы совершали свой культъ.

Гоголь также дѣлаетъ сравненіе готики съ лѣсомъ. „Въ готической архитектурѣ, говоритъ онъ, болѣе всего замѣтенъ отпечатокъ, хотя неясный, тѣсно сплетеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ топоръ не звучалъ отъ вѣка. Эти стремящіяся нескончаемыми линіями украшенія и сѣти сквозной рѣзьбы, не что другое, какъ темное воспоминаніе о стволѣ, вѣтвяхъ и листьяхъ древесныхъ“.

Это любимое сравненіе съ лѣсомъ кончилось лишь въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, когда появленіе нѣсколькихъ учебниковъ по нѣмецкой архитектурѣ, напр., лейпцигскаго ученаго Штиглица [1]), внесло болѣе обстоятельное историческое пониманіе готическихъ архитектурныхъ формъ. Уже Тикъ не соглашался съ этимъ взглядомъ на сущность готики и искалъ болѣе глубокой аллегоріи [2]).

[1]) Stieglitz, Von altdeutscher (gothischer) Baukunst. Mit einem Atlas in Fol. 1820.

[2]) Tieck u. Wackenroder, „Franz Sternbalds Wanderungen“ in der „Deutschen Natonalliteratur“, herausg. v. J. Kürschner. Bd. 145. S. 270.

Однако Гегелю внутренность собора среднихъ вѣковъ все еще напоминала „о мрачныхъ аркадахъ какого-то мрачнаго лѣса, деревья котораго переплетаются своими вѣтвями“ (Эстетика).

Романтики любили отмѣчать въ готикѣ ея возвышеніе надъ предѣлами вещественнаго міра и стремленіе къ Богу. То-же самое мы находимъ и у Гоголя.

Въ настоящее время достаточно уже установлено, что готика зародилась въ Иль-де-Франсѣ въ теченіе первой половины XII вѣка и что изъ центральной Франціи готическая архитектура распространилась въ другія провинціи и въ сосѣднія страны, куда она была занесена французскими мастерами. Однако романтики не обращали вниманія на то, дѣйствительно-ли нѣмцы были изобрѣтателями готики, или она, какъ тогда отчасти принимали, происходитъ съ Востока или имѣетъ родиной Францію. Гегель указываетъ на существенное различіе готической и арабской архитектуры; тоже находимъ и у Гоголя; Гегель указываетъ на восточное богатство и великолѣпіе арабской архитектуры, на украшенія, подобныя растеніямъ; Гоголь также говоритъ, что арабская архитектура вся состоитъ изъ цвѣтовъ: „Она убрана цвѣтами, она потоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, раскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашимира. Ихъ узорныя колонны увѣнчаны тюльпаномъ; ихъ рѣзьба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ четырьмя лепестками, или развивающихся розъ; ихъ галлереи похожи на вѣтви пальмъ, вершинами своими образующихъ своды. Все отозвалось необыкновенной роскошью цвѣтистаго ихъ вкуса“.

Наконецъ, разсужденія Гоголя о музыкѣ совершенно аналогичны съ тѣми, какія приведены у Тика въ его „Размышленіяхъ объ искусствѣ“.

Итакъ, въ своихъ ученыхъ статьяхъ въ „Арабескахъ“ Гоголь является достойнымъ наслѣдникомъ нѣмецкихъ романтиковъ; онъ заимствовалъ у нихъ ту прелесть пикантнаго мистицизма, то настроеніе „художественной набожности“, которымъ былъ напол-

ненъ Вакенродеръ, когда вмѣстѣ съ другомъ своимъ Тикомъ бродилъ по узкимъ улицамъ Нюренберга, упиваясь звономъ колоколовъ, запахомъ ладана и звуками органа католическаго собора [1]).

II.

Въ серединѣ 30-хъ годовъ кумиромъ Гоголя въ Петербургѣ становится К. Брюлловъ. Гоголь посвящаетъ критической оцѣнкѣ его картины „Послѣдній день Помпеи“ восторженную статью въ „Арабескахъ“. Прежде чѣмъ войти въ оцѣнку сужденій Гоголя, посмотримъ, въ какомъ положеніи вообще находилась тогда живопись.

Въ искусствѣ начала XIX вѣка господствовало академическое направленіе. Художники этого направленія старались достигнуть совершенства при помощи изученія антиковъ и подражанія отчасти итальянскимъ, отчасти псевдо-классическимъ французскимъ образцамъ. Единственная область, въ которой вращалась живопись, это—античная исторія и поэзія. Всѣ тѣ роды искусства, которые не были извѣстны древнимъ, изгоняются; напр., исключается изображеніе современной жизни, такъ какъ, по воззрѣніямъ классиковъ, оно граничитъ съ безобразіемъ. Неуклюжесть и странность современной одежды идетъ въ разрѣзъ съ древностью и въ этомъ ея недостатокъ. Античное подходитъ ко всѣмъ временамъ, современное мѣняется по модѣ. Выбирая не античные сюжеты, художники становятся простыми ремесленниками. Придать благородство современному такъ-же невозможно, какъ превратить осла въ лошадь. Человѣкъ съ нормальнымъ зрѣніемъ не можетъ найти живописнымъ уродливаго или грязнаго нищаго, одѣтаго въ тряпье. Такими разсужденіями возставали противъ изображеній изъ современной жизни. Спасеніе видѣли въ болонцахъ, Пуссэнѣ и Лебренѣ. Только они могутъ открыть глаза художникамъ. Не въ сценахъ изъ

[1]) См. Tieck u. Wackenroder, „Franz Sternbalds Wanderungen“ in der „Deutschen Nationalliteratur“, herausg. v. J. Kürschner. Bd. 145.

окружающей жизни надо искать красоту, а у величественныхъ французскихъ мастеровъ, а также въ книгахъ, трактующихъ о пропорціяхъ, въ гипсовыхъ слѣпкахъ.

Правда, въ Германіи выступаютъ назарейцы, является кружокъ весьма даровитыхъ художниковъ: Овербека, Корнеліуса, Шнорра и Фюриха, которые берутъ себѣ за образецъ не античное, но древне-итальянское искусство, а исходной для себя точкой—нѣмецкое чувство и христіанскую вѣру. Во Франціи и въ Германіи какъ въ поэзіи, такъ и въ искусствѣ созрѣваетъ романтизмъ. Но классики считаютъ романтическое движеніе повѣтріемъ и стараются оградить отъ него молодежь.

Художники, проводившіе все время въ копированіи античныхъ статуй, не наблюдали больше живого человѣка среди той обстановки, въ которой онъ постоянно живетъ, среди дѣятельной жизни. Они забывали луга, украшенные цвѣтами, пейзажи, освѣщенные солнцемъ; забывали улыбку природы, прелесть ея неистощимаго разнообразія. Въ своихъ поискахъ за идеаломъ, художники не принимали никакого участія въ жизни природы. Для нихъ ничего не существовало, кромѣ человѣка; было-бы еще хорошо, если бы живого, настоящаго человѣка! Но въ томъ-то и дѣло, что въ ихъ рукахъ человѣкъ пересталъ быть существомъ чувствующимъ, любящимъ, мыслящимъ; онъ сдѣлался не болѣе, какъ мертвой куклой.

Имена художниковъ, связанныя съ такимъ положеніемъ искусства въ Россіи—Акимовъ, Угрюмовъ, Егоровъ, Андрей Ивановъ. Въ свое время они считались довольно извѣстными мастерами; теперь же ихъ произведенія печально смотрятъ со стѣнъ музеевъ.

Въ это время появляется Брюлловъ. Его знаменитая картина „Послѣдній день Помпеи“ была написана въ 1832 году въ Римѣ по заказу Демидова. Сюжетъ ея былъ внушенъ художнику представленіями оперы Паччини „L'ultimo giorno di Pompei“, которая въ то время производила фуроръ на сценахъ итальянскихъ театровъ. Успѣхъ картины въ Италіи былъ огромный;

только въ Парижѣ „Помпея“ была встрѣчена враждебно. Изъ Парижа, въ концѣ лѣта 1834 года, картина прибыла наконецъ въ Петербургъ. Слава Брюллова дошла въ Россію еще задолго до прибытія „Помпеи“. Въ „Библіотекѣ для чтенія“ Брюллова называли новымъ Микель-Анджело, приводили итальянскія статьи и стихотворенія, сопровождавшія тріумфъ Брюллова въ Римѣ и Миланѣ. Все это настроило общее мнѣніе къ ожиданію чего-то самаго необыкновеннаго. Когда картина прибыла въ Петербургъ, энтузіазму публики не было границъ. Корифеи русской литературы на всѣ лады прославляли Брюллова. Пушкинъ искалъ сближенія съ нимъ и, какъ говорятъ, на колѣняхъ вымаливалъ у него нѣсколько штриховъ карандаша въ свой альбомъ. Гоголь пишетъ свою статью о Брюлловѣ.

Картина Брюллова произвела на Гоголя ошеломляющее впечатлѣніе. Онъ привѣтствуетъ ее восторженнымъ признаніемъ, что болѣе прекраснаго произведенія никогда не было въ искусствѣ и что Брюлловъ превзошелъ даже Микель-Анджело и Рафаэля. „Картина Брюллова, говоритъ Гоголь, одно изъ яркихъ явленій XIX вѣка. Это свѣтлое воскресенье живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полу-летаргическомъ состояніи... Картина Брюллова можетъ назваться полнымъ всемірнымъ созданіемъ. Все въ ней заключилось. По крайней мѣрѣ она захватила въ область свою столько разнороднаго, сколько до него никто не захватывалъ... Все у него такъ мощно, такъ смѣло, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только можетъ это возникнуть въ головѣ генія всеобщаго... Брюлловъ первый изъ живописцевъ, у котораго пластика достигла верховнаго совершенства... Когда я глядѣлъ въ третій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось, что *скульптура, которая была постигнута въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла наконецъ въ живопись* и сверхъ того проникнулась какою-то тайною музыкой... Но главный признакъ и что выше всего въ Брюлловѣ, такъ это необыкновенная многосторонность и

обширность генія.. Его произведенія — первыя, которыя могутъ понимать и художникъ, имѣющій высшее развитіе вкуса, и не знающій, что такое художество. Они первыя, которымъ сужденъ завидный удѣлъ пользоваться всемірною славою".

Теперь трудно понять тотъ энтузіазмъ, съ какимъ относились къ картинѣ Брюллова его современники и Гоголь, и странно было бы говорить о всемірномъ значеніи картины Брюллова или восхвалять Брюллова, какъ всеобщаго генія. Въ дѣйствительности, Брюлловъ былъ въ теченіе всей своей жизни преимущественно классикомъ, послѣдователемъ Винкельмана, Давида и Рафаэля Менгса. У него былъ измѣненъ лишь типъ классицизма: вмѣсто Антиноя и Лаокоона явились Ніоба и Ніобиды — прекрасный, высокій идеалъ, который показывалъ себя въ желтовато-бѣлыхъ и темно-красныхъ фигурахъ въ натуральную величину, поставленныхъ въ искусственныя театральныя позы.

Заблужденіе Винкельмана, учившаго подражать древнимъ, какъ очень вѣрно опредѣлилъ Гердеръ, заключалось не только въ томъ, что онъ навязалъ современникамъ подражаніе отжившему классическому идеалу; онъ, кромѣ того, привилъ живописи принципы, годные лишь для пластики. Идеалъ древняго искусства былъ преимущественно пластическій, а ни Винкельманъ, ни позже него Лессингъ не отдавали себѣ яснаго отчета въ различіе пластики и живописи, они предлагали поэтому живописцамъ пластическіе идеалы. Уже то, что Лессингъ въ Лаокоонѣ связалъ свои разсужденія съ произведеніемъ пластическаго искусства, доказываетъ, что законы и условія этихъ двухъ искусствъ казались ему одинаковыми. Винкельманъ и Лессингъ боролись противъ смѣшенія изобразительныхъ искусствъ съ поэзіей и, вмѣсто этого, проповѣдывали смѣшеніе живописи и пластики, что было еще болѣе опасно. Такимъ образомъ въ живопись вторгся совершенно чуждый ей элементъ—пластичность, которую Гоголь такъ хвалитъ въ картинѣ Брюллова [1]).

[1]) Противъ „пластической эпохи живописи" боролся Рёскинъ, ставшій во главѣ того движенія, которое называется „прерафаэли-

По словамъ Гоголя, Брюлловъ одинъ лишь сумѣлъ соединить съ благородно-прекраснымъ трагически-ужасное и придать картинѣ необыкновенное освѣщеніе. „Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ необыкновеннымъ и дерзкимъ образомъ: онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ потокомъ на свою картину“...

Въ картинѣ Брюллова, рядомъ съ вліяніемъ антиковъ, нужно отмѣтить воздѣйствіе французскаго романтизма. Подъ вліяніемъ романтиковъ Брюлловъ получаетъ особенное пристрастіе къ идеѣ гибели и уничтоженія. Это стремленіе выразить идею гибели и тревоги господствуетъ во всѣхъ произведеніяхъ, исполненныхъ или задуманныхъ Брюлловымъ. „Безъ молній, пожаровъ, рукопашныхъ свалокъ, рѣзни, грабежа, волненія и судорожной напряженности картина кажется ему мало интересной и слабой“ [1]).

Пестрый, блестящій хаосъ красокъ въ картинѣ Брюллова, который такъ понравился Гоголю и въ которомъ, по выраженію Рамазанова, „огонь Везувія и блескъ молніи были похищены съ неба“, также указываетъ на вліяніе французскаго ремантизма. Увлеченіе чисто живописнымъ элементомъ—краской, составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ характерныхъ особеностей французской романтической школы.

Такимъ образомъ, картина Брюллова была умиротворяющимъ компромиссомъ между классицизмомъ и романтизмомъ, и пророчество Гоголя на счетъ всемірнаго значенія „Помпеи“ не сбылось.

тизмомъ“. См. R. Muther, Gesch. d. Malerei im 19. Jahrhundert, München, 1893. S. 492.

[1]) В. В. Стасовъ, „О значеніи Брюллова въ русскомъ искусствѣ“ (Собраніе сочиненій. Т. II).

III.

Въ мартѣ 1837 года мы находимъ Гоголя на пути въ тотъ завѣтный край, который всю жизнь не переставалъ занимать его помыслы, то-есть въ Римъ.

Италія отмѣчена Богомъ, какъ единственная по истинѣ художественная страна. Благодаря блеску, которымъ озарила Италію эпоха Возрожденія, Римъ въ теченіи трехъ вѣковъ привлекалъ къ себѣ множество художниковъ и туристовъ всѣхъ національностей. Въ Римѣ постоянно жили живописцы, скульпторы, граверы, писатели, пріѣзжавшіе въ вѣчный городъ, подобно паломникамъ, которые хотятъ хоть разъ въ жизни увидѣть ту чудесную страну, въ которой не только цвѣтутъ померанцы, но и красуются величайшія созданія человѣческаго генія по части какъ древняго, такъ и новаго искусства. Имена многихъ знаменитыхъ художниковъ и писателей связаны съ посѣщеніемъ Италіи: Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ, Эльцгеймеръ, Тенирсъ, Брюгель, Поленбургъ, Веласкезъ, который написалъ въ Римѣ чудный портретъ папы Иннокентія X, Николай Пуссэнъ, Лоррэнъ, Жозефъ Вернэ, Анжелика Кауфманъ, а изъ писателей Гёте и Вальтеръ-Скоттъ—пріѣзжали въ Италію на болѣе или менѣе продолжительное время. Гёте совершилъ путешестіе въ Римъ, чтобы удовлетворить своему сердечному влеченію, повидимому, неугасаемому въ нѣмецкой груди. Нѣмцы всѣ тянулись въ Римъ: князья и обыкновенныя люди, вѣрующіе старой церкви и ея противники. Большая часть исторіи нѣмецкаго искусства XIX вѣка разыгралась въ Римѣ. Всѣ корифеи нѣмецкаго творчества стремились въ Римъ: Карстенсъ, Корнеліусъ, Овербекъ, пейзажисты, скульпторы, Фейербахъ, Бёклинъ, Клингеръ и мног. другіе [1]).

[1]) Otto Harnack, Deutsches Kunstleben in Rom im Zeitalter der Klassik. Weimar 1896.

Римъ продолжалъ считаться художественнымъ центромъ даже и тогда, когда его художники давно уже стояли ниже уровня, занимаемаго искусствомъ другихъ національностей. Въ XVII вѣкѣ во Франціи посѣщеніе Италіи было для каждаго молодого художника закономъ. Въ 1666 году Людовикъ XIV основываетъ въ Римѣ французскую академію. Съ тѣхъ поръ молодые люди, которыхъ считали достойными этой милости, содержались въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Римѣ на счетъ короля. Для нѣкоторыхъ было недостаточнымъ пробыть нѣсколько лѣтъ въ Италіи, и они оставались тамъ на всю жизнь, въ обществѣ антиковъ и произведеній великихъ мастеровъ XVI и XVII вѣковъ.

Гоголь относился къ Италіи съ большимъ энтузіазмомъ: климатъ, природа, дивные памятники искусствъ, грандіозная прелесть суровой, мрачной Кампаньи, съ развалинами древне-римскихъ гробницъ, съ таинственно разбросанными тамъ и сямъ римскими виллами, со своимъ меланхолическимъ смѣшеніемъ великолѣпія и запустѣнія, жизни и смерти, старости и юности, съ столѣтними гигантскими кипарисами, словно окаменѣвшими въ воздухѣ,—приводили его въ неописанный восторгъ. Послѣ Винкельмана и Гёте ни одинъ писатель не восхищался Римомъ съ бо́льшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ Гоголь.

„О Римъ, Римъ! о Италія!—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Данилевскому,—чья рука вырветъ меня отсюда!—Что за небо! что за дни! Лѣто—не лѣто, весна—не весна, но лучше и весны и лѣта, какія бываютъ въ другихъ углахъ міра. Что за воздухъ!—пью не напьюсь, гляжу—не нагляжусь. Въ душѣ небо и рай. У меня теперь въ Римѣ мало знакомыхъ или лучше почти никого. Но никогда я не былъ такъ веселъ, такъ доволенъ жизнью“ [1]).

„Что за земля Италія! писалъ онъ Плетневу: никоимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, если бы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи!

[1]) Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 468.

Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства—все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Божеству" [1]).

Гоголь всегда съ сожалѣніемъ покидалъ Италію, даже на короткое время [2]).

---

[1]) Письма Гоголя, т. I, стр. 461.

[2]) „Римъ, нашъ чудесный Римъ—писалъ онъ Данилевскому—рай, въ которомъ, я думаю, и ты живешь мысленно въ лучшія минуты твоихъ мыслей, этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня. Не могу да и только изъ него вырваться" (Письма Гоголя, I, стр. 516). „Мнѣ жалко было и на мѣсяцъ оставить Римъ, говорилъ онъ В. О. Балабиной, и когда при въѣздѣ въ сѣверную Италію, на мѣсто кипарисовъ и куполовидныхъ римскихъ сосенъ, увидѣлъ я тополи, мнѣ сдѣлалось какъ-то тяжело. Тополи стройные, высокіе, которыми я восхищался бы прежде непремѣнно, теперь показались мнѣ пошлыми. Чтобы быть безпристрастнѣе, я заранѣе старался себя приготовить, какимъ образомъ нужно смотрѣть Швейцарію и не сравнивать между собою этихъ двухъ странъ Я думалъ, что природа Италіи—странная, греческо-римская архитектура съ колоннами, плоскими куполами, плоскими архитравами. Природа Швейцаріи сумрачная, архитектура готическая съ углообразными сводами, летящими въ небо остроконечными шпицами, величавая вдыхающая безпредѣльныя мысли;—что природа Италіи дѣйствуетъ на чувство, а Швейцарія—на мысль и прочіе пустяки; я думалъ, стараясь себя увѣрить, что мнѣ такъ же будетъ пріятно взглянуть на Швейцарію послѣ Италіи, какъ послѣ Колизея взглянутъ на Кёльнскій катедраль, какъ послѣ прекрасно сготовленнаго обѣда прочесть стихи Пушкина.—Оттого ли, что я ѣхалъ чрезъ пустынную Савою, видѣлъ обнаженныя ребра скалъ, покрытыя тощими кустарниками и остроконечными соснами, похожими на наши сѣверныя, только мнѣ показалась Швейцарія въ это время Сибирью. Если бы я видѣлъ долины Шамуни или Юнгфрау, я увѣренъ, что мои впечатлѣнія были бы другія. Душа бы почувствовала сладкій трепетъ и священный ужасъ, глаза бы съ наслажденіемъ окунулись въ страшно-прекрасныхъ пропастяхъ, подлѣ которыхъ, какъ мелкая

Переписка Гоголя съ родными и друзьями рисуетъ то впечатлѣніе, которое производятъ на него развалины Рима и памятники искусствъ. Никто болѣе Гоголя не былъ способенъ почувствовать силу этого впечатлѣнія, отдаться ему полнѣе. Здѣсь все влекло его къ произведеніямъ искусства, къ которымъ не разъ уже и раньше уносилось его воображеніе [1]).

трава, ростутъ лѣса и царапаются по камнямъ сосны и брызжутъ водопады, и мысль бы моя, какъ царь, отлетѣла отъ снѣговыхъ бѣло-янтарно-розовыхъ вершинъ Альпъ въ темныя ущелья и зеленыя долины. Дикое и вмѣстѣ высокое наслажденіе!" (Письма, I, стр. 450 сл.).

[1]) „Вы, вѣрно, еще не знаете, что такое Римъ—пишетъ онъ сестрамъ въ 1838 году—и вы очень ошибаетесь, если подумаете, что онъ похожъ сколько-нибудь на Петербургъ. Это городъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Петербургъ самый новый изъ всѣхъ городовъ, а Римъ самый старый. Въ Петербургѣ все убрано, все чистенько, стѣны выбѣлены; а здѣсь все напротивъ: стѣны домовъ совсѣмъ темныя, похожія на Зимній или на нашъ Мраморный дворецъ, и иногда возлѣ новаго дому стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при Римскомъ императорѣ Августѣ,—вся почернѣвшая отъ времени. Иногда цѣлая площадь вся покрытая развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющомъ, и на нихъ ростутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны. Въ другомъ мѣстѣ тритоны, поднявши вверхъ раковину, бьютъ высоко вверхъ воду. Можетъ, вы не знаете, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько церквей, какъ въ Римѣ, и внутри онѣ такъ украшены, какъ не бываетъ ни въ одномъ дворцѣ. Колонны изъ мрамора, изъ порфира, изъ рѣдкаго голубого камня, котораго называютъ лаписомъ; слоновая кость, статуи, словомъ—все великолѣпно. А что еще больше украшаетъ ихъ, такъ это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитыхъ живописцевъ Рафаэля, Микель-Анджела, Корреджія, Тиціана и проч. и проч., которыхъ картины теперь стоятъ милліоны и которыхъ даже нельзя купить. Вообразите, что здѣсь всѣ эти картины. Кромѣ церквей, въ здѣшнихъ дворцахъ, которыхъ тутъ много и которые принадлежатъ лучшимъ римскимъ фамиліямъ, есть цѣлыя картинныя галлереи, наполненныя произведеніями лучшихъ мастеровъ; такъ что, хотя нѣсколько лѣтъ оставайся въ Римѣ, всегда

Общество русскихъ художниковъ, жившихъ въ то время въ Италіи, за немногими исключеніями, совсѣмъ не соотвѣтствовало вкусамъ Гоголя. Ему не нравилась ихъ шумная жизнь, ихъ праздность и по́лное равнодушіе къ своему дѣлу, то есть къ искусству [1]).

Поэтому Гоголь старался удаляться отъ художниковъ; у него составился свой особый кружокъ, очень немногочисленный, состоящій изъ Иванова, Моллера и Іордана [2]).

Гоголь познакомился съ Ивановымъ въ концѣ 1838 года. Великій писатель всей душой привязался къ мечтателю-художнику. Вскорѣ они стали неразлу́чными друзьями. Ихъ соединяла одинаковая любовь къ искусству и восхищеніе передъ красотами итальянской природы [3]).

Въ Римѣ, этой столицѣ академической ереси, гдѣ она въ видѣ псевдо-классицизма пустила глубокіе корни сначала въ лицѣ Ка-

---

останется что-нибудь смотрѣть. Ватиканъ (гдѣ живутъ папы) есть очень большой дворецъ, и въ немъ бездна комнатъ и галлерей, и всѣ эти галлереи наполнены статуями, тѣми статуями, которыя сдѣланы еще во времена древнихъ грековъ и римлянъ знаменитыми скульпторами, которыхъ имена вы, я думаю, читали въ исторіи. Словомъ все то, что вы читаете въ книгахъ, вы видите здѣсь передъ собою“ (Письма, I, стр. 489 сл.).

[1]) См. В. Шенрокъ: „Гоголь и пенсіонеры Академіи Художествъ въ Римѣ“ („Артистъ“, 1894, ноябрь, стр. 61 и дал.).

[2]) Нѣкоторыя подробности о вечерахъ въ квартирѣ Гоголя сохранились въ воспоминаніяхъ Іордана объ Ивановѣ, записанныхъ В. В. Стасовымъ со словъ Іордана и напечатанныхъ въ изданіи М. П. Боткина: „А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка“ (Спб. 1880, стр. 400)

[3]) Отношенія Гоголя и Иванова достаточно выяснены В. И. Шенрокомъ въ названной уже статьѣ: „Н. В. Гоголь и пенсіонеры С.-Петербургской Академіи Художествъ въ Римѣ“ (Артистъ, 1894, ноябрь и декабрь). Въ первые годы знакомства въ отношеніяхъ писателя и художника царили самая полная искренность и откровенность. Только начиная съ 46 года, отношенія эти измѣняются, а послѣ 48 года прежніе друзья разошлись кореннымъ образомъ еще болѣе. Всѣ тѣ мелочи и обстоятельства, которыя создали между ними рознь, прекрасно выяснены Е. С. Некрасовой: „Гоголь и Ивановъ, ихъ взаимнаго отношенія“ (Вѣстникъ Европы, 1883, XII, стр. 611).

повы, Торвальдсена и Батони, а потомъ Каммучини, и гдѣ ею были заражены всѣ художники,—и безхарактерный Ивановъ, и Гоголь, проникшійся эклектизмомъ, находились въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Ивановъ, робкій, вялый, нерѣшительный человѣкъ, съ слабой волей, которымъ всякій могъ управлять, подъ общимъ давленіемъ вѣрилъ въ то, что идеалы чистой красоты уже найдены античной скульптурой и живописью итальянскаго Возрожденія и что художнику оставалось только изучать ихъ, усвоивать ихъ по этимъ образцамъ, рабски копируя эти образцы, или слегка комбинируя ихъ на своихъ полотнахъ. Фантазія Иванова жаждала живой природы, а онъ долженъ былъ терпѣливо выслушивать совѣты своихъ патроновъ, которые чувствовали глубокое уваженіе къ Рафаэлю, Леонардо-да-Винчи, Тиціану и съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣли на все предшествовавшее развитіе искусствъ въ Европѣ.

Гоголь въ 1842 году писалъ Иванову изъ Москвы: „Вы упомянули въ письмѣ, что хлопочете о доставленіи вамъ работы—копіи съ Рафаэлева фреска. А по моему мнѣнію, вамъ нужна теперь не копія съ фреска, все-таки болѣе или менѣе поврежденнаго и выполненнаго быстро, но копія съ окончательнѣйшаго произведенія Рафаэля. Вы теперь въ вашей картинѣ приближаетесь къ окончательной отработкѣ, и потому вамъ нужно теперь пріобрѣсть высокую чистоту и полную окончательность кисти. Заказъ вамъ есть, если хотите только воспользоваться. Напишите копію съ мадоны di Foligno“ [1]).

Здѣсь Гоголь, какъ настоящій академикъ, совѣтуетъ художнику приняться за исправленіе своего стиля на основаніи классическихъ образчиковъ красоты. Онъ думалъ, что истинная задача художника—идти по стопамъ великихъ мастеровъ прошлаго, а на самомъ дѣлѣ онъ блуждалъ въ дебряхъ мертвой схоластики. И, странное дѣло! Русская литература давно уже проложила путь реализму. Еще 1823 году Грибоѣдовъ въ своей комедіи „Горе

[1]) Письма, II, стр. 172 и сл.

отъ ума" изобразилъ въ яркихъ образахъ русское общество. Въ 1832 году Пушкинъ окончилъ „Евгенія Онѣгина;" въ 1831 году самъ Гоголь выступилъ съ „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки", въ которыхъ далъ русской литературѣ толчекъ къ реалистическому изображенію людей. Въ 1836 году появился его „Ревизоръ" и были начаты „Мертвыя души", въ которыхъ онъ изображаетъ русскую жизнь во всей ея пестрой дѣйствительности. Но направленіе это вовсе не коснулось живописи. Для художниковъ существовалъ одинъ лишь путь—традиціонный путь итальянскихъ художниковъ XVI столѣтія. То, что въ литературѣ было уже смѣшно въ Озеровѣ, Сумароковѣ и Херасковѣ, то приводило въ умиленіе и всячески поощрялось въ русской живописи. По мнѣнію Гоголя, художникъ, отдаваясь искусству, долженъ отрѣшиться отъ окружающаго міра и обратиться исключительно къ благоговѣйному изученію антиковъ и великихъ мастеровъ Италіи. Постичь душой всю глубину Рафаэля должно быть высшей цѣлью этого изученія.

Дѣйствительно, Рафаэль, Леонардо-да-Винчи, Тиціанъ—были постоянно главными предметами изученія Иванова, такъ что не только еще въ 1836 году онъ высказалъ отцу, что постарается своимъ апостоламъ Іоанну и Андрею „дать типы, изобрѣтенные Леонардо-да-Винчи въ „Тайной Вечери", но и цѣлыхъ 20 лѣтъ спустя, въ послѣдніе дни своей жизни, писалъ, что въ своей картинѣ „желалъ показать, до какой степени русскій понимаетъ итальянскую школу" [1]).

[1]) Чернышевскому Ивановъ высказывалъ: „Съ технической стороны новое искусство будетъ вѣрно идеямъ красоты, которымъ служили Рафаэль и его современники-итальянцы. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-Рафаэлевской манерѣ, у насъ—о Византійскомъ стилѣ въ живописи. Такія отступленія назадъ и невозможны и не заслуживаютъ сочувствія. Формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля, мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какія имѣетъ наше время... Соединить Рафаэлевскую технику съ идеями новой цивилизаціи—вотъ задача искусства въ настоящее время".

Однако и Гоголю, и Иванову не суждено было навѣки погрязнуть въ холодной, мрачной трясинѣ мертваго псевдоклассицизма. Несмотря на свой эклектизмъ, Гоголь былъ по природѣ своей реалистомъ. Онъ проложилъ путь молодому поколѣнію, познавшему въ себѣ силу создать новое искусство, основанное на внимательномъ изученіи природы; онъ создалъ школу, которую принято называть „натуральной". Побѣда, одержанная русскою жанровою живописью, была рѣшена лишь послѣ 1848 года, когда на выставкѣ появился Ѳедотовъ со своими картинами. Эклектическія воззрѣнія Гоголя на искусство были послѣднимъ отголоскомъ отживавшей эпохи. Потому-то Гоголь и представляетъ удивительное сочетаніе противорѣчій. Онъ высказываетъ мысли, которыя вырываются у него какъ бы невзначай, подъ давленіемъ неожиданнаго и мимолетнаго впечатлѣнія, и въ которыхъ онъ до извѣстной степени противорѣчитъ своему же пониманію искусства. Вопреки всѣмъ академическимъ правиламъ, Гоголь вдругъ требуетъ отъ Иванова вещи, самой драгоцѣнной въ существованіи художника, — *животворящаго вдохновенія первой мысли*. Въ 1844 году Гоголь писалъ Иванову изъ Ниццы: „Насчетъ картины вашей скажу вамъ только то, какъ поступалъ я въ такомъ случаѣ, когда затягивалось у меня дѣло и нѣмѣла мысль передъ множествомъ вещей, которыя всѣ нужно было не пропустить. Накопленіе матеріаловъ и увеличиваніе требованій отъ себя возрастало у меня, наконецъ, до того, что я почти съ отчаяніемъ говорилъ: „Господи! да тутъ работы на нѣсколько лѣтъ!" Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе и изъ боязни, что работа можетъ быть совсѣмъ не кончится, рѣшался я во что бы ни стало, кончить какъ-нибудь, кончить дурно, но кончить, и, рѣшась твердо на это, собиралъ вдругъ всего себя, работалъ сильно, наконецъ, оканчивалъ не только лучше, чѣмъ предполагалъ, но даже иногда и очень недурно. Дѣло въ томъ, что пока не соберешь всего себя и не подтолкнешь себя самого—не знаешь даже, что именно въ тебѣ есть, потому что мы никогда не принимаемъ того въ соображеніе, что хотя мы и не работали ру-

ками, но мысли у насъ въ то время все-таки созрѣвали, наблюденіе и умъ совершенствовались, хотя и не на чемъ было ихъ испробовать. Повѣрьте, что до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ вами досада, а можетъ быть и совершенное отчаяніе, при мысли, что картина не будетъ кончена, до тѣхъ поръ она не будетъ кончена. Дни будутъ уходить за днями, и трудъ будетъ казаться безбрежнымъ. Человѣкъ такая скотина, что онъ тогда только примется серьезно за дѣло, когда узнаетъ, что завтра приходится умирать. Притомъ вотъ вамъ одна очень важная истина, которой вы не повѣрите, или лучше—не допуститъ васъ къ тому ваша гордость: пока не сдѣлаешь дурно, до тѣхъ поръ не сдѣлаешь хорошо. А вы не хотите и слышать о томъ, что вы можете сдѣлать дурно; вы хотите, чтобы у васъ до послѣдней мелочи было все хорошо. Вы будете поправлять себя двадцать разъ на всякой черточкѣ, никакъ не захотите, чтобы оно было и осталось такъ, какъ есть, если не дается лучше. Вы будете мучить себя и биться нѣсколько дней около одного мѣста, до того, что отъ частностей обезсилѣетъ у васъ даже мысль о цѣломъ, которое тогда только, когда живо носится безпрестанно предъ глазами и говоритъ о возможности скораго выполненія... тогда только двигается работа; ибо *двигаетъ душу порывъ и вдохновенье, а вдохновеньемъ много постигается того, чего не достигнешь никакими ученьями и трудами.* Вотъ та истина, которую я слышалъ всегда въ душѣ, откуда исходятъ у насъ всѣ истины, и которую подтверждали мнѣ на всякомъ шагу и чужіе и свои опыты. Но вы горды и съ этимъ не согласитесь, между прочимъ, потому, что не взглянули еще серьезно на жизнь. Вы легко приходите въ унынье и не хотите догадаться, что у васъ самихъ могутъ быть найдены средства противъ всего. Еще многое почитаете вы за выдумки, принимая въ буквальномъ смыслѣ; еще то, что есть самая жизнь, для васъ безгласно и мертво, еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просвѣтленнаго разумомъ свыше; еще не пріобрѣли того, что одно

могло бъ двигнуть работу и сообщить вамъ ту силу, до которой не достигнешь никакими трудами и знаніями. Словомъ, вы еще далеко не Христіанинъ, хотя и замыслили картину на прославленье Христа и Христіанства. Вы не почувствовали близкаго къ намъ участія Бога и всю высоту родственнаго союза, въ который Онъ вступилъ съ нами" [1]).

Въ 1845 году Гоголь снова пишетъ Иванову: „Пока съ вами, или лучше—въ васъ самихъ не произойдетъ того внутренняго событія, какое силитесь вы изобразить на вашей картинѣ, въ лицѣ подвигнутыхъ и обращенныхъ словомъ Іоанна Крестителя, повѣрьте, что до тѣхъ поръ не будетъ кончена ваша картина. *Работа ваша соединена съ вашимъ душевнымъ дѣломъ, а покуда въ душѣ вашей не будетъ кистью высшаго художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашею кистью на холстѣ* [2]). Когда же напишется она на душѣ вашей, тогда кисть ваша полетитъ быстрѣе самой мысли.—Вы не найдете словъ ни изумляться, ни восхвалять необъятную мудрость Разума, предпріявшаго совершить такое дѣло—явиться въ міръ въ видѣ бѣднѣйшаго человѣка, неимѣющаго угла, гдѣ приклонить гонимую главу свою, несмотря на все совершенство своей человѣческой природы—и это будетъ формальнымъ окончаніемъ вашего обращенія" [3]).

Итакъ, по мнѣнію Гоголя, художественное творчество слѣдуетъ разсматривать какъ дѣло сердца. Эта мысль, впервые высказанная Гете (Гете формулируетъ ее такъ: „Was der Künstler nicht geliebt hat, nicht liebt, soll er nicht schildern, kann er nicht schildern") [4]), была горячо развита романтиками; Тикъ старается объяснить, что такое истинный художникъ: въ противоположность ремесленнику, это—человѣкъ, доступный самымъ бла-

[1]) Письма, II, стр. 403 и сл.
[2]) Курсивъ мой.
[3]) Письма, III, стр. 8 и сл.
[4]) Theodor Volbehr, Goethe und die bildende Kunst. Leipzig 1895, S. 117. sq.

городнымъ волненіямъ; онъ даетъ зрителю не произведеніе своей руки, но откровеніе своего внутренняго созерцанія, такъ что произведеніе искусства есть самое непосредственное выраженіе настроенія [1]).

Эта мысль принята въ новѣйшей эстетикѣ. Ею, разумѣется, не исчерпывается вполнѣ сущность искусства, однако ее нужно признать одной изъ самыхъ удачныхъ въ новѣйшей эстетикѣ. Почти всѣ спорныя направленія—идеализмъ, натурализмъ, пленеризмъ, которыя не касаются внутренней сущности искусства, отходятъ на второй планъ, потому что какъ высочайшая красота, такъ и самое характерное безобразіе, какъ точное воспроизведеніе природы, такъ и смѣлое созданіе фантазіи одинаково сильно могутъ говорить человѣческой душѣ, если они созданы истиннымъ вдохновеніемъ. Искусство можетъ выразить все: и очаровательное волшебство пробуждающейся весны, и меланхолическую грусть осени, и возвышенное чувство сильнаго, красиваго и здороваго человѣка, и всю слабость старческаго возраста, все бѣдствіе бѣдности. При этомъ только не слѣдуетъ забывать одного: каждое произведеніе искусства должно исходить изъ чисто-художественнаго душевнаго волненія,—будетъ ли это впечатлѣніе природы, религіозная картина или свободная фантазія [2]).

---

[1]) Ludwig Tieck, „Franz Sternbalds Wanderungen“ (Werke, herausg. von J. Minor). См. C. Gurlitt, Die deutsche Kunst des 19. Jahrhunderts, Berlin 1899, S. 200 sq.

[2]) Графъ Л. Толстой такъ опредѣляетъ искусство въ своей брошюрѣ („Что такое искусство“?): „Какъ только зрители-слушатели заражаются тѣмъ-же чувствомъ, которое испытывалъ сочинитель, это и есть искусство. Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали то-же чувство,—въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ, сознательно, извѣстными внѣшними знаками, передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ“.

Въ 1846 году было написано извѣстное письмо Гоголя къ графу Віельгорскому, напечатанное въ „Перепискѣ съ друзьями“ подъ заглавіемъ „Историческій живописецъ Ивановъ“. Здѣсь Гоголь выступилъ могучимъ и энтузіастическимъ провозвѣстникомъ огромнаго значенія Иванова. Онъ обращается къ Віельгорскому съ просьбой познакомить насколько возможно русскую публику съ трудомъ Иванова и повліять на нее съ цѣлью доставить художнику необходимыя средства для окончанія картины. Въ началѣ письма Гоголь говоритъ о странной участи художника, уже пользующагося большой извѣстностью и не имѣющаго между тѣмъ средствъ къ жизни даже настолько, чтобы буквально не умереть съ голоду. Затѣмъ, коснувшись раздающихся отовсюду упрековъ въ медленности работы Иванова, онъ объясняетъ послѣднюю требовательностью къ себѣ художника, его крайне серьезнымъ взглядомъ на свое дѣло, медленностью его метода, требующаго огромнаго количества этюдовъ. Но главную причину медленности Гоголь видитъ въ настроеніи самого художника: „Съ производствомъ этой картины связалось собственное, душевное дѣло художника — явленіе слишкомъ рѣдкое въ мірѣ, явленіе, въ которомъ вовсе не участвуетъ произволъ человѣка, но воля Того, Кто выше человѣка“. Здѣсь Гоголь снова провозглашаетъ ту самую теорію, которую онъ уже изложилъ въ своихъ письмахъ къ Иванову: художникъ можетъ достойно изобразить только то, что связалось чудеснымъ образомъ съ его душей, что онъ въ состояніи наполнить глубокимъ, искреннимъ чувствомъ. „Есть люди, которые увѣрены, что великому художнику все доступно. Земля, море, человѣкъ и моленіе Богу, словомъ—все можетъ достаться ему легко: будь только онъ талантливый художникъ, да поучись въ академіи. *Художникъ можетъ изобразить только то, что онъ почувствовалъ* и о чемъ въ головѣ его составилась уже полная идея; *иначе картина будетъ мертвая, академическая картина*“. Вся матеріальная часть въ картинѣ Иванова, по мнѣнію Гоголя, представляетъ рядъ совершенствъ, такъ что

въ глазахъ всякаго другого художника картина могла бы считаться вполнѣ законченной. Ивановъ много изучалъ живую натуру для своей картины; онъ посѣщалъ купальни въ Римѣ и Перуджіи, ѣздилъ къ берегамъ рѣкъ, къ морю видѣть купающихся людей; онъ посѣщалъ синагоги и дѣлалъ цѣлыя путешествія, чтобы изучить истинные еврейскіе типы: „Лица получили у него свое типическое, согласное евангелію сходство, и съ тѣмъ вмѣстѣ сходство еврейское. Вдругъ слышишь по лицамъ, въ какой землѣ происходитъ дѣло", говоритъ Гоголь. Чтобы какъ можно точнѣе передать характеръ мѣстности, Ивановъ „просиживалъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ нездоровыхъ Понтійскихъ болотахъ и пустынныхъ мѣстахъ Италіи, перенесъ въ свои этюды всѣ дикія захолустья, находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камешекъ и древесный листикъ, словомъ—сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, все изобразилъ, чему только нашелъ образецъ".

Итакъ, картина Иванова была основана на точномъ слѣдованіи натурѣ, библейское событіе было воспроизведено съ полной археологической точностью; буква была жива, но былъ ли живъ духъ? „Какъ изобразить то, говоритъ Гоголь, чему еще не нашелъ художникъ образца? Гдѣ могъ найти онъ образецъ для того, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины? Представить въ лицахъ весь ходъ человѣческаго обращенія ко Христу? Откуда могъ онъ взять его? Изъ головы? Создать воображеніемъ? Постигнуть мыслію? Нѣтъ, пустяки! Холодна для этого мысль и ничтожно воображеніе. Ивановъ напрягалъ воображеніе елико могъ, старался на лицахъ всѣхъ людей, съ какими ни встрѣчался, ловить высокія движенія душевныя, оставался въ церквахъ слѣдить за молитвою человѣка—и видѣлъ, что все безсильно и недостаточно и не утверждаетъ въ его душѣ полной идеи о томъ, что нужно. И это было предметомъ сильныхъ страданій его душевныхъ и виною того, что картина такъ долго затянулась. Нѣтъ, пока въ самомъ художникѣ не про-

изошло истиннаго обращенія ко Христу, не изобразить ему того на полотнѣ".

Ивановъ представленъ въ статьѣ Гоголя мученикомъ своего идеала,—въ то же время Гоголь оставляетъ читателя въ невѣдѣніи относительно того, достигнута ли, по его мнѣнію, конечная цѣль Иванова „изобразить на лицахъ весь ходъ обращенія человѣка ко Христу", удалось ли художнику сочетать свой натурализмъ съ глубиной религіознаго чувства, произошло ли въ самомъ художникѣ истинное обращеніе ко Христу.

Защищая Иванова отъ упрековъ въ нежеланіи собственнымъ трудомъ добывать средства къ жизни и къ продолженію картины, Гоголь доказываетъ, что въ самомъ характерѣ дѣятельности всякаго художника, кто бы онъ ни былъ, коренятся условія, не позволяющія работать одновременно надъ нѣсколькими произведеніями, разбрасываться и дѣлить свое вниманіе между разнородными сюжетами. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ примѣръ изъ собственной жизни, разсказавъ, какъ болѣзненно-мучительна была для него работа по заказу и какъ она привела въ концѣ концовъ къ нулевымъ результатамъ. Обращаясь къ мотивамъ, вызвавшимъ это письмо объ Ивановѣ, Гоголь говоритъ, что къ написанію его привело сознаніе своей отвѣтственности за судьбу художника,—отвѣтственности, какъ человѣка къ нему близкаго, знакомаго съ обстоятельствами его жизни и вѣрно его оцѣнившаго. Письмо заканчивается убѣдительной просьбой къ Вѣльгорскому и черезъ него къ русскому обществу помочь художнику.

Въ настоящее время еще нѣтъ справедливой, безпристрастной оцѣнки Иванова. Въ статьяхъ гг. Стасова [1]), Бенуа [2]) и Фило-

[1]) О значеніи Иванова въ русскомъ искусствѣ (Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. II, стр. 58 и сл.).

[2]) А. Бенуа, Русская живопись въ XIX вѣкѣ. Ч. 1, С. II. 1901, стр. 96 и сл. (Прибавленіе къ русскому переводу R. Muther'a Geschichte der Malerei in 19. Jahrhundert, исполн. г-жей Венгеровой).

софова [3]), довольно противорѣчивыхъ, вопросъ о значеніи Иванова не достаточно изслѣдованъ, разработанъ и освѣщенъ. Не только г. Философовъ, но и г. Бенуа называютъ картину Иванова „академическимъ дѣтищемъ". „Ивановъ, говоритъ г. Бенуа, подобно Овербеку, *придумалъ* сюжетъ для своего Meisterstück'a и затѣмъ уже фатально долженъ былъ исполнять этотъ тяжелый трудъ безъ животворящаго вдохновенія, съ помощью нуднаго, мучительнаго выдумыванія".

Но это едва ли вѣрно. Правда, Ивановъ, какъ мы знаемъ, поклонялся традиціямъ cinquecento, но сдѣлаться эклектикомъ ему помѣшала его огромная самобытность, которая видна какъ въ его картинѣ, такъ и во всемъ, что онъ исполнилъ. Онъ былъ ученикомъ Рафаэля, но не рабскимъ подражателемъ: какъ форма, такъ и внутреннее настроеніе всегда остаются у него своеобразными.

Какъ картина Иванова, такъ и его этюды показываютъ насколько искренно любилъ онъ жизнь и природу. Его стремленіе къ дѣйствительности было такъ велико, что онъ намѣревался ѣхать въ Палестину, чтобы тамъ, на мѣстѣ, понять природу и изучить чистые еврейскіе типы. Такъ какъ ему для выполненія этого плана недоставало средствъ, то онъ, не обращая вниманія на болотную лихорадку, поселился въ самомъ необитаемомъ мѣстѣ Кампаньи, чтобы изучить пустыню. Ивановъ старался соединить изученіе внѣшней правды и всѣхъ подробностей времени и мѣста съ поэтической и психологической правдой, и это говоритъ о духовномъ родствѣ его съ англійскими прерафаэлитами (съ Гентомъ и Мадоксомъ Броуномъ), главною цѣлью которыхъ также было „сліяніе реализма съ глубиной мысли, правдивой передачи формъ съ философскимъ и поэтическимъ содержаніемъ". Ивановъ былъ предтечей прерафаэлитовъ, которые выступили только въ 48 году и которые, чтобы освободиться отъ вліянія cinquecento и вернуть искусство къ первоисточнику истины, къ изученію при-

[1]) Ивановъ и Васнецовъ въ оцѣнкѣ Александра Бенуа („Міръ искусства" 1901 г., № 10, стр. 217 и сл.).

роды, стали подражать quatrocent-истамъ. Романтики, назарейцы, *Ивановъ* и англійскіе прерафаэлиты—это главныя послѣдовательныя вѣхи въ развитіи европейской живописи первой половины XIX вѣка, это—художники, которые дали ей рѣшительные толчки. Какъ созидатель новаго, какъ искатель новыхъ путей, Ивановъ занимаетъ самостоятельную ступень между назарейцами и прерафаэлитами.

При оцѣнкѣ значенія Иванова въ исторіи русской живописи не слѣдуетъ забывать того, какой живой отпечатокъ получилъ Викторъ Васнецовъ отъ изученія Иванова: если бы не существовало Иванова, то не было бы и Васнецова. Могучія фигуры, исполненныя мощной энергіи, на картинахъ Васнецова ведутъ свое начало отъ фигуръ Иванова. Манера Васнецова придавать головамъ густые и длинные волосы, словно разметанные вѣтромъ, и расширенные глаза, указывающіе на то, что персонажъ занятъ не внѣшними впечатлѣніями, а внутренней (мыслительной) работой, — манера, возведенная имъ въ систему, заимствована у Иванова. Типъ женскихъ головъ Васнецова (у святой Ольги во Владимірскомъ соборѣ одинъ глазъ нѣсколько больше другого, что придаетъ лицу выраженіе истерическаго экстаза) также ведетъ свое начало отъ женскихъ головъ на этюдахъ Иванова съ грустно глядящими глазами Мадонны [1]).

По нашему мнѣнію, г. Философовъ идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что „искать въ картинѣ Иванова чего-нибудь *русскаго* было бы и смѣшно, и несправедливо“, и что Ивановъ не выразилъ русскихъ религіозно-національныхъ идеаловъ. „Живя постоянно заграницей, говоритъ онъ, ведя жизнь замкнутую, онъ и не могъ не потерять связей съ русскимъ „народнымъ духомъ“, связей, которыя въ тѣ времена успѣха Брюллова и Константина Тона не легко было поддерживать и въ Россіи. Увлеченіе итальянской школой, вліяніе католика Овербека, общеніе съ католизи-

[1]) См. Альбомъ этюдовъ, картинъ и рисунковъ къ опыту полной біографіи А. А. Иванова, составилъ А. П. Новицкій. М. 1895.

рующимъ Гоголемъ—все это очень смывало національныя черты творчества Иванова и накладывало западно-католическія тѣни на его работы".

Всякій, кто знакомъ съ твореніями Иванова, признаетъ это утвержденіе г. Философова неправильнымъ и ни на чемъ не основаннымъ. Ивановъ болѣе, чѣмъ кто-либо, по собственному влеченію сердцемъ воспринялъ церковныя традиціи и съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ геніальнымъ воплотителемъ русскихъ, національныхъ религіозныхъ идеаловъ. „Сочинить образъ „Воскресенія Христова"— писалъ онъ А. О. Смирновой—тысячи нужно свѣдѣній для меня: нужно знать, какъ онъ былъ понимаемъ нашей православной церковью въ то время, когда религія не была трупомъ; нужны совѣты нашихъ образованныхъ богослововъ и отцовъ церкви" [1]). Брата-же онъ просилъ, чтобы тотъ нашелъ въ Москвѣ старинные образа Воскресенія и начертилъ бы ихъ для него. „Ты мнѣ сдѣлаешь существенную услугу, добавлялъ Ивановъ, безъ которой я совсѣмъ не могу сочинить этого образа" [2]).

Что намѣренія Иванова не остались, какъ утверждаетъ г. Философовъ, лишь „благими пожеланіями", доказательствомъ можетъ служить рисунокъ головы Іоанна Крестителя въ Румянцевскомъ музеѣ, прямо указывающій на то, что Ивановъ былъ хорошо знакомъ съ иконами письма Андрея Рублева XIV вѣка (или Новгородскаго письма, „подъ Рублева") изъ собранія Н. М. Постникова въ Третьяковской галлереѣ [3]). Андрей Рублевъ, какъ извѣстно, стоялъ во главѣ возрожденія русской иконописи послѣ упадка ея вслѣдствіе монгольскаго погрома и слѣдовалъ Византійскому направленію. Голова Іоанна Крестителя, такъ сильно на-

[1]) Боткинъ, А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка, стр. 178.

[2]) Жизнь и переписка, стр. 181, 182, 184.

[3]) М. и В. И. Успенскіе. Замѣтки о древне-русскомъ иконописаніи. Извѣстные иконописцы и ихъ произведенія. Св. Алимпій и Андрей Рублевъ. Спб. 1901, стр. 68, рис. 25.—Московская Городская художественная галлерея П. и С. Третьяковыхъ. Ред. и пояснительный текстъ И. С. Астроухова. М. 1902. Вып. I, стр. 1, рис. 1.

поминающая Рублева, можетъ служить виньеткой къ искусству Иванова: въ ней выразился весь характеръ его творчества. Эта голова воспроизводитъ тотъ типъ, только болѣе старческій, который мы находимъ и въ самой картинѣ.

Удивительна глубокая по мысли экспрессія различныхъ головъ въ картинѣ Иванова. Христосъ задуманъ геніально: спокойный, съ полнымъ самосознаніемъ, это не красавецъ Юпитеръ, а „увлекающее, сверхъестественное видѣніе, которое какимъ-то особеннымъ призрачнымъ шагомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно просто, приближается къ народу". Христосъ на картинѣ Иванова, по-истинѣ, не идетъ, а „грядетъ" въ міръ.

Заслуга Гоголя та, что онъ болѣе и ранѣе всѣхъ поднялъ во всеобщемъ мнѣніи Иванова, основнымъ принципомъ котораго, какъ и самого Гоголя, была „истинная правда" [1]).

Г. Павлуцкій.

[1]) Однажды Ивановъ пригласилъ къ себѣ въ мастерскую брата своего Сергѣя, чтобы спросить его совѣта относительно типа раба и сдѣлать выборъ изъ двухъ этюдовъ. Одинъ былъ очень характерный, съ клеймомъ на лбу и съ кривымъ глазомъ (находится у М. П. Боткина), а другой похожій на тотъ, какимъ онъ помѣстилъ его въ картинѣ (находится у К. Т. Солдатенкова). Гоголь, съ которымъ художникъ также совѣтовался, стоялъ за первый, но Сергѣй Ивановъ пришелъ въ ужасъ отъ такой реальной головы и уговорилъ брата предпочесть второй этюдъ. См. А. Новицкій, Опытъ полной біографіи А. А. Иванова. М. 1895, стр. 125.

Религіозно-нравственное состояніе Н. В. Гоголя въ послѣдніе годы его жизни.

Послѣдніе годы жизни Гоголя характеризуются, какъ извѣстно, особенно высокимъ подъемомъ его религіознаго чувства. В. И. Шенрокъ, переходя въ четвертомъ томѣ своихъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ къ обзору его жизни за послѣднее десятилѣтіе, обращается къ „спеціалистамъ богословія“ съ предложеніемъ высказаться по касающимся ихъ спеціальности вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ жизнію великаго писателя за этотъ промежутокъ времени. Мы однако же думаемъ, что спеціалистамъ богословія тутъ нечего дѣлать. Дѣло въ томъ, что Гоголь, будучи великимъ художникомъ, былъ далеко не великимъ мыслителемъ. Слѣдя за проявленіемъ его религіозной мысли, выносишь то убѣжденіе, что большинство философско-богословскихъ вопросовъ, такъ глубоко волновавшихъ наше современное ему передовое общество, прошло мимо его; по крайней мѣрѣ на его теоретическомъ развитіи не видно работы серьезной философско-богословской мысли. Его религіозное міровоззрѣніе и по характеру затрогиваемыхъ вопросовъ и по пріемамъ

рѣшенія ихъ не выходитъ за предѣлы элементарнаго катихизиса. Выходя изъ того положенія, что „все ничто, кромѣ Бога“ [1]) и что „не нашимъ малымъ умомъ судить объ Умѣ великомъ“ [2]), онъ проповѣдуетъ безусловное преклоненіе предъ Промысломъ Божіимъ [3]), доводя свой взглядъ въ этомъ пунктѣ почти до полнаго подавленія въ человѣкѣ всякой активности. Почувствуетъ ли онъ упадокъ силъ и неспособность къ труду, сейчасъ же заявляетъ, что такъ хочетъ Богъ, не посылающій ему благословенія свыше [4]); пройдетъ это состояніе и онъ почувствуетъ способность къ дѣятельности, въ этомъ онъ готовъ видѣть чудесное изліяніе милости Божіей [5]); найдетъ на него религіозная апатія и неспособность молиться, онъ восклицаетъ: „какъ молиться, если Богъ не захочетъ“? [6]) Въ обществѣ распространяются дурные про него слухи, которые огорчаютъ друзей; Гоголь успокаиваетъ ихъ увѣреніемъ, что „если Богъ ихъ допустилъ, стало быть, они нужны“ [7]). Слухи проникаютъ въ деревню и опечаливаютъ мать Гоголя; въ отвѣтъ на письмо матери по этому поводу сынъ обращается къ ней съ укоризной: „если бы вы твердо пребывали въ Богѣ, васъ бы слухи не смутили“ [8]). Гоголь получаетъ извѣстіе, что переводъ Жуковскаго „Одиссеи“ приближается къ концу; это даетъ ему поводъ воскликнуть: „О, это Божья благодать и Божье чудо: если среди возмущеній, объемлющихъ всѣхъ и всѣхъ волнующихъ, посылаетъ Онъ кому-нибудь изъ насъ силы исполнять на землѣ долгъ свой, то это вѣрный знакъ Его небесной милости. Лучшаго счастья нельзя имѣть на землѣ“ [9]).

[1]) Письма Н. В. Гоголя. Изд. А. Ф. Маркса, т. II, 460.
[2]) Ibid., III, 117.
[3]) Ibid., 145—146.
[4]) Ibid., 38, 437.
[5]) Ibid., 223.
[6]) Ibid., IV, 153.
[7]) Ibid., II, 368.
[8]) Ibid., 459.
[9]) Ibid., IV, 255.

Усилившіяся въ послѣднія годы жизни физическія и нравственныя страданія даютъ Гоголю поводъ выдвинуть мысль, что страданія—это путь, которымъ Богъ ведетъ человѣка къ нравственному совершенствованію. Сообразно съ этимъ онъ утверждаетъ, что страданія ведутъ къ добру [1]), что въ „минуты унынія Богъ къ намъ ближе“ [2]). „На счетъ недуговъ нашихъ, писалъ онъ С. Т. Аксакову, скажу вамъ только то, что, видно, они нужны и намъ всѣмъ необходимы. А потому, какъ ни тяжело переносить ихъ, но, скрѣпя сердце, возблагодаримъ за нихъ впередъ Бога. Никогда такъ трудно не приходилось мнѣ, какъ теперь (мартъ 1846 г.); никогда такъ болѣзненно не было мое тѣло. Но Богъ милостивъ и даетъ мнѣ силу переносить, даетъ силу отгонять отъ души хандру, даетъ минуты, за которыя не знаю и не нахожу словъ, какъ благодарить. Итакъ, все нужно терпѣть, все переносить и всякую минуту повторять: „Да будетъ и да совершится Его святая воля надъ нами“ [3]). Итакъ, принимайте покорно все, что ни посылается намъ, помышляя только о томъ, что это посылается Тѣмъ, Который насъ создалъ и знаетъ лучше, что намъ нужно. Именемъ Бога говорю вамъ: все обратится въ добро. Не вслѣдствіе какой либо системы говорю вамъ, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добылъ я, добылъ изъ скорбныхъ и трудныхъ моихъ минутъ; и ни за какія сокровища не захотѣлъ бы я, что бы не было въ моей жизни скорбныхъ и трудныхъ состояній, отъ которыхъ ныла вся душа и недоумѣвалъ умъ (какъ) помочь. Ради самаго Христа, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ!“ [4]) Получивъ отъ Смирновой жалобу на одолѣвающую ее тоску, Гоголь пишетъ ей: „Не забывайте... благодарить Бога за тоску и грусть, которыя вамъ были даны. Вы еще не знаете имъ цѣны, но благодарите впередъ на вѣру,

[1]) Письма, II, 532.
[2]) Ibid., 487.
[3]) Ibid., III, 159.
[4]) Ibid., 164.

зная только то, что все, что ни дается намъ, дается во благо. Послѣ вы узнаете смыслъ всего и подивитесь необъятной безднѣ Божіей премудрости“ [1]). Безусловная вѣра въ премудрость и благость Божіи давала ему возможность переносить съ возможнымъ для человѣческихъ силъ благодушіемъ самыя мучительныя страданія. „Богу угодно, писалъ онъ Языкову въ февралѣ 1846 г., посылать мнѣ такіе недуги, какихъ прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда такъ приходится тяжело, что хоть, просто, повѣситься. Но вѣрю и даже слышу, что все это во благо, и благословляю Бога за все: и въ душѣ, и въ головѣ много отъ того выигрышу“ [2]). Нѣсколько позже, въ письмѣ къ Смирновой, Гоголь объясняетъ, что̀ именно выграетъ его голова отъ страданій. Жалуясь на плохое состояніе здоровья, онъ пишетъ: „Приходится подъ-часъ такъ трудно, что только молишься о ниспосланіи терпѣнія, великодушія, послушанія и кротости. Вѣрю и знаю, знаю твердо, что эта болѣзнь къ добру, вижу—и оно очевидно и явно—надо мною великую милость Божію. Голова и мысль вызрѣли, минуты выбираются такія, какихъ я далеко недостоинъ, и во все время, какъ ни болѣло тѣло, ни хандра, ни глупая необъяснимая скука не смѣла ко мнѣ приблизиться. Да будетъ же благословенъ Богъ, посылающій намъ все! И душѣ, и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться. Безъ этого не будутъ „Мертвыя Души“ (второй томъ) тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно“ [3]). Вообще, встрѣчаясь съ постоянными жалобами Гоголя на испытываемыя имъ тяжелыя, мучительныя страданія, недоумѣваешь, какимъ образомъ человѣкъ въ такомъ состояніи не только не впалъ въ отчаяніе, но могъ даже сохранить значительную долю оптимизма. Но для самаго Гоголя тутъ не было ничего недоумѣннаго: „Куда, говоритъ онъ, взошелъ уже Богъ, тамъ нѣтъ мѣста отчаянію“ [4]). Этою близостью къ себѣ Бога, проявлявшеюся въ

[1]) Письма, 107.
[2]) Ibid., 149.
[3]) Ibid., 152.
[4]) Ibid., II, 426.

постоянныхъ милостяхъ, онъ объяснялъ себѣ то, почему онъ, „среди глупѣйшихъ минутъ душевнаго состоянія“, могъ, выражаясь его языкомъ, вкушать „небесныя и сладкія минуты“ [1]). Невозможность избавиться отъ физическихъ и нравственныхъ страданій, съ одной стороны, и покоящійся на религіозной вѣрѣ оптимизмъ, съ другой, приводятъ Гоголя къ заключенію, что страданія составляютъ законъ духовной жизни человѣка. „Много людей близкихъ душѣ моей, пишетъ онъ Н. М. Языкову, чувствуютъ въ послѣднее время особенно грустное расположеніе: я самъ не вовсе свободенъ отъ него. У всякаго есть какіе-нибудь враги, съ которыми нужно бороться: у иныхъ они въ видѣ болѣзней и недуговъ физическихъ, у другихъ въ видѣ сильныхъ душевныхъ скорбей. Здоровые, не зная, куда дѣваться отъ тоски и скуки, ждутъ, какъ блага, болѣзней; болящимъ кажется, что нѣтъ выше блага, какъ физическое здоровье. Счастливѣй всѣхъ тотъ, кто постигнулъ, что это *строгій, необходимый законъ*, что если бы не было моря и волнъ, тогда бы и плыть было не возможно, и что тогда сильнѣй и упорнѣй слѣдуетъ грести обѣими веслами, когда сильнѣй и упорнѣй противящіяся волны. Все ведетъ къ тому, чтобы мы крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде, ухватясь за крестъ, плыли впоперегъ скорбей“ [2]). Но хотя скорби и страданія и составляютъ необходимый законъ, тѣмъ не менѣе скорбящимъ и страдающимъ существамъ отъ этого не становится легче: горе всегда останется горемъ, подъ какое бы теоретическое основаніе мы его ни подводили, и живой душѣ совершенно естественно стремиться къ освобожденію отъ него, особенно когда оно становится невыносимымъ. Гоголь это понимаетъ и поэтому спѣшитъ рекомендовать для облегченія страданій средство, имъ самымъ открытое. „Есть, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, средство въ минутахъ трудныхъ, когда страданія душевныя, или тѣлесныя бываютъ невыносимо мучительны; его добылъ я сильными

[1]) Письма, III, 24.
[2]) Ibid., II, 386—387.

душевными потрясеніями, но тебѣ его открою. Если найдетъ такое состояніе, бросайся въ плачъ и слезы, молись рыданіемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившійся за послѣднюю доску. Нѣтъ горя и болѣзни душевной или физической, которыхъ бы нельзя было выплакать слезами. Давидъ разливался въ сокрушеньяхъ, обливая одръ свой слезами—и получалъ тутъ же чудесное утѣшеніе. Пророки рыдали по цѣлымъ днямъ, алча услышать въ себѣ голосъ Бога; и только послѣ обильнаго источника слезъ облегчалась душа ихъ, прозрѣвали очи, и ухо слышало Божій голосъ. Не жалѣй слезъ, пусть потрясется ими весь составъ твой: такое потрясеніе благодѣтельно“ [1]).

Вопросъ о страданіи, о его причинѣ и средствахъ противъ него въ свое время интересовалъ не одного только Гоголя. Подъ вліяніемъ проповѣдей извѣстнаго протестантскаго богослова Вине онъ съ жаромъ обсуждался въ обществѣ близкихъ Гоголю людей и сдѣлался даже предметомъ особой переписки [2]). Особенно близкій къ Гоголю человѣкъ, А. С. Хомяковъ, находилъ, что вопросъ о страданіи „входитъ въ разрядъ тѣхъ неисчисленныхъ вопросовъ, которые возникаютъ изъ сопоставленія свободы человѣческой и Божьяго строительства (или необходимости) и которые надѣлали столько хлопотъ человѣческому уму, что Мильтонъ считаетъ ихъ наказаніемъ для чертей въ аду“ [3]). Понимая первородный грѣхъ въ смыслѣ уклоненія частной (человѣческой) воли отъ подчиненія проявившейся въ мірѣ воли Абсолютной (Божественной), Хомяковъ причину человѣческихъ страданій объяснялъ такъ: „Міръ есть твореніе, мысль Божія и, самъ по себѣ, онъ представляетъ полную и строгую гармонію красоты и блаженства. Духъ (т. е. человѣкъ), нарушающій законъ Божественной правды, становится,

---

[1]) Письма, II, 386 и 387.

[2]) Такова переписка И. С. Аксакова съ А. С. Хомяковымъ. См. Сочин. Хомякова, изд. 1900 г., т. VIII, стр. 356—365.

[3]) Ibid., 357.

по необходимости, въ состояніе вражды съ Божіею мыслію, съ гармоніею мірозданія, и слѣдовательно въ состояніе страданія, которое было бы невыносимо, если бы оно не умѣрялось постоянно благостью Божіею“ [1]). Придерживаясь этой точки зрѣнія и анализируя факты дѣйствительной жизни, Хомяковъ доказывалъ, что есть такія страданія, на которыя нельзя смотрѣть ни какъ на наказаніе за личные грѣхи человѣка, ни какъ на нравственно воспитательное средство. Таковы, напримѣръ, страданія тѣхъ дѣтей, которыя и рождаются и умираютъ въ мученіяхъ. Тутъ причины страданія нельзя искать въ преступности воли страдающаго; равно нельзя смотрѣть на нихъ какъ на нравственно-воспитательное средство, ибо здѣсь страдальцы умираютъ нерѣдко нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія, слѣдовательно воспользоваться своими страданіями они бываютъ не въ состояніи. Причину такихъ страданій Хомяковъ видѣлъ въ общей грѣховности человѣчества, объясняемой наслѣдственностью первороднаго грѣха. Каждый человѣкъ страдаетъ не за свои только грѣхи, но и какъ участникъ, какъ дольникъ общей грѣховности. Праведная воля Божія, проявившись во внѣ какъ міровой законъ, казнитъ всякаго, въ комъ замѣчается отступленіе отъ нормы этого закона, хотя бы это отступленіе не было личною виною отступающаго, и страданія частной личности могли бы быть гораздо ужаснѣе, если бы дѣйствіе закона правды Божіей не умѣрялись проявленіемъ милости Божіей. И нужно замѣтить, что эта точка зрѣнія есть единственная, выходя изъ которой дѣйствительный фактъ часто безпричинныхъ, повидимому, страданій можетъ быть примиренъ съ христіанскимъ понятіемъ о Богѣ, какъ источникѣ любви и милосердія.—Въ кружкѣ Московскихъ друзей Гоголя Хомяковъ занималъ центральное мѣсто, и мы видимъ, что члены этого кружка постоянно обращаются къ нему за разрѣшеніемъ именно богословскихъ вопросовъ. Гоголь, несмотря на свои интимныя отношенія

[1]) Соч. Хомякова, VIII, 358.

къ семьѣ Хомякова, съ которою онъ даже духовно породнился и въ которой онъ нѣкоторое время былъ постояннымъ гостемъ, несмотря на то, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ лицъ, которымъ Хомяковъ еще въ рукописи читалъ свой извѣстный катехизическій трактатъ, несмотря, говоримъ, на все это, Гоголь остался чуждъ указанному міровоззрѣнію Хомякова [1]). Гоголь рѣшительно отказывается отъ всѣхъ этихъ тонкостей христіанской метафизики. Онъ принимаетъ фактъ непосредственно, рѣшительно отказываясь отъ всякихъ высшихъ соображеній относительно причины его происхожденія. Все отъ Бога, значитъ и страданіе отъ Бога; а зачѣмъ Богъ посылаетъ намъ страданіе—это Его тайна. Мы же, не мудрствуя лукаво, должны безропотно подчиняться Его волѣ, извлекая пользу для души изъ всего, что Онъ намъ посылаетъ. „Много есть на всякомъ шагу тайнъ, которыхъ мы и не стараемся даже вопрошать", пишетъ онъ въ томъ же письмѣ поэту Языкову. „Спрашиваетъ ли кто-нибудь изъ насъ: что значатъ намъ случающіяся препятствія и несчастья? для чего они случаются? Терпѣливѣйшіе говорятъ обыкновенно: „Такъ Богу угодно". А для чего такъ Богу угодно? Чего хочетъ отъ насъ Богъ симъ несчастіемъ? Этихъ вопросовъ никто не задаетъ себѣ. Часто мы должны бы просить не объ отвращеніи отъ насъ несчастій, но о прозрѣніи, о проразумѣніи тайнаго ихъ смысла и о просвѣтлѣніи очей нашихъ. Почему знать? можетъ быть, эти горя и страданія, которыя ниспосылаются тебѣ, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести въ тебѣ тотъ душевный вопль, который никакъ не исторгнулся бы безъ этихъ страданій". Приспособляясь къ положенію Языкова, какъ лирическаго поэта, и доказывая, что лиризмъ въ поэзіи — это „глубокая истина

[1]) При общей характеристикѣ религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя въ послѣдніе годы его жизни точныя хронологическія даты серьезнаго значенія не имѣютъ, потому что направленію, которое съ особою силою стало проявляться въ началѣ 40-хъ годовъ, онъ остался вѣренъ до конца жизни.

души", „чистая молитва души", Гоголь продолжаетъ: „Голосъ изъ глубины страждующей души есть уже помощь великая другому страждущему. Нѣтъ, не мѣдной копейкой мы должны подавать милостыню; мѣдная копейка примется отъ того, кто на выработанье ея употребилъ всѣ данныя ему отъ Бога способности; а мы развѣ употребили наши способности? Гдѣ наши дѣла? Не часто ли въ минуты бѣдствій произноситъ человѣкъ: „Господи! за что это приходится мнѣ терпѣть столько? Кажется, я никому не сдѣлалъ зла на своемъ вѣку, никого не обидѣлъ". Но что скажетъ онъ, если въ душѣ раздадутся, въ отвѣтъ на это, такія слова: „А что сдѣлалъ ты добра? Или ты призванъ затѣмъ, чтобы не дѣлать только зла? Гдѣ твои прямо Христіанскія дѣла? Гдѣ свидѣтельства сильной любви твоей къ ближнему, перваго условія Христіанина? Гдѣ они?" Увы! можетъ быть, даже и тотъ, который находится при смерти, и тотъ не избавленъ отъ обязанностей Христіанскихъ; можетъ быть, и тогда не имѣетъ онъ права быть эгоистомъ и думать о себѣ, а долженъ помышлять о томъ, какъ и самыми страданіями своими быть полезну брату. Можетъ быть, оттого такъ и невыносимы его страданія, что онъ позабылъ о своемъ братѣ. Много еще тайнъ для насъ, и глубокъ смыслъ несчастій! Можетъ быть, эти трудныя минуты и томленія ниспосылаются тебѣ для того, чтобы довести тебя именно до того, о чемъ ты просишь въ молитвахъ; можетъ быть нѣтъ къ тому иной дороги, нѣтъ другого законнѣйшаго и мудрѣйшаго пути, какъ этотъ путь. Нѣтъ, не будемъ пропускать даромъ ничего, что́бы ни случилось съ нами, и будемъ ежеминутно молиться объ уясненіи очей нашихъ. Будемъ добиваться отвѣта изъ глубины душъ нашихъ и, что найдемъ тамъ въ утѣшеніе себѣ, да подѣлимся братски". Желая иллюстрировать эту свою мысль фактомъ, Гоголь ссылается на поэтическое творчество пророка Давида, какъ оно проявилось въ процессѣ написанія псалмовъ. „Состояніе души страждущей, пишетъ онъ, есть уже святыня, и все, что исходитъ оттуда, драгоцѣнно; и поэзія, изникшая изъ такого лона, выше

всѣхъ поэзій. Прежде, когда не испыталъ я глубокихъ потрясеній душевныхъ и когда силы души моей еще мало были разбужены, видѣлъ я въ Давидовыхъ псалмахъ одно восторженное состояніе духа въ минуту лирическаго настроенія, свободнаго отъ заботъ и безпокойствъ жизни; но теперь, когда больше прояснились глаза мои, слышу я въ каждомъ словѣ происхожденіе ихъ и вижу, что все это есть не что иное, какъ изліянья нѣжной, глубоко страдавшей души, потрясаемой и тревожимой ежеминутно и не находившей нигдѣ себѣ успокоенія и прибѣжища, ни въ комъ изъ людей. Все тутъ сердечный вопль и непритворное восторгновеніе къ Богу. Вотъ почему остались они, какъ лучшія молитвы, и до сихъ поръ, въ теченіе тысячелѣтій низводятъ утѣшеніе въ души“ [1]).

Послѣднія строки не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что теоретическая сторона религіозности Гоголя въ послѣдніе годы его жизни, какъ по характеру затрогиваемыхъ имъ темъ, такъ и по направленію въ ихъ рѣшеніи, всецѣло зависѣла отъ его тогдашняго душевнаго настроенія, по пословицѣ: „Что кому болитъ, тотъ о томъ кричитъ“. Гоголь такъ много говорилъ о страданіяхъ потому, что самъ много страдалъ и физически и нравственно. Не находя нигдѣ средствъ отъ этихъ страданій, онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на Промыслъ Божій, разсуждая такъ: все въ мірѣ дѣлается по волѣ Божіей; даже одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣческой безъ воли Отца Небеснаго; а Отецъ Небесный не только всемогущъ, но и всеблагъ; значитъ все, что ни дѣлается Имъ, дѣлается къ добру. Выходя изъ этой точки зрѣнія, онъ въ самыхъ жестокихъ и въ нравственномъ смыслѣ въ совершенно безпричинныхъ, казалось бы, страданіяхъ видитъ лишь одно проявленіе милости Божіей, направленное непремѣнно къ добру. Сообразно съ этимъ, онъ даже не смѣетъ думать объ ихъ устраненіи, предоставляя лишь себѣ право молиться объ ихъ смягченіи и о просвѣтлѣніи ума для уразумѣнія ихъ высшаго смысла.

[1]) Письма, II, 387—390.

Вотъ почему молитва, сопровождаемая вѣрой въ Промыслъ Божій и въ благодѣтельное дѣйствіе на душу страданій, была однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ предметовъ, приковывавшихъ къ себѣ религіозное сознаніе Гоголя въ послѣдніе годы жизни. Предметъ его молитвы почти не выходитъ за предѣлы тѣхъ интересовъ, которые въ это время приковывали къ себѣ его вниманіе. Онъ самъ молится и другихъ проситъ молиться о физическомъ здоровьи, объ избавленіи отъ душевныхъ скорбей, объ очищеніи сердца отъ „мерзостей“ душевныхъ, о ниспосланіи вдохновенія и объ усиленіи способности къ полезному труду и въ частности—къ литературному творчеству, объ успѣшной поѣздкѣ на Востокъ и проч. [1]). Гоголь, выражаясь его словами, твердо вѣрилъ, „что Богъ не оставитъ того, кто молится, какъ бы ни слабы и ни ничтожны были его молитвы“ [2]). Тѣмъ не менѣе онъ отличалъ молитвы болѣе сильныя, которыя возносятся *лучшими людьми,* умѣющими *лучше молиться,* отъ молитвъ болѣе слабыхъ. Чувствуя потребность въ укрѣпленіи и обновленіи силъ для созданія второго тома „Мертвыхъ Душъ“, онъ писалъ Смирновой: „Итакъ, молитесь обо мнѣ, другъ, молитесь *крѣпко,* просите молиться и всѣхъ тѣхъ, которые *лучше насъ* и *умѣютъ лучше молиться,* чтобы молились о томъ, дабы вся душа моя обратилась въ однѣ согласно настроенныя струны и бряцалъ бы въ нихъ самъ духъ Божій“ [3]). Матери онъ писалъ изъ Іерусалима: „Молился кое-какъ о себѣ; о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ *получше моего молиться*“. Кромѣ качественной стороны, обусловливаемой достоинствомъ молящагося лица, онъ отличаетъ въ молитвѣ еще чисто количественную сторону, обусловливаемую напряженіемъ силы молящагося и частымъ повтореніемъ молитвы. Въ другомъ письмѣ къ той-же Смирновой онъ пишетъ: „Молитесь же, другъ мой, крѣпко и крѣпко; какъ

[1]) Письма, 369, 387, 500; III, 28, 38, 78. 153, 255; IV, 89.
[2]) Ibid., IV, 25.
[3]) Ibid., III, 153.

только можете молиться, такъ молитесь о мнѣ“ [1]). Самъ онъ, когда находилъ нужнымъ, *удвоивалъ* свои ежедневныя молитвы [2]). Онъ даже придумалъ особое средство возбуждать молитвенное настроеніе, если оно само не приходило. „Если жъ вамъ не молится, даетъ онъ совѣтъ Смирновой, учите буквально наизустъ, какъ школьный ученикъ, тѣ псалмы, которые я вамъ оставилъ, и учите произносить ихъ съ силою, значеніемъ и выраженіемъ голоса, приличнымъ всякому слову“ [3]). Не послѣднее мѣсто въ представленіи Гоголя имѣло и то самое мѣсто, на которомъ совершалась молитва. Особое значеніе въ этомъ отношеніи онъ придавалъ своей родной Васильевкѣ. Прося предъ поѣздкой на Востокъ мать молиться о счастливомъ исходѣ этого путешествія, онъ пишетъ: „Во все время, когда я буду въ дорогѣ, вы не выѣзжайте никуда и оставайтесь въ Васильевкѣ. Мнѣ нужно именно, чтобы вы молились обо мнѣ въ Васильевкѣ, а не въ другомъ мѣстѣ“ [4]). Само собою разумѣется, что еще выше Васильевки въ этомъ отношеніи былъ въ глазахъ Гоголя Христіанскій Востокъ. Іерусалимъ, напримѣръ, казался ему мѣстомъ, гдѣ онъ чуть-ли не прямо, непосредственно можетъ вступить въ бесѣду съ самимъ Богомъ для разъясненія волновавшихъ его тогда вопросовъ. „Путешествіе мое, сознавался онъ Н. Н. Шереметевой, не есть простое поклоненіе: много, много мнѣ нужно будетъ тамъ обдумать у Гроба самого Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы“ [5]). Понятно поэтому, почему онъ такъ усердно проситъ всѣхъ молиться о достойномъ приготовленіи къ этому путешествію и о счастливомъ исходѣ его, и почему онъ находилъ просто „неприличнымъ“ для матери „разъѣзжать по гостямъ и предаваться какимъ-нибудь развлеченіямъ“ въ то время, когда

[1]) Письма, III, 38.
[2]) Ibid., IV, 90.
[3]) Ibid., III, 107.
[4]) Ibid., 255.
[5]) Ibid., 244.

сынъ ея „отправился на такое святое путешествіе“. Онъ не прочь былъ бы даже сестеръ своихъ засадить на эту высѣдку, но не вѣритъ, чтобы у нихъ хватило на это терпѣнія, а поэтому, какъ бы махнувъ на нихъ рукою, добавляетъ: „если имъ непосидится, могутъ однѣ ѣхать въ Полтаву“ [1]).

Вообще, ни о чемъ такъ горячо, такъ искренно не проситъ Гоголь своихъ друзей и знакомыхъ, какъ о молитвѣ. Особенно это слѣдуетъ сказать о письмахъ къ лицамъ женскаго пола, отъ которыхъ онъ, очевидно, скорѣе всего ждалъ отклика на свои душевные запросы. У него есть письма, писанныя съ спеціальною цѣлью упросить молиться за него. Это своего рода лирическія изліянія, нѣчто въ родѣ псалмовъ, текстъ которыхъ отъ времени до времени прерывается припѣвомъ: „молитесь, другъ мой, обо мнѣ“ [2]). Мало того. Предъ поѣздкой на Востокъ онъ даже сочинилъ и разослалъ друзьямъ молитву о себѣ, которую, подобно молитвѣ Господней, раздѣлилъ на семь прошеній [3]). За то какъ онъ сердечно радовался и какъ былъ горячо благодаренъ, когда узнавалъ, что его просьбы о молитвѣ исполняются. Такъ, получивъ подобное извѣстіе о молитвахъ матери, онъ писалъ ей: „О, спаси васъ Богъ, за ваши безпрестанныя молитвы о насъ недостойныхъ! Спаси васъ Богъ отъ всякихъ смущеній! И да будутъ всѣ ваши годы, до поздней старости, исполнены однимъ только выраженіемъ признательности къ вамъ дѣтей вашихъ!“ [4]).

Разсылая всѣмъ просьбу о молитвѣ, Гоголь, повидимому, придавалъ особенно большое значеніе именно тому, что *много* людей молятся за него и на этомъ основывалъ надежду на то, что Богъ не оставитъ его своими милостями. „Ему ли оставить меня, восклицаетъ онъ, если я искренно молюсь Ему, молясь о томъ, чтобы умѣть Ему вѣчно молиться, и если много людей Ему

[1]) Письма, 255.
[2]) Ibid., 78. Письмо Шереметевой.
[3]) IV, 161—162.
[4]) Ibid., 384.

угодныхъ и лучшихъ возносятъ за меня грѣшнаго жаркія молитвы?“ [1]).

Высокое значеніе молитвеннаго общенія людей есть одинъ изъ основныхъ пунктовъ христіанскаго катихизиса. Но вопросъ о томъ, какимъ образомъ молитва одного человѣка можетъ быть полезна другому, и даже болѣе общій вопросъ—какимъ образомъ молитва можетъ быть полезна для самого молящагося—въ исторіи христіанскихъ ученій не всегда и не вездѣ рѣшался одинаково. Односторонне-утилитарный взглядъ на этотъ вопросъ Римской Церкви вызвалъ, какъ извѣстно, крайности воззрѣній протестантскаго раціонализма. Разъясняя недоумѣнія по этому вопросу своихъ современниковъ, Хомяковъ доказывалъ, что молитва христіанская есть не что иное, какъ проявленіе христіанской любви: обращенная къ Богу молитва одного человѣка за другого—это есть проявленіе любви человѣка къ человѣку въ Богѣ. Въ томъ же катехизическомъ трактатѣ, которымъ такъ восхищался Гоголь, Хомяковъ говоритъ: мы „молимся въ духѣ любви, а не пользы, въ духѣ сыновней свободы, а не закона наемническаго, просящаго платы. Всякій спрашивающій: „какая польза въ молитвѣ?“ признаетъ себя рабомъ. Молитва истинная есть истинная любовь“. Поэтому „не говори: „къ чему моя молитва другому, когда онъ самъ молится, и за него ходатайствуетъ самъ Христосъ?“ Когда ты молишься, въ тебѣ молится духъ любви. Не говори: „суда Божьяго уже измѣнить нельзя“; ибо твоя молитва сама въ путяхъ Божіихъ, и Богъ ее предвидѣлъ. Если ты членъ Церкви, то молитва твоя необходима для всѣхъ ея членовъ“. Разъясняя эту свою мысль во второй брошюрѣ о западныхъ исповѣданіяхъ, Хомяковъ говоритъ: „Мы молимся не въ духѣ страха, подобно рабамъ, не въ духѣ корысти, подобно наемникамъ, но молимся въ духѣ сыновней любви... Мы молимся потому, что не можемъ не молиться, и эта молитва всѣхъ о каждомъ и каждаго

[1]) Письма, 436.

о всѣхъ, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ тоже время, всегда во имя Христа, нашего Спасителя, обращаемая къ Его Отцу и Богу, есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни, она глаголъ ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія" [1]).

Легко замѣтить, что въ вопросѣ о молитвѣ, какъ и въ вопросѣ о страданіяхъ, Гоголь стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Хомяковъ. Точку зрѣнія Гоголя коротко можно выразить такъ. На небѣ есть всесильный Богъ, на землѣ безсильный человѣкъ; человѣкъ нуждается въ помощи Божіей и молится о ней самъ и проситъ молиться о ней другихъ людей, болѣе сильныхъ, болѣе вліятельныхъ; и чѣмъ молящихся будетъ больше, чѣмъ молитва ихъ будетъ напряженнѣе, сильнѣе, интенсивнѣе, тѣмъ больше она будетъ достигать своей цѣли.—Нельзя сказать, чтобы эта точка зрѣнія противна была духу христіанскаго ученія; самое пріуроченіе молитвы къ опредѣленному мѣсту, напримѣръ, къ Васильевкѣ, не содержитъ въ себѣ ничего анти-христіанскаго, хотя и можно заподозрить присутствіе здѣсь нѣкоторой доли фетишизма. Но если сравнить эту точку зрѣнія съ вышеуказанной точкой зрѣнія Хомякова, который въ молитвѣ видѣлъ прежде всего проявленіе голоса любви человѣка къ Богу и ближнему, то во взглядѣ Гоголя нельзя будетъ не замѣтить присутствія значительной доли не только утилитаризма, но даже и эгоизма. Во всѣхъ его рѣчахъ о молитвѣ почти всегда на первомъ планѣ выступаетъ его личное „я" съ его интересами. Но, отмѣтивъ этотъ фактъ, спѣшимъ замѣтить, что положеніе Гоголя въ данное время было слишкомъ исключительное, и эта исключительность почти съ принудительною необходимостью заставляла его больше думать о себѣ, чѣмъ о другихъ. Нужно къ тому же помнить, что съ самаго начала 40-хъ годовъ, какъ увидимъ ниже, онъ усвоилъ своеобразную

[1]) Сочин., изд. 1886 г., т. II, стр. 23 и 123—124.

точку зрѣнія, которая позволяла ему, не впадая въ грубый эгоизмъ, смотрѣть на себя, какъ на богатое достояніе не только Русской земли, но и всего человѣчества: съ этой точки зрѣнія, всякъ, молившійся за Гоголя, въ сущности молился за сбереженіе и проявленіе во внѣ того благодатнаго сокровища, хранителемъ котораго избралъ его Богъ. Нужно, наконецъ, помнить, что въ своихъ просьбахъ о молитвѣ онъ иногда совершенно отрѣшается отъ своихъ личныхъ интересовъ и становится на высоко-альтруистическую точку зрѣнія. Такимъ высокимъ альтруизмомъ, напримѣръ, отличается *пятое* прошеніе составленной имъ молитвы. Здѣсь читаемъ: „Исправи его (Гоголя) молитву и дай ему помолиться у Святаго Гроба о собратьяхъ и кровныхъ своихъ, о всѣхъ людяхъ земли нашей и о всей отчизнѣ нашей, о ея мирномъ времени, о примиреніи въ ней всего враждующаго и негодующаго, о водвореніи въ ней любви и о воцареніи Твоего царства, Боже“ [1]).

Вообще, нельзя упрекнуть Гоголя въ непониманіи того, какое мѣсто въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія занимаетъ заповѣдь о любви. Любовь къ ближнему онъ прямо называетъ „первымъ условіемъ“ христіанской жизни [2]). Утверждая, что *любовь во Христѣ вѣчна* [3]), онъ требовалъ, чтобы она непремѣнно была активна [4]), и видѣлъ въ ней единственный путь проникновенія въ душу человѣка для оказанія ему помощи. Требуя чуткаго и снисходительнаго отношенія къ природѣ другого человѣка, онъ въ одномъ письмѣ восклицаетъ: „Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока однимъ путемъ Божественной любви, а не чѣмъ-либо другимъ, не взойдешь, какъ нѣжнѣйшій братъ, въ душу своего брата, пока не узнаешь ее, какъ свою собственную, пока не почувствуешь, что находишься самъ въ этой душѣ, какъ бы въ родномъ и

[1]) Письма, IV, 162.
[2]) Ibid., II, 389.
[3]) Ibid., III, 370.
[4]) Ibid., II, 389, 416.

собственномъ своемъ тѣлѣ, до тѣхъ поръ будетъ безсильна наша душевная помощь..." [1]). Въ письмѣ къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, указавъ на то, какъ подъ воздѣйствіемъ апостольской проповѣди „всѣ люди стали одна семья и загорѣлась небесная любовь на землѣ", Гоголь продолжаетъ: „Такъ должны и мы поступать, какъ поступали они. Полюбя людей *любовью во Христѣ* (курсивъ подлинника), помогать имъ повсюду. Истинно христіанская помощь не въ одномъ денежномъ подаяніи; это еще небольшая помощь. Избавить отъ нужды, холода, болѣзни и смерти человѣка, конечно, есть доброе дѣло; но избавить отъ болѣзни и смерти его душу, есть въ нѣсколько разъ больше. Обратить преступника и грѣшника къ Господу—вотъ настоящая милостыня, за которую несомнѣнно можно надѣяться полученья небеснаго блаженства..." [2]). Признавая въ заповѣди о любви сущность христіанства, видя въ исполненіи ея средство къ достиженію „небеснаго блаженства", Гоголь въ то же время смотрѣлъ на нее какъ на единственно вѣрный источникъ земного счастья. „Всѣ наслажденія наши, говоритъ онъ, заключены въ пожертвованіяхъ. Счастіе на землѣ начинается только тогда для человѣка, когда онъ, позабывъ о себѣ, начинаетъ жить для другихъ, хотя мы въ началѣ думаемъ совершенно тому противоположно, вслѣдствіе какого-то оптическаго обмана, который опрокидываетъ предъ нами вверхъ ногами настоящій смыслъ..." [3]).

Въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія любовь къ ближнему ставится въ причинную связь съ любовью къ Богу. Истинно христіанская любовь есть *любовь во Христѣ*, ибо Самъ Христосъ есть величайшее проявленіе любви Божіей къ человѣку. „Любовь Божія, говоритъ Гоголь, такъ безгранично-безмѣрна къ людямъ, что если бы мы прозрѣвали поглубже въ смыслъ всѣхъ совершающихся съ нами событій, то, вѣроятно, вся жизнь наша обра-

[1]) Письма, 424.
[2]) Ibid., III, 324.
[3]) Ibid., II, 418.

тилась бы въ однѣ слезы благодарности“ [1]). За такую безгранично-безмѣрную любовь Божію человѣкъ естественно долженъ платить взаимною любовью, которая должна доходить до забвенія всѣхъ земныхъ привязанностей [2]). Въ томъ же письмѣ къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ онъ пишетъ: „Какъ мнѣ пріятно писать къ тебѣ, добрая сестра моя Ольга! Пріятно потому, что ты уже возлюбила Бога больше всего на свѣтѣ... Отъ того и любовь къ тебѣ у меня поселилась теперь родственная и мнѣ кажется, какъ будто ты точно моя родная сестра. Прочитавши письмо мое, такъ смутившее прочихъ, ты только крѣпче и лучше помолилась обо мнѣ Богу и возвеселилась духомъ въ твердой надеждѣ, что Богъ спасетъ меня и проведетъ повсюду невредимо; и вѣрно твоя молитва достигнула Бога, и все будетъ по ней исполнено, потому что Богъ исполняетъ молитвы тѣхъ, которые умѣютъ любить Его лучше всего на свѣтѣ и земныя привязанности считаютъ мечтой предъ привязанностью небесной. Люби же такъ и впередъ Его, или что еще справедливѣй, люби Его съ каждымъ днемъ больше, и чтобы образъ Его стоялъ въ мысляхъ твоихъ неотлучно впереди всѣхъ, впереди матери, впереди брата, впереди сестеръ, впереди всего на свѣтѣ...“

Любовь есть начало христіанской нравственности и въ то же время она есть критерій для оцѣнки нравственной дѣятельности христіанина. Оцѣниваемая исключительно по качеству внутреннихъ мотивовъ, нравственная дѣятельность христіанина естественно сопровождается внутреннимъ самоанализомъ, этой своего рода анатоміей души человѣка. Внутренній самоанализъ, начинаясь съ первымъ пробужденіемъ самосознанія, въ той или другой степени присущъ всѣмъ людямъ, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія; но сила его проявленія и степень его развитія не у всѣхъ людей бываютъ одинаковы. Есть люди, которыхъ мало интересуетъ внутренній міръ ихъ души; ихъ умственный взоръ съ гораздо боль-

[1]) Письма, 415.
[2]) Ibid, 313.

шимъ интересомъ останавливается на объективномъ мірѣ явленій, изъ взаимодѣйствія съ которымъ ихъ личнаго „я“ обыкновенно слагается вся ихъ жизнь. Напротивъ, есть люди, которые съ самаго ранняго дѣтства, даже съ перваго момента зарожденія самосознанія, съ особымъ интересомъ останавливаютъ вниманіе именно на внутреннемъ мірѣ своей души, съ особымъ наслажденіемъ копошатся въ содержаніи своего личнаго „я“, ставя его объектомъ своего изслѣдованія и доводя послѣднее нерѣдко до болѣзненной односторонности. Само собою разумѣется, что нормальная личность, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, слагается изъ гармоническаго соединенія особенностей этихъ двухъ типовъ, что чаще всего встрѣчается у натуръ художественныхъ. Художественность человѣческой натуры предполагаетъ одинаковую чуткость какъ къ субъективному, такъ и къ объективному міру явленій, ибо изъ перваго изъ нихъ художникъ заимствуетъ идею, изъ второго беретъ форму для ея воплощенія. Блестящій примѣръ такой именно обоюдной чуткости представляютъ художественныя произведенія Гоголя. Читая, напримѣръ, его „Мертвыя Души“, не знаешь, чѣмъ больше любоваться: умѣньемъ-ли проникать въ человѣческую душу и подмѣчать всѣ ея тончайшія изгибы,—умѣньемъ, обличающимъ въ художникѣ работу надъ изученіемъ своей собственной души, или способностью легко находить внѣшнюю форму для воплощенія во внѣ своихъ внутреннихъ движеній и наблюденій надъ движеніями чужой души. Гармоническое соединеніе этихъ двухъ сторонъ художественнаго творчества несомнѣнно обличаютъ въ художникѣ высокую гармоничность его натуры, предполагающую полное равновѣсіе душевныхъ силъ. Такое именно впечатлѣніе и выносится изъ прочтенія сочиненій Гоголя.

Представимъ теперь человѣка, который, составивъ себѣ такое понятіе о Гоголѣ на основаніи его художественныхъ произведеній, переходитъ къ чтенію его писемъ. Здѣсь картина сразу и притомъ рѣзко измѣняется: веселый юморъ, заставляющій предполагать въ авторѣ жизнерадостность и благодушіе, въ письмахъ

переходитъ въ какое-то жалкое нытье, сопровождаемое обыкновенно нравственнымъ самобичеваніемъ; художественные образы живой дѣйствительности, такъ пріятно ласкающіе эстетическое чувство читателя, здѣсь смѣняются сухими логическими схемами, пытающимися все догматизировать и морализировать; на смѣну покойнаго изображенія объективнаго міра явленій выступаетъ возня съ своимъ личнымъ „я“, которое то превозносится до небесъ въ надменной гордости, то, повергаясь во прахъ, смиренно пресмыкается на землѣ, обливаясь искренними, повидимому, слезами.— Такъ гдѣ же истинный Гоголь? невольно спрашиваетъ себя читатель. Этотъ вопросъ естественно долженъ былъ вырваться изъ устъ современниковъ съ появленіемъ въ свѣтъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Отвѣтили они на него, какъ извѣстно, гипотезой о внутреннемъ переломѣ, своего рода „преображеніи“ Гоголя. Но уже самъ Гоголь, когда друзья, заподозривъ въ немъ „новое направленіе“, стали толковать о его *мистицизмѣ,* еще почти за годъ до выхода въ свѣтъ *переписки,* выступилъ съ протестомъ противъ этого подозрѣнія, назвалъ его „заблужденіемъ“ и категорически заявилъ: „Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду“; а что касается замѣченной въ немъ перемѣны, то онъ объяснялъ ее прежнею своею *скрытностью,* въ которой теперь не находилъ необходимости [1]). Современный изслѣдователь, имѣющій возможность безпристрастно, однимъ взоромъ окинуть всю жизнь и дѣятельность Гоголя, не можетъ не признать, что знаменитый писатель лучше понималъ процессъ своего внутренняго развитія, чѣмъ его ближайшіе современники; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ сами потомъ раскаивались въ первоначальномъ опрометчивомъ сужденіи о немъ. И въ самомъ дѣлѣ, обнажите разоблачаемыя Гоголемъ отрицательныя стороны жизни нашего общества отъ художественныхъ образовъ и назовите ихъ настоящимъ именемъ, и вы получите тѣ

[1]) III, ibid., 320.

„гадости“ и „мерзости душевныя“ [1]), на которыя нападаетъ Гоголь въ своихъ письмахъ; дайте человѣку возможность глубже почувствовать всѣ эти „гадости“ и „мерзости“ въ себѣ и другихъ, и вы увидите, какъ онъ, при независимомъ отъ его доброй воли упадкѣ творческихъ силъ, изъ художественнаго писателя превратится въ проповѣдника-моралиста, увидитъ свое призваніе въ томъ, чтобы „упрекнуть или ободрить“ [2]) другихъ и въ тоже время почувствуетъ потребность въ самообличеніи; сгустите, далѣе, слезы его юмора до того, чтобы сквозь ихъ густую струю пересталъ пробиваться лучъ смѣха, и вы поймете, какъ этотъ веселый юмористъ, вмѣсто того, чтобы забавлять общество веселыми разсказами (какъ многіе понимали смыслъ его художественнаго творчества), сталъ читать ему скучныя сентенціи. Словомъ, при нѣкоторой наблюдательности легко замѣтить, какъ изъ прежняго Гоголя выростаетъ новый Гоголь, какъ однѣ черты его характера слабѣютъ и стушевываются и какъ, напротивъ, другія ростутъ и крѣпнутъ. Но гдѣ есть ростъ, тамъ есть и измѣненія, а поэтому нельзя не признать глубоко вѣрнымъ слѣдующее замѣчаніе П. В. Анненкова: „Великую ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто смѣшаетъ Гоголя послѣдняго періода съ тѣмъ, который начиналъ тогда (тридцатые годы) жизнь въ Петербургѣ, и вздумаетъ прилагать къ молодому Гоголю нравственныя черты, выработанныя гораздо позднѣе, уже тогда, какъ совершился важный переворотъ въ его существованіи“ [3]). Сообразно съ нашею задачею, мы уже очертили кругъ религіозныхъ представленій Гоголя, какъ они сложились въ позднѣйшіе годы его жизни. Теперь постараемся прослѣдить, какъ выработались у него эти представленія и какъ отразились они на его религіозно-нравственной жизни.

Извѣстно, что на многихъ изъ своихъ современниковъ Гоголь, какъ нравственная личность, производилъ непріятное впе-

[1]) Ibid., 151; II, 434.

[2]) Ibid., II, 470.

[3]) Воспоминанія и критическіе очерки. Отд. 1, стр. 191.

чатлѣніе. Даже люди, которые, благоговѣя предъ нимъ, какъ геніальнымъ писателемъ, хотѣли искренно, всею душою, привязаться къ нему, пораженные нѣкоторыми поступками, отходили отъ него, какъ говорится, разведя руками, не зная какъ понимать его и его образъ дѣйствій. Пытаясь объяснить нѣкоторыя черты его характера особенностями типа малорусской народности, одни видѣли въ его дѣйствіяхъ проявленіе „врожденной скрытности, ловко расчитанной хитрости“ „лукаваго малоросса“ [1]). Другіе, не заходя такъ далеко, объясняли несимпатичныя стороны его характера исключительными особенностями его геніальной натуры, отличной отъ природы людей обыкновенныхъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ взглядъ на Гоголя С. Т. Аксакова. Этотъ высоко-благородный человѣкъ, въ семьѣ котораго такъ высоко цѣнили произведенія Гоголя, несмотря на всю свою привязанность и доброжелательность къ нему, не разъ доказанныя на дѣлѣ, въ виду нѣкоторыхъ поступковъ Гоголя, иной разъ приходилъ въ крайнее смущеніе. Защищая его отъ нападокъ Погодина, обвинявшаго Гоголя въ „капризности, скрытности, неискренности, даже лжи“, Аксаковъ пишетъ: „Я долженъ признаться, къ сожалѣнію, что жалобы и обвиненія Погодина казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева. Я однако, объясняя себѣ поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми съиздѣтства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людямъ, но и выдумывать всякій вздоръ для скрытія истины, я старался успокоить другихъ моими объясненіями. Я приписывалъ скрытность и даже какую-нибудь пустую ложь, которую употреблялъ иногда Гоголь, когда его уличали въ неискренности, единственно странности его характера и его разсѣянности. Будучи погруженъ въ совсѣмъ другія мысли, разбуженный какъ будто отъ сна, онъ иногда самъ не зналъ, что

[1]) Анненковъ, ibid., 179. „Анненковъ и его друзья“, I, 516.

отвѣчать и что́ говорить, лишь бы только отдѣлаться отъ докучливаго вопроса; данный такимъ образомъ отвѣтъ не впопадъ надобно было впослѣдствіи поддержать или оправдать, изъ чего иногда выходило цѣлое сплетеніе разныхъ мелкихъ неправдъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что странности Гоголя иногда были необъяснимы и остались навсегда для меня загадками. Мнѣ нерѣдко приходилось объяснять самому себѣ поступки Гоголя точно такъ, какъ я объяснялъ ихъ другимъ, т. е. что мы не можемъ судить Гоголя по себѣ, даже не можемъ понимать его впечатлѣній, потому что, вѣроятно, весь организмъ его устроенъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ у насъ; что нервы его, можетъ быть, во сто разъ тоньше нашихъ; слышатъ то, чего мы не слышимъ, и содрагаются отъ причинъ, для насъ неизвѣстныхъ. На такое объясненіе Погодинъ съ злобнымъ смѣхомъ отвѣчалъ: „развѣ что такъ“ [1]).

Въ этой характеристикѣ, сдѣланной лицомъ, расположеннымъ скорѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію, прежде всего бросается въ глаза смущеніе предъ невозможностью совершенно обѣлить человѣка любимаго и высоко-цѣнимаго. Самая попытка смягчить несимпатичныя стороны нравственной личности Гоголя ссылкой на исключительность его натуры хуже можетъ показаться всякаго обвиненія, потому что она признаетъ фактъ во всей его силѣ и неприкосновенности. Весьма возможно, что разсматриваемыя черты характера Гоголя—скрытность, неискренность, переходящая въ прямую ложь,—выставлены были такъ выпукло и осуждены такъ рѣзко потому, что судьями его явились люди совершенно другого нравственнаго типа: привыкши во взаимныхъ отношеніяхъ наблюдать прямоту, искренность, откровенность: склонные скорѣе нанести оскорбленіе своею прямолинейною прямотою, чѣмъ дипломатически хитрить и лукавить, словомъ, привыкши, какъ говорится, держать душу на распашку. Московскіе друзья Гоголя никакъ не

[1]) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, стр. 54

могли помириться съ образомъ мысли человѣка, который скрытность возводилъ въ добродѣтель, считая ее принадлежностью всѣхъ *неглупыхъ* людей [1]). Добро было бы, если бы Гоголь свои дипломатическіе пріемы облекалъ дѣйствительно въ формы хоть сколько-нибудь неглупыя; на дѣлѣ же это ему рѣдко удавалось. Въ глазахъ такихъ умныхъ и проницательныхъ людей, какъ С. Аксаковъ, Погодинъ, Шевыревъ, Анненковъ и др., образъ дѣйствій Гоголя въ нѣкоторыхъ случаяхъ напоминалъ собою выходки мелкаго плута, который даже не умѣетъ скрыть свои плутни настолько, чтобы ихъ не замѣтили по крайней мѣрѣ тѣ, кто желалъ не замѣчать. Біографія Гоголя, какъ извѣстно, изобилуетъ такими мелкими плутнями, и поэтому не удивительно, что люди, составившіе представленіе о немъ на основаніи его литературно-художественныхъ произведеній, сильно озадачены были тѣмъ, какимъ образомъ высокія качества геніальнаго писателя могли уживаться съ такимъ, казалось бы, нравственнымъ ничтожествомъ. Отсюда эта гипотеза объ исключительности натуры Гоголя, которая должна была примирить то, что̀ съ обычной точки зрѣнія казалось непримиримымъ. И въ этой гипотезѣ, какъ сейчасъ увидимъ, есть вѣрный намекъ на правильную постановку вопроса.

Едва-ли кто станетъ оспаривать ту истину, что Гоголь получилъ отъ природы организацію въ высшей степени тонкую, нѣжную, легко отвѣчающую на идущія извнѣ впечатлѣнія, но въ тоже время—слабую, хрупкую, способную легко подвергнуться ломкѣ, крушенію. Такая организація обыкновенно связана бываетъ съ художественнымъ талантомъ, т. е. съ способностью вдохновляться и всецѣло уходить въ міръ излюбленныхъ идей и образовъ. Сознавая свою физическую слабость, такіе люди вообще имѣютъ наклонность избѣгать напора всякой идущей извнѣ грубой силы. Въ минуты же вдохновеннаго творчества, когда они рабо-

[1]) Въ письмѣ къ С. Аксакову Гоголь прямо заявляетъ, что онъ былъ „скрытенъ“ потому, что былъ „неглупъ“. Письма, III, 320.

таютъ, или еще готовятся къ работѣ, или даже отдыхаютъ отъ работы, они всецѣло уходятъ внутрь себя, въ созерцаніе создаемыхъ творческой фантазіей образовъ, и все то, что посягаетъ на эту ихъ внутреннюю жизнь, вызываетъ въ нихъ своего рода нравственную боль, которой они прямо инстинктивно избѣгаютъ. Лирическіе поэты, по совершенно понятной причинѣ, переживаютъ такое состояніе сравнительно быстро. Но писатели эпическіе, замышляющіе нерѣдко очень сложныя работы, для выполненія которыхъ нужны бываютъ мѣсяцы и даже годы, находятся въ другомъ положеніи. Само собою разумѣется, что не во все время подобныхъ работъ напряженіе творческой силы бываетъ одинаково: бываютъ приливы, бываютъ и отливы; за напряженіемъ силъ наступаетъ усталость, требующая отдохновенія; возможны даже уклоненія творческой дѣятельности въ сторону. Но все же, пока разъ начатая работа не доведена до конца, пока мысль, овладѣвшая душою художника, не нашла себѣ въ его воображеніи соотвѣтствующихъ образовъ для своего воплощенія, она является доминирующею въ его сознаніи, которымъ она нерѣдко овладѣваетъ цѣликомъ, ревниво оберегая его отъ наплыва всего того, что не гармонируетъ съ нею. И чѣмъ физическія силы художника слабѣе, чѣмъ онѣ медленнѣе оправляются отъ испытываемыхъ въ минуты вдохновенія потрясеній, тѣмъ является онъ бо́льшимъ рабомъ овладѣвшей имъ идеи, тѣмъ равнодушнѣе становится онъ ко всему остальному міру и тѣмъ съ бо́льшимъ стараніемъ избѣгаетъ онъ всего того, что непрошеннымъ гостемъ врывается въ его душу и нарушаетъ естественный ходъ происходящей въ ней работы. Вспомнимъ замѣчательную характеристику такого душевнаго состоянія въ стихотвореніи Пушкина „Поэтъ“:

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубравы...

Это не наборъ красивыхъ фразъ, придуманныхъ въ подтвержденіе искусственно составленной теоріи: это живые звуки, искренно вырвавшіеся изъ души поэта, который на себѣ испыталъ то, о чемъ здѣсь говоритъ. Взгляните съ этой точки зрѣнія на Гоголя, и многое изъ того, что́ въ немъ кажется страннымъ, загадочнымъ и что́ подавало поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ о характерѣ его нравственной личности, получитъ совсѣмъ иной смыслъ и объясненіе. Для иллюстраціи этой мысли возьмемъ извѣстную, въ своемъ родѣ очень типичную, исторію съ Княжевичемъ. „Пріѣхалъ въ Москву, разсказываетъ С. Т. Аксаковъ, старый мой, еще по гимназіи, товарищъ и другъ, Дм. Макс. Княжевичъ; онъ былъ прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ: умный, образованный, живой, добрый, любящій и одаренный сильнымъ эстетическимъ чувствомъ. Кромѣ того, что онъ, по крайней мѣрѣ до изданія „Мертвыхъ Душъ", понималъ и цѣнилъ Гоголя, онъ былъ съ нимъ очень дружески знакомъ въ Римѣ и, какъ гостепріимный Славянинъ, не одинъ разъ угощалъ у себя Гоголя. Княжевичъ очень обрадовался, узнавъ, что мы съ Гоголемъ друзья и что онъ бываетъ у насъ всякій день. Я думалъ, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? Въ первый разъ, когда Княжевичъ пріѣхалъ къ намъ при Гоголѣ и сталъ здороваться съ кѣмъ-то за дверьми маленькой гостинной, въ которой мы всѣ сидѣли, Гоголь непримѣтно юркнулъ въ мой кабинетъ, и когда мы хватились его, то узнали, что онъ поспѣшно

убѣжалъ изъ дому. Такой поступокъ поразилъ всѣхъ насъ, особенно удивилъ Княжевича. На другой день продолжалась такая же исторія, только съ тою разницею, что Гоголь не убѣжалъ изъ дому, когда пріѣхалъ Княжевичъ, а спрятался въ дальній кабинетецъ, схватилъ книгу, усѣлся въ большія кресла и притворился спящимъ. Онъ оставался въ такомъ положеніи болѣе двухъ часовъ и также потихоньку уѣхалъ. На вопросы, что́ съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ самыми дѣтскими отговорками: въ первый пріѣздъ Княжевича онъ будто бы вспомнилъ какое-то необходимое дѣло, по которому надобно было ему сейчасъ уѣхать, а въ другой разъ— будто ему такъ захотѣлось спать, что онъ не могъ тому противиться, а проснувшись, почувствовалъ головную боль и необходимость поскорѣе освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Мы всѣ были не только поражены изумленіемъ, но даже оскорблены. Я хотѣлъ даже заставить Гоголя объясниться съ Княжевичемъ; но послѣдній упросилъ меня этого не дѣлать и даже взялъ съ меня честное слово, что я и наединѣ не стану говорить объ этомъ съ Гоголемъ. Онъ думалъ, что, вѣроятно, Гоголю что-нибудь насказали и что онъ имѣетъ на него неудовольствіе. Княжевичъ такъ любилъ горячо и меня и Гоголя, что буквально счелъ бы за несчастье быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращеніе съ Гоголемъ измѣнилось и стало холоднѣе. Гоголь притворился, что не примѣчаетъ того. На третій день опять пріѣхалъ Княжевичъ съ дочерью, тогда какъ мы съ Гоголемъ сидѣли всѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы всѣ сейчасъ встали, пошли навстрѣчу своему гостю и, затворивъ Гоголя въ кабинетѣ, расположились въ гостинной. Черезъ полчаса вдругъ двери отворились, вбѣжалъ Гоголь и со словами: „Ахъ, здравствуйте, Дмитрій Максимовичъ!“... протянулъ ему обѣ руки, кажется даже обнялъ его, и началась самая дружеская бесѣда пріятелей, не видавшихся давно другъ съ другомъ... Точно онъ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ послѣ разлуки, и точно прошедшихъ двухъ дней не бывало. Покорно прошу объяснить

такую странность! Всякое объясненіе казалось мнѣ такъ невыгоднымъ для Гоголя, что я уже никогда не говорилъ съ нимъ объ этомъ, въ чемъ раскаиваюсь теперь“ [1]).

Въ этомъ разсказѣ можно, повидимому, найти всѣ данныя для того, чтобы уличить Гоголя въ неискренности, скрытности и даже прямо во лжи. Но въ то же время чувствуется, что у вдумчиваго изслѣдователя языкъ не повернется, чтобы на основаніи одного этого факта произнести надъ великимъ писателемъ такой суровый приговоръ. Дѣло въ томъ, что всякая ложь въ истинномъ смыслѣ слова всегда содержитъ въ себѣ элементъ безнравственности, такъ какъ она въ дѣйствіяхъ человѣка непремѣнно предполагаетъ какіе-нибудь дурные мотивы. Попробуйте же въ разсказанномъ фактѣ поведенія Гоголя отыскать такіе именно дурные мотивы: при сколько-нибудь серьезномъ анализѣ этого факта вы ихъ не найдете. И вообще, пока поведеніе Гоголя въ данномъ случаѣ будете разсматривать съ этической точки зрѣнія, вы тутъ ничего не поймете; но фактъ разъяснится, какъ только вы подойдете къ нему съ точки зрѣнія чисто психологической. Разсказанный фактъ имѣлъ мѣсто въ 1842 году, когда физическія силы Гоголя видимо стали ему измѣнять, продуктивность творческой дѣятельности стала ослабѣвать и когда литературная работа стала становиться для него мученіемъ. Измученный утреннею работою, онъ шелъ въ семью Аксаковыхъ отдыхать. Онъ зналъ, куда онъ идетъ. Душа художника въ такомъ состояніи нуждается въ своего рода уходѣ по законамъ своей особой гигіены. И этотъ уходъ онъ здѣсь находилъ: здѣсь его любили, цѣнили, а главное—здѣсь его понимали и потому берегли. Чувствуя себя свободно, естественно, въ домѣ Аксаковыхъ онъ получалъ столько впечатлѣній, сколько это необходимо было для того, чтобы отгонять на время преслѣдовавшіе его образы, которые, при утомленіи творческихъ силъ, только мучатъ художника, не

[1]) Исторія знак., стр. 55—56.

двигая впередъ его созидающей дѣятельности. И вдругъ этотъ непрошенный Княжевичъ? Если бы это былъ человѣкъ безразличный, Гоголь преспокойно вошелъ бы въ гостинную, равнодушно посидѣлъ бы, позѣвалъ бы, какъ это иногда съ нимъ случалось, и дѣло этимъ кончилось бы. Но къ Княжевичу такъ отнестись было нельзя: его нужно было встрѣтить такъ, какъ потомъ и встрѣтилъ его Гоголь. Живой, любезный, энергичный, дружески расположенный къ Гоголю, онъ конечно при первой встрѣчѣ, послѣ долгой разлуки, сталъ бы, какъ говорится, теребить своего друга на всѣ лады, на что этотъ другъ долженъ былъ бы отвѣтить чѣмъ-нибудь подходящимъ. Все это, если можно такъ выразиться, клиномъ приходилось къ тогдашнему настроенію Гоголя и вызвало въ немъ нѣчто въ родѣ испуга. Если не вполнѣ такое, то подходящее состояніе, можетъ испытать каждый человѣкъ; пусть каждый вспомнитъ тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ произносилъ пословицу: „не въ пору гость—хуже татарина“, и онъ легко пойметъ то состояніе, какое вызвало въ душѣ Гоголя появленіе Княжевича. Княжевичъ въ данную минуту былъ для Гоголя такимъ именно татариномъ, отъ котораго онъ и „юркнулъ“ изъ дома Аксаковыхъ; сдѣлалъ это онъ безъ всякихъ размышленій, рефлективно, подъ давленіемъ импульса, въ которомъ видную роль сыгралъ инстинктъ самосохраненія. Встрѣча съ Княжевичемъ посягала на то душевное настроеніе, въ которомъ въ данную минуту находился Гоголь; а это настроеніе было слишкомъ устойчивое, чтобы отъ него легко было отдѣлаться, и Гоголь пожертвовалъ встрѣчей для своего внутренняго спокойствія, не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ изъ этого выйдетъ; а вышло изъ этого нѣчто крайне непріятное: получилась неловкость, которую потомъ пришлось заглаживать, для чего у Гоголя сразу не хватило силы воли. Такъ создались условія, объясняющія второй случай встрѣчи съ Княжевичемъ. Только вызванная этимъ образомъ дѣйствій холодность со стороны семьи Аксаковыхъ, симпатіями которыхъ Гоголь очень дорожилъ, заставила его рѣшиться на шагъ, котораго

онъ избѣгалъ; а разъ первый шагъ былъ сдѣланъ и застѣнчивость была сломлена, дальше дѣло пошло гладко. Настроеніе Гоголя мы назвали „устойчивымъ“ въ смыслѣ значительнаго ослабленія силы воли и замѣтнаго проявленія въ его дѣйствіяхъ инертности. Разъ человѣкъ становится рабомъ даннаго настроенія, то это значитъ, что сила воли въ немъ уже поколеблена и въ душѣ возникли условія, на почвѣ которыхъ легко можетъ зародиться фиксированная идея.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но, ставъ въ неловкое положеніе какъ къ Княжевичу, такъ и къ Аксаковымъ, Гоголь вынужденъ былъ выпутываться изъ него. Пошли обычные допросы: отъ чего, да почему? Но что могъ отвѣтить несчастный Гоголь на подобные вопросы, когда онъ и самъ не отчетливо представлялъ себѣ, отъ чего въ самомъ дѣлѣ онъ такъ поступилъ. Человѣкъ съ болѣе открытымъ характеромъ сказалъ бы, что былъ-де не въ духѣ. Гоголь же поступилъ, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ малыя дѣти, т. е. сталъ хитрить. Конечно, это уже характеризуетъ человѣка съ извѣстной стороны и заставляетъ задуматься какъ надъ чертами характера того народа, изъ котораго вышелъ Гоголь, такъ и надъ условіями его воспитанія; но для оцѣнки нравственной личности Гоголя здѣсь мало матеріала. Разобранный фактъ болѣе интересенъ въ психологическомъ, чѣмъ въ этическомъ отношеніи.

Совершенно также слѣдуетъ понимать фактъ, имѣвшій мѣсто около того времени въ Московскомъ театрѣ. Давали „Ревизора“. Друзья убѣдили Гоголя посѣтить представленіе, тѣмъ болѣе, что онъ еще не видѣлъ постановки на Московской сценѣ своей комедіи, чѣмъ даже обижались актеры. „Слухъ объ этомъ, разсказываетъ Аксаковъ, распространился по Москвѣ, и лучшая публика заняла бель-этажъ и первые ряды креселъ. Гоголь пріѣхалъ въ бенуаръ къ Чертковой, первый съ лѣвой стороны, и сѣлъ или почти легъ, такъ чтобъ въ креслахъ было невидно. Черезъ два бенуара сидѣлъ я съ семействомъ; піэса шла отлично хорошо;

публика принимала ее (можетъ быть, въ сотый разъ) съ восхищеніемъ. По окончаніи 3-го акта всѣ встали, обратились къ бенуару Чертковой и начали вызывать автора... Нѣсколько времени онъ выдерживалъ вызовы и громъ рукоплесканій; потомъ выбѣжалъ изъ бенуара. Я бросился за нимъ, чтобъ провести его въ ложу директора, предполагая, что онъ хочетъ показаться публикѣ; но вдругъ вижу, что онъ спѣшитъ вонъ изъ театра. Я догналъ его у наружныхъ дверей и упрашивалъ войдти въ директорскую ложу. Гоголь не согласился, сказалъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать, и убѣжалъ. Публика была очень недовольна, сочла такой поступокъ оскорбительнымъ и приписала это чрезмѣрному самолюбію и гордости автора. На другой день авторъ одумался, написалъ извинительное письмо къ Загоскину (директору театра), прося его сдѣлать письмо извѣстнымъ въ публикѣ, благодарилъ, извинялся и наклепалъ на себя небывалыя обстоятельства". По совѣту друзей письмо не было отослано, а на распросы онъ отвѣчалъ „точно тоже, на что намекалъ только въ письмѣ, т. е. что онъ передъ самымъ спектаклемъ получилъ огорчительное письмо отъ матери, которое его такъ разстроило, что принимать въ эту минуту изъявленіе восторга зрителей было для него не только совѣстно, но даже невозможно". И тогда и позднѣе, по провѣркѣ факта, объясненіе это признано было неискреннимъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительности [1]).

Таковъ фактъ. Для правильнаго пониманія его нужно прежде всего замѣтить, что, находясь подъ дѣйствіемъ уязвленнаго самолюбія, публика показала слишкомъ мало психологическаго чутья, когда поступокъ Гоголя стала объяснять самолюбіемъ и гордостью. Въ пышной овацiи лучшаго общества гордость и самолюбіе нашли бы для себя насущную пищу, и если бы Гоголь дѣйствовалъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, то онъ непремѣнно воспользовался бы благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы порисоваться

[1]) С. Аксаковъ, ibid., 56—57.

предъ избранной публикой: этого именно требовали гордость и самолюбіе. Какъ, далѣе, съ этими чувствами примирить послѣдовавшее потомъ извинительное письмо, которое было актомъ униженія. *Чрезмѣрное* самолюбіе и гордость такъ легко не сдаются. Намъ думается, что поступокъ Гоголя гораздо естественнѣе объяснять такимъ образомъ. Публика на этотъ разъ шла въ театръ съ цѣлью насладиться двойнымъ зрѣлищемъ: представленіемъ комедіи и самого ея автора. Гоголь шелъ съ другою цѣлью: спрятавшись въ глубинѣ ложи отъ глазъ любопытныхъ, онъ слѣдилъ за отношеніемъ къ пьесѣ публики, за игрою актеровъ, и въ тоже время контролировалъ себя какъ автора. Извѣстно, что и по выходѣ въ свѣтъ „Ревизора“ Гоголь продолжалъ работать надъ этимъ произведеніемъ. Пока публика рукоплескала и шумѣла по адресу актеровъ и комедіи, онъ конечно былъ доволенъ. Но когда этотъ шумъ обратился на него самого, когда сотни глазъ рѣшили сдѣлать его предметомъ зрѣлища, онъ, всегда отличавшійся нѣкоторою застѣнчивостью, почувствовалъ нѣчто въ родѣ нравственнаго насилія надъ собою. Человѣкъ съ мелкимъ тщеславіемъ съ удовольствіемъ выскочилъ бы впередъ, чтобы повертѣться предъ публикой; Гоголю все это показалось недостойной комедіей, отъ которой онъ рѣшилъ увернуться. Импульсъ, подъ давленіемъ котораго въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ Гоголь, принадлежитъ къ разряду такихъ тонкихъ психологическихъ явленій, что его скорѣе можно почувствовать, чѣмъ точно выразить; но если въ немъ ужъ непремѣнно нужно отыскивать присутствіе этическаго элемента, то мы поступокъ Гоголя въ данномъ случаѣ назвали бы скорѣе чрезмѣрною скромностью, чѣмъ чрезмѣрною гордостью. А что касается приговора публики, то въ немъ дѣйствительно проявились слѣды уязвленнаго самолюбія: публика душѣ Гоголя приписала тѣ самыя движенія, которыя почувствовала въ своей душѣ.— Между тѣмъ поставленный инцидентомъ въ театрѣ въ щекотливое и непріятное положеніе, Гоголь долженъ былъ выпутываться изъ него. Растолковать людямъ истинные мотивы своего поступка, те-

перь, какъ и въ исторіи съ Княжевичемъ, было нелегко; а поэтому и придуманъ былъ болѣе легкій способъ отдѣлаться отъ докучливыхъ вопросовъ и въ тоже время найти снисходительное оправданіе себѣ въ „огорчительномъ письмѣ отъ матери“. Нужно впрочемъ замѣтить, что когда рѣчь идетъ объ истолкованіи душевнаго движенія такихъ исключительныхъ натуръ, нужно быть крайне осторожнымъ въ сужденіяхъ. При необыкновенной тонкости организаціи, при высокой подвижности нервной системы, иной разъ достаточно бываетъ самаго ничтожнаго толчка извнѣ, чтобы взволновалось все существо человѣка, чтобы начавшаяся въ извѣстномъ направленіи игра нервовъ привела къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Возможно поэтому, что ссылка на письмо не была „чистой выдумкой“, что неожиданно полученное извѣстіе „о затрудненіи въ уплатѣ процентовъ по имѣнію“, какъ догадывается Аксаковъ, и было именно тѣмъ толчкомъ, который придалъ вышеуказанному настроенію Гоголя особенно острый характеръ и сдѣлалъ принятіе отъ публики шумныхъ овацій крайне непріятнымъ и психически невозможнымъ. Но вообще не нужно забывать, что Гоголь ненавидѣлъ все то, что носило показной, выставочный характеръ. Вспомнимъ, съ какимъ неудовольствіемъ онъ узналъ, что его портретъ, въ награвированіи котораго онъ *„нѣсколько разъ отказывалъ книгопродавцамъ“*, безъ его согласія, напечатанъ былъ сначала въ „Москвитянинѣ“, а потомъ въ Харьковскомъ „Молодикѣ“. „Многаго я не умѣю объяснить, писалъ онъ по этому поводу Шевыреву, да и для того, чтобы объяснить что-нибудь, нужно мнѣ подымать изъ глубины души такую исторію, что не впишешь ее на многихъ страницахъ; а потому, по тѣмъ же самымъ причинамъ, и *не можетъ быть понятно другому, почему мнѣ такъ непріятно публикованіе моего портрета“* [1]). А вѣдь театральная овація была тоже своего рода „публикованіемъ“ его. Понятно поэтому, что

[1]) Шенрокъ, т. II, стр. 533.

это было ему *непріятно* и что, *не умѣя объяснить* этого себѣ и другимъ, онъ вынужденъ былъ выдумать „огорчительное письмо отъ матери".

Здѣсь, быть можетъ, не лишнимъ будетъ замѣтить, что, слѣдя за поведеніемъ Гоголя вообще, выносишь такое впечатлѣніе, что ему очень трудно было освоиться съ тѣмъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ, которое, повидимому, совершенно неожиданно для него, создано было блестящимъ усѣхомъ его произведеній. Чтобы держаться съ достоинствомъ на высотѣ такой огромной дистанціи, нуженъ былъ особый тактъ, который обыкновенно пріобрѣтается жизненнымъ опытомъ. Несмотря на приписываемую Гоголю значительную практичность, этого высшаго такта ему несомнѣнно недоставало, вслѣдствіе чего онъ часто оказывался въ неловкомъ положеніи, бросаясь изъ крайности въ крайность и попадая, какъ говорится, изъ огня да въ полымье.

Между множествомъ обвиненій, сыпавшихся на голову Гоголя, было и обвиненіе въ *неблагодарности*. Какъ на самый разительный примѣръ такой неблагодарности, указывали на факгъ отношенія Гоголя къ Погодину. „Погодинъ, скажемъ словами Аксакова, сдѣлалъ много добра Гоголю, хлопоталъ за него горячо всегда и вездѣ, передавалъ ему много денегъ (не имѣя почти никакого состоянія и имѣя на рукахъ большое семейство), содержалъ его съ сестрами и съ матерью у себя дома и по всему этому считалъ, что онъ имѣетъ полное право распоряжаться въ свою пользу талантомъ Гоголя, и заставлять его писать въ издаваемый журналъ" [1]). Между тѣмъ Гоголь журнальныхъ статей не писалъ, чѣмъ и вызывалъ со стороны Погодина упреки въ неблагодарности. Въ отношеніи къ этой своего рода тяжбѣ друзей симпатіи современнаго общества раздѣлились: одни обвиняли Гоголя, другіе Погодина. Полагаемъ, что настало время, когда историкъ можетъ произнести свой безпристрастный судъ, не обви-

[1]) Ibid., 55.

ния ни того, ни другого. Для того, чтобы оправдать Гоголя, нѣтъ необходимости обвинять Погодина въ грубости, черствости, невоспитанности, въ отсутствіи деликатности, въ неразборчивости въ средствахъ и т. д. [1]). Допустимъ, что эта характеристика Погодина, говоря вообще, вѣрна; но въ данномъ случаѣ сущность дѣла не въ ней. Издавая журналъ („Москвитянинъ"), Погодинъ считалъ себя въ правѣ думать, что онъ своимъ трудомъ служитъ тому же дѣлу, которому служилъ и Гоголь своими произведеніями. Для успѣха журнала, который—сказать кстати—шелъ неважно, имя Гоголя было очень дорого. Будучи искренно расположенъ къ Гоголю, принося совершенно безкорыстно въ пользу его значительныя жертвы и видя, какъ Гоголь дружески принимаетъ ихъ, Погодинъ считалъ совершенно естественнымъ ждать отъ него активнаго сочувствія своему дѣлу. Два-три легкихъ разсказа, подписанныхъ именемъ Гоголя, для успѣха журнала были бы великимъ дѣломъ. Ясно, что для правильнаго пониманія этихъ ожиданій нѣтъ нужды поднимать вопросъ о желаніи Погодина эксплоатировать талантъ Гоголя. Что можетъ быть естественнѣе ожиданія, что одинъ другъ поддержитъ другого въ сродномъ его профессіи честномъ, полезномъ трудѣ? Но Гоголь поддержки Погодину не оказывалъ, отказываясь тѣмъ, что въ сію минуту онъ просто не въ силахъ исполнить требованіе своего друга. Надѣленный отъ природы натурой сильной, энергичной, дѣловитой, Погодинъ—если позволено будетъ такъ выразиться—не могъ понять этого нѣжнаго, уже въ значительной степени подбитаго, птенчика. Что тутъ дѣло въ непониманіи и недоразумѣніи, это видно изъ того, что самъ Гоголь такъ именно понималъ отношеніе къ себѣ Погодина. Вотъ характерныя въ этомъ отношеніи строки изъ письма Гоголя къ Погодину, писаннаго отъ 17-го октября 1840 г., изъ Рима. Получивъ отъ Погодина упрекъ въ продолжительномъ молчаніи, Гоголь между прочимъ писалъ ему:

[1]) Ibid.

„Ну, дай мнѣ свою руку! Я тебѣ прощаю, что ты огорчилъ меня. Другъ мой!... Боже! не совѣстно ли тебѣ... (что) ты *многаго не понялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ во мнѣ*. Ты суровымъ упрекомъ мужа встрѣтилъ меня тамъ, гдѣ разстроенная душа моя ждала участія нѣжнаго, почти женскаго. Я былъ боленъ тогда душою. Теперь тебѣ самому, можетъ, объясняется много, и ты, можетъ быть, видишь самъ, что ты иногда слишкомъ поспѣшенъ въ заключеніяхъ“ [1])...

Теперь вопросъ лишь въ томъ, дѣйствительно ли Гоголь находился въ такомъ состояніи, что исполненіе просьбы Погодина относительно журнальной статьи было для него дѣломъ если не невозможнымъ, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительнымъ? Послушаемъ, что́ говоритъ на этотъ счетъ самъ обвиняемый въ неблагодарности. Замѣтимъ, что не одинъ Погодинъ находилъ естественнымъ требовать отъ Гоголя статьи для журнала. И С. Т. Аксаковъ тоже находилъ, что Гоголю слѣдуетъ написать что-нибудь для Погодинскаго журнала. Получивъ отъ Аксакова напоминаніе объ этомъ, Гоголь отвѣчалъ ему: „Вы пишете, чтобы я приложилъ что нибудь въ журналъ къ Погодину. Боже, еслибы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе! Теперь на одинъ мигъ оторваться отъ святаго своего труда (второй т. „Мерт. Душъ“)—для меня уже бѣда. Никогда бы не предложилъ мнѣ въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ, чего онъ лишаетъ меня. Если бы я имѣлъ деньги, клянусь, я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бы у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи! Но такъ и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его. Боже! можетъ быть, двѣ-три недѣли, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванія, какъ великая,

[1]) Письма, II, 78.

и, можетъ быть, еще большаго и тягостно-томительнаго труда, ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы,—преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь, грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать" [1])... Повѣрьте искренности этихъ словъ (а не вѣрить имъ невозможно), вдумайтесь въ ихъ истинный смыслъ, хоть отчасти, хоть на одно мгновеніе почувствуйте то, что чувствовалъ писавшій ихъ, и вы поймете, чего требовалъ Погодинъ отъ Гоголя и чему поддакивали его друзья. Представьте себѣ, что отъ страдающей родами женщины ея благодѣтельница потребовала подать стаканъ воды. Какое ничтожное требованіе и какъ, казалось бы, подло было бы со стороны просимой не исполнить этого требованія! А между тѣмъ сколько истиннаго мученія, сколько невыносимаго страданія потребовало бы исполненіе этого требованія. Въ этомъ сравненіи нѣтъ никакого преувеличенія. При упадкѣ физическихъ силъ, при оскудѣніи силы творчества, писать, особенно на заказанную тему, для Гоголя было дѣйствительно истиннымъ мученіемъ. Въ письмѣ къ Смирновой изъ Франкфурта, отъ 2 апрѣля 1845 г., жалуясь на то, что Богъ на долгое время отнялъ у него „способность творить", Гоголь пишетъ: „Я мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ, видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ—и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много разъ тоска, и даже чуть-чуть не отчаяніе овладѣвали мною отъ этой причины" [2]). На эти строки можно было бы написать цѣлый психологическій трактатъ; но полагаемъ, что въ нихъ и безъ комментаріевъ все ясно. А между тѣмъ подобными жалобами переполнены письма Гоголя 40-хъ годовъ, т. е. той именно эпохи, когда велись рѣчи о „неблагодарности" „лукаваго хохла".

[1]) Письма, II, 99—100.
[2]) Ibid., III. 37.

Но была въ характерѣ Гоголя одна черта, которая особенно заслуживаетъ нашего вниманія. Имѣемъ въ виду то качество души человѣческой, которое со времени появленія комедіи „Ревизоръ“ принято называть „Хлестаковщиной“. Извѣстно, что самъ Гоголь сознавался, что въ немъ есть „кое-что Хлестаковское“. Можно было бы набрать не мало фактовъ проявленія въ немъ, особенно въ молодые годы, Хлестаковскаго духа. Но достаточно напомнить хорошо извѣстный фактъ, какъ онъ, при извѣстной ограниченности своей научной подготовки, собирался, въ письмѣ къ Погодину (1835 г.), „хватить среднюю исторію томиковъ въ 8, или 9“, или какъ онъ въ письмѣ къ Максимовичу (1834 г.) заявлялъ, что онъ пишетъ Исторію Малороссіи „всю отъ начала до конца“, которая „будетъ или въ шести малыхъ, или четырехъ большихъ томахъ“ [1]). О. Ѳ. Миллеръ совершенно основательно вспоминаетъ при этихъ словахъ Хлестакова, написавшаго какого-то своего „Юрія Милославскаго“ [2]).

Будучи, такимъ образомъ, въ душѣ немножко Хлестаковымъ, Гоголь, при высокомъ развитіи въ немъ самонаблюденія, правильно понималъ, въ чемъ именно заключается сущность Хлестаковщины и указалъ намъ ключъ къ ея пониманію. „Поэты, пишетъ онъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая сами себя. Рожденные понимать многое, постигать мысли, красоту чувствъ и высокія явленія въ душѣ человѣческой, они часто думаютъ, что уже вмѣщаютъ въ самихъ себѣ то, что могутъ только нѣсколько оцѣнить (слѣдовало бы сказать—сознать и почувствовать) и съ нѣкоторою живостью выставить на глаза другимъ, и величаются чужимъ, какъ своимъ собственнымъ добромъ“ [3]). Въ этомъ опредѣленіи Хлестаковщины заслуживаетъ вниманія прежде всего то, что, хотя она называется *ложью*, но ложью *невинною*, или проще говоря — вы-

[1]) Письма, I, 276, 331, 332.
[2]) Русск. Стар. 1875 г., т. XIV, стр. 108.
[3]) Письма, IV, 115—116.

думкою. Дѣйствительно, настоящая ложь, въ строго этическомъ смыслѣ, непремѣнно предполагаетъ дурные мотивы, преступныя цѣли и неразборчивость средствъ. Вотъ почему дѣйствительная ложь всегда преступна, всегда безнравственна, потому что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она не вызывается инстинктомъ самосохраненія, она непремѣнно предполагаетъ преступное движеніе воли, хотя таковое, по стеченію обстоятельствъ, и не всегда проявляется на дѣлѣ.

Не такова по существу своему Хлестаковщина. Истинный мотивъ ея—желаніе человѣка *казаться лучше* того, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности; единственная цѣль ея—безобидное для другихъ удовлетвореніе своему самолюбію съ его мелкими развѣтвленіями; сфера ея проявленія—область поэтическаго творчества съ его неудержимымъ стремленіемъ къ идеализаціи. Истинные Хлестаковы не лгутъ, а выдумываютъ, наслаждаясь этимъ сами и стараясь доставить наслажденіе другимъ. Если не всѣ, то огромное большинство людей, особенно въ извѣстномъ возрастѣ, повинны въ этой слабости; но ею, какъ извѣстно, особенно грѣшатъ страстные и хищники и вообще—спортсмены, хотя это часто бываютъ люди вполнѣ благородные и весьма симпатичные. Если смотрѣть на вопросъ съ строго психологической точки зрѣнія, то придется даже признать, что Хлестаковщина, въ противоположность лжи, вытекаетъ изъ чисто нравственнаго источника: корень ея въ томъ же движеніи души, которое заправляетъ процессомъ нравственнаго развитія человѣка, именно въ стремленіи человѣка *быть* лучше того, чѣмъ онъ есть на дѣлѣ. Но, чтобы сдѣлаться *лучше*, для этого требуется серьезная, долгая, трудная, часто даже мучительная работа человѣка надъ собою, которая, предполагается, должна привести къ широкому, всестороннему развитію всѣхъ силъ и способностей души и въ частности — къ подавленію въ ней началъ эгоистическихъ и развитію на ихъ счетъ началъ альтруистическихъ. Но такая работа никому легко не дается. И вотъ человѣкъ, увлекаемый твор-

чествомъ фантазіи, какъ бы предупреждая процессъ своего дѣйствительнаго развитія, трудно-достижимое стремленіе *быть* лучшимъ замѣняетъ легко достижимымъ желаніемъ только *казаться* лучшимъ. Въ этой именно способности человѣка удовлетвориться простымъ желаніемъ *казаться* лучшимъ и заключается корень Хлестаковщины. Едва-ли, конечно, есть на свѣтѣ люди, которые бы безусловно и навсегда оставались при одномъ лишь этомъ желаніи; но если они и есть, то это развѣ субъекты, одержимые полнымъ параличемъ воли, и слѣдовательно должны быть относимы къ явленіямъ патологическимъ. Обыкновенно же бываетъ такъ, что желаніе *казаться* лучшимъ сопровождается стремленіемъ дѣйствительно *быть* лучше того, что представляетъ изъ себя человѣкъ въ данное время, на данной стадіи своего внутренняго развитія. По крайней мѣрѣ у Гоголя, какъ сейчасъ увидимъ, это стремленіе къ развитію было въ высокой степени, а въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ глубокаго пробужденія религіознаго чувства, оно сдѣлалось господствующимъ явленіемъ его внутренней жизни.

Необходимымъ условіемъ, при которомъ зарождается въ человѣкѣ стремленіе къ нравственному совершенствованію, служитъ пробужденіе въ немъ внутренняго самоанализа. Обращаясь къ своему личному „я“ и изучая его содержаніе, человѣкъ производитъ анализъ его съ точки зрѣнія даннаго идеала и старается по совершенству послѣдняго перестраивать свое внутреннее несовершенство. Въ Гоголѣ процесъ самоанализа начался, повидимому, очень рано: къ сравнительно довольно ранней порѣ его жизни относится прямое свидѣтельство, показывающее, что въ это время работа самоанализа и сопровождающей его самокритики находилась даже въ полномъ разгарѣ. Имѣемъ въ виду извѣстныя строки въ его письмѣ къ матери изъ Любека, отъ 13 августа 1829 г. „Часто—читаемъ здѣсь—я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ создалъ сердце, можетъ (быть), единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую

страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія? Но мой бренный разумъ не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго“ [1]). Изъ этого признанія видно, что Гоголь еще въ ранней юности своей „часто“ задумывался надъ внутреннимъ строемъ своей души, различалъ въ ней стороны хорошія отъ дурныхъ, видимо отдавая предпочтеніе первымъ предъ послѣдними. Это самоизученіе не могло остаться безъ результатовъ и дало ему возможность позднѣе дать болѣе опредѣленный отчетъ о себѣ какъ нравственной личности. „Во мнѣ, писалъ онъ въ 1843 г., не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность; но зато, вмѣсто того, во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, даже *отъ рожденія* моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю какъ возблагодарить Бога, было *желаніе быть лучшимъ. Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ,* и если бы небесная любовь Божія не распорядилась такъ, чтобы они открывались передо мною постепенно и понемногу, на мѣсто того, чтобы открылись вдругъ и разомъ передъ моими глазами, въ то время, какъ я не имѣлъ еще никакого понятія о всей неизмѣримости Его безконечнаго милосердія,—я бы повѣсился“. Далѣе Гоголь знакомитъ насъ съ своеобразными пріемами, при помощи которыхъ онъ, движимый „желаніемъ быть лучшимъ“, боролся съ своими внутренними „гадостями“. „По мѣрѣ того, говоритъ онъ, какъ онѣ стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ жела-

[1]) Письма, I, 131.

ніе избавляться отъ нихъ...; я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего вначалѣ для меня самаго, онъ бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать... только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ", въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи,... началъ по немногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!" Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это каррикатура и моя собственная выдумка!" [1]).

Хотя нѣкоторые изъ людей, хорошо знавшихъ Гоголя, категорически утверждали, что большая часть пороковъ и слабостей героевъ его литературныхъ произведеній дѣйствительно были его собственными пороками и слабостями [2]), мы однакоже думаемъ, что при правильномъ пониманіи характера нравственной личности Гоголя, эта мысль можетъ быть принята съ значительнымъ ограниченіемъ. Дѣло въ томъ, что, когда рѣчь идетъ о такого рода людяхъ какъ Гоголь, необходимо отчетливо различать вибраціи теоретической мысли и случайную игру воображенія, часто совершенно не переходящія въ актъ воли, отъ настоящаго

[1]) Сочин. Гоголя, изд. Тихонравова (10-ое), т. IV, стр. 87—88 (3-е письмо по поводу „Мертвыхъ Душъ".

[2]) Это, напримѣръ, рѣшительно утверждаетъ Арнольди: „Мое знакомство съ Гоголемъ" (Р. Вѣстникъ, 1862 г.), кн. 1. Съ нимъ, повидимому, вполнѣ согласенъ О. Ѳ. Миллеръ: „Николай Васильевичъ Гоголь" (Русск. Старина, 1875 г., т. XIV, стр. 681—682).

движенія воли, этой активнѣйшей силы души, въ проявленіи которой по преимуществу выражается характеръ нравственной личности человѣка. По отношенію къ натурамъ цѣльнымъ, непосредственнымъ, такое разграниченіе этихъ двухъ сторонъ человѣческой души конечно не должно имѣть мѣста, ибо у нихъ между направленіемъ мысли и направленіемъ воли и чувства въ большинствѣ случаевъ существуетъ полная гармонія: отъ того, какъ эти люди думаютъ, безъ опасенія впасть въ большую ошибку, можно заключать къ тому, какъ эти люди будутъ дѣйствовать. Но нельзя этого сказать о людяхъ, страдающихъ внутреннею раздвоенностью. При большой подвижности мысли, при свободномъ полетѣ фантазіи, въ сознаніи человѣка, подъ воздѣйствіемъ какихъ-нибудь скрытыхъ, можетъ быть чисто физіологическихъ импульсовъ, можетъ появиться мысль, которая окажется въ полномъ противорѣчіи съ господствующимъ направленіемъ его душевнаго строя и которую онъ не только никогда не рѣшится привести въ исполненіе, но которая иной разъ можетъ заставить его внутренно покраснѣть за самаго себя. Судить по такого рода мыслямъ о достоинствѣ нравственной личности человѣка было бы конечно грубою ошибкой: нельзя человѣка обвинять въ томъ, отъ чего онъ совершенно искренно открещивается обѣими руками. А между тѣмъ такая мысль, разъ явившись въ сознаніи, взятая подъ покровительство художественной фантазіей, можетъ вырости до яснаго и опредѣленнаго образа и подъ перомъ художника стать живымъ лицомъ. Но отожествлять созданный при такихъ условіяхъ литературный типъ съ создавшимъ его авторомъ—это значитъ не понимать самыхъ элементарныхъ условій художественнаго творчества.

Что сказано объ отдѣльныхъ мысляхъ, то слѣдуетъ сказать и объ отдѣльныхъ чувствахъ, спорадически возникающихъ изъ глубины души и овладѣвающихъ нерѣдко всѣмъ ея составомъ, придавая ему свою особую окраску. Конечно моралистъ-психологъ, при оцѣнкѣ нравственной личности человѣка, не можетъ со-

вершенно безразлично относиться къ такимъ хотя бы и временнымъ движеніямъ души; но свой окончательный судъ онъ произнесетъ не раньше, какъ справившись съ тѣмъ, какъ къ этимъ движеніямъ относится самъ человѣкъ, какъ разумно-нравственная личность, какъ сознающее и волящее „я“, стремящееся сообразовать свои дѣйствія съ извѣстнымъ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ обязательною нормою жизни. Кому неизвѣстно, какою тяжкою борьбою вообще сопровождается прогрессивный ростъ всякой нравственной личности; а между тѣмъ извѣстно, что, чѣмъ природа человѣка сложнѣе, чѣмъ намѣченный имъ идеалъ возвышеннѣе, тѣмъ борьба труднѣе, упорнѣе, мучительнѣе. Кто, напримѣръ, усумнится въ высотѣ нравственной личности апостола Павла? А между тѣмъ вспомните, какъ онъ, въ посланіи къ Римлянамъ (гл. VII), жалуется на одолѣвающую его грѣховность и на свое безсиліе въ борьбѣ съ нею. Знаю, пишетъ онъ, „что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но, чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю... Но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (ст. 18—19, 23—24). Не тоже-ли мы слышимъ въ признаніи Гоголя, который, находя въ себѣ „собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей понемногу“, свидѣтельствуетъ, что онъ *никогда не любилъ своихъ дурныхъ качествъ* и что, напротивъ, въ немъ всегда „было желаніе быть лучшимъ?“

Нравственное развитіе Гоголя совершалось подъ воздѣйствіемъ религіознаго чувства. Наклонность къ религіозности принадлежала къ числу тѣхъ „нѣсколькихъ хорошихъ свойствъ“, которыя, по сознанію самого Гоголя, Богъ вложилъ въ его душу „уже отъ рожденія“ его и которыя въ его родѣ были, повидимому, наслѣдственными. Теперь можно считать доказаннымъ, что

по мужской линіи Гоголь происходитъ изъ духовнаго званія; его прадѣдъ и прапрадѣлъ были священниками [1]) а сохранившееся письмо его прадѣда по женской линіи, Сем. Сем. Лизогуба, по своему тону и содержанію поразительно напоминаетъ письма самаго Гоголя послѣднихъ лѣтъ его жизни [2]). Но особенно сильное вліяніе на Николая Васильевича имѣла его мать, женщина кроткая, сердечная и глубоко-религіозная, приложившая много старанія къ религіозному воспитанію сына. Въ раннемъ дѣтствѣ, когда сознательное отношеніе къ вопросамъ вѣры бываетъ невозможно, система воспитанія направлена была къ тому, чтобы доставить ребенку какъ можно больше соотвѣтствующихъ цѣли воспитанія внѣшнихъ впечатлѣній [3]). О началѣ пробужденія сознанія и болѣе или менѣе осмысленнаго отношенія къ предметамъ вѣры самъ Гоголь вспоминаетъ слѣдующее. Одинъ разъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ матери, „я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это *потрясло и разбудило*

[1]) Имѣемъ въ виду докладъ, сдѣланный А. М. Лазаревскимъ въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца.

[2]) Съ содержаніемъ этого письма недавно познакомилъ членовъ Истор. Общ. Н.-лѣт. въ своемъ докладѣ В. А. Чаговецъ.

[3]) Къ пріемамъ этой системы, напримѣръ, къ хожденію ребенка въ церковь, позднѣе самъ Гоголь, а за нимъ и нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи, относились скептически (Письма, I, 260). Полагаемъ, что въ этомъ скепсисѣ скрывается большое недомысліе: впечатлѣнія дѣтства, хотя бы и мало сознанныя, глубоки и не отразимы. Любопытно, что, резонируя на тему о томъ, что „родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ“, и ссылаясь въ подтвержденіе этого на раннее пріученіе его къ исполненію религіозныхъ обрядовъ, въ томъ же письмѣ, не замѣчая противорѣчія, онъ пишетъ матери: „Знаете ли вы, какъ важны впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ? то, что въ дѣтствѣ только хорошая привычка и наклонность, превратится въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ добродѣтель“ (Письма, ibid., 259—260).

во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“ [1]). Гоголь не указываетъ намъ точно, когда именно это случилось; но позднѣе, вспоминая моментъ, съ котораго началось въ немъ то направленіе, которое ясно проявилось въ началѣ 40-хъ годовъ, онъ писалъ С. Т. Аксакову: „Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ (1844 г.), не шатаясь, не колеблясь никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое и, если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: „объяснится потомъ“, шелъ далѣе своей дорогой...“ [2]).

Какъ бы то ни было, но разсказъ матери о загробной жизни, со *страшнымъ описаніемъ вѣчныхъ мукъ грѣшниковъ*, произвелъ на впечатлительную душу ребенка потрясающее дѣйствіе, оставилъ впечатлѣніе на всю жизнь и сыгралъ видную роль въ дѣлѣ постепеннаго усиленія въ немъ религіознаго чувства. Это, между прочимъ, видно изъ слѣдующихъ строкъ того же письма къ матери. Давая совѣтъ, какъ слѣдуетъ воспитывать младшую сестру Ольгу, онъ писалъ: „Говорите ей побольше о будущей жизни, опишите всѣми возможными и нравящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія *ужасныя, жестокія муки* ждутъ грѣшныхъ. Ради Бога, говорите ей почаще объ этомъ, при всякомъ ея поступкѣ, худомъ или хорошемъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія. Нужно сильно *потрясти* дѣтскія чувства, и тогда они *надолго* сохранятъ все прекрасное. *Я испыталъ это на себѣ*“ [3]). Мы уже знаемъ, что это испыталъ Гоголь въ дѣтскіе годы подъ вліяніемъ страшнаго описанія матерью вѣчныхъ мукъ грѣшниковъ. Для правильнаго по-

[1]) Письма, I, 260.
[2]) Ibid., II, 435.
[3]) Ibid., I, 260.

ниманія религіознаго развитія Гоголя весьма важно опредѣлить слѣдующее: эти „ужасныя, жестокія муки", запугивать которыми маленькую сестренку онъ умоляетъ мать,— чѣмъ были онѣ для него самого въ то время, когда писались эти строки, т. е. въ 1833 г.? Остались ли онѣ въ его сознаніи какъ воспоминаніе о когда-то пережитомъ подъ вліяніемъ разсказа матери впечатлѣніи, которое теперь утратило свой настоящій реальный смыслъ и получило лишь значеніе воспитательнаго средства для „благодѣтельнаго" потрясенія дѣтскихъ чувствъ, или всѣ эти „жупелы" были для него предметомъ непосредственной, живой, искренней, наивной вѣры? Правильное пониманіе этого вопроса, думается намъ, можетъ быть установлено при помощи слѣдующихъ строкъ *Предисловія* къ „Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями". Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „Соотечественники! Страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только представленіи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся"... Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ этихъ словахъ Гоголя проявилась живая, искренняя вѣра въ ученіе Христіанской Церкви о возмездіи въ загробной жизни,— вѣра, которая явилась плодомъ „исполинскаго возрастанія" сѣмянъ, зароненныхъ когда-то въ дѣтскую душу матерью и выросшихъ теперь на почвѣ воспламененнаго воображенія въ исполинское дерево.

Картина страшнаго суда всегда производила на людей сильное впечатлѣніе, чѣмъ, какъ извѣстно, съ успѣхомъ пользовались и по сей день пользуются христіанскіе миссіонеры въ интересахъ обращенія язычниковъ. Не удивительно поэтому, что и дѣтское воображеніе Гоголя не освободилось отъ этого впечатлѣнія. Но здѣсь можетъ быть кстати будетъ вспомнить, что въ Малороссіи

ни одинъ изъ вопросовъ христіанскаго вѣроученія не получилъ такой детальной разработки на бытовой почвѣ, какъ вопросъ о страшномъ судѣ. Доказательство этого можно видѣть въ имѣющихся въ распоряженіи науки картинахъ съ этимъ сюжетомъ, представляющихъ богатый научный и художественный матеріалъ, не дождавшійся, къ сожалѣнію, своего Данта [1]). Зная это, мы съ значительною вѣроятностью можемъ предполагать, что разсказъ матери Гоголя о страшномъ судѣ не былъ сухимъ пересказомъ катехизическаго ученія, а переданъ былъ въ той художественной формѣ, въ какую облекло его народное воображеніе; вотъ почему и на дѣтское воображеніе будущаго великаго художника онъ произвелъ такое неотразимое, такое потрясающее впечатлѣніе.

Затѣмъ, сохраненію и даже дальнѣйшему усиленію этого впечатлѣнія много способствовало своеобразное отношеніе Гоголя къ вопросамъ вѣры вообще. Раньше было замѣчено, что Гоголь не былъ великимъ мыслителемъ, что теоретическая сторона философско-богословскаго міровоззрѣнія почти совсѣмъ не интересовала его. Мы видѣли его сознаніе въ томъ, что „если (онъ) встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь *сомнительное,* (то) *не останавливался и не ломалъ голову*“. Ясно, что философскій скепсисъ, который такъ часто, особенно въ юношескомъ возрастѣ, колеблетъ религіозную вѣру, почти совершенно незнакомъ былъ Гоголю. Въ этомъ случаѣ Гоголь поразительно напоминаетъ другого нашего художественнаго писателя, графа А. Толстого. „Я, пишетъ послѣдній въ одномъ изъ писемъ къ матери, *вѣрю* Богу, и у меня *не высокое понятіе о разумѣ человѣческомъ,* и я не вѣрю тому, что онъ называетъ возможнымъ и не возможнымъ: я вѣрю больше тому, что я *чувствую*, чѣмъ тому, что я *понимаю,* такъ какъ Богъ намъ далъ чувства, чтобъ идти дальше чѣмъ разумъ“. Можно было бы указать даже на

[1]) Такія картины имѣются, между прочимъ, въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Кіевской Дух. Академіи.

возникновеніе у насъ попытки создать свою особую гносеологію, направленную противъ крайностей раціонализма и имѣющую цѣлью доказать, что въ дѣлѣ познанія религіозныхъ предметовъ доминирующее мѣсто принадлежитъ не логическому разсудку, а *вѣрѣ*, понимаемой не въ смыслѣ простого довѣрія, а въ смыслѣ *полноты силъ духа*, въ смыслѣ *всецѣлаго разума*, въ которомъ ни одна сила духа не обособляется, а всѣ онѣ вмѣстѣ дѣйствуютъ какъ одно общее *чутье*; но это „чутье“ не смѣшивается съ простымъ чувствомъ, а поэтому система эта столько же направлена противъ крайностей мистицизма, какъ и противъ крайностей раціонализма. Гоголь, какъ богословъ, несомнѣнно принадлежалъ къ фракціи нашихъ мыслителей этого именно направленія, хотя онъ слѣдовалъ ему не столько въ силу какой-нибудь системы, сколько въ силу особаго склада своихъ природныхъ дарованій: для него, какъ истиннаго художника, органомъ познанія былъ всецѣлый разумъ, т. е. способность больше непосредственно чувствующая и созерцающая, чѣмъ логически расчленяющая; онъ схватывалъ истину сразу, цѣликомъ, въ актѣ непосредственнаго воспріятія, а не приходилъ къ ней путемъ логическаго размышленія. Логическая способность есть сила анализирующая, расчленяющая, разрушающая, и тамъ, гдѣ она беретъ перевѣсъ, она ведетъ сначала къ скепсису, а потомъ и къ полному невѣрію: нельзя вѣрить въ то, что разрушено, что перестало существовать какъ живой предметъ. У людей, надѣленныхъ отъ природы истинно художественнымъ талантомъ, логическая мысль рѣдко обособляется настолько, чтобы совершенно освободиться отъ воздѣйствія остальныхъ способностей души; потому-то художники всегда мыслятъ образами, и обнаженіе мысли отъ образа есть несомнѣнный признакъ слабости художественнаго творчества. Вотъ почему великому художнику трудно быть великимъ мыслителемъ; вотъ почему графъ Л. Н. Толстой, несомнѣнно великій художникъ, оказался такимъ сравнительно убогимъ мыслителемъ; вотъ почему отъ знаменитаго Гёте, каждый разъ, какъ только въ немъ нѣмецъ-метафизикъ

беретъ перевѣсъ надъ геніальнымъ поэтомъ. вѣетъ холодомъ и искусственнымъ риторизмомъ. Гоголь былъ истиннымъ художникомъ и остался имъ до конца, даже тогда, когда сила художественнаго творчества оставила его; не въ силахъ будучи творить, онъ все же постигалъ истину художественнымъ чутьемъ, а поэтому и въ своихъ письмахъ позднѣйшей эпохи, посвященныхъ далеко нехудожественнымъ вопросамъ, онъ остается художникомъ. Вспомнимъ хотя бы выше приведенныя строки изъ его письма къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, гдѣ онъ говоритъ о томъ, какъ нужно любить Бога: люби его такъ, „чтобы *образъ Его стоялъ въ мысляхъ твоихъ неотлучно впереди всѣхъ*, впереди матери, впереди брата, впереди сестеръ, впереди всего на свѣтѣ“. Для истиннаго раціоналиста Богъ не есть живой образъ: для него Богъ есть прежде всего логическое понятіе, которое нужно проанализировать, Онъ есть научный тезисъ, который нужно разсмотрѣть и логически доказать или отвергнуть. Для Гоголя же Богъ есть живая сущность, которую онъ постигаетъ всѣми фибрами своего существа; а поэтому онъ поднимаетъ вопросъ не о томъ, какъ доказать бытіе Бога, а о томъ, какъ лучше войти съ нимъ въ общеніе, какъ съ живымъ реальнымъ лицомъ, и какъ сдѣлаться достойнымъ Его благодатнаго воздѣйствія на себя.

Какъ относился Гоголь къ вопросу о Богѣ, такъ относился онъ и къ другимъ вопросамъ вѣры, такъ относился онъ въ частности и къ вопросу о страшномъ судѣ. Этотъ судъ не даромъ называется „страшнымъ“. По ученію христіанской Церкви на этомъ судѣ подводятся итоги всей земной жизни, производится расчетъ съ прошлымъ, и окончательно, навсегда, т. е. на всю безконечную вѣчность, рѣшается вопросъ о будущемъ. Гоголь, какъ искренній и послѣдовательный христіанинъ, не могъ не понимать такого рѣшающаго и, такъ сказать, рокового значенія этого вопроса въ жизни человѣка, и не удивительно поэтому, что у него „замирала отъ ужаса душа при одномъ только представленіи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній

Бога, предъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ". Гоголя, какъ видно изъ этихъ словъ, пугала загробная жизнь не тѣми „жупелами", которыми старыя бабушки запугиваютъ малыхъ ребятъ и которыми, повидимому, самъ онъ въ свое время совѣтовалъ матери запугивать маленькую сестренку. Нѣтъ: въ воспламененномъ воображеніи великаго художника рисуется грандіозная картина нравственнаго величія какъ Самого Бога, такъ и окружающаго Его сонма высшихъ разумныхъ тварей, въ сравненіи съ которыми самъ онъ чувствуетъ себя жалкимъ ничтожествомъ. Вотъ отъ чего *замираетъ отъ ужаса душа его*, вотъ отъ чего *стонетъ весь умирающій составъ* его, „чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся"... Вспомнимъ, что Гоголь началомъ христіанской жизни признавалъ любовь, и мы поймемъ, о какихъ *страшилищахъ* здѣсь идетъ рѣчь: въ томъ высшемъ мірѣ, гдѣ любовь съ ея обаятельною красотою является уже не предписаніемъ закона, а осуществившимся фактомъ, низмениыя эгоистическія стремленія человѣческой личности, въ мыслящемъ образами воображеніи художника, представляются настоящими живыми страшилищами, отъ которыхъ онъ съ ужасомъ отвратился бы, но не въ силахъ или точнѣе сказать—не вправѣ это сдѣлать, ибо никто не можетъ поручиться за то, что и самъ онъ окажется въ числѣ этихъ страшилищъ. Вотъ при этой-то мысли ему и становится страшно, при этой мысли и стонетъ весь умирающій составъ его...

Обозрѣвая подъ этимъ угломъ зрѣнія всю свою жизнь, осмысливая прошлое и готовясь къ отчету въ будущемъ, Гоголь особенно смущался тѣмъ, что, какъ ему казалось, у него „такъ мало добрыхъ дѣлъ, а жизнь наша такъ быстро летитъ!" [1]). А между тѣмъ, если отъ кого, то именно отъ себя онъ считалъ

[1]) Письма, III, 138.

вправѣ требовать добрыхъ дѣлъ. „Я, писалъ онъ матери, получилъ много отъ Бога и долженъ бы быть лучше васъ всѣхъ, но ежедневно убѣждаюсь, что я хуже васъ всѣхъ“ [1]). Ему иной разъ кажется, что душа его представляетъ цѣлую бездну себялюбія и гордости. „Вижу, писалъ онъ отцу Матвѣю, такъ много въ себѣ дурного, такую бездну *себялюбія* и неумѣнья пожертвовать земнымъ *небесному!* Прежде мнѣ казалось, что я уже возвысился душой, что я значительно сталъ лучше прежняго, въ минуты слезъ и умиленій, которыя я ощущалъ во время чтенія святыхъ книгъ. Мнѣ казалось, что я удостоивался уже милостей Божьихъ, что эти сладкія ощущенія есть уже свидѣтельство, что я сталъ *ближе къ небу*. Теперь только дивлюсь своей гордости, дивлюсь тому, какъ Богъ не поразилъ меня и не стеръ съ лица земли. О, другъ мой и самимъ Богомъ данный мнѣ исповѣдникъ! горю отъ стыда и не знаю, куда дѣться отъ незамѣтнаго множества неподозрѣваемыхъ во мнѣ прежде слабостей и пороковъ... Исписалъ бы вамъ страницы во свидѣтельство моего малодушія, суевѣрія, боязни. Мнѣ кажется даже, что во мнѣ и вѣры нѣтъ вовсе...“ [2]).

Это сомнѣніе Гоголя даже въ присутствіи въ немъ вѣры для даннаго момента (1848 г.) весьма характерно. Слѣдя за душевнымъ настроеніемъ его въ послѣдніе годы жизни, замѣчаешь, какъ въ немъ, вмѣстѣ съ упадкомъ физическихъ силъ, ослабѣваетъ сила воли, изсякаетъ начало всякой активности, утрачивается вѣра въ самого себя и въ свои дѣйствія, а вмѣсто этого развивается безусловное преклоненіе предъ силою Промысла Божія, въ которой онъ надѣется найти подкрѣпленіе своихъ падающихъ силъ. Такъ въ письмѣ къ матери 1848 года онъ пишетъ: „Все въ рукахъ Того, Кто располагаетъ судьбой нашей. Какъ Онъ повелитъ, такъ тому и быть. *Молитесь и больше ничего*“ [3]).

[1]) Письма, IV, 138.
[2]) Ibid., 153—154.
[3]) Ibid., 155.

При такомъ душевномъ настроеніи, конечно, ничего не оставалось дѣлать, какъ только молиться. Но къ ужасу своему Гоголь скоро сталъ замѣчать, что и способность молиться начинаетъ его оставлять. „То, о чемъ бы слѣдовало бы мнѣ думать всякій часъ и всякую минуту, писалъ онъ о. Матвѣю, такъ рѣдко бываетъ у меня въ мысляхъ. и это самое рѣдкое помышленье о немъ такъ бываетъ холодно, такъ безъ любви и одушевленія, что въ иное время становится даже страшно. Иногда кажется, какъ бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться: но этой молитвы бываетъ одна, двѣ минуты. Далѣе мысли мои расхищаются, приходятъ въ голову незванные, непрошенные гости и уносятъ помышленья Богъ знаетъ куда, Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ то дѣлается не во время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда думаю о другомъ, думается о третьемъ...“ [1]). Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ неврастеникомъ. Но самъ Гоголь этого, повидимому, не сознавалъ и, стараясь отыскать объясненіе факта на нравственной почвѣ, приходилъ въ крайне удрученное состояніе. „Въ теперешнее время, продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, когда отовсюду грозятъ бѣды человѣку, можетъ быть, только и нужно дѣлать, что молиться, обратить все существо свое въ слезы и молитву, позабыть себя и собственное спасеніе, и молиться о всѣхъ. *Все это чувствуется и ничего не дѣлается, и оттого еще страшнѣе вокругъ*, и слышишь одну необходимость повторять: „Господи, не введи меня въ искушеніе и избави отъ лукаваго!“ [2]). Усилившаяся болѣзнь повергала его иногда въ такое мучительное состояніе, что иной разъ приходилось напрягать всѣ силы души для перенесенія страданій. Проявлявшійся въ этихъ случаяхъ недостатокъ терпѣнія даетъ поводъ страдальцу разразиться противъ себя цѣлой бурей негодованія: „Какъ подлъ и низокъ человѣкъ, особенно я! писалъ онъ Жуковскому. Столько примѣровъ уже ви-

[1]) Письма, IV, 229.
[2]) Ibid.

дѣвши на себѣ, какъ все обращается во благо души, и при всемъ томъ нѣтъ силъ терпѣть благородно и великодушно! А Онъ такъ милостиво и такъ богато воздаетъ намъ за малѣйшую каплю терпѣнія и покорности! и среди самыхъ тяжкихъ болѣзненныхъ состояній Онъ наградилъ меня такими небесными минутами, передъ которыми ничто всякое горе“ [1]).

Какъ бы разыскивая причины постигавшаго его нравственнаго изнеможенія, Гоголь углубляется внутрь себя и, находя, что „въ душѣ и сердцѣ человѣческомъ столько есть неуловимыхъ оттѣнковъ и излучинъ, что всякій день могутъ случиться открытія и открытія“ [2]), съ особымъ увлеченіемъ отдается самоанализу, наклонность къ которому, повидимому, развита была у него съ ранняго возраста. Вотъ, напримѣръ, слова характернаго въ своемъ родѣ признанія изъ письма къ Шевыреву отъ 25 мая 1847 г. Стараясь дать себѣ отчетъ въ томъ, какими мотивами руководствовался онъ при изданіи „Переписки съ друзьями“, Гоголь пишетъ: „Я *разъялъ себя анатомически,* разсмотрѣлъ себя строго и разспросилъ себя еще разъ, поставляя себя мысленно какъ бы предъ судомъ Того, Кто будетъ судить меня“, и нашелъ, что эти мотивы не были эгоистическими [3]). Это анатомическое разъятіе въ позднѣйшее время стало обычнымъ явленіемъ его внутренней жизни и часто сопровождалось самообличеніемъ, переходившимъ иногда въ настоящее самобичеваніе.

Впрочемъ, Гоголь не всегда только себя одного винилъ въ своихъ внутреннихъ слабостяхъ; у него было подставное лицо, на которое онъ иногда любилъ сваливать часть своей вины: это „духъ-обольститель“, котораго онъ иногда называетъ просто „чортомъ“, а иногда даже уменьшительно-ласкательнымъ именемъ „чортика“. Духъ-обольститель, въ представленіи Гоголя, не обладаетъ сколько-нибудь значительными силами и серьезнаго положитель-

[1]) Письма, III, 241.
[2]) Ibid, 137.
[3]) Ibid., 473.

наго вреда онъ человѣку сдѣлать не можетъ: его пакости ограничиваются тѣмъ, что, неотступно слѣдя за человѣкомъ, онъ горько слѣдитъ за его слабостями и эксплоатируетъ ихъ въ свою пользу и во вредъ, конечно, человѣку. „Духъ-обольститель, жалуется Гоголь въ письмѣ къ о. Матвѣю, такъ близко отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще только стремлюсь и что, покуда, пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ!“ Эта близость искусителя повергаетъ Гоголя въ настоящую панику и лишаетъ его увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ. „Страшусь всего, продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, видя ежеминутно, какъ хожу опасно. Блеститъ вдали какой-то лучъ спасенья—святое слово—*любовь*. Мнѣ кажется, какъ-будто теперь становятся мнѣ милѣе образы людей, чѣмъ когда-либо прежде, какъ будто я гораздо больше способенъ теперь любить, чѣмъ когда-либо прежде. Но Богъ знаетъ, можетъ быть, и это только такъ кажется: можетъ быть и здѣсь *играетъ роль искуситель*“... [1]). Серьезный тонъ приведенныхъ словъ показываетъ, что Гоголь смотрѣлъ на искусителя глазами христіанскаго катехизиса. Тонъ этотъ не всегда однако же выдерживается. Въ данномъ случаѣ онъ обусловливался, повидимому, какъ достоинствомъ лица, къ которому писалось письмо, такъ и настроеніемъ духа, въ которомъ оно писалось. Въ письмахъ же къ другимъ лицамъ, писанныхъ въ другомъ настроеніи духа, въ Гоголѣ, когда онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, просыпается старый юмористъ, который почтенное имя „духа-искусителя“, безъ особаго стѣсненія, превращаетъ въ настоящаго „чорта“, съ которымъ мы знакомы по разсказамъ изъ малорусскаго быта. Въ этомъ отношеніи особенно характерны слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ С. Т. Аксакову. Доказывая. что „волненіе и мысленная борьба“, на которыя жаловался Аксаковъ, „есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно—„чорта“, Го-

[1]) Письма, IV, 187—188.

голь такъ характеризуетъ этого общаго всѣмъ намъ пріятеля. „Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ—точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ, раскричится. Стóитъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ что. Пословица не бываетъ даромъ; а пословица говоритъ: *хвалился чортъ всѣмъ міромъ овладѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти.* Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя-ли какъ-нибудь привести въ уныніе, шепчетъ: „Смотри, какъ у тебя много мерзостей,—пробуждайся!“ когда незачѣмъ и пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ уныніе—это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ—не вѣрящій въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все“... [1]). Такимъ же тономъ отличаются и слѣдующія строки изъ письма къ Смирновой, которыя тѣмъ интереснѣе, что писаны въ іюлѣ 1850 года, значитъ, менѣе чѣмъ за два года до смерти. „А на счетъ чортика и всякихъ лѣзущихъ въ голову постороннихъ гостей, скажу вамъ: просто, плюньте на нихъ! Скажите; „Мнѣ некогда, у меня есть теперь много заботъ поважнѣе, въ томъ числѣ, положимъ, и дѣло Гоголя“. А еще лучше скажите: „У меня есть другія, высшія обязанности: мнѣ нужно благодарить Бога за то, что сохранилъ меня до сихъ поръ, что я живу на свѣтѣ, что жизнь моя нужна для добрыхъ дѣлъ. Некогда, некогда, сатана! убирайся себѣ въ свою преисподнюю!“ Онъ, скотина, убѣжитъ, поджавши хвостъ“ [2]). Сравненіе чорта съ мелкимъ чиновникомъ,

[1]) Письма, II, 434—435.
[2]) Ibid., IV, 334—335.

сопоставленіе его „со всякими лѣзущими въ голову посторонними гостями“, доказываетъ не то, что Гоголь не вѣрилъ въ злого духа, какъ живую личность, какъ „духа-искусителя“, а то, какъ трудно было ему освободиться, съ одной стороны, отъ впечатлѣній ранняго дѣтства, съ другой стороны—отъ способности мыслить образами: художникъ-юмористъ отъ времени до времени проглядываетъ въ немъ даже сквозь сгущенную струю горькихъ слезъ, обильно смачивавшихъ конецъ жизненнаго пути, уже прямо ведшаго Гоголя къ могилѣ.

Намъ уже приходилось замѣчать, что состояніе духа, которое самъ Гоголь называлъ „безчувственнымъ и бездѣйственнымъ“ [1]), и которое выражалось какъ въ оскудѣніи силы художественнаго творчества, такъ и въ неспособности къ религіозно-нравственнымъ подвигамъ, которыхъ такъ жаждала его душа,—сопровождалось сильнымъ упадкомъ физическихъ силъ и, безъ сомнѣнія, имъ обусловливалось. Жалобы на невыносимыя физическія страданія, на сильное нервное разстройство, на одолѣвавшую скорбь, тоску, унынie, хандру, въ его письмахъ принимаютъ иногда характеръ неумолкаемаго вопля. Особенно тяжелъ для него былъ 1845 годъ. Въ февралѣ 1846 года онъ писалъ Плетневу: „Тяжки и тяжки мнѣ были послѣднія времена, и весь минувшій годъ такъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. Болѣзненныя состоянія до такой степени (въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго) были невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лекарство и облегченіе“ [2]). Еще въ половинѣ 1845 года онъ многократно увѣрялъ Языкова, что болѣзнь его серьезна, что силы его исчерпаны, что „только одно чудо Божіе можетъ спасти“ его [3]). Особенно смущала Гоголя неспособность врачей правильно поставить діагнозъ болѣзни. „Меня, писалъ онъ Жуковскому въ іюнѣ 1845 г. изъ

[1]) Письма, II, 381.
[2]) Ibid., III, 147.
[3]) ibid., 64.

Берлина, смущала не самая болѣзнь моя, но то, что я не могъ добиться отъ докторовъ, въ чемъ именно состоитъ болѣзнь моя. Что есть во мнѣ нервическое разстройство, это я слышалъ, но отчего оно произошло—это осталось для меня задачей, а безпрерывное возрастанье недуговъ не-нервическихъ, вмѣстѣ съ нервическими, изсушеніе всего тѣла и цвѣтъ мертвечины, который оно принимало, чѣмъ дальше, больше, все это запутывало еще больше задачу и не давало мнѣ надлежащаго духа отважиться на одинокое и пустынное леченіе, опасное при хандрическомъ расположеніи духа, постоянно преслѣдовавшемъ меня [1]). Вообще отъ писемъ Гоголя за это время вѣетъ чѣмъ-то похожимъ на отчаяніе. „Здоровье мое плохо совершенно, писалъ онъ Шереметевой, силы мои гаснутъ. Отъ врачей и отъ искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически не возможно... Я слишкомъ знаю, что нельзя зажечь уже свѣтильникъ, если не стало масла; но знаю, что есть Сила, Которая и въ мертвомъ воздвигнетъ духъ жизни, если восхощетъ, и что молитва угодныхъ Богу душъ велика предъ Богомъ“ [2]).

Итакъ, разбитый физически и нравственно, утративъ вѣру въ человѣческія средства, но не утративъ надежды на возможность сверхъестественнаго исцѣленія посредствомъ чудодѣйственнаго акта, Гоголь рѣшилъ предпринять путешествіе въ Святую Землю, надѣясь отъ самаго Бога, на мѣстѣ высшаго проявленія Его силы, получить то, чего онъ не могъ получить отъ людей. Мы уже видѣли, что Гоголь собирался между прочимъ много „обдумать у гроба самаго Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все, въ самой той землѣ, гдѣ ходили Его небесныя стопы“. Но то главное, чего онъ надѣялся достигнуть посредствомъ этого путешествія, выражено имъ въ послѣднемъ прошеніи составленной имъ молитвы, которое читается такъ: „И сподоби его, Боже, *возстать отъ святого Гроба съ обновлен-*

[1]) Письма, III, 70.
[2]) Ibid., 78.

ными силами, бодростью и рвеніемъ возвратиться къ дѣлу и труду своему, на добро землѣ своей и на устремленіе сердецъ къ прославленію святаго имени Твоего“ [1]).

Придавая такое большое значеніе этому путешествію, Гоголь готовился къ нему долго и серьезно: заботясь о чистотѣ душевной, онъ усердно молился самъ и просилъ молиться о себѣ другихъ, говѣлъ и пріобщался Св. Таинъ. Душевное настроеніе его предъ самымъ отправленіемъ видно изъ третьяго и четвертаго прошенія вышеупомянутой молитвы. Здѣсь читаемъ: „Тишину же души его исполни благодатныхъ мыслей во все время дороги его! Удали отъ него *духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни!* Духъ же твердости и силы, и не сокрушимой надежды въ Тебя, Боже, всели въ него! Да окрѣпнетъ во всемъ благомъ и угодномъ Тебѣ!“ [2]). Но особенно живо рисуется это состояніе въ письмахъ, писанныхъ предъ самымъ отправленіемъ въ путь. „Чувствую, пишетъ онъ матери, что нѣтъ силъ молиться самому: силы мои какъ бы ослабѣли, сердце черство, малодушна душа. Я требую отъ васъ всѣхъ (родныхъ) помощи, какъ погибающій братъ проситъ у братьевъ“ [3]). „Собираюсь въ путь, читаемъ въ письмѣ къ Шереметевой, готовлюсь сѣсть на корабль ѣхать въ Святую Землю, а между тѣмъ—какъ мало похожу на человѣка, собирающагося въ путь! какъ много въ душѣ мелочныхъ земныхъ привязанностей, земныхъ опасеній! какъ малодушна моя душа!“ [4]). Ему даже кажется, что у него „вѣры

[1]) Письма, IV, 158, 162.

[2]) Ibid., 446. Слова эти составлены, очевидно, въ подражаніе словамъ молитвы Ефрема Сирина. Въ письмѣ къ Шереметевой начало приведенныхъ строкъ читается такъ: „Душу же его исполни благодатныхъ мыслей“. Ibid., IV, 162.

[3]) Ibid., IV, 153.

[4]) Ibid., 161.

нѣтъ вовсе“ [1]). При такомъ душевномъ настроеніи оставалось одно—молитва; но при непобѣдимой апатіи и равнодушіи ко всему даже молитвенное настроеніе оставило его. Не въ силахъ будучи самъ молиться, онъ проситъ объ усиленной молитвѣ другихъ: „Прошу васъ, обращается онъ къ матери, отправить молебенъ, и, если можно, даже не одинъ, (во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться) о благополучномъ моемъ путешествіи. Чувствую, что нѣтъ силъ самому молиться... Соедините ваши моленья и помогите воскрылиться къ Богу моей молитвѣ“ [2]). Почти тоже пишетъ онъ и Шереметевой. „Другъ мой, молитесь обо мнѣ, молитесь крѣпче, чѣмъ когда-либо молились! Молитесь о томъ, чтобы Богъ далъ силы помолиться такъ, какъ долженъ молиться Ему на землѣ человѣкъ, Имъ созданный и облагодѣтельствованный! Поручите отслужить молебенъ о благополучномъ моемъ путешествіи такому священнику, о которомъ вы знаете, что онъ отъ всей души обо мнѣ помолится“ [3]). По совѣту о. Матвѣя, Гоголь въ это время читаетъ Евангеліе и дѣлаетъ распоряженіе о высылкѣ о. Матвѣю „100 рублей серебромъ на молебны и на бѣдныхъ“ [4]). Послѣ того, что раньше сказано было о взглядѣ его на молитву, нѣкоторыя своеобразныя особенности приведенныхъ здѣсь просьбъ о молитвѣ не нуждаются въ разъясненіяхъ.

Итакъ, колеблясь между отчаяніемъ и надеждою, Гоголь, 22 января 1848 г., сѣлъ въ Неаполѣ на корабль, а на другой день, нѣсколько ободренный началомъ путешествія, писалъ уже изъ Мальты: „слава Богу, я еще живъ, я еще могу *надѣяться,* что Богъ приведетъ состояніе души моей въ *болѣе благодатное состояніе.* О, если бы я приведенъ былъ въ возможность такъ помолиться, какъ угодно Богу, чтобы молились ему люди!“ [5]).

---

[1]) Письма, IV, 154.
[2]) Ibid., 156.
[3]) Ibid., 161.
[4]) Ibid., 155.
[5]) Ibid., 164.

Но увы! Этому страстному желанію не суждено было осуществиться. Вообще слабый, еще болѣе обезсиленный утомительнымъ путешествіемъ, по прибытіи въ Святыя Мѣста онъ не въ состояніи былъ собраться ни съ мыслями, ни съ чувствами, и оказался въ состояніи какого-то полузабытья, какъ бы въ туманѣ; все происходившее предъ его глазами совершалось какъ бы во снѣ. На первыхъ порахъ онъ даже не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что именно съ нимъ происходило. Описывая Жуковскому, въ письмѣ изъ Бейрута, свое присутствіе на литургіи у гроба Господня, онъ пишетъ: „Все это было такъ чудно! Я не помню, молился ли я. Мнѣ кажется, я только радовался тому, что помѣстился на мѣстѣ, такъ удобномъ для моленья и такъ располагающемъ молиться; молиться же собственно я не успѣлъ. Такъ мнѣ кажется. Литургія неслась, мнѣ казалось, такъ быстро, что самыя крылатыя моленья не въ силахъ были угнаться за нею. Я не успѣлъ почти опомниться, какъ очутился передъ чашей, вынесенной священникомъ изъ вертепа, для пріобщенія меня недостойнаго... Вотъ тебѣ всѣ мои впечатлѣнія изъ Іерусалима“ [1]). Позднѣе, когда это состояніе прошло и Гоголь, собравшись съ мыслями, постарался дать себѣ отчетъ въ результатахъ этой поѣздки, онъ нашелъ ее совершенно неудавшеюся. Отвѣчая на просьбу Жуковскаго познакомить его съ впечатлѣніями путешествія, онъ писалъ: „Мое путешествіе въ Палестину точно было совершено мною затѣмъ, чтобы узнать и какъ-бы узрѣть собственными глазами, какъ велика *черствость* моего сердца. Другъ, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился пріобщиться отъ Святыхъ Таинъ, стоявшихъ на самомъ Гробѣ вмѣсто престола,—и при всемъ томъ я не сталъ лучшимъ, тогда какъ все земное должно было во мнѣ сгорѣть и остаться одно небесное. Что могутъ доставить тебѣ мои *сонныя* впечатлѣнія? Видѣлъ я *какъ во снѣ* эту Землю...“ [2]). Точно

[1]) Письма, IV, 177.
[2]) Ibid., 299—300.

также въ письмѣ къ Шереметевой онъ писалъ: „У Гроба Господня я былъ какъ-будто затѣмъ, чтобы *тамъ*, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ *холода сердечнаго*, какъ много *себялюбія* и *самолюбія*. Итакъ *далеко* отъ меня то, что̀ я полагалъ чуть не *близко*“ [1]). Вообще, сознавался онъ о. Матвѣю, „что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только развѣ что больше увидѣлъ *черствость* свою и свое *себялюбіе*, вотъ весь результатъ!“ [2]).

Слѣдя за этимъ самообличеніемъ, переходящемъ иногда въ настоящее самобичеваніе, невольно жалѣешь, что никто не напомнилъ Гоголю его же собственныхъ словъ о томъ, „что нельзя зажечь уже свѣтильникъ, если не стало масла“. Вспоминая минуты когда-то пережитаго поэтическаго вдохновенія, минуты высшаго воспламененія всѣхъ силъ и способностей души, Гоголь хотѣлъ бы, чтобы эти счастливыя минуты вновь повторились теперь въ сферѣ жизни религіозной, и, не находя въ себѣ ничего подобнаго, объясняетъ этотъ чисто физіологическій *холодъ сердца* своими нравственными недостатками. Но откуда было взяться жару сердца, когда масло, поддерживавшее горѣніе свѣтильника, изсякло, когда огонь жизни во всемъ полуомертвѣвшемъ организмѣ ело теплился? А между тѣмъ свѣтильникъ быстро тускнѣлъ, жизнь видимо догорала, что особенно ясно обнаруживалось на упадкѣ активныхъ силъ души. „Иногда кажется, писалъ Гоголь отцу Матвѣю, какъ-бы отъ всей души молюсь, то есть, хочу молиться, но этой молитвы бываетъ одна-двѣ минуты; далѣе мысли мои расхищаются; приходятъ въ голову незванные, непрошенные гости и уносятъ помышленья Богъ вѣсть въ какія мѣста, прежде чѣмъ успѣваю очнуться. Все какъ-то дѣлается не во время: когда хочу думать объ одномъ, думается о другомъ; когда

[1]) Письма, IV, 190.
[2]) Ibid., 187.

думаю о другомъ, думается о прежнемъ“ [1]). Изъ этого факта видно, что сознательно и свободно направляемый ходъ мысли у Гоголя сталъ замѣняться случайной, ничѣмъ нерегулируемой ассоціаціей представленій, съ произволомъ которой онъ не можетъ справиться, несмотря на все свое усиліе; а это значитъ, что свобода воли уже сильно парализована. Но, съ другой стороны, этотъ же фактъ доказываетъ и то, что центральное ядро сознанія, служащее оріентировочнымъ пунктомъ въ процессѣ самоанализа, еще крѣпко, что ни одна частная идея не сдвинула его съ основной позиціи и не получила въ немъ исключительнаго, доминирующаго значенія. Другими словами: больной идеи, которою характеризуется истинное сумасшествіе, у Гоголя нѣтъ, и мысль о его сумасшествіи могла родиться только по недоразумѣнію.

Предметомъ особой заботы его въ позднѣйшее время была мысль о *спасеніи души;* подкрѣпляемая мыслію о *возмездіи* въ загробной жизни, она сильно безпокоила его. Понимая, какое важное значеніе въ системѣ христіанскаго ученія занимаетъ заповѣдь о любви, онъ, въ интересахъ достиженія спасенія, старался развить въ себѣ это чувство, но понималъ эту свою задачу чисто мистически: требуя отъ истинной любви сильнаго напряженія чувства и не находя его въ себѣ, онъ съ горечью обличаетъ себя въ душевной *черствости*, въ *холодѣ* сердца, въ *себялюбіи* и *самолюбіи*. Среди людей, съ которыми онъ въ послѣднее время поддерживалъ оживленное сношеніе, очевидно, не нашлось человѣка, который бы ему растолковалъ, что истинная скорбь, съ которою онъ обличалъ себя въ недостаткѣ любви, несомнѣнно показывала, что онъ не былъ настоящимъ себялюбцемъ, что возбужденность чувства, какъ и психическій актъ, который не всегда

[1]) Письма, IV, 229. Издатели этого письма (Кулишъ и Шенрокъ) колеблются въ опредѣленіи года этого письма между 1848 и 1851 г. По нашему мнѣнію, не должно быть сомнѣнія въ томъ, что это письмо относится къ самому послѣднему времени жизни Гоголя. Таково его содержаніе.

зависитъ отъ доброй воли человѣка, не есть единственный критерій для опредѣленія истинно-христіанской любви, что „Господь и намѣренія цѣлуетъ“, что заповѣдь о любви можно исполнять посильнымъ оказываніемъ добра людямъ, не входя непремѣнно въ состояніе экзальтаціи и проч. и проч. Словомъ, въ эту тяжелую для Гоголя минуту не нашлось человѣка, который своимъ авторитетнымъ воздѣйствіемъ отрезвилъ бы его, указавъ на одностороннее направленіе его религіозной мысли, которая еще несомнѣнно способна была къ вразумленію, ибо фиксированной идеи, которая бы гвоздемъ, такъ сказать, засѣла въ его сознаніи, у него несомнѣнно еще не было, Самымъ авторитетнымъ лицомъ для Гоголя въ данно́е время былъ о. Матвѣй, письмами котораго онъ такъ дорожилъ. Къ сожалѣнію, письма эти не сохранились, и мы теперь не можемъ судить о томъ, какія именно наставленія давалъ о. Матвѣй Гоголю. Одно только съ нѣкоторою вѣроятностью можно предположить, что въ своихъ взглядахъ на начала христіанской аскетики о. Матвѣй былъ не шире Гоголя, что своими наставленіями онъ способенъ былъ только растравить душевныя раны своего духовнаго паціента, а подать ему исцѣляющій бальзамъ онъ былъ не въ силахъ. На эту мысль наводятъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ отцу Матвѣю, писаннаго изъ Іерусалима: „Ваши письма мнѣ были очень нужны: они заставили меня *лучше осмотрѣть себя и разобрать строже* мои дѣйствія“ [1]). Всякъ, кто сколько-нибудь способенъ понимать человѣческую душу, согласится, что если письма о. Матвѣя вызывали въ Гоголѣ еще болѣе строгое отношеніе къ себѣ, то онѣ были для него не исцѣляющимъ бальзамомъ, а отравляющимъ ядомъ; ибо о какой строгости можетъ быть рѣчь въ отношеніи къ человѣку, который и безъ того себя бичуетъ не хуже любого средневѣковаго флагелянта? Гоголь въ настоящемъ своемъ состояніи нуждался не въ усиленіи самоанализа, который и безъ того сталъ принимать бо-

[1]) Письма, IV, 171.

лѣзненный характеръ, а въ успокоеніи, въ умиротвореніи и безъ того глубоко страдавшей души. Ему, какъ малому ребенку, нужно было внушить, что христіанскій Богъ не даромъ называется Богомъ любви и правды, что Онъ не можетъ потребовать отъ человѣка больше того, что послѣдній можетъ дать Ему, что у Него такъ много милости, что ея хватитъ и для праведниковъ и грѣшниковъ, было бы только у нихъ искреннее желаніе исполнить Его волю и т, д. Но, признаемся, насъ беретъ сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы о. Матвѣй велъ съ Гоголемъ рѣчи на такія темы. По крайней мѣрѣ изъ отвѣтныхъ писемъ Гоголя этого не видно. Вотъ весьма любопытныя строки изъ отвѣтнаго письма отцу Матвѣю, отъ 12 января 1848 года: „Я вѣрю, что вы молитесь обо мнѣ и *просили у Бога вразумленья сказать мнѣ то, что для меня нужно*... Не могу только рѣшить того, дѣйствительно-ли дѣло, которое меня занимаетъ и было предметомъ моего обдумыванія съ давнихъ поръ, есть учительство“ [1]). Обращеніе о. Матвѣя къ Богу съ просьбой вразумить его относительно того, что слѣдуетъ сказать Гоголю такое, что ему теперь нужно, показываетъ, что самъ онъ отъ себя ничего не способенъ былъ сказать и ждалъ вдохновенія свыше. Не удивительно поэтому, что и Гоголь, не получая отвѣта на мучившіе его вопросы ни отъ своего собственнаго разума, ни отъ своего духовнаго наставника, обратился за рѣшеніемъ къ тому-же источнику, т. е. ждалъ вдохновенія свыше, которое надѣялся получить у Гроба Господня. Не лишена также интереса въ приведенныхъ строкахъ письма и рѣчь объ *учительствѣ*. О. Матвѣй не только не въ состояніи былъ своими наставленіями поставить Гоголя на истинную дорогу, но, повидимому, даже самаго Гоголя считалъ великимъ учителемъ, толкая его на тотъ путь, въ движеніи по которому Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни видѣлъ свое призваніе.

Что же касается причины обаянія, которое о. Матвѣй производилъ на Гоголя, то, думается намъ, рѣшенія этого вопроса

[1]) Письма, IV, 151.

слѣдуетъ искать на почвѣ подчиненія слабовольнаго человѣка другому человѣку съ сильною волею. А до чего дошелъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы, особенно въ послѣдніе мѣсяцы жизни, видно изъ слѣдующаго разсказа Плетнева въ письмѣ его къ Жуковскому, писанномъ скоро послѣ смерти Гоголя. „Нашелся какой-то священникъ, который неизвѣстно чѣмъ поразилъ воображеніе Гоголя до того, что онъ на масляницѣ рѣшился говѣть. Онъ уже и прежде показывалъ упадокъ духа и воли, стараясь опираться на слово какого-нибудь духовнаго. Такъ еще осенью, отправляясь въ Малороссію на свадьбу сестры, онъ дорогою заѣхалъ къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ, въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ. Монахъ, выслушавъ разсказъ его, присовѣтовалъ ему послѣднее. На другой день Гоголь опять пришелъ къ нему съ новыми объясненіями, послѣ которыхъ монахъ сказалъ, что лучше рѣшиться на первое. На третій день Гоголь явился къ нему снова за совѣтомъ. Тогда монахъ велѣлъ ему взять образъ—и исполнить то, что при этомъ придетъ ему на мысль. Случай благопріятствовалъ Москвѣ. Но Гоголь въ четвертый разъ пришелъ за новымъ совѣтомъ: тогда, вышедши изъ терпѣнія, монахъ прогналъ его, сказавъ, надобно остаться при внушеніи, посланномъ отъ Бога“ [1]). Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, у котораго сила воли совершенно парализована и которымъ, поэтому, легко можетъ управлять каждый, кто силою своей воли съумѣетъ подчинить его своему вліянію.

Гоголь умеръ отъ истощенія силъ, до котораго онъ добровольно довелъ себя посредствомъ отказа отъ принятія пищи. Въ послѣдніе дни жизни, „пропуская лишь нѣсколько капель воды съ краснымъ виномъ, онъ продолжалъ стоять колѣнопреклоненный передъ множествомъ поставленныхъ передъ нимъ образовъ и молиться. На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ тихо и кротко:

[1]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. III, 730—731.

„оставьте меня; мнѣ хорошо". Онъ забылъ обо всемъ: не умывался, не чесался, не одѣвался" [1]). Здѣсь въ образѣ смерти нѣтъ ничего оригинальнаго. Такъ умирали, какъ извѣстно, многіе христіанскіе подвижники, примѣромъ которыхъ, очевидно, и воспользовался Гоголь.

Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о той сторонѣ дѣятельности Гоголя, которую самъ онъ называлъ „учительствомъ". Но этотъ вопросъ можетъ быть понятъ только въ связи съ тѣмъ „переломомъ", который, какъ казалось современникамъ, произошелъ въ его жизни въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Можно спорить какъ о характерѣ, такъ и о силѣ происшедшей въ Гоголѣ перемѣны; но самаго факта перемѣны оспаривать нельзя; фактъ этотъ засвидѣтельствованъ современными наблюдателями; существованіе свидѣтельства современниковъ говоритъ о полученіи ими извѣстнаго впечатлѣнія; а разъ впечатлѣніе получено, то было, значитъ, и жизненное явленіе, отъ котораго это впечатлѣніе получилось. Современные наблюдатели могли преувеличить силу наблюдаемаго ими факта, они могли не понять его внутренняго смысла, но они не могли выдумать самаго факта, по крайней мѣрѣ наука этого доказать не можетъ. Итакъ, мы выходимъ изъ того положенія, что перемѣна въ Гоголѣ есть твердо установленный историческій фактъ, и ставимъ вопросъ: въ чемъ же заключалась сущность этой перемѣны?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего замѣтимъ, что для общества, которое не имѣло возможности слѣдить за внутреннею жизнью Гоголя, происшедшая въ немъ перемѣна сдѣлалась извѣстною только съ выходомъ въ свѣтъ (1846 г.) *Переписки съ друзьями*. Общество, съ нетерпѣніемъ ожидавшее второго тома „Мертвыхъ Душъ", вдругъ получило книгу, которая поразила всѣхъ и своимъ содержаніемъ, и своимъ тономъ, словомъ, своею неожиданностью: въ этой книгѣ вмѣсто всѣми любимаго, веселаго

[1]) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III, 731.

юмориста выступилъ скучный, ноющій моралистъ, чуть-ли не одержимый религіозной маніей. Въ сущности почти такое же впечатлѣніе произвела *Переписка* и на людей, близко стоявшихъ къ Гоголю, но познакомившихся съ нимъ только недавно, а поэтому не знакомыхъ съ болѣе раннею порою его жизни. Тутъ вся разница сводилась почти исключительно къ сравнительно меньшей неожиданности въ перемѣнѣ тона, ибо такая перемѣна людьми, близко стоявшими къ Гоголю, стала замѣчаться много раньше.

Не такое впечатлѣніе фактъ появленія *Переписки* производитъ на современнаго изслѣдователя, имѣющаго возможность сопоставить и сравнить эти два отдѣльные момента въ жизни Гоголя. Для насъ лично рѣшимость Гоголя предать гласности „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ представляется лишь открытымъ проявленіемъ того душевнаго движенія, которое, зародившись еще въ раннемъ дѣтствѣ, подъ воздѣйствіемъ идей спасенія и возмездія въ загробной жизни, крѣпло и развивалось, но пока скрывалось или, если и проявлялось, то подъ прикрытіемъ художественной формы. Мы уже познакомились съ признаніемъ Гоголя въ томъ, какъ онъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ въ юмористической формѣ преслѣдовалъ свои собственные пороки, которые въ той или другой степени были, конечно, пороками и другихъ людей. Ясно, что въ душѣ Гоголя проповѣдникъ и моралистъ сначала мирно уживался съ художникомъ, причемъ первый, если можно такъ выразиться, скрывался отъ людскаго глаза за стѣною второго. Когда же съ упадкомъ силы художественнаго творчества, художникъ въ Гоголѣ сталъ, такъ сказать, никнуть и умаляться, изъ-за исчезавшаго прикрытія естественно сталъ показываться проповѣдникъ и моралистъ, который скоро и выступилъ во весь свой ростъ. Вотъ эта-то метаморфоза и бросилась въ глаза современнымъ наблюдателямъ, которые и заговорили о перепискѣ, переломѣ, преображеніи и т. д., не давая себѣ отчета въ томъ, въ чемъ именно заключается сущность наблюдаемаго факта.

Мы познакомились также съ собственнымъ признаніемъ Гоголя и въ томъ, что онъ долго намѣренно *скрывалъ* отъ людей свое религіозно-нравственное состояніе. Но Гоголь въ этомъ случаѣ не дѣлалъ ничего такого, чего бы не дѣлали и многіе другіе люди, неохотно, не всегда и не вездѣ выставляющіе на показъ то, что творится въ тайникахъ ихъ души. Тутъ многое зависитъ отъ той среды, въ которой вращается человѣкъ; есть люди, откровенность съ которыми невозможна безъ риска быть оскорбленнымъ въ самыхъ дорогихъ, въ самыхъ святыхъ чувствахъ. Нельзя, напримѣръ, серьезно говорить о религіозныхъ вопросахъ тамъ, гдѣ смѣются, гдѣ издѣваются надъ всѣмъ религіознымъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно свидѣтельство С. Т. Аксакова, который, указывая на религіозное „нравственно-наставительное“ направленіе Гоголя, какъ на причину его, ссылается между прочимъ на „дружескія связи съ женщинами, большею частію высшаго круга. Онѣ, говоритъ Аксаковъ, сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты или поддерживаютъ или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтелей“. [1]). Мы не расположены въ этихъ и подобныхъ имъ связяхъ видѣть дѣйствительную причину даннаго направленія Гоголя; но мы думаемъ, что въ этихъ связяхъ онъ несомнѣнно нашелъ благопріятныя условія для обнаруженія того направленія, которое въ немъ давно зародилось, но которое онъ пока вынужденъ былъ скрывать внутри себя.

Не отрицая, такимъ образомъ, извѣстной доли вліянія на Гоголя такихъ дамъ, какъ Віельгорская, Сологубъ, Смирнова, Шереметева и др., мы, однакоже, въ виду указаннаго обвиненія Аксакова, невольно вспоминаемъ слова басни Крылова:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

[1]) Біографія Кошелева, т. II, 80—81.

Дѣйствительно, если ужъ искать причину перемѣны въ Гоголѣ во внѣшнемъ воздѣйствіи людей, то тутъ прежде всего необходимо вспомнить семью самого Аксакова, а равно и другихъ членовъ того Московскаго кружка, къ которому принадлежали Аксаковы и съ которымъ близко сошелся Гоголь во время своего пребыванія въ Москвѣ. Имѣемъ въ виду кружокъ Московскихъ славянофиловъ. По этому вопросу даемъ ниже разъясненія.

Передовые люди нашего общества 40-хъ и 50-хъ годовъ не даромъ получили названіе идеалистовъ. Платя дань почти всеобщему увлеченію нѣмецкою философіею, ко всѣмъ вопросамъ науки и жизни они подступали съ принудительной стороны, стараясь построить жизнь на незыблемомъ и непремѣнно нравственно, возвышенномъ идеалѣ. Въ поискѣ за идеаломъ у многихъ изъ нихъ замѣчается какая-то двойственность: въ то время какъ отвлеченная мысль увлекалась той или другой философской системой, русское сердце, воспитанное въ историческихъ традиціяхъ народной жизни, направляло сознаніе въ другую сторону, именно, въ область живой религіозной вѣры. Возникавшая отсюда борьба, не рѣдко сопровождавшаяся попытками примирить два противоположныя начала, обыкновенно оканчивалась у однихъ полнымъ отрицаніемъ вѣры, у другихъ полнымъ ея торжествомъ. Вотъ почему въ тогдашнее время легко можно было встрѣтиться съ такого рода явленіемъ: вчера рьяный шеллингистъ или гегельянецъ, безусловно вѣрившій въ непогрѣшимость своихъ кумировъ, сегодня православный христіанинъ, засѣвшій за чтеніе Св. Писанія, отцовъ и учителей Церкви. Послѣдняго рода переломъ, въ той или другой степени, пережили почти всѣ члены славянофильскаго кружка, въ общество которыхъ попалъ Гоголь въ Москвѣ. Хорошей иллюстраціей сказаннаго можетъ служить извѣстный А. И. Кошелевъ. Въ молодости „заклятый шеллингіанецъ“, въ зрѣломъ возрастѣ „винокуръ, сильно дѣйствовавшій по промышленнымъ и торговымъ оборотамъ“, на 41 году жизни принимаетъ направле-

ніе, характеръ котораго ясно выступаетъ въ слѣдующихъ строкахъ его дневника: „съ 15 сего мѣсяца (ноябрь 1848 г.) я началъ ежедневно читать „Дѣянія св. Апостоловъ“. Это чтеніе имѣетъ на меня весьма сильное дѣйствіе... Вѣра и жизнь должны заключить союзъ на вѣкъ... Христово чтеніе должно теперь перейти въ жизнь и совершенно измѣнить всѣ общественныя отношенія, правила, удовольствія.—Или Христово ученіе есть ложь, или всѣ мы жестокіе наглецы, называя себя христіанами. Мы язычники и болѣе ничего.—Рѣшительно передъ каждымъ дѣйствіемъ должно думать, согласно ли оно съ ученіемъ Христовымъ. Всѣми силами должны стараться и мысли и дѣйствія согласовать съ симъ высокимъ ученіемъ“. [1]). Легко замѣтить, что отъ приведенныхъ строкъ вѣетъ тѣмъ же духомъ, съ которымъ мы уже встрѣтились въ Гоголѣ, который точно также возмущался тѣмъ, что мы „съ религіею, которая именно дана намъ на то, чтобы сдѣлать изъ насъ святыхъ и небесныхъ людей, успѣли дойти до такого неряшества и неустройства, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, успѣли сдѣлаться лоскутными, мелкими, отъ головы до самаго платья нашего“... [2]). Но особенно сильно выражена Гоголемъ мысль о противорѣчіи между идеаломъ и дѣйствительною жизнію въ слѣдующихъ строкахъ его письма о Церкви: „Церковь наша должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвѣстить ея правду. Они (иновѣрцы) говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильнымъ выводомъ: *мы трупы, а не Церковь наша, и по насъ они назвали и Церковь нашу трупомъ*... Владѣемъ сокровищемъ, которому нѣтъ цѣны, и не только не заботимся о томъ, чтобы

[1]) Біографія Кошелева, т. II, 80—81.

[2]) Соч. Н. В. Гоголя, изд. Тихонравова, т. IV, изд. 10, стр. 34.

это почувствовать, но и не знаемъ даже, гдѣ положили его"... [1]). Любопытно., что Кошелевъ, который самъ, какъ мы видѣли, мучился господствовавшимъ въ обществѣ противорѣчіемъ между вѣрою и жизнію, смотрѣлъ на Гоголя какъ на жертву этого именно противорѣчія. „Эта мысль (о противорѣчіи), писалъ онъ Хомякову, думаю, всего тяжче лежала на душѣ Гоголя; онъ, полагаю, и *изнемогъ подъ ея бременемъ*. Онъ хотѣлъ быть монахомъ въ мірѣ, что всегда было трудно, но теперь невозможно" [2]). Гоголь хотѣлъ быть „монахомъ". И Кошелевъ, „упиваясь сочиненіями" Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, все болѣе и болѣе приходилъ къ мысли о „необходимости разорвать связь съ *язычествомъ*, т. е. нашимъ обществомъ и нашимъ общественнымъ бытомъ, и крѣпче прилѣпиться къ ученію Христову и къ образу жизни, съ нимъ согласному". И. С. Аксаковъ, въ письмѣ къ которому высказана была эта мысль, предостерегая отъ крайности въ увлеченіи ею, сознавался, что и ему она *по душѣ*, что она *совпадаетъ съ воинственностью его духа;* о братѣ же Константинѣ прямо свидѣтельствуетъ, что онъ „говорилъ всегда тоже", что онъ „проповѣдуетъ общественное отшельничество". [3]) Таково было настроеніе того кружка, въ который попалъ Гоголь въ Москвѣ. Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должны были произвести эти люди на человѣка, который и безъ того настроенъ былъ въ томъ же духѣ, но который, вслѣдствіе сравнительно большей слабости своего теоретическаго развитія, не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чего именно жаждала душа его. Здѣсь онъ не только получилъ точное указаніе пути, на который и безъ того рвался, но и въ сочувствіи цѣлаго кружка уважаемыхъ людей онъ пріобрѣлъ увѣренность въ законности своего направленія и смѣлость къ открытому выраженію того, что прежде скрывалъ внутри себя и говорить о чемъ прежде стѣснялся.

[1]) Ibid., 35.

[2]) Біографія Кошелева, т. II, Прилож., стр. 45.

[3]) Ibid., 41, 43.

Что именно вынесъ Гоголь изъ общенія съ Московскими друзьями, отчасти видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ С. Т. Аксакову, помѣченнаго 28 декабря 1840 г. и писаннаго изъ Рима спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда изъ Москвы. „Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, писалъ Гоголь, котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключается *много, много для меня*. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое, что казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, тетеперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать близко къ сердцу. И то, *что я пріобрѣлъ въ теперешній пріѣздъ мой въ Москву*, вы знаете! Что я разумѣю, вамъ за этимъ незачѣмъ далеко ходить, чтобы узнать, какое это пріобрѣтеніе. *Да, я не знаю, какъ и чѣмъ благодарить мнѣ Бога*... Но уже когда я мыслю о васъ и объ *этомъ юношѣ* (Константинѣ), такъ полномъ силъ и всякой благодати, который такъ привязался ко мнѣ—я *чувствую въ этомъ что то сладкое*... Но довольно. Сокровенныя чувства какъ-то становятся пошлѣе, когда облекаются въ слова“ [1]). Наукѣ приходится пожалѣть о томъ, что Гоголь не открылъ намъ этихъ сокровенныхъ своихъ чувствъ; но и въ настоящемъ своемъ видѣ это признаніе говоритъ многое. Подчеркивая увѣреніе Гоголя въ томъ, что въ это время „много чуднаго совершилось въ его мысляхъ и мнѣніи“, С. Т. Аксаковъ такъ комментируетъ это его признаніе. „Должно повѣрить, что *много чуднаго* совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ *съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ*. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ: но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя *къ улучшенію въ себѣ духовнаго чело-*

[1]) С. Аксаковъ, Исторія знакомства, стр. 45.

вѣка и пребладаніе религіознаго направленія, достигавшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже не совмѣстимо съ тѣлесною оболочкою человѣка". Не безъ нѣкотораго смущенія Аксаковъ передаетъ далѣе слухъ о томъ, „что Гоголь во время болѣзни (въ Римѣ) имѣлъ *какія-то видѣнія*, о которыхъ онъ тогда же разсказывалъ ходившему за нимъ съ братскою нѣжностью и заботою купцу Н. П. Боткину, который случился на то время въ Римѣ". Психологическая почва, на которой выросло это „видѣніе", подготовлена была конечно въ Москвѣ: это-то *„многое"*, которое, по сознанію самого Гоголя, онъ получилъ въ Москвѣ, и за которое онъ не зналъ чѣмъ и какъ благодарить Бога. „Безъ сомнѣнія, говоритъ С. Аксаковъ, пребываніе въ Москвѣ въ ея русской атмосферѣ, дружба съ нами и особенно вліяніе Константина („этого юноши, такъ полнаго силъ и всякой благодати"), который постоянно объяснялъ Гоголю, со всею пылкостью своихъ глубокихъ, святыхъ убѣжденій, все значенія, весь смыслъ Русскаго народа, были единственною причиною того, что онъ сильно послышалъ въ себѣ *чувство любви къ Россіи*. „Я самъ замѣчалъ много разъ, какое впечатлѣніе производилъ онъ на Гоголя, хотя послѣдній старательно скрывалъ свое внутреннее движеніе" [1]).

Этими замѣчаніями Аксаковъ какъ бы досказываетъ то, чего не сказалъ въ своемъ письмѣ Гоголь, ссылаясь на то, что самъ-же Аксаковъ все это знаетъ. Но намъ думается, что послѣдній не полно передалъ мысль своего друга; Аксаковъ особенно подчеркиваетъ фактъ сильнаго пробужденія въ Гоголѣ чувства народности. Онъ думаетъ, что и вліяніе сына Константина этимъ ограничилось. Но едва-ли это было такъ. Нужно помнить, что кружокъ славянофиловъ, среди которыхъ по преимуществу вращался Гоголь въ Москвѣ, теперь еще только слагался. Это было время, когда Константинъ Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ, съ одной

[1]). С. Аксаковъ, Исторія, знакомства, стр. 45—46.

стороны, Хомяковъ и И. В. Кирѣевскій, съ другой, еще находились въ разногласіи между собою, которое, между прочимъ, выражалось въ спорахъ по вопросамъ преимущественно философско-богословскимъ. Невѣроятно, чтобы Константинъ Аксаковъ, такъ много бесѣдовавши съ Гоголемъ, не поднималъ въ этой бесѣдѣ тѣхъ вопросовъ, которые по преимуществу его волновали. Вотъ почему съ увѣренностью можно утверждать, что Москва повліяла на Гоголя не только „русскою". но и *религіозною* своею атмосферою. Потому-то и началось въ немъ съ этого времени „преобладаніе религіознаго направленія", потому-то и „письмо это написано уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія", потому-то и „этотъ тонъ сохранился уже навсегда", потому-то, наконецъ, русская, православная, Москва стала, по увѣренію самого Гоголя, для него *родиною*.

Разъ ступивъ на эту дорогу, Гоголь сталъ быстро двигаться въ принятомъ направленіи. Воодушевляемый религіозными чувствами и недовольный современнымъ состояніемъ общества, онъ всецѣло отдался мысли объ его исправленіи, видя въ этомъ свое призваніе. Выходя изъ того положенія, что каждый человѣкъ долженъ служить Богу тѣмъ даромъ. который получилъ отъ Него, на свое литературное дарованіе поэтъ сталъ смотрѣть какъ на средство для нравственнаго воспитанія людей. „Искусство, писалъ отъ Смирновой, есть дѣло великое. Знайте, что всѣ тѣ идеалы, которыхъ напичкали въ головы французскіе романы, *могутъ быть выгнаны другими идеалами, и образы ихъ можно произвести такъ живо, что они станутъ неотразимо въ мысляхъ и будутъ преслѣдовать человѣка въ такой степени, что львицы возжелаютъ попасть въ другія львицы*. Способность созданія есть способность великая, если только она оживотворена благословеніемъ высшимъ Бога. *Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю*

ее какъ слѣдуетъ, въ дѣло“ [1]). Итакъ, воплотить христіанскіе идеалы въ живые образы, такъ чтобы они, неотразимо преслѣдуя человѣка, вели его къ исправленію и проникновенію этими идеалами, теперь сдѣлалось насущностью потребною его души; въ этомъ онъ увидѣлъ истинный смыслъ своего существованія. Воодушевляемый этою мыслію, онъ даетъ полную волю своей художественной фантазіи, которая, не смотря на видимый упадокъ силъ, стала работать съ небывалой энергіей. „Я глубоко счастливъ“, писалъ онъ изъ Рима С. Т. Аксакову въ мартѣ 1841 года. „Не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, *я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей*, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не приходитъ отъ человѣка, *никогда не выдумать ему такого сюжета*. О, если бы три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего, больше же часу мнѣ не нужно“ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ, Гоголь, какъ бы отрѣшившись отъ самого себя, забываетъ о себѣ какъ о человѣкѣ и начинаетъ смотрѣть на себя исключительно какъ на дарованіе; какъ на талантъ, призванный совершить великое дѣло, а по этому требуетъ къ себѣ особеннаго, исключительнаго вниманія. Въ томъ же письмѣ къ Аксакову онъ пишетъ: теперь „мнѣ нужно спокойствіе и самое веселое, сколько можно, расположеніе души: меня теперь нужно беречь и лелѣять“. Собираясь въ Москву и прося заѣхать за нимъ К. Аксакова и М. С. Щепкина, онъ пишетъ: „Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ! Они сдѣлаютъ небезполезное дѣло. Они привезутъ съ собою глиняную вазу, конечно; эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится; *но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище; ста-*

[1]) Письма, III, 368.

[2]). Аксаковъ. Ист. знак., стр., 48.

ло быть ее нужно беречь". [1]). Въ этомъ оригинальномъ отдѣленіи своего таланта отъ своего личнаго „я", въ этомъ своеобразномъ разграниченіи въ себѣ начала альтруистическаго отъ начала эгоистическаго, слѣдуетъ искать ключа къ правильному пониманію всѣхъ тѣхъ требованій въ отношеніи къ себѣ, тѣхъ претензій и капризовъ, съ которыми встрѣчаемся въ Гоголѣ въ послѣдніе годы его жизни. Кто дѣлалъ добро Гоголю, тотъ по его убѣжденію служилъ тому же дѣлу, которому служилъ и Гоголь. Здѣсь конечно источникъ его своеобразнаго отношенія къ жертвамъ, которыя приносились друзьями въ его пользу.

Изъ сказаннаго ясно, что направленіе, которое такъ отчетливо обозначилось въ Гоголѣ въ началѣ 40-хъ годовъ, было плодомъ постепеннаго развитія того зерна, которое брошено было въ его душу, по его же собственнымъ словамъ, „еще въ юности" [2]) и которое было результатомъ естественнаго роста его религіознаго сознанія, развивавшагося подъ воздѣйствіемъ указанныхъ факторовъ. Но самъ Гоголь не удовлетворялся такимъ простымъ объясненіемъ и старался пріискать особое теоретическое основаніе для оправданія своего поведенія. Именно, онъ взглянулъ на свою дѣятельность какъ на долгъ, завѣщанный людямъ Самимъ І. Христомъ. Въ письмѣ къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, характеризуя дѣятельность Спасителя, онъ пишетъ: „Какой родъ жизни избралъ Онъ *въ образецъ* людямъ; оставилъ ли Онъ всѣхъ и удалился въ пустыню? Нѣтъ, онъ проходилъ города и села, всюду искалъ людей, *вездѣ произносилъ утѣшительное слово Свое, вездѣ цѣлилъ болящія души и помогалъ имъ спасаться, указывая всѣмъ путь и дорогу къ спасенью. Такъ и намъ слѣдуетъ поступать*". [3]). Оправдываясь отъ обвиненій, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ по выходѣ въ свѣтъ

[1]) Аксаковъ, ист. знаком., стр. 45.

[2]) Письма, III, 414.

[3]) Ibid., 323.

переписки съ друзьями, Гоголь между прочимъ писалъ Смирновой: „Или я ничего не долженъ дѣлать на прославленіе имени Его (Божія), когда всякая тварь Его прославляетъ, когда и безсло́весныя слышатъ силу Его? Мнѣ ставятъ въ вину, что я заговорилъ о Богѣ, что я не имѣю права на это, будучи зараженъ и самолюбіемъ, и гордостью, доселѣ неслыханною. Что́ жъ дѣлать, если и при этихъ порокахъ все-таки говорится о Богѣ? Что́ жъ дѣлать, если наступаетъ такое время, что невольно говорится о Богѣ? Какъ молчать, когда и камни готовы завопить о Богѣ? Нѣтъ, умники не смутятъ меня тѣмъ, что я не достоинъ и не мое дѣло, и не имѣю права: *всякъ изъ насъ до единаго имѣетъ это право, всѣ мы должны учить другъ друга какъ велитъ и Христосъ, и апостолы*“ [1]).

Эту свою обязанность *учить и наставлять другъ друга*, Гоголь надѣялся осуществить въ томъ *чудномъ созданіи*, которое еще пока творилось въ его душѣ. Этимъ чуднымъ созданіемъ, въ которомъ долженъ былъ явиться міру уже не прежній Гоголь, а *настоящій*, обновленный, преображенный, былъ, конечно, *второй* томъ „Мертвыхъ Душъ“; отсюда всѣ эти высокія надежды и громкія обѣщанія, съ которыми встрѣчаемся въ его письмахъ къ друзьямъ. Охлаждая жаръ любопытства послѣднихъ, онъ проситъ ихъ имѣть хоть„ каплю терпѣнія“, обѣщая, что съ выходомъ въ свѣтъ второго тома „М. Д“. „все объяснится“, что „тогда уяснятся глаза многимъ“. [2])

Къ этой своей новой, насколько высокой, настолько же и трудной, задачѣ Гоголь готовился серьезно. Онъ съ большимъ чѣмъ прежде усердіемъ сталъ читать Священное Писаніе, отцовъ и учителей церкви и другія подходящія сочиненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ особымъ вниманіемъ занялся изученіемъ человѣческой души во всѣхъ ея проявленіяхъ. Тѣмъ не менѣе работа туго подвигалась

[1]) Письма, III, 438.

[2]) Ibid., 142, 193; ср. 36—36, 80, 179, 219.

впередъ. Причина этого заключалась не въ одномъ упадкѣ физическихъ силъ и оскудѣніи литературнаго творчества. Значительная продуктивность, обнаруженная въ перепискѣ съ знакомыми и друзьями, показываетъ, что сила литературнаго творчества въ Гоголѣ въ это время еще не совсѣмъ оскудѣла. Тутъ была и другая причина, можетъ быть, поважнѣе первой. Легко было, подъ вліяніемъ сильнаго подъема религіознаго чувства, представить себѣ въ умѣ тотъ или другой нравственный идеалъ; но не легко было пріискать соотвѣтствующіе художественные образы для его воплощенія; между тѣмъ въ этомъ именно и состояла задача второго тома „Мертвыхъ Душъ", который долженъ былъ изгладить тяжелое впечатлѣніе, которое производилъ первый томъ своимъ наборомъ однихъ пошлыхъ типовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ выпускъ въ свѣтъ туго подвигавшагося впередъ второго тома поневолѣ затягивался; а между тѣмъ необходимость очищенія нравственно-затхлой общественной атмосферы казалась неотложною. И вотъ, Гоголь рѣшилъ помочь этому горю напечатаніемъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Вдумываясь въ тогдашнее душевное состояніе Гоголя и вчитываясь въ данныя имъ объясненія побужденій къ изданію этой книги, можно признать, кажется, что имъ руководило въ этомъ случаѣ двойное соображеніе. Во первыхъ, ему хотѣлось вывести общество изъ состоянія нравственной апатіи и указать ему нѣкоторыя высшія нормы жизни взамѣнъ „всѣхъ тѣхъ идеаловъ, которые, какъ выражается самъ Гоголь, напичкали въ головы французскіе романы", Не надѣясь, конечно, переродить общество этою своею книгою, онъ хотѣлъ „только поселить посредствомъ ея въ головѣ идеалъ возможности дѣлать добро, потому что есть много истинно доброжелательныхъ людей, которые устали отъ борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сдѣлать. Идею возможности, хотя и отдаленную, нужно носить въ головѣ, потому что съ ней, какъ съ свѣтильникомъ, все-таки отыщешь что-нибудь

дѣлать, а безъ нея вовсе останешься въ потьмахъ“ [1]). Во вторыхъ, посредствомъ этой книги Гоголь хотѣлъ опредѣлить, какъ онъ выражается, „въ какомъ состояніи находятся головы и души“; онъ надѣялся „возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, въ слѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были высказаться многія ему незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка“, которыя онъ хотѣлъ „взять къ соображенью, чтобы не попасть въ разные промахи при сочиненіи той книги, которая должна быть вся природа и правда“ [2]).

Надежды, возлагаемыя на *Переписку съ друзьями*, какъ извѣстно, не оправдались. Въ пріемѣ, оказанномъ книгѣ обществомъ, Гоголь увидѣлъ полное свое „пораженіе“, настоящую „оплеуху“. Краснѣя отъ стыда, онъ долженъ былъ сознаться, что далъ промахъ, допустилъ слишкомъ много субъективизма [3]). Это смущеніе продолжалось однакоже недолго. Сначала сильно *утомленный* „отъ упрековъ слишкомъ тяжкихъ и жесткихъ отовсюду“, онъ скоро оправился отъ этого удара и сталъ настраивать себя на ту мысль: „ что-же, упреки мнѣ нужны, упреками воспитывается моя душа, упреки составляютъ теперь мою книгу, которою питаюсь. Какъ ни несправедливы многіе изъ нихъ, но въ основаніи лежитъ всегда какая-нибудь правда, и это меня заставляетъ всякій разъ построже оглянуться на себя, и внутренній глазъ мой становится послѣ того свѣтлѣе, точно какъ будто-бы слетаетъ съ него какая-нибудь шелуха“ [4]). Словомъ, въ самыхъ недостаткахъ книги онъ сталъ открывать достоинства въ томъ смыслѣ, что эти недостатки открыли ему глаза для того, чтобы лучше присмотрѣться къ самому себѣ, чтобы увидѣть тѣ стороны души, которыя до этого времени оставались не замѣченными. Хотя, такимъ образомъ, книга нанесла ему „пораженье“, но, думалъ онъ, „на

[1]) Письма, III, 367—368.
[2]) Ibid., 367, 422; ср. 414 и др.
[3]) Ibid., 453, 492, 460—461; IV, 65.
[4]) Ibid, p. III 417.

это была воля Божія"; взглянувъ на фактъ подъ этимъ угломъ зрѣнія, онъ писалъ С. Т. Аксакову: „Ду будетъ же благословена но имя Того, Кто поразилъ меня! Безъ этого пораженія, я бы не очнулся и не увидѣлъ бы такъ ясно, чего мнѣ недостаетъ... Книга моя есть законный и правильный ходъ моего образованія внутренняго, нужнаго мнѣ для того, чтобы стать писателемъ, не мелкимъ и пустымъ, но почувствовавшимъ святость и своего званія, какъ и всѣхъ другихъ званій, которыя всѣ должны быть святы. Выразилось все это заносчиво, получило торжественный тонъ отъ мысли приближенія къ такой великой минутѣ, какова смерть. А дьяволъ, который надмеваетъ всякаго изъ насъ самоувѣренностью, раздулъ до чудовищности кое-какія мѣста. Невоздержаніе заставило меня издать мою книгу. Видя, что еще не скоро я совладаю съ моими „Мертвыми Душами" и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился *развить или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ*. Опрометчивая, а по вашему *несчастная*, книга вышла въ свѣтъ. Она меня покрыла позоромъ, по словамъ вашимъ. Она мнѣ точно позоръ; но благодарю Бога за этотъ позоръ, благодарю за то, что попустилъ онъ явиться ей въ свѣтъ. Не увидалъ бы я безъ нея ни неряшества моего, ни самоослѣпленія, ни много того, чего не хочетъ видѣть въ себѣ человѣкъ; не изъяснилось бы безъ нея много того, что мнѣ необходимо нужно знать для моихъ „Мертвыхъ Душъ" [1]).

Но кромѣ открытія возможности внимательнѣе и глубже присмотрѣться къ самому себѣ, эта книга, увѣренъ Гоголь, нужна была и для того, чтобы „основательно и радикально пощупать общество". Въ виду этого, на разные толки, вызванные въ обществѣ книгой. онъ взглянулъ какъ на настоящій кладъ для себя.

[1]) Письма, IV, 65-66; ср. III. 426.

„Говорю тебѣ откровенно, писалъ онъ Плетневу, что я теперь ежеминутно благодарю Бога за то, что книга моя произвела именно эти толки, а не такіе, которые были бы въ мою пользу. Отъ этихъ толковъ я значительно поумнѣю... Безъ этихъ толковъ, передъ мною не раскрылось бы такъ общество и люди, которыхъ мнѣ нужно непремѣнно знать. У меня долго еще будетъ все не въ попадъ, и языкъ мой не будетъ доступенъ для всѣхъ, покуда не узнаю такъ людей, какъ мнѣ хочется узнать. Повѣрь, что безъ этой книги не было бы на чемъ испробовать современнаго человѣка. А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, не смотря на всѣ ея недостатки, сокровище“ [1]). Гоголь былъ убѣжденъ, что въ сужденіи объ этой его книгѣ „непремѣнно выскажется человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которые онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ“. Съ этою именно цѣлью онъ выпустилъ эту „заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, писалъ онъ Шевыреву, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью“. Сообразно съ этимъ, Гоголь „жадно“ прислушивался ко всѣмъ толкамъ о его книгѣ въ обществѣ, прося друзей знакомить его съ ними. Онъ находилъ даже, что „хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи *портретъ* того лица, которому мнѣніе принадлежитъ“, если лицо ему не знакомо, такъ какъ онъ находилъ, что ему, какъ писателю, „нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала или гулянья“. [2]).

---

[1]) Письма, III, 433, ср; 446.

[2]) Ibid., 446.

Итакъ, на *Переписку съ друзьями* Гоголь смотрѣлъ лишь какъ на подготовительную работу ко *второму* тому „Мертвыхъ Душъ“. На этотъ томъ онъ возлагалъ большія надежды; въ немъ онъ надѣялся показать обществу *нынѣшняго* себя. Опредѣляя этого „нынѣшняго“ себя, онъ выражался, что теперешнее его дѣло есть „душевное дѣло“, что уже его „душа слышитъ свѣтъ“ и что когда этотъ свѣтъ воплотится въ художественныхъ образахъ, то „свѣтло будетъ и во всѣхъ душахъ, омраченныхъ сомнѣніями и недоразумѣніями“, и „тогда уяснятся глаза многимъ“ [1]). Но пока все это не совершилось, онъ просилъ одного-терпѣнія и довѣрія къ автору, который не въ силахъ предупредить то, что должно совершиться въ свое время.

Расточая обѣщанія, поддерживая надежду въ себѣ и другихъ, Гоголь писалъ о. Матвѣю за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: „Видитъ Богъ, ничего бы не хотѣлось сказать, кромѣ того, что служитъ къ прославленію Его святого имени. Хотѣлось бы живо, въ живыхъ примѣрахъ, показать темной моей братіи, живущей въ мірѣ (и) играющей жизнью, какъ игрушкою, что жизнь не игрушка. И все кажется обдумано и готово, но перо не подымается. Нужной свѣжести для работы нѣтъ, и (не скрою предъ вами) это бываетъ предметомъ *тайныхъ страданій, что-то въ родѣ креста*“. Колеблясь между отчаяніемъ и надеждою, онъ ждалъ „какъ манны, орошающаго освѣженія свыше“ [2]). Но освѣженіе силъ не приходило; масло изсякало, свѣтильникъ тускнѣлъ, кругомъ темнѣло, крестъ становился невыносимо тяжелъ.

Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь какъ могила темна...

Среди этой темной, какъ сама могила, ночи было ясно одно, что второй томъ не можетъ быть оконченъ такъ, какъ хотѣлось; а написанное не соотвѣтствовало тому, что носилось въ сознаніи какъ

[1]) Письма III, 37, 80, 179, 193.

[2]) Ibid., IV, 313

мечта, какъ идеалъ. И вотъ онъ написанное сжегъ и, видя, что для людей уже сдѣлать ничего не можетъ, сталъ думать о себѣ, о своемъ спасеніи, и, предавшись усиленному аскетизму, уморилъ себя голодомъ.

Если теперь однимъ взглядомъ окинуть всю сумму данныхъ, характеризующихъ религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни, то внимательному наблюдателю сразу бросится въ глаза слѣдующее: въ Гоголѣ, какъ нравственной личности, въ это время идетъ ожесточенная борьба двухъ началъ—эгоистическаго и альтруистическаго съ ихъ разнообразными проявленіями. Первое начало живетъ въ немъ какъ естественное влеченіе природы, какъ стихійная сила, въ той или другой степени присущая всякому индивидууму; второе выступаетъ какъ сознательно поставленная норма, какъ высшій идеалъ, покоящійся на религіозной основѣ. Борьба эта начинается очень рано, съ первымъ пробужденіемъ самосознанія, и сопровождается сильной работой самоанализа. Сущность ея состоитъ въ томъ, что альтруистическое начало, опираясь на христіанскую заповѣдь о любви и поощряемое ученіемъ Церкви о возмездіи въ загробной жизни, старается осилить своего противника, пытаясь по совершенству христіанскаго идеала перестроить внутреннее несовершенство естественнаго человѣка. Недосягаемая высота христіанскаго идеала, высокая добросовѣстность и пуританская строгость въ отношеніи къ предъявленнымъ къ себѣ требованіямъ, немощность человѣческой природы, прогрессивно усиливавшаяся слабость воли—все это дѣлаетъ поставленную Гоголемъ задачу трудно достижимою, что, при хилости организма, доставляетъ ему не мало глубокихъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Изнемогая подъ тяжестью борьбы и теряя вѣру въ свои собственныя силы, какъ искренній христіанинъ всю свою надежду возлагаетъ на милость Божію и обращается съ горячими, обливаемыми слезами, мольбами къ Богу самъ и усиленно проситъ молиться о себѣ другихъ. Смиренно преклоняясь предъ волей Божіей, онъ не только безропотно пере

носилъ свои страданья, но и видѣлъ въ нихъ вѣрное средство для подавленія грѣховныхъ влеченій человѣческой природы. Утѣшеніе въ постигающихъ его скорбяхъ, тоскѣ и страданіяхъ онъ находилъ въ идеѣ спасенія, которую понимаетъ въ смыслѣ уподобленія человѣка Богу, какъ существу нравственно совершенному, источнику любви и всякаго добра въ мірѣ. Какъ истинный христіанинъ и истинный художникъ, онъ понимаетъ не только пользу, жо и красоту добра и, поставивъ служеніе послѣднему цѣлью своей жизни, напрягаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы доставить торжество ему не только въ себѣ самомъ, но и въ другихъ людяхъ. Воодушевляемый этою высокою задачею, онъ создаетъ грандіозный планъ литературнаго произведенія, въ которомъ, въ нивыхъ художественныхъ образахъ, какъ въ зеркалѣ, изображены были бы всѣ дурныя и хорошія стороны нравственной природы человѣка, при чемъ собирается придать этимъ образамъ такую силу, чтобы они произвели потрясающее дѣйствіе на душу человѣка, наглядно показавъ ему, что нельзя шутить съ серьезными вопросами жизни. Но чѣмъ грандіознѣе была задача, тѣмъ ничтожнѣе оказались наличныя силы и средства угасавшей жизни великаго писателя. Гоголь въ послѣднія минуты жизни напоминаетъ собою надѣленный сознаніемъ потухающій вулканъ, который чувствуетъ потребность потрясти небо и землю своими громовыми ударами, но у котораго хватаетъ силъ только для одного жалкаго шипѣнія. Кто не почувствуетъ всю глубину вытекавшаго отсюда трагизма и кто не пойметъ естественность того выхода изъ такого состоянія, на который рѣшился этотъ великій мученикъ за идею!

Гоголь у насъ не одинъ. Въ нашемъ недалекомъ историческомъ прошломъ можно было бы указать не мало славныхъ дѣятелей, которые мучились муками Гоголя, которые страдали его страданіями. Но зачѣмъ намъ далеко ходить за примѣрами, когда на нашихъ глазахъ угасаетъ жизнь другого великаго писателя Русской земли, который не найдя, подобно Гоголю, въ жизни дан-

ныхъ для воплощенія въ живыхъ образахъ томящихъ его идеаловъ, бросилъ кисть художника съ тѣмъ, чтобы хоть въ сухихъ логическихъ схемахъ выразить свои завѣтныя думы. Гдѣ же причины этого явленія? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ печально сложившейся исторіи нашего многострадальнаго народа. Нужно сознаться, что историческая судьба нашего народа была для него скорѣе мачихой, чѣмъ матерью родною. Вынужденный съ самой колыбели своей больше страдать, чѣмъ наслаждаться, русскій человѣкъ привыкъ въ этомъ горестномъ положеніи своемъ искать утѣшеніе въ вѣрѣ въ другую, лучшую, жизнь, гдѣ нѣтъ ни насильниковъ, ни обидчиковъ, гдѣ живетъ одна правда, гдѣ царствуетъ одна любовь. Около этого основного пункта возникъ цѣлый циклъ мыслей и чувствъ, на основѣ которыхъ должно было развиться свое особое просвѣщеніе съ своими особыми идеалами. Но исторія, давно привыкшая распоряжатся по своему, вдругъ круто измѣнила свой естественный ходъ и толкнула передовой классъ нашего общества на путь иного просвѣщенія, болѣе блестящаго, болѣе пышнаго, но построеннаго на новыхъ началахъ и поэтому менѣе гармонирующаго съ запросами народной души. Вотъ почему, когда нынѣшній русскій художникъ, окунувшись въ струю народнаго духа, и заразившись его чувствами, его стремленіями начинаетъ строить на этихъ чувствахъ, на этихъ стремленіяхъ свой высшій идеалъ и пытается воплотить его въ живыхъ образахъ, то онъ встрѣчаетъ этому непреодолимое препятствіе, ибо дѣйствительная жизнь не можетъ дать ему необходимыхъ для его художественнаго творчества элементовъ. Онъ, положимъ, хотѣлъ бы изучать людей, поставившихъ началомъ своей жизни любовь, а въ жизни онъ наталкивается на лицъ, проповѣдующихъ законъ борьбы за существованіе; онъ хотѣлъ бы познакомиться съ истинными христіанами, рѣшающими вопросъ о смыслѣ жизни по Евангелію, а ему рекомендуютъ торгашей, утверждающихъ, что смыслъ жизни заключается въ акціяхъ, облигаціяхъ и желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ, въ поискахъ за нуж-

ными людьми онъ хочетъ идти въ христіанскій храмъ, а его направляютъ въ банкирскія конторы или увеселительные дома, увѣряя, что тамъ находятся кумиры, которымъ кланяется современный человѣкъ и т. д. Чтожъ удивительнаго, если, потерявъ надежду найти въ жизни то, чего проситъ его душа, художникъ или налагаетъ на себя руки въ отчаяніи, или, объявивъ себя заклятымъ врагомъ всего современнаго жизненнаго строя съ его акціями, облигаціями и банкирскими конторами, выступаетъ проповѣдникомъ парадоксовъ, въ родѣ, напримѣръ, по своему понятой заповѣди о непротивленіи злу... И что же, далѣе, удивительнаго въ томъ, что общество, неспособное сознать всю виновность свою въ совершившемся фактѣ, клеймитъ лучшихъ сыновъ своего народа позорной кличкой *сумасшедшихъ*, не понимая того, что этимъ своимъ приговоромъ оно предъ судомъ исторіи готовитъ позоръ самому себѣ... Но когда же наступитъ конецъ всѣмъ этимъ печальнымъ недоразумѣніямъ?

В. Завитневичъ.

Изображеніе душевно-больныхъ въ творчествѣ Гоголя.

Изображалъ ли Гоголь душевно-больныхъ? На это можетъ быть одинъ отвѣтъ: Гоголь, въ этомъ отношеніи, не отличается отъ другихъ писателей—Сервантеса, Пушкина, Шекспира и иныхъ. Всѣ эти писатели, не исключая Сервантеса съ его Донъ-Кихотомъ и Шекспира съ его типами Гамлета, Лира, Офеліи, изображали гораздо болѣе условія, среди которыхъ и благодаря которымъ развивается душевная болѣзнь, чѣмъ самую болѣзнь, изображали скорѣе предвѣстники болѣзни, нежели ея полное развитіе и ея законченныя формы. Тоже можно сказать и о Гоголѣ. Еслибы великій художникъ давалъ спеціальные этюды изъ жизни и психологіи душевно-больныхъ, его произведенія имѣли бы, вѣроятно, меньшую цѣнность. Гоголь обращается къ читателю вообще, а не къ узкому кругу спеціалистовъ. И Гоголь и писатели вообще изображаютъ жизнь въ широкомъ значеніи этого слова.

Жизнь душевно-больныхъ можетъ тѣмъ съ большимъ правомъ сдѣлаться матеріаломъ и объектомъ художественнаго

произведенія, что эта жизнь близко соприкасается съ жизнью здоровыхъ людей. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ медицинскимъ авторамъ классической древности, а въ началѣ минувшаго столѣтія онъ выраженъ знаменитымъ французскимъ психіатромъ въ слѣдующей научно-точной формулѣ: Que de meditations pour le philosophe qui, se derobant au tumulte du monde, parcourt une maison d'aliénés! Il y retrouve les mêmes infortunes: c'est le même monde; mais dans une semblable maison les traits sont plus forts, les nuances plus marquées, les couleurs plus vives, les effets plus heurtés, parceque l'homme s'y montre dans toute sa nudité, parcequ'il ne dissimule pas sa pensée, parce qu'il ne cache pas ses défauts, parce qu'il ne prête point à ses passions le charme qui seduit, ni à ses vices les apparences qui trompent *).

Такимъ образомъ, печальный міръ душевно-больныхъ можетъ быть доступенъ пониманію художника, наравнѣ съ міромъ здоровыхъ людей. Художники и писатели, случайно посѣщающіе домъ умалишенныхъ, поражаютъ спеціалиста-психіатра своей проницательностью въ пониманіи и оцѣнкѣ душевнаго состоянія больнаго. Гоголь стоялъ на высотѣ такого пониманія. Въ отношеніи Гоголя высказывались даже въ печати предположенія, что онъ потому понималъ душевно-больныхъ, что самъ носилъ въ себѣ зачатокъ душевной болѣзни. Оставляя здѣсь безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, страдалъ ли Гоголь душевной болѣзнью, мы ограничиваемся краткимъ замѣчаніемъ, что и безъ этого условія Гоголь, подобно всякому художнику, могъ изображать душевно-больныхъ при помощи своего творческаго чутья и таланта.

Безспорный типъ душевно-больного представленъ Гоголемъ въ „Запискахъ Сумасшедшаго“; почти болѣзненный экстатическій

*) Esquirol, Des maladies mentales, Paris 1831 pagl.

идеализмъ нарисованъ въ фигурѣ Пискарева, который по тонкому выраженію художника „спалъ на яву и бодрствовалъ во снѣ“; въ фигурѣ Акакія Акакіевича представлены минимальныя умственныя способности, какія долженъ имѣть человѣкъ, чтобы не быть слабоумнымъ. Нѣкоторые (Юрьевскій проф. В. Ф. Чижъ) видятъ изображеніе помѣшаннаго и въ фигурѣ Плюшкина. Остановимся на этихъ фактахъ.

Въ образѣ Плюшкина мы не усматриваемъ душевной болѣзни. Хотя Гоголь надѣляетъ своего героя однимъ признакомъ дегенераціи—нижне-челюстнымъ прогнатизмомъ (подбородокъ у Плюшкина выступалъ очень далеко впередъ), но въ остальномъ „его лицо не представляло ничего особеннаго“. Но этотъ единственный физическій признакъ дегенераціи стоялъ въ соотношеніи съ нѣкоторой природной односторонностью характера—преобладаніемъ ума надъ чувствомъ [„слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ его лица, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ“]. Таковы природные задатки у Плюшкина. Неблагопріятныя, душу очерствляющія событія жизни (смерть жены, отъѣздъ изъ дому дочери, расточительность сына, смерть второй дочери, полное нравственное одиночество) содѣйствовали дальнѣйшему развитію той односторонности характера, которая существовала отъ природы и выражалась дѣятельнымъ практическимъ умомъ при слабыхъ чувствахъ. Развился такимъ образомъ типическій порокъ человѣческой натуры: жадность и скряжничество. Но и на высотѣ окончательнаго развитія своей порочной души Плюшкинъ, въ изображеніи Гоголя, остался нравственно пошлымъ и гадкимъ, но здоровымъ человѣкомъ, судя потому что не утратилъ вниманія („глазки бѣгали, не потухнули“), имущество свое онъ не позволялъ расхищать, какъ это случилось бы у слабоумнаго; его богатства гнили на мѣстѣ, но онъ не выпускалъ ихъ изъ своихъ жадныхъ рукъ и не сталъ равнодушенъ къ основному стремленію своей жизни—наживѣ,

какъ сталъ бы слабоумный, утрачивающій интересъ къ своимъ собственнымъ идеямъ бреда и стремленіямъ. Словомъ, это—ничтожность, мелочность, гадость, какъ справедливо говоритъ намъ художникъ, но не душевная болѣзнь, какъ думаетъ профессоръ Чижъ.

Въ замѣчательномъ произведеніи „Записки Сумасшедшаго“ Гоголь представилъ въ гротескахъ, въ рѣзкихъ формахъ всѣ главнѣйшіе недостатки и тайные пороки чувства, ума, воли и стремленій, свойственныхъ одинаково и душевно-больному и здоровому человѣку: великій художникъ своимъ несравненнымъ талантомъ иллюстрировалъ тѣ многосодержательныя хотя и краткія слова великаго психіатра, которыя нами приведены выше.

Въ „Запискахъ Сумасшедшаго“ Гоголь показалъ намъ, прежде всего, мечтательный умъ, приводящій человѣка къ идеямъ величія, тайно лелѣемымъ въ глубинѣ души. Мелкій чиновникъ Поприщинъ начинаетъ думать объ особенномъ къ себѣ вниманіи начальника, начинаетъ мечтать о томъ, что „если бы и дочка“... За этимъ, ассоціаціи идутъ у него по наклонной плоскости мечтательнаго ума: онъ замѣчаетъ благосклонность начальника, видитъ его дочь, пытается слѣдить за нею, мечтаетъ о ея благосклонности. На этомъ пути все фантастическое представляется ему благосклоннымъ, все реальное враждебнымъ—это естественный логическій антитезъ какъ больного, такъ и здороваго ума. Оттого начальникъ отдѣленія кажется ему враждебнымъ, завидующимъ. Далѣе, желанія ведутъ Поприщина въ кабинетъ его превосходительства, въ гостинную, на половину ея превосходительства и затѣмъ, по поводу сильныхъ инстинктовъ, больной Попрыщинъ погружается въ міръ галлюцинацій, соотвѣтствующихъ его душевному настроенію. Отсюда одинъ шагъ къ испанскому трону.

Какимъ бы нелѣпымъ ни представлялось намъ мышленіе помѣшаннаго, но оно плоть отъ плоти и кость отъ костей мышленія здороваго человѣка. За исключеніемъ, быть можетъ, только людей реально-строгихъ и дисциплинированныхъ, обыкновенный человѣ-

ческій умъ и обычная людская мечтательность въ глубинѣ души, вдали отъ людскаго ока, любятъ рисовать себѣ блистательныя перспективы, награждаютъ себя удивленіемъ современниковъ, всеобщимъ успѣхомъ и т. п. Собственная личность для большинства людей является такимъ же источникомъ преувеличеній и субъективныхъ переоцѣнокъ какъ и у душевно-больного. Гербертъ Спенсеръ не безъ основанія говоритъ, что совершенная правдивость принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ добродѣтелямъ. Даже люди, считающіе себя безусловно правдивыми, ежедневно грѣшатъ по отношенію къ оцѣнкѣ самихъ себя разными преувеличеніями и недомолвками. Преувеличеніе есть качество почти универсальное (Основанія Этики, § 156).

Въ „Запискахъ Сумасшедшаго“ Гоголемъ изображена одна изъ тѣхъ формъ помѣшательства, для которыхъ спутанность мыслей является однимъ изъ существенныхъ признаковъ. Но этотъ мыслительный порокъ свойственъ и здоровому уму. Тотъ упрекъ, который Поприщину сдѣланъ начальникомъ отдѣленія: „Что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой“, можно съ полнымъ правомъ сдѣлать многимъ и многимъ, если бы этихъ многихъ мы узрѣли въ домашней интимности ихъ мысли. На людяхъ у каждаго человѣка воля напрягается, мысль пріосанивается, и человѣкъ въ это время становится выше своей обычной мечтательности и спутанности. Эту общечеловѣческую слабость художникъ изображаетъ намъ на примѣрѣ помѣшаннаго, заставляя насъ глядѣть въ зеркало обнаженной человѣческой души. Въ художественной формѣ Гоголь показываетъ намъ то самое, о чемъ научнымъ языкомъ говоритъ Эскироль и о чемъ въ философскомъ афоризмѣ напоминаетъ намъ Спенсеръ.

„Записки Сумасшедшаго“ оканчиваются сценой которая производитъ на многихъ непримиримо-двойственное впечатлѣніе. Эта сцена изображаетъ въ художественно-трогательныхъ чертахъ

предсмертное прояснение сознанія у помѣшаннаго: несчастному больному, вполнѣ понимающему свои страданія и освободившемуся отъ болѣзненныхъ грезъ, видится родной домъ съ его обстановкой, съ сидящей у окна матерью, къ которой умирающій страдалецъ обращается съ мольбою о помощи... Но вдругъ сознаніе обрывается, и несчастный—снова въ бреду, „а знаете ли, говоритъ онъ, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка“. Этимъ внезапнымъ оборотомъ, этимъ возвращеніемъ безумнаго бреда и сознательности горестная участь Поприщина рисуется для читателя въ сугубо-трагическомъ видѣ! Хотѣлось бы читателю, чтобы несчастный, на минуту стряхнувшій съ себя безуміе, умеръ *человѣкомъ*, но онъ умираетъ *безумцемъ*. Это событіе невольно напоминаетъ намъ трагическій фактъ отреченія отъ Христа христіанскихъ мучениковъ въ самый моментъ мученической смерти. Церковь признавала такихъ мучениковъ святыми, потому что отреченіе ихъ совпадало съ моментомъ и съ процессомъ самой смерти: Христіанская церковь справедливо признавала, что они „претерпѣли до конца“.

И. Сикорскій.

Значеніе мысли и творчества Гоголя *).

Великій завѣтъ Гёте:

Образъ достойныхъ свято храни!

не вполнѣ соблюденъ родною страною въ отношеніи къ Гоголю.

Потому не съ чувствомъ свѣтлой, ничѣмъ не смущаемой радости при видѣ всенароднаго чествованія памяти великаго національнаго поэта, какъ было три года назадъ, въ „Пушкинскіе дни“, а съ немалою грустью—должно въ томъ сознаться—дове-

* Рѣчь, предназначавшаяся для произнесенія при (несостоявшемся) торжественномъ чествованіи памяти Гоголя въ Университетѣ св. Владиміра и составляющая вступленіе къ болѣе подробному разсмотрѣнію произведеній и идей Гоголя. Напечатана здѣсь не въ полномъ видѣ, а въ значительномъ сокращеніи,—во избѣжаніе чрезмѣрнаго расширенія объема Гоголевскаго сборника. Полный текстъ будетъ напечатанъ впослѣдствіи. Всѣ ссылки на сочиненія Гоголя сдѣланы по X-му изданію (Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. Т. I—V. М. 1889 г.; т. VI и VII подъ редакціею Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, М. и Спб. 1896), которое для краткости обозначается буквою С.; при ссылкахъ же на письма Гоголя, обозначаемыя буквою П, разумѣется изданіе: „Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса“ (1901).

лось праздновать славу по времени второго, а по достоинству и значенію одного изъ величайшихъ нашихъ писателей недавно минувшаго XIX вѣка [1]). Такое грустное, можно сказать даже— глубоко скорбное чувство вызывается не только воспоминаніемъ о печальной судьбѣ Гоголя въ годы его жизни, но и отношеніемъ къ нему отечественной критики въ послѣдующее время и даже теперь, когда исполнилось цѣлое полустолѣтіе со дня его кончины.

Печальна была участь Пушкина при его жизни, трагична была его кончина, но еще тяжелѣ, несказанно тяжелѣ былъ удѣлъ Гоголя. Въ его жизни было немного свѣтлыхъ и радостныхъ моментовъ, преобладало же въ ней вѣчное стремленіе, сначала—за предѣлы родины, а потомъ въ иную завѣтную даль христіанскихъ стремленій [2]), „самоотверженіе“ [3]), „отчужденье отъ міра и всѣхъ его выгодъ“, недовольство собой, даже самобичеваніе, холодность и вражда со стороны большей части критики и потому „испытанія и горе, найтягчайшія страданія“ [4]). Одною изъ главныхъ радостей и утѣшеній Гоголя была „любовь къ соотечественникамъ“, за которую онъ благодарилъ Бога, „какъ за лучшее благодѣянье“ [5]). Привѣтствованный уже со второго шага въ литературѣ восторгомъ лучшихъ людей своей родины, такихъ личностей, какъ Жуковскій, Пушкинъ, кн. В. Ѳ. Одоев-

---

[1]) Величайшимъ русскимъ поэтомъ XIX вѣка признавали Гоголя Бѣлинскій и Чернышевскій. См. нашъ этюдъ: „А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ“. Бѣлинскій, усматривавшій въ „Перепискѣ“ „проповѣдь невѣжества“, подъ конецъ сталъ думать, что, подобно другимъ геніямъ, въ своемъ творчествѣ „Гоголь дѣйствовалъ безсознательно“. *А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій и его жизнь и переписка, т. II, Спб. 1876, стр. 314 и 320.

[2]) По словамъ Гоголя, „предъ христіаниномъ видится вѣчно даль и видится вѣчно подвигъ“.

[3]) С., III, 460—461.

[4]) „Завѣщаніе.“

[5]) Тамъ же.

скій, Максимовичъ, Бѣлинскій [6]), Аксаковы, а нѣкоторыми изъ произведеній, каковы „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарасъ Бульба“, нравившійся „совершенно всѣмъ вкусамъ“ [7]), быстро признанный за основателя и главу натуральной школы въ нашей литературѣ и слывшій одно время величайшимъ русскимъ писателемъ XIX вѣка, Гоголь довольно скоро былъ низведенъ съ этого пьедестала, началъ лишаться благоволенія западниковъ и мало по малу подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны своего прежняго горячаго почитателя — Бѣлинскаго и, съ другой стороны, не разъ оставался загадоченъ и для своихъ лучшихъ пріятелей—славянофиловъ. Послѣ изданія „Переписки съ друзьями“ „почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума“ [8]). Онъ, непрерывно „томившійся и сгоравшій желаніемъ совершенства“, былъ сочтенъ пережившимъ себя, обманувшимъ возлагавшіяся на него великія надежды, и сошелъ въ могилу, сохранивъ немного друзей какъ въ литературныхъ, такъ и правительственныхъ кругахъ, недовольный собой и лишь взывая къ милосердію Бога, къ Которому уже много лѣтъ стремился всею душой и Котораго молилъ о ниспосланіи творческаго духа. Умеръ онъ, какъ христіанинъ-отшельникъ, истощивъ свои послѣднія силы молитвою и постомъ. Утрата великаго поэта даже не была

---

[6]) Бѣлинскій въ своемъ письмѣ 15 іюля 1847 года (Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю съ предисловіемъ М. Драгоманова, Geneve. 1880), говоритъ, что „любилъ“ Гоголя „со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса“.

[7]) Это—слова самого Гоголя въ письмѣ къ Жуковскому отъ 6 апрѣля 1837 г. См. въ ст. *А. И. Кирпичникова* въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1900 г., т. V, кн. 4, стр. 1201—1202: „Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя“.

[8]) Исповѣдь.

помянута достодолжнымъ образомъ въ литературѣ въ ближайшее время [9]).

Послѣ смерти Гоголя на него продолжали взводить тяжкія обвиненія, раздававшіяся въ послѣдніе годы его жизни и отчетливо выраженныя „неистовымъ Виссаріономъ“ Бѣлинскимъ. Гоголю ставили въ вину средневѣковое міросозерцаніе, неискренность и іезуитизмъ, низкопоклонство, либо осуждали его за высокомѣріе и менторскій тонъ, эксплоатированіе друзей, родныхъ, даже матери и т. п. Другіе повторяли ходившія уже при жизни великаго писателя грубыя сплетни либо толки о его психическомъ разстройствѣ. Въ наши дни нѣкоторые психіатры подхватили ту же тему. Они оставляютъ безъ должнаго вниманія истинную сущность душевныхъ мукъ Гоголя: его страданія—прежде всего страданія возвышенной человѣческой и въ частности русской души, не удовлетворявшейся готовыми рѣшеніями величайшихъ проблемъ человѣческой вообще и въ частности своеобразной русской жизни (оффиціальнымъ съ одной стороны и радикальнымъ съ другой) и силившейся найти собственный выходъ изъ мучительной „загадки жизни“; его скорби—горести человѣка, страстно и горячо стремившагося къ уясненію высочайшаго идеала жизни и творчества и изнемогавшаго въ представлявшейся ему невозможности вполнѣ подойти къ этому идеалу. Къ тому присоединились жестокіе нападки въ литературѣ, перепискѣ и при личныхъ встрѣчахъ. Въ этомъ корень недуговъ Гоголя, повер-

[9]) По словамъ современника (кн. Д. Оболенскаго), „цензорамъ было объявлено приказаніе—строго цензуровать все, что пишется о Гоголѣ, и, повидимому, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ.... Наконецъ, даже имя Гоголя опасались употреблять въ печати и взамѣнъ его употребляли выраженіе: „извѣстный писатель“ (Р. Старина 1873, кн. 12, стр. 949). Какъ извѣстно, въ 1852 г. Тургеневъ за напечатаніе сочувственной статьи о Гоголѣ былъ подвергнутъ аресту, а затѣмъ высланъ въ свое имѣніе, с. Спасское-Лутовиново „безъ права выѣзда“.

гавшихъ его въ напряженіе [10]) нервной системы и приведшихъ къ горькому и преждевременному концу. Правильно объяснилъ такую кончину Гоголя другъ его Хомяковъ, причислившій его и Иванова къ „могучимъ и богатымъ личностямъ, которыя болѣютъ не для себя, но въ которыхъ мы, Русскіе, мы всѣ, сдавленные тяжестію своего страшнаго историческаго развитія, выдавливаемъ себѣ выраженіе и сознаніе. Легко ли имъ? Какъ ни крѣпка ихъ природа, а все-таки она не долго выдерживаетъ свою внутреннюю работу". Къ Гоголю примѣнимо также то, что сказалъ о себѣ французскій писатель Lamennais: „Mon âme est née avec une plaie".

Большинство глядѣло и глядитъ на личность и дѣятельность Гоголя иначе. На ряду съ толками о душевной болѣзни Гоголя [11]) продолжаются разговоры о „насильственности мистическихъ настроеній, которыя прививалъ къ себѣ Гоголь вопреки протестамъ своего здраваго смысла[12])".

---

[10]) Только о такомъ напряженіи, по временамъ обострявшемся до нѣкоторой расшатанности, и можно говорить, не нарушая справедливости и не выходя изъ предѣловъ научной осмотрительности. О томъ, что нервы Гоголя разстраивались, говорили и врачи и онъ самъ, какъ то видно изъ его переписки. Иногда у него находимъ выраженія въ родѣ слѣд.: „я былъ боленъ тогда душою" (П., II, 78); но выставлять на основаніи такого временнаго напряженія нервовъ, моментовъ унынія и чрезмѣрнаго религіознаго усердія утвержденіе о психической болѣзни Гоголя значитъ заходить слишкомъ далеко. Черты того, что называютъ „религіозною маніею" и „мистическимъ самомнѣніемъ", можно постоянно наблюдать въ Гоголѣ: напр., уже послѣ перваго возвращенія изъ-за границы Гоголь говорилъ о „невидимой рукѣ Всевышняго, его хранящей"; въ маѣ 1836 г. Гоголь писалъ: „всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе" (П., I, 378). Онъ рано сталъ осуждать свои произведенія и уже въ августѣ 1838 г. жаловался на то, что работа надъ „Мертвыми Душами" идетъ вяло.

[11]) По словамъ г. Шенрока, переписка Гоголя съ друзьями—„сочиненіе, порожденное, очевидно, болѣзненнымъ настроеніемъ и узкимъ взглядомъ на жизнь". Починъ, М. 1895, стр. 108.

[12]) *Old Gentleman*, Листки—Россія, 1901, № 948. Однако искренность, а не насильственность настроеній Гоголя и въ „Перепискѣ съ друзьями" не можетъ подлежать сомнѣнію.

Не перестаютъ повторяться увѣренія въ томъ, что этотъ писатель „искреннимъ, глубокимъ знатокомъ европейской мысли не могъ быть уже вслѣдствіе крайне скуднаго своего образованія, которое впослѣдствіи чрезвычайно туго пополнялось“ [13]); либо

[13]) *Алексѣя Н. Веселовскаго* Западное вліяніе въ русской литературѣ, 2-е изд., М. 1896, стр. 210. Между тѣмъ Гоголь былъ человѣкомъ довольно разносторонняго образованія. Въ особенности хорошее знакомство его съ искусствомъ и въ частности съ литературой запада не подлежитъ сомнѣнію. Интересъ къ изящнымъ искусствамъ онъ развилъ въ себѣ еще въ Нѣжинѣ (см. *Николая М.* Опытъ біографіи Гоголя, стр. 14). Тамъ же онъ въ концѣ довольно хорошо ознакомился съ нѣмецкимъ языкомъ и читалъ въ оригиналѣ между прочимъ Шиллера (см. А. И. Кирпичникова Сомнѣнія и противорѣчія въ біограф. Гоголя—Извѣстія отд. р. яз. и слов. 1900, т. V, кн. 2, стр. 598—600), въ которомъ чтилъ по преимуществу поэта идеализма (С. III, 129: „Чичиковъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости“), и этотъ поэтъ оказалъ, повидимому, значительное вліяніе на мысль Гоголя. Лучше, говорятъ, былъ знакомъ тогда Гоголь съ французскимъ языкомъ. Вообще Гоголь и тогда уже началъ усиленно стремиться пополнить пробѣлы своего образованія, какъ видно хотя бы изъ словъ письма его, относящагося къ концу 1827 г: „Все это время я занимаюсь языками. *Успѣхъ вѣнчаетъ*, слава Богу, *мои начинанія*. Но это еще ничто въ сравненіи съ предполагаемымъ: въ остальные полгода я положилъ себѣ за непремѣнное — окончить совершенно изученіе трехъ языковъ. *На успѣхъ я не могу пожаловаться*. Отъ него и отъ своего *непоколебимаго намѣренія* я много надѣюсь“ (П. I. 95). См. еще письмо, относящееся приблизительно къ тому же времени и напечатанное В. А. Чаговцемъ въ Гоголевскомъ сборникѣ. изд. Ист. Общ. Нестора-лѣтописца, а также данныя объ успѣхахъ Гоголя въ Нѣжинѣ по языкамъ, сообщенныя въ Гоголевскомъ Сборникѣ, изд. подъ ред. М. Н. Сперанскаго, К. 1902, стр. 295 — 296, 302 и слѣд., 409 — 410. О чтеніи иностранныхъ авторовъ учениками Гимназіи высшихъ наукъ есть также интересныя свѣдѣнія въ дѣлѣ о „вольнодумствѣ“ Ландражина. Изъ числа восьми отнятыхъ у учениковъ тетрадокъ съ выписками изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ одна принадлежала Гоголю, а другая, содержавшая извлеченіе изъ Руссо и Юма, пріятелю Гоголя, Высоцкому. Въ Петербургѣ Гоголь пополнилъ свое знакомство съ выдающимися произведеніями западно-европейскихъ литературъ: въ томъ можно вѣрить, между проч., „Записками Смирновой“ (I, 138), потому что сообщаемыя послѣднею свѣдѣнія подтверждаются изученіемъ сочиненій и писемъ Гоголя. Списокъ упоминаемыхъ имъ авторовъ, которыхъ онъ, надо думать, прочелъ, или изучилъ, весьма значителенъ. Есть также косвенные слѣды знакомства съ авторами, Гоголемъ

заявленія психологовъ, что „геніальность Гоголя находилась въ вопіющемъ противорѣчіи съ важнѣйшими наисильнѣе выраженными сторонами его натуры и особенностями его ума.... онъ. *какъ умъ,* боялся мысли, отворачивался отъ свѣта, отъ радостей—познанія, былъ *лѣнивъ — учиться* и *совершенствоваться*,—его умъ, огромный, проницательный и тонкій, страдалъ какою-то странною неподвижностью и свѣтобоязнью... Съ однимъ только необыкновеннымъ художественнымъ дарованіемъ Гоголя его геній находился въ полной гармоніи“ [14]).

Теперь иные отрицаютъ даже первостепенное значеніе художественной дѣятельности Гоголя, какъ важнаго поворотнаго пункта въ исторіи русской литературы XIX вѣка, и за таковой принимаютъ дѣятельность Бѣлинскаго и его послѣдователей.

Конечно, въ Гоголѣ не мало такого, что роднитъ его съ предшествовавшими вѣками русскаго и западно-европейскаго прош-

не называемыми, между проч., съ нѣкоторыми знаменитыми мыслителями. Въ ряду поэтовъ любимцами Гоголя были изъ иностранныхъ такіе корифеи какъ Гомеръ, Данте, Шекспиръ, съ которымъ Гоголь не разставался въ дорогѣ, Мольеръ и т. д. Воздерживаемся здѣсь отъ перечисленія другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о пытливости ума Гоголя, отрицамой г. Овсянико-Куликовскимъ и другими, и о широтѣ историческаго, историко-этнографическаго, историко-литературнаго и философскаго образованія этого писателя, которую надѣемся освѣтить въ послѣдующемъ изложеніи.

[14]) *Овсянико-Куликовскій*, Н. В. Гоголь—Вѣстникъ воспитанія 1902, № 12. Подобныя сужденія. рядомъ съ которыми надо поставить обвиненіе въ„ пробѣлахъ соціальнаго образованія“ (Алферовъ) и т. п., должны были бы вызвать аналогичное отношеніе и къ Бальзаку, который, дѣйствительно возбуждаетъ въ иныхъ сомнѣніе въ силу своихъ соціальныхъ и политическихъ идей, какъ убѣжденный теоретикъ и защитникъ абсолютизма, мало сочувствовавшій принципамъ 1789 г. Бальзакъ тѣмъ не менѣе, подобно Гоголю, остается однимъ изъ основателей литературы, справедливо называемой новѣйшею, и къ нему также врядъ ли справедливо примѣнять предположеніе о лѣности, косности и свѣтобоязни его ума. Равнымъ образомъ Бѣлинскій замѣтилъ въ своемъ предпослѣднемъ письмѣ о Жоржъ Зандѣ: „Посмотрите на Ж. Зандъ въ тѣхъ ея романахъ, гдѣ рисуетъ она свой идеалъ общества: читая ихъ, думаешь читать переписку Гоголя“ (Пыпинъ, Бѣлинскій, II, 320).

лаго, но оцѣнка, упускающая изъ виду несомнѣнно чрезвычайное значеніе этого писателя для второй половины XIX в., столь же односторонняя, какъ и положенная въ основу этого сужденія о Гоголѣ критика его личности и міровоззрѣнія, представленная Бѣлинскимъ въ пресловутомъ письмѣ къ автору „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ 15 іюля 1847 г. Бѣлинскій одинъ изъ литературныхъ вождей и главъ крайней партіи, въ высшей степени страстный и раздражительный, не могъ отнестись съ должнымъ безпристрастіемъ и справедливостью къ человѣку, котораго считалъ главнымъ орудіемъ противоположной партіи, славянофильской [15]). Бѣлинскій не замѣтилъ, что Гоголь выработавшій собственное мощное міровоззрѣніе, возвышался надъ обоими боровшимися лагерями, не примыкая вполнѣ ни къ тому, ни къ другому, подобно Жуковскому и Пушкину, и что авторъ „Мертвыхъ душъ“ скорѣе продолжалъ нравственно-политическія воззрѣнія Пушкина 30-хъ годовъ, чѣмъ повторялъ идеи Московскихъ славянофиловъ и въ частности своихъ пріятелей, Шевырева и Погодина. Недаромъ Пушкинъ оставался для Гоголя величайшею святынею до конца его дней, и ореолъ этого великаго учителя и друга молодости Гоголя не померкъ въ его глазахъ и послѣ

[15]) Приступая къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ отношенія Бѣлинскаго къ Гоголю съ 1847 г., необходимо имѣть въ виду, что̀ говорилъ о себѣ самъ Бѣлинскій въ своихъ письмахъ, приведенныхъ въ статьѣ *Н. Котляревскаго*: „Нѣсколько отрывковъ изъ неизданной переписки Бѣлинскаго“ (По матеріаламъ, сообщеннымъ А. Н. Пыпинымъ—въ сборникѣ: „Помощь голодающимъ“, М. 1892). „Ты знаешь мою натуру, писалъ Бѣлинскій 8 сентября 1841 г.: она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью разстаюсь съ старою идеей, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. И такъ, я теперь въ новой крайности“.... Въ письмѣ Бѣлинскаго отъ 23 ноября 1842 г. читаемъ: „Лучшая сторона моя—чувство, сильное до изступленія и дикости, но безтолковое, чуждое всякой дѣйствительности“. Эти качества Бѣлинскаго на ряду съ благородствомъ его стремленій и выразились во всей своей красѣ въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю.

грозныхъ увѣщаній фанатическаго поборника аскетическаго идеала, о. Матѳея.

Теперь уже не столь рѣзокъ, какъ во дни Гоголя, споръ, который вели западники и славянофилы, но въ сужденіяхъ о Гоголѣ, ставшемъ отчасти жертвою того спора и страстныхъ упрековъ Бѣлинскаго, отзывается иногда прежнее ожесточеніе, тѣмъ болѣе, что вѣковая распря все еще не пришла къ концу, и многіе готовы повторить слова автора „Соціально-педагогическихъ условій развитія русскаго народа“ (Щапова), что „спасенье“ русской „литературы“ заключалось „въ реально-критическомъ скептицизмѣ Бѣлинскаго“.

Столь близорукой и односторонней оказывалась въ большинствѣ случаевъ отечественная критика, занимавшаяся оцѣнкой личности и творчества автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ преимущественно съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ общественныхъ идей и предрасположеній. Во дни Гоголя сначала „лицемѣрно-безчувственный современный судъ“ называлъ „ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья“, отводилъ „ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество“, придавалъ ему качества имъ же изображенныхъ „героевъ“ [16]). Потомъ стали преобладать неблагопріятныя оцѣнки личности и мысли Гоголя подъ вліяніемъ его „Переписки съ друзьями“. Лишь немногіе изъ русскихъ критиковъ подходили къ болѣе нравильному уразумѣнію его значенія.

Впервые со всею отчетливостію начала выяснять это значеніе свѣдущая критика иностранная, обладавшая бо́льшимъ запасомъ данныхъ для сравненія и болѣе широкимъ кругозоромъ. Она поняла [17]), что заслуга Гоголя не ограничивается признан-

[16]) С., III, 131.

[17]) Отмѣтимъ прежде всего отзывъ въ 1845 г. Сентъ-Бэва, перепечатанный въ *C.-A. Sainte Beuve*, Premiers Lundis, t. III, Par. 1879, p. 24—38, по поводу повѣстей переведенныхъ Л. Віардо. Краткую передачу этого отзыва см. въ ст. В. Г.: „Гоголь и иностранцы“—Новое Время

нымъ всѣми подвигомъ его въ дѣлѣ пробужденія русскаго общественнаго самосознанія и развитія интереса и любви къ правдивому воспроизведенію русской жизни, но гораздо шире: Гоголь долженъ занять почетное мѣсто и въ міровой литературѣ, какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей высшаго художественнаго реализма и изобразителей нравственной природы человѣка, отправлявшихся отъ тщательнаго наблюденія надъ этою природою и изученія даже мельчайшихъ ея изгибовъ въ связи съ характерами, нравами и наружностью и оставившихъ геніальныя изображенія человѣка. Въ силу того Гоголь явился однимъ изъ обновителей искусства въ XIX вѣкѣ, какъ въ XIV столѣтіи таковыми были Боккаччіо и Чаусеръ, а въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го Шекспиръ и Сервантесъ.

И дѣйствительно этому писателю принадлежитъ универсальное значеніе, превышающее ставшіе уже отчасти невозвратнымъ прошлымъ интересы и потребности времени и среды, для которыхъ ближайшимъ образомъ трудился Гоголь. Недаромъ онъ самъ подъ конецъ своей жизни раздвигалъ предѣлы своего творчества, „обративъ вниманіе на познаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ“ [18]).

Великое значеніе мысли Гоголя основано на томъ, что онъ принадлежитъ къ небольшой группѣ душъ, непрестанно

1902, № 9328). Въ концѣ своей статьи Сентъ-Бэвъ, не разъ сравнивавшій Гоголя съ западными писателями, между проч. съ Шекспиромъ, называетъ Гоголя „un homme de vrai talent, observateur sagace et inexorable de la nature humaine.“ Де-Вогюэ намѣтилъ ту точку зрѣнія, которую исправивъ развилъ теперь А. Н. Пыпинъ въ своей рѣчи: „Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы“; см. также „Archiv f. slavische Philologie“, XXV Bd. (1903), zweites heft: A. N. Pypin, „Die Bedeutung Gogol's in der russischen Literatur“).

[18]) „Исповѣдь“.

„алчущихъ“ и „жаждущихъ“ откровенія истины [19]). Онъ уже съ ранней юности слѣдовалъ „вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя“, по его мнѣнію, „одинъ Богъ вдвинулъ“ въ него, „претворивъ“ его „въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта“ [20]). Гоголя томила „жажда знать душу человѣка“, почерпнуть въ такомъ познаніи опредѣленіе добра, котораго алкала его душа [21]) и обрѣсти смыслъ человѣческой жизни этимъ путемъ, который въ самомъ дѣлѣ нужно признать однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ. То было начало исканій, замѣчаемыхъ у многихъ великихъ русскихъ поэтовъ (у Жуковскаго, Пушкина и у Лермонтова) и составившихъ отличительную черту послѣдующихъ выдающихся писателей русской земли XIX вѣка [22]). Въ Гоголѣ этотъ процессъ совершался съ наибольшею яркостью и томительностью. Гоголю эти страстные поиски „познанія души человѣка“ причиняли столько душевныхъ мукъ, что внимательно и безъ предвзятости изучающій его жизнь не можетъ не проникаться глубочайшимъ участіемъ на ряду съ леденящимъ душу ужасомъ передъ единственными въ своемъ родѣ страданіями одной изъ возвышеннѣйшихъ душъ въ міровой литературѣ. Дологъ и труденъ былъ путь восхожденія этой души, и еще въ поздніе годы Гоголь писалъ: „еще строюсь

---

[19]) Выраженіе „алчущія души“ примѣнено И. И. Ивановымъ въ статьѣ подъ этимъ названіемъ, помѣщенной въ „Русской мысли“ 1900 г. № 3, къ Паскалю, Руссо и Гоголю. Это „люди съ особенною психологіей и съ едва постижимой для другихъ чуткостью совѣсти“ „съ душой, самоотверженно и одиноко ищущей общечеловѣческаго блага, жаждущей высшихъ истинъ, будто хлѣба насущнаго, и раскрывающей предъ нами возможную красоту и силу челвѣческой природы“.

[20]) П., I, 124. Ср. ib., 74: „Тайны сердца, жадныя (малороссизмъ вм. жаждущія) откровенія“...

[21]) П., II, 452: „за *алканіе* добра... вы умѣли простить мнѣ...“

[22]) Позитивизмъ отрицалъ значеніе этого самонаблюденія, но теперь насталъ поворотъ всюду, въ томъ числѣ и у насъ. Во вступительной статьѣ редактора Перцова къ журналу „Новый Путь“ читаемъ:

„Писаревъ! Писаревъ! Если бы ты могъ все это видѣть, читать,

и создаюсь въ характерѣ“ [23]). Это построеніе въ себѣ новаго человѣка было уже близко къ концу, какъ вдругъ было прервано неумолимою смертью, въ виду которой, охваченный предсмертнымъ раздумьемъ, глубоко несчастный своею неудовлетворенностью, поэтъ предалъ огню свои послѣднія завѣтныя думы, выразившіяся въ заключительной редакціи „Мертвыхъ душъ“, какъ не разъ и до того уничтожалъ свои труды, казавшіеся ему не вполнѣ достойными высокаго назначенія искусства.

Тѣмъ не менѣе, и лишившееся такъ своего завершенія творчество Гоголя сохраняетъ въ себѣ великую цѣнность. Его значеніе основано на искреннемъ, вполнѣ художественномъ, крайне выпукломъ выраженіи того міросозерцанія, которому этотъ поэтъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, хотя, конечно, оно достигло полной зрѣлости не сразу.

Гоголь всю свою жизнь провелъ въ непрерывныхъ поискахъ, начиная уже съ „Ганца Кюхельгартена“; мысль его постоянно работала въ двухъ направленіяхъ—аналитическомъ и синтетическомъ. Безцвѣтность и пошлость окружающаго томили его душу уже съ лѣтъ пребыванія въ Нѣжинѣ, и онъ изображалъ эти качества наблюдаемой имъ жизни. Художественныя воспроизведенія послѣдней были преимущественно отрицательнымъ выраженіемъ того *положительнаго* процесса, который совершался во всю жизнь въ этомъ великомъ художникѣ неустаннаго стремленія „впередъ“ и „впередъ“, въ работѣ синтеза его мысли. Художникъ тѣмъ выше, чѣмъ между проч. выше и крѣпче его обобщающая мысль. Гоголь

—ты, убѣжденный, что всякій развратъ эстетики уничтоженъ тобою разъ навсегда!...

„Мы поняли, что осмѣянный отцами „мистицизмъ“ есть единственный путь къ твердому, свѣтлому пониманію міра, жизни, себя...

„Гоголь, Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ—вотъ наша родословная...

[23]) П., II, 398; III, 452: „никогда еще не сгоралъ я такимъ желаніемъ учиться“.

былъ поэтъ не только широкаго анализа, но и синтеза, въ свое время односторонне понятый, какъ то нерѣдко бываетъ; ему предстоитъ найти болѣе вѣрную оцѣнку лишь въ будущемъ.

Устойчивостью основъ своего міросозерцанія и творчества Гоголь отличается отъ Пушкина и Лермонтова и напоминаетъ своего старшаго сверстника и друга В. А. Жуковскаго, хотя въ противоположность послѣднему не всегда былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ колебаній въ своей вѣрѣ и „пришелъ ко Христу“ раціоналистическимъ путемъ [24]). Сходясь съ Жуковскимъ въ религіозномъ оптимизмѣ, въ особомъ вниманіи къ высшимъ порываніямъ души и отчасти въ общественныхъ взглядахъ [25]), Гоголь иначе понималъ задачи поэзіи. По взгляду Жуковскаго преимущественное назначеніе послѣдней — воспѣваніе неземнаго міра и неземныхъ стремленій: „поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“, говоритъ умирающій Камоэнсъ у Жуковскаго. Въ *поэзіи* Гоголя Богъ и міръ иной также иногда чувствуются, но—въ отдаленной перспективѣ; на первомъ же мѣстѣ, какъ предметъ изображенія, пребываетъ вполнѣ реальный человѣкъ во всей своей цѣлостности. Изученіе душевнаго міра, какъ двигательнаго начала всей внѣшней жизни этого человѣка, составляло постоянное средоточіе эстетическихъ идей Гоголя, стремившагося „покрѣпче всматриваться въ душу человѣка, зная что въ ней ключъ всего“. Какъ видно изъ этихъ словъ, психологизмъ у Гоголя тѣсно вязался съ реализмомъ его поэзіи [26]).

„Внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ“, писалъ Гоголь въ 1844 году. „Отъ ранней

[24]) „*Повѣркой разума* повѣрилъ я то, что другіе понимаютъ ясной вѣрой и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно“.

[25]) Русскій строй казался Гоголю предпочтительнѣе существующаго въ западной Европѣ: первый „открываетъ властелину широкій кругъ его благотворныхъ дѣйствій“ (С., IV, 42).

[26]) С., IV, 150. Ср. The modern langu. notes, 1902, № 5, рец. на книгу Pellissier, который и самъ говоритъ: „Le psychologisme n'est vraiment qu'une naturalisme de la vie mentale“.

юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду". Эта дорога—путь постояннаго изученія людей и въ частности самонаблюденія съ цѣлью поднятія нравственнаго уровня человѣка и по возможности отрѣшенія его отъ „коры земности", которая бросалась въ глаза Гоголю уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ его творчества [27]). „Страсть наблюдать за человѣкомъ" была „питаема" Гоголемъ „еще съизмала". Онъ, по его словамъ „прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ охоту къ наблюденію внутренному надъ человѣкомъ и надъ душой человѣческой" [28]). „Любопытнаго много открываетъ дѣтскій любопытный взглядъ... Все, что̀ носило на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало.... и поражало... ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія" [29]). Юноша „уносился мысленно въ бѣдную жизнь". Потомъ изученіе стало еще внимательнѣй: „мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ" [30]). Въ концѣ кругъ и методъ наблюденія расширились еще болѣе, и Гоголь такъ говоритъ объ этомъ: „человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ моихъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевидцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе

---

[27]) Письмо 1844 г. къ С. Т. Аксакову (П., II, 435). П., I, 75: „они задавили корой своей земности"...

[28]) С. IV, 280 - 281. „Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми".

[29]) С., III, 107.

[30]) С., III, 243.

людей и душа человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало"...[31]).

Разумѣется, Гоголь не сразу оказался при этомъ „мужемъ, воспитаннымъ суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія," потому что уединялся въ мірѣ постепенно [32]). Но и „послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ, и опытовъ, и размышленій" онъ „пришелъ къ тому, о чемъ помышлялъ во время дѣтства; что назначеніе человѣка—служить, и вся наша жизнь есть служба" [33]). Свою службу онъ уже въ юности ставилъ въ томъ, чтобы „разсѣевать благо и работать на пользу міра" [34]), потому что измлада, одушевляемый благородными чувствами, „всю свою жизнь обрекъ благу" [35]). Въ теченіе всей своей жизни онъ былъ проникнутъ возвышеннымъ нравственнымъ настроеніемъ, и оно также являлось началомъ, объединявшимъ всѣ періоды его литературной дѣятельности наравнѣ съ трезвостію наблюденія, добрымъ смѣхомъ и „незримыми, невѣдомыми міру слезами". Гоголь проливалъ эти слезы какъ въ тѣ годы, когда началъ достигать громкой славы, такъ и тогда, когда приготовлялъ къ изданію „переписку съ друзьями", въ сильной степени подорвавшую эту славу. Уже въ первые годы своего творчества Гоголь начиналъ чувствовать трагизмъ жизни и ужасъ его; тайная грусть и тогда не покидала его; иногда онъ преодолѣвалъ ее [36]), но въ другіе

---

[31]) С.

[32]) Правда, уже въ Нѣжинѣ Гоголь „уединялся совершенно отъ всѣхъ" (П., I, 74), но это еще не было тѣмъ обособленіемъ, какое видимъ позднѣе.

[33]) С., III, 224.

[34]) П., I, 124.

[35]) П., I, 98: „всегда чувства благородныя наполняютъ меня, никогда не унижался я въ душѣ и всю жизнь свою обрекъ долгу".

[36]) П., I, 340: „У насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть веселость".

моменты „не зналъ, куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій“ [37]).

Такимъ образомъ, Гоголь пребывалъ постоянно вѣренъ себѣ, и особаго перелома, усматриваемаго иными, въ немъ не произошло за исключеніемъ постепеннаго сосредоточенія въ религіозности подъ вліяніемъ раздумья, усиливавшагося съ годами, между проч.—о постигавшихъ его утратахъ друзей. Ростъ самой этой религіозности совершался вполнѣ естественно изъ зерна, зароненнаго въ поэта отъ природы и уже въ юности развившагося до признанія водительства Божія, о которомъ позже онъ выразился такъ: „безъ Божьей воли ничего не дѣлается. А воля Божья разумна“ [38]); тогда онъ призналъ, что Христосъ „всѣхъ найумнѣй“.

Уже въ первомъ своемъ печатномъ произведеніи, въ сожженной вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ (1829 г.) поэмѣ „Ганцъ Кюхельгартенъ“, Гоголь выказалъ основныя черты своего душевнаго склада, сейчасъ нами обрисованнаго, — возвышенный идеализмъ, наклонность къ самоанализу, неудовлетворенность обыденнымъ, будничнымъ существованіемъ и стремленіе выйдти изъ его стѣсняющихъ предѣловъ, не отрѣшающееся однако отъ идеи служенія другимъ. Закончилъ Гоголь тѣмъ-же изученіемъ себя и также стремленіемъ вдаль, но не въ буквальномъ, а въ переносномъ, нравственномъ смыслѣ. Исколесивъ не разъ западъ и югъ Европы, посѣтивъ Палестину, въ которую такъ долго рвалась его душа, Гоголь пересталъ въ послѣдніе годы стремиться на чужбину, но въ сущности оставался тѣмъ же Ганцемъ, только подпявшимся на много и много ступеней выше надъ Чайльдъ-Гарольдовымъ порываніемъ вдаль. „Ни за что-бъ я не выѣхалъ изъ Москвы, которую такъ люблю“, писалъ Гоголь 15 сентября

[37]) П., I, 465: „Не зналъ куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій“.

[38]) П, III, 200.

1850 г. „ Да и вообще Россія все мнѣ становится ближе и ближе; кромѣ свойства родины, есть въ ней что-то еще выше родины, точно какъ бы это та земля, откуда ближе къ родинѣ небесной“ [39]).

Въ годы, протекшіе между этими двумя рубежами творческой дѣятельности Гоголя, онъ осуществлялъ программу, которая такъ изложена въ сейчасъ указанномъ письмѣ къ Стурдзѣ: „Много, много есть того, что́ позабыто, но не должно позабываться, что́ нужно выставить въ живыхъ, говорящихъ примѣрахъ, — словомъ много того, о чемъ нужно напомнить нынѣшнему современному человѣку, и что́ принимается умами многихъ только тогда, когда скажется въ высокомъ настроеніи поэтической силы“. Вѣдь „есть много тайнъ въ глубинѣ души человѣка, которыхъ еще не открылъ человѣкъ“ [40]).

Въ этихъ словахъ находимъ краткое опредѣленіе задачи, въ выполненіи которой Гоголь справедливо усматривалъ возвышенный подвигъ. Онъ вполнѣ вѣрно понялъ одну изъ величайшихъ задачъ поэзіи — наблюденіе надъ человѣческой душой и возсозданіе ея различныхъ изъяновъ и лучшихъ сторонъ съ цѣлью воздѣйствія на людей и вспомоществованія осуществленію ими „высокаго назначенія человѣка“ [41]).

Въ такомъ изученіи и творческомъ воспроизведеніи души и вообще дѣйствительности Гоголь выказалъ въ себѣ истинную геніальность и великій талантъ художественнаго изображенія, что́ замѣтилъ и

[39]) II., IV, 352. Ранѣе, какъ вѣрно указалъ г. Шенрокъ, Гоголь приблизительно въ такомъ же смыслѣ выражался о Римѣ. См., между проч.. строки о „красавицѣ Италіи“ 1837 г.: „Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня. Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ—все это мнѣ снилось“ и т. д.

[40]) II., II, 215.

[41]) II., I, 75 о Нѣжинскихъ обитателяхъ: „они задавили... высокое назначеніе человѣка“.

провозгласилъ-было уже Бѣлинскій. Называли Гоголя геніемъ и другіе современники его, напр. Соллогубъ и Никитенко.

По мѣткому опредѣленію Шопенгауэра, геніальность [42]— не что иное, какъ совершеннѣйшая объективность. Исходя изъ этого опредѣленія, устанавливаютъ, что геніальныя натуры познаютъ явленія съ возможнымъ приближеніемъ къ ихъ дѣйствительной сущности, а люди ограниченные узко истолковываютъ факты на свой ладъ и потому создаютъ себѣ превратное представленіе о мірѣ. Здоровый реализмъ, говоритъ Türk [43], разумѣніе, вникающее въ глубь, въ дѣйствительность и истину, въ сущность вещей, приводитъ къ истинному идеализму, къ постиженію идей великихъ, господствующихъ надъ всѣмъ сущимъ, которыя всѣ сводятся къ идеѣ высшаго, совершеннѣйшаго бытія. Всѣ эти черты генія а равно и тѣ, которыя были намѣчены уже Кантомъ, цѣлостность эстетической идеи, созданіе собственныхъ правилъ для искусства, а слѣдовательно и оригинальность [44], вполнѣ усматриваются въ Гоголѣ и въ главной особенности его творчества. Онъ самъ такъ характеризуетъ это творчество и участіе мысли въ послѣднемъ: „Полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, содержа въ головѣ всѣ крупныя черты характера,

---

[42]) Вопросъ о геніальности въ послѣднее время вновь началъ привлекать вниманіе изслѣдователей. Изъ новѣйшихъ трудовъ надлежитъ отмѣтить книгу *O. Schlapp*, Kants Lehre vom Genie, Göttingen 1901, разъяснившую ученіе Канта, сохранившее цѣну и послѣ цѣлаго ряда новыхъ работъ по этому вопросу.

[43]) *H. Türck*, Der geniale Mensch, Fünfte Auflage, Berl. 1901.

[44]) По смыслу Кантова опредѣленія, геній заявляетъ себя цѣлостною эстетическою идеею, самъ даетъ правила искусству, а не подчиняется готовымъ, слѣдовательно оригиналенъ: Jean Paul Richter и Шиллеръ дополнили это опредѣленіе, выдвигая на видъ, что геній охватываетъ „цѣлое жизни", проникнутъ Total-идеей.

соберу въ тоже время все тряпье до малѣйшей булавки, словомъ когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши". Такъ было въ силу „способности больше выводить, чѣмъ выдумывать". „Вслѣдствіе устройства головы моей, я могу работать только вслѣдствіе глубокихъ соображеній и обдумываній" [45]). По словамъ С. Т. Аксакова, которому не можемъ не довѣрять, „ясность и глубина взгляда и вѣрность суда даже въ предметахъ, мало ему извѣстныхъ, были отличительными качествами Гоголя".

Въ сферѣ художественнаго творчества геніальность проявляетъ себя между прочимъ способностью своеобразно и вмѣстѣ ярко и рельефно объективировать характерныя явленія жизни. При этомъ велики только тѣ умы, въ которыхъ отражается міровое цѣлое, обогащая человѣческій духъ. Геніальные поэты выдвигаютъ на видъ и вводятъ въ общее сознаніе не только возвышенныя общечеловѣческія, всѣмъ присущія въ большей или меньшей степени стремленія, каковы, напр., воплощенныя въ Гамлетѣ, Фаустѣ, но и прямо противоположныя таковымъ, также свойственныя въ сильной степени человѣческой натурѣ,—то, что́ можно бы назвать возвышеннымъ въ обратномъ смыслѣ. Гоголь геніально выразилъ эту двойственность человѣческой природы, тѣ „двѣ души", которыя находили въ ней величайшіе представители творчества, Сервантесъ, Шекспиръ и Гёте [46]). Гоголь былъ надѣленъ колоссальнымъ „талантомъ" „изображать бѣдность нашей жизни" [47]), не обманываясь внѣшностію общества, хотя бы и самою блестящею, открывать во всемъ слабыя стороны и соціальныя язвы. Онъ изображалъ стремленіе къ господству и борьбу эгоизма, ограниченности и пошлости за преобладаніе въ человѣческомъ мірѣ, но также и невозможность для нихъ вполнѣ одолѣть лучшія побужденія.

[45]) П., II, 260.

[46]) О двухъ типахъ писателей говоритъ самъ Гоголь въ одномъ изъ лирическихъ отступленій въ „Мертвыхъ Душахъ".

[47]) С., III, 279.

Обыденная дѣйствительность никогда и нигдѣ надолго не удовлетворяла Гоголя по выходѣ его изъ дѣтства и ранней юности, и онъ не мирился съ нею [48]). Кажущееся согласіе съ нею въ „перепискѣ съ друзьями“ имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, болѣе глубокій, чѣмъ какой находятъ въ ней вслѣдъ за Бѣлинскимъ. Приглядѣвшись повнимательнѣй, нельзя не замѣтить, что это примиреніе было обманчиво и давало Гоголю лишь удобную форму для развитія морали, въ сущности возвышенной и благородной, хотя и не имѣвшей вида, моднаго въ XIX вѣкѣ. То была мораль культуры, основанной на духовномъ подъемѣ личности и *внутренно* отличной отъ той, которою гордился XIX-й вѣкъ въ Европѣ и Америкѣ и въ которой Гоголь сталъ разочаровываться уже со времени ближайшаго знакомства съ Петербургомъ [49]), а затѣмъ и съ западною Европой. Обличеніемъ золъ современной культуры и провозглашеніемъ новыхъ началъ возрожденія Гоголь вошелъ въ небольшую группу передовыхъ вождей человѣчества, какими явились въ XVIII в. Руссо и Шиллеръ, въ XIX-мъ Уордсуортъ и нѣкоторые другіе англійскіе писатели до Рескина включительно, а у насъ послѣ Гоголя гр. Л. Н. Толстой.

[48]) Кромѣ приведенныхъ выше выдержекъ можно бы подыскать не мало другихъ. См. напр., П., I, 396: „на Руси есть такая изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не въ терпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню“. См. еще П., II, 255-256: „вездѣ можетъ постигнуть тебя тяжелая, можетъ быть даже жестокая тоска“; 378: „Есть какая-то повсюдная нервически душевная тоска“.

[49]) Это разочарованіе сквозитъ уже начиная съ первыхъ писемъ изъ Петербурга; см., напр., П., I, 117: „Тишина необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все погрязло въ безцѣльныхъ, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ“... То же отрицательное отношеніе къ столицѣ находимъ и въ послѣднихъ письмахъ, писанныхъ, когда заканчивалось постоянное пребываніе Гоголя въ Петербургѣ: „грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу... Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы“ (П., I., 377).

Гоголь открылъ въ европейскихъ литературахъ XIX в. съ особою страстностью исканіе новыхъ путей къ возрожденію истинной человѣчности. „Вѣчное движенье и блескъ“ „настоящей Европы“, заманчиво мелькавшіе вдали; „Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенья, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ; великая выставка всего, что́ производитъ мастерство, художество и всякій талантъ, скрытый въ невидныхъ углахъ Европы, трепетъ и любимая мечта двадцатилѣтняго человѣка, размѣнъ и ярмарка Европы! самое сердце Европы, гдѣ, идя, подымаешься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемірнаго общества“!—„многое“ изъ всего этого, когда Гоголь приглядѣлся къ нему повнимательнѣе, показалось нашему поэту „не въ томъ видѣ, какъ было прежде“ [50]). „Всѣ европейскія государства, замѣчаетъ онъ, теперь болѣютъ необыкновенной сложностью всякихъ законовъ и постановленій. Повсюду замѣтно одно замѣчательное явленіе, а именно: законы собственно гражданскіе выступили изъ предѣловъ и ворвались въ области, имъ не принадлежащія“ [51]). Какъ и князь его отрывка „Римъ“, Гоголь „во многомъ разочаровался... Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность жизни Парижа исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеньи вѣчнаго его кипѣнья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ всякій французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспиты-

[50]) С. II, 134—139.
[51]) С., IV, 162.

вался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски движущейся политики и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и рѣзко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ... и слово *политика* опротивѣло, наконецъ... Въ движеньи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силился передъ другимъ, во что бы то ни стало, взять верхъ хотя бы на одну минуту... Вездѣ почти дерзкая увѣренность и нигдѣ смиреннаго сознанія собственнаго невѣдѣнія... И показалась ему теперь низкою роскошь XIX столѣтія, мелкая ничтожная роскошь... нынѣшнія мелочныя убранства, ломаемыя и выбрасываемыя ежегодно безпокойною и странною модою, страннымъ, непостижимымъ порожденьемъ XIX вѣка, предъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что колоссально, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не отъ того ли сей равнодушный хладъ, обнимающій нынѣшній вѣкъ, торговый, низкій разсчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ?... И увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь, и какъ близоруки бываютъ политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни“ [52]).

Мы слышимъ въ этихъ строкахъ приблизительно ту же скорбь объ утратѣ истиннаго величія, „спокойной торжественностью тишины“ [53]) и простоты новѣйшими культурами, какая вдохновляла ранѣе названныхъ нами великихъ обличителей внутренняго упадка новѣйшей культуры. Не заманчивый для юноши, въ

[52]) С., II, 139—140, 147—148, 153.
[53]) Тамъ же, 149.

существѣ же ложный „блескъ и шумъ“ [54]) ея, но другія перспективы рисовались нашему поэту. Покидая въ 1835 г. надолго свое отечество, отправляясь „разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія „свои будущія творенья, Гоголь, глубоко огорченный „ожесточеніемъ“ противъ „Ревизора“, „любилъ между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ“ [55]). Эта любовь все болѣе и болѣе зрѣла и крѣпла въ „чудномъ далекѣ“ на чужбинѣ и преображалась въ мечты о свѣтломъ будущемъ родины, дорогой сердцу поэта. „У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль, Русь!“...

Стремясь всею душою постоянно „впередъ“, въ эту „чудную даль“, великій поэтъ, со всею трезвостію, присущею ему, зналъ также и понималъ, какъ недостаточно быть лишь метафизикомъ, и удѣлялъ все должное вниманіе и печальной дѣйствительности.

Н. Дашкевичъ.

[54]) Тамъ же, 149.
[55]) П. 1, 377—378.

Рыцарство на Руси—въ жизни и поэзіи.

II.

Первыя времена злой татарщины не могли благопріятствовать дальнѣйшему преуспѣянію на Руси началъ рыцарскаго идеализма и морали, самостоятельно выработанныхъ либо переданныхъ намъ Западомъ въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го вѣка.

Въ годы тяжкихъ утѣсненій должно было замолкнуть веселье при княжескихъ дворахъ. Плачъ и туга распространились по Русской землѣ. Наступили вѣка покаянія, къ которому усиленно призывали проповѣдники. Не было и прежняго приволья въ степяхъ для богатырскихъ заставъ.

Но, какъ на Западѣ упадокъ рыцарства со второй половины XIII-го в. еще не означалъ его полнаго вымиранія, а, напротивъ, по мѣстамъ и по временамъ рыцарство воскресало съ новою силою (это было, напр., въ XVI в. въ Испаніи и во Франціи), такъ и на Руси завѣты и идеи рыцарства ожили съ новою силою спустя полтора вѣка послѣ татарскаго нашествія.

Голосъ пѣвца Задонщины въ Московской Руси, призывавшій обратиться въ полунощную страну, прозвучалъ одиноко и не оживилъ тамъ старыхъ воспоминаній русской

рыцарственности XII в. Не воскресили ихъ и проникавшія въ сѣверо-восточную Русь произведенія западно-европейской рыцарской литературы [1]).

Въ это позднѣйшее время на Руси рыцарскія идеи были распространяемы преимущественно польскими носителями ихъ [2]). Польскій историкъ Шуйскій поставилъ въ заслугу полякамъ то [3]), что они вводили рыцарскій принципъ и тѣмъ содѣйствовали распространенію культуры.

Рыцарскія идеи проникали въ Литву и Русь именно изъ Польши со времени занятія ею Червонной Руси и съ конца XIV-го вѣка, со времени уніи 1386 года. Тогда слово *рыцарь* вошло въ употребленіе и въ Литвѣ [4]).

---

[1]) См. *А. И. Соболевскаго*, Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ, Спб., 1899, стр. 106 и др. Къ мотивамъ рыцарской литературы, быть можетъ, восходятъ и нѣкоторыя подробности повѣстей, отличающихся, повидимому, оригинальнымъ русскимъ колоритомъ. Такъ, романическая завязка въ началѣ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ — проникновеніе Фрола къ Аннушкѣ переодѣтымъ въ дѣвичій уборъ — не роднитъ-ли нашу повѣсть съ одною подробностью романа о Флорѣ и Бланшфлорѣ? О мотивѣ переодѣванья см. указанія въ Literarisches Centralblatt 1901, № 22, S. 899.

[2]) О началахъ польскаго рыцарства см. *Piekosiński*, Rycerstwo polskie wieków średnich, T. I, Krak. 1896. Ср. замѣчаніе *А. С. Петрушевича:* О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ, Львъ. 1900, вып. II, 223.

[3]) Polen und Ruthenen.

[4]) Уже въ грамотѣ Витовта 1388 г. въ числѣ свидѣтелей названъ „Жимонтъ рыцерь“ (А. З. Р., I, № 9, стр. 26). Въ грамотѣ того же князя Евреямъ 1388 г. въ числѣ свидѣтелей прописаны „Зимонтъ и Римонтъ—*рыцаре*, а любо (альбо) бояре зъ Литвы“ (*Бершадскій*, Литовскіе евреи, стр. 182, прим. 27). Въ грамотахъ и документахъ XV-го в. нерѣдко употребленіе обозначенія рыцарь. Такъ, въ грамотѣ Свидригайла 1438 г. (А. З. Р., I, № 37) читаемъ: „яко человѣка рыцерского“. Ванко Кирдѣевичъ называется въ предисловіи къ русскому переводу Вислицкаго статута (около 1440 г.?) „панъ земли Холмской, дворенинъ, а *рицерь* удатный, изъ рады пана Короля Володислава“. Въ грамотѣ Казиміра 1442 г. читаемъ: „погадавши есмо съ князи, съ *ритери*, съ паны, со всею нашою радою“.

Стали возникать болѣе или менѣе рѣзкія сословныя разграниченія, и произошло постепенное выдѣленіе *рыцарей* въ Литовской Руси. Поляки ввели въ Литвѣ и на Руси гербы [1]). Литовско-русское дворянство называлось иногда, по примѣру польскаго, рыцарствомъ [2]), или „рыцарскимъ народомъ“ [3]).

Собраніе грамотъ, относящихся къ исторіи Литвы, № XIX. О рытерахъ см. замѣчаніе *Z. L. Radzimińskiego,* Słowo o wstępie do listów ks. Jerzego Zbarażskiego“. Ср. у *М. В. Довнаръ-Запольскаго,* Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, К. 1901, стр. 61. См. ниже еще выписку изъ грамоты 1457 г. Въ ней (А. З. Р., I, № 61, стр. 73) встрѣчаемъ формы рыцеры и рытеры (вар. въ польскомъ спискѣ Дзялынскаго: паны); они поставлены между княжатами и шляхтичами. Въ латинскихъ актахъ рыцарямъ соотвѣтствуютъ milites. Слово рыцарь есть и въ польскомъ словарѣ, составленномъ послѣ 1455 г. (rycerz: Archiv für slavische Philologie, XIV (1892), 4-tes Heft, S. 486). Въ XVI-мъ стол. слово рыцарь было въ постоянномъ употребленіи въ Польшѣ. Такъ, въ краткой Кіевской лѣтописи читаемъ подъ 1515 г.: „...приехали до великого короля Жикгимонта на помоч панове Лѧдскии и дворяне вдатныи, *рицери* короуны Пол̃ское и вси посполе“ (Супр. рукоп., 150). На Люблинскомъ сеймѣ различались сенаторы и рыцарство (Дневникъ Люблинскаго сейма, стр. 592). Перемышльскій судья говорилъ: „Zabith slawni, dzielni ricerz“... (тамъ же 111). Универсалъ къ Волыни и Подлѣсью былъ адресованъ воеводамъ, кастелянамъ... y wsitkiei slachczie z ryczerstwa“ (Дневн., 189).

[1]) Новѣйшая статья по этому вопросу—*A. Maleckiego*, Znaczenie unii horodelskiej w roku 1413 z punktu widzenia heraldycznego—Kwartalnik Historyczny, 1898, zesz. IV. О возвращеніи гербовъ см. въ Narbutt, Pomniki, 58.

[2]) См. Рѣчь Сигизмунда-Августа на Люблинскомъ сеймѣ. Литовско-русская лѣтопись въ Познанскомъ спискѣ заканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ о женитьбѣ Сигизмунда-Августа: „которому то ѡжэненью королевскому панове и всѧ шлѧхта рыцэръство (ѡпрочъ дому Радивилового) не были ради“... Можно бы привести безчисленное количество примѣровъ наименованія шляхты рыцарствомъ. См., напр., „Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца“, кн. XIV, вып. III, отд. III, № 1: „...и всего рицерства обывателев...“, „стану рицерского...“; № 3: „и всему вобец рыцерству...“, „до всих вобецъ шляхты рыцерства“; № 15: „кола рыцерского“; „My, rycerstwo, szliachta...“ и т. п.

[3]) Дневникъ Люблинскаго сейма, 383.

Конечно, въ Литвѣ сословно-рыцарскія идеи до Люблинской уніи прививались слабѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе и въ Литовскомъ статутѣ „ремесло хлопское" отличалось отъ „поступковъ шляхетскихъ и *рыцерскихъ*".

Западная Русь со времени единенія съ Польшей пребывала въ постоянномъ общеніи и съ остальнымъ Западомъ. Съ XV-го столѣтія стали нерѣдки путешествія на Западъ [1]). Въ XVI-мъ вѣкѣ польская, литовская и западно-русская молодежь усиленно начала стремиться туда, и одинъ писатель того вѣка говоритъ о полякахъ, что они, „пренебрегши домашними дѣлами, рискуя бѣдностію и лишеніями, охотно

---

[1]) Уже по словамъ сомнительныхъ записокъ графа Kyburg-a (1397 г.), литовскіе „Bogatsi panowie wysylają swoje dzieci na nauki do Krakówa albo za granicę" (Narbutt, Pomniejsze pisma historyczne, Wilno, 1856, стр. 153). Въ жалованной грамотѣ короля Казиміра Литовскому, Русскому и Жмудскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣстичамъ объ уравненіи ихъ въ правахъ съ поляками 2 мая 1457 г. читаемъ: „Такожъ призволяемъ, абы княжата, *рытери*, шляхтичи, боярѣ доброволно имѣли бы моць выѣхати зъ нашихъ земль князьства великого, для лѣпшого исщастіа набытья, а любо *учинковъ рытерьскихъ* до каждыхъ земль, сторонъ..." (варіантъ: „для цвиченя въ учинкахъ рыцерскихъ") (А. З. Р., I, № 61, стр. 75). Въ польскомъ текстѣ это мѣсто читается такъ: „I też dopuszczajem aby kniazi, panowie i bojare prezeczennyje meli wolnost wychoditi s tych zeml naszych welikoho kniaźstwa, dla nabywania ofitszeje fortuny, i dla cwiczenia w uczynkach rycerskich, do wsiakich zeml czużych..." Въ латинскомъ текстѣ: „Item admittimus ut duces, barones et nobiles praedicti habeaut libertatem exeundi de praedictis terris nostris magni ducatns propter consequendam uberiorem fortunam et in actibus militaribus exercitationem, ad quascunque regiones..." (Дзялынскій, Zbior praw lit., p. 31). Это постановленіе вошло и въ Лит. Статутъ 1529 г. (разд. 3, артик. 8): „Тежъ узычаемъ, абы княжата и панове хоругвные, шляхта и бояре пречоные мели волную моц выйти с тых земль наших вел. князства Литовского и их (въ др. списк.: „и иныхъ"), для набытя лепшого щастья своего и навченя учинковъ рыцерских, до всяких земль чужих окром неприятелей наших... А естли бы сынъ поехал по рыцерству, а отца по собе оставил..." За сообщеніе приведенныхъ варіантовъ приношу благодарность М. Н. Ясинскому.

отправляются путешествовать, потому что имъ чужое нравится больше своего". Въ перепискѣ извѣстнаго дѣятеля реформаціи Вергерія сохранились интересныя свѣдѣнія о литовской и русской молодежи, учившейся въ Германіи [1]).

Все это содѣйствовало укорененію западныхъ воззрѣній, преимущественно рыцарскихъ. Выработалась идея рыцарскаго слова [2]), которому вѣрили даже татары [3]): полагаясь на „честное, рыцарское слово", татары отпускали иногда плѣнныхъ подъ условіемъ возвращенія ихъ назадъ въ случаѣ, если бы они не добыли денегъ для выкупа. Въ Польшѣ XV и XVI вв. были въ ходу турниры, или, лучше сказать, игры, подобныя рыцарскимъ [4]). Вошли въ употребленіе поединки чести изъ-за оскорбленія личнаго достоинства [5]), чисто рыцарскій видъ поединковъ [6]), который надо отличать отъ другихъ

---

[1]) См. Briefwechsel №№ 93, 98, 99, 101, 102, 151, 178, 182, 190, 249. Вергерій успѣлъ снискать для этихъ молодыхъ людей покровительство Христофора Виртембергскаго.

[2]) О „честномъ, рыцарскомъ словѣ" см. Дневн. Люблинскаго сейма 1569 г., стр. 204. Люблинская унія была „przysięgą, a obwiąskiem riczerskiego przyrzeczenia utwierdzoną i umoczniona" (тамъ-же, стр. 68).

[3]) Тамъ же, стр. 204.

[4]) О статьѣ Golębiowskiego „O turniejach" см. въ *Lelewel,* Polska, XVIII, 387.

[5]) См. *Lelewel,* Pojedynki w Polszcze, Poznań 1856. Интересно занесенное въ Литовскую Метрику, кн. Суд. Дѣлъ, № 3, (1520 г., янв. 29), л. 59-й об., судебное опредѣленіе объ уплатѣ дворяниномъ Тункелемъ Л. Миколаевичу, намѣстнику Костевича въ Радуни, 12 руб. грошей „безчестія" за нанесеніе ему побоевъ. Штрафъ наложенъ потому, что на основаніи „рыцерскаго права" за оскорбленіе словомъ обиженный долженъ ограничиться ударомъ обидчика по губамъ. Быть можетъ, такимъ актомъ дѣлался вызовъ, но, нужно сказать, что вообще польско-литовское законодательство относилось неблагосклонно къ поединкамъ чести.—За сообщеніе свѣдѣнія о приведенномъ опредѣленіи изъ Литовской Метрики приношу глубокую благодарность М. Н. Ясинскому.

[6]) См. *F. Settegast,* Die Ehre in den Liedern der Troubadours, Leipz 1887, S. 3 fgde; *R. P. Kettner,* Der Ehrbegriff in den altfranzösischen

видовъ поединковъ, существовавшихъ у славянъ съ глубокой древности [1]). Но старой Польшѣ были чужды духъ рыцарской любви [2]) и навѣваемая ею поэзія [3]), по крайней мѣрѣ послѣдней не видно въ старопольской литературѣ, хотя mimi, histriones, joculatores, goliardi упоминаются въ Польшѣ уже съ XIII в.

Такъ въ Речи Посполитой вызрѣла рыцарская идея, которая была отчетливо формулирована въ рѣчи посольскаго маршала на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.: „naszym onym starym miłym przodkom za złe mieć się nie może, gdy broni swoich na czytanie jej (евангелія) dobywali, pokazując, że im ona od pana Boga dana zwierzchność, przeto do boków przypasali bronie, aby jej od pogańców obroną byli, i niszczyć broniąć niedopuszczali, a jużcić siebie i w innéj każdéj vocacyi będących nietrudnili, nie trapili ani mordowali, ale ich i bronili et ad omnem honestatem sectandam, virtutem colendam, przykładem i wodzami aby byli, gdyż jednemu rzeczono stanowi (—) ora, drugiemu (—) labora, trzeciemu téż tu (—) eos protege, protegendi ergo et tutandi sunt, non autem opprimendi. A to jest być rycerskim człekiem“. Въ обращеніи къ королю было сказано: „ostrogi koniowi prędkiemu przydaj, niech w ludziach ku rzeczom rycerskim serce, i innym każdym uczciwym a potrzebnym sprawom nieustawa...“ [4]).

Artusromanen, Leipz. 1890. См. еще *Искандера*, Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести—Современникъ, т. VIII (1848).

[1]) См. Сообщеніе *А. А. Котляревскаго* о поединкахъ—въ „Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нест.-лѣтописца“, кн. II. См. еще *М. И. Драгомирова* о дуэли—въ Развѣдчикѣ, № 473. Нужно сказать однако, что въ литовско-русскомъ государствѣ „почтивость“, т. е. честь, а равно и добрая слава не считались достояніемъ лишь шляхты. См. *М. Н. Ясинскаго* Главный литовскій трибуналъ, вып. I, К. 1901, 123—124.

[2]) См. у *Bełcikowsk'аго:* Ze studyów nad literaturą polską, 107—108.

[3]) Ibid., 414.

[4]) Дневн. Любл. сейма, 656 и 657.

Такимъ образомъ, въ XVI столѣтіи еще были живучи рыцарскіе идеалы не только въ Испаніи, но и въ Польшѣ. Въ остальной Европѣ рыцарство пало, между прочимъ—вслѣдствіе изобрѣтенія пороха. Его идеалами и воспоминаніями о немъ увлекались, но то было такое же увлеченіе, какъ увлеченіе въ XIX в. народностью, народными пѣснями и т. п. Въ Польшѣ однако продолжала существовать почти во всей своей силѣ религіозная идея средневѣковаго рыцарства [1]), и потому-то польскіе дворяне до позднѣйшаго времени обнажали шпагу во время чтенія Евангелія при богослуженіи [2]).

Въ томъ вѣкѣ и нравственное преуспѣяніе подводилось иногда все еще подъ шаблонную схему рыцарской доблести, какъ и безстрашіе въ виду смерти [3]).

---

[1]) Существуетъ брошюра XV в.: „Aufruf der Christenheit gegen die Türken in teutschen Versen". О ней см. „Neuer Literarischer Anzeiger" 1806, №№ 22, 23 (въ этомъ № перепечатанъ названный памятникъ) и 24 (Bemerkungen).

[2]) *Gautier,* La chevalerie[1], p. 30. См. еще выше выдержку изъ Дневника Люблинскаго сейма.

[3]) См., напр., трактатъ Эразма Роттердамскаго Enchiridion militis christiani, напечатанный въ 1502 и 1509 гг., а съ 1515 г. переведенный на нѣмецкій (подъ заглавіемъ: „Handbüchlein des christlichen Ritters") и на другіе языки. Оттуда Дюреръ почерпнулъ идею своей иллюстраціи „Ritter" (mit Tod und Teufel), явившейся въ 1513 г. Гравюра изображаетъ рыцаря въ духѣ средневѣковыхъ добродѣтелей, находящагося на трудномъ пути жизни, снабженнаго оружіемъ вѣры, подъѣзжающаго къ воротамъ преисподней и пренебрежительно относящагося ко всѣмъ ужасамъ и привидѣніямъ (universa terricula et phantasmata) и т. д. Ср. нашего Анику-воина и „Преніе живота съ смертью", о которыхъ см. въ монографіи *Жданова:* „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи". Южнорусская „Повѣсть о человѣци и смерти" начинается такъ: „былъ еденъ лицеръ славній и велможній..." Онъ говоритъ смерти: „по мене ти пришла по такого *пана* и *лицера* по мужного и витязя славного и силного..." Журн. Мин. Нар. Просв. 1881, № 9, стр. 110.

Поляки славились своею рыцарственностью въ XVI вѣкѣ [1]). Польскіе паны старались развить и поддержать идею религіознаго рыцарскаго служенія, носителями которой считали себя въ XVI вѣкѣ, и среди южнорусскаго козачества, вступившаго въ томъ столѣтіи во второй періодъ своего существованія. Въ концѣ XVI-го столѣтія на козачество были возлагаемы большія надежды въ этомъ отношеніи Польшею и даже нѣкоторыми центральными вождями Запада, каковы императоръ и папа: о томъ свидѣтельствуютъ посольства къ запорожцамъ [2]).

Польско-литовскіе паны довольно долго не чуяли опасности со стороны козачества, готовы были дружить съ нимъ, предпринимали общіе походы и сопутствовали козакамъ въ морскихъ набѣгахъ даже до 30-хъ годовъ XVII-го вѣка, слѣдовательно еще незадолго до возстанія Хмельницкаго [3]).

Папроцкій, излагая исторію подвиговъ шляхтича Самуила Зборовскаго, неоднократно упоминаетъ о запорожцахъ, и разсказъ его представляетъ любопытныя данныя для характеристики взгляда поляковъ на запорожцевъ во второй половинѣ XVI-го вѣка. По словамъ Папроцкаго (1584 г.), „на порогахъ проживаютъ *рыцарственные* люди". Эти „низовые" козаки „зовутся запорожскими молодцами". Они, составивъ *рыцарскій* кругъ, поднесли Зборовскому гетманскую булаву, и онъ держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой назвалъ ихъ рыцарями [4]). Потомъ онъ не разъ напоминалъ имъ о ихъ ры-

---

[1]) По словамъ Бѣльскаго, Ивоня произнесъ такую рѣчь къ пришедшимъ къ нему на помощь полякамъ: „Bym nie wiedział o waszej dzielności, rycerze cnotliwi, tedy bym był po Was nigdy nie słał i tu tak daleko nie trudził; lecz iż wiem, żescie ludzie *rycerscy*, i sławe wielką w tem rzemiośle macie, przetom was do téj potrzeby wezwał..."

[2]) *К. Заклинъскій,* Зношеня цѣсаря Рудольфа II зъ козаками и ихъ участь въ войнѣ угорско-турецкой въ р. 1594 и 1595—Справоздане дирекціѣ ц. к. гимназіи Академичнои во Львовѣ 1882.

[3]) Ст. *Кулиша* въ Вѣстникѣ Юго-Западной и Западной Россіи, 1862, іюль, стр. 42 и 46.

[4]) *Bartosza Paprockiego*, Herby rycerstwa polskiego, Wyd. K. J. Turowskiego, Kraków, 1858, 156—158: *„rycerscy ludzie* mieszkają... się

царской доблести [1]). Такъ паны вносили идею рыцарства въ толпу простого люда, собиравшагося въ Запорожьѣ.

Но и безъ того Сѣчь была рыцарской школой южнорусскаго народа, и многіе знатные паны ѣздили туда обучаться рыцарскому дѣлу [2]). Съ основаніемъ ея, на восточной окраинѣ южной Руси возродилось въ XVI и XVII вв. рыцарство, также отличавшееся необыкновенною подвижностію, рыскавшее по степямъ и морскому раздолью, также не брезгавшее добычей и какъ бы продолжавшее подвиги средневѣковыхъ рыцарей въ борьбѣ съ мусульманами. Недаромъ Кіевскій католическій епископъ Верещинскій совѣтовалъ основать для поляковъ рыцарскую школу на Украинѣ [3]).

---

zaporozkiemi mołojcy zowia... „Nie baczę ja tego w sobie, moi mili a zacni *rycerze*, abym...", говорилъ Зборовскій. Папроцкій также именуетъ запорожцевъ рыцарствомъ: „Hetman tez Zborowski... powiedział *rycerstwu* to co z posły postanowił..." (str. 159). Въ другомъ мѣстѣ однако самъ же Папроцкій выразился о козакахъ, что они „niedbają na króla pana swego, ani na ojczyzne, w której się porodzili, tylko już wszystkie nadzieje w onem miejscu pokładają, kedy żyją, a tak jakoby rzekli oną pospolitą przypowieścią: Poki żyta, póty byta" (str. 162). Ранѣе Папроцкій прославилъ козаковъ за защиту поляковъ и вообще христіанства противъ турокъ въ стих. „Do Polakow" (1575 г.). По его словамъ, слава той Руси всюду громка и будетъ существовать вѣчно.

[1]) Herby, 165—166: „Poczęli się kozacy trwożyć, a wybierając z czołnów żywność, poczęli uciekać. Hetman ich gromił i upominał mówiąc: Że wam to ludziom takim nie przystoi czynić, o których wszyscy narodowie rozumieją, że wam w męstwie świat równych nie ma... A gdy go Tatarowie gonili, obaczywszy strwożone kozaki dla wielkości Tatar, zastanowił się z półtorem stem człowieka, napomniawszy ich słowy pięknemi, i to im przekładając, z jakąby sławą było to ich zginienie, jeśliby się Pan Bóg na nie rozgniewawszy, poganom dał górę nad nimi otrzymać, a jakoby też nieprzyjaciela niepomału ucieszyli, gdyby mu, aby namniej placu ustąpić mieli, chociaż im dziesięć razów nierówno było, mówiąc: Lepiejci, moi mili bracią, poczciwie umrzeć *rycerzowi* każdemu, aniżeli źle żyć". О Зборовскомъ см. у *Кулиша*, Исторія воссоединенія Руси, I, Спб. 1874, 112 и слѣд.

[2]) Кулишъ, I, 69.

[3]) См. Publika *Xiędza Iosepha Wereszczyńskiego z Wereszczyna* łaski Bożey Biskupa Kiiowskiego a Opata Sieciechowskiego: Ich M.

Впослѣдствіи поляки начали иначе относиться къ южнорусскому козачеству, и въ Львовской лѣтописи такъ объяснена причина пораженія гетмана Жолковскаго подъ Цецорою (1620 г.): „Канцлера Жолковскаго у Волосѣхъ забито, и Корецкого взято, бо безъ Козаковъ войну точилъ, мовилъ такъ: „Не хочу я зъ Грицями воевати, нехай идуть до ролѣ, або свинѣ пасти". Потомъ „за помочею Божіею, а за стараніемъ козацкимъ, сталося; де видячи стараня ихъ, самъ (король) *призналъ имъ рыцерство*, и отрымали звитязтво великое" [1]). Но такое признаніе, очевидно, не имѣло рѣшающаго и продолжительнаго значенія, потому что въ 1636 г. воеводичъ русскій Даниловичъ говорилъ козакамъ, „абы заровно отправовали подданьство, якъ мѣщане, такъ и козаки, которыи ся отмавляли: „мы смо людъ рыцерскій, тому-смо не привыкли, бо то намъ не звычай; але тя прохаемъ, заховай насъ зъ ласки своей, милостивый пане, бо можемъ ся на що вамъ придати". А онъ имъ отповѣлъ: же я о васъ недбаю, бо я мяю надъ васъ лѣпшихъ рыцировъ" [2]). Однако Владиславъ IV, который былъ порученъ опекѣ Сагайдачнаго въ походѣ 1621 г. и видѣлъ геройство козаковъ, сказалъ

Rzeczyposp: na Seymiki przez list obiaśniona tak z strony fundowania Szkoły Rycerskiej synom Koronnym na Ukrainie iako też Krzyżakow według Reguły Malteńskiey w sąsiedztwie z Pogány y z Moskwą na wszystkim Zadnieprzu dla snadnieyszego ochronienia Koronnego od niebeśpieczeństwa wszelakiego. W Krakowie Roku Pańskiego 1594. Верещинскій предлагалъ обратить на рыцарскую школу въ Украинѣ десятину и Czopowe, „aby potomek nie wszystko też doma álbo w kollegium Krakowskim álbo też gdzie indziey w Partykulárnych Kollegiach uczył się *scamnum* deklińować, álbo na questye sie Dialektyczne zdobywać" (str. 7). Эта рѣдкая брошюра была перепечатана въ Краковѣ въ концѣ 50-хъ годовъ XIX вѣка. Предложеніе Верещинскаго не было принято во вниманіе. См. *J. T. Glębocki,* Wywód o szkołach rycerskich etc., Krak. 1866.

[1]) Наук. сборн. Гал.-р. Матицы, вып. III и IV, стр. 266—267. Ср. тамъ же подъ 1630 г. о гетманѣ Конецпольскомъ, что онъ „призналъ му (козацкому войску) рыцерство" (стр. 273).

[2]) Львовская лѣтопись, тамъ же, стр. 279.

имъ будто бы передъ возстаніемъ Хмельницкаго: „Wy iesteście rycerze, macie muszkiety i szable, a więc macie czém bronić wolności waszéy“. Московскіе цари также называли запорожцевъ „витязями христіанства“, а Густавъ-Адольфъ „рыцарями“.

Наряду съ нѣкоторыми польскими панами и королями мысль о рыцарствѣ южнорусскомъ поддерживала также и южнорусская литература и главные представители ея, лица духовныя.

Въ краткой Кіевской лѣтописи говорится о кн. Константинѣ Острожскомъ: „И такъ своего члчьства смѣлѡ^{с} вказа^{л}, ꙗко хра^{б}ры" рыцерь и вѣрныи слуга своего государя“ [1]). Далѣе въ похвальномъ словѣ ему читаемъ: ...„великому князю Московскому отпоръ вчинили есте своихъ рукъ дѣломъ и з храбрыми *рыцери* оными *вдатными витязи*, съ князи и съ паны и з дворяны государьскыми великого княжества Лито^{в}ского и Руского, и съ пособию великославныхъ и шляхотныхъ рыцерей вдатныхъ пано^{в} Поляковъ... Прировнали есте великымъ, храбрымъ рыцеремъ славнаго града Родоса, которыи ижѣ своимъ моужествомъ многи замки христіаньскии ѿ поганьскихъ рукъ впокойны чинять“ [2]). Прославленіе рыцарственности кн. Острожскихъ имѣется и въ другихъ памятникахъ [3]). Кіевскій митрополитъ Исаія Копинскій въ посланіи 1631 г. къ князю Іереміи Корыбуту Вишневецкому прославлялъ рыцарственность предковъ послѣдняго. Онъ такъ выразился о Михаилѣ Корыбутѣ: „азажъ

---

[1]) Супрасльская рукопись, 131.

[2]) Тамъ же, 152—153.

[3]) *В. Н. Перетцъ,* Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 2, стр. 141. Изъ Охтанка 1604 (на гербъ Князя Острожскаго):

Крестъ гербомъ тому належитъ,
Кто рыцеромъ естъ дознаный, и т. д.

См. еще на стр. 143:

На кони рыцеръ и пр.

не по всѣхъ сторонахъ плынула слава мужества его и *дѣлности рыцарской?*... И иншые продки и поколѣнья вашой княжой милости вси были славныи и мужныи *рыцери*, вси были релѣи Грецкой“ [1]).

То были прославленія рыцарственности князей. Но въ XVII вѣкѣ продолжалось также восхваленіе рыцарственности козацкой.

Кассіанъ Саковичъ, ректоръ Кіево-братской школы, составилъ „Вѣршѣ на жалосный погребъ Петра *зацного рыцера* Конашевича Сагайдачнаго, Гетмана войска его кр. млсти Запорозкого“. Козакъ на гербѣ войска Запорожскаго названъ въ объясненіи герба „Рыцеромъ“. Въ „предмовѣ“ къ „войску Запорозкому“ послѣднее названо „зацнымъ рыцерствомъ“, „рицерствомъ“ и т. д.; въ виршахъ—„Запрозкимъ Славнымъ Рыцерствомъ“ [2]). Въ „Вѣршахъ“ Саковича говорилось о „рицерскихъ дѣлностяхъ“ Сагайдачнаго въ Запорожьѣ. Эти вирши съ картинками должны были получить широкую извѣстность въ народѣ, среди котораго Конашевичъ сталъ, повидимому, популярнымъ героемъ [3]).

Всѣмъ этимъ постепенно рыцарская идея укоренялась въ южнорусскомъ народѣ и нашла самое яркое выраженіе въ его козачествѣ.

Козачество, самостоятельно развившееся подъ вліяніемъ мѣстныхъ бытовыхъ условій, получило мало-по-малу рыцар-

---

[1]) А. З. Р., IV, № 233.

[2]) Вирши Саковича 1622 г. перепечатаны *С. Т. Голубевымъ:* Исторія Кіевской Духовной Академіи, вып. I, К. 1886, Приложенія, стр. 17—41; тамъ же на стр. 40—41 сообщено свѣдѣніе объ уцѣлѣвшихъ двухъ экземплярахъ той брошюры. Выраженіе „*зацное* рыцерство“ было тогда въ ходу. См. кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ еще въ Львовской лѣтописи подъ 1648 г.: Наук. Сборн., 1867, стр. 287.

[3]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1882, № 10, рецензію г. Стасова на изданіе Ровинскаго: „Русскія народныя картинки“, стр. 360—361. О пѣснѣ о Сагайдачномъ см. въ книжкѣ *И. М. Каманина:* Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго, К. 1901, стр. 26—30.

скую окраску. Въ особенности оно начало проникаться рыцарственностію со времени Евстафія Дашкевича. Основаніе, по мысли послѣдняго, Запорожья положило начало второму періоду въ исторіи козачества. Главнымъ образомъ Запорожье выдвинуло на видъ рыцарскій идеалъ козачества. Оно сознательно сообщило отчетливое опредѣленіе идеѣ козацкаго рыцарства и составило центръ его. На польской украинѣ XVI—XVII вв., повторяемъ, ожила до извѣстной степени средневѣковая рыцарская идея. Подобно средневѣковымъ западнымъ рыцарямъ южнорусскіе козаки усматривали въ походахъ на невѣрныхъ не только подвиги доблести и средство пріобрѣсти славу, но и религіозныя предпріятія.

Козаки и сами начали называть себя рыцарствомъ [1]), и высоко ставили свою рыцарскую честь. Наливайко писалъ Сигизмунду III, что только въ силу рыцарской охоты служилъ германскому императору [2]). Въ письмѣ козацкаго гетмана Ивана Куцковича 1602 г. читаемъ: „По чувству рыцарской нашей вольности... гетманъ и все рыцарство войска с. к. м. запорожскаго“ и т. д. [3]). Въ универсалѣ Дорошенка 1668 г. находимъ упоминаніе о „рицерскихъ дѣлахъ“ [4]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ XVII в. начинаютъ слышаться новые тоны въ козацкихъ рѣчахъ: на одно изъ первыхъ мѣстъ выдвигается козацкая „вольность“. По словамъ Падурры, Сѣрко говорилъ: „Я не протывлюсь королэві, ани буду, стану з вамы разомъ и згину разомъ, алэ за вільнисть! А що було, йодно менулось, друге забулось, бо

---

[1]) Одинъ актъ конца XVI в. начинается словами: „Я, Крыштофъ Косинскій, мы, сотники, атаманья и все *рыцерство* войска Запорозского“ (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. I, стр. 53 и 54).

[2]) „Za pisaniem do nas od cesarza Jego mości, chrześcianskiego, do ziemiech my cesarskiéj puścili, gdzie za żadne pieniądze, tylko z *samej chęci naszej rycerskiej* czas niemały służąc...“ См. въ ст. Кулиша въ Вѣстникѣ Ю.-З. Россіи, 1862, августъ, 49.

[3]) Кіевская Старина, 1883, № 6, стр. 380—381.

[4]) Чтенія въ Ист. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. IV, отд. III, стр. 115.

мырытысь чи бытысь—лыцарське!" [1]). Тетеря, расхаживая среди козаковъ, говорилъ къ Запорожцамъ: „Годимось, панове молодьці, та прылычній и славній запорозькому лыцарству ривность и вильность въ Польщи, якъ рабство и кнутъ у Москаля!" [2]).

Проникая въ массу южнорусскаго народа, рыцарская идея становилась шире, но вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивала свою прежнюю отчетливость; она получала формулировку отличную отъ той, которая была дана этой идеѣ въ средѣ панства XVI-го вѣка и начала XVII-го.

Идеалъ козачества постепенно росъ въ новомъ направленіи и пріобрѣталъ новую величавость, сливаясь съ общенароднымъ интересомъ самозащиты. Запорожье по преимуществу уясняло и эту новую ступень идеала и преобразило его въ чисто народный.

Потому этотъ идеалъ не исключалъ домовитости. Толки о пренебреженіи Запорожцевъ къ женщинѣ страдаютъ преувеличеніемъ: были жены и у Запорожцевъ. То же, что женщины не допускались въ самое Сѣчь, не было ли слѣдствіемъ религіозно-рыцарскаго пошиба, явленіемъ, аналогичнымъ тому, которое ранѣе имѣло мѣсто у „Тепличей-Соломоничей", съ которыми южная Русь сталкивалась въ XII вѣкѣ [3]), и у нѣмецкаго ордена?

Если иные изъ козаковъ оканчивали жизнь въ монастырѣ, то такъ же поступали рыцари и на западѣ,—даже иные изъ тробадоровъ, какъ, напр., Бернаръ де-Вентадорнъ. Ими овладѣвала любовь религіозная, которая не могла не имѣть мѣста и въ Украинѣ [4]).

---

[1]) Pyśma Tymka Padurry, Lw. 1874, str. 319—со ссылкой на „Rękopis z XVII wieku". Не знаемъ, насколько можно довѣряться этой ссылкѣ.

[2]) Тамъ же, 309.

[3]) Ип.

[4]) См. послѣсловіе о религіозной любви въ статьѣ *Костомарова*: „Старинный южнорусскій переводъ „Пѣсни Пѣсней" (съ послѣсловіями о любви), списанный Н. И. Костомаровымъ"—Основа 1861, №№ 11—12.

Положеніе женщины тамъ было также неприглядно [1]). —Иное, чѣмъ въ сѣверо-восточной Руси, отношеніе къ женщинѣ провозглашалось въ переводныхъ повѣстяхъ [2]). Такъ, западно-русскій переводъ повѣсти, заимствованной изъ Боккаччіо, о Танкредѣ Салернитанскомъ и дочери его Сигизмундѣ, вступившей въ любовныя отношенія съ однимъ изъ отцовскихъ слугъ, Звѣздардомъ, котораго затѣмъ зажаренное сердце было поднесено ей, относится сочувственно къ Сигизмундѣ и изображаетъ молодое настроеніе [3]). Такія повѣсти вносили западныя воззрѣнія.

Но, прослѣдивъ развитіе рыцарскихъ воззрѣній на Руси [4]) и ища отраженія ихъ въ литературѣ, мы не будемъ долго останавливаться на проявленіяхъ ихъ въ переводныхъ про-

---

[1]) Уже Бѣлинскій замѣтилъ, что „женщины въ козачествѣ играли неважную роль". О незавидномъ положеніи украинской дѣвушки говорилъ и Костомаровъ въ рецензіи на „Черную Раду" Кулиша по поводу Леси. О семейномъ бытѣ въ зап. Руси см. въ этюдахъ *О. И. Левицкаго*, въ особенности въ послѣднемъ: „Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.", Кіевъ, 1902. Ср. *О. А. Фотинскаго:* „Семейныя отношенія въ юго-западной Россіи въ XVI—XVII вв."—газ. „Волынь" 1901, №№ 65—68, 70—73, и *З. Оппокова:* „Князь А. М. Курбскій"—Университ. Извѣстія, 1872, № 6, стр. 30 и слѣд. См. еще *Ив. Франка*: Жѣночa неволя въ русскихъ пѣсняхъ народныхъ, Львовъ, 1883, накладомъ редакціи „Зори".

[2]) О повѣстяхъ, переведенныхъ съ польскаго, см. ст. *Владимирова* въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета.

[3]) Различные изводы и видоизмѣненія основнаго мотива указаны *G. Paris'омъ* въ „Romania", VIII. О переводахъ повѣсти Боккаччіо см. ст. въ „Vierteljahrsschrift f. Kultur und Litteraturgeschichte der Renaissance". Въ польской литературѣ существовала исторія „o Zygismundzie i Gwizgardzie" Hieronima Morstyna.—О „свѣтскихъ повѣстяхъ, шедшихъ съ запада въ Чехію, Польшу и достигавшихъ этимъ путемъ Россіи", еще см. въ ст. *С. Л. Пташицкаго*: „Обзоръ матеріала по исторіи средневѣковой свѣтской повѣсти въ Польшѣ"—Извѣстія Отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н. 1902, кн. 1. Тамъ же указана и остальная литература вопроса.

[4]) Въ дополненіе ко всему сказанному считаю умѣстнымъ отмѣтить интересное преданіе, слышанное мною въ с. Бежевѣ Житомирскаго уѣзда. По словамъ Саввы Карпенчука, прежде по селамъ хо-

изведеніяхъ. Насъ болѣе могутъ интересовать отраженія козацкой и вообще народной рыцарственности въ южно-русской поэзіи, въ пѣсняхъ и сказкахъ.

На то, что такія отраженія имѣются въ южно-русскихъ думахъ, было указано уже давно [1]). Интересно въ связи съ вопросомъ о томъ усвоеніе чертъ козачества нѣкоторымъ изъ богатырей [2]) стараго былеваго эпоса, напр., Ильѣ Муромцу, и съ другой стороны принятіе былиннаго характера пѣснями о событіяхъ козацкаго времени, что̀ видимъ, напр., въ пѣснѣ о взятіи Азова. Слѣдовательно, обрисовка рыцарственности новой сливалась съ очертаніями старой.

Малорусскія думы связывались съ древнимъ эпосомъ преимущественно прославленіемъ воинскихъ подвиговъ патріотизма и геронзма. Въ думахъ козацкая рыцарственность представала въ поэтическомъ освѣщеніи.

При этомъ въ уцѣлѣвшихъ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ можно прослѣдить постепенный ростъ народнаго идеала параллельно событіямъ дѣйствительной исторіи; отражаются тѣ же послѣдовательныя смѣны, какія наблюдаемъ и въ реальной исторіи козачества. Такъ, въ

дили *борци* и вызывали на бой; если никто не одолѣвалъ ихъ, то селеніе должно было угощать ихъ. Въ Бежевѣ встарь одного такого борца одолѣла будто бы прабабка Карпенчука.

[1]) См. *Максимовича* Украинскія народныя пѣсни, ч. I, 1834, стр. 70. О рыцарственности южно-русскаго козачества говорили и другіе, напр., *Лукашевичъ*, Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни, Спб. 1836, 25, 47.

[2]) О старомъ происхожденіи этого названія см. выше. Прибавимъ, что, по мнѣнію *Д.м. Никольскаго* („Происхожденіе слова „бояринъ“—„Новое Время“ 1900, № 8807), „слово *буйтуръ* въ „Сл. о П. Игоревѣ“ есть народная передѣлка по закону уподобленія словъ, занесеннаго къ намъ изъ тюркскихъ языковъ слова *багатуръ*, въ то время еще не установившагося и только потомъ принявшаго форму *богатырь*, по созвучію со словомъ богатый“. О примѣненіи слова „богатырь“ къ Семену Палію см. въ „Кіевской Старинѣ“ 1889, № 4, стр. 247—248 (выдержка изъ „Новостей“); здѣсь находимъ выраженіе „богатырь—лыцарь“.

пѣснѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, повидимому, изображается еще весьма отдаленная старина, когда думали преимущественно о томъ, какъ бы высвободиться изъ неволи. Въ пѣсняхъ въ родѣ: „Гомінъ, гомінъ...“ козачество является уже сознающимъ свою мощь, высоко ставящимъ свою рыцарственность.

Послѣдняя выдвигается на видъ не рѣдко, напр., въ Байдѣ. Олексій Поповичъ называется „славнимъ лицаремъ и писаремъ“. Даже припѣвъ къ „гайдуку“ содержитъ возгласъ:

„Кождый гайдукъ то лыцаръ...“ [1]).

Въ думѣ о Самойлѣ Кишкѣ читаемъ:

Буде слава славна—
По межъ Козаками...
По межъ Рыцарями [2]).

Само собою разумѣется, что въ пѣсняхъ слово рыцарь иногда просто обозначало военнаго человѣка, какъ бывало и въ жизни [3]).

Въ думахъ однако не было того сведенія въ циклъ, какое замѣчается въ юго-славянскомъ эпосѣ и въ нашихъ

---

[1]) Вѣнокъ пѣсней малорусскихъ, Львовъ, 1880, стр. 19—23.

[2]) Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни, Спб., 1836, стр. 27. Тоже и на стр. 46 (Дума о Коновченкѣ).

[3]) См. напр., въ пѣснѣ польскаго сборника, составленнаго около 1713 г.:

Na moscię roscię trawa Murawa,
Spotkali zołniery, Polskie rycyry Brystkocho rawa...

въ другомъ текстѣ:

Na mosty, mosty trawa murawa,
Potkali zołniry sławnyie rycyry Bryskoho rawa...

Но есть въ тѣхъ же пѣсняхъ и иное употребленіе слова рыцарь:

Znim lubomirski znat muz *Rycerski*...

В. Н. Перетца: Замѣтки и матеріалы для исторіи пѣсни въ Россіи: I—VIII, Спб. 1901, стр. 13, 16, 33.

древнихъ былевыхъ пѣсняхъ. Повидимому, козацкій эпосъ не готовился превратиться въ эпопею: въ немъ не видно циклизаціи, сосредоточенія вокругъ одного лица или нѣсколькихъ выдающихся витязей, какъ, напр., то имѣло мѣсто въ испанскихъ романсахъ о Сидѣ. Наши думы—своего рода позднѣйшіе romances fronterizos. Эпосъ думъ представлялъ возвращеніе къ исконной формѣ, къ лиро-эпическому изложенію, т. е. къ той самой формѣ изложенія, изъ которой могли выйдти нѣкоторыя изъ первоначальныхъ былинъ.

Рядомъ съ чисто историческими козацкими пѣснями обращались балладныя какъ въ польской [1]), такъ и въ народной украинской словесности [2]).

Въ XVIII-мъ вѣкѣ роль козачества всецѣло взяло на себя русское государство, за что и воздавали ему въ лицѣ Екатерины II хвалу поборники просвѣщенія [3]).

---

[1]) См., напр., *Wojcicki,* Pieśni ludu Biało-Chrobatów, Mazurów, Rusi znad Bugu, Warsz. 1836, t. I, 32: „Rycerz i Dziewczyna" (дума).

[2]) Приведу пѣснь, записанную мною въ Волынской губерніи:

О зійшло, зійшло да два місяци ясныхъ,
Помандрувалы да два козаки красныхъ.
Якъ мандрувалы, то стиха говорилы,
А на цій рудни дівчину подмовилы.
Поповычъ каже: „моя дівчина буде";
Удовынъ сынъ каже: „хиба мене не буде".
„Ой, ходимъ, братко, да й у чистэе поле,
Котрый котрого да шабелькою сколе".
Вдовынъ сынъ стае при широкій долыни,
А поповычъ стае на высокій могили.
Поповычъ стрелывъ, долыну перестрелывъ,
Вдовынъ сынъ стрелывъ, протывъ серденька вцелывъ.
„То тобі, поповычъ, да хорошая дівка,
Протывъ серденька да перловая стрілка!"
По поповычу всі дзвоны зазвонылы,
По вдовынымъ сыну всі луги зашумілы.
По поповычу отець и маты плаче,
По вдовынымъ сыну чорненькій воронъ краче.

[3]) См. *похвалу Екатеринѣ* въ Éloge historique de la Raison. Prononcé dans une Académie de Province, Par M. de Chambon. 1774.

Но воспоминанія о славномъ прошломъ козачества продолжали держаться. Изъ народной словесности восприялъ въ свою Енеиду наименованіе козаковъ лыцарями И. П. Котляревскій въ концѣ XVIII в. Старыя козацкія преданія рыцарскаго характера жили еще въ первыя десятилѣтія XIX вѣка [1]), и украинско-польскій поэтъ 20-хъ годовъ того вѣка, Падурра, прославлялъ козацкую рыцарственность вре-

---

Путешествуя по свѣту, Raison u Vérité „coururent au grand objet de leur voyage, à cette immense région hiperborée que les anciens croyaient couverte de ténèbres éternelles, et *d'où part aujourd'hui la lumière*. C'était une création, un autre univers". Сказавъ о памятникѣ Петру В., La Vérité dit à sa mère: ... „ce monument m'étonne et me ravit. En voici un autre, lui dit la Raison, qui vous plaira d'avantage: c'est une *femme victorieuse des Ottomans,* et *législatrice du plus vaste empire de l'univers,* qui causé dans un coin avec un philosophe après avoir accordé la paix au Sultan, et donné un carouzel et un bal, tandis qu'un de ses courtisans *) écrit en vers français à Ninon dans un stile supérieur à celui de l'abbé de Chaulieu, et qu'un autre **) écrit à vous et à moi dans le même stile. Don Pedre, roi de Castille, tragédie. Et autres pieces. 1775, pp. 99—100.

[1]) Приведу преданіе о князѣ Рожинскомъ, слышанное будто бы Падуррою (Pyśma, str. 365—366) отъ пѣвцовъ (rapsodów): „Na zamku naszim (w Rożynie) sëdiw starosta Kyryk Bohdanko, mołodyj, bohatyj, a jakto prykazuiut: jakyj pan, takyj kram, mołodeć, hulaka, takiż buły i joho kozaky. Raz sprosyw starszynu do sebe, wëseływ sia z neju, i pokazuwaw Kozakam łycarśkii yhry; dëwyłyś, lubowałyś nymy, a potim do nih jomu prypały, taj stały prosyty: Pane starosto! swatajteś, ta zistawte nam takoho syna!—Dobre panowe mołod'ci, alë moja myła za morem. —I w kineć świta, ozwałaś starszyna, pidem za neju... Szczo skazały, teje zrobyły: na druhyj rik krasna jak sonce diwycia sijała na zamku Rożyńskym; mołodci hulały, a Kyryk stojaw ta dumaw. Szczo wam pane starosto? pytałyś kozaky. Kyryk mowczaw dowho, potim do starszyny każe: Za tyżden bude korol (Batory Stefan?) w Korsuni, a my zawtra idemo do Krymu". Отправились въ походъ. Дѣвушка осталась одна въ замкѣ, горевала... Вдругъ она увидѣла поднимавшуюся по дорогѣ страшную пыль. То былъ татарскій набѣгъ. Домъ Кирика

*) Le comte de Schovalof, chambellan, et l'un des présidens de la législation.

**) Un fils du maréchal de Romanzof qui a tant battu les Turcs, et qui les aurait chassés de l'Europe, si...

мени польскаго владычества надъ Украиной, не сочувствуя позднѣйшему козачеству [1]). Подобно Папроцкому и Зборовскому, онъ называлъ козаковъ рыцарями [2]).

И теперь еще существуютъ слабые отголоски козацкой рыцарственности въ южно-русской народной словесности. Слово *лыцарь* [3]) и теперь живетъ въ народныхъ преданіяхъ [4]) и сказкахъ [5]). Но по мѣстамъ съ этимъ словомъ соединяются уже довольно смутныя представленія о томъ или иномъ молодечествѣ [6]).

загорѣлся. „Diwycia w wikni stojała z obrazom na hrudiach Prěczystoi Diwy, plakała ta molyłaś, żywa czy mertwa sered połomja jak światyj sljała...“.

[1]) Между прочимъ, онъ привелъ (str. 407) слѣдующее преданіе, ссылаясь на „Rękopis z XVII w.“: „... dobyli z grobu Czehryńce Bogdana (za przedawanie w jasyry Tatarom krajowców, za zabicie Kałyny „bat'ka myłoho“ i Hladkiego „z predkiw łycarśkoho czołowika“); Tymoszka (za powieszenie macochy „dobroi żinky“), i rzucili w Tasminę rzékę, „szczob nĕ skwernyły Bożoho chrama“.

[2]) „Łycariw szczadki“—str. 99. См. еще 125.

[3]) Эта форма извѣстна и былинамъ. Степи Цыцарскія изъясняются, какъ Царьгородскія, Цесарскія; но онѣ не то же ли, что и „поле лыцарское?“ (Гильфердингъ, Онежскія былины[1], 1026).

[4]) *Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и разсказы, 224: Буняково Замчище и Настина могила: „... сидів у тому городищові якийсь лицарь, звався він шолудивий Буняка...“ Недавно И. М. Каманинъ нашелъ въ бумагахъ Вишневецкаго архива, принадлежащаго теперь г. Толли, документъ, наводящій на новыя соображенія о наслоеніи въ исторической основѣ преданія о Бунякѣ. Въ этомъ документѣ имя Буняка принадлежитъ крестьянину, убитому во время народнаго движенія въ эпоху Хмельницкаго.

[5]) Въ сказкѣ „про богатыря Сухобродзенка Ивана и Настасію Прекрасную“ говорится, что братъ его отпросился у отца „лицарства доставать“. Отецъ научилъ Ивана на случай, что послѣднему придется „зъ якім лыцаромъ быться“, спрашивать его имя. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. II, Петербургъ 1878, стр. 308.—Статьи Лепкого (?): „Лицарѣ и разбойники въ народныхъ казкахъ“ мы не видѣли.

[6]) Мнѣ пришлось слышать фразу, въ которой слово *лицеръ* насмѣшливо было употреблено въ смыслѣ молодца: „о, добрый ты лицеръ!“

Итакъ, рыцарскіе идеи и идеалы проникали въ Русь не въ такой слабой степени, какъ можно было бы думать безъ ближайшаго разсмотрѣнія, притомъ вторгались къ намъ дважды, т. е. въ два различные періода русской исторіи, отдѣленные одинъ отъ другаго цѣлымъ вѣкомъ, именно въ столѣтіи XII-мъ и первой половинѣ XIII-го и вторично—съ конца XIV-го вѣка вплоть до XVII-го включительно.

Въ первый періодъ западное рыцарство передавало намъ не только свою внѣшность, но и свой кодексъ морали и даже нѣкоторыя изъ созданій своей поэзіи. При этомъ былъ важенъ не столько лоскъ куртуазіи, выработанной знатными кругами западнаго общества и переданный нѣкоторымъ нашимъ витязямъ, вѣроятно, не только въ поэзіи, какъ, напр., Добрынѣ, представителю „вѣжества“ въ нашихъ былинахъ, сколько лучшіе принципы рыцарственности. Какъ таковые, въ рыцарскій идеалъ Запада входили: религіозное одушевленіе и служеніе началамъ справедливости, идея личной чести, мужество, вѣрность, а также возвышенная любовь. Не разъ всѣ эти достоинства были доводимы до крайности, что́, напр., было съ идеею чести [1]), или со служеніемъ дамамъ. Но въ годы до татарскаго нашествія мы воспринимали лучшія черты западной рыцарственности безъ ея крайностей. Русскіе усвоили энтузіазмъ къ подвигамъ, идею личной чести, до извѣстной степени стремленіе къ изяществу (вспомнимъ Даніила Гал.) и куртуазію, но—безъ уродливостей galanterie и любовной экстравагантности, которой плохо достается въ лицѣ Чурила. Въ свѣтской поэзіи мы также

[1]) Это отмѣчали лучшіе писатели Запада. См. у Шекспира и у Мольера разсужденія о чести (*Scheffler*, Sganarelle's und Falstaff's Monolog über die Ehre—Arch. f. d. Stud. d. neuer. Sprachen u Literat., Bd. LX.) Въ XVIII вѣкѣ Руссо писалъ: „Gardez-vous de confondre le nom sacré de l'honneur avec ce préjugé féroce qui met toutes les vertus à la pointe d'une épée et n'est propre qu'à faire de braves sléлérats“. Now. Hél., I, l. XVII. О понятіи чести въ Испаніи см. въ диссертаціи Д. К. Петрова о Лопе де Вегѣ (Спб. 1901) и замѣчанія А. Н. Веселовскаго о книгѣ послѣдняго въ Ж. М. Н. Пр. 1902, № 5.

получили, повидимому, не мало заманчивыхъ принадлежностей западной романтики, и „Слово о полку Игоревѣ“ можетъ быть признано отчасти и лучшимъ примѣромъ западнаго вліянія: это какъ бы наша „Пѣснь о Роландѣ“, но пѣснь болѣе живописная и поэтичная. Словомъ, мы взошли на ту ступень западной рыцарственности, лучшимъ выраженіемъ которой является „Пѣснь о Роландѣ“.

Во второй періодъ проникновенія къ намъ воздѣйствіе рыцарскихъ идей и идеаловъ сказывалось лишь въ Западной Руси. Оно проявилось прежде всего въ сословномъ идеалѣ дворянства, усвоившаго вмѣстѣ съ западными гербами и рыцарскій лоскъ, „дѣльность въ речахъ рыцерьских, въ справахъ рыцерскихъ“ [1]), идею о рыцарской чести, поединки чести и въ особенности идею защиты христіанства противъ невѣрныхъ. А затѣмъ, съ XVI-го вѣка, рыцарскій идеалъ въ смыслѣ религіознаго воодушевленія и служенія защитѣ угнетенныхъ сталъ достояніемъ южнорусскаго козачества и, такимъ образомъ, пересталъ быть сословною принадлежностію, перешелъ въ массу южно-русскаго народа и пріобрѣлъ вполнѣ демократическій отпечатокъ. Южно-русскій народъ раздвинулъ предѣлы рыцарственности въ направленіи, какое намѣчаемо было нѣкогда для послѣдней въ Провансѣ. Онъ лелѣялъ въ своей средѣ рыцарство, какъ учрежденіе, стоящее выше сословности, и отождествлялъ рыцарственность съ подвигами защиты христіанскаго міра противъ татаръ и турокъ, а потомъ и съ защитою родного народа отъ другихъ утѣснителей. Запорожская Сѣчь была построена на началахъ внѣсословности и даже внѣнаціонализма. Въ украинской массѣ выработался своеобразный идеалъ „лыцаря“, доселѣ памятный народу, какъ живетъ доселѣ въ южно-русской словесности и самое слово „лыцарь“.

Конечно, козацкая демократизація заключала въ себѣ рядъ опасностей и не могла назваться совершеннымъ обще-

[1]) Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣтописца, кн. XIV, вып. 2, отд. III, стр. 87, 89, 95.

ственнымъ строемъ, но въ особенности было важно то, что въ южно-русскомъ народѣ привилась идея борьбы съ турками и татарами и облеклась ореоломъ особаго уваженія и поэтичности. Она была связана какъ нельзя живѣе съ самыми дорогими интересами народа, съ отстаиваніемъ его благосостоянія и свободы.

Борьба южно-русскаго козачества съ мусульманскимъ міромъ имѣла болѣе глубокій смыслъ и болѣе національное значеніе, чѣмъ крестовые походы западнаго рыцарства. Эта борьба выдвигала далеко впередъ окраинную русскую колонизацію и вмѣстѣ была огражденіемъ родной земли. Она была однимъ изъ позднѣйшихъ продолженій вѣковой борьбы съ востокомъ, которую пришлось выносить на своихъ плечахъ славянскому племени и въ частности русскому народу для защиты христіанской цивилизаціи, которой по всей справедливости суждено міровое господство.

Борьба южно-русскаго козачества поддерживала готовность и развивала наклонность къ самопожертвованію, т. е. къ той добродѣтели, которую Гёте назвалъ „первою и послѣднею, въ какой содержатся всѣ остальныя“, а безъ этого самопожертвованія южно-русская народность не отстояла бы своей самобытности и не увеличила бы собою силы всего русскаго народа. Потому, хотя давно замолкли подвиги южно-русскаго козачества и уже вымираютъ и самыя пѣсни о нихъ [1]), правъ остается народъ, провозгласившій нѣкогда:

Полягла козацька голова,
Якъ одъ вітру на степу трава;
Слава не вмре, не поляже,
Лицáрство козацьке всякому роскаже [2]).

Н. Дашкевичъ.

[1]) Впрочемъ, кобзари еще не исчезли вполнѣ съ Вересаемъ, какъ не исчезли и „сказители“ „старинъ“ (былинъ). См. хотя бы въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1902 г. статью *А. Г. Сластіонова*: „Кобзарь Михайло Кравченко и его думы“.

[2]) Слова эти взяты изъ думы, относящейся къ событіямъ 1628 г. См. ст. Кулиша въ Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи, годъ I, октябрь, 193.

Счисленіе суточнаго времени въ Западной Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв.

(Читано въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-лѣтописца 11 ноября 1901 г.).

Настоящая замѣтка посвящена обстоятельству, которое, насколько намъ извѣстно, не останавливало вниманія лицъ, изучавшихъ лѣтописи и архивные матеріалы, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. Правда, обстоятельство это не изъ крупныхъ, но все же весьма любопытное и притомъ не лишенное современнаго значенія. Рѣчь идетъ о способѣ счисленія суточнаго времени въ XVI—XVII вв. не только въ земляхъ великаго княжества Литовскаго (въ нынѣшнихъ Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ), но и въ сосѣднемъ съ нимъ государствѣ—королевствѣ Польскомъ. Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили преимущественно актовыя данныя, и притомъ не только печатныя, но и такія, которыя доселѣ еще не были опубликованы.

Какъ извѣстно, промежутокъ времени, въ теченіе котораго земля совершаетъ оборотъ (и притомъ равномѣрный) вокругъ своей оси, называется сутками, а эти послѣднія дѣлятся на 24 равныя части, именуемыя часами. За начало

сутокъ астрономы всегда принимали и принимаютъ такъ наз. средній полдень и исчисляютъ суточное время отъ 0 до 24-го часа. Въ общежитіи же за начало сутокъ, и совершенно резонно, принимается не полдень, а полночь, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы всѣ документы, письма и проч. датировать до полудня однимъ числомъ, а послѣ полудня—уже другимъ, слѣдующимъ по порядку.

Иное дѣло способъ счета суточныхъ часовъ: считать ли ихъ непрерывно отъ 0 до 24, какъ дѣлаютъ астрономы, или иначе—это далеко не безразлично. Практикующійся въ общежитіи счетъ часовъ идетъ, какъ извѣстно, только до предѣльной цифры циферблата нашихъ часовъ, т. е. до 12, а затѣмъ начинается снова. Порядокъ этотъ порождаетъ массу недоразумѣній, неудобствъ и непріятностей, не говоря уже о томъ, что онъ въ наше время, время широкаго примѣненія силы пара и электричества, можетъ вызвать иной разъ даже катастрофу [1]). Иллюстрируемъ сказанное нѣсколькими примѣрами.

„Въ которомъ часу Вы уѣзжаете?“. „Когда отходитъ поѣздъ?“. „Въ которомъ часу такой-то родился (или умеръ)?“— На всѣ подобные вопросы намъ приходится слышать отвѣтъ или отвѣчать самимъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „я уѣзжаю въ 5 часовъ *утра* (пополуночи)“; „поѣздъ отходитъ въ 11 ч. *вечера*“; „онъ родился въ 2 часа *дня* (пополудни)“ и т. д. На расписке въ полученіи доставленной намъ телеграммы мы должны написать: „получилъ въ такомъ-то часу *пополуночи* (или пополудни)“. Въ путеводителяхъ мы должны внимательно всматриваться, обведены ли черной чертой часы, отмѣчающіе отходъ и приходъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ или пароходовъ, или нѣтъ—иначе рискуемъ пріѣхать на

[1]) Напр., при желѣзнодорожномъ сообщеніи или во время военныхъ операцій. Въ указанныхъ случаяхъ ошибка, точнѣе, описка въ телеграммѣ, приказѣ, диспозиціи и пр. при начертаніи словъ: „пополудни“ и „пополуночи“, обычно сопровождающихъ цифровое обозначеніе каждаго даннаго часа, можетъ имѣть фатальныя послѣдствія.

вокзалъ или пароходную пристань на 12 часовъ раньше или позже установленнаго времени. Мало того. Мы иногда затрудняемся или даже лишены возможности кратко отмѣтить, когда кто-либо родился, умеръ и проч., и вынуждены для большей ясности прибѣгать къ весьма длиннымъ, хотя и не всегда вразумительнымъ оборотамъ, напр., „такой-то скончался въ ночь съ 5 на 6 октября въ 1 часъ 30 мин.“. И подобные обороты въ интересахъ точности необходимы въ наше время [1]): безъ нихъ, особенно при существующей въ общежитіи манерѣ причислять ближайшіе къ полуночи часы то къ однѣмъ, то къ другимъ суткамъ, всякій разъ оставалось бы не вполнѣ яснымъ, когда, въ которыя именно сутки даннаго мѣсяца, произошло то или другое ночное событіе.

Итакъ, сколько лишнихъ словъ, сколько всякихъ неясностей, неудобствъ, возможныхъ непріятностей и т. д.! И все это происходитъ отъ того, что мы, вопреки единству и непрерывности сутокъ, дѣлимъ ихъ на двѣ половины, по 12 часовъ каждая, что циферблаты нашихъ часовъ имѣютъ только 12 дѣленій, а не 24.

Сознаніе отмѣченныхъ крупныхъ неудобствъ, проистекающихъ отъ нашего способа счисленія суточнаго времени, вызвало уже въ концѣ XIX в. рядъ попытокъ ввести болѣе раціональное обозначеніе означеннаго времени, а именно непрерывный счетъ суточныхъ часовъ отъ 1 до 24 и, сообразно съ этимъ, дѣленіе часовыхъ циферблатовъ не на 12, а на 24 равныя части, соотвѣтствующія 24 суточнымъ часамъ.

Началó нововведеніямъ въ обозначеніи суточнаго времени положено было въ 1884 г. на международномъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ, гдѣ было постановлено считать за начало сутокъ Гринвичскую среднюю полночь и отъ нея

---

[1]) Замѣнить, какъ это сдѣлали бы въ XVI в. въ Вильнѣ или въ Луцкѣ (см. ниже), приведенную фразу словами: „онъ умеръ 6 октября въ половинѣ второго часа“,—это значило бы вызвать дополнительный вопросъ: „когда—днемъ или ночью?“

вести счетъ часовъ отъ 0 до 24-го часа. Нововведеніе это привилось, по крайней мѣрѣ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, Италіи, Канадѣ, англійской Индіи, а съ 1 мая 1897 г., сверхъ того, и въ Бельгіи, гдѣ съ тѣхъ поръ 24-хъ часовый счетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и 24-хъ часовый циферблатъ введены не только на желѣзныхъ дорогахъ, но также на почтѣ, телеграфѣ и телефонѣ. Всюду публика довольно скоро освоилась съ новыми порядками и вполнѣ оцѣнила ихъ несомнѣнныя удобства, хотя нѣкоторые поклонники мнимой старины находили довольно дикимъ читать въ путеводителѣ, что такой-то поѣздъ отходитъ въ 22 ч. 30 м., а въ пригласительномъ на обѣдъ билетѣ, что обѣдъ назначенъ на 18 или на 19 часовъ.

Ничто, однако, не ново подъ луною! Оказывается, что то самое, въ цѣлесообразности чего убѣдились наши современники лишь въ исходѣ XIX в., то практиковалось нашими отдаленными предками, людьми XVI—XVII вв., а весьма возможно, и болѣе ранняго времени, на всемъ пространствѣ Западной и Южной Россіи и сосѣдней съ ними Польши. Люди XVI—XVII вв., такимъ образомъ, не испытывали тѣхъ неудобствъ, какія приходится испытывать намъ, и могли выражаться въ соотвѣтственныхъ случаяхъ не только кратко, но и вполнѣ опредѣленно. Они говорили и писали: „король въѣхалъ въ столицу въ 14-мъ часу“; „воевода Волынскій выѣхалъ изъ Луцка въ 13-мъ часу“; „возный вручилъ такому-то позовъ въ 17-мъ часу“; „онъ забрался ко мнѣ въ кладовую въ исходѣ 23-го часа“ и т. д., и т. д.; словомъ, дѣлили сутки на сплошные 24 часа, и никто отъ этого не испытывалъ никакихъ затрудненій: всѣ понимали другъ друга, и никому не представлялось страннымъ упоминаніе о 18-мъ, 20-мъ или 23-мъ часѣ.

Въ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго можно привести не мало цитатъ изъ судебныхъ актовъ, различныхъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ записей, а равно изъ нѣкоторыхъ лѣтописей. Ограничимся пока лишь тѣми цитатами, которыя

представляютъ интересъ сами по себѣ, независимо отъ ближайшей цѣли, съ какой онѣ приводятся здѣсь.

Едва ли не самой интересной изъ нихъ является нижеслѣдующая. Въ книгѣ Записей Коронныхъ за № 1, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи, вслѣдъ за актомъ, представляющимъ собою „запись короля его милости Милошовскому, данный на суму пенезей...“ и датированнымъ въ текстѣ—1572 г., іюля 6, имѣется на л. 303 означенной книги такая историческая запись:

„Затымъ Жикгимонтъ Августъ, король Польский и великий князь Литовский умер в Кнышине, лета по нароженю Христовомъ 1000, 500, семдесятъ второго, *месеца июля семого дня, в понедѣлокъ* [1]), *годины осмонадцать*. А на его местце вступил, за выбраньем добровольнымъ и спольным зезволеньемъ всих станов обывателей коруны Полское и великого князства Литовского, Генрикъ Валезиус, княжа Андекгавеньское [2]), Каръла девятого, короля французъского, братъ рожоный, 16 дня месеца мая, року 1573 в Варшаве; а потом коруованъ естъ року 1574, месеца февраля 21 дня въ Кракове. Который, дай Боже, абы фортунне пановалъ, з славою и розмноженьемъ добра речи нашое посполитое и всего хрестиянъства“.

Далѣе, въ дневникѣ знаменитаго Люблинскаго сейма 1569 г. [3]) встрѣчаемъ рядъ записей съ упоминаніемъ 20 и 21-го часа. Такъ, подъ 26 іюня записано слѣдующее: „Послы дожидались въ своей палатѣ, когда ихъ призовутъ въ сенатъ для окончанія дѣла съ литовскими сенаторами...; но оказалось, что когда литовскіе сенаторы пріѣхали къ сена-

[1]) Дѣйствительно, 7 іюля въ 1572 г. приходилось именно на понедѣльникъ.

[2]) Т. е. Генрихъ Валуа, герцогъ Анжуйскій. Andegavi, или andes, анды, упоминаемые Цезаромъ и Тацитомъ,—народъ въ Галліи, обитавшій въ районѣ позднѣйшаго герцогства Анжу (Anjou).

[3]) Пользуемся изданіемъ С.-Петербургской Археографической комиссіи, въ которомъ на ряду съ польскимъ текстомъ напечатанъ и его переводъ, сдѣланный М. О. Кояловичемъ.

торамъ королевства, то снова пошли длинные переговоры. Литовскіе сенаторы сидѣли въ одной залѣ, а сенаторы королевства въ другой. Король трудился, старался всѣми силами привести дѣло къ концу; переговоры продолжались *отъ 11-го до 20-го часу*“ [1]). Подъ 2 іюля значится: „Совѣщаніе это (рѣчь идетъ о совѣщаніи польскихъ и литовскихъ сенаторовъ объ охранѣ государства) продолжалось *до 21-го часу, такъ что король запоздалъ къ ужину*“. Подъ 5 іюля записано: „Послы дожидались (рѣчь идетъ объ отвѣтѣ короля посламъ на ихъ ходатайство относительно четвертой части доходовъ короля) *до 20-го часу*. Отвѣта не было... Послы разошлись. Такъ и прошелъ тотъ день“. Наконецъ, подъ 4 августа имѣется слѣдующая запись: „Литовскіе послы поставляли на видъ, что въ Литвѣ налогъ на королевскіе города не поступаетъ на нужды государства, а идетъ въ казну короля, и заявили желаніе, чтобы впередъ онъ шелъ на нужды государства, а не въ казну короля. Это и было причиною того, что эти переговоры потребовали много времени и встрѣтили много затрудненій; но несмотря на все это, послы старались непремѣнно окончить это дѣло: они сидѣли въ засѣданіи *до 21-го часу*, улаживая затрудненія“.

На этомъ мы пока прекратимъ наши выписки и займемся вопросомъ, съ какого именно момента начинались сутки, или, еще точнѣе, съ какого момента велся въ Западной Россіи непрерывный счетъ 24-хъ суточныхъ часовъ: 1) съ восхода ли солнца, на что́ какъ бы указываютъ церковныя службы, отправляемыя по обрядамъ Восточной церкви, и, въ частности, такъ называемые *часы* (краткія молитвословія) первый, третій, шестой и девятый, совершавшіеся въ часы дня, соотвѣтствующіе нашимъ 6, 9, 12-му пополуночи и 3-му пополудни; 2) съ полудня ли; 3) съ захода ли солнца,

[1]) Нѣсколько ниже стоитъ: „Его Величество приказалъ сказать вамъ, чтобы вы завтра собрались въ сенатъ въ *десятомъ часу*, потому что Его Величество приказалъ литовцамъ также явиться въ это время, и самъ король *изволитъ завтра сверхъ обыкновенія пообѣдать раньше*“.

или съ вечера, какъ начинались сутки ветхозавѣтныя [1]), или 4), наконецъ, съ полуночи, какъ это принято и теперь.

Несмотря на то, что всего, казалось бы, естественнѣе за начало „дня“ [2]), или, точнѣе, сутокъ, принимать восходъ солнца; несмотря на то, что такъ начинались сутки у грековъ, а также и въ Римѣ, гдѣ, напр., выраженіе in prima hora означало время около 6—7 ч. утра, что и по Евангелію сутки начинались не съ вечера или съ полуночи, а съ ранняго утра [3]), что счетъ суточныхъ часовъ, сходный съ евангельскимъ, находимъ и въ древнихъ русскихъ памятникахъ письменности [4]),—въ Западной и Южной Руси не только въ XVI—XVII, но, повидимому, и въ XV в. за начало сутокъ принимались, однако, какъ это можно заключить изъ всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, или полночь или вечеръ [5]). Остановимся на этихъ данныхъ и начнемъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя свидѣтельствуютъ о началѣ сутокъ съ полуночи.

---

[1]) Какъ извѣстно, у евреевъ сутки начинались, согласно указанію Библіи (кн. Бытія I, 8, 5, 13, 19, 23, 31). съ вечера; такъ продолжалось до Вавилонскаго плѣненія, послѣ котораго за начало сутокъ евреи стали принимать восходъ солнца.

[2]) Д. Прозоровскій въ своемъ обстоятельномъ докладѣ о счисленіи часовъ въ Сѣверо-Восточной Руси, напечатанномъ въ „Трудахъ 2-го Археологическаго съѣзда“, отмѣчаетъ отсутствіе въ восточно-русскихъ памятникахъ слова „сутки“ и приводитъ данныя, изъ которыхъ видно, что слово „день“ употреблялось не только для обозначенія собственно свѣтлой части сутокъ, но и въ смыслѣ цѣлыхъ сутокъ, какъ совокупности дня и ночи. См. „Труды 2-го Арх. съѣзда“, вып. 2-ой, стр. 161—162.—Съ своей стороны добавимъ, что и въ памятникахъ западно-русскихъ XVI—XVII вв. намъ ни разу не встрѣтилось слово „сутки“.

[3]) Подробности о евангельскихъ суткахъ, ихъ началѣ, подраздѣленіи на двѣ равныя (по 12 часовъ) половины—дневную и ночную, и пр., можно найти въ указанной выше статьѣ г. Прозоровскаго: „О старинномъ русскомъ счисленіи часовъ“, стр. 162—164.

[4]) Д. Прозоровскій, op. cit., p. 161.

[5]) Д. Прозоровскій, пришедшій къ заключенію, что въ старину русскіе начинали сутки обыкновенно съ появленія дня, отмѣчаетъ

Прежде всего останавливаетъ на себя вниманіе сопоставленіе нижеслѣдущихъ двухъ мѣстъ краткой Кіевской лѣтописи, входящей въ составъ Супрасльской рукописи, которая напечатана была въ 1836 г. кн. М. А. Оболенскимъ. Оба мѣста трактуютъ о смерти короля Казимира Ягайловича и дополняютъ другъ друга, а именно:

На стр. 140-ой означеннаго изданія читаемъ: „В лѣто 7000 (1492), индикт 10, мѣсяца *іюня 7 день*, в *четверъток* 7 недѣли посли Великодня, въ *вторый час дня* [1]) представис Казимерь, корол Полскый Якгойловичь и великый князь Литовскый и Роускый, справедливый, добрый, при митрополитѣ Киевьском Іоне Глезне, при епископѣ Владимерьском и Берестейском Васьáне". Нѣсколько ниже, на стр. 147, то же извѣстіе передано слѣд. болѣе краткими словами: „В лѣто 6999-е, индикта 9 [2]) представися Казимиръ Якгейловичь, король Полскый и великий князь Литовьскый, мѣсяца *іюня 7 день*, по Вознесеніи Христовѣ, в *четвертокъ*, *рано въсходящоу солнцоу*, въ градѣ в Городне".

Сопоставляя оба приведенныя и взаимно дополняющія другъ друга мѣста лѣтописи и принимая во вниманіе, что въ Гроднѣ въ началѣ іюня солнце восходитъ въ 3 ч. съ минутами, можно, кажется, прійти на основаніи этихъ данныхъ къ заключенію, что счетъ суточныхъ часовъ въ Западной и Южной Россіи начинался уже въ XV в. съ полуночи.

не мало случаевъ, когда сутки начинались и съ вечера и, въ частности, указываетъ на Московскія замѣтки XVII и нач. XVIII в., въ которыхъ замѣчается счетъ сутокъ, преимущественно съ вечера. См. op. cit., стр. 161 и 165 и примѣч. 3-е на стр. 165.

[1]) Даниловичъ въ своемъ „Skarbiec dipl." (примѣч. къ № 2039), приводя настоящую цитату изъ Кіевской лѣтописи, почему-то слова „въ вторый часъ дня" замѣняетъ словами „въ четвертый часъ дня".

[2]) Здѣсь индиктъ соотвѣтствуетъ году, но послѣдній ошибоченъ (вм. 7000—6999); все остальное (мѣсяцъ, число и день недѣли) указано въ полномъ соотвѣтствіи съ предыдущимъ извѣстіемъ. Добавимъ, что въ 1492 г. 7 іюня, дѣйствительно, приходилось на четвергъ 7-ой недѣли по Пасхѣ.

Еще больше насъ утверждаетъ въ этой мысли слѣд. заявленіе каштеляна Волынскаго Михайла Мышки-Варковскаго, сдѣланное имъ въ концѣ іюня 1579 г. подстаростѣ Владимірскому Василію Павловичу. Въ этомъ заявленіи п. Мышка-Варковскій приводитъ между проч. слѣд. слова, обращенныя имъ къ членамъ Луцкаго гродскаго суда: „вчора (въ день св. Троицы) есте на суде не заседали и никого не судили черезъ увес денъ, еднож въ *самый вечор*, по *двадцатой године*, пришли есте до замку, до церкви, к *вечерни*, а потом мели есте неякие намовы, а судов жадных въчора перед вами не было..." etc. (кн. Кіевск. Ц. Арх. № 941, актъ № 213). Такъ какъ въ концѣ іюня въ данной мѣстности солнце заходитъ въ 8 ч. съ минутами, то ясно, что 20-й часъ, упоминаемый п. Мышкой-Варковскимъ и совпадавшій съ временемъ вечерни, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ 8 ч. вечера. Другими словами, и въ XVI в. счетъ суточнаго времени начинался несомнѣнно съ полуночи.

Наконецъ, къ тому же заключенію приводятъ насъ и приведенныя выше цитаты изъ дневника Люблинскаго сейма 1569 г. и въ частности та изъ нихъ, которая гласитъ, что совѣщаніе польскихъ и литовскихъ сенаторовъ затянулось до 21-го часу (9 ч. вечера по-нашему), вслѣдствіе чего король запоздалъ къ ужину.

Итакъ, изъ приведенныхъ нами данныхъ несомнѣнно вытекаетъ, что за начало сутокъ принималась въ XV—XVI вв., какъ и теперь, полночь. Но, съ другой стороны, какъ было уже замѣчено, имѣются и такія данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что счетъ суточнаго времени во многихъ случаяхъ велся не съ полуночи, а съ вечера. Вотъ данныя этого рода.

28-го ноября 1511 г. король Сигизмундъ I разрѣшилъ тяжущимся шляхтичамъ Николаю Турскому и Николаю Смоликовскому прибѣгнуть къ судебному поединку, при чемъ назначилъ для послѣдняго мѣсто, день и часъ: „Czas, dzień i miejsce pokładamy w Krakowie na dworze naszym, od wtorku we dwie niedziele *w ośmnastą godzinę* na placu w

szranku [1]) naszego dworu, który będzie im ukazan" (Skarbiec dipl., № 2232).

Едва ли можно сомнѣваться, что въ данномъ случаѣ счетъ суточныхъ часовъ велся отнюдь не съ полуночи; если бы это было такъ, то пришлось бы признать распоряженіе короля о времени судебнаго поединка явно нелѣпымъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы болѣе чѣмъ странно назначать поединокъ въ концѣ ноября на 6 ч. вечера (18-й часъ, при счетѣ суточныхъ часовъ съ полуночи, соотвѣтствуетъ нашимъ 6 ч. вечера), когда солнце въ эту пору года заходитъ около 4-хъ часовъ дня и когда люди того времени не располагали нашими средствами освѣщенія.

Всѣ прочія данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи и свидѣтельствующія, что въ Западной Россіи счетъ суточныхъ часовъ начинался не съ полуночи, а именно съ вечера, относятся уже къ XVII в. Къ числу этихъ данныхъ принадлежитъ, во-1-хъ, слѣдующая запись (подъ 23 мая) въ актовой книгѣ Владимірскаго гродскаго суда за 1622 г.: „Мы, Каспер Шапоровский подстаростий, Войтех Витвитский судя... чинимо явно и ознаймуемо кождому, кому бы о том ведати належало, ижъ мы дня нинешнего, вышей на акте менованого, водлугъ права и звычаю Волынского давного, справъ всих в реестре будучых водлугъ реестру порядне отправити не могучы, теды для того суды тые *на пообидокъ, на годину двадцатую*, шляхетному Миколаеви Закревскому, возному земъскому енералови воеводства Волынского, при суде нашом будучому, одволати росказали есмо..." (Кн. Кіев. Центр. Арх. № 986, л. 276, актъ № 258). Если бы составитель приведенной записи имѣлъ въ виду счетъ суточныхъ часовъ съ полуночи, то „година 20-ая", соотвѣтствовавшая порѣ дня, называвшейся „пообидкомъ", пришлась бы на 8-ой часъ вечера, что́ явно невозможно, ибо даже знатные люди того времени, какъ между прочимъ видно изъ дневника Люблинскаго сейма, обѣдали ранѣе полудня.

[1]) Въ оградѣ.

Далѣе, въ нашемъ распоряженіи имѣется реляція вознаго Владимірскаго повѣта Ждана Непельскаго отъ 13 февраля 1627 г. Въ этой реляціи означенный возный, заявляя, что 14 января онъ и пріятели п. Голаскаго напрасно ожидали въ с. Грушовой-Волькѣ суда п. Гораина надъ его крестьянами, выражается такъ: „С поранку ажъ до вечера, *годины двадцатое третее*, въ томъ дворе Грушовой-Вольки очекивали...“ (К. К. Ц. Арх. № 993, актъ № 7). При счетѣ суточныхъ часовъ съ полуночи, 23-ій часъ соотвѣтствовалъ бы нашему 11-му часу ночи, т. е. такой порѣ, которую человѣкъ начала XVII в. едва ли бы назвалъ вечеромъ, особенно въ серединѣ января, когда солнце заходитъ ранѣе 5 часовъ пополудни.

Итакъ, несомнѣнно, что во всѣхъ трехъ приведенныхъ актахъ имѣлся въ виду счетъ часовъ съ захода солнца, т. е. приблизительно съ 6 ч. вечера (принимаемъ среднее время захода солнца). При такомъ предположеніи все въ этихъ актахъ получаетъ правильное освѣщеніе и не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній: тогда выходитъ, что король назначилъ поединокъ на 12 часовъ дня, Владимірскій гродскій судъ сдѣлалъ перерывъ засѣданія до 2 ч. пополудни, а упомянутый возный дожидался до самаго вечера, т. е. до 5—6 час. пополудни [1]).

---

[1]) Приведенными цитатами изъ актовъ не исчерпываются наши данныя, свидѣтельствующія въ пользу распространенности счета суточныхъ часовъ съ вечера. Сюда относятся также: 1) замѣтка въ книгѣ Владимірскаго гродск. суда за 1622 г., подобная уже приведенной въ текстѣ и гласящая о перерывѣ судебнаго засѣданія до „*осмънадцатой годины*“ (Кн. К. Ц. Арх. № 986, л. 487, актъ № 445) и 2) рядъ судебныхъ записей 1638 г. объ отсрочкѣ разбора дѣлъ до „дня завтрешънего“, при чемъ указаны и часы начала судебныхъ засѣданій слѣдующаго дня, а именно „годины“ 13, 15 и 16-ая (Кн. К. Ц. Арх. № 1005, лл. 133-й, 135 и 241), которыя соотвѣтствуютъ (при условіи счета сутокъ съ вечера, примѣрно съ 6 ч. вечера) нашимъ 7, 9 и 10 часамъ утра (при счетѣ съ полуночи, что́, конечно, въ данномъ случаѣ трудно допустить, это были бы 1, 3 и 4 ч. пополудни).

Таковы наши свѣдѣнія о счисленіи суточнаго времени въ XVI—XVII вв. въ земляхъ вел. княж. Литовскаго и королевства Польскаго. Самое любопытное въ этихъ свѣдѣніяхъ это тотъ фактъ, что счетъ суточныхъ часовъ, начинался ли онъ съ вечера или съ полуночи, велся непрерывно съ 1 до 24. Такой способъ счисленія суточныхъ часовъ не извѣстенъ былъ ни грекамъ, ни римлянамъ, ни евреямъ временъ евангельскихъ, ни населенію Вел. Новгорода и Московскаго государства [1]): у всѣхъ перечисленныхъ народовъ велся отдѣльный счетъ для дневныхъ и ночныхъ часовъ [2]). Въ частности, въ Сѣверо-Восточной Руси, какъ это видно изъ упомянутаго изслѣдованія Д. Прозоровскаго, не только въ Новгородѣ, но, повидимому, также и въ Москвѣ въ XV в. сутки дѣлились на двѣ *равныя* половины и, такимъ образомъ, день считался въ 12 часовъ; позже, въ XVI и XVII вв., существовало особое росписаніе для дневныхъ и ночныхъ часовъ,—росписаніе, по которому самый длинный (іюньскій) день продолжался 17 часовъ, а самый короткій (ноябрьскій) не болѣе 7 часовъ, сообразно съ чѣмъ исчислялась и продолжительность ночи отъ 7 до 17 часовъ. Это росписаніе было отмѣнено Синодомъ лишь при Петрѣ Великомъ, въ 1722 г., когда, между прочимъ, окончательно установлено началомъ сутокъ считать полночь.

Мы могли бы считать задачу нашу оконченной и поставить точку, если бы невольно, по тѣсной связи съ главнымъ предметомъ нашей замѣтки, не возникалъ еще одинъ вопросъ: располагали ли и какими именно средствами люди XV—XVII вв. для измѣренія суточнаго времени, конечно,

---

[1]) Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что непрерывный счетъ суточнаго времени отъ 1 до 24 ч. составляетъ исключительную особенность вел. княжества Литовскаго и королевства Польскаго. Извѣстно, напр., что подобный же счетъ существовалъ и въ Папской области.

[2]) Въ частности ночные часы у римлянъ и народовъ, имъ подвластныхъ, дѣлились на 4 vigiliae, или стражи, по 3 часа каждая.

помимо пресловутаго пѣтуха, который, вѣроятно, нѣкогда лучше исполнялъ свою роль, чѣмъ это замѣчается нынѣ?

Безъ всякаго сомнѣнія, солнечные и водяные (клепсидры) часы, употреблявшіеся съ глубокой древности, извѣстны были и нашимъ отдаленнымъ предкамъ; но извѣстны ли имъ были также и наши механическіе, т. е. башенные, стѣнные и карманные, часы? Время изобрѣтенія часовъ механическихъ, какъ извѣстно, съ точностью не установлено. Существуетъ ходячее мнѣніе—его можно встрѣтить въ современныхъ календаряхъ, между прочимъ, въ альманахѣ-ежегодникѣ Яблонскаго—что изобрѣтеніе нашихъ стѣнныхъ и карманныхъ часовъ относится лишь къ концу XV-го и началу XVI вѣка. Мнѣніе это, однако, совершенно неосновательно. Извѣстно, напр., что въ Москвѣ, на дворѣ вел. князя, за церковью Благовѣщенія, поставлены были пришлымъ изъ Сербіи монахомъ Лазаремъ часы еще въ 1404 г.[1]) Затѣмъ въ Новгородѣ въ 1436 г. владыка Евфимій устроилъ у себя надъ палатою „часы звонящіи", а въ 1449 г. тотъ же владыка поставилъ часозвоню [2]). Наконецъ, весною 1597 г. имп. Рудольфъ имѣлъ уже возможность прислать въ даръ ц. Ѳеодору Іоанновичу двое „часовъ съ перечасьемъ", которые играли и пѣли въ часы и получасы, а ближнему совѣтнику царя—Борису Годунову, „часы стоячіе боевые съ знаменами небесными" [3]). Мало того: въ XVI—XVII вв. часовое мастерство достигло, даже на Руси, такихъ успѣховъ, что нѣкій Моисей Терентьевъ имѣлъ возможность сдѣлать уже въ 1620 г. часы для государева перстня [4]).

Что касается Западной Россіи, то мы не располагаемъ такими ранними извѣстіями о распространеніи въ ней механическихъ приборовъ для измѣренія времени, какія имѣются относительно Новгорода и Москвы. Едва ли мы оши-

[1]) Устроенный Лазаремъ приборъ отбивалъ „часы нощныя и дневныя" посредствомъ удара молотомъ въ колоколъ.

[2]) Соловьевъ: Исторія Россіи (изд. Товар. „Обществ. Польза"), кн. I, (т. 4), 1238.

[3]) Ibid., кн. II (т. 7), 597.

[4]) Д. Прозоровскій, op. cit., 168.

бемся, однако, если станемъ утверждать, что наши башенные и стѣнные часы употреблялись въ Западной Россіи съ весьма ранняго времени. Въ самомъ дѣлѣ, если часы, какъ мы видѣли, стали извѣстны Москвѣ и Новгороду еще въ первой половинѣ XV-го вѣка, то они должны были получить распространеніе въ земляхъ Литовско-Русскаго государства во всякомъ случаѣ не позже, уже по той простой причинѣ, что всѣ плоды западно-европейской цивилизаціи проникали въ Западную и Южную Русь всегда раньше, чѣмъ въ Русь Московскую. Обратимся, однако, къ тѣмъ западнорусскимъ документальнымъ даннымъ, въ которыхъ упоминаются механическіе часы.

Первое изъ этихъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, относится лишь къ 1-й половинѣ XVI в., а именно: въ концѣ списка Литовской лѣтописи, принадлежавшей гр. А. С. Уварову и изданной А. Н. Поповымъ въ 1854 г., находится между прочимъ слѣдующая приписка (на л. 109): „В лето 7050 (т. е. 1542 отъ Р. Х.), месяца Апреля 17 на день пр. отца Симеона иже въ Персиде, в неделю, *вдарило 2 године въ ночь*, преставись князь Юрьи Слуцкой; была голова на целомъ промыслѣ“ [1]).

Слѣдующее извѣстіе относится къ 1569 г. и заключается въ нижеслѣдующ. словахъ записи Берестейскаго подстароcты отъ 14 іюля означ. года: „Ижъ дей часу и *годины теперешнее на цѣломъ зекгару* [2]), *на двадцать другой годинѣ*, созналъ тотъ вижъ мой врядовый тыми словы...“ etc. [3]). Извѣстіе это заслуживаетъ особеннаго вниманія еще и потому, что слова „на цѣломъ зекгару“ даютъ основаніе думать, что въ тѣ времена были циферблаты не только съ 12, но и съ 24 дѣленіями, т. е. съ боемъ всѣхъ 24 суточныхъ часовъ; приборъ послѣдняго рода и назывался „цѣлымъ векгаромъ“ [4]).

[1]) Предисловіе А. Н. Попова къ „Лѣтописи вел. кн. Литовскихъ“ (Спб. 1854 г.), стр. IV.

[2]) Zegar—часы башен., столов. и пр., но не карманные (zegarek).

[3]) Документы и Регесты, изд. Бершадскимъ, II, № 304.

[4]) Къ тому же заключенію приводитъ и слѣдующая цитата изъ актов. книгъ Владим. гродского суда за 1638 г.: „Одволанье судовъ

Наконецъ, весьма любопытенъ и слѣдующій отрывокъ изъ своего рода „Катоновской“ рѣчи Смоленскаго каштеляна Ивана Мелешка на Варшавскомъ сеймѣ 1589 г.,—рѣчи, въ которой ораторъ въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ осуждалъ роскошь современной жизни и восхищался прежнимъ патріархальнымъ и простымъ образомъ жизни:

„И гетая на свѣтѣ дурнина: *годынникъ* мнѣ притрафилося на тандетѣ [1]) въ Кіевѣ купиты; далисьмы за іего 8 копы грошы (т. е. около 10 руб.), а якосьмы послали до Вильна на направу, ажъ онъ на пятую копу крутылъ злодѣй—заморщыкъ! Добры-то нашъ годынникъ пѣтухъ, што нехыбне о полночи какарѣкаетъ!“ [2]).

Извѣстіе весьма любопытное! Большой консерваторъ, поклонникъ старины и врагъ всякой заморщины, п. Мелешко, хотя и восхищался патріархальнымъ пѣтухомъ, который безошибочно и неукоснительно возвѣщалъ полночь, не удержался однако отъ соблазна купить на толкучкѣ въ Кіевѣ подержанный „годынникъ“, т. е. часы, за довольно крупную сумму и послалъ ихъ для исправленія часовщику иностранцу въ Вильнѣ. Изъ всего этого явствуетъ, какъ нельзя болѣе, что современные намъ, т. е. механическіе, часы пользовались большимъ распространеніемъ уже въ XVI в. и употреблялись не только въ общественныхъ зданіяхъ, но и въ домашнемъ обиходѣ. Самый же фактъ купли-продажи подержанныхъ часовъ въ XVI в. и существованіе ча-

---

рочъковъ теперешнихъ до дня, даст панъ Бог, понеделъкового на годину *шестнадцатую целого зыкгара*“. (Кн. Кіев. Центр. Арх. № 1005, листъ 133 об., заголовокъ акта № 105).

[1]) Тандетъ (tandet)—рынокъ старья, толкучка.

[2]) Ак. Ю. и З. Р. II, № 158. Костомаровъ, напечатавшій рѣчь Ив. Мелешка въ означенномъ изданіи (эта же рѣчь помѣщена и во 2-мъ т. „Zbior pamiętników“ Нѣмцевича), не сомнѣвался въ ея подлинности; проф. же Сумцовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказалъ мнѣніе иного рода, а именно, что упомянутая рѣчь—политическій памфлетъ, составленный неизвѣстнымъ лицомъ въ концѣ XVI вѣка. Какъ бы то ни было, но для нашей цѣли важно лишь то, что данное произведеніе есть несомнѣнно памятникъ XVI в., а этого не отрицаетъ и проф. Сумцовъ.

совщиковъ показываетъ, что механическіе часы проникли въ Западную и Южную Русь гораздо раньше указаннаго времени, т. е., вѣроятно, не позже XV в.

На распространенность механическихъ часовъ въ XVI в. указываетъ, наконецъ, и Литовскій Статутъ 1588 г. Въ 30 арт. IV разд. означеннаго Статута, гдѣ идетъ, между прочимъ, рѣчь о томъ, при наличности какихъ условій преступникъ можетъ быть привлеченъ къ суду безъ позва, читаемъ слѣдующее: „А где бы хто на горачомъ учинку тыхъ вышей помененыхъ аръгыкулов... былъ пойманъ, тогды тотъ маеть быти сужонъ безъ позвовъ... А естлибы таковый, збытокъ учинивши, заразомъ пойматисе не далъ... такового вольно искати з урядомъ, ведъже не далей, одно отъ пополъненья того учинку черезъ *двадъцать чотыре годины зекгаровые...*“

Итакъ, повторяемъ еще разъ, новая система обозначенія суточнаго времени и реформа относительно часового циферблата, предложенныя и отчасти осуществленныя въ концѣ XIX в., отнюдь не представляютъ собою новинки, пригодной лишь для людей XX столѣтія: означенная система, а равно и раздѣленіе часового циферблата на 24 равныя части вмѣсто 12 были хорошо извѣстны уже людямъ XVI вѣка и практиковались ими не безъ успѣха.

М. Ясинскій.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Семейная хроника Гоголей

(по бумагамъ семейнаго архива).

Велико и могущественно вліяніе среды въ исторіи возникновенія и созданія произведеній искусства; поэтому, приступая къ оцѣнкѣ того или иного произведенія художественнаго творчества, будь то картина, изваяніе, ораторія или эпопея—необходимо глубокое и аналитическое изученіе вліяющей среды, безъ чего пониманіе того или иного памятника искусства будетъ неполно. Но, если мы къ изученію среды, со всѣми ея особенностями и стремленіями, присоединимъ еще тщательное изученіе жизни самого творца съ его идеалами, чувствами, со всею его душою; далѣе, если намъ удастся воскресить и озарить свѣтомъ истины какъ его самого, такъ и весь родъ его, теряющійся въ давно минувшихъ годахъ—тогда только намъ станетъ понятно все: отъ великой идеи и до самаго ничтожнаго штриха, характернаго для художника. Это и будетъ „изслѣдованіе людской породы", о которой говоритъ Тэнъ, какъ о факторѣ, имѣющемъ первостепенное значеніе. Такимъ образомъ, не простое любопытство заставило насъ заглянуть въ глубь протекшихъ годовъ и даже столѣтій и вывести изъ мрака забвенія нѣсколько поколѣній, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, свойственными людямъ вообще. Гордые, могучіе, этигерои своего времени, покорные общему закону, сошли съ житейской арены, быть можетъ

не успѣвъ совершить того, что было возможно, и скоро ихъ имена были забыты, какъ и ихъ могилы... И никто, даже ни одинъ бандуристъ—пѣвецъ славнаго козачества, не помянулъ ихъ въ своихъ тихихъ, меланхолическихъ пѣсняхъ-думахъ; но лишь въ родной семьѣ переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію отрывочные разсказы, часто прикрашенные легендарнымъ колоритомъ да въ старомъ, обитомъ желѣзомъ сундукѣ хранились связки бумагъ, тая въ себѣ и добрыя и злыя дѣянія этихъ личностей и дожидаясь того счастливаго дня, когда о нихъ можно будетъ повѣдать міру.

И этотъ день ужь насталъ... Теперь предстанутъ передъ нами Танскіе, Лизогубы, Скоропадскіе, отчасти Полуботокъ и другіе—все видные представители козачества въ послѣдній періодъ его существованія, все предки нашего великаго поэта Н. В. Гоголя.

Генія часто сравниваютъ со свѣтильникомъ, озаряющимъ темную, непроглядную ночь. Дѣйствительно, свѣтъ генія—свѣтъ маяка: высоко подымаясь надъ бушующей у ногъ его пучиной, надъ всѣми волнами житейскаго моря, разбивающимися у его подножія и опять набѣгающими, бросая свои яркіе лучи далеко отъ себя, онъ освѣщаетъ многихъ забытыхъ и незамѣтныхъ во мракѣ ночи! Сколько лицъ связано съ именемъ Гоголя, какая безконечная вереница именъ, точно звенья цѣпи, поднимается въ нашемъ умѣ, когда мы начинаемъ говорить о нашемъ поэтѣ! И они имѣютъ право участвовать въ славѣ его и вмѣстѣ съ нимъ надѣяться на безсмертіе въ родномъ народѣ...

Да и самъ Гоголь любилъ свою фамильную старину, и его чуткое ухо жадно ловило всякую легенду, всякій разсказъ, относящійся къ прошлому его рода, точно также, какъ было для него высшимъ наслажденіемъ слышать заунывную пѣсню о родной Украинѣ вообще. Совершенно неосновательно и ошибочно думаютъ тѣ, которые ставятъ въ упрекъ нашему поэту его кажущееся пренебреженіе къ своей старинѣ; дѣло въ томъ, что его интересовала она не какъ ученаго, а какъ поэта.

Извѣстно его восклицаніе, вызванное любовью къ старинѣ: „Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно, давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣлось на свѣтѣ! А какъ впутается еще какой нибудь родичъ дѣдъ или прадѣдъ—ну, тогда и рукой махни: чтобы мнѣ поперхнуться за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ

это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ!".

Это не риторика! это искреннее, восторженное признаніе поэта. И правда, онъ любилъ родную старину; она близка была его душѣ, какъ близко бываетъ все родное; это видно въ каждой строкѣ, въ каждомъ восклицаніи, начиная отъ перваго выпуска „Вечеровъ" и заканчивая чудной поэтической картиной козачества въ Тарасѣ Бульбѣ. Поэтъ лелѣялъ каждый образъ, и всѣ его герои малороссійскихъ повѣстей и разсказовъ описаны съ такой любовью: и Галя нѣжная, можетъ быть даже слишкомъ идеализированная, и могучій, непреклонный, твердый какъ кремень, Тарасъ, и многіе другіе стоятъ передъ нами, какъ на картинѣ великаго мастера, на фонѣ чудной украинской природы. Какъ же можно сомнѣваться въ томъ, что Гоголь любилъ старину?

Сынъ Украины, онъ и любилъ ее родственной любовью, не позволявшей ему зачастую видѣть темныхъ пятенъ, которыя бываютъ и на солнцѣ.

Но особенно дорога была ему родная старина, куда „впутался" какой-нибудь дѣдъ; извѣстно, что въ идилліи „Старосвѣтскіе помѣщики" подъ именемъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны выведены дѣдушка и бабушка поэта, Аѳан. Демьяновичъ и Татьяна Семеновна (ур. Лизогубъ); эта поэтическая картинка написана съ такимъ мастерствомъ, что читатель не замѣчаетъ, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается вымыселъ: все хорошо, отъ скрипящихъ дверей и до трогательной картины похоронъ; а между тѣмъ, безъ знакомства не только съ нѣкоторыми семейными преданіями, но даже и съ письменными источниками, хранившимися въ завѣтномъ сундукѣ, эта картинка не могла быть написана. Великій художникъ, предлагая картину на судъ публики, не говоритъ о томъ, сколько и какъ ему пришлось надъ нею работать. И Рѣпинъ, предлагая на судъ публики своихъ знаменитыхъ Бурлаковъ, не говорилъ о томъ, что онъ исходилъ всѣ закоулки великаго Поволжія, изучая всякую мелочь, относящуюся къ задуманной картинѣ; оттого-то вся эта ватага, надрывающая свои могучія груди тяжелой лямкой, такъ хороша, такъ поразительно правдива оттого и фигура „хозяина", покрикивающаго на бурлаковъ, такъ характерна и выразительна... Такъ и Гоголь писалъ свои художественныя произведенія, какъ истинный мастеръ, не оставляя слѣдовъ черной работы.

Преданіе о похищеніи Аѳанасіемъ Демьяновичемъ (въ повѣсти—Ивановичемъ) Татьяны Лизогубовны (въ повѣсти—Пульхеріи Ивановны) живетъ въ семьѣ Гоголя и до настоящаго времени, но въ очень интересномъ варіантѣ, который мы приведемъ ниже. Общія характерныя черты жизни и взаимныхъ отношеній старосвѣтскихъ помѣщиковъ также могли быть извѣстны Гоголю изъ разсказовъ, передаваемыхъ старыми людьми; но нѣкоторые факты и характерныя особенности поэтъ почерпнулъ изъ письменныхъ источниковъ; такъ, напримѣръ, страсть Аѳ. Ив. къ составленію различныхъ наливокъ, настоекъ, „декохтовъ"—черта любопытная и имѣющая прямое отношеніе къ дѣду поэта. Въ нашемъ распоряженіи находится интересная тетрадь, составленная Аѳанасіемъ Демьяновичемъ, наполненная рецептами для различныхъ „декохтовъ" и настоекъ, и, что всего интереснѣе, тамъ встрѣчаются тѣ-же названія (какъ перегонять водку на персиковыя листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки), что и въ повѣсти Гоголя; точно также и лекарственныя настойки на шалфеѣ (отъ боли въ лопаткахъ), на золототысячникѣ (отъ звона въ ушахъ и отъ лишая), или различныя соленья и способы ихъ приготовленія, упоминаемые въ повѣсти, съ тою же наивною методичностью помѣщены въ этомъ Гоголевскомъ „Домостроѣ".—Скажемъ даже, что опасенія Аѳ. Ив. на счетъ разбойниковъ („Конечно, говорилъ Аѳ. Ив., неровно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ")—имѣютъ свое фактическое основаніе въ цѣломъ рядѣ случаевъ нападеній, засвидѣтельствованныхъ дѣлами, хранившимися въ томъ же сундукѣ. Но все это мелочи, и насъ могутъ даже упрекнуть въ томъ, что мы останавливаемся на нихъ въ то время, когда впереди насъ ждетъ гораздо сболѣе важное и интересное.

Итакъ, въ семейномъ архивѣ Гоголей хранились интересные документы, касающіеся предковъ поэта за періодъ болѣе столѣтія—отъ Полтавской битвы и до его времени; объ этихъ документахъ нѣтъ совсѣмъ, или слишкомъ мало упоминаній въ сочиненіяхъ Гоголя; значитъ—могутъ сказать нѣкоторые—Гоголь не интересовался своею генеалогіею, жизнью и дѣятельностью своихъ предковъ... Согласимся однако, что мнѣніе это ошибочно; кажется, что вѣрнѣе будетъ высказать такого рода предположеніе, объ основательности котораго предоставляется судить всякому. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголь работалъ надъ исторіею Малороссіи; если даже трудъ этотъ рисовался воображенію поэта въ грандіозныхъ размѣрахъ,

если это многотомное сочиненіе существовало только „въ возможности“— тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что по этому вопросу имъ сдѣлано гораздо больше, чѣмъ намъ извѣстно въ настоящее время. Нельзя думать, что всѣ обѣщанія дать исторію Малороссіи разрѣшились Тарасомъ Бульбою, потому что этому противорѣчатъ неложныя свидѣтельства Аксакова и другихъ, слушавшихъ отрывки изъ исторіи и даже высказывавшихъ свое мнѣніе о ней въ печати. Какова судьба постигла эти творенія— неизвѣстно: погибли ли они въ огнѣ, вмѣстѣ со многими другими въ періодъ душевнаго перелома поэта, или они затерялись гдѣ-нибудь въ пути или въ чьихъ-нибудь невѣжественныхъ рукахъ—мы не знаемъ; но ихъ въ настоящее время нѣтъ. Смѣемъ думать, что, интересуясь исторіей Малороссіи, собирая всякій матеріалъ, относящійся къ этому предмету, Гоголь не могъ пренебрегать тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который заключалъ въ себѣ ихъ семейный архивъ, состоящій изъ множества бумагъ, какъ имѣющихъ прямое отношеніе къ предкамъ поэта, такъ и относящихся къ исторіи козачества вообще. Можно быть увѣрену, что при составленіи исторіи Малороссіи этотъ матеріалъ не былъ обойденъ поэтомъ.. Соглашаясь съ нашей гипотезой или отрицая ее, всякій, полагаемъ, раздѣлитъ вмѣстѣ съ нами мнѣніе, что сюжетъ, о которомъ мы будемъ говорить, представляя немалый самостоятельный историческій интересъ, важенъ также и по отношенію къ Гоголю, рисуя передъ нами, какую важную роль въ родѣ Гоголя играло козачество, какъ изъ самой отдаленной поры идеалы его, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, проникли въ чуткую душу поэта и оттуда вылились въ формѣ высоко поэтической, давшей и самому поэту имя пѣвца козачества. Но, прежде чѣмъ углубиться въ прошлое и перенестись къ той эпохѣ, когда впервые выступаютъ на общественное поприще предки Гоголя, мы предложимъ краткую схематическую таблицу той части рода Гоголя, которая интересуетъ насъ въ настоящемъ очеркѣ.

Мы не имѣемъ въ виду разобраться во всѣхъ развѣтвленіяхъ генеалогическаго дерева Гоголей, родъ которыхъ, уходя въ глубь протекшихъ годовъ, теряется въ сумракѣ шестнадцатаго столѣтія; кое-что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи и до насъ, а разработка другой части предложена однимъ изъ соучастниковъ въ нашихъ трудахъ по исторіи рода Н. В. Гоголя, знатокомъ Малороссіи А. М. Лазаревскимъ... Родъ Танскихъ съ одной стороны и Лизогубовъ съ другой, съ примыкающими къ послѣд-

нему Скоропадскимъ и Полуботкомъ; сліяніе этихъ двухъ главныхъ вѣтвей въ бракѣ Анны Танской съ Семеномъ Лизогубомъ, бунчуковымъ товарищемъ Переяславскаго полка; бракъ дочери Семена Лизогуба съ войсковымъ канцеляристомъ Аѳанасіемъ Демьяновичемъ Гоголь-Яновскимъ, и дальнѣйшее продолженіе рода Гоголей до рожденія нашего поэта; картина семейной жизни, со всею ея атмосферой, со всѣми традиціями, взглядами и стремленіями; вліяніе этой обстановки на развитіе характера, склонностей и направленія нашего поэта—вотъ та частица, которую мы себѣ отмежевали для настоящаго очерка.

Но, прежде чѣмъ перейти къ предмету, на которомъ будетъ остановлено благосклонное вниманіе читателей, считаю не лишнимъ и даже необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, на основаніи которыхъ составленъ предлагаемый очеркъ. Лѣтомъ минувшаго года я посѣтилъ родину нашего поэта, гдѣ былъ принятъ съ радушіемъ родными Н. В. Гоголя, свято хранящими завѣтъ поэта, не отказывать никому въ гостепріимствѣ. Благодаря безконечной любезности сестры поэта Ольги Васильевны Головни и ея сына Василія Яковлевича, я имѣлъ возможность ознакомиться со всѣмъ, что такъ или иначе касалось поэта и его предковъ. Въ томъ завѣтномъ сундукѣ, о которомъ я уже упоминалъ, оказался въ высшей степени цѣнный и совершенно нетронутый матеріалъ какъ для исторіи Малороссіи XVIII вѣка вообще, такъ и для исторіи рода Гоголя въ частности. Послѣднее имѣетъ въ данную минуту особенное значеніе, потому что даетъ немало новаго и интереснаго, устанавливая генеалогію именно въ той части, которая была до сихъ поръ наименѣе извѣстна, а также представляя возможность ознакомиться съ нѣкоторыми событіями и личностями, интересными во многихъ отношеніяхъ.

Первою изъ нихъ является полковникъ Переяславскій Василій Танскій, къ которому мы теперь и переходимъ.

Волохъ по происхожденію, онъ еще молодымъ человѣкомъ, вмѣстѣ со многими другими представителями той же націи перейдя въ русское подданство при Петрѣ Великомъ, поступилъ на службу въ славное козацкое войско, гдѣ обратилъ на себя вниманіе и храбростью, и отвагою, и умомъ, что въ особенности онъ выказалъ уже въ Шведскую кампанію. Образованный, владѣвшій нѣсколькими языками—въ томъ числѣ французскимъ и латинскимъ, онъ легко могъ стать выше многихъ представителей козацкой старшины и обратить на себя вниманіе высшихъ властей, къ

чему онъ видимо стремился и чего достигъ въ очень короткое время. Впрочемъ, быть можетъ, не только такія положительныя качества сдѣлали его извѣстнымъ самому гетману, Ивану Ильичу Скоропадскому: хитрость и умѣнье пользоваться обстоятельствами—черты, свойственныя и нашему коренному козачеству — играли тоже немалую роль. Находясь въ близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ съ гетманомъ, онъ неоднократно напоминалъ ему о томъ, что заслуги его передъ Русской землей такъ значительны, что слѣдовало бы наградить его какимъ-нибудь помѣстьемъ, хотя бы и въ Малороссіи. Уступая частымъ просьбамъ и напоминаніямъ, гетманъ издаетъ универсалъ, по которому Василій Танскій, значный войсковой товарищъ, получаетъ село Озеряне, находящееся въ Переяславскомъ полку, Басанской сотнѣ. Этотъ щедрый даръ гетманъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „ижъ просилъ насъ панъ Василій Танскій значный товарищъ войсковый о наданне себѣ якового сельца на вспарте своего господарства и для притулиска егоже статку. Теды мы гетманъ тому оного прошенію неодмовившы, а респектуючи на знаменитые его подъ часъ бытности въ Малой Россіи непріятеля шведа, при великороссійскихъ Царскаго пресвѣтлаго Величества войскахъ мѣючи подъ своею коммендою компанію верне и статечне показанніе услуги, до которыхъ и подъ рейментомъ нашимъ мешкаючи метиметъ охоту, яко надаемо помянутому п-ну Василію Танскому село Озеряне въ Полку Переяславскомъ въ сотнѣ Басанской будучое, позволяючи оному отъ людей посполитыхъ тамъ мѣшкаючихъ всякое одбирати послушенство и повиновеніе“ (Дек. 3 дня 1715 г.).

Заручившись такимъ универсаломъ, Василій Танскій отправляется въ Петербургъ и тамъ хлопочетъ о полученіи жалованной грамоты на село Озеряне; его старанія увѣнчались успѣхомъ: Іюдя 7-го дня 1716 г. была получена жалованная грамота, подтверждающая право на владѣніе Озерянами со всѣми прилежащими угодьями, „для вящшаго утвержденія и лутшаго впредь владѣнія“, какъ сказано въ текстѣ.

Впослѣдствіи намъ станетъ понятно это рвеніе, съ какимъ В. Танскій добивался полученія грамоты; теперь же мы, не предупреждая событій, отмѣтимъ еще нѣкоторые главнѣйшіе моменты изъ перваго періода жизни его—періода постепеннаго развитія славы, вліянія и могущества.

Поощренный такими милостями со стороны гетмана и самого государя, онъ старался быть полезнымъ царю и отечеству и, можно сказать

съ увѣренностью, не пропускалъ ни одного случая, чтобы не отличиться и не показать себя, какъ храбраго и отважнаго козака. Такая ревность и преданность второму своему отечеству была бы похвальна, если бы за нею не скрывались другія, чисто эгоистическія побужденія. Каждый подвигъ, каждый походъ, даже и незначительный, онъ старался поставить на видъ гетману и напомнить, что всякая заслуга предъ государствомъ должна быть награждаема... Эта черта корыстолюбія характерна не только для Танскаго. Поэтому и заслуги В. Танскаго, какъ бы велики онѣ ни были, не имѣютъ въ нашихъ глазахъ полнаго значенія потому именно, что были слишкомъ щедро вознаграждаемы. Такъ и участіе его въ войнахъ и походахъ, бывшихъ послѣ Шведской кампаніи, не осталось безъ вознагражденія: по жалованной грамотѣ 1722 года (подтвержденной въ 1744 г. Елизаветой Петровной) онъ получилъ огромное мѣстечко Мурафу со всѣми прилегающими селами и угодьями „за понесенныя во время бывшей з портою отоманскою и короною шведскою вѣрныя службы".

Съ пріобрѣтеніемъ этихъ двухъ огромныхъ владѣній, обезпечившихъ безбѣдное существованіе цѣлаго рода, какъ находящихся въ самой богатой части Малороссіи, В. Танскій замѣтно сталъ пренебрегать своими обязанностями, увлекаясь больше дѣлами хозяйственными, скупая за безцѣнокъ земли, прилегающія къ его имѣніямъ, и даже захватывая чужое, ему не принадлежащее.

Это ясно видно изъ одного документа, относящагося къ 1726 году, въ которомъ говорится, что Василій Т., по указу Е. И. В., подвергается штрафу въ 100 рублей за уклоненіе отъ участія въ Гиланскомъ походѣ (велено... доправить сто рублей денегъ за штрафъ, же ани самъ В. Т. в гиланскій походъ не выйшолъ, а не свойственного свого не выслалъ, якъ вказъ Е. И. В. повелѣвалъ...). Но этого мало; интересно также, что, хотя ему послали указъ для прочтенія, онъ даже „никакой резолюціи не показалъ", словомъ, отнесся къ исполненію своего долга съ полнымъ пренебреженіемъ. Фактъ этотъ въ высшей степени интересенъ потому, что говоритъ въ пользу данной нами характеристики Танскаго, какъ своекорыстнаго дѣятеля.

Тѣмъ не менѣе изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ, а также благодаря различнымъ связямъ, онъ былъ избранъ въ полковники Переяславскаго полка, въ какомъ чинѣ находился до самой ссылки

въ Сибирь. Съ этой поры начинается самый интересный и характерный періодъ его жизни.

Итакъ, В. Танскій сталъ „Его Императорскаго Величества войска Запорожскаго" полковникомъ Переяславскимъ (1726—8 г.). Но, стоя во главѣ Переяславскаго полка, владѣя богатѣйшими имѣніями, пользуясь всѣми благами, какія только могутъ быть доступны человѣку, достигшему различныхъ почестей, отчасти благодаря личнымъ заслугамъ, а также и счастливому стеченію обстоятельствъ, продолжалъ ли онъ служить общему благу, былъ ли тѣмъ „риднымъ батькомъ" своего полка и подчиненныхъ, какимъ намъ представляется вообще полковникъ козацкаго войска добраго стараго времени, какъ „батько Палій" и другіе? Далеко нѣтъ!

Не связанный кровными узами съ козачествомъ, будучи пріемнымъ сыномъ, хотя и баловнемъ Украины, онъ не могъ любить беззавѣтной, отеческой любовью стоявшихъ ниже его козаковъ и людей посполитыхъ: облеченный властью, гордый, надменный и сознающій свою силу и право, онъ угнеталъ своихъ подчиненныхъ, онъ былъ деспотомъ какъ въ своемъ полку, такъ и въ своихъ владѣніяхъ. Это вызывало ропотъ неудовольствія среди народа, не привыкшаго къ такому обращенію. Долго терпѣли козаки, долго молчали подъ тягостной эгидой своего панъ-отца полковника, наконецъ не вытерпѣли: нашлись смѣльчаки въ самомъ Переяславскомъ полку, которые рѣшили вступиться за обидимыхъ и съ этою цѣлью составили челобитье на имя „ясне вельможного его милости пана гетмана". Въ этомъ слезномъ челобитьи, подписанномъ между прочимъ сотниками Басанскимъ и Яготинскимъ, просители, жалуясь отъ лица всего полка на обиды и разоренія, причиненныя паномъ полковникомъ В. Танскимъ, просили „жебы онъ не былъ одселѣ въ полку переяславскомъ полковникомъ!" Фактъ этотъ изъ ряда выходящій. Нѣтъ сомнѣнія, что слишкомъ ужъ тяжело было козакамъ терпѣть обиды и притѣсненія, если они рѣшились на такой смѣлый шагъ. Но они ошиблись; въ ту пору еще сильна была пословица: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись". Гетманъ предоставилъ ему возможность оправдаться, что съ формальной стороны было сдѣлано безъ особенныхъ затрудненій.

17 Августа 1729 года Василій Танскій издаетъ слѣдующій циркуляръ:

„Вамъ паномъ сотникамъ Воронковьскому, Бориспольскому, Березанскому, Басанскому и Яготинскому объявляется: понеже Ясневельможный

Его Милость панъ Гетманъ предложилъ мнѣ, же будто я многимъ въ сотняхъ полку моего починилъ обиды и разоренія, того ради з симъ открытымъ листомъ якъ в протчие сотни полку моего нарочно ординовалемъ, такъ и въ сотни пана михаила вакуловича атамана значкового, посылаючи жадаю, абисте в. м. всякъ з своею атаманею и значнымъ товариствомъ по полученіи сего явилися въ полковую канцелярію з обидимыми без всякаго опасенія и боязни для контентованія и награжденія ибо я тимъ себе обовязую, же если кто з обидимыхъ ко мнѣ явится для сатисфакціи, но не готовъ за тое мститися и памятозлобствовати. овшемъ во всемъ задосить чинить. З Переяславля. Августа 17. 1729".

Мы нисколько не удивимся, узнавъ, что, не смотря на ласковыя обѣщанія, расточаемыя паномъ полковникомъ, никто не явился для сатисфакціи, и листъ оказался заполненнымъ подписями атамановъ, сотниковъ и товарища, которые единогласно заявляютъ, что послѣ объявленія и публикаціи предписанія пана полковника обиженныхъ не оказалось.

Сотники же, подписавшіе челобитье, вынуждены были придумать какое-либо оправданіе своихъ поступковъ, что и выполнено ими просто, но довольно неискусно: каждый изъ нихъ пишетъ совершенно одно и то же и въ своихъ объясненіяхъ старается придать всему дѣлу характеръ какого-то печальнаго недоразумѣнія.

„1729 г. Августа 28 дня.

Я, ниже подписанный Сотник Яготинскій з атаманами и товариствомъ сотнѣ моей, симъ моимъ писаніемъ объявляю, ижъ невѣдомо по нѣякому указу назвавши себе Лука Васильевичъ Асауломъ полковымъ переяславскимъ, и Павелъ Черняховскій писарствомъ полковымъ правящимъ, прислали ко мнѣ за руками своими сего 1729 году въ Іюнѣ м-цѣ первыхъ чиселъ указъ, дабы я со всею атаманею и значнымъ товариствомъ пріѣздилъ въ переяславль будто для выбору на упалые мѣсця въ кандидаты старшины, а когда я туда пріѣздилъ, они, тое закрывши, объявили по нѣякомусь своему умыслу и злобѣ написаниую челобитную на имя Ясне Вельможнаго Его Милости Пана Гетмана, в такой силѣ, жебы за нѣякія обиды починеніе Его Милость п-н. полковникъ нашъ переяславскій Василій Танскій одселѣ въ полку Переяславскомъ не былъ полковникомъ и на такой челобитной согласія з единомышленники принудили и устращали без одлагательства подписатися на чомъ любо я з атаманомъ и товариствомъ

подписалися, однакъ нынѣ мы симъ нашимъ добровольнымъ писаніемъ такого подпису рукъ нашихъ на челобитной во всякомъ судѣ и врадѣ з'рѣкаемся, ибо мы якъ жадныхъ обидъ и разореній отъ Его Пана полковника Танскаго въ сотнѣ нашей не имѣемъ и не имѣли и з его контентни, такъ Его Императорскому Величеству благодарни и просимъ всенижайше Его Императорскаго Величества дабы за подписанне рукъ нашихъ на помянутой челобитной во всякомъ судѣ и врадѣ не причтено было намъ в вину и в погрѣшеніе, а теперь о таковомъ помянутомъ принужденіи и по десяте з'рѣкаемся и подписомъ рукъ нашихъ протестуемся, року и дня выше писаннаго.

Слѣдуютъ подписи: Іосифъ Павловичъ, сотникъ Яготинскій. Атаманъ Федоръ Крихно, Кирикъ Непийвода, И. Непорожній" и др.

Совершенно такія же, въ тѣхъ же выраженіяхъ, безъ малѣйшаго измѣненія доношенія сотниковъ Варишпольскаго и Басанскаго. Очевидно, имъ было продиктовано, что и какъ писать. Поэтому такимъ оправдательнымъ документамъ вѣритъ нельзя; они лишь важны для характеристики отношеній полковника къ своимъ подчиненнымъ.

Казалось бы, что послѣ такихъ благопріятныхъ отзывовъ дѣло должно было уладиться, когда вчерашніе челобитчики, загоняемые и обижаемые своимъ деспотомъ-полковникомъ, въ рабскомъ униженіи отказываясь отъ своихъ словъ, даже выражаютъ свою благодарность правительству, поставившему въ главѣ ихъ такого „добраго" начальника, которымъ всѣ „контентни". Такова была сила власти у одного и безропотное подчиненіе у другихъ...

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Василій Танскій царилъ надъ Переяславскимъ полкомъ, а его супруга Анна, вѣрная помощница и сотрудница въ дѣлахъ мужа, съ неменьшимъ успѣхомъ управляла имѣніями. Тяжело было козакамъ подъ началомъ грознаго полковника, тяжело было и посполитымъ людямъ и окрестнымъ жителямъ отъ притѣсненій пани полковницы; но стонамъ козаковъ былъ скоро положенъ конецъ: въ 1734 году по указу Е. И. В. Императрицы Анны Іоанновны полковникъ Василій Танскій былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, и по справкѣ, сдѣланной изъ Секретной канцеляріи, въ 1735 году находился въ небольшомъ городкѣ Илимскѣ, Крицкой провинціи (возлѣ Тобольска). О причинѣ ареста и ссылки можно лишь догадываться. Въ дневникѣ Ханенка есть между

прочимъ краткое упоминаніе объ арестѣ Танскаго и перевозѣ въ Москву, а также, что „слѣдствіе о обидахъ полку Переяславскаго“ поручено капитану Преображ. полка Петру Воейкову. Въ 1735 г. онъ былъ наказанъ публично и сосланъ въ Сибирскіе города (См. у Ханенка, стр. 20).

Такъ все, и гордость, и сила, и власть—все было сломлено, все пошло прахомъ! Холодныя Сибирскія вьюги должны были остудить не въ мѣру горячее сердце. Этотъ ударъ былъ самымъ сильнымъ и роковымъ, но не единственнымъ: надъ фамиліей Танскихъ, долгое время согрѣваемой благотворными лучами солнца, собрались черныя тучи, и разразилась гроза, страшная и продолжительная. Еще не успѣвали затихнуть раскаты одного удара, какъ новый съ тою же силою разражался надъ нею, безпощадно разбивая счастье и спокойствіе, казавшееся столь прочнымъ.

Одинъ за другимъ стали раздаваться голоса обиженныхъ и разоренныхъ деспотичнымъ произволомъ пана полковника, взывая о помощи и защитѣ. Среди многочисленныхъ дѣлъ отмѣтимъ интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло Модельницкаго, относящееся въ 1735 году. Это одинъ изъ несчастныхъ, разорившійся и впавшій въ крайнюю бѣдность за вѣрную службу своему принципалу. Увлеченный обѣщаніями пана полковника, онъ долго служилъ ему вѣрою и правдою, какъ самый преданный слуга: участвовалъ вмѣсто Танскаго въ походахъ (Смоленскомъ и Низовомъ), разъѣзжалъ по дѣламъ его по различнымъ городамъ, и даже перенесъ изъ-за Танскаго трехлѣтнюю неволю въ Москвѣ... А самъ полковникъ манилъ его обѣщаніями: онъ говорилъ, что наградитъ его за всѣ дѣла, какъ своего „сына власнаго“, „чѣмъ бы онъ былъ доволенъ по жизнь свою“, выдѣливъ ему часть изъ своего богатаго имѣнія. Но между словомъ и дѣломъ, очевидно, была непроходимая пропасть. Ревниво охраняя свои личные интересы, когда дѣло касалось полученія какой-либо награды за подвиги,—что мы видѣли раньше,—онъ совершенно не имѣлъ въ виду придерживаться того же принципа по отношенію къ своимъ подвластнымъ, и ихъ вѣрная и тяжелая служба оставалась безъ должнаго вознагражденія.

Но этого мало; Модельницкій жалуется, что самъ полковникъ „не только того ничего не исполнилъ, и еще къ тому собственныхъ его (Модельницкаго) пожитковъ много позабиралъ“ (приводится списокъ этихъ пожитковъ), чѣмъ привелъ его въ нищету и разореніе. Вотъ одно изъ такихъ печальныхъ дѣлъ, всплывшихъ немедленно послѣ ссылки, которая, очевидно, развязала языки многимъ страдальцамъ. Замѣтимъ кстати, что дѣло это тяну-

лось по тогдашнимъ порядкамъ очень долго и окончилось въ 1742 году въ пользу Модельницкаго, которому между прочимъ присуждено за имущество, взятое В. Танскимъ, 200 рублей серебромъ, что по тому времени для человѣка небогатаго составляло капиталъ.

Мы сказали раньше, что дѣлами по управленію имѣньями завѣдывала преимущественно пани полковница Анна (или Ганнуся) Танская.

Это тоже интересный типъ энергичной, дѣловитой женщины, которой пришлось выносить на своихъ плечахъ всѣ несчастія, падавшія на нее послѣ ссылки мужа; тѣмъ не менѣе она не измѣнила своей системы и такъ же энергично отстаивала свои интересы безъ мужа, какъ и при немъ. Какъ и раньше, она безучастно относилась къ народу, не позволяла выгонять скотъ на пастбище или высылала въ поле цѣлую команду „волохъ и другого званія людей“, которые съ дубьемъ и ружьями прогоняли работавшихъ крестьянъ съ ихъ дѣдовскихъ земель, якобы принадлежавшихъ нынѣ Танскимъ... Дѣйствительно, трудно было въ то время разобраться въ вопросѣ, кому принадлежала та или иная земля, но не къ лицу было пани полковницѣ орошать кровью поля, воздѣлываемыя рукою пахаря и политыя его потомъ, а часто и слезами... А между тѣмъ, изъ дѣлъ видно, что въ этихъ схваткахъ вооруженныхъ волоховъ съ крестьянами, изъ послѣднихъ нѣкоторые бывали убиты... Караулы, разставленные на границахъ полей и въ степи „по разнымъ могиламъ“, сообщали мирнымъ полямъ какой-то чуждый характеръ и внушали страхъ и трепетъ среди крестьянъ...

Это безпримѣрное по своей безчеловѣчности отношеніе къ народу можетъ быть объяснено тѣмъ же нерусскимъ происхожденіемъ самихъ владѣльцевъ, которые видѣли въ простомъ крестьянинѣ и козакѣ не „роднаго меньшаго брата“, а холопа, быдло... И здѣсь рано или поздно должна была совершиться катастрофа.

Но теперь мы подходимъ къ интересному событію, имѣвшему для всей семьи послѣ ссылки Танскаго самое важное значеніе.

Уже давно происходили недоразумѣнія между Анной Танской и сосѣдомъ ея Забѣлой изъ-за земли, доходившія до того, что этотъ послѣдній вынужденъ былъ подавать прошеніе въ войсковую канцелярію, прося защиты и указывая на тѣ опасности, какимъ онъ подвергается со стороны прислужниковъ Анны Танской, которые чуть его не убили на его же собственномъ полѣ. Наконецъ въ 1741 году было подано челобитье на Вы-

сочайшее имя, сущность котораго въ высшей степени интересна. Не приводя челобитной цѣликомъ, остановимся лишь на главныхъ ея пунктахъ. Дѣло идетъ объ Озерянахъ,—томъ самомъ имѣніи, которое получено В. Танскимъ, какъ награда за военныя доблести въ Шведскую кампанію; оказывается, что, добиваясь этого помѣстья и прося о немъ у гетмана, онъ умышленно скрылъ, что оно по-праву должно принадлежать другимъ, именно Забѣлѣ. Вотъ какъ объясняется это въ челобитьи: сотникъ Переяславскаго полка Карпъ Юсковичъ былъ пожалованъ двумя селами: Щасновкой и Озерянами, со всѣми прилегающими къ нимъ угодьями, въ подтвержденіе чего дана была жалованная грамота 1690 года... По этой грамотѣ пожалованныя села должны были находиться въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи. Послѣ Карпа Юсковича владѣніе перешло къ его дочери Маріи, вышедшей замужъ за Василія Забѣлу; отъ него перешло къ сыну Михаилу Забѣлѣ, а отъ послѣдняго должно было перейти по праву наслѣдства челобитчику, Захарію Михайловичу Забѣлѣ. Но вышло иначе: еще при жизни прабабки истца, Анны Карпихи, и дѣда, Василія Забѣлы, полковникъ Танскій „донесъ покойному Гетману Скоропадскому, что якобы въ помянутой пробабы, на показанныя села Щасновку и Озеряне наслѣдниковъ никакихъ не имѣется“ (минуя такимъ образомъ дѣда истца, Василія Забѣлу), и на этомъ основаніи просилъ у гетмана село Озеряне. Гетманъ, не справившись о томъ, насколько справедливо было заявленіе Танскаго, далъ ему универсалъ, о которомъ мы уже упоминали; затѣмъ Танскій, какъ мы видѣли, ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ и получаетъ жалованную грамоту на село Озеряне, и Анна Карпиха съ наслѣдниками осталась въ сторонѣ... Бѣдная вдова со своимъ юнымъ зятемъ, ставъ жертвой такой несправедливости и грубаго произвола, тѣмъ не менѣе не могла искать себѣ нигдѣ управы. Причина ясна; о ней говорится въ челобитьи подъ п. п. 11 и 12. „Что же мой помянутый дѣдъ Василь Забѣла не билъ за то челомъ, то едно за тѣмъ, что опасовался гетмана, не прогнѣвалъ бы ево, ибо Гетманъ ему Танскому оное село Озеряне подалъ, то нѣякого было і просить, и другое, что въ скорости по тому умре; а отецъ мой Михайло Забѣла за тѣмъ не просилъ, первѣе, что въ тѣ поры младолѣтній былъ,второе какъ прійшолъ до совершенного возраста, то помянутый Василій Танскій полковникомъ переяславскимъ пожалованъ, а отецъ мой Басанскимъ сотникомъ, и уже ему было тяжело на своего командѣра полковника просить; къ тому же отецъ мой умре, а его полковника Танскаго за его преступленіе взято“.

И вотъ только теперь представилась возможность внуку вступиться за права своихъ предковъ и требовать возвращенія своихъ владѣній. Дѣло это по своей сложности тянулось очень долгое время и наконецъ рѣшено было въ пользу истца. Этотъ фактъ очень важенъ, такъ какъ Анна Танская прибѣгала ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы отстоять село Озеряне; даже полковникъ Кіевскій Антоній Танскій обѣщалъ приложить всѣ старанія, чтобы дѣло рѣшилось въ пользу его братовой—но правда восторжествовала! Для того времени этотъ фактъ знаменателенъ.

Итакъ, семья, лишенная уже своего кормильца-полковника, лишилась также и лучшаго изъ помѣстій, представлявшаго средства къ жизни. Но уже, кажется, слишкомъ безпощадно судьба отнимала все то, что раньше такъ щедро дарила: отъ счастья, семейнаго благополучія и прежняго богатства и величія не осталось и слѣда. Въ такую минуту опять засіяло солнце, проливая радость на измученную подъ роковыми ударами семью: въ 1741 году 14-го декабря послѣдовалъ высочайшій указъ о прощеніи вины Василія Танскаго и о возвращеніи его изъ Сибири... Указъ этотъ былъ посланъ чрезъ „ординарную почту“ и 25 января 1742 года полученъ въ Тобольскѣ, гдѣ засталъ несчастнаго ссыльнаго, потерявшаго надежду на скорое возвращеніе... Это была первая радостная вѣсть, послѣ столькихъ горестей и печалей.

А между тѣмъ дома къ пріѣзду мужа и отца готовился сюрпризъ: любимая дочь Ганнуся, оставленная отцомъ еще ребенкомъ, стала уже дѣвушкой-невѣстой. Молодой козакъ, хорошаго козацкаго роду-племени, хотя и не особенно богатый, полюбилъ юную Ганнусю всею душою, всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ.. А въ характерѣ Ганнуси было многое, что напоминало и мать и отца: и гордость, и своеволіе, и презрительное отношеніе къ низшимъ. Всего этого не замѣчалъ молодой козакъ Семенъ Семеновичъ Лизогубъ. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ того часа, когда назоветъ Ганнусю своею женою; остановка была за согласіемъ отца, который прямо изъ Сибири долженъ былъ по дѣламъ отправиться въ Петербургъ. Вѣроятно, еще находясь въ Сибири, В. Танскій получалъ свѣдѣнія о томъ, что за его дочку сватается Лизогубъ, что̀ видно изъ коротенькихъ писемъ, адресованныхъ на имя дочери. Въ одномъ изъ нихъ отецъ совѣтуетъ дочери хорошенько обдумать свой шагъ и идти замужъ по влеченію сердца, а не по принужденію.

Это коротенькое письмо настолько характерно, что мы приведемъ его цѣликомъ: „Гануся доню! По Лизогубенку, если ровня тобѣ и чи есть по желанью твоему, добре разсуди и усмотри умомъ, можетъ ли тоби на цѣлый вѣкъ и честно и небѣдно. И о семъ до мене напиши щире не сромся. А слышалъ я що тебе силою сватали. Татко твой В. Т.“

Въ другомъ письмѣ отецъ высказываетъ свое неудовольствіе по поводу того, что мать поспѣшила дать свое согласіе, не дождавшись пріѣзда отца... [1]) Тѣмъ не менѣе въ іюлѣ 1742 года Семенъ Лизогубъ и Ганнуся Танская уже были повѣнчаны. Это произошло сейчасъ же по возвращеніи В. Танскаго изъ ссылки.

Несчастія сломили гордую и непреклонную натуру бывшаго пана полковника... Онъ ослабѣлъ и тѣломъ и духомъ; его письма написаны дрожащей рукою, такъ что иногда бываетъ трудно ихъ разобрать. Теперь онъ заботился лишь о счастіи своей любимой дочери въ новой жизни съ Семеномъ Лизогубомъ. Этотъ бракъ, происшедшій безъ его согласія, былъ Танскому не особенно пріятенъ; тѣмъ не менѣе послѣдній старался улаживать недоразумѣнія, происходившія въ новой семьѣ изъ-за несходства характеровъ Мы уже говорили, что въ характерѣ Ганнуси Танской были нѣкоторыя несимпатичныя черты; Семенъ же Лизогубъ былъ человѣкъ нрава кроткаго, тихаго, умный, образованный и въ высшей степени религіозный.

Знаніе Священнаго Писанія, которое замѣтно во всѣхъ его письмахъ, наполненныхъ текстами изъ св. книгъ и проникнутыхъ духомъ христіанской терпимости и доброты, заставляетъ предполагать, что онъ получилъ, быть можетъ, даже высшее духовное образованіе.

Всѣ эти положительныя качества способствовали тому, что первое время ихъ семейная жизнь шла мирно, безъ особенныхъ непріятностей; мало-по-малу и старый Танскій сталъ присматриваться къ зятю и цѣнить его добрыя качества, а главное, его дѣловитость... Это стало замѣтно послѣ цѣлаго ряда порученій по старымъ земельнымъ дѣламъ, которыя С. Лизогубъ исполнялъ тщательно и добросовѣстно.

Послѣ того какъ Озеряне перешли во владѣніе г. Забѣлы, дѣла Танскихъ, и безъ того пошатнувшіяся, стали теперь совсѣмъ плохи, и когда старый полковникъ возвратился изъ Сибири, онъ увидѣлъ, до какой бѣд-

[1]) „Що не отписуешъ мѣнѣ що писалъ до тебе про лизогуба, если понравився тоби. Матерь твоя безчестіе учинила що передомъ, безъ отца даруетъ“.

ности дошло его семейство. Здѣсь то на помощь выступилъ С. Лизогубъ; онъ писалъ вліятельнымъ лицамъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что старику, нѣкогда служившему вѣрою и правдою Русской землѣ, теперь негдѣ преклонить своей сѣдой головы, и просилъ похлопотать о награжденіи его, взамѣнъ отнятыхъ угодій и земель, какимъ-нибудь новымъ помѣстьемъ. Его просьба была уважена, и Танскому пожаловали „другую, равномѣрную посполитыми дворами и хатами и дворовыми пляцами и всякими угодіи маетность безобидно Переяславскаго полку мѣстечко Яготинъ, въ деревни Рѣшоткахъ пустыхъ пляцовъ, да село Калаберду со всѣми принадлежащими къ тѣмъ дворамъ угодіи".

Это было большое утѣшеніе для всей семьи, и всѣмъ этимъ она была обязана Семену Лизогубу.

Тихо доживалъ свой вѣкъ бывшій полковникъ, помышляя о вѣчной жизни, о возмездіи за грѣхи людскіе и стараясь внушить другимъ идею о справедливости Божіей—истину, въ которой онъ убѣдился на себѣ самомъ... Слыша о томъ, что его любезная дочь, вмѣстѣ со своею матерью, стали жить неладно съ мужемъ и зятемъ, онъ пишетъ свсей Ганнусѣ: „Надежа была совсѣмъ, что дома твоимъ смотрѣніемъ все хорошо будетъ, а мнѣ на милость Божію надѣясь быть не оставленнымъ изъ дѣтьми яко прежде, такъ и теперь... Живѣте любо, що есть, то все Божье да ваше, и печали дабы мнѣ впредь не было, чего насъ Господь избавь. Цѣлуетъ отецъ матерь чада. Твой вѣчно В. Т." (Глуховъ, 1746 г.).

Но иногда семейныя недоразумѣнія доходили до того, что отецъ долженъ былъ совѣтовать дочери оставить мужа и пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ матерью, что бывало нѣсколько разъ. Кромѣ этихъ непріятностей, близкихъ сердцу стараго Танскаго, еще одно обстоятельство въ значительной степени огорчило его послѣдніе годы, это именно непріятный процессъ со своимъ племянникомъ, сыномъ Антонія Танскаго, Іосифомъ, который путемъ подлога хотѣлъ овладѣть имѣніемъ своего дяди, Мурафою...

Мы не будемъ останавливаться на обстоятельствахъ этого дѣла; для насъ важно въ особенности одно мѣсто изъ письма къ Іосифу Танскому, которое рисуетъ намъ состояніе духа стараго полковника. Упрекая племянника въ подлогѣ, онъ совѣтуетъ ему обратиться къ голосу своей собственной совѣсти, если она еще не заглохла совершенно, и сдѣлать такъ, какъ она ему подскажетъ. Испытавъ на себѣ силу Божественнаго правосудія, онъ напоминаетъ о немъ племяннику: „Ибо есть еще и судъ Божій, грозящій на хищниковъ чуждаго имѣнія, въ чемъ я съ тобою,

если не удовольнишь сего справедливаго моего требованія, предъ нимъ, нелицемѣрнымъ судіею, въ день страшнаго испытанія его, судиться по моей истинной справедливости не постыжусь!"—Это уже послѣднее, къ чему обратился старикъ, напоминая племяннику о Божьей премудрости, милующей правыхъ и карающей преступниковъ. И заключительныя слова такъ же характерны: „какъ ты не устыдишься и въ законномъ наслѣдіи ихъ (т. е. дочь его и зятя) не успокоишь, чтобъ по зависти чуждаго и собственнаго своего всего имѣнья не лишился, буди опасенъ въ чуждомъ имѣніи: судія справедливый Богъ за неправду. Азъ твоего еще ища въ останни исправленія остаюсь твой дядько Василь Танскій..."

Такъ говорилъ человѣкъ, который въ свое время не всегда разбиралъ, что принадлежитъ ему по праву и что нѣтъ, человѣкъ, который пострадалъ за свою неправду и изъ всей своей многотрудной жизни вынесъ одно: все суета, и надъ всѣми нами царитъ Божественная справедливость..

Убѣленный сѣдинами, измученный страданіями и находясь уже у края могилы, онъ исполняетъ послѣдній долгъ и составляетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ распредѣляетъ по своей доброй волѣ все свое имущество. Семену Лизогубу съ женою досталось большое мѣстечко Мурафа, съ прилегающими угодьями и нѣсколько мелкихъ хуторовъ, въ томъ числѣ и Купчинъ на Голтвѣ (полученный, впрочемъ, еще раньше, въ качествѣ приданаго). Этотъ хуторокъ, переименованный впослѣдствіи въ Яновщину и Васильевку—родина нашего великаго поэта, Николая Васильевича Гоголя...

Но, распредѣливъ свое имущество, старый полковникъ выговариваетъ себѣ слѣдующее: „опять же дочерь моя Анна з мужемъ своимъ паномъ Семеномъ Лизогубомъ и наслѣдники ихъ, пока еще в живых нахожусь, повинни мене по рангу моему полковничому во всѣмъ снабдѣвать, а ни в чемъ воли моей не нарушать; по смерти же моей тѣло мое по обычаю христіанскому погребти и за душу мою взаконенніи панахиды и сорокоусты одправить и нищимъ и убогимъ по милостынѣ давать повинни. Яготинъ 1758 г. 10 апр..."

А въ 1768 году, января 20 дня, Василій Танскій умеръ *). Предполагая, что въ Шведскую войну онъ былъ уже взрослымъ воиномъ, не ме-

*) Это, равно какъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія о В. Танскомъ, отчасти не согласныя съ тѣми, которыя извѣстны намъ до настоящаго времени, основаны на точныхъ документальныхъ данныхъ, которыя будутъ своевременно опубликованы.

нѣе лѣтъ 25, мы можемъ заключить, что онъ дожилъ до глубокой старости и скончался лѣтъ около 85 отъ роду. Можетъ быть, мы слишкомъ долго остановились на личности Василія Танскаго, но жизнь его по разнообразію ситуацій настолько интересна, что не хотѣлось упускать изъ виду того или иного факта, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ играетъ большую роль въ общей оцѣнкѣ интересующей насъ личности.

Разставаясь теперь съ Василіемъ Танскимъ, скажемъ о немъ наше послѣднее слово. Если бы мы избрали его героемъ трагедіи, то къ какой категоріи героевъ мы бы причислили его: положительныхъ или отрицательныхъ? Вотъ вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить. Когда передъ нашимъ воображеніемъ проходитъ какая-либо личность, она своими нѣкоторыми характерными особенностями можетъ напомнить намъ что-то знакомое, давно извѣстное... Личность Танскаго вообще трагическая: въ его жизни было столько борьбы, столько призрачнаго торжества порока, неправды и столько страданій! Отважный и самолюбивый, онъ еще въ юные годы достигаетъ славы и почестей; на высотѣ славы онъ проявляетъ цѣлый рядъ жестокостей и несправедливостей: его непреклонная воля совершаетъ свое дѣло, не внимая слезамъ и стонамъ притѣсненныхъ и обиженныхъ... Но здѣсь правосудіе совершаетъ свой приговоръ: вчерашній владыка заброшенъ въ далекую Сибирь и сталъ нищимъ въ то время, какъ семья терпитъ наказаніе за преступленіе отца... Чувство справедливости удовлетворено, и при послѣднихъ грозныхъ ударахъ судьбы, мы просимъ солнца. Наконецъ оно засіяло... Дряхлымъ страдальцемъ возвратился Танскій изъ ссылки и вызываетъ въ насъ сочувствіе: такова очистительная сила человѣческихъ страданій. Не таковы ли герои Шекспира, и въ особенности Лиръ?—Сперва гордый и надменный, послѣ ночи, проведенной въ бурю въ степи, послѣ цѣлаго ряда ударовъ, нанесенныхъ его самолюбію, онъ очищается въ нашихъ глазахъ, благодаря своимъ страданьямъ, способнымъ вызвать слезы въ самыхъ черствыхъ сердцахъ. Такъ и Василій Танскій уже вызываетъ наши симпатіи по возвращеніи изъ ссылки, и его слова о Правосудіи и о Возмездіи, какъ исходящія изъ глубины души, остаются въ нашей памяти; а самъ онъ, умирая и исполнивъ долгъ христіанина и гражданина, примиряется съ Богомъ, міромъ и нами.

Совершенно иного характера былъ Семенъ Семеновичъ Лизогубъ, къ которому мы теперь переходимъ. Происходя изъ стариннаго козацкаго рода, прославленнаго храбростью и отвагой, и связанный узами родства съ

видными представителями козацкой старшины, съ одной стороны съ гетманомъ Скоропадскимъ, а съ другой стороны съ Павломъ Полуботкомъ, тѣмъ самымъ, который, по народной легендѣ, въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ держалъ свой грозный отвѣтъ царю Петру, напоминая ему о страшномъ судѣ предъ лицемъ Всемогущаго Бога (этотъ сюжетъ вдохновилъ художника Волкова, написавшаго картину „Петръ I и Полуботокъ"),—онъ самъ отличался положительными качествами человѣка вообще, а не только воина.

Намъ мало извѣстна его служебная дѣятельность; знаемъ только, что онъ былъ значнымъ бунчуковымъ товарищемъ, но выше не пошелъ, вѣроятно потому, что и не добивался; но его семейная жизнь намъ извѣстна хорошо. Женившись на Ганнусѣ Танской, онъ весь углубился въ дѣла по имѣніямъ, которыя еще и послѣ смерти Вас. Танскаго оставались въ запутанномъ положеніи. Цѣлыя десятилѣтія проведены были въ судебныхъ проволочкахъ, искахъ, челобитьяхъ и т. п., а тутъ еще и семейная жизнь представляла много огорченій. Характеръ его жены съ лѣтами становился все болѣе и болѣе тягостнымъ, при которомъ супругамъ жить вмѣстѣ стало невозможно. Оставивъ всю семью въ Буровкѣ (въ своемъ родовомъ помѣстьи), онъ поселился отдѣльно, но и тамъ его не оставляла сварливая жена, распространяя о немъ самые нелѣпые слухи и стараясь вооружить противъ него всю семью, а въ особенности единственную дочь—Татьяну. (Тетянку). Отвѣчая на всѣ козни жены благочестивыми письмами, онъ старался убѣдить ее въ безнравственности и грѣховности ея поступковъ по отношенію къ нему, ссылаясь во всемъ на слово Божіе.

„Жено, убойся создателя своего!... ты все горше грѣшишь, что злобствуешъ на мене по всякъ часъ и яришся гнѣвомъ, якъ въ мысляхъ, такъ и въ сердцѣ, наруговуешся въ словахъ всегда съ безсовѣстною клеветницею шинкаркою"... Упрекая ее въ напрасномъ злобствованіи, онъ говоритъ о страшномъ наказаніи, ниспосылаемомъ Богомъ на памятозлобствующихъ. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ въ Черниговѣ, во время торжественнаго перенесенія образа Богоматери, одну женщину „въ сукъ скорчило" такъ, что она „по землѣ качаючись просила помилованія Божьяго, а Архіерей, идучи зъ церквы, самъ ей пыталъ, что ты думала или яковъ твой грѣхъ, то при всѣхъ объявила, что на своего сына гнѣваю-

чись, просила отомщенія, и заразъ де мене въ сукъ скорчило!“ Приводя такой случай, онъ думалъ повліять на свою жену, распускавшую слухи о томъ, будто онъ ее ограбилъ и завладѣлъ всѣмъ имуществомъ, полученнымъ въ наслѣдство отъ отца. Но это была неправда. Семенъ Лизогубъ былъ настолько честенъ, что не позволялъ себѣ распоряжаться средствами жены. Всѣ же свои деньги, кромѣ самыхъ необходимыхъ, онъ употреблялъ на дѣла благотворительности. Много писемъ сохранилось отъ разныхъ священниковъ, игуменовъ, въ которыхъ высказывается благодарность или просьба. Даже лица, совершенно постороннія, обращались къ нему зачастую съ просьбами и никогда не получали отказа. Интересно слезное прошеніе одного ученика школы риторики о вспомоществованіи.

„Высокоусердному и высокопочтенному господину Бунчуковому Товарищу Семену Семеновичу Лизогубу. Нижайшее прошеніе.

„Обучаясь я, нижайшій во училищахъ, и не имѣвъ откуду і малѣйшаго спомоществованія во ученіѣ моемъ, убѣжденъ былъ сего 1755 года зучилищъ взять пашепортъ въ малороссійскіе и слободскіе полки ради испрошенія милостыни, въ которомъ времени только вышолъ изъ училищъ, чрезъ цѣло поллѣтное и есеніее время болѣзновалъ и въ оскудѣніе пришолъ до послѣднихъ рубищъ. нынѣ жъ, слѣдуя во училища окончанія ради ученія, не вѣдая, гдѣ бы себѣ моглъ нужды моей получить отраду, услыхалъ я, нижайшій, что ваше высокородіе милостивое отеческое призрѣніе ко всѣмъ бѣднымъ являете, упавъ до стопъ, всесмиренно прошу вашего высокородія пожаловать мене нижайшаго зъ одѣянія, именно кожухомъ, за которую полученную милость въ вѣкъ жизни моей Бога преблагого молить не престану.

Нижайшій слуга Иванъ Смоленскій, ученикъ школы риторики“.

Вотъ интересная страничка изъ жизни какого-нибудь Хомы Брута или Тиверія Горобця... Не останавливаясь на множествѣ прошеній подобнаго рода, отмѣтимъ лишь одинъ коротенькій письменный документъ, рисующій Семена Лизогуба со стороны нравственнаго склада. „1741 г. Іюля 9 числа: Я ниже именованный даю сію мою росписку въ такой силѣ, его вельможности владѣльцу моему Г-ну Симеону Симеоновичу П-ну Лизогубу, что намѣренъ быть завсегда трезвену, облекгуюсь (обязываюсь) не пити горѣлки до смерти живота своего подъ клятвеннымъ предъ богомъ обѣщаніемъ. и предъ господиномъ своимъ владѣльцею; А когда же, я стефанъ Юркевичъ, не утер-

нію, да посягну впредъ отъ вышепрописанного года и мѣсяца и числа пьянствовать, то покладаю на себѣ штрафъ и наказаніе, какъ господинъ мой похощетъ надо мною сотворить, что ради лучшаго вѣроятія и дальшой памяти своеручно святымъ крестомъ подписался †".

Кажется, что этими характерными штрихами совершенно опредѣлился нравственный складъ Семена Лизогуба, съ его безконечною добротою, христіанскимъ братолюбіемъ и терпимостью. Не приводя здѣсь его писемъ, замѣтимъ, что они проникнуты религіозно-мистическимъ настроеніемъ и, если отбросить нѣкоторыя архаическія выраженія, могутъ напомнить намъ письма Н. В. Гоголя, въ послѣдній періодъ его жизни: та-же проповѣдь любви къ ближнему, та-же покорность волѣ Божіей и ожиданіе наказанія за грѣхи...

Важно будетъ здѣсь отмѣтить, что это религіозное настроеніе, перешедшее отъ отца къ дочери, Татьянѣ Семеновнѣ, жившей въ глубокой старости въ домѣ Гоголей, тамъ, въ семьѣ нашего поэта, получило свое дальнѣйшее развитіе. Такимъ образомъ, религіозность, впадающая иногда въ мистицизмъ, есть одна изъ фамильныхъ чертъ Гоголей и ведетъ свое начало изъ рода Лизогубовъ.

Заботясь о благѣ ближняго, Семенъ Семеновичъ Лизогубъ не могъ пренебрегать своими обязанностями, какъ отца. Ему безконечно тяжело было то обстоятельство, что дочь его Татьяна находилась подъ гнетомъ матери, и онъ старался постоянно утѣшить ее: „не печался доню, да молись Богу и потерпи еще маленько, Богъ тебя не оставитъ за терпѣнье твое и страданье"... А страданья дочери были по преимуществу сердечныя: мать не позволила ей выйти замужъ за войта кіевскаго, и это повергло Татьяну Лизогубовну въ страшную скорбь и печаль. Отецъ съ особенной нѣжностью и осторожностью касался этого сердечнаго горя дочери и самъ старался подыскать хорошаго человѣка себѣ въ зятья... Но искать долго не пришлось: уже давно къ ихъ семьѣ близко стоялъ молодой канцеляристъ, Аѳанасій Демьяновичъ Гоголь-Яновскій; по преданію, онъ обучалъ Татьяну Семеновну и ея братьевъ наукамъ, въ которыхъ былъ самъ большой искусникъ, какъ окончившій курсъ Кіевской академіи; кромѣ того, онъ мастеръ былъ составлять дѣльно и толково различныя исковыя прошенія, изъ которыхъ два относятся уже къ 1768 году и подписаны А. Д. Гоголь-Яновскимъ.

Можетъ быть, никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ, что ихъ домашній учитель, войсковой канцелярист, человѣкъ небогатый, притомъ происходившій изъ духовнаго званія, вдругъ станетъ мужемъ и зятемъ въ богатой и родовитой семьѣ Лизогубовъ; тѣмъ не менѣе, около 1768—9 года Татьяна Семеновна Лизогубовна стала женою Аѳанасія Демьяновича Гоголь-Яновскаго... Подробностей этого событія мы не знаемъ; слабые намеки есть въ письмахъ С. Лизогуба, когда онъ отдаетъ приказъ пойти къ рыболовамъ на Днѣпръ, да раздобыть большихъ осетровъ и другой хорошей рыбы, а также настрѣлять дичи, гусей, лебедей... Ужъ не къ свадебной-ли пирушкѣ готовился старый козакъ?

Но здѣсь на сцену выступаетъ легенда, переходящая въ родѣ Гоголей отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Молодой богословъ, отдавшій предпочтеніе службѣ въ полковой канцеляріи передъ рясой и клобукомъ, случайно изъ Глухова попалъ въ домъ значнаго бунчуковаго товарища Семена Лизогуба. Занимаясь обученіемъ дѣтей своего новаго господина, онъ полюбилъ единственную его дочь Татьяну и пользовался взаимностью. Не надѣясь получить согласія отъ именитыхъ родителей, а въ особенности отъ гордой матери Анны Тансковны, которая отказывала многимъ и поважнѣе его, онъ, заручившись согласіемъ Татьяны, бѣжалъ ночью вмѣстѣ съ нею, успѣвшей захватить нѣкоторыя драгоцѣнности, жемчужныя ожерелья, золотыя кольца и т. п. Темною ночью пришлось имъ бѣжать черезъ старый, густой, непроходимый лѣсъ, какихъ тогда было много въ Малороссіи... И безъ того страшно, а тутъ, какъ на горе, наскочили разбойники и ограбили все ихъ имущество, отпустивъ лишь души на покаяніе... Испуганные, ограбленные, пристыженные, воротились они къ отцу—матери съ повинной, кинулись имъ въ ноги и просили прощенія. Простилъ ихъ отецъ, за нимъ простила и мать, да и порѣшили поскорѣе сыграть свадебку... Тамъ-то было пированье! и гуси, и лебеди, и осетры Днѣпровскіе, и меды старые, а можетъ быть и вина заморскія...

По другому варіанту, записанному сестрою поэта, они все-таки повѣнчались внѣ родительскаго дома и долгое время жили въ нуждѣ, пока не получили прощенія родителей.

Но почему же въ повѣсти Гоголя Аѳанасій Ивановичъ не любилъ вспоминать, какъ онъ похитилъ свою Пульхерію Ивановну? Или, быть можетъ, не къ лицу старику разсказывать молодымъ о безразсудствѣ юности?

Такъ или иначе, но жизнь ихъ шла затѣмъ въ такой гармоніи, не нарушаемая ни ревностью, ни семейнымъ разладомъ. Такъ о ней говоритъ преданіе, такою изобразилъ ее ихъ геніальный внукъ въ трогательной идилліи, начавшейся веселымъ allegro и законченной грустнымъ аккордомъ похороннаго перезвона!.

Вспомнимъ трогательную картину похоронъ жены Аѳанасія Ивановича. „Гробъ опустили. Священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ безоблачнымъ небомъ, работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла землю. Въ то время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: „Такъ вотъ это вы уже погребли ее? зачѣмъ?!“ Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи“. Но въ дѣйствительности—дѣдушка скончался раньше бабушки. Очень можетъ быть,что нашъ поэтъ самъ былъ на описанныхъ имъ похоронахъ, и въ слезахъ Аѳ. Ив. можно видѣть слезы самого поэта, который любилъ свою бабушку, Татьяну Семеновну.

Для характеристики того, насколько вѣрно изображена въ главнѣйшихъ чертахъ идиллическая жизнь этихъ старичковъ, можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ выхода въ свѣтъ повѣсти, сосѣди Гоголя по имѣнію, узнавшіе въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ знакомые имъ оригиналы, были возмущены противъ поэта и даже избѣгали его. „Богъ съ нимъ, не хочу къ нему выходить“, говорила какая-нибудь сосѣдка помѣщица: „щобъ ище и мене вписавъ, якъ своихъ ридныхъ дѣдушку и бабушку“, забывая, что художнику не нужны безцвѣтныя, безхарактерныя личности.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Никоша (какъ называли поэта въ дѣтствѣ) былъ любимымъ внукомъ своей бабушки, что видно между прочимъ изъ духовнаго завѣщанія, по которому большую часть недвижимости: домъ, садъ и лѣсокъ Яворивщину, Татьяна Семеновна отписала именно нашему поэту, но онъ отказался отъ этой части въ пользу своихъ сестеръ *).

Итакъ, мы уже приблизились къ обстановкѣ, которая окружала дѣтство поэта, которая вліяла на складъ его мыслей, которая, какъ мы ви-

*) Это завѣщаніе напечатано въ числѣ другихъ документовъ въ отдѣлѣ матеріаловъ

димъ, представляла богатый источникъ для творчества Гоголя. Но прежде мы считаемъ умѣстнымъ подѣлиться нѣкоторыми новыми данными, относящимися къ дѣдушкѣ и бабушкѣ поэта, сохранившимися въ преданіи, или записанными въ мемуарахъ и оффиціальныхъ документахъ.

Изъ послужного списка Аѳанасія Ивановича видно, что онъ родился въ 1738 году, а уже въ 1757 году вступилъ на службу, сперва въ полковой Миргородской, а въ слѣдующемъ-же году въ войсковой канцеляріи: за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей былъ представленъ въ полковые хорунжіе, но резолюціи на это представленіе не послѣдовало.

Въ этой должности онъ исполнялъ по преимуществу такія порученія, въ которыхъ нуженъ былъ человѣкъ честный и образованный: то въ счетныхъ коммиссіяхъ, то въ наблюденіи за исправленіемъ мостовъ и гатей, а особливо въ сочиненіи плановъ казенныхъ строеній въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ. Все это онъ исправлялъ „добропорядочно съ раченіемъ и надлежащимъ успѣхомъ и за таковую долговременную безпорочную службу удостоивается награжденія чиномъ бунчуковаго товарища 1781 г. авг. 7 дня“. Тамъ же, противъ графы: „грамотѣ читать и писать по россійскій умѣетъ-ли и другія какія науки знаетъ-ли?“ сказано: „грамотѣ читать и писать по русски, по латыни, польскій, нѣмецкій и греческій умѣетъ“. Владѣя пятью языками, онъ былъ полезенъ въ войсковой канцеляріи, которой приходилось вести дѣла, требующія знанія языковъ и другихъ наукъ, какъ геометріи, черченія и т. п. Вслѣдствіе этого вся его служебная дѣятельность прошла въ занятіяхъ, требующихъ приложенія ума и знаній, а не силы; такъ что ему ни разу не приходилось обнажать оружія противъ непріятеля; это, можетъ быть, способствовало выработкѣ мягкости характера, незлобія и добродушія, какими онъ отличается и въ преданіяхъ и въ повѣсти.

Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ полковымъ писаремъ и переименованъ въ секундъ-маіоры, въ какомъ чинѣ находился до конца дней своихъ. Сохранились преданія о немъ, какъ занимательномъ разсказчикѣ эпизодовъ изъ полковой жизни, который каждый разъ въ свои разсказы вставлялъ новые варіанты, часто придуманные имъ во время самаго разсказа. Эти разсказы, вмѣстѣ съ радушіемъ хозяевъ, славившихся гостепріимствомъ, привлекали въ ихъ небольшой домикъ въ Яновщинѣ множество гостей, которые уважали своего любезнаго Аѳанасія Демьяновича. Находясь уже не у

дѣлъ, занимаясь пчеловодствомъ и садоводствомъ въ своей любимой деревенькѣ, онъ тѣмъ не менѣе интересовался всѣмъ, что происходило въ городахъ; съ этою цѣлью онъ часто снаряжалъ „гусара“ верхомъ въ Миргородъ или Полтаву къ знакомымъ спеціально за новостями. Кромѣ того онъ велъ оживленную переписку со многими лицами, жившими въ городахъ, отъ которыхъ узнавалъ о событіяхъ частныхъ и политическихъ. Эти письма интересны и по стилю, и по содержанію, и даже по формѣ. Особо важныя событія передавались при помощи нѣкоторыхъ секретныхъ пріемовъ. Такъ, напримѣръ, передъ нами лежитъ письмо въ нѣсколько строчекъ самаго невиннаго содержанія: „М. Г. Аф. Дем.! Я ни мало не удивляюсь, что письма сего берега очень тѣсны, ибо оно объяснитъ вамъ только то, что я, при засвидѣтельствованіи моего къ вамъ высокопочитанія, имѣю честь быть, васъ м. г. пок. сл. Самойло Курновскій. 1794 г. Іюня 19“. Но стоитъ только заглянуть на обратную сторону, и мы видимъ обширное и секретнѣйшее доношеніе объ одномъ важномъ событіи: „долгомъ моимъ почитаю донесть—вы можетъ быть изволили уже слышать, что графъ Румянцевъ паки, яко орля, обновляется. Истина сія видна изъ письма, которое къ нему императрица писать изволила“. И далѣе слѣдуетъ текстъ этого интереснаго письма Императрицы Екатерины II графу Румянцеву. Но для насъ гораздо интереснѣе ихъ частная переписка въ томъ отношеніи, что въ ней зачастую брызжетъ здоровый малорусскій юморъ, подкрѣпленный иногда какимъ-нибудь славянскимъ удачнымъ словцомъ или выраженіемъ. Въ непродолжительномъ времени мы ихъ напечатаемъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Общества.

Очевидно, юмористическая жилка присуща всей семьѣ поэта: и отецъ, и дѣдъ, такъ сказать, культивировали эту характерную черту, которая получила свое высокое развитіе въ умѣ нашего великаго юмориста, Н. В. Гоголя. Здѣсь юморъ развился въ цѣльное міровоззрѣніе, благодаря которому всякое событіе, печальное или веселое, высоко-трагическое и низменно-пошлое получало свою своеобразную окраску.

Что касается Татьяны Семеновны, то въ дополненіе къ тому образу, какой нарисованъ самимъ поэтомъ, мы добавимъ еще нѣкоторыя интересныя черты: она обладала замѣчательной способностью къ живописи и рисовала небольшія картины изъ деревенской природы и жизни. Въ Яновщинѣ долгое время хранились двѣ картинки, написанныя Татьяной Семеновной: фрукты и разрѣзанная дыня.

Вѣроятно, Аѳанасій Демьяновичъ, большой садоводъ, принесъ изъ сада прекрасные плоды, а Татьяна Семеновна пожелала увѣковѣчить ихъ на полотнѣ. Но, къ сожалѣнію, эти картины куда-то исчезли.

Можно допустить, что Гоголь умышленно не упомянулъ объ этой способности своей бабушки, такъ какъ желалъ изобразить типъ, у котораго вся духовная жизнь сосредоточивалась на пищѣ и гостепріимствѣ; любовь же къ живописи предполагаетъ уже значительно большій кругозоръ и высшее развитіе.

Но интересна также еще одна, довольно странная черта Татьяны Семеновны: она страшно боялась лошадей, поэтому, когда ей приходилось куда-нибудь ѣхать, что впрочемъ случалось очень рѣдко, то въ карету запрягали пару воловъ и въ такомъ видѣ ѣздили въ городъ или къ знакомымъ, нисколько не смущаясь тѣмъ любопытствомъ, какое вызывала у всѣхъ такая оригинальная запряжка.

Семейная жизнь ихъ, какъ намъ уже извѣстно, не омрачалась ничѣмъ. Она была бы даже слишкомъ безсодержательна, если бы всѣ ихъ интересы не сосредоточивались на воспитаніи ихъ сына „Васюты“ (род. 1777 г.), явившагося на свѣтъ послѣ многихъ лѣтъ бездѣтной супружеской жизни. Отецъ старался дать ему возможно лучшее образованіе и воспитаніе, поэтому сначала отдалъ его въ Полтаву, а затѣмъ въ Кіевъ. Намъ очень мало извѣстно изъ дѣтскихъ лѣтъ Василія Аѳанасьевича; изъ писемъ его воспитателя мы узнаемъ, что онъ былъ здоровьемъ слабоватъ, къ наукамъ способенъ, но не особенно прилеженъ и по преимуществу увлекался голубями. Отецъ былъ недоволенъ этимъ увлеченіемъ и совѣтовалъ Васютѣ бросить голубей и взяться за книги. Но, очевидно, мальчикъ былъ довольно бойкій и развитой; тяготясь школьной жизнью, онъ, какъ впослѣдствіи и его великій сынъ, съ удовольствіемъ покидалъ школьныя стѣны и мчался въ свою родную деревушку. Въ такомъ именно восторженномъ настроеніи онъ однажды пишетъ своему отцу коротенькое письмецо въ стихахъ:

„Итакъ, понеже префектъ нынѣ
Началъ домой всѣхъ отпускать,
То и по насъ по сей причинѣ
Въ сей четвертокъ прошу прислать.
Я вѣчно въ жизнѣ не забуду
Сей милости ко мнѣ драгой,
Съ почтеніемъ же къ вамъ пребуду
Покорнымъ сыномъ и слугой

Василій Гоголь.

Въ 1797 г. Ав. Д. думалъ, по старинному дворянскому обычаю, записать своего Васюту въ гвардію съ тѣмъ, чтобы онъ выслуживалъ чины и жилъ дома, но получилъ увѣдомленіе отъ г. Воронцевскаго, что теперь пошли новые порядки и пріобрѣтать чины такимъ образомъ уже нельзя...*) Думали послать В. А. въ Московскій университетъ, хлопотали черезъ Д. П. Трощинскаго, но и это не удалось; пришлось заботы объ образованіи оставить въ покоѣ и совершенно измѣнить служебную карьеру В. Ав. Вмѣсто блестящей военной службы пришлось избрать гражданскую службу въ малороссійскомъ почтамтѣ, въ которой, впрочемъ, В. А. состоялъ недолго и, по выходѣ въ отставку, сталъ жить въ деревнѣ. Затѣмъ онъ состоялъ на службѣ у Д. П. Трощинскаго, завѣдуя всей хозяйственной частью по его имѣніямъ, а также всѣми денежными средствами дворянской кассы и канцеляріи Трощинскаго, бывшаго въ то время (по 1814 г.) губернскимъ Полтавскимъ маршаломъ. Всѣмъ, кто знакомъ съ существующими біографіями Н. В. Гоголя, хорошо извѣстна поэтическая натура Вас. Ав., благодаря которой въ семьѣ ихъ было отведено много мѣста эстетикѣ, а также и чудная, поэтическая повѣсть любви Маріи Ивановны (14 лѣтней дѣвочки) къ Вас. Ав., хотя и не совсѣмъ понятная съ нашей точки зрѣнія. И вся ихъ жизнь могла бы пройти, какъ дивная поэма, если бы поэтическимъ стремленіямъ Вас. Ав. не препятствовала борьба за существованіе, которая давала себя чувствовать съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Болѣзни дѣтей, заботы о воспитаніи, неудачи въ хозяйствѣ—все это омрачало небосклонъ, который былъ такъ ясенъ, чистъ и прекрасенъ. Остановимся лишь на тѣхъ моментахъ, рисующихъ обстановку семьи Гоголей, которые имѣли вліяніе на нашего поэта, Николая Васильевича Гоголя...

Цѣннымъ матеріаломъ является для насъ множество писемъ къ Вас. Ав. отъ многихъ интересныхъ лицъ, какъ Капнистъ, Хилковъ, Мартосъ, Трощинскій, изъ которыхъ можно вывести общее заключеніе, что Вас. Ав хотя былъ и небогатъ, но пользовался любовью, уваженіемъ и даже дружбой многихъ лицъ, стоявшихъ гораздо выше его на общественной лѣстницѣ. Всѣ цѣнили въ немъ умъ, честность, веселость, остроуміе и въ

*) Это сообщеніе, какъ и многое, изъ высказаннаго раньше, находится въ противорѣчіи съ утвержденіемъ г. Шенрока. Но мы во всемъ основываемся на имѣющихся у насъ подъ руками источникахъ, которые въ скоромъ времени будутъ опубликованы въ печати.

особенности поэтическую и юмористическую сторону его характера. Но еще важнѣе для насъ мемуары сестры поэта, Ольги Васильевны Гоголь (нынѣ Головни), наполненные правдивымъ, простымъ изображеніемъ ихъ семейной жизни. Здѣсь мы точно уносимся въ прошлое, ставшее уже далекимъ; прислушиваемся къ пѣнью сѣнныхъ дѣвушекъ; любуемся незамысловатымъ домашнимъ маскарадомъ, въ которомъ принимали участіе всѣ члены семьи, и нашъ поэтъ, и его сестры; присутствуемъ на старосвѣтскихъ именинахъ Маріи Ивановны Гоголь, знакомимся съ цѣлымъ сонмомъ тетушекъ и бабушекъ, наполнявшихъ домъ Гоголей—словомъ, какъ бы воскрешаемъ всю дорогую намъ обстановку. Кромѣ того, тамъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ интересныхъ эпизодовъ изъ жизни нашего поэта, рисующихъ его со стороны отношеній къ народу, семьѣ — но объ этомъ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ. Мы нарисуемъ лишь картину ихъ семейной жизни, перенесемся, такъ сказать, мысленно въ семью Гоголя и проведемъ тамъ нѣсколько моментовъ.

Итакъ, мы въ Васильевкѣ, чудномъ малороссійскомъ уголкѣ, недалеко отъ Полтавы, которому суждено было лелѣять дѣтство нашего великаго поэта. Время не пощадило многихъ прелестей, которыя ласкали взоръ поэта еще ребенкомъ, но мы можемъ, на основаніи воспоминаній современниковъ, представить себѣ общую картину этой малороссійской деревеньки... Длинный, невысокій домъ съ бѣлыми колоннами, тѣснимый съ боковъ развѣсистыми деревьями, которыя закрывали свѣтъ своими вѣтвями, проникающими сквозь открытыя окна въ комнату. Здѣсь, на верандѣ, по вечерамъ собиралось все многочисленное семейство Гоголей, съ тетушками, бабушками, пріемышами и приживалками и за чайнымъ столомъ тихо бесѣдовали или слушали чей-нибудь разсказъ, занимаясь рукодѣльемъ; здѣсь же и нашъ поэтъ, сидя на ступенькахъ и опершись спиною о колонну, любилъ иногда послушать заунывную пѣсню кобзаря, сопровождаемую несложнымъ аккомпаниманомъ дребезжащей кобзы.

Передъ домомъ раскинулся цвѣтникъ, обсаженный кустами жасмина и розъ, разведенный заботливой рукою Василія Аѳанасьевича, страстнаго любителя цвѣтовъ. За домомъ тянулся садъ—паркъ. Чудный, густой, полный таинственности и прелести, онъ и теперь еще, когда многое уничтожено, производитъ обаятельное впечатлѣніе; здѣсь каждое дерево, каждая аллея имѣетъ свое особенное значеніе: вотъ здѣсь стояли еще недавно два дуба, посаженные рукою

самого дѣдушки Аѳанасія Демьяновича; теперь ихъ ужъ нѣтъ, но широкіе пни, какъ угрюмыя плиты на могилахъ героевъ, говорятъ объ ихъ быломъ величіи и красотѣ; далѣе тянется кленовая аллея, посаженная рукою того же дѣдушки и впослѣдствіи подновленная самимъ поэтомъ; а здѣсь надъ прудомъ стояли двѣ березы, старыя, толстыя, съ плакучими вѣтвями. Ихъ бѣлоснѣжные стволы были испещрены иниціалами, именами и символическими знаками: нѣсколько поколѣній изъ рода Гоголей, и отецъ, и мать, и сестры, и самъ поэтъ въ молодости—всѣ вырѣзывали на ней имена, произенныя стрѣлой сердца, кресты и т. п. Теперь ихъ тоже нѣтъ, но поэтъ увѣковѣчилъ ихъ въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ. Всѣмъ памятенъ садъ Плюшкина и эта сломленная бурею береза, бѣлоснѣжный стволъ которой, какъ бѣлая мраморная колонна, блисталъ на солнцѣ.

Сейчасъ же, непосредственно къ саду, примыкаетъ чудный, громадный прудъ, въ которомъ прибрежныя деревья купаютъ свои зеленыя вѣтви. Великолѣпный, окруженный зеленымъ густымъ бордюромъ деревьевъ, съ растущимъ кое-гдѣ высокимъ камышомъ, онъ не могъ не отразиться въ поэзіи Гоголя, и, при взглядѣ на него, невольно вспоминаешь такія же картины Майской Ночи и т. п. Точно для довершенія впечатлѣнія, вдали, у плотины стояла водяная мельница.

Можно себѣ представить, сколько поэзіи заключалось въ этомъ небольшомъ уголкѣ, когда лѣтнею ночью въ кустахъ заливались соловьи, которыхъ особенно любилъ отецъ Гоголя, когда издали доносился ласкающій шумъ воды, падающей съ колесъ мельницы, а съ другой стороны, изъ глубины пруда слышалась звонкая народная пѣсня: это дѣвушки катаются на плоту, и пѣсня ихъ, повторяемая чуткимъ эхо, разносится далеко, далеко... И надъ всѣмъ этимъ божественная ночь раскинула свой волшебный покровъ, усѣянный яркими звѣздочками.

Вотъ какая природа окружала дѣтство поэта, вотъ гдѣ источникъ его высокой поэзіи, съ чудно-поэтическими описаніями украинской ночи, заснувшихъ прудовъ и стараго, заглохшаго сада...

А когда еще ребенкомъ онъ ложился въ свою маленькую кроватку, его колыхала старушка-бабушка Татьяна Семеновна, которая жила при родныхъ поэта до самой своей смерти. Старая козачка, доживая свой долгій вѣкъ, напѣвала ему тихія пѣсни про старое, славное, вольное козачество, и, убаюканный тихимъ пѣніемъ, онъ засыпалъ... А надъ его дѣт-

Отпечатать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Марья Ивановна Гоголь.

(Мать поэта).

ской головкой, носились образы пѣсни, съ которыми онъ не могъ разстаться, а хранилъ ихъ въ своей болѣзненно-чуткой душѣ...

Завершеніе поэтическаго вліянія на юнаго, будущаго поэта можно видѣть въ лицѣ Василія Аѳанасьевича, который былъ поэтомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ обыкновенно о немъ думаютъ; чувствительный, даже иногда впадающій въ сантиментализмъ; любящій природу и въ близости съ ней видѣвшій высокое наслажденіе, онъ передалъ эту послѣднюю черту своему сыну. Онъ былъ художникъ въ душѣ и чуждъ всякой житейской прозы, вслѣдствіе чего, между прочимъ, много проигрывалъ въ дѣлахъ матеріальныхъ. Женился онъ по страстной любви на молоденькой дѣвушкѣ Марьѣ Ивановнѣ Косяровской, считавшейся первой красавицей; ей было всего лишь 14 лѣтъ, когда онъ сталъ считаться ея женихомъ. Но призракъ счастья, который стоялъ передъ глазами юнаго супружества, удалялся все больше и больше, отгоняемый ударами суровой дѣйствительности. Болѣзнь самого Василія Аѳанасьевича, постоянныя болѣзни дѣтей, бывшихъ вообще слабаго организма, предрасположеннаго къ рахиту,*) и болѣзнь юной матери, имѣвшей въ 19 лѣтъ троихъ дѣтей,—вотъ тѣ радости, которыми такъ щедро дарила ихъ судьба. А надъ всѣмъ этимъ царила матеріальная необезпеченность, доходившая до нужды. Часто падалъ духомъ Вас. Аѳ., придумывая выходъ изъ затруднительнаго положенія; то вдругъ брался за составленіе слезнаго прошенія къ Трощинскому, но скоро обрывалъ его на полусловѣ и изливалъ свое горе въ стихахъ:

„Но что же дѣлать мнѣ, я, право, самъ не знаю;
Безъ денегъ трудно жить, а что я затѣваю,
Того ужъ невозможно исполнить никогда.
Но впрочемъ бы не худо—да что же за бѣда—
Продать отцовскій домъ стариннаго фасаду.
Но одного при немъ фруктоваго жаль саду".**

И здѣсь сказался поэтъ: жаль ему разстаться съ садомъ, воздѣланнымъ его собственными руками, и онъ бросаетъ пришедшій ему въ голову планъ выхода изъ гнетущихъ обстоятельствъ...

*) Всѣ дѣти болѣли въ дѣтствѣ; изъ 12 дѣтей осталось въ живыхъ только 4, многіе развивались очень медленно; т. н. Ольга Вас. (сестра поэта) до 5 лѣтъ не могла ходить, самъ В. А. страдалъ грудью.

**) Изъ бумагъ, находящихся у автора.

А между тѣмъ молодое поколѣніе подростало... Никоша, предметъ любви всѣхъ домашнихъ, слабый, хилый мальчикъ, подверженный какимъ-то страннымъ припадкамъ, которые объясняли общимъ золотушнымъ состояніемъ, входилъ въ тотъ возрастъ, когда нужно было позаботиться о его образованіи. Мы не знаемъ, какъ шло ученье нашего поэта дома, *) до переѣзда въ Полтаву и поступленія затѣмъ въ Лицей, но полагаемъ, что оно шло такимъ же порядкомъ, какъ и послѣ у его сестры; а объ этомъ есть у насъ интересныя свѣдѣнія, которыми мы подѣлимся съ читателями. Во всякой зажиточной дворянской семьѣ того времени были домашніе учителя, которые преподавали первоначальную науку. При жизни Гоголя—отца, и у нихъ были такіе учителя, но послѣ смерти В. Ае., когда дѣла значительно пошатнулись, пришлось отдавать дѣтей въ чужіе дома, къ сосѣдямъ. Здѣсь-то на счастье выступилъ самъ Н. В. Гоголь, которому удалось устроить двухъ своихъ сестеръ въ институтѣ. Младшая же, Ольга, должна была воспитываться дома.

Печальную картину педагогики и домашняго образованія рисуетъ Ольга Васильевна въ своихъ мемуарахъ. Учителемъ музыки былъ человѣкъ, игравшій самъ по слуху; своихъ учениковъ онъ заставлялъ играть правильно, прибѣгая къ помощи „скубки“, которою онъ ихъ угощалъ послѣ каждой ошибки. Желая избѣжать этого постояннаго наказанія, О. В. обрѣзала себѣ волосы и затѣмъ просила совершенно остричь себя; но тогда „скубки“ замѣнились щелчками. Другая учительница музыки сама умѣла играть только одну пьесу, именно: „Во саду-ли, въ огородѣ“, которую долбила со своими ученицами долгіе мѣсяцы. Но когда О. В., благодаря своей способности къ музыкѣ, быстро усвоила себѣ нотную азбуку и стала разбирать иныя пьесы, которыхъ не знала уже учительница,—эта послѣдняя должна была удалиться въ другую семью, чтобы тамъ снова приняться за „Во саду-ли, въ огородѣ“.

Во главѣ предметовъ, наравнѣ съ музыкой, стоялъ французскій языкъ. Всѣхъ дѣтей учили говорить на этомъ языкѣ и запрещали произносить даже слово по-русски; если же кто, бывало, проговорится и скажетъ вдругъ русское слово—тому одѣвали на шею билетикъ съ надписью: „за русскій языкъ“. Этотъ „позорный знакъ“ носили до тѣхъ поръ, пока не провинился кто-нибудь другой, къ которому онъ и переходилъ. Но кромѣ такого нравственнаго униженія, этотъ „билетикъ“ лишалъ еще права сидѣть во время обѣда и получать сладкое блюдо.

*) Кулишъ говоритъ, что первоначальное домашнее образованіе Н. В. Гоголь получилъ отъ наемнаго семинариста (См.-Кул. ст. 16).

„Бывало, говоритъ О. В. о себѣ: заговорю я по-русски, то мнѣ подаютъ билетикъ, но я говорю: „же дн комъ иль фо диръ"—и они вообще ко мнѣ были снисходительны".

А вотъ еще одна картинка изъ педагогики того времени (приводимъ подл. слова): „съ нами училась у Грибовскихъ (сосѣдей Гоголя) еще одна дѣвочка лѣтъ 9; каждую субботу ее водили въ чуланъ и тамъ сѣкли, пока мы не замѣтили, что у той дѣвочки каждую субботу заплаканные глаза и спросили, чего она плакала; она сказала, что ее (Грибовская) каждую субботу сѣчетъ. Мы спросили ее, за что она ее сѣкла? та преравнодушно отвѣтила: я ей субботу давала". Часто замелкія дѣтскія шалости одѣвали на голову высокій дурацкій колпакъ и пр. Вотъ картина воспитанія въ помѣщичьихъ домахъ средней руки въ первую четверть XIX вѣка!

Къ счастью для насъ и для поэта, Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ пріютила у себя юнаго Никошу, что произошло не безъ вліянія Трощинскаго, игравшаго вообще большую роль въ семьѣ Гоголей. Интересенъ разсказъ О. В. о пріѣздѣ Трощинскаго въ Васильевку, о томъ, какъ сперва прилеталъ гонецъ съ извѣстіемъ, что „черезъ два дня пріѣдетъ"; ему устраивали спальню и вообще приготовлялись къ пріѣзду; на другой день верховой извѣщаетъ, что „будетъ завтра къ обѣду"; наконецъ, на третій день въѣзжаетъ верховой съ извѣстіемъ: „ѣдетъ!". Вся семья должна стоять на крыльцѣ, въ ожиданіи его пріѣзда. Наконецъ показывается еще верховой, за нимъ карета съ двумя форейторами подъѣзжаетъ къ крыльцу и останавливается; два лакея соскакиваютъ и отворяютъ дверцы кареты... „онъ выходитъ, съ улыбкой глядя на насъ—и дальше уже ничего интереснаго не было"—говоритъ Ольга Васильевна.

Несомнѣнно, зависимость отъ сильныхъ міра сего тяжелымъ бременемъ ложилась и на родителей и на дѣтей, развивая чувство какого-то раболѣпства, о чемъ съ грустью вспоминалъ самъ Николай Васильевичъ въ своихъ письмахъ.

Но мы нѣсколько отступили въ сторону. Рисуя обстановку, въ которой росъ нашъ поэтъ, мы указали на поэзію природы и прозу жизни, вліявшихъ на него въ дѣтскіе годы.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о мистицизмѣ, царившемъ въ семьѣ поэта, развившемся на почвѣ общей религіозности. Здѣсь важно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ поэтъ могъ слышать,

видѣть, чувствовать на себѣ то настроеніе, въ которомъ находилась бабушка поэта, затѣмъ мать, даже отецъ и впослѣдствіи вся семья. Никому не ново, что мать поэта имѣла на него сильное вліяніе въ дѣтствѣ; извѣстно также, какое впечатлѣніе произвела картина страшнаго суда, въ живыхъ краскахъ представленная матерью впечатлительному уму поэта-ребенка: въ продолженіе всей жизни стояла передъ его глазами эта страшная картина. Но не только этотъ единичный фактъ способствовалъ выработкѣ настроенія: въ семьѣ Гоголя мистицизмъ и религіозность были господствующимъ настроеніемъ, сопровождавшимъ всѣ главнѣйшіе моменты жизни. Не вдаваясь въ подробности, мы сгруппируемъ здѣсь только наиболѣе знаменательные факты и предоставимъ каждому судить о томъ, въ какой мѣрѣ они рисуютъ то именно настроеніе, о которомъ мы говоримъ.

Уже въ бракѣ Василія Аѳанасьевича и Маріи Ивановны чувствовалось ими присутствіе какой-то высшей силы, участіе Божественнаго Промысла. Вас. Аѳан., при встрѣчѣ со своей будущей женой, вспомнилъ, что сама Царица Небесная, явившись ему во снѣ, указала ему на образъ женщины, въ которой онъ узналъ теперь Марью Ивановну. И эта Божественная Сила не оставляла семьи Гоголей никогда, когда-бы ни обращались къ ней за помощью: такъ и рожденію нашего поэта предшествовали молитвенныя обращенія къ Небу и Святымъ о ниспосланіи имъ сына, и самое имя Николай дано въ честь чудотворнаго образа Св. Николая, что въ Диканькѣ.

Такимъ образомъ, нашъ поэтъ, какъ испрошенный у Бога, съ самыхъ раннихъ лѣтъ находился подъ особеннымъ наблюденіемъ и воспитывался въ высоко-религіозной атмосферѣ, созданной родною семьею, и въ особенности поддерживаемой первоначально бабушкой поэта, Татьяной Семеновной, унаслѣдовавшею ее отъ своего отца. Нѣкоторыя печальныя условія заставляли очень часто обращаться съ горячей молитвой о помощи, и когда эта помощь являлась, то вѣра въ Бога и Провидѣніе укрѣплялась все больше и больше, и каждый членъ семьи считалъ своею первою обязанностью отдавать свои силы и средства на служеніе Богу. Не говоря о томъ, что посѣщеніе церковныхъ службъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ, въ семьѣ Гоголя особенно любили посѣщать, по возможности пѣшкомъ, святыя мѣста, монастыри, какъ напр., въ Диканькѣ, Будищахъ, Лубнахъ и т. п. Въ Васильевкѣ долгое время находился большой, обитый желѣзомъ, сундукъ, съ продѣланнымъ въ крышкѣ отверстіемъ, чрезъ

которое бабушка часто опускала деньги, предназначенныя на устройство храма; кромѣ того, когда въ церкви разбился колоколъ, Ольга Васильевна завела кружку, куда опускала всѣ свои свободныя деньги для покупки колокола и собрала около ста рублей, которые и пошли для указанной цѣли.

На столѣ у нихъ постоянно лежало евангеліе, а любимымъ чтеніемъ матери, бабушки, а потомъ и Ол. Вас. были четьи-минеи, въ старинныхъ, кожаныхъ переплетахъ. Религіозно-мистическое настроеніе часто даже склонялось въ сторону аскетизма, выражавшагося въ изнурительномъ постѣ, бывшемъ даже отчасти причиною смерти матери поэта, въ продолжительномъ стояніи на молитвѣ и пр.

У нѣкоторыхъ изъ членовъ семьи даже развилась потребность въ аскетическомъ уединеніи и подвигѣ; такъ напр., въ саду былъ устроенъ гротъ, предназначенный отцомъ Гоголя, любившимъ поэтическіе укромные уголки, для отдохновенія и поэтическихъ размышленій. Но вскорѣ музы должны были уступить мѣсто иному, высшему: туда перенесли иконы, св. книги, и, вмѣсто поэтическихъ вздоховъ, тамъ раздавалось тихое, продолжительное, однообразное чтеніе молитвъ и псалмовъ. Ол. Вас. говоритъ о себѣ, что она часто молилась до потери сознанія, до полнаго изнуренія, и даже отъ продолжительнаго стоянія на холодномъ полу у нея стала замѣчаться опухоль ногъ! Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Ольга Васильевна ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ нашему поэту въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и ихъ письма всегда проникнуты однимъ духомъ, одной идеей.

На всей семьѣ лежала печать монастырскаго смиренія и послушанія, лишь изрѣдка нарушаемаго веселымъ характеромъ Вас. Аѳан., который не всегда могъ поддержать общее настроеніе. Живой, общительный, душа общества, онъ всегда вносилъ живую струю веселящаго и бодрящаго юмора туда, гдѣ находился, впрочемъ, лишь тогда, когда обстоятельства не слишкомъ тѣснили его. Но вообще рѣдко можно было слышать непринужденное веселье и радость въ семьѣ Гоголя; только на именинахъ матери, когда въ продолженіе нѣсколькихъ дней шло пированье, пѣсни, пляски, когда́ отовсюду съѣзжались на традиціонный праздникъ 1-го октября въ домъ уважаемой Марьи Ивановны, а еще болѣе зимой, на святкахъ. Вся семья бывала въ сборѣ; пріѣзжалъ и Никоша, „Нѣжинскій гость“, какъ его называли; онъ-то бывалъ главнымъ распорядителемъ во всѣхъ этихъ святочныхъ забавахъ. Сестры рядились во фраки или въ узкій лицейскій мундиръ, выво-

рачивали наизнанку шубы, а мужчины, въ томъ числѣ и Николай Васильевичъ, въ женское платье... Не обходилось безъ традиціоннаго чорта, дѣда, вѣдьмъ. И вся эта наряженная компанія съ визгомъ, смѣхомъ, пѣснями неслась по улицамъ села къ сосѣдямъ, весело врываясь въ старые помѣщичьи дома и внося веселье и радость среди полузаснувшихъ обитателей, старосвѣтскихъ помѣщиковъ... Здѣсь молодость разбивала ледяныя оковы аскетизма и съ бою брала то, что ей принадлежитъ по праву: радость, бодрость духа и веселье! Мы не говоримъ здѣсь о томъ весельи, которое царило въ украинскихъ Аѳинахъ, у Трощинскаго. Семья поэта посѣщала Кибинцы больше по обязанности, а не по внутреннему сердечному побужденію; да и въ раскатахъ смѣха, часто принужденнаго, тамъ можно было не разъ уловить незримыя и невѣдомыя міру слезы...

Вотъ та среда, которая воспитала нашего незабвеннаго поэта. Внимательный изслѣдователь найдетъ въ ней начало и объясненіе многому, что насъ интересуетъ при изученіи жизни, взглядовъ, убѣжденій, направленія таланта и даже общаго склада мысли поэта.

Мы прослѣдили исторію семьи Гоголя за періодъ около столѣтія, стараясь отмѣчать главнѣйшія черты ея, имѣвшія прямое или косвенное вліяніе на развитіе характера и склонностей поэта. Общее, что мы находимъ у всѣхъ представителей рода его, въ особенности у ближайшихъ, есть то, что можно назвать словомъ даровитость. Къ этой общей чертѣ присоединялись иныя, болѣе частныя, но въ высшей степени характерныя; все это въ совокупности создало атмосферу семьи Гоголя, со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами. Воспитанный въ этой атмосферѣ, онъ усвоилъ себѣ ея характерныя особенности, которыя вмѣстѣ съ нимъ росли и развивались, найдя себѣ чистую сокровищницу въ душѣ поэта.

Насколько сильно онъ былъ привязанъ къ семьѣ, насколько дорога и мила была ему семейная обстановка, видно почти изъ каждаго письма его, въ особенности Нѣжинскаго періода. Хилый, болѣзненный, съ частыми болями въ груди, онъ покинулъ родное гнѣздышко и полетѣлъ туда, гдѣ думалъ развить свои способности и обогатить свой умъ новыми познаньями.

Но привыкшій къ ласкѣ окружающихъ, онъ тосковалъ въ неуютныхъ, холодныхъ стѣнахъ Гимназіи высшихъ наукъ, тщательно скрывая свое горе отъ самыхъ близкихъ. Только иногда прорывается вопль боль-

ного, просящаго свободы, родины, ласки, и воображеніе уносить его въ родную Васильевку. Не останавливаясь на подробностяхъ этого періода, сыгравшаго сравнительно малую роль въ развитіи способностей поэта, мы лишь повторимъ приговоръ, высказанный самимъ поэтомъ о своей alma matre, въ которой онъ „потерялъ“ шесть лѣтъ жизни: „Нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще... Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совсѣмъ не учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, бывъ тамъ, позабыли послѣднія“... Печальныя признанья, въ особенности потому, что здѣсь же невольно встаютъ передъ нашими глазами полныя восторга, любви и благодарности слова, высказанныя другимъ нашимъ поэтомъ, Пушкинымъ, по адресу своей almae matris—Царско-сельскаго лицея:

„О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!
И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза.
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ!..

Но если Нѣжинскій лицей не могъ развить способностей поэта, то къ счастью, онъ не могъ ихъ окончательно заглушить; родникъ дарованія, клокотавшій подъ тяжестью давящихъ камней лицея, долженъ былъ рано или поздно выбиться и заблистать своею кристальною струею... Но для этого стѣны заведенія были слишкомъ суровы; слишкомъ мало было тамъ „свѣта“, и за этимъ свѣтомъ душа поэта стремилась „туда“, на сѣверъ, въ Петербургъ.

Сынъ широкихъ полей, сынъ роскошныхъ украинскихъ ночей устремился туда, гдѣ можно было получить отвѣтъ на тѣ запросы, которые смутно волновали юную душу... Но суровъ и холоденъ былъ сѣверъ; онъ не согрѣлъ тепломъ участья того, кто такъ въ немъ нуждался, и сидя на четвертомъ этажѣ, въ маленькой нетопленой комнатѣ, будущій поэтъ задумался, загрустилъ... А воображенію его рисовались родныя мѣста, и домикъ, и прудъ, и мать!..

И какъ часто вставала передъ его глазами эта близкая сердцу картина, въ особенности, когда было тяжело на душѣ: „Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ... Вонъ русскія избы виднѣются. Домъ-ли то мой синѣетъ въ дали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ его! Прижми къ груди своей бѣднаго сиротку... Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!“ Такъ восклицаетъ поэтъ устами одного изъ своихъ героевъ.

А въ письмахъ онъ не разъ вспоминаетъ тихій Пселъ, и лѣсъ, и садъ въ которомъ онъ проводилъ цѣлые дни, съ лопатою въ рукахъ, разбивалъ цвѣтники и дорожки.

Но нельзя было все время предаваться грустнымъ размышленіямъ: жизнь бросала вызовъ и требовала выступить на борьбу, чтобы пасть или побѣдить. Вотъ тогда поднялось все то, что таилось въ глубинѣ души поэта, навѣянное жизнью и поэзіей родины, всѣ духовныя силы, жаждавшія выхода на свободу. Борьба была трудная, но побѣда осталась за поэтомъ. Подъ радостные гимны друзей и безсильные крики враговъ протекла его недолгая жизнь, оставивъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ Пушкинымъ, онъ является могучимъ столпомъ, поддерживающимъ храмъ національной литературы, хотя слабѣе перваго по таланту, но едва-ли не болѣе самобытнымъ.

Этой послѣдней черты никто не можетъ оспаривать именно потому, что всѣ главнѣйшія особенности его таланта и міровоззрѣнія есть достояніе его рода, его предковъ, отъ которыхъ нашъ поэтъ и получилъ эти невещественные дары. Чего же не могли подарить люди, тѣмъ наградила его вторая мать—природа. И любовь къ козачеству, идеалы котораго такъ близки сердцу поэта, и юморъ, развившійся въ міровоззрѣніе, и даже глубокая религіозность, доходящая до мистицизма—все это получило дальнѣйшее развитіе съ развитіемъ самого поэта, но зачатки его мы видѣли давно у представителей рода: его отца, дѣда и прадѣда. А природа раскрыла ему свои тайны, и воспитала въ немъ художника съ высоко развитымъ чувствомъ природы—и въ этой области онъ и доселѣ стоитъ выше другихъ.

В. Чаговецъ.

Фотопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Марья Васильевна Трушковская
(ур. Гоголь).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ДОКУМЕНТЫ.

I.

Универсалъ гетмана Скоропадскаго Василію Танскому.

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго и великаго Государя Нашего, Его Царскаго Величества Войскъ запорожскихъ обоихъ странъ Днѣпра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Всей старшинѣ и черни войска его же царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскаго особливе Пану Полковникови Переясловскому з'Старшиною полковою, Сотникомъ, Атаман'ѣ, и всѣмъ такъ войсковимъ, яко и посполитимъ полку того обывателемъ, и кождому, кому-бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало симъ Нашимъ ознаймуемъ Универсаломъ. Ижъ просилъ Насъ Панъ Василій Танскій знатный Товаришъ войсковый о надан'е себѣ якового селця на вснарте своего Господарства и для притулиска егож статку.

Теды мы, Гетманъ, тому оного прошенію неотмовивши, а респектуючи на знаменитие его подчасъ бытности в малой россіи непріятеля шведа при великороссійскихъ Царскаго Пресвѣтлого влчетва войскахъ мѣючи подъ своею коммендою компанію вѣрне и статечне показанніе услуги, до которихъ и подъ Рейментомъ нашимъ Мешкаючи мѣтиметъ охоту, яко надаемо помянутому пану Василію Танскому Село Озеряне в Полку Переясловскомъ в Сотнѣ Васанской будучое, позволяючи оному от людей посполитихъ, тамъ мешкаючихъ, всякое отбирати послушенство и повиновеніе, такъ в томъ владѣніи ему абы Панъ Полковникъ Переясловский, Старшина его Полковая и нѣхто иншій вѣдаючи о таковой волѣ нашой, жадной не смѣли чинити перешкоди, перепони и трудности. Мѣти хочемъ и Рейментарско при-

казуемъ. Войтъ тежъ зо всѣми посполитими людми предречоного села озерянъ (опроч козаков) должни належитое подданическое емужъ пану Василию Танскому, як державци своему, отдавати послушенство и повинность упоминаемъ.

(Печать войска запорожскаго).

Данъ въ Глуховѣ Декамвря 3 дня року 1715. [1])

Звышейменованный Гетманъ рукою власною.

II.

Дворянская Грамота А. Д. Гоголя.

ГРАМОТА[2]).

Кіевской Губерніи отъ Губернскаго Предводителя Дворянства и Уѣздныхъ Дворянскихъ Депутатовъ, собранныхъ для составленія Дворянской родословной книги, данная Секундъ-Маіору, Афанасію Демьяновичу Гоголю-Яновскому.

Разсмотрѣвъ на основаніи Всемилостивѣйше пожалованной отъ Ея Императорскаго величества въ 1785 году апрѣля 21 дня Дворянству Грамоты, предъявленныя отъ него Гоголя-Яновскаго о Дворянскомъ его достоинствѣ Доказательства, признали оныя согласными съ предписанными на то правилами, въ слѣдствіе конхъ по силѣ Семьдесять седмой статьи объявленной Грамоты, онъ и родъ внесенъ въ Дворянскую Родословную Кіевской губерніи книгу, въ Первую ея часть. Во свидѣтельство чего мы, Губернскій Предводитель Дворянства и Депутаты, во исполненіе Ея Импе-

---

[1]) Къ немуже имѣется Жалованная Грамота Петра Великаго, утверждающая права В. Танскаго на село Озеряне съ прилегающими землями, данная въ С.-Петербургѣ 1718 г. Іюля 7 дня. Грамота писана на большомъ листѣ, прикрѣпленномъ къ шелкому плату посредствомъ шелковыхъ шнуровъ, припечатанныхъ Царскою печатью. Содержаніе ея въ главномъ тождественно съ приведеннымъ выше универсаломъ, поэтому печатать текстъ ея мы считаемъ излишнимъ.

[2]) Грамота на пергаментѣ. Сверху инціалъ $\frac{\text{Е}}{\text{II}}$, подъ нимъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями, съ перекинутой черезъ шею цѣпью, на звеньяхъ которой висятъ гербы уѣздовъ Кіевской губерніи. По бокамъ и снизу виньетки изъ древняго и новаго вооруженія. Печать слѣва съ гербами уѣздовъ и приведеннымъ выше текстомъ.

раторскаго Величества снизволенья, дали ему сію Грамоту за подписаніемъ нашимъ, утвердивъ оную печатью Дворянскаго Собранія Кіевской губерніи.

Октября 15 числа, 1792 года.

Губернскій Предводитель Дворянства Степанъ Тарновскій
Депутатъ уѣзда Золотоношскаго Примеръ-Маіоръ Николай Мен...
Депутатъ уѣзда Кіевскаго Коллежскій Ассесоръ Василій Копистянскій.
Депутатъ уѣзда Остерскаго Секундъ-Маіоръ Петръ Новаковичъ
Депутатъ уѣзда Пирятинскаго Секундъ-Маіоръ Левъ Гербаневскій.
Депутатъ уѣзда Миргородскаго Секундъ-Маіоръ Антонъ Кириченко.
Депутатъ уѣзда Хорольскаго Титулярный Совѣтникъ Демянъ Твардовскій.

Печать Кіевскаго Намѣстничества Дворянскаго собранія.

III.

Духовное завѣщаніе Татьяны Семеновны Гоголь-Яновской (ур. Лизогубъ).

Во имя Отца и Сына
и святаго Духа. Аминь.

Я нижеподписавшаяся находясь въ глубокой старости и слабости здоровья, ожидая ежедневно всеобщаго предѣла къ отходу въ вѣчность, и будучи въ здоровомъ своемъ умѣ, твердой памяти и въ доказательство неограниченной моей любви и привязанности къ дѣтямъ покойнаго моего сына, коллежскаго Ассесора, Василія Афанасьевича Гоголь-Яновскаго а моимъ внукамъ, и дабы сохранить между ими братскую любовь, миръ и согласіе, и не произошли бы между ними въ послѣдствіи времени какія-либо распри, или прошенія и самыя тяжбы въ мѣстахъ судебныхъ, роднымъ другъ съ другомъ имѣть весьма предосудительныя заблагоразсудила учинить:

1-е. Движимое и недвижимое имѣніе мое, доставшееся по наслѣдству отъ родителей моихъ, числящееся за мною и умершимъ сыномъ моимъ, Полтавской губерніи въ Миргородскомъ и Полтавскомъ повѣтахъ, въ селѣ Васильевкѣ и мѣстечкѣ Ярескахъ, состоящее по послѣдней ревизіи изъ ста тридцати семи душъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими пахатными, сѣнокосными, лѣсными землями и со всѣми хозяйственными при немъ заведеніями, симъ духовнымъ тестаментомъ записываю и завѣщаю въ вѣчное и потомственное владѣніе имъ внукамъ моимъ. Николаю, Маріи, Аннѣ, Ели-

саветѣ, Татьянѣ и Ольгѣ Гоголь-Яновскимъ съ тѣмъ, что внукъ мой, Николай, преимущественно предъ сестрами своими долженъ изъ всего сего имѣнія получить половину одинъ, сверхъ того новый домъ, къ нему принадлежащій садъ и лѣсъ, называемый Яворивщина, прочее же затѣмъ остальное движимое и недвижимое имѣніе поименованные внучки мои должны подѣлить между собою по ровнымъ частямъ полюбовно, отнюдь не требуя на сей раздѣлъ посредства правительства.

2-е. Двадцатилѣтнее пребываніе въ домѣ моемъ и въ сожительствѣ съ покойнымъ сыномъ моимъ невѣстки моей Марьи Ивановны Гоголь-Яновской, урожденной Косяровскихъ, извѣстная мнѣ опытность ея въ хозяйствѣ, неограниченная любовь къ дѣтямъ и попечительность ея къ образованію ума и сердца сихъ юныхъ дѣтей, питаютъ меня лестною надеждою, что она и еще болѣе посвятитъ себя на пользу сихъ юныхъ внучатъ моихъ, и потому нетребуя дворянской Опеки, утверждаю по смерть ея единственною и безотчетною Опекункою сего записаннаго внукамъ моимъ имѣнія.

3-е. Бывъ же я, какъ выше сказано, въ глубокой старости и слабости здоровья, и потому находясь въ невозможности при жизни своей распоряжать симъ имѣніемъ, представляю право невѣсткѣ моей сей-же часъ вступить въ отправленіе должности своей.

4-е. Симъ же завѣщаваю невѣсткѣ Марьи Ивановнѣ, чтобы по смерти моей имѣла попеченіе и о душѣ моей, по обряду Христіянскому, отправлялабы панихиды, сорокоусты и прочіе обряды, православною нашею вѣрою установленные.

5-е. Поелику-же Имяннымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся 1821 года Ноября въ 24-й день, повелѣно въ таковыхъ актахъ означать, какой суммы стоитъ имѣніе, переходящее отъ одного лица къ другому, то я все на основаніи означеннаго узаконенія исчисливъ, объявляю цѣну сему записанному мною имѣнію шестьдесятъ тысячъ рублей.

Сіе духовное завѣщаніе, писанное мною въ здравомъ умѣ и твердой памяти должно остаться на вѣчныя времена свято и ненарушимо, и отнимаю отъ себя навсегда право къ перемѣнѣ онаго. Іюня 20-го дня 1825 года.

Сіе духовное завѣщаніе по точнымъ словамъ вдовы Маіора, Татьяны Семеновны Гоголь-Яновской переписывалъ Коллежскій Секретарь Степанъ Ивановъ сынъ Свѣтличный.

Къ сему духовному завѣщанію, по точнымъ моимъ словамъ писанному, Маіорша Татьяна Семенова дочь Гоголь-Яновская руку приложила.

У сего духовнаго завѣщанія былъ свидѣтелемъ, и по личному Прошенію завѣщательницы Руку приложилъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Дмитрій Прокофьевъ сынъ Трощинскій.

У сего духовнаго завѣщанія свидѣтелями были и по личному прошенію завѣщательницы, Г. маіорши Татьяны Гоголь-Яновской подписались.

Титулярный Совѣтникъ Іовъ Пащенко.

Коллежскій Секретарь Григорій Прокофьевъ Потапенко.

Коллежскій Секретарь Иванъ Гавриловъ сынъ Корачковскій.

При составленіи сего духовнаго завѣщанія помѣщицы маіорши Татьяны Гоголь-Яновской присутствовалъ, и что оное дѣйствительно по ее словамъ писано и собственною ее рукою подписано, въ томъ свидѣтельствую Миргородскаго Повѣтоваго Суда Земскій Подсудокъ Игнатьевъ.

Сіе духовное завѣщаніе, Полтавской губерніи, Въ Миргородскій Повѣтовой судъ вдовою Маіора Татьяною Гоголь-Яновскою, при прошеніи, чрезъ вышеподписавшагося подсудка сего Суда, Игнатьева прошлаго Іюня 30 числа поданномъ, было представлѣно, по состоявшейся того числа въ журналѣ резолюціи въ крѣпостную книгу подъ № 109-мъ записано и за принятіемъ слѣдующихъ казнѣ отъ письма и записки 10 руб. за сей листъ Ста Девятнадцати руб. денегъ съ сымъ о томъ засвидѣтельствованіемъ, согласно означенному прошенію завѣщательницы Гоголь-Яновской, оному подсудку Игнатьеву обратно возвращено Іюля 1-го дня 1825 года.

Земскій судья Александръ Барановъ.
Земскій писарь Григорій Тищинко.

Печать миргородскаго повѣтоваго зем. суда.

IV.

Квитанція о взносѣ платы за ученіе Н. В Гоголя.

КВИТАНЦІЯ.

Деньги пять сотъ рублей государственными ассигнаціями, слѣдовавшіе отъ г. Коллежскаго Ассесора Василія Афанасьевича Гоголь-Яновскаго за содержаніе сына его, Николая Яновскаго, въ пансіонѣ при Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, на вторую половину 1-го года, считая съ 1-го Ноября текущаго года, получилъ Директоръ оной Гимназіи Стат-

скій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Орлай, въ чемъ и далъ сію ему г. Гоголю-Яновскому за своеручнымъ подписаніемъ квитанцію. Деньги же 500 руб. отданы исправляющему должность кассира для причисленія ихъ къ общей казенной Гимназической суммѣ.

1821 года Дек. 9.

№ 59. Директоръ Иванъ Орлай.

Исправляющій должность Кассира младшій профессоръ Шапалинскій.

V.

Свидѣтельство о займѣ денегъ, произведенномъ Н. В. Гоголемъ.

1836 года Генваря 31 дня въ Полтавскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, при дачѣ Коллежскому Ассесору Николаю Васильевичу Гоголь-Яновскому и женѣ чиновника 12-го класса Маріи Трушковской займа въ 18,450 рублей ассигнаціями, срокомъ на 26 лѣтъ съ настоящаго числа, вычтено:

а) Преміи Приказу по 1%	184 р.	50 к.
б) Казенной недоимки	831 р.	27 к.
в) По займу въ приказѣ капитала съ процентами	3621 р.	23 к.
г) По части запрещенія на заложенное и разрѣшенія на выкупленное имѣніе	2430 р.	
и д) По части запрещенія на заложенное и разрѣшенія на выкупленное имѣніе	2430 р.	— к.
Затѣмъ выдано вдовѣ Коллежскаго Ассесора Маріи Гоголь-Яновской на основаніи довѣренности для заемщиковъ Гоголь-Яновскаго и Трушковской	12,693 р.	70 к.
Сумма	18,450 р.	— к.

Примѣчаніе 1) для выплаты займа установленными процентами за каждый истекшій годъ по 7, слѣдуетъ вносить:

25 лѣтъ по . . . . 1291 р. 50 к.

за 26-й годъ . . . 881 р. 4 к.

2) Заимщикъ имѣетъ право и прежде сроковъ заплатить капиталъ весь или по частямъ, какъ разсудитъ, но въ послѣднемъ случаѣ, части въ долгу остающіяся, должны со-

ставлять круглыя суммы, тысячами или сотнями, для избѣжанія раздробительности разсчетовъ въ процентахъ.

За № 419. Гражданскій Губернаторъ Павелъ Могилевскій.

Далѣе слѣдуютъ подписи Непр. Члена и др.

Письмо по поводу смерти Василія Аѳанасьевича Гоголя.

(Стихотвореніе, сочиненное Ив. Косяровскимъ—дядей поэта).

Рисуя обстановку, въ которой развивалось эстетическое чувство нашего поэта, обыкновенно останавливаются на двухъ факторахъ, игравшихъ главную роль въ этомъ отношеніи, именно: на поэзіи окружающей природы и на близко стоявшихъ людяхъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто отводится отцу поэта Василію Аѳанасьевичу, который самъ былъ поэтъ, любилъ поэзію и увлекался ею. Но не только со стороны отца чувствовалось это поэтическое вліяніе на ребенка, будущаго поэта—нѣкоторыя новыя данныя удостовѣряютъ, что и съ материнской стороны сказывалось оно въ неменьшей степени. Въ письмахъ Иларіона Трощинскаго, бывшаго тогда студентомъ Харьковскаго университета, часто говорится о присылкѣ имъ Василію Аѳанасьевичу „для критики“ нѣкоторыхъ своихъ произведеній, а также упоминается о занятіяхъ съ „Никошей“, о совмѣстномъ съ нимъ чтеніи стиховъ и другихъ сочиненій. Личность Иларіона Трощинскаго, судя по письмамъ, была далеко не заурядной и могла оказывать значительное вліяніе на молодого „Николиньку“. Но еще интереснѣе въ этомъ отношеніи дяди поэта, двоюродные братья Марьи Ивановны,—Косяровскіе. Намъ извѣстно изъ послѣднихъ Нѣжинскихъ писемъ, какъ относился поэтъ къ этимъ родственникамъ: одному изъ нихъ, П. Косяровскому, онъ открываетъ свою душу, говоритъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, словомъ, вводитъ его въ тайники своей души, куда не впускалъ никого, даже горячо любимой матери; это объясняется близостью существовавшихъ между ними отношеній, на что указываютъ, между прочимъ, и грустныя строки поэта изъ Нѣжина, когда онъ узнаетъ, что ему не придется видѣться со своими любимыми родственниками, братьями М. И. Гоголь. Дѣйствительно, это

были добрыя, хорошія натуры, вліяніе которыхъ было въ высшей степени благотворно. Близко сойдясь съ Василіемъ Аѳанасьевичемъ, называя его своимъ братомъ, глубоко уважая и любя Марью Ивановну, о которой они всегда говорили съ особенной нѣжностью [1]), они, находясь даже вдали отъ Васильевки и ея обитателей, постоянно душою стремились туда. Трогательно бываетъ читать тѣ строки, въ которыхъ съ такою заботливостью они говорятъ обо всѣхъ, и во всякомъ письмѣ есть упоминаніе о любимомъ Николинькѣ. Выдающеюся натурой можно признать Ивана Петровича Косяровскаго, котораго цѣлая тетрадь сочиненій находилась у родныхъ поэта. Если даже съ внѣшней стороны эти сочиненія были не совершенны, то, во всякомъ случаѣ, они обличали нѣжную, глубоко чувствующую, хотя и не чуждую романтизма, свойственнаго Жуковскому, душу. Отзываясь на всякія горести и радости семейной жизни Гоголей, онъ не могъ обойти молчаніемъ горестнаго событія, поразившаго семью въ 1825 году—смерти Василія Аѳанасьевича, что и выразилось въ приведенномъ ниже письмѣ. Заключая въ себѣ стихотвореніе, посвященное памяти отца Гоголя, оно интересно еще и въ томъ отношеніи, что рисуетъ намъ и душу самого автора, а также проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на самый горестный фактъ смерти отца поэта. На этомъ основаніи мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ.

Сентября 20 дня. Гомборы въ Грузіи.

Милостивая Государыня. Любезная сестрица!

Въ моемъ письмѣ вы не прочтете тѣ обыкновенныя увѣщанія, которыя кажутся холодными для исполненнаго тоскою сердца. Вы увѣрены, что я сердечно раздѣляю горесть вашу въ недавней потерѣ вашего друга, равно и мнѣ любезнаго по чувствамъ родства и признательности! Я не

---

[1]) „Любезнѣйшая сестрица, Марья Ивановна... разстояніе не можетъ изгладить тѣхъ чувствъ, которыя я имѣю къ Вамъ... полученіе Вашихъ писемъ будетъ неоцѣненнымъ для меня подаркомъ... Цѣлую Васъ и ручки Баши. остаюсь навсегда любящій васъ и преданный вашъ братъ, Петръ Косяровскій. Маленькихъ Николеньку, Машеньку, Аннинькуу также заочно цѣлую". (Изъ письма, помѣченнаго 1820 г. 8 Ноября, с. Гоназы въ Кахетіи, и наход. у автора)

забуду его, и когда приведетъ Богъ увидѣться съ вами, то мы поплачемъ вмѣстѣ, напоминая себѣ его бесѣды, и болѣзнь, и кончину! Я буду очень жалѣть, когда письмо мое болѣе огорчитъ васъ, нежели утѣшитъ. Надобно когда нибудь разлучиться съ другомъ: это неотразимое опредѣленіе Святой природы,—всякому назначена очередь умереть.

Провидѣнію угодно было кончить болѣзненныя страданія вашего супруга, на которыя, конечно, вы смотрѣли со скорбію въ сердцѣ и, не имѣя способовъ пособить, безутѣшно провождали время, необходимо-нужное для наблюденія за малолѣтними дѣтьми вашими. Они остались вамъ памятью, и свободное время, употребленное для занятій съ ними, и самая горесть будетъ усладительна въ обязанностяхъ, лежащихъ на вашемъ материнскомъ сердцѣ. Покойный братъ любилъ, когда я читалъ ему мои стихи— это было въ бытность его на землѣ; теперь же онъ прочтетъ ихъ на небѣ и, можетъ быть, похвалитъ при нашемъ свиданіи.

Ихъ можно вырѣзать на могильномъ крестѣ.

Перелетѣлъ отъ міра и суетъ,
От горя и мученій,
Туда, гдѣ вижу я лазурь и свѣтъ
Небесныхъ наслажденій.
Гдѣ самъ Творецъ бесѣдуетъ съ тобой,
Гдѣ ангеловъ ты слышишь,
Гдѣ, упоенъ любовію святой,
Сладчайшимъ благомъ дышишь.
Здѣсь дѣти—сироты, супруга—слезы льетъ,
Не знаетъ утѣшенья,
Твой духъ небесный нектаръ пьетъ
Любви и умиленья:
Ты путь свой совершилъ и съ горнихъ странъ,
Далекихъ и блаженныхъ,
Достойнымъ стать желаешь благъ и намъ,
Ничѣмъ тамъ неизвѣнныхъ!
Когда жъ и я,—я крилы разверну,
На небо путь направлю,
Какъ ты, сойду въ могилы глубину
И праху прахъ оставлю?—

Прощайте, милая сестрица, будьте здоровы, и не предавайтесь влеченію горести: она неугомонна. Касательно себя скажу вамъ съ удовольствіемъ, что живу, какъ желалъ, ни въ чемъ не нуждаюсь и даже могу

удѣлять и другимъ. Одно только на сердцѣ—это отдаленіе отъ вашихъ мѣстъ. Должность моя много отымаетъ у меня времени, притомъ же простуда правой руки—что вы замѣтите по моему письму, лишаетъ меня удовольствія писать къ роднымъ. Вскорости однако съ будущею почтою непремѣнно напишу къ Андрею Андреевичу (Трощинскому), Аннѣ Матвѣевнѣ (Трощинской).....

Цѣлую Ваши ручки, остаюсь любящій васъ братъ Иванъ Косяровскій.

Страничка изъ жизни Н. В. Гоголя въ Нѣжинѣ въ концѣ 1827 и нач. 1828 гг.

(Этюдъ къ приложенному ниже письму).

Ученье Николая Васильевича Гоголя близилось къ концу. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и будущій поэтъ, какъ молодой орелъ, широко взмахнувъ крыльями, вылетитъ на свободу, чтобы помѣряться своими силами съ грозными стихіями. Впереди все такъ ясно, такъ идеально-прекрасно: міръ зоветъ его къ себѣ изъ прекраснаго далека, освѣщеннаго яркими лучами полезной и благотворной дѣятельности! А позади все мрачно и грустно: шесть лѣтъ, шесть цѣлыхъ лѣтъ лучшей поры жизни потеряно въ учебномъ заведеніи, которое ничѣмъ не могло вознаградить утраты; все лучшее, что хранилось въ тайникахъ души юнаго поэта, осталось нетронутымъ, даже незамѣченнымъ, а между тѣмъ, „сколько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. пришлось испытать ему за это продолжительное время!“ Но онъ выносилъ все безъ упрековъ, безъ жалобъ, „и даже иногда хвалилъ виновниковъ своего горя“—вслѣдствіе чего для другихъ онъ былъ какою-то загадкою: не-то своенравнымъ педантомъ, не то идеаломъ кротости и терпѣнія [1]). Въ своемъ умѣ онъ составилъ самый подробный планъ дѣятельной, полезной жизни не въ какомъ-нибудь захолустномъ провинціальномъ городкѣ, а въ столицѣ, на виду у всѣхъ, въ Петербургѣ. Онъ хочетъ, чтобы жизнь

---

[1]) См. Письмо отъ 1 марта 1828 г

его не прошла безслѣдно, какъ жизнь всякихъ „существователей“, потому-что ужасно „быть въ мірѣ и не означить своего существованія.“ Но чтобы осуществить этотъ планъ жизни, чтобы реализировать это кажущееся „несбытодуміе“ [1]), нужно работать, не покладая рукъ, не пропуская ни единаго момента! Къ такому заключенію пришелъ юноша-поэтъ въ срединѣ послѣдняго учебнаго года, когда уже въ перспективѣ виднѣлись рождественскія каникулы, а тамъ дальше и выпускной экзаменъ. Еще въ прошломъ году онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ роспуска на праздники и съ радостью въѣзжалъ въ родную Васильевку, гдѣ проводилъ время довольно весело, а главное, находился въ кругу близкихъ ему людей. Но теперь онъ сталъ инымъ: уже въ ноябрьскомъ письмѣ къ матери [2]) онъ говоритъ о своемъ рѣшеніи остаться на рождественскія каникулы въ Нѣжинѣ, и вскорѣ затѣмъ мы узнаемъ отъ него, что цѣлые дни онъ проводитъ въ занятіяхъ, желая въ теченіе полугода пріобрѣсти больше знаній, нежели за все время пребыванія его въ учебномъ заведеніи. Главное мѣсто въ занятіяхъ отведено было новымъ языкамъ, изученіе которыхъ въ гимназіи было неудовлетворительно. Письма, относящіяся къ этому времени, написаны въ какомъ-то особенномъ, нѣсколько приподнятомъ, но въ высшей степени благородномъ тонѣ: въ каждой фразѣ чувствуется увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ, и вездѣ просвѣчивается надежда на исполненіе завѣтныхъ мечтаній: „развѣ я не умѣю трудиться, развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно все побѣждать“ (изъ письма отъ 15 дек. 1827 г.). Такъ можетъ вѣрить въ себя лишь юный энтузіастъ, охваченный стихійнымъ желаніемъ работать и стремиться впередъ! Но остановка была въ средствахъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія главнѣйшихъ пособій, а между тѣмъ тяжело было поэту обращаться вновь къ матери за пособіемъ, тѣмъ болѣе, что ея матеріальное положеніе было ему хорошо извѣстно. Чтобы выйти изъ такого затрудненія, онъ предлагаетъ матери продать лѣсъ, предназначенный ему, такъ какъ деньги нужны не только для него, но и для сестры его Машеньки, оканчивающей курсъ въ институтѣ; но пока, до продажи лѣса, необходимо хотя 60 рублей на пособія, безъ которыхъ ему нельзя заниматься. „Сдѣлайте милость, маменька, поспѣшите присылкою

[1]) Изъ письма отъ 1827 г. марта 24 дня.
[2]) См. Шенрокъ: Письма, т. I, стр. 93.

денегъ 60 рублей"— такою прозаической фразой заканчивается письмо, послѣ восторженныхъ и радостныхъ мечтаній о томъ, какъ, спустя какихъ-нибудь три года, его мать пріѣдетъ къ нему въ Петербургъ и будетъ для него ангеломъ-хранителемъ—„и тогда то я буду совершенно счастливъ". Такъ писалъ Н. Гоголь 15 декабря 1827 года; въ слѣдующемъ за нимъ коротенькомъ письмѣ отъ 20 того-же декабря, пересланномъ черезъ Даниловскаго, поэтъ лишь говоритъ о томъ, что онъ очень занятъ и ждетъ съ нетерпѣніемъ пособія, о которомъ упоминалъ въ прошломъ письмѣ. Далѣе свѣдѣнія о Гоголѣ обрываются до 1-го марта, но письмо отъ этого числа не имѣетъ непосредственной связи съ предыдущимъ. Такимъ образомъ, въ біографіи нашего поэта оказался пробѣлъ, заполнить который было-бы весьма интересно. Какъ провелъ онъ вакаціонное время, много-ли успѣлъ сдѣлать въ этотъ небольшой промежутокъ времени, на который возлагалось столько надеждъ, и каково было его состояніе духа—вотъ тѣ вопросы, которые невольно возникаютъ у всякаго, подъ впечатлѣніемъ декабрьскихъ писемъ поэта къ матери въ 1827 году. Найденное нами письмо, которое мы ниже воспроизводимъ съ точностью, даетъ намъ отчасти отвѣтъ на затронутые вопросы. Мы видѣли, что успѣхъ занятій во многомъ зависѣлъ отъ присылки денегъ, необходимыхъ для покупки книгъ и пособій; юноша-поэтъ нѣсколько разъ напоминаетъ о возможно скорѣйшемъ исполненіи его просьбы; точно также мы отмѣтили подъемъ духовныхъ силъ, въ какомъ находился онъ въ это время. Можно себѣ представить, какъ тяжело отразилось-бы на душевномъ состояніи поэта, если бы надежды, возлагаемыя на праздничныя занятія, почему-либо не осуществились! А между тѣмъ, такъ именно и случилось, о чемъ мы узнаемъ изъ приложеннаго ниже письма. Неизвѣстно, что было причиной: почтовые-ли порядки или отсутствіе у матери денегъ, которыхъ просилъ Николай Васильевичъ—но ожиданія поэта были напрасны. Каждый день онъ проводилъ въ волненіи, недоумѣвая, почему ему не присылаютъ денегъ, которыя ему такъ необходимы. Вѣдь здѣсь, въ представленіи поэта, шелъ вопросъ о жизни, о карьерѣ, о всей будущности, которая рисовалась такою блестящей; и неужели же все должно погибнуть, рушиться изъ-за такихъ прозаическихъ, низменно-матеріальныхъ причинъ? А безъ денегъ, безъ тѣхъ шестидесяти рублей, о которыхъ просилъ поэтъ, нельзя было ничего сдѣлать.

Въ ужасномъ состояніи провелъ онъ три недѣли ваката и наконецъ получилъ желанное письмо, но въ немъ оказалось лишь *двадцать* рублей!

Съ грустью взялся поэтъ за перо и сталъ писать своей матушкѣ, раскрывая передъ нею все свое горе, всю свою наболѣвшую душу. Извѣщая „дражайшую маменьку“ о полученіи письма, онъ опять излагаетъ планъ занятій, о которомъ онъ упоминалъ въ письмѣ 15 дек. 1827 г.; говоритъ о необходимости продажи части имѣнія—потому-что ему въ скоромъ времени будутъ нужны „большія“ деньги—но дальше, не имѣя силъ сдерживать себя, плачетъ о разбитыхъ надеждахъ. Въ тонѣ письма чувствуются слезы отчаянія, слышится вопль юного сердца, у котораго отняли возможность исполненія завѣтныхъ мечтаній. Изъ ровной и плавной рѣчь переходитъ постепенно въ высоко-патетическую, обрывается на недостроенномъ періодѣ и заканчивается тихимъ, примиряющимъ „простите бѣднаго вашего сына“.—„Все было у меня распредѣлено, часы назначены и ни одинъ промежутокъ времени не долженствовалъ быть упущенъ. Для этого я рѣшился пожертвовать всѣми удовольствіями; вы помните, съ какимъ ужаснымъ энтузіазмомъ я всегда желалъ видѣться съ вами. Какъ жарко я всегда хотѣлъ ѣхать на праздникъ, какъ это было предметомъ желаній монхъ. И я всѣмъ этимъ рѣшилъ пожертвовать для однообразнаго труднаго занятія вѣчнаго заточенія. Видно было, что я больше предпочиталъ тягостное пріобрѣтеніе пользы упоительнымъ радостямъ веселія, и притомъ въ такое время, когда всѣ веселились... И вообразите теперь, когда я увидѣлъ свой планъ рушеннымъ, когда, окончивъ одни занятія, чтобы приняться за другія, я увидѣлъ, что мнѣ нечѣмъ заниматься, что я не только не получаю отъ васъ желанныхъ денегъ, но и никакого отвѣта,— я принужденъ былъ бросить все! Да и могъ-ли я заняться чѣмъ-нибудь, видѣвши главное свое неисполненнымъ? Вы не можете вообразить тогдашняго моего бѣшенства: я былъ точно сумасшедшій, заперся въ своей комнатѣ, грызъ отъ досады столъ, плакалъ, бѣгалъ отъ всѣхъ, и въ уединеніи отъ всѣхъ разрывался въ досадахъ и медленно началъ успокаиваться только съ прошествіемъ праздниковъ. Но воспоминаніе о нихъ рѣжетъ мое сердце.—Я не жалѣю о тѣхъ, почти даромъ ушедшихъ, 5 или 6 годахъ— я не понималъ этого. Но эти три недѣли, когда я думалъ столько сдѣлать, когда я такъ ясно понималъ всю важность моихъ занятій, когда я такъ пламенно жаждалъ употребить это самое лучшее время въ самую великую пользу, когда никто не мѣшалъ мнѣ, когда эти три недѣли были важнѣе для меня четырехъ мѣсяцевъ,— и видѣть всѣ свои надежды разбитыми—о! это ужасно! Но не думайте, Почтеннѣйшая маминька, чтобы я

въ это время досадовалъ на васъ, или хотя малѣйшее на васъ имѣлъ неудовольствіе—нѣтъ! я собственно досадовалъ на себя и наказывалъ одного себя. Но наказаніе мое было ужасно. Я теперь умоляю васъ, Почтеннѣйшая маминька, сдѣлайте милость, не оставьте меня такъ растерзаннымъ. Ежели то уже прошло, дайте мнѣ силы вознаградить его, мнѣ нужно кромѣ тѣхъ 20 рублей, которые вы прислали и которые я тщательно берегу, еще восемьдесятъ рублей. Хотя эта сумма чуть-чуть только меня удовлетворитъ... Но вообразите, что вы ее дасте мнѣ взаимы, что по прошествіи 3 или 4-хъ лѣтъ я вамъ возвращу ее усотеренную.

Сдѣлайте милость, Почтеннѣйшая маминька, не жалѣйте моего имѣнія; жалѣйте своего здоровья, а за малые (?) теперь претерпѣваемые, какъ въ имѣніи, уроны вознаградимъ впослѣдствіи.

Простите бѣднаго вашего сына, ежели онъ потревожилъ васъ, ежели онъ нанесъ вамъ тысячу новыхъ хлопотъ, и не сердитесь на него, который, ежели что дѣлаетъ, дѣлаетъ для васъ и для счастія всего нашего семейства. Н. Гоголь.“

Но время летѣло съ ужасной быстротой, близость экзаменовъ чувствовалась съ каждымъ днемъ все больше и больше, не давая возможности размышлять надъ утраченными „шестью годами“ и „тремя недѣлями“: Сознаніе необходимости работать взяло верхъ, и скоро прежній призракъ уже стоялъ передъ его глазами, маня впередъ и впередъ! На немъ огненными буквами виднѣлись слова: „работай на пользу отечества“!

Замѣчанія къ приложенному ниже письму.

Письмо Н. В. Гоголя, которое, фототипически воспроизведенное, приложено къ настоящей книжкѣ, найдено нами среди бумагъ семейнаго архива Гоголей. Какъ можно видѣть, часть перваго полулиста его оторвана, что лишаетъ возможности точно возстановить его текстъ; но, какъ увидимъ ниже, это обстоятельство лишь въ незначительной степени умаляетъ его значеніе, какъ матеріала для біографіи Гоголя. Содержаніе же второго полулиста настолько интересно, что искупаетъ недостатокъ перваго.

Въ нашемъ распоряженіи находится еще значительное количество писемъ Н. В. Гоголя къ матери и сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, но почти всѣ они напечатаны въ недавно вышедшемъ изданіи писемъ Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. И. Шенрока. Считаемъ умѣстнымъ высказать нѣсколько замѣчаній

касательно указаннаго изданія. Привѣтствуя появленіе всѣхъ писемъ, опубликованныхъ доселѣ, въ новомъ изданіи, какъ цѣннаго матеріала, къ которому еще долго будутъ обращаться изслѣдователи, нельзя однако не упрекнуть редактора во многихъ, весьма существенныхъ недостаткахъ изданія.

Первымъ изъ нихъ является, какъ мы думаемъ, принятый редакторомъ способъ передачи текста писемъ: исправляя грамматическія ошибки, какими изобилуютъ письма Гоголя, г. редакторъ зачастую исправляетъ „кажущіяся“ неправильности, составляющія особенность языка Гоголя; такъ, напр. въ т. III, стр. 173, строка 11 сверху напечатано: „несчастіе, какое можетъ *впереди* случиться“, тогда какъ въ подлинникѣ написано „*впередъ*“. Слово „впередъ“ въ письмахъ Гоголя имѣетъ иногда значеніе „впредь“, но никогда „впереди“; иногда-же оно является какъ малоруссизмъ, въ значеніи „сперва“, какъ въ томъ же письмѣ, тремя строками выше; такія окончанія, какъ *ыихъ* въ словѣ „прикащикъ“, *ое* въ словѣ искренное и т. п. слѣдовало бы оставить въ такомъ именно видѣ. Хотя вообще было бы полезнѣе издать письма со всею точностью оригиналовъ, чтобы изданіе могло служить важнымъ матеріаломъ въ вопросѣ о грамматикѣ Гоголя, но разъ уже былъ принятъ другой принципъ, то мы въ правѣ требовать самой правильной передачи текста, съ исправленіемъ лишь орѳографическихъ ошибокъ. Однако.. и этого мы не находимъ въ изданіи писемъ г. Шенрока. Сравнивъ нѣсколько напечатанныхъ писемъ съ имѣющимися у насъ оригиналами, мы, къ сожалѣнію, ни одного не нашли напечатаннымъ вполнѣ правильно. Укажемъ замѣченныя неправильности въ трехъ, свѣренныхъ нами, письмахъ.

т. II стр. 448: письмо къ матери (Іюнь 1844 г.), напечатанное уже раньше и теперь провѣренное.

стр. 449, строка 8 сверху: примѣчаніе 1-ое отмѣчено не у мѣста; слѣдуетъ помѣстить его выше, послѣ слова: „въ душѣ и (потому)“.

стр. 452, строка 14 сверху: напечатано „кому-нибудь“ вм. „кому-либо“.

стр. 455, строка 7 сверху: „сказать рѣшительно и о монхъ свойствахъ“—(*и*—лишнее).

т. III стр. 173, изъ письма къ М. И. Гоголь.

Въ примѣчаніи 4: „смотрите, чтобы“; слѣд.: смотрите же“ стр. 174, строка 12 сверху: „казалися“ вм. „казались“; стр. 175, строка

1 сверху: „на плечи“, вм. „на плеча“.

ib., прим. 4 поставлено не у мѣста; слѣдуетъ помѣстить его ниже, послѣ словъ: „каковъ каждый мужикъ“.

тамъ же: „что зналъ“, вм. „что онъ зналъ“.

ib., стр. 11 снизу; послѣ *а* не отмѣчено зачеркнутое „но чтобы“.

стр. 176, строка 5 сверху вставлено лишнее слово „всѣхъ“; ib., 13 сверху „столько-то“, вм. „столько-же“.

стр. 322: письмо къ Ольгѣ Васильевнѣ. Это письмо уже заинтересовало многихъ по своему исключительному характеру; тѣмъ болѣе прискорбно видѣть въ передачѣ его неточности, которыхъ оказалось немало.

стр. 323, строка 14 сверху, „что справедливѣй“; вм. „что еще...“; 324, строка 17 снизу: „людями“, вм. „людьми“.

ib., 20 снизу: „всѣхъ новообращенный“, вм. „всякъ новообращенный“.

стр. 325, 8 снизу: „какъ поступить умно разумно, потому что Богъ подаетъ разумъ“, вм.: „какъ поступить умно и разумно. И поступишь разумно, потому что Богъ подаетъ разумъ“.

стр. 327, 11 снизу: „воображай самое себя“, вм.: „вопрошай самое себя“.

стр. 328, въ концѣ письма: „письмо мое было длинно“, вм.: „письмо мое стало длинно“ и др.

т. IV, стр. 415; прим. 4: „о если-бы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало“, вм.: „....чтобы *нѣкогда* (было?) и времени не доставало.“

стр. 415, 15 сверху: „не лучше ли бы прочелъ твой кумъ“, слѣдуетъ: „...имъ твой кумъ.“

стр. 416, примѣч. къ письму: „Милой сестрѣ моей Ольгѣ послѣднее сокровище“, тогда какъ слова „послѣднее сокровище“ приписано рукою сестры, у которой это письмо было послѣднимъ, и было получено уже незадолго до смерти Н. Гоголя.—И мн. др...

Какъ видимъ, нѣкоторыя изъ неточностей менѣе значительны, другія же, какъ, напр., нѣсколько послѣднихъ, ведутъ за собою искаженіе смысла; но какъ тѣ, такъ и другія не должны бы имѣть мѣста въ такомъ изданіи, которое едва-ли скоро повторится, и которое имѣло-бы тогда полное право считаться полезнымъ вкладомъ.

Но мы уклонились въ сторону, заговорившъ о несовершенствѣ изданія писемъ Гоголя; теперь переходимъ къ вопросу объ издаваемомъ нами письмѣ. Хотя на немъ хронологическая дата не обозначена, но время его

написанія можно приблизительно опредѣлить. По почерку оно можетъ быть отнесено къ концу Нѣжинскаго періода; къ тому-же времени оно можетъ быть отнесено по строенію рѣчи, въ которой слишкомъ замѣтны слѣды риторики; по содержанію же оно относится къ послѣднему году пребыванія въ Нѣжинской гимназіи и, по сравненіи съ письмами этого года, оно должно быть поставлено между послѣднимъ декабрьскимъ 1827 г. и письмомъ 1-го марта 1828 г. Вѣроятнѣе всего, что оно получено около половины января 1828 г. и даже, быть можетъ, было привезено Даниловскимъ же, возвратившимся послѣ рождественскихъ каникулъ въ Нѣжинъ тѣмъ болѣе, что онъ же отвезъ родителямъ Гоголя и послѣднее изъ писемъ 1827 года, именно, отъ 20 декабря. Что касается перваго полулиста, неполнаго, то, судя по сохравшимся отрывкамъ словъ и предложеній, содержаніе его не представляло ничего новаго, заключая въ себѣ лишь повтореніе мыслей, высказанныхъ въ письмѣ къ матери отъ 15 декабря 1827 г. Занятый своими планами, Н. В. Гоголь по нѣскольку разъ говоритъ о нихъ въ своихъ письмахъ, и здѣсь, предполагая, что, быть можетъ, первое письмо не дошло по адресу, тѣмъ объяснялъ онъ продолжительное молчаніе матушки своей, онъ вкратцѣ резюмируетъ на 1-мъ полулистѣ то, о чемъ писалъ раньше; но на второмъ полулистѣ онъ говоритъ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій, и эта часть заключаетъ въ себѣ много интереснаго.

Вторую часть мы привели цѣликомъ въ этюдѣ „Страничка изъ жизни Гоголя“, теперь же предложимъ попытку возстановить *содержаніе* 1-го полулиста, на основаніи имѣющихся отрывковъ и изученія писемъ предшествующей и непосредственно слѣдующей поры. [1])

„*Деньги*, *Дрожайшая* маменька, я получилъ *вчера*. *По всей* вѣроятности, какъ изъ письма Вашего *видно*, *Полтавская* контора задержала пересланное мною по *Миргородской* почтѣ письмо, въ которомъ я просилъ о *присылкѣ денегъ*... *Я вамъ говорилъ* о теперешнемъ моемъ усиленномъ *занятіи* новыми языками. *Еще съ Сентября мѣсяца* я сталъ заниматься *много безостановочно*, и могу похвалиться *успѣхомъ*. *Сперва мнѣ нужно* было не много, пока я *занимался однимъ языкомъ*. Теперь-же свои занятія я во *много усилилъ*, *когда въ оставшееся* время я рѣшилъ *сдѣлать все то, что мнѣ нужно* было сдѣлать въ продолженіе *всѣхъ лѣтъ моего здѣсь бытія*. Поэтому и теперь мнѣ нужны

[1]) Курсивомъ обозначено имѣющееся въ оригиналѣ.

деньги, *а будутъ еще нужны большіе. И теперь* я скучаю въ средѣ, которая раньше *могла занимать меня* (?). *Всѣ самомальѣйшія*, получаемыя *мною деньги употреблялъ я* на покупку книгъ. Но теперь *пристали гораздо большіе трудности.* Мнѣ было.. *необходимо нужнѣйшія* пособія *къ уразумленію языковъ достать теперь-же... Я просилъ*, чтобъ вы выслали *мнѣ 60 рублей*[1])..... *я умолялъ васъ не словами...*

Къ чему *сохранять его для меня*, да и на что *мнѣ такое имѣніе.* Я не хочу оставить *себѣ вещественное* наслѣдіе. Вамъ слѣдуетъ стараться *сбыть нѣкоторые* менѣе нужныя *земли и даже продать* большой лѣсъ. Вѣдь и вы на меня *столько надеждъ полагали*, что такой выходъ кажется *мнѣ неизбѣжнымъ. Ибо черезъ полгода* мнѣ будутъ *деньги нужны большіе, особливо на первый* случай, а тамъ я *смогу и своимъ трудомъ жить. Машинькѣ также* нельзя *быть только въ пансіонѣ. Ей также нужны* будутъ деньги: *нужно ей порядочно окупироваться и всегда* имѣть деньги.

При томъ же нужно ей что нибудь положить въ качествѣ приданаго за *ней. Итакъ вы видите, что его продажа необходима. Это я воображалъ, что вы непремѣнно вышлите для моихъ занятій еще до новаго года оные шестьдесятъ рублей*, и занятія свои *расположилъ я, основываясь на книгахъ*, которыя собирался *купить. Все было у меня распредѣлено.*".. Дальнѣйшій текстъ мы привели выше.

Предлагаемая реставрація, конечно, не можетъ претендовать на точность, но кажется, большинство конъектуръ соотвѣтствуютъ общему тону письма, въ особенности по сравненіи съ письмомъ отъ 15 декабря 1827 г., о которомъ мы уже упоминали.

Точное же воспроизведеніе оригинала читатель найдетъ ниже.

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, было упоминаніе о продажѣ лѣса или имѣнія, судя по дальнѣйшему.

Деньги 2.

Вчера. Повсе
видно полтора
Миргородской
солнце денесь.
Я вам говорил
иномъ занятіи
Еще съ Сентября мне
много безъ остановочно.
успѣхомъ сперва мнѣ нужно
Занимался однимъ языкомъ
много усилилъ когда въ остальн
Сдѣлать все то что мнѣ нужно
всѣхъ лѣтъ моего здѣсь бытія. Но
а будутъ еще нужнѣ больше. И тепер
могла занимать меня всѣ самомѣля
синого деньги употреблялъ я для своего
Приспѣли гораздо большіе трудности
~~дарамъ достать нас~~ Неубѣжно нужно
уразумленію языковъ достать тепер

часъ назначенный и ни одинъ промежутокъ времени недолжен-
ствовалъ быть упущенъ — для этого я решился пожертвовать
всѣми удовольствіями. Вы помните съ какимъ ужаснымъ старан-
ствомъ я всегда желалъ видѣться вами. — Какъ жерко я
всегда хотѣлъ ѣхать на праздникъ какъ это было предметомъ
желаній моихъ. И я всѣмъ этимъ решился пожертвовать для однообразія
трудныхъ занятій вѣчнаго заточенія. — видно было что я больше
предпочиталъ тягостное пріобрѣтеніе пользы Спокойствію радостямъ
веселія. И притомъ въ такое время когда всѣ веселились. И вообразите
теперь когда я увидѣлъ свой планъ рушеннымъ, когда окончивъ одни
занятія чтобы приняться за другіе, я увидѣлъ что мнѣ нѣчемъ зани-
маться что я не только не получаю отъ васъ желанныхъ денегъ но
никакого отвѣта, я принужденъ былъ бросить все. Да и ночь мнѣ
заняться чѣмъ нибудь видѣвши главное свое неисполненнымъ. Въ нашемъ
жертвѣ вообразить тогда жалкаго моего бѣдствія я былъ точно
сумасшедшій. Заперся въ своей комнатѣ [illegible] отъ досады [illegible]
плакалъ, бѣгалъ отъ всѣхъ; и въ уединеніи отъ всѣхъ разрывался
въ досадахъ и медленно началъ успокоиваться только съ прошествіемъ
праздниковъ, но воспоминаніе оныхъ рѣжетъ мое сердце. —
Я нежалѣю отъѣхъ почти даромъ ушедшихъ зимъ шести годовъ я
не понималъ этого. — Но въ теперь эти три недѣли когда я думалъ
столько сдѣлать, когда я такъ ясно понималъ всю важность моихъ
занятій, когда я такъ пламенно жаждалъ употребить это самое

лучшее время въ самую великую пользу, когда никто не пе-
нялъ мнѣ когда тѣ три недѣли были вверены для меня
четырехъ мѣдяковъ и видѣть все свои надежды разбитыми
О, это ужасно! Но недумайте Почтенный милая Маминька
что бы я въ это время досадовалъ на васъ или хотя мастѣйшее
на васъ имѣлъ неудовольствіе нѣтъ я собственно досадовалъ на
себя и наказывалъ одного себя. Но наказаніе мое было ужасно. —
Я теперь умоляю васъ Почтенный Маминька здѣлайте милость
Не оставьте меня такъ растерзаннымъ Ежели тогда прочего
дайте мнѣ силы вознаградить ее, мнѣ нужно кромѣ тѣхъ
20ти рублей которые вы прислали и которые я тщательно
берегу еще 80 восемдесятъ рублей хотя эта сумма чуть ли
только меня удовлетворитъ.. — Но вообразите что вы даете
мнѣ въ заемъ что по прошествіи 3 или 4хъ лѣтъ я вамъ возвращу
ее усовершенную — здѣлайте милость Почтенный Маминька
И ежелайте моего имѣнія.. желайте своего здоровья а знаете
теперь притерпѣвшись какъ въ ~~[illegible]~~ имѣніи урожь вознаградить
въ послѣдствіи.

Про Стыдно вашего Сына Ежели онъ потревожилъ
васъ Ежели онъ навелъ вамъ тысячу по вѣкъ клопотъ и не
сердитесь нашего который Ежели что дѣлаетъ, дѣлаетъ для
васъ и для щастія всего нашего Сѣмейства.

М. Гоголь

Изъ переписки С. Шевырева съ О. В. и М. И. Гоголь.

1.

Милостивая Государыня

Ольга Васильевна!

Братецъ Вашъ, Николай Васильевичъ, поручилъ мнѣ переслать къ Вамъ прилагаемое письмо—и съ тѣмъ вмѣстѣ проповѣди Иннокентія; но сіи послѣднія вышли всѣ въ книжныхъ лавкахъ и вотъ причина, почему я не могъ исполнить этого порученія, а какъ только почвится новое изданіе, я немедленно Вамъ его доставлю.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашимъ Милостивая Государыня покорнѣйшимъ слугою С. Шевыревъ.

Москва,
1847 Марта 19 дня.

2.

Милостивая Государыня

Ольга Васильевна,

По порученію братца Вашего, Николая Васильевича, полученному мною вчера, препровождаю къ Вамъ тридцать рублей серебромъ (вмѣсто 100 руб. ассигнац.), какъ онъ приказываетъ, ибо ассигнаціонный счетъ съ 1-го Января уже не существуетъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашимъ, Милостивая Государыня, покорнѣйшимъ слугою, С. Шевыревъ.

Декабрь 30
1847 Москва.

Прилагаю и письмо отъ Вашего брата.

3.

Милостивая Государыня

Марія Ивановна!

Лишь только отправилъ я къ Вамъ письмо отъ 14-го Іюня, какъ получилъ Ваше отъ 8-го. Спѣшу Вамъ отвѣчать на него, благодаря большей свободѣ моего времени. Довѣренности всѣмъ наслѣдникамъ надобно

будетъ, конечно, написать порознь; но онѣ должны быть всѣ одного содержанія. Объ этомъ надѣюсь поговорить съ Вами при свиданіи. Хорошо бы было, если бы онѣ могли быть готовы всѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, чтобы я могъ привезти ихъ отъ Васъ съ собою. Кромѣ довѣренностей, для печатанія нужно еще высшее разрѣшеніе, какъ я уже писалъ къ Вамъ. Не прежде Августа или даже Сентября можно будетъ получить его. Все это объясню Вамъ подробно при свиданіи.

На дняхъ дворецкій Графа Толстого отправляетъ къ Вамъ съ транспортомъ Харьковскаго коммиссіонерства всѣ вещи и книги Николая Васильевича, и при нихъ отправится Семенъ. Я же привезу къ Вамъ всѣ оставшіяся бумаги. Если бы что нибудь замедлило предположенную мною поѣздку, то завѣщанія я вышлю по почтѣ, но страховымъ письмомъ. Завѣщанія эти не имѣютъ формы акта, а могутъ имѣть только семейную силу.

Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ къ Вамъ, на меня снова напала лихорадка. Я опять на лекарствѣ. Пароксизмъ не повторился, но надобно окрѣпнуть силами. Надѣюсь, что Богъ благословитъ мое намѣреніе быть у Васъ и пошлетъ мнѣ для того силы.

Многія занятія меня утомили, а горе Ваше и мое довершило утомленіе. Мнѣ надобно освѣжиться. Путешествіе мнѣ всегда полезно—и я нахожу сердечную отраду въ томъ, что соединю его на этотъ разъ съ влеченіемъ души моей помянуть вмѣстѣ со всѣми Вами нашего незабвеннаго Николая Васильевича и вдоволь наговориться объ немъ.

Принося Вамъ и всему почтеннѣйшему семейству Вашему чувства моего глубочайшаго уваженія, съ душевною преданностію пребуду всегда

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою С. Шевыревъ.

Москва 1852 Іюня 20.

4.

ЗАПИСКА

о печатаніи Сочиненій покойнаго Н. В. Гоголя и о суммѣ денегъ, имъ на то оставленной.

При жизни покойнаго Н. В. Гоголя, имъ самимъ, съ дозволенія Московской Цензуры, начато печатаніе 4-хъ томовъ его сочиненій въ трехъ типографіяхъ: первыхъ двухъ томовъ въ Университетской, 3-го въ

типографіи Готье, 4-го въ типографіи Семена. Въ Университетской напечатано 19 листовъ, остается еще примѣрно $16^1/_2$ листовъ. У Готье отпечатано 16, остается 2 листа. У Семена отпечатано 6, остается 17 лист.

(Слѣдуетъ подробный отчетъ).

Сумма на издержку.

Послѣ Н. В. Гоголя осталось въ моихъ рукахъ отъ его благотворительной суммы, которую онъ употреблялъ на вспоможеніе бѣднымъ молодымъ людямъ, занимающимся наукою и искусствомъ—2533 руб. 87 коп. Его карманныхъ денегъ—остатокъ отъ вырученныхъ за 2-ое изданіе М. Душъ—170 р. 10 к. Итого 2703 р. 97 к. Деньги отъ его благотворительной суммы назначалъ онъ употребить теперь на напечатаніе его сочиненій съ тѣмъ, чтобы по выручкѣ издержекъ, она слѣдовала опять своему назначенію. Изъ нихъ истрачено:

(Слѣдуетъ подробный отчетъ).

Въ какомъ состояніи находится теперь дѣло?

По смерти Николая Васильевича, я получилъ приказаніе остановить изданіе его Сочиненій впредь до разрѣшенія Начальства. Лица, принимающія живое участіе въ судьбѣ семейства покойнаго, заботятся о томъ, чтобы получить на то Высочайшее разрѣшеніе. Необходимо также для продолженія дѣла, чтобы родные Николая Васильевича, имѣющіе права на наслѣдство его имѣніемъ и, слѣд., по закону пользующіеся 25-тилѣтнимъ правомъ печатанія его Сочиненій въ свою пользу, прислали мнѣ полномочную довѣренность на то, чтобы распоряжаться изданіемъ его Сочиненій по моему благоусмотрѣнію и доброй волѣ и отсылать имъ только отчеты и доходы. Какъ трудился я въ этомъ отношеніи для покойника при жизни его, такъ не откажусь потрудиться и для его семейства. Въ теченіи 25-ти лѣтъ печатаніе его Сочиненій уже изданныхъ и еще неизданныхъ можетъ составить весьма значительный капиталъ. Теперь ни Сочиненій его, ни Мертвыхъ Душъ уже нѣтъ въ продажѣ; уцѣлѣвшіе же въ книжныхъ лавкахъ экземпляры продаются по цѣнѣ неимовѣрной. Родные покойника могутъ быть увѣрены, что ихъ интересы также будутъ для меня дороги, какъ были интересы покойнаго, котораго дружба и память останутся навсегда священны для моего сердца.

Маія 7. 1852. Москва. С. Шевыревъ.

Довѣренность должна быть написана на имя Статскаго Совѣтника и Кавалера Степана Петровича Шевырева. Листъ въ два рубля серебромъ.

5.

Довѣренность, выданная родственниками Гоголя С. П. Шевыреву.

Милостивый Государь

Степанъ Петровичъ!

Вамъ извѣстно, что мы имѣли несчастіе потерять роднаго брата нашего Николая Васильевича Гоголя, по смерти коего мы остались единственными наслѣдниками; извѣстно также и то, что, на основаніи законовъ, мы, какъ единственные наслѣдники его, имѣемъ полное право продолжать печатаніе изданныхъ еще при жизни его сочиненій, а также оставшихся неизданными послѣ его смерти, въ теченіи двадцати пяти лѣтъ.

Не имѣя никакой возможности приступить къ этому, мы, по извѣстной намъ дружбѣ Вашей къ покойному брату нашему, покорнѣйше просимъ Васъ, Милостивый Государь, вмѣсто насъ распорядиться, по Вашему усмотрѣнію, какъ о продолженіи печатанія всѣхъ изданныхъ уже при жизни его сочиненій, такъ и объ изданіи вновь всѣхъ тѣхъ сочиненій его, какія Вы признаете удобнымъ напечатать изъ оставшихся послѣ смерти брата нашего въ рукописяхъ еще неизданными, и для того уполномочиваемъ Васъ входить вмѣсто насъ отъ имени своего и за своимъ подписомъ куда слѣдуетъ съ прошеніями, объявленіями и всякаго рода бумагами, къ вышесказанному предмету относящимися, а также продавать напечатанные экземпляры кому и по какимъ цѣнамъ заблагоразсудите, высылая намъ деньги по мѣрѣ выручки, какія за расходами печатанія и другими могутъ оставаться въ нашу пользу, и вообще при изданіи сочиненій брата нашего дѣйствовать, какъ бы право на изданіе ихъ Вамъ самимъ принадлежало.

Во всемъ этомъ мы Вамъ совершенно вѣримъ и, что Вы по сему законно и въ нашу пользу учините, спорить и прекословить не будемъ.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія и совершенной преданности имѣемъ честь быть (Подписи).

Іюня — дня 1852 г.

Сія довѣренность принадлежитъ Статскому Совѣтнику и Кавалеру Степану Петровичу Шевыреву.

6.

Милостивая Государыня,

Маія 9 го 1860 Москва. душевно уважаемая Марія Ивановна!

Воротясь изъ Данилова монастыря, гдѣ я помянулъ нашего покойнаго дорогаго покойника, вмѣстѣ съ другомъ его Языковымъ, не могу не перенестись мыслію къ Вамъ и не написать къ Вамъ хоть нѣсколькихъ строкъ. Грустно мнѣ такъ давно уже ничего не знать объ Васъ, ни о семействѣ Вашемъ, ни о здоровьѣ любезнѣйшаго Николая Павловича [1]). Напишите мнѣ хотя что нибудь. Много утѣшите. Жизнь моя идетъ тяжело и грустно. Службы нѣтъ. Жизнь вдвое дороже. Будущее также мрачно.

Желалъ бы знать объ Васъ подробнѣе. Аннѣ и Ольгѣ Васильевнамъ прошу Васъ засвидѣтельствовать мое душевное почтеніе. Поклонитесь Николаю Павловичу. Жена моя и все семейство Вамъ приноситъ свое искреннее уваженіе.

Примите чувства тѣже и отъ меня, вмѣстѣ съ выраженіемъ душевной моей преданности, съ которою имѣю честь быть Вашимъ, Милостивая Государыня, покорнѣйшимъ слугою С. Шевыревъ.

Письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь [2]).

Выписка изъ письма 1859 г. февраля 20. С.-Петербургъ.

1.

— „Посылаю Вамъ *завѣщаніе*, котораго до сихъ поръ не могъ отыскать между бумагами. Чемоданчикъ съ рукописями Николая Васильевича будетъ доставленъ въ Васильевку, какъ Вы желаете.

Всѣмъ Вашимъ усерднѣйшій мой поклонъ.
Всею душею преданный Вамъ П. Кулишъ.

1861 сент. 2 Полтава.

---

[1]) Н. П. Трушковскій, племянникъ Гоголя.

[2]) Изъ имѣющагося у насъ собранія писемъ П. А. Кулиша къ Маріи Ивановнѣ Гоголь мы помѣщаемъ здѣсь тѣ, которыя имѣютъ лишь отношеніе къ Н. В. Гоголю и его сочиненіямъ. Остальныя же письма, имѣющія прямое отношеніе лишь къ жизни самого Кулиша, мы напечатаемъ въ слѣдующей книжкѣ „Чтеній“.

2.

Я получилъ изъ Петербурга самыя непріятныя извѣстія. Типографія намъ въ убытокъ, потому что содержать ее дорого, а работъ очень мало. Никогда Ваше содѣйствіе къ изданію Сочиненій Николая Васильевича не было-бы для меня такимъ добромъ, какъ въ настоящее время. Я уѣзжаю въ надеждѣ, что Вы, мой почтеннѣйшій и надежнѣйшій другъ Марія Ивановна, употребите все Ваше вліяніе на кого слѣдуетъ, чтобы помочь мнѣ выдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Благодарю Васъ за Вашу доброту. Словъ у меня всегда мало, когда нужно благодарить; но я разстался съ Вами, какъ съ родной матерью. Въ Петербургѣ ожидаютъ меня тяжкія заботы и большія непріятности, но я не могу оставаться долѣе въ Вашемъ тепломъ пріютѣ. Меня зовутъ, какъ на казнь. Лучше Вамъ и не знать, какъ тяжело мнѣ жить на свѣтѣ, при всѣхъ моихъ преимуществахъ передъ многими. Но довольно объ этомъ. Изъ прилагаемыхъ восьми рублей прошу вручить 3 р. Григорію, 2 р. столяру, 2 р. кузнецу и 1 р. Пелагеѣ Ѳедоровнѣ. Не думайте, что я Григорію даю много: иначе мнѣ нельзя платить. Вы по себѣ не судите. Я вездѣ пришелецъ и чужеземецъ; если я буду вести разсчетъ въ лишнемъ рублѣ, то мнѣ нигдѣ житья не будетъ, и хоть бы господа были ангелы, но слуги отравятъ для меня всякое мѣстопребываніе. Вы бы изумились, если бы узнали, какими деньгами Николай Васильевичъ покупалъ ласковый взглядъ прислуги во время пребыванія своего у Толстого, у Вьельгорскихъ, у Смирновыхъ и у другихъ. Я знаю, что значитъ расточительность; а это простая необходимость, все равно какъ за проѣздъ въ дилижансѣ. Леонтій вручитъ Вамъ ложечку и два ключа. Прошу считать мой домикъ и книги Вашею собственностью. Кого-бы Вы ни поселили тамъ, я буду радъ, что мое добро къ чему-нибудь Вамъ пригодилось; а о книгахъ я никогда не жалѣю, если кто зачитаетъ. Да и вообще изъ вещей нѣтъ ничего для меня дорогого, кромѣ развѣ какого-нибудь сувенира, какъ, напримѣръ, подаренная Вами мнѣ подушка, которую я храню, какъ сокровище.

Съ глубокимъ почтеніемъ
цѣлую Вашу ручку

П. Кулишъ.

8.

Почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна!

Благодарю Васъ за Вашу заботливость обо мнѣ, но довольно ужъ толковать намъ объ изданіи сочиненій Николая Васильевича. Пускай такъ поступаютъ, какъ найдутъ для себя выгоднѣе и пріятнѣе. Часть денегъ *за Литургію* выслана Вамъ; объ остальныхъ экземплярахъ я увѣдомлялъ, что они рѣшительно не идутъ. Кто этому не вѣритъ, тотъ пусть получитъ ихъ отъ меня натурою. Я сейчасъ выслалъ бы Вамъ точный счетъ о Литургіи; но, къ сожалѣнію, Каменецкій мой не возвратился еще изъ отпуска домой, а я безъ него, какъ безъ рукъ по счетоводству. Притомъ же у меня теперь на рукахъ половина редакціи *Основы*; Бѣлозерскій просилъ меня забыть все прошлое, для общей пользы, и Вы увидите сентябрьскую книжку (которая скоро выйдетъ), наполненную моими стихами и статьями. Лишь только Каменецкій воротится, тотчасъ онъ составитъ весь счетъ, когда и по скольку высылалось Вамъ за Литургію; и сколько лежитъ непроданныхъ экземпляровъ. Б . . . въ сдѣлалъ одну изъ тѣхъ увертокъ, которыя свойственны всѣмъ книгопродавцамъ безъ исключенія. Прилагаю записку для полученія находящихся у него книгъ.

Дѣла мои, слава Богу, поправляются. Типографія получила новые заказы. Но что особенно должно Васъ радовать, такъ это успѣхъ моихъ стихотворныхъ произведеній. Всѣ изумлены этою неожиданностію, и многіе такъ странно въ меня всматриваются, что мнѣ становится смѣшно и грустно. Одинъ только Грабовскій [1]), знаменитый польскій критикъ, всегда находилъ меня поэтомъ, когда другіе низводили меня чуть-ли не до уровня Данилевскаго. Странные люди! какъ будто для прозы и для стиховъ не одна и та-же нужна душа. До новаго года я все буду печатать въ *Основѣ* мелкія стихотворенія, потому что поэму, посвященную Вамъ, берегу для начала 1862 года. Прочтите въ сентябрьской книжкѣ *Украинскія незабудки:* это—вѣрная фотографія Борзенской жизни.

Деньги, задерживаемыя Чижакомъ, вышлю въ непродолжительномъ времени.

Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую Вашу ручку.

---

[1]) Перу его принадлежитъ между прочимъ интересный критическій разборъ Тараса Вульбы (В. Ч.)

Аннѣ Васильевнѣ буду отвѣчать особо, когда будетъ готова фотографія, о которой она пишетъ.

Посылаю Вамъ карточку моего друга Грабовскаго, который недавно былъ здѣсь. Мнѣ пріятно, чтобъ Вы знали эту почтенную личность, хоть по портрету.

Вашъ П. Кулишъ.

1861 окт. 18. С.-Петерб.

4.

Почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна!

Печатая пять тысячъ экземпляровъ сочиненій Вашего сына, я имѣлъ въ виду сдать ихъ книгопродавцу, который купитъ ихъ оптомъ. Но ни одинъ книгопродавецъ купить всѣхъ книгъ разомъ не захотѣлъ, не смотря на предлагаемую уступку 25 процентовъ. Книги, въ числѣ тридцати тысячъ томовъ, очутились на моихъ рукахъ, и я естественно долженъ былъ стараться, чтобъ ихъ раскупили какъ можно скорѣе. Для этого я открылъ въ разныхъ министерствахъ подписку между чиновниками, съ разсрочкою платежа. Чиновники, не смотря на ручательство своихъ начальниковъ, умудрились не доплатить мнѣ значительной суммы разсроченнаго сбора. Кромѣ того много экземпляровъ попорчено въ кладовой мышами. Но все это я пополнялъ въ своихъ счетахъ тѣми уступочными процентами, которые должны были оставаться въ мою пользу отъ меньшихъ уступокъ книгопродавцамъ, покупавшимъ книги десятками. При всѣхъ однакожъ моихъ стараніяхъ, несостоятельность моихъ комиссіонеровъ: Полтавскаго Чижака и Московскаго Горбунова, не дали мнѣ возможности доплатить наслѣдникамъ Гоголя нѣсколькихъ сотенъ рублей; а тутъ моя типографія пришла въ упадокъ. Я продалъ ее, чтобъ расплатиться съ долгами, но продалъ за вексель, по которому до сихъ поръ не получилъ ни рубля. Все это такія вещи, которыя могутъ случиться съ каждымъ; и я надѣялся, что наслѣдники Гоголя будутъ имѣть терпѣніе дождаться, пока я соберусь со средствами очистить наши счеты. Но, къ удивленію моему, получаю требованіе отъ Вашего зятя, Г-на Головни. Сдѣлайте одолженіе, добрѣйшая Марія Ивановна, употребите зависящія отъ Васъ средства, чтобы это дѣло было предоставлено собственной моей совѣсти, которая и безъ требова-

тельныхъ писемъ слишкомъ страдаетъ отъ невозможности уплатить немедленно остающіяся за мною деньги.

Вотъ Вамъ и объясненіе, почему наши планы о тихомъ пріютѣ моемъ въ хуторѣ Белебнѣ оказались прекрасною мечтою. Не такъ въ мірѣ дѣла дѣлаются, какъ мечтаютъ добрыя души.

Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую Вашу ручку

1863 января 17 Борзна. П. Кулишъ.

Объ остающихся непроданными экземплярахъ *Литургіи* напишу въ Петербургъ, чтобъ выслали ихъ по назначенію Г-на Головни.

5.

Милостивый Государь Владиміръ Ивановичъ [1]).

На изданіе Сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя въ пяти тысячахъ экземплярахъ получилъ я отъ Н. П. Трушковскаго [2]) 8,800 руб. изъ нихъ отправилъ 600 М. И. Гоголь а у меня осталось 8200 руб. сереб.

Такъ какъ заказаннымъ еще задолго до того портретомъ автора опредѣлялся форматъ книгъ, то необходимо было употребить шрифтъ средней величины и потому бумаги потребовалось много.

Н. П. Трушковскій передалъ мнѣ дѣла по изданію на условіе напечатать всѣ 6 томовъ въ 3 мѣсяца. Къ сожалѣнію, я принялъ его желаніе къ исполненію въ буквальномъ смыслѣ, и только непредвидѣнная задержка со стороны цензуры продлила мою работу на полъ года. Не смотря на то, спѣшность работы, при заключеніи условій съ типографіями, увеличила цѣну за наборъ и печать съ листа (Подлинные счеты типографщиковъ доставлены мной въ Васильевку).

Потому изданіе обошлось нѣсколько дороже, чѣмъ можно было его выполнить по произвольно выбраному формату и шрифту и притомъ не торопя типографій срочной работой.

[1]) В. И. Быковъ, мужъ Елизаветы Васильевны, сестры поэта.

[2]) Ник. Пав. Трушковскій, племянникъ Гоголя, сынъ Маріи Васильевны, сестры поэта.

По напечатаніи сочиненій и писемъ Гоголя предоставлено было мнѣ право продать всѣ разомъ 5000 экземп. какому-нибудь книгопродавцу съ уступкой 25% съ номинальной цѣны то-есть по 9 руб. за экземпляръ, что составило бы 45,000 руб.; изъ этой выручки слѣдовало мнѣ получить 3,000 р., за трудъ, и покрыть расходы на изданіе, сдѣланные сверхъ 8,200 р. полученныхъ мною отъ Н. П. Трушковскаго. Изъ подробнаго счета издержкамъ на изданіе, поданнаго мною лично М. И. Г., вы конечно знаете, что итогъ его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми побочными издержками по дѣламъ наслѣдниковъ Автора, оно обошлось въ 15,657 руб. 26 к., слѣдовательно сверхъ 8,200 р. передержано мною на изданіе и пр. расходы 7,457 р. 26 к. Вычтя изъ предполагаемой выручки, т. е. изъ 45,000 руб. заработанные мною 3,000 р., да эти 7,457 р. 26 к. вы бы получили отъ книгопродавцевъ 34,543 руб. Въ этой цифрѣ заключались бы и 8,200 р. полученные мною отъ Н. П. Трушковскаго. Слѣдовательно чистый доходъ вашъ отъ изданій былъ бы (не считая 8,200 р.) 26,343 руб.

Но ни одинъ книгопродавецъ не согласился купить разомъ всѣ 5,000 экземпляровъ. Тогда волею и не волею, я долженъ былъ взять на себя сбереженіе огромной массы книгъ и продолжительную продажу ихъ по частямъ. Къ концу этой распродажи, вы, по моему соображенію, должны получить ту сумму, которую получили бы отъ продажи вдругъ всѣхъ экземпляровъ, а именно: обратно своихъ 8,200 руб. и 26,343 руб. выручки. Издержки же на наемъ помѣщенія для книгъ (ими завалена была вначалѣ цѣлая комната), на содержаніе такого человѣка, который бы во всякое время удовлетворялъ требованія книгопродавцевъ, велъ счетъ деньгамъ, клалъ ихъ въ банкъ и высылалъ по почтѣ—все это предположено мною выгадать изъ тѣхъ 25% уступки, которые предлагались книгопродавцамъ. На такихъ условіяхъ согласился бы принять къ себѣ въ магазинъ 5000 экзем. любой книгопродавецъ, но разница была-бы въ томъ, что вы не получили бы отъ него денегъ, чему доказательствомъ служитъ то, что на мои предложенія, никто изъ нихъ не захотѣлъ обовязать себя векселемъ или контрактомъ къ уплатѣ извѣстной суммы въ теченіе стольких-то лѣтъ.

До сихъ поръ вы получили отъ меня, согласно прилагаемому при семъ счету 17,000 руб, да дано книгопродавцу Базунову книгъ на 3000 р. по счетамъ и условіямъ Н. П. Т. при предшествовавшихъ изданіяхъ, слѣдовательно надобно считать, что вы получили 20,000 руб. отъ меня. Остается получить вамъ, по мѣрѣ распродажи остающихся экзем., 14543 р. До сихъ

поръ продано около 3,400 экз. Остается на лицо около 1,600 экз., изъ которыхъ 1000 экз. лежитъ у меня на квартирѣ, а остальные—частію находятся у моихъ коммиссіонеровъ въ разныхъ городахъ, частію-же числятся на чиновникахъ разныхъ департаментовъ, за которыхъ поручились ихъ начальники, что изъ ихъ жалованья будутъ уплачены деньги въ теченіе года отъ полученія ими книгъ.

Прошу васъ увѣдомить меня, удовлетворены-ли вы моимъ отчетомъ и не требуется-ли какихъ объясненій. Ожидаю также увѣдомленія и о деньгахъ, слѣдующихъ вамъ отъ редактора газеты Современникъ. Счетъ о Литургіи вышлю вслѣдъ за симъ. Вы можете справиться у Кіевскихъ книгопродавцевъ, много ли они продали этой книжки. Она шла очень тупо, и перепечатка обертки подъ видомъ втораго, дешеваго изданія не подвинула распродажи ни мало. Слѣдовательно тутъ не цѣна причиною, а предубѣжденія, посѣянныя журналами противъ религіозности автора [1]).

Два письма Ольги Аксаковой къ М. И. Гоголь.

1.

19-е Марта 1843-го года.

Поздравляю васъ, Почтеннѣйшая Марья Ивановна, со днемъ рожденія Николая Васильевича, намъ этотъ день чрезвычайно памятенъ; да продлитъ Господь жизнь его и да укрѣпитъ здоровье его, а вамъ бы долго, долго утѣшаться его славою. Сочиненія его расходятся, а болѣе всего слушаются и начинаютъ узнавать его разныя сословія. Сергѣй Т. читалъ во многихъ домахъ Шинель, Разъѣздъ, Игроковъ и проч., а Константинъ совсѣмъ въ другихъ домахъ читалъ новаго Тараса Бульбу и проч. Теперь Щепкинъ читалъ публично „Старосвѣтскіе помѣщики“, а Садовскій актеръ разсказъ „Копѣйкинъ“; у нихъ устроились публичныя чтенія по 5-ти руб., имъ далъ Новосильцевъ залу у Мясницкихъ воротъ въ своемъ домѣ; тутъ еще читаетъ Вальтеръ пофранцузски и M-elle Шамбери, но вообразите, послѣ чтенія Щепкина, когда онъ кончилъ Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, никто

[1]) Это письмо печатается не съ оригинала, а съ копіи, сдѣланной для М. И. Гоголь.

не сталъ слушать Гюго, стали ходить, шумѣть—Вальтеръ разсердился, а М-ше Шамбери, говорятъ, уѣхала;—человѣкъ до 180 было, только зала и помѣстить можетъ и то чрезвычайно, говорятъ, жарко. Сочиненія его, говорятъ, вѣрный капиталъ и, кажется, всѣ долги его теперь уплочены, и вы Почтеннѣйшая Марья Ивановна, можете быть спокойны, скоро вы будете совсѣмъ обезпечены; Богъ посылаетъ вамъ черезъ сына вашего свою благодать; нельзя только вдругъ все сдѣлать, потерпите и надѣйтесь, а между тѣмъ да благословитъ Богъ и сосѣда вашего, который раздѣлилъ съ вами свои деньги, столько вамъ тогда необходимыя.... (*Конца нѣтъ*).

2.

Христосъ Воскресъ!

Почтеннѣйшая Марья Ивановна! Мы получили письмо ваше отъ 12-го Апрѣля; вижу изъ него и изъ письма Анетъ, что вы смущаетесь присылкою денегъ отъ неизвѣстнаго вамъ должника Николаю Васильевичу; Слава Богу, что есть люди помнящіе добро; мы рѣшительно не знаемъ; кто это такой, но станемъ справляться при всякомъ возможномъ случаѣ. Какъ ваше здоровье, Многоуважаемая Марья Ивановна, такова весна у васъ и въ нашемъ холодномъ мѣстѣ она открылась вдругъ съ 25-го Апрѣля, и мы ожили и выползли, какъ мухи. Простите Марья Ивановна, христосывалась съ вами по православному и съ Анетъ и Олинькой также. На вѣкъ преданная вамъ душею. О Аксакова.

Папенька братья и сестры, всѣ мы поздравляемъ васъ съ великимъ Праздникомъ, Многоуважаемая Марья Ивановна.

Письмо игумена Моисея къ М. И. Гоголь.

Милостивая Государыня,

Маріа

Почтеннѣйшее Ваше письмо отъ 19-го сего Маія, и при оном 50 рубл. серебромъ отъ усердія Вашего имѣлъ честь получить, согласно Христіанскому желанію Вашему на приношеніе въ Обители нашей при Боже-

ственной Литургіи вниманіемъ частей о упокоеніи незабвеннаго и достойнаго памяти сына Вашего Николая Васильевича. Благочестивыя его посѣщенія Обители нашей носимъ въ памяти неизгладимо.

По полученіи нами изъ Москвы печальнаго извѣстія о кончинѣ Николая Васильевича, съ Февраля прошлаго 1852 года исполняется по душѣ его поминовеніе въ Обители нашей на службахъ Божіихъ, и навсегда продолжаемо будетъ съ общебратственнымъ усердіемъ нашимъ и моленіемъ премилосердаго Господа: да упокоитъ душу раба своего Николая во царствіи небесномъ со Святыми, а Вамъ да ниспослетъ Свыше благословеніе, здравіе и небесное утѣшеніе въ огорчительномъ лишеніи единственнаго сына.

Увѣдомляя о семъ, приношу Вамъ общебратственную нашу нижайшую благодарность за благотворительное усердіе, и съ истиннымъ высокопочтеніемъ пребыть честь имѣю

Милостивой Государыни

30-го Маія 1853 г.
Оптина Пустынь.

Нижайшій Богомолецъ Игуменъ Моисей.

Гетманскіе универсалы

о Кіевскомъ городскомъ хозяйствѣ.

(1677—1719 гг.).

Печатаемые ниже гетманскіе универсалы всѣ относятся къ распорядкамъ по городскому хозяйству Кіева за время 1677—1719 г.г. Вотъ ихъ краткое содержаніе.

I-й универсалъ представляетъ собою охранный листъ для Кіевскихъ мѣщанъ при закупкѣ ими хлѣба въ разныхъ Подесенскихъ мѣстахъ Черниговскаго и Нѣжинскаго полковъ.

II, V и VIII-й универсалы заключаютъ распоряженія по запрещенію Кіевскимъ козакамъ торговать водкою въ ущербъ магистрату [1]).

III-й—о запрещеніи Кіевскимъ козакамъ вмѣшиваться въ „права мѣскія ратуша Кіевскаго" относительно суда въ „справахъ заграничныхъ людей".

IV-й—объ огражденіи Кіевскихъ мѣщанъ отъ обидъ при отправленіи подводной повинности.

VI-й—о размѣрѣ пошлины (индукты и эвекты) при заграничной и внутренней торговлѣ Кіевлянъ.

VII-й—о сборахъ въ пользу города за торговлю въ Кіевѣ заграничными винами.

---

[1]) Водочная торговля въ Кіевѣ мѣстными козаками была однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ городского хозяйства. Кіевскіе сотники рѣшительно отвергали право магистрата на монополію торговли водкою. Любопытныя свѣдѣнія по этому предмету см. въ Сборн. Русск. Ист. Общ., т. CVII, стр. 192—196.

IX-й—о разрѣшеніи Кіевлянамъ пользоваться строевымъ деревомъ изъ окрестныхъ лѣсовъ, при возобновленіи послѣ пожара своихъ построекъ.

X-й—о порядкѣ торговли въ Кіевѣ привозными водкою и винами.

XI-й—о правѣ прежнихъ собственниковъ городскихъ лавокъ (въ Кіевѣ) возобновлять ихъ послѣ пожара на прежнихъ мѣстахъ.

Всѣ приводимые универсалы списаны съ подлинниковъ, находящихся въ нашей библіотекѣ.

I.

Іванъ Самойловичъ, Гетьманъ Войска Его пресвѣтлаго Величества Запорожского. Всѣмъ, кому о томъ вѣдати належитъ, а именъно, сотникомъ, атаманомъ подесенскимъ, меновите въ полку Нѣжинскомъ и Чернѣговскомъ найдующимся, дозорцомъ и всѣмъ тамошнимъ жителемъ, який же колвекъ на себѣ урядъ мѣючимъ, войтомъ, бурмистромъ и всякого чину людемъ вѣдомо чинимъ: суплѣковали до насъ мещане Киевские просячи о унѣверсалъ, за которимъ бы моглы розние судна, то есть байдаки, дубовъки збожемъ на рецѣ Деснѣ, меновите въ полку Нѣжинъскомъ и Чернѣговъскомъ, такъ для потребъ своѣхъ власънихъ, яко и для поратованя инъшихъ Киевскихъ жителей, наладование до Киева, а негде инъдеи спровадити. Давши теды мы слушъной ѣхъ мѣсце прозби, позволилисъмо помененимъ мещаномъ Киевскимъ всѣ тие судъна, которие теперъ весъною на рецѣ Десънѣ збожемъ якимъ же колвекъ поналадовували, безнаименъшого задержаня для потребъ ѣхъ самихъ. яко и для поратованя хлѣбомъ всего мѣста до Киева доброволъне спровадити. Прето повагою сего нашего унѣверсалу пилъно приказуемо, аби сотники, атаманя, дозорци, войти, бурмистри и всякого чину люде, якие же колвекъ на себѣ уряди мѣючие вполку Нѣжинъскомъ и Чернѣговскомъ найдуючиеся безъ жадного задержанія поменениихъ мещанъ Киевскихъ з збожемъ на рецѣ Деснѣ, не вимагаючи у онихъ разнихъ датковъ, волъно пропущали. А хто быся надъ волю нашу в проваженю збожа онимъ важилъ якую трудность задавати, таковий за донесенемъ наименъшои до насъ скарги сурово будетъ каранъ. Еднакъ то пилъно варуемъ, абы жаденъ з мещанъ Киевскихъ помененого збожа въ гору Днѣпромъ, то естъ в Литовъские, краѣ не важился проводити подъ утраченемъ всего добитъку своего. Тотежъ докладуемъ, жебы сотники, атаманя уѣзду полку Чернѣговского и Нѣжинского

впередъ уже никому особливе, кгди бы хто з заграницы для збожа прибулъ, недопущали викуповувати збожа приказуемо. Еднакъ всѣ тие збожа Киевские, якося вижей приказало, жебы волъно били отпущени приказуемо. Писанъ в Переяславю, іюня 1-го дня, 1677 року. Вышменованый Гетманъ, рука власна.

II.

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества войска запорожскаго Гетманъ Іванъ Мазепа. Вамъ, п. сотнику Кіевскому, атаманови городовому и всему тамошнему товариству, ознаймуемъ, ижъ многократние насъ отъ всего майстрату Кіевскаго заходятъ скарги, же межы вами миогіе козаки, нехотячи разнимъ иншимъ промисломъ господарства своего разширати, самовольне горѣлки въ шинкахъ своихъ продаютъ потай и очевисте, і тоею потайною и очевистою горѣлокъ своихъ продажею великіе майстрату чинятъ въ ратушнихъ арендовыхъ шинкахъ шкоды. Албовѣмъ они, майстратъ тамошный, немѣючи жаднихъ намѣсто(sic) а нѣ маетностей а не млыновъ, зъ одноей тилко ратушной арендовой прибили всякіи мѣскіи повинности, якъ належитъ, отбываютъ, да и тую аренду свою певною суммою въ казну государскую оплачуютъ и стѣны городовыи кгрунтуютъ, а ваши товариши безъ жадного платежу, самоволне непогамованимъ своимъ поступуючи упоромъ, въ домахъ своихъ щинкуютъ горѣлки и тимъ самимъ въ доходахъ зъ тоей аренди якую они, майстратъ тамошній, въ зуполномъ мѣстѣ завѣдованю убыточаетъ оныхъ, не разсуждаючи себѣ того, же нигде тутъ въ городахъ украинскихъ того немаетъ, жебы козаки, впередъ арендовой до скарбу войскового незаплативши рати, самоволне мѣли горѣлки въ домахъ своихъ мимо аренду шинковати, пріобрѣтаючи зъ того себѣ прибыль, якожъ менше бысмося вызовали кгдыбы они, товариство ваше въ иншихъ полкахъ и городахъ малой Россіи козаковъ волно горѣлчаними шинками пожиткуючихъ видѣли, лечъ то велми удивително, що нигде ни старшій, ни меншій козаки на самую аренду шинковъ горѣлчанихъ недержатъ, а ваше товариство въ едномъ Кіевѣ дерзновеннемъ и безъразумнимъ упоромъ держати оный важатся, неоглядаючись на тое, же зъ того промислу не толко пожитку колко срамотъной пригани относятъ; а такъ яко тотъ вашъ своеволний поступокъ велми ганимо, такъ приказуемъ пилно и суровo, подъ стратою худоби, подъ войсковимъ строгимъ каранемъ, абы они, товариство ваше хто въ своемъ

своеволномъ поступкѣ гамуючись, болше горѣлокъ въ домахъ своихъ шинковати не смѣли и неважилися. А майстратъ тамошній Кіевскій, яко передъ симъ зупулную въ держаню тое аренды мѣлъ въладзу, такъ и теперь позволяемъ имъ тамошнии арендовыи шинки ратушныи мѣти въ своей моци. Въ чомъ и ви сотники повинни есте належите постерѣгати того порядку, а если бы хто зъ васъ и товариства вашего, такового указу нашего далѣй упориимъ будучи, непослухалъ и сталъ бы шинковати явне або потай горѣлку продаваты такового позволяемъ тамошнему маистратови постерѣгши забѣрати и грабити. Данъ въ Батуринѣ генваря 13. року 1698. Вышменованнй гетманъ рукою власною.

III.

Его Царскаго пресвѣтлаго величества войска запорозкаго гетманъ Иванъ Мазепа. Пану полковникови Кіевскому, сотникови тамошнему и атаманови городовому, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ, ижъ донеслося намъ вѣдати, же вы втручаетеся въ права мѣскіи ратуша Кіевскаго, приймуючи справы заграничныхъ людей до суду своего тамъ приежжаючихъ и велите оныхъ грабити и до вязеня брати. Який вашъ поступокъ повабностью есть до того, же нашихъ малоросийскихъ жителей, тамъ где колвекъ лучиться за гряницею, въ полской чили въ литовской державѣ, взаемне грабятъ и арештуютъ. Прето чрезъ сей листъ нашъ приказуемъ вамъ пилно, абысте приежжаючихъ и отъежжаючихъ постороннихъ людей, жадною мѣрою судити, до вязеня брати и грабить неважилися; такъ тежъ осѣдлихъ и ремесничихъ всякихъ жителей Кіевскихъ до своего суду и права непотягали и до вязеня не брали, а еслибы отъ осѣдлого чили ремесничого человѣка козакъ о що кривду мѣлъ ипотребовалъ суду, теды вы оного до майстрату тамошнего для... справедливости отсылайте, кгди жъ право и порядокъ той въ грамотѣ великого государя его царскаго пресвѣтлаго величества могистратови Кіевскому есть порученъ. Данъ въ Батуринѣ, іюля 17 дня, року 1699. Вишменованный гетманъ рукою власной.

IV.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшаго великаго Государя Его Царскаго величества войскъ запорожскихъ Гетманъ, славного чина святого апостола Андрея и Бѣлого Орла кавалеръ Іоаннъ Мазепа Всѣмъ вобще и

каждому зособна кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало, а меновите всякимъ началнымъ и подначалнымъ великороссійскимъ, также и малороссійскимъ рейменту нашого посилаемимъ, а черезъ городъ Кіевъ переижжаючимъ людемъ, симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ жалостне прекладали намъ панъ Димитрий Полотцкій, войтъ Кіевскій, зъ всѣмъ маистратомъ и мѣщанами тамошными, же многие частокротніе такъ великороссійскіе, яко и малороссійскіе посланные, едны въ дѣлехъ монаршихъ его Царского Пресвѣтлого величества войсковыхъ, а другые и въ своихъ интересахъ, а бардзѣй подчасъ нинѣшнего войскового походу, переездячи черезъ городъ ихъ Кіевъ, взявши подводы и то надъ потребу свою, одны зятягаютъ зъ собою закилконадцеть, албо и за килкодесять миль, а иншихъ и на пропалое берутъ, а другие такъ выгонюють, що не могучи выходитися въ маломъ часѣ или на томъ же мѣстцѣ здыхаты мусять, и просили нашое въ томъ помощи и заступленія. Мы теды, гетманъ, уваживши явную черезъ тое ихъ городови Кіеву дѣючуюся обиду и не мѣрную тяжесть, яко прежде выдалисмо ихъ городови таковый указъ, жебы тылко зъ оного выстатчили тому хто въ войсковыхъ дѣлехъ, чи то зъ подорожнымъ монаршимъ его Царскаго Пресвѣтлого Величества листомъ, чили зъ нашею подорожною, колко въ тихъ листахъ будеть выражено числомъ подводъ, а хто без подорожныхъ нашихъ листовъ едетъ не тилко и одной подводы абы не дано, але если бы якую прикрость чинилъ, такого из безчестямъ отправить, такъ и теперъ симъ повторнимъ унѣверсалнымъ нашимъ писаніемъ туюжъ нашу волю и указъ подтверждаемъ, абы непремѣнно тылко по подорожнихъ государскихъ грамотахъ и нашихъ листахъ а не болшъ выстачено подводъ, а тимъ кто безъ подорожнихъ идуть и одной не давано; однако и тне, що по подорожнихъ берутъ подводы, абы онѣхъ въ далекую дорогу не затягали и не перебывали, пилно того всего хотячи, приказуемъ. Данъ въ Дубнѣ, февраля 8 д. року 1706. Звишменованій гетманъ рукою власною.

V.

Его Царскаго Пресвѣтлого Величества войскъ Запорожскихъ гетманъ и кавалеръ Іоаннъ Мазепа. Всѣмъ вобще и каждому зособна, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, а особливе властямъ духовнымъ Кіевскимъ, такъ тежъ П. сотникови Кіевскому и атаманови тамошнему зъ товариствомъ ознаймуемъ, ижъ донеслъ намъ панъ войтъ Кіевскій зъ

майстратомъ, что за вѣдомомъ велебного отца началника монастыра святыхъ верховныхъ апостолъ Нетра и Павла, въ дворѣ монастирскомъ и въ прочихъ нѣкоторыхъ духовного и козацкого чину людей, въ дворахъ нетилко потаемно, але и явно безъ всякой опасности горѣлчаные отправуются шинки, чрезъ що значная шпѣхлѣрови Ратуша Кіевского чинится убыль и оскудѣніе, зъ которого такъ здешные, яко и загряничные безпрестанными найбардзѣй подъ сей часъ наездами и переездами великороссійскихъ особъ началнихъ нанесеные росходы отбываютъ и когда самъ его Царское Пресвѣтлое Величество зъ войсками изволилъ найдоватися въ Кіевѣ, всякие выстатчано доволства. Гамуючи прето Мы и поскромляючи таковое самоволство, абы далѣй Ратушови Кіевскому не было уймы и ущербку, велѣлисмо выдати зъ канцелярієй войсковой сей нашъ унѣверсалъ, которого моцю и повагою гаруемъ(варуемъ?) и пилно приказуемъ. абы нѣхто, такъ зъ властей духовныхъ, яко и зъ товариства сотнѣ Кіевской, нѣ явнымъ, ани потаемнымъ, а нѣ иннымъ яковымъ способомъ, не имѣлъ и не смѣлъ и не важился горѣлокъ своихъ шинковати, подъ неласкою нашею и подъ утратою всей худобы. Албовѣмъ, если упоромъ и самовольствомъ въ пререченыхъ дворахъ шинковатися горѣлки будутъ, то певне ратушъ Кіевскій, пришедши чрезъ тое до остатного недостатку, немѣтиметъ чимъ противъ расходовъ мѣскихъ опертися и не будетъ могти бы и наипилнѣйшая указа потреба помощи дати знаежитимъ доволствомъ. А такъ для того велимо брати горѣлки зъ дворовъ тихъ, въ которыхъ оные будутъ самоволне шинковатися и давали на росходы мѣскіе ратушные симъ же нашимъ унѣверсаломъ майстратови Кіевскому позволяемъ. Данъ сей въ Батуринѣ, ноеврія 25, року 17... Звишменованій гетманъ рукою власною.

VI.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого царя нашего Его царского священнѣйшого величества войскъ запорожскихъ и обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ прекладалъ намъ панъ Дмитрій Полоцкій, войтъ мѣста его царского пресвѣтлого величества Кіева, зъ всѣмъ тамышнымъ маистратомъ, что люде ихъ, жителѣ Кіевскіи, едни Божіимъ допущеніемъ одъ моровой зарази смертоубійнымъ падежемъ значне умалилися, а другіе

хочъ и поостался, весьма знищѣли черезъ безпрестанніе переходы войскъ, и презентовалъ намъ унѣвверсалъ антецессора нашего цѣлому мѣсту Кіеву данный зъ таковымъ выраженемъ, жеби факторѣ одъ пана екзактора войскового, всюда въ малой Россіи будучіе, одъ купеческихъ кіевскихъ людей, которіе свои индеѣ до Шліонска и Гданска одправуютъ, и по ярмаркахъ здѣшнихъ зъ тими товарами ездятъ, неболшъ толко по двадцать пять золотыхъ належитъ индукты одъ воза брати въ чомъ панъ войтъ Киевский и всѣ тамошніе жителѣ, яко зубожаліе и знищаліе узнаючи себѣ тяжесть просили въ томъ нашего респекту. Мы прето, гетманъ, разсуждаючи ставшееся черезъ моровую язву умаленіе (въ) жителехъ Кіевскихъ, а поосталихъ черезъ переходы войскъ знищене, акъ тому склонившися на прошеніе помянутего пана войта Кіевского зъ майстратомъ, яко слушное, симъ унѣверсаломъ зъ канцелярііи нашой войсковой виданнымъ, пилно варуемъ, абы вишпомянутіе факторѣ пана екзактора нашего войскового и впредь будучихъ екзакторвъ въ городахъ реймиту нашего знайдуючіеся, одъ Кіевскихъ купеческихъ людей, где колвекъ въ малой Россіи зъ товарами своими ездитимутъ, не по двадцять пять золотыхъ, але всего по пятнадцять золотыхъ одъ воза належитъ индукты и евекты брати, особливе одъ чумаковъ, жителей Кіевскихъ, же мѣлкими товарами гендлючихъ невимагали болшъ, але толко всеи бралибъ одъ ста золотыхъ позолотому или одъ воза по золотомужъ. Тутъ же приказуемъ, жебы всюда въ городахъ на случаючихся ярмаркахъ вѣеждчіе одъ вышпомянутыхъ Кіевскихъ купцовъ и чумаковъ не важились одбирати ярмарковыя повинности и всякие имъ чинити тяжесте и трудносте, въ чомъ всѣмъ абы воля наша ненарушне била захованя подесяте упоминаемъ. Данъ въ Прилуцѣ, февр. 12, року 1712. Звишменованій Гетманъ рукою власною.

VII.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя царя Его царского священѣйшого Величества войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Ознаймуемъ сымъ нашымъ унѣверсаломъ, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, ижъ доносилъ намъ панъ Днмитрій Полоцкій, войтъ мѣста его царского пресвѣтлого Величества Кіева, зо всѣмъ тамошнымъ майстратомъ, что многые и розные зза границѣ въ Кіевъ приезджаючи зъ виномъ волоскимъ и венкгерскимъ люде, яко то волохи и иншого народа персоны, не хотятъ належитого отъ тыхъ винъ до ратуша отдавати скотного и шынко-

вого. Прето мы вѣдаючи о томъ, же премощными, милостивыми, монаршыми, его царского пресвѣтлого величества нашего всемилостивѣйшого государя царя грамотами и привилеями, всякіи мѣскіи приходы майстрату Кіевскому суть утвержденны, а по должности нашой стараючися, абы оные во всемъ кромѣ всякого измѣненія были содержаны и згола ни вчомъ не нарушены, яко повелѣлисмо сей нашъ зъ канцеляріи войсковой выдати ему, пану Димитрію Полоцкому, войту Кіевскому, унѣверсалъ. Такъ чрезъ оный всѣмъ тымъ, хтобы колвекъ зъ виномъ въ Кіевъ для спроданя оного прибылъ, абы каждый тую належитую повинность скотное и шинковое отъ всякихъ винъ волоскихъ, венгерскихъ и иншыхъ, подлугъ разсмотренія и великости бутъ и бочокъ, майстратови Кіевскому безъ жадной отмови платилъ, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ, 1714 року, 24 априля. Звишменованный гетманъ рукою власною.

VIII.

Его Царскаго Пресвѣтлого Величества войска Запорожского и обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Вамъ, пану сотникови Кіевскому, атаманови городовому и всему старшому и меншому сотнѣ тоей товариству, симъ нашимъ унѣверсаломъ ознаймуемъ, ижъ панъ Димитрій Полоцкій, войтъ Кіевскій, зъ майстратомъ, доносили намъ, что многое зъ васъ товариство, держачи горѣлку, безпрестанно оною потаемне шинкують и тимъ неменшую кривду и убытокъ приносятъ тамошнему ратушеви, которая барзѣй отъ тихъ за горѣлку приходячихъ грошей въ уставичныхъ своихъ росходахъ и подпоможене имѣетъ; и любо од помянутого нана войта власне въ пересторогу было вамъ упомнене неразъ, ижъ бисте одъ тихъ таемныхъ шиниковъ унялися въ чемъ витрушеною горѣлкою килко кратное вамъ было одъ пановъ маистратовыхъ изобличеніе, однакъ вы, тое бынаймнѣй дбаючи, не тилко одъ того своего предсявзятя перестаните, лечь еще нѣкоторіе зъ васъ слугъ рятушныхъ побиваютъ, якие ходячи перестѣрегаютъ тихъ шинковъ. Засимъ, яко вамъ того упорного поступку непохваляемъ, овшемъ непомалу ганимъ, такъ чрезъ сей нашъ унѣверсалъ грозно васъ упоминаемъ и пилно приказуемъ, абысте вы, старшое именитое сотнѣ Кіевской товариство, одъ сего часу жаднимъ анѣ тайнимъ а нѣ явнымъ способомъ горѣлками своими не шинковали и весма тое оставили, а если кто явившися сему нашому указови ослушенъ, дерзнетъ впредъ горѣлку свою потаемне давати напродажъ, въ таковихъ повелѣваемъ помянутому

пану войтови властию нашою конѣ забирати и на почту одсилати, а самихъ тихъ преступниковъ до Глухова забивши въ колодки казать проводити, где всякъ знатного за свое ослушаніе не увойдетъ караня, деклярuемъ. Данъ въ Глуховѣ, мая 8, року 1716. Звишменований гетманъ рукою власной.

IX.

Великого Государя нашего Его Царскаго Пресвѣтлого Величества войскъ Запорожскихъ гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Всѣмъ, кому бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, особливе духовно на всякой власти въ монастиряхъ Киевскихъ и Межигорскихъ зостаючому чину, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ яко передъ симъ стосуючися до монаршихъ царского пресвѣтлого величества грамотъ, на права и порядки майстрату Киевского и ихъ угодія около Киева обрѣтаючиеся виданныхъ, давніе привилеи королей полскихъ утверждаючихъ, видалисмо въ конфирмацію того пану войтови Киевскому енералній зъ канцеляріи нашъ универсалъ, где выражено, чтобы подлугъ оныхъ и зъ пущъ тамъ будучихъ мѣщанѣ Киевскіе зъ манстратовими надлежащую в вивезеню деревъ на свою потребу попреждnему вигоду имѣли, такъ бардзѣй нынѣшнего часу, когда Божіимъ попущеніемъ мало не все мѣсто, а къ тому ратушъ Киевская зовсѣмъ чрезъ пожаръ огненный зосталась разорена (разсуждаючи немалую ихъ въ побудованію погорѣлого строенія быти нужду), чрезъ сей универсалъ нашъ вновъ прекладаемъ и властию уряду нашего мѣти хочемъ, абы подлугъ тихъ премощныхъ царского величества грамотъ, давніе полские привилеи утверждаючихъ, в вивезеню надобного на потребу дерева зъ пущъ, около Кіева стоячихъ, для строенія ратуши, такожъ погорѣлихъ дворовъ и протчиихъ будинковъ ему пану войтови Кіевскому зъ маистратомъ, мѣщанами, ижъ нѣкто, бардзѣ тамошняя духовная власть жадной не чинила перешкоды и трудности. Данъ въ Глуховѣ, сентеврія 18, року 1718. Звишменований гетманъ рукою власной.

X.

Пресвѣтлѣйшого и державнѣйшаго великаго государя нашего, Его Царского Пресвѣтлѣйшого величества войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати належатиметъ, а особливе пріежджаючимъ въ Кіевъ воднимъ и сухимъ путемъ зъ горѣлкою, винами, симъ нашимъ ознаймуемъ универсаломъ, ижъ презентовалъ намъ панъ Димитрій По-

лоцкый, войтъ Кыевский, зъ маистратомъ тамошнимъ, монаршые царского пресвѣтлого величества грамоты зъ тимъ указомъ, дабы всякъ пріежджаючый туда въ Кіевъ зъ помянутою горѣлкою, виномъ и протчимъ належную повинность до ратуши виплачовалъ; а поневажъ онъ, панъ войтъ, предложилъ намъ, что таковые пріѣжджаючые въ Кіевъ, противнимы окказуючись, не хотятъ тоей повинности отдавати, особливе голова кабацкый, купуючи себѣ тамъ въ Кіевѣ горѣлку и вино, у кого оные купуетъ своею окриваетъ протекцнею и заступаетъ отъ даваня на ратушъ тоей повинности. Такожъ нѣкоторые, въ самомъ городѣ на подворкахъ мешкаючие, люде и подданные монастырскые, робячи горѣлку, оною тайнымъ и явнымъ способомъ шинкуютъ, а и привозную горѣлку, по килка десять куфъ купуючи, тайно продаютъ, въ чомъ онъ, панъ войтъ, неменшый узнаючы ратуши убытокъ, просилъ нашего унѣверсалу. Теды мы, гетманъ, послѣдуючи премощнѣйшому царского пресвѣтлого величества въ помянутыхъ его грамотахъ изображенному указу, жебы оный ненарушне былъ исполненъ, упоминаемъ и пилно приказуемъ черезъ сей нашъ унѣверсалъ, абы всякые сухимъ и воднымъ приежджаючие въ Кіевъ зъ горѣлкою, виномъ и прочимъ, скутное, что оного належатиметъ будетъ, безъ всякой спреки и противности до ратуша виплачовали, а барзѣй помянутый голова кабацкый дабы, купуючи тамъ горѣлку вино и протчее у пріежджаючихъ людей, жадною мѣрою оныхъ одъ выплаченя до ратуши належной повинности не важилъ ся заступати; такожъ пречоные въ самомъ городѣ на подворкахъ мешкаючые люде и подданные монастырскіе однюдь горѣлокъ своихъ тайнымъ и явнымъ способомъ на перешкоду ратушѣ шинковати и привозную купуючи оной подробицей продавать не дерзали. А если бы хто сему царского пресвѣтлого величества въ монаршыхъ его грамотахъ выраженному указови и нашему унѣверсалу мѣлъ быти ослушенъ, такового всякого позволилисмо ему, пану войту, вдвое и втрое грабити, а особливе, за даниемъ намъ о томъ знати, всякъ таковый противникъ зисканъ будетъ сюда въ Глуховъ и за преступленіе монаршого царского пресвѣтлого величества указу знатного не уйдетъ наказанія, деклярuемъ. Данъ въ Глуховѣ мая 18, року 1719. Звишменованиый гетманъ рукою власной.

XI.

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Вамъ, пану войтови

маистрату Кіевского, симъ нашимъ отвористымъ обявляемымъ писаніемъ, ижъ п. Евфимія Домонтовичовна Силичовая, зъ немалымъ жалемъ, супплѣковала до насъ, ускаржаючися, что в. м-ть не допустивши ей на мѣстцу, въ Кіевѣ будучомъ, где стояла комора, по второмъ мужу ей лекгаціею доставшаяся, якою она прежде сего чрезъ тридцять чотири лѣта спокойне владѣла, теперъ по пожару, когда хотѣла знову реставровати, не допустилесь, але плецъ тотъ мещаниновѣ тамошнему Кіевскому оддавши, вм. позволилесь на ономъ свою ему пофундовати комору; супплѣкуючой зась и тимъ плецомъ бывшая изо згорѣла комора въ тисячной суммѣ есть отведена, на которую и записъ, зъ книгъ мѣскихъ Кіевскихъ экстрактомъ в року 1686, мѣсяця іюня 28 дня, винятій за печатю майстратовою презентовала намъ и просила, дабысмо приказали в. м-ти помянутого въ Кіевѣ будучого мѣстца ей не боронити. Прето мы, разсмотрѣвши тотъ записъ, же служитъ оной на предречоній плецъ, не отмовилисмо ей прошенію и повелѣли сее до в. м-ти выдати писаніе, черезъ которое жадаемъ, абысь вм. приказалъ тому мѣщаниновѣ, якій на выжей намѣненномъ ей Домонтовичовны Силичовой плецу за позволенемъ в. м-ти свою построилъ комору, конечне уступити, а ей п. Силичовой, яко поссесорцѣ, свою тамъ побудовати комору не боронити вм., поневажъ мѣсце тое одъ небожчика второго мужа ей зъ коморою, передъ симъ погорѣлою, есть во владѣніе оной лекговано. О семъ в. м.-ти предложивши, о привернене выпъ реченного плецу повторе жадаемъ. Данъ въ Глуховѣ, мая 20 дня, року 1719. Звишменованій Гетманъ рукою власною [1]).

Сообщилъ *А. Лазаревскій.*

---

[1]) Четырнадцать универсаловъ подобнаго же содержанія напечатаны *И. М. Каманинымъ* подъ заглавіемъ: *„Матеріалы по исторіи Кіевской городской общины“* въ „Университ. Извѣстіяхъ“ (Кіевъ, 1892 г., №№ 2 и 8). *Примѣч. Ред.*

Свидѣтельство стародавнихъ людей.

Свидѣтельство старыхъ людей по дѣламъ земельнымъ въ Малороссіи всегда является чрезвычайно важнымъ источникомъ не только для исторіи землевладѣнія, но и для характеристики чисто житейскихъ отношеній. Старые люди, обыкновенно стоявшіе на краю гроба, насчитывавшіе, конечно, съ преувеличеніями, за восемьдесятъ, девяносто и даже за сто лѣтъ, въ своемъ безыскуственномъ разсказѣ старались изложить все, что знали, что помнили, а писаря, записывавшіе ихъ показанія, по возможности, старались все записать на бумагу. Вотъ почему чтеніе показаній старыхъ людей для историка представляетъ глубокій интересъ. Иногда небольшая, случайно занесенная на бумагу черточка, подсказываетъ очень многое уму и воображенію. Этимъ вполнѣ оправдывается печатаніе цѣликомъ „свидѣтельства стародавнихъ людей“.

Показанія стародавнихъ людей по дѣламъ земельнымъ въ Малороссіи обыкновенно очень важный источникъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ“, основанное на показаніяхъ старожиловъ, которыя за небольшими исключеніями, вполнѣ объясняемыми забывчивостью и трудностью помнить всякія мелочи, вполнѣ совпали со свидѣтельствомъ документовъ.

Поводомъ, вызвавшимъ свидѣтельство стародавнихъ людей, былъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь земельный споръ. Указомъ гетмана Даніила Апостола, присланнымъ въ Черниговскую полковую канцелярію, велѣно было „о маетностяхъ приданихъ и о всемъ недвижимомъ имѣніи

матери нашей Семеновой Лизогубовой покойной Каленниковой розискать и описать подлинно, сколько онихъ можетъ быть, гдѣ именно", и опись прислать гетману. По обычному порядку, были назначены ревизоры, которымъ была дана отъ полковой канцеляріи особая инструкція, предписывавшая имъ отправиться въ села Полуботки, Пѣвцы, Буровку, Выхвастовъ и Дроздовицы, собрать стариковъ изъ козаковъ и посполитыхъ и допросить ихъ „въ самую сущую правду", „Оніе села были ль во владѣніи за дѣдомъ жени пана Семена Лизогуба Каленикомъ, и почему, сколько лѣтъ, и, при животѣ его, Калениковомъ, чи ли по смерти его достались зятю его, покойному пану гетману Скоропадскому, и по якомъ наданію, и зъ якими заводами, и сколко въ которомъ селѣ было, чи ли и теперь есть, Калениковскихъ добръ, куплениихъ или наданнихъ, и именно дворовъ, винницъ и въ дворахъ якихъ заводовъ коней, бидла всякого, огородовъ, поля пахатного, сѣножатей, гаевъ, лѣсовъ, дубровъ, заростей, дерева бортнаго и всякихъ угодій, также сколько числомъ людей пахарныхъ и не пахарныхъ".

Ревизоры въ точности исполнили инструкцію полковой канцеляріи. Правда, свѣдѣній о количествѣ, напр., скота, о числѣ людей и пр., нѣтъ, другія свѣдѣнія, напр., о доходахъ съ пахатныхъ земель, сообщены только приблизительно, за то исторія владѣнія тѣмъ или другимъ селомъ разсказана подробно. Въ показаніяхъ старожиловъ мы имѣемъ извѣстія и о переходѣ козаковъ въ посполитые, и о жестокомъ обращеніи владѣльцевъ съ крестьянами, послужившемъ поводомъ къ отобранію маетностей у однихъ владѣльцевъ и къ передачѣ ихъ другимъ и т. д. Не лишено интереса также то обстоятельство, что въ памяти народной сохранились имена гетмановъ и полковниковъ, а также и воспоминанія о нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ событіяхъ края. Въ показаніи козака села Полуботокъ Тимофея Окуленка мы встрѣчаемъ такое, напр., мѣсто: „и спрежде, мовитъ, якъ запамятаетъ онъ одъ малихъ лѣтъ своихъ еще *подъ часъ Ромодановщины*, за гетмана Многогрѣшнаго, якъ сталъ полковникомъ наказнимъ въ Чернѣговѣ Левонъ Артемовичъ Полуботокъ, а онъ панъ Никифоръ Калениковичъ былъ сотникомъ, а якой сотнык, того не упомнитъ, тогда оной панъ Полуботокъ, также въ то время бывшій асаулъ полковій чернѣговскій Антонъ Нарбутъ имѣли зъ нимъ Калениковичемъ споръ".

Печатается рукопись цѣликомъ съ тоговременной копіи. Къ сожалѣнію, въ срединѣ рукописи есть пропускъ: не все, очевидно, списалъ переписчикъ съ подлинника. Восполнить этотъ дефектъ мы, конечно, не могли.

Въ заключеніе замѣтимъ, что печатаемый матеріалъ взятъ нами изъ Гоголевскаго семейнаго архива, перешедшаго теперь въ библіотеку Общества Нестора-лѣтописца, а также напомнимъ, что встрѣчающаяся въ немъ фамилія Лизогубовъ находится въ родѣ Гоголя, а именно: бабушка поэта, Татьяна Семеновна, была урожденная Лизогубъ.

Свѣдителство Стародавнихъ Людей.

I.

СЕЛО ВИХВАСТОВЪ.

Козакъ, тогожъ села житель, Кирило Дащенко, якому будетъ отроду по сказкѣ его болше осми десятъ лѣтъ, об ономъ селѣ Вихвастовѣ, било ли оное во владѣніи покойнаго Никифора Каленниковича и о прочемъ в данной намъ ниже под розискомъ подписавшимся инструкцѣй вираженномъ, под совѣстию християнскою допрашиванъ, а в допросѣ своемъ сказалъ нижеписанное.

Тое село Вихвастовъ, якъ запамятаетъ онъ Дащенко, заполковничества Бурковского в чернѣговѣ, било, мовитъ, во владѣнии покойного пана, Никифора Калениковича, а який онъ Калениковичъ в то зремя чинъ имѣлъ, того неупомнить, изъ поданя чили почему владѣлъ того иевѣдаетъ, а вѣдаетъ онъ о томъ добре же онъ владѣлъ, потому что в тое время отецъ его билъ Дащенковъ мужикомъ, и онъ многократне напанщинѣ и на сторожѣ, во дворѣ его Каленниковичевомъ бивалъ, а пося его Каленниковича завладѣлъ Стефанъ Силичъ, якъ сталъ сотникомъ полковимъ Чернѣговскимъ, а почему завладѣлъ, того неизвѣстенъ, и владѣлъ онимъ ажъ по смерть свою, а по смерти его, жена его владѣючи когда вишла замужъ за нѣякогося Киприяновича, и оний Киприяновичъ, нестатечне живучи, почалъ великие пакости людямъ, того села Вихвастова жителямъ, чинить, такожъ и староста, в томъ селѣ от него поставленний, Иванъ Коцуба, жителевѣ Вихвастовскому мужику, прозваниемъ за Куну, уризавши бороду, вмѣсто устѣлокъ вчоботяхъ носилъ, того ради по сказкѣ всѣхъ обще жителей вихвастовскихъ мужиковъ покойний панъ Бурковский, отнявши оное село, от помянутаго Киприяновича самъ онъ владѣлъ малое время, а посля Бурковского владѣлъ нѣякийся, прозваниемъ Расткувский, полковникъ Компанѣйский (а якъ много владѣлъ, того неупомнить). И оний Расткувский, ви-

бравши роковую дачу зовсѣхъ мужиковъ, з скотини рабочой покопѣ гроши велѣвъ людямъ, хто хочетъ козакомъ, а хто хочетъ мужикомъ би билъ, и в той часъ многие того села Вихвастова жителѣ з мужиковъ в козаки подписовались, в томъ числѣ и его отвѣтчика Дащенко отецъ Федоръ Дащенко козакомъ засталъ, а оний Росткувский невѣдомо кудась зихал и болше уже тимъ селомъ невладѣлъ; а пося владѣния онаго Росткувского изновъ тое село Вихвастовъ якъ застало во владѣнии при домѣ покойного пана Каленниковича, которой билъ в то время обознимъ полковимъ Чернѣговскимъ, а зять его, панъ гетманъ Скоропадский, писаремъ полковимъ (токмо почему пану Каленниковичу ли или пану Скоропадскому отдано во владѣние, невѣдаетъ) то и до сихъ часъ по смерти покойного пана гетмана Скоропадского жена его панѣ гетманшая владѣетъ, а заводовъ мовить, жадныхъ в томъ селѣ, яко-то млиновъ, дворовъ, винницъ, скотини и прочего владѣлческаго кромѣ подданныхъ, якъ по смерти покойного пана Каленниковича пану Скоропадскому неосталося, такъ и теперь неимѣется; и сколько било в то время и теперь есть людей посполитихъ и под ониими грунтовъ о томъ неизвѣстенъ; а сколко теперь в него завладѣнія пана Скоропадского прибилихъ грунтовъ имѣется, и откуду оние прибили, о томъ могутъ де мужики показать. Именно к сему допросу, вмѣсто Кирила Дащенко, по его прошению Кирило Семеновичъ, поддячий вихвастовский руку приложилъ.

Тогожъ села Вихвастова житель, козакъ Павелъ Сурма, якому де отроду будетъ годовъ з восемъ десятъ, допросомъ своимъ сказалъ ниже вижанное.

Чулъ онъ, мовитъ, толко отъ отца свого Демяна Сурми, же покойний п: Никифоръ Каленниковичъ, будучи сотникомъ полковимъ Чернѣговскимъ, владѣлъ тимъ селомъ, и козаки того села жители били в куренѣ его, а якъ онъ самъ отвѣтствуючий запомятаетъ, то владѣлъ уже онимъ панъ Стефанъ Силичъ, будучи сотникомъ полковимъ, и онъ отвѣтчикъ, в то время будучи еще мужикомъ, з отцемъ своимъ панщину ему Силичу робили, а протчему всемъ такъ слово в слово, якъ вишше писаний козакъ Кирило Дащенко, онъ Павелъ Сурма в допросѣ своемъ сказалъ. к сему допросу, вмѣсто Павла Сурмаченка, по его прошению, поддячій вихвастовскій Кирило Семеновичъ руку приложилъ.

Оногожъ села Вихвастова посполитий Максимъ Беланъ, въ лѣтахъ велми старий человѣкъ, якому будетъ отроду болше ста лѣтъ, по сказци

его, ибо помятаетъ, мовитъ онъ, якъ кроль, Чернявский и потомъ многие на украйнѣ коло Чернѣгова, коло Глухова и вездѣ воевали. Испрежде мовитъ, якъ запомятаетъ онъ Максимъ Беланъ, мѣючи еще отроду своего годовъ з двадцать, подчасъ Ромадановскаго войни, Никифоръ Каленниковичъ, будучи сотникомъ полковимъ Чернѣговскимъ, владѣлъ тимъ селомъ Вихвастовимъ и Ивашковомъ, и козаки онихъ селъ в куренѣ его били, а почему онъ владѣлъ, того документалне неизвѣстенъ; а потомъ бивший полковникъ Чернѣговский Демко Перевязка, якъ учинилъ примерне з Ромадановскимъ и сталъ гетманомъ, вто время отдавши онъ гетманъ сестру свою за седневского жителя, прозваніемъ Политику, и тое село Вихвастовъ во владѣние ему Политицѣ отдалъ, и владѣлъ онъ Политика годовъ с пять, чили менше, неупомнить; а якъ сталъ в Чернѣговѣ панъ Стефанъ Силичъ сотникомъ полковимъ, в то время онъ Силичъ сталъ тимъ селомъ владѣть, а на чинъ ли ему сотницкий тое село надано, чили почему онъ завладѣлъ, того онъ отвѣтствуючи невѣдаетъ, и владѣлъ де онъ п: Силичъ тимъ селомъ посмерть свою, а посмерти оного, когда вишла жена его Силича замужъ за нѣякогося Киприяновича, и тотъ Киприяновичъ сталъ людямъ пакости великие чинить, тогда от него Киприяновича панъ Бурковский, в то время будучи полковникомъ Чернѣговскимъ, отнявши тое село, перво самъ онимъ годъ чили болше (неупомнить) владѣлъ, а посля его неякийся Росткувскій, полковникъ Компанскій владѣлъ малое время, а потомъ, якъ сталъ покойний панъ Скоропадский писаремъ полковимъ Чернѣговскимъ, то от того времени тимъ селомъ Вихвастовимъ и селомъ Буровкою владѣлъ ажъ по смерть свою, а по смерти его жена его панѣ гетманшая до сихъ часъ владѣетъ, а в томъ, мовитъ, селѣ Вихвастовѣ владѣлческихъ собственнихъ дворовъ, винницъ и жаднихъ заводовъ такъ и спрежде не било, кромѣ подданнихъ людей посполитихъ, и подъ онимъ грунтомъ ихъ собственнихъ. К сему допросу, вмѣсто Максима Белана, по его прошенію, дякъ вихвастовский Михаилъ Омеляновъ руку приложилъ.

Тогожъ села Вихвастова житель Михайло Шрамко, в лѣтахъ велми престарѣлий человѣкъ и уже за старостию обневѣстилий и ходить не можетъ, под совѣстию христянскою сознался нижеслѣдующимъ порядкомъ.

Якъ зайшолъ, мовитъ, онъ Шрамко з полской стороны з речици на сюю сторону Днѣпра, жилъ перво в селѣ вибляхъ нѣсколко годъ, служачи в разныхъ людей, а потомъ служилъ годовъ з восемъ при полковнику в то время бившому Чернѣговскому Ивану Аврамовичу Вибелскому, з которого

дому онъ и женился, еще передъ войною виленскою болше нежели за десять годъ, а по виленской войнѣ оного вибелского от полковничства отставленно, и поставили полковникомъ Онѣкия Силича (якому и Короговъ полковую оний Вибелский при емужъ ответствуючему Шрамку отъ себе отдавалъ, а потомъ онъ ответчикъ Шрамко жилъ уже въ Вихвостовѣ чрез килконадцать годъ, и сколко именно неупомнить; а якъ покойний Василий Бурковский, оженившися зъ голубихою, билъ сотникомъ вибелскимъ, а ему ответствуючему в то время било уже отроду годовъ пятдесятъ, то Никифоръ Каленниковичъ, чрезъ все тое время и будучи сотникомъ полковимъ Чернѣговскимъ, селомъ Вихвостовомъ и Ивашковомъ владѣлъ, и онъ ответствуючий панщину ему Никифору робилъ, а посля того хто тимъ селомъ владѣлъ, также слово в слово неотмѣнне, якъ и вишше писанний козакъ Максимъ Беланъ, допросомъ своимъ показалъ, а о прочемъ, что в прошедшихъ недавнихъ годѣхъ дѣялось, за старостию лѣтъ своихъ онъ ответчикъ Шрамко сказать не могъ. К сему допросу вмѣсто Михаила Шрамко, по его прошенію, дякъ вихвастовский Михаилъ Омеляновичъ руку приложилъ.

Оногожъ села Вихвастова мужикъ старожилий Мина Шинкаренко, якому де будетъ отроду годовъ з 70 или болшей (неупомнить), допрошиванъ, а в допросѣ своемъ сказалъ, якъ запамяетъ де онъ отъ малихъ лѣтъ своихъ за полковництва пана Василия Бурковскаго въ Чернѣговѣ, владѣлъ тимъ селомъ Вихвастовомъ Стефанъ Силичъ, а по смерти его Силичевой, жена его якъ вишла замужъ за Киприяновича, а якъ оному имя—неупомнитъ, оний Киприяновичъ годовъ з два владѣлъ, а отъ оного Киприяновича панъ Буркувский отобравши самъ владѣлъ малое время, а якъ сталъ в Чернѣговѣ полковникомъ Григорий Гетманичъ, то отобравши онъ тое село отъ пана Буркувского, отдалъ нѣякомуся Росткувскому, и оний Росткувский, владѣвши тимъ селомъ годовъ з два или болше неупомнитъ, несхотѣлъ владѣть онимъ, и в то время якъ взято полковника Чернѣговского помянутого Григория, и по немъ сталъ полковникомъ Яковъ Лизогубъ, теди заразъ тимъ селомъ Вихвастовомъ сталъ владѣть покойний панъ Никифоръ Каленниковичъ; токмо почему, мовитъ, тимъ словомъ онъ панъ Каленниковичъ сталъ владѣть, то невѣдаетъ, и они, мовитъ, вихвостовци, когда приидутъ на панщину до двора его Каленникового и питаютъ пана Скоропадского, что повелитъ имъ дѣлать, то онъ панъ Скоро-

падский всегда самъ собою ничего имъ дѣлать неприказувалъ и отправлялъ ихъ до пана Каленниковича, тестя своего, и говорилъ, мовитъ, многократне имъ такъ: мнѣ-де до васъ дѣла нѣтъ; когда я вамъ буду паномъ, тогда ви мнѣ будете служить; и зоставши онъ панъ Скоропадский писаремъ полковимъ, якъ сталъ владѣть селомъ Буровкою и построивши себѣ дворъ противъ церкви Воскресения Христова в Чернѣговѣ (на которое строение и они, мовитъ, Вихвастовци дерево возили) и сталъ в томъ дворѣ жить, от того времени и селомъ Висхвастовомъ завладѣвши по смерть свою владѣлъ, и по смерти его теперь жена его панѣ гетманшая владѣетъ; а в томъ селѣ испрежде мовитъ старинних грунтовъ, такожъ дворовъ и другихъ всякихъ заводовъ собственних дворовихъ владѣлческихъ не било, а теперъ толко имѣется старинного поля Калинниковского подъ селомъ Ивашковомъ и Куликувкою лежачихъ нивъ 5, осмачокъ на чотири, которое поле покойний панъ Никифоръ Каленниковичъ еще за живота своего пану Скоропадскому отдалъ; в той же руцѣ села Вихвастова мужицкихъ пустовскихъ нивъ 6, засѣву на двѣ осмачки. Подъ селомъ Буровкою пустовскихъ же мужицкихъ вихвастовскихъ нивокъ 9; Засѣву осмачокъ старой мѣрини 5. Подъ село Звиничевъ всего поля на 30 осмачокъ старой Чернѣ мѣри, которого поля части били пустовские и къ онимъ, за владѣния пана гетмана Скоропадского, онимъ селомъ Вихвастовомъ и протчими селами будучи старостою в Буровци Юрий Новѣцкий немало дубровъ порозроблялъ тимижъ людьми вихвастовскими; тамже под Звиничевомъ имѣется гаювъ вдовжъ болше нежели на версту, а вперекъ мѣсцами гоней на двое, а инде болше и менше, при тихъ же гаяхъ сѣножати возовъ на 100; изъ оного, мовить, всего вишше показаннаго поля, за владѣния покойного пана гетмана Скоропадского, всегда собиранную пашню всю немолотячи въ Буровку звожували з Вихвастова и того ради хочай, мовитъ, онъ отвѣтчикъ билъ в томъ селѣ войтомъ годовъ з вусѣмъ до 1728 году, якое число в тихъ годахъ во всякомъ году порознь собиралось пашнѣ именно показать немоглъ, а собирали, мовитъ, з того всего поля и нивъ по сто, по 200 и болше копъ, а куда тая пашня з двору буровского и на что употребленна, того де невѣдаетъ, а могутъ де о томъ въ Буровцѣ староста, писаръ и войтъ тамошний показать. К сему допросу вмѣсто Мини Шинкаренка по его прошенію дякъ вихвастовский Михайло Омелянович руку приложилъ.

II.

СЕЛО БУРОВКА.

Того села войтъ Семенъ Шинкаренко под совѣстию християнскою допрошиванъ, било ли оное село во владѣніи за покойнимъ Никифоромъ Каленниковичомъ, сколко лѣтъ и почему и при животѣ ли его, чили по смерти досталося покойному пану Скоропадскому во владѣние, якъ давно и почему и з якими заводами, а в допросѣ своемъ показалъ ниже слѣдующее.

Било ли, мовитъ, оное село во владѣнии за покойнимъ Каленниковичомъ чили нѣ, то невѣдаетъ, ибо онъ отвѣтствуючий войтъ в тое село зайшолъ, якъ сталъ владѣти тимъ селомъ панъ Скоропадский, будучи писаремъ полковимъ Чернѣговскимъ. Именно передъ тимъ в годъ чили менше (неупомнитъ), якъ Григорія полковника Чернѣговского взято, а почему онъ панъ Скоропадскій онимъ селомъ завладѣлъ, и от кого ему во владѣние досталось, и з якими заводами—не вѣдаетъ, толко вѣдаетъ о томъ, же якъ онъ отвѣтчикъ зайшолъ в тое село за староства в томъ селѣ Петра Концевича, то жадныхъ заводовъ владѣлческихъ не било и скотини нѣякой неимѣлося, а кони якия били въ Ивашковѣ в то время, якъ панъ Скоропадский гетманомъ зосталъ, отогнани в степъ, а сколко по смерти покойного Каленниковича пану Скоропадскому досталось, вся оная била в селѣ Полуботкахъ, а с Полуботокъ отогнана в дворецъ Бобровицкий; толкожъ о числѣ, сколко онихъ било и куда с того дворца подѣлась невѣдаетъ, такожъ сколко по смерти покойного Каленниковича пану Скоропадскому всѣхъ движимыхъ и недвижимихъ добръ досталось и с тихъ добръ сколко било отъ того времени ажъ до сихъ часъ всякихъ користей, и тихъ користей имѣются якия добра прикупленния или сколко, и куда користей взято, и якъ давно—ни о чемъ томъ невѣдаетъ, для того, же хочай онъ отвѣтствуючи в томъ селѣ Буровци болшей отъ двадцати лѣтъ войтуетъ, ничимъ самъ собою незавѣдовалъ, а вѣдали всегда росходи и приходи старости, бувшие в дворцѣ Буровскомъ, якожъ и на сей часъ обрѣтающийся староста Леонтій Мадеровскій всѣми приходами и росходами завѣдуетъ и развѣ-де онъ староста, или теперь в небитности его на мѣстѣ его всею волостию буровскою завѣдуючий писарь Даниловъ Павловъ, которой уже в той волости отъ 1714 до сего 729 году писаремъ застаетъ, скажетъ вмѣсто войта Семена Шинкаренко.

Оногожъ села Буровки Мужикъ Максимъ Иващенко, якому отроду, мовитъ, будетъ годовъ з сѣмдесятъ чили болше (неупомнить) допрошиванъ, а в допросѣ своемъ сказалъ, якъ запомяетъ де онъ отвѣтчикъ, владѣлъ тимъ селомъ нѣякийся шляхтичъ, прозваниемъ Яцкевичъ, а потомъ будучи полковникомъ въ Чернѣговѣ панъ Бурковский, отнявши оное село отъ преждереченнаго Яцкевича, перво самъ владѣлъ нѣсколкося годъ, а сколко именно неупомнитъ, а потомъ отдалъ пану Николаю Гремицкому, в то время бившему сотнику Райскому. Когда же покойний п. Никифоръ Каленниковичъ видалъ дочку свою за пана Скоропадскаго, и онъ панъ Скоропадскій зосталъ писаремъ полковимъ Чернѣговскимъ, теди оттого времени онъ п. Скоропадский, тимъ селомъ завладѣвши, ажъ по смерть свою владѣлъ, и по смерти его до сей часъ жена его панѣ гетманшова Скоропадская владѣетъ, а почему пану Скоропадскому оное село во владѣние досталося невѣдаетъ, а в томъ де селѣ Буровци дворовъ, винницъ и нѣякихъ заводовъ скотинних и прочихъ владѣлческихъ издавна не било, кромѣ лѣсовъ боровъ и бортного ухожа, что и теперъ имѣется, а сколко, мовитъ, за владѣния покойного пана гетмана Скоропадского в томъ селѣ строения дворового стало, такожъ сколко имѣется поля пахотного и всякихъ угодий, такожъ сколко числомъ людей пахарних и непахарних и о прочемъ, развѣ де писарь волости буровской обявитъ, а онъ отвѣтчикъ сказать не могъ и за Максима Иващенка по ихъ прошению на допросахъ ихъ дякъ Ловинский Феодоръ Андрѣевъ подписался. По вишше писанних вуйта Буровского Семена Шинкаренка, да посполитого Максима Иващенка допросахъ, понеже оние доказали, что развѣ писаръ волости буровской яснѣе обо всемъ можетъ показать, теди висланние на розиски писали до оного писаря волости буровской, требуючи отъ него во всемъ в данной намъ инструкцѣй выраженномъ и обстоятелного видения, якое писмо наше до его писаря посланное въ такий текстъ выраженно:

По присланному в полковую Чернѣговскую Канцелярию ясневелможного добродѣя, его милости пана Даниила Апостола, войскъ его императорского Величества запорозскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана Указу, которимъ велено о маетностяхъ, приданних и всемъ недвижимомъ имѣнии матери паней Семеновой Лизогубовой, покойной Каленниковой розискать и описать подлинно, сколко онихъ можетъ бить, где именно и тую опись прислать до его велможности для разсмотренія, данною намъ ниже подписавшимся з оной полковой канцелярии инструкциею веленно зихать

внижеслѣдуючие села, а именно: в Полуботки, Певцѣ, Буровку, Вихвастовъ и Дроздовицу, и собравши старинныхъ козаковъ и мужиковъ, допросить и изслѣдовать въ самую сущую правду, оние села били ль во владѣнии за дѣдомъ жени пана Семена Лизогуба, Каленникомъ, и почему сколко лѣтъ и при животѣ ли его Калениковомъ, чили по смерти его достались зятю его, покойному пану гетману Скоропадскому, и по якомъ наданию, и з якими заводами, и сколко в которомъ селѣ било чили и теперь есть Калениковскихъ добръ, купленнихъ или наданнихъ, и именно, дворовъ, винницъ и в дворахъ якихъ заводовъ, коней, бидла всякого, огородовъ, поля пахотного, сѣножатей, гаювъ, лѣсувъ, дубрувъ, зарослей, дерева бортного и всякихъ угодей; тамъ же сколко числомъ людей пахотнихъ и непахотнихъ и оттого времени...

III.

СЕЛО ДРОЗДОВИЦА.

Оного села Дроздовици житель, мужикъ Грицко Сергиенко объ ономъ селѣ якъ давно на якихъ грунтахъ и кимъ осаженно и било ли оное во владѣнiи за покойнимъ Никифоромъ Калениковичемъ под совѣстию Христианскою допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ.

За полковництва де Василія Бурковского в Чернѣговѣ, покойний панъ Иванъ Скоропадский, живучи еще при тестѣ своемъ, пану Никифору Калениковичу въ ономъ домѣ, а будучи писаремъ полковимъ Чернѣговскимъ якъ сталъ владѣти Буровкою, купивши в Леска Войцеховича на рецѣ Смячи в сотнѣ городницкой греблю и построивши на оной греблѣ млинъ, при томъ млинѣ будучому мелнику Ивану Голушцу приказалъ закликать слободу и осадить понад рѣчкою Дроздовицею, и потому оней мелникъ якъ закликалъ слободу, теди онъ отвѣтствуючий на другий годъ на тую слободу пришолъ и оттого времени оною слободою П: Скоропадский владѣлъ, а за тестемъ его, покойнимъ П. Калениковичомъ, во владѣнии не била, а осаженная оная слобода на землѣ до Буровки надлежащей волной, а вотчина разныхъ вотчичовъ имѣется, к сему допросу вмѣсто Грицка Сергиенка...

Тогожъ села Дроздовици жители Якимъ Лось и Иванъ Шишкевичъ порознь допрашиванъ, а в допросѣ своемъ такъже слово в слово, якъ и вишше писанний Грицко Сергиенко, согласно сказали и Якима Лося и Ивана Шишкевича по ихъ прошенію дякъ Ловинский Феодоръ Андрѣевъ руку приложилъ.

IV.

СЛОБОДА НЕВКЛЯ.

Тоей слободи житель посполитий Давидъ Поддебленко об оной слободѣ, на якихъ грунтахъ кимъ и якъ давно осажена сознаЛъ: тому, мовитъ, уже годовъ 30, в битность покойного пана Ивана Скоропадского писаремъ полковимъ Чернѣговскимъ, и за владѣніе его Буровкою, оная слобода Невкля осаженна на грунтахъ, до Буровки надлежащихъ, за староства въ Буровци Юрия Новѣцкого, и онъ отвѣтчикъ, скоро закликана тая слобода, заразъ пришелъ еще наперво и осѣлъ на оной, а толко еще тамъ млинъ билъ построенний об одномъ Колѣ, которий теперъ имѣется, да при томъ млину корчма, а на купленной ли греблѣ той млинъ построенъ, чили на якой— того невѣдаетъ; а нижше тоей греблѣ другий млинъ вешнякъ старий стоялъ, а послѣ того перво осаженно слобода Ловинь и млинъ вешнякъ построенъ, потомъ на рѣцѣ Сухомъ Виру построенна рудня и при той руднѣ млинокъ в грунтахъ козаковъ сѣберезкихъ, прозиваемихъ свяцкихъ, а тому уже годовъ з десять той грунтъ Свяцкимъ з отчиною при немъ и всякими угодии и млинъ на рѣчцѣ, прозиваемой Сухомъ Виру, о едномъ колѣ мучномъ, другомъ ступномъ, покойней панъ гетманъ Скоропадскій купилъ, а за якую цѣну невѣдаетъ. К сему допросу вмѣсто Давида Подебленка по его прошенію поповичъ буровский Филипъ Косовичъ руку приложилъ.

V.

СЛОБОДА ЛОВИНЬ.

Оной слободы жителѣ Василь Гончаръ и Евдокимъ Шлапакъ об оной слободѣ Ловинѣ сознали, за владѣния, мовитъ, пана Скоропадского Буровкою, за староства во оной Буровци Юрия Новѣцкого, оная слобода закликана, и осѣла уже тому годовъ з 20; а на купленнихъ ли чили на займанихъ грунтахъ того невѣдаютъ, тогожъ времени якъ тая слобода осѣла и млинъ вешнякъ также на рѣцѣ Ловинѣ построенъ вновъ. К симъ допросамъ вмѣсто Василя Гончара, Евдокима Шлапака жителей Ловинскихъ...

VI.

СЛОБОДА АЛЕКСАНДРОВКА.

Тоей слободы жителѣ Максимъ Студинецъ и Ярмола Безкоровайний об оной слободѣ дознали, прошлого, мовитъ, времени тому уже десятий годъ за владѣния селомъ Буровкою бившаго полковника нѣжинского Петра Толстого, якъ родился в его синъ Александеръ, тогда на имя онаго сина етая слобода, за староства в буровци Иосифа Линевича закликана и осажена,

а на якихъ грунтахъ-они неизвѣстни, Максима Студинца, а Ярмоли Безкоровайного, по ихъ прошенію Яковъ Федоровичъ Ушенко руку приложилъ.

Вподлинномъ подписали:

Иванъ Гулевичъ значковий товарищъ полку Чернѣговскаго.
Андрей Никифоровичъ райца Чернѣговский
Василій Медушевский Сотникъ полковый наказний.
Канцеляристъ полковой Черниговский.
Лука Синковский.

VII.

СЕЛО ПОЛУБОТКИ.

Козакъ того села житель Левонъ Красикъ, которому отроду будетъ годовъ болше осмидесятъ, а з молодихъ лѣтъ чрезъ килконадцать годовъ служилъ, мовитъ онъ, в дому покойного Никифора Каленниковича, дѣда паней Семеновой Лизогубовой, обовязанъ совѣстию Християнскою, созналъ ниже слѣдующее. Онимъ, мовитъ, селомъ Полуботками и деревнею Певцами испрежде, якъ прадѣдъ жены пана Лизогуба Каленикъ, которого онъ неупомнитъ, толкожъ чулъ отъ многихъ старинныхъ людей, такъ по немъ и синъ его Никифоръ Каленниковичъ владѣли, а почему владѣли того неизвѣстенъ, а за полковничества пана Бурковского в Чернѣговѣ, оний Никифоръ Каленниковичъ, будучи асауломъ полковимъ Чернѣговскимъ и живучи в старомъ городѣ Чернѣговѣ, помежъ двора бурковского, противъ церкви Воскресенія Христова, видалъ замужъ дочку свою Пелагию за покойного пана Ивана Скоропадскаго, который в то время билъ войсковимъ енералнимъ канцеляристомъ, и за гетмана Самойловича, а приехалъ и женился, то имѣлъ толко при себѣ одного челядника, коней четверо и палубецъ однинъ, а в томъ палубцѣ якое имѣние било, того неизвѣстенъ, и по женитбѣ своей живучи онъ панъ Скоропадскій при ономъ тестевѣ своемъ чрезъ килко лѣтъ, якъ сталъ писаремъ полковимъ Чернѣговскимъ и завладѣвши перво Буровкою, потомъ и Вихвастовомъ (токмо на чинъ ли ему писарский оние села надани, чили почему завладѣлъ, то онъ неизвѣстенъ) в то время на купленномъ в прозиваемаго Юхоцкого пляцу противъ церкви Святого Спаса в Чернѣговѣ (а кимъ оний пляцъ купленъ, того невѣдаетъ) построенъ билъ ему П. Скоропадскому для житѣя дворъ, на которое строение привозили дерево плитами и з якой пущи неупомнитъ, и чимъ коштомъ тотъ дворъ строенъ неизвѣстенъ; и невходячи онъ панъ Скоропадский в той

дворъ жить, продалъ оній протопопѣ Чернѣговскому отцу Сиидоровскому, а за якую цѣну, того не вѣдаетъ, и купивши пляцъ в бившаго сотника Седневского, прозиваемого Полптики, и к тому другие пляци прикупивши противъ церкви воскресенія Христова в Чернѣговѣ построилъ на онихъ дворъ, и на тое строение возили дерево з пущи буровской, а крокви и лати з гая Каленниковскаго, прозиваемаго Гринѣвского, подданние з вишше показанихъ селъ Буровки, Вихвастова, Полуботокъ и Певцувъ, и в ономъ дворѣ жилъ; однакъ поневажъ оний Каленниковичъ за старостию лѣтъ своихъ изнемоглъ, того ради онъ панъ Скоропадский всѣми добрами его вѣдалъ и по смерти его Каленниковичевой сталъ владѣть селомъ Полуботками и Певцами, а сколко в то время по смерти его П. Никифора Каленниковича осталось движимаго всего имѣния неизвѣстенъ, а о срѣбрѣ и о прочомъ всемъ имѣнии можетъ дочка его Никифора П. Каленниковича, матка пана Савича, сотника Любецкого показать, ибо она при смерти онаго отца своего била. Такъже в вишше показанихъ селахъ Полуботкахъ и Певцахъ грунту старинного Каленниковского собственного дворцового, мужиковъ грунтовихъ и огородниковъ и поданими, грунту сколко било чили и теперь есть, того онъ Красикъ именно невѣдаетъ, и имѣется ли якій грунтъ, изновъ паномъ Скоропадскимъ прикупленій, или нѣтъ—невѣдаетъ же, а вѣдаетъ толко о томъ же грунтомъ Каленниковскимъ не малимъ числомъ якъ П. П. Савичъ и Мокруевичъ, такъ и панъ Скоропадский завладѣли, а сколко под кимъ якого грунту имѣется, именно показать немоглъ и почему они завладѣли невѣдаетъ, огородовъ и сѣножатей въ Полуботкахъ и в Певцахъ за покойного Каленниковича дворовихъ не било, и теперъ неимѣется, гай толко одинъ, прозиваемый Кочановскимъ билъ, и оний по смерти Каленниковичевой, за владѣния пана Скоропадского, зрубанъ и звоженъ до дворца бобровицкаго, заросли и дубрави якие били теперъ порозробляни на поле тимижъ подданими полуботковцами и певцанскими людми. Дворовъ въ Полуботкахъ знайдуючимся, въ которомъ оний Каленниковичъ и померъ, а било строения толко свѣтлица на ледовнѣ, пекарня особенно, комора и винница пустая, по смерти его Никифоровой, дочка его Савиха и Макриевичка завладѣли и теперь сини онихъ, а его Каленниковичева внуки, панъ Иванъ Савичъ, сотникъ Любецкий, и панове Иванъ и Михайло Макриевичи владѣютъ, а почему—того невѣдаетъ, а сколко осталось в томъ дворѣ по смерти его пана Никифора Коней, бидла, овецъ свиней, всѣмъ тимъ онихъ Савиха и макриевичка завладѣли, а сколко чего

именно било, такожъ и пашня била ли в ямахъ или стогахъ, того неизвѣстенъ; млинъ противъ тогожъ двора на рицѣ Стрижнѣ купленний чили наданий невѣдаетъ, испрежде Каленниковский по смерти его Никифора Каленниковича, якъ знесла било вода, теди все пустовалъ, а тому уже третій годъ, сотникъ любецкий панъ Иванъ Савичъ на той старой греблѣ построилъ млинъ об одномъ колѣ мучномъ и владѣетъ онимъ боромъ понадрѣчкою Бѣлоусомъ за Сядричами (?) з бортнимъ ухожемъ з найдуючимся Каленниковскимъ, купленимъ у нѣякогося прозиваемого, по смерти Каленниковича онихъ пановъ Савичъ и Макриевичъ завладѣли и теперь владѣютъ, а сколко в томъ бору било, чили и теперъ есть дерева бортного, а сколко в томъ и порожнего—того невѣдаютъ. Сѣножати за рѣкою Десною за мѣснимъ перевозомъ под дубомъ (которую занялъ покойний Никифоръ Каленниковичъ, за полковництва в Чернѣговѣ Григорія Гетманича по смерти его Каленниковича панъ Скоропадский завладѣлъ, и теперъ жена его владѣетъ. а сколко от того времени, якъ ему пану Скоропадскому во владѣние оное село Полуботки и деревня Певцѣ достались, ажъ до сихъ часъ с того села и деревнѣ такожъ с полювъ, и с прочего могло бить всякихъ користей и етихъ користей имѣются якие прикупление добра, то онъ невѣдаетъ, К сему допросу, вмѣсто Левона Красика, по его Прошению, Чернѣговскій житель Киприянъ Костантиновъ руку приложилъ.

Козакъ тогожъ села Полуботокъ Тимофѣй Окуленко в лѣтахъ старій человѣкъ, якому будетъ от роду годовъ з восемьдесятъ по сказцѣ его, об ономъ селѣ Полуботкахъ и деревнѣ Певцахъ, кто онимн испрежде владѣлъ и о протчемъ допросомъ своимъ показалъ ниже прописанное: испрежде, мовитъ, якъ запамятаетъ онъ од малихъ лѣтъ своихъ еще подчасъ ромадановщини за гетмана Многогрѣшного, якъ сталъ полковникомъ наказнимъ в Чернѣговѣ Левонь Артемовичъ Полуботокъ, а онъ Панъ Никифоръ Каленниковичъ билъ сотникомъ, а якой сотнѣ того неупомнитъ, тогда оной Левонь Полуботокъ, также в то время бившій исаулъ полковой Чернѣговскій Антонъ Бутъ, имѣли з нимъ Никифоромъ Каленниковичомъ споръ, хотячи отнять оное село Полуботки и Певцѣ зо всѣми до нихъ приналежалостми, токможъ не могли отнять, а чего ради невѣдаетъ; а оттого времени владѣлъ, мовить онъ, Каленниковичъ тимъ селомъ и деревнею свободно, из наданя ли, чили по купли владѣлъ, того документалне невѣдаетъ. А видавши онь Панъ Каленниковичъ старшую дочку свою Анну за Саву Хведосенка, мищанина Чернѣговского в домъ его Хведосеиновъ, посля къ другой дочцѣ

своей Пелагии принялъ покойнаго пана Скоропадского в домъ свой и онъ панъ Скоропадскій, живучи при немъ Каленниковичу, всѣми добрами его тестевскими вѣдалъ, а когда уже онъ Каленниковичъ видалъ замужъ и третью дочку свою Евфросинію з дому своего за Ивана Карпченка Мокриевича, а онъ Скоропадскій зосталъ писаремъ полковимъ Чернѣговскимъ и сталъ владѣть Буровкою и Вихвастовомъ, а почему ними селами завладѣлъ невѣдаетъ. Построивши себѣ дворъ противъ церкви воскресенія Христова в старомъ городѣ Чернѣгови и вийшовши з двора тестевскаго, в оном дворѣ жилъ, а откуду на тое строеніе дворовое дерево вожено, и кимъ вожено того невѣдаетъ. А потомъ построилъ онъ панъ Скоропадскій себѣ на бобровицѣ дворъ и винницѣ, скупивши в разних людей мѣсця, землѣ, а в кого именно поскуповалъ и на сколко козаковъ во оной винницѣ горѣлка робилась, того невѣдаетъ. Однакъ, мовитъ онъ, панъ Скоропадскій всѣми добрами его Каленниковими завладѣлъ и в томъ дворѣ живучи онъ Каленниковичъ прежде смерти своей за килко лѣтъ от старости заслабѣлъ, а по смерти его Никифора Каленниковича либо хотѣли, мовитъ, его Никифорови предреченніи дочки Анна Савыха и Евфросинья Мокриевична селомъ Полуботками и Певцами завладѣть, токможъ онъ панъ Скоропадскій недопустилъ имъ владѣть и самъ онъ якъ владѣлъ, такъ теперь и жена его панѣ гетманша владѣетъ, а дворомъ в Полуботкахъ его Каленниковимъ, в которомъ малое строеніе било, а именно: свитлица на ледовнѣ, пекарня, комора и винница пустая, онимъ помянутие Савиха и Мокриевична завладѣли, а в томъ дворѣ по смерти его Каленниковичевой осталось мовитъ всякая скотина, кони, бидло, овци и свине, токможъ где оное подѣлось, и пашня осталась ли в стогахъ и в ямахъ, или другое якое имѣніе—невѣдаетъ, а о млину, противъ тогожъ двора на рецѣ Стрижнѣ стоячомъ, и въ бору з гаями понад рѣчкою Билоусомъ за Сядричами, такожъ сколко по смерти покойного Каленниковича осталося всѣхъ грунтовъ дворовихъ под селомъ Полуботками и Певцами собственнихъ Каленниковихъ и потомъ Скоропадскимъ прикупленнихъ, до двору буровского надлежащихъ, и оттого времени ажъ до сей часъ з онихъ грунтовъ било користей и сколко въ селѣ Полуботкахъ и под ними грунтовъ, также слово вслово, якъ и вишше писанній козакъ Левонь Красикъ показалъ, же ни о чемъ томъ подлинно невѣдаетъ, и развѣ мовитъ войтъ того села Полуботокъ и деревнѣ Певцювь достовѣрнѣйше

обявитъ. К сему допросу вмѣсто Тимофея Акуленка по его прошенію Яковъ Артемовъ Фесенковъ, Козака ройскаго синъ, руку приложилъ.

Тогожъ села Полуботокъ и деревнѣ Певцѣвь, войтъ Панкратъ Осипенко, якому мовитъ будетъ роковъ с пятьдесятъ отрода, а войтуетъ де онь годовъ семнадцать в томъ селѣ и деревнѣ Певцахъ, и посполитій Демянъ Стефаненко порознь допрошивани, а в допросѣ своемъ согласно показали. Вѣдаютъ, мовитъ они, же дѣдъ паней Лизогубовой, панъ Никифоръ Каленниковичъ владѣлъ тимъ селомъ Полуботками такожъ деревнею Певцами ажъ по смерть свою, и они, мовитъ, всѣ поддании робили панщину ему Каленниковичу, а по якой крѣпости, з надання или по купли владѣлъ—того они невѣдаютъ; когда же онъ померъ в Полуботкахъ в дворѣ своемъ, а сколко тому лѣтъ неупомнятъ, то по смерти его в томъ дворѣ остался кони, такожъ бидло, овци и свине, а сколко всего того било числомъ и куда подѣлося—того они неизвѣстни, а строенія дворового было только: свитлица, пекарня, комора, да винница пустая, с котораго строенія свитлицу забралъ отецъ Симеонъ Савичъ, священникъ Богоявленскій Чернѣговскій, внукъ его Каленниковичевъ, чему будетъ лѣтъ з двадцать, а винницу, же зогнила, на дрова употребили, а пекарня и комора и теперь есть, а владѣютъ онимъ дворомъ панъ Иванъ и Михайло Макриевичи, егожъ Каленниковичева внуки, а почему владѣютъ того они неизвѣстни; о пашнѣ, теди била ли в томъ дворѣ в ямахъ или в стогахъ невѣдаютъ, такожъ о сукняхъ, сребри и протчемъ имѣніи, сколко чего по смерти его осталося неизвѣстни; о млинѣ на рѣчцѣ Стрижнѣ о двоихъ колахъ мучнихъ противь тогожъ двора также слово в слово, якъ и вище писанние Козаки Левонь Красикъ и Тимофей Окуленко показали: Гай Качановскій прозиваемій, якого било вдовжь всего гоней на шесть, а вперекъ на гони, онижъ по смерти его Никифоровой зрубанъ ввесь и звоженъ до дворца бобровицкаго за староства в ономъ дворцѣ Ивана Компанѣйца и на томъ мѣсцѣ теперь порусъ хмизнякъ, а дуброви якие били, то инние на поле поразробляни тимижъ людми Полуботковскими и Певчанскими, а другіе по части малой по примѣжкахъ к старому полю имѣются; объ гаяхъ и борахъ, понад рѣчкою Билоусомъ знайдуючихся, также слово в слово показали, якъ и висше писанній козакъ Красикъ, и з бортнимъ ухожемъ поля пахатного, коло Полуботокъ и Певцовь лежачого, Каленниковскаго по смерти Никифора Каленниковича завладѣлъ покойний панъ Скоропадскій; во всѣхъ троихъ рукахъ нив шеснадцять, а именно: под селомъ Полуботками за стрижнемъ: 1) нива

солониковская осмачокъ на 4; 2) полянка на полтретѣ осмачки; 3) помѣрокъ солониковскій же на полтори чвертки; 4) нива кордиковская на сѣмъ чвертокъ; 5) гряда на пять чвертокъ; 6) круглая на пять чвертокъ; 7) клинъ узседневскій шляхъ на шѣсть чвертокъ; 8) полоса довгая голѣниковская на шѣсть чвертокъ. Под деревней Певцами голюнковскихъ нивъ 2: одна на полусмакъ, другая на три осмачки; ялоцковскихъ нивъ 2: от Пѣвцювъ к млину ялоцковскому одна на четири осмачки, а другая на осмачку; на томъ боцѣ стрижня в городищи нивъ двѣ: една на шесть чвертокъ, другая на полусмакъ, третяя, прозвается сокѣрка, на двѣ осмачки. Под товстолѣсомъ нива урочищемь дубына, осмачокъ на шѣсть; и того всего поля Калениковскаго подъ Полуботками и Певцами, которимъ и теперь владѣетъ панѣ гетманшая Скоропадская, нивъ шестнадцать, в томъ числѣ имѣется купленного покойнимъ паномъ Никифоромъ Каленниковичемъ поля, нивъ кордиковскихъ двѣ Каленика Кордина; а за что в оного куплени и якъ давно невѣдаетъ, нивъ три голѣниковскихъ, в Семена Голюнки куплени з Селидбою въ деревнѣ Певцахъ, (которою Селидбою теперь владѣетъ отецъ Симеонъ Савичъ внукъ Каленниковичевъ) о дано денегъ купить тридцать; нивь ялоцковскихъ пять, оніе куплени з млиномъ ялоцковскимъ; токмо за что и у кого куплено того невѣдаетъ; нива, прозиваемая в дубинѣ; за оную ниву з дубровою далъ покойній панъ Каленниковичъ поддапному своему Полуботковскому жителю Стефану Ширку коня; и въ оной много уже дуброви разроблено еще за Каленниковича; а и теперь еще дуброви есть, якобы засѣву на осмачку. Ниви тежъ солониковскіи двѣ завладѣлъ онъ Каленниковичъ по змерлихъ поддапнихъ его, Васка и брата его солониковъ, жителей Полуботковскихъ, а три ниви поля, прозваніемъ Гряда Круглая и клинъ узшляхъ Седневскій старѣнніе Калениковскіе, а по смерти покойного Никифора Каленниковича покойнимъ гетманомъ Скоропадскимъ поля прикупленнаго под селомъ Полуботками нива одна осмачокъ на читири, а подъ Певцами нивъ двѣ на три осмачки, с которыхъ едну ниву подъ Полуботками прежде повѣтра мороваго, в Чернѣговѣ будучого, Марка Врегинца, жителя Чернѣговскаго, жена его покойному Скоропадскому за десять талярей заставила, а двѣ ниви под Певцами по змертвіи всего того дому марковскаго подчасъ мороваго повѣтра, емужъ пану Скоропадскому вовладѣніе достался, а якимъ случаемъ именно невѣдаетъ, отихъ марковскихъ нивахъ посвѣдчилъ де онъ Степаненко, а войтъ де неизвѣстенъ, а под бобровицею нивъ девять, скоторыхъ нивь двѣ на полчварти осмачки и огородъ у милника Васка за

долженіе грошн десятъ талерей Скоропадскому взято, а о семи нивахъ: 1) в конецъ Полуботкового гая на полтрети осмачки, 2) для двора бобровицкого на двѣ осмачки, 3) тамже на полтори осмачки, 4) в глинищи на двѣ осмачки, 5) довгая смѣжная с бурковской полемъ на осмачку, 6) на горѣ круглая на осмачку, 7) на горѣ жъ под яцевомъ на три чвертки (за что оніе и у кого куплени того невѣдаетъ); а все вишe писанное поле, якъ Каленниковское, такъ и покойнымъ гетманомъ Скоропадскимъ вновь прикупленное, могутъ де оны по межамъ завести; а прикуплялъ онъ Скоропадскій все тое поле еще за живота тестя своего покойнаго Каленниковича, а сколко, мовить, зо всего поля Каленниковскаго от того времени, якъ покойному Скоропадскому во владѣніе досталось, по всякъ ажъ до сихъ часъ собиралося всякой пашнѣ и куда оная употребляна того невѣдаетъ, толко о томъ вѣдаетъ, же якъ з Каленниковскаго, такъ покойнымъ гетманомъ Скоропадскимъ прикупленнаго всего поля всегда собиранную пашню немолотячи звозили они в дворецъ бобровицкій, и сколко вымолоченной пашнѣ било, и куда оная употребляна о томъ старосты того двора вѣдали, а собиралося де с того всего поля всей пашнѣ иного года купъ по вусмисотъ поболше и поменше. Огородовъ и синожатей и другихъ угодій издавна въ Полуботкахъ и Певцахъ Каленниковскихъ дворовихъ не било и теперь неимѣется; синожати, займанои Каленниковскою, на лузѣ за рѣкою Десною под дубомъ, на которой временемъ становится скиртъ сорокъ и больше сѣна, покойній гетманъ Скоропадскій завладѣлъ и теперь жена его панѣ гетманшая владѣетъ; имѣется на лицо в Полуботкахъ мужиковъ груитовихъ девять, в томъ же селѣ Полуботкахъ огородниковъ сѣмъ, въ деревнѣ Певцахъ грунтовихъ восѣмъ, огородниковъ три. К симъ допросамъ, во мѣсто войта села Полуботокъ Панкрата Осипенка и посполитаго Демяненка Степаненка, по ихъ прошенію черниговскій житель Василій Леднецкій руку приложилъ.

О вишe писанних трехъ нивахъ Марковскій предреченный Левонь Красикъ, козакъ того села Полуботокъ, в документѣ призналъ, же за тие ниви покойный панъ гетманъ Скоропадскій заплатилъ сто тридцать золотыхъ грошей марковому брегинцевому зятю, а якъ оному имя упомнилъ; а потому онъ Красикъ тому добре извѣстенъ, же при ему тие ниви онъ Скоропадскій сторговалъ, толко по отходѣ его з дому Скоропадскаго грошн оному отданы.

Письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь

(1859—1863 г.)

Помѣщая въ Сборникѣ, посвященномъ памяти Н. В. Гоголя, нѣсколько писемъ П. А. Кулиша къ матери поэта, содержаніе которыхъ касается преимущественно изданія сочиненій нашего поэта, что имѣло непосредственное отношеніе къ цѣли Сборника, мы выдѣлили въ отдѣльную группу письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь, носящія болѣе частный характеръ. Личность П. А. Кулиша настолько интересна во многихъ отношеніяхъ, что освѣщеніе ея сообщеніемъ различныхъ, касающихся ея, матеріаловъ всегда будетъ желательно; а такихъ матеріаловъ, мы думаемъ, найдется немало; но многаго пока касаться нельзя вслѣдствіе того, что и самъ Кулишъ еще такъ недавно сошелъ въ могилу, и живы еще нѣкоторые изъ близко стоявшихъ къ нему современниковъ. Намъ поэтому кажется, что біографія Кулиша, недавно выпущенная въ свѣтъ г. Шенрокомъ, хотя и не претендуетъ на полноту, какъ объ этомъ говоритъ самъ авторъ, тѣмъ не менѣе можетъ быть названа отчасти преждевременной, вслѣдствіе обилія матеріаловъ, которые были неизвѣстны почтенному автору. Печатающіяся въ „Кіевской Старинѣ“ письма Кулиша къ разнымъ лицамъ не лишены значенія, какъ матеріалъ для біографіи, и могутъ внести поправки и дополненія къ упомянутому выше біографическому очерку; помѣщенныя въ Гоголевскомъ Сборникѣ письма проливаютъ свѣтъ на интересный періодъ дѣятельности Кулиша, когда онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ всецѣло поглощенъ печатаніемъ сочиненій Гоголя; предлагаемыя же ниже письма затрогиваютъ вопросъ, котораго лишь вскользь коснулся почтенный авторъ біографическаго очерка, именно, отношеній Кулиша къ семьѣ Гоголей.

Многое въ этихъ письмахъ можетъ показаться страннымъ, какъ и отношенія Кулиша къ М. И. Гоголь въ то именно время, когда въ своихъ литературныхъ статьяхъ онъ металъ громы и молніи въ того самого Гоголя, передъ которымъ преклонялся пять лѣтъ тому назадъ. Но и помимо этого, печатаемыя письма рисуютъ намъ въ болѣе или менѣе яркихъ краскахъ духовную жизнь Кулиша въ этотъ періодъ, съ ея интересами и стремленіями, вводятъ насъ въ исторію созданія нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, освѣщаютъ цѣлый періодъ жизни, представленный въ біографическомъ очеркѣ довольно блѣдно.

Отдѣльныя письма, какъ, напримѣръ, письмо 9 марта 1861 года, написанное подъ впечатлѣніемъ недавняго грустнаго событія—смерти Т. Г. Шевченка, и нѣкоторыя другія, представляютъ немалый самостоятельный интересъ, какъ письма современниковъ о важныхъ событіяхъ; не лишены также интереса и коротенькія письма „козака Белебня“, писанныя во время пребыванія Кулиша на родинѣ Гоголя. Еще недавно на берегу Гоголевскаго пруда стоялъ небольшой домикъ подъ соломенной крышей, въ которомъ жилъ Кулишъ, а возлѣ него стояла развѣсистая осокорь, которой онъ въ одномъ письмѣ посылаетъ поклонъ. Это мѣсто съ частью берега называется и по настоящее время „Белебень“, а старики помнятъ, что въ стоявшей тамъ хаткѣ жилъ „якійсь панъ“, который ходилъ въ „высокій смушовій шапци (извѣстно, что Кулишъ носилъ шапку стариннаго козацкаго типа) и все любывъ балакать“.

И здѣсь внимательный изслѣдователь могъ бы почерпнуть кое-что для характеристики интересующей его личности. Но вообще слѣдуетъ сказать, что для изображенія полной картины жизни и дѣятельности Кулиша еще не наступило время, и ближайшей задачей является печатаніе матеріаловъ, часть которыхъ мы и предлагаемъ вниманію интересующихся. Считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что въ то время, которое обнимаютъ приведенныя ниже письма, автору ихъ было около 40 лѣтъ, а Маріѣ Ивановнѣ Гоголь, къ которой они адресованы, было уже болѣе 70 лѣтъ; тѣмъ не менѣе, не взирая на свой преклонный возрастъ, она такъ близко интересовалась многими вопросами, волновавшими умъ ея собесѣдника, что вызывала его на оживленную переписку. Какъ видимъ изъ текста писемъ, авторъ въ нихъ раскрываетъ свою душу, затрогиваетъ много интересныхъ вопросовъ, и бесѣдуетъ съ Маріей Ивановной Гоголь, какъ съ личностью, вполнѣ интеллигентною и стоящею на высокомъ уровнѣ развитія, какою на самомъ дѣлѣ и была мать нашего поэта.

I.

Милостивая Государыня Марія Ивановна!

Недавно я писалъ къ Вамъ по предмету изданія сочиненій Вашего во вѣки незабвеннаго сына; теперь отвѣчаю на Ваше доброе письмо отъ 30-го января. Малороссійскія проповѣди были изданы сперва Гречулевичемъ. Прочитывая ихъ, я жалѣлъ, что такое прекрасное дѣло очень плохо выполнено и, будучи знакомъ съ его сыномъ, тоже протоіереемъ, здѣсь въ Петербургѣ, изъявилъ ему готовность исправить ихъ для второго изданія. Но когда началъ поправлять, то оказалось, что стараго текста остается между моими поправками лишь изрѣдка строка или двѣ, а нѣкоторыя проповѣди я зачеркнулъ и написалъ на ту же тему вновь. Такъ написано было сто страницъ и отдано въ типографію. Между тѣмъ мнѣ нужно было ѣхать въ Малороссію. Я захватилъ съ собою *первую* проповѣдь на Рождество Христово и проповѣдь *вторую* на Новый годъ. Въ Малороссіи у меня есть друзья въ убогихъ хатахъ. Я прочиталъ имъ эти двѣ проповѣди и былъ пораженъ впечатлѣніемъ, какое произвело на нихъ мое чтеніе. Тогда я почувствовалъ въ сердцѣ упрекъ, что взялся за такое важное дѣло слегка, тогда какъ мнѣ бы слѣдовало все для него оставить. Возвратясь въ Петербургъ, я принялся съ жаромъ за окончаніе проповѣдей, оставивъ Гречулевича совершенно въ сторонѣ, и вотъ прошу Васъ прочесть вторую половину моей книги, начавъ отъ проповѣди *До богатыхъ и убогихъ людей*. Вы увидите, что это писалъ другой человѣкъ. Но все еще я долженъ былъ спѣшить, потому что типографія шла за мной по пятамъ; а если Богу угодно будетъ благословить успѣхомъ трудъ мой, и второе изданіе, напечатанное въ 2,400 экземплярахъ, разойдется, тогда я обработаю и дополню эту книгу со всѣмъ стараніемъ для новаго изданія. Не могу Вамъ описать радости, которая наполняетъ душу мою, когда я бываю увѣренъ, что слово мое приноситъ пользу моимъ ближнимъ. За всѣ гоненія, претерпѣваемыя нами отъ невѣжественныхъ фанатиковъ, за всѣ лишенія, которымъ мы подвергаемся, отрекаясь отъ многаго въ жизни, за всѣ горести, происходящія отъ утонченной чувствительности нашей натуры, мы отъ времени до времени получаемъ полное вознагражденіе. Есть счастье въ успѣхахъ на пути къ богатству, есть счастье въ любви и семейной жизни, но никакое изъ нихъ не сравнится съ тѣмъ, которое происходитъ отъ сознанія, что приносишь пользу душѣ человѣческой. Стремленіе къ этой высокой цѣли одушевляло Вашего без-

смертнаго сына; оно же управляетъ и всѣми благородными душами. Оно и Вамъ извѣстно по опыту. Скоро я Вамъ пришлю другую книгу на Малороссійскомъ языкѣ и попрошу Васъ прочитать ее не откладывая. Въ ней Вы увидите меня не тѣмъ, какимъ я показался Вамъ въ своей ничтожной тѣлесной оболочкѣ. Какъ бы пріятно было совсѣмъ ее сбросить и жить на землѣ безплотнымъ духомъ! Тогда-бъ я показалъ Вамъ, какъ я цѣню Васъ, какъ я люблю Васъ. Не боялся бы я ни странности рѣчей моихъ, ни неумѣстности моихъ порывовъ. Вы бы вдругъ меня узнали, со всѣми моими чувствами, которыя теперь покрыты непроницаемою тайною. Вы говорите съ сожалѣніемъ о моей худобѣ. Понимаю прекрасное движеніе Вашего сердца... но если-бъ Вы знали, какъ и эта легкая оболочка тяготитъ иногда мою душу! если-бъ Вы знали, сколько противодѣйствія встрѣчаетъ душа моя въ этомъ безсильномъ организмѣ, и какъ рѣдко удается ей покорять его высшимъ движеніямъ! Не нужно мнѣ цвѣтущаго здоровья, если оно увлечетъ меня къ лѣни и къ матеріальнымъ удовольствіямъ, въ ущербъ тому назначенію, для котораго повелѣно мнѣ быть въ мірѣ. Когда я, поддавшись низшимъ влеченіямъ своей природы, начинаю жить безпечною и вялою жизнью, душой моей мало по малу овладѣваетъ такая тоска, которая прогоняетъ меня изъ общества самыхъ любезныхъ, самыхъ добрыхъ людей; и вотъ почему я счастливъ только наединѣ съ самимъ собою и въ минуты душевнаго изліянія съ близкимъ моему сердцу человѣкомъ. Я счастливъ теперь, когда пишу къ Вамъ письмо отъ полноты моей души, умѣющей цѣнить и любить чистыя и возвышенныя души. Четырехъ Вашихъ словъ, которыя Вы мнѣ сказали на прощанье, я никогда не забуду. Слова не заключали въ себѣ ничего необыкновеннаго; но, Боже! что мнѣ въ нихъ послышалось!... И я не ошибся. Будьте же здоровы, и да не смущается сердце Ваше никакими несчастіями! Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1857 г. февр. 12. С. Петербургъ.

II.

Давно, давно не писалъ я къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна! Это произошло отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ я скажу Вамъ только объ одномъ. Съ береговъ Волги я извѣстилъ Васъ о предпринятой поѣздкѣ въ Крымъ; но мы доплыли только до Саратова. Въ Саратовѣ заочные до тѣхъ поръ наши знакомые снабдили насъ экипажемъ, въ которомъ мы проѣхали верстъ полтораста въ глубину губерніи,

въ село Малиновку, которымъ управляетъ одинъ изъ братьевъ Александры Михайловны. Онъ холостой человѣкъ и занимаетъ большой домъ со всѣми помѣщичьими удобствами, заведенными графомъ Перовскимъ. Внизу, подъ горой, протекаетъ рѣка Хоперъ, похожая на нашъ Пселъ. На конюшнѣ девять прекрасныхъ лошадей; садъ, рыбныя ловли, надводные лѣса, красивые виды; словомъ сказать—все мы нашли по своему желанію, и при этомъ полное уединеніе, больше котораго уже и быть не можетъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я и засѣлъ за работу, да какъ началъ писать перемѣжая свои занятія купаньями въ Хопрѣ, то четыре мѣсяца промелькнули для меня, какъ четыре дня. Александра Михайловна взяла на себя роль переписчика, и мы надѣлали дѣла много. Теперь надобно проводить черезъ цензуру и печатать. Описалъ я уѣздную малороссійскую жизнь со всѣми ея чудесами, которымъ я самъ бы съ трудомъ повѣрилъ, еслибъ не видѣлъ этихъ чудесъ собственными глазами. Это романъ довольно обширный, какихъ я до сихъ поръ не писалъ еще. Онъ Васъ долженъ занять, потому что дѣло происходитъ въ Малороссіи. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобъ онъ Васъ занялъ, и чтобъ Вы извинили меня за мое долгое молчаніе, такъ какъ я весь утонулъ въ своей работѣ и не существовалъ больше ни для кого и ни для чего. Мы только вчера пріѣхали въ Москву, и я видѣлся съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, который сказалъ мнѣ, что семейство его еще въ деревнѣ, и что братъ очень посѣдѣлъ по смерти отца, а Ольга Семеновна совершенно упала духомъ и, какъ онъ выразился, опустилась. Хорошо привязываться сильно только къ тому, чего мы потерять не можемъ. Но человѣкъ всегда будетъ обманываться своимъ сердцемъ и безъ этого обмана онъ былъ-бы не въ силахъ переживать столько житейскихъ бурь и горестей. Въ Москвѣ мы останемся цѣлый мѣсяцъ, потому что здѣсь гораздо стойче цензура, такъ я проведу здѣсь романъ свой черезъ мытарства, и потомъ уже заключу условія съ журналомъ. Адресуйте, впредь до увѣдомленія, на мое имя *въ Москву, въ Редакцію Русской Бесѣды.* Увѣдомьте меня о своемъ драгоцѣнномъ для меня здоровьѣ, и каково поживаетъ Ваше любезное семейство, которому посылаемъ усердный поклонъ. Александра Михайловна свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе. Купанья въ Хопрѣ и привольная жизнь деревенская, кажется, много ей помогли въ ея разстроенномъ здоровьѣ. Что касается до меня, то уже одинъ исполненный мною съ удовольствіемъ трудъ свидѣтельствуетъ, что

я еще крѣпко живу на свѣтѣ по милости Божіей. Преданный Вамъ съ глубокимъ почтеніемъ П. Кулишъ.

1859, октябрь. Москва.

III.

1859, ноября 17. С.-Петербургъ.

Вотъ какія обстоятельства, почтеннѣйшій другъ Марья Ивановна! Многіе думаютъ, что класть въ банкъ деньги при нынѣшнихъ обстоятельствахъ опасно, потому что банку угрожаетъ банкротство. Даже говорятъ, что главная компанія желѣзныхъ дорогъ *намѣрена* обанкрутиться, во вредъ многимъ и въ пользу немногимъ. Я не присовокупляю собственнаго мнѣнія, потому что я вовсе не обладаю финансовыми способностями, но думаю, что не шумѣли-бы объ этомъ въ Петербургѣ люди оборотливые, еслибы въ самомъ дѣлѣ не было чего-нибудь подобнаго. Въ качествѣ друга, соблюдающаго и охраняющаго Ваши интересы, я предлагаю Вамъ слѣдующее: 1) Не угодно-ли Вамъ получить собравшіяся у меня въ кассѣ деньги ассигнаціями, а не банковыми билетами? 2) Не угодно ли Вамъ и по всѣмъ прежнимъ билетамъ вытребовать изъ банка свои деньги и раздѣлиться ими между собою? Пусть каждый пристроитъ свою часть въ болѣе надежное мѣсто, чѣмъ банкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, или же самъ положитъ въ банкъ. Въ ожиданіи отъ Васъ точнаго распоряженія, я не положу находящихся у меня въ рукахъ денегъ въ банкъ. Каменецкій не рѣшился увѣдомлять меня по почтѣ въ Москву, почему именно онъ медлитъ помѣщеніемъ въ банкъ накопившихся денегъ. Письма на почтѣ теперь читаются, и я боюсь, чтобы и этого извѣстія не перехватили. Поэтому прошу Васъ немедленно, по полученіи этого письма, увѣдомить меня только, что мое письмо отъ 17 ноября Вами получено, а потомъ уже совѣщайтесь между собою и посылайте мнѣ Вашу инструкцію. Я буду ждать ее спокойно, зная, что это извѣстіе до Васъ дошло. Мы живемъ въ самое сомнительное время, и одинъ Богъ знаетъ, какія чудеса могутъ произойти уже отъ одной несостоятельности казны.

Всею душою преданный Вамъ П. Кулишъ.

Приписка. Можетъ быть, я пугаю Васъ финансовымъ кризисомъ напрасно, потому что министръ финансовъ прибѣгнулъ къ пятипроцентнымъ билетамъ, которыми надѣется поправить дѣло. Многіе бросились на замѣну двухъ-процентныхъ (съ новаго года) билетовъ на эти штукарскіе билеты.

Но хозяинъ дома, въ которомъ я живу, разбогатѣвшій денежными оборотами, не видитъ впереди ничего хорошаго и много, много розсказываетъ зловѣщихъ признаковъ банкротства казны.

IV.

За вашу доброту, почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна, которую Вы выразили въ Вашемъ письмѣ, цѣлую Вашу ручку. Если я разочаруюсь во всемъ свѣтѣ, то и тогда останется у меня увѣренность, что Вы ко мнѣ все такъ-же расположены, какъ и прежде, потому что для Васъ не возможно не быть ко мнѣ благодушною.

Вы теперь имѣете чтенія довольно. Не достаетъ только чтеца. Но погодите: вотъ я скоро совсѣмъ состарѣюсь, такъ что мнѣ только и нуженъ будетъ тихій уголокъ, который я имѣю въ Вашей Васильевкѣ. Тогда я съ восхищеніемъ буду исполнять при Вашей особѣ эту должность, какъ исполняютъ ее нѣкоторые при императрицахъ. Да я таки и хочу скорѣй состариться, чтобъ поменьше чувствовать, а побольше понимать людей и жизнь. Будьте здоровы! да хранитъ Васъ Господь. Всего лучшаго. Преданный П. Кулишъ.

1861, янв. 3.

V.

Почтенный другъ Марія Ивановна!

Напрасно Вы придаете такъ много цѣны образованности. Вся образованность къ тому только и направлена, чтобъ усовершенствовать наше сердце; а у кого сердце отъ природы прекрасное, тому образованность немного прибавитъ въ глазахъ истиннаго цѣнителя достоинствъ человѣческихъ. Я писалъ повѣсть объ Ульянѣ Терентьевнѣ восемь лѣтъ тому назадъ и сожалѣю теперь, что представилъ ее болѣе образованною, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ. Еслибъ я изобразилъ родной уголокъ безъ всякихъ украшеній, онъ вышелъ-бы еще привлекательнѣе. Знаете-ли, что, можетъ быть, и Васильевка для меня не была бы такою родною, еслибъ Вы походили болѣе на сочиненную Ульяну Терентьевну, чѣмъ на дѣйствительную. Есть особенная прелесть въ достоинствахъ, которыми человѣкъ обязанъ одной своей природѣ. Замѣнить ихъ не можетъ никакое воспитаніе; оно только можетъ ихъ возвысить. Вы желаете знать, жива-ли еще эта превосходная женщина. Нѣтъ, она умерла года два тому назадъ. Я похвалюсь Вамъ добрымъ дѣломъ не изъ тщеславія, а потому, что оно для меня отрадно. Когда всѣ оставили Ульяну Терентьевну, и она жила

въ великой бѣдности, въ селѣ Маковѣ Глуховскаго уѣзда, то я назначилъ ей изъ своихъ доходовъ родъ пенсіи и до самой смерти высылалъ ей аккуратно къ каждому 1-му числу 10 р. сер., т. е. 120 р. сер. въ годъ. Она приняла мое предложеніе съ благодарностію и была такимъ образомъ успокоена на счетъ главныхъ потребностей жизни. Еслибъ она была жива теперь, я бы ее взялъ къ себѣ въ Петербургъ и привозилъ бы къ Вамъ въ Васильевку,—разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда бы ея силы соотвѣтствовали моимъ прогулкамъ въ тысячу верстъ. Я потерялъ въ ней послѣднее, что было дорого мнѣ въ дѣтствѣ. Теперь ужъ не наживу ничего подобнаго, все равно какъ не наживу юности. Въ *Θеклушѣ* гораздо вѣрнѣе все представлено. Θеклушу я писалъ послѣ Ульяны Терентьевны и больше доволенъ, какъ повѣстью. Это—живая хроника моего дѣтства. И Яковъ Яковлевичъ очень, очень вѣрно представленъ. Но довольно объ этомъ! Мы отдыхаемъ отъ своихъ трудовъ въ итальянской оперѣ. Дивная музыка! Когда заслушаешься, то кажется, что вокругъ сіяетъ лѣто со всѣми своими красотами. Когда же у насъ въ Малороссіи будетъ такая опера? Отчего одной столицѣ доступны такія удовольствія?—Очень хорошо знаю, отчего, да надо молчать. Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую Вашу ручку.

П. Кулишъ.

1861, янв. 21. С.-Петербургъ.

VI.

1861, февраля 13. С.-Петербургъ.

Разскажу я Вамъ, почтеннѣйшій другъ мой Марія Ивановна, нѣкую повѣсть. Когда я проживалъ въ Тулѣ... то приласкалъ къ себѣ двѣнадцатилѣтняго кадетика, Мишу Кучаева. Умненькій былъ мальчикъ этотъ Миша Кучаевъ, и многому я хотѣлъ научить его; но корпусное начальство, видя во мнѣ врага Россійскія державы, запретило ему бывать у меня. Такъ мы и разстались. Но вотъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я открываю, что Миша Кучаевъ уже офицеръ генеральнаго штаба, т. е. окончилъ курсъ наукъ въ военной академіи, что онъ профессоръ химіи въ горномъ корпусѣ, и, въ добавокъ, содержитъ фотографическое заведеніе на Невскомъ Проспектѣ. Не получивъ, также какъ и я, никакого наслѣдства, онъ собственными трудами устроилъ себѣ независимое положеніе, и такъ былъ погруженъ въ дѣла, что только въ концѣ прошлаго года могъ возобновить

со мной знакомство, зная о моемъ существованіи по моимъ книгамъ. Мы сошлись характерами и убѣжденіями и рѣшились соединить наши матеріальные интересы. У насъ теперь большія затѣи, которыя если исполнятся, то мы будемъ устилать слѣдъ свой золотомъ, и, что всего важнѣе—можно будетъ осуществить многое изъ того, что до сихъ поръ было невозможно, на пользу общую. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда меня ужъ не будетъ въ Петербургѣ, типографія моя переѣдетъ на Невскій Проспектъ, гдѣ найдена ужъ для нея и квартира въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ Кучаевъ съ своею фотографіею. Въ мое отсутствіе, онъ будетъ полнымъ ея хозяиномъ, а когда я пріѣду въ Петербургъ, то обязанъ облегчить его заботы. Вотъ какими мѣщанскими дѣлами занятъ Вашъ литераторъ; но и литература идетъ успѣшнѣе, когда деньги являются ей на помощь. Притомъ же пріятно думать, что въ старости будутъ любить насъ добрые люди хоть за деньги. На любовь безкорыстную не слѣдуетъ разсчитывать: это великая рѣдкость и зависитъ отъ случайностей. Кто смотритъ вообще на людей не поэтическимъ, а критическимъ взглядомъ, тотъ больше наслаждается случайнымъ открытіемъ въ жизни людской истинной поэзіи. Такъ думать научилъ меня опытъ, и какъ ни дорого онъ мнѣ обошелся, но я не пожелалъ бы возвратиться въ мечтательный періодъ моей жизни. Молодость хороша только надеждами и воспоминаніями, а сама по себѣ—по крайней мѣрѣ для меня—она какое-то безтолковое кипѣніе. Я не сожалѣю объ утратѣ молодости, все равно какъ прозрѣвшій слѣпецъ не сожалѣетъ о слѣпотѣ своей. Грустно только, что много надѣлалъ глупостей. Но довольно объ этомъ. Цѣлую Вашу добрую ручку. Вашъ душею П. Кулишъ.

VII

Марта 9; 1861. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій другъ мой Марія Ивановна! Вѣроятно, и до Васъ дошелъ слухъ о смерти поэта Шевченка. Петербургское общество выразило полное къ нему сочувствіе. Церковь не могла вмѣстить всѣхъ посѣтителей. Сошлись къ нему на похороны люди разныхъ націй и званій, потому что въ Шевченкѣ публика видѣла поэтическаго дѣятеля народной свободы. Такъ какъ я зналъ, что Шевченка будутъ хоронить не одни украинцы, то и не приготовилъ надгробнаго слова, которое должно было быть на языкѣ украинскомъ; но въ церкви я узналъ, что многіе приготовили украинскіе рѣчи и стихи, а меня начали просить, чтобъ я сказалъ что-нибудь. Тогда я обдумалъ небольшую рѣчь и первый говорилъ надъ гробомъ Шев-

ченка. [1]) Вы удивитесь, когда я скажу, что великорусскіе посѣтители остались еще больше довольны моимъ словомъ, чѣмъ украинцы. Они никакъ не воображали, чтобъ украинскій языкъ могъ выражаться съ такимъ достоинствомъ о предметахъ высокихъ. Тутъ стояли враги мои Панаевъ и Некрасовъ, но и тѣ очень хвалили мою рѣчь общимъ нашимъ знакомымъ. Многіе плакали, а при выходѣ изъ церкви люди, мало знакомые со мной, тѣснились ко мнѣ, чтобъ пожать мнѣ руку и поблагодарить. Дѣло въ томъ, что я взялъ темою свободу мысли и идею народности и высказался такъ рѣшительно, какъ въ небольшомъ кружкѣ близкихъ людей. Моя рѣчь будетъ напечатана, а если не позволятъ, то она есть въ Полтавѣ: я послалъ Пильчикову для прочтенія братіи. За мною говорилъ Бѣлозерскій, и за нимъ Костомаровъ—лица, пострадавшія съ Шевченкомъ за благородство убѣжденій. Это было поразительно. Послѣ того говорилъ одинъ полякъ отъ имени Польской націи, которая посредствомъ высшихъ умовъ ищетъ съ нами примиренія, воздавая должную дань уваженія нашему поэту. Потомъ читались стихи на украинскомъ языкѣ. Остальныя рѣчи на украинскомъ и русскомъ языкахъ говорились на кладбищѣ. Студенты несли гробъ Шевченка, который, противъ обычая столичнаго, былъ открытъ. Крышку несли особо. Поэтъ былъ буквально укрытъ лавровыми вѣнками. И теперь еще его могила безпрестанно укрывается свѣжими цвѣтами. Кіевляне просятъ перевезти его прахъ въ Украину, принимая на себя всѣ издержки; а здѣсь тоже собрано болѣе тысячи р. ср. для той же цѣли. Если только правительство не воспрепятствуетъ, то перенесеніе праха Шевченкова будетъ тріумфальнымъ шествіемъ черезъ города и села украинскіе. Оно должно совершиться во исполненіе его завѣта, написаннаго еще въ 1846 году:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі,
Середъ степу широкого,
На Вкраіні милій,—
Щобъ лани широкополі,
И Дніпро, и кручи
Були видні, було чути,
Якъ реве ревучій, и пр. и пр.

[1]) Отрывокъ изъ этой рѣчи приведенъ въ біографическомъ очеркѣ г. Шенрока. Какъ говорится далѣе въ письмѣ, г. Кулишъ говорилъ о свободѣ мысли, взявъ точкою отправленія обращеніе Шевченка къ своей музѣ:

„Мы не лукавылы съ тобою,
Мы просто йшлы. У насъ нема
Зерна неправды за собою"...

VIII.

Разумѣется, портреты были присланы для Васъ, почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна. У меня-же въ хаткѣ будутъ висѣть фотографическіе подлинники Шевченка и Костомарова, съ которыхъ сняты эти литографіи. Своего портрета мнѣ вовсе не нужно, и я подарилъ фотографію Кіевскому моему другу Грабовскому. Я взялся перевести Положенія о крестьянахъ на украинскій языкъ и вотъ почему сижу въ Петербургѣ, да теперь и проѣхать было бы мудрено. Наслаждайтесь за меня началомъ весны. Въ Полтавѣ сдѣланы мною распоряженія о дверяхъ и окнахъ, и деньги ужъ тамъ готовы за эту работу. Еще буду писать и просить. А Васъ и Дмитрія Павловича прошу о кустахъ и деревьяхъ. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Излишнія можно легко уничтожить, еслибы они закрывали видъ, но этого, конечно, не случится. Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую Вашу ручку.

П. Кулишъ.

1861, апрѣля 3. С.-Петербургъ.

IX.

Почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна! Съ этой почтой отправляю въ другомъ конвертѣ банковый пятипроцентный билетъ на Ваше имя. Послѣ этого останется только собрать 1800 руб. для окончательной очистки нашихъ счетовъ. Деньги посылаются не въ Тифлисъ, а на Ваше имя, согласно съ увѣдомленіемъ Владиміра Ивановича [1]). При свиданіи съ Дмитріемъ Павловичемъ, потрудитесь передать ему мой поклонъ и покорную просьбу, чтобы онъ распорядился на счетъ отдѣлки домика моего, а дворикъ нельзя-ли устроить въ видѣ англійскаго садика? У Анны Васильевны есть мои деньги для найма рабочихъ рукъ. Денегъ не жалѣйте; пусть бѣдные люди заработаютъ побольше. О себѣ ничего не могу сообщить, кромѣ того, что большую часть моего времени провожу за письменнымъ столомъ, да это не новость. А у Васъ-то, я думаю, теперь начинается райское время! Я такъ и вижу, какъ сіяетъ весеннее солнце на водѣ и на деревьяхъ, пробуждающихся къ новой жизни. Посылаю моему любезному сосѣду, большому осокору, мой дружескій поклонъ. Желаю ему въ этомъ году пустить новые погоны и еще величественнѣе стоять надъ водою. Грустно подумать, что это дерево переживетъ всѣхъ насъ. Кто же

[1]) В. И. Быковъ.

послѣ насъ будетъ любоваться имъ съ моего крыльца и изъ окна моего кабинета? Чего добраго, поселится въ моемъ домикѣ такой господинъ, который призадумается, что бы изъ этого явора сдѣлать: соху для хлѣва или корыто для свиней? О, бѣдная поэзія! гдѣ твое царство? На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ступня земли, который былъ бы упроченъ за тобою! ты вѣчно заключаешься только въ душѣ человѣка. Исчезнетъ человѣкъ, и мѣсто, гдѣ онъ жилъ, не сохранитъ ни одного его вздоха. А все-таки, слава Богу, что хоть небольшой треугольничекъ надъ дорогою можно было мнѣ обратить въ пріютъ еще невысказаннымъ думамъ. Какая надобность, что съ этимъ треугольникомъ послѣ моей смерти будетъ? Это дѣло живыхъ, а не отшедшихъ въ нѣмую вѣчность. Да процвѣтаетъ же онъ, пока есть на землѣ душа, которая невидимо надъ нимъ носится! Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую Вашу ручку. П. Кулишъ.

1861, апр. 8. С.-Петербургъ.

P. S. По порученію Анны Васильевны, я подписался на альбомъ Жемчужникова. *4 рубля*.

X.

15 Апрѣля, 1861.

Я получилъ Ваше письмо, почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна, надѣвши бѣлый жилетъ, фракъ и бѣлыя перчатки, чтобы идти читать въ университетской залѣ передъ публикой повѣсть, обработанную въ Вашей Васильевкѣ. Въ пользу нуждающихся студентовъ устроенъ литературный вечеръ 14 апрѣля, на который, въ числѣ другихъ литераторовъ, и меня пригласили. Не знаю, осталась-ли публика мною довольна или нѣтъ, потому что на рукоплесканія ни для кого не скупились. Но какъ странно пятистамъ незнакомыхъ людей разсказывать по рукописи то, что есть на сердцѣ! Это для нашего брата хорошая повѣрка, стоитъ-ли написанное того, чтобы объявить публично, потому что, читая въ многолюдномъ собраніи, лучше всѣхъ чувствуешь, гдѣ общій интересъ, а гдѣ только частный; писать же слѣдуетъ такъ, чтобы, по возможности, согласить къ своей идеѣ всѣ умы. Вотъ польза, которую извлекъ я изъ своего чтенія, да еще я доволенъ, что содѣйствовалъ своею повѣстью къ сбору денегъ въ пользу студентовъ. Не удивляйтесь, что я не назначаю времени своего пріѣзда: я занятъ работою, которую ни въ какомъ случаѣ не долженъ оставить. А грустно, что не могу я встрѣтить Васъ посреди цвѣтущаго саду такъ,

какъ въ прошлую весну! Скоро Вы получите отъ меня двѣ новыя книжки мои, которыя вышли въ свѣтъ сегодня: одна—о войнахъ Хмельницкаго на украинскомъ языкѣ, другая—исторія испанской литературы. Не читайте этой исторіи, хотя впрочемъ интересно знать, какъ бѣдствовалъ всю жизнь величайшій изъ испанскихъ писателей, Сервантесъ, авторъ Донъ-Кихота и многихъ повѣстей, изъ которыхъ одну, очень дурно переведенную, мы читали съ Вами на мельницѣ у любезнѣйшаго нашего сосѣда. Я и ему пришлю по экземпляру.

Душою Вашъ П. Кулишъ.

P. S. Такъ какъ Вы принимаете во мнѣ такое живое участіе, то я Васъ увѣдомляю, что, не смотря на множество враговъ, которые всячески меня уничтожаютъ, два ученыя общества избрали меня своимъ членомъ, а именно: Археографическая Коммиссія и Русское Географическое Общество. Есть, какъ Вы видите, и у меня люди, которые отдаютъ мнѣ справедливость; а враги, по словамъ Николая Васильевича,—это для насъ шпоры: безъ нихъ мы бы плелись кой-какъ шажкомъ, а, по ихъ милости, мы скачемъ во весь опоръ, то есть дѣлаемъ свое дѣло въ полную мѣру нашихъ силъ.

XI.

Мая 8, 1861. С.-Пб.

Почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна! Не пеняйте на меня за перемѣну моего плана: мнѣ надо освѣжить свои силы ѣздою и морскимъ купаньемъ. Можетъ быть, все то, что мною написано, составитъ только малую часть того, что я напишу, а для писанія нужно и здоровье. Я работаю и въ упадкѣ физическихъ силъ, но такая работа выходитъ у меня и медленно и хуже той, которая исполняется въ бодромъ состояніи тѣла, когда и не чувствуешь, что дѣлаешь дѣло трудное. Путешествіе же будетъ для меня полезно не въ одномъ физическомъ отношеніи. Это я знаю по опыту. Какъ-то глубже проникаешь въ смыслъ каждаго предмета, насмотрѣвшись на многое и наслушавшись многаго. Поэтому Вы, какъ безкорыстный другъ, должны радоваться, что я не погрузился еще въ лѣность, которая приковываетъ насъ къ одному мѣсту и заставляетъ предпочитать всему покойную жизнь. Старость моя не за горами: она меня спутаетъ и пуститъ на пашу въ Васильевку. Тогда будьте только снисходительны къ моимъ странностямъ, и мы проживемъ съ Вами остатокъ на-

шихъ дней не хуже прочихъ смертныхъ. А какъ бы это въ самомъ дѣлѣ было хорошо, когда-бъ я засѣлъ за долгій трудъ въ своей хаткѣ и только бы посылалъ свои листы въ Петербургъ для печати! Увѣряю Васъ, что можетъ случиться, и я очень расположенъ къ этой жизни. Вы видите, что это я дѣлаю къ ней и приготовленія. Уже четыре ящика съ книгами отправлено. Иззаграницы я еще вышлю черезъ Одессу ящикъ или два. Это не даромъ. Вы увидите, что я пущу въ Васильевскую почву такіе жъ корни, какъ мой сосѣдъ осокоръ. А покамѣсть потрудитесь недѣли черезъ двѣ послать навѣдаться къ Гавриленку, не привезли-ли моей коляски: я ее поручилъ одному пріятелю. Сберегите ее въ Васильевкѣ.

Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую Вашу ручку П. Кулишъ.

XII.

Привѣтствую Васильевскихъ друзей моихъ изъ Полтавы, цѣлую съ почтеніемъ ручку Маріи Ивановны и прошу прислать за мною лошадей съ моею коляскою.

П. Кулишъ.

1861, авг. 3. Гостинница Москва.

XIII.

Не безпокойтесь посылать сахару, пока я не попрошу. У меня теперь столько запасовъ, что я, въ своемъ хуторѣ Белебнѣ, могъ бы выдержать продолжительную осаду, какую выдержали казаки подъ Лубнами, на Солоницѣ. П. Кулишъ.

Августа 16 или 17. 1861.

XIV.

Маріи Ивановнѣ Гоголь. Изъ хутора Белебня.

Превосходный медъ пасичникъ подкурилъ слишкомъ сильно; но не безпокойтесь присылать другого: прежній медъ такъ вкусенъ, что и желать лучшаго не слѣдуетъ.

Козакъ Белебень.

XV.

С. Петербургъ, 1861, сент. 14.

Съ моимъ пріѣздомъ, горизонтъ, слава Богу, немножко прояснился. Надобно только много трудиться и хлопотать; но это меня никогда не пугало. Читалъ я въ одномъ дружескомъ домѣ поэму козака Белебня, и

всѣ были восхищены. На другой день я опять пришелъ туда обѣдать и говорю: Знаете ли, почему я такъ скоро опять у Васъ явился? Козакъ Белебень въ Петербургѣ.—Неужели?—Да, да! пріѣхалъ съ турецкимъ посланникомъ и тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ.—Нельзя ли намъ его увидѣть?—А вамъ очень этого хочется?—Да какъ же? мы готовы ѣхать куда угодно, только бы видѣть его.—Не безпокойтесь-же ѣздить по дурной погодѣ: онъ передъ Вами.“ Но никто мнѣ не повѣрилъ. Наконецъ начали приставать ко мнѣ, чтобъ я завѣрилъ честнымъ словомъ, что не шучу. Я это исполнилъ, взявши съ нихъ слово, чтобъ до времени не разглашали, кто авторъ поэмы. Теперь перейдемъ къ дѣламъ обыкновеннымъ. Когда будете посылать Леонтія въ Полтаву, то прошу Васъ предложить ему съѣздить своими волами (отъ меня будетъ ему за это награда) и купить, сколько можно взять на возъ: 1) такихъ досокъ, какъ онъ одну купилъ, 2) такихъ же досокъ, но вдвое тоньше. 3) такихъ шелевокъ въ мизинецъ или еще тоньше, тоже хорошаго сорту. Всѣхъ трехъ сортовъ досокъ пускай купитъ по соразмѣрной части, такъ чтобы на доску № 1-го приходилось по двѣ доски № 2-го, а на доску № 2-го приходилось по двѣ доски № 3-го. Все это поставить сторчъ у меня въ сѣняхъ. Деньги же на это 10 р. 50 к. онъ получитъ отъ Трунова. Если издержитъ не всѣ, то остатокъ прошу сберечь у себя. Когда столяръ сдѣлаетъ одну скамью и поставитъ на мѣсто, и Вы увидите, яко добро есть, то благословите дѣлать и для другой хаты, которая немножечко уже (пусть смѣряетъ), а потомъ точно такія-же, только вдвое короче, и для двухъ маленькихъ хатокъ. О тюфякахъ же на скамьи позаботятся въ Полтавѣ. Весь Вашъ П. Кулишъ.

P. S. Два слова къ Аннѣ Васильевнѣ собственно:

Потрудитесь взять у меня на сундукѣ книгу *Космосъ*, томъ 2-й, и при случаѣ доставить моей племянницѣ. Я обѣщалъ. Если гдѣ съ нею встрѣтитесь, то очень меня обяжете, если съ нею познакомитесь. Она милая и умненькая особа. И мужъ ея—человѣкъ самыхъ привлекательныхъ качествъ.. Да еще рекомендую Вашему вниманію слитокъ чистаго золота.—А что моя кошечка? Учтива ли? Боюсь, чтобъ не пришлось ей страдать за свои глупости.

XVI.

Да, почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна, я удивился, что Вы называете многимъ чтеніемъ полученіе отъ меня двухъ журналовъ самыхъ

маленькихъ: *Вѣстника Югозападной Россіи* и *Черниговскаго Листка*; но теперь я сомнѣваюсь, получаете ли Вы ихъ. *Странника и Духовной бесѣды* я никогда бы не выслалъ Вамъ: въ нихъ мало хорошаго, несмотря на религіозный покровъ. Вспомните, что говоритъ Христосъ: „Не тѣ войдутъ въ царствіе Божіе, которые глаголютъ: Господи, Господи! но творящіе волю Отца моего.“—Итакъ потрудитесь увѣдомить меня, получаете-ли Вы *Вѣстникъ Югозападной Россіи* и *Черниговскій Листокъ*? Издатели ихъ, по своей расположенности ко мнѣ, обѣщали высылать Вамъ. Мы зимуемъ въ хуторѣ Мотроновкѣ, съ намѣреніемъ устроить здѣсь весною для себя гнѣздышко на старость. Для Александры Михайловны особенно пріятны здѣшнія мѣста, такъ какъ она родилась и взросла въ Мотроновкѣ. За Ваше благодушное намѣреніе относительно хутора Белебня отъ всей души Вамъ благодаренъ. Вамъ свойственно такъ прекрасно мечтать, но Богъ знаетъ, гдѣ мнѣ придется окончить свою многотрудную жизнь. Все-таки, гдѣ бы ни случилось мнѣ разстатся съ сокровищемъ, которымъ я такъ мало умѣлъ пользоваться, то есть съ жизнію,—я буду вспоминать о Вашей добротѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ отрадныхъ явленій, встрѣченныхъ мною въ этомъ мрачномъ и скорбномъ мірѣ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я пишу къ Трунову въ Полтаву, чтобъ онъ передалъ Вамъ черезъ того, кого Вы къ нему пришлете, 7-й томъ Сочиненій Маколея, переведенный мною съ англійскаго языка и недавно вышедшій изъ печати. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ самую интересную часть исторіи Англіи, и его можно читать безъ связи съ другими томами. Очень жалѣю, что лишенъ удовольствія быть Вашимъ чтецомъ. Одна мысль, что я хоть чѣмъ-нибудь могъ бы быть Вамъ полезнымъ, была бы для меня утѣшеніемъ. Александра Михайловна вмѣстѣ со мной посылаетъ Вамъ и Аннѣ Васильевнѣ усерднѣйшій поклонъ. Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую Вашу ручку.

П. Кулишъ.

1862, декабря 4. Мотроновка подъ Борзною.

XVII.

Письмо Ваше, почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна, отъ 16-го января пришло ко мнѣ въ такую тяжелую минуту, что показалось мнѣ голосомъ небесной, вѣчно дѣйствующей любви. Не перемѣняйтесь ко мнѣ, чтобы вокругъ Васъ ни толковали. За это будетъ Вамъ слава на землѣ,

между благороднѣйшими изъ людей, и на небесахъ у Бога. Меня слѣдуетъ щадить уже и за то, что я сдѣлалъ; но, съ помощію Божіею, я надѣюсь сдѣлать больше. Если и тотъ не лишается небесной награды, кто подастъ ближнему чашу холодной воды, то кольми паче будете награждены Вы, подавая руку изнемогающему духомъ.

Преданный Вамъ съ глубокимъ почтеніемъ П. Кулишъ.

1863, января 22. Мотроновка.

Александра Михайловна свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.

Сообщилъ *В. Чаговецъ*.

Отдѣлъ IV.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Гоголь и Бѣлинскій.

Историкъ литературы, занимающійся изученіемъ жизни, личности и творчества Гоголя, не можетъ не остановиться болѣе или менѣе подробно на отношеніи къ нему В. Г. Бѣлинскаго, этого „праведника литературы русской“, какъ онъ удачно былъ названъ однимъ изъ изслѣдователей. Съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ Гоголь нашелъ въ лицѣ знаменитаго русскаго критика восторженнаго поклонника и горячаго защитника своего таланта; не кто другой, какъ Бѣлинскій, со всей силой своего дарованія отстаивалъ Гоголя отъ многочисленныхъ и подчасъ сильныхъ и ядовитыхъ литературныхъ враговъ, истолковывалъ значеніе въ художественномъ и общественномъ отношеніи какъ его произведеній, такъ и той литературной школы, которая, можно сказать, создана у насъ Гоголемъ; ему въ значительной мѣрѣ обязанъ авторъ „Ревизора“ тѣмъ успѣхомъ, который онъ пріобрѣлъ въ короткое время среди русскихъ читателей. Этимъ объясняется, почему почти во всякой статьѣ, посвященной обзору дѣятельности Гоголя, не исключая и самыхъ незначительныхъ учебниковъ по исторіи литературы, отмѣчается въ той или иной формѣ огромное значеніе Бѣлинскаго, какъ истолкователя Гоголя. Но, несмотря на то, что и Гоголь и Бѣлинскій являются крупнѣйшими писателями того періода русской литературы, съ которымъ связано представленіе о ея могучемъ ростѣ какъ въ художественномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, до сихъ поръ не выяснены съ достаточной полнотой и ясностью ни ихъ взаимныя личныя отношенія, ни значеніе критическихъ статей Бѣлинскаго въ дѣлѣ истолкованія творчества Гоголя. Какъ ни много написано объ этихъ двухъ литературныхъ свѣтилахъ первой величины, нельзя указать ни одного

большого или малаго изслѣдованія, охватывающаго этотъ вопросъ съ достаточной полнотою и объективностью. Даже чествованіе памяти великаго критика въ маѣ 1898-го года по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти, вызвавшее обширную литературу о немъ, которая освѣтила многіе темные вопросы касательно жизни, личности и дѣятельности Бѣлинскаго, мало способствовало выясненію его отношенія къ Гоголю, хотя оно въ значительной степени является для него характернымъ. Правда, въ отдѣльныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ разсмотрѣнію дѣятельности двухъ названныхъ писателей, затрагиваются тѣ или иныя стороны ихъ личныхъ и литературныхъ отношеній, но ни одно изъ нихъ не даетъ сколько-нибудь полной ихъ картины. Въ этомъ отношеніи мы сталкиваемся со страннымъ, тѣмъ не менѣе нерѣдко наблюдаемымъ въ исторіи литературы явленіемъ: капитальнѣйшій вопросъ, важность котораго очевидна для всякаго, остается долгое время неизслѣдованнымъ вполнѣ въ виду возможности безъ особаго труда рѣшить его съ кажущейся вѣроятностью въ удовлетворительномъ смыслѣ. Такъ устанавливаются принятыя на вѣру шаблонныя мнѣнія, не рѣдко значительно противорѣчащія истинѣ, тѣмъ не менѣе повторяемыя даже въ строго научныхъ сочиненіяхъ. А между тѣмъ детальное изученіе вопроса часто совершенно измѣняетъ общепринятое рѣшеніе его или же вноситъ существенныя поправки и дополненія и, во всякомъ случаѣ, способствуетъ выясненію любопытныхъ подробностей, если и не измѣняющихъ установившейся точки зрѣнія, то въ значительной степени содѣйствующихъ ея научному обоснованію.

Пересмотръ вопроса о личныхъ и литературныхъ отношеніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго представляется умѣстнымъ именно теперь, въ виду полувѣковой годовщины со дня смерти великаго русскаго юмориста. Юбилейныя чествованія памяти Гоголя, принявшія всероссійскій характеръ, пробудятъ въ русскомъ читателѣ усиленный интересъ къ Гоголю, а, значитъ, и къ отношенію къ нему В. Г. Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе всѣхъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ писателей и общіе выводы изъ нихъ явятся, кажется, не лишними и для исторіи Гоголевскаго періода русской литературы.

Прежде всего, о личныхъ отношеніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго.

ГЛАВА I.

Гоголь и Бѣлинскій въ ихъ личныхъ отношеніяхъ.

Еще задолго до личнаго знакомства, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда вышли первыя произведенія Гоголя, Бѣлинскій вмѣстѣ со всѣмъ кружкомъ своихъ друзей, группировавшимся возлѣ Станкевича, приходилъ въ неописанный восторгъ при чтеніи „Вечеровъ на хуторѣ“ и „Миргорода“. Одинъ изъ членовъ этого кружка К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о необычайномъ восхищеніи, какое вызывали тогда творенія Гоголя у Московской университетской молодежи, особенно въ кружкѣ Станкевича. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ эпизодъ, разсказанный имъ о чтеніи „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. „Помню, говоритъ онъ, то впечатлѣніе, какое она произвела. Что можетъ равняться радостному, сильному чувству художественнаго откровенія? Какъ освѣжало, ободряло оно души всѣмъ! Какъ самое постепенное появленіе изданій геніальнаго художника оживляло, двигало общество“... [1]). Увлеченіе Гоголемъ у Бѣлинскаго и его друзей было настолько сильно, что они, не дожидаясь иногда появленія его произведеній въ печати, доставали ихъ въ рукописи и наслаждались ими въ совмѣстномъ чтеніи. Такимъ образомъ была прочитана, напр., повѣсть „Коляска,“ напечатанная вскорѣ затѣмъ въ „Современникѣ“. Едва только Станкевичъ прочелъ первыя строки повѣсти, какъ онъ, Бѣлинскій и Аксаковъ разразились гомерическимъ, долго не смолкавшимъ смѣхомъ. „Мы смѣялись, поясняетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Аксаковъ, не отъ чего-нибудь забавнаго или смѣшного, но отъ внутренняго веселія и радостнаго чувства, которымъ преисполнились мы, держа въ рукахъ и готовясь читать Гоголя.“ [2]). Этотъ забавный случай, такъ безхитростно разсказанный Аксаковымъ, очень ясно показываетъ, какое восторженное отношеніе къ Гоголю господствовало въ кружкѣ Станкевича и Бѣлинскаго. Что этотъ послѣдній вполнѣ раздѣлялъ восторги своихъ друзей, видно, между прочимъ, изъ того, какъ онъ отнесся къ его повѣстямъ въ статьѣ, написанной въ 1835-мъ году, подъ заглавіемъ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя.“ Это увлеченіе Гоголемъ, какъ величайшимъ художникомъ слова, съ выходомъ въ свѣтъ „Ревизора“

[1]) Студенческія воспоминанія К. Аксакова. „День.“ 1862 г. № 40.
[2]) Ibid.

еще болѣе усилилось. Оно отразилось, между прочимъ, въ томъ, что многія мѣткія словечки и выраженія Гоголя стали ходячими какъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, такъ особенно у него самого. Въ его письмахъ, относящихся къ концу тридцатыхъ годовъ, можно указать немало подобнаго рода заимствованій изъ сочиненій Гоголя. [1]). Вообще письма Бѣлинскаго до знакомства его съ Гоголемъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что его мысль постоянно занята имъ; онъ интересуется малѣйшимъ о немъ извѣстіемъ, выражаетъ большое желаніе съ нимъ познакомиться. Такъ, въ письмѣ къ Панаеву, относящемся къ осени 1838 года, мы, между прочимъ, неожиданно, внѣ связи съ предшествовавшимъ содержаніемъ письма, находимъ такую фразу: „нѣтъ-ли слуховъ о Гоголѣ?“ [2]). Очевидно, ему дорого каждое извѣстіе о любимомъ писателѣ. Въ началѣ 1840 года Бѣлинскій писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Боткину: „желалъ-бы что-нибудь знать о Гоголѣ, да К. Аксаковъ не отвѣчаетъ на мои письма—видно, сердится на меня—что же дѣлать.“ [3]) Въ этомъ-же письмѣ есть любопытное мѣсто, свидѣтельствующее о томъ, что Бѣлинскій, увлеченный творчествомъ Гоголя и теперь уже понимавшій все огромное общественное значеніе его, ошибочно приписывалъ Гоголю такое же отношеніе къ современной русской дѣйствительности, какое мало по малу вырабатывалось у него самого подъ вліяніемъ жизни въ Петербургѣ въ періодъ времени съ 1839 по 1841 годъ и позднѣе проявилось очень ярко. Вотъ это мѣсто: „вполнѣ понимаю страданія Гоголя и сочувствую имъ. Понимаю и его Sehnsucht къ Италіи. Родная дѣйствительность ужасна... Страшная и гадкая дѣйствительность.“ [4]). Такъ Бѣлинскій, теперь уже ясно понимавшій весь ужасный смыслъ картины русской жизни, нарисованной Гоголемъ въ его „Ревизорѣ,“ готовъ былъ видѣть въ немъ то же отношеніе къ ней, какое установилось у него самого въ сороковые годы. Понятно,

[1]) Такъ, въ письмѣ къ Панаеву отъ 25 февраля 1839 года мы находимъ выраженіе „въ головѣ только посвистываетъ,“ заимствованное у Гоголя: въ письмѣ къ Станкевичу въ началѣ 1838 года есть выраженіе: „дѣйствительность вытанцовалась,“ навѣянное, несомнѣнно, Гоголемъ: или въ его письмѣ къ Боткину въ концѣ 1839 года: „Петербургъ-молодой, молодой человѣкъ, но говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ.“ и мн. др. См. Пыпинъ, Бѣлинскій, т. 1, с. 267, 287; т. 2 с. 7, 10, 14, 21, 28.

[2]) Пыпинъ, Бѣлинскій, 1, 263.

[3]) Пыпинъ, Бѣлинскій II, с. 30.

[4]) Пыпинъ, Бѣлинскій ib.

что желаніе познакомиться съ Гоголемъ еще болѣе сильно, чѣмъ прежде, овладѣваетъ имъ. „Ты познакомился съ Гоголемъ,—пишетъ онъ отъ 24 апрѣля 1840 года Боткину,—вотъ такъ поздравляю и даже завидую. Чертовски досадно, что онъ ѣдетъ не черезъ Питеръ, и что я его не увижу,—хоть-бы изъ окна на улицѣ посмотрѣть на него“ [1]).

Этотъ отрывокъ имѣетъ, между прочимъ, важное значеніе для опредѣленія времени знакомства Бѣлинскаго съ Гоголемъ. Время это до сихъ поръ не установлено точно, и изслѣдователи, пытающіеся опредѣлить его, впадаютъ въ нѣкоторыя противорѣчія. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что данныя, на основаніи которыхъ представляется возможнымъ рѣшить этотъ вопросъ, значительно несогласны другъ съ другомъ. Такъ, если вѣрить С. Т. Аксакову, Гоголь познакомился съ Бѣлинскимъ еще въ 1834 году. Аксаковъ въ своемъ „Знакомствѣ съ Гоголемъ“ разсказываетъ о томъ, какъ Гоголь, проѣздомъ въ Петербургъ, читалъ свою комедію „Женихи“, впослѣдствіи передѣланную въ „Женитьбу“, у Погодина. С. Аксаковъ не могъ однако присутствовать на этомъ чтеніи. Гоголь сожалѣлъ объ этомъ и назначилъ день, въ который обѣщалъ прочесть свою комедію Аксакову и его семейству. Тотъ пригласилъ къ себѣ гостей, которымъ не удалось еще слышать новой пьесы. „Между прочими гостями были Станкевичъ и Бѣлинскій“ [2]). Чтеніе однако не состоялось, потому что Гоголь не захотѣлъ исполнить своего обѣщанія, будучи, вѣроятно, недоволенъ присутствіемъ мало знакомыхъ ему людей. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, Бѣлинскій и Станкевичъ, уже тогда восхищавшіеся его талантомъ, не упустили бы случая познакомиться съ нимъ. Но свѣдѣнія, идущія отъ другихъ современниковъ Гоголя, заставляютъ отнестись нѣсколько недовѣрчиво къ воспоминаніямъ Аксакова. Такъ, А. С. Данилевскій сообщилъ г. Шенроку, что Гоголь познакомился съ Бѣлинскимъ въ Петербургѣ, очевидно, по переѣздѣ туда въ 1839 году послѣдняго, черезъ Комарова, племянника начальника театральной школы [3]). Съ этими данными, сообщенными Данилевскимъ, согласны и свѣдѣнія Панаева въ его „Воспоминаніи о Бѣлинскомъ“, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „Первое время своей извѣстности Гоголь обыкновенно, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливался у Прокоповича и часто бывалъ у К..... Здѣсь встрѣчался съ нимъ

[1]) Пыпинъ, Бѣлинскій, II, с. 42.

[2]) Исторія моего знакомаго съ Гоголемъ С. Аксакова. Р. Арх. 1890 г., II, с. 10.

[3]) Срав. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. II, с. 191.

Бѣлинскій“[1]). Г. Шенрокъ пытается примирить всѣ эти свѣдѣнія, высказывая предположеніе, что въ Москвѣ у Аксаковыхъ Гоголь только мимолетно встрѣтился съ Бѣлинскимъ, а болѣе близкое знакомство между ними произошло позднѣе въ Петербургѣ, какъ объ этомъ говорятъ Данилевскій и Панаевъ. При этомъ авторъ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ настаиваетъ, что это знакомство имѣло мѣсто въ концѣ 1839 года. Вотъ его соображенія. „Такъ какъ Бѣлинскій прибылъ въ Петербургъ въ концѣ октября 1839 года, т. е. именно въ то время, когда тамъ особенно долго (около полутора мѣсяца) оставался Гоголь, то и не можетъ быть сомнѣнія, что именно въ эту пору они только и могли часто встрѣчаться другъ съ другомъ, такъ какъ въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Россію Гоголь, хотя и былъ два раза въ Петербургѣ, но всего по нѣсколько дней... Напротивъ, въ 1840 и 1841 гг. Бѣлинскій не могъ бы, при мимолетномъ знакомствѣ, составить вполнѣ опредѣленное представленіе о характерѣ Гоголя“ [2]). Другой изслѣдователь—г. Барсуковъ въ шестой книгѣ своей большой работы „Жизнь и труды М. П. Погодина“ относитъ знакомство Гоголя съ Бѣлинскимъ къ 1842 году. По его мнѣнію, это знакомство произошло въ Москвѣ въ одинъ изъ пріѣздовъ туда Бѣлинскаго [3]). Однако ни мнѣніе г. Шенрока, ни тѣмъ болѣе г. Барсукова, не имѣющее ровно никакого фактическаго основанія, не можетъ быть признано соотвѣтствующимъ дѣйствительности, ибо оба они не принимаютъ въ разсчетъ одного важнаго свѣдѣнія, идущаго отъ самого Бѣлинскаго и если не устанавливающаго момента знакомства его съ Гоголемъ, то, во всякомъ случаѣ, опредѣленно указывающаго, ранѣе какого времени это знакомство не могло состояться. Это—цитованный выше отрывокъ изъ письма отъ 24 апрѣля 1840 года къ Боткину, гдѣ онъ заявляетъ о томъ, что „завидуетъ“ своему другу, познакомившемуся съ Гоголемъ, и высказываетъ желаніе „хоть бы изъ окна посмотрѣть на него“. Ничего подобнаго не писалъ бы Бѣлинскій, если бы уже былъ знакомъ съ Гоголемъ. Самымъ вѣроятнымъ поэтому представляется именно то, что опровергаетъ г. Шенрокъ: знакомство Гоголя съ Бѣлинскимъ произошло въ 1840 или 1841 году (въ Петербургѣ черезъ Комарова, какъ объ этомъ согласно говорятъ Данилевскій и Панаевъ).

[1]) Панаевъ, Воспоминаніе о Бѣлинскомъ, Совр. 1860 г., стр. 364.
[2]) Шенрокъ, означ. сочин., т. IV, с. 44—5.
[3]) Срав. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VI, с. 266.

Каковы же были результаты этого знакомства, насколько оно сблизило двухъ великихъ дѣятелей русской литературы, какъ отнеслись они другъ къ другу, отразилось-ли это знакомство на общемъ настроеніи и міровоззрѣніи Гоголя и какъ повліяло на отношеніе къ нему Бѣлинскаго,— вотъ тѣ вопросы, которые сами собою приходятъ въ голову, когда задумываешься о значеніи этого кажущагося съ перваго раза незначительнымъ факта. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ для отвѣта на нихъ ясными и опредѣленными данными, и потому приходится ограничиваться болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями.

Едва-ли Гоголь произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Бѣлинскаго своею личностью. Начать съ того, что Бѣлинскій, восторженно относившійся къ литературной дѣятельности Гоголя, ставившій его выше всѣхъ современныхъ писателей, невольно долженъ былъ предъявлять къ нему слишкомъ строгія требованія, какъ къ человѣку. Онъ заранѣе идеализировалъ его, настроилъ себя къ тому, чтобы увидѣть въ немъ необыкновенное, высоко благородное и прекрасное существо. Въ такихъ случаяхъ всегда при столкновеніи съ дѣйствительностью ощущается нѣкоторое недовольство и разочарованіе; испыталъ его, по всей вѣроятности, и Бѣлинскій. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что Гоголь, всегда отличавшійся значительной замкнутостью и скрытностью характера, вызывавшей обыкновенно непріятное впечатлѣніе у новыхъ его знакомыхъ, къ началу сороковыхъ годовъ сталъ проявлять въ сношеніяхъ съ людьми въ большей степени, чѣмъ прежде, нѣкоторую неискренность. Сверхъ того у Гоголя были еще свои особыя причины, почему онъ не находилъ для себя удобнымъ и безопаснымъ обнаруживать къ Бѣлинскому слишкомъ большую пріязнь и вниманіе. Въ этомъ отношеніи онъ велъ себя съ Бѣлинскимъ такъ, какъ и Пушкинъ, опасавшійся всякихъ „наблюдателей“, которымъ могло-бы очень не понравиться его сближеніе со знаменитымъ критикомъ [1]). Дѣло въ томъ, что Московскіе друзья Гоголя въ началѣ сороковыхъ годовъ были въ высшей степени враждебно настроены противъ Бѣлинскаго. Послѣдній вполнѣ справедливо считался ими вожакомъ противоположной по убѣжденіямъ партіи западниковъ, которая такъ горячо и талантливо нападала на основные тезисы ихъ ученія. Общій характеръ и направленіе „Отечественныхъ Записокъ“, въ которыхъ работалъ Бѣлинскій, были въ высокой степени непріятны имъ. Самыя похвалы, расточаемыя Бѣлинскимъ Гоголю, только заставляли ихъ

[1]) Сов. 1861 г., с. 313.

опасаться, какъ бы враждебная партія не уговорила его принять участіе въ органѣ западниковъ. На это неудовольствіе Московскихъ славянофиловъ, вызванное знакомствомъ Гоголя съ Бѣлинскимъ, достаточно указываетъ слѣдующій отрывокъ изъ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ С. Аксакова: „У насъ писалъ Аксаковъ,—возникло подозрѣніе, что Гоголь имѣлъ сношеніе съ Бѣлинскимъ *секретно отъ насъ*, потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи „Отечественныхъ Записокъ“ и обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ русскому человѣку и ко всему нашему русскому направленію“ [1]). Подобнаго рода отношеніе къ Бѣлинскому со стороны лицъ, связями съ которыми очень дорожилъ Гоголь, не могло не побудить его быть очень сдержаннымъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому.

Тѣмъ не менѣе, не сближаясь съ Бѣлинскимъ, Гоголь не упустилъ однако случая воспользоваться его помощью при разрѣшеніи и напечатаніи перваго тома „Мертвыхъ душъ“. Послѣ того, какъ попытка получить въ Москвѣ цензурное разрѣшеніе на печатаніе „Мертвыхъ душъ“ не увѣнчалась успѣхомъ, Гоголь рѣшилъ хлопотать черезъ Петербургскую цензуру. Въ это время какъ разъ былъ въ Москвѣ Бѣлинскій, который, несмотря на неблагопріятное впечатлѣніе отъ перваго знакомства съ Гоголемъ, съ большой охотой согласился взять на себя это бремя въ Петербургѣ. По полученіи рукописи (она, кажется, была послана Гоголемъ въ началѣ января 1842-го года) Бѣлинскій вмѣстѣ съ другими лицами хлопоталъ о разрѣшеніи ея къ печати. Сохранилось любопытное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю отъ 20 апрѣля 1842 года, въ которомъ онъ извиняется, что долго не сообщалъ ничего о ходѣ даннаго ему порученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ слѣдующее: „очень жалѣю, что „Москвитянинъ“ взялъ у васъ все, и что для „Отечественныхъ Записокъ“ нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли или вашего исключительнаго расположенія въ пользу „Москвитянина“ и къ невыгодѣ „Отечественныхъ Записокъ“ [2]). Изъ этихъ строкъ ясно, что раньше, по всей вѣроятности при личномъ свиданіи въ Москвѣ, Бѣлинскій приглашалъ Гоголя принять участіе въ „О. З.“ и получилъ, быть можетъ, позднѣе, въ письмѣ при

[1]) Р. Арх. 1890, II, с. 54.

[2]) Рус. Стар. 1889, с. 143; перепечатано въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“ Шенрока, т. IV, с. 917.

посылкѣ „Мертвыхъ душъ“, уклончивый отвѣтъ, сводящійся къ тому, что въ данное время нѣтъ ничего готоваго, что можно было бы помѣстить въ журналѣ. Въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій сообщалъ: „съ нетерпѣніемъ жду выхода „Мертвыхъ душъ“... Думаю написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовію хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ „Арабескахъ“, тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними; во время оно я съ жестокою запальчивостью изрыгнулъ хулу на ваши въ „Арабескахъ“ статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгалъ „хулу на духа“. Такъ пытался Бѣлинскій успокоить авторское самолюбіе Гоголя, которое легко могло быть задѣто упомянутымъ отзывомъ объ „Арабескахъ“, чтобы тѣмъ болѣе склонить его на сторону „Отечественныхъ Записокъ“. Однако Гоголь, несмотря на лестное вниманіе къ нему Бѣлинскаго, воздерживался отъ болѣе близкихъ съ нимъ сношеній. Онъ даже не отвѣтилъ Бѣлинскому на цитованное только что письмо. Вмѣсто того онъ писалъ слѣдующее Прокоповичу: „Я получилъ письмо Бѣлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему, потому что ни минуты не имѣю времени и потому, что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой черезъ Петербургъ“ [1]). Уклоняясь отъ болѣе интимныхъ отношеній къ Бѣлинскому, Гоголь былъ однако не прочь воспользоваться его услугами, какъ популярнаго критика. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Прокоповичу (отъ 15 мая 1842 г.) онъ писалъ: „попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о моей книгѣ въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея“ [2]).

Несмотря однако на все это, Бѣлинскій, не придавая большого значенія нѣкоторой неискренности въ отношеніяхъ къ нему Гоголя, всѣми средствами старался быть ему полезнымъ. Такъ, вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, давнишнимъ другомъ Гоголя, онъ держалъ корректуру его сочиненій и раздѣлялъ другія хлопоты по новому изданію [3]). Между тѣмъ именно около этого времени и немного ранѣе, начиная примѣрно съ первыхъ мѣсяцевъ 1842 года, отношенія между Бѣлинскимъ и Гоголемъ все болѣе и болѣе становятся натянутыми. До Бѣлинскаго дошелъ черезъ Боткина недобро-

[1]) Письма Гоголя, ред. Шенрока, т. II, с. 158.

[2]) Ibid. т. II, с. 171.

[3]) Срав. объ этомъ письмо Прокоповича къ Гоголю отъ 21-го октября 1842 года. Шенрокъ. Матер. для біогр. Гоголя, т. IV, с. 53—54.

желательный отзывъ Гоголя по поводу его „неуваженія къ Державину", отзывъ, аналогичный тому, что говорилъ о немъ Шевыревъ. Конечно, для Бѣлинскаго было въ высшей степени тяжело узнать, что любимый писатель относится къ нему такъ, какъ и литературный недругъ, ненавистный по своему міровоззрѣнію. Это чувство душевной боли очень ярко отразилось въ слѣдующихъ словахъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 31-го марта 1842 г.: „неуваженіе къ Державину" возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю. Ты правъ,—въ этомъ кружкѣ онъ какъ разъ сдѣлается органомъ „Москвитянина"... „Римъ"- много хорошаго. Но есть фразы, а взглядъ на Парижъ возмутителенъ"[1]). Черезъ пять дней Бѣлинскій пишетъ тому же Боткину: „Страшно подумать о Гоголѣ; вѣдь, во всемъ, что онъ написалъ, одна натура, какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное" [2]). На основаніи этихъ строкъ можно было бы думать, что Гоголь, какъ личность, совершенно опредѣлился для Бѣлинскаго, и онъ вполнѣ разочаровался въ немъ. Однако Бѣлинскій все еще пытался привлечь Гоголя въ число сотрудниковъ „О. З." или, по крайней мѣрѣ, выяснить его отношеніе къ нимъ. Но, быть можетъ, боясь навсегда прервать съ нимъ сношенія, онъ не рѣшался поставить вопросъ прямо, хотя, повидимому, и хотѣлъ это сдѣлать. Къ такому заключенію приводитъ насъ, съ одной стороны, письмо его отъ 20-го апрѣля, а съ другой,— замѣчанія о немъ въ письмѣ къ Боткину, написанномъ въ тотъ же день. „Я къ Гоголю послалъ письмо,— писалъ Бѣлинскій своему другу,— прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто—оно и лучше: къ черту ложныя отношенія—знай нашихъ—и люби и уважай; а не любишь, не уважаешь—не знай совсѣмъ" [3]). Къ сожалѣнію, черновка письма къ Гоголю, посланная Боткину, не сохранилась, и потому мы не можемъ судить, насколько она отличалась отъ чистового текста, полученнаго Гоголемъ. Несомнѣнно только, что разница между черновымъ и чистовымъ письмомъ была и, вѣроятно, довольно существенная: въ общемъ, это письмо Бѣлинскаго, въ томъ видѣ, какъ его получилъ Гоголь, написано очень дружески и деликатно, такъ что выраженіе Бѣлинскаго: „я повернулъ круто" совсѣмъ къ нему непримѣнимо. Надо полагать, въ черновомъ текстѣ Бѣлинскій высказался съ обычной своей прямотой и искрен-

[1]) Пыпинъ, Бѣлинскій, II, с. 147—8.

[2]) Ib., стр. 149.

[3]) Пыпинъ, Бѣлинскій, II, стр. 153.

ностью, но потомъ, при перепискѣ, многое измѣнилъ. Это стремленіе смягчить нѣкоторыя отдѣльныя выраженія сказалось, между прочимъ, въ поправкахъ и зачеркнутыхъ строчкахъ въ чистовомъ текстѣ. Характерно, что это письмо Бѣлинскій, сверхъ своего обыкновенія, написалъ предварительно начерно: очевидно, онъ чувствовалъ, что не такъ-то легко будетъ для него „повернуть круто", т. е. потребовать отъ Гоголя опредѣленнаго отвѣта о томъ, какъ онъ относится къ „Отечественнымъ Запискамъ", но сдѣлать это въ такомъ видѣ, чтобы не подорвать и безъ того не особенно близкія и искреннія со стороны Гоголя отношенія. Какъ извѣстно, Гоголь ничего не отвѣтилъ Бѣлинскому и тѣмъ оставилъ его въ прежнемъ тягостномъ недоумѣніи.

Такимъ образомъ, столь желаемое Бѣлинскимъ знакомство съ Гоголемъ, съ перваго же момента омраченное нѣсколько холоднымъ и не вполнѣ искреннимъ отношеніемъ со стороны автора „Ревизора", въ скоромъ времени стало для него источникомъ новыхъ безпокойствъ и волненій, вызываемыхъ, съ одной стороны, сознаніемъ того, что съ Гоголемъ никакъ не устанавливаются желательныя отношенія, а съ другой—боязнью, что друзья Гоголя, группировавшіеся около „Москвитянина", вполнѣ обратятъ его въ свою вѣру.

Однако, если личныя отношенія къ Гоголю не удовлетворяли Бѣлинскаго, который все болѣе и болѣе понималъ, что не можетъ вполнѣ считать его человѣкомъ своей партіи, онъ попрежнему высоко ставилъ значеніе его дѣятельности въ дѣлѣ развитія русской литературы и общественнаго самосознанія. Вотъ почему, когда вышли изъ печати „Мертвыя души", Бѣлинскій вновь выступилъ восторженнымъ защитникомъ Гоголя и, разобравъ въ общихъ чертахъ новое произведеніе въ отдѣльной статьѣ, неоднократно возвращался къ нему, съ неослабѣвающей энергіей отстаивая свою прежнюю точку зрѣнія на творчество Гоголя, полемизируя на этой почвѣ съ другими критиками, какъ порицавшими, такъ и восхищавшимися новымъ созданіемъ.

Послѣ 1842 года Бѣлинскій, кажется, ни разу не встрѣчался съ Гоголемъ. Неизвѣстно также, чтобы между ними существовала переписка вплоть до 1847 года, когда вышли въ свѣтъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Эта книга, вызвавшая столь много разнообразныхъ отзывовъ и толковъ [1]), которою даже нѣкоторые самые близкіе друзья

[1]) См. объ этомъ у Барсукова „Жизнь и труды Погодина", т. VIII, стр. 522—596 и сл. Также у Шенрока „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. IV, стр. 464—532 и сл.

Гоголя, какъ, напр., С. Аксаковъ, были глубоко возмущены и оскорблены, какъ громомъ поразила Бѣлинскаго. Цѣлыхъ два мѣсяца (январь и февраль) онъ то и дѣло въ своихъ письмахъ заводитъ рѣчь о „Перепискѣ“, и это показываетъ, какъ долго онъ не могъ успокоиться послѣ удара, нанесеннаго ему этой книгой. Въ теченіе января мѣсяца онъ написалъ о ней небольшую и, надо признаться, достаточно блѣдную и по содержанію и по формѣ статью, напечатанную во второй книжкѣ „Современника“ за 1847 г.

Разборъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ произвелъ, между прочимъ, неблагопріятное впечатлѣніе на Боткина, и тотъ въ письмѣ къ Бѣлинскому указалъ, что онъ написанъ „безъ довольной обдуманности и нѣсколько съ плеча, тогда (какъ) за дѣло надо было взяться съ тонкостью“. Въ отвѣтъ на это письмо Бѣлинскій подробно разъяснилъ, почему его статья вышла неудачной. „Я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ — не мои оружія. Природа осудила меня лаять собакой и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисьи... Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выйти замѣчательно хорошею, если бы я въ ней могъ, зажмуривъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству. Всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы. Это — импровизаціи... Но (эту) статью я обдумалъ и потому впередъ зналъ, что отличною она не будетъ, и бился изъ того только, чтобы она была дѣльна и показала гнусность. И она такою вышла у меня, а не такою, какъ ты прочелъ ее [1]). Ты упрекаешь меня, что я разсердился и не совладалъ съ моимъ гнѣвомъ. Да (я) этого и не хотѣлъ. Терпимость къ заблужденію я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимость къ подлости я не терплю... Гоголь — это Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога а при смерти надулъ сатану“ [2]). Обходя молчаніемъ любопытныя данныя, которыя можно было бы извлечь изъ этого письма для характеристики литературнаго и нравственнаго облика Бѣлинскаго, обратимъ вниманіе на его отношеніе къ Гоголю, какъ автору „Переписки съ друзьями“. Во всемъ письмѣ такъ и сквозитъ едва сдерживаемое негодованіе противъ автора „Переписки“; чувствуется, что Бѣлинскій не можетъ даже теперь, почти черезъ два мѣ-

[1]) Намекъ на редакціонныя и цензурныя сокращенія, которыми статья была уменьшена чуть-ли не на одну треть (см. въ томъ-же письмѣ ниже).

[2]) Пыпинъ, Бѣлинскій, II, с. 276—8.

сяца, говоритъ хладнокровно объ этой книгѣ. Какъ бы сознавая слабыя стороны своей статьи, Вѣлинскій, желая дать надлежащую оцѣнку „Перепискѣ съ друзьями“ для читателей „Современника“, хлопоталъ о томъ, чтобы этотъ журналъ перепечаталъ извѣстныя „письма къ Н. В. Гоголю“ Н. О. Павлова, помѣщенныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и чрезвычайно понравившіяся Вѣлинскому [1]).

Книжку „Современника“ со статьей Вѣлинскаго о „Перепискѣ“ Гоголь получилъ въ Неаполѣ 23 апрѣля [2]) и, по всей вѣроятности, немедленно прочелъ разборъ своей книги, написанный Вѣлинскимъ, ибо онъ болѣзненно интересовался всякимъ отзывомъ о „Перепискѣ“. Легко представить себѣ, какъ должно было подѣйствовать на Гоголя это чтеніе. Для него теперь уже было отлично извѣстно, какую роль играли въ Россіи статьи Вѣлинскаго, и какъ много теряла его книга, вызвавъ враждебный отзывъ знаменитаго критика. О впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ этого отзыва, мы узнаемъ прежде всего изъ его письма къ Прокоповичу, написаннаго 20-го іюня 1847 года. „Я прочелъ на дняхъ критику во второмъ нумерѣ „Современника“ Вѣлинскаго. Онъ, кажется, принялъ всю книгу написанною на его собственный счетъ и прочиталъ въ ней формальное нападеніе на всѣхъ, раздѣляющихъ его мысли. Это неправда... Вѣроятно, онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ къ журналистамъ вообще. Мнѣ было очень прискорбно это раздраженіе... Я считалъ Вѣлинскаго возвышеннѣй, менѣе способнымъ къ такому близорукому взгляду и мелкимъ заключеніямъ“ [3]). Это письмо какъ нельзя лучше показываетъ, какъ мало было способенъ въ это время Гоголь отнестись вполнѣ спокойно и объективно къ отзывамъ о своей книгѣ. Съ поразительной близорукостью онъ объяснялъ рѣзкую статью Вѣлинскаго стремленіемъ послѣдняго свести личные счеты... Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ Гоголь отправилъ на имя Прокоповича и „письмецо“ для Вѣлинскаго, которое онъ долженъ былъ передать знаменитому критику.

Прокоповичъ немедленно по полученіи письма отвѣтилъ Гоголю и старался разубѣдить его въ ложномъ мнѣніи относительно Вѣлинскаго. „Зная Вѣлинскаго давно,—писалъ онъ,—я не могу не быть увѣреннымъ,что ни одна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе. Почему не судить

[1]) См. объ этомъ Пыпина Вѣлинскій, 2, с. 282.
[2]) Письма Гоголя, ред. Шенрока т. 3 с. 495—496.
[3]) Р. Ст. 1884, № 1. с. 171.

проще и не принимать всего сказаннаго имъ встрѣчѣ совершенно противоположныхъ другъ другу убѣжденій... Бѣлинскій не говорилъ хладнокровно о прежнихъ твоихъ сочиненіяхъ: могъ ли онъ говорить хладнокровно и о послѣднихъ?" [1]) Здѣсь же Прокоповичъ сообщалъ Гоголю, что онъуже послалъ его „письмецо" Бѣлинскому въ Силезію, въ Зальцбруннъ.—Это „письмецо" представляетъ собою отвѣтъ на отзывъ Бѣлинскаго о „Перепискѣ съ друзьями." Оно поражаетъ своимъ тономъ напускнаго, неискренняго смиренія, сквозь которое порой очень сильно проглядываетъ страшное самомнѣніе. „Я прочелъ съ прискорбіемъ, писалъ Гоголь, статью вашу обо мнѣ во второмъ нумерѣ „Современника." Не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотите меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ ней слышится голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить даже не любившаго меня человѣка, тѣмъ болѣе васъ, о которомъ я всегда думалъ, какъ о человѣкѣ, меня любящемъ." Такъ начинается это письмо. Но черезъ нѣсколько строкъ Гоголь измѣняетъ разъ взятому тону, далеко еще не вполнѣ гармонировавшему съ его тогдашнимъ душевнымъ настроеніемъ, и даетъ почувствовать Бѣлинскому, какъ глубока по своему сокровенному смыслу, недоступному для многихъ, его книга и какъ она не понята имъ. Вся дальнѣйшая часть письма написана тономъ, въ которомъ такъ и чуется высокомѣріе, сознаніе своего духовнаго превосходства, желаніе прочесть поученіе Бѣлинскому. „Вы взглянули на мою книгу глазами разсерженнаго человѣка,—писалъ между прочимъ Гоголь,—и потому почти все приняли въ дурномъ видѣ. Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя покамѣстъ еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ (sic!), и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и вы увидите, что вы ошиблись во многомъ. Я очень не даромъ молилъ всѣхъ прочесть мою книгу нѣсколько разъ, предугадывая впередъ всѣ эти недоразумѣнія. Повѣрьте, что не легко судить о такой книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія человѣка, непохожаго на другихъ," и т. д. Онъ упрекаетъ Бѣлинскаго, что тотъ безъ должнаго вниманія прочелъ его книгу и слишкомъ поторопился „съ подачей собственнаго своего голоса о ней," что его статья вслѣдствіе этого „исполнена оплошныхъ выводовъ." Однако по существу Гоголь почти вовсе не возражаетъ на статью Бѣлинскаго, если не считать его за-

[1]) Шенрокъ. Матеріалы и т. д. т. 4 с. 558.

мѣчанія о томъ, что, признавая много справедливаго за отзывами о немъ Булгарина, Сеньковскаго и Полевого, онъ хотѣлъ только быть безпристрастнымъ и вовсе не отрицалъ, что критики, говорившіе о его достоинствахъ, несправедливы. Письмо оканчивается слѣдующими словами: „мнѣ тяжело, очень тяжело (говорю это вамъ истинно), когда противъ меня питаетъ *личное озлобленіе* [1]) даже и злой человѣкъ, не только добрый, а я васъ считаю за добраго человѣка.“ [2]). Такимъ образомъ, и въ письмѣ къ Бѣлинскому, какъ и раньше, въ письмѣ къ Прокоповичу, Гоголь не смогъ отрѣшиться отъ безусловно невѣрной точки зрѣнія, будто разборъ „Переписки“ во второй книгѣ „Современника“ былъ результатомъ чисто-личнаго раздраженія противъ него Бѣлинскаго.

Это посланіе Бѣлинскій получилъ лѣтомъ въ Зальцбруннѣ въ Силезіи, куда онъ отправился въ началѣ мая 1847 года для лѣченія все болѣе и болѣе усиливавшагося недуга—чахотки. Въ отвѣтъ на него онъ написалъ свое поистинѣ знаменитое письмо отъ 15 іюля 1847 года. Трудно указать въ руской литературѣ что-нибудь подобное этому письму, какъ по необычайной силѣ и страстности его общаго тона, такъ и потому, что въ немъ нашло себѣ яркое выраженіе общественно-политическое міровоззрѣніе не только самого Бѣлинскаго и его ближайшихъ единомышленниковъ, но и цѣлаго ряда передовыхъ поколѣній русскаго общества, ратующихъ противъ установившихся формъ общественно-политической жизни. По вполнѣ понятнымъ причинамъ, это письмо долгое время не могло даже въ извлеченіи появиться въ печати [3]).

Тѣмъ не менѣе еще при жизни Бѣлинскаго оно въ рукописномъ видѣ стало достояніемъ русскаго общества и въ извѣстномъ процессѣ Петрашевцевъ служило однимъ изъ самыхъ тяжкихъ corpus delicti. Мы остановимся на немъ только въ такой мѣрѣ, насколько оно проливаетъ свѣтъ на взаимныя отношенія Гоголя и Бѣлинскаго.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Письма Гоголя, т. 3, с. 491—493.

[3]) Впервые отрывки изъ него были напечатаны въ іюльской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1872 годъ, въ статьѣ Пыпина о Бѣлинскомъ. Въ болѣе полномъ видѣ его можно найти во второмъ томѣ изслѣдованія Пыпина: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка.“ Наименьшее число пропусковъ при перепечатываніи этого письма сдѣлано въ изслѣдованіи г. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина“, т. 7, с. 596—607.

Отвѣчая на упреки Гоголя, будто онъ изъ чисто личнаго раздраженія обрушился на „Переписку съ друзьями“, Бѣлинскій говоритъ: „Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось только въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины (и) человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель... Да если бы вы обнаружили покушеніе на самую жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, (чѣмъ) за эти позорныя строки... Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи“. Такъ въ разныхъ мѣстахъ своего письма старается Бѣлинскій убѣдить Гоголя, что вовсе не личные счеты сводилъ онъ съ нимъ въ своей статьѣ, когда такъ сурово отозвался объ его книгѣ. Онъ былъ до глубины души возмущенъ, прежде всего, полнымъ, по его мнѣнію, непониманіемъ со стороны Гоголя современнаго положенія Россіи. Гоголь, какъ утверждаетъ Бѣлинскій, глубоко зналъ Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго онъ такъ неудачно принялъ на себя. „Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности... Самые живые, національные вопросы въ Россіи теперь уничтоженіе крѣпостного права, ослабленіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго исполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть... И въ это время великій писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ въ зеркалѣ, является съ книгою, въ которой, во имя Христа и церкви, учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами“. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,— продолжаетъ онъ дальше,—что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги,—вѣдь, вы стоите надъ бездною“.

Не менѣе негодуетъ Бѣлинскій и по поводу того ложнаго смиренія, которымъ проникнута „Переписка съ друзьями“. „Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не любовь; а во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, странной гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ уни-

женіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть плодомъ или гордости, или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически-грязно выражаться не только о другихъ (что было бы только невѣжество), но и о самомъ себѣ. Это уже гадко, потому что человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе".

Взгляды на русскую жизнь, православіе, духовенство, народное просвѣщеніе, положеніе закрѣпощеннаго народа, высказанные въ „Перепискѣ съ друзьями", были до такой степени ненавистны Бѣлинскому, что онъ не допускаетъ мысли, чтобы ихъ могъ искренно исповѣдывать авторъ „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ". По его мнѣнію, „Переписка съ друзьями" есть „хитрая, но черезчуръ нецеремонная продѣлка для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли". Упреки въ неискренности неоднократно повторяетъ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ. Вотъ одно наиболѣе сильное въ этомъ отношеніи мѣсто. „Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію, но они скоро отступились отъ такого заключенія: ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь, сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну Наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ въ Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете недовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда тотъ, который и т. д. Теперь судите сами, можно-ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя и еще болѣе какъ человѣка" [1]).

[1]) Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю цитовано по соч. Барсукова „Жизнь и труды Погодина", т. 8. стр. 596–607.

Оканчивается письмо пожеланіемъ, чтобы Гоголь отрекся отъ послѣдней своей книги и тяжкій грѣхъ ея изданія искупилъ новыми твореніями, напоминающими прежнія. Такимъ образомъ, глубоко возмущаясь міровоззрѣніемъ Гоголя, ясно опредѣлившимся въ „Перепискѣ съ друзьями“. Бѣлинскій объяснялъ себѣ самый фактъ появленія этой книги не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ автора получше устроить свое матеріальное положеніе. Насколько былъ правъ или неправъ знаменитый критикъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Гоголю, будетъ ясно изъ дальнѣйшаго; теперь же остановимся на томъ впечатлѣніи, какое произвело на Гоголя разсмотрѣнное только что письмо.

Извѣстно два текста отвѣта Гоголя Бѣлинскому, рѣзко отличающіеся по своему характеру другъ отъ друга. Первоначально Гоголь написалъ большое (7 печатныхъ страницъ въ изданіи писемъ Гоголя подъ редакціей Шенрока) и очень рѣзкое письмо, но потомъ одумался, изорвалъ его въ клочки и вмѣсто него послалъ сравнительно очень короткій отвѣтъ совершенно другого характера. Сопоставленіе этихъ писемъ представляется очень любопытнымъ, такъ какъ оно проливаетъ довольно яркій свѣтъ на настроеніе Гоголя въ 1847 году. Первое письмо [1]) ясно показываетъ, что посланіе Бѣлинскаго произвело на Гоголя страшное впечатлѣніе. Онъ прежде всего былъ очень раздраженъ явно, по его мнѣнію, несправедливыми обвиненіями. „Какъ мнѣ защищаться противъ вашихъ нападеній,—писалъ Гоголь,—когда нападенія невпопадъ?.. Вы говорите, что вы прочли будто сто разъ мою книгу, тогда какъ ваши-же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ... Какъ далеко сбились вы съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!.. Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу. Дорога эта привела-бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила-бы васъ благословлять все въ природѣ... А теперь уста ваши дышатъ желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ съ вашею пылкою душою вдаваться въ этотъ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности?..“.

---

[1]) Оно было въ достаточно полномъ видѣ возстановлено П. А. Кулишемъ, издавшимъ впервые письма Гоголя.

Энергично защищаясь противъ обвиненій Бѣлинскаго въ корыстныхъ расчетахъ выпуска въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“, Гоголь говоритъ: „своекорыстныхъ цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь), когда мнѣ пора подумать о смерти... Ничего не хотѣлъ (я) ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными...“.

Но Гоголь не только возражаетъ на обвиненія Бѣлинскаго. Онъ, въ свою очередь, желая отразить его нападки, посылаетъ не мало упрековъ по его адресу, по большей части, въ очень рѣзкой формѣ. Такъ, возражая знаменитому критику на то мѣсто его письма, гдѣ онъ доказываетъ, что Гоголь не имѣетъ никакого понятія о настроеніи русскаго народа, послѣдній пишетъ: „Нѣтъ, нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными статейками... Позвольте также сказать, что я болѣе передъ вами имѣю права заговорить о (русскомъ) народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка..., что подтвердили (и вы) въ вашихъ критикахъ. А что-же вы представите въ доказательство вашего знанія... природы русскаго народа. Что вы произвели такого, въ чемъ видно (это знаніе)?.. Еще изумила меня эта отважная самонадѣянность, съ которой вы говорите что: „я знаю общество наше и духъ его...“ Какими данными вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали-ли вы гдѣ-нибудь въ сочиненіяхъ своихъ, что вы глубокій вѣдатель души человѣка?“

Заканчиваетъ это свое письмо Гоголь высокомѣрнымъ совѣтомъ заняться самообразованіемъ: „Начните ученіе. Примитесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете, наконецъ, пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились кое-какъ и не окончили даже университетскаго курса. Вознаградите (это) чтеніемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ (умомъ), совращающимъ съ прямого взгляда“ [1]).

По сдѣланнымъ довольно значительнымъ выдержкамъ изъ чернового письма Гоголя можно безъ труда увидѣть, какъ сильно задѣтъ былъ онъ

---

[1]) Цитаты изъ этого письма сдѣланы по „Письмамъ Н. В. Гоголя“, ред. Шенрока, т. 4, с. 32—41.

посланіемъ къ нему Бѣлинскаго. Въ каждой строкѣ этого отвѣта такъ и сквозитъ сознаніе тяжелаго личнаго оскорбленія и вызванное имъ раздраженіе. Чувствуется, что, быть можетъ безсознательно, Гоголь стремился за тяжелыя минуты, пережитыя вслѣдствіе чтенія письма Бѣлинскаго, отплатить ему тѣмъ-же и заставить его, въ свою очередь, испытать душевную боль. Въ этомъ письмѣ и помину нѣтъ о томъ смиреніи, которымъ такъ проникнуты многія частныя письма Гоголя этого времени.

Это только лишній разъ подтверждаетъ отмѣченную еще Бѣлинскимъ въ его письмѣ особенность въ настроеніи Гоголя во время работы надъ „Перепиской“: мы имѣемъ въ виду его замѣчанія о томъ, что смиреніе, съ которымъ такъ носился Гоголь, являлось до извѣстной степени напускнымъ, далеко еще не вытекавшимъ изъ всего его существа и міровоззрѣнія. Въ этотъ періодъ жизни Гоголь еще не проникся въ такой степени духомъ смиренномудрія, чтобы не отвѣчать на обиды обидой и на оскорбленіе оскорбленіемъ. Въ немъ далеко еще не было того внутренняго душевнаго мира, которымъ характеризуются люди, вполнѣ проникшіеся завѣтомъ Христа — прощать обиды и не имѣть въ сердцѣ злобы. Обычное, свойственное натурѣ человѣка стремленіе не оставлять безъ отвѣта возводимыя на него обвиненія, особенно если убѣжденъ въ ихъ несправедливости, слишкомъ сильно еще проявляло себя въ Гоголѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его душѣ жила сознанная, но еще не вошедшая въ плоть и кровь его существа увѣренность въ томъ, что истина заключается въ христіанскомъ смиреніи и всепрощеніи. Вотъ почему, послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, онъ изорвалъ въ мелкіе куски разсмотрѣнный только-что текстъ отвѣта Бѣлинскому и послалъ ему совсѣмъ другое письмо, которое, при сопоставленіи его съ первымъ, поражаетъ нѣкоторыми очевидными противорѣчіями.

Прежде всего, представляется неискреннимъ самое начало письма, гдѣ Гоголь говоритъ, что онъ, „почти безчувственно“ прочелъ посланіе Бѣлинскаго, будучи потрясенъ полученными раньше письмами о „Перепискѣ“. Здѣсь очевидная несообразность. Ни одно изъ писемъ по поводу „Переписки съ друзьями“ не поразило такъ Гоголя, какъ письмо Бѣлинскаго. Это видно и изъ отвѣта, который онъ хотѣлъ-было послать ему, и, главнымъ образомъ, изъ того, что въ „Авторской исповѣди“ опровергаются почти только обвиненія Бѣлинскаго, заключающіяся въ его разборѣ „Пе-

реписки" и въ извѣстномъ письмѣ. Затѣмъ, вопреки первоначальному тексту, здѣсь Гоголь признаетъ свое незнаніе и непониманіе Россіи, что онъ такъ гордо отрицалъ раньше. „Мнѣ показалось... непреложной истиной, что я не знаю Россіи, что многое измѣнилось въ ней, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь... Богъ вѣсть, можетъ быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды" [1]).

Такъ писалъ теперь Гоголь, тогда какъ раньше онъ безусловно отрицалъ даже малѣйшую справедливость словъ Бѣлинскаго. Остальная часть письма заполнена развитіемъ мысли о томъ, что очень трудно разгадать современный вѣкъ, что оба они „равно виноваты передъ нимъ", такъ какъ „упустили изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить". Заканчивается это небольшое сравнительно письмо (менѣе полутора печатныхъ страницъ) совѣтомъ, оставивъ на время всякіе вопросы, заняться собственнымъ здоровьемъ и пожеланіемъ душевнаго мира и спокойствія.

Черезъ два дня Гоголь писалъ Анненкову и въ этомъ письмѣ онъ еще съ большимъ смиреніемъ говоритъ о посланіи Бѣлинскаго: „я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувствомъ ожесточенія вообще. Послѣднее сокрушительно для его здоровья. Вы теперь при немъ: отведите отъ него все, возмущающее духъ его" [2]). Очевидно, духъ кротости одержалъ верхъ надъ чувствомъ обиды и раздраженія, и Гоголь, по крайней мѣрѣ наружно, вполнѣ примирился съ Бѣлинскимъ.

На этомъ кажется оканчиваются личныя отношенія Бѣлинскаго и Гоголя. Такъ можно предполагать, потому что неизвѣстно болѣе позднихъ писемъ ни того, ни другого, адресованныхъ ими другъ къ другу, равно какъ въ письмахъ Бѣлинскаго нѣтъ упоминанія о Гоголѣ и наоборотъ. Бѣлинскій въ это время былъ уже на краю могилы: черезъ девять съ немногимъ мѣсяцевъ его не стало. Что касается до Гоголя, то онъ настолько былъ погруженъ въ совершавшійся въ немъ духовный кризисъ, что всякія личныя отношенія, особенно на литературной почвѣ, отошли вскорѣ совсѣмъ на задній планъ, и онъ, быть можетъ, и не вспоминалъ о Бѣлинскомъ и о той тяжелой схваткѣ, которой закончились ихъ личныя отношенія. „Схватка эта, справедливо говоритъ г. Шенрокъ, самимъ противникамъ

[1]) Письма Гоголя, ред. Шенрока, т. 4, с. 44—46.
[2]) Письма Гоголя подъ ред. Шенрока, т. 4, с. 46—47.

не принесла ничего, кромѣ вредныхъ страданій и глубокаго нравственнаго потрясенія; на глазахъ читающей публики разыгралась кровавая драма, актерами и жертвами которой были люди, страстно искавшіе, каждый по-своему, истины и свѣта, но съ безповоротно опредѣлившимися міросозерцаніями, люди, способные нанести жестокія раны, но никакъ уже не поддержать и направить другъ друга" [1]).

Чтобы покончить съ вопросомъ о личныхъ отношеніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго, намъ нужно еще разсмотрѣть, насколько былъ правъ послѣдній, выступивши противъ Гоголя въ своемъ письмѣ отъ 15 іюля 1847 года. Знаменитый критикъ, какъ сказано, посылалъ здѣсь тяжкія обвиненія по адресу Гоголя. Осуждая въ самой рѣзкой формѣ то міровоззрѣніе, выразителемъ котораго явилась „Переписка съ друзьями", онъ въ то же время отказывался вѣрить въ искренность Гоголя и неоднократно въ своемъ письмѣ указывалъ ему на то, что эта, какъ онъ выражался, „гнусная" книга затѣяна только для того, чтобы „небеснымъ путемъ достигнуть зем-

[1]) Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. 4, с. 589. Проф. Кирпичниковъ въ статьѣ „Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 г." (Сборникъ въ честь Н. И. Стороженка) приходитъ, между прочимъ, къ заключенію, что письмо Бѣлинскаго къ Гоголю отъ 15-го іюля 1847 года своимъ искреннимъ и убѣдительнымъ тономъ „заставило послѣдняго отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей, стать на точку зрѣнія честнаго противника и признать окончательно, что міровоззрѣніе Бѣлинскаго имѣетъ такое-же право на существованіе, какъ и противоположное ему" (Сборникъ въ честь Н. И. Стороженка с. 432). Однако внимательное разсмотрѣніе тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ проф. Кирпичниковъ приходитъ къ этому выводу, особенно при сопоставленіи ихъ съ нѣкоторыми другими свѣдѣніями о Гоголѣ, приводитъ скорѣе къ заключенію, что письмо Бѣлинскаго не произвело никакой значительной перемѣны въ убѣжденіяхъ Гоголя. Въ доказательство своей мысли проф. Кирпичниковъ ссылается на то обстоятельство, что Гоголь въ письмѣ къ Анненкову отъ 7-го сентября очень тепло говоритъ о Герценѣ, а это можно, по его мнѣнію, объяснить только вліяніемъ посланія Бѣлинскаго. Но проф. Кирпичниковъ упускаетъ изъ виду, хотя и цитируетъ въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ, слѣдующія слова Гоголя о Герценѣ: „Я слышалъ о немъ много хорошаго. *О немъ люди всѣхъ партій отзываются, какъ о благороднѣйшемъ человѣкѣ. Это лучшая репутація въ настоящее время*" (курсивъ нашъ). Это упоминаніе о хорошихъ отзывахъ о Герценѣ „людей всѣхъ партій" ясно показываетъ, чѣмъ объясняется теплый тонъ, съ какимъ говоритъ о немъ Гоголь. Еще менѣе правдоподобнымъ представляется утвержденіе

ныхъ цѣлей", т. е. угодить сильнымъ міра и устроить такимъ способомъ свое благосостояніе. Такимъ образомъ, обвиненія Бѣлинскаго сводятся къ двумъ пунктамъ: 1) міровоззрѣніе, пропагандируемое въ „Перепискѣ", заслуживаетъ всякаго осужденія, и 2) Гоголь неискрененъ въ своей книгѣ; онъ ради внѣшнихъ выгодъ отступился отъ своихъ прежнихъ убѣжденій.

Остановимся сначала на разсмотрѣніи упрека Гоголя въ неискренности.

Въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Бѣлинскій былъ глубоко неправъ, подозрѣвая въ Гоголѣ своего рода Тартюфа, надѣвшаго на себя маску смиренія. Онъ слишкомъ мало зналъ Гоголя, какъ человѣка, чтобы увидѣть въ „Перепискѣ" только естественное, логическое развитіе тѣхъ настроеній, которыя сказывались въ немъ еще въ ранней молодости, съ годами крѣпли, нашли себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе въ названномъ сочиненіи и, въ концѣ концовъ, привели славнаго юмориста къ трагическому концу. Бѣлинскій судилъ о Гоголѣ, главнымъ образомъ, на основаніи его „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ". Личное знакомство съ нимъ не помогло Бѣлинскому разгадать во всей полнотѣ сущность его духовнаго облика, ибо Гоголь, какъ извѣстно, рѣдко передъ кѣмъ даже изъ близкихъ друзей открывалъ святая-святыхъ своей души, а Бѣлинскій никогда не былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи для пониманія внутренняго міра Гоголя оказались не его современники, а послѣдующія поколѣнія. Матеріалъ для такого изученія духовнаго развитія Гоголя впервые предоставленъ былъ въ достаточномъ количествѣ въ шеститомномъ изданіи его

проф. Кирпичникова, будто Гоголь подъ вліяніемъ письма Бѣлинскаго сталъ обнаруживать несравненно большій интересъ къ западно-европейскимъ дѣламъ, чѣмъ это дѣлалъ до сихъ поръ. Начать съ того, что *особеннаго* интереса къ европейской общественной жизни онъ не проявилъ и послѣ полученія означеннаго письма, какъ не обнаруживалъ и ранѣе; если-же въ письмахъ его и находятся упоминанія объ этой жизни, то, какъ справедливо замѣчаетъ и самъ проф. Кирпичниковъ, эти упоминанія объясняются скорѣе всего вліяніемъ Хомякова. Нельзя затѣмъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ и въ томъ, будто послѣ извѣстнаго письма знаменитаго критика „Гоголь заинтересовался всѣмъ, что интересовало Бѣлинскаго, и твердо рѣшилъ, оставивъ публицистику, работать надъ созданіемъ живыхъ образовъ". Утвержденіе это не имѣетъ подъ собою фактической почвы.

сочиненій, предпринятомъ П. А. Кулишемъ въ 1857 году. Въ этомъ изданіи впервые появились въ печати письма Гоголя, занявшія собою два послѣдніе тома.

Въ предшествовавшемъ 1856 году тотъ же Кулишъ выпустилъ въ свѣтъ „Записки о жизни Гоголя“, въ которыхъ онъ на основаніи воспоминаній лицъ, близко знавшихъ покойнаго писателя, а также, главнымъ образомъ, пользуясь его частными письмами къ родной семьѣ и другимъ лицамъ, показалъ, что многое, оказавшееся для первыхъ читателей „Переписки съ друзьями“ чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, давно уже зрѣло въ душѣ Гоголя. Пользуясь означенными изданіями Кулиша, Н. Г. Чернышевскій въ статьѣ о Гоголѣ въ „Современникѣ“ 1857 года впервые съ полной ясностью доказалъ тѣсную связь идей „Переписки“ съ настроеніями, которыя не оставляли автора ея съ первыхъ шаговъ его сознательной жизни. Появившіеся позднѣе обильные матеріалы о жизни, личности и творчествѣ Гоголя еще болѣе подтвердили точку зрѣнія Чернышевскаго.

Благодаря этому, теперь для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ личностью Гоголя, не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что у него, въ сущности, не было никакой измѣны убѣжденіямъ, что въ „Перепискѣ съ друзьями“ онъ съ полной искренностью высказалъ тѣ самыя мысли и чувства, которыя давно уже бродили въ его душѣ и находили себѣ ранѣе выраженіе въ письмахъ къ различнымъ лицамъ.

Но какимъ образомъ могло случиться, что авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ,“ гордость и надежда передового борца Россіи—Бѣлинскаго, могъ въ то же время стать проповѣдникомъ тѣхъ идеаловъ, которые исповѣдовали люди противоположнаго Бѣлинскому лагеря? Могъ-ли онъ быть одинаково искреннимъ и въ своемъ поэтическомъ творчествѣ, которымъ онъ такъ много способствовалъ росту русскаго общественнаго самосознанія, и въ провозглашеніи идеаловъ аскетизма, смиренія и полнаго преклоненія передъ самыми темными устоями современной дѣйствительности? Эта психологическая загадка, кажущаяся съ перваго раза неразъяснимой, находитъ однако себѣ удовлетворительное объясненіе, если принять въ соображеніе нѣкоторыя данныя о жизни и личности Гоголя. Основныя положенія своего міровоззрѣнія Гоголь выработалъ въ значительной степени подъ вліяніемъ круга, въ который онъ попалъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ и въ которомъ онъ сближался съ такими лицами, какъ Плетневъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, гр. Віельгорскій, Смирнова и др. Черезъ нѣкоторое время

у него завязались близкія отношенія съ Погодинымъ, Шевыревымъ и другими членами Московскаго славянофильскаго кружка. Эти люди, какъ выражается одинъ изслѣдователь, [1]) стали для Гоголя высшей школой, довершившей его образованіе. Но, съ другой стороны, его великій прирожденный талантъ, страстное желаніе служить обществу, способность анализировать отрицательныя явленія жизни вносили разладъ въ его внутренній міръ. „Въ личной судьбѣ Гоголя,—говоритъ тотъ-же изслѣдователь,—отразилась борьба двухъ различныхъ сторонъ общественнаго развитія; какъ великій талантъ онъ принадлежалъ его прогрессивной сторонѣ, тогда какъ его теоретическія понятія не шли дальше обиходнаго консерватизма“ [2]). Такимъ образомъ, передъ нами раскрывается полная психологическая возможность соединенія въ одномъ лицѣ автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ съ авторомъ „Переписки,“ при условіи глубокой искренности во время созданія этихъ столь различныхъ произведеній. Вотъ почему безусловно неправъ былъ Бѣлинскій, взваливая на Гоголя обвиненіе въ подлости за напечатаніе „Переписки съ друзьями.“

Но если совершенно невозможно согласиться съ Бѣлинскимъ, обвинявшимъ Гоголя въ желаніи поддѣлаться подъ взгляды консервативной партіи, чтобы такимъ путемъ достигнуть какихъ-либо внѣшнихъ житейскихъ выгодъ, то нельзя не признать въ значительной мѣрѣ справедливыми тѣхъ возраженій, которыя дѣлалъ Бѣлинскій противъ міровоззрѣнія, проповѣдуемаго „Перепиской съ друзьями“; говоримъ „въ значительной мѣрѣ,“ ибо нѣкоторыя изъ замѣчаній Бѣлинскаго, при безпристрастномъ разсмотрѣніи книги Гоголя представляются нѣсколько преувеличенными: „отдавшись весь негодованію и бѣшенству,“ знаменитый критикъ, естественно, въ отдѣльныхъ случаяхъ могъ впасть въ крайности, слишкомъ односторонне истолковать тѣ или иныя мнѣнія Гоголя [3]).

Пресловутая „Переписка съ друзьями“ обязана, какъ извѣстно, своимъ появленіемъ въ свѣтъ самому искреннему, не покидавшему Гоголя во всю его жизнь стремленію принести Россіи возможно болѣе пользы. При всемъ убаюкивающемъ въ общественномъ смыслѣ міровоззрѣніи, которое было воспринято имъ отъ его Петербургскихъ и Московскихъ друзей, Гоголь, благодаря, съ одной стороны, житейскому опыту, а съ другой—способности

[1]) Срав. Пыпинъ. Историческіе очерки, с. 360. Характеристику общаго міровоззрѣнія этого круга см. тамъ-же, с. 260—70 и слѣд.

[2]) Ibid., с. 356.

[3]) Напр., его обвиненіе Гоголя въ томъ, что онъ утверждалъ, будто простому народу грамота положительно вредна.

анализировать наблюдаемыя явленія, не могъ не понимать, что въ современной русской дѣйствительности очень и очень многое требуетъ значительной, быть можетъ, коренной поправки. Такъ, напримѣръ, въ письмахъ къ „Занимающему важное мѣсто“ и „Страхи и ужасы Россіи“ [1]) онъ говоритъ о томъ, что „Россія точно несчастна,.... насчастна отъ грабительствъ и неправды, которыя до такой наглости еще не возносили рогъ свой,“ [2]) что тѣ злоупотребленія, о которыхъ ему приходилось слышать, настолько ужасны, что можетъ явиться мысль о томъ, „какъ-бы убѣжать изъ Россіи.“ [3]) Наконецъ, самая картина русской жизни въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“ и нѣкоторыя лирическія отступленія въ послѣднемъ произведеніи съ полной ясностью доказываютъ, что Гоголь вовсе не относился безсознательно къ тѣмъ „ужасамъ,“ которые онъ рисовалъ. Чувствовалъ Гоголь и то, что въ его время русское общество начинало пробуждаться отъ своей духовной спячки, что въ немъ поднимались различныя, еще мало опредѣлившіяся по своимъ конечнымъ цѣлямъ настроенія, но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, возникавшія вслѣдствіе неудовлетворенности господствовавшимъ направленіемъ жизни. [4]) Если принять въ соображеніе давнишнюю склонность Гоголя къ духовному учительству, которая съ годами усиленно развивалась въ немъ частной перепиской, то будетъ вполнѣ понятно его страстное желаніе сказать „свое слово“ о томъ, какъ выйти Россіи изъ тѣхъ тяжелыхъ условій жизни, въ которыхъ она находилась въ сороковые годы.

Какого-же свойства было это слово?

Всѣ проэкты общественныхъ реформаторовъ объ улучшеніи господствующаго строя жизни можно раздѣлить на двѣ группы, рѣзко отличающіяся по своей сущности другъ отъ друга. Одни изъ нихъ видятъ коренную причину зла въ обветшавшихъ формахъ общественной и государственной жизни и требуютъ большаго или меньшаго обновленія ихъ; другіе, будучи удовлетворены существующимъ политическимъ и соціальнымъ строемъ, причиной темныхъ сторонъ современной дѣйствительности считаютъ отсутствіе у

---

[1]) Оба эти письма не были пропущены цензурой въ первомъ изданіи „Переписки.“

[2]) Соч. Гоголя, ред. Тихонравова, изд. 15-е, т. 7, стр. 158.

[3]) Ib., стр. 139.

[4]) Ib., стр. 34 и др.

отдѣльныхъ личностей надлежащихъ нравственныхъ устоевъ и переносятъ центръ тяжести въ борьбѣ за лучшее будущее не на совершенствованіе общественно-политическихъ формъ, а на нравственное возрожденіе отдѣльныхъ лицъ.

Гоголь въ своей „Перепискѣ“ вполнѣ примыкаетъ ко второй группѣ. Онъ является самымъ горячимъ сторонникомъ современнаго ему общественно-государственнаго status quo Россіи. Ему въ голову не приходила мысль объ измѣненіи правительственныхъ учрежденій, сословныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, установившихся формъ личнаго и общественнаго безправія. Все то, что было создано правительственной властью, все это, съ точки зрѣнія Гоголя, не заставляло желать ничего лучшаго. [1]) Вся бѣда въ исполнителяхъ: законы святы, да исполнители лихіе супостаты! Можно предполагать, что такая точка зрѣнія Гоголя не была результатомъ глубоко-продуманнаго убѣжденія, а, скорѣе, являлась не подвергавшимся критикѣ отголоскомъ какъ давнихъ семейныхъ вліяній, такъ, главнымъ образомъ, воздѣйствіемъ кружка Жуковскаго, а также Погодина и Шевырева. По крайней мѣрѣ, когда онъ въ своей „Перепискѣ“ пытается обосновать то или другое мнѣніе касательно преимуществъ общественно-политическихъ формъ современной ему Россіи, аргументація его поражаетъ своей неопредѣленностью, а подчасъ и странной наивностью, заставляющей невольно подозрѣвать неясное пониманіе того, о чемъ идетъ рѣчь. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ онъ, со словъ Пушкина, мнѣніе котораго не было имъ понято во всей глубинѣ, приводитъ слѣдующій странный аргументъ въ подтвержденіе необходимости для государства монархической власти: „государство безъ полномощнаго монарха— автоматъ; много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что выѣденнаго яйца не стоитъ.“ [2]) Столь-же наивнымъ представляется его разсужденіе о русскомъ государственномъ строѣ въ письмѣ къ „занимающему важное мѣсто“. Оказывается, по его мнѣнію, что *всѣ* должности, сколько ихъ ни есть въ русскомъ государствѣ, отвѣчаютъ на *всѣ* потребности нашего государственнаго быта, всѣ онѣ до единой какъ-бы свыше созданы для насъ. [3]) Отсюда, конечно, естественно было

[1]) Срав. ib., стр. 150 и сл. (Письмо къ занимающему видное мѣсто).
[2]) Ib., стр. 44.
[3]) Срав. ib., стр. 150, 153 и др.

сдѣлать выводъ, что все несчастіе происходитъ только оттого, что всякій какъ-бы наперерывъ старался или разрушать предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Его разсужденія о русскомъ помѣщикѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ крѣпостномъ строѣ онъ наивно видѣлъ лучшій способъ для нравственнаго воздѣйствія интеллигенціи на народныя массы и вовсе не считалъ нужнымъ уничтоженія этого строя, и т. д.

Само собою разумѣется, что эти и подобныя мѣста въ „Перепискѣ“ не могли не вызвать цѣлой бури негодованія со стороны Бѣлинскаго. Не могъ онъ также отнестись равнодушно и къ проявленіямъ вѣры Гоголя въ великія силы Россіи, наивно утверждавшаго, что лѣтъ черезъ десять „Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупками пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которую не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ.“ [1])

Приведенныхъ немногочисленныхъ выдержекъ изъ „Переписки съ друзьями“ достаточно для характеристики той стороны ея, которая вызвала наиболѣе ожесточенныя нападки Бѣлинскаго. Въ настоящее время едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, на чьей сторонѣ была правда. Стоитъ только оглянуться назадъ, на вторую половину пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка, чтобы увидѣть полную несостоятельность того строя русской общественной и государственной жизни, который, повидимому, вполнѣ удовлетворялъ Гоголя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдя далѣе за прошлымъ Россіи, можно съ полной очевидностью увидѣть, что наиболѣе свѣтлыя страницы ея историческаго прошлаго, какъ напр. „эпоха великихъ реформъ“, созданы далеко не тѣмъ путемъ, въ которомъ Гоголь видѣлъ панацею отъ всѣхъ золъ современной жизни. Отсюда ясно, что съ точки зрѣнія историческаго момента въ знаменитомъ спорѣ былъ безусловно правъ Бѣлинскій, а не Гоголь.

Таково, по нашему крайнему разумѣнію, наиболѣе объективное рѣшеніе, съ исторической точки зрѣнія, занимающаго насъ вопроса. Но тяжелый разладъ между Бѣлинскимъ и Гоголемъ предстанетъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, если взглянуть на него внѣ историческихъ рамокъ, если видѣть въ ихъ полемикѣ только столкновеніе двухъ міровоззрѣній, внѣ условій мѣста и времени. Каждый изъ нихъ выдвигалъ свой способъ борьбы съ несовершенствами окружавшей ихъ жизни и каждый въ своемъ родѣ оказался одностороннимъ, отвергая противоположную точку зрѣнія. Если

[1]) Ibid., стр. 141.

справедливо, что жизненный прогрессъ возможенъ только при непрестанной эволюціи общественно-государственныхъ формъ, то не менѣе справедливо и то, что для успѣха этой эволюціи требуется соотвѣтствующій ростъ внутренняго развитія и самоусовершенствованія отдѣльной личности, а это послѣднее далеко не всегда оказывается въ зависимости отъ внѣшнихъ формъ жизни. Такимъ образомъ, истинное рѣшеніе вопроса о лучшемъ способѣ борьбы съ несовершенствами окружающей дѣйствительности лежитъ въ синтезѣ точекъ зрѣнія на этотъ вопросъ Бѣлинскаго и Гоголя. Взглядъ Бѣлинскаго не былъ чѣмъ-либо новымъ для русской жизни: въ исторіи нашихъ общественныхъ движеній до сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка можно указать нѣсколько случаевъ, когда онъ обнаружился съ полной очевидностью. Что же касается до теоріи личнаго самоусовершенствованія, какъ средства борьбы съ отрицательными сторонами современной дѣйствительности, то она впервые была выдвинута у насъ Гоголемъ въ его пресловутой „Перепискѣ“. Ни Бѣлинскій, ни кто другой на его мѣстѣ не могъ, конечно, отнестись вполнѣ объективно къ указанному принципу книги Гоголя, но это не ослабляетъ сдѣланнаго выше утвержденія, что великій критикъ, съ объективной точки зрѣнія, былъ нѣсколько одностороненъ въ своемъ письмѣ, не обративъ вниманія на важность въ дѣлѣ жизненнаго прогресса выдвигаемой Гоголемъ идеи личнаго самоусовершенствованія.

ГЛАВА II.

Гоголь въ истолкованіи Бѣлинскаго.

Критическая дѣятельность Бѣлинскаго, продолжавшаяся съ 1834 по 1848-й г., совпала съ появленіемъ въ свѣтъ почти всѣхъ произведеній Гоголя (только „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ вышли изъ печати нѣсколько ранѣе—въ 1831—32 г.г.). Судьба точно умышленно сопоставила великаго писателя-реалиста и не менѣе замѣчательнаго критика, какъ бы этимъ сопоставленіемъ желая тѣснѣйшимъ образомъ связать ихъ литературную дѣятельность. И дѣйствительно, не много можно указать въ исторіи литературы подобныхъ соотношеній поэта-художника и литературнаго критика. Гоголь своимъ необыкновеннымъ талантомъ, самъ не сознавая того, создавалъ новое направленіе въ русской литературѣ. Бѣлинскій, сразу постигшій, какое громадное значеніе имѣетъ творчество Гоголя для развитія отечественной литературы, все время своей критической дѣятельности былъ

самымъ страстнымъ защитникомъ и истолкователемъ такъ называемой тогда натуральной школы, создателемъ которой можетъ по справедливости считаться у насъ Гоголь. Борьба за Гоголя и созданное имъ литературное направленіе, стремленіе уяснить русскому читателю высокое эстетическое и общественное значеніе творчества великаго русскаго юмориста красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность Бѣлинскаго. Можно даже сказать, что эта борьба является едва-ли не главнѣйшей литературной задачей создателя русской критики. Въ теченіе 13 лѣтъ Бѣлинскій написалъ около 10 статей о Гоголѣ, если не считать порою довольно длинныхъ отступленій, посвященныхъ этому писателю и натуральной школѣ, при разборѣ произведеній другихъ авторовъ. Въ общемъ, все написанное Бѣлинскимъ о Гоголѣ и натуральной школѣ (что почти одно и то же) составляетъ около 200 страницъ обычнаго журнальнаго формата. Чтобы понять все значеніе Бѣлинскаго, какъ истолкователя Гоголя, необходимо разсмотрѣть, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія его статьи, посвященныя разбору произведеній Гоголя и полемикѣ на этой почвѣ съ другими критиками.

Когда вышли изъ печати „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, Бѣлинскій былъ еще студентомъ Московскаго университета и не пробовалъ своихъ силъ въ качествѣ литературнаго критика. Естественно поэтому, что „Вечера“ при своемъ появленіи не вызвали статьи Бѣлинскаго. Однако первыя повѣсти Гоголя не прошли безслѣдно для его будущаго критика. Какъ уже указывалось раньше, у Бѣлинскаго и его друзей создался своего рода культъ Гоголя,—до такой степени они были очарованы его первыми произведеніями.

Съ 1834 года Бѣлинскій сдѣлался журнальнымъ работникомъ по отдѣлу литературной критики. Совершенно понятно, что онъ не долженъ былъ упустить случая высказаться о своемъ любимомъ писателѣ, едва только представится къ этому поводъ. Такой поводъ вскорѣ не замедлилъ отыскаться: въ 1835 году появились въ печати повѣсти, извѣстныя подъ названіемъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“. Бѣлинскій написалъ о нихъ и давно уже извѣстныхъ читателямъ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ большую статью, помѣщенную въ Московскомъ журналѣ „Телескопъ“ за 1835 годъ.

Въ этой статьѣ Бѣлинскій ставитъ двѣ задачи критическаго разбора литературныхъ произведеній: первой и главной задачей критика, по его

мнѣнію, должно служить рѣшеніе вопроса о томъ, насколько данное произведеніе изящно, и дѣйствительно-ли авторъ его имѣетъ право называться поэтомъ; второй вопросъ, который предстоитъ рѣшить критикѣ,—это—какое мѣсто занимаетъ разсматриваемый писатель въ литературѣ. Согласно намѣченной цѣли, онъ сначала останавливается на выясненіи чисто художественныхъ достоинствъ повѣстей Гоголя. Для этого онъ предварительно излагаетъ свою эстетическую теорію, съ точки зрѣнія которой и разсматриваетъ произведенія Гоголя. Это первая въ русской критикѣ *теорія реальнаго искусства*. Она была какъ нельзя болѣе умѣстна именно въ это время, ибо служила твердымъ теоретическимъ основаніемъ для оцѣнки новаго литературнаго направленія, создаваемаго Гоголемъ. Какъ справедливо замѣтилъ въ этой же статьѣ Бѣлинскій, понятія объ изящномъ были еще очень зыбки у насъ въ то время не только въ обществѣ, но и среди цѣнителей художественныхъ произведеній. Эта теорія, впервые здѣсь высказанная въ своихъ основныхъ чертахъ Бѣлинскимъ, служила и потомъ для него исходной точкой при оцѣнкѣ позднѣйшихъ произведеній Гоголя. Какъ ни измѣнилось общее міровоззрѣніе Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ, эстетическія его понятія оставались въ значительной мѣрѣ тѣ же, что и въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. Тѣмъ любопытнѣе познакомиться съ сущностью этихъ воззрѣній. Они очень несложны и самимъ же Бѣлинскимъ формулированы въ сжатой и удобопонятной формѣ, такъ что безъ особаго труда можно сдѣлать сводъ основныхъ положеній его эстетическаго масштаба.

Дѣйствительность выше искусства—таково первое положеніе этой эстетики [1]). Поэтому задача поэта состоитъ не въ томъ, чтобы украшать ее, а въ томъ, „чтобы воспроизводить... въ совершенной истинѣ и вѣрности“. Такъ создается настоящая поэзія нашего времени — „поэзія жизни, дѣйствительности“... „Ея отличительный характеръ состоитъ въ вѣрности дѣйствительности; она не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, возсоздаетъ ее и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одной точкой зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины“. Нѣсколько

[1]) Срав. у Бѣлинскаго: „Божье твореніе выше всякаго человѣческаго... оно есть самая дивная поэма, какую только можно вообразить“.

ниже онъ еще опредѣленнѣе высказывается за полный реализмъ въ поэзіи, за тѣсное сочетаніе искусства съ жизнью. Жизнь, по мнѣнію Бѣлинскаго, должна выступать въ поэзіи „во всей наготѣ, во всемъ ея ужасающемъ безобразіи и во всей ея торжественной красотѣ", ибо въ ней требуется не идеалъ жизни, но сама жизнь, какъ она есть. Ее не за чѣмъ украшать, ибо „въ поэтическомъ представленіи она равно прекрасна... и потому именно, что истинна", а „гдѣ истина, тамъ и поэзія" [1]).

Таковы основныя положенія эстетическихъ воззрѣній Бѣлинскаго, опираясь на которыя онъ разбираетъ произведенія Гоголя. Правда, выясняя отличительныя черты реальной поэзіи, онъ говоритъ ниже о такъ называемой идеальной, которая характеризуется присутствіемъ чисто личнаго чувства и настроенія автора, и поэзіи такого рода, которая объединяетъ въ себѣ идеальную и реальную, какъ напр. поэмы Байрона, Пушкина и нѣкоторыя драмы Шиллера, но онъ находитъ, что идеальная поэзія наиболѣе свойственна его времени. Чрезвычайно любопытнымъ представляется то обстоятельство, что изложенная только что теорія реальнаго искусства далеко не гармонировала съ высказываемыми передъ этимъ эстетическими воззрѣніями Бѣлинскаго, сложившимися отчасти подъ вліяніемъ философіи Фихте и Шеллинга. Спрашивается, откуда эти новыя эстетическія вѣянія, столь мало согласныя съ усвоеннымъ ранѣе ученіемъ о прекрасномъ въ искусствѣ? Изслѣдователи развитія мысли Бѣлинскаго очень правдоподобно объясняютъ эту кажущуюся странной перемѣну не чѣмъ инымъ, какъ до извѣстной степени вліяніемъ произведеній Гоголя. [2]) Природное могучее художественное чутье сразу угадало въ авторѣ „Вечеровъ на хуторѣ" необыкновенное литературное дарованіе и, быть можетъ, безсознательно для самого критика, способствовало выработкѣ эстетическихъ понятій на основаніи произведеній молодого писателя. Такимъ образомъ, будетъ, кажется, вполнѣ вѣроятнымъ предположить, что Гоголю отчасти обязанъ Бѣлинскій тѣми своими эстетическими взглядами, которые впослѣдствіи послужили для него точкой опоры въ оцѣнкѣ творчества этого писателя.

Эта оцѣнка въ разсматриваемой статьѣ сводится къ слѣдующему. Гоголь, несомнѣнно, поэтъ жизни дѣйствительной. Сказывается это въ общемъ оригинальномъ характерѣ его повѣстей, отличающихся „простотою

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, изд. 2-е. М. 1861 г., т. I, с. 100—1.

[2]) Срав. Ивановъ, Исторія русской критики, т. 4, с. 109—110.

вымысла, совершенной истиной жизни, народностью“[1]). На каждомъ изъ этихъ свойствъ разбираемыхъ повѣстей Бѣлинскій останавливается затѣмъ болѣе подробно, ссылаясь на отдѣльныя мѣста „Вечеровъ на хуторѣ“, „Миргорода“ и „Арабесокъ“. Кромѣ того, онъ подробно говоритъ о вполнѣ оригинальномъ характерѣ творчества Гоголя. Оригинальность эту онъ видитъ „въ комическомъ воодушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ грусти“ [2]), т. е. въ юморѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ несомнѣнный ростъ таланта Гоголя, сказавшійся въ „Арабескахъ“ и „Миргородѣ“ сравнительно съ „Вечерами на хуторѣ“: „въ нихъ меньше упоенія, лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни“ [3]). Эта мысль опять таки доказывается анализомъ отдѣльныхъ произведеній изъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“. Общія заключенія о мѣстѣ, занимаемомъ Гоголемъ въ ряду другихъ русскихъ писателей, очень рѣшительны: „онъ является главой литературы, главой поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ“ [4]).

Такова въ сжатомъ изложеніи сущность первой статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ. Передавая ея содержаніе, мы обошли молчаніемъ ту часть ея, гдѣ авторъ дѣлаетъ довольно полный обзоръ развитія русской повѣсти отъ Карамзина до Гоголя съ цѣлью показать, что до появленія въ свѣтъ произведеній разбираемаго писателя у насъ еще не было художественной повѣсти. Этотъ обзоръ, самъ по себѣ очень любопытный, не имѣетъ однако важнаго значенія при опредѣленіи интересующей насъ стороны статьи Бѣлинскаго.

Изъ сказаннаго только что о ней не трудно видѣть, что знаменитый критикъ первоначально видѣлъ въ Гоголѣ только необыкновеннаго художника слова и цѣнилъ его повѣсти только какъ образцовыя въ этомъ отношеніи произведенія. Общественнаго значенія „Арабесокъ“ и „Миргорода“ онъ въ это время еще и не подозрѣвалъ.

Такая односторонняя точка зрѣнія на повѣсти Гоголя у будущаго знаменитаго русскаго критика вполнѣ понятна: въ это время подъ вліяніемъ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій и лекцій Надеждина онъ смотрѣлъ на изящную словесность исключительно съ точки зрѣнія ея художествен-

[1]) Срав. Соч. Бѣлинскаго, изд. 2-е. М. 1861 г., т. 1, стр. 211.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 235.
[4]) Ibid., стр. 242.

ности и задачей русской критики считалъ „распространеніе въ своемъ отечествѣ извѣстныхъ основныхъ понятій объ изящномъ“ [1]).

Но если несомнѣнно, что Бѣлинскій слишкомъ односторонне взглянулъ на повѣсти Гоголя въ первой своей статьѣ, посвященной анализу его произведеній, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что все же его разборъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“ имѣетъ немаловажное значеніе въ дѣлѣ правильнаго пониманія современными читателями созданій Гоголя. Дѣло въ томъ, что художественный реализмъ былъ тогда еще очень мало знакомъ русскому обществу; не былъ онъ понятенъ и современной критикѣ. Русская повѣсть до Гоголя имѣла только такихъ представителей, какъ Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ,—авторы, произведенія которыхъ только въ очень незначительной степени примыкали по своему характеру къ художественному реализму. Только немногія отдѣльныя частности представлялись въ нихъ художественно-реальными, но эти частности не могли пробудить и развить въ читателяхъ литературнаго вкуса и истиннаго пониманія художественныхъ произведеній слова [2]). Что касается до Пушкина, то онъ изъ своихъ повѣстей до этого времени напечаталъ только „Повѣсти Бѣлкина“ (въ 1831 году) и „Пиковую даму“ (въ 1834 году), но онѣ, быть можетъ потому, что были пока единственными въ этомъ родѣ, не произвели особеннаго впечатлѣнія ни на читателей, ни на критику и не оказали первое время замѣтнаго вліянія въ литературѣ.

Наиболѣе выдающіеся критики того времени были въ большинствѣ случаевъ очень далеки отъ того, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ новые пріемы творчества, проявившіеся ярко впервые въ русской литературѣ въ повѣстяхъ Гоголя. Этихъ пріемовъ никоимъ образомъ не могъ понять, напр., Н. Полевой, одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ и образованныхъ литературныхъ критиковъ того времени, редакторъ „Московскаго Телеграфа“. Эстетическая доктрина Полевого была основана на анализѣ произведеній романтической поэзіи французской школы съ Викторомъ Гюго во главѣ. Конечно, для критика, въ глазахъ котораго идеаломъ искусства является „Notre Dame de Paris“ В. Гюго и тому подобныя произведенія съ различ-

[1]) Ibid., стр. 212.

[2]) Объ этихъ повѣстяхъ см. въ разбираемой статьѣ Бѣлинскаго, а также въ „Очеркахъ гоголевскаго періода рус. литер.“ Чернышевскаго, с. 13—15. Спб. 1892 г.

ными необычайными хитросплстеніями въ сюжетѣ, небывалыми характерами и положеніями, не могли быть понятны созданія художественно-реальнаго искусства. Еще менѣе могъ разъяснить читателямъ сущность творчества молодого писателя такой критикъ, какъ Сеньковскій (Баронъ Брамбеусъ), все критическое искусство котораго состояло въ томъ, чтобы, не говоря о внутренней сущности разбираемаго сочиненія, ограничиваться безусловной похвалой или порицаніемъ и дешевымъ остроуміемъ, болѣе умѣстнымъ въ устахъ уличнаго гаера, чѣмъ литературнаго критика, потѣшать невзыскательныхъ читателей. Нечего говорить о томъ, что Шевыревъ, въ критической дѣятельности котораго нѣтъ возможности условить какое-либо единое теоретическое основаніе, который поражаетъ читателя его статей удивительными несообразностями, менѣе всего могъ быть здравымъ цѣнителемъ и истолкователемъ новаго литературнаго направленія. Единственный, кто изъ предшественниковъ Бѣлинскаго содѣйствовалъ водворенію въ русской критикѣ здравыхъ эстетическихъ понятій и какъ бы пролагалъ дорогу новой литературной школѣ, былъ редакторъ „Телескопа“ Надеждинъ. Но онъ, какъ это справедливо замѣтилъ еще Чернышевскій въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“, появился слишкомъ рано и потому не могъ имѣть сколько-нибудь значительнаго вліянія на критику и публику.

Такимъ образомъ, первые шаги на литературномъ поприщѣ Гоголя были совершенной новостью по своему характеру не только для заурядnаго читателя, но и для литературной критики, совсѣмъ еще не выработавшей опредѣленной точки зрѣнія на реально-художественное творчество. Съ этой стороны первая критическая статья Бѣлинскаго о Гоголѣ была *необходима* для того, чтобы русскіе читатели могли сознательно отнестись къ творчеству этого писателя, насколько оно успѣло обнаружиться до этого времени. Достойно вниманія, что въ этой статьѣ Бѣлинскій, съ одной стороны, прямо и опредѣленно изложилъ ту эстетическую теорію, которая на долгое время послужила точкой опоры для оцѣнки реальныхъ произведеній искусства, а съ другой—на основаніи немногихъ данныхъ не усумнился назвать Гоголя главой новой литературной школы.

Разборъ Бѣлинскимъ повѣстей Гоголя былъ какъ нельзя болѣе кстати въ дѣлѣ правильнаго пониманія творчества этого писателя еще и потому, что съ выходомъ въ свѣтъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“ немногочисленные нападки на Гоголя, впервые раздавшіяся съ появленіемъ въ пе-

чатн „Вечеровъ на хуторѣ“, теперь въ значительной степени усилились. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ по поводу „Арабесокъ“ появилась статья Сеньковскаго, переполненная злобной ироніей по адресу автора съ рѣзкими нападеніями на него за „уродливость сужденій и слога“, за „тяжкіе грѣхи противъ вкуса, логики и простыхъ, обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ“; за „напыщенность фразъ, внутреннюю пустоту мысли, дисгармонію языка“. [1]) Въ этой статьѣ, послужившей какъ-бы увертюрой къ дальнѣйшему семнадцатилѣтнему глумленію надъ Гоголемъ, утверждалось, между прочимъ, что этотъ писатель надѣленъ талантомъ писать каррикатуры и „по роду своего дарованія могъ бы смѣшить (читателя) и писать хорошія сказки“. [2]) О „Повѣсти о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ“ критикъ былъ того мнѣнія, что она очень грязна, а въ „Віи“ не видѣлъ „ни конца, ни начала, ни идеи, ничего, кромѣ нѣсколькихъ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ“. [3]) Статья объ „Арабескахъ“ въ „Сѣверной пчелѣ“ повторила общія заключенія „Библіотеки для Чтенія“ о талантѣ Гоголя, а при разборѣ „Миргорода“ тотъ же журналъ недоумѣвалъ, зачѣмъ въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ „показывать намъ эти рубища, эти лохмотья... зачѣмъ рисовать заднюю картину двора жизни и человѣчества“. [4]) Даже Шевыревъ, котораго Гоголь просилъ дать отзывъ о его книгахъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, сдѣлавшій довольно много вѣрныхъ замѣчаній о нихъ, въ концѣ концовъ, все же не понялъ повѣстей, высказавъ мнѣніе, что лица, изображенныя Гоголемъ, едва ли существуютъ въ дѣйствительности, и что автору слѣдуетъ оставить изображеніе провинціи, а искать сюжетовъ для своего творчества „въ кругу такъ называемомъ образованномъ, въ нашей гостиной, среди модныхъ фраковъ и галстуховъ, подъ модными головными уборами“. [5]) Такъ что разборъ повѣстей Гоголя, написанный Бѣлинскимъ въ 1835-мъ году, былъ единственной статьей о творчествѣ этого писателя, которая если и не выясняла всего значенія новыхъ произведеній, совершенно обойдя молчаніемъ ихъ общественный смыслъ, то все же вполнѣ правильно оцѣнила

[1]) Срав. Зелинскій, Рус. крит. литерат. о произвед. Гоголя, I, с. 20.
[2]) Ib., с. 24.
[3]) Ib., с. 25.
[4]) Ib., с. 30.
[5]) Ib., с. 37.

ихъ съ художественной точки зрѣнія, что для того времени, если принять въ соображеніе указанное выше отношеніе къ Гоголю современныхъ критиковъ, было немаловажной задачей.

Въ 1836-мъ году былъ поставленъ на сценѣ и появился въ печати „Ревизоръ“ Гоголя. Извѣстно, какія шумныя похвалы и еще болѣе рѣзкія и крикливыя порицанія вызвала эта комедія и въ обществѣ и въ печати. Естественно было ожидать, что Бѣлинскій, вполнѣ утвердившійся въ это время въ качествѣ литературнаго критика въ Московскомъ „Телескопѣ“, попрежнему восхищавшійся Гоголемъ, напишетъ о новой пьесѣ обширную статью. Вѣдь, достоинства и успѣхъ „Ревизора“ не могли не вызвать у Бѣлинскаго чувства глубокой радости, уже по тому одному, что этимъ блестяще доказывалось высказанное имъ первымъ мнѣніе о томъ, что Гоголь является лучшимъ русскимъ писателемъ своего времени. Тѣмъ не менѣе, Бѣлинскій въ годъ выхода „Ревизора“ не обмолвился о немъ ни одной строчкой. Мы, къ сожалѣнію, имѣемъ очень скудныя данныя, касающіяся этого періода жизни знаменитаго критика, чтобы можно было на основаніи ихъ сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о причинахъ этого страннаго явленія. Быть можетъ, новые матеріалы о Бѣлинскомъ будутъ способствовать рѣшенію этого вопроса, но въ настоящее время на него приходится отвѣчать незнаніемъ.

Только болѣе, чѣмъ черезъ три года послѣ выхода въ свѣтъ „Ревизора“, мы находимъ у Бѣлинскаго разборъ этой комедіи. Разборъ этотъ не представляетъ однако самостоятельной статьи, а вставленъ въ большую работу о „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова [1]), появившемся въ печати вторымъ изданіемъ въ 1839 году. Цѣль статьи доказать, что безсмертная комедія Грибоѣдова не можетъ быть признана художественнымъ созданіемъ. Для этого онъ излагаетъ свои принципы оцѣнки драматическаго произведенія (основанные на философіи Гегеля) и затѣмъ разбираетъ довольно подробно комедію Гоголя въ эстетическомъ отношеніи Этотъ разборъ „Ревизора“ съ чисто художественной точки зрѣнія до настоящаго времени является одной изъ лучшихъ оцѣнокъ комедіи Гоголя въ этомъ отношеніи. Но и въ этомъ разборѣ, какъ и раньше, въ статьѣ о повѣстяхъ Гоголя,

[1]) Статья эта была напечатана въ первой книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1840 г.

Бѣлинскій касается только художественныхъ достоинствъ знаменитой комедіи и ни слова не говоритъ о ея общественномъ значеніи.

Но уже слѣдующая статья Бѣлинскаго о Гоголѣ, написанная послѣ выхода въ свѣтъ въ 1842 году „Мертвыхъ душъ", равно какъ рядъ другихъ статей о немъ носитъ совершенно другой характеръ. Чувствуется, будто Бѣлинскій прозрѣлъ, сталъ видѣть въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ не только ихъ художественное, но и общественное значеніе, которое въ его глазахъ едва-ли не болѣе цѣнно, чѣмъ и чисто эстетическое. Эта новая струя въ критической дѣятельности Бѣлинскаго играетъ, несомнѣнно, важную роль въ дѣлѣ истолкованія для русскаго читателя общаго значенія произведеній Гоголя, ибо именно теперь, съ начала сороковыхъ годовъ, мнѣнія Бѣлинскаго получаютъ большое распространеніе и оказываютъ сильное вліяніе на русское интеллигентное общество. Поворотъ въ общихъ убѣжденіяхъ Бѣлинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ его взглядахъ на произведенія художественнаго творчества достаточно полно выясненъ изслѣдователями его жизни и дѣятельности. Онъ совпадаетъ съ переѣздомъ его въ Петербургъ, въ концѣ 30-хъ годовъ, но былъ подготовленъ еще въ Москвѣ горячими спорами съ Герценомъ. Поворотъ этотъ или, вѣрнѣе, переворотъ состоялъ въ томъ, что Бѣлинскій отвергъ такъ горячо исповѣдуемое имъ, особенно съ 1837-го года, преклоненіе передъ современной дѣйствительностью и сталъ самымъ горячимъ борцомъ противъ основныхъ устоевъ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ измѣнилъ и свои взгляды на поэзію. Набросавъ въ письмѣ къ Боткину въ концѣ 1841-го года тяжелую картину жизни столичной бѣдноты, онъ замѣчаетъ: „и послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забавляться въ искусствѣ?" [1]).

Эти слова показываютъ, что прежній взглядъ на искусство, какъ на нѣчто существующее само для себя и не омрачаемое „пѣснями земли", теперь уже оставленъ, ибо безнравственно погружаться въ область красоты, отрѣшаться отъ жизни, когда кругомъ царствуетъ непроглядный мракъ и страданіе. Вмѣсто этого у Бѣлинскаго постепенно вырабатывается взглядъ на искусство, какъ на могучее средство воздѣйствія на жизнь, какъ на орудіе борьбы за счастье и свободу человѣчества. Вслѣдствіе этого и при разборѣ литературныхъ произведеній онъ слѣдитъ не только за чисто художественными ихъ достоинствами и недостатками,

[1]) Пыпинъ, Бѣлинскій, 2, с. 126.

но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаетъ вопросъ и объ ихъ общественномъ значеніи. Съ этими новыми взглядами на искусство Бѣлинскій оставался до конца своихъ дней и только съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе цѣнилъ соціальный смыслъ поэтическихъ произведеній.

Подъ вліяніемъ ихъ измѣнилась, вѣрнѣе, значительно расширилась и дополнилась его точка зрѣнія на Гоголя. Бѣлинскій понялъ, какую огромную роль въ дѣлѣ пробужденія общественнаго самосознанія могутъ сыграть такія произведенія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“, а также и создаваемое Гоголемъ литературное направленіе. Вотъ почему онъ съ гораздо большей энергіей, чѣмъ прежде, отстаиваетъ своего любимаго писателя отъ нападокъ враждебно относящейся къ нему критики, а порою и отъ услужливыхъ друзей, и разъясняетъ читателямъ значеніе его дѣятельности. Въ этой защитѣ Гоголя Бѣлинскій выступаетъ передъ нами не только какъ выдающійся художественный критикъ, но и какъ честный гражданинъ своей родины, всей душой стремящійся содѣйствовать ея прогрессивному развитію.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о новой особенности въ анализѣ Бѣлинскимъ произведеній Гоголя, перейдемъ къ общему обзору и оцѣнкѣ его статей о „Мертвыхъ душахъ“.

Поэма Гоголя вызвала цѣлый рядъ статей Бѣлинскаго. Однако ни въ одной изъ нихъ нѣтъ сколько-нибудь полнаго разбора этого произведенія. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что появленіе „Мертвыхъ душъ“ было фактомъ настолько большой важности, такъ много пробуждало оно мыслей, имѣющихъ отношеніе къ общимъ вопросамъ литературы и ея развитія, что критикъ невольно отдавался не столько анализу этого произведенія, сколько стремился высказать тѣ идеи, которыя были вызваны самымъ фактомъ его появленія, равно какъ и отстоять его отъ всяческихъ ложныхъ толкованій. Когда вчитываешься теперь въ эти статьи Бѣлинскаго, которыя, пожалуй, могутъ разочаровать читателя, стремящагося найти въ нихъ болѣе или менѣе полный разборъ знаменитой поэмы, и принимаешь при этомъ въ соображеніе тогдашнее состояніе русской литературы, съ полной очевидностью убѣждаешься въ необходимости для прогрессивнаго роста и развитія новаго литературнаго направленія именно такого рода критики, какую далъ Бѣлинскій.

Первая его статья о „Мертвыхъ душахъ“ была вызвана появленіемъ въ свѣтъ этой поэмы въ 1842 году. Статья эта сравнительно небольшая,

около одного печатнаго листа, при чемъ о „Мертвыхъ душахъ“ говорится только на послѣднихъ 7—8 страницахъ, первая-же половина ея написана по поводу появленія въ свѣтъ знаменитаго творенія Гоголя.

Какою непритворною, гордою радостью проникнуты эти страницы! „Мертвыя души“, величайшее созданіе Гоголя, блестяще подтвердило ту мысль, которую Бѣлинскій смѣло высказалъ еще въ 1835 году, мысль о томъ, что Гоголь является главою русской литературы. Не мало ядовитыхъ замѣчаній посылаетъ Бѣлинскій въ началѣ своей статьи по адресу „уклончивыхъ“ критиковъ, которые въ началѣ смѣшивали съ грязью народившееся литературное свѣтило, а потомъ „сдѣлались жалкими его поклонниками“. „Но...—говоритъ Бѣлинскій,—всѣ знаютъ, кто первый оцѣнилъ на Руси Гоголя“ [1]). Переходя далѣе къ разбору новой поэмы, критикъ называетъ ее „твореніемъ чисто русскимъ, національнымъ, выхваченнымъ изъ тайника народной жизни..., безпощадно сдергивающимъ покровъ съ дѣйствительности и дышащимъ страстной, нервистой, кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни“ [2]). Отмѣтивъ затѣмъ высокую художественность новаго творенія, онъ ставитъ Гоголю въ величайшую заслугу „всеобъемлющую и гуманную субъективность..., ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому“, и которая, по мнѣнію критика, впервые проявилась въ „Мертвыхъ душахъ“ [3]). Тотъ, кто внимательно читалъ Гоголя, знаетъ, что эта субъективность вовсе не является особенностью исключительно „Мертвыхъ душъ“: она ясно сказывается въ его твореніяхъ, написанныхъ значительно раньше, какъ „Миргородъ“ и повѣсти изъ Петербургской жизни. Но, придерживаясь въ своей критикѣ исключительно узко-художественной точки зрѣнія, Бѣлинскій раньше не замѣчалъ этой особенности творчества Гоголя. Только теперь, когда онъ увидѣлъ въ искусствѣ одно изъ мощныхъ средствъ борьбы съ темными сторонами жизни, онъ сталъ цѣнить въ литературныхъ произведеніяхъ не только ихъ художественныя достоинства, но и то, въ какой степени они могутъ вліять на отношенія читателя къ современной дѣйствительности. Вотъ почему онъ такъ оттѣняетъ въ новомъ произведеніи Гоголя субъективный элементъ, который не позволитъ чут-

[1]) Соч. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова и Щепкина, М. 1860 г. т. 6, стр. 404.

[2]) Срав. Ibid., стр. 407.

[3]) Ibid.

кому читателю отнестись равнодушно къ изображаемой картинѣ жизни, а заставитъ его оцѣнить ее по достоинству. Въ этомъ впервые въ статьяхъ о Гоголѣ сказался новый поворотъ въ міровоззрѣніи Бѣлинскаго. Мы будемъ имѣть случай отмѣтить ниже, какъ сказался этотъ поворотъ на дальнѣйшихъ статьяхъ о нашемъ авторѣ.

Слѣдующая въ хронологическомъ порядкѣ статья по поводу „Мертвыхъ душъ" была написана Бѣлинскимъ по случаю выхода отдѣльной брошюрой работы К. Аксакова: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова, или мертвыя души", которую Аксаковъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ, когда Шевыревъ, видѣвшій ея слабыя стороны, отклонилъ печатаніе ея въ „Москвитянинѣ". Разборъ статьи Аксакова, не касаясь непосредственно „Мертвыхъ душъ", любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Бѣлинскій, при всемъ восторгѣ и преклоненіи передъ дѣятельностью Гоголя, не считалъ его однако міровымъ поэтомъ.

К. Аксаковъ сравнивалъ Гоголя съ Гомеромъ, ставилъ его въ ряду первоклассныхъ міровыхъ поэтовъ, утверждая, что только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ величайшей тайной искусства. Бѣлинскій, возражая Аксакову, доказываетъ, что у Гоголя и въ поминѣ нѣтъ „всемірно-историческаго духа, общаго для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержанія" [1]), что Гоголь „великій русскій поэтъ—не болѣе, „Мертвыя души" его—тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно великое значеніе". Тѣмъ не менѣе,—говоритъ Бѣлинскій,—значеніе Гоголя для Россіи болѣе значительно, чѣмъ Пушкина, хотя у послѣдняго есть не мало произведеній, достойныхъ названія міровыхъ. Это потому, что „Гоголь—поэтъ соціальный..." и „это самое и составляетъ его важность, его глубокое... и колоссальное значеніе для насъ—русскихъ" [2]). И здѣсь Бѣлинскій опять, какъ и въ первой статьѣ, отмѣчаетъ великое общественное значеніе дѣятельности любимаго писателя, но дѣлаетъ это гораздо болѣе опредѣленно: изъ приведенныхъ словъ его видно, что соціальное значеніе поэмы Гоголя въ его глазахъ играетъ большую роль, чѣмъ чисто художественное.

Статья Бѣлинскаго о брошюрѣ К. Аксакова вызвала отвѣтъ со стороны послѣдняго на страницахъ „Москвитянина". Бѣлинскій, въ свою очередь, отвѣчаетъ ему въ „Объясненіи на объясненія по поводу поэмы

[1]) Ibid., стр. 441.
[2]) Ibid., стр. 442.

Гоголя „Мертвыя души“. Въ этомъ отвѣтѣ Бѣлинскаго для насъ любопытны не столько его возраженія Аксакову, сколько тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ критикъ о „Мертвыхъ душахъ“. Замѣчанія эти отчасти являются развитіемъ мыслей, уже раньше высказанныхъ вообще о творчествѣ Гоголя и его послѣднемъ созданіи, отчасти представляютъ собою нѣчто новое и въ высокой степени замѣчательное. Бѣлинскій со своимъ поразительнымъ критическимъ чутьемъ предугадалъ тотъ духовный переворотъ въ Гоголѣ, слѣдствіемъ котораго была его „Переписка съ друзьями“. Замѣчаніе Гоголя въ „Мертвыхъ душахъ“ о томъ, что, быть можетъ, въ этомъ-же самомъ произведеніи „почуются иныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа“, вызываетъ тревожныя мысли у критика. „Много, слишкомъ много обѣщано,—говоритъ по этому поводу Бѣлинскій,—такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ. Намъ какъ-то страшно, чтобы первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинной трагедіей, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими, по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ“ [1]). Вѣрный поклонникъ художественнаго реализма, Бѣлинскій понималъ, что Гоголь погубитъ свое дарованіе, если вздумаетъ изображать положительные типы. Своимъ тонкимъ критическимъ чутьемъ онъ чуялъ, что въ душѣ любимаго писателя совершается еще мало опредѣлившаяся для него самого, но глубоко опасная для его творчества внутренняя работа, и высказалъ открыто свои опасенія. Послѣдующая разработка біографическихъ данныхъ объ авторѣ „Мертвыхъ душъ“ блестящимъ образомъ подтвердила справедливость опасеній Бѣлинскаго.

Въ разсматриваемомъ отвѣтѣ К. Аксакову обращаетъ на себя вниманіе и другое мѣсто, изъ котораго ясно видно, что Бѣлинскій теперь не удовлетворяется одними художественными достоинствами въ произведеніяхъ любимаго писателя, а жаждетъ найти въ нихъ возможно большую силу, способную воздѣйствовать на современную жизнь. По его мнѣнію, неистощимый запасъ непосредственнаго творчества много вредитъ Гоголю. Онъ, „такъ сказать, отводитъ ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться ихъ объективнымъ изображе-

[1]) Бѣлинскій, изд. Солдатенкова, М. 1860 г., т. 6, стр. 544.

ніемъ“ [1]). Въ этихъ словахъ прямо выраженъ упрекъ Гоголю за то, что онъ мало обнаруживаетъ свое личное отношеніе къ изображаемымъ явленіямъ. И въ этомъ случаѣ, думается намъ, сказалась геніальная прозорливость Бѣлинскаго, безсознательно чувствовавшаго, что Гоголь не осмыслилъ вполнѣ для себя должнымъ образомъ всѣхъ явленій русской жизни, геніальнымъ изобразителемъ которыхъ онъ явился. Стремленіе видѣть въ любимомъ писателѣ живой, сознательный откликъ на текущія явленія современности, чтобы тѣмъ сильнѣе воздѣйствовать на соціальную сторону этой современности, было настолько велико въ Бѣлинскомъ, что онъ предпочелъ-бы найти въ твореніяхъ Гоголя меньшую степень художественности, лишь-бы въ нихъ преобладала рефлексія.

Въ этой-же статьѣ Бѣлинскій высказываетъ, въ чемъ, по его мнѣнію, долженъ заключаться разборъ поэмы Гоголя. „Истинная критика „Мертвыхъ душъ“ должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствахъ Манилова, о неиспорченной русской натурѣ Селифана, о тройкѣ и телѣгѣ; нѣтъ, истинная критика должна раскрыть пафосъ поэмы, который состоитъ въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціональнымъ началомъ“ [2]). Такимъ образомъ, въ приведенныхъ строкахъ Бѣлинскій высказывается за необходимость для правильнаго пониманія „Мертвыхъ душъ“ такъ называемой публицистической критики, занимающейся анализомъ не столько художественной стороны разбираемаго произведенія, сколько тѣхъ явленій жизни, которыя нашли себѣ въ немъ отображеніе. Этотъ взглядъ на критику „Мертвыхъ душъ“, равно какъ и разсмотрѣнное только-что его желаніе видѣть въ послѣдующихъ частяхъ поэмы въ большей степени субъективный взглядъ автора на изображаемыя явленія, показываетъ, какое громадное значеніе придавалъ Бѣлинскій поэмѣ Гоголя въ общественномъ отношеніи.

Въ послѣдній разъ о „Мертвыхъ душахъ“ писалъ Бѣлинскій въ 1846 году, когда вышло второе изданіе этой поэмы. Это—небольшая библіографическая замѣтка, любопытная для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь Бѣлинскій уже въ опредѣленной и рѣзкой формѣ выражаетъ свое недовольство вполнѣ очевидной для него перемѣной въ настроеніи люби-

[1]) Ibid. стр. 550.

[2]) Ibid. стр. 554.

маго автора, сказавшейся какъ въ лирическихъ отступленіяхъ поэмы, такъ особенно въ предисловіи ко второму ея изданію. Лирическія отступленія онъ признаетъ важнымъ недостаткомъ „Мертвыхъ душъ“, ибо въ нихъ авторъ изъ поэта-художника силится стать какимъ-то проповѣдникомъ, глашатаемъ великихъ истинъ, „которыя, въ сущности, отзываются не чѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути, ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта.“ [1]) Сопоставленіе этого мѣста съ приведеннымъ нѣсколько раньше пожеланіемъ Бѣлинскаго, чтобы Гоголь болѣе опредѣленно проявлялъ свое отношеніе къ изображаемой жизни, помогаетъ уяснить мысль критика. Очевидно, этотъ субъективный элементъ долженъ выражаться, по мнѣнію Бѣлинскаго, не въ разглагольствованіяхъ автора по поводу нарисованной картины жизни, ибо это вноситъ дисгармонію въ художественное созданіе; онъ долженъ быть тѣмъ регулирующимъ началомъ, которое руководитъ писателемъ при выборѣ матеріала и созданіи художественныхъ образовъ. Что касается до предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ душъ“, которое, кстати сказать, вызвало въ критикѣ всеобщее осужденіе, то оно еще болѣе, чѣмъ лирическія отступленія, вызываетъ недовольство со стороны Бѣлинскаго. „Это предисловіе, по его словамъ, внушаетъ живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“; оно грозитъ русской литературѣ новой великой потерей прежде времени“. [2]) Такъ предугадалъ Бѣлинскій будущую судьбу Гоголя, какъ писателя.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія статьи, въ которыхъ Бѣлинскій разбираетъ тѣ или иныя произведенія Гоголя. Къ нимъ примыкаютъ, по основной идеѣ, также тѣ его статьи, въ которыхъ онъ, не разбирая отдѣльныхъ сочиненій Гоголя, отстаиваетъ его пріемы творчества и созданное имъ литературное направленіе отъ нападеній критики, разъясняетъ его смыслъ и значеніе для русской литературы и жизни. Изъ статей, въ которыхъ идетъ рѣчь о натуральной школѣ, наиболѣе представляетъ интереса „Отвѣтъ „Москвитянину“, напечатанный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1847 годъ, и „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“. Въ этихъ статьяхъ сгруппированы и дополнены тѣ возраженія и разъясненія, которыя выставлялъ Бѣлинскій противъ критиковъ, осуждавшихъ Гоголя и созданную или литературную школу.

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, М. 1861 г., т. 11, с. 69—70.
[2]) Ibid.

Въ наше время нерѣдко можно встрѣтить мысль о томъ, что сочиненія Гоголя при своемъ появленіи въ свѣтъ были встрѣчены восторгами современной критики, сразу оцѣнившей творчество новаго писателя. Такое мнѣніе однако не вполнѣ согласуется съ истиной. Въ сущности говоря, только одинъ Бѣлинскій, восхищаясь Гоголемъ, правильно истолковывалъ его творенія; что-же касается до огромнаго большинства другихъ современныхъ литературныхъ критиковъ, [1]) то одни изъ нихъ, превознося до небесъ новаго писателя, тѣмъ не менѣе не понимали его, какъ, напримѣръ, Шевыревъ и К. Аксаковъ, а другіе—и такихъ было не мало—съ каждымъ новымъ его произведеніемъ, особенно послѣ появленія въ печати „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ выливали на него цѣлые ушаты грязи. Въ числѣ ихъ были не только авторы небольшихъ газетныхъ замѣтокъ, но и наиболѣе извѣстные въ то время литераторы, работавшіе въ „толстыхъ“ журналахъ, какъ напримѣръ, Полевой и Сеньковскій. Первый изъ нихъ съ особенной силой обрушился на „Ревизора“ и на „Мертвыя души“. Знаменитая комедія Гоголя, по его мнѣнію, не болѣе, какъ пошлый фарсъ, въ которомъ „нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни опредѣленныхъ характеровъ, и написанный неправильнымъ языкомъ“. [2]) Что касается до „Мертвыхъ душъ“, то Полевой ставилъ ихъ еще болѣе низко. Не говоря уже о невозможномъ, съ его точки зрѣнія, языкѣ, которымъ написана эта поэма, онъ видѣлъ въ ней самое ничтожное, бѣдное содержаніе, отсутствіе оригинальности („Мертвыя души“ сколокъ съ „Ревизора“), грубую каррикатуру, которая мѣстами исполнена такихъ отвратительныхъ подробностей, такихъ грязныхъ мелочей, что читатель невольно отворачивается отъ нихъ. Не менѣе возмущало критика „Русскаго Вѣстника“ и то обстоятельство, что Гоголь поставилъ себѣ задачей рисовать исключительно картины житейской пошлости и грязи, что онъ не изобразилъ ни одного положительнаго типа, ни одного свѣтлаго лица, на которомъ могло-бы отдохнуть воображеніе читателя.

Но статьи Полевого, по крайней мѣрѣ, были оригинальны и написаны въ болѣе или менѣе приличномъ тонѣ. Сеньковскій, извѣстный редакторъ и авторъ многихъ статей „Библіотеки для Чтенія“, повторяя съ

[1]) Срав. Зелинскій, Рус. крит. лит. о произведеніяхъ Гоголя, т. I, с. 115—116.

[2]) Срав. Зелинскій, Рус. крит. лит. о произвед. Гоголя, т. I, с. 95 и сл.

различными варіантами мысли, высказанныя впервые о Гоголѣ Полевымъ, преподносилъ ихъ читателю въ такомъ видѣ, такъ пошло издѣвался надъ „Ревизоромъ“ и особенно „Мертвыми душами“, что даже Полевой, принципіальный врагъ Гоголя и созданнаго имъ направленія, находилъ ихъ грубыми и неприличными.

Славянофильская критика, нашедшая себѣ мѣсто въ „Москвитянинѣ“, если и не заняла прямо враждебной Гоголю и натуральной школѣ позиціи, то въ значительной степени приближалась къ ней, съ одной стороны, ложнымъ толкованіемъ и освѣщеніемъ произведеній самого Гоголя, а съ другой,—уже полнымъ непониманіемъ и даже враждой къ нѣкоторымъ особенностямъ созданнаго имъ направленія.

Съ этими возраженіями и нападеніями, которыя высказывались въ печати противъ Гоголя, какъ представителя новой литературной школы, и сводитъ счеты Бѣлинскій въ „Отвѣтѣ „Москвитянину“. Прежде всего, онъ разсматриваетъ наиболѣе часто посылаемые въ его время упреки Гоголю въ томъ, что онъ „рисуетъ грязь, представляетъ неумытую натуру и оскорбляетъ русское общество, находя въ немъ характеры низкіе и не противопоставляя имъ высокихъ“ [1]). Возражая на первое изъ этихъ обвиненій, Бѣлинскій доказываетъ, что „творчество, по своей сущности, требуетъ безусловной свободы въ выборѣ предметовъ...“ Художникъ „изобразилъ вамъ порокъ, развратъ, пошлость: судите, вѣрно-ли, хорошо-ли онъ сдѣлалъ это, а не толкуйте, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, а не другое, или вмѣстѣ съ этимъ не сдѣлалъ другого“ [2]). Что-же касается до того, будто Гоголь, рисуя только отрицательные типы, оскорбляетъ русское общество, будто читая его произведенія, каждый убѣдится, что въ Россіи нѣтъ порядочныхъ людей, то,—вполнѣ справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій,—такого рода заключенія могутъ сдѣлать только въ высшей степени наивные читатели, которые далѣе буквальнаго смысла книги ничего въ ней не видятъ, а такого рода цѣнители, конечно, не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при опредѣленіи значенія писателя [3]).

Такъ-же категорически и мѣтко опровергаетъ Бѣлинскій возраженія критики противъ натуральной школы, т. е. тѣхъ писателей, которые въ

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, М. 1861 г., т. 11, стр. 234.
[2]) Ibid.
[3]) Срав. ibid., стр. 238.

своемъ творчествѣ слѣдовали по пути, проложенному Гоголемъ. Возраженія эти отчасти были тѣ-же, что выставлялись противъ Гоголя, отчасти представляли собою дальнѣйшее ихъ развитіе. Такъ, напримѣръ, противъ сѣтованій о томъ, что, благодаря новому направленію, поэзія, которая прежде „поучала забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему картины пріятныя", теперь „изображаетъ людей всякаго званія, дѣлаетъ героями... мужиковъ, дворниковъ, извозчиковъ, описываетъ углы, убѣжища голодной нищеты и всяческой безнравственности", Бѣлинскій говоритъ: „въ сущности, эти жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль... зачѣмъ отказалась быть погремушкою" [1]).

Таковы въ сжатомъ видѣ нѣкоторыя основныя возраженія Бѣлинскаго противъ враговъ натуральной школы. Каждое изъ этихъ возраженій подробно развивалось и обосновывалось знаменитымъ критикомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ попутно онъ высказывалъ цѣлый рядъ другихъ соображеній въ защиту пріемовъ творчества Гоголя и его школы. Полемика на этой почвѣ только еще болѣе способствовала выясненію въ глазахъ русскихъ читателей значенія дѣятельности великаго юмориста и вмѣстѣ со статьями, посвященными непосредственно разбору его произведеній, содѣйствовала упроченію въ русской литературѣ художественно-реальнаго направленія.

Послѣ сдѣланнаго краткаго обзора дѣятельности Бѣлинскаго, какъ истолкователя Гоголя, не трудно понять, какую видную роль сыгралъ нашъ знаменитый критикъ въ дѣлѣ правильнаго пониманія и оцѣнки творчества автора „Мертвыхъ душъ". Онъ первый и, можно сказать, единственный изъ современныхъ Гоголю литературныхъ критиковъ вѣрно понялъ и истолковалъ значеніе его дѣятельности вначалѣ въ художественномъ, а потомъ и общественномъ отношеніи. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ разъяснялъ Бѣлинскій русскимъ читателямъ особенности и достоинства творчества Гоголя. Въ послѣдніе 5—6 лѣтъ своей жизни онъ неоднократно высказывалъ желаніе написать о Гоголѣ большую статью, которая должна была объединить и дополнить все, высказанное имъ въ различное время объ этомъ писателѣ. Конечно, нельзя искренно не пожалѣть о томъ, что срочная журнальная работа и преждевременная смерть помѣшали осуществленію

---

[1]) Срав. ibid., стр. 342—3.

этого намѣренія. Но уже и то, что написано Бѣлинскимъ о Гоголѣ, сослужило свою огромную службу русской литературѣ: взгляды Бѣлинскаго на дѣятельность, Гоголя, такъ горячо отстаиваемые имъ въ теченіе почти всей его критической дѣятельности, провели въ сознаніе русскаго общества правильную точку зрѣнія на творчество великаго юмориста.

Статьи его о Гоголѣ, гдѣ идетъ рѣчь о художественныхъ достоинствахъ его произведеній, до настоящаго времени не потеряли своего важнаго значенія, и въ наши дни, какъ въ моментъ своего появленія, могутъ служить будящимъ мысль пособіемъ при изученіи его литературной дѣятельности. Гораздо менѣе выяснятъ эти статьи для современнаго намъ читателя общественное значеніе творчества Гоголя.

Тяжелыя цензурныя условія, въ которыхъ приходилось работать Бѣлинскому, не дали ему возможности сколько-нибудь опредѣленно высказаться о значеніи литературной дѣятельности Гоголя въ дѣлѣ развитія общественнаго самосознанія; всякій разъ, когда ему приходилось касаться въ своихъ статьяхъ вопросовъ, сколько-нибудь выходящихъ за предѣлы чисто художественной критики, онъ принужденъ былъ ограничиваться незначительными намеками, говорить самыми общими фразами или же такъ называемымъ эзоповскимъ языкомъ. По современные читатели съ двухъ словъ понимали Бѣлинскаго, и его мысли о глубокомъ общественномъ смыслѣ литературной дѣятельности Гоголя находили себѣ самый сердечный откликъ и сочувствіе въ передовой русской интеллигенціи того времени. Позднѣе, когда Бѣлинскаго давно уже не было въ живыхъ, эта сторона творчества великаго русскаго юмориста нашла себѣ болѣе или менѣе полную оцѣнку въ русской критикѣ. Теперь ни для кого не тайна, какую великую роль сыгралъ Гоголь въ ростѣ русскаго общественнаго самосознанія, и читатель, установившій себѣ должную точку зрѣнія на значеніе его дѣятельности, пожалуй, можетъ остаться неудовлетвореннымъ при чтеніи о немъ статей Бѣлинскаго вслѣдствіе не достаточно полнаго выясненія въ нихъ роли Гоголя въ исторіи развитія русскаго общества. Но такой читатель не долженъ забывать, при какихъ условіяхъ приходилось писать Бѣлинскому, и въ какой мѣрѣ онъ могъ высказывать, повидимому, съ нашей точки зрѣнія, самыя безобидныя мысли, а съ другой стороны,—что именно Бѣлинскій первый указалъ на эту сторону дѣятельности Гоголя и, разъяснивъ современному обществу высокое художественное значеніе его произведеній и созданнаго имъ литературнаго на-

правленія, въ то же время указалъ и на великій смыслъ этихъ произведеній въ отношеніи общественномъ. Какъ заговорилъ-бы Бѣлинскій объ этой сторонѣ творчества Гоголя при другихъ условіяхъ положенія литературы въ Россіи, видно хотя бы изъ его знаменитаго письма къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями“. Тѣмъ не менѣе за Бѣлинскимъ все же остается огромная заслуга, какъ перваго истолкователя творчества того писателя, который, создавъ въ нашей литературѣ художественный реализмъ, своими дивными произведеніями, гдѣ въ „перлъ созданія“ возведены многія темныя стороны нашей родной дѣйствительности, мощно способствовалъ прогрессивному развитію русскаго общественнаго самосознанія.

Г. Александровскій.

Отдѣлъ V.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Світопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Прудъ въ Яновщинѣ (Васильевкѣ).

На родинѣ Гоголя[1].

I. Диканька.

Лѣто прошло и наступила осень 1831 года. На западѣ Россіи бушевало море возстанія, то затихая, то подымаясь съ новою страшною силою, а въ мірѣ литературномъ все еще продолжалось обычное для лѣта и переходной поры затишье, еще болѣе усиливаемое тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ лучшіе умы образованнаго общества были устремлены на западъ; всѣхъ занималъ роковой для того времени вопросъ: „Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ“? И въ то время какъ одни мечтали о сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, другіе были убѣждены въ несбыточности этихъ мечтаній и ждали рокового исхода.

Трудно и тяжело выступать въ такое время юному писателю: слишкомъ большой талантъ нуженъ для того, чтобы оживить, заставить встрепенуться общество, занятое иными интересами, иными вопросами. Но произошло нѣчто неожиданное: точно лучъ солнца, прорѣзывающій свинцовыя тучи и сообщающій радость и веселье всему окружающему, явилась книжка: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, въ которой веселый балагуръ, Рудый Панько, заговорилъ совершенно инымъ, чуждымъ тому времени языкомъ. Онъ переносилъ читателя изъ мрачнаго сѣвера въ благословенную Малороссію, знакомилъ его съ дьячкомъ Диканьской церкви, Ѳомою Григорьевичемъ, занимательнымъ разсказчикомъ, который ходитъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна цвѣта застуженнаго картофельнаго

[1]) Настоящая статья составлена изъ замѣтокъ, напечатанныхъ раньше въ „Кіевской Газетѣ“ 1901 г., но съ исправленіями и дополненіями (Прим. автора).

киселя, и, наконецъ, убѣдительно приглашаетъ всѣхъ къ себѣ на хуторъ близъ Диканьки, обѣщая угостить дынями, медомъ, пирогами, грушевымъ квасомъ и путрей съ молокомъ!

„Да, вотъ было и позабылъ самое главное—такъ говорилъ Рудый Панько—какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора; про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь!“ А между тѣмъ, можно сказать съ увѣренностью, что очень немногіе поинтересовались заглянуть въ этотъ счастливый уголокъ, но тѣ, кому удалось побывать въ немъ, на всю жизнь сохранятъ самыя лучшія воспоминанія, хотя бы взоръ ихъ ласкали впослѣдствіи швейцарскіе ландшафты, или поражали могучіе гиганты Кавказа.

Еще въ 1828 году, когда Пушкинъ подарилъ Россіи „Полтаву“, многіе съ упоеніемъ твердили страстныя признанья Маріи Кочубей. многіе съ жаромъ читали сцену въ темницѣ и повторяли слова Орлика: „Мы знаемъ: не единый кладъ тобой въ Диканькѣ укрываемъ“,—и воображеніе уносило читателя въ Малороссію, гдѣ звѣзды блистаютъ какъ-то особенно, гдѣ чарующая ночь вдохновляетъ самую черствую натуру, гдѣ на заснувшихъ прудахъ, окруженныхъ высокимъ камышемъ, спокойно расцвѣтаютъ бѣлыя водяныя лиліи, великолѣпныя королевы украинскихъ водъ... Сидишь на берегу пруда и ждешь: вотъ, вотъ раздвинутся камыши, и безумная Марія съ распущенными черными волосами, точно змѣи, ниспадающими по плечамъ, предстанетъ, освѣщенная луной... Но все тихо, лишь изрѣдка ночная птица своимъ пронзительнымъ, непріятнымъ крикомъ нарушитъ тишину ночи...

Какимъ раемъ представлялась Малороссія обитателямъ холоднаго, сырого и негостепріимнаго Петербурга! какъ всѣ душою стремились туда, какъ любили всѣ ее! Но любовь эта была чисто платоническая: идеализуя благословенную страну, каждый въ то время могъ воскликнуть подобно А. Толстому:

„Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ зеленыхъ рощахъ тонутъ хутора...

—и только.

Могли, впрочемъ, еще добавить, что въ томъ краю ранней весною изъ цвѣтовъ плететъ вѣнокъ чернобровая Маруся, да старый Грыцько норою затянетъ полную грустной поэзіи пѣсню про старину... Дальше этого не шли. Но прошло около трехъ лѣтъ, и новый міръ открылся читателю, міръ, полный поэтической фантазіи, трогательныхъ, грустныхъ и веселыхъ преданій на фонѣ роскошной украинской природы. То вдругъ передъ взоромъ читателя встаетъ козакъ-гуляка, играющій съ чертями и вѣдьмами „въ дурни", чтобы возвратить пропавшую грамоту, и невольно остановившься на этой своеобразной картинѣ, полной здороваго юмора. Это какая-то Вальпургіева ночь на украинской почвѣ! То рисуется иная картина, нѣжная, высокопоэтическая.

Что, покажется иному, значитъ Германъ и Доротея, въ сравненіи съ Левкомъ и Галею въ „Утопленницѣ?"...

„Посмотри, посмотри!"—говорила она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, завѣшенное внизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ. „Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая... Не правда-ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко?.. Что если бы у людей были крылья, какъ у птицъ,—туда бы полетѣть высоко-высоко... Ухъ, страшно. Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ, однакоже, что есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ свѣтлымъ праздникомъ"...

Въ этомъ наивномъ лепетѣ раскрывается поэтическая душа человѣка; въ этой попыткѣ объясненія тайнъ природы видна фантазія, способная создавать образы, какіе мы встрѣчаемъ въ греческой миѳологіи. Эти дивные образы разбудили общество и воскресили въ немъ чувство природы, а съ нимъ вмѣстѣ и чувство жизни; такъ щебетанье птички напоминаетъ узнику о родныхъ поляхъ, и онъ, позабывшій, что значитъ весна, родные поля и луга, разрываетъ цѣпи и стремится туда, въ тотъ край, о которомъ щебетала птичка.

Извѣстно, что природа является однимъ изъ важныхъ факторовъ въ народномъ творчествѣ и сообщаетъ колоритъ всей народной фантазіи: холодомъ вѣетъ отъ сказаній, рожденныхъ на сѣверѣ, и ароматъ теплой

ночи чувствуется въ разсказахъ Панька-Гоголя; созданные на хуторѣ, близъ Диканьки, эти послѣдніе отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, окружающую природу. Дѣло въ томъ, что не пустой произволъ руководилъ нашимъ писателемъ дать именно такое названіе своему сборнику. Диканька по многимъ причинамъ была очень хорошо извѣстна всему семейству Гоголей и, можетъ быть, не одинъ вечеръ пришлось провести нашему писателю подъ тѣнью вѣковыхъ дубовъ, слушая разсказы стариковъ-пасѣчниковъ, а то и самого дьячка Диканьской церкви. Вспомнимъ также, что имя Николай дано Гоголю въ честь чудотворнаго образа св. Николая, что въ великій постъ мать Гоголя часто пріѣзжала со своимъ семействомъ въ Диканьку говѣть. Все это придаетъ еще большій интересъ этому мѣсту.

Къ тому же минуло семьдесятъ лѣтъ со времени появленія „Вечеровъ“, и оканчивается пятидесятилѣтіе со дня смерти нашего великаго писателя. Образованная Россія готовится праздновать этотъ день такъ, такъ три года тому назадъ праздновала „Пушкинскіе дни“. Поэтому мы считаемъ возможнымъ подѣлиться съ читателями впечатлѣніями, вынесенными изъ посѣщенія украинскихъ уголковъ, такъ тѣсно связанныхъ съ именемъ нашего поэта, и первымъ изъ нихъ является Диканька.

Лѣто 1899 года я проводилъ въ одной малороссійской деревнѣ, подъ Полтавой. Я нашелъ себѣ товарища, естественника, и съ нимъ вмѣстѣ мы рѣшили совершать экскурсіи по Полтавщинѣ, онъ—съ цѣлью изучать флору, я—любоваться природой. Много прекрасныхъ мѣстъ пришлось намъ видѣть, много дивныхъ ночей пришлось намъ провести подъ открытымъ небомъ, но ночь въ Диканьскомъ лѣсу своей чарующей обстановкой обворожила меня; она раскрыла мнѣ тайну поэзіи малорусской природы, и я понялъ прелесть той ночи, которою восхищался Гоголь.

Солнце скрылось за лѣсомъ, когда мы подходили къ тріумфальнымъ воротамъ, стоящимъ у самой дороги, при входѣ въ Диканьскій лѣсъ. Оригинальное впечатлѣніе производитъ дорическій стиль воротъ на фонѣ малорусскаго ландшафта, да и дѣйствительно, трудно себѣ представить стройнаго Ахилла въ обществѣ удалого чубатаго запорожца; контрастное сочетаніе стилей заставило насъ остановиться на мгновеніе и отдаться первому впечатлѣнію. Четыре стройныхъ колонны съ аркой образуютъ одинъ главный и два боковыхъ входа, надъ которыми вдѣланы барельефы, съ изображеніемъ греческихъ тріумфальныхъ колесницъ; надъ главнымъ

входомъ надпись: „Въ память посѣщенія Его Величествомъ, Императоромъ Александромъ I, августа 3 дня, 1820 года". Вѣковые дубы протянули свои могучія вѣтви, точно стараясь скрыть отъ прохожаго ворота, и, образуя густо-зеленый фонъ, еще рѣзче выдѣляли бѣлизну колоннъ. По обыкновенію, все испещрено надписями самаго разнообразнаго характера: это посѣтители, почетные и непочетные, оставляли память о своемъ пребываніи въ Диканькѣ. Здѣсь есть и трогательныя фразы, въ родѣ: „Прощай, счастливый уголокъ, спасибо тебѣ, не забуду тебя до смерти" и т. д.; есть и стихи. Очень кстати чья-то, вѣроятно женская, рука нацарапала пятистишіе изъ Надсона:

„Путникъ, путникъ, ко мнѣ! Ты такъ долго страдалъ,—
Прочь-же черные призраки горя:
Я навѣю тебѣ лучезарные сны!
Отдохни на груди ароматной весны
Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!"

Мы тоже были путники, да къ тому же еще и усталые; „отозвавшись на зовъ наслажденья", мы прошли чрезъ ворота, и сразу насъ окутала какая-то таинственная темнота многовѣкового густого лѣса; сырость, оставшаяся послѣ недавняго дождя, еще не успѣла испариться, и въ воздухѣ носился острый запахъ лѣсныхъ грибовъ. Скоро дубы смѣнились стройными, высокими кленами, растущими по краямъ дороги. Мы узнали, что эта дорога ведетъ ко дворцу Кочубеевъ, а второй поворотъ влѣво приведетъ насъ къ церкви св. Николая [1]). Мы пошли по направленію къ церкви.

Вечерня уже отошла давно; странники и богомольцы группами расположились на полянѣ, передъ церковью, и, развязавъ свои сумки, совершали скромный ужинъ; размоченные въ водѣ черствые сухари, сухая тарань, да гречневыя лепешки—вотъ и вся ихъ убогая пища; всѣ ѣли медленно, тихо и даже какъ-то торжественно; лишь старики, шамкая и жуя беззубыми челюстями размоченный хлѣбъ, позволяли себѣ говорить полушопотомъ; у одной группы странникъ-попрошайка, обнаживъ свою плѣшивую голову и съ аппетитомъ закусывая хлѣбъ таранью, кости ко-

[1]) Дорога къ церкви св. Николая слыветъ подъ именемъ Николаевской, конечно, отъ храма въ честь св. Николая. Есть еще аллея Александровская, вѣроятно въ память посѣщенія Императоромъ Александромъ I.

торой только трещали на здоровыхъ зубахъ „Божьяго человѣка“, отрывисто, окающимъ говоромъ, повѣствовалъ „о нѣкоемъ чудѣ и знаменіи“. Старухи слушали его со вниманіемъ, уставя глаза на разсказчика и не переставая жевать хлѣбъ; старикъ вынулъ-было оправленную мѣдью люльку и кисетъ, намѣреваясь закурить, но, вѣроятно, вспомнивъ, гдѣ онъ находится, положилъ ихъ обратно, крякнулъ, перекрестился и, обернувшись лицомъ къ церкви, сталъ молиться. Дрожащія губы неслышно шептали слова молитвы, а руки машинально укладывали въ сумку хлѣбъ и остатки рыбы. Мы разостлали плащи и прилегли возлѣ этой группы.

Наше присутствіе было замѣчено; странникъ взглянулъ на насъ своими хитрыми глазами и понизилъ тонъ разсказа. Но до насъ всё-таки долетали слова его разсказа, изрѣдка прерываемаго вздохами и причитаніями слушателей.

А между тѣмъ незамѣтно наступала ночь, настоящая украинская ночь, которою восхищались въ свое время и Пушкинъ и Гоголь. Поляна, съ трехъ сторонъ окруженная старымъ густымъ лѣсомъ, была залита фосфорическимъ свѣтомъ луны; группы странниковъ, живописно расположившихся подъ открытымъ небомъ, выдѣлялись темными пятнами на почти бѣлой равнинѣ; церковь блистала бѣлизной своихъ стѣнъ и колоннъ, и золотой крестъ горѣлъ въ вышинѣ. Я сталъ созерцать эту чудную ночь. Луна вскорѣ скрылась за деревья; потемнѣло; въ кустахъ засвѣтлялись свѣтляки; ихъ волшебный свѣтъ то здѣсь, то тамъ мелькалъ въ лѣсной чащѣ... чу, полились какіе-то звуки... зазвенѣли тихо струны, сначала робко, потомъ смѣлѣе и громче... Да не сонъ ли это? нѣтъ, это дѣйствительность... Это бандуристъ; онъ настроилъ свою бандуру и задушевнымъ, горловымъ тенороmъ затянулъ печальный кантъ, сопровождая пѣніе аккомпаниментомъ на бандурѣ, созданной для глубокихъ, печальныхъ думъ, какими богата малорусская поэзія... „Про-о-славымо Никола-а-ая, Никола-а-я...“ дальше было трудно разобрать слова, да мы и не особенно слѣдили за ними...

Великолѣпіе всей обстановки поражало и вдохновляло: эта, уже темная, ночь съ переливающимися звѣздами; лѣсъ, страшный темный лѣсъ, протягивающій свои могучія руки-вѣтви... Это та ночь, которую Гоголь рисуетъ въ „Майской ночи“. Только видѣвшій, прочувствовавшій эту ночь можетъ описать ее, оттого-то описаніе ея у Гоголя такъ прекрасно... „Божественная ночь! Очаровательная ночь! Неподвижно, вдохновенно стали

лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя... Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ! Божественная ночь! Очаровательная ночь!"

Голоса стали понемногу стихать, только возлѣ бандуриста слышалось тихое пѣніе: нѣсколько голосовъ подтягивало старику. Гармоничное жужжанье подъ легкій переборъ звенящихъ струнъ успокоительно дѣйствовало на душу. Лишь изрѣдка сильное похрапыванье разрушало иллюзію: это „Божій человѣкъ", подложивъ подъ шею небольшую сумку и закинувъ назадъ голову, безмятежно спалъ. Для него не существовало поэзіи...

Близилось къ разсвѣту, когда мы вздремнули; но когда мы проснулись, солнце было высоко, и возлѣ насъ было пусто. Всѣ ушли...

Цѣлый день мы посвятили осмотру достопримѣчательностей Диканьки и первымъ долгомъ осматривали церковь, внутренность которой поразила насъ серьезностью общаго тона; это не была обыкновенная деревенская свѣтленькая церковь: стѣны расписаны хорошо и, вѣроятно, въ недавнее время; иконостасъ темно-коричневый орѣховый съ золотомъ; справа находится чудотворный образъ св. Николая, въ серебряномъ окладѣ; передъ нимъ множество лампадъ и свѣчей.

Этотъ образъ имѣетъ прямое отношеніе къ Н. В. Гоголю, и мы приведемъ слова Кулиша по этому поводу: „Можетъ быть, будущему біографу Гоголя будетъ полезно знать, для какихъ-нибудь соображеній, что мать Гоголя имѣла двоихъ дѣтей до его рожденія, но они являлись на свѣтъ мертвыми. Поэтому, въ ожиданіи новыхъ родовъ, она переѣхала въ Сорочинцы, гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій. Между прочимъ она дала обѣтъ, если родится у нея сынъ, наименовать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Родители Гоголя просили священника с. Диканьки молиться до тѣхъ поръ, пока дадутъ ему знать о счастливомъ событіи и попросятъ отслужить благодарственный молебенъ".

Передъ образомъ лежали приношенія благочестивыхъ поселянъ: куски холста, полотенца, хлѣбъ и даже сахаръ.

Въ церкви-же, у стѣны направо, сооруженъ прекрасный кіотъ изъ чернаго и бѣлаго мрамора въ память одного изъ князей Кочубеевъ. Хоры находятся въ самомъ куполѣ и, благодаря прекрасному резонансу и пра-

вильно организованному небольшому хору, богослуженіе въ церкви производитъ вообще прекрасное впечатлѣніе...

Здѣсь же, при церкви, помѣщается усыпальница владѣльцевъ, заполненная роскошными вѣнками надъ мраморными плитами...

Съ кровли храма открывается прекрасный общій видъ на площадь, гдѣ мы провели ночь, на колокольню и простирающіяся за нею поля.

Послѣ осмотра церкви мы пришли къ знаменитому дубу—гиганту, которымъ заслуженно гордится Диканьскій лѣсъ; на краю лѣса, у самой Полтавской дороги, широко раскинувъ свои вѣтви, изъ которыхъ каждая стóитъ цѣлаго дерева, гордо и величественно стоитъ этотъ вѣчный дубъ—краса Украины.

Чтобы судить о его величинѣ, достаточно замѣтить, что на высотѣ человѣческаго роста окружность его равна $12^1/_2$ аршинамъ или четыремъ обхватамъ взрослаго человѣка. Этотъ вѣчный дубъ можетъ разсказать намъ многое: подъ тѣнью его вѣтвей, по мѣстному преданію, юная Марія, героиня Полтавы, слушала страстныя признанія старика Мазепы; дубъ слышалъ тихія лобзанья этой влюбленной пары, онъ одинъ былъ свидѣтелемъ этого рѣдкаго романа; но кто разгадаетъ, о чемъ шепчутъ его листья... Онъ, царь лѣсовъ, принималъ подъ свою тѣнь русскаго царя, Александра I, онъ видѣлъ нашего поэта, Н. В. Гоголя.

Долго мы любовались этимъ великолѣпнымъ дубомъ, его величественной, царственной красотой, но насъ ожидало еще многое, и мы поспѣшили ко дворцу. Студенческая шапка сослужила намъ службу, насъ допустили во дворецъ и показали достопримѣчательности. Мы имѣли возможность увидѣть много цѣнныхъ историческихъ предметовъ: фамильныя рукописи и евангеліе, рубаху, въ которой былъ казненъ Кочубей, и мн. др. Интересенъ разсказъ, будто жена одного священника, ожидая пріѣзда архіерея и не желая, чтобы его преосвященство смотрѣлъ на кровавыя пятна, рѣшила смыть ихъ; теперь, вмѣсто крови, видны лишь какія-то пятна... Когда солнце клонилось къ западу, мы, собравъ свои походныя принадлежности, вышли изъ воротъ, бросивъ послѣдній взглядъ на Диканьку, которая подарила намъ столько хорошихъ мгновеній. Прости, гордый лѣсъ, и ты, живописная поляна, и ты, красавецъ-дубъ! Какъ легко, какъ весело было у насъ на душѣ, и сколько дорогихъ образовъ проносилось въ воображеніи: вотъ дубъ, подъ дубомъ Панько, Ѳома Гри-

горьевичъ и пріѣзжій паничъ; а вотъ и вдохновенный Гоголь стоитъ, опершись спиною о стволъ развѣсистаго дуба, и глядитъ вдохновенными очами на всю эту группу... Да, поистинѣ это чудный, поэтическій уголокъ!

II. Яновщина-Васильевка.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ Диканьку, и вотъ мнѣ снова пришлось быть въ тѣхъ мѣстахъ; но на этотъ разъ не Диканька, со своими вѣковыми дубами привлекала меня, а Васильевка—родина Н. В. Гоголя, съ живописными прудами, съ заглохшимъ садомъ и живыми лицами, близко стоящими къ нашему поэту.

Есть такія лица и мѣстности, которыя должны быть извѣстны всякому образованному человѣку, и не знать ихъ можно прямо таки считать непозволительнымъ. Всѣмъ намъ дорого имя Пушкина, и неразрывно съ нимъ связано село Михайловское, съ небольшимъ домикомъ, въ которомъ онъ жилъ со своею нянею, съ безконечнымъ прудомъ и тремя соснами, стоящими на границѣ владѣній дѣдовскихъ. Мы повторяемъ описаніе этого уголка, припоминая выученное въ дѣтствѣ стихотвореніе „Опять на родинѣ“; но сколько написано воспоминаній, сколько извѣстно снимковъ, картинъ! Какъ талантливо воспроизвелъ знаменитый художникъ, оставившій слѣдъ въ русскомъ искусствѣ, Ге, одинъ изъ моментовъ жизни Пушкина въ Михайловскомъ! Благодаря всему этому оно стало для насъ чѣмъ-то близкимъ, роднымъ, какъ и самъ Пушкинъ.

Мы думаемъ что и все то, что такъ тѣсно связано съ именемъ Н. В. Гоголя, должно быть также близко сердцу тѣхъ, для кого дорого имя поэта. На этомъ основаніи мы желаемъ и здѣсь подѣлится съ читателями тѣми впечатлѣніями и воспоминаніями, какія вынесли мы изъ посѣщенія родины поэта, тѣмъ болѣе, что намъ удалось собрать много новаго и интереснаго касательно самого поэта и его отношеній къ окружающимъ.

Утромъ, 5-го іюля, мы съ преподавателемъ исторіи Полтавской гимназіи В. Л. Василевскимъ выѣхали изъ Полтавы на ст. Лысяки, [1]) чтобы оттуда на лошадяхъ отправиться въ Васильевку, находящуюся въ 20 верстахъ отъ станціи. Въ нашемъ воображеніи неясно еще представлялась

[1]) Теперь ст. Лысяки переименована въ Рѣшетиловку.

родина поэта, но какой-то особенный подъемъ духа чувствовался въ каждомъ изъ насъ: я думалъ о томъ, не мало-ли взято бумаги для замѣтокъ, а мой спутникъ—художникъ-любитель—хватитъ ли холста и красокъ для этюдовъ. Незамѣтно минули мы Абазовку—первую станцію отъ Полтавы, и также незамѣтно подъѣхали къ Лысякамъ. Тамъ мы наняли пароконный дребезжащій экипажъ, усѣлись и поѣхали. Дорога отъ Лысяковъ до Васильевки однообразна и непривлекательна: справа и слѣва тянутся безконечныя поля, положительно усѣянныя курганами и городищами. Это обыкновенная картина малорусской степи, подъ впечатлѣніемъ которой составилась извѣстная пѣсня: „Ой у поли могила зъ витромъ говорила“. Продолжительная засуха давала себя чувствовать: на выжженныхъ солнцемъ невспаханныхъ поляхъ, сбившись въ кучу, стояли овцы, понуривъ головы и отмахиваясь своими короткими хвостами отъ надоѣдливыхъ мухъ; то здѣсь, то тамъ проносился полевой смерчъ—вихрь, иногда набѣгая на насъ и окутывая пылью. Возница крестился, стараясь оградить себя отъ нечистой силы, и видимо былъ очень удрученъ.

Мы ѣхали молча. Дорога становилась скучною; лошаденки медленно плелись по дорогѣ, изнемогая отъ жары и мухъ; пыль густымъ облакомъ окружала нашъ экипажъ, лишая насъ возможности дышать чистымъ воздухомъ...

—„Далеко-ли до Васильевки?

—До Яновщины? А вотъ она зеленѣетъ,—сказалъ возница, указывая кнутомъ направо.

Въ самомъ дѣлѣ, Васильевка была близко; мы сдѣлали поворотъ направо, спустились къ плотинѣ, поднялись въ гору и въѣхали въ усадьбу г-жи Головни—сестры поэта, нынѣшней владѣлицы имѣнія Гоголей.

Васильевка (Яновщина) досталась по завѣщанію бабушки поэта, Татьяны Семеновны Гоголь-Яновской, урожденной Лизогубъ, Н. В. Гоголю съ сестрами, что видно изъ слѣдующаго отрывка, взятаго изъ имѣющагося у насъ подъ руками документа: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь: Я нижеподписавшаяся, находясь въ глубокой старости и слабости здоровья, ожидая ежедневно всеобщаго предѣла къ отходу въ вѣчность, и будучи въ здравомъ своемъ умѣ, твердой памяти, и въ доказательство неограниченной моей любви и привязанности къ дѣтямъ покойнаго моего сына, коллежскаго ассесора, Василія Афанасьевича Гоголь-Яновскаго, и моимъ внукамъ, и дабы сохранить между ними братскую любовь, миръ и

согласіе, и не произошли-бы между ними въ послѣдствіи времени какія-либо распри, или прошенія и самыя тяжбы въ мѣстахъ судебныхъ, роднымъ другъ съ другомъ имѣть весьма предосудительныя, заблаго-разсудила учинить слѣдующее:

1) Движимое и недвижимое имѣніе мое, оставшееся по наслѣдству отъ родителей моихъ, числящееся за мною и умершимъ сыномъ моимъ, полтавской губерніи, миргородскомъ и полтавскомъ повѣтахъ въ селѣ Васильевкѣ и м. Яреськахъ, состоящее по послѣдней ревизіи изъ ста тридцати семи душъ, со всѣми къ нимъ принадлежащими пахатными, сѣнокосными, лѣсными землями и со всѣми хозяйственными при немъ заведеніями симъ духовнымъ тестаментомъ записываю и завѣщаю въ вѣчное и потомственное владѣніе имъ внукамъ моимъ *Николаю*, Маріи, Аннѣ, Елизаветѣ, Татьянѣ и Ольгѣ-Гоголь-Яновскимъ, съ тѣмъ, что внукъ мой *Николай преимущественно передъ сестрами долженъ изъ всего сего имѣнія получить половину одинъ, сверхъ того новый домъ, къ нему принадлежащій садъ и лѣсъ, называемый Яворивщина*, прочее-же затѣмъ остальное движимое и недвижимое имущество поименованныя внучки мои должны подѣлить между собою по ровнымъ частямъ полюбовно, отнюдь не требуя на сей раздѣлъ посредства правительства“ [1]).

Изъ приведеннаго отрывка видно, что нашему писателю досталась большая часть недвижимаго имѣнія, съ домомъ, садомъ и лѣсомъ; но здѣсь же кстати мы напомнимъ, что Николай Васильевичъ отказался отъ своей части въ пользу сестеръ, да и вообще, онъ только въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ обращался къ роднымъ за помощью, и, по разсказамъ Ольги Васильевны, мать поэта всегда съ гордостью говорила о своемъ сынѣ, который самъ себѣ пробилъ дорогу и даже самъ часто помогалъ имъ совѣтами и деньгами. Послѣ смерти матери, Маріи Ивановны, и другихъ сестеръ, Васильевка досталась двумъ сестрамъ — Ольгѣ и Елизаветѣ (въ замужествѣ г-жѣ Головнѣ и г-жѣ Быковой). Въ настоящее время огромный поэтически-красивый прудъ, съ купающимися въ его струяхъ вѣтвями деревьевъ, составляетъ естественную границу между двумя усадьбами: Головни и Быкова. Новый домъ, о которомъ говорится въ завѣщаніи, пришелъ въ ветхость и разрушенъ; судя по сохранившимся фотографическимъ

[1]) Завѣщаніе въ полномъ видѣ напечатано въ отдѣлѣ матеріаловъ.

снимкамъ и по разсказамъ очевидцевъ, это былъ довольно большой, старинный помѣщичій домъ съ колоннами, балкономъ и верандами; предъ домомъ росли деревья и кусты, заднее крыльцо выходило въ садъ, а за садомъ тянулся прудъ, огромный, глубокій и рыбный; черезъ прудъ былъ перекинутъ мостъ, соединявшій обѣ стороны: „ту“ и „эту“. Конечно, очень жаль, что домъ не сохранился до нашихъ дней, тѣмъ болѣе, что въ немъ многое было сдѣлано по указаніямъ и даже рисункамъ поэта, какъ напримѣръ, венеціанскія окна, дверь съ цвѣтными стеклами и т. п.; но и безъ этого дома Васильевка представляетъ въ себѣ много интереснаго, связаннаго съ именемъ поэта.

На „этой“ сторонѣ живетъ Ольга Васильевна Головня (ур. Гоголь) со своимъ сыномъ Василіемъ Яковлевичемъ, видным земскимъ дѣятелемъ, и его семействомъ; на „той“ сторонѣ живетъ Николай Владимировичъ Быковъ, земскій начальникъ.

Насъ встрѣтила Ольга Васильевна—уже семидесятишести-лѣтняя старушка, съ добрымъ ласкающимъ взглядомъ. Мы сразу узнали. что передъ нами сестра поэта: въ чертахъ ея лица очень многое напоминаетъ ея великаго брата, какъ мы его знаемъ по портретамъ; признаться, какой-то неопредѣленный трепетъ овладѣлъ мною, когда я переступалъ порогъ и входилъ въ комнаты; со стѣнъ на меня смотрѣли старинные портреты родныхъ поэта, а посреди нихъ находился портретъ Н. В. Гоголя; хотѣлось поклониться поэту, какъ старому хозяину, его матери, бабушкѣ и сестрѣ—глядѣвшимъ на меня изъ своихъ потускнѣвшихъ золоченыхъ рамъ. Мы предупредили раньше о своемъ прибытіи и цѣли его, и теперь Ольга Васильевна лишь выразила свое удовольствіе по поводу того, что общество не забываетъ о ея великомъ братѣ и готовится праздновать его юбилей.

Тихо шла наша бесѣда за чайнымъ столомъ; мало по малу разговоръ зашелъ о предметахъ, связанныхъ съ именемъ поэта, а также о томъ, не сохранилось-ли какихъ воспоминаній о немъ и т. п. Не передавая подробно обо всѣхъ нашихъ разговорахъ, экскурсіяхъ, занятіяхъ, скажу только, что въ лицѣ самой Ольги Васильевны, равно какъ и въ лицѣ ея сына, Василія Яковлевича мы видѣли самыхъ любезныхъ, самыхъ предупредительныхъ хозяевъ, которымъ судьба опредѣлила быть ближайшими родственниками поэта; въ мое распоряженіе былъ предоставленъ семейный архивъ предковъ Гоголя, откуда я почерпнулъ много матеріаловъ, относящихся къ генеалогіи поэта,

къ перепискѣ съ интересными личностями: съ Кулишомъ, Шевыревымъ, Мартосомъ, Трощинскимъ и друг.

Часто тотъ или иной предметъ вызывалъ въ Ольгѣ Васильевнѣ цѣлый рядъ воспоминаній о братѣ, а такихъ предметовъ было много, потому-что въ Васильевкѣ протекли его дѣтскіе годы, здѣсь онъ проводилъ вакаціонное время въ ученическій періодъ, сюда онъ стремился изъ Петербурга и даже въ послѣдніе годы своей жизни онъ облегчалъ свою измученную и истерзанную сомнѣньями душу мирными буколическими занятіями: онъ разводилъ садъ, чистилъ дорожки, подрѣзывалъ деревья и т. п. Гоголь не любилъ симметрично и правильно размѣченныхъ дорожекъ или рядами посаженныхъ деревьевъ; садъ долженъ быть лабиринтомъ, въ которомъ трудно сразу оріентироваться. Высокіе серебристые тополи, посаженные поэтомъ, образуютъ чудный паркъ, особенно разросшійся надъ прудомъ. Не вѣрится прямо, что эти могучія толстыя деревья такъ сравнительно молоды, а между тѣмъ въ этомъ нѣтъ сомнѣнья: на мѣстѣ нынѣшняго парка на сторонѣ Быковыхъ нѣкогда было пустое мѣсто, которое стараньями поэта обращено въ садъ.

Интересно также, что, несмотря на то, что у матери Гоголя были крѣпостные люди, Гоголь не хотѣлъ пользоваться даровымъ трудомъ, а на свои средства нанималъ рабочихъ для работъ въ саду.

Чтобы избѣжать симметріи въ посадкѣ деревьевъ и сдѣлать будущій паркъ естественно красивымъ, Гоголь употреблялъ слѣдующій способъ: бралъ въ руки нѣсколько камней и бросалъ ихъ сразу; гдѣ падалъ камень, тамъ выкапывали яму для посадки дерева; этимъ какъ нельзя лучше достигалась цѣль. Кромѣ этого парка, въ Васильевкѣ есть еще рощица „Балабайка“, посаженная Гоголемъ на краю деревни, за церковью. Эта рощица имѣетъ видъ равнобедреннаго треугольника; въ народѣ она слыветъ подъ именемъ „Балабайки“; нѣкоторые-же видятъ въ ней форму гроба и этимъ желаютъ доказать, что Н. В. Гоголь, какъ-бы предчувствовалъ свою кончину и символически выразилъ свое предчувствіе въ формѣ рощицы. Дѣло-же объясняется просто: Гоголь насадилъ рядъ дубковъ, а для защиты ихъ съ сѣверной стороны посадилъ нѣсколько рядовъ другихъ, быстро растущихъ деревьевъ; дубки всѣ повысохли, а другія деревца принялись и обратились въ хорошенькую рощицу.

Есть еще одинъ предметъ въ Васильевкѣ, возбуждающій толки и догадки самаго разнообразнаго характера—это земляной холмъ, насыпан-

ный по желанію Н. В. Гоголя въ разведенномъ имъ саду „на той сторонѣ“ (въ нынѣшней усадьбѣ г. Быкова). Самъ по себѣ холмъ не представляетъ ничего особеннаго: это обыкновенная земляная насыпь, въ формѣ небольшого кургана; на вершинѣ его теперь растутъ кусты лозы; но интересно его происхожденіе. Въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній своей родины нашъ поэтъ приказалъ рабочимъ копать землю и сносить ее въ одно мѣсто, чтобы образовался холмъ, съ котораго видна была-бы усадьба Черныша [1]).

Когда поэта спрашивали, зачѣмъ онъ насыпаетъ этотъ холмъ, онъ, говорятъ, отвѣтилъ: „когда-нибудь люди будутъ мнѣ очень благодарны за это“. Какъ ни старались разгадать смыслъ этихъ словъ, но никому ничего не удалось выяснить. Это было въ послѣдніе годы жизни Гоголя, когда душою поэта овладѣли какія-то неясныя сомнѣнія и стремленія; а послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть его дала поводъ къ различнымъ толкамъ. Одни говорили, что онъ чувствовалъ близость смерти и какъ-бы насыпалъ самъ себѣ могильный холмъ, у другихъ-же зарождалось сомнѣнье, не закопалъ ли онъ тамъ своихъ сочиненій, и намекъ на это они видѣли въ словахъ, сказанныхъ поэтомъ: „когда-нибудь люди будутъ мнѣ очень благодарны за это“...

Такъ или иначе, но холмъ этотъ является интересной загадкой для обывателей Васильевки; для насъ же этотъ эпизодъ является новой иллюстраціей къ тому неопредѣленному душевному состоянію, въ которомъ находился поэтъ въ послѣдніе годы своей жизни. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ составляетъ проэктъ постройки дома, рисуетъ планъ его, разводитъ садъ, насыпаетъ холмъ, мечтаетъ о постройкѣ мельницы и маслобойни, гдѣ-бы крестьяне могли имѣть заработокъ; также точно онъ мечтаетъ о созданіи новаго, великаго творенья, которое затмило-бы всѣ предшествующія сочиненія—будто онъ чувствовалъ въ самомъ дѣлѣ, что время дорого, что близокъ былъ конецъ его трудной жизни...

На основаніи разсказовъ Ольги Васильевны мы можемъ себѣ представить, какъ проводилъ время нашъ поэтъ у себя на родинѣ, какъ относился къ окружающимъ и какъ окружающіе относились къ нему. Что Гоголь не любилъ общества—это всѣмъ извѣстно; но какъ послушный сынъ,

[1]) Чернышъ—богатый въ то время помѣщикъ, сосѣдъ по имѣнію Гоголей, и хорошій ихъ знакомый. У его наслѣдниковъ въ настоящее время сохранился огромный неуклюжій старинный дормезъ, въ которомъ будто-бы ѣздилъ Гоголь.

онъ, говорятъ, выходилъ къ гостямъ лишь для того, чтобы не обидѣть своей матери; выйдетъ, бывало, покраснѣетъ, какъ красная дѣвица, и начнетъ по очереди обходить всѣхъ дамъ, прикладываясь къ ручкѣ каждой,— что было въ обычаѣ того времени. Обойдя всѣхъ сидѣвшихъ рядомъ дамъ, онъ уходилъ въ свою комнату, и затѣмъ его уже больше не видѣли. Но иногда происходило совсѣмъ иначе; однажды пріѣхала къ нимъ г-жа Б. и заявила, что прибыла съ цѣлью увидѣть поэта и поговорить съ нимъ; а поэтъ уже ложился спать, утомленный работой въ саду. Однако, услыхавъ о цѣли прибытія дамы, онъ всталъ, прифрантился и совершенно неожиданно для всѣхъ вышелъ въ гостинную. Познакомившись съ Б., Гоголь просидѣлъ съ нею за полночь, весело и оживленно болтая на разныя темы. Были, впрочемъ, и такія личности, которыя боялись его, какъ писателя-юмориста.

Многіе боялись попасть въ эту чудную кунсткамеру Гоголевскихъ типовъ, но лучшіе экземпляры не избѣжали такой участи, и въ произведеніяхъ Н. В. въ свое время можно было узнать много современниковъ. Не даромъ Полтава такъ недружелюбно относилась къ творцу Ревизора и Мертвыхъ душъ.

Особенно памятны были для сестры поэта послѣдніе годы его жизни. Послѣ поѣздки въ Іерусалимъ, онъ сталъ чаще навѣдываться въ родную деревеньку и иногда почти цѣлое лѣто проводилъ тамъ въ разнообразныхъ занятіяхъ, преимущественно заботясь о лучшемъ устройствѣ жизни своихъ родныхъ. Въ это время его интересуетъ въ особенности жизнь народная съ ея горестями и радостями, хотя умъ его былъ занятъ составленіемъ второй части Мертвыхъ душъ.

Трагическій конецъ, послѣдовавшій вскорѣ послѣ этихъ посѣщеній, еще болѣе усилилъ впечатлѣніе, какое производили они на родную семью, и каждый фактъ, даже и незначительный, остался навсегда въ ихъ памяти. Въ имѣющихся у насъ мемуарахъ Ольги Васильевны, которыхъ мы пока не можемъ напечатать, очень много мѣста отведено воспоминаніямъ именно объ этой порѣ, точно также и устные разсказы ея и тѣхъ немногихъ старожиловъ, какъ напр. Петра и Анастасіи Юрченковъ, служившихъ у Гоголя, относятся къ тому-же времени. Все это — и устные разсказы и мемуары—представляетъ очень интересный матеріалъ, которымъ мы пользуемся въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

9 мая 1848 года неожиданно для всѣхъ въѣхалъ въ помѣщичій дворъ, въ Васильевку, неуклюжій экипажъ, а изъ него выскочилъ запыленный и усталый путникъ—Николай Васильевичъ Гоголь... Онъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его видѣли въ послѣдній разъ. Его темнорусые волосы, съ нѣжнымъ золотистымъ отливомъ, ниспадали по плечамъ, на впалыхъ и блѣдныхъ щекахъ не видно было слѣдовъ прежняго румянца, и только глаза свѣтились какимъ-то тихимъ, ласкающимъ огнемъ, да на тонкихъ губахъ играла привѣтливая улыбка. Эта улыбка, по словамъ сестры поэта, какъ-то особенно дѣйствовала на всякаго человѣка: въ ней было много чего-то примиряющаго и прямо-таки неземного; она служила постоянно лучшей наградой для безкорыстно и самоотверженно служившей на пользу ближнему сестры поэта. Гоголь думалъ сдѣлать неожиданный сюрпризъ роднымъ, пріѣхавъ въ день своихъ имянинъ; онъ думалъ застать дома праздникъ, семейное торжество—но случилось совсѣмъ иначе: весна сулила голодъ, люди, несмотря на праздникъ, находились въ полѣ, уныло глядя на выжженныя непомѣрной жарой нивы. Не до имянинъ было, когда нѣтъ ни сѣна, ни хлѣба, ни надежды на урожай. И люди, и животныя уныло бродили по селу, какъ приговоренныя къ смерти. Слезы показались на глазахъ Гоголя, но онъ старался подавить въ себѣ печаль, вызванную картиной народнаго бѣдствія.

Впрочемъ, сейчасъ-же, по случаю его пріѣзда, велѣно было прекратить работы на поляхъ, и съ тѣхъ поръ 9 мая празднуется въ Васильевкѣ и по настоящее время.

Чтобы не стѣснять родныхъ и самому имѣть возможность предаться своимъ любимымъ занятіямъ, поэтъ поселился въ небольшомъ флигелѣ, стоявшемъ почти рядомъ съ домомъ, въ саду. Это былъ домикъ, въ три окна, съ небольшой верандой, поддерживаемой 4-мя деревянными колоннами.

Въ одной комнатѣ стояла кровать и конторка, передъ которой онъ занимался (Гоголь писалъ всегда стоя); убранство другой комнаты было такъ-же просто, какъ и первой: въ ней находился столъ, заваленный книгами, этажерка, диванъ, передъ которымъ стоялъ небольшой круглый столикъ, два кресла и ничего больше. Здѣсь онъ проводилъ лѣто въ занятіяхъ надъ „Мертвыми душами“. Онъ не любилъ никого впускать къ себѣ въ комнату и всякаго входившаго встрѣчалъ на порогѣ съ перомъ въ рукахъ; всѣ знали, что Гоголь не любитъ, когда къ нему являются, и старались не мѣшать ему; но онъ самъ по временамъ приходилъ въ домъ,

бесѣдовалъ съ сестрами и матерью о различныхъ вопросахъ, по преимуществу хозяйственныхъ. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ Гоголь отправлялся въ церковь. Тамъ онъ обратилъ вниманіе на то, что крестьяне запиваютъ Св. Причастіе водой, а не виномъ. Это было очень непріятно поэту; придя домой, онъ сталъ бесѣдовать о томъ, что можно было бы посылать крестьянамъ „на запивку“? Вино было дорого, пить наливку—неудобно; поэтому онъ рѣшилъ, что можно ставить въ церкви для этой цѣли хлѣбный квасъ. Такъ и сдѣлали.

Точно также ему было непріятно, что священникъ раздавалъ просфоры въ церкви только „панамъ“, крестьяне-же не получали ничего. Возвращаясь изъ церкви домой, онъ положилъ руку на плечо своей любимой сестры, Ольги Васильевны, и просилъ ее заботиться о томъ, чтобы къ каждому праздничному дню было испечено 25 просфоръ изъ бѣлой хорошей муки; эти просфоры она должна сама разрѣзать каждую на четыре части и отнести въ церковь для раздачи крестьянамъ. Для этой цѣли онъ тогда-же далъ 25 рублей и обѣщалъ высылать еще, когда понадобится.

Храня завѣты брата, Ольга Васильевна очень долго исполняла его желаніе, и только сравнительно въ недавнее время, занятая множествомъ иныхъ дѣлъ, она прекратила это доброе дѣло.

Гоголь понималъ, что лучшею книгой для народа служитъ библія и въ частности Евангеліе; въ нихъ крестьянинъ можетъ почерпнуть нравственную поддержку, по нимъ онъ научится стремиться къ добру и отстраняться отъ зла. Поэтому въ добромъ священникѣ онъ видѣлъ лучшаго руководителя и учителя общества. Однако, не всегда можно имѣть такого именно священника, и въ Васильевкѣ иногда бывали далеко не идеальные представители духовенства, что видно изъ имѣющагося у насъ прошенія матери Гоголя къ епископу о перемѣнѣ священника въ ихъ церкви Рождества Богородицы. Священникъ этотъ, Насвѣтовъ, съ сыномъ своимъ—діакономъ и зятемъ—пономаремъ Сутулинскимъ составили тріумвиратъ, который служилъ пагубнымъ примѣромъ для прихожанъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ прошеніи, интереснomъ въ бытовомъ отношеніи: „Священникъ и зять его имѣютъ слабость пить и отъ такой дурной жизни первой, т. е. священникъ, приближаетъ себя къ гробу и теперь насилу можетъ священнодѣйствовать; и другой священникъ моложе его, имѣя въ виду такой примѣръ, и самъ находится подъ этимъ вліяніемъ; но мнѣ кажется, что при другомъ хорошемъ священникѣ, онъ можетъ испра-

виться; а діаконъ позволилъ себѣ, стоя на клиросѣ, сказать нелѣпую проповѣдь и обидную для прихожанъ, услыша, что многіе винили его за сожженіе хлѣба бѣдному мужику за то, что онъ въ праздникъ, выпрося себѣ воловъ, перевезъ свой хлѣбъ, находящійся близъ дороги"...

Конечно, не такіе представители духовенства могли имѣть нравственно-просвѣщенное воздѣйствіе на крестьянъ и быть ихъ руководителями; чтобы хотя отчасти помочь этому горю, Гоголь просилъ священника читать въ церкви поученія, а также съ своей стороны, для ознакомленія народа съ церковной исторіей, раздавалъ имъ картины на библейскіе сюжеты, сопровождая это соотвѣтствующими объясненіями. Въ свободное послѣобѣденное время, когда всѣ собирались на верандѣ дома и занимались рукодѣльями или чтеніемъ, Гоголь бралъ въ руки палитру съ акварельными красками и раскрашивалъ яркими тонами картины, предназначенныя для раздачи народу. Въ нашемъ распоряженіи есть нѣсколько (8) такихъ картинъ, раскрашенныхъ самимъ поэтомъ; краски положены безъ особеннаго старанія и разнообразія; преобладаютъ синіе, коричневые и красные цвѣта. Вотъ, напримѣръ, такъ раскрашена картина „Іисусъ благословляетъ дѣтей": Іисусъ Христосъ сидитъ въ темно-синемъ хитонѣ и свѣтло-розовой рубахѣ, волосы свѣтло-коричневые; надъ головой ореолъ раскрашенъ сурикомъ; дѣти въ голубыхъ и розовыхъ рубашечкахъ, народъ въ темно-коричневыхъ хитонахъ. Тѣмъ не менѣе въ рукахъ народа такая картина уже имѣетъ больше смысла, чѣмъ сѣрая гравюра; они узнаютъ здѣсь Христа и святыхъ, потому что привыкли видѣть ихъ такими въ церкви. Что-же касается лично поэта, то онъ не выдѣлялся особенно ни набожностью, ни религіозностью среди своихъ родныхъ, проникнутыхъ съ самыхъ младенческихъ лѣтъ религіознымъ настроеніемъ и идеалами христіанской жизни. Лишь въ отношеніи соблюденія поста онъ держался нѣсколько иного взгляда, нежели его окружающіе; въ постные дни, когда въ деревняхъ готовились разнообразныя постныя блюда, различные винегреты и т. п., онъ даже иногда бывалъ недоволенъ: „какой же это постъ, когда всѣ объѣдаются еще хуже, чѣмъ въ обыкновенные дни?"—говорилъ онъ, отодвигая подальше блюдо, съ какою-нибудь заманчивой постной пищей; а самъ онъ дѣйствительно постился: утромъ выпивалъ стаканъ кофе со сливками, а днемъ съѣдалъ яблоко или грушу—и это составляло его дневное питаніе.

Конечно, здѣсь не могло быть ни лицемѣрія, ни рисовки, ни неискренности: онъ говорилъ и поступалъ согласно своему убѣжденію. Вообще онъ велъ въ деревнѣ жизнь скромную, трудовую, всѣмъ интересовался, ко всему присматривался, готовъ былъ служить всякому совѣтомъ и деньгами, насколько ему позволяли его скромныя средства; никто изъ окрестныхъ помѣщиковъ не зналъ его, какъ „великаго писателя“ со всѣми аттрибутами величія, а какъ скромнаго сосѣда, который добръ, милъ, обходителенъ, какъ и всѣ образованные лучшіе люди. Вставалъ онъ въ 6 часовъ утра, выпивалъ кофе и сейчасъ же становился у конторки за дѣло; до обѣда никто съ нимъ не видался; незадолго до обѣда онъ выходилъ въ садъ погулять, а въ часъ шелъ обѣдать; за обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ со своей любимой сестрой. Ольга Васильевна съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ. „Я стала примѣчать—пишетъ О. В. въ своихъ мемуарахъ—что онъ любитъ, то и приготовляла ему; за обѣдомъ я ставила передъ его приборомъ двѣ маленькія вазы съ вареньемъ, какое онъ любитъ; водку онъ просилъ настаивать на „бѣлой невхорощи“ (?) и говорилъ, что она очень полезна; за обѣдомъ я сидѣла возлѣ него: всякій разъ, когда онъ увидитъ, что поставлю что-нибудь его любимое, онъ съ улыбкой кивнетъ мнѣ головой своей (О. В. съ дѣтства плохо слышитъ, поэтому говорить съ нею можно только громко); бывало, когда увижу, что онъ ходитъ передъ обѣдомъ въ саду, я тотчасъ иду въ садъ, и онъ улыбкой встрѣчаетъ меня, и всякій разъ его улыбка меня въ восторгъ приводила, и я всячески старалась все дѣлать, что ему нравится“.

Переходя теперь къ воспоминаніямъ, рисующимъ отношенія Гоголя къ народу вообще, мы должны сказать нѣсколько словъ о быломъ положеніи крестьянъ въ Васильевкѣ, о тѣхъ взглядахъ на человѣка, которые установились у молодого поколѣнія Гоголей подъ вліяніемъ крѣпостного права. Судя по разсказамъ крестьянъ и по мелкимъ замѣчаніямъ, разбросаннымъ въ мемуарахъ сестры поэта, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что крестьянамъ въ Васильевкѣ жилось сравнительно хорошо. Въ преданіяхъ народа—этихъ вѣчныхъ скрижаляхъ, на которыхъ народъ запечатлѣваетъ наиболѣе грустныя страницы своей жизни—нѣтъ никакихъ упоминаній о жестокостяхъ помѣщиковъ. А между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ Полтавщины можно услышать о такихъ звѣрствахъ, передъ которыми блѣдиѣютъ дѣянія знаменитой Салтычихи. Памятенъ разсказъ одной ста-

рухи-няньки, у которой когда-то разсвирѣпѣвшая барыня велѣла вырѣзать со спины нѣсколько ремней; та-же старуха разсказывала, какъ однажды зимой, на зимняго Николу, съѣхалось къ помѣщицѣ много гостей. Пировали всю ночь. Въ огромныхъ залахъ было душно и жарко; домашніе музыканты безъ устали играли (они не имѣли права уставать), сама барыня плясала до упаду, до изнеможенія... И такъ они пировали и плясали до утра. А на дворѣ трещалъ морозъ, птицы замерзали на лету и „какъ галушки“ падали на бѣлый снѣгъ. Было уже совсѣмъ свѣтло, когда гости стали разъѣзжаться. Сонными глазами смотрѣли они на сады, окутанные бѣлымъ инеемъ, и никто не замѣтилъ какой-то странной человѣческой фигуры, стоявшей безъ движенія, босикомъ, въ одной рубахѣ, на снѣгу, опершись спиной о стѣну людской. Въ рукахъ у нея былъ чѣмъ-то наполненный печной горшокъ. Эта статуя была еще вчера живымъ существомъ. „Добрая барыня“ въ наказаніе за пересоленный бульонъ велѣла кухаркѣ раздѣться и босикомъ стоять на морозѣ, пока бульонъ не простынетъ. Бѣдная женщина безпрекословно повиновалась и, въ то время какъ какъ барыня, какъ вакханка, плясала, опьяненная виномъ,—она замерзала, руки ея коченѣли, чувства притупились, и умерла она такъ же тихо и безропотно, какъ провела всю свою тяжелую жизнь!

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ тяжелаго прошлаго; но къ чему подымать болѣе кровавую завѣсу, скрывающую дѣянія отшедшаго въ вѣчность крѣпостного права?

Ничего подобнаго не происходило въ Васильевкѣ; никто не помнитъ, чтобы у Гоголей даже примѣнялись тѣлесныя наказанія. Этотъ фактъ очень важенъ, и мы его подтвердимъ слѣдующимъ разсказомъ, переданнымъ Ольгою Васильевной. Онъ напоминаетъ намъ отчасти новеллу Мопассана, передѣланную Л. Толстымъ подъ заглавіемъ „Дорого стоитъ“. Одна дѣвушка въ чемъ-то провинилась, такъ что даже Василій Аѳанасьевичъ разгнѣвался и послалъ ее къ барынѣ, Маріѣ Ивановнѣ, чтобы она распорядилась ее высѣчь. Пришла дѣвушка къ барынѣ и говоритъ: „Барыня! сказали баринъ, чтобъ меня высѣкли“.—„Ну, такъ что-же я буду дѣлать? Пойди, спроси на конюшнѣ, не возьмется-ли кто-нибудь это сдѣлать“. Пошла дѣвушка на конюшню и воротилась ни съ чѣмъ. Никто не соглашался взять на себя роль палача... Нечего дѣлать: не посылать же къ сосѣдямъ за такимъ дѣломъ—подумала Марья Ивановна и отпустила горничную безъ наказанія. Болѣе всего преслѣдовались преступленія противъ нравствен-

ности; да это и понятно, потому что сами помѣщики были люди строгонравственные, передавшіе эту черту и нашему поэту; и въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ современныхъ имъ помѣщиковъ, во множествѣ совершавшихъ ужасныя преступленія подобнаго рода, которыя иногда всплывали на свѣтъ Божій во всей своей ужасающей грубо-циничной обстановкѣ.

Интересный разсказъ приведенъ у Ольги Васильевны, относящійся именно къ затронутому нами вопросу. Въ домѣ Гоголей, въ числѣ многихъ тетушекъ и бабушекъ, постоянно проживавшихъ у нихъ, была родная сестра Марьи Ивановны, вдова Екатерина Ивановна Ходаревская; между прочимъ она обладала хорошимъ голосомъ и часто пѣла своему племяннику Никошѣ по его просьбѣ малорусскія пѣсни. Однажды она стала замѣчать, что горничная ея Ѳекла по ночамъ съ кѣмъ-то за стѣной бесѣдуетъ.—„Векла! съ кѣмъ ты балакаешь?“ спросила она.— „Съ котикомъ сударыня“, отвѣчаетъ та. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ Ѳеклой случилось несчастіе... Екатерина Ивановна не безъ ироніи спросила ее: „Такъ це той котикъ, что ты съ нимъ балакала?“—И бѣдную грѣшницу отослали на черный дворъ, а на мѣсто ея взяли другую [1]).

Не удивительно, что тѣ немногіе старожилы, которые остались въ живыхъ, вспоминаютъ о прошломъ, какъ о лучшей, беззаботной порѣ, и настоящее положеніе для нихъ считается менѣе привлекательнымъ. Интересными являются старички Юрченки, служившіе у Гоголей въ качествѣ повара и горничной. Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонный ихъ возрастъ мѣшаетъ имъ подробно и ясно передавать воспоминанія, въ особенности касающіяся „добраго барина“, Николая Васильевича... Но одинъ изъ разсказовъ остался у меня въ памяти. Сидя на печи, не взирая на страшную жару и духоту, царившую въ избѣ, старикъ, откашливаясь и запинаясь, разсказывалъ о томъ, какъ они съ бариномъ Николаемъ Васильевичемъ ѣздили въ Кіевъ.

„Подъ Переяславомъ—говоритъ онъ—стали мы на отдыхъ. Отъ, баринъ Николай Васильевичъ и пошли подъ деревомъ посидѣть, а я поймалъ „курку“, тай сталъ варить юшку; когда юшка поспѣла, я и зову барина: пожалуйте, говорю, баринъ, Николай Васильевичъ, юшку кушать;

[1]) Отголосокъ этого слышится въ идилліи „Старосвѣтскіе помѣщики“.

они встали, тай пришли. Пришли, хлебнули ложки двѣ, а можетъ быть и три, тай кажутъ: кушай, кажутъ, самъ! —Отъ тебѣ, думаю, й разъ; варилъ, варилъ, старался, старался, а оно вотъ что вышло“.—Что-же, вѣроятно не вкусная была ваша юшка, спросилъ я.—„Гдѣ вамъ! чтобъ у меня да невкусная была, такъ воны (т. е. Гоголь) такой „ѣдунъ“ были, что избави Богъ: и то имъ нехорошо, и того имъ нельзя“. Мухи стали надоѣдать старику, и онъ перевелъ разговоръ на нихъ, а о прежнемъ уже и позабылъ.

Н. В. часто посѣщалъ крестьянъ, разспрашивалъ объ ихъ нуждахъ и горестяхъ и старался помогать имъ. Такъ однажды пошелъ онъ съ сестрой своей къ крестьянамъ; зашли въ первую избу; дома была только хозяйка, а всѣ остальные члены семьи работали въ полѣ; увидя гостей, крестьянка съ радостью встрѣтила ихъ и усадила за столъ, а сама стала суетиться возлѣ печи, желая угостить чѣмъ-либо дорогихъ гостей. Н. В. сталъ разговаривать съ нею. Бесѣда шла такъ просто, оживленно... „А мени сю ничъ прыснылось, що дви пташки влетилы въ мою хату, оцежъ воны, мои гостоньки дорогіе! чимъ же мени васъ приниматы, чимъ пригощаты“—весело и радостно говорила хозяйка. Гости отказывались отъ угощенія, но она успѣла приготовить яичницу и поставила на столъ, приглашая закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Чтобы не обидѣть ея, гости попробовали предложеннаго угощенія, поговорили и ушли, радостно провожаемые молодицей. Затѣмъ они еще зашли въ другую избу къ зажиточному крестьянину; у него было все чисто прибрано и сложено на мѣстѣ: на стѣнѣ висѣла одежда, на дворѣ въ порядкѣ лежали всякія хозяйственныя принадлежности—словомъ, видно было, что хозяинъ человѣкъ обстоятельный и работающій. Гоголь похвалилъ его за порядки и трудолюбіе и пошелъ дальше; но въ третьей избѣ было бѣдно и грязно; навстрѣчу имъ вышелъ немытый и нечесаный крестьянинъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на вошедшихъ; въ воздухѣ носился запахъ „горѣлки“... „Пойдемъ отсюда,—сказалъ Гоголь своей сестрѣ, и они быстро вышли. „Вотъ видишь-ли, кто работаетъ и старается, тотъ и живетъ по-человѣчески, а кто лѣнится, тотъ и бѣденъ, и голоденъ... Всѣ должны трудиться, таковъ законъ природы; и я тружусь, и ты, и всѣ сестры должны трудиться и дѣлать то, къ чему кто способенъ“... такъ говорилъ Гоголь, возвращаясь домой.

На слѣдующій день онъ попросилъ у матери, Марьи Ивановны, полъ-ведра наливки; велѣлъ испечь пироговъ съ сыромъ и пригласить всѣхъ крестьянъ, за исключеніемъ пьяницъ и лѣнивыхъ. Когда они собрались передъ крыльцомъ, онъ вышелъ къ нимъ, поздоровался и сказалъ: „Спасибо вамъ, добрые люди, что вы своими воликами хорошо землю вспахали моей матушкѣ; работайте, и Богъ васъ не оставитъ". Затѣмъ онъ подавалъ каждому стаканъ наливки и пирогъ; всѣ пили за здоровье его и Марьи Ивановны, обѣщая работать такъ же усердно, какъ и раньше; въ заключеніе онъ далъ каждому по два рубля и, простившись съ ними, ушелъ въ комнаты.

Въ другой разъ онъ далъ 150 рублей для покупки рабочаго скота для бѣднѣйшихъ крестьянъ, такъ какъ понималъ, что крестьянинъ безъ скотинки, какъ безъ рукъ. Одинъ старикъ-крестьянинъ, на наши разспросы о Николаѣ Васильевичѣ только могъ отвѣтить: „О, що то бувъ за панычъ добрый, Николай Васильевичъ, нехай его душенька царствуе! бувало мене малого роспытаютъ, що роблю, що обидаю; иноди пьятака давали, а разъ то подарувалы черевычки, таки легеньки, та крипкеньки; и довго я въ нихъ ходивъ; и людямъ тежъ багато помагали. Дай имъ Богъ царство небесное!" И старикъ снялъ шапку и перекрестился.

Вотъ приговоръ, который изрекаетъ народъ устами этого старика, одного изъ немногихъ современниковъ нашего поэта. Къ чему же спорить о томъ, былъ-ли Гоголь крѣпостникъ по убѣжденіямъ, или нѣтъ, когда эти мелкіе факты такъ краснорѣчиво говорятъ за себя. Мы говоримъ объ этомъ, имѣя въ виду ту бурю негодованія, какая была вызвана извѣстными „Выборными мѣстами изъ переписки съ друзьями" по вопросу объ отношеніяхъ Гоголя къ народу... Громъ разражался надъ головой поэта, а между тѣмъ онъ самъ готовъ былъ душу свою положить за друзей своихъ: онъ скорбѣлъ вмѣстѣ съ крестьянами по поводу неурожая и съ ними вмѣстѣ мозолилъ себѣ руки, вырывая изъ сухой земли колосья хлѣба, изрѣдка разбросанные на голодной нивѣ.

„Что-жъ дѣлать? — говорилъ онъ крестьянамъ: — это воля Божья, нужно трудиться, а за трудъ будетъ награда на небѣ!"

Если въ данныхъ воспоминаніяхъ почти ничего не говорится о Гоголѣ, какъ о писателѣ, то за то много говорится о немъ, какъ о человѣкѣ, а это тоже представляетъ немалый интересъ!.. На жизнь онъ смотрѣлъ, какъ на тернистый путь, въ которомъ болѣе сильный долженъ помогать

слабому. Этотъ идеалъ человѣка, приносящаго пользу ближнему, онъ съумѣлъ внушить своей сестрѣ, Ольгѣ Васильевнѣ, о которой мы скажемъ нѣсколько ниже. Но здѣсь на память приходятъ мнѣ знаменательныя сцены, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ. Онѣ, я думаю, заслуживаютъ того, чтобы о нихъ упомянуть.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что Ольга Васильевна занимается лѣченіемъ людей, и что идея этого занятія внушена ей братомъ, съ которымъ вмѣстѣ они читали лѣчебники, собирали травы и т. п.

День уже близился къ концу... На верандѣ сервированъ чай и кофе; всѣ домашніе сидятъ за столомъ и пьютъ; нѣтъ лишь самой хозяйки: она возлѣ своего аптечнаго шкафа принимаетъ больныхъ. Трудно понимать языкъ крестьянъ, какимъ они объясняютъ свои болѣзни; нужна большая опытность и сообразительность. „Что у тебя такое? — спрашиваетъ тихо О. В...—„Все у меня болитъ: и тутъ и тутъ.... и въ серединѣ меня рѣжетъ и печетъ и „прямо ажъ ніякъ!“ говоритъ бѣдная крестьянка, сопровождая свои рѣчи выразительной жестикуляціей... „Ну, вотъ я дамъ тебѣ лѣкарства,—говоритъ О. В. и, открывъ свою аптечку, достаетъ оттуда необходимыя снадобья... Долго затѣмъ происходитъ толкованіе, какъ и когда принимать лѣкарство; все это говорится на простомъ, понятномъ ей языкѣ, чуждомъ всякой изысканности и лишнихъ украшеній... Крестьянка, отвѣсивъ поклонъ, уходитъ. Ольга Васильевна идетъ на веранду; на лицѣ видна усталость, да и не удивительно: сегодня пришлось ей принять около 50 больныхъ, среди которыхъ были и увѣчные и раненые по неосторожности топоромъ, и лихорадочные, и чахоточные... Но ужъ такой выпалъ въ тотъ разъ день: не успѣла О. В. сѣсть за столъ, какъ доложили, что опять пришли больные... Пришлось снова идти... Бѣдный крестьянинъ еле говорилъ; онъ былъ страшно худъ, волосы торчали щетиной, впалые глаза, окаймленные синевой, смотрѣли какъ-то тускло. Рядомъ съ нимъ стояла его жена и плакала, утирая слезы рукавомъ... „Ну, что скажешь, чоловиче? Что у тебя болитъ?“—„Да вотъ все сохну, да сохну, прямо однѣ жилы да кости остались, вотъ посмотрите“—и при этихъ словахъ онъ раскрылъ свою грудь, а затѣмъ вынулъ изъ рукава руку... Страшно было смотрѣть на этого страдальца, невольно вспомнились слова „печальника земли русской“, Некрасова:

„Вашему пахарю моченьки нѣтъ:
Руки, что вывели борозды эти,

Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,
Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ на соху налегая рукой,
Пахарь задумчиво шелъ полосой".

Съ такими ли силами поднимать мать сыру-землю, когда и самъ-то еле ходишь по ней! „Да уже вѣрно ему, барыня, помирать нужно; такъ ему всѣ и доктора сказали, что вылѣчить его нельзя"—со слезами говорила жена: „да вотъ мы прознали про васъ, что вы отъ всякой болѣзни можете помочь, да и пріѣхали къ вамъ... мы издалека,... мы нездѣшніе... только уже ради Бога, если ваша ласка, то помогите"—и опять покатились слезы.

А самъ больной тупо смотрѣлъ на нее, переминаясь съ ноги на ногу и застегивая кафтанъ своими непослушными пальцами.

—Давно ли ты боленъ?

—Да уже три года, если не больше.

—Что-жъ, вѣрно поднималъ что-нибудь тяжелое и *порушился*[1])?

—Эге, барыня, поднималъ я *лантухъ* [2]) тяжелый, еле съ воза взвалилъ на плечи; а въ серединѣ что-то будто лопнуло... и съ тѣхъ поръ все хуже, да хуже... кашляю... вѣрно таки въ самомъ дѣлѣ помирать Богъ велѣлъ—съ какой-то дрожью закончилъ онъ.

—Ну, голубчикъ, чего тамъ умирать! У тебя поруха; я это тебѣ вылѣчу, въ три недѣли будешь здоровъ, у меня были уже такіе"... такъ-же спокойно и увѣренно сказала Ольга Васильевна и пошла доставать нужныя лѣкарства.

Въ глазахъ крестьянина блеснулъ какой-то свѣтъ...

Онъ вокругъ себя все время слышалъ только вздохи, да печальныя рѣчи; иногда даже въ глаза говорили, что ужъ придется ему помирать, что онъ не можетъ себя прокормить, что онъ дармоѣдъ—а тутъ ему сказали такъ увѣренно, такъ искренно, что у него еще впереди жизнь... онъ будетъ здоровъ, будетъ работать, кормить семью, какъ прежде... и радостно ему стало; давно не знавшее улыбки его лицо какъ-то жалобно искривилось, и онъ тихо спросилъ: „Такъ что я буду здоровъ? да? о, дай-же вамъ Богъ здоровья на много лѣтъ, да намъ бѣднымъ людямъ на пользу".

---

[1]) Подорвался.
[2]) Большой мѣшокъ.

„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ“, сказалъ нѣкогда Пушкинъ, и это изреченіе примѣнимо въ данномъ случаѣ. Если даже больного и не удастся спасти, то все же слова, сказанныя О. В., поддержатъ его въ послѣдніе дни; но можетъ быть тѣ народныя средства, которыми О. В. лечитъ „поруху“, приведутъ къ желанной цѣли; по крайней мѣрѣ бывали результаты самые блестящіе.

Вотъ въ какой дѣятельности О. В. провела около 50 лѣтъ. Много слезъ пришлось ей утереть за этотъ долгій промежутокъ времени, много горячихъ молитвъ возносили крестьяне за свою добрую барыню, и намъ остается лишь пожелать, чтобы побольше было такихъ искреннихъ служителей народныхъ [1])...

Вечеромъ, когда всѣ перешли въ комнаты, Ольга Васильевна, воодушевленная воспоминаніями о братѣ, сѣла за піанино и сыграла нѣсколько незатѣйливыхъ малорусскихъ пѣсенъ, которыя любилъ Николай Васильевичъ. А онъ самъ смотрѣлъ на насъ съ портрета своимъ тихимъ, ласкающимъ взоромъ!

Здѣсь же мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о самой Ольгѣ Васильевнѣ и отмѣтить главные моменты изъ ея жизни, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ сказалось вліяніе поэта. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Н. В. Гоголь какъ-то особенно нѣжно относился къ своей младшей сестрѣ и въ письмахъ часто говоритъ о ней, какъ о человѣкѣ, одаренномъ Богомъ особыми качествами: милосердіемъ и самоотверженной любовью къ ближнимъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ Шевыреву онъ пишетъ: „У меня есть одна сестра, которая воспиталась сама собой въ глуши. Языка иностраннаго она не знаетъ, но Богъ наградилъ ее чуднымъ даромъ лѣчить и тѣло и душу человѣка. Съ семнадцатилѣтняго возраста она отдала себя всю Богу и бѣднымъ и умерла для всякаго другого въ жизни. Она лѣчитъ съ необыкновенныхъ успѣхомъ всякими травами, которыхъ цѣлебное свойство открыла сама“ (изъ письма 1847 г. изъ Неаполя).

[1]) Г. Гиляровскій въ своемъ этюдѣ „Гоголевщина“ (Рус. М., янв. 1902), лишь вскользь упоминаетъ о родной сестрѣ поэта, считая „старшимъ въ родѣ Гоголя“ г. Быкова. Странно! Личность и дѣятельность О. В., такъ близко стоящей къ идеаламъ Н. Гоголя, настолько почтенна и замѣтна, что обходить ее въ данномъ случаѣ не слѣдовало-бы.

Світопечать С. В. Кульженко. Київъ.

Ольга Васильевна Головня
(ур. Гоголь).

Около же того времени въ письмѣ къ матери изъ Неаполя онъ говоритъ: „я бы очень хотѣлъ, чтобы вы меня хотя сколько-нибудъ умѣли любить любовью о Христѣ. Донынѣ мнѣ кажется, что одна только сестра Ольга начинаетъ меня любить такою любовью. Зато и радость наша при встрѣчѣ съ нею будетъ велика взаимно“ (Неаполь генв. 25 д. 1847 г.).

А въ одномъ изъ писемъ къ Ольгѣ Васильевнѣ поэтъ прямо говоритъ, что ему особенно пріятно писать къ ней, потому что она уже возлюбила Бога выше всего на свѣтѣ, и далѣе называетъ ее „точно“ своею сестрой.

Да и дѣйствительно, въ характерѣ Ольги Васильевны и до настоящаго времени сохранились черты, которыя рѣзко отличаютъ ее среди современныхъ, своекорыстныхъ людей. Образъ нѣжно любимаго брата всегда стоитъ передъ глазами ея и какъ-бы руководитъ ею во всѣхъ дѣлахъ.

Родилась О. В. 1825 г. 19 марта (ровно черезъ 16 лѣтъ послѣ поэта, который родился 19 марта 1809 года); она была въ семьѣ двѣнадцатой, поэтому рожденіе ея не составило особеннаго торжества, о чемъ она сама говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „конечно, какъ я была у матери двѣнадцатымъ ребенкомъ, то ей не было такой радости, какъ при рожденіи старшихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что отецъ мой былъ боленъ и не жилъ при ней, а въ Кибенцахъ (Кагарлыкѣ?) кіевской губерніи у министра Трощинскаго; тамъ онъ лѣчился, тамъ онъ и умеръ. Воображаю горе моей матери, когда черезъ двѣ недѣли послѣ родовъ привезли тѣло моего отца и похоронили въ оградѣ за церковью[1])... Что было съ нею, я не знаю, но, по разсказамъ, она была такъ убита, что ничего не хотѣла ѣсть и ей насильно разжимали зубы и вливали бульонъ. При ней находились ея отецъ и мать и ея любимая тетка, у которой она воспитывалась“... [2])

Такимъ образомъ уже съ первыхъ дней жизни надъ ея колыбелью слышались стоны и рыданья, которыя не прекращались долгое время. Да и вообще дѣтскіе годы О. В. были печальны: до пяти лѣтъ она не могла ходить, а съ этого времени она помнитъ свои первые шаги, когда ей при-

[1]) Могила отца Гоголя находится въ Васильевкѣ за церковью, тамъ же погребена и мать. На памятникѣ надпись: Василій Афанасьевичъ (род. 1777 и сконч. 1825 года) и супруга его Марья Ивановна (род. 1791 и скончалась 1868 г.) Гоголь. Миръ праху вашему.

[2]) Приведемъ имена всѣхъ дѣтей: Николай, Андрей, Дмитрій, Иванъ (послѣдніе трое умерли въ дѣтствѣ), Марія, Анна, опять Анна, Елизавета, Татьяна, Ольга; двое-же родились мертвыми.

ходилось держаться за стѣну и стулья, падать часто и больно, вызывая мало сочувствія у приставленной къ ней простой деревенской дѣвушки...

Дальнѣйшая жизнь шла однообразно, какъ обыкновенно протекали годы помѣщичьихъ дѣтей того времени, къ чему, впрочемъ, присоединилось одно непріятное обстоятельство, именно глухота, вслѣдствіе которой домашнее образованіе шло медленно; врѣзалось лишь въ память настойчивое изученіе грамоты: буки азъ-ба, вѣди азъ-ва и т. д., надъ которымъ трудились долго и малоуспѣшно. Кромѣ грамоты учили также языкамъ и музыкѣ, и у О. В. были замѣтны музыкальныя способности. Это послѣднее обстоятельство составляло едва-ли не единственную радость за всѣ дѣтскіе и юные годы... Вокругъ всѣ твердятъ о томъ, какой это несчастный ребенокъ, какъ ему суждено страдать всю жизнь, а ребенокъ старался забыться отъ этой гнетущей болтовни въ незатѣйливыхъ пьесахъ, какія удалось ей усвоить отъ учителя музыки, который самъ игралъ по слуху...

Уже минуло Ольгѣ Васильевнѣ 10 лѣтъ, когда пріѣхалъ изъ Петербурга Николай Васильевичъ, съ цѣлью взять свою меньшую сестру для опредѣленія въ институтъ; но этому не суждено было исполниться: оказалось, что, при своей глухотѣ, О. В. была также лишена способности запоминать прочитанное—что отняло у нея возможность быть опредѣленной въ институтъ. Интересенъ разсказъ самой О. В. о томъ, какъ поэтъ лично желалъ убѣдиться въ ея неспособности къ обученію наукамъ. Полагая, что старшія сестры говорятъ о неспособности своей меньшей сестры лишь для того, чтобы не заниматься съ нею, Гоголь самъ задалъ ей французскій урокъ, чтобы О. В. выучила его до обѣда... „До самаго обѣда учила я, не переставая, но когда братъ меня спросилъ—я не знала ни слова; онъ думалъ, что я лѣнюсь, и оставилъ меня безъ обѣда, но и къ вечернему чаю я знала только одно или два слова.

Послѣ этого братъ убѣдился, что у меня не было способностей къ наукамъ, и сказалъ матери: „Воспитывайте ее сами"... Вскорѣ послѣ этого Гоголь уѣхалъ, а О. В. осталась дома на попеченіи матери. Къ 16-ти лѣтамъ организмъ О. В. окрѣпъ, открылась память и музыкальныя способности развились еще болѣе. Она съ увлеченіемъ играла всякую пьесу, какая попадалась ей подъ руки, и даже впослѣдствіи Н. В. съ удовольствіемъ слушалъ ее, замѣчая, что она играетъ лучше другихъ сестеръ, обучавшихся въ институтѣ... Вообще Н. В. любилъ музыку, любилъ пѣніе, его душа была чутка ко всякому музыкальному звуку, и, слушая пьесу или

пѣсню, онъ уносился всѣмъ своимъ существомъ въ поэтическія грезы и мечтанья... Пригласитъ, бывало, старика-лирника, усадитъ его на крылечкѣ дома, угоститъ, накормитъ и попроситъ спѣть про старину... Плачетъ кобза, дрожитъ старческій голосъ пѣвца, а поэтъ слушаетъ его, опершись о перила, и рисуются передъ нимъ образы былого могучаго козачества... Но вдругъ старикъ обрываетъ свою думу на полусловѣ, крякнетъ и легкимъ перебором начнетъ „жартовливу“ пѣсню... да такъ ушкваритъ, что еле усидишь на мѣстѣ... Куда дѣлась старческая дряхлость, откуда взялся огонь въ очахъ, еще недавно тускло глядѣвшихъ изъ-подъ нависшихъ бровей!.. Этотъ-то контрастъ малорусской пѣсни особенно нравился поэту, и о немъ онъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ. А по вечерамъ Ольга Васильевна садилась за рояль, раскрывала „Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ“ и начинала играть. Н. В. былъ постояннымъ и внимательнымъ слушателемъ; иногда онъ подпѣвалъ тихимъ теноркомъ или-же, притопывая въ тактъ ногой, громко говорилъ сестрѣ: „живѣе, живѣе, громче, вотъ такъ, вотъ такъ!“ И послушные пальцы, бѣгая по клавишамъ, наигрывали „Метелыцю“, или какую-либо иную любимую пѣсню. А такихъ пѣсенъ было много, потому что всѣ онѣ близки были душѣ поэта. Не даромъ онъ съ такимъ энтузіазмомъ говоритъ о нихъ: „Моя радость! жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я роюсь, передъ этими звонкими живыми лѣтописями“... (Изъ письма Максимовичу 9 Ноября 1833 г.). Но, какъ истинный поборникъ труда и дѣятельности, онъ старался и другимъ внушить идею необходимости работать.

„Всякій человѣкъ долженъ быть полезенъ другимъ“—говорилъ онъ своей сестрѣ, и въ лицѣ Ольги Васильевны онъ нашелъ самую вѣрную послѣдовательницу его взглядовъ, вся жизнь которой основана на этомъ принципѣ. Гоголь съ удовольствіемъ узналъ, что его сестра посвятила свои досуги лѣченію людей; онъ просилъ ее приложить все стараніе къ этому дѣлу, присылалъ ей часто деньги, лѣчебники, а лѣтомъ, находясь въ Васильевкѣ, принималъ участіе въ собираніи травъ, кореньевъ и всякихъ растеній, полезныхъ въ медицинѣ.

Сохранился даже гербарій съ засушенными цвѣтами, тщательно собранный самимъ поэтомъ; на первой страницѣ написано „Дрокъ, когда бѣшеная собака укуситъ“. Точно также у Ольги Васильевны хранятся присланные поэтомъ лѣчебники, которыми отчасти руководствуется О. В. и въ

настоящее время... Интересно также, что мѣстные представители медицинскаго міра относятся сочувственно къ дѣятельности Ольги Васильевны, потому что О. В. всегда готова принять отъ нихъ тотъ или иной совѣтъ, воспользоваться тѣмъ или инымъ средствомъ, а главное, что сама она относится съ уваженіемъ къ ученымъ людямъ и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ всегда прибѣгаетъ къ совѣту и помощи врача.—Въ такой полезной дѣятельности прошли многіе годы, и всегда Н. В. служилъ большою матеріальной и нравственной поддержкой для своей сестры; но когда смерть унесла ея любимаго брата, а нашего любимаго поэта, то горю О. В. не было границъ... День и ночь она проводила въ молитвѣ, или за чтеніемъ Евангелія, которое, по завѣщанію брата, всегда находилось у нея на столѣ; многіе видѣли въ ней даже признаки меланхоліи, но поѣздка въ Кіевъ и горячая молитва, подкрѣпляемая высокой вѣрой, нѣсколько облегчила горе. Вскорѣ послѣ этого О. В. вышла замужъ за пожилого человѣка, Головню. Десять лѣтъ супружеской жизни были для О. В. большимъ свѣтлымъ явленіемъ на общемъ темномъ фонѣ: въ эти годы О. В. забыла о тяжеломъ для нея недостаткѣ—глухотѣ, такъ какъ мужъ ея старался говорить всегда громко, чтобы его слова были слышны Ольгѣ Васильевнѣ. Но смерть мужа снова повергла О. В. въ глубокую печаль, и только въ сынѣ своемъ она видѣла утѣшеніе... „Человѣкъ не можетъ жить безъ любви: я сперва любила брата всею душою; послѣ его смерти любовь свою я перенесла на мужа, а послѣ смерти мужа, я всю свою любовь перенесла на моего сына, Васю,“—такъ говоритъ Ольга Васильевна, забывая, что есть еще высшая любовь—любовь ко всѣмъ страдающимъ, измученнымъ, больнымъ, которой посвящена вся ея жизнь, „А нѣтъ на свѣтѣ больше той любви, когда человѣкъ полагаетъ свою душу за друзей своихъ“.

Такимъ образомъ, личность Ольги Васильевны, такъ тѣсно связанная съ именемъ ея великаго брата, для насъ дорога еще и потому, что въ ней осуществился идеалъ того человѣка, о которомъ мечталъ самъ Гоголь.

Въ заключеніе скажемъ о предметахъ, находящихся въ Васильевкѣ, и такъ или иначе связанныхъ съ именемъ поэта.

Слѣдуетъ замѣтить вообще, что такихъ предметовъ сравнительно немного: Гоголь жилъ по большей части внѣ своей родины, да и вообще онъ велъ жизнь кочевую, переселяясь изъ Петербурга въ Италію или Германію, заѣзжая по временамъ въ Москву и лишь изрѣдка посѣщая родной уголокъ. Въ этомъ-то и заключается причина, почему Гоголевскихъ ре-

ликвій такъ мало; но среди этихъ немногихъ заключаются предметы, въ высшей степени интересные по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ, свято хранимымъ въ родной семьѣ. Мы уже говорили о паркѣ, разведенномъ самимъ поэтомъ, о загадочномъ холмѣ, насыпанномъ въ саду, о рощицѣ возлѣ церкви— „балабайкѣ“; скажемъ еще, что тамъ-же въ саду есть любимая поэтомъ кленовая аллея, разросшіяся вѣтви которой, сплетаясь между собою, закрываютъ небо... При взглядѣ на широкіе кленовые листья, вспоминается характерное сравненіе, данное имъ нашимъ поэтомъ: лапы-листы... Вообще весь садъ и паркъ, при приближеніи къ нему со стороны Полтавы, представляетъ ту картину, которая такъ художественно набросана нашимъ поэтомъ въ „Мертвыхъ душахъ“. Этотъ садъ Плюшкина, „съ трепетнолистными куполами“, въ особенности красивъ въ осеннее время, когда природа въ послѣдній разъ одѣвается въ разноцвѣтный пестрый нарядъ, поражая взоры своими чудными сочетаньями. Не такъ ли и украинская дивчина передъ вѣнцомъ одѣваетъ красныя, зеленыя и желто-горячія ленты, пеструю плахту и красные черевики, чтобы черезъ два-три дня сбросить все это, со всею дѣвическою красою, съ радостями беззаботной и веселой юности... Придетъ зима, и отъ красы природы не останется и слѣда: лишь голыя вѣтви уныло качаются, колеблемыя холоднымъ вѣтромъ. Что подъ впечатлѣніемъ этого сада Гоголь описываетъ старый, заглохшій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, живописный въ своемъ картинномъ запустѣніи садъ Плюшкина, можно убѣдиться изъ того, что многіе еще помнятъ ту старую березу, лишенную верхушки, бѣлый колоссальный стволъ которой, по словамъ самого поэта, подымался изъ зеленой гущи, какъ правильная мраморная сверкающая колонна, которая составляла украшеніе Плюшкинскаго сада. Еще Кулишъ видѣлъ эту березу, и она живо ему напоминала то-же, о чемъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ о жизни Гоголя. Такимъ образомъ мы видимъ, какую роль играетъ родная природа въ художественныхъ картинахъ, созданныхъ перомъ поэта. Точно также и живописный прудъ отразился въ произведеніяхъ его: когда смотришь на эту гладкую поверхность воды, съ купающимися въ ней звѣздочками и царицей ночи—луною, съ нависшими густыми деревьями, бросающими какую-то таинственную тѣнь,—чувствуешь, что гдѣ-то, когда-то, еще въ дѣтствѣ ты видѣлъ эту картину, и она осталась у тебя въ памяти... Ассоціаціи вызываютъ одно представленіе за другимъ, и вотъ, наконецъ, встаетъ передъ глазами такая-же точно картина изъ „Майской ночи“... Да, это она: тѣ же воды, тѣ же деревья, и та же чарующая

таинственность! Да и откуда же, какъ не изъ родного уголка брать живыя, готовыя картины для поэтическихъ сказаній о родной-же Украинѣ! Италія прекрасна въ своемъ родѣ, а сырой Петербургъ не блещетъ красотами юга.

Въ новомъ домѣ, какъ память о поэтѣ, сохранилась дверь съ цвѣтными стеклами въ венеціанскомъ стилѣ, сдѣланная по рисунку самого Гоголя; [1]) тамъ-же находится конторка, на которой писалъ онъ 2-й томъ „Мертвыхъ душъ". Изъ предметовъ, принадлежавшихъ Гоголю, кромѣ довольно значительнаго количества книгъ, хранящихся отчасти у Головни, а отчасти у г. Быкова, едва-ли не самымъ интереснымъ являются часы. Это небольшіе открытые, съ платиновымъ циферблатомъ и длинной золотой цѣпочкой, золотые часы, хранящіеся у г. Быкова. Исторія этихъ часовъ очень интересна, и съ ними связано воспоминаніе о трехъ великихъ русскихъ поэтахъ, Пушкинѣ, Жуковскомъ и Гоголѣ; они какъ-бы объединяютъ этотъ тріумвиратъ, и могутъ фигурировать какъ интересный предметъ, связанный съ именемъ каждаго изъ этихъ поэтовъ...

Извѣстно, что Жуковскій имѣлъ большое нравственное вліяніе на Гоголя; онъ любилъ его, какъ любилъ и Пушкина, и въ отношеніяхъ ихъ замѣчается какое-то удивительно гармоничное единеніе, подобно отношеніямъ старика-отца къ взрослому и любимому сыну. Онъ любилъ веселость Гоголя, прощалъ его шутки, шалости, чѣмъ нашъ поэтъ иногда пользовался. Однажды—это было во Франкфуртѣ, весною 1838 г.—въ кабинетъ къ Жуковскому зашелъ Гоголь; тамъ, кромѣ Жуковскаго находился также графъ А. Толстой. Разговаривая со своимъ другомъ, Гоголь обратилъ вниманіе на карманные золотые часы съ цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ... —Чьи это часы?—спросилъ онъ. —Мои, отвѣчалъ Жуковскій.—Ахъ, часы Жуковскаго!.. Никогда съ ними не разстанусь! —и съ этими словами Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій долженъ былъ отказаться отъ своей собственности... [2]) А между тѣмъ эта вещь была очень дорога Жуковскому, какъ воспоминаніе о недавно погибшемъ его другѣ и нашемъ геніальномъ поэтѣ Пушкинѣ.

Жуковскій находился у постели умирающаго Пушкина; онъ былъ его утѣшителемъ въ послѣднія минуты жизни, онъ принялъ отъ него послѣднія

---

[1]) Одинъ изъ такихъ рисунковъ приложенъ къ настоящей книгѣ.

[2]) См. у Кулиша ч. I, стр. 231. Это сообщеніе подтверждается также мемуарами сестры Н. В. Гоголя—О. В. Головни, разсказъ которой мы дальше и излагаемъ.

слова и послѣдній вздохъ. Пушкинъ скончался на глазахъ Жуковскаго. Тогда поэтъ, которому суждено было слышать послѣднія слова этой ужасной трагедіи: „Жизнь кончена!“, взялъ со стола принадлежавшіе Пушкину часы, остановилъ ихъ на моментѣ смерти поэта и сохранилъ ихъ себѣ, какъ память о такомъ горестномъ и печальномъ событіи.

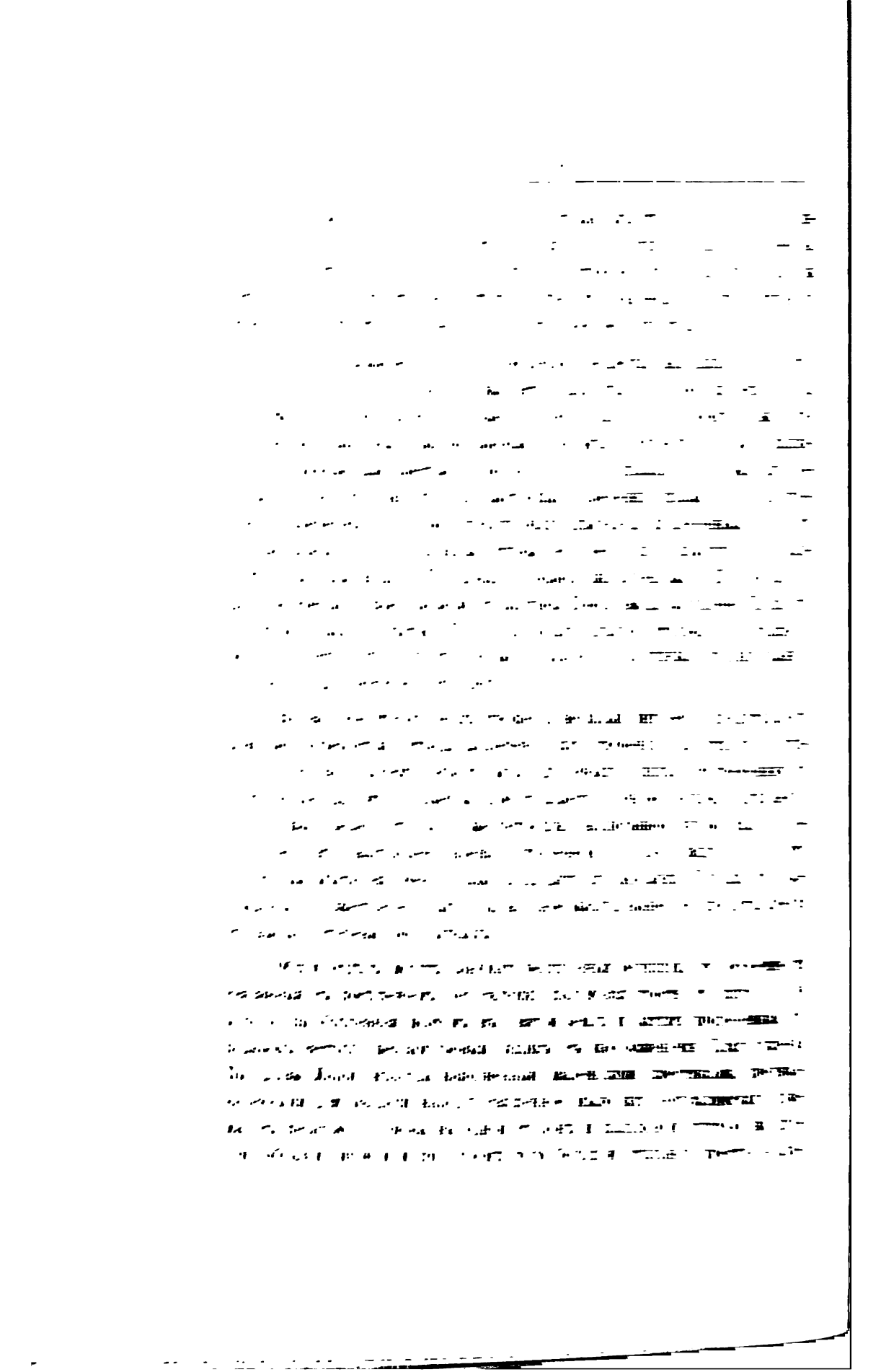
Съ этими часами Гоголь тамъ никогда не разставался; но они такъ и оставались незаведенными на минутѣ смерти Пушкина. Дальнѣйшая исторія ихъ, по воспоминаніямъ Ольги Васильевны, такова: пріѣхавъ въ Васильевку, Гоголь передалъ эти часы Ольгѣ Васильевнѣ на сохраненіе и просилъ беречь ихъ, какъ зѣницу ока, при чемъ разсказалъ исторію часовъ... „Помни, что эти часы Жуковскій взялъ у Пушкина, когда онъ умеръ. Они показываютъ часъ смерти его“. Ольга Васильевна бережно хранила ихъ, но впослѣдствіи они перешли къ Н. В. Быкову, у котораго находятся и въ настоящее время. Они попрежнему стоятъ незаведенными, но показываютъ время иное, чѣмъ то, когда скончался Пушкинъ: онъ скончался въ 2 часа и $^3/_4$ пополудни, а на нихъ стрѣлки показываютъ 10 ч. 2 минуты. Очевидно, кто-нибудь пробовалъ ихъ заводить и перевелъ стрѣлку на другой часъ.

У Н. В. Быкова находится нѣсколько предметовъ, связанныхъ съ именемъ поэта, но, къ великому сожалѣнію, владѣлецъ не нашелъ возможнымъ препроводить ихъ на Гоголевскую выставку въ Кіевъ.

Имѣется оригинальный портретъ Гоголя, писанный Моллеромъ, на которомъ поэтъ изображенъ съ такимъ поразительнымъ сходствомъ, что, разсказываютъ, будто сама мать поэта, Марія Ивановна, приняла однажды портретъ за живое лицо; кромѣ этого портрета, писаннаго масляными красками, есть еще довольно обширная, хотя и неполная коллекція портретовъ-гравюръ. Тамъ-же есть и картина „Вознесеніе Господне“, гравированная Іорданомъ. Эту картину поэтъ въ послѣдній періодъ жизни рекомендовалъ пріобрѣтать всѣмъ, чтобы поддержать молодого и талантливаго художника.

Изъ рукописей у Н. В. Быкова сохранилось 2 рисунка изъ „Ревизора“, сдѣланныхъ собственноручно Гоголемъ (впрочемъ, они уже были напечатаны при полныхъ собраніяхъ сочиненій Гоголя, и, надо сказать, съ поразительной точностью [1]).

[1]) Подробный перечень предметовъ, находящихся у г. Быкова, приводитъ г. Гиляровскій въ Русской Мысли (янв. 1902 г.).

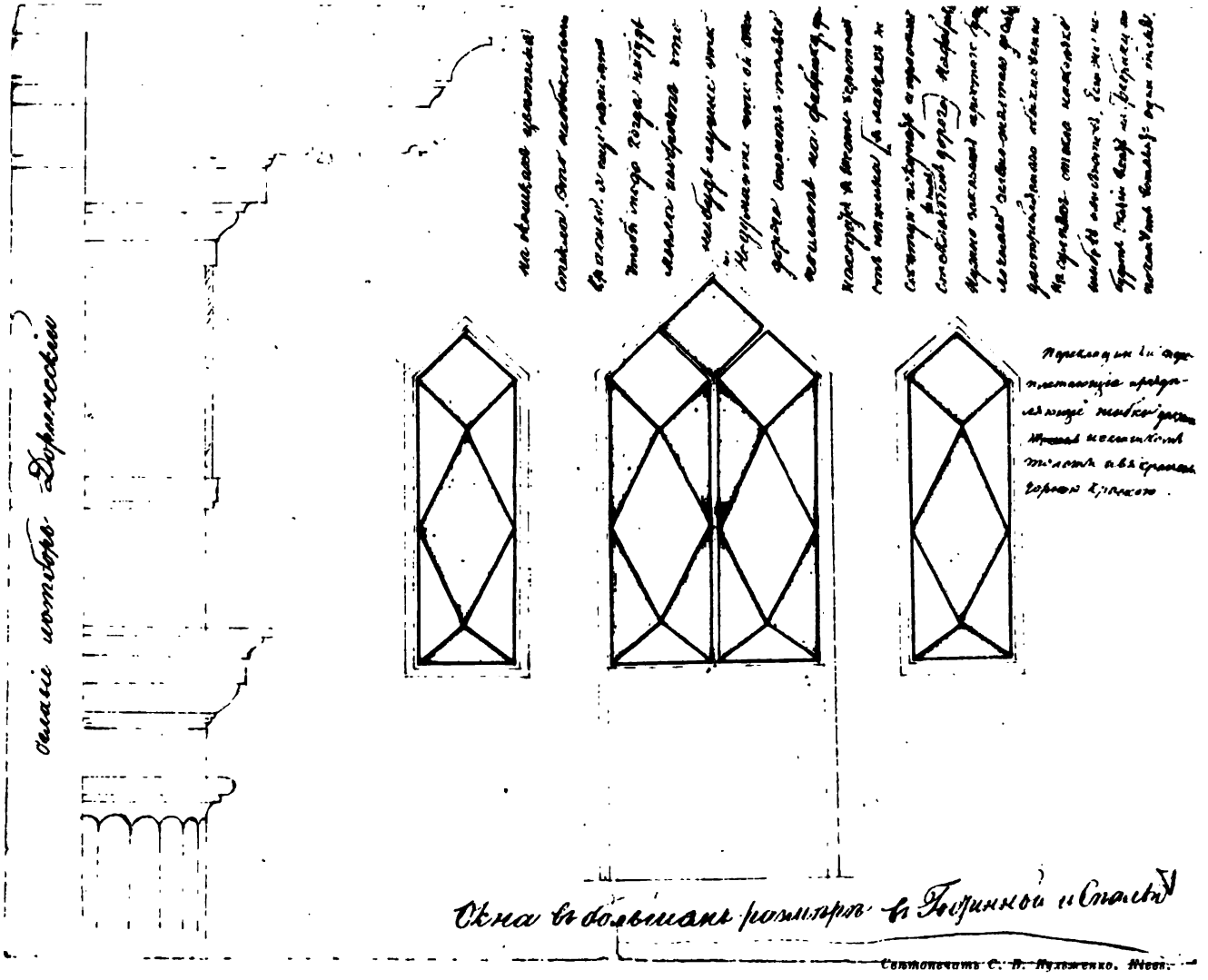


Показываютъ также красный бархатный жилетъ поэта, фракъ и цилиндръ. Но въ виду того, что исторія каждаго изъ этихъ предметовъ неясна, и подлинность ихъ нѣкоторыми изъ родственниковъ оспаривается, мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что значенія въ литературномъ отношеніи, или въ какомъ-либо другомъ, они не имѣютъ...

Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи предметы, находящіеся у сестры поэта, О. В. Головни. Здѣсь мы встрѣтили цѣлую серію писемъ Гоголя къ матери. Любопытенъ также и гербарій, о которомъ мы уже упоминали, картины, разрисованныя поэтомъ, рисунокъ ковра (килимка), сдѣланный для крестьянъ; по этому узору дѣлались ковры, изъ которыхъ одинъ сохранился и до настоящаго времени; цѣлая серія портретовъ современныхъ Гоголю литературныхъ дѣятелей, привезенная поэтомъ въ Васильевку и украшавшая стѣны его небольшой квартиры во флигелѣ; здѣсь мы видимъ Погодина, Свиньина, кн. Вяземскаго, Жуковскаго и др.; интересна также гравюра съ картины Брюллова „Разрушеніе Помпеи“, о которой, какъ извѣстно, Гоголь написалъ цѣлую статью, а также и фотографическій снимокъ съ той же Рафаэлевой картины, гравированной Іорданомъ, „Вознесеніе Господне“.

Въ научно-литературномъ отношеніи немалый интересъ представляетъ довольно объемистая тетрадь извлеченій изъ твореній Св. отцовъ и учителей церкви, писемъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, современниковъ поэта и мн. др. Эта книжечка представляетъ точную копію, сдѣланную Ольгой Васильевной съ такой же тетрадки, написанной рукой самого поэта, но въ настоящее время утраченной... Въ виду того, что нѣкоторыя мѣста ея очень близко подходятъ къ мыслямъ Гоголя въ разсужденіи о божественной литургіи, научное изслѣдованіе ея представляется въ высшей степени любопытнымъ.

Общій отдѣлъ могутъ занимать религіозныя реликвіи, въ особенности связанныя съ посѣщеніемъ Іерусалима: пальмовая трость съ кипарисовой ручкой, пріобрѣтенная поэтомъ въ Святой землѣ и затѣмъ привезенная въ подарокъ сестрѣ; перламутровый ящикъ съ изображеніемъ Благовѣщенія Пр. Дѣвы Маріи, нѣкогда наполненный маленькими крестиками, предназначенными для раздачи народу; священное мыло изъ Іерусалимскаго храма, съ печатью Соломона на одной сторонѣ и пальмовой вѣтвью на другой, образки, иконки и пр.; кромѣ того большой тѣльный крестъ—скла-



Рисунокъ Н. В. Гоголя, приложенный къ письму матери изъ Нѣжина (около 1827 года).

день, снятый съ умершаго поэта и пересланный вмѣстѣ съ другими предметами въ Васильевку.

Драгоцѣнную фамильную реликвію составляетъ плоское широкое золотое кольцо, обложенное съ внѣшней стороны заплетенными въ косичку каштановыми, съ золотистымъ отливомъ, волосами Гоголя. Эта реликвія, какъ святыня, бережно хранилась у сестры поэта, всегда напоминая ей объ утраченномъ нѣжно-любимомъ братѣ. Замѣтимъ кстати, что всѣ эти интересныя реликвіи, находившіяся у Ольги Васильевны, представлены ею для Гоголевской выставки въ университетѣ св. Владиміра, за что, конечно, мы глубоко признательны многоуважаемой Ольгѣ Васильевнѣ.

Но кромѣ этихъ предметовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ личности поэта, въ Васильевкѣ у О. В. оказалась цѣлая сокровищница, заключающаяся въ фамильномъ архивѣ, состоящемъ изъ документовъ, грамотъ, переписки, дѣловыхъ актовъ и т. п. [1])

Многое изъ находящагося здѣсь играло извѣстную роль въ творчествѣ Гоголя, предлагая интересный сырой матеріалъ, которымъ несомнѣнно пользовался Н. В. Гоголь въ своихъ произведеніяхъ, рисующихъ былое Малороссіи и козачества...

Между прочимъ, интересное дѣло о куплѣ крестьянской семьи „великороссійской породы", оказавшейся воровскою и безнравственной; изъ-за этой купли-продажи произошла ссора между Василіемъ Аѳанасьевичемъ (отцомъ поэта) и его сосѣдомъ Грибовскимъ, бывшими до того времени въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ тонѣ ихъ писемъ и исковыхъ прошеній чувствуется канва, по которой такъ художественно набросана знаменитая ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

А сколько тамъ старины, той самой дѣдовской старины, которую такъ любилъ Гоголь и о которой отзывался съ восхищеніемъ!

Пересматривая эти старинныя бумаги, мы имѣли счастье найти среди нихъ еще одно очень интересное письмо Н. В. Гоголя къ матери изъ Нѣжина, относящееся къ послѣднему году пребыванія его въ гимназіи высшихъ наукъ; тамъ же найдены отрывки изъ сочиненій отца Гоголя и письма многихъ интересныхъ лицъ, близко стоявшихъ къ Гоголю-отцу и его семейству.

[1]) Г. Гиляровскій говоритъ о нихъ, какъ о не имѣющихъ значенія и использованныхъ г. Кулишомъ. Такое замѣчаніе совершенно ошибочно и объясняется тѣмъ, что авторъ только слышалъ о нихъ, а не видѣлъ, такъ какъ въ то время они, вмѣстѣ со многими другими предметами, находились уже у насъ.

Съ богатымъ матеріаломъ, выѣхалъ я изъ Васильевки, безконечно признательный такъ любезно принявшей меня семьѣ Головни, во главѣ съ Ольгою Васильевной, которая подарила столь много интереснаго, связаннаго съ именемъ ея любимаго брата... А въ душѣ своей я уносилъ обновленный образъ поэта, просвѣтленный новыми воспоминаніями о немъ, какъ о человѣкѣ... Нуждался-ли этотъ образъ въ пресвѣтленіи? Долженъ признаться, что—да! На свѣтломъ обликѣ любимаго поэта, темнымъ, неяснымъ представлялось мнѣ одно, это отношенія его къ меньшому, забытому и забитому брату... Не повторяя этихъ печальныхъ фразъ, смутившихъ въ свое время лучшихъ людей русскаго общества, я лишь скажу, что эти слова невольно затемняли дорогой образъ! Не діалектикой, не ухищреніями слова можно было опровергать ихъ значеніе, а болѣе глубокимъ знакомствомъ съ душой поэта, съ его дѣлами... Здѣсь-то, на родинѣ, предо мною предсталъ иной человѣкъ... Его отношенія къ крестьянину полны любви и состраданія; въ каждомъ фактѣ замѣтны онѣ, и факты эти въ свою очередъ просвѣтляютъ именно то, что нуждалось въ просвѣтленіи. И тотъ, кто скорбѣлъ о горестяхъ меньшого брата, кто заботился о его нравственномъ развитіи на почвѣ высшей евангельской морали, не можетъ быть названъ иначе, какъ другомъ народа.

И этотъ почетный титулъ принадлежитъ ему по праву.

В. Чаговецъ.

Фотопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Александръ Михайловичъ Марковичъ (1790—1865 г.).

Одинъ изъ пріятелей Гоголя.

(А. М. МАРКОВИЧЪ).

Вѣроятно, современемъ явится рядъ очерковъ тѣхъ „пріятелей“ и „друзей“ Гоголя, знакомство съ которыми могло такъ или иначе отражаться въ писательской его дѣятельности. Рядъ этихъ людей, повидимому, былъ не великъ, но онъ былъ. Однимъ изъ такихъ несомнѣнныхъ пріятелей Гоголя былъ Александръ Михайловичъ Марковичъ, довольно богатый Глуховской помѣщикъ, внукъ извѣстнаго Якова Марковича, оставившаго намъ драгоцѣнный свой дневникъ.

Гоголь познакомился съ А. М. М—чемъ чрезъ одного изъ близкихъ своихъ друзей, А. М. Данилевскаго, который, будучи родственникомъ Марковича, живалъ поэтому въ деревнѣ у послѣдняго. Знакомство это относится къ концу сороковыхъ годовъ, какъ это можно заключить изъ самаго ранняго письма Гоголя къ Марковичу, отправленнаго въ іюлѣ 1849 года [1]). Изъ этого письма ясно, что Гоголь видѣлъ въ А. М. М—чѣ человѣка хорошо знакомаго съ народною жизнью Малороссіи и желалъ пользоваться этими знаніями для тѣхъ этнографическихъ свѣдѣній, которыя онъ постоянно собиралъ, наблюдая и изучая людей... Гоголь пишетъ: „Безпокою васъ слѣдующею убѣдительною просьбою: составьте для меня маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ они производятся у васъ въ Чер-

[1]) См. „Неизданныя письма Н. В. Гоголя“, Древн. и Нов. Россія 1879 г., № 1, стр. 63.

ниговской губерніи по днямъ, т. е. съ какого святого, какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится, и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства"... Просьба эта М—чемъ была исполнена потому, что въ слѣдующемъ письмѣ Гоголь благодаритъ его „за календарь". Послѣднія двѣ записки Гоголя къ М—чу писаны, видимо, къ нему въ Москву, куда М—чъ очень часто наѣзжалъ. Обѣ эти записки относятся едва ли не къ послѣднему году жизни Гоголя.

Въ первой запискѣ Гоголь говоритъ: „я сижу больной и не могу видѣть многихъ, но васъ бы принялъ и съ удовольствіемъ побесѣдовалъ бы. Итакъ, не будете ли такъ добры, чтобы навѣстить больного, вамъ искренно преданнаго и васъ искренно любящаго". — Въ другой запискѣ читаемъ: „если вы желаете видѣть рѣдкій музеумъ русскихъ древностей и почти всѣхъ замѣчательныхъ Московскихъ литераторовъ и ученыхъ, то пріѣзжайте сегодня въ вечеру ко мнѣ и къ Погодину, который вамъ будетъ сердечно радъ".

По содержанію этихъ записокъ можно думать, что Гоголь относится къ Марковичу съ тою теплотою, которой онъ вообще не расточалъ... Кто зналъ А. М. М—ча, тотъ не удивится этимъ особымъ отношеніямъ Гоголя къ своему земляку. Три качества рѣзко выдѣляли Марковича изъ среды его сосѣдей, помѣщиковъ-обывателей: *любовь къ ближнему*, интересъ къ общественной жизни и, наконецъ, близкое его знакомство съ родной стариной. Эти качества невольно влекли къ А. М. М—чу всѣхъ тѣхъ его земляковъ, которые не были окончательно погружены въ житейскую тину. Эти же качества М—ча несомнѣнно привлекали къ нему и Гоголя, который могъ видѣть въ немъ тотъ *положительный* типъ русскаго обывателя, исканіемъ котораго Гоголь былъ такъ занятъ въ послѣдніе годы своей писательской дѣятельности.

А. М. М—чъ учился сначала дома, т. е. собственно въ семьѣ своихъ сосѣдей Кочубеевъ, у которыхъ воспитаніемъ дѣтей въ это время завѣдывалъ какой-то „аббатъ" Фроманъ. Затѣмъ М—чъ былъ отвезенъ въ Харьковъ, въ тамошнее „главное казенное училище", гдѣ онъ пробылъ три года и этимъ закончилъ свое образованіе въ 1806 г., 16-ти лѣтъ отъ роду. Съ этого времени М—чъ завелъ себѣ записную книжку, отмѣтки въ которой отражали въ себѣ тогдашнее его міросозерцаніе и наклонности. Восемнадцати лѣтъ М—чъ записалъ въ

свою книжку, что „Вавилоняне, по словамъ Вероза, назначали особливыхъ пять дней въ году, въ теченіе которыхъ невольники заступали мѣсто господъ своихъ, имѣя право повелѣвать ими; *надобно бы возобновить этотъ древній обычай для нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ*“. добавляетъ М—чъ отъ себя. Черезъ годъ послѣ этого, въ 1809 году, М—чъ, записавъ о смерти помѣщика Д. И. Ширая, у котораго былъ театръ изъ крѣпостныхъ актеровъ, числомъ до 200, тутъ же замѣчаетъ, что хотя Ширай и отпустилъ передъ смертью этихъ актеровъ на волю, но „великимъ дѣломъ“ онъ, М—чъ, этого поступка назвать не можетъ, потому что „лишивъ родителей столькихъ дѣтей, развративъ болѣе ста дѣвокъ“, Ширай „сдѣлалъ предосудительное дѣло“... Тридцати лѣтъ отъ роду М—чъ, записавъ, что онъ прочелъ въ „Сынѣ Отечества“ „описаніе Гофейльскаго института для бѣдныхъ“ и замѣтивъ тутъ же. что онъ „считаетъ сіе заведеніе лучше и дешевлѣе всѣхъ другихъ“, добавляетъ: „*я долженъ стараться сдѣлать въ своихъ деревняхъ что-нибудь подобное*“. И это не были одни только слова: у А. М. М—ча, въ его Сварковѣ, больница и училище,—не только для крестьянъ, но и для бѣдныхъ дворянъ—*процвѣтали* въ крѣпостное время!

Исторію своей родины М—чъ изучалъ по дѣдовскому дневнику, десять фоліантовъ котораго онъ прочелъ *систематически* (отмѣчая на поляхъ рукописи важнѣйшіе факты), употребивъ для этого два года. Рядомъ, онъ перечиталъ и бумаги своего семейнаго архива, часть котораго тогда же (1824 г.) напечаталъ въ „Украинскомъ журналѣ“. Несомнѣнно, что изученіе драгоцѣннаго дѣдовскаго дневника дало М—чу такія знанія по бытовой исторіи Малороссіи, какихъ не было ни у Бант.-Каменскаго, ни у Мартоса (А. И.), тогдашнихъ малорусскихъ историковъ, перечислявшихъ въ своихъ исторіяхъ одни лишь важные походы и сраженія.

Бытовую жизнь своей родины А. М. М—чъ зналъ такъ хорошо, что можетъ быть только одинъ онъ и *возмутился* жестокой пародіей на этотъ бытъ, явившейся въ извѣстномъ водевилѣ кн. Шаховского „Казакъ-стихотворецъ“,

Общественная дѣятельность Марковича полно и рельефно выразилась въ шестилѣтіе его службы на важномъ посту губернскаго предводителя дворянства (1832—38 гг.). Въ это время онъ между прочимъ написалъ свою „Записку о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи“, *по архивнымъ бумагамъ*, при чемъ не обинуясь замѣтилъ, что „стро-

гая критика не можетъ признать основательными" многія и многія изъ „доказательствъ", представленныхъ малороссійскими дворянами о древности своего происхожденія.

Выбранный на третье трехлѣтіе губернскимъ предводителемъ, Марковичъ не былъ утвержденъ государемъ. Намъ только недавно пришлось услыхать отъ едва-ли не старѣйшаго изъ нынѣшнихъ Черниговскихъ дворянъ И. Т. Есимонтовскаго объясненіе этого факта. Дѣло въ томъ, что когда въ тридцатыхъ годахъ правительство рѣшило уничтожить въ Малороссіи дѣйствіе Литовскаго статута, то, желая сдѣлать это какъ можно мягче, оно приглашало губернскихъ предводителей—согласить своихъ дворянъ самимъ начать вопросъ объ этой отмѣнѣ... Такое предложеніе, сдѣланное тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ (кажется, Строгановымъ), Марковичъ отклонилъ, деликатно объяснивъ, что возбужденіе этого вопроса самимъ дворянствомъ равнялось-бы наложенію имъ рукъ на самого себя...

Послѣднимъ выдающимся актомъ общественной дѣятельности А. М. М—ча былъ его проектъ увольненія своихъ крестьянъ отъ крѣпости. Любопытный этотъ проектъ былъ имъ представленъ на утвержденіе высшаго правительства, но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ „не счелъ себя вправѣ представить проектъ на высочайшее усмотрѣніе", а сосѣдъ Марковича Д. В. Кочубей, членъ государственнаго совѣта, писалъ ему по этому поводу, что „подобнаго рода предположенія не находятъ здѣсь (въ Спб.) сочувствія, потому что отъ нихъ страшатся вредныхъ послѣдствій".

Важную службу несъ Марковичъ уже на склонѣ своихъ дней, въ „Черниговскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ", оставаясь тутъ постоянно въ „меньшинствѣ"...

Вотъ обликъ А. М. Марковича [1]). Несомнѣнно, что этотъ человѣкъ представляетъ собою очень рѣдкій для своего времени и для своей среды

---

[1]) См. Очеркъ литературной и общественной дѣятельности А. М. Марковича, составленный нами по его бумагамъ и напечатанный въ „Кіевской Старинѣ" 1896 г. Въ этомъ очеркѣ читатель найдетъ поясненіе фактовъ, изложенныхъ здѣсь лишь вкратцѣ, чтобы не повторяться. Полагая, что черты А. М. М—ча заслуживаютъ увѣковѣченія, прилагаемъ къ настоящей статьѣ снимокъ съ его фотографическаго портрета сдѣланнаго незадолго до смерти.

положительный типъ, черты котораго не могли укрыться отъ наблюдательности Гоголя, отыскивавшаго въ это время такіе типы для второй части „Мертвыхъ Душъ“. Воспользовался-ли Гоголь хотя какими-нибудь чертами для своей безсмертной „поэмы“ изъ нравственнаго облика Марковича, этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ впослѣдствіи, при ближайшемъ изученіи „поэмы“.

А. Лазаревскій.

Гоголевская выставка [1])

(КАТАЛОГЪ).

Портреты Н. В. Гоголя.

1. *Н. В. Гоголь.* Копія портрета, писаннаго Θ. Моллеромъ въ 1841 г. Собственность О. В. Головни.
2. Предполагаемый портретъ Н. В. Гоголя-студента Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Собств. Унив. Св. Владиміра.
3. Портретъ Н. В. Гоголя-студента. Изъ „Иллюстраціи Кукольника“ 1845 г. (Изъ собр. В. П. Горленка).
4. Воспроизведеніе литографированнаго портрета Н. В. Гоголя, художника Венеціанова, эпохи „Ревизора“ (Изъ собр. В. П. Горленка).
5. Портретъ Н. В. Гоголя, помѣщенный въ „Москвитянинѣ“ Погодина (Изъ собр. В. П. Горленка).
6. Копія съ акварельнаго портрета Н. В. Гоголя, акад. Жереня (цинкографія).
7. Портретъ Н. В. Гоголя съ миніатюры на слоновой кости (Изъ собр. В. П. Бахрушина).
8. Копія портрета Н. В. Гоголя, писаннаго А. А. Ивановымъ и подареннаго Гоголемъ Жуковскому; фотографія (Изъ собр. В. П. Горленка).

---

[1]) Всѣ предметы, безъ обозначенія владѣльца, любезно предоставлены сестрою поэта Ольгою Васильевною и ея сыномъ В. Я. Головней.

9. Портретъ Н. В. Гоголя Мамонова 1851 г. Литографія (Изъ собр. В. П. Горленка).
10. Воспроизведеніе рисунка худ. Рѣпина, сдѣланнаго по современному Гоголю дагеротипу (Изъ собр. В. П. Горленка).
11. Н. В. Гоголь въ Васильевкѣ. Съ картины В. А. Волкова фотографія (Изъ собр. В. П. Горленка).
12. Н. В. Гоголь на смертномъ одрѣ. Снимокъ съ оригинальнаго рисунка тушью того времени (Изъ собр. А. В. Бахрушина).
13) „Гоголь и группа русскихъ художниковъ въ Римѣ. Рѣдкій дагерротипъ 1845 г. Собственность В. И. Шереметевскаго.

Автографы:

14. Письмо Н. В. Гоголя къ матери изъ Нѣжина около 1827—8 г. Собств. В. А. Чаговца.
15. Отрывокъ письма Н. В. Гоголя съ рисункомъ. Собств. В. А. Чаговца.
16. Письмо Н. В. Гоголя къ матери изъ Франкфурта 1844 г. 13 Іюня; адресъ: Poltave. Russie meridionale. Ея Высокоблагородію Маріѣ Ивановнѣ Гоголь Въ Полтаву, а оттуда въ д. Васильевку.
17. Письмо Н. В. Гоголя сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ изъ Неаполя 184(?) года (оригиналъ и къ нему же фотографическіе снимки).
18—25. Серія писемъ Н. В. Гоголя сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, послѣдняго періода.
26. Письмо Н. В. Гоголя сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, написанное за два мѣсяца до смерти (Москва, 22 Декабря 1851 года).
27. Письмо О. В. Гоголь къ Н. В. Гоголю.
28. Выбранныя мѣста изъ твореній Св. Отцовъ и учителей Церкви (точная копія съ утраченнаго оригинала, сдѣланная О. В. Головней).
29—32. Библейскія картины, разрисованныя Н. В. Гоголемъ акварельными красками.
33. Серія библейскихъ картинъ нераскрашенныхъ, купленныхъ Н. В. Гоголемъ для раздачи народу.
34. Узоръ для малороссійскихъ ковровъ, сдѣланный Н. В. Гоголемъ.

Предметы, принадлежавшіе Н. В. Гоголю.

35. Тѣльный крестъ-складень, снятый съ поэта послѣ смерти.
36. Прядь волосъ Н. В. Гоголя, заплетенная вокругъ золотого кольца.
37. Печать—штемпель Н. В. Гоголя, сдѣланная въ Италіи (на печати вырѣзано „Gogol").
38. Пальмовая трость, привезенная поэтомъ изъ Іерусалима.
39. Перламутровые иконки и ящички съ изображеніемъ Благовѣщенія (изъ Іерусалима).
40. Священное Іерусалимское мыло.
41. Палитра для акварельныхъ красокъ.
42. Черный фракъ Н. В. Гоголя.
43. Гербарій изъ полевыхъ цвѣтовъ, собранныхъ поэтомъ въ Васильевкѣ (на первой страницѣ рукою поэта сдѣлана надпись).
44. „Преображеніе Господне"—снимокъ съ картины Рафаэля, гравированной Іорданомъ, которому покровительствовалъ поэтъ.

Печатные экземпляры сочиненій Н. В. Гоголя и переводовъ на иностр. языки.

45. *Арабески.* Разныя сочиненія Н. В. Гоголя. Часть 1-я. Санктпетербургъ, въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 1835 г.
Съ автографомъ автора: „Родичу и земляку Владиміру Юрьевичу Леонтьеву отъ автора" (Собств. А. И. Ксенженка изъ Миргорода).
46. „Современникъ". Лит. журналъ, издаваемый Александромъ Пушкинымъ. Спб. 1836 г. Въ журналѣ—повѣсть Н. В. Гоголя: „Носъ", стр. 55—90 (Собств. Общества Нестора-лѣтописца).
47. „Мертвыя Души", 1-е изданіе. Соб. унив. Св. Владиміра.
48. *Nikola Gogol.* Roma. Novelle Ucraine. Lettere. Traduzione dal Russo. In Firenze. 1883 (Собственность унив. св. Владиміра).
49. *Taras Bulba*, der Kosakenhetman *von Nikolaus Gogol* aus dem russischen von Wilhelm Lange, Leipzig. Druck und Verlag von Philipp Reklam iun. (Изъ собр. В. П. Горленка).
50. Phantasien und Geschichten von *Nikolaus Gogol.* Deutsch von Wilhelm Lange und Philipp Löbenstein.
Erstes Bändchen: Der Mantel. Die Nacht vor Weihnachten. Leipzig, Druck und Verlag von Philipp Reclam iun.

Zweites Bändchen: Der Hader zweier Mirgoroden Grössen. Der König der Erdgeister.

Drittes Bändchen: Eine Mainacht. Die Nase. Ein Landjunker (Изъ собр. В. П. Горленка).

51. Die todten Seelen. Ein satirisch-komisches Zeitgemälde, von *Nikolaus Gogol*. Aus dem Russischen übertragen von Philipp Löbenstein. Leipzig, Druck und Verlag von Philipp Reclam iun. (Изъ собр. В. П. Горленка).
52. Der Revisor. Komödie in fünf Aufzügen von *Nikolaus Gogol*. Deutsch bearbeitet von W. Lange.
53. Der Kosakenhauptman deutsch von Bodenstedt. Leipzig.
54. Tarass Bulba, deutsch von Bodenstedt. Leipzig.
55. *Nikolas Gogol*. Tarass Boulba. Roman, traduit du russe par Louis Viardot. Paris, Librairie Hachette et c-ie. Boulevard Saint-Germain, 49, 1874 an.
56. Taras Bulba. A historical novel of Russia and Poland. By Nikolái Vasilyevitch *Gogol*. Translated from the russian. By Ieremiah Curtin. With a preface by the translator. New Jork: John B. Alden, publisher. 1888 (Собственность унив. св. Владиміра).
57. *Nikolaï Gogol*. Veillée de L'Ukraïne, traduit du russe par E. Halperine-Kaminski. Paris, C. Marpon et E. Flammarion, Editeurs. 26, Rue Racine, près L'odéon. (Изъ собранія В. П. Горленка).
58. Ruská Knihovna x. spisy *Nikolaje Vasilieviče Gogola*. Překlad rediguje Jaromir Hrubý. *Svazek I:* Dobradružství Čičikova aneb Mrtve duše. Přeložil Ignac Hošek. V Praze 1891 r. Tiskem a nákladem I. Otty. *Svazek II:* Večery na Dědince blizko Dikańky a Revizor. Přeložil Ignac Hošek. V Praze 1892 r. Tiskem a nakladem I. Otty. *Svazek III:* Mirgorod. Novelly a arabesky. Přeložil Ignac Hošek. (получен отъ г. В. Ф. Червенаго).
59. Тарасъ Булба. Повѣсть на Н. Гоголя. Преведе Н. Вончевъ. Брáила. 1872 (Периодическо списание на Болгарското книжовно дружество. Година I. Книжка седма и осма. Браила 1873.—Книжка девета и десета. Второ издание. София 1882). (Изъ библіотеки Т. Д. Флоринскаго.

Иллюстраціи къ сочиненіямъ Н. В. Гоголя.

60. Къ повѣсти „Вій“—Базаръ; съ картины М. О. Микѣшина.
61 – 65. Одиннадцать иллюстрацій къ повѣсти „Страшная месть“.
66—72. Шесть иллюстрацій къ повѣсти „Пропавшая грамота“.
73—79. Семь иллюстрацій къ повѣсти „Сорочинская ярмарка“.
80—86. Семь иллюстрацій къ повѣсти „Тарасъ Бульба“.

Изъ собр. А. М. Лазаревскаго.

Портреты родныхъ, близкихъ и современниковъ Н. В. Гоголя.

87. Марья Ивановна Гоголь—мать поэта въ молодости (портретъ масл. краск. неизвѣстнаго художника).
88. Она-же въ 60-хъ годахъ (фотографія).
89. Марья Ильинична Косяровская, бабушка поэта (неизв. художника).
90. Марья Васильевна Трушковская (ур. Гоголь) сестра поэта, 18 лѣтъ, писанъ неизв. художникомъ.
91. Анна Матвѣевна Трощинская, родств. поэта (неизв. художн.).
92. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, б. министръ юстиціи (родств. Гоголя по матери), неизв. художн.
93. Ольга Васильевна Головня (ур. Гоголь) сестра поэта (фотографія).
94. П. О. Трушковскій (мужъ М. В. Гоголь) на охотѣ. Ориг. рисунокъ неизв. художника.
95. М. В. Ломоносовъ (гравюра).
96. Князь Александръ Шаховской, драм. писатель (гравюра).
97. Норовъ, министръ нар. просвѣщенія, совр. Гоголю (гравюра).
98. Павелъ Свиньинъ (литераторъ, напечатавшій повѣсть Басаврюкъ въ своей передѣлкѣ) (гравюра).
99. Николай Устряловъ, изв. ученый (гравюра).
100. Князь Петръ Вяземскій, поэтъ и критикъ, современникъ Гоголя.
101. Михаилъ Погодинъ, изв. ученый, близко стоявшій къ поэту [1]).

[1]) №№ 91—97—серія портретовъ, находившихся во флигелѣ Гоголя, въ Васильевкѣ, привезенныхъ туда поэтомъ.

Бумаги семейнаго архива Гоголей.

101. Дворянская грамота Аѳанасія Демьяновича Гоголя-Яновскаго, выданная Кіевскимъ Дворянскимъ Депутатскимъ Собраніемъ 1792 г. 15 Октября.
102. Квитанція изъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ о полученіи платы за содержаніе Николая Васильевича Гоголя въ пансіонѣ. 1821 г. 9 Декабря. Подписана директоромъ Иваномъ Орлаемъ.
103. Росписка о займѣ 18,450 руб., сдѣланномъ Коллежскимъ Ассесоромъ, Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ въ Полтавскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія 1836 г. 31 Января.
104. Духовное завѣщаніе Татьяны Семеновны Гоголь-Яновской (ур. Лизогубъ), бабушки поэта.
105. Духовное завѣщаніе Ивана Матвѣевича Косяровскаго, дѣдушки поэта по матери.
106. Письма П. А. Кулиша, писателя и біографа Гоголя къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь.
107. Письма проф. С. Шевырева къ роднымъ поэта.
108. Письма Ольги Аксаковой къ матери поэта.
109. Письма Д. П. Трощинскаго къ Василію Аѳ. Гоголю.
110. Письма Ивана Мартоса къ В. А. Гоголю.
111. Письма разныхъ лицъ къ В. А. Гоголю (Хилкова, Ил. Трощинскаго, Чернышa и мн. др.).
112. Письма А. А. Трощинскаго къ матери поэта.
113. Письма разныхъ лицъ къ матери поэта.
114. Стихотвореніе на смерть Вас. Аѳ. Гоголя, сочиненное И. М. Косяровскимъ, отцомъ Марьи Ивановны Гоголь.
115. Отрывки сочиненій Вас. Аѳ. Гоголя.
116. Коллекція автографовъ представителей рода Гоголей: Н. В. Гоголя, В. Аѳ. Гоголя, М. И. Гоголь, Аѳ. Дем. и Татьяны Семеновны Гоголь, Семена Лизогуба (прадѣдушки поэта), Анны Тансковны (прабабушки поэта), Василія Танскаго, полковника Переяславскаго, гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, Павла Полуботка и др.
117. Жалованная грамота Петра Великаго Василію Танскому на с. Озеряны. 1718 г.

118. Универсалъ гетмана Скоропадскаго ему-же и на то-же имѣніе 1715 г.
119. Духовное завѣщаніе Василія Танскаго 1758 г.
120. Связка документовъ для исторіи рода Танскихъ. [1])
121. Письма и бумаги для исторіи рода Лизогубовъ.

Картины и фотографіи [2]).

122. Петръ Великій и Павелъ Полуботокъ. Эскизъ худ. В. А. Волкова.
123. „Н. В. Гоголь за работой"—съ картины худ. В. А. Волкова фотографія.
124. „Н. В. Гоголь и бандуристъ" Варіантъ картины В. А. Волкова (фотографія).
125. (a и b) „Прудъ въ Яновщинѣ"—Двѣ картины худ. Кульчицкаго.
126. „Церковь въ Яновщинѣ изъ усадьбы Гоголей"—картина худ. Кульчицкаго.
127. „Холмъ, насыпанный по желанію поэта"—этюдъ худ. Кульчицкаго
128. „Гоголь сжигаетъ свои рукописи"—цинкографія съ рѣдкой гравюры (изъ „Новаго Времени".
129. Виды Диканьки и Яновщины, группы и портреты, сдѣланные В. А. Чаговцомъ.

В. Чаговецъ.

[1]) Подробнѣе см. въ отдѣльномъ перечнѣ.

[2]) Картины и фотографіи любезно предоставлены самими владѣльцами.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ РѢДКОСТИ.

I. Кіевскій печатный листъ 1683 г.

Извѣстно, что во второй половинѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII столѣтія Кіево-печерская типографія выпускала въ свѣтъ много печатныхъ листовъ и тетрадокъ религіознаго содержанія, съ большимъ или меньшимъ числомъ гравюръ на деревѣ, и что эти лубочныя издѣлія имѣли хорошій сбытъ въ Великороссіи. Извѣстно также, что они дошли до насъ въ подлинникахъ сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ. Великорусскія рукописи, особенно сборники разнаго рода, относящіяся къ концу XVII и началу XVIII вѣковъ, сохранили намъ въ довольно большомъ количествѣ такіе тексты, которые (судя по ихъ правильному славянскому языку и разсѣяннымъ въ немъ полонизмамъ) всего скорѣе могли быть списаны именно съ этихъ листовъ и тетрадокъ; вѣроятно, обильно наклеенные на страницахъ этихъ рукописей печатные рисунки представляютъ не что иное, какъ вырѣзки изъ тѣхъ-же Кіевскихъ изданій. Но прямыхъ указаній на Кіевскіе листы и тетрадки обыкновенно нѣтъ, и мы должны ограничиваться догадками.

Однако есть исключенія, и вотъ одно изъ нихъ.

Ростовскій музей владѣетъ спискомъ такъ называемыхъ Страстей Христовыхъ начала XVIII вѣка (№ 31), съ миніатюрами, копіями западныхъ гравюръ. На 106 л. начинается небольшая статья съ заглавіемъ:

О страстѣхъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, коль много пострада наченъ отъ вертограда и до положенія Гепсиманскаго во гробъ.

Начало: И о семъ размышляющимъ душамъ богобоязненнымъ со многимъ состраданіемъ сердечнымъ о великомъ множествѣ, за премногія грѣхи наша, страданій Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже самъ во Евангеліи сказоваше...

Разсказывается, сколько Христосъ получилъ удареній, оплеваній и т. п., сколько было вздыханій и т. п.

Конецъ: ... таковая-же есть позна (чит.: польза) размышленія страстей Господнихъ. Единъ отъ учителей написа: самое истинное совершенныхъ (чит.: съ--мъ?) сокрушеніемъ сердца размышленіе страстей Христовыхъ болше показуетъ, ниже аще бы кто чрезъ весь годъ постилъ о хлѣбѣ и водѣ, или аще бы на всякъ день умерщвлялъ тѣло свое даже до пролитія крове бія, или аще бы на всякъ день весь псалтырь прочиталъ.

Пишутъ о страстехъ Господнихъ учители церковныя: св. Аѳанасій, Іоаннъ Златоустъ, Епифаній, Ѳеодоритъ, Ефремъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Евсевій, Киріакъ, Авросимъ, Іероннмъ, Августинъ, Григорій папа, Леонтій, Исидоръ, Касіодоръ и протчи.

Типомъ изданъ во святѣй обители Печерской въ лѣто 1683-е (цифры славянскія).

Сборникъ Имп. Публичной Библіотеки к. XVII вѣка (Q. XVII. 79), л. 68 и слѣд., имѣетъ тотъ-же текстъ съ заглавіемъ:

Страсти Господа нашего І. Х., коль много даже до смерти пострада на крестѣ, наченъ отъ вертограда Гепсиманскаго и положения во гробъ.

Начало: Размышляющимъ душамъ богобоязненнымъ...

Около текста на полѣ отмѣчено киноварью: „столпъ 1“ (л. 68 об.), „столпъ 2“ (л. 70), „столпъ 3“ (л. 71).

Текстъ оканчивается „виршами распятию“ (двѣ строки) и „виршами страшному суду“ (три строки).

Сборникъ С.-Петербургской Духовной Академіи начала XVIII вѣка (Соф., № 1483), л. 111, имѣетъ тотъ-же текстъ съ надписью надъ нимъ: „Списано съ листа Кіевскія печати“.

Этотъ Кіевскій листъ отличенъ отъ другого Кіевскаго листа, упомянутаго проф. П. В. Владимировымъ („Великое Зерцало“, стр. 35), текстъ котораго вошелъ почти во всѣ списки „Великаго Зерцала“, съ заглавіемъ:

„Како претерпѣ Христосъ Господь нашего ради спасенія волею страсти на крестѣ“; содержаніе этого текста въ томъ, что Христосъ сообщаетъ въ видѣніи нѣкоему благочестивому мужу о своихъ страданіяхъ, подробно исчисляя раны и поруганія. Сборникъ С.-Петербургской Духовной Академіи начала XVIII вѣка (Соф., № 1535), л. 137, имѣетъ послѣдній текстъ съ замѣткой: „сіе списано съ самого печатнаго листа Кіевской печати“.

Срв. *Ровинскій*, Русскія нар. картинки, IV, 613.

II. Малоизвѣстное сочиненіе І. Галятовскаго.

Профессоръ Сумцовъ въ своей монографіи объ Іоанникіи Галятовскомъ упоминаетъ о брошюрѣ этого писателя „Rycerz prawosławnokatolickiej cerkwi“, но признается, что не могъ ея найти въ доступныхъ ему библіотекахъ.

Намъ посчастливилось разыскать это рѣдчайшее изданіе.

Вотъ его заглавный листъ:

Rycerz,
prawosławnocátolickiey
cerkwi wschodniey
rycerzowi
kościoła rzymskiego
na iego Refutacią napisáną
przeciw Rozmowie Biáłocerkiewskiey
Oyca
Ioaniciusza Galatowskiego,
z Xiędzem
Hadrianem Piekarskim.
De
Hierarchia ecclesiae
mianey odpowiadać;
z typographiey wyszedł.

На оборотѣ заглавія предисловіе, которое приводится нами все.

Przedmowa do czytelnika.

Nawiedzając ia w Monasteru Jeleckim Ojca Ioaniciusza Galatowskiego Archimandritę Czernihowskiego Jeleckiego, obaczyłem tam w Celli Refutacią

na kilka arkuszach papiru napisaną, przeciw Rozmowie, ktorą w Białejcerkwi miał Ioaniciusz Galatowski Ordinis Sancti Basilii Magni, będąc Rectorem Kijowskim z Hadrianem Piekarskim Societatis Jesu Kaznodzieją Krolewskim, tę Refutacią widząc ia od Rycerza napisaną, ktory Rycerz tam się polacinie podpisał: Miles praesidii Białocercoviensis, ja też Rycerskie zabawy mając i między Rycerstwem zostając, i widząc że Archimandryta dla inszych wielkich i poważnych zabaw swoich i kłopotow Monastyrskich, nie ma czasu na tę pisanie przeciwnę odpisywać, ja podiołem się pro posse meo tę Refutacią wzajem refutować. Miły Miles kładniesz.

Въ текстѣ два отдѣла: „Argumenta X. Piekarskiego“ и „Respons na argumenta ojca Galatowskiego“.

23 листа in 4°. Типографія, по всей вѣроятности, Черниговская.

Экземпляръ превосходной сохранности, вполнѣ чистый, хранится въ Московской Типографской библіотекѣ подъ № 4220—1.

А. Соболевскій.

Памяти Н. М. Карамзина.

Поминка по немъ въ засѣданіи 26 мая 1901 г.

I.

Н. М. Карамзинъ, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“.

Русская историческая наука обладаетъ двумя монументальными трудами по Русской Исторіи. Это 12 томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Николая Михайловича Карамзина и 29 томовъ „Исторіи Россіи“ Сергѣя Михайловича Соловьева. Насъ болѣе поражаетъ своею грандіозностью трудъ Николая Михайловича Карамзина. Когда работалъ Соловьевъ, то за нимъ уже стоялъ Карамзинъ, Полевой, уже оказала свое вліяніе такъ называемая скептическая школа и т. д.; уже много было сдѣлано по пути разработки Русской исторіи и изданія ея источниковъ. У Карамзина, можно сказать, не было предшественниковъ. Ученые XVIII ст. не дали ему почти ничего; источники Русской исторіи лежали еще въ архивахъ или гнили по чердакамъ и подваламъ. Нужно удивляться громадной смѣлости Карамзина, взявшаго на себя такой гигантскій трудъ, какъ написаніе Русской исторіи, не имѣя подъ руками почти никакихъ изданныхъ матеріаловъ. Та масса источниковъ, ссылки на которые мы находимъ въ примѣчаніяхъ Карамзина, отыскана самимъ Карамзинымъ. И не смотря на всѣ затрудненія, которыя долженъ былъ встрѣтить Карамзинъ при своемъ трудѣ, его „Исторія“ до сихъ поръ не утеряла своего значенія, и если современный намъ историкъ можетъ игнорировать текстъ его „Исторіи“,

то тѣмъ не менѣе онъ и теперь еще бываетъ принужденъ заглядывать въ примѣчанія Карамзина.

Не касаясь дѣятельности Карамзина, какъ литератора, интересно припомнить, какъ постепенно складывались и вырабатывались въ немъ тѣ черты характера и взгляды, которые отразились потомъ въ его историческомъ трудѣ. Къ тому, чтобы сдѣлаться исторіографомъ и именно такимъ, какимъ онъ является въ своей „Исторіи Государства Россійскаго", Карамзинъ подходилъ постепенно.

Карамзинъ самъ говоритъ, что чтеніе съ раннихъ поръ нравоучительныхъ романовъ оказало огромное вліяніе на его образованіе вообще и послужило къ развитію въ немъ нравственнаго чувства. На развитіе мягкости и мечтательности въ характерѣ Карамзина, несомнѣнно, повліяло также и то обстоятельство, что довольно продолжительное время онъ находился подъ женскимъ вліяніемъ въ своей семьѣ. Такимъ образомъ получилась закладка отличительной черты душевнаго настроенія Карамзина, проходящаго и въ „Исторіи Государства Россійскаго". Сантиментализмъ является отличительной чертой жизни конца XVIII и начала XIX ст., но у Карамзина сантиментальность не искусственная, не напускная: это основная черта его характера, а противъ притворной слезливости онъ возставалъ самъ. Эта сантиментальность отразилась-бы въ характерѣ Карамзина еще болѣе сильно, если-бы онъ не подпалъ другому сильному вліянію,—вліянію своихъ друзей. Особенно интересно для насъ вліяніе на будущаго исторіографа его друга Петрова. По своимъ письмамъ, Петровъ является намъ человѣкомъ живымъ, съ строгимъ критическимъ умомъ, съ основательнымъ образованіемъ. Вотъ какъ самъ Карамзинъ говоритъ о вліяніи на него Петрова: „гдѣ онъ одобрялъ съ спокойной улыбкой,—тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ былъ дѣятельный философъ; я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ, онъ твердъ, какъ мужъ". Отсюда уже видно, какъ энтузіастъ и мечтатель Карамзинъ поддавался вліянію критическаго ума своего друга; развитіе чувства сглаживалось, уравновѣшивалось невольнымъ усвоеніемъ критики фактовъ. Переселившись изъ Симбирска въ Москву, Карамзинъ былъ введенъ въ Новиковское общество. Онъ относился потомъ къ этому обществу несочувственно; но патріотизмъ и братская любовь къ человѣчеству, характеризующіе это общество, выразились потомъ и въ научныхъ произведеніяхъ Карамзина.

Особенно энергическій характеръ принимаетъ и быстро расширяется литературная дѣятельность Карамзина по возвращеніи его изъ-заграницы. Въ этомъ періодѣ мы замѣчаемъ постепенную подготовку его къ научнымъ трудамъ. Въ журналѣ, который началъ издавать Карамзинъ въ это время, именно „Московскомъ Журналѣ“, мы видимъ особый отдѣлъ, въ которомъ помѣщались рецензіи на русскія и иностранныя книги. Почти всѣ эти рецензіи писаны самимъ Карамзинымъ. Онѣ интересны, какъ показывающія критическій талантъ Карамзина, и отличаются мѣткими сужденіями. Въ своемъ журналѣ помѣстилъ Карамзинъ и свои знаменитыя „Письма русскаго путешественника.“ И вотъ въ нихъ уже проглядываетъ тотъ путь, на который выступилъ потомъ Карамзинъ въ своей дѣятельности: передъ нами начинаетъ вырисовываться будущій историографъ. „Говорятъ, пишетъ онъ въ письмѣ изъ Парижа, что наша исторія менѣе другихъ занимательна; не думаю: нуженъ умъ, вкусъ, талантъ; можно выбрать, одушевить, раскрасить; читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и пр. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и иностранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ не очень любопытны,—соглашаюсь, но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то можно сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ— отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій—Владиміръ, свой Людовикъ XI—Іоаннъ, свой Кромвель—Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ—Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаель или Микель-Анджело“. Далѣе въ этомъ-же письмѣ Карамзинъ выставляетъ требованія къ историку: философскій умъ, критика, благородное краснорѣчіе,—вотъ качества, необходимыя историку, по мнѣнію Карамзина. Какъ примѣръ, онъ указываетъ историковъ Тацита, Юма, Гиббона. Несомнѣнно, еще за долго до своихъ занятій исторіей, Карамзинъ принялся за изученіе историковъ древности и великихъ англійскихъ историковъ и подвергся сильному ихъ вліянію. Для насъ интересно изданіе Карамзинымъ журнала „Пантеонъ иностранной литературы“. Еще покидая изданіе „Московскаго Журнала“, Карамзинъ писалъ: „въ тишинѣ уедине-

нія стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя мнѣ менѣе извѣстны, чѣмъ новыя; буду пользоваться сокровищами древности, чтобы приняться за такой трудъ, который бы могъ остаться памятникомъ души и сердца моего". И вотъ изданіе „Пантеона иностранной литературы" стоитъ, какъ кажется, въ связи съ изученіемъ древнихъ писателей: въ этомъ изданіи мы находимъ нѣсколько отрывковъ, въ переводѣ, изъ греческихъ и римскихъ писателей,—Цицерона, Тацита,, Платона и др. Въ 1799 г. Карамзинъ уже пишетъ своему другу Дмитріеву, что значительно увеличилъ свою библіотеку сочиненіями философскими и историческими и особенно занимался русскими лѣтописями: „я по уши влѣзъ, пишетъ Карамзинъ, въ русскую исторію; сплю и вижу Никона съ Несторомъ".

Такъ мало-по-малу формировался нашъ историографъ. Но необходимо указать еще одну замѣчательную черту характера Карамзина, особенно рѣшительно выразившуюся по особому случаю. Эта черта—стойкость убѣжденій. Не взирая на опасность подвергнуться гнѣву императора Александра I, Карамзинъ въ 1810 г. составилъ свою знаменитую записку о древней и новой Россіи. Въ этой запискѣ онъ идетъ открыто въ разрѣзъ съ правительственными планами того періода. Эта черта характера Карамзина ясно выступаетъ и въ его „Исторіи Государства Россійскаго".

Для полноты облика Карамзина-историка нужно еще добавить, что онъ никогда не является педантомъ. Онъ не сердится за ѣдкія нападки на свою „Исторію Государства Россійскаго", когда она появилась въ свѣтъ. Отсутствіе въ немъ педантизма проявляется и въ его частной, семейной жизни. Никогда онъ не дѣлалъ изъ своихъ занятій какого-то священнодѣйствія, недоступности, неприкосновенности. Обыкновенно, сидитъ Карамзинъ, заваленный кругомъ рукописями и фоліантами, и пишетъ свой гигантскій трудъ, и тутъ-же, около него, играютъ дѣти, съ которыми онъ перекидывается словами, смѣется.

Въ „Московскомъ Журналѣ" была напечатана статья профессора Барсова, который, предложивъ планъ предварительныхъ работъ для составленія Русской исторіи, высказалъ взглядъ, что не только самая эта исторія, но уже собираніе и сличеніе матеріаловъ для нея можетъ быть приведено въ дѣйствіе не иначе, какъ обществомъ нѣсколькихъ ученыхъ и трудолюбивыхъ людей „при щедрыхъ пособіяхъ и награжденіяхъ". Карамзинъ понималъ вѣрность этого взгляда при томъ положеніи Русской исторической науки, въ какомъ она тогда находилась, но онъ рѣшился тѣмъ

не менѣе на свой огромный трудъ, утѣшая себя мыслію, „что десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ“.

Въ то время, когда Карамзинъ принялся за свой трудъ, стали появляться новые дѣятели на поприщѣ разработки Русской исторіи, съ новыми требованіями, съ лучшими пріемами критики; увеличилось число любителей принявшихся за собираніе памятниковъ русской древности во всѣхъ видахъ; вмѣстѣ съ этимъ начали появляться въ свѣтъ или готовиться къ изданію матеріалы и т. д. Карамзинъ слѣдилъ за всѣмъ этимъ движеніемъ и былъ въ сношеніяхъ со всѣми выдающимися людьми того времени. Просматривая примѣчанія Карамзина къ „Исторіи Государства Россійскаго“, невольно удивляешься этой громадной работѣ. Массу памятниковъ нашей древней письменности Карамзинъ отыскалъ самъ, въ первый разъ. Выписки его всегда отличаются замѣчательной точностью. Каждый памятникъ подвергается строгой критикѣ. Карамзинъ не удовлетворяется только нашими библіотеками и архивами, а старается получить необходимые ему документы и изъ архивовъ заграничныхъ. Такъ, напр., изъ Кенигсбергскаго архива, въ числѣ прочихъ матеріаловъ, Карамзину были доставлены грамоты послѣднихъ Галицкихъ князей. Старается онъ добыть и переписку папъ изъ Ватиканскаго архива. Карамзина интересуютъ и памятники вещественные: онъ собираетъ свѣдѣнія о кладахъ, древнихъ зданіяхъ и пр... Ни одинъ сомнительный вопросъ не оставленъ Карамзинымъ безъ тщательнаго разбора. Всѣ чужія мнѣнія онъ тщательно разсматриваетъ и провѣряетъ. Всѣ замѣтки, которыя къ нему присылались, онъ вносилъ въ свои примѣчанія съ обозначеніемъ, отъ кого онѣ получены. Этотъ процессъ работы обнаруживаетъ предъ нами Карамзина какъ дѣйствительнаго ученаго, а не обыкновеннаго дилетанта-литератора. Можно не соглашаться съ его взглядами на тѣ или иныя событія, съ его выводами, но спорить съ нимъ, опровергать его, можно только какъ дѣйствительнаго ученаго съ первоисточниками въ рукахъ.

Въ 1805 г. былъ уже готовъ первый томъ „Исторіи Государства Россійскаго“, въ 1807 г. писался уже четвертый, въ 1810 г. пятый, въ 1814 г.—седьмой, въ 1818 г.—восьмой. Въ 1818 г. восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“ уже читались.

Трудъ Карамзина произвелъ, какъ извѣстно, огромное впечатлѣніе. Первые восемь томовъ въ трехъ тысячахъ экземпляровъ разошлись въ

одинъ мѣсяцъ. Не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ въ Россіи, произвела „Исторія Государства Россійскаго" и въ З. Европѣ: въ короткое время ее переводятъ на языки французскій, нѣмецкій и итальянскій; въ европейскихъ журналахъ появляются похвальные отзывы. Особенно замѣчателенъ отзывъ, помѣщенный во французскомъ „Монитерѣ". Этотъ отзывъ заканчивается такъ: слогъ его (Карамзина) важенъ, полонъ достоинства и дышетъ какой-то добросовѣстностью, какимъ-то національнымъ чувствомъ, обличающимъ въ исторіи честнаго человѣка еще прежде ученаго".

Эта характеристика вѣрна дѣйствительности. Въ своей „Исторіи" Карамзинъ не останавливается ни предъ какими соображеніями, изливаетъ свои чувства въ отношеніи отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ и событій. Правда, мы встрѣчаемъ у него иногда приговоры лицамъ, не совсѣмъ соотвѣтствующіе фактамъ. Но причина этого лежитъ въ томъ, что Карамзинъ поставилъ главной задачей своей не исторію русской жизни, а исторію развитія самодержавія. Исходя отсюда, онъ произноситъ и судъ свой надъ лицами и событіями. Въ силу присущихъ его личности, уже знакомыхъ намъ, чертъ характера, Карамзинъ долженъ былъ впадать въ противорѣчія. Такъ, говоря о печальныхъ послѣдствіяхъ татарскаго ига, онъ указываетъ такія: униженіе нравственнаго достоинства въ русскомъ народѣ, введеніе тяжкихъ уголовныхъ наказаній, паденіе вѣчеваго строя. Ставя въ число отрицательныхъ явленій паденіе вѣчеваго строя, Карамзинъ противорѣчитъ основной идеѣ своего труда—развитію самодержавія. Въ силу того-же склада личности Карамзина, у него не существуетъ „vae victis!" („горе побѣжденнымъ!"), и онъ, сочувствуя побѣдѣ государственной идеи, въ то-же время съ сожалѣніемъ и участіемъ останавливается на судьбѣ побѣжденныхъ: его плачъ о паденіи Новгорода по силѣ своей можетъ стать рядомъ съ плачемъ лѣтописца о паденіи Пскова.

Въ своей краткой поминкѣ я не стану вдаваться въ детальный разборъ „Исторіи Государства Россійскаго". Остановлюсь только на одномъ замѣчаніи. Если мы найдемъ въ трудѣ Карамзина противорѣчія, являющіяся результатомъ его личныхъ качествъ, то вмѣстѣ съ этимъ можно указать въ „Исторіи Государства Россійскаго" цѣлый рядъ весьма удачныхъ объясненій историческихъ явленій и рядъ взглядовъ, вытекавшихъ изъ непониманія этихъ явленій вслѣдствіе и недостаточности въ то время матеріаловъ, и малой разработанности ихъ. Такъ, видя въ пришествіи Рюрика не завоеваніе, а призваніе, Карамзинъ тѣмъ не менѣе въ первыхъ

князьяхъ видитъ государей въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Удѣльная система въ своемъ происхожденіи разсматривается Карамзинымъ какъ результатъ личнаго произвола князя, вслѣдствіе любви дѣлившаго Русскую землю между сыновьями. Причину вражды между князьями Карамзинъ видитъ просто въ спорномъ правѣ наслѣдства. Онъ не уяснилъ, или лучше, не понялъ взаимодѣйствія вѣча и дружины, представляя себѣ власть первыхъ князей въ видѣ власти князей Московскихъ. Вслѣдствіе этого, по его мнѣнію, вѣчевое начало обусловливается ослабленіемъ власти княжеской.

Такимъ образомъ, очень, очень многое понимается въ Русской исторіи въ настоящее время иначе, но это является результатомъ уже вѣкового развитія русской исторической науки, а за Карамзинымъ навсегда останется заслуга перваго ученаго, положившаго прочное основаніе разработкѣ Русской исторіи, указавшаго, какъ надо вести ученую историческую работу, и давшаго впервые объясненіе многихъ вопросовъ, не утратившее въ нѣкоторыхъ случаяхъ своего значенія даже и въ настоящее время.

П. Голубовскій.

II.

„Письма русскаго путешественника“, какъ матеріалъ для характеристики умственнаго кругозора и взглядовъ Карамзина.

Отъ имя, писалъ нѣкогда Бѣлинскій о Карамзинѣ, „за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно-ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружій?.. И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы, еще нѣтъ! Съ одной стороны насъ, „какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны“, призываютъ молиться на могилѣ Карамзина и „шептать его святое имя“; а съ другой, слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой“. Прошли десятки лѣтъ, а эти слова все еще „остаются въ общемъ смыслѣ вѣрны“ [1]).

Послѣ минувшаго юбилея 1866 года, когда столѣтняя годовщина дня рожденія Карамзина вызвала послѣдній крупный взрывъ восторга и преклоненія предъ нимъ, все сильнѣе и сильнѣе распространяются взгляды скептиковъ, которые если и признавали въ Карамзинѣ символъ, то лишь символъ добродѣтельной ограниченности и ретроградства. Заподозрѣвается искренность убѣжденій Карамзина, выискивается всякій разладъ между словомъ и дѣломъ его, [2]) набрасывается тѣнь на образованіе его. „Карам-

[1]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина, 1885 г., стр. 183—4.

[2]) Ср., кромѣ того, что слѣдуетъ дальше, въ Очеркахъ по исторіи рус. литературы и просвѣщенія съ начала XIX в., Н. Н. Булича, т. I, 1902 г.

зинъ, по словамъ А. Н. Пыпина, дѣйствительно стоялъ выше массы своихъ современниковъ по образованію, но его средства въ этомъ отношеніи не были созданы только имъ самимъ и не были такъ глубоки, какъ обыкновенно полагаютъ“ [1]). Въ Московскомъ Дружескомъ Обществѣ Новикова-Шварца видитъ г. Пыпинъ источникъ, откуда Карамзинъ „могъ ознакомиться съ главнѣйшими явленіями тогдашней литературы, главнымъ образомъ, нѣмецкой, а также французской и англійской,—безъ особыхъ геніальныхъ усилій, какія ему приписываютъ“ [2]). Геніальныя усилія—конечно, преувеличеніе; но все-таки мы не можемъ не ставить высоко личныхъ заслугъ Карамзина въ дѣлѣ пріобрѣтенія литературнаго образованія, гдѣ-бы это образованіе ни черпалъ онъ, покамѣстъ не будетъ доказано, что Карамзинъ нахваталъ его и повторялъ съ чужого голосу, не продумавъ самостоятельно. Отношеніе къ масонству, приведшее въ концѣ-концовъ къ разрыву съ масонами „Дружескаго Общества“, показываетъ, что Карамзинъ не былъ пассивнымъ ученикомъ Новиковскаго кружка [3]); а переписка Карамзина съ Петровымъ даетъ основаніе думать, что серьезная умственная работа началась для него еще до того, какъ онъ въ Москвѣ примкнулъ къ Новикову и его кружку. По крайней мѣрѣ, уже въ письмахъ своихъ къ Карамзину въ Симбирскъ Петровъ относился къ нему,

поэзія у Карамзина „была чѣмъ-то внѣшнимъ и не выражала ни внутренняго состоянія души его, ни его отношеній къ дѣйствительности. Въ его убѣжденіяхъ не могло быть ни твердости, ни стойкости“, стр. 69. См. вообще стр. 68—75. Панегирикъ Екатеринѣ—плодъ лести, стр. 75, тогда какъ Карамзинъ именно никогда не былъ льстецомъ, а въ панегирикѣ тѣмъ болѣе: см. Н. Дашкевича, Литературныя изображенія императрицы Екатерины II и ея царствованія, особенно со стр. 25 и д., отд. оттискъ.

[1]) Цит. соч., стр. 190.

[2]) Ibid., 191 стр. По Буличу, стр. 69, „едва-ли Карамзинъ былъ знакомъ съ тѣми писателями, которыхъ общество Новикова не долюбливало“.

[3]) Чувство страха тутъ не играло рѣшительно никакой роли; наоборотъ, когда масоны попали въ опалу и Новиковъ былъ арестованъ, Карамзинъ напечаталъ „довольно смѣлую оду „Къ милости“ (П. Милюковъ, Русская поэзія, VII, стр. 55—56), направленную въ защиту свободы мысли и терпимости къ Новикову съ друзьями.

какъ къ завѣдомому поклоннику Шекспира, самъ-же еще „не рѣшался смѣло стать на сторону Шекспировской трагедіи и, не будучи поклонникомъ ложнаго классицизма, тѣмъ не менѣе стоялъ за поэтовъ „съ правилами..."—„Чего нѣтъ въ нихъ (письмахъ Карамзина), касающагося до литературы?" читаемъ также у Петрова: „Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ..." [1])

„Карамзинъ, продолжаетъ г. Пыпинъ, до большой степени остается на томъ уровнѣ идей, который давала масонская мистика". [2]) Подъ вліяніемъ послѣдней у него развивается „нравственный квіетизмъ". „Въ литературѣ онъ останавливается всего больше на томъ, что питаетъ эту безплодную сентиментальность; гораздо меньше дѣйствуетъ на него то, въ чемъ обнаруживалась прямая литературная и общественная борьба, гдѣ ставились положительные вопросы философіи и рѣшались споры дѣйствительной жизни". [3])

Какъ на одно изъ доказательствъ этого, и доказательствъ наиболѣе разительныхъ, любятъ указывать на извѣстныя *Письма русскаго путешественника*.—„Что можемъ найти въ нихъ мы?" спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Карамзина: [4]) „Легкій и пріятный слогъ, легкій и пріятный разсказъ, нѣсколько мимоходомъ записанныхъ глубокихъ мыслей, немало мѣткихъ отзывовъ о произведеніяхъ искусства, столько-же красиво, хотя и реторически нарисованныхъ картинъ природы—и все. Съ болѣе серьезными требованіями къ этой книгѣ обращаться нельзя. Она не введетъ насъ ни въ исторію своего времени, ни въ настроеніе тогдашняго общества. Умъ автора скользитъ по поверхности жизни и какъ-то боится заглянуть въ ея таинственную глубину... Болѣе поверхностнаго наблюдателя, чѣмъ Карамзинъ, трудно даже найти!.." [5]) Когда-же надо до-

[1]) Л. Поливановъ, Избранныя сочиненія Н. М. Карамзина, ч. I. стр. 19—20.

[2]) Ibid., стр. 191.

[3]) Цит. соч., 192.

[4]) Е. Соловьевъ. Н. М. Карамзинъ, его жизнь и учено-литературная дѣятельность, 1894 г., стр. 29.

[5]) Ibid., 20 стр. Ср. Булича, цит. соч. стр. 71: изъ „Писемъ русскаго путешественника" мы видимъ, „какъ незначительны вообще

казать эту поверхностность, то принято ссылаться на тотъ фактъ, что Карамзинъ, будучи въ Парижѣ чуть не въ разгаръ французской революціи, не понялъ совершавшихся предъ нимъ событій; [1]) непониманіе-же явствуетъ изъ того, что Карамзинъ въ *Письмахъ* либо вовсе не касается современныхъ ему знаменательныхъ событій французскихъ, либо отдѣлывается отъ нихъ сентенціями въ родѣ: „всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ, и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надо удивляться порядку, гармоніи, благоустройству. Всякія насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ свой планъ: въ его рукѣ сердца государей и—довольно...“ [2])—Былъ-ли онъ хотя разъ на засѣданіяхъ Національнаго Собранія?“ спрашиваетъ тотъ-же новѣйшій біографъ Карамзина, и отвѣчаетъ: „Кажется, нѣтъ: это было не его дѣло“. [3])

Однако, Н. Тургеневъ, кстати сказать, отнюдь не поклонникъ Карамзина, засвидѣтельствовалъ, что „Робеспьеръ внушалъ послѣднему чуть не поклоненіе. Его (Карамзина) друзья разсказывали, что при извѣстіи о смерти страшнаго трибуна онъ пролилъ слезы; въ старости онъ еще говорилъ о немъ съ уваженіемъ, удивляясь его безкорыстію, серьезности и твердости его характера, и даже его скромному костюму, который, по словамъ его, былъ контрастомъ костюму людей этого времени“. [4])

Кажется, достаточно одного этого безпристрастнаго отзыва, чтобы снять упрекъ съ Карамзина въ невниманіи къ французской революціи и ея дѣятелямъ. То-же, что было напечатано по поводу революціи въ *Письмахъ русскаго путешественника*, очень просто объясняется при внимательномъ разсмотрѣніи литературной исторіи *Писемъ*, которое лишь въ самое послѣднее время было обстоятельно произведено и привело къ

и мелки были восторги, наблюденія и симпатіи Карамзина, какъ неопредѣленны его стремленія, проникнутыя меланхоліей и сентиментальностью“.

[1]) А. Н. Пыпинъ, цит. соч., стр. 194—198; Е. Соловьевъ, цит. соч., 27—29; Н. Н. Буличъ, цит. соч. 71—72.

[2]) Е. Соловьевъ. 28, Буличъ, 72.

[3]) Ibid., 28.

[4]) А. Н. Пыпинъ, цит. соч., стр. 250.

результатамъ, довольно поучительнымъ. [1]) Прежде всего, оказывается уже несомнѣннымъ, что *Письма* составлялись не въ дорогѣ, подъ непосредственными свѣжими впечатлѣніями путешественника, а значительно позднѣе, въ тиши кабинета. Въ нихъ не интимная бесѣда съ близкими, задушевными друзьями обо всемъ, что обратило на себя вниманіе путешественника, а популярное ознакомленіе русской публики съ тѣмъ, что было на Западѣ достопримѣчательнаго и полезнаго для этой публики.

Французская революція также имѣлась въ виду, но... нельзя забывать, что *Письма русскаго путешественника* въ 1791—92 гг. появились въ печати *не полностью*; они обрываются на описаніи только перваго дня пребыванія Карамзина въ Парижѣ, того дня, когда со всѣхъ сторонъ нахлынули на него впечатлѣнія, когда головокружительная суета, шумъ и блескъ Парижа оглушили его, ослѣпили и погрузили въ какое-то забытье... „Голова моя закружилась—я погрузился въ пріятную задумчивость!“ Затѣмъ на два года Карамзинъ замолкаетъ, и вдругъ сообщаетъ о своемъ пребываніи въ Кале, о путешествіи по морю и о первыхъ мимолетныхъ впечатлѣніяхъ отъ Англіи. На этомъ разсказъ опять обрывается; слѣдуетъ описаніе Парижскихъ театровъ, потомъ разсказъ о посѣщеніи великосвѣтскаго салона, о встрѣчѣ съ королевской семьей, и, наконецъ, послѣдній отрывокъ содержитъ описаніе разговора автора съ нищей старухой. Уже изъ этого безпорядочнаго бросанія отъ Франціи къ Англіи и обратно, изъ этого тщательнаго подбора мѣстъ, самыхъ безобидныхъ, видно, по основательному замѣчанію г. Сиповскаго, что съ *Письмами русскаго путешественника* или произошло цензурное крушеніе, или этого крушенія боялся Карамзинъ и потому самъ изуродовалъ свое произведеніе. [2])

---

[1]) В. В. Сиповскій: Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“, С.-Петербургъ, 1899 г.

[2]) В. В. Сиповскій, цит. соч. стр. 159—160. Ср. у А. И. Кирпичникова: „Какимъ образомъ этотъ путешественникъ, пылкій другъ свободы, ученикъ Руссо, готовый упасть на колѣни передъ Фіеско, можетъ такъ презрительно отзываться о Парижскихъ событіяхъ и не хочетъ въ нихъ видѣть ничего, кромѣ бунта, устроеннаго партіей „хищныхъ волковъ?“ Объяснять-ли это политической близорукостью Карамзина или цензурными условіями? Воспитанникъ Дружескаго Общества не могъ относиться съ симпатіей къ открытому возстанію, но съ другой стороны и боязливая осторожность играла здѣсь не малую роль... У Карамзина самая тщательная обработка періодовъ въ

Отдѣльное изданіе 1797—98 гг. также оказывается неполнымъ и пріостанавливается какъ разъ на описаніи революціоннаго броженія; двѣ-же послѣднія части, начинающіяся словами: „Говорить-ли о французской революціи...“ были разрѣшены къ печатанію только въ 1801 г., когда и вышло полное изданіе *Писемъ*.

Слѣдовательно, со времени путешествія и вынесенныхъ за время его впечатлѣній до полнаго изданія *Писемъ* прошло свыше 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ и революція прошла чрезъ немало кровавыхъ, тягостныхъ событій.

Что Карамзинъ за всѣмъ слѣдилъ внимательно, о томъ свидѣтельствуетъ напечатанное одно изъ *Писемъ* въ 1792 г., гдѣ встрѣчается цѣлый рядъ самыхъ тревожныхъ сообщеній: волненіе въ деревняхъ, бунтъ солдатъ, грабежи монастырей, бѣгство знати, насиліе крестьянъ надъ аристократами, грозные крики „à la lanterne“, растерзанные трупы. Тогда Карамзинъ, приглядываясь къ французской революціи, боялся за судьбы Франціи... „Можетъ быть, друзья мои, восклицаетъ онъ, можетъ быть, въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ... Кто поручится, чтобы вся Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ— рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту!“ [1]) Такимъ образомъ, хотя и не безъ нѣкоторой реторики, все же здѣсь выраженъ взглядъ на происшествія во Франціи, какъ на событія міровой важности, способныя кореннымъ образомъ отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ французской жизни.

Далѣе въ 1797 году въ статьѣ Un mot sur la litterature russe, напечатанной въ Spectateur du Nord, Карамзинъ, касаясь между прочимъ и *Писемъ русскаго путешественника*, пишетъ: „Наконецъ, авторъ говоритъ о революціи... Французская революція есть одно изъ тѣхъ событій, которыя опредѣляютъ судьбы людей на многіе вѣка. Начинается новая эпоха; я это вижу, а Руссо предвидѣлъ. Почитайте Эмиля, и книга выпадетъ у васъ изъ рукъ. Я слышу восклицанія за и противъ, но я

письмѣ отъ апрѣля 1790 г., повидимому, свидѣтельствуетъ, что тирады въ восхваленіе стараго порядка во Франціи писаны на показъ“. Русская поэзія, VII, стр. 59.

[1]) Ibid. стр. 162—163.

далекъ отъ подражанія крикунамъ. Сознаюсь, что мои мысли объ этомъ не вполнѣ зрѣлы. Событія слѣдуютъ одно за другимъ, какъ волны взволнованнаго моря, и революцію готовы считать уже окончившеюся. О нѣтъ! Еще увидятъ поразительныя вещи; крайнее возбужденіе умовъ служитъ тому предзнаменованіемъ“ [1]).

Еще характернѣе слѣдующее признаніе Карамзина въ стихотвореніи *Къ добродѣтели:*

Когда міръ цѣлый трепеталъ,
Волнуемый страстями злыми,
Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
Творилъ обѣты... слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной...
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обманутъ былъ? [2])

т. е. было, значитъ, время, когда Карамзинъ *былъ обманутъ призракомъ*, или, другими словами, раздѣлялъ принципы революціи [3]). Въ 90-хъ годахъ *выражать* сочувствіе было, конечно, немыслимо, зато и безусловно *осудить* революцію даже еще въ изданіи *Писемъ* 1797 г. Карамзинъ не рѣшился [4]), хотя къ этому времени къ увлеченію революціонными идеалами примѣшивается нѣчто иное. Въ 1792 году писалъ Карамзинъ Дмитріеву: „Я живу, любезный другъ, въ деревнѣ съ людьми милыми, съ книгами и съ природою, *но часто бываю очень, очень безпокоенъ въ моемъ сердцѣ*. Повѣришь ли, что ужасныя происшествія Европы волнуютъ душу мою? Бѣгу въ густую мрачность лѣсовъ, но мысль о разрушаемыхъ городахъ и погибели людей вездѣ тѣснитъ мое сердце“... [5]) Событія идутъ своимъ чередомъ,—и безпокойство смѣняется отча-

[1]) В. В. Сиповскій, цит. соч., стр. 163.

[2]) Русская поэзія, VII, стр. 130, 1803 г.

[3]) Ср. у Тургенева о Карамзинѣ: „Извѣстно было, что онъ вовсе не былъ врагомъ формъ правленія, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія управляютъ Россіей; онъ былъ даже энтузіастомъ ихъ“. А. Н. Пыпинъ, цит. соч. 249—250.

[4]) В. В. Сиповскій, 184.

[5]) Избр. сочиненія Карамзина I. XXXIX.

яніемъ, вылившимся въ 1795 году словами Мелодора [1]): „Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни... Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ Наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія?—Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя—въ крови и пламени не узнаю тебя—среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу Искусствъ и Наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго: драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая Натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются—сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества. Мизософы торжествуютъ: „Вотъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они: вотъ плоды вашихъ Наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша философія!“...

Приведенный отрывокъ, любопытный для характеристики настроенія Карамзина, важенъ и въ другомъ отношеніи: онъ снимаетъ съ Карамзина упрекъ въ непониманіи связи между освободительнымъ умственнымъ движеніемъ Европы XVIII в. и революціей. Карамзинъ, по словамъ А. Н. Пыпина [2]), „забываетъ, что идеи народнаго права, которыя теперь такъ бурно высказывались, были идеи его Руссо, что онъ (Руссо) уже требовалъ справедливости и свободы, отказъ въ которыхъ вызвалъ, наконецъ, это страшное потрясеніе“. Но вѣдь подъ „соединеніемъ теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностью“ Карамзинъ имѣлъ въ виду именно примѣненіе къ жизни „законовъ чистаго разума“, и когда ожидалъ, „что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго

[1]) Ibid. стр. 469—470.

[2]) Цит. соч. стр. 196.

разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни", то ожидалъ именно распространенія въ обществѣ идей Руссо [1]). Тѣмъ-то особенно и поразила Карамзина французская революція, что въ ней онъ увидѣлъ „соединеніе теоріи съ практикой" кровавое, насильственное, способное подорвать довѣріе къ самому просвѣщенію! Торжества „мизософовъ"—вотъ чего больше всего боится Карамзинъ, вотъ что считаетъ „ужаснѣйшимъ зломъ для бѣднаго человѣчества!"

Подъ вліяніемъ такого настроенія и не безъ отношенія ко взглядамъ на революцію въ русскихъ правящихъ сферахъ, въ изданіи 1797 г. сравнительно съ изд. 1792 начинаютъ проскальзывать нѣкоторыя характерныя поправки [2]):

Изд. 1792 г.	Изд. 1797 г.
бунтовалъ тамошній *народъ*...	бунтовала тамошняя *чернь*...
заглушитъ *уличный шумъ*...	заглушить шумъ *пьяныхъ бунтовщиковъ*...
... (трупъ) Фуллона, *влачимый*...	... (трупъ) Фуллона, *терзаемый*...

Наконецъ, къ 1801 г., когда всѣ лучшія стремленія революціи заглохли и словно выродились въ цезаризмъ Наполеона, Карамзинъ окончательно извѣрился въ революціи:

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила...
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство—одна мечта. [3])

Отсюда, въ письмахъ, появившихся въ 1801 г. и описывающихъ Парижъ, мы встрѣчаемъ рядомъ съ зловѣщимъ предсказаніемъ Рабле, что

---

[1]) Ср. приведенныя выше слова, что начинается новая эпоха, которую предвидѣлъ Руссо.

[2]) В. В. Сиповскій, цит. соч., 165.

[3]) На коронованіе Александра I,—1801; Русская поэзія, VII, 126.

„земля упьется потоками крови", самое безмятежное отношеніе къ удовольствіямъ Парижскимъ, подробное описаніе театральныхъ зрѣлищъ и нѣсколько полушутливыхъ, полупрезрительныхъ словъ по поводу революціи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, какъ совершенно справедливо объясняетъ это г. Сиповскій, несомнѣнно, 1) съ *сокращеніемъ* цѣлаго ряда фактовъ и соображеній, по мнѣнію Карамзина, неудобныхъ для печати, и 2) съ *наслоеніемъ* презрительнаго отношенія къ событію, которое обмануло автора и потому слишкомъ поспѣшно было сведено имъ въ разрядъ событій второстепенной важности. [1]) Такой осадокъ оставила революція не въ одномъ Карамзинѣ; и если Карамзинъ, отъ природы мягкій, мечтатель, болѣе теоретикъ, чѣмъ практикъ, подъ вліяніемъ испытаннаго не имъ однимъ разочарованія извѣрился вообще въ рѣзкихъ, насильственныхъ переворотахъ и сталъ склоняться на сторону постепеннаго спокойнаго прогресса на почвѣ послѣдовательнаго нравственнаго развитія людей, то это понятно, и едва ли заслуживаетъ тѣхъ нареканій, которыя раздавались по адресу Карамзина.

Во всякомъ случаѣ, упрекать Карамзина, будто онъ, путешествуя, проглядѣлъ французскую революцію, теперь не приходится.

Точно такъ же и въ другихъ отношеніяхъ не мало преувеличенія въ томъ, будто „болѣе поверхностнаго наблюдателя, чѣмъ Карамзинъ, трудно даже и найти".

Карамзинъ, говорятъ, мало имѣлъ интереса къ вопросамъ этнографическимъ и соціальнымъ; [2]) но самъ же г. Пыпинъ признаетъ, что тогда подобными вопросами мало интересовались, да и Карамзинъ не вовсе обходилъ ихъ; у г. Пыпина мы находимъ, что Карамзинъ „напримѣръ, былъ очень заинтересованъ политическими и общественными нравами Англіи," [3]) гдѣ, сошлемся на слова А. Н. Веселовскаго, „онъ внимательно присмотрѣлся къ институту мирового суда, къ суду присяжныхъ, вѣротерпимости, самоуправленію, слышалъ въ парламентѣ Фокса, Шеридана, вѣроятно и Ворка." [4]) О Франціи было достатачно сказано; „житье въ Швейцаріи не только дало ему много сладостныхъ минутъ на родинѣ его кумира Руссо, и пріучило

---

[1]) В. В. Сиповскій, Ibid. 162.

[2]) А. Н. Пыпинъ, Исторія р. литературы, IV, 199.

[3]) Ibid.

[4]) Западное вліяніе въ новой р. литературѣ, 1896 г., 140 стр.

понимать и описывать, по примѣру его и Томсона, красоты природы, но внушило ему сочувствіе къ швейцарскому соціальному строю." [1]) Въ Германіи жизнь по преимуществу сосредоточивалась въ отвлеченной работѣ ума и творчества, и объ этомъ у Карамзина собрано много интереснаго и поучительнаго.

Но все это будто бы въ такомъ видѣ, что „въ результатѣ для Карамзина что Кантъ, что Лафатеръ—все равно или даже Лафатеръ несравненно интереснѣе." [2]) Положимъ, Лафатера называли чуть не шарлатаномъ, но въ то же время онъ былъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ и характернѣйшихъ для конца XVIII в. людей; надъ нимъ довольно долго останавливается Шлоссеръ въ исторіи XVIII в., и самъ г. Пыпинъ указываетъ въ немъ черты, способныя остановить на себѣ вниманіе и, въ частности, произвести извѣстное обаяніе на молодого увлекающагося юношу. Карамзину, впрочемъ, собственно ставится въ вину совершенно некритическое отношеніе къ Лафатеру: наговоривъ комплиментовъ Канту, „тѣмъ не менѣе онъ ищетъ откровенія у Лафатера и глубокихъ объясненій „натуры" у Боннета." [3]) Посмотримъ, однако, что говоритъ самъ Карамзинъ:

„Вы, конечно, не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ можетъ о томъ сказать." [4])—„Всякой чужестранецъ," какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ нашъ путешественникъ, „пріѣзжающій въ Цюрихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера," [5]) и Карамзинъ, знакомя русскую публику съ тѣмъ, что было на Западѣ любопытнаго, не обошелъ и Лафатера. Интересъ къ Лафатеру и свѣтлое воспоминаніе, которое навсегда о

[1]) А. Веселовскій, ibid. 140.

[2]) А. Н. Пыпинъ, Общ. движеніе, стр. 192.

[3]) А. Н. Пыпинъ, цит. соч., стр. 192; ср. у Булича: „Его философія и литературныя убѣжденія неясны и туманны, въ нихъ нѣтъ ничего положительнаго", реальнаго, съ одинаковымъ равнодушіемъ или съ одинаковымъ уваженіемъ и любопытствомъ онъ заводитъ знакомство съ людьми самыхъ противоположныхъ убѣжденій. Для Карамзина равно дороги: и Кантъ, творецъ критической философіи, и Лафатеръ, фантазеръ-мистикъ, чуть не духовидецъ." Цит. соч., 71.

[4]) Письмо LXII.

[5]) Письмо LIII.

немъ осталось у Карамзина, ничуть не представляются слѣдствіемъ того, чтобы Карамзинъ не могъ оцѣнить или понять чего-либо болѣе серьезнаго и глубокаго. Авторъ *Писемъ* не излагаетъ читателямъ всей сущности философіи Канта, быть можетъ, считая это слишкомъ спеціальнымъ; но самъ-то онъ хорошо зналъ ее, такъ какъ давно уже было обращено вниманіе на сходство убѣжденій Карамзина со взглядами Канта относительно дружбы, добродѣтели, монархическаго правленія; и въ пресловутой *Запискѣ о древней и новой Россіи*, гдѣ готовы находить измѣну идеаламъ юношеской поры, находятъ также именно развитіе мыслей Канта. [1])

Въ виду характера и назначенія *Писемъ* Карамзинъ и не задавался цѣлью излагать философскія системы, писать научные трактаты по вопросамъ западно-европейской жизни; онъ имѣлъ въ виду набросать общій очеркъ этой послѣдней, что и сдѣлалъ въ общемъ настолько хорошо, какъ никто у насъ ни до него, ни послѣ. Если въ частностяхъ можно-бы отыскать пробѣлы, то вѣдь они неизбѣжны при томъ грандіозномъ планѣ освѣтить всѣ стороны описываемой Карамзинымъ природы и жизни, какой находимъ въ *Письмахъ*. Перечислять всѣ вопросы, затронутые Карамзинымъ, значило-бы повторять много разъ говоренное; недочеты же здѣсь, какъ мы видѣли, далеко не такъ велики, какъ иной разъ это представляется, и даже, независимо отъ своей полноты или неполноты, глубины или поверхностности, *Письма* въ высшей степени важны по своей общей идеѣ. Когда Западъ все болѣе и болѣе начинаетъ представляться очагомъ пагубной заразы, когда Фонвизинъ не находитъ на Западѣ ничего, кромѣ грязи и шарлатанства, растлѣнія, выходятъ *Письма*, этотъ призывъ ко всему лучшему, чѣмъ богатъ былъ Западъ и бѣдна Россія, призывъ къ просвѣщенію, наукѣ, литературѣ, гражданственности, человѣчности! Въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ годинъ русской жизни Карамзинъ *Письмами* и всей вообще литературной дѣятельностью этой эпохи становится передовымъ, виднѣйшимъ борцемъ за просвѣщеніе и развитіе по той дорогѣ, которая обязательна для всѣхъ, кто претендуетъ на званіе человѣка. Карамзинъ, насколько можетъ, старается знакомить русское общество съ движеніемъ европейской мысли, съ лучшими образцами европейской литературы,

[1]) Матеріалы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа, Н. Лыжина, въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, кн. III, 1859 г.

защищаетъ самую науку и просвѣщеніе отъ мизософовъ [1]): „Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ, напротивъ того, средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо наукъ? Разогнемъ книгу Исторіи: за что ни лилась кровь человѣческая? Напримѣръ, распри суевѣрія вооружали сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую Религію? Напротивъ того, не она-ли обезоружила, наконецъ, сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ, мой другъ, я имѣю довѣренность къ мудрости Властителей и спокоенъ"...

А. Лобода.

---

[1]) Избр. сочиненія, т. I. стр. 477. См. вообще: Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи; посланія Мелодора къ Филалету и обратно.

III.

Основная идея труда Н. М. Карамзина и его воспитательное значеніе.

Въ нашей исторіографіи, далеко не бѣдной учеными дарованіями, имя Карамзина по всей справедливости занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, онъ значительно расширилъ объемъ извѣстныхъ давно источниковъ, удачно воспользовался учеными пріемами, введенными въ нашу науку знаменитымъ Шлецеромъ, и изложилъ результаты своего труда превосходнымъ для своего времени, истинно художественнымъ языкомъ. Достоинство „Исторіи Государства Россійскаго“ въ томъ именно заключается, что въ ней авторъ глубокую ученость сумѣлъ соединить съ высокимъ литературнымъ дарованіемъ. Появившись почти наканунѣ событій 14 декабря. трудъ Карамзина, за нѣкоторыя особенности своего направленія, естественно долженъ былъ подвергнуться нападкамъ со стороны представителей господствовавшихъ тогда въ нашемъ обществѣ политическихъ идей; но дальнѣйшая исторія показала, на чьей сторонѣ была историческая правда. Карамзина упрекали и по сей день упрекаютъ въ томъ, что онъ въ своемъ трудѣ сосредоточилъ вниманіе почти исключительно на развитіи государственнаго начала. Но, во-первыхъ, государственные интересы въ древней Руси дѣйствительно были преобладающими интересами жизни, а, во-вторыхъ, требовать отъ Карамзина, какъ историка, болѣе широкаго пониманія своей задачи значитъ допустить неисторичность въ оцѣнкѣ историческаго дѣятеля—для всего есть время. Извѣстно, что и монументальный трудъ Соловьева въ разсматриваемомъ отношеніи не далеко ушелъ отъ исторіи Карамзина. Вообще, мы и по настоящее время не имѣемъ такой исторіи, которая бы широко, всесторонне охватывала всѣ стороны народной жизни.—Это же слѣдуетъ сказать и относительно посылаемаго по адресу Карамзина упрека въ значительной искусственности въ передачѣ хода

событій. Дѣло въ томъ, что идея естественной эволюціи во время Карамзина еще и на западѣ была новостью, а къ намъ она проникла гораздо позднѣе съ исторической школой, первыми серьезными представителями которой у насъ были Соловьевъ, Кавелинъ, Валуевъ и др. Вообще, почти всѣ недостатки исторіи Карамзина были недостатками его эпохи, а многія изъ достоинствъ его труда были его личными достоинствами. Можно было бы указать цѣлый рядъ славныхъ историческихъ дѣятелей, которые торжественно засвидѣтельствовали, что они, напримѣръ, только изъ исторіи Карамзина научились любить и уважать Россію. Еще и теперь можно встрѣтить людей съ авторитетными именами, утверждающихъ, что для начинающихъ историковъ они не знали лучшей книги, какъ исторія Карамзина. И дѣйствительно, въ наше время, когда наука обнаруживаетъ тенденцію сводить факторы исторической жизни къ химіи, физикѣ, механикѣ, когда все истинно человѣческое, если можно такъ выразиться, выпаривается и изгоняется изъ исторіи, исторія Карамзина съ ея высокимъ идеализмомъ, съ ея глубокимъ проникновеніемъ нравственнымъ началомъ, является трудомъ въ своемъ родѣ неподражаемымъ и незамѣнимымъ.

В. Завитневичъ.

IV.

Л. Ранке о трудѣ Н. М. Карамзина.

Для болѣе обстоятельной оцѣнки труда Карамзина считаю умѣстнымъ напомнить, что въ 1866 г., т. е. во время юбилейнаго чествованія памяти историографа, патріархъ нѣмецкой исторической науки Леопольдъ Ранке, получивъ извѣщеніе объ этомъ чествованіи, писалъ въ Петербургъ слѣдующее: „Карамзинъ имѣетъ, главнымъ образомъ, ту заслугу, которой именно я не въ состояніи оцѣнить. Онъ писалъ превосходно на своемъ языкѣ, доступно для своего народа и черезъ то сдѣлался популярнымъ. Но его популярность пріобрѣтена имъ не на счетъ учености въ изслѣдованіяхъ. Я обращался къ его труду съ пользою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которыхъ онъ касается, и живо чувствовалъ его отсутствіе въ тѣхъ эпохахъ, о которыхъ онъ не писалъ; но и въ этомъ я не могу присваивать себѣ рѣшительнаго сужденія. Радуюсь только тому, что въ народномъ русскомъ писателѣ я нашелъ вмѣстѣ человѣка, который умѣлъ связывать, *съ наилучшимъ успѣхомъ*, Русскую исторію со всеобщею. Такимъ образомъ, онъ писалъ не только для своего народа, *но и вообще для цѣлаго міра*“.

Полагаю, что трудно выразить иначе въ столь немногихъ словахъ главныя достоинства труда русскаго историографа, какъ это сдѣлалъ нѣмецкій историкъ. Вышеприведенная оцѣнка отмѣчаетъ ту преобладающую особенность произведенія Карамзина, которая на-долго еще сохранитъ все свое значеніе.

В. Иконниковъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

Лѣтопись занятій Археографической коммиссіи за 1900 годъ. Выпускъ тринадцатый подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ. С.-Петербургъ. 1901 г. Въ послѣднемъ выпускѣ Лѣтописи археографической коммиссіи кромѣ свѣдѣній о дѣятельности ея, т. е. протоколовъ, списка изданій коммиссіи и списка книгъ, поступившихъ въ ея библіотеку, помѣщено нѣсколько статей. Такъ г. Адріановъ издалъ въ этомъ выпускѣ житіе преп. Евфросина Синеозерскаго, написанное въ 1650 году старцемъ Троицкой Синеозерской пустыни Іоной Филипповымъ Суровцынымъ. Г. Прѣсняковъ въ маленькой замѣткѣ восполняетъ по рукописи Публичной Библіотеки текстъ 1-ой главы Воскресенской лѣтописи, такъ какъ въ спискахъ, послужившихъ для изданія коммиссіи, эта глава не сохранилась. Г. Гильтебрандтъ издалъ съ приложеніемъ факсимиле жалованную грамоту кн. Юрія Лынгвиневича боярину Воронцу 1455 г. Грамота найдена въ частномъ собраніи. Гораздо большій интересъ представляютъ статьи г. г. Шахматова, Чуриловскаго и Гурлянда.

А. А. Шахматовъ знакомитъ съ весьма интересной новинкой, давая описаніе Супрасльскаго списка западно-русской лѣтописи. Это тотъ самый списокъ, съ котораго издавалъ литовскую лѣтопись покойный Даниловичъ: о потерѣ ея тщетно скорбѣли многіе ученые, и по адресу почтенной памяти Даниловича не разъ посылались весьма недвусмысленные упреки. Оказывается, что рукопись съ 1840 года преспокойно хранилась въ Археографической коммиссіи. Интересно, что объ этомъ спискѣ, повидимому, забыли и тогда, когда принялись издавать западно-русскія лѣтописи. Теперь А. А. Шахматовъ сдѣлалъ любопытное открытіе и дѣйствительно весьма важное въ научномъ отношеніи.

Г. Чуриловскій составилъ описаніе собранія документовъ Ходоровича, принадлежащихъ коммиссіи. Все собраніе состоитъ изъ 86 документовъ, относящихся къ 1527—1776 годамъ. Они относятся по мѣстности къ Жомойтской землѣ и Велижскому старосту, а по содержанію представляютъ собою акты, касающіеся землевладѣнія и другихъ имущественныхъ отношеній. Описаніе, составленное г. Чуриловскимъ, представляетъ собою однако нѣкоторыя странности. Большею частью авторъ приводитъ заглавіе, находящееся въ самомъ документѣ, и затѣмъ приводитъ „реченія", упоминаемыя въ грамотѣ, очевидно весьма интересуясь филологической стороной актоваго языка. Цѣль выборки этихъ „реченій" совсѣмъ непонятна, такъ какъ авторъ указываетъ и объясняетъ самыя обыкновенныя западно-русскія слова. Возьмемъ описаніе любого документа. Напр., въ № 24 встрѣчаемъ отмѣченными такія „реченія": возный, тесть, мужъ, жона, сторона поводовая; по мнѣнію автора, почему-то заслуживаетъ вниманія употребленіе слова *годъ* въ смыслѣ *года*, и онъ даже подсчитываетъ, сколько разъ это слово упоминается въ документѣ, употребленіе слова *рокъ* въ смыслѣ *срока*, окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на *ть* и т. д. Подобнаго рода выборки встрѣчаются при каждомъ документѣ. Очень любопытна также и точность описанія: въ описаніи № 39 замѣчено, что въ документѣ встрѣчается шесть глаголовъ съ окончаніемъ въ неопр. накл. на *ть*; въ описаніи № 40—что предлогъ *одъ* встрѣчается трижды. Вообще, филологія довольна странная, но часто и невѣрная. Объясненіе словамъ не всегда дается точное. Напр., въ № 43 слово *велдомый* объяснено „должность при панскомъ дворѣ"; тоже сказано для объясненія „вѣлдомый не похожій" въ № 24 и т. д. Между тѣмъ въ описаніе документовъ не вошли указанія, интересныя для историка и юриста. Это вскрывается изъ тѣхъ же реченій, приводимыхъ авторомъ для цѣлей филологическихъ. Такъ, въ описаніи продажныхъ записей пропущены размѣры продаваемой земли и цѣна ея (ясно изъ №№ 2, 4, 5, 9 и мн. др.). Очень интересно было бы знать выраженіе, въ которомъ упоминается статутъ въ актѣ 1551 г. (№ 8). Судебный актъ, описанный подъ № 13, очевидно, имѣетъ отношеніе къ копному суду, хотя объ этомъ не упомянуто въ описаніи и т. д. Такимъ образомъ, описаніе не можетъ быть признано точнымъ.

Самой интересной и крупной статьей въ настоящемъ выпускѣ „Лѣтописи" является статья г. Гурлянда „Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ". До сихъ поръ объ этомъ приказѣ существовали различныя

мнѣнія, большею частью основанныя на словахъ Котошихина. Г. Гурлянду, благодаря открытому имъ новому архивному матеріалу, удалось установить время возникновенія приказа и въ общихъ чертахъ указать на его компетенцію. По изысканіямъ автора, приказъ тайныхъ дѣлъ возникъ около 1646 г., а закрылся въ 1676 г. Такимъ образомъ, въ первые же годы царствованія п. Алексѣя Михайловича около него возникаетъ особая канцелярія; она формируется однако не сразу и только къ 1654 г. становится въ ряды другихъ приказовъ. Что касается компетенціи приказа, то авторъ, не высказываясь пока въ этомъ отношеніи категорически, подтверждаетъ въ общемъ мнѣніе, что приказъ этотъ вѣдалъ самыя разнородныя дѣла.

Виленскій Центральный архивъ древнихъ актовъ выпустилъ два интересныхъ изданія. Первое изъ этихъ изданій—очевидно, начало цѣлой серіи описей, чему нельзя не порадоваться. (Оно озаглавлено: *Опись документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ. Выпускъ 1. Акты Россіянскаго земскаго суда за 1575—1586 годы, №№ 14575—14586.* Вильно, 1901 г.). Этою книгою Архивъ начинаетъ изданіе архивныхъ описей. Правда, каталогъ Виленскаго Архива, изданный Гарбачевскимъ, даетъ по крайней мѣрѣ возможность оріентироваться въ книгахъ, хранящихся въ Архивѣ. Теперь начато изданіемъ описаніе документовъ. Значеніе предпринятаго нынѣ Виленскимъ архивомъ изданія вполнѣ понятно и слѣдуетъ только пожелать его продолженія. Что касается выполненія самой задачи описанія, то достаточно напомнить, что описаніе сдѣлано подъ руководствомъ такого опытнаго архивиста, какъ И. Я. Спрогисъ. Описаніе отдѣльныхъ актовъ, при необходимой краткости, даетъ вполнѣ ясное представленіе о содержаніи его.

Второе изданіе Виленскаго Архива—краткая исторія самаго Архива въ виду исполнившагося пятидесятилѣтія его существованія (*Пятидесятилѣтіе Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ. Историческій очеркъ, 2 апрѣля 1852—1902 г. составилъ помощникъ архиваріуса В. К. Голубъ. Вильна 1902 г.*). Кромѣ краткой оцѣнки дѣятельности Архива, эта книга содержитъ въ себѣ указанія на имѣющіяся въ Архивѣ описи, а также перечень судебныхъ учрежденій Вел. Кн. Литовскаго съ означеніемъ ихъ компетенціи и характера составленныхъ въ нихъ актовыхъ книгъ.

А. Сапуновъ. Архивъ Полоцкой Духовной Консисторіи. М. 1902 г. Въ настоящую книгу, составленную извѣстнымъ знатокомъ Витебскихъ древностей, вошло описаніе отдѣльныхъ документовъ, доставленныхъ въ Полоцкую Духовную Консисторію изъ б. уніатскихъ церквей. Документы относятся къ XVI—XVIII вв. Это цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ, купчихъ, различныхъ сдѣлокъ имущественнаго характера, судебныхъ процессовъ и др. Есть и переписка частнаго характера, напр. письма К. Жоховскаго и др., инвентари церковнаго имущества и церковныхъ земель и др. Вообще архивъ представляетъ богатѣйшій источникъ какъ для изученія исторіи мѣстной церкви, такъ и для экономическихъ отношеній. Опись составлена г. Сапуновымъ очень хорошо: вполнѣ точно переданное содержаніе документовъ сопровождается выдержками изъ наиболѣе интересныхъ.

М. Д.-З.

Дополненія и поправки.

I. Къ ст. И. Шаровольскаго:

„Юношеская идиллія Гоголя".

Къ стр. 13, прим. 2.

Настоящая работа была написана въ концѣ 1901 г.; поэтому въ предложенный перечень трудовъ, касающихся идилліи Гоголя, не вошли появившіяся въ 1902 г. изслѣдованія, которыя могли бы по праву занять въ немъ мѣсто.

На стр. 16, въ строкѣ 16 написано: „мы не будемъ"; исправить: „мы и не должны".

Къ стр. 16, прим. 1.

Въ „Русской Старинѣ" 1898, т. 94, стр. 605 сл. помѣщено „Письмо книгопродавца Лисенкова—Криворотовымъ (въ Одессу)", гдѣ сообщается слѣдующее: „Онъ (Гоголь) прежде былъ такой молчаливый и таинственный, что напечаталъ онъ въ первый разъ свое сочиненіе: „Ганцъ Кюхельгартенъ или картины", принесъ ко мнѣ на продажу и черезъ недѣлю спросилъ, продается ли. Я сказалъ, что нѣтъ, онъ забралъ ихъ и только и видѣли, должно быть печка поглотила и тѣмъ и кончилось, что теперь нигдѣ нѣтъ этой книги, и публика не знаетъ и не видала его перваго произведенія".

Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемъ новое свидѣтельство о принадлежности идилліи перу Гоголя и о постигшей ее судьбѣ.

Къ стр. 30.

Въ XVIII картинѣ идилліи встрѣчаются слѣдующіе стихи: сообщивъ, что Ганцъ невольно груститъ, разставаясь навсегда со своими мечтами, авторъ приводитъ такое сравненіе:

Такъ въ заключеньи школьникъ ждетъ,
Когда желанный срокъ придетъ.
Лѣта къ концу его ученья—
Онъ полонъ думъ и упоенья,
Мечты воздушныя ведетъ:
Онъ независимый, онъ вольный,
Собой и міромъ всѣмъ довольный.
Но, разставаяся съ семьей
Своихъ товарищей, душой
Дѣлилъ съ кѣмъ шалость, трудъ, покой—
И размышляетъ онъ, и стонетъ,
И съ невыразною тоской
Слезу невольную уронитъ. [1])

Если принять во вниманіе, что и Гоголь также съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія курса ученія и много мечталъ о своей будущей дѣятельности еще во время пребыванія въ гимназіи, то окажется вполнѣ возможнымъ видѣть въ приведенномъ отрывкѣ вообще отраженіе состоянія, пережитаго самимъ поэтомъ. Въ такомъ случаѣ упоминаніе о грустномъ настроеніи школьника, вызванномъ разлукой съ товарищами при выходѣ изъ учебнаго заведенія, является новымъ подтвержденіемъ защищаемаго нами положенія, что идиллію свою Гоголь написалъ по окончаніи гимназіи.

Къ стр. 44, прим. 1.

Въ послѣднее время намъ удалось достать переводъ Теряева [2]), сохранившійся въ Кіевской Публичной библіотекѣ. Сличеніе его съ идилліей Гоголя показало, что, дѣйствительно, многія мѣста „Луизы“ нашъ поэтъ воспроизвелъ очень близко въ своемъ „Г. К.“, повторяя часто даже отдѣльныя слова и обороты. Для подтвержденія этого мы приведемъ два

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 42.

[2]) Полное его заглавіе слѣдующее: „Луиза. Сельское стихотвореніе въ трехъ идилліяхъ Ивана Генриха Фосса. Переводъ съ Нѣмецкаго Павла Теряева. С. Петербургъ 1820“.

примѣра; выписать всѣ мѣста, гдѣ замѣчается близкое сходство между произведеніями нашего и нѣмецкаго поэтовъ, невозможно: ихъ слишкомъ много.

„Луиза" въ пер. Теряева.

1) Разъ на дворѣ въ прохладной тѣни двухъ липъ сплетенныхъ,
Съ Полдня которыя домъ осѣняя шумѣли надъ кровлей,
Праздновалъ добрый Пасторъ съ друзьями въ нарядномъ халатѣ,
Мирно за каменнымъ сидя столомъ на раскрашенныхъ креслахъ... (стр. 2).

2) Луиза, обращаясь къ пастору, говоритъ:
Вижу я по глазамъ, не спалъ ты, папинька милой?
Вѣрно мяука нашъ котъ, мурныча тебя безпокоилъ,
Или насѣдка моя, раскудактавшись...
Пасторъ отвѣчаетъ:
Нѣтъ! не насѣдка виной, мяука нашъ котъ не мурныкалъ. (стр. 28).

„Г. К."

На берегу, далеко вшедшемъ въ море,
Подъ тѣнью липъ, стоитъ уютный домикъ
Пастора...
И дремлетъ онъ подъ липой въ старыхъ креслахъ... (стр. 5).

Мать спрашиваетъ Луизу, почему она спала безпокойно:
Не дождь ли помѣшалъ шумливый,
Или ревущая волна?
Или пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна? (стр. 25).
Луиза отвѣчаетъ:
Нѣтъ, не мѣшалъ мнѣ дождь шумливый,
И ни ревущая волна,
И ни пѣтухъ, буянъ крикливый,
Всю ночь невѣдающій сна... (стр. 26).

Кромѣ того, сравненіе показало (какъ видно уже и изъ приведенныхъ отрывковъ), что Гоголь значительно превзошелъ свой оригиналъ въ стилистическомъ отношеніи: слогъ „Г. К." гораздо изящнѣе, хотя порой также заставляетъ желать много лучшаго.

Къ стр. 51.

Къ указаннымъ параллелямъ считаемъ не лишнимъ добавить еще одну, которая интересна въ томъ отношеніи, что защищаемая здѣсь гипотеза о времени созданія „Г. К." получила бы фактическое подтвержденіе, если бы удалось установить, что происхожденіе означеннаго ниже стиха идилліи дѣйствительно находится въ зависимости отъ приведеннаго въ параллель ему предполагаемаго оригинала.

Признавая существованіе подобной зависимости, мы приведемъ для доказательства этого свои соображенія, поскольку позволяютъ данныя, которыми мы располагаемъ въ настоящій моментъ.

Въ XIII картинѣ „Г. К.“ встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить,
Напрасно силится развить
Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ,—
Ничтоженъ трудъ безсильныхъ пытокъ [1]).

Выраженіе: „Протекшихъ дѣлъ истлѣвшій свитокъ“ настолько необычно и своеобразно, что, встрѣтивъ подобное у другого автора, невольно заподазриваешь одного изъ нихъ въ подражаніи. Дѣйствительно, въ стихотвореніи А. А. Бестужева: „Е. И. Б.....ной (въ Альбомъ)“ [2]) находимъ такія строки:

Минувшихъ дней змѣиной свитокъ [3])
Хранитъ лишь бѣдъ моихъ избытокъ.

Сходство встрѣчающагося здѣсь выраженія съ приведеннымъ выше позволяетъ съ достаточной степенью вѣроятности видѣть въ данномъ случаѣ заимствованіе, сдѣланное Гоголемъ у своего старшаго современника, тѣмъ болѣе, что въ идилліи неоднократно попадаются въ нѣсколько измѣненномъ видѣ стихи изъ произведеній другихъ поэтовъ (см. выше, стр. 50 сл.). Показавъ такимъ образомъ, что происхожденіе приведеннаго стиха „Г. К.“ съ большимъ успѣхомъ объясняется подражаніемъ выраженію, встрѣчающемуся въ названномъ стихотвореніи, намъ остается провѣрить, могъ ли Гоголь познакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ сдалъ въ типографію свою идиллію [4]). Подобная провѣрка необходима потому, что интересующее насъ здѣсь произведеніе Бестужева появилось въ печати лишь въ 1838 г. [5])

---

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 32.

[2]) Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго, часть XI, СПб 1838, стр. 133 сл.

[3]) Въ письмѣ А. Бестужева къ братьямъ отъ 24 декабря 1831 г. этотъ стихъ приведенъ въ такомъ видѣ: „Минувшихъ дней завѣтный свитокъ“; см. „Отечествен. Зап.“, т. CXXXI, стр. 45; срв. Семевскій, „А. Бестужевъ на Кавказѣ“ въ „Русск. Вѣстн.“ 1870 г., іюнь, стр. 510, гдѣ это письмо напечатано въ исправленномъ видѣ (срв. стр. 509 прим.).

[4]) Это случилось въ началѣ мая 1829 г. (см. выше, стр. 30).

[5]) Въ XI т. собр. соч. Марлинскаго, стр. 133 сл.; см. Семевскій, „А. Бестужевъ въ Якутскѣ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1870 г., май, стр. 250, прим.; срв. „Отечеств. Записки“, т. CXXXI, стр. 78, прим. 1. Ни въ одномъ изъ выдающихся періодическихъ изданій за 1829 г. намъ не удалось найти этого стихотворенія.

Съ этой цѣлью прежде всего слѣдуетъ установить время, когда Бестужевъ написалъ свое посланіе „Е. И. Б—ной".

Въ полномъ собраніи соч. А. Марлинскаго послѣднее имѣетъ въ концѣ помѣтку: „1829 года". Это единственное прямое указаніе на время его возникновенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ неточное, чтобы имъ можно было воспользоваться при рѣшеніи поставленнаго вопроса.

Зато, внимательно разсматривая письма Бестужева, нетрудно убѣдиться, что оно, вѣрнѣе всего, было создано въ началѣ 1829 года. Въ письмѣ къ братьямъ изъ Якутска отъ 25 января 1829 г. Бестужевъ говоритъ: „Прозой вовсе ничего не пишу" [1]). Дѣйствительно, происхожденіе большинства его стихотвореній, помѣченныхъ датой 1829 г., можетъ быть отнесено къ первымъ мѣсяцамъ этого года, главнымъ образомъ, къ январю и февралю [2]). Между тѣмъ изъ дальнѣйшихъ писемъ поэта, начиная съ 9 марта до отъѣзда на Кавказъ (въ іюнѣ), видно, что онъ занялся чтеніемъ книгъ научнаго содержанія [3]) и оставилъ почти совсѣмъ свои поэтическіе опыты [4]); въ виду этого очень сомнительно, чтобы стихотвореніе „Е. И. Б—ной" могло быть написано въ теченіе этого періода [5]).

То же самое можно сказать и о первомъ времени пребыванія на Кавказѣ (до конца 1829 года): Бестужевъ явился сюда, ободренный надеждой на измѣненіе своей участи [6]), а между тѣмъ во многихъ строкахъ его произведенія слышится глубокая печаль. Кромѣ того, это произведеніе совер-

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1870 г., май, стр. 250; срв. также конецъ письма отъ 25 февраля (стр. 251 сл.).

[2]) Тамъ же, стр. 250 прим.; срв. также письма отъ 26 января и 25 февраля: въ первомъ изъ нихъ авторъ говоритъ о посылкѣ матери стихотворенія „Финляндія", во второмъ—„Черепъ" и „Тостъ".

[3]) Тамъ же, стр. 252 сл.

[4]) Въ письмѣ отъ 9 марта онъ прямо заявляетъ: „Иногда я осмѣливаюсь писать, но только прозой" (тамъ же, стр. 252).

[5]) Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что стихотвореніе „Осень" было написано въ апрѣлѣ, а „Шебутуй"—въ маѣ 1829 г., какъ видно изъ помѣтокъ. Срв. также „Русскій Вѣстникъ" 1870 г., май, стр. 254.

[6]) „Русскій Вѣстникъ" 1870 г., май, стр. 263: іюнь, стр. 493, 497.

шенно не говорить о Кавказѣ [1]), чего мы въ правѣ ожидать, разъ оно было бы написано во время пребыванія его автора въ названной странѣ: Кавказъ такъ сильно поразилъ Бестужева, что онъ разсказываетъ о немъ почти въ каждомъ письмѣ [2]).

Выяснивъ такимъ образомъ, что стихотвореніе „Е. И. Б—ной", скорѣе всего, возникло въ началѣ 1829 г., когда Бестужевъ жилъ еще въ Якутскѣ, остается показать, какъ оно могло сдѣлаться доступнымъ Гоголю.

Исходнымъ пунктомъ въ рѣшеніи поставленнаго вопроса можетъ служить имя того лица, которому оно было написано. Несомнѣнно, это была жена извѣстнаго журналиста Ѳ. В. Булгарина; на это указываетъ какъ самое заглавіе (Е. И. Б—ной обозначаетъ: Еленѣ Ивановнѣ [3]) Булгариной), такъ и тотъ фактъ, что Бестужевъ „до ссылки былъ очень друженъ и близокъ" съ ней [4]).

Можно думать, что стихотвореніе сейчасъ послѣ написанія было отправлено означенной особѣ: оно являлось, какъ видно изъ нѣкоторыхъ

---

[1]) Правда, здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Тогда, покоренъ вашей волѣ,
На Арзерумскаго пашу
Въ 15 пѣсенъ—даже болѣ
Я эпопею напишу (стр. 135).

Но это мимолетное упоминаніе объ „Арзерумскомъ" пашѣ не можетъ служить доказательствомъ въ пользу того предположенія, что наше стихотвореніе возникло на Кавказѣ: такое упоминаніе могло явиться подъ вліяніемъ совершавшихся тамъ событій, о которыхъ былъ хорошо освѣдомленъ Бестужевъ еще во время пребыванія въ Сибири; срв. его письмо къ брату Павлу, („Русскій Вѣстникъ" 1870 г., май, стр. 259) и матери (тамъ же, стр. 261 сл.).

[2]) „Русскій Вѣстникъ" 1870 г., іюнь, стр. 493 сл.; см. также „Письмо доктору Эрману" (Русскіе повѣсти и разсказы А. Марлинскаго, ч. III, СПб. 1838, стр. 219 сл.).

[3]) Таковы были имя и отчество жены Булгарина; см. Гречъ, „Ѳ. В. Булгаринъ" въ „Русской Старинѣ" 1871 г., т. IV, стр. 506.

[4]) „Отечественныя Записки", т. CXXX, стр. 145; срв. „Записки декабриста М. А. Бестужева" въ „Русской Старинѣ" 1881 г., ноябрь, стр. 610; также „Русскій Вѣстникъ" 1870 г., май, стр. 219.

встрѣчающихся въ немъ намековъ, отвѣтомъ на просьбу прислать что-либо въ альбомъ [1]).

Попавъ въ домъ Булгарина, стихотвореніе Бестужева легко могло получить широкую извѣстность въ публикѣ; этому способствовало и положеніе Булгарина, игравшаго видную роль въ тогдашней журналистикѣ, и популярность имени самого автора. Ничего нѣтъ невозможнаго, что оно между прочимъ могло стать достояніемъ кружка друзей Гоголя и его самого.

Такимъ образомъ, вполнѣ вѣроятно, что Гоголь, познакомившійся съ стихотвореніемъ Бестужева еще въ первой трети 1829 г., ввелъ случайно его своеобразное выраженіе въ ту часть своего произведенія, которую онъ тогда создавалъ.

Если приведенныя соображенія вѣрны, то въ такомъ случаѣ фактически подтверждается наше предположеніе, что „Г. К." былъ оконченъ Гоголемъ по переселеніи въ Петербургъ: XIII картина, гдѣ встрѣчается стихъ, о которомъ мы все время говорили, только тогда и могла быть написана, хотя при окончательной переработкѣ и была помѣщена на занимаемое ею теперь мѣсто, между картинами, сочиненными еще въ деревнѣ (см. выше, стр. 30, прим. 1); кромѣ того, такъ какъ она по своему настроенію (срв. тамъ же) очень тѣсно примыкаетъ ко второй части идилліи (карт. XVII и XVIII), то отсюда вытекаетъ, что и возникновеніе послѣдней относится къ этому же времени.

---

[1]) Это подтверждаетъ приписка къ заглавію: „въ Альбомъ" и слѣдующіе стихи:

Зачѣмъ меня въ тяжеломъ снѣ
Тревожатъ лестныя велѣнья?
и далѣе: Зачѣмъ, зачѣмъ же вы желали
Мнѣ сердце пробудить опять!
Въ свои летучія скрижали
Мою кручину записать? (стр. 133).

II. Къ статьямъ В. А. Чаговца.

1.— Затянувшееся печатаніе настоящаго Сборника отодвинуло на цѣлый годъ выходъ его въ свѣтъ; а за это время успѣло многое измѣниться и, быть можетъ, кое-что изъ написаннаго въ юбилейномъ году для данной минуты является устарѣлымъ и даже невѣрнымъ. Обнародованіе нѣкоторыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, матеріаловъ можетъ существеннымъ образомъ измѣнить тотъ или иной взглядъ на предметъ и, во всякомъ случаѣ, вызвать у читателя недоумѣніе. Изъ статей, посвященныхъ памяти Гоголя, я долженъ указать на помѣщенную въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1902 годъ, принадлежащую перу г. Щеголева: „Отецъ Гоголя“, гдѣ приводятся нѣкоторыя данныя, находящіяся въ полномъ противорѣчіи съ сообщаемыми мною свѣдѣніями (*Семейная хроника Гоголей*) объ отцѣ Гоголя, Василіи Аѳанасьевичѣ.

Мы не имѣемъ основанія не вѣрить автору въ томъ, что его сообщенія основаны на документальныхъ данныхъ, но эти документы нельзя не признать иногда ложными, такъ какъ заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія зачастую противорѣчатъ истинѣ и даже здравому смыслу. Имѣетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, raison d'être такой документъ, гдѣ говорится о служебномъ поприщѣ, отмѣченномъ цѣлымъ рядомъ отличій, которое проходилъ отецъ поэта, Василій Аѳанасьевичъ, *еще до своего рожденія* (т. е. 1770 г. при полковой Миргородской канцеляріи, 1772 г. участіе въ Крымскомъ походѣ, 1774 — 1781 — цѣлый рядъ служебныхъ дѣяній, за которыя былъ награжденъ чиномъ войскового товарища, *), *тогда какъ онъ родился, по совершенно точнымъ даннымъ, въ 1777 году!*).

*) См. „Ист. Вѣстн.“ 1902 г. Февраль, стр 667 и слѣд.

Если эти данныя заимствованы изъ копіи документа, то слѣдуетъ считать копію неточной; если же изъ подлиннаго документа, какъ говоритъ авторъ статьи, то необходимо считать таковой подложнымъ и не стараться такъ или иначе объяснять эти явленія, противорѣчащія здравому смыслу. Не болѣе справедливымъ намъ кажется сообщеніе о томъ, что того-же Василія Аѳанасьевича, „который намъ значковымъ товарищемъ служилъ, для его оказанной къ службѣ нашей ревности и примѣрности въ наши корнеты 1787 г., Ноября 27 дня пожаловали и учредили“ *)—т. е. десятилѣтняго отрока наградили чиномъ корнета (!) за извѣстныя отличія по службѣ.

Г. Щеголевъ самъ считаетъ „страннымъ“ такое награжденіе для 7—8 лѣтняго мальчика (по его хронологіи); но далѣе онъ напоминаетъ читателямъ, что это происходило въ XVIII вѣкѣ, когда примѣры, подобные этому, бывали многочисленны! Автору кажется, что этимъ напоминаніемъ устраняются недоразумѣнія; но намъ, къ сожалѣнію, этого не кажется, и мы желали-бы болѣе критическаго отношенія къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ.

Дѣло же объясняется просто: всѣ эти свѣдѣнія, которыя авторъ относитъ къ жизни Василія Аѳанасьевича, въ дѣйствительности касаются не отца поэта, а его *дѣда*, Аѳанасія Демьяновича, служба котораго прошла именно въ такомъ порядкѣ, какой указанъ г. Щеголевымъ для отца поэта. Въ нашей статьѣ „Семейная хроника Гоголей“, основанной на имѣющихся въ нашимъ рукахъ подлинныхъ документахъ, найденныхъ нами въ семейномъ Гоголевскомъ архивѣ, на стр. 27 и слѣд. приводятся данныя о дѣдѣ Гоголя, совпадающія съ приводимыми авторомъ; несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ годовъ должно быть всецѣло отнесено на неисправность тѣхъ документовъ, которые имѣлись подъ руками у автора, въ точности которыхъ читатель могъ уже убѣдиться.

Не имѣя возможности выпутаться изъ лабиринта противорѣчій, авторъ говоритъ: „Впрочемъ, вопросъ о службѣ Василія Аѳанасьевича не имѣетъ значенія: всё равно, вѣдь онъ служилъ только номинально“.

Если вопросъ не имѣетъ значенія, то его не слѣдовало-бы и подымать; но объ этомъ не всѣ одинаковаго мнѣнія; что-же касается того, что служба, обозначенная въ цитируемыхъ авторомъ документахъ, была только номинальною—то и на это у насъ, какъ и у автора, нѣтъ ровно никакихъ данныхъ.

*) Ibidem.

Вообще, какъ видимъ, статья г. Щеголева, не давая ничего новаго объ отцѣ поэта, можетъ только вызвать цѣлый рядъ недоумѣній у пытливаго читателя. Не касаясь ея болѣе, мы лишь вынуждены были остановиться на тѣхъ мѣстахъ, которыя находятся въ противорѣчіи съ сообщаемыми нами свѣдѣніями.

2.—Къ статьѣ „*Страничка изъ жизни Гоголя*". Въ текстѣ реставрированнаго отрывка изъ письма правильнѣе будетъ читать 1-ую и 2-ую строчки такимъ образомъ: „по всему Вашему письму видно", а не „по всей вѣроятности, какъ изъ письма Вашего видно"... (стр. 57), такъ какъ отъ слова *всему* сохранилась, кромѣ 3-хъ первыхъ буквъ, нижняя часть буквы *у*, на что раньше не было обращено вниманія.

3.—Къ статьѣ „*Письмо по поводу смерти Вас. Аѳан.*" (стр. 47) слѣдуетъ прибавить, что стихотворенія дяди поэта, Ивана Косяровскаго), были даже напечатаны. Мы видѣли два экземпляра поэмы „Нина", при чемъ на одномъ изъ нихъ значилось, что книга подарена авторомъ своему племяннику Никошѣ; къ сожалѣнію, во второе наше посѣщеніе Яновщины намъ не удалось разыскать этого интереснаго экземпляра. Что касается самой поэмы, или „стихотворной повѣсти", какъ ее назвалъ самъ авторъ, то она представляетъ столько интереснаго, что было-бы весьма желательнымъ сдѣлать ее извѣстною читающей публикѣ, имѣя, конечно, въ виду наши цѣли: представить въ возможной полнотѣ ту среду, ту поэтическую атмосферу, въ которой росъ нашъ поэтъ. Въ отношеніи легкости стиха эта поэма для своего времени (1826 г.) можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими образцами, во главѣ которыхъ стоятъ, конечно, произведенія Пушкина. Вотъ для примѣра нѣсколько строчекъ:

Въ тринадцать лѣтъ ужъ Нина знала,
Что всѣхъ подругъ она милѣй,
Но самолюбье осуждала
Въ душѣ младенческой своей,
Не зная силы впечатлѣнья,
Она любила—не любя;.....
. . . . . .
Восторги первыхъ юныхъ лѣтъ
Живутъ въ одномъ очарованьи:
На поцѣлуѣ, на признаньи
Предѣлъ желаньямъ. Страсти нѣтъ,

И образъ, на душѣ носимый,
Сотрется вскорости инымъ:
Такъ исчезаетъ легкій дымъ,
Въ лазури вѣтрами гонимый (стр. 4-5).

Появленіе молодого разочарованнаго юноши внесло тревогу въ душу молодой дѣвушки:

Не любитъ праздниковъ она,
Замѣтно сдѣлалась блѣдна,
И часто къ ней тоска приходитъ:
Какъ звѣздочка на небо всходитъ —
На бирюзовые глаза
Найдетъ алмазная слеза....
Нежданный другъ! зачѣмъ явился
Ты бѣдной Нинѣ къ грусти злой?
Зачѣмъ, зачѣмъ твой взглядъ нѣмой
На ней, какъ лучъ остановился?
Зачѣмъ задумчивъ ты при мнѣ
И холоденъ, какъ мѣсяцъ дальній
На синемъ небѣ въ вышинѣ,
Всегда безмолвный и печальный (стр. 19-20).

Юноша подъ командой Ермолова на Кавказѣ; смертельно раненый, онъ пишетъ Нинѣ полное грусти и глубокаго чувства письмо, въ которомъ вспоминаетъ о быломъ, о дружбѣ и т. д.

Нина получила это письмо отъ умирающаго друга, и всё въ ней измѣнилось.

Звѣзда вечерняя взошла,
День угасалъ, лазурь синѣла,
Луна на облако легла,
И въ мракѣ на закатъ глядѣла....
Тогда недвижна и блѣдна,
Какъ очарована мечтою,
Сидѣла Нина у окна.
Казалось, что уста молились...
Бѣлѣло что-то передъ ней,
И слёзы съ голубыхъ очей
На грудь стѣсненную катились....

Уныніе съ тѣхъ самыхъ поръ
Нигдѣ не оставляло дѣвы....
Ея задумчивые взгляды,
Какъ томные лучи лампады,
Сіяли кротостью своей,
Не для любви—для состраданья
И угасала такъ она
Безъ радости, безъ упованья,
Какъ утромъ блѣдная луна.... (42).

Думаю, что этихъ стиховъ достаточно, чтобы судить о стилѣ дяди нашего поэта и его лучшаго друга во дни мечтательной юности.

4.—Наши замѣтки мы должны закончить печальнымъ извѣстіемъ.

Въ то время когда мы готовились къ юбилею нашего поэта, скончались старики Юрченки—бывшіе слуги его, о которыхъ мы говорили въ своей статьѣ *„На родинѣ Гоголя“*. По случайному совпаденію, Петръ Юрченко умеръ наканунѣ юбилея своего бывшаго барина, пережившъ свою супругу Анастасію на нѣсколько дней.... Миръ ихъ праху!

19 Февраля 1903 г.

В. Цаговецъ.

III. Къ статьѣ Г. В. Александровскаго:

„Гоголь и Бѣлинскій".

Послѣ напечатанія статьи появилось двѣ новыхъ работы, посвященныхъ выясненію личныхъ отношеній къ Гоголю Бѣлинскаго и разбору его статей о произведеніяхъ великаго русскаго юмориста. Одна изъ нихъ принадлежитъ г. Ашевскому („Гоголь и Бѣлинскій", „Образованіе" за 1902 г., №№ 2, 3 и 4), другая—г. Шенроку („Гоголь и Бѣлинскій", „Міръ Божій" за 1902 г., № 5).

Г. Ашевскій, авторъ нѣсколькихъ любопытныхъ изслѣдованій объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ различнымъ русскимъ писателямъ, дѣлаетъ въ своей статьѣ довольно полный сводъ критическихъ отзывовъ Бѣлинскаго о дѣятельности Гоголя, разсмотрѣвъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и выяснивъ причины тѣхъ или иныхъ характерныхъ особенностей въ этихъ отзывахъ; одновременно съ этимъ онъ останавливается и на личныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Гоголя, а также касается взглядовъ на дѣятельность этого послѣдняго современной критики. Статья г. Ашевскаго написана съ полнымъ знаніемъ дѣла и отчасти пополняетъ тотъ пробѣлъ, который замѣчался до сихъ поръ въ изслѣдованіяхъ о Гоголѣ и Бѣлинскомъ.

Небольшая (13 страницъ) статья г. Шенрока имѣетъ цѣлью, главнымъ образомъ, выяснить конфликтъ между Гоголемъ и Бѣлинскимъ, вызванный „Перепиской съ друзьями". Г. Шенрокъ пытается доказать, что Бѣлинскій былъ правъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ „по существу", но весьма ошибался, утверждая, что Гоголь былъ неискренен въ своей книгѣ. Одновременно съ этимъ г. Шенрокъ доказываетъ, что Гоголь вовсе не

былъ крѣпостникомъ, какъ это утверждалъ Бѣлинскій. Статья г. Шенрока, несмотря на несомнѣнную богатую эрудицію автора, изучившаго лучше, чѣмъ кто-либо другой, Гоголя, не даетъ однако ничего существенно новаго въ выясненіи личныхъ отношеній Гоголя и Бѣлинскаго.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

16

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Выпускъ I—III.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Р. К. Лубковскаго, Б.-Владимірская улица, № 49.
1902.

Оглавленіе.

Кн. XVI, вып. 4-й.

Отдѣлъ I.

Стр.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ ноября 1901 г. по мартъ 1902 г. включительно 1

Сокращенное изложеніе сообщеній:

О семьѣ Борецкихъ въ Новгородѣ и о Маревѣ-посадницѣ—*В. С. Иконникова* 2
О княжеской діадемѣ и бармахъ—*Н. И. Петрова* . . 3
О дѣленіи Византійской имперіи на ѳемы—*Ю. А. Кулаковскаго* 4
Декабристъ С. Д. Волконскій и его записки—*Н. П. Василенка* 6
Записка готскаго топарха—*Ю. А. Кулаковскаго.* . . 12
Взглядъ М. М. Сперанскаго на систему государственнаго управленія—*М. В. Довнаръ-Запольскаго* . . 15
О дневникѣ и депешахъ герцога Лирійскаго—*В. К. Пискорскаго* 17
Высшее начало, положенное въ основу западно-русскихъ братствъ, и причины стремленія послѣднихъ къ ставропигіальности—*В. З. Завитневича* . . . 24
О русскихъ былинахъ и „сказителѣ“ ихъ И. Т. Рябининѣ—*Н. П. Дашкевича* 29
Русскія былины въ ихъ прошломъ и настоящемъ—*А. М. Лободы* 30

Отдѣлъ II.

Рыцарство на Руси—въ жизни и поэзіи. II.—*Н. П. Дашкевича* 14
Счисленіе суточнаго времени въ Западной Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв.—*М. Н. Ясинскаго*. . 24

Отдѣлъ III.

Стр.

Гетманскіе универсалы о Кіевскомъ городскомъ хозяйствѣ (1677—1719 гг.)—Сообщилъ *А. М. Лазаревскій* . . . 73
Свидѣтельство стародавнихъ людей—Сообщилъ *В. А. Чаговецъ* 84
Письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь (1859—1863).—Сообщилъ *В. А. Чаговецъ* 102

Отдѣлъ V.

Библіографическія рѣдкости—*А. И. Соболевскаго* . . 51
Н. М. Карамзинъ, какъ авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“—*П. В. Голубовскаго* 55
„Письма русскаго путешественника“—*А. М. Лободы* 62
Основная идея труда Н. М. Карамзина и его воспитательное значеніе—*В. З. Завитневича* 75
Л. Ранке о Н. М. Карамзинѣ—*В. С. Иконникова* . . 77
Извѣстіе о новыхъ книгахъ—*М. Д.—З.* 78

Приложеніе.

О древностяхъ Константинополя.—*Гавріила Ласкина* 65—96

Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначитель номъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к.
„ VI-й „ „ 3 р. 50 к.
„ II, VII, IX, XIII „ „ 3 р.
„ VIII, X, XI „ „ 2 р.
„ XII „ „ 4 р.
„ XIV, вып. 1— „ 1 р. 25 к.
„ — „ 2 и 3— „ 1 р. 40 к.
„ XV, —„ 1, 2, 3 и 4 „ 1 р. 50 к.
„ XVI,—„ 1—3 (Гог. сб.) „ 4 р. 50 к.

} каждая. } съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“.** Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-Лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности **1 руб. 50 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL STUDY
CHARGE
CANCELLED
MAR 30 1992
MAR 16 1992
BOOK DUE
STALL STUDY
CHARGE
CANCELLED